

63.3(2)46
947

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

А. ЯКОВЛЕВ

ХОЛОПСТВО
И ХОЛОПЫ
В МОСКОВСКОМ
ГОСУДАРСТВЕ
XVII в.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

АКАДЕМИИ НАУК СССР

1948

2019

712088

№ 03

ОБЩ. КОММУНАЛЬНО-ХОЗЯЙСТВ. СЛУЖБЕ

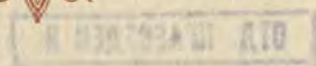
АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

А. Я К О В Л Е В

ХОЛОПСТВО и ХОЛОПЫ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ XVII в.

ПО АРХИВНЫМ ДОКУМЕНТАМ ХОЛОПЬЕГО
И ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗОВ, ОРУЖЕЙНОЙ
ПАЛАТЫ И РАЗРЯДА

Том I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА - ЛЕНИНГРАД

1943

✓
Я 47

63.3(2)46

*Удостоена Сталинской премии
второй степени*

ОТД. ИРЯВЕДЕН. Я

ok кр(эк)

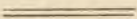
842
712088

Центральная Городская
Публичная библиотека
им. Н. А. Некрасова

ОТ АВТОРА

Выпускаемый ныне в свет многолетний труд, посвященный изучению древнерусского холопства, выходит в самую знаменательную годину русской истории, когда под гениальным водительством Великого Вождя Русской земли Маршала Советского Союза И. В. Сталина доблестные армии народов СССР героически отражают предательское нападение злобных врагов нашей Родины. Да послужит моя скромная работа одним из бесчисленных симптомов того, что, отбивзя мощными контрударами обрушившийся на нас свирепый натиск, мы в то же время ни на минуту не ослабляем творческой работы даже в такой далекой от фронтовых заданий области, как историческое архивное исследование, посвященное векам, давно минувшим.

— «Несбыточное то дело, что людей продавать!» —

Холоп Моисей Рылеев

— «А сыну своему своих кабальных холопей я
и дать и взять волен!» —

Дьяк Григорий Волков

— «Не вели, государь, такова образца мною,
холопом своим, учинить, чтобы вперед неповадно
было иным нашим холопом от нас от холопства
оттягиваться!» —

Дворянин московский Увар Лодыгин

(См. текст исследования гл. VI, стр. 288)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение истории древнерусского холопства вызвало появление ряда интересных и весьма ценных историко-юридических исследований, между авторами которых мы встречаем такие имена, как Б. Н. Чичерин, В. О. Ключевский, В. И. Сергеевич, М. А. Дьяконов, А. С. Лаппо-Данилевский. Но исследование этой темы по необходимости было сосредоточено почти исключительно на интерпретации норм договорного и указного права, разбросанных редкими вехами на всем громадном протяжении от X до XVII вв. Существенным дополнением к этому очень небогатому материалу были записные кабальные книги, изданные в разное время Н. В. Калачовым, С. Ф. Платоновым и А. С. Лаппо-Данилевским. Поскольку научная работа вращалась в кругу отвлеченных нормативных вопросов, внимание исследователей было, естественно, направлено на истолкование смысла отдельных правовых статей и на вскрытие их связи и соотношения, а такая постановка оставляла в тени житейскую, бытовую и социально-динамическую стороны предмета. Между тем только освещение этих сторон могло объяснить появление или исчезновение тех или иных правовых норм и объяснить их подлинную житейскую роль, часто совершенно неразличимую позади сухой и холодной отвлеченной правовой формулы. Эти недостатки или, лучше сказать, условности историографического подхода к делу во многом зависели именно от почти полного отсутствия сведений о фактическом положении холопства на протяжении целых семи столетий, потому что по разрозненным, отрывочно попавшим в печать фактам вскрыть эту реальную сторону дела было даже невозможно.

Автору настоящей работы посчастливилось напасть на архивное наследие ведавшего холопскими делами в XVII в. Холопьяго приказа, разбросанное в виде столбцов и книг в составе бумаг Оружейной палаты между документами б. Архива Министерства императорского двора. Хотя архив Холопьяго приказа и оказался далеким от полноты, — напомним, что документы его очень пострадали во время Стрелецкого движения 1682 г., — все же он насчитывает не одну сотню иногда весьма объемистых столбцов и открывает возможность заглянуть не только в интимную бытовую сторону холопских отношений, но вскрыть и понимание людьми XVII в., — следовавшими, конечно, логике свих отцов и дедов XV—XVI вв., — действия указных и обычных правовых норм холопьяго права. Благодаря этому материалу мы можем получить юридический комментарий по вопросам холопьяго юриспруденции как со стороны того, кто стоял перед холопьям трибуналом

в качестве истца или ответчика, так и того, кто восседал на этом трибунале в качестве судьи.

Опираясь на вновь изученный архивный материал, автор отважился на попытку истолковать смысл юридической постановки норм холопского кабального права несколько иначе, чем это делали прежние исследователи, и взять эти нормы в их живом развитии в связи с той житейской обстановкой, среди которой они зарождались, росли и славились. Такой подход открыл возможности для более реалистического освещения, — сравнительно с прежним, преимущественно юридическим, — смысла и эволюции норм холопского права не только в XVII в., но ретроспективно даже и в предшествующую эпоху. Для такого реалистического подхода к нашей теме весьма существенным было одно-временное с исследованием документов Приказа холопского суда отыскание новгородских кабальных книг с 1591 по 1609 г., ныне частично уже изданных и, на всем своем протяжении, включая и неизданный пока материал, нами статистически обработанных.

Исследованный архивный материал освещает правовые концепции холопского права, приемы постановки и решения людьми XVII в. юридических вопросов, возникавших около холоповладения, и бросает свет на фактическое социальное и экономическое положение холопства в Московском государстве в эпоху царей Михаила и Алексея.

Для того чтобы ориентироваться в ряде заданий, возникающих при изучении столбцов Приказа холопского суда, изучающий этот материал наблюдатель должен был выработать известное общее понимание истории холопства в русских условиях вообще и для этого углубиться в далекое прошлое X и XI столетий н. э., так как основные концепции холопского права сложились именно в эпоху Ярослава и Ярославичей. Захватывая период более чем в пятьсот лет, очень скудно освещаемый историческими памятниками, исследователь неизбежно должен был выбрать для характеристики лишь те моменты, которые он считал динамически наиболее важными и наиболее показательными для понимания эволюции холопства. Пересмотр вопросов по истории холопства на этом громадном промежутке времени заставил его быть по возможности кратким, дабы не загромождать очерка, имеющего лишь вводный характер по отношению к главному фокусу темы — XVII в. Автору пришлось однако войти в некоторые совершенно специальные подробности, нарушающие общий характер изложения в этой вводной I главе, и он был вынужден развертывание аргументации вынести из текста работы в Прибавления (числом 8).

В главе II автор изучает вновь открытый и частью опубликованный архивный материал и дает статистическое исследование новгородских закабалений, порывая с импрессионистскими приемами изображения не только новгородских, но и общемосковских голодов 1601—1603 гг., унаследованными еще от современников этих явлений.

В III главе, посвященной изучению юридической структуры холопства в условиях XVII в., автор остановился на трех мотивах, наиболее усердно развиваемых сторонами в борьбе за холопов, — на холопьем старине, на холопах-супругах и на холопах-детях, — стараясь вскрыть давление со стороны владельцев на скудные и рыхлые правовые ограды и регулятивные нормы, нерешительно вдвигавшиеся в боярско-дворянский двор от имени вотчинно-хозяйственного московского самодержавия. Задача автора состояла в том, чтобы на место умозрительных и, вообще говоря, довольно верных, но верных только дедуктивно, характеристик поставить реально-исторические определения и установки, почерпнутые из подлинного исторического материала.

Центром своей работы автор считает вскрытие реальной картины взаимоотношений между господами и холопами, чему он и отвел три главы — IV, V и VI, где с разных точек зрения трактуется эта тема

классовых отношений, поскольку они поддались уяснению на основании материалов архива Холопьяго приказа и других документов, изученных автором. Как относительно ни богат этот материал, охватывающий более 150 сохранившихся судебных дел, 14 кабальных книг, около 1200 явок и т. д., исследователь тем не менее испытывал на каждом шагу досаду по поводу того, что материал этот все же недостаточен, особенно, когда на глаза ему в архиве попадались составленные подьячим Холопьяго приказа полные реестры тяжёбных дел, в Приказе разбиравшихся, но до нас не дошедших.

Общей установкой в нашей работе служили всем известные методологические указания товарищей Сталина, Кирова и Жданова по вопросам изучения истории, сыгравшие огромную роль в развитии советской исторической науки.

Эти указания нашли свое блестящее подтверждение в «Кратком курсе истории ВКП(б)»: «...Историческая наука, если она хочет быть действительной наукой, не может больше сводить историю общественного развития к действиям королей и полководцев, к действиям «завоевателей» и «покорителей» государств, а должна, прежде всего, заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов»¹. Во всех своих работах² автор всегда стремился руководствоваться приемами классового анализа, но указания «Краткого курса истории ВКП(б)» помогли ему в его научно-исследовательской работе применить эти приемы более уверенно.

Проф. С. Б. Веселовского автор благодарит за разрешение обращаться к собранию его копий с архивных документов, З. Е. Аллендсрф и Л. В. Черепнина — за редакционные поправки.

Автор использовал в своем исследовании следующие архивные фонды ГАФКЭ: 1) архив быв. Оружейной палаты, вобравший в себя и архив Холопьяго приказа, 2) архив так называемых Приказных дел старых лет (из состава быв. архива Посольского приказа, потом Министерства иностранных дел), цитируемый в сносках П. Д. С. Л. с указанием года и № дела, и 3) архив Разряда (быв. архив Министерства юстиции) с указанием соответствующего стола делопроизводства и № дела.

¹ История ВКП(б), Краткий курс, стр. 116.

² С точки зрения классовой эволюции московского общества нами изучались податная система в Московском государстве в работе «Приказ сбора ратных людей» (М., 1917) и система оборонительных сооружений Московского государства в работе «Засечная черта Московского государства в XVII в.» (М., 1916). Постановка изучения истории холопства в связи с изучением классовой эволюции в Московском государстве скрепляет этот наш труд с двумя вышеназванными.

ГЛАВА I

ЭВОЛЮЦИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ХОЛОПСТВА В X—XVI вв.

(Опыт общей характеристики основных моментов социально-динамического развития холопства)

§ 1. АНТИЧНЫЙ МИР, ВИЗАНТИЯ И СЛАВЯНЕ

За четыре с половиною века до н. э. Геродот¹ дал нам характерную картину рабовладельческого уклада, встреченного им в Скифии. Хотя некоторые подробности о быте Скифии, им сообщаемые, и являются сказкой, фон его рассказа вполне реален: перед нами — скифы завоеватели и скифы завоеванные, скифы, берущие дань, и скифы, ее платящие, скифы порабитители и скифы порабощенные. Беглыми, но выразительными штрихами «отец истории» рисует хозяйство, ведущееся руками рабов, их восстание и усмирение; эпически спокойно повествует о выкалывании у некоторых категорий рабов глаз ради технических удобств эксплуатации и т. д. Реально очерчены Геродотом и взаимоотношения двух разных групп скифов: политически организованные (так называемые «царские») скифы своими налетами держат в порабощении успевших осесть и перейти к земледельческому хозяйству скифов-пахарей, обосновавшихся на среднем Днепре в районе будущих «земель» Киевской, Черниговской, Смоленской. Это не только географические предшественники, но, вероятно, и предки по крови полян, северян, древлян и других племен, описываемых впоследствии нашей Начальной летописью.

Скифия (будущая Новороссия) в течение многих столетий служила поставщицей рабов для всего античного мира от Индии до Гибралтара, а может быть, и дальше. Рынки Средиземного моря, как мы узнаем из показаний многочисленных исторических источников, были наполнены скифскими рабами уже в эпоху Сократа и Платона. Таковы в античные времена торжища на островах Кипре, Самосе, особенно Делосе, и в городах Эфесе и Сардах. В 309 г. до н. э. в Аттике было 400 000 рабов на 150 000 граждан. Из эпиграфики мы знаем, что в состав этих рабов входили арабы, сирийцы, евреи, фракийцы, иллирийцы, армяне и т. д., но особенно много было среди них скифов из Южной России.

Как известно, из скифов состояла афинская наружная полиция (так называемые токсоты или стрелки), находившаяся на содержании Афинской республики. Снисходя к степным кочевым привычкам этих скифов, афиняне позволяли им даже жить на городских площадях в палатках.

¹ Геродот. История, кн. IV, гл. 2—4.

В римскую эпоху раб с Дуная, Днестра или Дона — хорошо знакомая фигура на рабовладельческом базаре. Он ценился ниже, чем рабы эллины или сирийцы, но по своей физической силе и выносливости имел постоянный и хороший спрос. Спрос на скифских рабов не прекратился и в эпоху Византийской империи, как не иссякло тогда и предложение скифских невольников на рынке. Римско-византийские юристы ставили и разрешали трудные вопросы, связанные с рабовладением в сложных условиях византийского уклада жизни.

В течение пятнадцати столетий на памяти истории, от V в. до н. э. и до X в. н. э., северные, западные и восточные берега Понта Эвксинского играли роль африканских Невольничьего и Золотого Берегов XVI—XIX вв. Скифские князьки и царьки, — особенно повелители более значительных политических образований, вроде государства «царских скифов» Геродота, — занимались, очевидно, ловлей своих более диких и слабых соседей, живших в глубине материка. Они устраивали облавы на них, наподобие экспедиций, совершавшихся для европейских и американских скупщиков черного товара негритянскими князьками и султанами нового времени. Сбывался этот товар греческим, арабским, еврейским, римским, гуннским, венецианским, турецким и т. д. работорговцам, перепродававшим его затем на месопотамских и средиземноморских рынках. Главным предметом предложения и спроса были обычно пленные женщины. Так же шла в те времена охота за рабами на побережье Каспийского моря и вдоль рек Волги, Камы и Оки.

В X в. работорговля имеет здесь вполне оформленный характер. Главные роли распределены в ней между русскими князьями, владыками Поднепровья, и византийскими потребителями невольничьего товара. Положение изменилось только в том смысле, что восточные славяне, не так давно бывшие рыночным товаром, теперь, под главенством своих князей Олега и Святослава, выступают на византийском рынке работорговли уже в качестве сильной торгующей, продающей, а не продаваемой стороны.

Спустя 900 лет после Геродота автор произведения, приписываемого императору Маврикию (582—602 гг.), при котором начался энергичный натиск славян на византийские пределы, сообщает, что славяне держат своих рабов не вечно, а лишь в течение известного срока, по миновании которого предоставляют им право или выкупаться на свободу, или оставаться среди бывших хозяев уже на положении свободных и друзей.

Имп. Константин Багрянородный, живший лет на 300 позднее только что упомянутого автора, изобразил картину движения рабсладельческих караванов вниз по Днепру. «...Затем они приходят к четвертому порогу, — рассказывает Константин, — великому, называемому по-русски Эйфарь, по-славянски же Неясыть, потому что в скалах его водятся совы. Все суда пристают к этому порогу; из них выходят люди, избираемые для содержания стражи, и становятся на притинах. Опасаясь печенегов, они содержат стражу с большою осторожностью. Остальные же выносят из судов вещи, выводят скованных невольников и ведут их берегом на расстоянии 6000 шагов, пока не минуют порога. Затем суда свои они частью перетаскивают, частью переносят на руках до противоположной стороны порога. Там они спускают их снова в реку, садятся в них со всем товаром и плывут далее».

От той же, примерно, эпохи идут повествования арабских путешественников Ибн-Фадлана и Ибн-Руста. Прочтем почти современное Константину свидетельство Ибн-Фадлана. «Я наблюдал руссов, повествует он, когда они прибыли по своим торговым делам и расположились на реке Атилъ (т. е. Волге — А. Я.) Я никогда не видал людей с более совершенным сложением, чем руссы. Стройностью они подобны пальмам и имеют румяные, цветущие лица. Руссы не носят ни курток ни

кафтаны, а перекидывают через одно плечо плащ, набрасываемый так, что одна рука остается свободной. У каждого русса имеются секира, меч и нож, с которыми он никогда не расстается».

Другой арабский путешественник, Ибн-Руста, пишет про представителей племени Русь: «Они мужественны и храбры и, когда нападают на другой народ, то не отстают, пока не уничтожат его всего; женщинами побежденными пользуются сами, а мужчин обращают в рабство».

В обоих договорах с греками (911 и 945 гг.) одна и та же картина. Главный интерес, поскольку речь идет о стогнах Византии, — выведение на рынок и продажа челяди. Челядь норовит, по выражению договоров, «ускочить», то и дело, повидимому действительно «ускакивает», и ее приходится потом ловить по константинопольским трущобам, где «усрядить» (поймать) ее было не так-то легко.

В рассказе Фадлана перед нами открывается яркая картина того, как все эти Фарлафы, Вуефасты, Руальды и Каницары договоров с греками выводят свой товар на невольничьи рынки на Волге, на Тигре или на берегу Золотого Рога. Описав исключительную нечистоплотность руссов, Фадлан повествует, как эти «грязнейшие из тварей Аллаха», прибыв из своей страны (в данном случае откуда-то со Среднерусской равнины), причаливают на берегу большой реки Атиль, строят сколо места остановки большие дома из дерева, нечто вроде барачков или казарм, в которых и поселяются артелями человек по 10 и даже по 20 вместе со своими невольниками и невольницами. Из таких казарм они выводят затем человеческий товар на рынок и продаваемых женщин, в качестве приманки для купцов, сажают на скамьях рядом с собой. Как и всякая торговля человеческим товаром, операции с невольниками на волжских, месопотамских или византийских рынках — дело беспокойное и опасное, особенно потому, что наиболее ценной частью привезенной для продажи челяди была сильная и крепкая молодежь, выводить которую на рынок из осторожности приходилось в цепях или колодках.¹

Космополитический люд Византии кружился около живого товара, стремясь сманить пленников. В суматохе завязывались ссоры, драки, начиналось кровопролитие. Вот почему оба договора с греками говорят об ударах мечами, даже сосудами (по документным договорщикам!), о насилиях греков над руссами и обратно. Во время пребывания руссов в полицейски благоустроенной столице империи, очевидно, не прекращались грабежи, кражи, сцены самосудов, схватки с оружием в руках, так что в миллионный город руссов пускали непременно в сопровождении специальной стражи и сразу не более, чем в количестве 50 человек.

Покупка рабов была, однако, для греков делом хотя и беспокойным, но выгодным и соблазнительным. Руссы-работоторговцы, пираты и мародеры (см., например, статьи о грабеже потерпевших крушение) возбуждали в греках, повидимому, страх и отвращение, несмотря на то, что такие же рыжие гиганты были расставлены на страже и в самом императорском дворце. Выпроводив работоторговцев к осени из Константинополя, греки ставили дозорные суда даже в устьях Днепра, чтобы днепровские удалцы, предки запорожцев, не ютились в зимнее время в Днепровском лимане и не производили неожиданных погромов где-нибудь на Малоазиатском побережье.

Челядь договоров — это беспокойная, но бессловесная масса «колодников», в которой нет дифференциации иначе, как по полу и по физическим свойствам. Хозяйственная, квалифицированная роль челяди — впереди, когда она будет вплетена в экономическую жизнь византий-

¹ См. тарифы в договоре 945 г. Возьмем для сравнения описание суданских рынков, например, у Стенли в его «Стране рабства». О работоторговле у балтийских славян см. данные в работе Гильфердинга.

ского населения, женщины превратятся в наложниц, мамок, прислугу, а мужчины — в пахарей, садовников, ремесленников, телохранителей императоров и византийской знати.

До конца X в. работорговля — главный интерес для киевских князей. Еще Святослав мечтал перенести свою «столицу» на Дунай, куда сходятся «вся благая» — «и кони и челядь».

Через 80 лет положение становится иным. На смену князьям-работорговцам и князьям-экспортерам приходят князья-хозяева, заинтересованные не в заморских походах с челядью на баркасах, пирогах или фелюгах, а занятые более глубокими хозяйственными интересами, развившимися и окрепшими в Поднепровье в XI в.

Приведенное описание черт скифского и славянского быта является иллюстрацией к процессу смены общественно-экономических формаций в Западной Европе и Византии в половине первого тысячелетия н. э. «При рабовладельческом строе основой производственных отношений является собственность рабовладельца на средства производства, а также на работника производства — раба, которого может рабовладелец продать, купить, убить, как скотину». «При феодальном строе основой производственных отношений является собственность феодала на средства производства и неполная собственность на работника производства, — крепостного, которого феодал уже не может убить, но которого он может продать, купить.¹

Некоторые историки, исходя из факта существования рабов и работорговли у славян в IX и следующих веках, приходят к выводу о наличии в это время рабовладельческой формации и в Киевской Руси. Подобная точка зрения является неверной. Образованию рабовладельческой формации античного типа помешал общинный строй славян. В этом отношении можно провести параллель между восточными славянами и древними германцами, которые, по словам Энгельса, «не довели у себя рабства до его высшего развития, ни до античного трудового рабства, ни до восточного домашнего рабства».² А насколько уместна в данном случае параллель между славянами и германцами, можно видеть из письма Маркса к Энгельсу от 7 ноября 1868 г.: «Все тут (в русской общине — А. Я.) абсолютно, до малейших деталей ей тождественно с первобытной германской общиной».³

Судя по договорам с греками, наиболее привычным термином для обозначения живого товара были слова челядь и челядин. Термин челядь,⁴ господствовавший в русской лексике X в., с половины XI в. сменится рядом других названий, среди которых главное место займет этимологическая пара — холоп и раба. Как и почему произошел переход от «челяди» к «холспу», можно разгадать по терминологическим вариантам, обозначающим подневольное состояние в XI—XII вв. Слова челядь, челядин, несомненно связанные с родовым укладом и обозначающие агрегаты своих и чужих родовых элементов, начинают сменяться в XI в. терминами раба (женский род), холсп, огнище, (о) дрьнь, обель, отрок, паробок, дети, гридень — гриди, кощей, пасынок, колодник, нятец, вязень, ушид, юнак и т. д. Последние четырнадцать терминов этого перечня довольно быстро исчезают, а первые термины, холсп и раба, укореняются и в правовом и в житейском обороте русской речи, обрастают громадным количеством слсв, производных от них, и удерживаются в быту до нашего времени. Остановимся на некоторых из перечисленных терминов и попытаемся уяснить себе смысл их появления в отдельных случаях.

¹ История ВКП(б), Краткий курс, стр. 119—120.

² Маркс и Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 133.

³ Маркс и Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 126—127.

⁴ См. Прибавление 1.

Термин «раба» — самый древний. Он восходит, надо думать, к эпохе близкого соседства славян с готами, когда, по мнению лингвистов, славянами был усвоен из древне-готского языка ряд разнообразных слов (меч, лечение, щит, изба, людин и т. д.).

Термин «раба», дополненный мужским родом «раб», появившимся в русском языке только в XVIII в., произошел от германского корня *gaub* и *gauben*.¹ Этот термин вошел в обиход потому, что из челяди, связанной патриархально с родовым бытом, дальнейшая хозяйственная эволюция сделала объект для добычи и торга, поскольку налетчики-работоторговцы захватывали и полонили и чужую челядь и массу потереявших почему-либо свободу членов собственных родовых союзов, обрабатываемых затем в рыночный товар. Традиция такого использования военнопленных и, особенно, военнопленниц имела, разумеется, глубокую давность. Но появление нового готско-германского термина дает основание полагать, что у восточных славян эпохи готского владычества и последующего за ним времени своего аналогичного термина не было, и германский неологизм появился для заполнения известной пустоты в понятиях и терминологии. Можно понять, почему на Руси вначале понадобился термин для одного только женского рода «раба», хотя термином *gaub*, имевшим собирательный смысл, обозначались в древности, вероятно, оба пола, — вернее, почему в дальнейшем этот термин привился исключительно женскому полу и стал обозначать невольниц разного происхождения. Объясняется это тем, что главным предметом захватных экспедиций и торга на тогдашнем невольничьем рынке были именно женщины, картины торговли которыми так ярко описаны Ибн-Фадланом. Слова «раб» и «раба» рано проникли в письменную речь южного славянства и уже в IX в. встречаются в болгарских и паннонских церковных памятниках. В русском же правовом обороте слово «раба» попадаете нам, однако, с некоторым опозданием, — не ранее XI в. Навстречу этому термину идет термин иного происхождения — «холоп». Откуда и когда появился этот термин и каков исторический смысл его появления?

§ 2. ТЕРМИНЫ ХОЛОП, ЧАГА, КОЩЕЙ и др.

В византийской письменности, у Маврикия и Прокопия, а затем у гота Иордана посвящается и до наших дней укрепляется термин «славяне» (у византийцев — сначала «склавлены», у арабов — «саклаб» и «сакалиб»), из которого и произошло родовое название одного из этнических массивов человечества. Термин этот заменил древнегреческого скифа и сармата, в разных реставрациях оживающих, впрочем, и доныне.²

Термин *Σκλαῖνοι* — *Σκλάβοι* и *slaveni* получил сначала у византийцев и арабов, а потом, вероятно, и у персов универсальный объемлющий смысл, начав суммарно обозначать всех славян, невзирая на их более или менее мелкое племенное дробление. Ожесточенные войны с воинственными соседями или непокорными подданными, какими были балканские славяне для византийцев V—VII вв., вызвали появление на византийском и других средиземноморских рынках большого количества военнопленных из среды именно славянских народностей. Эти военнопленные невольники захватывались не только на восточном, но и на западном фланге поселений славянства, где на них нападали германцы. Славянские рабы становятся одним из самых ходовых товаров на среднеазиатских, месопотамских и на всех средиземноморских рынках, причем специалистами по этой торговле на востоке являются арабы и евреи, а на западе — византийские греки. Особенно значительные мас-

¹ См. Прибавление 2.

² См. Прибавление 3.

сы славянских рабов появились на рынке после ударов, нанесенных славянству Карлом Великим, Людовиком Немецким и имп. Оттоном I, победы которых над славянами повыбрасывали на итальянские, испанские и африканские невольничьи базары огромные партии военнопленных славянских невольников. Вот почему и на востоке и на западе нарицательным термином для обозначения невольника вообще сделалось племенное название именно «с л а в я н», прошедшее через ряд видоизменений и укоренившееся в разных вариантах едва ли не у всех западноевропейских народов. Слово «славяне» сохранило в то же время и свой этнический смысл, отличающийся от смысла специально социального, т. е. невольничьего, либо орфографическим отклонением, как в немецком языке, либо и орфографией и выговором, как в английском, французском, итальянском и других языках.

Получив распространение для обозначения невольников, слово «славяне» в своих видоизменениях стало прилагаться к невольникам уже разного, в смысле национальности, происхождения (азиатского, африканского, американского и т. д.), узаконилось в этом значении в массе языков, но при переходе из одного наречия в другое претерпевало ряд фонетических и орфографических превращений. Отметим наиболее характерные из них, подвигаясь при этом обзоре сначала с востока на запад, а потом — с юга на север.

Впечатление, произведенное потоком пленных славян на западноевропейский мир, было столь сильно, что слово *Σκλάβος* — *sclavus* в нарицательном смысле в разных звуковых претворениях вошло едва ли не во все языки романской группы (итальянский, испанский, французский, румынский, португальский и др.) и германской группы (верхне-, средне- и нижне-германский, англо-саксонский, шведский, датский, норвежский и др.), перекинулось в Африку (*Slave Coast*), на Мадагаскар (дав название одному из тамошних племен), в Северную Америку (*Slave states*, *Slave River*, *Slave Lake*) и было даже использовано зоологами для обозначения одной из пород океанских рыб. Но, принимая этот термин, почти каждый народ встречал в его выговоре фонетические затруднения и пытался облегчить его звучание по-своему. Так, итальянцы выкинули «l» и получили *схьявони* (*schiaconi*), французы для облегчения приставили впереди звук «е», сделав *эсклав*, *эсклавон* (*esclave*, *esclavon*), испанцы повторили этот прием в своем *эскаво* (*esclavo*), португальцы сделали *эскраво* (*escravo*), приставив «е» и заменив букву «l» буквой «г». Нижнегерманцы и англичане, говорящие тоже на нижнегерманском наречии, прибегли к другому фонетическому приему, не выбрасывая «l», как итальянцы, и не приставляя звука «е», как французы, испанцы и португальцы. Выбросив второй звук «к», они сделали по-голландски — *славе* (*slaave*), по-английски — *слейв* (*slave*), по-норвежски — *славе* (*slave*), по-шведски — *слаф*, *слафвери* (*slaf*, *slafveri*). У арабов *Σκλάβος* превратился в *сакалиба*. Как любопытную, хотя и с очень небольшим радиусом действия, параллель, отметим претворение арабского «сакалиба» в итальянизированную в Сицилии форму, странно смешавшую и арабское и византийско-латинское звучания: *scebalcar* — *cibalcar* — *seralcadi*.¹

Наиболее близкими к греко-латинскому произношению и написанию являются верхне-, а потом обще-германская форма *склаве* (*sclave*) и румынская форма *склавул* (*sclavul*).

Разлившись по всей Германии и вместе с германской иммиграцией проникнув в X—XI вв. в Силезию и Малую Польшу, слово это не могло задержаться на линии Одера и даже Варты и должно было прочно

¹ Journal Asiatique, 1845, Janvier, pp. 104—105. Ср. Г а р к а в и. Известия и т. д. См. Прибавление 3.

войти в польско-германский обиход, будучи неразрывно связано с важными социальными явлениями, которые оно обозначало. Слово это уверенно надо разыскивать и в Чехии и в Польше. Между тем ни на чешском, ни на польском языках этого термина мы не встретим в форме, наглядно связанной с его первоначальным греко-латинским звучанием. Но могло ли это обиходное слово, распространенное по всей Западной Европе, не войти в IX—XI вв. и в польскую и в чешскую речь, тем более, что хозяйственные посадки людей, особенно военнопленных, называемых германцами *slaveni*—*slaven* или *schlaven*—*schloven*,¹ имели место и в Чехии и в Польше на каждом шагу? Следовательно, слово это надо искать где-то в видоизмененной форме, в звуковой сблочке, подвергшейся чешской или польской обработке. Где же? Ответом на этот вопрос являются чешское *chláp* и польское *chlór*, возможно, просто полонизация чешского звучания.²

Для объяснения этой эволюции напомним, что византийский *Σκλάβος* (в произношении склавос или склабос) превратился у поздних византийских писателей в *Σδλάβος* (в произношении сфлабос или сфлавос); далее, при отпадении начальной сигмы — в *Θλάβος* (в произношении флабос — флавос или хлабос — хлавос). Будучи через Германию перенесен в Чехию и в Польшу, *Θλάβος* и дал в первой хлапа, а во второй — «хлопа».³

Перенос этого термина в Чехию и в Польшу в VI—X вв. мог произойти и через латинскую форму *slavus*, несомненно хорошо знакомую западному славянству по своему постоянному употреблению и в деловом латинском языке и в германизированной форме в многочисленных поселениях немцев среди западного славянства, внедривших большое количество и германизмов и латинизмов в польский и в чешский языки. Но наличие переходных греческих вариантов заставляет думать о проникновении этой формы в чешско-польскую речь с востока, а не с запада.

Так или иначе, слово это, распространенное в VIII—X вв. по Молдаве, Эльбе и Одру, должно было войти в употребление за Одером вместе с германской колонизацией, в VII—X вв. перекинувшейся на восток от этой реки.

Перенесение термина *Σκλάβος* или *slavus* — *slavenus* в Чехию в виде хлапа, превращение его в Польше из хлапа в хлопа и последующее усвоение его Киевской Русью в виде хлопа-хлапа-холопа были не случайной терминологической модой литературного характера (в те мало литературные времена о модных лингвистических заимствованиях говорить вообще не приходится), и заимствование этого термина в Поднепровье должно быть объяснено иначе. Заглянув в Начальную летопись, увидим, что она дает нам вполне ясный ответ на этот вопрос.

В 1018 г., — после победы над Ярославом, польский князь Болеслав ставит дружину свою «на покорм» в Киевской земле, но вскоре

¹ Не отсюда ли название в течение нескольких столетий пограничного с Московской Русью литовского Шклова, служившего для русских беглых холопов убежищем? Название Шклов аналогично Колодичу на Волыни. Другой параллелью может служить название в течение долгого времени тоже пограничного города Шавли около верховьев р. Виндавы, быть может, также происходящее от слова *schlove* и имеющее значение сброда, скопления людей. Русской аналогией такому же происхождению географических названий является наименование Холопьево городка на Мологе. Не беглые ли из Новгородского района дали название и Бежецкой пятине?

² Автор считает своим долгом выразить глубокую признательность сотоварищам по Академии Наук СССР, помогавшим ему в этих лингвистических разысканиях и одобрявшим его основные выводы, — членам Академии Наук СССР: С. И. Соболевскому, С. А. Жебелеву, Н. И. Новосадскому, М. М. Покровскому, Н. С. Державину и М. Н. Сперанскому. Автор опирается, как это понятно знакомым с предметом людям, на словари Дюканжа, Гриммов, Пауля и др.

³ Аналогично в русском произношении сделали Хавронью из Февронии, а в украинском — из Федора «Хведора» и т. д.

же происходит восстание против ляхов и Болеславу приходится бежать. При отступлении он «людей множество веде! с собою» и оказался в силах удержать за собой города Червенские. Через 13 лет, в 1031 г., уже по смерти Болеслава, Ярослав и Мстислав предприняли с многочисленной ратью походы на ляхов, повоевали «Лядскую землю» и «многи ляхи приведоста и разделиста я, Ярослав посади своя по Рси, и суть до сего дне».

Не Халепье ли (т. е. Холопье), лежащее между Киевом и Русью, и до наших дней почти точно так и называющееся (Хлапень), было населено этими пленными в 1031 г.? Если так, то можно очень точно датировать момент решительного переноса на Русь чешско-польского термина «хлоп-хлап», а вместе с тем и самых приемов «крепостной» эксплуатации «хлапа» на пашне.

Прошло еще 12 лет. Ярослав, бывший некогда (в 1018 г.) жертвой нашествия Болеслава, а потом громивший Польшу (в 1031 г.), в 1043 г. выдает свою дочь замуж за Казимира, Болеславова внука. Женясь на Ярославне, Казимир (1040—1058 гг.) «вдает за вено людей восемьсот», к чему Радзивилловский и Академический списки прибавляют: «Яже бе полонил Болеслав, победив Ярослава». Следовательно, русские пленники пробыли в плену в глубине Польши целую четверть века, пока их не освободил брачный союз 1043 г. За 25 лет (1018—1043 гг.), проведенных в польском плену, они должны были усвоить и польскую культуру и польский язык.

Под 1069 годом летопись заносит сообщение о новом нашествии ляхов в союзе с незадачливым Изяславом Ярославичем, о новом расквартировании их «на покорм» и о партизанской войне с ними населения.

Через 73 года после нашествия 1069 г., в 1142 г., уже при внуках Ярослава, происходит поход Святослава, Изяслава и Владимира Галицкого для оказания помощи польскому королю Владиславу против его меньшей братии, со сходными результатами: «И снявшася вси у Чьрска, и воевавше, воротишася, боле взявше мирных ляхов, нежели ратных».

Во время усобицы, происшедшей в 1144 г., в борьбе, разыгравшейся около Луцка, деятельное участие приняли и ляхи, и угары, и половцы, и даже немцы.

Фактов этих, кажется, достаточно, чтобы напомнить, в каком тесном скрещении развивались отношения Киевской Руси с ее западными соседями, и особенно с поляками.

Отмечая события 1018 и 1031 гг., летописец должен был, очевидно, придавать им особое значение, так как едва ли мы найдем на всем протяжении Начальной летописи другое упоминание о подобном же колонизационном эпизоде: известно, как мало летописец интересуется фактами социальной истории. Можно думать, что именно посадка в эти годы под Киевом польских пленников и привела к переносу и утверждению в русском языке термина хлоп-хлап-холоп, хотя по-польски слово это обозначало не невольника в собственном смысле, а подневольного земледельца-хлопа.

Внесением полногласия слово хлоп было быстро переделано в холоп, хотя долго еще в русской речи держались и два исходных варианта этого слова — хлоп и хлап,¹ — только в русском языке сразу и прочно установился иной смысл этого термина.

В русскую обстановку польский хлоп попал в качестве военнопленного, т. е., по понятиям древней Руси, невольника (взяня, нятца, колодника), и стал обозначать именно невольничье состояние. Вот почему он и выступает в Русской Правде преимущественно с обликом

¹ См. Срезневский, Материалы и т. д.

13 раба-земледельца.¹ В такой роли он был очень нужен и правящим классам и князю — носителю политической власти, — поэтому законодательство Киевской Руси так усиленно им и занимается.

Вероятно, не без связи с переносом на Русь термина, обозначающего новый тип крепостного состояния, появилось и селение, носящее название Треполя или Триполья. Не содержит ли оно указания на то, что в этих местах, после освоения их восточными славянами, стала применяться относительно новая для Днепра XI в. культура трехпольного севооборота? Появление этих двух названий (Хлапень и Тр(и)-еполь) отразило и закрепило то впечатление, которое испытали тогдашние русские жители центрального Поднепровья, наблюдавшие переход и к новой хозяйственной культуре и к новым формам эксплуатации на пашне подневольного труда.

За полторы тысячи лет, протекавшие со времен Геродота до эпохи Ярослава, хозяйственные приемы эксплуатации подневольного труда и плодосменная трехпольная система посевов могли не раз иметь место на той же самой, ныне занятой пленными земледельцами-поляками, территории, но при смене одной этнической волны другую должны были вновь наступать регрессивные хозяйственные явления, как нечто подобное произошло и в Московском государстве в XVI в.

Обратимся теперь к двум другим терминам — кошею и чаге, также обозначавшим на Руси XI—XII вв. подневольное состояние. Эти два термина, сведенные вместе в «Слове о полку Игореве», но встречающиеся и порознь, несомненно, происхождения восточного и заимствованы у тюркских кочевников, узов, торков, печенегов или половцев. Чага и доселе по-казахски значит рабыня, а кошей, происшедший, вероятно, из половецкого или аналогичного печенежского слова кулукчи,² означал раба-оруженосца. Этот термин характерен для Востока, постоянно пользовавшегося рабами для военных целей. Получившее впоследствии широкое распространение слово мамелюки первоначально обозначало именно сословие военных рабов. Часть куман-половцев, путем сложных и длительных передвижений перебравшаяся в Египет и основавшая там новое государство, не случайно сделала из этого нарицательного слова свое этническое прозвище. В язык южно-русских княжеств, беспрестанно имевших дело с печенегами и половцами, то в качестве врагов, то в качестве союзников, термин кошей проник, вероятно, в связи с существованием в печенежском или половецком войске особой категории подневольных боевых слуг. Но в русском языке термин кошей не прижился и был вытеснен старинным славянским термином еще родового характера — отрок. Затем появились термины: паробок, гридень — гриди, детский, позднее — слуги, сын боярский и дети боярские.

Отрок, в своей полной форме — отродок,³ отражает происхождение этой категории младших полузависимых дружинников еще из недр родового уклада и имеет многочисленные этимологические параллели во всех европейских языках. Отродок-отрок, т. е. осколок, обломок того

¹ В наших древних памятниках встречается особый «сетный» холоп, т. е. холоп, занятый посевом, землепашеством. Слово «сетный» когда-то смутило М. П. Погодина («Русская история»), но происхождение его от сети — сеять совершенно ясно, — ср. се-ти — посев, сетень — сеятель, сетва — сеяние (в Изборнике 1073 г., поучениях Константина Болгарского, житии Акакия и ряде других памятников XI—XII вв.). Заметим, что слово «холоп», как и слово «рожь», в XI в. — неологизмы и встречаются в Начальной летописи только по одному разу.

² См. Codex Cumanicus в парижском изд. Клапрота и в будапештском — Куна.

³ См. Срезневский. Материалы и т. д. По-чешски отрок и доселе означает раба. Rad по-чешски соответствует русскому рабу, но употребляется только в поэзии. Ср. употреблявшиеся в царской армии, может быть еще с дружинных времен, приветствие-выкрик: «Здорово, ребята!» «Ребятами» в старой русской армии бывали даже бородачи лет под 40.

же кровного рода, его «отродье», но с некоторым понижением возрастного и социального значения, сравнительно с полноправными старшими властными членами кровного союза; здесь налицо лингвистическая аналогия древнему челядину. Позднейшая аналогия тому и другому термину — сын боярский и дети боярские, сначала обозначавшие младших подневольных дружинников удельной эпохи и «слуг под дворским», а потом давшие название чину в служебной иерархии Московского государства. Уже в XI в. термин отрок, как известно, приобрел специфический смысл и стал обозначать не столько профессионально-военного младшего дружинника, сколько административную должность при княжеском суде; впрочем, отчетливо разъединить в те времена обе специальности невозможно.

Термин менее употребительный, паробок, по своему этимологическому генезису аналогичен многочисленным словам, в которых префикс «па» обозначает частичное отклонение данного корня от его основного значения. Таковы слова: пасынок, падчерица, падуб, паклен, паводок, падорога, павечерница и многие другие. Пар(у)обок — в родстве с ребенком, с ребятами и вначале означал, вероятно, «племянника», т. е. тоже младшего и зависимого члена родовой организации, совершенно аналогично княжескому пасынку. Впрочем, термин этот, вероятно заимствованный у поляков или чехов и обозначающий какую-то разновидность невольника, по своей малой распространенности особого значения для понимания терминологической истории холопства не имеет.

Эволюция агрегата древнерусских терминов, обозначающих подневольное состояние, отразила социально-экономические сдвиги в русском обществе на Днепре и в международной обстановке, окружавшей Днепровскую Русь. Время сделало свое дело и отвергло термины, либо устаревшие, либо не понравившиеся народному слуху, либо неудобные для его языка. Постепенно исчезли кощени, отроки, паробки, сохранившиеся на Украине и в Белоруссии лишь свой первоначальный «фамилиальный» смысл детей, подростков; исчезли челядины и челядинки, хотя слово челядь осталось до сего дня, но в уничижительном смысле; исчезли нятцы, вязни, обозначавшие военнопленных невольников, но прочно уцелели до XVIII в. для мужского рода — холоп, а для женского — раба. Неумолчные повторения слова «раб» в церковных поучениях о покорности и смирении, в приложении не только к женскому, но и к мужскому полу, не выбили, однако, термина холоп из его житейского и официального употребления до самого конца XVII в. Таково было лингвистическое сопротивление холопа, параллельное его юридическому бытию в правовой сфере. Впрочем, со вступлением Московского государства в фазис Всероссийской империи, связанный с оформлением больших социально-политических сдвигов, получают юридическую отставку уже все три термина — и холоп, и раб, и раба, сохраняя лишь свое житейское хождение, особенно в производных речениях, как — рабство, рабский, холопство, холопий и т. д., почти всегда с тем же нравственно пренебрежительным оттенком, как и слово челядь.

Обратимся теперь к фактам, вскрывающим ход юридической обработки холопства в тот же ранний период его истории, в XI—XII вв.

Выше мы уже указывали, что нельзя говорить о рабовладельческой формации в эту эпоху. Основной рабочей силой в частновладельческом хозяйстве были зависимые крестьяне. Процесс феодализации в Киевской Руси выражался в закрепощении свободных общинников — смердов. В. И. Ленин, давший яркую характеристику этого процесса, писал, что «в XI веке шли в кабалу «смерды» (так называет крестьян «Русская Правда») и «записывались» за помещиками».¹

¹ В. И. Ленин. Соч., т. XI, стр. 98.

«Рабовладельцы и рабы — первое крупное деление на классы», — говорит В. И. Ленин.¹ «Но в Киевской Руси рабский труд все сильнее и сильнее вытеснялся более прогрессивными формами производства: — ...феодал покидает раба, как не заинтересованного в труде и совершенно неинициативного работника, и предпочитает иметь дело с крепостным, у которого есть свое хозяйство, свои орудия производства и который имеет некоторую заинтересованность в труде, необходимую для того, чтобы обрабатывать землю и выплачивать феодалу натурой из своего урожая».²

Киевское общество XI—XIII вв. может быть с известным правом названо феодальным. К концу этого периода намечается рост феодальной раздробленности Руси. «Скороспелая», по выражению Маркса, держава Рюриковичей не могла быть прочной. В результате усиления центробежных тенденций, это «лоскутное» государство (Маркс) распалось на ряд самостоятельных феодальных княжеств.

§ 3. ХОЛОПСТВО ПО РУССКОЙ ПРАВДЕ³

Русская история XI—XIII вв. наполнена бесчисленными насильственными сменами представителей разных княжеских линий на главных столах — в Киеве, Новгороде, на Волыни, в Галиче и т. д. — не говоря уже о столкновениях между князьями, имевшими узко личный характер. При разнородности уровня хозяйственного развития, классового и этнического состава населения и политической географии отдельных княжений, законодательно-указная реакция княжеской власти на выдвигаемые жизнью социально-правовые задания не могла всегда и везде быть одинаковой. Так, например, утечка населения из политического центра со среднего Днепра, очевидно, невыгодная и для великого княжения Киевского, и для связанного с ним княжения Переяславского, и для династических претензий Мономаховичей XII в., была, наоборот, выгодной для окраинных княжений, вроде Черниговского, Новгород-Северского, Муромо-Рязанского, Галицкого, Волынского, Новгородского, Псковского и Ростовско-Суздальского. Если положить количество населения на всем пространстве тогдашней Руси равным, примерно, 7¹/₂ млн., то эти переливы могли иметь весьма осязательный количественный характер.⁴

Современный исследователь не в состоянии уловить эффекты этих переливов и мутаций в отдельные моменты, но результаты их отчетливо обнаруживаются в XI и XII вв. в Галицком княжении, на Волыни, в Новгороде и, главное, на верхней Волге.

При почти непрерывной борьбе между князьями соперниками в XI—XII вв., вмешивавшими в княжеско-дружинные счета не только «своих поганых», но и половцев, поляков, венгров, чехов, литовцев и т. д., боровшиеся друг с другом князья, особенно из окраинных боевых княжений, Черниговского, Галицкого и Волынского, становясь вне очереди великими князьями киевскими, не могли не апеллировать в интересах социальной демагогии к низам тогдашнего феодального русского общества. Налетая с вооруженными силами на Киев, какой-нибудь Всеволод Святославич черниговский или Изяслав Мстиславич волынский непременно должны были искать социальной поддержки на месте. Классовая природа княжеской власти, естественно, тянула князей в сторону верхов, но внутриклассовая борьба в среде феодалов заставляла временами искать союза и с низами. Конечно, подобный союз не мог быть прочным. Как ни выгодна была в отдельных случаях

¹ В. И. Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 366.

² Краткий курс истории ВКП(б), стр. 120.

³ Русскую Правду цитируем по изданию Калачова.

⁴ См. Прибавление 4.

временная поддержка данному претенденту на киевский стол со стороны так называемых «черных людей», в конечном итоге князь, чтобы устойчиво держаться в Киеве, должен был уметь поладить с феодальными верхами, которые одни могли обеспечить ему быструю и энергичную поддержку в трудную минуту, а интересы этой феодальной верхушки, естественно, были направлены вразрез с интересами обрабатываемых ею в холопство более слабых групп населения.

Обратимся теперь к наблюдениям над текстом Русской Правды. В историографической литературе уже оставлено обыкновение рассматривать Русскую Правду как кодекс, сложившийся в пределах ее пространного текста (например, по Троицкому списку ст. 18—122) почти одновременно, за исключением только статей об отмене кровной мести и статьи о взимании процентов, как бы вдвинутых в готовый текст ранее кодифицированной системы. Текст Правды в ее пространной редакции был составлен не одновременно и не в порядке планомерного расположения вводимых чьей-то рукой статей ее, а складывался путем, так сказать, подшивки постепенно накопившихся новелл, различных не только по моменту своего возникновения, но и по району своего происхождения и по своим социальным мотивам. Чья-то рука в начале XII в. только сшила, сшила весь этот материал в относительно цельную систему, известную нам в разных списках пространной Правды. Едва ли надо доказывать, что при беспрестанной, длившейся более двух столетий, ожесточенной борьбе между князьями не могло быть какой-либо строгой законодательной последовательности в развитии тогдашней кодификации.

Переберем статьи Русской Правды, посвященные ею холопству и явлениям, с холопством в жизни соприкасающимся. Сравнивая нормы, отведенные кодификаторами Правды несвободным состояниям в краткой и пространной редакциях, увидим, как далеко от эпохи договоров с греками шагнула за XI столетие юридическая обработка этого института. Наше внимание обращают на себя следующие черты.

1. Количественно огромное возрастание норм, посвященных холопству и близко соприкасавшемуся с холопством закупничеству: краткая Правда посвящает холопству 6 статей, а редакция пространная уже 31 статью из 115, т. е. в 5 раз больше.

2. Далеко ушедшая дифференциация холопов заметна уже в краткой редакции, но особенно наглядна в пространной: холоп не только товар, немая «челядь», забитая в колодку или брядающая цепями, которую, по бессловесности, можно похитить, не интересуясь ее согласием на побег от хозяина (не так давно кодификатор должен был даже вразумлять, что холоп не «скот», а человек, имеющий способность речи, — Ак., 15), но личность, одаренная той или иной резко выраженной индивидуальностью: наглый дворовый богатого и властного боярина (Ак., 16 и Тр., 58), управитель княжеского или боярского имения (Ак., 21) управитель княжеских табунов, конюшен, а возможно, и начальник конной дружины, шталмейстер-коннетабль (Ак., 21), воспитатель-дядька (Ак., 21—22), торговый доверенный своего владельца (Тр., 110—111) и т. д. Его внутренняя связь со своим господином-хозяином такова, что в обществе с ним он совершает уголовные преступления, предпринимая разбои — грабежи и воровство (Тр., 42 и 115), а это делает его социально опасным и требует специальных мер предупреждения со стороны княжеской власти (Ак., 20).

3. Аппетиты холоповладельцев принимают опасные размеры, угрожающие социальными взрывами и потрясениями. Для предупреждения таких потрясений князь вынужден прибегать к запретительным мерам против насильственного и беспорядочного похищения свободных людей, на которых почему-либо направлены посягательства холоповладельцев (Тр., 102—105 и 53—57).

4. Забота князя о проведении в некоторых случаях отчетливой грани между состояниями свободным и подневольным, например, в вопросе о так называемых «робких детях», очень занимавших и византийских юристов (Тр., 90), в вопросе о выступлении холопов на суде в качестве послухов (Тр., 59, 81) в вопросе о холопе-доверенном (Тр., 110—111 и 113—114) и т. д.

Словом, узел социально-экономических отношений, в который вплетено холопство, стал столь сложным, что князь-кодификатор должен был проявлять в этом вопросе совершенно исключительную для него заботливость и предусмотрительность. Больше того, князь должен был взять на себя задачу и регулирования юридической постановки невольничества как явления, признаваемого принципиально «незыблемым, священным и неприкосновенным». Вмешиваясь в случаи, с его точки зрения ненормальные, князь должен был защищать холопство как институт в целом и, во имя элементарной последовательности, брать на себя попечение (Тр., 106, 108, 109 и др.) о поддержании холоповладельческого порядка в пределах его тогдашней условной законности.

В таком юридическом примитиве, каким все же является Русская Правда даже и во второй своей редакции, нас не может не поразить необычайная для нее, по сравнению с постановкой других вопросов, тонкость казуистики в юридической постановке холопства (например, Тр., 106—111), бойкость аргументации, острота рассуждения, иногда принимающего характер живого диалога.

В некоторых своих статьях пространная Правда становится особенно чуткой и нервной и получает отпечаток каких-то злободневных тревожений. Эти случаи побуждают нас пытаться разгадать ближайшую связь статей ее с социально-политическими условиями XII—XIII вв.

Так, встречаем следы не очень решительных, но несомненно демагогических подходов в робких опытах-наметках социального законодательства, исходивших от княжеской власти в XI—XII вв. и нашедших свое выражение в нескольких странных, с точки зрения обычного содержания древнерусских кодексов, статьях Правды. Таковы статьи о вдаче и закупах, оберегающие тогдашнего ратая, Микулу Селяниновича или Илью Муромца, от закабаления в холопство боярином-дружинником или купцом-заимодавцем. Где и когда сложились эти статьи? Как мотив, статьи эти должны были идти из окраинных княжений, где толковому князю надо было укрепляться, покровительствуя бежавшим на его территорию социальным элементам, прижатым в центральных княжениях. Они должны были сложиться где-нибудь в Новгороде, Суздале, Пскове, но, вероятнее всего, на Волыни, в Галиче или Чернигове. Недаром же самое название Галича указывает на сбродность состава его населения.¹ Конечно, при этом нельзя закрывать глаза и на классовую борьбу в самом Киеве, где движение закрепощенных низов феодального общества могло вызывать временами соответствующие демагогические жесты со стороны княжеской власти. Вспомним восстание 1113 года, заставившее Владимира Мономаха издать известные постановления о закупах.

Едва ли можно сомневаться в том, что в окраинных княжениях должны были применяться усиленно приемы некоторой социальной демагогии, как они применялись в позднейшее время в охватывавших иногда целые волости сотнях свобод эпохи феодальной раздробленности.

Демагогический выпад княжеской власти в статьях о закупах и вдаче, сложившись, как мотив, где-нибудь в Чернигове или Галиче,

¹ См. Прибавление 4.

был инкорпорирован Правдой, вероятно, в тот промежуток, когда черниговский князь в союзе со своим галицким родичем сидел более или менее продолжительное время на киевском столе.

Любопытен робкий стиль этих выпадов князя против верхушки своего феодально-дружинного круга, и характерна приглушенность и оборванность залетных статей-выкриков о закупе, как будто даже требующих в конце формулы знака восклицания. Облик юридических новелл о закупках и вдаче говорит нам о том, что одно дело было проводить подобную социальную политику у себя дома, где-нибудь на верховьях Сейма, Северного Донца или Днестра, на Волхове или Чудском озере, и другое — издать, ввести такую норму в действие на княжеском «снеме» в Любече или Витичеве, там ее опубликовать и как-то, при помощи своих отроков, детских, мечников, гридей, тиунов, дать ей ход из Киева, покрыв ее авторитетом (пусть даже не особенно значительным) великокняжеского киевского стола. В этих скромных, скажем больше, даже жалких опытах законодательства княжеской власти в пользу социальных низов, надо видеть тот осадок, который либо черниговский либо волынский князь, на время получавший киевский стол или имевший возможность сильно влиять на ход дел в Киеве, оставлял в киевском законодательстве, дерзнув провести социальные мотивы в правовой кодекс, пускаемый в оборот с высоты киевских холмов.

Но реакция со стороны социальных верхов на эту законодательную вольность не могла не сказаться: все отношения в XI—XII вв. были так текучи! Обращение к закабаляемому в холопстве ратаю и попытка приманить его и защитить авторитетом коллективной или единоличной княжеской власти, оборонить копьём и мечом княжеских мечника и отрока, очень скоро повлекла за собой ответную реакцию со стороны имущих и кабалящих групп киевского общества, вылившуюся в целый сноп решительных и твердых норм холопьего права, рассчитанных на утверждение его принципиальной «незыблемости». На робкие и несмелые статьи о закупках и вдаче верхи рабовладельческого общества ответили крутым и необычайно пространным для Правды и для своей эпохи холопьем кодексом, систематически выраженным в целых 14 статьях (Тр., 102—115), составленных, несомненно, по целному и обдуманному плану, и этот холопий кодекс Правды дополняет и иллюстрирует общую картину закрепостительных тенденций княжеско-боярско-дружинного хозяйства.

Из холопьего кодекса Русской Правды мы видим, что дифференциация холопов в XII в. была уже значительной, и что всякое внесение в холопью среду демагогических мотивов прозило несомненной социальной опасностью. Туземное происхождение невольников, древлян, вятичей и т. д., захватываемых при набегах в виде полона, так называемых «колодников-нятцев», делало обращение с ними трудным и требующим большой осторожности, а между тем, едва ли не главным источником пополнения холопьего класса становится именно захват в плен своих же менее культурных соплеменников.

Настроением монастырского келаря-хозяина и объясняется тот враждебно-презрительный тон, которым летописец говорит о своих «диких» единоплеменниках. В своем историко-географическом экскурсе инок-летописец, привыкший видеть холопов, выловленных из среды этих малокультурных, с его точки зрения, племен, работающими с колодкой на ногах или с цепью на шее на монастырской ниве или на монастырском огороде под самыми окнами его монашеской кельи, развивает даже антинародную племенную теорию.¹

Холопий кодекс Русской Правды, относящийся к эпохе, предшествующей татарскому нашествию, и послужил правовой базой и упором

¹ См. Прибавление 4.

для всех юридических подходов к холопству в три последующие века (XIII—XV вв.).

Если выявить основные «руководящие» мотивы юридических предпосылок законодателя XII в. относительно общих мотивов холопства, звучащих не только в самом тексте Правды, но и между строк ее, то их можно свести к следующим, примерно, положениям.

1. Холоп и раба представляют собою юридически признанный вид индивидуальной собственности.

2. Собственность эта подлежит охране совокупными силами княжеской администрации, общественных органов и даже частных лиц.

3. Всякое нарушение «законных прав» на невольника, например сманивание и укрывание чужого холопа, подлежит возмездию, осуществление которого является для свободного населения уже общественной повинностью.

Как это ни странно, но здесь мы имеем едва ли не первый случай проявления общественной инициативы, едва ли не крупнейшее общественное начинание Киевской Руси. И представителей господствующих классов и княжескую администрацию не так занимает организация внутреннего порядка, защита границ, преследование степных хищников, совершающих набеги на Русь, как ловля сбежавшего холопа и возвращение его хозяину.

Перед нами страна, имущие классы которой пытаются развить и укрепить нормы, способствующие «законному порабощению», облеченному в известные обрядовые правовые формы. Князья, бояре, дружинники всех разрядов, купцы даже политически между собою разведенных княжений довольно дружно стремятся к общей цели — к развитию, оформлению и обработке норм, содействующих порабощению слабых элементов общества и, до известной степени, упорядочивающих развитие этого порабощения. Но как ни энергично брались за дело порабощения господствующие классы киевского общества, задача оказалась им не по силам и создать «крепостную систему», организованную через 500 лет Московским государством, им не удалось.

Мы встретим мало договорных документов эпохи XIII—XV вв., которые не содержали бы твердо сформулированной статьи: «Холопа, рабу — выдати на исправу от века»; или: «А холопу, рабе от века суд». Смысл этих статей тот, что в холопских делах все должно идти по традиции, так, как издавна установлено, без послабления, без поблажек, без всякого юридического вмешательства княжеской власти в пользу чужих холопов. Державшие в своих руках политическое влияние верхи русского общества на целый десяток поколений застыли на этой юридической позиции, последовательно полагая выше перечисленные принципы в основу всех своих соглашений, с кем бы они ни заключались: холопство стало политическим «табу», которого никому не следовало касаться. Этот юридический тезис и будет перекачиваться от Полоцка, Пскова, Новгорода-Великого до Новгорода-Нижнего, Рязани и Двины в духовных и договорных грамотах, в многочисленных повторениях и в разных комбинациях. В сохранившихся договорных грамотах можно насчитать не один десяток вариаций этих «тезисов», разбросанных на протяжении XIII—XV вв.¹

§ 4. ХОЛОПСТВО И ХОЛОПЫ В ПЕРИОД ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ

За три столетия (XIII—XV вв.) мы не встретим в русских памятниках намеков на какие-либо попытки со стороны княжеской власти оказать воздействие на холоповладение в его внутреннем укладе, на

¹ В Киевской Руси социально-экономическое развитие шло, конечно, параллельно и частью подражательно соседним западным странам. См. Прибавление 5.

попытки вмешаться в отношения между господами и холопами, хотя при постоянной борьбе с соседями-соперниками искушение вторгнуться в эту область должно было иметь острый характер. Холопы являлись глубоким социальным тылом противника, его наиболее интимной «запазушной» позицией, и поднять их на борьбу с господами, при умелом и осторожном подходе, было весьма соблазнительно. В отпор демагогическим покусениям некоторых князей XII в. затронуть эту область, если не прямо, то хоть косвенно в лице закупов и вдачей, феодальная Русь дружно и замечательно последовательно ошетинивается ходячими формулами договорных отношений, гарантирующими, поскольку и где это было возможно, реставрацию холоповладельческих отношений *ad integrum* и систематическое возвращение к условиям, имевшим место до данного вооруженного столкновения.¹

Конечно, соглашения эти не были и не могли быть устойчивыми по существу, ибо сильная сторона едва ли постеснилась бы завтра же нарушить сегодняшний договор о непереманивании чужих холопов, если бы это было ей выгодно, но именно потому-то мы и встречаем упорное и постоянное подкрепление в договорных статьях все одного и того же мотива о холопах на протяжении более чем трехсот лет. Самое повторение этих формул показывает, насколько «холопий вопрос» был тогда живуч и тревожен и насколько он был неразрешим: сильная сторона, сокрушая сторону слабую, должна была переманивать к себе чужих холопов, а сторона слабая должна была держаться за свой живой инвентарь и руками и зубами, выговаривая, хотя бы только на бумаге, признание неприкосновенности своего холопьяго богатства. Но недаром одним из важнейших моментов хозяйственной политики и Москвы и, в свое время, других сильных княжений (Твери, Ярославля, Рязани и т. д.) было систематическое раскидывание по всем направлениям, и особенно по пограничным местностям, в выгодных для себя пунктах огромной сети слобод. Эти слободы, заметные еще в XII в. и все умножавшиеся в последующие столетия, служили весьма сильным средством для приманивания населения из чужих владений. Некоторые из этих слобод (например, Морева в Деревской пятине, Юрьева в Рузе, Маринина в Переяславле Залесском, Задубровская в Кашине, Остафьева на Белоозере, Корякова в Юрьевце Поволжском и т. д.) охватывали округа, вмещавшие не один десяток сельских поселений.²

Такова постановка холопьяго вопроса по отношению к врагам или соперникам снаружи: *Noli me tangere!* — с молчаливым допущением: «Обещаем, что и мы тоже тебя с этой стороны не тронем». Постоянное повторение статей о неприкосновенности холопства гласит о том, что внутри самой владельческой среды, в принципе по крайней мере, уже успело сложиться и окрепнуть уважительное отношение к холоповладению как таковому, стремление совместно оберегать и щадить его при конфликтах, — и о том, что переманивание чужих холопов было фактом, вызывавшим осуждение и упреки с точки зрения социальной благопристойности, принятой между тогдашними сильными мира сего. Сколь ни незначительно было психологическое давление этой презумпции на строение и развитие социальных отношений, все же оно не могло не сказываться в виде известных коррективов и в «замятни» и в

¹ Договорные грамоты *passim*. Например, СГГД, т. I, № 28, 36, 62, 76—77 и многие другие.

² Изучение сети слобод эпохи феодальной раздробленности представляет большой социально-динамический интерес, но вопрос о слободах доселе оставался почему-то за пределом историографического русла. По наблюдениям С. Б. Веселовского, слобод, оставших в памятниках XIV—XVI вв. заметный след, насчитывалось не менее 250. На деле их было, конечно, гораздо больше. Они устраивались, как правило, для переманивания чужого населения, и в первую очередь, беглых холопов. Отметим на территории Румынии три крупных Слободзеи.

периоды «тишины», выражая принцип осторожного отношения к холопье собственности дерущихся. Оно *implicite* содержало в себе мысль об общей солидарности всех холоповладельцев и подавляло волю к свободе у самих холопов, сообщая гнету, над ними тяготевавшему, характер всеми дружно признаваемого «общественного мнения», неустанно поддерживаемого к тому же и церковными проповедями о необходимости повиновения рабов своим господам. Власть господ над холопами приобретала в этом освещении характер как бы стихийной силы, непрекращаемо и неумолимо подавлявшей человеческую волю.

Идея холопства как явления, юридически неприкосновенного, не допускающего никакого правового воздействия извне, выражалась не только в форме оградительных договорных статей, но — и это главное — в общей настороженности холоповладельцев, и социальных групп, к ним примыкавших. Насколько чувствительно к этой стороне дела было владельческое общество и насколько нервно оно воспринимало и толковало всякий намек на вторжение посторонней силы в область холоповладения, мы можем судить по тому, что холоповладельцев заставлял сильно тревожиться даже факт включения холопов в перепись, а тем более всякая попытка подчинить их общим принципам податной политики.

Заглянув во внутреннее строение удельного княжения или феодальной вотчины боярина, мы увидели бы, что феодальный государь-князь и его крупный боярин обязательно окружены плотными кольцами своих вольных и не вольных слуг, т. е. людей, слушающих и исполняющих отдаваемые государем-господином приказания.¹ Слуги не вольные не стоят при этом на заднем плане: они всегда находятся в особом приближении к своему повелителю и житейски даже ближе к нему, чем слуги вольные, могущие завтра смениться, отъехав к соседу, может быть, даже к врагу своего прежнего хозяина. Привычка действовать, опираясь на каждом шагу на слуг невольных, побуждала сильных людей того времени пользоваться холопами даже для письменоводства, передавая дьяков-холопов по наследству своим детям наравне с остальной челядью.

Устроенные специально для смиривания чужих холопов слободы, действовавшие в интересах своих сильных территориальных хозяев в качестве социальных натяжных пластырей, имели такое значение (особенно слободы Новгорода-Великого и *vice versa* московских великих князей), что даже татары принуждены были бороться с их влиянием, запрещая смиривать в слободы группы населения, специально, по разным соображениям, выделенные татарами, например; «числяков и ордынцев», или группы, особенно нужные им по своим функциям, например, ямщиков, пардусников и т. д. Иногда татары даже противопоставляли слободам русских феодалов и князей свои собственные татарские слободы — столь действительным находили тогда это средство привлечения к себе населения.

На холопах не только строилось все хозяйство князей и бояр удельного времени, но при их же обязательной помощи функционировал домашний обиход князя и боярина и действовала административно-судебная власть русских феодалов. И князь и боярин творят свой суд и расправу, не только опираясь на своих холопов физически, при постоянном тесном окружении ими, но, более того, используя их и для делопроизводства, путем поручения и передоверия холопам своих правительственных и судебных полномочий. Правда, по документам удельного времени мы лишь с трудом можем разглядеть индивидуальные черты живых представителей этой верхней холопье категории, но

¹ См. Прибавление 6.

памятники XIV—XV вв. открывают возможность довольно явственно представить себе общий облик тиунов, доводчиков, паробков и т. д., при помощи которых князь и боярин управляли подвластным населением. Бичом населения был не столько жадный, но неповоротливый и неизобретательный сам князь-государь — рюрикович, гедиминович или представитель старого сановного боярства, сколько окружавшая такого правителя юркая, дерзкая, наглая, пронырливая и затейливая холопья свора. По уставным грамотам, длинной цепью идущим от 1398 г. до самого конца XVII в., мы попытаемся ниже обрисовать облик этого привилегированного слоя холопов удельного времени.

Конец XV в. является порой образования Русского государства. Усиление московской великокняжеской власти шло параллельно с ослаблением власти удельных князей. Для Западной Европы тот же самый процесс получил яркую характеристику в трудах Энгельса. Энгельс писал, «что во всей этой всеобщей путанице королевская власть (*das Königtum*) была прогрессивным элементом, — это совершенно очевидно. Она была представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации в противоположность раздроблению на бунтующие вассальные государства. Все революционные элементы, которые образовались под поверхностью феодализма, тяготели к королевской власти, точно так же, как королевская власть тяготела к ним».¹

Но пережитки феодальной раздробленности сохранились в Русском государстве даже в XVI в. По словам В. И. Ленина, «государство распадалось на отдельные земли, частью даже княжества, сохранившие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особенные таможенные границы и т. д.».²

Что же унаследовала от эпохи феодальной раздробленности Москва, когда она к концу XV в. сменила свою прежнюю роль одного из сильных удельных княжеств на роль главного, даже единственного политического центра всей тогдашней Великороссии?

Разбивая или опрокидывая малые и великие удельные столы, политически уничтожая своих соседей и соперников, Москва, однако, часто не доламывала их гнезд по свойственным деловым людям того времени осторожности и предоставляла удельным традициям мирно дотлеть на своих привычных местах. Бывшие удельные владыки, после утраты ими своих дворовых воинств, — своего рода зубов и когтей удельного княжества, — либо переведенных на московскую службу, либо просто разогнанных, не могли более угрожать Москве всерьез. Удельный князь, кашинский или микулинский, окруженный в домашнем быту своей привычной наследственной холопьею дворней, мог доживать свой век на уделе и даже управлять им, пока Москва не находила нужным по своим расчетам и соображениям лишить его даже этой власти — эфемерной, поскольку и на своей наследственной территории он был окружен уже не ему, а Москве подчиненной военной силой. При своевременном изъявлении покорности Москве за князем мог сохраняться некоторый штат его охотничьей боевой дворни, увлекаемой им за собою, когда он со своим скарбом и домочадцами должен был перекочевывать на берега Москва-реки, переходя в состояние простого московского послужильца, т. е. полу-холопа своего дальнего родича, сидевшего в московском Кремле. Меняя свое насиженное прадедовское место на берегах Мологи или Клязьмы на подмосковную усадьбу на берегах Истры или Яузы, он становился совсем безопасным. До поры до времени Москва могла относительно спокойно взирать на эту

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. , XVI ч. 1, стр. 445.

² В. И. Ленин. Соч., т. I, стр. 74.

срезанную со своих корней удельную поросль с ее телохранителями, тиунами-управителями, ловчими, псарями, выжлятниками, медвежатниками и т. д. Но могли ли безразлично относиться к многотысячной в своей совокупности боярской дворне служилые элементы, в течение одного-двух столетий испомещавшиеся под Москвой и в окружавших ее уездах? Если же эти служилые люди перебрасывались массами на новые, непривычные места в Ярославский, Тверской, Рязанский и другие бывшие уделы, где им приходилось устраиваться в незнакомых условиях, на сыром корню, подыскивая крестьянские и холопы свободные руки для ведения хозяйства и для боевой работы, тем более они должны были смотреть на последние остатки бывшего удельного великолетия со злобой и завистью. В ответ на эти, естественные в их положении, настроения они должны были переносить презрительные жесты не только самих удельных potentatov, трактовавших их как своих собственных вчерашних холопов (чем новые помещики во многих случаях в действительности и были), но даже и их старых, к ним приросших удельных слуг.

В самом «московском кулаке», на грязных, но бойких московских улицах, бывшие тверские, ярославские или шуйские холопы, доезжачие и псари своих государей, с хорошими или дурными счетами с ними, бродили вооруженными толпами или выстраивались на смотрах под кремлевскими стенами, и чувство зависти ко вновь построенным боярским хоромам должно было быть у них очень острым.

Остатки удельного богатства не могли не беспокоить и не манить многочисленных нещедро устроенных и в уездные корпорации не сверстанных, физических господ положения. На пути к их хозяйственному обзаведению в новых условиях (поскольку они уже успели проникнуть в столичные разряды) были остатки у крупных феодалов нередко многосотенных, а в совокупности даже многотысячных отрядов, их окружавших. Феодалы эти, под личиной вольной или невольной слепой покорности и раболепного приравнения себя в ходячих формулах положению своих собственных подлинных «старинных холопов», не могли не таить горьких воспоминаний о вчерашней независимости, а быть может, и мечтаний о ее реставрации в случае (не вполне невозможном) ослабления или шатания власти в московском Кремле. После 1533 г. к этому прибавились и другие, более реальные, соображения: реставрация удельных традиций, с их счетами и потасовками, стала осязательным фактом, окарикатуренным московской теснотой и уже сложившейся системой московской бюрократической централизации, настолько выгодной в финансовых вопросах для всякого правящего круга, что на разрушение ее ни у Шуйских, ни у Бельских, — тогдашних господ положения, — просто не могла подняться рука. Когда в разгоревшейся боярской смуте на улицах Москвы бушевали шайки боярской челяди и новоиспеченных, только вчера поверстанных московских помещиков, столичные правители не могли не чувствовать всей опасности дальнейшего существования значительных боярских вооруженных отрядов. Интерес поживы за счет боярских усадеб сливался в этом случае с деловым интересом, требовавшим полицейского обеспечения государственного порядка. В этой-то обстановке и родилась, наконец, некоторая общая политика Москвы по отношению к холопству в целом.

Политика феодального правительства, конечно, может быть в должной мере понята и оценена только в свете экономического развития русских земель в XV—XVI вв., выразившегося в росте товарно-денежных отношений, общественного разделения труда, рыночной системы, к которой должна была приспособливаться феодальная вотчина. Развитие экономических связей подготовило процесс образования централизованного феодального государства. «В России роль объединения

национальностей взяли на себя великороссы, имевшие во главе исторически сложившуюся сильную и организованную дворянскую военную бюрократию».¹

Перед Москвой как политическим центром, распоряжавшимся судьбами и средствами всей тогдашней Великороссии, явления холопьяго быта и обычного холопьяго права выдвинули ряд задач, весьма между собою различных и даже противоречивых. Скопление в самой столице и в наиболее важных пунктах Московского государства больших количеств выездных слуг, притягивавших вместе с собою в московское подчинение и тысячные массы своих вассалов и холопов, в XIV—XV вв. было выгодно для московских государей. Но наступил момент, когда холопий вопрос не мог не сделаться источником беспокойства и смущения для умов московского приказного управления, и мы будем наблюдать поэтому в политике Московского государства по холопьяму вопросу смену разных настроений. Препятствовать притоку новых отрядов боевых слуг, если они «въезжали» в московские пределы в сопровождении значительных вооруженных свит, вроде свиты, приведенной пресловутым боярином Родионом,² или дружин опытных степных наездников, следовавших за знатными татарскими мурзами, — с московской точки зрения было бы неразумно. Скопление в Москве этого в первых поколениях чуждого московским традициям вооруженного люда, еще слабо с московским населением связанного, в то время как юго-западные и южные границы государства отстояли от столицы всего на 200—300 км, при постоянной возможности внутренних смут и внешних конфликтов, не могло не внушать в Кремле серьезных опасений. Ломать холопы аккумуляции роспуском и разгоном было трудно и, по военным соображениям, нерасчетливо, а оставлять положение долгое время в этом межеумочном состоянии — небезопасно. Следуя своему, веками выношенному и из народной русской логики почерпнутому, принципу не торопиться, а выжидать и наблюдать, русское феодальное правительство в течение целых 50 лет, от середины XV в. до первого десятилетия XVI в., охраняя своих холоповладельцев, занимает в вопросах холопьяго права позицию как бы вооруженного нейтралитета, символически выраженного (в сфере судебного процесса) фигурой московского окольного, «стоявшего у поля» и только наблюдавшего за конфликтом сторон на судебном поединке. Но слишком долго играть в вопросах холопьяго права роль окольного московскому законодателю было невозможно. Ход вещей вынудил медлительный московский приказ к ряду активных выступлений.

Не столкнувшись с холопством Москва не могла. Однако самому крутому приказному политику было ясно, что столкновение это не должно было быть ни резким, ни бурным, несмотря на всю глубину возникавших «вопросов» и на огромные последствия того или иного их решения в дальнейшем.

Столкнувшись в XVI в. с холопством, Московское государство встретило фронт крепко между собою сросшихся идей: кроме факта, холоповладение было еще и сложной идеологической структурой, тем, что принято называть «миросозерцанием». Для того чтобы уяснить себе смысл и характер борьбы Московского государства с некоторыми чертами холопьяго права, мы должны оценить и взвесить идейные трудности, возникавшие на этом пути перед вотчиной московских государей.

¹ И. В. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 10. Партиздат, 1934 г.

² Если верить фамильному преданию, державшемуся в родах, пошедших от этого Родиона Несторовича, он привел с собою 1700 человек, т. е. вооруженную массу чуть не трех кавалерийских полков позднейшего времени.

Прежде чем говорить о конфликте Русского государства XVI в. с холопством по конкретным вопросам, остановимся на неслышном и внешне не выраженном, но глубоко принципиальном конфликте идеи суверенитета централизованного феодального государства с идеей своеобразного суверенитета времен феодальной раздробленности, покрывавшего холопство своего рода юридической броней. Этот ни в каких декларативных формулах не выраженный, но в смысле бытовых настроений весьма и весьма ощутимый правовой покров должен был вызывать у носителей московской государственной власти тем большее раздражение, что, затрагивая его и посягая на везде разлитый принцип неприкосновенности холопства, правящая Москва не могла в то же время не оглядываться на свой собственный холопий тыл и не испытывать чувства известной неправоты или неловкости. Учесть эту антиномию в их отношении к холопству очень важно, но людям другой эпохи стать на точку зрения такого понимания холопства не легко.

Для правительственных кругов Москвы XVI в. «холопство» было не только огромным, пестрым, запутанным и противоречивым комплексом социально-экономических явлений, оно было и сложным сооружением правового характера, опиравшимся на глубокий и прочный и господами и даже холопами неизменно и дружно признававшийся правовой пролепсис. Этот пролепсис давал упор и сообщал целостность всем раздробленным юридическим частностям правовой оболочки холопского уклада и веками поддерживал его прочность и стойкость.

Попытаемся определить психологические и юридические предпосылки холопства со следующих трех наиболее существенных точек зрения: 1) нравственной, 2) специально юридической и 3) политической.

1. Миросозерцание того времени предполагало в отношениях между господами и холопами наличие глубокой, органической, даже нравственной связи, весьма похожей на связь между единокровными родственниками, детьми и родителями, братьями и сестрами и т. д. В основе понимания холопских отношений лежала идея внутренней солидарности между обоими участниками этой дуалистической системы. По своей физической и нравственной природе холоп должен быть верным и преданным слугою своего господина до гроба. Неверность, измена, предательство холопом своего господина суть явления, внушающие отвращение и презрение не только страдающим от этих фактов господам, но и посторонним наблюдателям. Обязательства холопов и господ взаимны и сходны с обязательствами, скрепляющими детей и родителей: господа обязаны пещись о холопах и руководить ими, а холопы — служить господам не за страх, а за совесть, не щадя ни здоровья ни живота своего. «Верный раб» есть не только нравственный, но и глубокий религиозный идеал, а «раб неверный», наоборот, — объект негодования и возмущения, нечто отверженное, беспощадно осуждаемое и житейской моралью и религией и подлежащее всяческим карам и в этом и в загробном мире. Известно, с какой любовью и старанием церковь разрабатывала образ раба верного и усердного и раба неверного и нерадивого, раба доброго и раба злого и т. д. Трудно учесть воспитательное воздействие этих поучений на безмолвно внимавшую им много столетий подряд церковную паству, но для нас нет сомнения в том, что неумолчное повторение этих поучений должно было гипнотизировать волю слушающих проповеди и церковные возгласы людей, и влияние их, если вспомнить постоянное повторение тех же мотивов нравоучительной литературой того времени, не могло не быть весьма значительным.

2. Юридическая радиация тех же умонастроений, хотя она и проступала в жизненном обороте реже, чем радиация религиозно-нрав-

ственная, имела, однако, более глубокое влияние, чем первая. Так, принадлежавший своему государю-господину на вещном праве, как домашнее животное, холоп мог быть и, несомненно, бывал на каждом шагу орудием злой воли своего хозяина. Теорию юридической ответственности перед гражданской властью совершившего преступление холопа простоудушно проводит даже Русская Правда (Тр. сп., 42).

Холоп являлся естественным уполномоченным и доверенным своего господина во всех житейских комбинациях: в выступлениях на суде, при собирании финансовых повинностей, при отбывании военной службы и т. д. Холоп выступал в суде и представлял лицо своего господина, без предъявления какого-либо документа, просто потому, что он принадлежит своему господину телом и душой, и судьи считали факт этой связи совершенно достаточной юридической гарантией процессуальной добросовестности подобного поверенного.¹ Затем, холоп был естественным домоправителем и поселским у своего боярина. И теория и практика признают его законным заместителем своего хозяина на усадьбе, при надзоре за полевыми работами, в торговых и в житейских сделках. Положения эти были аксиоматическими допущениями холопского права, не требующими ни разъяснения, ни подтверждения, ни защиты: это — нечто всегда само собою разумеемое, всем ясное, понятное и неоспоримое. По взглядам людей того времени — так было искони и так будет до окончания веков.

3. Политическая радиация идеи холопства — радиация более сложная и более поздняя. Она явилась реакцией политическому нажиму на холопство со стороны соперника, каким была, например, для удельных князей сильная Москва, подбравшаяся к холопскому «святой святых» своих незадачливых соседей. Излучение этого подразумеваемого принципа предполагает, что холоп знает и может знать только ту политическую зависимость, которая ложится на него, как тень, от фигуры его господина-государя и внутренне определяется целиком его зависимостью от хозяина.

Военные или политические движения холопов против своего государя (в бытовом смысле явление довольно редкое) суть нечто противоестественное, аналогичное, по нынешним понятиям, самым черным случаям государственно-национальной измены, факт, однородный с восстанием детей против родителей, так настойчиво и убедительно осужденный Библией и церковью в фабуле об Авессаломе и т. п.

«Оле страшно чудо и дивно, братье, — восклицает летописец, повествуя о Липецкой битве, — пойдоша сынове на отца, а отцы на дети, брат на брата, рабы на господину, а господин на рабы».²

Холоп, покушающийся на социально-политическое положение своего господина, вызывает дружное осуждение. Вспомним, с каким единодушным омерзением говорит русская литература XVII в. об единственном избранном самим населением царе Борисе, ставя ему в вину то, что он произошел не от господского «царского корня», а был только слугою и холопом (правда, уже в повышенном политическом смысле) царя Федора. Дьяку Тимофееву, всего выразительнее клеймящему Бориса его рабским происхождением, вторят проклятия владыки Гермогена, посылаемые им по адресу непочтительных холопов, покушающихся занять господские места.

«Окопясь, разбойники и тати и бояр и детей боярских беглые холопи, в той же дрежде погибшей и оскверненной Северной Украине, — восклицает патетически патриарх, — и, сговорясь с воры и казаки, которые отступили от бога и от православные веры и повинулись

¹ См. печатаемые в Приложении процессы по холопским делам.

² Лаврентьевская лет. под 1216 г., изд. 1897 г., стр. 469. Факт этот так поразил современников, что о нем на разные лады повествуют несколько летописей, например, Новгородская, Тихоновская и др.

сатане и дьявольским четам,... и пришли в Рязанскую землю и в прочая грады»¹ и т. д.

Этот взгляд нашел свое выражение в поговорке, уважительно проводящей идею расовой раздельности господ и холопов: «Не дай бог сделать господина из холопа и холопа из господина!»² и т. п.

Вполне естественно, что подчинение населения господину или государю-вотчиннику определяется формулами холопьеи зависимости: для большинства своих ближайших слуг государь московский (как и всякий удельный князь) был государем именно в том смысле, в каком он был государем для своих псарей и доезжачих, являвшихся его холопами в буквальном, а не в переносном и искусственно уничижительном смысле. Первыми политическими подданными великого князя московского, как и тверского, рязанского, ярославского и других великих князей, были именно его «слуги под дворским», т. е. ближайшие военные и хозяйственные холопы, личные телохранители и исполнители его воли; только позднее термин этот, переброшенный на все служилое сословие, стал шаблонной формулой политического подчинения и привилегированного служилого подданства. С XVI в. мы начинаем встречать в летописи ходячее, имеющее политический смысл, выражение «учиниться в холопстве». По тому, как болезненно реагировали на холопью формулу подданства, связанную с термином «государь» (и с подразумеваемым при этом для противоположной стороны термином «холоп») не привычные еще к московскому стилю политических отношений новгородцы, можно видеть, что с этим словом была соединена перемена в самом характере и стиле отношений власти к населению.

Веками воспитанные и веками выношенные, хотя систематически и планомерно никогда и нигде не выраженные допущения покрывали внутренний холопий уклад боярской и дворянской вотчины своего рода панцирем из понятий. Панцырь этот защищал неустойчивый социальный симбиоз поработителей и единоплеменных им поработенных от всякого постороннего вмешательства, будь то даже рука такого мощного государя-сеньера, каким стал в XV—XVI вв. московский государь для своих феодальных слуг, вотчинников и помещиков с их холопскими дворянами.

Конечно, — ответил бы нам на вопрос о характере этих своеобразных отношений холоповладелец тех времен, — мой сильный сосед может злоупотребить своим положением и своей силой, он может посягнуть на мое холопье добро, может разметать по ветру мое богатство, распустить всех моих холопов, но такое посягательство не может не быть грубым и для него самого опасным правонарушением, внутренне осуждаемым им самим, ибо он отлично сознает в этом случае свою социальную неправоту. Может нарушить целостность наших холопских богатств и война, но ведь ничего несокрушимого на свете вообще не бывает, «мир стоит до рати, а рать, до мира», наших холопов можно разогнать и перебить, расхитить, взять в полон, но противоестественно — ждать от них добровольной измены своему холопью долгу. Восстановится нормальный порядок, воскреснут древние единственно правильные и единственно справедливые формы отношений, и опять восторжествует наше старинное: «А холопу робе суд от века», т. е. оживет древнее, как сама земля, традиционное холопье право со всеми его исконными презумпциями.

Таков был голос веков. Сменялись поколения, обновлялись группы сильных и богатых людей, нарождались, ответвлялись, отмирали новые самостоятельные политические единицы (Киев, Новгород Великий.

¹ ААЭ II, № 58.

² Доселе поговорки на эту тему очень живучи.

Ростов, Суздаль, Владимир, Москва, Тверь, Рязань и т. д. и т. д.), а над умами, правовыми понятиями и настроениями совести тяготели все те же вековые начала, нигде не выраженные как таковые, но в виде общей настроенности, — тем не менее, все и вся определявшие.

К разрушению этого социально-политического мирозерцания и связанных с ним деловых практических заключений и формул и вынуждена была ходом вещей, как бы против своей воли, приступить Москва, не имевшая возможности, во имя своего самосохранения, примириться с удельно-феодальной постановкой холопского вопроса. Но конфликт развился не в виде принципиального шока с теми общими идеями, которые мы сейчас пытались изобразить, а в виде борьбы с разными частностями холопского уклада, на каждом шагу беспокоившими московских правителей. Посмотрим же, какие стороны холопства не могли не вызвать повышенного раздражения в московской правящей среде и не могли не потребовать активного вмешательства со стороны московского администратора и законодателя.¹

§ 6. РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО И ХОЛОПСТВО В XVI В.

Подойдем ближе к реальной стороне явлений и постараемся вникнуть в те опасения и тревоги, которые должен был возбуждать холопий вопрос в московских правителях XVI в. В княжение Ивана III боевое значение холопского вопроса едва ли было учтено, но если мы станем на точку зрения центрального московского правительства следующего княжения Василия III, то холопий вопрос неизбежно должен был возникнуть перед тогдашними правителями Московского государства уже в эти десятилетия в виде трех основных заданий: 1) военно-технического, 2) административно-полицейского и 3) экономическо-финансового. Остановимся на каждом из этих трех моментов.

1. Сосредоточение в Москве и под Москвой больших комплексов военных слуг из бывших независимых удельных княжений, как мы уже говорили, быстро увеличивало московские ресурсы вливавшимися в ряды московского воинства готовыми боевыми кадрами, часто с очень хорошей боевой закалкой, полученной в борьбе с пограничными набегами татар или литвы. Кадры эти в не очень отдаленном прошлом решали исход немалою числа роковых боев XIV—XV вв. Так, холопскими отрядами были одержаны победы на Воже и на поле Куликовом, такие же вооруженные силы присоединили владения Новгорода Великого при Иване III, вернули Смоленск при Василии и т. д. и т. д. Но скопление этих полуфеодальных воинов было сопряжено и с трудностями и с опасностями. Трудности были связаны с задачами мобилизационными и с требованиями экипировки и снабжения. Загороженные от великокняжеской власти фигурой своего собственного боярина-холоповладельца, эти разнокалиберные холопы отряды, состоявшие то из 3—4 боевых единиц, то выраставшие до целых эскадронов вооруженных холопов, не были связаны в нечто целое ни уездной служилой корпоративностью, ни круговой порукой, ни традицией совместной боевой работы на одном и том же фронте и потому не могли расцениваться Москвой так, как ценилась ее собственная военная, вновь формируемая, организация из помещиков. Отсюда — естественная задача московских правителей подогнать устройство этих разнородных по происхождению боевых сил под общий шаблон специально московских военнотружеников посадок поместного характера, наметившихся в больших княжествах не позднее XV в. Чем значительнее был прилив в Москву новых служилых холопов, тем сильнее должны были

¹ Жалобы кн. Курбского на одиозные, с его точки зрения, факты предательства холопами своих господ общеизвестны.

тревожить ее и заботы об их организации. Как велики были эти боевые кадры «боярских людей» в рядах московских армий, нам не раз покажут даже летописные данные, вообще говоря, исключительно бедные статистическим материалом.

Так, в бою 1555 г. с крымцами убито 5000 боярских людей, а в бою с орденскими войсками под Выборском (в Ливонии) в 1560 г. «пало 70 сынов боярских да с тысячу боярских людей, а многих ранили».¹

Московское правительство штрафовало за невывод положенного по общему расчету вооруженного количества холопов и, наоборот, давало щедрую премиальную субсидию за каждого вооруженного холопа, выведенного служилым человеком сверх положенной нормы. Так называемая «передача» лишнего человека в доспехах вознаграждалась 5 р., а лишнего человека в тегиляе — 4 р. Недодача против установленного по расписанию количества вооруженных людей каралась штрафом за человека в доспехах в размере 4 р., а за человека в тегиляе — 2 р. За недоданный доспех и тегилий, при даче самого человека, штраф обычно был тот же, как и за недодачу человека в доспехе или тегиляе, т. е. равнялся соответственно 4 р. и 2 р. За недоданный шлем «железный» (по терминологии того времени) или медный, повидимому безразлично, полагался штраф в 2 р.²

Окружение себя собственными вооруженными холопами-телохранителями являлось вопросом жизни или смерти, а не одного только удобства и домашнего благополучия. Понятно, какую зависть в этих энергично пробивавшихся в Москву и в ней устраивавшихся служилых группах должна была возбуждать боярская дворня из старинных холопов, ютившаяся в усадьбах при московских хоромах старой и новой удельно-княжеской боярской знати. Естественным, хотя вначале и очень осторожным, ответом московского правительства на эти настроения должны были явиться боярские опалы и связанные с ними роспуски больших холопских скоплений в боярских дворах. Вместе с тем, Москва вводит путем бумажной кабелизации, — как мы условно будем называть перевод холопией зависимости в стереотипную формулу «кабалы за рост служить», — укороченную пожизненную для господина срочность холопства, как образчик взятую, надо думать, из условий, определявших положение ее высших боевых слуг, и изменяет затем юридическую постановку холопства в целом, сверху донизу, для всех его разрядов, — по крайней мере в юридической теории.

Радикальным решением было бы сразу оторвать холопов от бояр, взяв мобилизацию и военную экипировку их полностью в ведение органов самой московской власти. Однако ни в XVI ни в XVII вв. Москва, по общему осторожному характеру своих приемов, не могла решиться на эту меру и довольствовалась созданием возле дворянско-холопского войска «пристроек» в виде новых категорий военных сил, — стрельцов, прибора, полков иноземного строя и т. д., не разрушая, почти до Великой Северной войны, основного ядра, состоявшего из дуалистического сочетания двух социальных групп — господ и холопов.

Частично видоизменяя в XVI и XVII вв. состав дворянского корпуса своей армии, Москва прорежала выборочно ряды многотысячной боярам принадлежавшей холопией боевой массы, отбирая из нее наиболее ценные в военном смысле элементы и переводя их в состав своих собственно московских уездных отрядов, как это, несомненно, делалось еще в течение XV в. На какие-либо радикальные меры в этом

¹ ПСРЛ, т. XIII, стр. 258 (текст, к сожалению, испорчен) и стр. 321. Участие холопов в походах упоминается то и дело, например, стр. 257, 354 и многие другие. Напомним, что обычная пропорция убитых в бою по отношению к числу раненых 1:10.

² Наблюдения над этим списком подробно изложены в Приложении 7.

направлении Москва не отваживается, так как она зависит на каждом шагу от своих слуг более высокого ранга и руководствуется в своей законодательно-указной деятельности интересами именно этого класса, представителями которого были и сами московские князья. Кроме трудностей правовых, нравственных и юридических, радикальное решение было бы опасно еще и технически, так как оно нанесло бы сильный удар старой организации. При никогда не прекращавшейся внешней борьбе такой подрыв боевой и социальной годности верхов служилого сословия мог быть пагубным. Полная отмена холопства угрожала бы развалом самых основ крепостнического режима, феодальной Москвой поддерживаемого. Поэтому выдвинутую жизненную задачу Москва решает лишь медленно и исподволь, с большими интервалами, проволочками и сравнительно осторожным выбором холопов, жалуемых в низшие разряды служилых людей.

Процесс этот в своем медленном развертывании растянулся столетия на полтора (от времен Дмитрия Донского до начала самостоятельного правления царя Ивана), но только в половине XVI в. развитие его приобрело бурный и стремительный характер, связанный с причиной.

2. Административно-полицейские заботы московской власти, причиняемые большими скоплениями боярских холопов в недрах самой столицы московских государей, вызывалось текучестью этих холопских кадров, определяемых в своем составе только доброй волей и усмотрением господ. Бесперывное движение холопов взад и вперед по распоряжениям своих бояр грозило очень серьезными опасностями и шпионажа и прямой измены. Как разнузданы были эти боярские холопьи контингенты, мы можем судить по некоторым очень ярким, хотя, к сожалению, весьма немногочисленным свидетельствам наших летописей.

Так, если участие боярских холопов и не вызывало прямо длительной Шемякиной смуты 1440-х гг., то во всяком случае раздуло и усилило ее.

Бесчинства, произведенные на Белоозере холопами, сопровождавшими в. кн. Софью во время ее известной ретирады в эту глушь из страха перед нашествием Ахмата в 1481 г., так поразили современников, что ряд летописных сводов включил повествование об этих холопских подвигах в свои немногословные тексты. «Тое же зимы, — с оттенком явной иронии повествует летописец под 1481 г., — прииде великая княгиня Софья из бегов, бе бо бегала за Белоозеро и с боярынями от татар, а не гонима ни кем же. И по которым странам ходила, тем стало пуще тотар от боярских холопов, от кровопивцов христианских. Воздай же им, господи, по делом их и по лукавству зачинания их, по делом рук их даждь им, господи».¹

Не без прямого деятельного участия княжеских холопов происходили попытки бегства в Литву недовольных московских бояр. Так, в 1480 г. князья Андрей и Горай, поссорившиеся с братом в. кн. Иваном III, «побравше своя казны и жены и дети, и повергыше свою отчину, поидоша прочь, а около их множество бояр и людей, яко мнети ми до 20 000 и, отъехавше, стаха на Луках на Великих; и куда идоша, тыя волости вся положиша пусты, и грабиша и плениша, токмо мечи не секоша, а Луки без останка опустеша, и бе видети многим плачь и рыдание».² В деле о бегстве в Литву князей Ник. Сем. Лобанова-Ростовского, Семена Ряполовского, Приимкова и др. в 1554 г.,

¹ Эпизоды эти произвели такое впечатление, что о них на разные лады говорят несколько летописей. Ср. Софийская 1-я, Соф. 2-я, Новг. 4-я (ПСРЛ, т. IV, стр. 154 и т. VI, стр. 21, 232).

² ПСРЛ, т. V, стр. 39.

участвовали в качестве посредников в сношениях с литовскими посланцами доверенные княжеские холопы Бахтей и Семейка, жестоко за это поплатившиеся. За попытку бегства бояр из Московии дворни их были распущены. Легенда о Шибанове слишком известна для того, чтобы здесь на ней останавливаться. В пору малолетства Ивана IV (1533—1547 гг.) при энергичном участии в набеге бояр друг на друга боярских холопов происходили боярские смуты, грозившие снова вспыхнуть по смерти царя Ивана в 1584 г. Несомненно, при участии боярских холопов, покорно следовавших за своими боярами, совершилась и измена московских войск царю Борису в 1604 г. Даже в конце XVII в. холопы кн. Лобанова-Ростовского делали небезопасным движение по такой центральной московской улице, как Б. Дмитровка.¹

Верстание и посадка боевых холопов в низшие разряды служилых людей не были радикальной панацеей против «воровства» на больших дорогах, так как грабежом занимались и сами дети боярские и городовые дворяне не только в XV—XVI, но и в XVII—XVIII вв. Все же это было очень важное и довольно действительное средство: испомещенные и поднятые на сравнительно более высокий социальный уровень распоряжением московской власти холопы, естественно, прочнее прирастали к ней, и, будучи посажены на землю, оплетались корпоративной военно-полицейской дисциплиной, предупреждавшей или, во всяком случае, очень затруднявшей отдельным их представителям грабительские эксцессы. Но задачу эту вполне не успел разрешить даже и XVII в.

3. Вредные для княжеского казначейства последствия похолопления были постоянным предметом беспокойства и забот со времен Русской Правды, и в договорных актах удельного времени мы на каждом шагу встретим условие — не сманивать и не свозить в свой удел рабочей силы из соседних княжеств. Таковы, например, обычные требования договоров Новгорода с князьями московскими. Выше мы уже упоминали о той роли, какую играли в борьбе за человеческий материал слободы, организуемые в пограничных пунктах специально именно для сманивания чужого населения и для притяжения своих собственных бродячих элементов. Людей в те времена никогда не было слишком много, и охота за человеческим капиталом была постоянным предметом забот всякой правительственной власти. Между тем переход в боярский двор, т. е. переход из положения вольного человека в холопью зависимость, было, несомненно, очень осязательной для финансовых интересов власти уткой платёжных сил. Правда, похолопленный господином тяглец мог продолжать быть полезным политическому сюзерену удела и через посредство своего холопего господина, поднимая его платёжеспособность и боевую готовность, но доля пользы, получаемой князем-государем от такого, бывшего ранее его непосредственным тяглецом, холопа, значительно понижалась.

В начале XVI в. быстро разбогатевшая московская власть относилась к переходу крестьян «с пашни» в холопы еще терпимо.² В этот период перевешивали очевидно выгоды, проистекавшие от усиления

¹ ПСРЛ, т. XIII, стр. 237—238. О разбоях дворни кн. Лобанова-Ростовского см. у Забелина, «Быт московских царей». Разбойничьи подвиги гр. Девьера, грабившего со своими холопами на большой дороге, оставили, как известно, яркий след в уголовной хронике XVIII в. Фельдмаршал гр. Миних, уже в царствование Анны, возражал против роспуска со службы по домам дворянских контингентов петровской армии, опасаясь «умножения через то разбоев по большим дорогам».

² Надо думать, что 87 ст. Суд. 1497 г. была не новеллой, впервые появившейся в тексте Судебника, а только воспроизводила порядок, действовавший в течение многих десятилетий, если не столетий, в прошлом. Сама Москва, образовавшаяся как сгусток из полсотни поселений, была гигантской притягательной слободой не только для плотников, гончаров, хамовников, корчмарей и т. д., но и для военных слуг, не могших обходиться без похолопления в свою пользу.

верхнего слоя своих московских слуг, работавших над похолоплением. Москва и в дальнейшем долгое время будет терпимо относиться к похолопению индивидуальному, хотя по временам станет предпринимать ожесточенные кампании против похолопления массового, похлывшего название закладничества, при котором десятки тысяч людей превращались в закладников, т. е. социальных и политических клиентов сильных людей. С конца XVI в. борьба с разливом закладничества станет постепенно одной из самых насущных забот московской власти во имя прекращения утечки платежных крестьянских и посадских сил, норовивших укрыться от повинностей под защитой своих сеньеров.¹

Наблюдатель нашего времени не может не испытывать недоумения, вникая в сравнительно очень вялое, прерываемое лишь спорадическими вспышками энергии, отношение московского правительства к этой правовой, казалось бы, самой жгучей стороне дела. По слабости реакции людей того времени на правовые вопросы, особого значения чисто юридической стороне дела Москва, очевидно, не придавала, несмотря на постоянное распространение финансовой червоточины закладничества и несмотря на затраты иногда громадных усилий специальными московскими приказами по сыску и по борьбе с этим социальным и финансовым злом.

Статистика массовых отливов в закладничестве очень внушительна: сыск закладчиков, вернувший Московскому государству в эпоху царя Алексея до 20 000 тягловцев, показывает, как значительно было социально-экономическое течение в этом направлении.

Если мы обратимся к цифрам, характеризующим ход индивидуальных закабалений по Новгородскому району, данными которого располагаем,² то увидим, что утечка фактических или, при перекабалении, потенциальных платежных единиц в холопстве по 472½ дворам Новгородского посада достигала в среднем 81 тяглеца в год. Следовательно, со всех 20 988 дворов московских посадов похолопнение могло втягивать за полный год около 3 600 тягловцев, да к этой цифре надо еще прибавить похолопнение в уездах, энергично проводимое, например, в новгородских пятинах, так что общий итог тягловцев, исчезавших или почти исчезавших для государства за воротами боярских дворов, мог простираться в негодный год до 4 000 человек. В голодные же годы (напр., в 110—112 гг.), как мы видим из статистических данных, относящихся к Новгороду и его области, похолопнение поднималось и в Новгороде В. и в пятинах Бежецкой и Деревской в 8—10 раз. Привыкшим зорко учитывать не только каждый алтын, но и каждую деньги, московским финансистам здесь было над чем серьезно задуматься, и нам вполне понятна та суматоха, которую московские администраторы считали нужным по временам поднимать около вопросов холопского дела.

Борьбу с холопством в широком масштабе при некоторой принципиальной постановке Москва начинает вести сначала на новгородской территории, производя *manu militari* массовые раскрепощения холопов новгородских бояр, призывая их к присяге и к несению тягла. Не

¹ Борьба с массовым разливом закладничества в конце XVI в. становится вполне понятной в свете хозяйственного кризиса, назревшего к началу XVI в. и послужившего экономической предпосылкой возникновения Крестьянской войны. Основная причина хозяйственного кризиса заключалась в трудности приспособления феодальной вотчины к рыночным отношениям. Отсюда усиление феодальной эксплуатации, приведшее к разорению непосредственных производителей. Хозяйственный кризис был еще более обострен Ливонской войной, вызвавшей напряжение платежных сил тяглого населения, а также опричниной. Феодально-крепостнический нажим и заставлял тяглое население «закладываться» за привилегированных землевладельцев.

² См. здесь гл. II и нашу работу «Приказ сбора ратных людей». Цифра посадских дворов взята оттуда.

позднее первой четверти XVI в. роспуском холопов при опалах Москва начинает борьбу с институтом холопства и у себя дома.

Верная своей вековой методе, Москва делает иногда один шаг вперед, а потом — два шага назад, или отклоняется в сторону, точно забывая о только что налаженной установке, спотыкается о какие-то нам незримые препятствия и делает непонятные долгие паузы в такие острые периоды, каким была, например, Крестьянская война начала XVII в. Крестьянские войны феодальной эпохи на Руси, как и в Зап. Европе, проходят в обстановке острых социальных столкновений, общий характер которых вскрыт Энгельсом: «Князья, дворяне, прелаты, патриции, бюргеры, плебеи и крестьяне — образовали чрезвычайно запутанную массу с чрезвычайно разнообразными, во всех направлениях взаимно перекрещивающимися потребностями. Каждое сословие стояло поперек дороги другим и находилось в непрерывной то скрытой, то открытой борьбе со всеми остальными».¹

Неуверенными и странными, с нашей точки зрения, приемами вмешательства в постановку холопского вопроса Москва долго как бы нащупывает и вырабатывает компромисс, не решаясь действовать в опасной сфере холоповладения твердо и последовательно. Многократно повторенными разнотипными усилиями она как бы ищет решения поставленного жизнью задания. Это особенно характерно для предпринятой Москвой, вначале очень решительной, кабелизации холоповладения и связанных с ней ограничительных мер, ударявших уже по принципам обычного холопского права. Московской законодательной работой руководят в данном случае не отвлеченные волевые понятия-принципы, направленные на благо самих холопов и на защиту их свободы (в такие возвышенные сферы московский приказный не возносился!), а узко, условно и часто превратно понятый казенный интерес. Но как ни нажимала Москва на холопство, в конечном счете результат этих давлений на холоповладельцев и противодавлений с их стороны был совсем не тот, на какой Москва как будто рассчитывала в конце XVI в. Решение развилось, так сказать, по диагонали сил. Благодаря происшедшей за XVII в. социальной спайке между служилыми столицей и уездом, концом и завершением длительного и по временам очень болезненного процесса была не отмена холопства, а превращение и холопа и крестьянина в так называемую крепостную «ревизскую душу», соединившую в себе почти все отрицательные черты подневольного состояния и холопа и владельческого крестьянина.

«Национальное государство помещиков и торговцев», развившееся «за счет крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры»,² возложило на холопов, как и на владельческих крестьян платежи и повинности, особенно самую тяжелую и для государства самую важную, повинность рекрутскую, но не ослабило, а усилило власть господина над той и другой категорией подневольного населения. Холопство формально было нивелировано под один юридический уровень с крестьянством, чего так хотело и на что не смогло отважиться, несмотря на все примененные для этого ухищрения, всемогущее по отношению к лицам, но не порядкам, Московское государство XVI—XVII вв.

Таким образом, развитие крепостничества в России шло по линии нарастания в нем таких черт, которые сближали его с фактическим рабством. Эта сторона дела, как известно, подчеркнута В. И. Лениным: «...Крепостное право, особенно в России, где оно наиболее долго держалось и приняло наиболее грубые формы, оно ничем не отличалось от рабства».³

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 126.

² И. В. Сталин. Беседа с Эмилем Людвигом.

³ В. И. Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 367.

Ведя борьбу с холопством как фактом и пытаясь на разные лады обработать его, московское правительство должно было натолкнуться на его внутреннюю, глухую, только подразумеваемую, принципиальную позицию. Суверенитет Московского государства не мог не столкнуться с суверенитетом холоповладельца, и Москва, казалось бы, не могла начать борьбы с принципиальной позицией холоповладения. Но она этого не сделала, прямого столкновения с этой идеей не произошло ни в XV, ни в XVII, ни в XVIII вв., ни даже в первую половину XIX в. — вплоть до 1861 г. Крепостному государству неудобно было разрушать до конца основные органические принципы своего социального строя, выгодного всем высшим его классам. Приказные дельцы его знали — посягни они на холоповладельческие «начала» сегодня, завтра же им придется бить отбой и восстанавливать то, что они отменили сегодня. Нетрудно понять, как внутренне тяжело было бы московским правителям покушаться на ломку холоповладельческого уклада. Могли ли они с легким сердцем затрагивать порядок, который каждый из них лично у себя дома, в собственном быту, считал священным и неприкосновенным?¹

§ 7. НАМЕСТНИЧЬЯ АДМИНИСТРАЦИЯ И ХОЛОПЫ

Для понимания динамики этих явлений нам надо на время отойти в сторону от центра, заглянуть в область местной «кормленческой» администрации и произвести некоторую экспертизу ее строя и склада.

Кончая соби́рание Русской земли и разбухая из удельной вотчины во «все государства Российского царствия», Москва культивировала ветхие «ключнические» навыки удельного времени, развивая их в новых масштабах и создавая на время замечательную по примитивности всей постановки систему кормлений, исполненную глубоких внутренних противоречий. Кормленщик — правительственный агент, лишенный связи с местным обществом, а вместе с тем и серьезной ответственности перед ним, должен был хлопотать в своих выгодах не о предупреждении и пресечении преступлений, а как раз наоборот, об их умножении и распространении. В небольшом по размерам уделе подобное зло, если не парализовалось, то смягчалось близостью хозяйского княжеского надзора и органической связью кормящегося сановника с родственным ему населением округа. Но при новых московских масштабах, в миллион с лишним квадратных километров, последствия посадки случайных для местности кормленщиков получили чудовищный характер, вполне вскрывшийся в первые же десятилетия XVI в. Развитие системы кормлений должно было подготовить обострение холопского вопроса, привлечшее к себе серьезное внимание правящих кругов Москвы в XVI в.

Заглянем ненадолго в карьерные перипетии знатного московского служилого человека. После того, как летняя служба «на Берегу» или на «Литовском рубеже» кончилась, и воеводы «с конь ссели», служилый человек высокого ранга — боярин, окольныйчий, стольник и т. д. получал в очередном порядке разрешение в течение года или двух покориться и поправить дела на судебно-административной должности кормленщика. Слуги, военные холопы таких кормленщиков, их боевые сотоварищи по ратному делу в походах и лагерных стоянках,

¹ История развития крепостного права на крестьян — особая сложная проблема, в глубину которой мы сейчас входить не намерены. Полное холопство было порождением раннего феодализма, когда элементы рабовладения занимали большое место в феодальной системе. Развитие кабального холопства в быту тесным образом связано с развитием крестьянской крепости, так как закрепощение массы непосредственных производителей отодвинуло на второй план роль труда холопов в феодальной вотчине. Упрочение крепостнической системы привело затем к появлению в крепостном праве черт, сближающих его с рабством.

при конных атаках и крепостных приступах, по получении их принципами-государями грамот на кормление, расселялись вместе с ними по посадам и волостям Московского государства и становились исполнителями административных распоряжений и судебных решений в течение срока пребывания хозяина на должности кормленщика-волостеля. Питаясь на кормлении сами, они должны были обеспечить и питание своему феодальному владыке-государю, по холопей терминологии называемого ими всегда «боярином», независимо от его официального служебного чина. Во время пребывания боярина на кормлении они зарабатывали и ему и себе средства на доспехи, шлемы, тегилы, копья, седла, коней и т. д. Глава такой группки, щедро дополненной рядовыми дворовыми людьми кормленщика, становился его тиуном, т. е. первым заместителем по административной и судебной функциям, а остальная дворня превращалась в доводчиков, праветчиков, пошлинных людей и т. д. Из телохранителей боярина в боевых схватках холопы группка по новой должности своего боярина-кормленщика превращалась в его наушников и агентов. Если в военное время они были повернуты спиной к населению и грудью к внешнему врагу, то теперь, восседая на скамьях судницы или тиунской избы, в которой самим кормленщиком или его именем творились суд и расправа, они поворачивались дружным фронтом уже к подвластному населению московской провинции.

Без смущения и без иронии, понимая положение попросту и по существу, московский язык присвоил всему этому административно-судебному аппарату странное название «кормленщиков», т. е. пансионеров или государственных нахлебников, потому что поправление своих дел этим путем было их главной задачей. Напрасны усилия некоторых историографов странный титул кормленщика этимологически связать со словом «корма» (судна) и с производным от него (не существующим на деле) глаголом «кормить» или «править». В роли наконецников власти, ищей, соглядатаев или миниатюрных опричников кормленщика, в мирное время и выступает впервые перед нами верхний слой боярских холопов. Заглянем в уставные грамоты, чтобы схватить их облик и угадать, какое впечатление кормленщики со своими свитами должны были производить на население вообще и особенно на свою же меньшую служилую братию в уездах, среди которой эти холопы свиты действовали.

Отметим прежде всего повсеместность разлива этой системы: не было, кажется, на пространстве тогдашней Московской Руси щелки,¹ куда не проник бы кормленщик, окруженный кольцом из своих холопов. Эта пестрая, то и дело чередовавшаяся, многотысячная рать ищущих хорошего питания и поправления своих средств кормленщиков-волостелей и их холопов разлилась от Двины, Пинеги, Ваги, Белозера, Онеги до Череповца, Торжка, Тулы, Перемышля, Ярославля, Шуи, Перми и т. д. и т. д. Универсализировалась эта система в связи с громадными территориальными приобретениями XV—XVI вв. и с открывшимися для московских служилых людей возможностями быстро поправлять свои подорванные переселением в новые московские условия финансы. Холопы, свои люди, были необходимым элементом в этой системе продовольствия и фуражировки, — иначе, что бы стал делать одинокий кормленщик среди недостаточно еще привыкшего к слепой покорности населения вновь присоединенного к Москве удела, особенно в отдаленных углах бывших новгородских владений, на Двине, на Пинеге, в Перми и т. д., где и в XVI в.

¹ По отрывку книги сдачи кормлений 1556 г. можно насчитать более полутора ста таких пунктов, в которых были посажены 170 кормленщиков. — См. Архив исторических и юридических сведений Калачова, 1860 г., кн. III. Всех таких кормленческих единиц были тысячи.

московская власть не чувствовала себя вполне уверенной. Действовать решительно, обеспечивая свою безопасность и благополучие, при отсутствии окружения из прочно «приросших» людей, своих природных холопов-слуг и боевых соратников, было бы, очевидно, невозможно. Мы видим из уставных грамот, что население и встречало и провожало кормленщиков кольем и дубьем, а стиль и характер этой системы управления хорошо обрисован хотя и немногочисленными, но достаточно выразительными формулами тех же самых грамот.

Что же представляли из себя такие холопы группки, налетавшие на тот или иной участок обширного Московского государства под флагом своего боярина-кормленщика?

Около кормленщика, в качестве его тени, неотступно находится лейтенант-тиун, т. е. старший, самый доверенный из его холопов, игравший роль юрисконсульта, а главное посредника-буфера между самим кормленщиком и местными жителями. Тиун участвует в судебной деятельности своего патрона вместе с «лучшими людьми», присутствовавшими на суде кормленщика в качестве хранителей и выразителей туземного права, общественного мнения о подозрительных людях, в качестве экспертов местных условий и т. д. Тиун заведует письменной частью делопроизводства, потому что особый дяк кормленщика упоминается в грамотах только один раз, да и то этот дяк мог быть одновременно и тиуном. Тиун — великий визирь кормленщика, его мажордом, сенешал, фактотум, начальник штаба, провиантмейстер, фуражир и т. д. Грамоты не дают оснований предполагать, что тиун мог быть и не из холопов, — наоборот, постоянное по фразеологии грамот зачисление тиуна в разряд «наместничьих людей» наравне с другими холопами кормленщика заставляет думать, что тиун — только старший, главный из наместничьих-кормленщических слуг, слуга, особенно ему близкий и пользующийся особым его доверием. С другой стороны, анонимный, не называемый даже по имени в грамотах на кормление, тиун пользуется всей полнотой власти, доверенной Москвой самому кормленщику. Грамоты нигде, кроме вопроса об укреплении или передаче прав на холопов, не различают компетенции тиунов от компетенции самих кормленщиков: тиун — *alter ego* кормленщика, действующий при нем или взамен его и, в случае иска к кормленщику, по съезде с кормления, отвечающий вместе с ним перед московскими контрольными властями. Вознаграждение кормленщик и тиун получают обычно сообща: «то ему (кормленщику), — замечают грамоты, — и с тиуном».

За тиуном, книзу, идет довольно многочисленный штат подчиненной ему младшей администрации, обычно кратко обозначаемой термином «праветчики» и «доводчики».

Уже из древнейшей Двинской грамоты 1398 г., составленной для приобретенной Москвой на время новгородской территории, на которой москвичам приходилось быть особенно осторожными, дабы не слишком раздражать влиятельные элементы новгородского населения, мы видим, что люди наместников, под предлогом разбора частных пировых ссор и умиротворения поссорившихся сотрапезников, лезут в горницу, в которой происходит пиршество. Для наместничьих людей все доход: передвижение товаров на рынки, явка и неявка вызванных на суд людей, всякая поездка по области под предлогом раскрытия преступлений и борьбы с самосудом, т. е. с собственноручной, хотя бы и справедливой расправой населения над заподозренными в преступлениях людьми и т. д. Наместничьи заставы — это своего рода езы для задерживания движения торговой «рыбы», в которой она обязательно должна застревать.¹

¹ В Москву с юго-востока въезжали через Обираловку, а с севера — через Лихоборы (ныне — железнодорожные станции). Езы — частоколы, вбиваемые в дно реки для ловли рыбы при ее весеннем ходе.

От выдачи Двинской грамоты пройдет 90 лет до выдачи Белозерской грамоты 1488 г., пройдет 100 с лишним лет до выдачи уставной Переяславской 1506 г., 130 лет — до Моревской 1530 г., 140 лет — до Устьянской 1539 г., 150 лет — до Борисоглебской 1584 г., 212 лет — до Устюженской 1614 г. (последние случаи — архаизмы, не поражавшие однако своей несообразностью людей того времени), а схема грамот останется без больших изменений: судит и рядит наместник, окруженный причтом из своих холопов-доводчиков, праветчиков и т. д. с тиуном во главе.

Судя по уставным грамотам, главная цель которых — укоротить пыл этих органов администрации и правосудия и несколько позадерживать работу их загребистых лап, наместничья челядь норовит поживиться, не кладя охулки на руку, хлебом, «задними калачами», т. е. взимаемыми при отъезде полтями мяса, курами, маслом, медом, сыром, окороками, овсом, сеном, насадками пива и вина, солью, даже дровами и т. д., штрафуя за найденные в поле, на дороге или в лесу мертвые тела случайно погибших людей и покушаясь обобрать каждый воз на большой дороге или плывущую по реке груженую ладью.

Грамоты отмечают еще одну весьма своеобразную форму тогдашнего быта — насильственный приезд наместничьих славильщиков.¹ Само собою разумеется, что население должно было обстроить наместника и его свиту хоромами, банями, конюшнями, погребями и т. д.

Насколько напориста была холопья администрация, видно из многократно повторенных в разных уставных грамотах напоминаний о том, что доводчикам и праветчикам не разрешается ездить самим по волости в качестве «попрошатаев», а при объездах не допускается ночевать там, где они обедали, и обедать там, где ночевали. Так простодушно формулируют это предостережение грамоты.

Московская администрация то и дело повторяет запрещение наместничьей администрации насильственно вторгаться в местные пиршества (престольные, свадебные, поминальные и т. д.), а если само население почитит их приглашением на пир или братчину, наместничьи люди не должны устраиваться на ночь там, где пировали, а должны ехать ночевать «в иную деревню», и по ночлеге не требовать обеда там, где провели ночь, не набирать «насадок» (т. е. винных и пивных запасов) из пиров и братчин и т. д. Но случаи насильственного вторжения наместничьих людей на пиры были, повидимому, в обычае. Так, уставная грамота бобровникам Ильмехотского стана предусматривает эпизод, когда к бобровникам на их пиры явятся незваные и непрошеные гости, кривандинский тиун или осовецкие мытники из наместничьих холопов, — «а не пойдет тиун от них вон, — наставительно прибавляет грамота, — а учнет у них пити сильно, а в ту пору бобровником учинится какова гибель (т. е. убытки), и бобровником та гибель на них имати». Грамота Двинской земле 1547—1556 гг. делает одно исключение в пользу доводчика, которому разрешено (не в пример прочим) являться на пиры и незваному.

Много раз в литературе отмечалась органическая и, пожалуй, единственная в своем роде порочность такой постановки государственной администрации и суда, при которой на первом месте был не общественно-правовой, а домашний, частный интерес наживы кормленщика, осуществлявшего право на пропитание при помощи лихой шайки органически к нему приросших холопов. Общая установка делала выгодным умножение преступлений, а следовательно, и пристанодержательство со стороны самих наместничьих людей, ябеду, клевету, подметы и т. д. Стоит только перелистать уставные грамоты, чтобы увидеть, какой характер приняло местное управление при подобной системе.

¹ Слав л е н ь е — праздничный обычай старого времени.

«Наместничьи дворяне» «куют», т. е. заковывают людей даже «через поруку» (т. е. вопреки поруке), а заковав в «железы», требуют посулов, — и в своих же уставных грамотах Москва вынуждена настоятельно прибавлять: «а в железах посул — то не посул». Войдя в соглашение с бродячими скоморохами, возможно, конокрадами и ворами, они поощряют странствование скоморохов по «вверенной им волости», позволяя им «играти в волости сильно» и не разрешая старостам и волостным людям «выслать их из волости вон». Организуя под защитой боярина торговые предприятия, наместничьи люди посылают своих агентов «всяким товаром торговати, а в кою де пору наместничьи люди в тех местах торгуют, а которые пермичи в те места приидут со своим товаром торговати, а наместничьи люди пермичем торговати не велят дотоле, доколе они оторгуются своим товаром, и пермичем де, им, в том убытки великие».

Близко соприкасаясь с местным преступным миром, кормленщичьих холопы не забывают уголовных навыков и впоследствии. Наказы губным старостам неизменно упоминают о боярских людях, «на которых языки в разбое говорят» и наличность которых в боярских дворах «ни князи, ни дети боярские, ни их приказчики» не отрицают, хотя почему-то не имеют возможности выдать их по требованию сысковой комиссии. Зло было так очевидно, что за этих неотысканных разбойников-холопов решено было привлекать к уголовной ответственности самих владельцев.¹ Губная грамота на Бежецкий верх 1667 г., воспроизводящая более древний текст XVI или даже XV в., прямо предусматривает участие в разбоях холопов и дворников служилых людей и индивидуализирует факт лживого запирательства при этом самих владельцев, требуя привлечения их к ответственности, энергичного штрафования, битья кнутом в случае сопротивления и несостоятельности, ссылки в Сибирь и т. д. За лживые обыски взыскивалась значительная пеня — 5, 10, 20, 30 руб., смотря по положению виновного. Губной наказ 1679 г., несомненно очень архаичный по тексту, за лживые показания при повальном обыске о разбойных делах угрожает холопам (и крестьянам) служилых людей, дающих лживые показания, смертной казнью «безо всякого милосердия и пощады».

Эффекты действия этой порочной системы, широко применяемой с середины XV в., когда Москва и местные элементы московской ориентации приступили к дувану огромных, перешедших в распоряжение московских приказов, земельных пространств с десятками тысяч крестьянских дворов, должны были сказаться быстро, но официальные признания пагубности подобных приемов начинают доходить до нас только с 1530-х гг. Губная Белозерская грамота 1539 г., с тогдашней московской непринужденностью и отсутствием ложного стыда² пересказывая местное, уваженное Москвою, челобитье, констатирует «великие убытки» от московских «обыщиков и недельщиков», которые, вместо истребления разбойников и татей, сами разбивают, грабят и убивают не только по дорогам, но и в населенных пунктах, жгут деревни и имеют широко организованную сеть пристанищ, ими постоянно умножаемых. Те же самые факты, с таким же точно признанием их Москвой и с таким же заключением ее, мы встретим в Каргопольской губной 1539 г., в Вятской губной 1540 г., в грамоте, выданной волостям Троице-Сергиева монастыря в 1541 г., Кириллову монастырю 1549 г. и в наказе зубцовским губным старостам 1556 г. Все эти явления и послужили в XVI в. нравственным очагом для грядущей опричины со всеми ее последствиями.

¹ См. наказ зубцовским губным старостам 1556 г., наказ белозерскому губному старосте 1571 г., грамоту губному старосте владений Троице-Сергиева монастыря 1586 г. и др.

Земская уставная грамота Усецким и Заецким волостям Устюжского уезда подводит общие итоги этой системы: «... От крестьян челобитья великие и доука беспрестанная, что наместники наши и праветчики и их пошлинные люди, сверж нашего жалованья указу, чинят им продажи и убытки великие; а от наместников, и от волостелей, и от праветчиков, и от их пошлинных людей нам доука и челобитья многне, что им посадские и волостные люди под суд и на поруки не даются и кормов им не платят и их бьют: и в том меж их поклепы и тяжбы великие, да от того на посадах многие крестьянские дворы и в уездах деревни и дворы позапустели, и наши дани и оброки сходятся несполна».

Выразительно говорят об этих явлениях грамота Соли Переяславской 1506 г., грамота переяславским рыболовам 1555 г. (гласящая: «...жалуючи крестьянство, для тех великих продаж и убытков, наместников и волостелей и праветчиков от городов и от волостей отставили»), грамота Луцкой Пермце 1556 г., Двинская 1556 г., Торопецкая около 1590 г., Шуйская 1606 г.

Уставная Важская грамота 1552 г. попросту уравнивает эффекты деятельности московской администрации и местных преступных элементов. Уважая правдивость местных челобитий, грамота гласит: «...Многие деревни запустели от прежних наших важных наместников, и от их тиунов, и от доводчиков, и от обыскных грамот (!), и от лихих людей, от татей и от разбойников и от костарей. А важеского де им наместника и пошлинных людей впредь прокормити немочно», — вследствие полного разброда жителей и выжимания наместниками, тиунами и праветчиками кормов и поборов с остатков уцелевшего населения, — «а тем де посадским людям и становым и волостным достальным хрестьяном вперед от наших наместников и от их пошлинных людей от продаж всяких податей тянуть сполна немочно...» В этом заключении обычная ссылка на разбойников и татей в собственном смысле, вызвавших запустение, даже отсутствует; в глазах приказного законодателя, цитирующего, вероятно, подлинное челобитие жителей, все сводится к действиям кормленщиков и их холопов.

Заметим, что картина относится к одному из самых зажиточных и бойких округов московского Севера — к Важской земле, транзитной дороге из центральных областей к Студеному морю, и категорическое признание этих явлений в живописной Важской грамоте может считаться исчерпывающей заключительной характеристикой создавшегося положения.

В свете приведенных бытовых черт, характеризующих прежде и больше всего холопью администрацию кормлений, вполне понятными становятся настойчивые и сравнительно многочисленные напоминания судебников и указов специально по холопим делам, воспреещающие выдавать холопы грамоты наместникам без боярского суда, т. е. без особых доверительных полномочий, а тем более — наместничьим тиунам. Об этом говорят ст. 18, 20, 42, 43 Судебника 1497 г. и ст. 61, 63, 66, 67 (особенно), 77 Судебника 1550 г. В отмеченных статьях ограждаются права свободного человека, неожиданно и негаданно объявляемого сворой наместничьей опричины холопом данного кормленщика и загоняемого в холопье ярмо кулаками и батогами его челяди, быстро стряпающей соответствующую «составную» грамоту. С другой стороны, защищаются права «законных» холоподержателей, подрываемые подложными отпускными и новыми холопими грамотами, стряпанými при помощи подставных видоков и послухов, а то так и совсем без всяких околичностей, в тиунской избе. Поэтому Судебник 1550 г. тщательно предусматривает случаи выдачи «отпускных», беглых и правых, и прямо и косвенно предупреждает похолопление уголовных или объявленных уголовными преступников и выдачу чьих-нибудь

холопов (чаще всего, вероятно, холопов местного, потерявшего свое положение, боярства), в качестве вновь похолопленных вольных людей кому-либо из близких к наместнику лиц. Отсюда же главным образом — и настойчиво выраженная в грамотах забота об обязательном присутствии на суде представителей местного населения.

Такова, по небогатому материалу наших памятников XV—XVI вв., картина деятельности верхнего слоя холопов, не только холопов-воинов, но и холопов-судей и администраторов, тех самых холопов, которых естественно, легко и незаметно Москва превращала в своих городских служилых людей, верстая их в чины дворян и детей боярских, а потом переводя и в ряды собственных московских дворовых и опричных слуг. Пока еще нельзя сказать, какой процент опричников восходит во втором или третьем поколении к боярским тиунам, праветчикам и т. д., но думаем, что эта задача со временем может быть решена и на некотором цифровом материале. Общее обозначение-формулы для московских служилых людей — «холоп твой», надо считать не раболопной метафорой (к тропам они были мало склонны!), а простым адекватным выражением фактического положения: масса московского служилого класса вышла именно из холопства, воспиталась на нем и жила его идейным наследием, нивелируя нехолопные элементы под общий холопий уровень.

Легко представить себе, с какими настроениями должны были взирать на хозяйничанье в уезде наместничих холопов уездные служилые люди, как те, которые искони были свободными, так и те, с дедов и отцов которых холопье ярмо было снято еще в предшествующих поколениях. Понятно, что, выводя и видоизменяя кормления в их юридической постановке, Москва шла навстречу не только рядовому, черному, уездному обывателю, но, в первую очередь, своим же собственным уездным служилым корпорациям. «Сиденье царя о кормлениях в 1555 г.» было первой крупной победой в холопьем вопросе грядущих хозяев положения — уездных служилых людей, и не даром летопись нашла нужным так выразительно и сравнительно подробно сообщить об этом факте.

§ 8. МОСКВА XV—XVI ВВ. И ХОЛОПСТВО ПО СЛУЖИЛОЙ КАБАЛЕ

Москва, как правительственный центр, и в других отношениях не могла остаться индифферентной к настроениям и годосам военной служилой массы, влиявшей через все заставы на ее улицы, переулки, площади. Неизбежность постоянно считаться с этой боевой силой вытекала еще из того, что выходцы из нее наполняли и столичные военные учреждения.

Судебник 1497 г. стоит в холопьем вопросе на старой «удельной» позиции, не посягая на неприкосновенность холопьего права как такового, не покушаясь регулировать этот институт и как бы предоставляя ему возможность развиваться на полной свободе.

Типы этих отношений, складывавшихся в «подправовой», вернее, в «подуказной» области, были, как мы знаем из документов XVI—XVII в., очень разнообразны. Широко были распространены случаи вольного найма по жилой записи или даже без таковой, самозалога с оплатой и процентов и капитала работой должника. Встречаем настоящие самопродажи и даже продажи своей семьи в «полницу», сопровождавшиеся, как и в удельные времена, символическим обрядом возложения дерна на голову («одерноватые»), что, надо думать, было примитивным символом, означавшим гражданскую смерть, как бы погребение похолопливаемого, и т. д. Но едва ли простой найм, доступный в известных размерах каждому более или менее зажиточному служилому человеку, обосновавшемуся в Москве, мог служить объек-

том особого вождения со стороны рядового служилого человека. Зато продажа в полное холопство, обставленная известной публичностью и задевавшая, как и последующее закабаление в XVII в., многих служилых людей в лице их деградированных, упавших элементов, не могла не соблазнять вновь внедрявшиеся в Москву служилые группы. Сцены холопских рынков разжигали зависть и алчность рядовых детей боярских, только что поверстанных по московскому списку. Их претензия была тем более законна, что одно дело было итти в боевую атаку на коне с холодным оружием без соратников и другое — итти в тесном окружении своих собственных холопов. Кольцо из холопов, над жизнью и смертью которых господин был волен, не могло не быть предметом величайшего интереса со стороны боевого класса, идеалом которого было «государю служить, а саблю из ножен не вынимать». Недаром у древних греков была поговорка: *ἐν τῷ κατὰ κληρονομίαν*, т. е. рисковать (в бою) головой своего карийского раба (а не собственной). Использование чужого труда, а быть может, и жизни, при самозалоге холопа по служилой кабале становилось доступнее, чем покупка холопа в полницу. Но самозалог почему-то был явлением, судя по документам, не частым и встречался обычно в среде княжеской дворни. У этой формы зависимости (по долговой кабале «за рост служить») были стороны, выгодные для соседей, претендовавших на использование той же самой рабочей силы, а равно и для московского, а раньше и для тверского, рязанского и всякого другого удельного правительства: по порядку, установившемуся еще в практике удельной эпохи, действовал обычай прощения долгов перед смертью и отпуска таких кабальных холопов на волю. Поскольку такой отпуск делался обязательной нормой, кабальная сделка получала характер лотереи, тираж которой наступал после смерти господина, причем быстрота ликвидации господином своих земных счетов, с обязательным возвращением свободы всем его кабальным (но не полным) холопам, была премией такой сделки. В то же время правительственный нажим в сторону сделки этого типа не имел в себе ничего революционного, сравнительно со старым, традиционным, от дедов и прадедов идущим, порядком, что было весьма важно для консервативных привычек мышления и чувствования. Правительство ничего не изобретало и ничего не навязывало, а на первых порах только подсказывало, что для него удобнее и приемлемее именно эта форма социальной зависимости. Кабальный холоп был тем же полным холопом в смысле свободного распоряжения со стороны господина его силами, трудом, здоровьем и даже жизнью, но в счастливом случае, при смерти господина раньше кабального холопа, холоп автоматически выходил из боярского двора и при желании мог остаться на свободе или перекабалиться к другому хозяину. Последнее как раз и было важно для военно-служилой среды в целом: на холопий рынок ежегодно должен был поступать довольно значительный контингент бывших кабальных холопов, спрос на которых с усилением боевой наступательной деятельности Московского государства возрастал. Не могло, поэтому, не сказаться на развитии холопства и давление мобилизационных соблазнений.

Вполне очевидно, что цена таких боевых холопов неизбежно должна была очень варьироваться и часто не могла не быть индивидуальной: хороший, закаленный в боях наездник, рубака и стрелок, выдавший виды на южной Украине и хаживавший на Литву, естественно должен был цениться как боевая сила дороже снятого прямо с пашни парня, годного только в кош или, самое большее, — в рукопашную схватку с дубиной, что в XVI в. было уже устарелым методом боя.

Большой боярский двор едва ли любил таких временных гостей, с нетерпением поджидавших конца посмертного сорокоуста по хозяину, возвращавшего им право располагать своей свободой для нового зака-

баления. Да и действительно мало было проку от холопа, нередко искавшего на лице боярина признаков смертельной болезни и испытывавшего соблазн помочь боярину в этом смысле в разгаре рукопашной сечи, когда трудно со стороны уловить направление ударов, наносимых в суматохе схватки дружескими и вражескими руками. Поэтому свои «извечные, старинные, природные», холопы для боярина должны были быть гораздо дороже кабальных гастролеров в рядах его двора. К этому надо прибавить еще одно обстоятельство, имевшее в те века примитивной психологии важное значение: холопы, выраставшие во дворе из поколения в поколение, имели свойство «прирастать» к своим господам, чувствовать себя как бы интегральной частью данной боярщины, ее боярского рода и аккумулированных около него зависимых людей. По этим легко понятным соображениям сколько-нибудь упрочившийся в Москве служилый, а тем более боярский, двор должен был дорожить старинными природными холопами, полученными путем известной селекции и холопьего скрещения, проводимого боярами по соображениям холопей евгеники.

Но рядовому сыну боярскому некогда было думать о всех этих соображениях житейского и боевого комфорта. Ему нужен был ловкий, смелый и сильный телохранитель и оруженосец в бою, толковый спутник в кошу, — и только. Ни о какой евгенике, ни о каких «природных» холопах думать не приходилось: важно было подобрать человека более или менее подходящего, с опытом и с некоторой репутацией, полезного спутника в боевой сече. Брать таковых из собственных вотчинных крестьян, отрывая для военной мобилизации рабочую силу из вотчины в самое горячее время в марте — сентябре было трудно по хозяйственным соображениям, а брать крестьян из поместья не позволял указ, воспрещавший холопить поместных крестьян. Приходилось изворачиваться, караулить, ловить случайных людей, затягивая их в свои кабальные сети.

Говорила тут не одна забота о подыскании слуги и боевого товарища для личной безопасности в момент боя, здесь звучали и другие соображения: добившись дачи в свой оклад, служилый человек мог удержать за собой полученные им пустоши и починки только в том случае, если он умел и мог обслужить свою земельную площадь соответствующим количеством боевых единиц.¹ Каждый сын боярский должен был проявлять в этом случае инициативу и умение, а разборчивым быть не приходилось, и рядовому служилому человеку на практике было не до заведения наследственных холопов, хотя мечта о них едва ли покидала его.

В ответ на запросы уезда московское правительство и вводит новую, обобщенную указами, форму холопей зависимости в виде холопства по служилой кабале. В начале XVI в. служилое кабальное холопство было гадательной возможностью при вербовке — и только. Понадобился особый правительственный нажим, чтобы придать этой форме зависимости универсальный, наступательный и принудительный характер. Обязательный перевод разнообразных типов зависимости в формы кабального холопства получил несколько значений. Так, введение кабализации должно было ударить по боярским дворням путем обязательного, при переходе к новому владельцу, перевода всех аккумулированных во дворе холопов в состояние холопов кабальных. Это, повидимому, — наиболее важный для государства мотив. Другой мотив: обязательный перевод в состояние кабального всякого поступившего в услужение в чужой двор человека, предупреждавший его самовольный неожиданный уход из владельческого двора, быть может, в момент походной мобилизации. Третий мотив состоял в де-

¹ См. Прибавление 6.

лопроизводственном униформировании и упрощении по канцелярско-приказным соображениям кабальной сделки, избавлявшей власть от вникания в бесконечную путаницу личных соглашений в отдельных случаях.

Процесс кабализации холопства был вначале результатом социально-политических забот Московского государства, особенно верхушки боевого служилого класса, пересаженной в новую московскую обстановку и встретившейся с новыми трудностями и новыми соблазнами, разжигавшими ее чаяния и вожделения. В дальнейшем, лет через 30—40, этот порядок стал уже стереотипной формой укрепления всякого «крепостного человека», поступающего в чужой двор с документально оформленным соглашением, а не «добровольно»,¹ как тогда говорили. Такое «добровольное холопство», холопство «по одной пословице», регулировалось лишь молчаливо признаваемыми с обеих сторон нормами обычного права.

Прямых указаний в источниках на то, как совершился переход от нейтральной, почти строго наблюдательной, позиции в холопьем вопросе Судебника 1497 г. к позиции Судебника 1550 г. у нас нет, но причины этого перелома угадать можно.

Ст. 22, 23, 24, 26, 35, 40, 62, 63, 64, 65, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 88, 97, 100, так или иначе затрагивающие в Судебнике 1550 г. холопство, являются, по нашему мнению, не схемой, рационалистически составленной именно в этом году, а сжато сформулированным наслоением нескольких указов, изданных за период 1497—1550 гг. и теперь конспективно и довольно беспорядочно сгущенных в эти статьи Судебника.

В 26 статьях Судебника, прямо или косвенно задевающих холопство, проступили следующие мотивы московского правительства.

1) Забота о сокращении злоупотреблений высших разрядов холопов, так называемых наместничьих людей и тиунов, и вообще об определении их положения (ст. 20, 23, 24, 26, 68, 69, 70, 71, 72, 75).

2) Забота о порядке выдачи и оформлении грамот (ст. 35, 40, 65, 67, 77, 79, 97).

3) Забота о иерархизации судебной власти в вопросе о похолоплении (63, 64, 67, 76, 77).

4) Стремление усилить контроль в холопских делах во имя ограждения прав «законных владельцев» против претензий и покушений незаконных держателей, а также — защитить свободных людей против незаконного похолопления и определить порядок самопродажи в холопство (76, 77).

5) Стремление узаконить и универсализировать новую форму зависимости по служилой кабале в интересах рядовых уездных служилых людей (78).

6) Определение судьбы холопа-полоняника (80, 81).

7) Воспрещение уклонения служилых людей от военной службы путем битья челом в холопство (80, 81).

Если мы пересмотрим эти статьи в их совокупности, то увидим, что социально-динамическое значение здесь имеют мотивы доклада, «суда в холопстве» (76, 78) и введение, пока только потенциальное, в «рекомендательной», так сказать, форме, статьи о служилой кабале (78).

Начало ст. 76 является простым воспроизведением ст. 66 Судебника 1497 г., а затем в ней развивается ряд новых мотивов, служивших, вероятно, в промежутке между 1497 и 1550 гг. темами самостоятельных указов. Статья содержит:

разрешение не считать тиунства автоматическим источником холопства, что было в древности общим правилом, и

¹ Т. е. без крепостного документа.

запрещение родителям холопить сына, рожденного ими на свободе, с нарочитым запрещением чернецам и черницам холопить своих детей, рожденных до пострижения.

Самая существенная 78-я ст. содержит осторожно выдвигаемую весьма важную идею служилого кабального холопства, однако без целого ряда дополнительных мотивов, которые должны были бы быть включены в нее, как то: принудительности кабализации, определения порядка выхода холопа из кабального холопства, определения судьбы детей, рожденных до закабаления и по закабалении, права закабаленного на свое имущество, переноса или непереноса кабалы на жену холопа (соответственно — с рабы на мужа), порядка писания кабал на одно лицо или несколько лиц и т. д. Все это заставляет думать, что разбираемая 78 ст. была в 1550 г. новаторством, сырой мыслью, наспех вдвинутой в «уложение» 1550 г. без учета сложных вопросов, неизбежно в связи с ней возникающих. Если она и воспроизводила какой-то особый указ, то это был указ, очевидно только что опубликованный и не успевший еще подвергнуться развитию и обработке.

Ст. 88 дает желанное для служилого человека разрешение холопить крестьянина, сидящего на пашне, не определяя того, на каком — вотчинном или поместном — участке он сидит, о переводе в какое хозяйство идет речь, и обнаруживая только одну заботу — оберегание фискального интереса («подать цареву и великого князя»).

Эти три статьи (76, 78, 88) дают точки, при помощи которых мы можем координировать общую волевою ориентацию московского правительства в холопьем вопросе в половине XVI в., помимо постоянно занимавших его делопроизводственно-охранительных забот. Разбирая мотивы этих статей, мы видим, что: а) московская приказная власть хочет слегка затормозить процесс «законного похолопления» (дети, рожденные на свободе и продаваемые своими родителями) и б) предлагает, хотя с точки зрения юридической техники и очень плохо разработанную, но в основном все же определенно выраженную, идею мобильного вида холопства по служилой кабале.

Вот, в сущности, все новое, что было внесено «уложением» 1550 г. в область холопьего материального права. Частью это была, конечно, просто рецепция в новый Судебник того, что в первую половину столетия так или иначе уже должно было быть выражено в недошедших до нас указах.

Определение двух отмеченных новых юридических мотивов показательно и по своей социальной нерешительности и, в то же время, по верности основной ориентации. Будущее покажет, что именно отмеченные мотивы станут развиваться и разрабатываться в течение всего следующего столетия (от «уложения» 1550 г. до Уложения 1649 г.), отражая общую позицию, занятую московским правительством в холопьем вопросе. Позиция эта будет все более и более подчиняться давлению военно-служилой корпорации, влияющей на правовую постановку холопства то из глубины уезда, то из самой столицы.

§ 9. СЛУЖИЛАЯ МОСКВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI В. И НОРМЫ ХОЛОПЬЕГО ПРАВА

Вчерашняя удельная дворян, псары, доезжачие и поместная мелкота, водворяясь в «царствующем граде», не могли спокойно взирать на великолепие боярских усадеб, разбросанных на ее стогах, с их частоколами и садами, из которых выглядывали маковки бесчисленных домовых боярских церквочек. Но пуще всего уездную голытьбу в зипунах и тегиях из домодельной сермяги должны были раздра-

жать ватаги вооруженных боярских холопов, выглядывавших из ворот боярских фортов-усадоб. Если такая усадьба, а тем более слобода, раздражала уже в уезде, где она стояла сравнительно одиноко, то насколько же сильнее должно было быть впечатление от нее под Москвою и в самой Москве, где такие усадьбы сгружены были на небольшом пространстве сотнями. Прежде чем разразиться террором 60-х и 70-х гг., опричные вожделения и настроения жили и действовали в усиленно собираемой в Москве с конца XV в. служилой среде. Среда эта не могла забыть около середины века событий боярского правления 1530—40-х гг., когда организованные боярские отряды, устраивая свои на польско-литовский лад рокоши, налетали на усадьбы и дворы соперников и грабили по-очереди не только Шуйских или Бельских, но и усадьбы их действительных или предполагаемых союзников, а иногда и просто их соседей вместе с лавками и складами торговых людей. Все это настолько было во вкусах и вековых привычках удельного времени, что сомневаться в подобном характере переворотов эпохи боярского правления не приходится.

Рядовая служилая масса, вновь пересаженная под Москву или взятая временно на житье в самую столицу, не могла, да, вероятно, и не хотела уклониться от участия в этих, не столько, быть может, кровавых, сколько пьяных и озорных налетах, и тут приобретала школу, пригодившуюся впоследствии в опрличине. Привычка к опричным расправам укрепились в годы малолетства Грозного, на 20—30 лет раньше, чем организовалась настоящая опрличина. Эти расправы производились и осуществлялись людьми, которые в детском и юношеском возрасте или видели налеты холопных банд соперников в 1530-х гг., или даже участвовали в них, во всяком случае очень хорошо помнили предания об этих эпизодах.

Когда происходил массовый опричный погром боярства, завершившийся грандиозной новгородской эпопеей 1570 г., должен был неизбежно приобрести громадное значение и вопрос холопий. Как правило, боярские опальные дворни распускались и должны были искать себе новые пристанища. Претендентами на новое закабаление были представители «тысячи», опрличины, «выбора», получавшие не только боярские охабни, горлатные шапки, винные бочки и прочий скарб тогдашних зажиточных людей,¹ но и значительные контингенты бывших боярских слуг и холопов. Однако сколь ни значительно было количество холопов, выбрасываемых или выгоняемых из боярских дворов на московские улицы и площади, все же они не могли насытить аппетиты тех новых людей, которые вливались в Москву под знаменами опрличины и нуждались в десятках тысяч холопов. Даже если иметь в виду одних только холопов боевых и положить на каждого служилого человека по 4—5 таковых, то по примерному расчету 7 тысяч опрличников должны были сами располагать 30—40 тысячами холопов.

Истребление бояр с одновременным роспуском при опалах их холопных дворов и расхватом вотчин, бесспорно, много способствовало разрешению назревшего социального кризиса, состоявшего в конфликте уезда со столицей. Террор Грозного временами разрежал сгущенную атмосферу подозрительности в царских покоях Кремля и Александровой слободы, но он далеко не ликвидировал острой социальной задачи в полном ее объеме. Сравнительно более успешным по масштабу средством были испомещения уездных служилых людей на всем пространстве Московского государства и меры разложения боярских дворов юридическими нормами служилого кабалного холопства, систематически растворявшими боярские холопы сгустки.

¹ Вспомним рассказы Штадена, Шлихтинга и др.

Вводя на место старого полного холопства холопство кабальное и обобщая новый тип зависимости по служилой кабале, московское правительство стремилось придать холопьям массе текучесть, вызывая периодически прерывистую мобилизацию холопов по смерти господина. Служилая кабала устанавливала своего рода поместный порядок владения холопом при обязательной после смерти держателя кабалы мобилизации холопа на «холопьем рынке» и, несомненно, имела в виду полное правовое разложение боярских дворов путем их массового перевода на кабальное положение еще при жизни холоповладельцев, что и было, вероятно, основной целью ревизии 1597—98 (106) гг.

Не все бояре были виновны или заподозрены в крамоле, и со второю мерою правительству пришлось повременить, а потом и вовсе от нее отказаться, но к решению первой задачи московское правительство приступило вскоре за изданием Судебника 1550 г.

Московские законодатели постоянно делают заключения из отчетливо ими не выраженных и даже, быть может, не вполне осознанных положений. Так, 11/10 1555 г. в виде памяти (т. е. отношения) из Боярской думы казначеям Сукину и Тютину издается указ об отказе в иске на снос людям, державшим холопов без кабал, между тем как большинство старинных «природных» холопов в боярских дворах жило и позднее, как мы знаем, безо всяких документальных крепостей, а требование о систематическом предъявлении кабал до 1555 г. как будто даже не было объявлено. Кабализация становится поэтому обязательной, во избежание осложнений при взаимных спорах из-за холопов.

Тенденцию к мобилизации холопов имеет и статья приговора 21/8 1556 г. об обязательном уходе от старых государей холопов, получивших у них отпускные, дабы нельзя было держать под видом старины холопа, могшего при случае назваться добровольным наймитом.

Одновременно 21/8 1556 г. была издана новелла, требовавшая обязательного отпуска холопа-полоняника по смерти держателя-господина, если полоняник не был прикреплен к господину браком на его рабе. То же ограничение, т. е. обязательный отпуск, относится и к детям полоняника.

Указом 1/9 1558 г. объявлялось, наконец, требование об обязательном оформлении холопства крепостями (по общей тенденции законодательства, конечно, служилыми кабалами, а не «полными» грамотами), причем воспрещалось писать кабальные крепости более чем на 15 руб., очевидно для обеспечения единообразия в мобилизации холоповладения по смерти господина. Указом того же числа новокрещеных разрешалось кабальить формальным порядком только с ведома казначеев.

Важный и по своей решительности и по содержащейся в нем антитезе между несимпатичной законодателю полницей и служилой кабалой указ 30/11 1558 г. с одной стороны узаконяет закрепощение холопа, бежавшего от господина до суда, что могло относиться только к холопу новому, не старинному, а с другой — грозит за попытку «нарядить» полную и докладную на вольного человека «нарядчикам», и господину и таможеннику, смертною казнию. Между строк этих странно между собой встретившихся новелл прочтем выражение повышенного покровительственного интереса законодателя к формально правильной крепости, какой преимущественно и являлась крепость по служилой кабале.

Следующий законодательный акт с такой же тенденцией, указ 15/11 1560 г., запрещал отдавать несостоятельных должников в полные и докладные холопы и разрешал выдавать кредитору должника только до искупа, ставя его в положение, близкое с положением холопа по служилой кабале.

Здесь мы подходим к двум исчезнувшим указам о холопстве, 1586 и 1593 гг. Как ни трудна для историка задача реставрации этих пока бесследно исчезнувших документов, от которых не осталось ни одной подлинной строки, при изучении истории холопства неизбежно приходится взяться за гипотетическое разрешение и этой задачи.

Начнем с вопроса о том, как объяснить исключительный, даже, пожалуй, единственный в московской практике после 1550 г. случай полного исчезновения двух весьма важных указов о холопстве? Исчезновение пропавших указов, конечно, не случайность и не каприз приказного делопроизводства! Эти указы молодого тогда государственного деятеля, Бориса Годунова, покрываемого именем царя Федора, были, повидимому, серьезной атакой московского законодательства на вековую твердыню обычного холопского права. Последующее законодательство замело, заилило эти указы, вызвавшие, вероятно, бурю во владельческой среде, — потому они и исчезли. Но для реставрации их мы располагаем некоторыми средствами: А) текстом указа 25/4 1597 г., несомненно содержащим реакцию именно на исчезнувшие указы, Б) текстом некоторых позднейших указов и некоторых статей Уложения 1649 г., так как кодификаторам 1648—1649 гг. эти указы были, повидимому, известны, и содержание их они ввели в XX гл. Уложения, В) глухими ссылками на эти же указы, имеющимися в одной из сохранившихся холопских тяжб.

А) Обратимся к указу 25/4 1597 г. Судя по тому, что этот указ спешит успокоить холоповладельцев, объявив аналогично фразам грамот удельного времени, что «холопство и впредь холопство», указы 1586 и 1593 гг. надо понимать как удар по умолчанным принципам холоповладения, все еще имевшего характер неприкосновенности. По какой же стороне холопского права ударили эти указы? Мы видим, что боевым вопросом холопского законодательства станет с 1597 г. вопрос о детях холопа, и, очевидно, указы 1586 и 1593 гг. били именно в эту точку. Соображая то, что государство явно выражало и будет выражать свою симпатию холопству по служилой кабале, и то, что указ 25/4 1597 г. спешит воспрепятствовать ликвидации зависимости по служилой кабале путем уплаты долга, надо полагать, что в исчезнувших указах содержалось именно разрешение ликвидировать зависимость по кабале. Но один закрепительный мотив этих загадочных указов указ 25/4 не только сохранил, но даже усилил, это — требование обязательной регистрации всех крепостных документов и обязательного перевода их в стереотип служилой кабалы. Указ 25/4 сделал еще одну большую уступку холоподержателям, разрешив перевод кабалных холопов в полные и докладные. В качестве уступки и поощрения претензиям холоповладельцев указ 25/4 давал держателю разрешение обязательно кабалить «добровольных холопей» (наймитов Судебника) после шестимесячного пребывания их в боярском дворе, т. е. узаконил превращение их в холопов по служилой кабале.

Придавая декларативную постановку мотивам указа 25/4, схематично формулируем положения его так:

«Мы требуем кабализации всего холоповладения, т. е. предъявления и явки крепостных документов, но тревожиться холоповладельцам особенно нечего: холопство остается в существе неприкосновенным, обязательного перевода полного и докладного холопства в холопство служилое закон не требует, а наоборот, даже разрешает переводить кабалных холопов в холопы полные и докладные.

Мы разрешаем также удерживать в холопстве детей кабалных холопов, если дети родились от похолопленных уже родителей, но удерживать их в холопстве можно только по смерти господина и права на них к наследникам не переходят».

Путем повторных усилий в 1597 г. государство устояло на обязательном предъявлении и регистрации крепостных документов, но спешило этим беспорядочно отредактированным приговором-протоколом¹ смягчить общее, с точки зрения холоповладельцев, дурное впечатление своей политики, подчеркнуть выгодные и привилегированные стороны кабализации, сделать уступки в пользу холоповладельцев (переход кабального в полные) и даже разрешить задерживать во дворе детей кабального по смерти господина, хотя эта последняя поправка особого значения иметь не могла, потому что и крепость родителей продолжалась тоже только по смерти господина.

Рассматривая как уступку и благожелательное для холоповладельцев истолкование указом 25/4 текста предшествующих указов 1586 и 1593 гг., мы полагаем, что содержание их состояло: 1) в категорическом требовании не только общей регистрации всех холопов, но и в переводе всех старых крепостей в один тип служилой кабалы; 2) в воспрещении переводить кабальных холопов в полные и докладные и 3) в запрещении холопить детей кабальных, даже если они родились во дворе господина. Во всяком случае, указы эти содержали декларативное заявление о том, что дети холопа, рожденные до закабаления, господину кабального холопа не крепки.

Б) Заглянем теперь в ближайшие по времени указы по тем же вопросам о кабализации и о детях холопов.

Вопрос о кабализации с новой остротой ставил указ В. Шуйского от 25/2 1608 г., категорически требовавший (п. 5) формальной кабалы даже для старинного холопства и как бы приглашавший старинного холопа, не укрепленного документом, к побегу риторическим вопросом, обращенным к держателю такого беглого холопа: «Зачем держал холопа без крепости?» Под крепостью в данном случае подразумевалась, конечно, служилая кабала.

Изданный по тому же вопросу через год и три месяца, 21/5 1609 г., указ В. Шуйского снова подчеркивал, что кабальное и докладное холопство не наследственны, — мало того, постановлял, что без возобновления холопства новой служилой кабалой холопы по смерти своих владельцев автоматически от них освобождались и выходили «на волю». Полных и старинных холопов этот указ уже не упоминал, но как будто все же имел таких холопов в виду, покрывая их широким термином «докладного холопа». Вместе с тем этот указ предусматривал возвращение детей, родившихся в кабальном холопстве родителей, но сбежавших от господ своих отцов к «старым их государям, у кого они в холопстве породились».

Итак, нажим на идею кабализации в указах 1608 и 1609 гг. тоже показывает нам, в каком направлении был ориентирован не дошедший до нас указ 1586 или 1593 гг.

Следующий мотив, касавшийся так называемых «добровольных холопей», выражен в указе 9/3 1608 г., позволявшем принимать вольных людей, «как по прежнему уложению», только в урочные годы. Но есть ли это упоминание о «прежнем уложении» лишь ссылка именно на указы 1586 и 1593 гг.? Удержаться на этой позиции московскому законодателю не удалось: указ 21/5 1609 г. (изданный спустя год и два месяца) разрешал вопрос, хотя и в нетвердой и в сбивчивой форме, в пользу господ: добровольный холоп («наймит»), проживший в услужении 5 лет и больше, подлежал «отдаче» господину, у которого служил, по служилой кабале в качестве кабального холопа, следовательно, прибавим, — по живот господина. Но это решение было настолько расплывчатым и сбивчивым, что к формуле

¹ На наш взгляд это, собственно, и не приговор, как его упорно называют историки права, а только протокол прений в Боярской думе, наскоро кое-как проконспектированный.

указа было прибавлено: «А о том рекся государь говорить с бояры». Через 4 месяца, 12/9 1609 г., состоялся боярский приговор о возвращении, по вопросу о добровольных холопах, к указу 24/4 1597 г., постановившему закабаление добровольных слуг по исполнению 5 месяцев их службы в боярском дворе.

Так, в годы обострения социальной борьбы, когда государство должно было считаться не только со вкусами господ, но и с настроением холопов, произошла попытка реставрации указов 1586 и 1593 гг., но в трех боевых пунктах (о переходе всякого холопства в кабальное, о детях кабального холопа и о добровольном холопстве) власть опять капитулировала перед владельцами, на этот раз не просто затеряв неудобные указы, а отступив с некоторыми колебаниями к новым нормам. Только в одном пункте, относительно обязательной регистрации крепостных документов, московский приказ отстоял свою тенденцию, если не к переработке или отмене холопства, то хотя бы к государственной инвентаризации холопов при регистрации кабал.

Эти же мотивы всплывут и в XX гл. Уложения.

1. В нем найдем то же противоречивое сочетание полного и старинного холопства (но уже без докладной) с обязательной кабелизацией, долженствовавшей, по своей первоначальной идее, уничтожить первые две категории (полного — старинного) холопства.

2. В нем будет отражена борьба государства с холоповладельцами из-за детей холопа, оттягиваемых в разные стороны борющимися сторонами, т. е. государством и господами.

3. Будет отражена и двусмысленность в отношении добровольных холопов или наймитов, которых государство одновременно и хочет и не хочет закабалить за их держателями.

В) Если обратимся теперь к судебной практике 1640-х гг., то увидим, что в одном из судебных процессов, составляющих предмет анализа в дальнейшем изложении, воспоминания об усилиях законодательства несколько осадить холоповладельцев были еще живы в памяти московских обывателей. В деле Велкова и Мякина в 1642 г. «третий», Анисим Трофимов, решая тяжбу в пользу Велкова, ссылаясь на указ, согласно которому не только кабальные холоп и раба, но и холопы купленные, данные и приданные после смерти государей своих свободны и без отпусных. Не имеет ли в виду его ссылка именно указы 1586 и 1593-гг., так как указ на эту тему 21/8 1556 г. относился только к полоняникам и в 1641 г. должен был казаться уж очень далеким?¹

Сделаем теперь попытку (пользуясь текстом позднейших указов) формулировать в виде конъектуры текст двух таинственных указов 1586 и 1593 гг.

Указы 1586 и 1593 гг. должны были звучать приблизительно так:

«В холопстве людей без кабал не держать, а побежит холоп, господин сам виноват, — почему держал холопа без крепости.²

А у которых дворян и детей боярских и у всяких людей кабалы иманы на людей и у тех людей в кабальном холопстве дети поросли, и тех кабальных холопей дети тем своим государям не холопи.

А которые люди всяких чинов учнут приносить в Холопей приказ к записке записки на вольных людей, тем вольным всяким человеком у тех людей служить по тем записям до своего живота, и тех записей на вольных людей не записывать, и по таким записем вольных людей истцом не выдавати, а имати записи на вольных людей всяким человеком на урочные лета. Да будет которые добровольные холопи в распросе

¹ № 41764, л. 7; ср. л. 20, где противник парирует эту ссылку.

² Ср. указы 7/3 1607 г. и 25/2 1608 г.

скажут, что кабал дати не хотят, и тех добровольных холопей в неволю не давать: не держи холопа без кабалы ни единого дня, а держал бескабально и кормил, и то у себя сам потерял.

А холопов по служилой кабале полными не писать. А холопам купленным, даным и приданым, как и кабалным, после смерти государей своих воля. А будет холоп деньги по служилой кабале принесет, деньги у него взять и дать ему воля».¹

Пытаться разъединить содержание этих двух указов пока нельзя, но, быть может, когда-либо архивы и ответят на этот вопрос.

Кроме этих основных, с точки зрения органического развития, правовых мотивов указного холопского права, законодательство тех лет развило еще и ряд мотивов аксессуарного характера. Таковы мотивы, касающиеся:

- а) холопов-полоняников (24/8 1555 г. и 9/1 1558 г.),
- б) холопов, принадлежавших изменникам, или холопов, виновных в измене (28/2 1608),
- в) холопов, не кормленных господами в голодные годы (25/4 1597 г., 18/3 1603 г. и 7/1 1606 г.),
- г) холопов из детей боярских (8/9 1620 г., 23/2 1639 г., 7/2 1640 г. и 9/3 1642 г.).
- д) холопов-должников до искупа (5/5 1555 г., 15/10 1560 г. и 8/2 1588 г.) и
- е) делопроизводственных вопросов (10/11 1555 г., 24/8 1556 г., 11/7 1556 г., 30/11 1558 г., 25/4 1597 г., 7/1 1606 г., 25/2 1608 г., 14/10 1624 г., 17/2 1625 г., 17/11 1628 г., 30/5 1641 г., 9/3 1643 г. и 8/6 1647 г.).

Но эти указы не задевают социально-динамического существа холопского права, потому мы на них здесь и не останавливаемся.

Интересной попыткой дифференцировать право на заключение сделок разного типа и монополизировать закабаление по служилой кабале только за служилыми людьми является указ 1641 г., не вошедший в указные книги приказов и потому доселе в печати не известный. Этот указ, сообщенный памятью от 30/5 1641 г., посланной из Приказа холопского суда в Устюжскую четверть, сохранился в составе приказных дел четверти. Приказная память в ответ на запрос четверти достоверно сообщала, что по «государеву указу из Приказа холопского суда посланы государевы грамоты в города к воеводам и к приказным людям, которые грамоте умеют». Указ этот разрешал давать дворянам и детям боярским на вольных людей служилые кабалы, на крестьян — ссудные записи, а жилецким людям житейские записи. Служилые кабалы разрешалось давать на сумму только 3 руб., «а меньше 3-х р. и 15-ти лет и на детей боярских, и на посадских людей, и на крестьян, и на крестьянских детей служилых кабал давати не велено». «Тяглым людям, попам, стрельцам, пушкарям, монастырским служкам и боярским людям на людей служилых кабал давать не велено ж, а велено им давать на людей житейские записи на урочные годы». Указ устанавливал и порядок выдачи житейских и ссудных записей».²

Но, повидимому, это был лишь случайный штрих приказного творчества начала 1640-х гг., не успевший тогда оформиться ни в какую более твердую правовую формулу.

Как видим, главный напор на холопье право и главное усилие оформить его относятся к промежутку 1597—1609 гг. Позднее московский законодатель обращается к холопству лишь частично и мимоходом, и его интерес к этой теме погасает почти до Уложения 1649 г., когда сразу ожили все мотивы холопского права, затронутые вразброс на

¹ Ср. указы 25/4 1597 г. и 21/5 1609 г.

² ПДСЛ, 1641 г., № 69, лл. 255—257. Текст указа напечатан нами полностью в Прибавлении 8.

протяжении полутора столетия его эволюции. Перейдем теперь к этому памятнику, обстоятельства появления которого столь хорошо известны, что мы считаем излишним здесь на них останавливаться.

§ 10. ХОЛОПСТВО И УЛОЖЕНИЕ 1649 г.

Уложение 1649 г., можно сказать, холопством пропитано насквозь: из 940 статей его прямо или косвенно холопство затрагивают по нашему подсчету более 200 статей, т. е. 22%.¹

Кроме гл. XX, специально отведенной холопству и сочиненной в самом Холопьем приказе, Уложение занимается выкупом холопов из плена (VIII, 7), проездом холопов по путям сообщения и их участием в местных государственных службах (IX, 1, 3, 5), их прямым или косвенным участием в судебных процессах в качестве то объектов, то субъектов права, то свидетелей, то поручителей, то поверенных и т. д. (X, *passim*, напр. 91, 92, 94, 109, 122, 124, 125, 138, 140, 141, 142, 149, 151, 158, 161, 162, 173, 178, 185, 198, 199, 200, 204, 208, 214, 229, 248, 253, 261, 262, 264, 265, 266, 267, 268; XIII, 2, 3, 5, 7; XIV, 1, 5, 7, 8, 10; XVI, 59 и др.). XI гл. занята на разные лады вопросами, связанными с браком беглых (XI, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 33, 34), XVI — уборкой хлеба холопами (XVI, 38), XVII — верстаньем холопов на службу XVII, 37) и запрещением холопам приобретать вотчины на свое имя (XVII, 41); гл. XVIII — пошлинами с грамот, выдаваемых из Холопьяго приказа, гл. XIX — положением холопов на посаде (XIX, 1, 5, 14, 16, 17, 25, 37, 38), главы XXI, XXII и XXV — участием холопов в уголовных делах (XXI, 8, 45, 46, 47, 48, 66, 67, 69, 70, 79, 80, 88, 89, 104; XXII, 8, 9, 12, 16, 22; XXV, 6, 14) и т. д.

Мы видим холопов в самых различных ролях: они ведут хозяйственные операции и тяжбы от имени своих господ и от своего собственного, несут за своих господ юридическую и нравственную ответственность, участвуют вместе с господами в грабительских наездах на соседей и даже в разбоях на большой дороге, попадают за своих господ на правож, покупают на себя вотчины (иначе зачем это было нарочито запрещать?), проникают на посады и благополучно на них устраиваются, нередко даже без разрешения своих хозяев, ввязываются в подряды, занимаются корчемством, запутываются в уголовщине и пр.

Для того чтобы так разлиться по всем закоулкам русской жизни, холопы должны были быть не только классом многочисленным и очень дифференцированным, но должны были быть и людьми предприимчивыми, ловкими, изворотливыми, органически тесно спаянными со своими хозяевами, государями-боярами (так обычно титулуется собственными холопами всякий холоповладелец), — иначе не объяснить их активной роли в качестве поверенных, поручителей за своих хозяев, пособников в налетах, укрывателей награбленной рухляди, корчемников и т. д.

Общая тенденция Уложения в холопьем вопросе определяется, несомненно, признанием прочности и крепости спайки между холопами и господами. Отношения эти презумптивно рассматриваются как нечто неизблемое, хотя в Уложении и проводятся некоторые нерешительные ограничительные тенденции.

Стесняющие холопство тенденции Уложения выражались в следующем.

¹ По точному подсчету — 213 из 940, но так как не менее полутора статей Уложения не имеет никакого юридического содержания (напр., тарификация бесчестий по чинам и званиям и т. п.), то следовало бы взять отношение 213 не к 940, а примерно 213 к 800, тогда % статей Уложения, имеющих касательство к холопству, поднимется почти до 27%. Но как учесть и перевести в цифры и проценты общий дух, тон и стиль Уложения, верно отражающего рабовладельческие понятия и привычки? На это не ответит никакая статистика.

1. В обязательном ограничении холопства пожизненностью для господина. Это требование упорно повторяется в целых десяти статьях (XX, 9, 14, 15, 44, 47, 52, 61, 63, 81, 106, из которых особое значение имеют статьи 44 и 47). Странность такого настойчивого повторения мотива пожизненности показывает, с каким усилием нужно было поддерживать эту неприятную для холоповладельцев и потому трудно им дававшуюся идею. Но почти неизменно, даже в отмеченных сейчас статьях, речь идет, собственно, не столько о выходе на свободу, сколько о перекабалении холопа, меняющего своего умершего господина на нового хозяина.

2. В требовании законом нерасторжимости брака холопов при решении юридических вопросов, связанных с разделом холопов между стонами (XX, 4, 60, 85, 115).

3. В запрещении по кабале родителей укреплять детей, рожденных до выдачи родителями кабал данному господину (XX, 5), а равно и в обязательном ограничении самозакабаления возрастом в 15 лет (XX, 20, 110). Статьи эти повторяли старое правило, выраженное еще Судебником 1500 г. (ст. 76) и указом 1/9 1550 г., но характерно, что Уложение о нем вспомнило и пыталось на нем настоять.

4. В запрещении взятия совместных кабал несколькими лицами на одного и того же холопа, что практически делало кабальное холопство бессрочным (XX, 47, 48, 110).

5. В запрещении похолопления крестьян из поместий и вотчин, некогда скрыто и бесхарактерно разрешавшееся Судебниками (XX, 6, 113).

6. В обязательном освобождении холопа, взятого в плен в бою и потом бежавшего из неприятельского плена (XX, 34).

7. В запрещении воеводам брать кабалы по месту службы (XXI, 58) и, равным образом, брать кабалы на подследственных уголовных арестантов (XXI, 104).

8. В обязательном освобождении, при некоторых условиях, из боярских дворов так называемых «литовских полоняников», т. е. большей частью украинцев и белоруссов (XX, 69).

Итак, кодификаторы Уложения либо просто повторяли старое узаконное право, либо развивали его, либо включали в текст редактируемого ими закона материалы лежавших перед ними судебных приговоров по холопским делам предшествующих десятилетий (напр., по вопросу о нерасторжимости судебным приговором брака между холопами), либо изредка отваживались на некоторое новаторство (запрещение кабалить крестьян и бобылей). Они проводили эти нерешительные ограничения кабального холопства, не обставляя однако их никакими санкциями, могущими воздействовать на волю закабалителей. Единственно устойчивой, хотя дурно и беспорядочно выраженной, идеей ограничительного характера была идея ненаследственности права на кабального холопа. Эта идея явилась, очевидно, ответом на весьма упорное стремление владельцев утвердить наследственность, — иначе к чему было так усиленно повторять этот мотив?

Если мы оглянемся на совокупность статей, касающихся холопства, и в указах, предшествующих Уложению, и в самом Уложении, нас не может не удивить ряд наблюдаемых при этом странностей и непоследовательностей. Регистрация крепостных документов была обязательной в Московском государстве уже целое столетие. Требование это было неоднократно подтверждаемо, а при официальной регистрации закрепительные документы должны были отливаться обязательно в шаблон «служилой кабалы». Как же при этом порядке могло юридически продолжаться существовать полное и докладное холопство, как могла юридически действовать старина по данной, приданной, купчей, меновой, поступной и т. д. грамотам? Если по смерти

господина кабальный холоп должен был быть обязательно отпущен из ворот боярского двора на свободу, то как было не предусмотреть в законе самого порядка этого выхода, например, вопросов о личном имуществе бывшего кабального, о моменте его выхода, о сдаче им находившегося у него на руках хозяйского добра и т. д.? Как было не уточнить при закабалении холопских детей вопроса о критическом моменте, определяемом, вообще говоря, физическим появлением ребенка на свет именно во дворе господина, но могущим быть в отдельных случаях истолкованным на разные лады, например, при приюсе во двор новорожденного ребенка или при смерти закабалителя тотчас по рождении ребенка, которого нельзя было отделить от матери, получавшей, по закону свободу немедленно по смерти господина и не могущей оставить ребенка без себя во дворе закабалителя и т. д. Наконец, как закон мог допускать автоматическое закабаление холопских детей без их ведома и согласия в установленном законом для выдачи кабал 15-летнем возрасте, и как мог законодатель оставить без внимания вопрос о том, к какой именно категории холопов они должны быть отнесены? Вот эти и многие другие, логически как будто неизбежные, правовые вопросы, повидимому, даже не приходили составителям Уложения на ум! А допущение Уложением дарения и отдачи полонных холопов в приданое могло быть и, несомненно, было источником всяческих злоупотреблений со стороны владельцев.

Относящийся к холопству текст Уложения поражает наблюдателя своей разбросанностью, отсутствием координации, соображенности, перспективы между главным, основным, и второстепенным, между принципом и его техническим развитием, обилием туманностей, недомолвок и сбивчивостью общей ориентации. Все это было результатом запутанности в момент составления Уложения социально-динамических условий в Русском государстве середины XVII в. и неуверенностью московского правительства в том, какой именно линии должно было следовать в этом трудном, даже труднейшем, задании своей внутренней политики.

Обратимся теперь к изучению холопства по статистическому материалу кабальных книг 1592—1608 (100—116) гг. и по тяжбам, в которых так или иначе были выявлены взгляды на холопство как самих тяжущихся, так и разрешавшего их споры Приказа холопьяго суда.

ГЛАВА II

СТАТИСТИКА НОВГОРОДСКИХ ЗАКАБАЛЕНИЙ 1592—1609 (100—117) гг.

Вновь найденные и ныне частично напечатанные «Новгородские кабальные книги»¹ дают возможность вместе с книгами, ранее опубликованными в XV т. Р. И. Б. и других изданиях, заглянуть в социальную динамику процесса закабаления на исключительно важном участке московской территории как самого Новгорода Великого, так и всех его пятин, особенно пятин Бежецкой и Деревской.

Общая схема, выявленная этим материалом, дает возможность, во-первых, учесть средние количества закабалений по самому Новгороду и по пятинам в экономически нормальный год, а при гипотетическом восполнении пробелов в ныне известном материале, сообразить размеры возрастания закабалений в голодные годы там, где у нас не хватает материала кабальных книг. Этим путем мы можем взвесить опасения, несомненно возникавшие у московских правителей в связи с количественным возрастанием похолопления. Во-вторых, по приводимым ниже детальным таблицам цен на холопов можно проследить, как варьировались в связи с неурожаями и голодовками, поразившими вместе с другими районами Московского государства и Новгородскую область, количества закабаляемых или перекабаляемых холопов, как колебались цены на них, судя по размерам кабальных ставок, как шло закабаление в отношении к холопам семейным, холопам-одиночкам и холопам разного возраста. В-третьих, попытаемся учесть, какие суммы затрачивались закабалителями на операции закабаления и как, в смысле количества закабаляемых, приходящихся на одного закабалителя, варьировался диапазон закабалений в среднем. Наконец, располагая массу закабалителей по группам и исследуя количества закабаляемых ими холопов, мы приблизимся к решению важного вопроса социальной динамики Московского государства: *cu profuit*, т. е. какая из социальных групп закабалителей всего лучше, полнее и искуснее реализовала возможности закабаления вообще и кто наиболее успешно использовал в своих выгодах тяжелую годину народного бедствия, непосредственно предшествующую Первой кре-

¹ Издание Академии Наук СССР, 1938. Во введении к этому изданию см. общий обзор ныне опубликованных или известных в рукописи кабальных книг, а в Приложении — общий алфавитный список закабалителей этой эпохи, попадающихся во всех ныне известных новгородских кабальных книгах, имевших характер очередной записи новых похолоплений.

Количества закабаленных холопов по годам и месяцам

Год	№ книги и место записи	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июль 6	Июль	Август	Итого
100	№ 1 Водская пяттина, Полужская полов.	1	—	—	5	—	—	—	6	2	1	—	—	15
101	№ 1 Бежецкая пяттина, Тверская полов.	3	—	—	—	—	—	—	—	—	5	—	—	8
	№ 1 Шелонская пяттина, Залесская полов.	—	1	—	1	—	—	7	—	5	11	—	—	25
	№ 1 Водская пяттина, Полужская полов.	—	—	2	—	—	—	1	—	2	—	5	5	15
102	№ 2 Бежецкая пяттина, Белозерская полов.	1	6	2	—	1	1	2	—	9	3	14	7	46
	№ 1 Бежецкая пяттина, Тверская полов.	—	—	—	8	—	1	—	—	6	3	11	12	41
	№ 1 Деревская пяттина	2	—	—	1	5	—	—	3	6	8	—	4	29
	№ 2 Шелонская пяттина, Зарусская полов.	—	—	5	—	—	—	—	1	5	—	1	7	19
	№ 1 Водская пяттина, Полужская полов.	2	—	—	1	—	1	—	2	—	—	—	—	6
	№ 1 Обонежская пяттина, Нагорная полов.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	5
103	№ 1 Новгород	—	12	2	3	7	10	6	4	4	9	7	5	69
	№ 2 Бежецкая пяттина, Белозерская полов.	2	4	—	—	—	—	—	—	—	1	—	4	11
	№ 1 } Бежецкая пяттина, Тверская полов.	1	—	—	4	—	—	35	9	47	—	—	7	103
	и 2 } Деревская пяттина	7	6	—	2	3	—	8	1	1	1	—	1	30
	№ 2 Шелонская пяттина, Залесская полов.	12	—	—	—	4	—	4	—	—	—	—	—	20
	№ 1 Водская пяттина, Полужская полов.	—	—	2	4	—	—	—	—	—	—	—	—	6
	№ 2 Водская пяттина, Корельская полов.	—	—	—	2	—	—	—	—	1	—	—	—	3
	№ 2 Обонежская пяттина, Нагорная полов.	—	1	—	1	1	—	1	—	2	1	—	—	7
104	№ 2 Новгород	6	9	4	3	23	12	17	3	4	3	4	5	93
	№ 2 Бежецкая пяттина, Белозерская полов.	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
	№ 2 Бежецкая пяттина, Тверская полов.	8	—	2	11	—	—	24	—	—	—	—	—	45
	№ 2 Обонежская пяттина, Нагорная полов.	—	—	—	—	—	5	9	—	—	—	—	—	14

Год	№ книги и место записи	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Итого
106	№ 6 Новгород	—	—	—	—	—	—	7	2	5	—	9	60	83
	№ 6 Бежецкая пяттина, Тверская полов.	169	239	59	—	—	—	—	—	—	—	—	—	467
107	Шелонская пяттина, Зарусская полов. (А. Ю. Б., т. II)	3	1	—	4	—	—	5	2	—	—	—	—	15
108	Новгород (Р. И. Б., т. XV)	5	7	6	11	23	8	26	10	5	14	5	4	124
	№ 7 Шелонская пяттина, Зарусская полов.	—	—	—	1	4	—	—	—	—	—	—	—	5
109	№ 7 Новгород	7	5	10	21	17	25	35	15	8	3	1	—	147
110	№ 8 Новгород	4	25	25	57	154	193	—	—	—	—	—	—	458
	№ 8 Деревская пяттина	—	—	—	—	—	—	96	—	52	—	35	16	199
111	№ 9 Бежецкая пяттина, Белозерская полов.	—	2	13	16	115	96	120	42	5	133	27	4	573
	№ 9 Бежецкая пяттина, Тверская полов.	—	—	32	78	—	—	—	—	—	—	—	—	110
	№ 10 Деревская пяттина	—	1	9	36	113	90	90	12	109	11	55	11	537
	№ 10 Шелонская пяттина, Зарусская полов.	—	—	—	—	—	4	23	—	19	—	—	—	46
	№ 10 Шелонская пяттина, Залесская полов.	—	—	—	18	38	27	69	38	30	9	7	—	236
112	№ 11 Новгород	1	13	9	39	37	39	41	12	11	21	11	14	248
	№ 11 Бежецкая пяттина, Белозерская полов.	—	3	3	42	90	25	44	14	20	14	11	2	268
	№ 11 Бежецкая пяттина, Тверская полов.	20	18	—	13	44	12	—	—	—	—	—	—	107
	№ 11 Деревская пяттина	3	8	13	69	23	—	70	—	—	23	37	51	297
116	№ 12 Новгород	—	5	5	16	22	4	17	8	4	3	4	1	89
	№ 12 Бежецкая пяттина, Белозерская полов.	6	5	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	16
	№ 12 Бежецкая пяттина, Тверская полов.	18	—	—	6	—	14	—	—	—	4	—	—	42
	№ 12 Деревская пяттина	8	1	2	46	13	4	2	—	—	—	—	1	77
	№ 12 Водская пяттина, Полужская полов.	—	—	—	7	—	1	1	—	—	—	—	—	9
117	№ 13 Новгород	—	13	4	4	6	8	15	8	27	8	6	1	100

Закабаления по Новгороду и пятинам

Место регистрации кабалы	Новгород							
№ каб. книги (не изданной) или название издания	№ 1	№ 2	Р. И. Б. т. XV	№ 7	№ 8	№ 11	№ 12	№ 13
Год	103	104	108	109	110	112 [*]	116	117
На сколько месяцев падают записи	11	12	12	11	6	12	11	11
Число кабал	63	88	118	127	317	188	80	87
» холопов	69	93	124	147	458	248	89	100
» закабалителей	53	71	100	90	236	156	59	51
Общая сумма каб. долга (в рублях)	309	440	350	381	774	834	272	276
На 1 кабалу в среднем падает р у б л е й	4.74	5	2.96	3	2.44	4.43	3.4	3.17
На 1 холопа » » »	4.33	4.73	2.82	2.59	1.69	3.36	3.05	2.76
На 1 закабалителя » » »	5.83	6.19	3.5	4.2	3.27	5.34	4.61	5.41
На 1 кабалу в среднем приходится холопов	1.09	1.05	1.05	1.15	1.44	1.31	1.11	1.14
На 1 закабалителя » » »	1.3	1.3	1.24	1.63	1.94	1.58	1.5	1.96
Число холопов — мужчин	60 (87%)	78 (84%)	90 (73%)	93 (63%)	240 (52%)	132 (53%)	68 (76%)	72 (72%)
» » — женщин	6 (9%)	3 (3%)	9 (7%)	16 (11%)	63 (14%)	57 (23%)	9 (10%)	9 (9%)
» » — детей	3 (4%)	12 (13%)	25 (20%)	38 (26%)	155 (34%)	59 (24%)	12 (14%)	19 (19%)
Число закабалений (человек) семьями	10 (14%)	9 (10%)	12 (10%)	33 (22%)	206 (45%)	100 (40%)	16 (18%)	21 (21%)
» » по 1 человеку	59 (86%)	84 (90%)	112 (90%)	114 (78%)	252 (55%)	148 (60%)	73 (82%)	79 (79%)
Состояние до закрепления свободное (число холопов)	31 (45%)	33 (36%)	59 (48%)	46 (31%)	282 (62%)	164 (66%)	30 (34%)	13 (13%)
» » » зависимое » »	38 (55%)	60 (64%)	65 (52%)	101 (69%)	176 (38%)	84 (34%)	59 (66%)	87 (87%)
» » » в записи не указано (число холопов)	—	—	—	—	—	—	—	—

Место регистрации кабалы	Бежецкая пятина, Белозерская половина					
№ каб. книги (не изданной) или название издания	№ 2	№ 2	№ 2	№ 9	№ 11	№ 12
Год	102	103	104	111	112	116
На сколько месяцев падают записи	10	4	1	10	11	3
Число кабал	23	7	2	317	159	12
» холопов	46	11	2	573	268	16
» закабалителей	17	6	2	184	110	11
Общая сумма каб. долга (в рублях)	123	40	5	542	299	28
На 1 кабалу в среднем падает р у б л е й	5.35	5.7	—	1.72	1.87	2.33
На 1 холопа » » »	2.67	3.63	—	0.95	1.11	1.75
На 1 закабалителя » » »	7.25	6.66	—	2.96	2.71	2.54
На 1 кабалу в среднем приходится х о л о п о в	2	1.57	—	1.8	1.68	1.33
На 1 закабалителя » » »	2.7	1.87	—	3.11	2.43	1.45
Число холопов — мужчин	20 (43%)	6 (55%)	1	231 (40%)	110 (41%)	4 (25%)
» » — женщин	16 (35%)	3 (27%)	1	170 (30%)	73 (27%)	4 (25%)
» » — детей	10 (22%)	2 (18%)	—	172 (30%)	85 (32%)	8 (50%)
Число закабалений (человек) семьями	38 (83%)	6 (55%)	—	411 (72%)	174 (65%)	7 (44%)
» » по 1 человеку	8 (17%)	5 (45%)	—	162 (28%)	94 (35%)	9 (56%)
Состояние до закрепления свободное (число холопов)	1	—	—	300 (71%)	162 (79%)	7 (44%)
» » » зависимое » »	1	—	—	121 (29%)	44 (21%)	9 (56%)
» » » в записи не указано (число холопов)	44	11	—	152	62	—

Место регистрации кабалы		Бежецкая пятина, Тверская половина					
№ каб. книги (не изданной) или название издания	№ 1	№ 1	№№ 1 и 2	№ 2	№ 9	№ 11	№ 12
Год	101	102	103	104	111	112	116
На сколько месяцев падают записи	2	6	6	4	2	6	4
Число кабал	5	20	43	20	43	70	26
» холопов	8	41	103	45	110	107	42
» закабалителей	4	12	16	15	19	50	20
Общая сумма каб. долга (в рублях)	16	92	180	78	92	104	82
На 1 кабалу в среднем падает р ^у бл ^{ей}	3.2	4.6	4.18	3.9	2.14	1.48	3.15
На 1 холопа » » »	2	2.24	1.74	1.73	0.83	0.97	1.95
На 1 закабалителя » » »	4	7.66	11.25	5.25	4.84	2.08	4.1
На 1 кабалу в среднем приходится холопов	1.6	2.05	2.39	2.25	2.32	1.52	1.61
На 1 закабалителя » » »	2	3.41	6.43	3	5.78	2.14	2.1
Число холопов — мужчин	4 (50%)	15 (37%)	36 (35%)	19 (42%)	38 (34.5%)	56 (52%)	19 (45%)
» » — женщин	2 (25%)	10 (24%)	33 (32%)	15 (33%)	34 (31%)	33 (31%)	12 (29%)
» » — детей	2 (25%)	16 (39%)	34 (33%)	11 (25%)	38 (34.5%)	18 (17%)	11 (26%)
Число закабалений (человек) семьями	5 (62.5%)	29 (71%)	87 (84%)	36 (80%)	98 (89%)	66 (62%)	26 (62%)
» » по 1 человеку	3 (37.5%)	12 (29%)	16 (16%)	9 (20%)	12 (11%)	41 (38%)	16 (38%)
Состояние до закрепления свободное (число холопов) . .	—	—	26	—	2	—	—
» » зависимое » »	—	—	—	1	—	—	—
» » в записи не указано (число холопов)	8	41	77	44	108	107	42

Место регистрации кабалы		Деревская пятина				
№ каб. книги (не изданной) или название издания	№ 1	№№ 1 и 2	№ 8	№ 10	№ 11	№ 12
Год	102	103	110	111	112	116
На сколько месяцев падают записи	7	9	4	11	9	8
Число кабал	19	18	74	244	138	43
» холопов	29	30	199	538	297	77
» закабалителей	15	16	59	158	107	35
Общая сумма каб. долга (в рублях)	125	82	165	652	319	103
На 1 кабалу в среднем падает рублей	6.6	4.55	2.23	2.67	2.31	2.39
На 1 холопа » » »	4.31	2.73	0.83	1.21	1.07	1.33
На 1 закабалителя » » »	8.36	5.12	2.79	4.12	2.98	2.94
На 1 кабалу в среднем приходится холопов	1.52	1.66	2.68	2.2	2.15	1.79
На 1 закабалителя » » »	1.93	1.87	3.37	3.4	2.77	2.2
Число холопов — мужчин	20 (69%)	14 (47%)	68 (34%)	212 (39%)	104 (35%)	24 (31%)
» » — женщин	4 (14%)	7 (23%)	51 (26%)	159 (30%)	92 (31%)	22 (29%)
» » — детей	5 (17%)	9 (30%)	80 (40%)	167 (31%)	110 (34%)	31 (40%)
Число закабалителей (человек) семьями	16 (55%)	18 (60%)	176 (88%)	453 (84%)	244 (82%)	51 (66%)
» » по 1 человеку	13 (45%)	12 (40%)	23 (12%)	85 (16%)	53 (18%)	26 (34%)
Состояние до закрепления свободное (число холопов)	2 (33%)	14 (93%)	28 (47%)	239 (80%)	112 (86%)	20 (39%)
» » » зависимое » »	4 (67%)	1 (7%)	31 (53%)	57 (20%)	18 (14%)	31 (61%)
» » » в записи не указано (число холопов)	23	15	140	242	167	26

Место регистрации кабалы	Шелонская пятина, Зарусская половина				Шелонская пятина, Залесская половина		
	№ 2	Акты Ю. Б.	№ 7	№ 10	№ 1	№ 2	№ 10
№ каб. книги (не изданной) или название издания							
Год	102	107	108	111	101	103	111
На сколько месяцев падают записи	5	5	2	3	5	3	8
Число кабал	12	10	4	22	13	9	115
» холопов	19	15	5	46	25	20	236
» закабалителей	10	7	4	12	9	4	55
Общая сумма каб. долга (в рублях)	28	29	11	52	58	24	259
На 1 кабалу в среднем падает р у б л е й	2.33	2.9	2.75	2.36	4.5	2.66	2.25
На 1 холопа » » »	1.47	1.93	2.2	1.13	2.34	1.2	1.09
На 1 закабалителя » » »	2.8	4.12	2.75	4.33	6.5	6	4.7
На 1 кабалу в среднем приходится х о л о п о в	1.58	1.5	1.25	2.09	1.92	2.22	2.05
На 1 закабалителя » » »	1.9	2.12	1.25	3.83	2.77	5	4.24
Число холопов — мужчин	9 (47%)	7 (47%)	3 (60%)	15 (33%)	11 (44%)	6 (30%)	83 (35%)
» » — женщин	7 (37%)	3 (20%)	1 (20%)	14 (30%)	7 (28%)	6 (30%)	75 (32%)
» » — детей	3 (16%)	5 (33%)	1 (20%)	17 (37%)	7 (28%)	8 (40%)	78 (33%)
Число закабалений (человек) семьями	10 (53%)	8 (53%)	2 (40%)	37 (80%)	17 (68%)	16 (80%)	190 (80.5%)
» » по 1 человеку	9 (47%)	7 (47%)	3 (60%)	9 (20%)	8 (32%)	4 (20%)	46 (19.5%)
Состояние до закрепления свободное (число холопов) . .	13	7 (47%)	1 (20%)	25 (69%)	—	—	164 (70%)
» » » зависимое » »	—	8 (53%)	4 (80%)	11 (31%)	—	—	71 (30%)
» » » в записи не указано (число холопов)	6	—	—	10	25	20	1

Место регистрации кабалы	Водская пятина, Полужская половина					Обонежская пятина, Нагорная половина		
№ каб. книги (не изданной) или название издания	№ 1	№ 1	№ 1	№ 1	№ 12	№ 1	№ 2	№ 3
Год	100	101	102	103	116	102	103	104
На сколько месяцев падают записи	5	5	4	2	3	1	6	2
Число кабал	11	10	4	4	6	2	6	7
» холопов	15	15	6	6	9	5	7	14
» закабалителей	10	8	4	2	6	2	4	6
Общая сумма каб. долга (в рублях)	60	49	19	20	14	11	23	27
На 1 кабалу в среднем падает рублей	5.45	4.9	4.75	5	2.33	5.5	3.83	3.85
На 1 холопа » » »	4	3.26	3.16	3.33	1.55	2.2	3.28	1.92
На 1 закабалителя » » »	6	6.12	4.75	10	2.33	5.5	5.75	4.5
На 1 кабалу в среднем приходится холопов	1.36	1.5	1.5	1.5	1.5	2.5	1.16	2
На 1 закабалителя » » »	1.5	1.87	1.5	3	1.5	2.5	1.75	2.33
Число холопов — мужчин	11 (73%)	8 (53.3%)	4 (67%)	4 (67%)	4 (45%)	2	6 (86%)	8 (57%)
» » — женщин	4 (27%)	5 (33.3%)	2 (33%)	2 (33%)	2 (22%)	1	1 (14%)	2 (14%)
» » — детей	—	2 (13.3%)	—	—	3 (33%)	2	—	4 (29%)
Число закабалений (человек) семьями	8 (53%)	9 (60%)	4 (67%)	4 (67%)	4 (44%)	4	2 (29%)	3 (79%)
» » по 1 человеку	7 (47%)	6 (40%)	2 (33%)	2 (33%)	5 (56%)	1	5 (71%)	3 (21%)
Состояние до закрепления свободное (число холопов)	7 (78%)	1 (25%)	2 (50%)	3 (60%)	6 (86%)	—	—	—
» » » зависимое » »	4 (22%)	3 (75%)	2 (50%)	2 (40%)	1 (14%)	—	—	—
» » » в записи не указано (число холопов)	6	11	2	1	2	5	7	14

стьянской войне (так называемому Смутному времени Московского государства).

К изучению этого статистического материала в трех указанных направлениях мы теперь и перейдем.

§ 1. ВОСПОЛНЕНИЕ ПРОБЕЛОВ В СТАТИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ И ОБЩИЕ ИТОГИ

Статистический материал, которым мы ныне располагаем, несмотря на свое относительное богатство, страдает большими пробелами. Считая кабальную книгу за полный год по тому или другому району за единицу, мы должны были бы иметь за промежуток 100—117 гг. 144 книги, тогда как мы располагаем только 44 книгами, т. е. всего лишь 30.5% материала. Пробелы эти восполнить большей частью очень трудно, ибо заключения по аналогии по разным причинам мало надежны, однако в 6 случаях считаем и нужным и возможным сделать попытку такого восполнения. Случаи эти относятся к наиболее острому промежутку новгородского голода (110—112 гг.) в самом Новгороде и в пятинах, Бежецкой и Деревской.¹

1. Новгород Великий. Отсутствие цифр за март—август 110 г. восполняем путем удвоения данных (458) за первую половину года, но с некоторым коррективом. Сравнивая цифры закабалений в Новгороде по полугодиям, видим, что в 103 г. количество закабалений 2-го полугодия составляло по отношению к закабалениям 1-го полугодия 103%, в 104 г. — 63%, в 105 г. — 106%, в 109 г. — 73%, в 112 г. — 87%. Исходя из среднего процентного расчета (86%), возьмем для 2-го полугодия 110 г. не просто цифру 1-го полугодия, т. е. 458 случаев, а только 86% от нее, т. е. 394 предположительных случая закабаления. Тогда общий итог за 110 г. выразится в гипотетической цифре: $458 + 394 = 852$ закабаления холопов. Так как средняя годовая цифра закабалений по Новгороду выражалась (для 103, 104, 106 гг.) в 81 случае,² то, исходя из этого расчета, можно утверждать, что голод 110 г. увеличил размеры похолопления более чем в 10 раз (до 1052%).

Труднее восполнить наиболее досадное отсутствие данных кабальных книг по Новгороду за 111 г. Здесь для получения коэффициента повышения количества закабалений сравнительно со средним годовым количеством приходится прибегнуть к аналогии с возрастанiem числа закабалений за этот год по Бежецкой (Белозерской половине), Деревской и Шелонской (Залесской половине) пятинам. Взяв за исходные точки средние данные по этим районам за 102—104 гг., получим следующие коэффициенты.

Районы	Среднее число закабалений, полагаемое за 100%	111 г.	112 г.	Коэффициенты возрастания средних ко- личеств для 111 г.
		(в процентах)		
Новгород В.	81	—	306	—
Бежецкая пятина (Бело- зерская половина) . .	46	1 245	584	12.45
Деревская пятина . . .	30	1 790	990	17.9
Шелонская пятина (За- лесская половина) . .	20	1 180	—	11.8

¹ На графике в нашем издании кабальных книг (1938 г.) этот промежуток замкнут в прямоугольник, обведенный пунктирной линией.

² Для получения средней цифры закабалений по Новгороду в нормальные годы берем данные 103, 104 и нашу выборку текущих закабалений по 106 г.

Если исходить из этих наблюдений и перенести расчеты с пятин на Новгород, то средний годовой итог новгородских закабалений должен быть повышен в пропорции: $(11.80 + 17.90 + 12.45) : 3 = 14.04$, т. е. равняться 81×14.04 , что даст 1137 закабалений.

Но этот расчет должен быть скорректирован аналогией с данными 112 г., показывающими, что возрастание похолопления в 112 г. шло гораздо энергичнее в пятинах, чем в Новгороде. Так, в Бежецкой пятине (Белозерской половине) в 112 г. имеем 268 закабалений. При среднем годовом закабалении по этому району, равном 46 (102 г.) случаям, возрастание 112 г. выразится в 584%. В Деревской пятине при среднем годовом количестве закабалений, равном 30 (103 г.), мы имеем в 112 г. 297 случаев, т. е. 990%. Между тем в Новгороде, при среднем годовом количестве закабалений, равном, как мы приняли выше, 81 случаю, итог закабалений 112 г. дает только 306 случаев, т. е. повышение до 375%.

Разница между коэффициентами 9 и 3, конечно, очень велика, но полагаем, что мы будем ближе к истине, принимая для 111 г. коэффициент 9, а не 3, потому что 110 г. по выше приведенному расчету имел уже коэффициент 10, а в 111 г. мы не можем ожидать значительного понижения коэффициента ввиду обострения голода, хотя некоторое понижение по Новгороду и, возможно, аналогично понижению закабалений в Новгороде сравнительно с пятинами в 112 г. Поэтому между коэффициентами 14.04 и 3 возьмем среднее, т. е. $(14.04 + 3) : 2 = 8.7$.

Тогда получим для 111 г. по Новгороду гипотетическую цифру закабалений, равную 690 случаям; при коэффициенте 14 мы имели бы для Новгорода цифру 1134.

Для дальнейшего понижения коэффициента мы не видим оснований по следующим соображениям. В 112 г. в Тверской половине Бежецкой пятины имели место 214 случаев закабалений, что при среднем годовом количестве закабалений по этому району, равном 72, дает коэффициент 3 сравнительно с нормальным количеством, тогда как, судя по данным за ноябрь и декабрь (32 и 78 случаев) по той же Тверской половине, за год должно было быть в 111 г. около $(32 + 78) : 2 \times 12 = 660$ случаев, т. е. коэффициент должен бы был равняться $660 : 72$, т. е. 9.1. Раз закабаления в Тверской половине Бежецкой пятины от 111 г. к 112 г. сократились почти вдвое, они не могли не сократиться от 111 г. к 112 г. и по Новгороду.

Трудно допустить, чтобы более чем удвоенное против среднего количество закабалений по Новгороду в 110 г. могло внезапно начать падать со 111 г., тем более что в первое полугодие 110 г. мы наблюдаем прогрессивное нарастание количеств закабалений. К сожалению, как сказано, данных за второе полугодие 110 г. не сохранилось.

2. При восполнении пробелов по Бежецкой пятине за 110 г. исходим из следующих соображений. Количество закабалений по Бежецкой пятине, представленное в книгах довольно полно, в 102 г. равнялось 87, в 103 г. — 114, а в 104 г. в одной Тверской половине Бежецкой пятины — 45. Отсюда можно заключить, что среднее годовое количество закабалений по обоим половинам этой пятины равнялось приблизительно 90—100 случаям. Остановимся для наших расчетов на цифре 95, как средней цифре годовых закабалений по этой пятине. Коэффициент возрастания закабалений по Белозерской половине Бежецкой пятины в 111 г. равнялся $573 \times 2 : 95$, т. е. 11, но для 110 г., данные которого нам надо восполнить, сделаем поправку, опираясь на данные по Новгороду, где коэффициент повышения равен 10 (см. выше), и примем эту последнюю цифру. Тогда количество закабалений по обоим половинам Бежецкой пятины за 110 г. выразится в цифрах 95×10 , т. е. 950 случаев.

Переходя к 111 г. по Бежецкой пятине, видим, что по Тверской

половине нехватает данных за 10 месяцев. Для восполнения этого пробела берем среднее арифметическое от данных за ноябрь и декабрь: $(32 + 78) : 2$, т. е. 55, и принимая эту цифру за количество средних месячных закабалений в очень суровом 111 г., получим по Тверской половине количество, равное 55×12 , т. е. 660 случаев, что согласуется с параллельным возрастанием закабалений в Белозерской половине.

Шестимесячный пробел по той же Тверской половине Бежецкой пятины за 112 г. восполняем путем простого удвоения данных за сентябрь — февраль, а годовой итог закабалений по Тверской половине Бежецкой пятины за 112 г. полагаем равным 214, что опять-таки согласуется с данными по Белозерской половине этой пятины.

3. По Деревской пятине нехватает данных за 8 месяцев 110 г., но пропуски за апрель и июнь во втором полугодии, вероятно, реальные, и цифра закабалений за второе полугодие этого года есть действительный итог закабалений в этой пятине за второе полугодие. Поэтому для определения количества закабалений за весь год 199 множим на 2 и получаем 398 случаев.

Мелких пробелов в документах за этот особенно тщательно изучаемый нами промежуток времени мы не касаемся потому, что считаем их отвечающими реальным явлениям. Но если бы они и не были таковыми, а были бы только результатами дефектности книг, восполнение их на основании косвенных соображений было бы в этом случае очень шатким.

Результаты сделанных расчетов можно представить в виде таблицы:

Закабаления	110 г.	111 г.	112 г.
По Новгороду	852	690	248
» Бежецкой пятины . . .	950	1 233	482
		(573+660)	(268+214)
» Деревской пятины . . .	398	537	297

Суммируя эти цифры, находим, что итог закабалений за 110—112 гг. по Новгороду, Бежецкой и Деревской пятинам должен был быть никак не ниже и, вероятно, был выше 5687 случаев. Если бы похолопление шло своим обычным «нормальным» темпом, считая средней цифрой для Новгорода 81 случай, для Бежецкой пятины — 100 случаев, а для Деревской — 30, то за эти три года было бы похолоплено: $(81 + 100 + 30) \times 3$, т. е. имели бы место всего 633 закабаления. Похолопление официально зарегистрированных 5054 человек сверх обычного контингента и надо считать результатами голода, но, повторяем, реальные цифры, по нашему убеждению, должны быть значительно выше.

Если согласиться с приведенными расчетами, то можно сказать, что за промежуток 110—112 гг. похолопление в Новгороде и пятинах возросло, сравнительно с рутинным ростом закабалений, в пропорции 5687 : 633, т. е. в 9 раз. Такое гигантское возрастание количества рабочей силы, хотя бы потенциально (при закабалении в детском возрасте) выходящей из рядов плательщиков податей, не могло не вызывать тревоги и с финансовой и с узко-полицейской точек зрения, враждебных для администраторов Московского государства.

§ 2. ЗАКАБАЛЯЕМЫЕ

Обращаясь к деталям содержащегося в таблицах статистического материала, наблюдаем следующее.¹ В Новгороде количество выданных

¹ При изучении статистических данных, содержащихся в таблицах 1 и 2, пробелы, вызванные дефектами ныне известных кабальных книг, мы пополняем, как и в преды-

кабал, равнявшееся в 103 г. 63, в 109 г. шагнуло до 127; для 110 г. можно бы просто удвоить цифру кабал первого полугодия (317), но, учитывая для второго полугодия согласно § 1 понижение до 86%, будем иметь предположительную цифру явленных кабал 590; в 112 г. оно упало до 188, а в 116 г. — до 80. Количество кабал 110 г. по отношению к количеству кабал 103 г., полагаемых за 100, поднялось, следовательно, до 936%.

В Белозерской половине Бежецкой пятины в 102 г. было явлено 23 кабалы, в 111 г. — 317, а в 112 г. — 159. Количество кабал 111 г. составляет по отношению к количеству кабал 102 г. почти 1380%. В Тверской половине Бежецкой пятины в 102 г. было явлено 20 кабал, а в 103 г. — 43 кабалы. Для 111 г. принимаем 43×6 , т. е. 258, а для 112 г. имеем 70. Количество кабал 111 г. составляет по отношению к их количеству в 102 г. 1290%.

В Деревской пятине в 102 г. было явлено 19 кабал. Для 110 г. принимаем цифру 74×3 , т. е. 222. В 111 г. явлено 244 кабалы, а в 112 г. — $138 + 35$, т. е. 173. Количество кабал 111 г. составляет по отношению к их количеству в 102 г. 1284%.

В Зарусской половине Шелонской пятины записано было в 102 г. 12 кабал, а в 111 г. — 66, что составляет по отношению к цифре 102 г. 550%.

В Залесской половине Шелонской пятины в 101 г. записано было 13 кабал, а для 111 г. принимаем $115 \times 12 : 8$, т. е. 173, что составит по отношению к количеству 101 г. 1330%.

Если сопоставить числа закабаляемых по этим кабалам лиц, то контрасты не голодных и голодных лет будут еще более разительны. По Новгороду в 103 г. было закабалено 69 чел., в 108 г. — 124, в 110 г. — 852 (цифра, по предыдущему, гипотетическая), в 112 г. — 248, в 116 г. — 89. Таким образом, в 110 г. число закабаленных лиц поднялось сравнительно с количеством 103 г. до 1234%.

По Белозерской половине Бежецкой пятины в 102 г. было закабалено 46 чел, в 111 г. — 573, а в 112 г. — 268. Следовательно, от 102 г. к 111 г. количество закабаленных лиц поднялось до 1245%. По Тверской половине Бежецкой пятины число закабалений в 102 г. равнялось 41, в 103 г. — 103, а в 111 г. — 110×6 , т. е. 660; в 112 г. оно равнялось 107×2 , т. е. 214. Таким образом, количество закабалений в 111 г. поднялось по Тверской половине сравнительно с количеством 102 г. до 1609%.

По Деревской пятине в 103 г. было закабалено 30 чел., в 110 г. — 199×3 , т. е. 597, а в 111 г. — 588; в 112 г. — 297, а в 116 — 77. Сопоставляя данные 103, 110 и 111 гг., видим, что сравнительно с 103 г. в 110 г. число закабалений поднялось до 1990%, а в 111 г. — до 1960%. Напомним, что для 110 г. нами взяты предположительные цифры, так как полных данных от этого года нет. По 111 г. данные считаем полными.

По Зарусской половине Шелонской пятины в 102 г. было закабалено 19 чел., а в 111 г. — 46×3 , т. е. 138.¹ По Залесской половине Шелонской пятины в 101 г. было закабалено 25 чел., а в 111 г. — 236. Таким образом, в 111 г. по Зарусской половине, сравнительно с 102 г., количество закабалений поднялось до 726%, а по Залесской половине, сравнительно с 101 г., — до 944%.

дущем разделе, гипотетическими цифрами, основанными на пропорциональном расчете. Полученные предположительные цифры отмечаем всякий раз курсивным шрифтом, не делая, как правило, в отдельных случаях особых оговорок и не вводя читателя в детали выкладок, понятных при внимательном чтении наших таблиц и пояснительного текста изданных нами в 1938 г. «Новгородских кабалных книг».

¹ Этим исправляем оценку полноты книг в графике нашего издания Новгородских кабалных книг (1938 г.).

Сопоставляя данные, относящиеся и к количествам кабал и к количествам закабаленных людей, видим, что главное возрастание закабалений приходится на территорию Бежецкой и Деревской пятины, т. е. на пространство, смыкавшее старые новгородские земли с московскими владениями, причем Тверская половина Бежецкой пятины и Деревская пятина идут в этом отношении впереди Белозерской половины Бежецкой пятины и обеих половин Шелонской. Незначительных цифр по Водской и Заонежской пятинам не касаемся.

Изучая контингенты лиц, давших на себя кабалу, замечаем, что при возрастании в голодные годы количеств закабаляемых число мужчин пропорционально сокращается, а женщин и детей возрастает. В Новгороде количество закабаляемых мужчин в 103 г. составляло 87% всего контингента лиц, давших на себя кабалу, в 104 г. — 84%, но в 109 г. — только 63%, в 110 г. — 52%, в 112 г. — 53%, в 116 г. оно опять поднимается до 76%, а в 117 г. — до 72%. Зато процент закабаляемых в Новгороде женщин, равнявшийся в 103 г. 9%, а в 104 г. — даже только 3%, в 109 г. поднимается до 11%, в 110 г. — до 14%, а в 112 г. — до 23%, в 116 г. он снова падает до 10%, а в 117 г. — до 9%. Еще показательнее возрастание в голодные годы количества закабаляемых детей до 16-летнего возраста (поскольку возраст мог быть установлен). В Новгороде количество закабаляемых детей в 103 г. составляло 4% общего количества закабаляемых, в 104 г. — 13%, а в 109 г. — 26%, в 110 г. — 34%, в 112 г. — 24%, в 116 г. количество закабаляемых в Новгороде детей сократится до 14%, в 117 г. — до 19%.

Подойдем к этому материалу и с другой стороны. В Новгороде в 103 г. количество закабалений семейных людей достигало только 14%, в 104 г. — 10%, а в 109 г. оно поднялось до 22%, в 110 г. — до 45%, в 112 г. — до 40%; в 116 г. оно падает до 18%, а в 117 г. — до 21%. Количество закабаляемых холопов-одинок, составлявшее в Новгороде в 103 г. 86%, а в 104 и 108 гг. 90% всего закабаляемого контингента, в 109 г. падает до 78%, в 110 г. — до 55%, в 112 г. — до 60%; в 116 г. оно опять возрастает до 82%. Такие же колебания наблюдаем и в пятинах. Так, в Белозерской половине Бежецкой пятины количество закабаляемых мужчин-одинок, в 103 г. равнявшееся 55% всего шедшего в кабальное холопство контингента, в 111 г. падает до 40%; количество закабаляемых женщин, равнявшееся в 103 г. 27%, поднимается в 111 г. до 30%; количество закабаляемых детей с 18% в 103 г. поднимается в 111 г. до 30%. В Белозерской половине Бежецкой пятины с семьями закабалялось 55% всех холопов, а в 111 г. — 72%. Количество кабалившихся одинок, равнявшееся в 103 г. 45%, в 111 г. падает до 28%. В Тверской половине Бежецкой пятины в 101 г. с семьями закабалилось 62.5%, в 111 г. это количество возрастает до 89%, — наоборот, количество закабаляемых одинок, равнявшееся в 101 г. 37.5%, в 111 г. падает до 11%.

То же самое наблюдаем и в Деревской пятине. В 102 г. в этой пятине с семьями закабалялось 55%, в 110 г. — 88%, а в 111 г. — 84% всего закабаляемого контингента. Наоборот, количество закабаляемых одинок, доходившее в 102 г. до 45%, в 110 г. упало до 12%, а в 111 г. — до 16%.

В Шелонской пятине в Зарусской половине в 102 и 107 гг. с семьями закабалялось 53%, а в 111 г. — 80% всего закабаляемого контингента: количество закабаляемых одинок с 47% в 102 и 107 гг. падает в 111 г. до 20%. Примерно такие же соотношения мы наблюдаем и в Залесской половине этой пятины.

Сделаем еще один ряд наблюдений. Количество лиц, закабаляемых с воли, в Новгороде в 103 г. составляло 45%, в 104 г. — 36%; в 110 г. оно возросло до 62%, а в 112 г. — до 66%. В 116 г. оно снова опускает-

ся до пропорционально нормального количества — 34%, а в 117 г. — даже только до 13%. Обратные явления наблюдаем в группах перекабальемых холопов, т. е. холопов, переходящих от одного господина к другому. В Новгороде в 103 г. количество перекабальемых холопов составляло 55%, в 104 г. — 64%, а в 110 г. — 38%, в 112 г. — 34%. В Белозерской половине Бежецкой пятины количество холопов, закабальемых с воли (главным образом женщин и детей), в 111 г. достигает 71%, в 112 г. — 79%, а в 116 г. оно падает до 44%. К сожалению, для сравнения в обратную сторону, в глубину, по этой пятине данных у нас нет, равно как нет данных и по Тверской половине этой пятины. В Деревской пятине количество закабальемых с воли лиц в 102 г. равняется 33%, в 111 г. оно поднимается до 80%, а в 112 г. — до 86% всего закабальемого контингента; наоборот, количество перекабалений падает с 67% в 102 г. до 20% в 111 г. и до 14% в 112 г.

Изучая эти данные, исследователь должен, конечно, помнить, что по распычатости материала, особенно взятого из пятин, и по сравнительной скудости данных от 101—104 гг., служащих исходными точками для сравнения, заключения не могут претендовать на особую статистическую отчетливость. Но тем не менее общая тенденция этого процесса устанавливается достаточно твердо: пораженный голодом социальный организм всего сильнее страдает в своих слабых частях (женщины и дети), а плоды от народных бедствий, как далее увидим, собирают наиболее крепкие и зажиточные элементы служилого класса.

§ 3. ЗАКАБАЛИТЕЛИ

Обратившись к составу новгородских закабалителей в голодные годы, видим, что среднее годовое число лиц, кабаливших холопов, если взять 103, 104, 116 и 117 гг., равнялось для самого Новгорода 58. В первом полугодии 110 г., о котором у нас есть точные данные, оно поднялось до 236, а за целый 110 г. должно было предположительно подняться до 472, т. е., сравнительно со средним количеством, возрасти до 813%. В 112 г. годовая цифра числа закабалителей равнялась 156, т. е. 269% среднего годового количества закабалителей.

Изучая количества холопов, приходившиеся в Новгороде на закабалителей в «нормальный» год, видим, что среднее количество холопов на одного закабалителя, выражающееся в 103—104 гг. дробной цифрой 1.23, в первый голодный (109) год поднялось до 1.63, в 110 г. — до 1.94, а в 112 г. упало до 1.58, т. е., другими словами, закабалитель в голодные годы в среднем кабалил холопов раза в полтора более, чем он закабалил бы в нормальный год.

Цена закабальемых в самом Новгороде холопов по средним цифрам, относящимся к одной кабале, в нормальное время (104 г.) равнявшаяся 4 р. 73 к.,¹ в 109 г. упала до 2 р. 59 к., т. е. до 54% нормальной ставки (104 г.), а в 110 г. — до 1 р. 69 к., т. е. до 35.7%. Зато в 112 г. денежная ставка на одну кабалу в Новгороде начинает подниматься и равняется уже 3 р. 36 к.

На закабаление 458 холопов в одно полугодие 110 г., о котором у нас есть данные, в Новгороде было израсходовано 774 р., а за весь 110 г. предположительно 774+666 р., т. е. на 852 холопов — 1440 р.,² а в 112 г. на закабаление 248 холопов — 834 р. Сумма денег, проведенная через кабалы в 110 г., возросла против средней цифры 374 р., взятой от 103 и 104 гг. до 305%, а число холопов в 110 г. увеличилось против средней годовой цифры 81 до 1923%; в 112 г. оно поднималось до 306% нормального количества.

¹ Для наглядности обычный московский счет на рубли, алтыны и деньги переводим на рубли и копейки.

² Расчет по 110 г. см. выше.

Аналогичные соотношения наблюдаем и в пятинах. В Белозерской половине Бежецкой пятины, вместо 2.7 и 1.87 холопа на одного закабалителя в 102 и 103 гг., в 111 г. имеем 3.11 холопа. В Тверской половине Бежецкой пятины, вместо 2-х холопов на одного закабалителя за 101 г., в 111 г. имеем 5.78 холопа. В Деревской пятине, вместо 1.93 холопа на одного закабалителя в 102 г., в 110 г. имеем 3.37 холопа, а в 111 г. — 3.4 холопа. В Залесской половине Шелонской пятины в 101 г. имеем на одного закабалителя 2.77 холопа, а в 111 г. — 4.24 холопа. В Зарусской половине той же Шелонской пятины, вместо 1.9 холопа на одного закабалителя в 102 г., имеем в 111 г. 3.83 холопа.

Суммы денег, вкладываемых закабалителями в похолопление, возрастают в пятинах относительно быстрее, чем в Новгороде. Так, в Белозерской половине Бежецкой пятины в 102 г. закабалители вложили в похолопление только 123 р., в 111 г. — 542 р., т. е. в 4 раза больше, а в 112 г. — 299 р. В Деревской пятине в 102 г. в кабалы было вложено 125 р., а в 111 г. — 652 р.

Количественный рост закабаления в голодные годы (109—111 гг.) сопровождался возрастанием количества холопов на одну кабалу, понижением размера ссуды по кабале и цены холопа. Так, по Новгороду на одну кабалу в 103 г. приходилось 1.09 холопа, а в 110 г. — 1.44 холопа. В Тверской половине Бежецкой пятины в 102 г. на одну кабалу приходилось 2.05 холопа, а в 111 г. — 2.32 холопа. Аналогичные явления мы наблюдаем и в Деревской пятине и в обеих половинах Шелонской пятины. Впрочем, процесс этого «уплотнения» кабал не универсален. Так, в Белозерской половине Бежецкой пятины количество закабаляемых на одну кабалу даже несколько убывает: в 102 г. на одну кабалу, в этом районе приходилось 2 холопа, а в 111 г. — 1.8 холопа.

Судя по ставкам на одну кабалу и на одного холопа, цена на холопов в голодные годы заметно понижается и в Новгороде и в пятинах. В Новгороде ставка на кабалу, в 103—104 гг. равнявшаяся 4 р. 74 к. и 5 р., в 108—109 гг., вероятно, в связи с введением социально еще «необработанных» указов 1586 и 1593 (94 и 101) гг., опускается до 2 р. 96 к. и 3 р., а в 110 г. скользит к 2 р. 44 к., чтобы в 112 г. подняться до 4 р. 43 к. и 5 р. и снова понизиться в связи с политическими бурями 1607—1609 (116—117) гг. до 3 р. 40 к. и 3 р. 17 к. В Белозерской половине Бежецкой пятины в 102 г. ставка на кабалу даже выше, чем в Новгороде, равняясь 5 р. 70 к. и 5 р. 35 к., а в 111—112 гг. она стремительно понижается до 1 р. 72 к. и 1 р. 87 к., чтобы к 116 г. подняться до 2 р. 33 к. В Тверской половине той же Бежецкой пятины ставка на кабалу, колебавшаяся в 101—104 гг. между 3 р. 20 к. и 4 р. 60 к., в 111 г. падает до 2 р. 14 к., в 112 г. — даже до 1 р. 48 к., но к 116 г. поднимается до 3 р. 15 к. В Деревской пятине в 102—103 гг. средняя ставка на кабалу была даже сравнительно выше, чем в Новгороде и в Бежецкой пятине, равняясь 6 р. 60 к. и 4 р. 55 к.; в 110 г. она падает до 2 р. 23 к., в 111 г. — до 2 р. 67 к., в 112 г. — даже до 2 р. 31 к. и почти на этом же уровне 2 р. 39 к. остается и в 116 г. В Залесской половине Шелонской пятины в 101 г. ставка на кабалу равнялась 4 р. 50 к., а в 111 г. она упала до 2 р. 25 к.

Понижение ставок не на кабалу, а на единицу — холопа дает более разительные цифры. Так, в Новгороде цена на одного холопа в 110 г. падает до 1 р. 69 к., в Бежецкой и Деревской пятинах в 100—111 гг. — даже до 83 к. и 95 к. Шелонская пятина для 111 г. дает понижение до 1 р. 09 к. и 1 р. 13 к. Все это, напомним, цифры *средние*; а есть много случаев, когда холопы, особенно малолетние, шли по 40, 30 и 20 к., т. е. цена их опускалась до одного-двух двугри-венных.

Таблица 3

**Закабалители по убывающим количествам
закабаленных ими холопов**

№№ по пор.	Фамилии закабалителей	Закабаления				Общее количество холопов
		В не голодные годы		В голодные годы		
		Годы	Количество холопов	Годы	Количество холопов	
1	Оничковы	102—104, 108, 109, 116	23	110—112	100	123
2	Хвостовы	101,—103, 108—109, 116	20	110—112	84	104
3	Мельницкие	102, 103, 108, 116	15	110—112	57	72
4	Нармацкие	102, 103, 109	9	110—112	52	61
5	Измайловы	108, 109, 116	5	110—112	54	59
6	Кропоткины	103, 104, 109, 116, 117	18	110—112	39	57
7	Мусины	102, 109, 116	12	110—112	44	56
8	Косицкие	102—104, 107—109, 117	34	111	21	55
9	Загоскины	102, 103, 109, 116	13	110—112	40	53
10	Теглевы	104	1	111, 112	52	53
11	Кутузовы	103, 104, 109, 116	5	110—112	47	52
12	Лупандины	103, 117	2	111, 112	49	51
13	Еремеевы	101, 104, 108, 116	13	110—112	37	50
14	Мещерские, кн.	103, 108, 116, 117	16	110—112	32	48
15	Палицыны	108, 109, 116	6	110—112	42	48
16	Давыдовы	103, 104	16	110—112	31	47
17	Корсаковы	103, 116	4	110—112	32	36
18	Ушаковы	104, 116	5	110—112	31	36
19	Ирецкие	102—104	35	110—112	—	35
20	Лутохины	108, 109, 116, 117	20	110—112	15	35
21	Оклячевы	109, 116	13	110—112	22	35
22	Стоговы	103	1	110—112	34	35
23	Колычевы	101, 104, 109, 116	12	110—112	22	34
24	Негановские	102	11	111—112	23	34
25	Обольяниновы	102, 103, 108, 109	6	110, 112	28	34
26	Страховы	102	1	110—112	23	34
27	Сказины	103, 104, 116	33	—	—	33
28	Лихаревы	104, 117	3	110, 111	29	32
29	Веревкины	104, 116	4	110, 112	27	31
30	Маврины	102, 108	7	111, 112	24	31
31	Терпигоревы	104, 108, 116	6	111, 112	25	31
32	Назимовы	108, 109, 116	5	110, 112	22	27
33	Нееловы	100—104, 117	21	110, 112	6	27
34	Ододуровы	100, 101, 103, 104, 109, 116, 117	22	111, 112	5	27
35	Поздеевы	103	20	110	7	27
36	Дубровские	108, 116	3	111, 112	23	26
37	Львовы	101, 103, 104, 108	11	111, 112	15	26
38	Харламовы	102, 103, 107—109	12	110—112	14	26

№№ по порядку	Фамилии закабалителей	Закабаления				Общее количество холопов
		В не голодные годы		В голодные годы		
		Годы	Количество холопов	Годы	Количество холопов	
39	Боборыкины	102, 103	6	110—112	19	25
40	Зиновьевы	100, 108, 109	3	110—112	22	25
41	Шамшевы	103, 109, 116, 117	19	111, 112	6	25
42	Пестриковы	116	2	110—112	22	24
43	Пуляевы	102, 104, 108, 116	14	111	10	24
44	Мотякины	103, 108, 109, 116	15	110, 112	8	23
45	Ресницыны	104, 108, 116	7	110, 111	16	23
46	Семичевы	116	5	111, 112	18	23
47	Бачмановы	102, 103	2	110—112	20	23
48	Касаговские	—	—	110—112	22	22
49	Матюшкины	—	—	110—112	22	22
50	Кобелевы	103, 104, 108, 116	14	110	7	21
51	Скобелыцны	104	1	110, 112	20	21
52	Талызины	104, 116	4	111—112	16	20
53	Телепневы	103, 108, 109, 116, 117	16	110, 112	4	20
54	Болкошины	104	1	110—112	18	19
55	Лошаковы	—	—	111	19	19
56	Оболенские	—	—	110, 111	19	19
57	Поскочины	108	1	110, 111	18	19
58	Татищевы	102, 107, 109, 116, 117	19	—	—	19
59	Глебовы	103, 109	7	110, 112	11	18
60	Кусаковы	—	—	111, 112	18	18
61	Ощирины	—	—	111	18	18
62	Парские	101, 103, 116	5	110, 111	13	18
63	Бараковы	116	9	111, 112	8	17
64	Дементьевы	104, 108	4	110—112	13	17
65	Дирины	—	—	110—112	17	17
66	Мякинины	102	1	110—112	16	17
67	Волнины	101	5	111	11	16
68	Мелюковы	103, 104, 108, 109, 116	14	111, 112	2	16
69	Обуховы	100, 103, 108, 116	6	110	10	16
70	Певцовы	—	—	111, 112	16	16
71	Трусовы	101, 103, 108	4	110, 112	12	16
72	Шишмаревы	109	1	110—112	15	16
73	Копыловы	104, 116	2	110—112	13	15
74	Малечкины	104	1	111, 112	14	15
75	Огаревы	117	1	110	14	15
76	Сукины	103, 108, 109	4	111, 112	11	15
77	Лутовинины	102	1	111, 112	13	14
78	Пыжевы	101, 103, 104, 108, 116	9	111, 112	5	14
79	Секирины	103, 108, 116, 117	9	110, 112	5	14
80	Аврамовы	—	—	110—112	13	13
81	Березины	102, 104	12	112	10	13
82	Коковцевы	108, 109	3	111, 112	10	13
83	Мазовские	104	13	—	—	13
84	Маланьины	—	—	111	13	13
85	Муравьевы	103, 108, 109, 117	9	111, 112	4	13

№№ по порядку	Фамилии закабалителей	Закабаления				Общее количество холопов
		Вне голодные годы		В голодные годы		
		Годы	Количество холопов	Годы	Количество холопов	
86	Непейцыны	103	1	111—112	12	13
87	Неплюевы	108	1	110, 111	12	13
88	Тимофеевы	116, 117	3	110, 112	10	13
89	Трофимовы	103, 116	5	110, 112	8	12
90	Вышеславцовы	103, 104, 108	4	110—112	8	12
91	Долгоруковы	116	4	112	8	12
92	Кобылины	103, 109	6	110—112	6	12
93	Коротневые	103, 109	4	110, 111	8	12
94	Нарбековы	102	1	110, 112	11	12
95	Образцовы	103, 116	6	110, 112	6	12
96	Порешские	—	—	110, 112	12	12
97	Ратиловские	102, 104	2	112	10	12
98	Румянцевы	107	4	110—112	8	12
99	Самарины	100, 102—104, 109, 116	6	111	6	12
100	Сьяновы	109, 116	3	110—112	9	12
101	Титовы	103, 109	2	111, 112	10	12
102	Чертовы	104, 108, 109	6	110, 112	6	12
103	Бабкины	—	—	110, 111	11	11
104	Блаженковы	—	—	110, 111	11	11
105	Вороновы	104	2	110, 111	9	11
106	Дедовы	116	1	111, 112	10	11
107	Калитины	108, 109, 116, 117	6	112	5	11
108	Кропотовы	102	1	110—112	10	11
109	Лодыгины	—	—	110—112	11	11
110	Милославские	108, 116	2	110, 112	9	11
111	Обутковы	116	7	110—112	4	11
112	Судоковы	116	1	111, 112	10	11
113	Базаровы	116	1	110—112	9	10
114	Бутурлины	104, 109, 116	5	111	5	10
115	Ероховы	103, 108, 109, 116	6	110, 111	4	10
116	Казины	101, 104, 108	3	111, 112	7	10
117	Лопухины	103, 108	2	110—112	8	10
118	Обреимовы	108, 109	6	112	4	10
119	Сомов	—	—	110, 111	10	10
120	Стромиловы	102	1	111, 112	9	10
121	Языковы	108	1	110—112	9	10
122	Алексеевы	103, 108, 109	3	112	6	9
123	Бахтеевы	—	—	111	9	9
124	Завалишины	104, 108, 109	6	110, 112	3	9
125	Крекшины	100	4	110, 111	5	9
126	Огибаловы	—	—	110, 112	9	9
127	Панафидины	102	2	111	7	9
128	Пантелеевы	—	—	111	9	9
129	Перепечины	—	—	110—112	9	9
130	Родичевы	103, 109, 116	5	111	4	9
131	Алекины	116	4	112	4	8
132	Бунков	—	—	111, 112	8	8
133	Висленевы	—	—	111	8	8
134	Григорьевы	116	1	110, 111	7	8
135	Гурьевы	116	4	111, 112	4	8
136	Дуровы	—	—	111	8	8
137	Жеряпин	102, 104	8	—	—	8
138	Забелины	—	—	110—112	8	8
139	Карцовы	—	—	110, 111	8	8
140	Колокольцовы	116	2	110, 112	6	8

№№ по порядку	Фамилии закабалителей	Закабаления				Общее количество холопов
		В не голодные годы		В голодные годы		
		Годы	Количество холопов	Годы	Количество холопов	
141	Кузминские	103	2	110	6	8
142	Лугвенева	104, 108, 117	3	110	5	8
143	Лутьянчиковы	103, 104, 108	3	111, 112	5	8
144	Масленицкие	108	1	110—112	7	8
145	Молевановы	104	6	110, 112	2	8
146	Молотьяников	—	—	110, 112	8	8
147	Мяжков	102, 107, 108	3	110, 112	5	8
148	Отяева	—	—	110, 112	8	8
149	Парские	—	—	111	8	8
150	Сумин	117	8	—	—	8
151	Тювашевы	—	—	111, 112	8	8
152	Чеглоковы	—	—	111	8	8
153	Бачины	—	—	111	7	7
154	Головины	104, 117	7	—	—	7
155	Завесицы	117	1	110, 112	6	7
156	Лаптев	—	—	111	7	7
157	Леонтьевы	117	5	110, 112	2	7
158	Обернибесовы	108, 116	2	110	5	7
159	Пановы	104	3	110, 111	4	7
160	Потребинские	—	—	110, 112	7	7
161	Пригонский	—	—	111	7	7
162	Алабердеев	—	—	110, 112	6	6
163	Арцыбашев	116	1	110, 112	5	6
164	Барановы	104	1	110, 112	5	6
165	Витовтовы	104, 117	2	112	4	6
166	Володимировы	109, 116	3	112	3	6
167	Выповский	—	—	111	6	6
168	Есиповы	103	1	110	5	6
169	Жиборовы	—	—	111, 112	6	6
170	Иголкины	108	1	112	5	6
171	Изъединовы	—	—	111, 112	6	6
172	Кононовы	103, 104, 108	5	112	1	6
173	Коробин	107	6	—	—	6
174	Мартьяновы	108	1	110, 112	5	6
175	Москотиньевы	—	—	111	6	6
176	Мурзалеев	—	—	110, 112	6	6
177	Нащокин	—	—	112	6	6
178	Озеровы	—	—	110—112	6	6
179	Плещеевы	104	1	111, 112	5	6
180	Ровдицкий	—	—	111	6	6
181	Тоболыны	—	—	110, 111	6	5
182	Япанчины	—	—	111	6	6
183	Арбузов	—	—	111	5	5
184	Базанины	117	1	111	4	5
185	Бестужева	109, 116	2	110	3	5
186	Благова	—	—	111, 112	5	5
187	Борковы	100, 101	4	110	1	5
188	Воломские	—	—	110, 112	5	5
189	Глотовы	—	—	110	5	5
190	Гордеевы	109	1	110, 112	4	5
191	Змеевы	—	—	110, 112	5	5
192	Зыбины	—	—	111	5	5
193	Карпов, подьяч.	103, 104, 108, 109	5	—	—	5
194	Квашинны	—	—	110, 111	5	5
195	Мантуров	—	—	110—112	5	5
196	Моложаниновы	—	—	111	5	5
197	Мышецкие, кн.	104, 108	5	—	—	5
198	Путиловы	104	1	111	4	5

№№ по порядку	Фамилии закабалителей	Закабаления				Общее количество холопов
		В не голодные годы		В голодные годы		
		Годы	Количество холопов	Годы	Количество холопов	
199	Путятинны, кн.	104, 108	2	112	3	5
200	Репьевы	104	1	112	4	5
201	Савин	108, 116	5	—	—	5
202	Салтановы	109	1	110—112	4	5
203	Сяртякин	—	—	111	5	5
204	Танаевы	103	1	110, 112	4	5
205	Трухины	—	—	111, 112	5	5
206	Чириковы	108	1	111, 112	4	5
207	Юреневы	102, 116	4	112	1	5
208	Агапитовы	104	1	110	3	4
209	Белавины	—	—	111, 112	4	4
210	Бигильдеевы	109	2	112	2	4
211	Борзов	—	—	110—112	4	4
212	Вадбольский, кн.	102	1	111	3	4
213	Вельяминовы	—	—	110	4	4
214	Губцов	—	—	111	4	4
215	Демидов, гость	109	1	110, 112	3	4
216	Досадины	—	—	110—112	4	4
217	Жеребцовы	103	1	112	3	4
218	Кишин, подьяч.	102	2	110, 112	2	4
219	Кишкины	109	1	110, 112	3	4
220	Козляниновы	108	2	111, 112	2	4
221	Колобовы	116	3	112	1	4
222	Кунщиков	—	—	110, 111	4	4
223	Лазаревы	103, 104	3	110	1	4
224	Линева	108, 116	2	112	2	4
225	Луговской Томила	—	—	112	4	4
226	Мустофин	—	—	112	4	4
227	Мясново	103	4	—	—	4
228	Нагой	—	—	112	4	4
229	Ногин	—	—	111, 112	4	4
230	Огалины	102	4	—	—	4
231	Оничковы-Блохины	—	—	111, 112	4	4
232	Ок(п)сейтовы	104	2	110, 112	2	4
233	Поддубский	—	—	111, 112	4	4
234	Поповы	102, 117	2	111	2	4
235	Пустошкины	101, 108	2	110	2	4
236	Пушины	—	—	110, 112	4	4
237	Ростовские, кн.	104	1	110, 112	3	4
238	Рязанов	116	4	—	—	4
239	Саламыков	—	—	111	4	4
240	Сартаков	109	4	—	—	4
241	Свизев	—	—	111	4	4
242	Селиваков	102	3	112	1	4
243	Селивачев	104	4	—	—	4
244	Серков	—	—	110	4	4
245	Симанский	103	4	—	—	4
246	Скрыплев	116	4	—	—	4
247	Скудины	—	—	110—112	4	4
248	Собакины	104, 109, 116, 117	4	—	—	4
249	Софоновы	—	—	110, 112	4	4
250	Спячев	104, 109, 116	4	—	—	4
251	Токаревские	103	1	112	3	4
252	Туриковский	102	4	—	—	4
253	Тыртовы	—	—	110, 111	4	4
254	Хамаитов	—	—	110	4	4
255	Чубаров	—	—	111	4	4
256	Шаблыкины	109	2	111	2	4
257	Якимовы	117	1	112	3	4

Закабалитель становится мельче. В Новгороде в 103 г. один закабалитель тратит на похолопление 5 р. 83 к., а в 110 г. — 3 р. 27 к. В Белозерской половине Бежецкой пятины на одного закабалителя в 102 г. приходилось 7 р. 25 к., а в 111—112 гг. — 2 р. 96 к. и 2 р. 71 к. В Деревской пятине, вместо 8 р. 36 к. в 102 г., для 111 г. имеем 4 р. 12 к., а в 112 г. — 2 р. 98 к. Для Залесской половины Шелонской пятины, вместо 6 р. 5 к. в 101 г., имеем в 111 г. 4 р. 70 к.

Таким образом, возрастание количества закабалителей идет совершенно параллельно возрастанию количеств закабаляемых ими холопов, т. е. энергия закабалителей, особенно закабалителей мелких, голодными годами была не ослаблена, а наоборот, стимулирована. Крестьянские хозяйства под ударами трехлетних неурожаев рушились, человеческие обломки разбитых хозяйственных единиц поступали на рынок, а многие хозяйства служилых людей и других закабалителей, очевидно, хорошо справлялись с кризисом.

Напомним об условности наших статистических соображений в связи с пробелами материала, перейдем к заключениям из приведенных далее таблиц.

Служилых родов (в условно-статистическом смысле, конечно) в качестве крупных закабалителей, закрепивших за изучаемый период не менее 25 холопов, насчитываем 41. Всматриваясь в цифры их закабалений в приведенной таблице, мы видим, как правило, весьма значительное, сравнительно с неголодными годами, превышение числа закрепленных ими холопов за три голодных года. Оничковы, стоящие на первом месте по числу закабалений, за три голодных года закабалили полную сотню холопов; сравнительно с 23-мя холопами, закрепленными ими за шесть нормальных лет, это — превышение закабалений больше чем в 4 раза, а при сравнении средних годовых цифр — больше чем в 8 раз. Хвостовы за три голодных года закрепили 84 холопа, а за шесть нормальных лет — 20; по средним годовым цифрам закабаления Хвостовыми в голодные годы превысили их закабаления в нормальные годы приблизительно в 9 раз. Измайловы за три голодных года закрепили 54 холопа, а за три нормальных — только 5, следовательно, в голодные годы они закабалили больше чем в 10 раз. Лупандины за два нормальных года закрепили только 2 холопа, а за два голодных — 49, т. е. в 24.5 раза больше. Косицкие за семь нормальных лет закабалили 34 холопа, следовательно, в среднем в год они закабалили по 4 и 5 холопов; по закабалениям Косицкими в голодные годы имеем данные только от 111 г. — 21 холоп, т. е. в этом году они закабалили в 4—5 раз больше, чем в средний нормальный год. Теглевы за два голодных года закрепили 52 холопа, а в нормальные годы они закабалили только 1 холопа (в 104 г.).

Отметим и исключения: энергия некоторых закабалителей (Давыдовых, закабаливших за все изучаемые годы 47 холопов, Оклачевых — 35, Негановских — 34 и Нееловых — 27), народным бедствием как будто не была стимулирована. Средняя годовая цифра закабалений Давыдовыми — 8 холопов в нормальные годы и около 10-ти в голодные; Оклачевыми — 6—7 холопов в нормальные годы и около 7-ми в голодные; Негановскими за один нормальный год закабалено 11 холопов, а за два голодных — 23 холопа; Нееловы в нормальные годы закрепляли по 3—4 холопа, а за два голодных года закабалили 6 холопов. К этим четырем фамилиям прибавим Одогуровых, Поздеевых и Шамшевых, энергия закабаления которых даже упала в голодные годы. Одогуровы в семь нормальных лет кабалили в среднем по 3—4 холопа в год, а за два голодных года закрепили всего 5 холопов; Поздеевы в 103 г. закрепили 20 холопов, а в 110 г. — только 7; Шамшевы в четыре нормальных года кабалили по 4—5 холопов, а за два

голодных года закрепили 6. Для Ирцких и Сказиных имеем данные по закабалениям только от голодных лет.

Из этих сопоставлений заключаем, что более чем в 75% разобранных нами случаев (32 из 41), энергия закабаления у сильных богатством, связями и служебным положением служилых родственных групп в годы народных бедствий, поражавших, без сомнения, и их сельскохозяйственные операции, не ослабевала, а наоборот, вырастала, и наши 9 исключений объясняются, может быть, просто пробелами наличного материала.

Переходя к закабалителям, закрепившим за изучаемые годы от 24-х до 10-ти холопов включительно, насчитаем 80 фамилий. Из этой группы Мазовские закабалили в 104 г. 13 чел., но данных о закабалениях ими в голодные годы нет; Татищевы кабалили до голода и после голода и закрепили 19 чел., но данных о закабалениях ими в голодные годы также нет. Обратно, только в голодные годы кабалили: Касаговские, Матюшкины, Лошаковы, Оболенские, Кусаковы, Оширины, Дирины, Певцовы, Аврамовы, Маланыны, Порецкие, Бабкины, Блаженковы, Лодыгины и Сомов, — всего 15 фамилий. На эту группу в 80 закабалителей цифры показывают отсутствие данных о закабалениях в голодные годы только для 2-х фамилий и отсутствие данных о закабалениях в нормальные годы для 15-ти фамилий.

Из остальных 63-х закабалителей этой группы выделяются 9 фамилий, т. е. около 11%, закабаления которых в нормальные годы превышали закабаления в годы голодные или равнялись количествам таковых. Это: Телепневы (за пять нормальных лет закрепившие 16 чел., а за два голодные года — 4 чел.), Бараковы (в 116 г. — 9 чел., а за два гол. года — 8 чел.), Мелюковы (за пять норм. лет — 14 чел., а за два гол. года — 2 чел.), Березины (за два норм. года — 12 чел., а за один гол. год — 1 чел.), Муравьевы (за четыре норм. года — 9 чел., а за два гол. года — 4 чел.), Кобылины (за два норм. года — 6 чел., и за три гол. года — 6 чел.), Образцовы (за два норм. года — 6 чел., и за три гол. года — 6 чел.), Румянцевы (за один норм. год — 4 чел., а за три гол. года — 8 чел.), Обутковы (за один норм. год — 7 чел., а за три гол. года — 4 чел.). Закабаления представителями остальных 54-х фамилий в голодные годы были выше сравнительно с закабалениями в нормальные годы. Из них до 30 семей кабалили в голодные годы в 3—6 раз больше, чем в годы нормальные. Превышение в 7 раз видим у Скобельцыных и Малечкиных, в 9 раз — у Поскочиных, в 10 раз — у Ратиловских, в 14 раз — у Огаревых. Заметим, что сопоставления закабалений в голодные и нормальные годы в этих пяти случаях основываются не на средних цифрах и потому, конечно, не вполне показательны: в четырех случаях мы имеем, как ставку закабалений в нормальный год, данные только по одному году, а в пятом случае (Ратиловские) один голодный год приходится сопоставлять с двумя нормальными.

Итак, в группе 80-ти средних закабалителей работу закабаления представителями 15-ти фамилий (18.7%) мы видим только в голодные годы, а представителям 54-х фамилий (68.7%) голод дает возможность усилить нажим на крестьянскую массу.

Из подсчета данных, относящихся к фамилиям лиц, кабаливших от 9-ти до 4-х холопов, видим, что общее количество таких закабалителей равняется 136-ти фамилиям, из которых 61 фамилия кабалила только в голодные годы, а 48 фамилий кабалили в голодные годы больше, чем в нормальные. Только в 27-ми случаях из 136-ти перевес — на стороне закабалителей в нормальные годы: из этих 27-ми фамилий 17 кабалют только в нормальные годы, а 10 фамилий, при восьми средних годовых закабалениях, похолопили в нормальные годы больше, чем в голодные. Стало быть, и в этой группе та же картина: неурожай и голод зака-

балительной работе представителям одних и тех же фамилий, а очень часто даже и одних и тех же лиц, не мешали, а помогали.

Изучая по изданным Новгородским писцовым книгам список закабалителей параллельно с именами служилых новгородцев, наиболее заметных и по размерам своих поместий и по движению земельных участков, проходивших через их руки, мы опять отметим ряд совпадений. Так, среди лиц, встречаемых нами в писцовых книгах, мы найдем фамильные имена и наших крупных закабалителей, преимущественно голодных годов. Таковы: Аврамовы, Боборыкины, Веревкины, Давыдовы, Дубровские, Еремеевы, Загоскины, Измайловы, Ирецкие, Кобелевы, Колычевы, Косицкие, кн. Кропоткины, Кутузовы (Голенищевы), Лихаревы, Лупандины, Львовы, Мельницкие, кн. Мещерские, Мотякины, Мякинины, Нармацкие, Негановские, Оболяниновы (Оболяниновы), Ододуровы, Оклячевы, Оничковы, Палицыны, Певцовы, Поздеевы, Поскочины, Пуляевы, Скобельцыны, Сказины, Страховы, Талызины, Татищевы, Теглевы, Телепневы, Хвостовы.

Но надо помнить, что поместья и вотчины многих крупных закабалителей могли не войти в Новгородские писцовые книги или по неполноте ныне изданных книг, или потому, что поместья и вотчины некоторых энергично кабаливших служилых фамилий лежали не на старой новгородской территории, а где-нибудь поблизости в соседних уездах.

Обращаясь к Дворцовым разрядам XVII в., мы найдем вероятных потомков или родичей тех же закабалителей уже в качестве лиц, числящихся по московскому списку, таковы: Аврамовы, Боборыкины, Веревкины, Давыдовы, Дубровские, Загоскины, Измайловы, Колычевы, кн. Кропоткины, Кутузовы (Голенищевы), Лихаревы, Лупандины, Львовы, Мельницкие, Поскочины, Пуляевы, Скобельцыны, Страховы, Талызины, кн. Мещерские, Мякинины, Нармацкие, Оболяниновы, Ододуровы, Оничковы, Палицыны, Поздеевы, Татищевы, Теглевы, Телепневы, Хвостовы.

Сравнительно со списком, составленным по писцовым книгам, здесь не хватает только Еремеевых, Ирецких, Кобелевых, Косицких, Ма(о)тякиных, Негановских, Оклячевых, Певцовых и Сказиных, не вошедших в Дворцовые разряды.

В дополнение к таблицам с именами крупных закабалителей даем сводную схематичную таблицу по данным 100—117 гг. и закабалителей мелких, холопивших по 1, 2, 3 холопа.¹

Закабалители	Закаба- лившие 3 холо- па	Закаба- лившие 2 холо- па	Закаба- лившие 1 холо- па
Закабалители нормальных лет	10	22	71
Закабалители голодных лет	35	48	113
Закабалители и нормальных и голодных лет . .	13	19	—
Общее число закабалителей	58	89	184

Из этой таблицы видно, что мелкие закабалители (как экономический тип) в голодные годы не отстают от крупных. По 3 холопа зака-

¹ Таблица получена путем подсчета данных в указателе к изданным нами Новгородским кабальным книгам (1938 г.).

балили в нормальные годы 10 человек (или фамилий, семейных групп), а в голодные годы по 3 холопа закабалили 35 человек, т. е. в 3.5 раза больше; по 2 холопа в нормальные годы закабалили 22 человека, а в голодные годы — 48 человек, т. е. в 2.1 раза больше; по 1 холопу закабалили в нормальные годы 71 человек, а в голодные годы закабалили 113 чел., т. е. в 1.4 раза больше. При этом из 58 закабалителей, холопивших по 3 холопа, холопили и в нормальные и в голодные годы 13 чел., а из 89 закабалителей, холопивших по 2 холопа, холопили и в нормальные и в голодные годы 19 чел.

Эти наблюдения над цифрами, относящимися к мелким закабалителям, подтверждают наши выводы относительно групп крупных закабалителей: даже служилая мелкота справлялась с поразившим Новгородский край бедствием лучше, чем крестьянская масса.

Отметим в качестве обращающих на себя внимание случаи закабалительной деятельности в голодные годы представителей новгородского духовенства. Так, дьякон Никифор Иванов с сыном Иваном закабалили в 111—112 гг. 3 холопа; дьячок Иван Артемьев с братом Александром в 111 г. — 1-го холопа; поп Силуян Андреев в 111 г. — 1-го холопа; липенский рождественский поп Конон Артемьев с сыном Иваном в 111—112 гг. — 5 холопов; церковный дьячок Пятой Григорьев в 110—111 гг. — 3 холопа; петровский пономарь Боровицкого ряду Павел Давыдов в 111 г. — 2 холопа; дьякон Томила Дровнев в 112 г. — 1-го холопа; дьякон Юрий Дорофеев в 110 г. — 1-го холопа; поп Дмитрий Захаров в 111 г. — 1-го холопа; поп Савва Иванов в 111 г. — 1-го холопа; протопоп Аммос Иванов в 112 и 116 гг. — 3 холопа (между прочим мальчика немчина 10-ти лет за 5 р.); короцкий покровский поп Кирыак Иванов в 110 г. — 1-го холопа; поп Кондратий Иванов в 111 г. — 1-го холопа; поп Исак Июдин в 112 г. — 1-го холопа; поп Афанасий Иванов в 112 г. — 1-го холопа; поповы дети Захарий и Яков Клементьевы в 111 г. — 1-го холопа; свечник Андрей Клементьев в 110 г. — 1-го холопа; софийский протопоп Ларион в 112 г. — 1-го холопа; церковный дьячок Суглецкой волости Фалалей Леонтьев в 112 г. — 1-го холопа; дьякон Прокофий Маркелов в 110 г. — 1-го холопа; петровский поп с Холыни Ананий Осипов в 112 г. — 1-го холопа, никольский поп Волока Дершкова Максим Овдокимов в 111 г. — 1-го холопа; егорьевский поп Молвяцкого погоста Фрол Потафьев в 111 и 112 гг. — 2 холопа; егорьевский поп из торгу Еремей Прокофьев в 112 г. — 1-го холопа; дьякон Игнатий Прокофьев в 110 и 112 гг. — 2 холопа; пречистенский поп из Демкина Гаврила Степанов в 111 г. — 1-го холопа; егорьевский поп из Кимцы Юрий Семенов в 111 г. — 1-го холопа; дьячок Истома Семенов в 111 г. — 1-го холопа; яжелбицкий никольский поп Василий Федоров с сыном Звониллом в 111 г. — 3 холопа; богородицкий поп Митрофан Федоров в 112 г. — 1-го холопа; никольский поп Лестоцкого погоста Галактион Федоров в 111 г. — 3 холопа; поп Дмитрий Филиппов в 112 г. — 1-го холопа; дьякон Панфил Юрьев в 112 г. — 1-го холопа; покровский поп Нивенского погоста Петр Яковлев в 111 г. — 1-го холопа.

По данным, которыми мы располагаем, 37 духовных лиц закабалили в голодные годы 52 холопа, — цифра не разительная, но внушительная. Любопытно, что иногда 2—3 лица кабелили только одного холопа, а иногда какой-нибудь пономарь или дьячок успевал закабалить 2—3 холопа.

В числе новгородских закабалителей встречаем несколько человек исторически интересных. Таковы: «Михалка» Татищев, протопоп Аммос, дьякон Маркел, дьяк Томила Луговской, дьяк Ефим Телепнев (в 112 г. еще подьячий), дьяк Иван Тимофеев, закабаливший в 116 и

117 гг. 3 холопа, и вероятный предок А. А. Аракчеева — новокрещен Федор Аракчеев, закабаливший в 112 г. 2 холопа.

Подводя итоги нашим наблюдениям над цифровым материалом, мы приходим к следующим выводам.

1. Рост похолопления, в голодные годы возраставший временами в 19 раз, сравнительно со средней нормой закабаления, и без того в финансовом смысле чувствительной, не мог не беспокоить московского приказного правительства, заставляя его еще в конце XVI в. искать средств против сокращения плательщиков, ускользавших от тягла за оградой боярского двора. Эта забота объясняет и нажим в сторону обязательной регистрации вновь поступающих в боярский двор холопов и нажим в сторону обязательного выхода холопов на свободу после смерти господина. Государственный мотив временно сливается здесь с социальным мотивом, идущим от верхушки уездного служилого класса. Эти два мотива будут действовать, то соединяясь, то расходясь и конфликтуя, во весь XVII в.

2. Изучаемая нами статистика вскрывает хрупкость и слабость новгородского крестьянства, недавно перенесшего опричные погромы, только что отдышавшегося от страшного бремени Ливонских походов и потом вновь сокрушенного трехлетними неурожаями. С другой стороны, она показывает относительную стойкость верхнего, по крайней мере, слоя уездного служилого землевладения, в самые трудные моменты не только не сокращающего своих поработительных операций, но наоборот, энергично развивающего их рука об руку с местным дворянством.

3. Наиболее существенным результатом статистических наблюдений считаем выявление круга лиц, особенно заинтересованных в похолоплении населения и активно работавших в этом направлении, — того круга, с которым должен был очень считаться московский приказный законодатель. Не может быть сомнений, что работу по закабалению всего энергичнее и искуснее вела именно верхушка уездного дворянства, в своем составе сравнительно очень устойчивая, ибо из одного десятилетия в другое фамилии наиболее энергичных закабалителей остаются в основном все те же. Эти же семейные и родовые группы, мелькая на каждом шагу в писцовых книгах, были активны и в земельных делах, отрывая себе львиные доли из поместного фонда. Те же служилые роды одновременно проникают и в ряды московского дворянства, быстро приобретая значение столичной гвардии, тесным и прочным кольцом окружившей русского самодержца. Как гипсовый корсет укрепляет неустойчивый человеческий корпус, так и они стабилизируют и регулируют в течение трех столетий волеизъявления самодержавного царского правительства.

Словом, здесь все одни и те же люди. Охотясь за холопами и крестьянами, за землею, за служебной карьерой, они занимают наблюдательную позицию по отношению к юридической норме. Пока эта норма им выгодна, они широко и энергично используют ее, — так было со служилой кабалой; но когда она становится им вредной или неприятной, они сумеют заставить московский приказ забыть о ней и потерять ее, как случилось в свое время с указом 1586 и 1593 гг. Эти люди не становятся в открытую и, по их собственному часто холопьюму происхождению и воспитанию, неприличную оппозицию к правительству, а предпочитают бесчисленными челобитьями по частным случаям и поводам вынуждать это правительство то отступать отдвигаемых им в жизнь неудобных норм, то перетолковывать эти нормы в направлении классовых интересов дворянства.

ГЛАВА III

ЮРИДИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ХОЛОПЬЕГО ПРАВА

Боевым вопросом холопьевого права в XVI—XVII вв. являлся вопрос о юридической постановке семейных отношений между холопами. Около этого вопроса скрещивались интересы владельцев, занятых прикреплением наибольшего числа членов холопией семьи, передачей прав на холопов по наследству, размежеванием при семейных сделках прав на холопов между разными владельцами и т. д. Оберегая с XI в. институт холопства, интерпретируя и обрабатывая его нормы, представитель политического начала древней Руси должен был поставить семейные отношения холопов в фокус законодательства, как бы примитивно ни подходил закон к своим заданиям.

С эпохи формирования пространной редакции Русской Правды действует формулированное в ее списках положение: «А дроугое холопство: поиметь робу, а без рядоу; поимет ли с рядом, како ся боудеть рядил, на том же и стоять» (Кар., 120; Тр., 103 и др.). Это положение — зародыш позднейшего категорического правила, неоднократно и твердо выраженного Судебниками: «По робе холоп, по холопу роба», — гласит 66 ст. Судебника 1497 г., Судебник 1550 г. (ст. 76) только буквально повторяет в этом случае текст своего предшественника. То же правило, правда, успевшее густо обрасти другими мотивами, встретим и в Уложении (XX, 31 и др.).

Лапидарная формула, порабошающая свободного партнера брачного союза хозяину его брачной пары, вследствие самого констатирования наличия такого союза, обставляется неизбежно оговорками, но на протяжении восьми столетий, до самого XIX в., остается руководящим мотивом.

Несмотря на всю внешнюю выразительность этого положения, понять его исторически в условиях реальной социально-экономической обстановки, в пересечениях с другими категориями права и в его эволюции, можно только гипотетически: что ни шаг, то — неясность! Что значит «поимет» Русской Правды? Говорить о церковном браке в XI в. между разноплеменными, большей частью военнопленного происхождения, холопами, конечно, преждевременно. Не с каноническим же правилом о нерасторжении брака считается здесь формула Русской Правды! В это древнее время речь идет, вероятно, только о сохранности холопьевого приплода, подвергающегося риску при отрыве отца или матери. Преобладающим фактором была притягательная сила женщины-рабы, ибо Правда исходит из прикрепления не рабы к холопу, а холопа к рабе. Прикрепляя свободного или чужого мужчину к

женщине раз нет особо оформленного «ряда», Правда преследует, говоря нашим языком, до известной степени алиментарные соображения. Религиозного мотива в Правде мы вообще не слышим, да едва ли церковно-канонический, а не хозяйственный мотив звучит и в Судебниках. Во всех трех случаях, отстоящих один от другого на 400—500 лет, подразумевается конфликт прав или претензий разных владельцев, разрешаемых законодателем всегда с презумпцией нерасторжимости холопией семьи как хозяйственного комплекса и практически, надо думать, с выплатой, при условии равенства прав конфликтующих владельцев, идеальной половины деньгами или имуществом стороне, получающей холопью семью.

Позднее, например в XVII в., как юридическая новость, выражаемая не столько в указном праве, сколько в судебных приговорах (см. ниже), появляется и религиозная санкция нерасторжимости обрядового христианского брака, иногда даже с экспертизой его совершения. Историк-наблюдатель остается в недоумении: как христианская мораль, сопротивляясь отрыву мужа от жены и обратно, могла оставлять без внимания отрыв малолетних детей от родителей, практиковавшийся до времен Грибоедова и даже дальше?..¹

Вопрос о холопих детях в своей законодательной постановке восходит тоже ко временам Русской Правды, интересующейся, следуя заданиям еще византийских юристов, «робьими детьми», поскольку они являются детьми свободного и рабы. «Аще боудуть робьи дети оу мюужа, то задници им не имати; но свобода им (с) матерью» (Кар., 110; Тр., 92).

Вопрос о детях играет в древнем праве меньшую роль и предполагается молчаливо разрешенным всегда в одном смысле: прирост холопией семьи должен принадлежать господину, если нет каких-либо специфических осложняющих дело обстоятельств. Обращение в рабство родителей влечет за собою и обращение в рабство детей, — так надо понимать статьи о потоке (Тр., 5, 30, 79).

Упоминание о робичиче есть еще в «Уставе в. кн. Всеволода о церковных судах и о людех и мирилех торговых» (1077—1093 гг.), согласно одной из статей которого, робичич являлся наследником «из велика живота» урочной части «по оскуду» (т. е. в небольшом размере), а «из мала живота» он получал коня, доспех и покруту «по рассмотрению живота».

Тот же мотив встретим в договоре 1229 г. смоленского князя Мстислава с Ригой, Готландом и немецкими городами (ст. 11), где противоположная князю сторона (немцы) оговаривает свои имущественные права в случае обращения князем своих подданных в рабство целой семьей.

Это робкое затрагивание потомства рабы в древнем праве, несомненно, считавшем рабий прирост находящимся в полном распоряжении господина, в московском праве обоих судебных актов осложняется явственно проводимой тенденцией — не позволять автоматически кабалить детей холопов, рожденных *до* рабства родителей. «А которые его (холопа) дети у иного (т. е. господина) или себе учнут жити, то не холопи» (Суд. 1497 г., ст. 66).

Судебник 1550 г. дает более точное определение порядка похолопления детей: «... По ключу по сельскому с докладною холоп с женою и с детьми, которые у одного государя с ним в одной крепости и которые породилися в холопстве, а которые его дети родилися до холопства, а учнут жити у иного государя, или собе учнут жити, то не холопи» (ст. 76). Здесь юридическое усилие в сторону дифференциации холопства и некоторого (очень скромного!) ограждения потомства

¹ Вспомним подвиги грибоедовского героя из «Горе от ума», д. II, явл. 5-е.

людей, обращаемых в холопство, сравнительно с Судебником 1497 г., выступает отчетливее. Уложение сделает несколько новых усилий в эту сторону, хотя и невыдержанных внешне и неуверенных в себе внутренне.

В связи с вопросами о холопах-супругах и детях холопа находится и вопрос о «старине», как о творящем холопье право моменте давности. Общий мотив старины, как она впервые определилась в Судебнике 1550 г. (ст. 78), есть приравнение старинных людей полным. Старинный холоп, — и это особенно явственно проступает позднее, — равен холопу полному, т. е. холопу потомственному и наследственному в роде данного владельца. Полнота определялась и подкреплялась даной, духовной, рядной, самым переходом по наследству и благодаря этому подавалась известной юридической квалификации, тогда как старина, — т. е. более или менее продолжительное пребывание во дворе господина, — являлась понятием растяжимым и смутным, самая неясность которого была выгодна господам. Старина — петля, которую владелец всегда мог накинуть на шею свободного человека или свободно рожденного холопья сына, в его дворе проживающего, наймита или временного холопа. Эта юридическая категория имела, как показывает практика, весьма важное значение в судьбе холопских детей. В старине звучат несколько мотивов, действующих по мере надобности, наступательно то на самих холопов, то на их потомство.

В процессах о холопах, излагаемых ниже, вскрывается давление холоповладельцев на вялые и слабые, но все же более или менее определившиеся тенденции указного права, направленные к сокращению или смягчению холопства. Всмотримся в будничную, так сказать, молекулярную сторону этих отношений и попытаемся вскрыть их динамическое действие, но подойдем к затронутым трем мотивам в обратном порядке, сравнительно с только что примененным в изложенной исторической справке.

§ 1. СТАРИНА

По смыслу, хотя прямо и не выраженной, но, несомненно, подразумевавшейся презумпции указов XVI в., — особенно апрельского указа 1597 г., — старинное, неоформленное зарегистрированной кабальной записью холоповладение должно было бы исчезнуть, сменившись по всей линии холопством кабальным с его ограничениями и оговорками. На деле, как известно, понятие холопья старины, не скрепленной специальной кабальной регистрацией, продолжает жить и учитываться в юридическом обороте московских учреждений. Представляется поэтому существенно важным вскрыть, как понимали идею старины стороны, тягавшиеся в Холопьемприказе о своих холопах, и как понимал эту идею сам Приказ; далее, — как стороны и Приказ понимали взаимоотношение между стариной и кабалой и как они представляли себе факт рождения или образования старины. В холопских тяжбах мы найдем некоторый материал для ответа на эти юридически весьма важные вопросы.

№ 1. 1622 г.

В процессе двух ростовцев, Петра Еремеева и Дан. Коробьина, в 1622 (130) г. из-за малого Вахрушки Семенова, вследствие пассивности обороны Коробьина, бремя судебной борьбы легло на самого спорного холопа, что было делом довольно необычным. Малого Вахрушку Еремеев отсуживал у Коробьина на том основании, что малый родился у Еремеева во дворе и потому является его старинным холопом. Вахрушка утверждал, что его принесли во двор к Еремееву маленьким, на руках, и что он «слышал у отца своего, что служили (они) у Петра добровольно»; вместе с тем Вахрушка не отрицал того, что

его отец «умер у Петра в холопах», т. е. выдав на себя служилую кабалу. Для опровержения версии малого Еремеев слался «из виноватых» поименно на 24 ростовцев и даже на крестьян, соседей его по поместью: они знают, что тот малый — старинный отца его и родился в холопстве, и после отца его служил у него и от него сбежал. Малый отвел ссылки: «Я их (ростовских соседей Еремеева) не знаю, — как мне на них слатись?» — и упорно повторял свои первые показания: «С отцом своим пришел к нему и к отцу его маленок, а не у него родился в холопстве». Не отрицая того, что позднее он служил у Еремеева, он отрицал только самый факт своего рождения в его дворе. «Я слышал у отца своего, — гласит протокол вахрушкиных речей в приказной записи, — что отец пришел к Петру, а меня де принес с собою маленькова». «А то ему отец его не сказал, — переходит приказный протоколист от прямой речи к пересказу, — от кого он с ним пришел». Еремеев в своих показаниях путался, что и отметил беспристрастный протоколист: вначале Еремеев говорил, что отец малого служил у него по кабале, «а в другие молвил, что отец его, малова, служил по полной». «Полная» будто бы пропала в 1620 (128) г., когда сам Еремеев «сидел в Разбойном приказе за приставом» и потому не мог подать явки о пропаже кабалы (л. 5). Вахрушка сообщил судьям о том, что мать его Еремеев от себя отпустил, — факт, известный крестьянам четырех соседних с поместьем Еремеева ростовских деревень. Однако Еремеев отрицал и это обстоятельство, не имевшее, впрочем, юридического значения для положения Вахрушки: матери малого он «от себя не отпускал» (л. 6).

Несмотря на бездоказательность и даже явную лживость претензий Еремеева на старину, Приказ постановил выдать ему Вахрушку в холопство, испекши в мотивировке своего приговора такой юридический блин: «Потому что тот Вахрушка в приводе и на суде сам винулся (??) Петру Еремееву в холопстве, а отец де его, Вахрушки, Сенька и умер у Петра Еремеева в холопстве, а иного исца (!!) тому малому Вахрушке, опроче Петра Еремеева, в холопстве не было», — так как поймавшийся, было, за Вахрушку Дан. Коробьин «за делом не ходил». В конечном счете малый был очевидно отдан Приказом Еремееву по старине, но по существу решающим моментом похолопления Вахрушки Еремеевым едва ли не был именно этот, юридически невероятный, но в практике Холопьяго приказа нередкий, мотив: «потому что иного исца Вахрушке не было».

Приказный протоколист равнодушно приписал к приговору: «По вахрушкиной повинке тот малой Вахрушка Петру Еремееву в холопи отдан». Надо думать, что на еремеевской конюшне малый вкусил плодов юридической изворотливости, проявленной им в приказной борьбе со своим будущим господином.

Так легко при случае рождалась и оформлялась решением Приказа холопья старина: как можно было установить через 2 десятилетия, да еще таких, как 1602—1622 гг., родился ли данный человек во дворе или был принесен на господский двор грудным младенцем? Нечего говорить о том, какой явной нелепостью было считать критерием вечного и наследственного похолопления ребенка только момент разрешения от бремени его матери во дворе или вне двора данного претендента на похолопление.

(№ 39908)

№ 2. 1628 г.

В деле Мих. Беречинского и Ив. Бормосова, слушавшемся в Приказе в 1628 (137) г., речь шла о старинной женке Бормосова Акулинке, сбежавшей, по словам Бормосова, из его тверского поместья в 1625

(133) г. и выдавшей на себя в бегах кабалу Беречинскому. Дело осложнилось тем, что женка Акулина пришла к матери Беречинского, будучи уже беременной, и родила у нее дочь «Матрешку». По словам Беречинского, Акулина жила у него сначала 6 лет безкабально, и в округе около суздальского поместья Беречинских ее знали в холопстве у Беречинских не с 1625 г., как устанавливал дату побега Бормосов, а «от королевичевой осады» (т. е. с 1618 г.). Утверждая это, Беречинский слался «в слух и в обыск» вокруг своего поместья.

Женка на допросе показала, что она «старинная... бывала Тверского уезду тверского архиепискупа крестьянка села Мигалова [замужем] за Демидком Ларионовым, а после смерти первого мужа была замужем за Федотком Ивановым, за Романовым крестьянином Воеводиным в Новоторском уезде в селе Глебове». В своих судебных возражениях Беречинский указывал, что Бормосов, «приставивший» к нему по поводу «подговорной Акулилки» и называвший ее «у себя старинной», «старины на суде и крепости никакие на нее не положил. А у меня, холопа вашего, та моя жоночка, — утверждал Беречинский, — старинная и крепосная» (лл. 19, 20).

Беречинский противопоставлял бормосовской, так сказать, законной старине свою 6-летнюю незаконную старину, накопленную Акулиной в бегах. «А у меня, холопа вашего, — рассуждал Беречинский, — та моя жонка и с дочерью своею старинная крепосная», — так как он взял на нее крепость в 1626 г., а дочь Акулины родилась у него во дворе около 1620 г. В своих возражениях на аргументы Беречинского Бормосов слался «в старине про ту жонку и в ее побеге... на два города повальным обыском, на их (Беречинских) город на Суздаль и на Торжок». По словам Бормосова, Беречинские «старины на ту жонку на суде не положили никакие, а положили на ту жонку кабалу 133 (1625) г., — и та взята в Володимире мимо воевод и осадных голов и губных старост у городского приказщика за моим челобитьем, за явками» (л. 22).

Конец дела не сохранился, и приказное решение нам неизвестно, но любопытна самая позиция сторон, уверенно оперирующих стариной, причем Беречинский вовсе не стремится поставить свою мнимую 6-летнюю старину на задний план сравнительно со взятой им формальной кабалой, а ставит оба аргумента, и старину и кабалу, на одну доску, даже заслоняя аргумент кабальный аргументом своей весьма сомнительной старины.

(№ 40419)

№ 3. 1630 г.

В тяжбе Ив. Воейкова и ярославца Вас. Малыгина в 1630 (138) г. обстоятельства заключались в следующем. Старинный холоп Малыгина Куземка Михайлов и кабальный холоп Игнашка Нурышевский, формально укрепленные Малыгиным (Игнатий — 20/2 1624 (132) г.,¹ а Кузьма — 14/3 1626 (134) г.), сбежали и проживали у Ив. Воейкова. Воейков посадил Игнашку во крестьяне, а когда возникла тяжба, пытался доказать, что его права на Куземку и Игнашку старше прав Малыгина.

По словам Вас. Малыгина, спорный человек Куземка «ево Васильев старинной и кабальной». Куземка подтвердил эти заявления Малыгина, показав, что «старинной де он Василья Малыгина, — а отец мой и дед у него, Василья, во дворе и померли, а кабалу де имал на него он, Василей, на Москве в Холопьем приказе» (л. 7). На Куземку Малы-

¹ Игнатию в момент взятия кабалы было 19 лет, а у Малыгина он проживал в ту пору уже 5 лет (л. 28).

гин взял кабалу, «как по государеву указу велено на старинных людей имать кабалы, и он де, Василей, на того своего стариннова человека взял кабалу на Москве 14/3 1626 (134) г., и в кабале он сказался старинной».

Ив. Воейков утверждал, что «отец того человека (Куземки) служил у отца ево Иванова, а дед у деда ево, а ево, Куземку, дал ему (Ивану Воейкову) отец ево Иванов в 110 (1602) г.»¹ (л. 24). Ничего, кроме этих вздорных объяснений, Воейков в защиту своей претензии выдвигать не мог. Возражая Воейкову на судоговорении, «ответчик Василей сказал: знали де того Игнашкова деда у деда его Васильева, а отца того человека — у отца его, а ево, Игнашка — у него, Василья, лет с 50, и жил тот человек у него, Василья, по старине, не отходя», — что в Приказе подтвердил и сам холоп (лл. 24, 25).

Приказ, констатируя отсутствие всяких доказательств в показаниях о старине Воейкова, решил дело в пользу Малыгина и вернул ему обоих холопов, не считаясь и с аргументом посадки «во крестьянство», выдвинутым дополнительно Воейковым.

В этом процессе обращает на себя внимание обстоятельное доказывание сторонами именно старины, уходящей очень далеко, до 80-х гг. XVI в. Все дело, между тем, решалось просто и ясно кабальными записями 1624 (132) и 1626 (134) гг., находившимися в руках у Малыгина и совершенно исчерпывавшими юридическое существо вопроса, так как Воейков не смог противопоставить Малыгину никакого документа. Обращает на себя внимание и тот факт, что Приказ выслушивает аргументацию о старине, вникает в нее, взвешивает сравнительную ценность соображений о давности в то время, как по существу вопрос решался гораздо проще и быстрее проверкой по записной кабальной книге. Это показывает, как крепко держалось тогдашнее общество понятий старины и какой вес имели эти, строго говоря, внеправовые аргументы даже для приказных дельцов середины Михайлова царствования. Интересно и то, что для Малыгина указ 1626 (134) г. о взятии кабал оказался некоторым нововведением, точно старых указов XVI в. по этому поводу он совсем и не помнил или не считал необходимым их придерживаться (указы 1586, 1593, 1597 гг.).

(№ 40482)

№ 4. 1640 г.

В деле между В. Свищовым и Н. Чарыковым, слушавшемся сначала перед шацким воеводой кн. М. С. Гагариным, а потом в Холопьем приказе, спор шел о беглой девке Домне. Домна, сбежав от Чарыкова, вышла замуж за свищовского крестьянина Аношку. Оттягивая от Свищова Домну, Чарыков утверждал, что Аношка — его старинный холоп, но, по замечанию протокола судоговорения, «крепости на старину» этого Аношки «никакие не сказал». Упоминание «старины» как юридического мотива в шацкой приказной среде принципиального протеста не возбудило. Решение шацкого воеводы только противопоставило мнимой холопией старине Чарыкова крепость крестьянскую, так как Аношка, согласно заключению воеводы, оказался крепок Свищову по отдельной выписи и был ему возвращен на том именно основании.

Дело это, интересное для освещения вопроса о брачной связи между холопами, подробнее изложено ниже в § 4 под № 5.

(№ 41681)

¹ В 132 г., как видно из кабалы, Куземке было 19 лет, следовательно, он и родился-то только в 113 г.

Вопрос о старине в применении к холопым детям, с не совсем обычным для Приказа резолютивным заключением, мы встречаем в деле двух провинциальных дворян, Конст. Ив. Мотовилова и Фед. Петр. Уракова.

Вдова ярославца Давида Лобкова, Прасковья, по завещанию своего первого мужа стала претендовать, вопреки Уложению (дело разбиралось в 1649—1652 гг.), на его кабальных холопов, давших ему кабалы, один — в 1624 (132) г., а другой — в 1644 (152) г., и вместе со своим вторым мужем, Конст. Мотовиловым, объявила их старинными. Между тем, холопы, не задумываясь над завещанием Мотовилова, порядились по его смерти во крестьяне к Петру Уракову, сыну которого, Федору, и пришлось выступать в настоящем деле ответчиком. Второй муж Прасковьи, Конст. Мотовилов, вчинил иск об этих крестьянах как старинных холопах, переданных по наследству мужем жене. Приказ вник в это дело сравнительно глубоко, послав специальный запрос в Поместный приказ относительно перехода части поместья Дав. Лобкова к Петру Уракову,¹ а затем решил этот казус в соглашении с указами и Уложением 1649 г.

Многословная и исполненная повторов, резолюция Приказа отказывала в удовлетворении претензии Мотовилова: «Потому что всяких чинов людям холопы крепки по кабалам по смерти бояр своих, а женам и детям их те холопы по прежним кабалам не крепки». Приказ приговорил истца Конст. Мотовилова «обинить...», потому что жены его Костентиновы первова ее мужа в Давыдове духовной Лобкова написано: люди кабальные и бескабальные — жене его Прасковье, — а кто имяны людей бескабальных, того в духовной не написано, старинные ли или полные, того не написано ж...», — как будто Приказ считал законной передачу людей по завещанию, если на них не было документа. К такому парадоксу приводила двусмысленная и неуверенная политика Москвы по важнейшему и неоднократно решенному вопросу о документальном укреплении всякого холопа кабалой со всеми вытекавшими последствиями при формализации права.

Заодно с ураковскими крестьянами получил благоприятную резолюцию и бывший лобковский кабальный Родька: «...Приговорили тому человеку Родьке з женою и з детьми волю, а с воли х кому похочет итить и крепость на себя дать, тому оне и будут по государеву указу крепки после прежнего своего боярина Давыда (Лобкова) в холопстве».

Только с большим старанием и только при поддержке интереса холопа одной из владельческих сторон осиливал Холопий приказ проведение в жизнь совершенно недвусмысленных статей указов и Уложения о выходе на волю кабальных после смерти господина, — впрочем, для того только, по мысли Приказа, чтобы они опять попали в новое холопство. Нигде мы не найдем указаний на то, что Приказ должен был бы, несомненно, делать по силе указов: приравнивая старинное, данное, приданое и т. д. холопство кабальному, как того требовали указы, соответственно требовать и выхода на свободу после смерти господина всех его холопов... Не видно, чтобы где-нибудь в приказном делопроизводстве даже просто мелькнула такая мысль.

(№ 42276)

№ 6. 1667 г.

В юридической борьбе в 1667 (175) г. между двумя довольно крупными фигурами столичного мира, Т. И. Киковым и кн. М. Я. Черкас-

¹ После Давида Лобкова остались двор крестьянский и двор бобыльский. Новый помещик П. Ураков получил бобыльский двор да и прихватил холопов, сманив их к себе вместе с семьями.

ским, встречаем показательный спор о старине. Старинный, как выяснилось в результате процесса, холоп Ивана Кикова Федька сбежал от него сначала на Муромский посад, а потом бил челом «во крестьянство ко кн. Я. К. Черкасскому». ¹ Киков, не имея в руках кабалы на Федьку, однако приставил к Черкасскому на том основании, что отец Федьки умер у отца его и у него самого в старинном холопстве; и еще в 1665 (173) г. сыщик Шишкин уже раз возвращал Кикову Федьку из бегов по старинному холопству, так что в 1666 (174) г. Кикову приходилось ловить Федьку уже вторично. Несмотря на все эти прецеденты, Киков, и после вторичного возвращения Федьки из бегов, все еще довольствуется стариной, не давая себе труда запастись формальной кабалой на Федьку. Когда возникла тяжба между Киковым и Черкасским, позеренный Кикова не смог предъявить никакого документа, а «подал вместо крепости ссылку» в повальный обыск.

От ссылки в повальный обыск поверенный кн. М. Я. Черкасского отказался, «в повальный обыск не сладся», а ходатайствовал о том, «чтобы де государь указал розыскать крепостями», утверждая, что Федька жил у Киковых, «наймующись, а не в старинном холопстве». Факт выдачи Федьки сыщиком Шишкиным поверенный Черкасского отводил тем, что «сыщик того человека ему, исцу, отдал, не розыскав крепостей». Сначала Шишкин будто бы сам вывозил Федьку на Муромский посад, а потом «отдал Федьку исцу нагло», — и «видя он, Федька, наглую отдачу, и бил челом во крестьянство боярину кн. Я. К. Черкасскому» в 1666 (174) г.

Опытный в юридических схватках поверенный Черкасского просил допросить Кикова: «по каким крепостям ему, исцу, отдал (спорного человека) сыщик, на отца его или на мать какие крепости были, кабальные или купленные или полонные или приданные». Поверенный Кикова отвечал, что сыщик Шишкин отдал Федьку «по государеву указу и по грамоте из Поместного приказу по старинному холопству» (лл. 33 — 37), а все крепости Киковых во время пожара сгорели. Сам Федька продолжал уверять, что он жил у Киковых «из найму», а не по холопству. Надо прибавить, что во время этой тяжбы мать и братья Федьки по челобитью Кикова были посажены в Муроме в тюрьму, и под давлением тюремных условий мать Федьки, Манька, в старинном холопстве у Киковых «созналась» (л. 40).

Приговор Приказа не сохранился, и трудно угадать, как кончилось это любопытное дело, возникшее в связи со смертью вельможи кн. Я. К. Черкасского, открывшей для Кикова возможность схватиться с его сыном Михаилом. В этом деле показательно, как тает под нажимом юридически вышколенного поверенного Черкасского расплывчатая ссылка истца на старину, и характерна та степень беспечности, домашней халатности, которую проявляет муромец Киков, упорно продолжая держать и отбивать Федьку по старине, не пытаясь оформить дело кабалой.

(№ 43342)

Оглянемся на изложенные случаи понимания и истолкования холопей старины в шести выбранных нами для образца процессах. По вопросу о старине Приказ не занял твердой и отчетливой позиции ни в одном из этих дел, хотя и отклонил попытку К. Мотовилова сослаться на старину в тяжбе Мотовиловых и Уракова. Что касается до сторон, то идею старины как юридического принципа не отвергают ни истцы ни ответчики. В процессе Беречинского и Бормосова обе стороны пользуются аргументом старины, смешивая старину законную со

¹ Отцу Михаила Яковлевича Черкасского.

стариной, которую можно назвать незаконной. В процессах Чарыкова и Свищова, Мотовиловых и Уракова одна из сторон пытается оттягивать холопией стариной даже от крестьянства.

Итак, мы видим, что среди самих холоповладельцев понятие старины в качестве аргумента было в полном ходу, но оно не отличалось у них ни ясностью ни обработанностью (в смысле срока, условий применимости, силы действия при конфликтах и т. д.). Оно было лишь соображением, при конфликтах постоянно напрашивавшимся на язык в виде неясной юридической посылки, при помощи которой спорившие, обычно вкривь и вкось, разрешали или думали разрешить свои юридические конфликты. Всмотримся теперь в тяжбы, показывающие эту же идею старины в случаях ее прямого конфликта со служилой кабалой. Пока подчеркнем одно: живучесть и, так сказать, динамичность этого понятия в процессах, нам известных до самой середины XVII в.

§ 2. СТАРИНА И КАБАЛА

№ 1. 1620 г.

В деле Мих. Еропкина и Фед. Стюнеева холоп Павлик дал в 1607 (115) г. кабалу Мих. Еропкину, а в 1613 (121) г. сбежал от него к Фед. Стюнееву и тоже дал ему кабалу, но в 1615 (123) г. он вернулся к Еропкину «сопаститься».¹ Лет через пять Стюнеев сделал попытку оттягать Павлика обратно, и дело в 1620 (128) г. попало в Приказ. Павлик сначала держал руку Стюнеева и называл себя его старинным холопом, но затем быстро сдал. При предъявлении еропкинской кабалы 1607 (115) г., он «кабалы не лживил» и простодушно заявил, что рассчитывал на пропажу документа: «Как де за него, за холопа, изымался он, Федор Стюнеев, и он де тогды ево, Феодоровым, человеком старинным назывался потому, хотя от него, от Михайла, от холопства оттегастися. А та де кабала у него, у Михайла, взята давно, и он, Павлик, чаел — в Разоренья та его кабала пропала, и потому де он тогды в приводе и говорил; а ныне де та кабала в лицах». Выслушав это заявление Павлика, судьи Приказа «Семен и Иван и дяк Филип велели сказку его холопью записать» (л. 11).

В своем приговоре Приказ не отверг в принципе ссылки Стюнеева на старину, но отказался признать наличие старины в данном конкретном случае. «И той его, Федоровой (т. е. Федора Стюнеева), скаски, что он сказал, тот де человек Павлик старинный его, верити нечему, — потому: только бы он старинной его был, ино бы у него на него, на Павлика, взята кабала в старине в прежних годех наперед бы ево, Михайловой (т. е. Михайла Еропкина), кабалы. А опрично кабал их служилых про старину сыскати нечем...» (л. 4).

В этом приговоре интересно и принципиальное признание Приказом приемлемости старины как юридического аргумента, и простодушное сознание неизбежности обращения к документу, и, наконец, психологический экскурс приказных юриспрудентов, пособляющих своему заключению риторическим вопросам: неужели же Стюнеев не взял бы кабалы на Павлика, если бы Павлик был его старинным холопом еще ранее 1607 г.?

Заметим, что борьба здесь шла между влиятельным Еропкиным, родственником или приятелем Стрешневых (л. 12), и мелкой служилой сошкой — Стюнеевым.

(№ 39651)

¹ Этот термин встретится неоднократно и в дальнейшем изложении; истолкование его см. в гл. V.

В деле Богд. Боркова и Ив. Селунского старинный холоп Богд. Сем. Боркова Тит сбежал от него около 1598 г.¹ и выдал на себя кабалу переводчику Посольского приказа гречанину Ив. Селунскому. Приказ отдал Титку по кабале Селунскому, но вторую Титкину жену оставил, как она до сего и была, у Боркова. Допрошенный во время разбирательства дела, холоп показал, что «служит», т. е. находится в холопей зависимости, с женою своею Лукерьею, Кондратовой дочерью, «по старинному холопству» еще отца своего Володимира у государя своего, у него, Богдана Боркова, и в холопстве он, Титко, у него ж, у Богдана, во дворе и родился» (л. 1). Доказывая, что Тит его «старинной человек вековой» (л. 11), Борков утверждал, что Тит вернулся к нему, «помнючи свою старинную (службу?)».² В ответ на выраженное судьями, при разбирательстве дела, недоумение, — почему Борков не искал Тита в течение столь долгого времени, — Борков свое «нечелобитье» объяснил тем, что Титка был «в казаках».³

Приказ решил дело «по кабале», присудил Тита Селунскому, а «Богдану Боркову в том же человеке, з Титке в Володимирове, в старинном его, Титкове, холопстве приговорили ему отказать» (л. 14). Это решение Приказ счел нужным сопроводить обстоятельным мотивированным приговором. «И впредь ему, Богдану, — гласил этот приговор, — до того человека, до Титка, в старинном холопстве дела нет, потому что он, Богдан, на суде в ответе сказал, что де он, Титко, — его Богданов человек старинный, а крепости он, Богдан, на него, на Титка, в ответе не сказал... И то ему, Богдану, вина же, для он чело столько лет своему старинному холопу без крепости верил...» (л. 14). Но в отобрании Лукерьи Приказ однако Ив. Селунскому отказал, так как она не была написана Борковым в исковой челобитной.

Таково было решение приказных законников, но не таково решение житейское, ибо Селунский Титку после выигранной тяжбы тут же Боркову уступил, быть может, признавая большие права за службой, чем признавали сами судьи Холопьяго приказа.

(№ 39874)

В деле Сав. Завесина и Ив. Вас. Плещеева — Плещеев искал «старинного и полного холопства» на Митрошке и Микифорке Лысовых, чему «ездзвой подьячий» Сав. Завесин противопоставлял холопство тех же лиц по кабале, взятой им 13/4 1620(128) г. Впрочем, Плещеев утверждал, что кабала на них была взята также и им. «И Семен, и Иван, и дьяки Патрекей и Филип спросили исца Ивана Плещеева: ищешь ты на тех людех полного холопства, и есть ли у тебя та полная, и будет есть, положи ее перед нами». Плещеев отвечал, что «згорели у него, Ивана, животы его и всякие крепости, полные и докладные и служилые кабалы, и та де полная на отца их и на них сгорела»; в 1612—13(121) г., «а в котором месяце, того не помнит», он давал о пропаже кабал явки в Холопьем приказе, и явка его «в явочной коробье 121 г. была отыскана» (л. 9). По словам Завесина, — «стакався те мои холопи с Ив. Вас. Плещеевым, велели себя изымать, хотячи от меня из холопства оттягатца». Для вящей убедительности Завесин заявил, что Митьку (он же Никифорко) он искал «по кабале», а брата его, Митрошку, «по старине», и подкреплял ссылку на старину обы-

¹ Дело слушалось в Приказе в 1621 (129) г., и Борков датировал побег словами: «тому 23-й год». Определения этими формулами (тому такой-то год) бывают обычно довольно точны.

² Край листа осыпался.

³ Переписка с Казачьим приказом выяснила, что в казачьих списках Тит не значился.

сками, должнствующими показать, что Митрошку у него в холопстве знают «от Разоренья».¹ Будучи сам дворцовым служащим, он слался «и на ключников, и на стряпчих, и на сытников, и подключников, и на сторожей всех 3 дворцов», знавших спорных людей у него в холопстве», и приводил в дополнение еще ряд ссылок на отдельных лиц своего круга.

Допрошенный в Приказе Митрошка показал, что он действительно служил у Сав. Завесина с Разорения, но служил «добровольно», что подтвердил и сам Завесин. Отказавшись от приказного решения, стороны «сыскались меж собой»: старинных и полных холопов Плещеева, как они именуются в достигнутом соглашении, Завесин уступил Плещееву «по старине», а Плещеев отказался за это от претензии на снос.

В этом раннем процессе (1620 г.) наше внимание привлекает полное признание Приказом старины, независимой от кабалы, и уважение Сав. Завесина к плещеевской старине, юридически побиваемой кабалой Завесина, поскольку Плещеев своей кабалы по принятой форме не возобновил. Характерно и то, что Завесин, стоя перед приказными судьями, приравняет официально «добровольное» проживание у него Митрошки с 1611 г. по 1620 г. настоящей холопьей старине, настойчиво предлагая в подкрепление и обыски и свидетельские показания, — такова была шаткость этих основных понятий у самих холоповладельцев.

(№ 39909)

№ 4. 1624—25 гг.

В деле кн. Вас. Селеховского и Юр. Татищева спор шел о старинном холопе Селеховских Никите Яковлеве Скобельщине, находившемся в бегах от Селеховских с «Московского разоренья» и проживавшего, по его показаниям, «лет 10 и больше» у Захряпина, а потом перешедшего к Юр. Татищеву и Холаимову. В 1616 (124) г. он дал кабалу на себя, и на жену, и на детей Юр. Татищеву. В 1624 г. Селеховской потребовал к себе жену и детей Микитки, почему-то не упоминая о самом Микитке. Микитка служил у деда и у дяди Василия Селеховского, а при царе Василии дал кабалу на себя и на свою семью кн. Василию, но в Московское разорение и человек Микитка и кабала, на него взятая, пропали. Явок Селеховской не давал, потому что сначала он был в Литве (в плену?), а потом с 1617 (125) г. — в опале в Сибири. По возвращении из сибирской ссылки он тоже явок не давал, «потому что (в Приказе) ему сказали, что явок не емлют» (лл. 8—10).

Свои ссылки на старину Селеховской обосновал добросовестно и обстоятельно, но не объяснил, почему вторично кабалу на Микитку он взял только 9/10 1623 (132) г., т. е. уже после взятия кабалы Ю. Татищевым в 1616 г. В своих возражениях на аргументы Селеховского Ю. Татищев говорил: «Кн. Вас. Селеховской сказал на суде, будта у него была другая кабала (т. е. кабала, взятая ранее 1623 г.), старее моей кабалы, и та будта пропала в Московское розоренье, а явок на кабалу на тое не давал, то и сам на суде сказал, что явок нет. А по твоему государеву указу, хто скажет у себя другую старую крепость, что пропала, а явок на нее не давал, и тому верить не велено, и многие дела в Холопье приказе тем вершены: явками теми и правят и видят» (л. 21).

То ли стороны относились к вопросу об обладании Микиткой безразлично, или по другой причине, но они не ходили за делом, представляя спорному холопу «насиживать в Приказе пожелезное». Дело, вероятно, заглохло бы совсем, если бы спорный холоп не добился подписной челобитной сам и не подтолкнул бы Приказ на решение

¹ «Разореньем» называли тогда 1611 г.

дела. Получив новую подписную челобитную, добытую, как это ни диковинно, самим холопом, Приказ постановил выдать холопа Ю. Татищеву.

В данном случае Приказ действовал вполне в духе указного права, но одна из сторон (Селеховской), очевидно, была глубоко убеждена в преобладающем значении старины, как это видно из поведения Селеховского до суда и из аргументации его на суде: настолько слабо была усвоена в 1620-х гг. идея обязательного кабального перекрепления, с такой уверенностью развиваемая бойким москвичом Ю. Татищевым.

(№ 40054)

№ 5. 1628 г.

В деле Ос. Кузьмищева и Ром. Сатина отец тулянина Осипа Кузьмищева, недельщика Московского судного приказа, Мих. Кузьмищев, отпустил по духовной дочь своего старинного холопа Анютку. Соловлянин Роман Сатин взял на нее кабалу, но Осип Кузьмищев (сын) стал в 1628 (136) г. и в челобитных и на судовом разбирании упорно называть отцовскую и отцом его отпущенную девку своей собственной старинной рабой и уверять, что она просто сбежала от него в 1621 (129) г. Кузьмищев, желая вообще опорочить Р. Сатина, стал уверять на суде, что будто бы Роман «ходил в Кизильбаши без государева указа», а жена Сатина будто бы насильно выдала в 1627 (135) г. девку за своего человека Гришку. «Та моя старинная девка, а ныне молодница, Онютка, — писал в челобитной Кузьмищев, — в холопстве отпирается по его Романову насильству и ноученью» (л. 22). Роман Сатин утверждал, что отца женки вместе с нею отпустил еще отец истца, Мих. Кузьмищев, а отец Анютки «дал дочь свою в те поры, как отпущен был», и Роман взял на нее кабалу на Туле. В доказательство того, что отец Анютки, а вместе с ним и она, были отпущены на свободу по духовной Михаила Кузьмищева, Сатин ссылался на попа, на посадских людей и на какого-то старца, знавших, что «отца той... жонки велено отпустить, и то в духовной написано». Осип Кузьмищев приводил со своей стороны «многие ссылки» в том, что ту старинную девку у отца его и после отца его у него знали в холопстве. «Да шлюся, — писал О. Кузьмищев — на ее Онюткина отца на Мелешку, а тот Мелешка деда моего полоненник и послужилец и, после деда, отца моего послужилец, а нынеча, государь, тот Мелешка после отца моего Михаила служит у меня десятый год, потому та Анютка, дочь его, мне старинная и крепка по отце своем, — в том на него шлюся» (л. 28); а ссылкой на духовную Сатин, будто бы, поклепал его.

Приказ потребовал от Сатина предъявления отпускнуой, но ее у него не оказалось. Сатин объяснил, что Анютка служила у него в 1619—1622 (127—130) гг. без кабалы; кабалу, предъявленную им в Приказе в подлиннике, он взял на Туле только в 1622 (130) г. Кузьмищев иронически заметил по поводу показаний Сатина: «Вольно ему кабалы иметь». Женка целиком подтвердила версию Сатина: у Романа она живет лет с 10, а раньше ни у кого не служивала, а жила у отца своего, а отец ее жил на воле (л. 35).

Конец дела не сохранился, и приказного решения мы не знаем, но здесь характерна позиция Кузьмищева: во имя своей, никаким документом не оформленной старины он отвергает законную кабалу Сатина, имевшую силу, даже если бы никакой отпускнуой и не было дано, что в данном случае невероятно. Характерна и юридическая дерзость О. Кузьмищева, быть может, объясняемая тем, что он, будучи недельщиком судного приказа, до некоторой степени чувствовал себя в судебном мире своим человеком.

(№ 40763)

В деле Ив. Красенского и Дем. Петлина холоп ярославца Дементия Петлина Меркушка (он называется в деле и Мишкой) сбежал около 1607 (115) г. в возрасте «лет с 10» из Ярославского уезда в Суздальский к Ив. Красенскому, а затем, спустя более чем 20 лет, от Красенского вернулся обратно к Петлину. Красенский поймал его в Ярославле «у пищей избушке» при помощи губного старосты Осипа Вершкова и доставил в 1630 (138) г. в ярославскую съезжую избу, откуда дело почему-то было переслано в Москву в Холопий приказ.

Находясь у Красенского, Меркушка был им посажен во крестьяне: пробыл во крестьянстве «лет с 8» и женился, по его показаниям, на вольной девке со стороны, Окулинке, «кормившейся с матерью по миру». Убежав от Красенского, как первоначально показывал Меркушка, он свел от него каурого жеребца, «положил его» и вернулся со своим и со сносом «на старину» к Дем. Петлину. По первоначальным показаниям Меркушки никакой крепости ни Дем. Петлину ни Ив. Красенскому он не давал. Теща его жила у Красенского тоже «добровольно». «А братья де, — показывал Меркушка, — и он, Меркушка, старинные люди Дементьевы; а у Дементьева де отца Петлина отец их и мать и дед померли; а у Ивана де Красенского на него нет никаких крепости» (л. 1). По словам истца Красенского дело происходило иначе: Меркушку Красенский подобрал «маленька тому 23-й год», когда «покинула его литва». Но кабалу на него он взял только «в прошлом во 137 (1629) г., а до того де он, Меркушка, жил, как на него кабалы не имал Иван (Красенский), у его, Иванова, крестьянина, у Мишки Давыдова, из воли». Года за три до дачи кабалы Меркушка женился на старинной девке Красенского. Сбежав от Красенского, Меркушка снес от него на 65 р. платья, денег, «крепости многие и поместные отписи» и свел лошадь. Поставленный к допросу, Меркушка сначала показал, наперекор своим показаниям при приводе, что он «старинной и кабальной челодек суздальца Ив. Карп. Красенского и женат на старинной его девке Окулинке». Меркушка сознавался при этом даже в том, что он захватил на 22 р. с полтиной сноса и коробью, «а в коробе всякая рухлядь и крепости». У Дем. Петлина, по словам Меркушки, он «пожил некоторое время добровольно», а жена его Окулинка и сын Паршутка и сейчас у Петлина.

Затем холоп неожиданно переменял показания вторично и сознался уже в том, что он «от государя своего Дементия Даниловича (Петлина) отперся, хотячи от него стариннова холопства отбыть». «И яз, сирота твой, — заключал Меркушка, — государю своему Дементью Даниловичу виноват». Натерпевшийся «в железах», Меркушка бил челом о том, чтобы его освободили из Холопьяго приказа и отдали «по прежнему старинному холопству», — «чтобы мне, сидячи за приставом в чепи и в железах вконец не погибнуть и голодную смертью не умереть».

Тяжба кончилась мировой: Красенский помирился с Петлиным и добровольно отдал холопа.

Характерно в этом деле то, что Петлин просто игнорирует вопрос о кабале, которой, повидимому, у него и не было, довольствуясь аргументом одной только старины. Любопытно, что 20 лет пребывания Меркушки у Красенского, подкрепленные формальной кабалой и браком на старинной рабе его все-таки новой «старины» Красенскому не дали, и петлинская бескабальная старина побила его право на Меркушку, — иначе нельзя объяснить уступчивости Красенского по отношению к Петлину. Имеет показательное значение и то обстоятельство, что Приказ отнесся вполне индифферентно к «кабальному моменту» хотя формально вопрос решался совершенно убедительно фактом получения кабалы Красенским в 1629 (137) г., если уже считать не-

достаточной накопившуюся за это время крестьянскую давность, крепившую ему Меркушку.

(№ 40475)

№ 7. 1635 г.

В деле Вас. Кречетникова и жильца Матв. Поздеева мы встречаем случай формальной постановки Холопим приказом вопроса о взаимоотношении старинного и кабального холопства с признанием юридического значения и за первым.

У Вас. Кречетникова сбежала в 1634 г. его кабальная девка Дунька, вышедшая в бегах замуж за холопа Матвея Поздеева Федора. Между Поздеевым и Кречетниковым началась тяжба об этих беглых. В своих показаниях на суде 24/8 1635 (143) г. Поздеев излагал то, что можно назвать ортодоксальной точкой зрения кабально-холопского права. «Федькин отец Лучка, — показывал Поздеев, — служил у отца моего и у меня в старинном холопстве 40 лет. И как по твоему государеву уложению не велено старинных людей без крепостей держати, и я, х. т., по твоему государеву указу на ево, Федькина, отца, и на мать, и на нево, Федьку и на сестрево взял служилую кабалу тому 15 лет» (л. 15). Лучка (отец Федьки), согласно этим показаниям, был холопом Поздеева с 1580 г.

Холопий приказ, признав вопрос о Федьке бесспорным, не взял на себя решения дела о Дуньке, а «взнес» дело к боярам, поставив вопрос не о приоритете кабалы, выданной Федькой, как ждали бы мы, а вопрос о том, «по старинному или кабальному холопству отдать женку Поздееву», очевидно, признавая вес за юридически по указному праву уже отмершей холопией стариной. Решения Боярской думы мы не знаем, но характерна самая постановка вопроса, при которой Приказ счел нужным уклониться от распутывания неизбежного в таких юридических заданиях конфликта между двумя кабалами и был склонен уступить давлению владельческих понятий, придававших особое значение глубоко внедренной в сознание людей того времени идее «старины». Не видно, насколько комиссия Боярской думы была склонна уважить эту робкую апелляцию Приказа именно к старине, но Дунька была отдана Поздееву, а Кречетников получил за нее 15 р. Федька, однако, не нашел нужным дожидаться заключения приказных юриспрудентов и сбежал «из желез» еще до приговора.

Подробнее это дело изложено ниже, в § 4 под № 4.

(№ 41394)

№ 8. 1640 г.

В деле Фед. Голенищева-Кутузова и Ив. Чагина кабальный холоп тверитина сына боярского Ив. Арт. Чагина, Федька, прозвище Потапка, дав ему кабалу 17/11 1626 (135) г., в скорости, едва ли не в том же 1626 г. или в начале 1627 г., сбежал от него. На Вологде перед боярином кн. Вл. Тим. Долгоруковым Федька бил челом в холопство Фед. Вас. Голенищеву-Кутузову (кабала 19/9 1628 г.; в ней холоп называется уже не Федором, а Иваном). Через 14 лет, в 1640 (148) г. 24/6, он был пойман Чагиным в Москве в мучном ряду на Неглинном мосту. Чагин предъявил к Голенищеву-Кутузову о холопе, о его семье и о 45 р. сноса иск в Холопьем приказе. В этой тяжбе столкнулись две кабалы: старая — Чагина и новая — Голенищева, но и эта последняя тоже имела уже 14-летнюю давность. Федька держал руку Голенищева-Кутузова, на старинной девке которого он был женат (от нее он имел троих детей), и чагинскую кабалу «лживил».

Приказный протокол оставил нам портретное изображение спорного холопа Федьки: «А на том человеке платье — чекмень бел сермяжной, полукафтанишко крашенинной, худенький, крест медной, шапенка виш-

неза, худенька же. Платье — сказал — Федора Голенищева-Кутузова А в рожей тот человек плосколикой, борода островата, нос прям, глаза серы, волосом голова вчермне-руса, ус чермен, бороду бреет, на правой щеке язвина, ростом середний» (л. 22). Но в голенищевской кабале под именем Ивашки он описан не совсем так: «А собою Ивашка волосом светлорус, очи краснокари, нос прикрут, в лице шадровит, лет в 19» (л. 9).

Голенищев объяснил, что холоп при даче кабалы «наказал себе имя Ивашко Григорьев». Этим же именем он назвался и попу Давыду Семенову, который его «понавливал» в 1623 г. (131) г. «и в том же году знает его у него в холопстве». Чагин принял ссылку на попа, но только в полдшество, «а сказал: мочно де и наговорить ему, и припоить, и прикормить, а он (Чагин) де его (попа) и не знает». В распросе у суда спорный холоп показал: «...Отец де его был старинной и кабалной Федора Вас. сына Голенищева-Кутузова, и Федора де, отца его, не стало, а он после Федора бил челом Ф. В. сыну Голенищеву по старине и кабалу ему на себя дал на Вологде». В своей челобитной от 25/12 1640 (149) г. Голенищев называет Федьку уже своим «кабалным старинным человеком».

Тогда Чагин предъявил свою кабалу от 17/11 1626 (135) г., в которой содержалась иная версия судьбы Федьки. Вот эта кабала: «Ростом Федька невелик, сказался пятнадцати лет, в лице и волосом рус, глаза серы, нос перелуковат. Родина де его в Торопце, а из Торопца де отец и мать принесли во Тверской уезд к Ортемию Ивановичу сыну Чагину не велика и служили у Ортемия добровольно. Отец де его, Григорий, умер у Артемия во дворе собою, а мать де ево, Анку, казаки взяли, а он де, Федька ныне (17/11 1628 (137) г.) быт челом во двор и кабалу на себя служивую дает в дву рублях Ивану Ортемьеву сыну Чагину».

Приказ решил дело в пользу Чагина, «потому что его кабала старее кабалы Федора Голенищева..., потому что та ево Федорова кабала Ивановы кабалы моложе двема годами, а приговорили: того человека з женою и з детьми по кабале отдать Ивану Чагину в кабалное холопство, потому что тот человек по осмотру приметями против выписки из кабалных книг (и) Ивановы кабалы шелся, и Федоровой кабалы Иванова кабала Чагина старее двема годы, а по государеву указу, чья кабала старее, и в приметы человек сойдется, того и холоп...». Вместе с Федькой Чагин получил его жену и детей. В этом деле интересна позиция Приказа, ортодоксально проводящего принцип кабалной записи с отстранением всяких ссылок на старину, развиваемых и, повидому, не без оснований, Голенищевым-Кутузовым.

(№ 41748)

№ 9. 1642 г.

В деле кн. Юр. Долгорукова и Богд. Карпова Тимошка, сын старинного холопа Богд. Карпова Лукашки, на детей которого Карпов взял служилую кабалу 31/8 1641 (149) г., сбежал ко кн. Юр. Долгорукову, но очень скоро, в 1642 г., вернулся к Богдану Карпову обратно «на старину». Тимошкин отец Лукашка, по происхождению вольный человек смолянин, бил Карпову челом в холопство «тому лет с 15», т. е. около 1627 г. Поверенный кн. Долгорукова Шулепов очень легко отказался на суде от претензии на Тимошку, «потому что де он старинной Богдана Григ. сына Карпова и крепок ему по крепостям» (л. 5).

Приказ, конечно, постановил «отдать того человека в кабалное холопство».

В этом небольшом деле и сам холоп, пришедший во двор Карпова с отцом, а не рожденный во дворе у Карпова, и сам Карпов, имевший особую кабалу на Тимошку, и противная сторона (поверенный Дол-

горукова), — все одинаково с уважением относятся к правовому значению старины, в данном случае юридически совершенно излишней, раз холопство и без того было вполне оформлено кабалой.

(№ 41727)

№ 10. 1646 г.

В тяжбе Богд. Федот. Ботавина и Пав. Вас. Дурново истец Ботавин жалуется на то, что Дурново подговорил у него «старинного крепостного задворного человека Микитку Гордеева з женою з Дунькою да з детьми, с Еремком, да кабального его человека Аничку, его же Микиткина сына Гордеева». Любопытно, что в первой исковой челобитной Ботавин сына старинного холопа уже не именует старинным, а называет кабальным. В приказной грамоте, написанной одоевскому воеводе по челобитью Ботавина, термин «старинный» к Аничке то применяется то не применяется, так же, как и в других случаях официальной переписки по этому делу, но в приказном приговоре эпитет «старинный» сохранен везде. Выдержанное в документах различие между холопом-отцом и холопом-сыном не случайно: Никита Гордеев именуется последовательно «старинным крепостным задворным», а сын его Аничка везде называется «кабальным», следовательно, он не унаследовал отцовской старины. Надо полагать, что на отца, Никиту, кабалы вообще не было. Любопытно, что противник, Дурново, этим очень выгодным для него аргументом неоформленности кабалой холопства Никиты нигде в деле не пользуется.

В своих заключительных челобитных Ботавин спорных холопов юридически не квалифицирует никак, называя их просто «подговорными» (!) и только для одного Анички сохраняя эпитет «кабального», то именует их «подговорными старинными». Дурново не пользуется этим напрашивающимся аргументом отсутствия у Ботавина кабал, а просто отрицает самый факт подговора и сманивания холопов, между тем формально им закабаленных. Внимая аргументам Ботавина, Приказ решил дело в его пользу.

Дело это — пример шаткости понятия старины и, связанной с этой шаткостью, неустойчивости терминологии как у тяжущихся, так и у приказных.

(№ 41830)

№ 11. 1649 г.

В марте 1649 г. в Холопьем приказе слушалось сложное дело Волковых и Нарбековых о женке Авдотье с дочерью Анюткой, взятых людьми Фед. Нарбекова на Яузской портомойне. Авдотья 11 летней девочкой в 1626 (134) г. была отдана как старинная в приданое Алексею Степ. Собакиным за его дочерью Натальей, выдаваемой им за Сав. Потап. Нарбекова. Вскоре после свадьбы Собакиной девочка сбежала, через некоторое время оказалась во дворе дьяка Григория Волкова и была им выдана замуж. С побега Авдотьи прошло 23 года, и она (едва ли не по предварительному с Нарбековыми соглашению, мотивов которого мы не знаем) оказалась схваченной людьми Фед. Нарбекова, сына Нат. Алекс. Собакиной и, следовательно, внука того Алекс. Степ. Собакина, который в 1626 г. отдал Авдотью в приданое. Владелец Авдотьи в 1649 (157) г. немедленно «приставил в Авдотье и в Анютке» к Нарбековым и начал длинную и сложную тяжбу.

Называя мужа Авдотьи Ивашку Гаврилова сына Иевлева своим «старинным и кабальным», Волков писал: «Отец де его Гаврилко Иевлев у отца его Григорья и у него, Тихона, в холопстве и умер, а мать де его Марыща... и братья и сестры и ныне служат у отца его Григорья и у него, Тихона, в старинном и в кабальном холопстве, а жена де его Дунька Микифорова дочь с дочерью своей девкой

Анюткой с ним, Ивашком, в кабале написаны ж. А та де жонка Дунька у них в холопстве за ним, Ивашком, за другим¹ мужем, а первой де муж ее Федька Трифанов у отца его Григорья и у него, Тихона, в холопстве и умер» (л. 5).

В деле Тихона Волкова принял участие сам старый дьяк Григорий, развязно заявивший в Приказе: «А сыну своему Григорей, он, своих кабалных холопей и дать и взять волен, а он де тово Ивашка (родившегося у него во дворе) дал сыну своему, и он де на нево и кабалу взял и з женою, с тєю спорною жонкою Овдотьцею, — потому де он стал старинной и крепостной» (л. 101). В этой неожиданной декларации дьяк не постеснялся радикально разойтись с указными нормами и с Уложением (а дело слушалось ведь в марте 1649 г.!!), категорически воспрещавшими и взятие совместных кабал отцом и сыном и передачу закабаленных людей из рук в руки без предварительного выхода на волю. Заявление дьяка Григория одновременно смотрело и назад, — к той эпохе, когда право передачи полных холопов было ничем не стеснено, — и вперед, — к порядкам конца XVII или даже начала XVIII в., — когда, все виды различия между холопами разных разрядов снова исчезли и слились в одном понятии крепостного.

«..А спорная жонка в роспросе сказалась, зовут де ее Овдотьицею, Микифорова дочь, прозвище Бородулина, отец де ее и мать старинные Алексея Степанова сына Собакина» (л. 107). Женка показала, что она сбежала от Нарбековых к Волковым и была у них выдана замуж, а когда овдовела, то Волков выдал ее вторично, за другого мужа, «а старинной ли де его человек нынешний муж ее Ивашко Гаврилов сын у Григорья Волкова или кабалной, того она не ведает». Братья Авдотьи, по ее словам, продолжают служить по старинному холопству у Тимофея Алексеевича Собакина.

Казус вышел для Холопьяго приказа трудный: Волковы схватились с Собакиными и Нарбековыми, вероятно, не без расчета на чью-то сильную поддержку. Они аргументировали формальной кабалой, но кабалой, взятой на беглую старинную рабу Собакиных-Нарбековых, и при этом свою крепость опорочили и моментом совместности, введенным в кабалу, и противоуказной передачей кабалной из рук в руки. Нарбековы были «виноваты», говоря приказным языком, тем, что они не укрепили своевременно, т. е. еще в конце 1620-х гг., свою старинную девку Авдотью кабалой, — может быть, именно потому, что чувствовали себя достаточно прочными хозяевами Авдотьи и без зарегистрированной бумажной крепости. Чтобы разобраться в казусе, Приказ решил войти в дело поглубже, собрал целых 11 случаев передачи старинных холопов по данным и рядным (как некогда была передана Авдотья при выходе замуж Нат. Алекс. Собакиной за Нарбекова) и сделал в своем приговоре заключение в пользу Нарбековых.

Вникая в это показательное дело, мы видим, что вопросы о юридических нормах, регулирующих холопство, живут в мышлении людей того времени обычно в очень тусклой форме. Люди XVII в., даже искушенные в приказном делопроизводстве, как Нарбековы, Собакины и Волковы, отдают себе отчет в указных нормах холопьяго права довольно слабо. Прояснить, выявить и углубить эти нормы их заставляли лишь особые обстоятельства, например, когда разгорается судебная борьба, когда в деле оказываются замешанными сильные стороны, когда политические события властно принуждают задуматься над юридической стороной дела, как это было в те месяцы, когда издавалось Уложение 1649 г. Характерно, что даже в 1649 г. победу над кабалой, правда, скомпрометированной самоуправством Волкова,

¹ Т. е. за вторым.

при очень внимательном изучении обстоятельств данного казуса Приказом, одерживает старина. Интересно знать, как поступил бы Приказ, если бы Волковы сами не подпортили дела бесцеремонностью в обращении с кабалой, или если бы им противостояли не сильные своим служебным положением Собакины-Нарбековы, а люди меньшего веса и значения?...

(№ 41779)

№ 12. 1649 г.

В деле Ос. Квашина и боярина Ив. Вас. Морозова разбирался вопрос о старинных холопах боярина Ив. Вас. Морозова — Гаврилке и Тимошке Масловых, живших у кн. Авд. Вас. Черкасскэй (сестры Морозова?). «После живота ее, государыни своей, — как показывали сами холопы в Приказе — бежали (мы) с ее двора в 1646 (154) г., и дали мы на себя служивые кабалы стольнику Осипу Мих. Квашнину, а сказались мы, сироты твои, у кабал, утая свое старинное холопство, вольными людьми», — «а мы, сироты твои, по старине винны и крепки в холопстве боярину Ив. Вас. Морозову» (л. 3).

И. В. Морозов предъявил в 1649 (157) г. к Квашнину иск, объявляя холопов в своем челобитье своими «старинными» и требуя их возвращения к себе во двор «по старине и по винке» (л. 1). Боярин не счел нужным предъявлять на холопов какие-либо документы (их, вероятно, и не было); не потребовал их к Морозова и Приказ, находя, повидимому, ссылку Морозова на старину достаточной. Конфликт «своих людей» Морозова и Квашнина кончился разделом между ними двух беглых холопов по соглашению поверенных той и другой стороны, выступавших в Приказе.

(№ 42143)

№ 13. 1651 г.

В деле Петра Рыбина и Ив. Дм. Солнцева обстоятельства дела были таковы. Семье Игнатьевых в двух поколениях (дед Иван, сынновья Федор — постельник царя Михаила и Григорий) принадлежали по старине холопы Строевы в трех поколениях: Савин, сын Савина Матвей и сын Матвея Семен (внук Савина), в 1640-х гг. уже взрослый и имевший семью. По свидетельству выступавшего в процессе племянника Федора Ив. Игнатьева, Афанасия Игнатьева, у его дяди Федора Ивановича Игнатьева «крепости на того Матюшку никакие нет, потому что тот Матюшка старинной отца его Федорова (т. е. деда Афанасия) Ивана Игнатьева и его Федоров» (л. 8). В Московское разорение, а по словам Матюшки даже еще раньше, — при царе Борисе, Савин Строев, «сошел от Федора Игнатьева,¹ кормился в мире», служил в разруху где-то с казаками, а затем, «показаковав», бил челом во двор к малоярславцу Петру Рыбину, имевшему, судя по составу его поручителей в тяжбе, поместье и в Галиче. У Рыбина Савин прослужил добровольно лет 20, дав ему в 1637 (145) г. и служилую кабалу на себя. Но в том же 1637 (145) г. с Рыбиным произошло неприятное приключение: запутанный в какое-то государево дело, связанное с убийством Ив. Молчанова, Рыбин был схвачен вместе со своими холопами, пытан и сослан в Сибирь. Невольный участник этого дела, как холоп Рыбина, Матвей Строев тоже сел в тюрьму, но за него вступился его прежний influentialный хозяин, постельник Фед. Ив. Игнатьев. По челобитью Игнатьева, «для его безлюдства», Матвей был отпущен из тюрьмы и по личному государеву указу «по старинному холопству» возвращен Ф. И. Игнатьеву, причем в своей челобитной Игнатьев ссылался и на то, что «он де, Матюшка,

¹ Сам Матвей, по его показаниям, «сошел мал».

и сам к нему хочет». У Матвея в это время были дети «Сенька, да Митька, да девка Антонидка». Но вскоре после смерти своего сына Федора Ф. И. Игнатьев всю семью Строевых отпустил на волю. Произошло это, повидимому, весной 1650 г. Сын Матвея Семен с сестрою Антонидою плохо использовали свою свободу и 24/5 1650 (158) г. снова били челом во двор к Ив. Дм. Солнцеву. Между тем, «освободившийся» от опалы Петр Рыбин, не возражавший против возвращения формально закабаленных им в 1637 г. Строевых к Игнатьеву «по старине», опротестовал их закабаление у Солнцева и начал против Солнцева дело.

Попав между двух хозяев, Рыбина и Солнцева, холопы Строевы держались в процессе уклончиво, и Матвей даже называл себя «старинным холопом» Рыбина. В марте 1651 г. дело выиграл Солнцев, — за том основании, как гласил приказный приговор 8/3 1651 (159) г., что по Уложению «старых вершенных дел перевершивать не велено». Очевидно, Приказ полагал рыбинскую кабалу аннулированной ссылкой в Сибирь Рыбина и выдачей холопов из тюрьмы Игнатьеву по старине. Солнцев в своей аргументации ссылался на то, что кабала, выданная «в бегах» Рыбину Строевым, старинным (хотя бы и бескабальным!) холопом Игнатьевым, была вообще не действительна, и Приказ процитировал это соображение Солнцева в своем приговоре.

«В вину» Рыбину Приказ поставил и то обстоятельство, что он не бил челом на Игнатьевых о возвращении ему Строевых непосредственно после снятия с него опалы. Допуская этим переход Строевых к Солнцеву, Приказ выдал их Солнцеву по отпускной Игнатьева, явленной в Холопьем приказе, и по новой кабале 1650 г.

Доказывая недействительность солнцевской кабалы, Рыбин называл Строевых, — очевидно, во имя прожитых ими у него 20 лет, — своими «и старинными и кабальными», но Приказ этому аргументу не внял, несмотря на то, что спорный холоп Матвей, судя по приказному протоколу судебного разбирательства, присоединился к Рыбину и тоже называл себя его старинным холопом.

В этом деле интересно обращение со стариной и сторон, и спорного холопа, и Приказа. Во имя старины Ф. Игнатьев извлекает из тюрьмы и получает обратно своих бывших бескабальных холопов, формально уже закабаленных Рыбиным; во имя своей двадцатилетней старины Рыбин тянет их к себе, впрочем, благоразумно подкрепив старину кабалой, а Приказ уважает старину в правах Игнатьевых, но намекает на то, что Рыбин своевременно мог ее оспаривать и побивать взятой им служилой кабалой. По смерти сына Ф. И. Игнатьева Строевы, не укрепленные Игнатьевым после выпуска их из тюрьмы по опальному делу Рыбина и переданные им, повидимому, его сыну Федору Федоровичу, выходят на свободу, как выходили и кабальные холопы, и выход их подкрепляется особой отпускной, засвидетельствованной в Приказе.

Из этих наблюдений мы видим, что понятие старины в полном ходу и в эпоху Уложения, — Приказ и стороны уважают и признают его; хотя и понимают по-разному, — капризно и непоследовательно. По смыслу приказного приговора Рыбин мог бы опротестовать игнатьевскую старину, если бы сделал это немедленно по своем возвращении из сибирской ссылки и предъявил бы Приказу взятую им кабалу. Как поступил бы Приказ в этом случае, мы угадывать не беремся, тем более, что характер молчановского опального дела и смысл причастности к нему Петру Рыбина нам неизвестны.

(№ 42261)

№ 14. 1651 г.

В деле стольника Гр. Вас. Ляпунова и кн. И. С. Прозоровского (в недалеком будущем боярина) спор шел о семье холопов Наустрое-

вых. По смерти Вас. Ляпунова, отца Григория, Неустроевы 11/1 1643 г. перешли в кабальное холопство к кн. И. С. Прозоровскому, причём кабала была выдана Неустроевыми мужем и женой не только на самих себя, но и на дочерей Прасковью и Анну.

20/1 того же 1643 г. Прасковья Неустроева бежала со двора Прозоровского обратно к Гр. Вас. Ляпунову, сыну прежнего господина, и была им выдана замуж за его «старинного и кабального» холопа Григория Терентева. Прошло 8 лет, и в январе 1651 г. Гришка Терентьев, привезший в Москву Ляпуновым хлеб, был пойман на Знаменке человеком Прозоровского и доставлен в Холопий приказ как женатый на беглой крепостной Прозоровского. Извещенный об аресте Гришки, Гр. Ляпунов бил челом об изъятии дела из Холопьяго приказа, в котором в это время сидел кн. Волконский, враждовавший с Ляпуновым, и дело было перенесено в Устюжскую четверть.

Протокол привода Гришки сохранил нам и описание его костюма: «Платье на нем — шубенка овчинная, шапенка овчинная ж под сукном, рукавицы з вареги, крест оловяной, штанишка суконные серые, ножишка, денег нет; платья, сказал, свое» (л. 10).

Засадив Гришку, Прозоровский стремится зацепить через него и всю семью Неустроевых, не начиная, однако, как бы следовало, с иска о Парашке. «Старинный и кабальный холоп» Ляпуновых Гришка подвергается аресту в Приказе за то, что господин женил его на беглой кабальной девке Прозоровского, в то время как Парашка оказалась закобаленной только потому, что родители включили ее в свою кабалу; из дела даже не видно, была ли она в момент закобаления юридически совершеннолетней. Такая расправа Прозоровского с Гришкой была возможна, очевидно, только благодаря московским связям Прозоровских. Однако Прозоровский особой настойчивости в продвижение дела не внес, а Гришка не стал дожидаться юридической развязки и через два месяца, 11 марта того же 1643 г., сбежал из узилища Холопьяго приказа. В дальнейшем по челобитью Ляпунова дело было перенесено в Устюжскую четверть. Оно находилось в приказном делопроизводстве в общей сложности более семи лет (по 1650 г.), но конца его не имеем, и чем оно кончилось, неизвестно. Отметим, что эта тяжба представляет собою один из трудных юридических казусов холопьяго права, в массе вариантов возникавших тогда перед приказными юристами.

(ПДСЛ, 1651 г., № 5)

№ 15. 1652 г.

В деле Аф. Лаврова и Фед. Протасьева обстоятельства заключались в следующем. Старинная вдовая женка жильца Фед. Вас. Протасьева, Настасья Матвеева, бежала с девкой Анюткой Ерофеевой в Белевский уезд к Аф. Лаврову. Вдовая женка в бегах вышла замуж за кабального холопа Лаврова, Петрушку Максимова. Девка на суде показала, что зовут ее Анюткой, Ерофеева дочь; ¹ мать ее зовут Овдотьицею, Иванова дочь; прослуживцы они Фед. Вас. Протасьева по старинному холопству; отца ее не стало у Фед. Протасьева во дворе тому «лет з 10», а мать ее, Анюткина, и ныне во дворе служит по старинному холопству у Фед. Протасьева; четыре брата и сестра Хавроньица тоже служат во дворе у Фед. Протасьева; после своего побега от Протасьева Анютка жила добровольно в Белевском уезде у вдовы Дарьи Лавровой. Настасья тоже показала, что она старинная раба Фед. Вас. Протасьева и отца его Вас. Мих. Протасьева; у отца его, Федорова, и у него, Федора, она, Настасья, в старинном холопстве и родилась и «была де от него, Федора, замужем за старинным его человеком, за Афоньюю

¹ На Анютке платье: «сарафанишко крашенниной, лазорев, сергыи серебряны, двсе четки, крест медной, сапоги телятинные».

Афанасьевым...»; отец и мать ее продолжают служить у Федора во дворе.

Сначала стороны склонны были разойтись полюбовно, разделив Настасью, Анютку и Петрушку по принадлежности, т. е. вернув Настасью и Анютку Протасьеву, а Петрушку оставив у Лаврова; но Лавров уговора не соблюл и, возвращая Настасью, Анютку удержал у себя, причем каждая сторона, и Протасьев и Лавров, называют спорных холопов своими «старинными». Приказ потребовал, чтобы Протасьев положил на Настасью в старине крепость и дал свое юридическое разъяснение по поводу старины. Протасьев показал, «что той де его старинной беглой рабы Настасицы дед ее, Ивашка Семенов, служил деду его Михайлу Протасьеву и отцу его Василью Протасьеву по старинному холопству, и дед де ее у деда его и у отца в старинном холопстве и умер, и отец ее, Матюшка Иванов, з женою своею з Дарьицею и з детьми... и ныне служат у него, Федора, по старинному ж холопству; а та ево беглая раба Настасица была замужем у него, Федора, за старинным ево человеком, за Офонькою [Афанасьевым, и прижила с ним сына Фатюшку, и тот ее муж у него, Федора, в старинном холопстве и умер; а после мужа своего она, Настька, бежала, покиня сына своего Фатюшку; а сын ее, Настькин, и ныне служит у него, Федора, по старинному ж холопству».

Решение состоялось в пользу Протасьева, получившего, кроме Настасьи и Анютки, еще и Петрушку, причем Лавров и сам признал, судя по протоколу судебного разбирательства, справедливость выдачи Петрушки, неосторожно женатого на беглой, своему противнику Протасьеву.

В этой тяжбе обращает наше внимание беспечность Лаврова, не поспешившего пресечь протасьевской старины взятием кабалы, что, казалось бы, подсказывала элементарная осторожность. Так или иначе, но старина Протасьева победила силу лавровской кабалы, по которой Петрушка был ему крепок.

Дело это с точки зрения вопроса о браке между холопами изложено ниже, в § 4 под № 10.

(№ 42336)

№ 16. 1652 г.

В тяжбе между Бор. Бибиковым и Ив. Масловым истец Бибиков дает интерпретацию соотношения между стариной и кабалным холопством. Бибиковский кабалный холоп Алешка (он же Ивашка и Федька), сын бибиковского холопа Бориски, в 1650 (158) г. дал Бибикову кабалу на Рязани, затем сбежал от него и новую кабалу дал в том же 1650 г. бежечанину Маслову. Не положив на Алешку (Ивашку-Федьку) никакой крепости, Бибиков упорно твердил суду в своих показаниях, что Бориска, отец Алешки, с детьми, в том числе и со спорным Алешкой, крепок ему и по кабалному холопству и по старине, из кабалного холопства вытекающей. Факт своего рождения во дворе у Бибикова от кабалного бибиковского холопа подтвердил на суде и сам спорный Алешка.

Не оспаривая принципиально крепости по старине, Маслов обрушивался только на отсутствие доказательств этой старины. «А старины, государь, — заявлял в своих челобитных, жаловавшийся на волокиту со стороны Бибикова, Маслов, — тот Борис (Бибиков) на отца его, Ивашкова (Алешкина-Федькина), на Бориска, и на мать ничего не положит», — разумея под стариной какой-то крепостной документ, вроде полной купчей, даной и т. д.

Конца дела не сохранилось, и мы не знаем, на сторону какой из кабал склонилось решение Приказа, хотя нормальный ход рассуждений должен был дать перевес приоритету бибиковской кабалы. Момент старины фактически явился здесь аксессуарным, но существенно то,

что и Бибиков неустанно твердит о ней, и Маслов не отвергает ее в принципе, требуя только формального ее подтверждения, в то время как простой справки с кабалами было бы вполне достаточно для того, чтобы решить тяжбу без всякого обращения к старине. Но и сторона, апеллирующая к старине, Бибиков, считает подтверждение старины новой формальной кабалой обязательным моментом, отсутствующим в данном случае только потому, что Алешка со своим отцом был 14 лет в бегах (в Казани) и не мог быть своевременно доставлен в Приказ для оформления старинного (по рождению) холопства кабальной записью.

Подробнее это дело изложено ниже, в § 3 под № 6.

(№ 42391)

№ 17. 1660 г.

В большом процессе между сытником Ив. Гавр. Коробовым и Макс. Ник. Телегиным и в челобитных и в протоколах проводится отчетливое различие в квалификациях категорий холопства и вольных слуг. Так, отрицая наличие у себя некоего спорного холопа Максимки, Телегин пишет: «У него, Максима, и у отца его, у Микиты (Телегина), тем именем человека Максимки ни кабальнова, ни стариннова, ни вольнова нет и не бывало...» (л. 29). При взятии Коробовым кабал опрашиваемые лица «сказались старинные ево люди, еще у отца ево служили» (л. 46 и сл.). В своих «письменных речах» И. Г. Коробов пишет:

«В прошлом во 131 (1623) году отец их Федька и мать их били челом, отца моево после смерти, мне в службу и дали на себя кабалу. А они, Панька и Климка, породились в том кабальном холопстве. И в прошлом во 147 (1639) году отец их Федька со всеми детьми своими, и с ними, с Панькою да с Климкой, от меня бежали к Микифору Нащекину. И я их вынял у того Микифора в вотчине с приставом и приведены в Приказ холопья суда. И в приводе мне в холопстве винулись и крепости на тех людей своих (я) к приводу приложил, и взяты с них списки. И в прошлом во 148 (1640) году в феврале месяце те люди мне отданы из Приказу холопья суда по старине и по крепостям. А тот Панька в той отдаче описан и пошлины головные взяты. А Климко да Исачко и девка Паланка в то время были малы и в Приказе холопья суда не ставлены, потому что их на Москве не было» (л. 70). Девку Паланку Коробов называет только «своей старинной крепостной девкой», так как письменной кабалы на нее у него не было (л. 78). Протокол дела гласит: «Бежали от него кабальной ево и старинный человек Федька Грачев...» (л. 16). Вдова Максима Телегина Акулина сказала: «По какой крепости тот человек Климка Грачев з женой и з детьми и брат его Пашка у мужа ее по какой крепости служили в холопстве, и она про то не ведает, а слышала де у мужа своего, у Максима, — в тех людях, в Климке и в Пашке, был суд в Приказе холопья суда с Ив. Гавр. сыном Коробовым; и после суда тот Климка и Пашка отданы в холопство мужу ее Максиму Телегину, и тот де Климка служил у мужа ее по его Максиму (Телегина) смерть... А мужа ее Максима Телегина в том человеке, в Климке, с женою и з детьми ей приказу при смерти не было, чтобы их свободить на волю» (лл. 19, 20 и сл.). В юридической фразеологии этого процесса 1649—1650 и 1660 гг. терминологические различия производятся довольно отчетливо, хотя Акулина Телегина и считает себя в праве не знать требований указов и Уложения об обязательном выходе на волю кабальных холопов по смерти господина.¹

(№ 42020)

¹ Обстоятельное изложение этого весьма показательного дела см. в гл. VI.

В изложенных выше тяжбах отразился совершенно неизбежный, с нашей точки зрения, конфликт между понятиями архаической старины и новаторской идеи обязательной кабализации, как основного критерия прав холоподержателя на холопа или рабу. Мы наблюдаем, что во всех семнадцати процессах, в которых в том или другом повороте возникал вопрос о взаимоотношении между стариной и кабалой, тяжущиеся стороны с замечательной последовательностью признают вес за ссылкой на старину. Мы не встретили в изученных нами тяжбах ни одного случая, когда ссылка одной из сторон на старину получила бы в ответ принципиальный отпор, требующий коренного устранения аргумента, опирающегося на старину: ее оспаривают, но лишь условно и *ad hoc*. Стариной аргументируют в пользу того или другого потенциального хозяина даже и сами холопы, поскольку им приходится участвовать в процессах в качестве сторон (например, в деле Петлина и Красенского, № 6). В некоторых случаях стороны, получив приговор Приказа на основании кабал, сейчас же после процесса, не выходя из приказной избы, перерешают дело по старине (например, дела Боркова и Селунского, Плещеева и Завесина, №№ 2 и 3).

Приказ, судя по протоколам дел, обычно терпеливо выслушивающий аргументацию сторон касательно старины, как фундамента их прав, в некоторых случаях сам становится на точку зрения признания старины, как *ultima ratio* в решении разбираемых им казусов. Таково дело Поздеева и Кречетникова (№ 7), которое Приказ, правда, перенес в боярскую комиссию, но, несомненно, с благоприятным для старины заключением. Приказ относится вполне уважительно к аргументам старины в деле Карпова и Долгорукова (№ 9), хотя этот аргумент по ходу тяжбы является здесь и совершенно ненужным. В деле Ботавина и Дурново (№ 10) на старине, при игнорировании вопроса о кабахах, основано Приказом самое решение дела. В деле Лаврова и Протасьева (№ 15) старина открыто пересиливает кабалу.

Для характеристики понимания сторонами и Приказом вопроса о взаимоотношении старины и кабалы особенно показательны тяжбы боярина И. В. Морозова и Квашнина (№ 12), Волковых и Нарбековых (№ 11). Здесь старина, защищаемая, — конечно, в свою пользу, — такими влиятельными лицами, как боярин Морозов и окольничий Нарбеков, встречает услужливую поддержку Приказа.

Аргумент старины Приказ отклоняет только в двух случаях: в деле Боркова и Селунского (№ 2), где приказные юристы не отказали себе в удовольствии развить вразумительное толкование в смысле известных указов 1597 г. и др. о значении кабальной регистрации, и в деле Чагина и Голенищева-Кутузова (№ 8), когда при столкновении двух кабал стороны начали ссылаться на старину. Приказ отверг эти соображения, вернув вопрос на точку зрения формального холопского указного права, что, строго говоря, он должен был бы проводить сначала и до конца, не боясь задеть бояр Морозовых и окольничих Нарбековых. Любопытна точка зрения, развитая в процессе Бибикова и Маслова: по мнению Бибикова старина вытекает из кабалы как бы автоматически, т. е., другими словами, кабальное холопство фактически приравнивается старинному. Это, несомненно, и было затаенной мыслью холоподержателей, недовольных скользкостью «кабального» холопского права, действовавшего всерьез в течение, быть может, двух-трех десятилетий и фактически отвергнутого уже в эпоху Уложения, хотя, как нам приходилось отмечать выше, Уложение и твердит его формулы.

Как ни скромны были правовые понятия московских людей того времени, мы не можем свести их блуждания в этих юридических казусах на одно только отсутствие юридического рефлекса, на отсут-

ствие того, что юристы называют «преципитацией к понятиям». В деле Коробова и Телегина, например, мы видим, как тонко они различают категории своих слуг. Характерна, наконец, самая аккумуляция аргументов, избобляющая известное беспокойство людей того времени за прочность юридического фундамента: приведя аргументы старины, они прибавляют к ним и аргументы кабальных оснований прав на холопов. Так было в делах Ляпунова и кн. Прозоровского (№ 14), Коробова и Телегина (№ 17).

§ 3. ХОЛОПЫ ДЕТИ

№ 1. 1622 г.

Дело суздальца «непослуживого» сына боярского Василия Кишкина и человека кн. Ив. Вас. Голицына, Буяна Панова, от 1621 (129—130) г., возвращает нас к эпохе «Московского разоренья», т. е. к 1611 (119) г. На московском пожарище Иван Андреевич Каземеров подобрал бродившую в русских таборах девочку Феклу. «Вышла она от литовских людей из Москвы... И он де, Иван, — показывал в Приказе Каземеров, — тое девку себе и взял, потому что сказалась вольная» (л. 12). Прошло 6 лет, и Каземеров, выдавая свою дочь замуж за суздальца Захария Кишкина, включает Феклу в приданое как свою старинную рабу, причем, «даную» писал церковный дьячок села Котцына Федька Иванов (л. 12), хотя по показаниям самого Каземенова девочка служила безо всякой крепости. По словам Феклы, служила она «у Зах. Вас. сына Кишкина лет с 5 по приданому холопству, а дал де ему, Захарью, в приданые за дочерью своею Иван Андреев сын Каземеров девкою, а выдол де ее замуж Зах. Кишкин за человека своего, за Федьку, тому 4 года (т. е. в 1618 г.); а у Ивана де Каземенова служила с Московского разоренья; а взял де ее он, Иван, на Москве после пожара, а она де на Москве после пожару помирала голодом; и служила она у него по та места, как он, Иван, дочь свою выдал замуж за него, Захарья (Кишкина), добровольно, крепости у него на нее никокие не было; — а до Московского разоренья она, жонка, ни у кого не служизала», она жила с матерью на воле, кормилась по миру, «платья мыли и работали». «А отец де ее какой человек был, и она де своего отца не помнит» (л. 10). На женке платья — «шубенка да сорофаненка синь, шапка комчата двоюличная, серьги серебряные, камень червец, крест серебряной; денег у себя не сказала; на робенке кошулченка заячья худа» (лл. 10—11).

Другую версию развил претендовавший на Феколку человек кн. Ив. Вас. Голицына Буян Панов, утверждавший, что Феколка жила у него «маленькой» еще до Московского разоренья. По словам Буяна, Фекла сбежала от него в 1611 (119) г., «в великое говенье на пятой неделе в четверг» (л. 17), и тогда-то ее и подобрал Каземеров. Девочке было в ту пору только 12 лет, но она будто бы снесла от Буяна 20 р. денег, шапку «участковую золотную женскую, цена шапке 5 р., да чепочку женскую серебряную, на ней 5 крестов серебряных золочены, да крест золот, цена чепочке и крестом 4 р., да 3 перстни серебряных золочены, да перстень золот с яхонтиком, цена перстням полчетверта (т. е. 3½) рубли, да телогрею женскую белью под дорогами под желтыми, нашивка — пуговики серебряные золочены, цена 10 р., да ожерелья жемчужная женское с пуговицами, цена 10 р., — и всего снесу снесла та девка на 50 на 2 р. с полтиною» (лл. 1—2). Размер этого сноса говорит о зажиточности Буяна, холопа кн. Голицына, и, если обвинения в сносе были правильны, — об исключительной бойкости Феклы.

Юридически позиция Буяна была совершенно несостоятельна, ибо у него никакой крепости на Феклу не было (иначе он, конечно, на нее

сослался бы), да и не могло быть, так как 12-летняя девочка не имела права ее выдать. Но вместо того, чтобы стать на такую позицию, Кишкин отвечал совершенно неожиданным детским аргументом: девки Феколки у него никогда не было, а была девка Феклица! Буян не остался в долгу перед Кишкиным и начал утверждать, что Фекла его приданая...

Приказные судьи «Семен, и Иван, и дьяки Потрекей и Филип спросили ответицы жонки Феколки: как тебя в даную он, Иван (Каземеров), Захарью (Кишкину) написал, какою крепостною?», — этим сразу нащупав юридически слабое место дела, Феколка отвечала, что «она тово не ведает, какою крепостною ее даную написал (Каземеров)». На дополнительный вопрос Буяна, как звали ее мать, Фекла отвечала: «Мать де у ней звали Матренкою, а чья дочь тово не упомнит; а где она родилась, и она тово не ведает». Тогда Буян внушительно заявил, что мать Феколки продолжает жить у него.

Конца дела и резолюции, к сожалению, не сохранилось, и трудно угадать, какой из сторон, одинаково не имевших на Феклу права, Приказ отдал спорную женку. Но едва ли можно сомневаться в том, что самого простого и естественного вопроса об отпуске Феклы с ребенком на свободу и не возникало; не видно, чтобы и сама женка дерзнула поставить этот вопрос. Речь шла не о том, вернуть ли Фекле ее свободное состояние (даже мать ее не была рабой, и родилась она не в холопстве матери, — иначе Буян кзырнул бы этим!), а только о том, кому из двух незаконных держателей ее выдать.

(Л^д 39910)

Л^д 2. 1642 г.

В деле Сем. Колтовского и Терент. Ромейкова «старинный дворовый человек», по определению истца Ромейкова, стряпчего сына боярского Коломенского епископа, Гришка, бежал со своей семьей из «старинной деревни» Ромейкова и 11 лет жил в Каширском уезде во крестьянах за патриаршим боярином Сем. Вас. Колтовским. «Старинная деревня», как определял свою вотчину Ромейков, была домовою вотчиною «епископля жалованья». «А в моей старинной деревнишке, — писал он, — чем владел дед и отец мой, полупустоши Молзина, Выглова то ж, Гришка написан старинным дворовым человеком» (л. 5). По словам самого Гришки, не отрицавшего факта бегства, побег относился ко временам очень давним: «сбред» он еще в Московское разорение 32 года тому назад (тяжба происходила в 1642 (150) г.). В доказательство своих прав Ромейков положил кабалу 1632 (140) г., взятую им на Гришку в Коломне. Через своего поверенного, племянника Никиту Колтовского, ответчик выдвинул ссылку на крестьянскую давность, по которой он и полагал крепким себе Григория, жившего с семьей в его деревне «другойнадесятый год».¹

«И истец Терентий, — значит в протоколе, — против ответчиков речей сказал: вольно де ему сказать хоть и 20 лет». Но из дела видно, что Гришка бежал следом за (насильным?) взятием на него в марте 1632 (140) г. кабалы, которую Никита Колтовской называл взятой «за очи» (л. 8). Никита Колтовской справедливо указывал при этом, что Ромейков называл Гришку своим дворовым старинным по писцовым книгам, а потом «положил другую крепость, сверх книг, — кабалу» (л. 8).

В этом деле столкнулись две старины: старина крестьянская давностная у боярина, хотя и патриаршего, и старина холопья дворовая у сына боярского. Перед лицом целого клана Колтовских, сидевших в разных московских учреждениях, Холопий приказ стал на сторону не

¹ Урочные годы в 1642 (150) г. равнялись, как известно, 10 годам.

боярина Колтовского, а сына боярского Ромейкова, и, снесясь с Поместным приказом относительно состава населения в вотчине Ромейкова, постановил: «Отдать жонка к мужу и детей к отцу и к матери» (л. 28). Больше того, Приказ пошел даже на необычное юридическое комментирование ромейковской кабалы. Кабала была на 18 р., а упомянуты в ней были только четверо (родители и двое детей). Выяснив из расчета пошлин (3 р. на человека), что кабала 140 г. должна была писаться не на 4, а на 6 человек, Приказ своим приговором в пользу Ромейкова охватил уже всю семью Гришки.¹

Приказ не остановился перед очевидным отсутствием у Ромейкова формальной кабалы на всю Григорьеву семью, сочтя достаточным для решения дела «дворовой старины», приовненной им к старине холопьев. Приказ совершенно обошел вопрос, во всяком случае спорный, о праве Ромейкова кабалить своих крестьянских детей да еще в малолетнем возрасте, игнорировал правотворчество крестьянской давности, на которую ссылался Колтовской, «потому что он, Микита (Колтовской), Семеновы (т. е. боярина Колтовского) крепости во крестьянстве на того человека никакой не положил» (л. 26). В решении отдать детей родителей звучит, как будто, совсем необычная для Приказа гуманность («отдать к отцу и матери»), но по аналогии с другими случаями можно очень усомниться в том, что именно гуманность, а не какая-то нам не видная, закулисная протекция Ромейкова руководила юристами Холопьевого приказа.

Колтовским пришлось представить в Приказ всю семью Гришки, причем оказалось, что дочь его Варька «от Семена из деревни збежала... Как де прислал по них Семен Колтовской, и она де, испужався, из деревни, где жили, сбежала». «А на тех людях, — описывает приказный протокол, — платьишко: на жонке на Татьянке шубенка да кафтанишко; на дочери Матрюшке кафтан сермяжной да котман красной, серьги серебряные; на сыне Фильке кафтан шубной, шапенка овчина, лазоревая; на Ондрюшке кафтан овчиной, крест медной. Платья, сказали, все свое».

Приказ упустил в настоящем деле случай отстоять без особого геройства принцип крестьянства, в недалеком будущем настойчиво проведенный Уложением 1649 г.

(№ 41742)

№ 3. 1643 г.

Запутанный казус предстал перед Холопьем приказом в тяжбе дворян московских Ив. Ст. Велкова и Фед. Мих. Мякинина.²

Уезжая в 1635 (143) г. воеводой в Красноярск, Мякинин оставил у своего тестя Ив. Андр. Старинского³ «Казыевского полону» девку татарку Зинку, которую Старинский без него выдал замуж за Алексея Казимерского. В отсутствие Мякинина Старинский погиб,⁴ а Казимерские после его смерти, 16/8 1638 (146) г., били челом во двор к Ив. Степ. Велкову, — брату жены Старинского, Марьи Степановны, — во дворе у которого родилась их дочь Сашка, иногда именуемая в

¹ «Ростом Григорей середней, волосом рус, борода вчермнеруса, очитсеры, нос отлого вскорос» (л. 20), а его сын Филимонко «плосколик, нос немного вскорос, глаза серы, волосом голова руса, ус светлорус, бороду и брудии бреет».

² Двор. моск. Фед. Мих. Мякинин — письменный голова в Тобольске (141 г.), потом воевода в Красноярске (143 г.). В 1647 (155) г. он был приставом у польского посла, в 1648 г. — у голландского, а в 1649 г. — приставом у иерусалимского патриарха (ДР, *passim*). В 1638 (146) г. у него значилось 97 дв. (Боярская № 14, л. 201 об.). — Ив. Степ. Велков (или Вельков) — двор. моск. (ДР). В 1638 (146 г.) за ним значилось 28 дв. (Боярская № 14, л. 126 об.).

³ У двор. москв. Ив. Андр. Старинского в 1638 (146) г. значилось 40 дв. (Боярская № 14, л. 201 об.). И. Старинский и Казимерский (см. ниже) — русифицированные поляки.

⁴ Старинского убили «воровские люди», — повидимому, разбойники (л. 23)

деле Анюткой. Анютке в момент возникновения дела, в 1643 (151) г., было 5 лет. Вернувшийся со своего красноярского воеводства Мякинин, не имея никаких крепостных документов на Зинку, начал, однако, оттягивать чету Казимерских с дочерью Сашкой. Так как Велков Казимерских возвращать Мякинину не собирался, то началась тяжба, сначала перед двумя «третьими». В «третьи» пригласили дьяка Анисима Трофимова, выбранного Велковым, и Афан. Нестерова,¹ указанного Мякининым.

«Третий» Ан. Трофимов составил 28/6 1643 г. решение в пользу Велкова и против Мякинина. Аргументы Ан. Трофимова в пользу Ив. Велкова заключались в следующем: 1) В исковой челобитной Мякинина не было написано, и на суде Федор Мякинин не сказал, «почему та девка крепка (ему) полоном» (л. 3). 2) После смерти Ив. Старинского Казимерские «учинились свободны его, Ивановой, смертью» и, следовательно, кабалу Ив. Велкову дали «из воли, а не неволею» (лл. 3—4). 3) Зинка, будучи «прямой, его Федоровой» (Мякинина) по замужеству стала рабой Ив. Старинского, после смерти которого учинилась с мужем свободной. 4) В исковой челобитной Мякинин написал, что оставил Зинку для береженья у своего тестя Ив. Старинского, «а в ссылках написал: оставил у тестя своего и у жены его Марьи». Так как Ивана «не стало», а жена его Марья жива, «то, ему, Федору, ныне доведца тое татарки искать не на Иванове жене Старинского, а на своей теще, на вдове Марье». Если бы они «прочили» девку зятю своему Федору, они должны были бы и крепость взять на его имя. 5) Ссылка Мякинина на попа Никиту в том, что он Зинку крестил, поновлял и причащал неосновательна: «до отцов духовных, до попа Алексея и до попа Никиты, дела никакова не дошло, и допрашивать их не довелось». 6) Ссылка Мякинина на то, что Казимерские, не имея отпусковой от Марьи Старинской, кабалы на себя Велкову давать не могли, неосновательна потому, что кабальные холопы выходят после смерти господ на волю по государеву указу и без отпусковой. 7) Наконец, ссылка Мякинина на частное письмо Старинского, из которого якобы нужно было заключить, что Зинка взята была им только на время, «для береженья», не имеет силы, вследствие сомнений в подлинности руки Старинского.

В своем решении, поданном 5/7 1643 (151) г., «другой третий» (по приказному выражению) Афан. Ив. Нестеров приговорил «в той татарке Зинке с дочерью, з девкой Сашкою, исца Федора Мякинина оправить, а ответчика Ив. Велкова обвинить» по следующим мотивам: 1) Иван Велков сказал, что жена Ивана Старинского, Марья, Зинку отпустила на волю, но ссылался на свидетельство Марьи только «в послушество, а почему в послушество слался, по какой недружке,² тово не сказал»: 2) «и то ему Ивану (Велкову) вина»: он сначала заявил, что Марья отпустила Зинку, а потом на Марью «слался в послушество», 3) «да и то ему, Ивану, вина»: он заявил, что Зинку дал Ивану Старинскому Мякинин, а в «опчей ссылке» на

¹ Анисим Трофимов — заметное лицо в московском служебном мире: он сиживал и в приказах, побывал дьяком в Томске, а впоследствии — на Валуйке и в Смоленске. По ДР он замесен с 1633 по 1655 г. В 1638 г. у него числилось 81½ дв. (Кн. по Галичу № 4, л. 307). Афан. Нестеров — стряпчий, потом (170 г.) стольник, думный дв. (183 г.), посол в Польше, Турции (ДР, *passim*). Называемый в деле Афанасием, Нестеров, быть может, назывался также и Иваном? Тогда это другое лицо: в 1613—1625 гг. — приказный и осадный голова в Дмитрове, с 1627 г. дьяк (между прочим в 1639 г. — в Стрелецком приказе). У этого Ивана Нестерова было 32 дв. (Кн. по Галичу № 4, л. 269). Вероятнее, что арбитром был выбран дока-дьяк, а не молодой стряпчий Афан. Нестеров.

² Ссылка «в послушество» была ссылкой осторожной и неуверенной, в противоположность «ссылке из виноватых». В первом случае ссылавшийся указывал на некоторую относительную ценность свидетеля, а во втором — предлагал решить дело целиком согласно показаниям указываемого им свидетеля.

«грамотку»¹ Старинского написано, что Зинка принадлежала Мякинину, а не Старинскому; 4) «и то ему, Ивану Велкову, вина»: он сказал, что у росписи по-русски рука Ивана Старинского, а одна ли рука у росписи и в «грамотке», он, Велков, будто бы, не знает (по экспертизе площадных подъячих «рука» оказалась действительно одна); 5) «в душевной своей сказке» (т. е. под присягой) Ф. Мякинин показал, что Зинку он взял в Казыеве походе, «а Ивану Старинскому той татарки Зинки не отдаывал и не продаывал», и «душевная сказка» Мякинина в этом случае «сошлась» с «грамоткой» Ив. Старинского; 6) право Мякинина на Зинку подтвердил и духовный отец Старинского, поп Алексей; 7) обе стороны слались «из виноватых» на «грамотку» Старинского, в которой было признано право Мякинина на Зинку; 8) если бы Мякинин Зинку Старинскому и отдал, Зинка перешла бы по смерти Старинского обратно к дочери Старинского, находящейся в замужестве за Мякининым, так как «по государеву указу после смерти отпускаютца кабальные люди, а полоняных и купленых и данных отпускать не указано», «полоняные люди после смерти (господ своих) свободны не бывают, крепки же нам и детям»; 9) если бы Мякинин действительно отдал Зинку Старинскому, он дал бы на нее даную или купчую.

В этом своем приговоре Нестеров повторял по несколько раз один и тот же аргумент (ссылки на разногласие Велкова по поводу показаний Марьи в пп. 1 и 2 и ссылки на «грамотку» в пп. 3, 4 и 7).

Так как «третьи» к соглашению не пришли и сторон не примирили, Холопий приказ 7/8 взял все делопроизводство «третьих» к себе. В своем приговоре, составленном, несмотря на понукания Мякинина в поданных им челобитных, только 22/10 и объявленном сторонам 2/11 1643 (152) г., Приказ согласился в основном с аргументами Велкова или его «третьего» Трофимова. Приказ указал на то, что «Федор (Мякинин) на тое женку крепости никакие не положил и записки тму Казыевскому полону нигде не сказал», а только предъявил «грамотку». «будто за Ивановою рукою Старинкова, и той грамотке верить нечему» (лл. 53—54). Зинка отдана была Велкову по кабале, а Сашка «потому, что она у него, Ивана, родилась в отцове и матерне холопстве». «Соглашаясь с «третьим» Трофимовым, Приказ полагал, что Зинка была передана Старинскому юридически правильно, а так как Старинского з живых более не было, она была, следовательно, в праве бить челом во двор к кому угодно, и к Велкову она закабалилась с мужем на вполне законном основании и «кабалу ему (Казимерские) дали из воли, а не неволею» (лл. 3—4).

Приказ поставил Мякинину в вину сбивчивую формулировку его исковой челобитной: «В исковой челобитной его (Мякинина), — гласило заключение Приказа, — написано: он (Мякинин), оставил девку татарку Зинку у тестя своего у Ивана (Старинского) для береженья, — а в ссылках написал: оставил у тестя своего и у жены его Марьи» (л. 4). Отсюда Приказ заключал, что иск Мякинина должен был быть обращен не к Велкову, а к теще Мякинина, Марье Старинской, — «для чего муж ее Иван Старинской и она, Марья, чужую девку выдали за человека своего?» (лл. 5—6). Приказ разъяснял, что холопство по служилой кабале вообще имело более силы, чем холопство полонное. Не помогла, поэтому, и благочестивая ссылка Мякинина на то, что он

¹ Напечатанная в деле Старинского, приложенном к нашему исследованию, «грамотка» Старинского есть его русское письмо, примитивно «зашифрованное» латинско-польским алфавитом и не очень грамотно написанное. В этой «грамотке», принадлежность которой перу Старинского была установлена специальной экспертизой подъячих Ивановской площади, Старинский писал о том, что Казимерские по Зинке были крепки Мякинину, но почему-то нашел возможным отпустить чету на волю. Эта часть «грамотки» была написана Старинским без «шифра» (лл. 38—39).

Зинку «крестил и поновлял».¹ Ссылки Мякинина на свои «духовные» права, разобранные А. Трофимовым в его июньском приговоре, равно и ссылку на попа Алексея, Приказ просто оставил без внимания.

Действующие лица, и Старинские и Мякинины, как видно из подробностей подлинного дела, — компания любопытная. По существу, исходя из обычной московской рабовладельческой идеологии, прав был Мякинин, ибо ни откуда не видно, чтобы он переуступил Зинку юридически, на что он, если следовать в толковании норм полонного холопства нормам холопства кабального, и не имел права. Но «вор у вора дубинку украл», и Старинский не прозевал того, что плыло ему в руки, ловко закабалив Зинку, поймав на нее Казимерского и получив приплод в лице Сашки-Ашки-Аницы. В этой грызне из-за холопов Мякинин нарушил основное правило своей среды — «не зевай и не доверяй!» — и поплатился за это Зинкой.² Замечательно, что 5-летней Сашкой в тяжбе никто не интересуется: по презумпции и сторон, и «третьих», и самого Приказа она, родившись во дворе Велкова, автоматически стала его старинной рабой, и приказный приговор лишь кратко констатирует, что Сашка родилась «у него, Ивана (Велкова), в отцове и матерне холопстве» (л. 60), т. е. являлась уже для Велкова, несмотря на свои 5 лет, «старинной». Как Приказ распорядился бы судьбой Сашки, если бы восторжествовал Мякинин, или Велкова постигла бы участь его зятя Старинского, убитого «воровскими людьми»? Родители ее вышли бы на свободу, а девочка должна была бы, вероятно, прочно и потомственно войти в состав велковской дворни.

Процесс Велкова и Мякинина — один из тех не частых случаев, когда упорно тягаются влиятельные и житейски более или менее равносильные противники. Обе стороны принадлежат к среде московского дворянства, Марья Старинская — родная сестра Ив. Велкова и Холопий приказ имеет основания и возможность развить беспрепятственно и нелицеприятно то, что можно назвать принципиальной юридической позицией. Равнодействующей приказной правовой мудрости в этих условиях является проведение основного требования всей системы кабализации холопства — регистрации крепостного документа установленного образца, в противовес всяким домашним сделкам. *Pereat iustitia* всяких домашних сделок, и да восторжествует кабальная формалистика! — Так можно формулировать эту приказную идею.

Речь идет, разумеется, не о справедливости в нашем смысле, так как облик и Мякининых и Старинских достаточно ясно проступает из бытовых подробностей дела. Может быть, решение Холопьяго приказа в известной мере отражало впечатление дьяков, «в приказе поседельных», от плутовской компании, судившейся в этой тяжбе, но разгадка их настроений находится уже за пределами нашего исследования.

Дело это разбирается и ниже, в § 4 под № 7.

(№ 41767)

№ 4. 1647 г.

Из дела кн. П. Прозоровского и кн. И. Хаванского мы видим, что тогдашние тузы не брезгают и очень мелким холопьем товаром. Во дворе кн. Ив. Никит. Хованского жила у своей замужней сестры Любавы девочка Анютка, на которую польстился кн. Петр Сем. Прозоровский.³ По выданной человеку его Афанасью Негодяеву поимоч-

¹ Поновлял, т. е. посылал исповедоваться и причащаться.

² Колоритные подробности о пребывании Мякинина в Сибири см. в подлинном судебном деле: тесть и зять были в очень откровенной переписке относительно своих плутней.

³ Прозоровские Семеновичи (Григорий, Михаил, три Петра, Федор) — из первых рядов знати времен Михаила и Алексея, Этот Петр Сем. был чашником, рындой, воз-

ной памятке, девочку Анютку схватили «за Земляным городом за Устретенскими воротами» и свели ее в Приказ под тем предлогом, что Анютка — дочь кабального человека Прозоровского Анкудина Аврамова, сбежавшая со двора Прозоровского. Девочка объяснила, что после смерти матери, «тому 7-й год» (дело происходило в сентябре 1647 (156) г.), ее взяла ее родная сестра Любава, бывшая замужем за крестьянином кн. И. Н. Хованского, и что отец ее и братья попрежнему служат во дворе Прозоровского. На девочке «платьишко — сарафанишко крашенное, крест серебряной, сережонка серебряные; платьишко сказала, сестрино». В ответ на самоуправство Негодяева человек кн. Хованского, отвергая «ложное челобитье» агента Прозоровского, потребовал очной ставки с Негодяевым.

Конец дела не сохранился, но характер его ясен. Рожденную во дворе Прозоровского девочку, не закрепленную еще никаким документом и отданную, конечно, с его ведома на воспитание в чужой двор, Прозоровский считает, однако, своей. Он не останавливается перед задержанием этой девочки на улице, нисколько не считаясь с крупным положением кн. Хованского, во дворе которого Анютка жила. Это — свидетельство одновременно и жадности на людей и наглой уверенности в фактической наследственности кабального холопства.

(№ 42093)

№ 5. 1651 г.

Случай настыйчивого навязывания старины сыну холопа представляет собою дело дмитровца Михаила Воронцова и его холопа Томилки (159 г.). У отца Мих. Воронцова, стряпчего Кормового дворца Бориса Воронцова,¹ умершего в 1651 (159) г., был «лет 40» кабальный холоп Томилка Козлов, который по завещанию Бориса Воронцова должен был выйти на свободу. В качестве доказательства Томилка слался «из виноватых» на духовника Б. Воронцова, троцкого (на Нерли) игумена, прося допросить его о том, был ли «ему про него указ» от умиравшего Бориса. Томилка, впрочем, должен был «после сорочин» (л. 3) получить свободу, как кабальный, даже и без завещания Воронцова. Имея право уйти от Воронцова, Томилка с сыном Фенькой и дочерью Малашкой мирно «сшел» к жене Сурьянина Тороканова Марье, но человек Мих. Бор. Воронцова (сына), Филька Мартьянов, 27/4 1651 (159) г. «поймал его с приставом» на Никитской улице и сдал в Холопий приказ в качестве старинного беглого холопа Воронцовых.² Поставленный в Приказе, Томилка не отрицал того, что его отец, давая на себя в свое время, лет 30 тому назад, кабалу, может быть, и написал его в кабалу вместе с собой. У Б. Воронцова они жили в деловых людях и в таковом качестве написаны были в писцовые книги. Томилка жаловался, что теперь, по проискам Мих. Воронцова, он сидит в Приказе в цепи и железах, и Воронцов хочет его «похолопить сильно». 28/4 1651 г. Приказ потребовал от Воронцова объяснения, «зачем отпусковых не даст» (л. 3 об.).

Воронцов развил другую точку зрения: отец Томилки, Костька, был старинным холопом его, Михайлова, отца и написан в их дмитровской

ницей, воеводой в Холмогорах, а под конец жизни — ближним стольником и дядькой царевича Ивана, наместником брянским и тульским и боярином. По ДР он проходит в 141—189 гг. Он сын боярина Семена Васильевича, имевшего в 1638 (146) г. 149 дв. (Кн. по Москве № 2, л. 23). Кн. Хованский Иван Никитич — стольник, боярин, воевода в Смоленске и Казани, проходит по ДР в 132—164 гг. В 1638 (146) у него было 273 дв. (Кн. по Москве № 2, л. 66).

¹ У него было в 1638 (146) г. 14 дв. (Кн. по Конюшенному приказу № 5, л. 15 об., и кн. по Владимиру № 2, л. 60).

² «А на нем платье — зипун сермяжной белой до кожан; шапенка темнозеленая с пухом, сапожонка худеньки телятинные, да крест серебряной; денег у себя не сказал; платье сказал, свое» (л. 1).

вотчине в писцовых книгах в числе деловых людей, — «а после отца его (т. е. Бориса Воронцова) тою вотчиной, в Дмитровском уезде сельцом Горшковым, государь пожаловал его, Михайла, — потому тому человеку и отпускнуой не дано», — забывая о том, что кабальному холопу по смерти господина для выхода на свободу никакой отпускнуой и не было нужно. За отсутствием у себя крепостных документов, Воронцов предлагал «государев указ учинить по писцовым книгам и о том в Поместный приказ послать память». Оттягивая холопа, Воронцов грозился в будущем предъявить иск к «тому, у кого он, бегаючи..., жил с теми моими сносными животишками» (л. 5).

Вместе с Томилкой был захвачен и приведен в Приказ и другой воронцовский экс-кабальный холоп, Гараська, но Воронцов заявил, что на этого холопа он не претендует, так как Гараська женат на приданой рабе его сестры, — «до Гараськи Архипова ему дела нет»; а «ему, Михайлу, — скромно прибавлял истец Воронцов, — чужому человеку отпускнуой дать нельзя», и о Гараське будет бить челом его зять, муж его сестры. На вопрос дьяков, где Томилка родился — «в деревне у отца его или во дворе», Воронцов отозвался незнанием: «он, Михайло, не упомнит, потому что и сам он (тогда) не родился».

Решение дела не сохранилось. Тяжба эта показательна по чрезвычайному упорству, с которым Воронцов старается повернуть кабальное холопство на старинное и придать этим кабальной зависимости наследственный характер. Интересно, что Приказ принял в 1651 (159) г. это дело к производству, взял Томилку под стражу и заковал его в кандалы без предъявления каких-либо крепостных документов Воронцовым. В деле нет никакого намека на то, что в Приказе мелькнула мысль об интересах самого Томилки и о судьбе Феньки с Малашкой.

(№ 42272)

№ 6. 1652 г.

В очень живо и бойко проведенной тяжбе дворянина московского Бориса Мих. Бибикова и Ив. Акинф. Маслова,¹ едва ли не в единственном среди всех нам известных процессов, доведен диалогически до конца вопрос о крепости детей кабальных холопов. Обстоятельства этого юридически весьма интересного процесса заключались в следующем.

Родившийся во дворе у Б. Бибикова сын его кабального холопа Федька-Ивашка-Алешка Борисов сбежал вместе с отцом около 1638 (146) г. В бегах он дал на себя кабалу Ив. Маслову и служил у него в Пронске. После 14-летнего отсутствия он вернулся «на сопас» к первому хозяину, Бибикову, у него женился, но затем снова сбежал, сначала на Волгу, где кормился на стругах, а потом опять явился «на сопас» к Маслову. Хотя у Маслова уже была кабала на Ивашку, взятая им в первое пребывание у него бегуна, но из осторожности 8/5 1652 (160) г. Маслов отправил его в Холопий приказ для формального подтверждения своих прав. В дело вмешался Бибиков и предъявил к Маслову иск, но отнесся к тяжбе очень вяло и больше месяца, до 19/6, в Приказ почти не ходил. Маслов и холоп стали бить челом о волоките, благодаря которой сидевший за решеткой холоп «погибал голодной смертью» (лл. 4—6). Чтобы побудить Бибикова ходить за делом, Приказ нашел нужным вытребовать к себе другого бибиковского холопа и задержать его под арестом. Только в 20-х числах июля Приказу удалось добиться от сторон явок и объяснений. Бибиков объяснил, что он считает Ивашку своим холопом и без кабалы, потому что «отец тово человека Бориска Григорьев и мать Устьиньница кабальные его Борисовы (Бибкова), а тот человек Федька родился у него

¹ Бор. Мих. Бибиков — по ДР объезжий голова в 1631 г. и двор. моск. в 1652 г.; Ив. Акинф. Маслов — бежечанин, ДР не известен.

Бориса (Биби́кова) в отцове кабальном холопстве» (лл. 12—13). Ссылке Биби́кова на старину Маслов противопоставлял свою кабалу на Федьку (Ивашку-Алешку), взятую в 1650 г., и просил Приказ поставить Биби́кову такой вопрос: «Сказал он, что тот человек родился в отцове кабальном холопстве, и как в урочные лета тот человек поспел, для чего кабалы на него не взял?» (л. 16). Биби́ков дал на это ответ, что спорный человек, дойдя до урочных лет, от него сбежал и находился в бегах целых 14 лет. Маслов, проявивший в этой юридической схватке большую цепкость, снова задал вопрос о том, есть ли в руках у Биби́кова формальная крепость. Вероятно иронически Маслов говорил: «Как он, Борис, положит подлинную выпись за дьячьей приписью на отца и на мать, и он на нее (выпись) шлетца, а на сына того человека крепостей никаких не положил» (л. 20).

Это едва ли не единственный случай твердой установки того положения, что сын холопа, родившийся во дворе, автоматически от этого холопом не делается и требуется утверждение прав владельца путем взятия новой кабалы. А так как шаблон кабалы был один, то для этого акта требовалось согласие и самого холопа, и, следовательно, зависимость устанавливалась только пожизненно. Но мы видим, как настоячиво владельцы навязывали в этом моменте бесформенное понятие старины, по их смутным представлениям покрывавшее вопрос о кабале и простиравшееся на потомство «старинного» холопа без всяких ограничений. В конечном счете такая точка зрения практически и восторжествует, но в середине века Приказ подобной тенденции еще сопротивляется.

Это дело вкратце изложено выше, в § 2 под № 16.

(№ 42391)

№ 7. 1652 г.

Вопрос о холопских детях в энергичной постановке возник в тяжбе 1652 (160) г. двух рязанцев — Нехорошего Борщева и Петра Макшеева. От Макшеева сбежала к Борщеву, жившая у Макшеева «лет с 10», женка Марфутка с сыновьями Федькой и Микиткой и дочерью Софьицею, со сносом, по его исчислению, в 10 р. с полтиною, стащив «кафтан тафтян жолт, да кафтан киндячен зелен, да однорядку, сукно вишнево, да ферези киндячные лазоревы, да на ней (Марфутке) платье: телогрея киндячная, лазорева, да шапка вершок отласной зелен» (л. 2). Макшеев вчинил к Борщеву иск о людях и о сносе. Борщев, державший у себя в деревне беглых без кабал, объяснял Приказу это обстоятельство тем, что беглые «сказались государевыми» (т. е. дворцовыми), — потому он и не счел себя в праве формально их за собой крепить. Борщев отбивался от Макшеева, — ссылавшегося на свою кабалу 1645 (154) г., по которой ему крепка была Марфутка, — доказывая, что макшеевская кабала «писана шишиморством в саду у Петра Иконника» и утверждена только осадным головой.¹ Борщев указывал на то, что Марфутка — беглая крестьянка дворцового села Красного и что у него она «живет добровольно», потому кабалы на нее и нет. Макшеев, поняв, вероятно, что его кабала на Марфутку, как дворцовую крестьянку, аргументами Борщева опорочена, свел дело на одного только младшего сына Марфутки, Микитку, по его заявлению, родившегося у него во дворе и тем самым превратившегося в его старинного холопа.

Выявим логику Макшеева, включив молчаливый пролепсис его контраргументов: Марфутка дворцовая крестьянка, кабалить ее и ее детей нельзя, но поскольку во время ее пребывания во дворе Макшеева,

¹ Кабала действительно имела необычную форму: в ней была приписка о предшествовавшей бескабальной службе Марфутки у Макшеева.

подкрепленного хотя бы даже «шишиморской» кабалой, у нее родился сын Микитка, Микитка — уже старинный холоп Макшеева.

Как велико должно было быть презрение к формальным нормам холопского права, если одна из сторон могла официально, в самом присутствии Холопского приказа, выдвинуть такую точку зрения судьям прямо в лицо и как велика была у рядового рязанского сына боярского потребность в рабочих руках, если он с такой бесцеремонностью охотился даже не за взрослой Марфуткой, а за ее малолетним сыном Микиткой, полезным ему лишь в отдаленном будущем!

По отсутствию конца дела, к сожалению, не видно, как разрешил Приказ вопрос о нелепой претензии Макшеева.

(№ 42395)

№ 8. 1653 г.

В деле Карм. Кровкова и, Андр. Мясоедова 1635 (143) г. муромец Карман Кровков, выдавая замуж за Андрея Мясоедова¹ сестру, дал ему в приданое холопов, мужа и жену, но дочерей этих холопов задержал у себя. Оставшиеся у Кровковых во дворе дочери повысили замуж и народили детей. В 1653 (161) г., когда Кармана уже не было в живых, Мясоедов, на основании не имеющей никакого отношения к делу статьи Уложения, о неразлучении мужа и жены, потребовал от Кровковых выдачи ему дочерей холопов, данных в приданое 18 лет тому назад. «Милосердый государь (т.), — бил челом Мясоедов, — пожалуй меня, х. т., вели на нее (вдову Кармана Кровкова) и на детей ее в тех моих (!) людех дать свой царский суд и управу». Отвечать Мясоедову пришлось его племяннику, сыну умершего Кармана, молодому и неопытному Федору Кровкову. Мясоедов осторожно начал это вздорное дело перед своим приятелем муромским воеводой Игн. Никитичем Бестужевым, который в своем безграмотном приговоре без дальних рассуждений постановил выдать Мясоедову искомым им людей. Мотивировка приговора от 16/11 1652 (161) г. муромским воеводой гласила: «...Потому что в суде он, Федор (Кровков), тех людей против Ондреевы челобитные,... девуку Настюшку с мужем Марчком да с сыном, да Матрюшку с мужем с Ивашком да с двоими детьми, сказал у матери своей да у, брата. Да он же, Федор (Кровков), слался в суде из виноватых,² что он за мать свою и за брата не отвечает, а в отсрочном челобитье в записке³ написанс глухо — челобитья его в тех приданных людех не было, чтобы за мать свою и за брата не отвечать, — и, то его, Федорова, вина. Да и потому те люди довелось отдать Ондрею, что он, Федор, данные⁴ не лживил, — сказал: отца его рука, — и в книге та данная записана, и те люди по даной крепки, довелось отдать Андрею Мясоедову против Федорова ответа Кровкова».

Запутанный дядюшкой Мясоедовым, малолетний Федор Кровков попал в беду: у него самого этих спорных холопов никогда и не было, а муромский воевода, приятель Мясоедова, поставил на правех собственных федоровых людей, выколачивая этим путем семьи холопов, якобы принадлежавших к составу мясоедовского приданого. Больше того, с Федора Кровкова он постановил взыскать «проести и воло-

¹ Мясоедов Андр. Ив. — двор. моск. (ДР, 147 г.); в 1638 (146) г. у него значилось 15 дв. (Боярская № 14, л. 175). — Кровковы ДР неизвестны. Судя по тому, что за Кровкова поручились стряпчие, он принадлежал, повидимому, к этому разряду служилых людей (л. 15). Кровковы вообще — мелкопоместные муромцы с 3—5 дв. (Кн. по Нижнему № 10, лл. 178, 189). Один из Кровковых достиг заметного положения при Петре I.

² Как выяснилось из дела, мальчик Кровков, выступавший на суде, совсем не знал техники тогдашнего юридического крючкотворства.

³ Т. е. в тексте челобитной.

⁴ По которой Мясоедов получил приданных холопов.

киты» по гривне на день. А «спорные» холопы вовсе и не были спорными, и никакого отношения Мясоедов к ним не имел.

«Меня видя мала и беззаступна, в том меня обинил и мучил людешек моих на правеже», — жаловался Ф. Кровков на муромского воеводу в Москву. По челобитью Ф. Кровкова, несмотря на сопротивление Мясоедова, дело было перенесено в Холопий приказ. 31/1 указано было даже доложить о нем государю, но по бестолковости приказных исполнителей Фед. Кровкова обязали самого доставить в Москву тех спорных людей, которых у него на самом деле не было, и которые, следовательно, и не могли быть объектом претензии со стороны Мясоедова. Конец дела не сохранился.

В этом деле характерна развязность истца Мясоедова, смеющегося над законом и бесцеремонно использующего и беззащитность своего племянника и свои связи с воеводой.

(№ 42451)

№ 9. 1668 г.

В деле Петра Северова и Арины Клоковой обстоятельства были таковы. Гавр. Фед. сын Клоков служил по кабальному холопству во дворе у Ив. Наум. Северова.¹ В 1656 (164) г., получив отпускную, он снова бил челом во двор к сыну Северова Петру вместе со своей женою и дочерью (Марфою), но не вписал в кабалу другой дочери, Арины. Петр Северов в 1668 (176) г. объявил Арину своей дворовой и пытался ее закабалить. Арина с братом Ильюшкой перешла к стольнику Ф. И. Сомову и, отбиваясь от Северова, просила «приискать ее именишко в кабальных книгах», т. е. удостоверить факт отсутствия ее имени в отцовской кабале (л. 2).

Справка Холопьяго приказа с кабальными книгами показала, что Арина в кабальные книги 1656 (164) г. действительно записана не была, и Приказ, установив, что она «жила собою», в силу 110 ст. XX гл. Уложения, дал ей свободу, — случай в практике Холопьяго приказа, надо сказать, чрезвычайно редкий.

(№ 43525)

В вопросе о холопских детях все холоподержатели, разумеется, единодушны, благо указное право открывало легальную возможность такого толкования их претензий: дети холопов, родившиеся у них во дворе, суть *de iure* их старинные холопы. Указы допустили здесь странный пробел, тем более непонятный, что с давних времен они до известной степени давали отпор даже тенденции самих родителей кабалить вместе с собою своих детей. По Судебнику 1550 г. (ст. 76), указам 21/8 1556 г и 25/4 1597 г., Судебнику 1584 г. (ст. 137—138) и согласно XX гл. Уложения (ст. 5, 20, 110) для закабаления холопских детей нужно было дожидаться достижения ими 15-летнего возраста и обязательно ставить их перед уполномоченными на то государственными органами. С другой стороны, закон признавал детей, рожденных во дворе владельца, уже его холопами *ex origine*, только не договаривая, какими именно холопами. Если старинными и полными, то мы наблюдали бы в данном случае резкое расхождение такого толкования с общей тенденцией законодательства, направленной к укорочению кабальной неволи, а если кабальными, то вопрос о выдаче ими кабалы по достижении 15-летнего возраста все равно был бы неизбежен... Мы имеем в данном случае одну из тех умышленных неясностей московского права, которыми оно изобиловало во всех областях, особенно в финансовой. Москва как бы говорила своим

¹ Ив. Наум. Северов — подьячий и дьяк в Разряде (133—159 гг., ДР). Сын его Петр Ив. — двор. моск. (174 г., ДР).

поданным: разбирайтесь в этой путанице сами, толкуйте эти неясности в меру вашей изворотливости, хитрости, а главное — влияния и связей, т. е. тех классовых преимуществ, которыми тот или иной холоподержатель обладает.

Холоподержатель неизменно смотрит на родившихся у него во дворе детей холопа как на свой законный приплод. В деле Макшеева и Борщева (№ 7) мать задерживалась в незаконном холопстве у Борщева, оспаривавшего, однако, и не без оснований, «шишиморскую» кабалу своего противника, так что права на холопов той и другой стороны были очень сомнительными. Однако это не мешает обеим сторонам требовать себе дочь так незаконно держимой матери, требовать и где же? — перед судьями самого Холопьяго приказа, повидимому, невозмутимо взиравшими на эту исключительную дерзость закабалителей. В деле Кровкова и Мясоедова (№ 8) мы встречаем случай еще большего юридического бесстыдства, если так можно выразиться: Мясоедов оттягивает детей холопов, как своих, на том основании, что их родителей он получил в приданое... 18 лет тому назад!

Точка зрения холоподержателей не встречает в Приказе никакой оппозиции и приемлется с уважительным безразличием. Приказ, сам состоящий из холоповладельцев, вполне сочувственно, повидимому, относится к претензии кабалить потомство холопов. В деле Панова и Кишкина (№ 1) Приказ кабалит холопских детей без всяких осознательных аргументов в пользу закабаления их вообще, интересуясь только тем, кому из двоих тяжущихся он этих закабаленных детей отдаст. В деле Ромейкова и Колтовского (№ 2), не считаясь с крепостью крестьянской, в данном случае антагонистичной крепости холопей, Приказ отдает детей Ромейкову. В деле Мякина и Велкова (№ 3) незаконно задержанная 5-летняя девочка признается старинной. В деле Воронцова и холопа Томилки (№ 5) Приказ для прикрепления холопских детей сам переводит решение на старину. Более чем в полтора раза процессах нам встретились только два случая, когда Приказ вмешался в тяжбу в смысле освобождения холопских детей: в делах Бибикова и Маслова (№ 6) он потребовал освобождения из холопства сына холопа, не давшего на себя кабалы, да бывший холоп подьячего Северова отсудил у сына Северова свою дочь, рожденную во дворе, но незакрепленную кабалой (№ 9). Этот последний случай, имевший место в 1668 г., является совершенно исключительным в архивном наследии Приказа холопьяго суда.

§ 4. ХОЛОПЫ — МУЖ И ЖЕНА

№ 1. 1623 г.

В тяжбе 1623 (131) г. столкнулись московские соседи Тимоф. Сидор. Желябужской и кн. Ив.¹ Лобанов-Ростовской, дворы которых были расположены рядом. От Желябужского сбежала на соседний двор к Лобанову девка Афимка, на которую Желябужской взял кабалу в 128 г. Лобанов поспешил выдать ее за «бродящего человека Фролку». Опираясь в суждении на поддакивания женки, Лобанов пытался вначале опорочить кабалу, своевременно взятую Желябужским, называя ее «воровскою». «Ответчица», как она именуется в деле, Афимка сначала заявила, что она у Желябужского не служила, его «не знает, не ведает», и на ссылки Желябужского не слалась; но очень скоро, через неделю после вчинения дела Желябужским, подавала «мировую челобитную» и призналась, что кабалу Желябужскому она действительно давала и записалась в ней ложно. Приказ вызвал дядей Желябужского, как «опчую правду», заставил Лобанова по-

¹ Отчество и чин Лобанова в деле не упоминаются. ДР знают трех Лобановых-Ростовских с этим именем.

стазить к суду мужа Афимьи и постановил свой приговор: кн. Лобанову-Ростовскому отказать, «потому что (!) он на ней, Афимье, холопства не искал и крепости никакие не положил, а сказал, что де у него жила добровольно». Приказ закончил свой приговор наставительной сентенцией о том, что не следует женить своего холопа на чужой рабе, хотя Лобанов и выдал Афимью вовсе не за холопа, а за свободного человека.

В результате Желябужской не только вернул Афимью, но получил и барыш в виде ее мужа, попавшегося на удочку благодаря активно-му участию в этом браке самого Лобанова. Конфликт между двумя сильными кончился закабалением, ни в чем не повинного, слабого, хотя в приговоре Приказа обвинение в незаконной выдаче Афимьи замуж и обращено прямо на Лобанова, а вовсе не на свободного человека, обманом женатого на Афимье.

(№ 39984)

№ 2. 1625 г.

В деле кн. Ив. Деева и Куз. Сьянова спор шел о женке Домне. У гороховца Кузьмы Ив. Сьянова в 1620 (128) г., «пократчи», сбежала женка Домна Семенова со сносом 40 р. с полтиною. Домна осталась в том же Гороховском уезде, скрываясь в течение 5 лет (1620—1625 гг.) в деревне кн. Ив. Деева. В 1625 г. Сьянов отыскал «свою беглую жоночку» и «приставил» ко кн. Ивану. Кн. Деев, «не ходя на суд, помирился и писал в ту свою деревню грамотку х крестьянину своему Игоше, прозвище Мурдышу,¹ и велел, — как повествовал Сьянов, — ту нашу беглую жоночку Домну Климовудочь нам отдать, а в том велел отписку взять». Вопрос разрешился как будто бы просто и мирно, но Сьянов не знал, что Домна была уже выдана замуж Деевым, так как Деев объявил ее вдовою и нашел ей нового мужа. По письму Деева, Мурдыш отдал Домну с одним ребенком Сьянову, а мужа Домны, Фильку, «з другим робеночком не отдал», взяв со Сьянова отпись в женке и в сносных животах. Тогда Сьянов приставил к Дееву, требуя выдачи домнина мужа Фильки и его дочери. В ответ на это требование, как жаловался Сьянов, князь Иван «зарядил в том Домкине муже в Фильке Игнатьеве и в его дочери третьих». Сьянов, как видно, не отклонил этого обращения к «третьим», затянувшего дело. Тем временем Мурдыш, узнав, что «суда и зделки не было», — если верить челобитной Сьянова, — «подговорил и выкрал ту жоночку Домку климову дочь, и по его подговору та жоночка Домка снесла (во второй раз!) живота, платья и кузни и всякой рухляди на 30 р. с полтиною», приютившись опять в деревне Деева у того же Мурдыша.

Чтобы добраться вторично до Домны и ее мужа, Сьянов 12/9 1625 (134) г. бил челом о грамоте на имя ярополческого дворцового приказчика Гр. Пустобоярова, прося поставить Домну на Москве «с очей на очи». Дело на этом обрывается.

В этой тяжбе характерно безразличное отношение сторон к вопросу о брачном союзе холопов: кн. Деев отдает беглую женку, а Сьянов (вероятно, сознательно) берет ее, нисколько не задумываясь над тем, что оба они разрывают холопью семью пополам. Этот вопрос их не беспокоит, они интересуются только имущественной стороной дела, во имя которой Сьянов и начинает тяжбу в Москве о домнинном муже Фильке. Из дела не видно, чтобы вопрос о расторжении брака отрывом жены от мужа привлек к себе внимание и «третьих», на усмотрение которых переходил спор.

(№ 40198)

¹ Повидимому, Мурдыш был старостою.

Дело кн. Ал. Лыкова¹ и Матрены выходило из ряда обычных шаблонных казусов. В 1627 г. во двор кн. Алексея Федор. Лыкова бил челом казак Карпунька Филатов, увлекая своей кабалой в холопство и свою жену Матренку, — «а прямое имя Овдотьица». Судьба Матренки была, между тем, не совсем обычна. Первым браком Матрена, происходившая, повидимому, из среды служилых людей, была за торопчанином сыном боярским Богданом Пятчениным. Муж ее, служивший «с городом», был «убит литовскими людьми, как приходил литовской» (1618 (126) г.); сама она попалась в плен, а после плена жила во Пскове, где ее и «взял» замуж казак Карпунька Филатов. Со своим казаком она не ужилась, «от козака от того, от Карпушки, отошла и приехала к Москве и, приехав к Москве, кормилась своей работою, а во двор никому не бивала челом и кабалы на себя никому не даывала. А муж де ее ныне служит у кн. Алексея Федоровича; а как де он, Карпунька, бил челом во двор и кабалу на себя давал, и ее де у себя утаил».

Из дальнейшего допроса выяснилось, впрочем, что Матрена побывала вместе с мужем Карпунькой во дворе Лыкова, хотя, быть может, действительно Карпунька и давал на себя кабалу без ее ведома. Сбежав со двора Лыкова в конце декабря 1627 г.,² многоженица обзавелась было третьим мужем — «зговорила» за человека патриаршего боярина кн. Андр. Вас. Хилкова. Однако Хилков не полюбился на приблудную женку и, узнав, что она по мужу принадлежит кн. Лыкову, сначала велел отдать ее за пристава «у себя в приказе», а потом распорядился вернуть ее Лыкову. С патриаршего двора, где она была за приставом, ее сдали мужу ее «Карпику», а с Карпика взяли запись, что «ему с нею, Матренкою, жить и до смерти ее не убить», а с нее — что ей «от мужа своего не бегать». Прожив у Лыкова после выдачи одну неделю, Матренка сбежала опять, но была поймана на Покровке в Горшечном ряду. Матрена-Авдотья объяснила, что «збежала [она] для того, что тот муж ее пошел в боярский двор и служилую кабалу на себя дал» (л. 8).

Судя по протоколу привода, Матренка и по костюму несколько отличалась от голи перекатной, составлявшей обычную клиентуру Холопьяго приказа. «На ней платье: шуба баранья одевальная, да шапка киндяшная лазорева, да шапка желтая киндяшная на зайцах, крест серебряной, да серги серебряные позолочены с камнем зеленым; а то де платье — ее (по ее показанию); а денег у ней нет».

Решением Приказа Матрена была возвращена во двор Лыкова «к мужу ее Карпику попрежнему» (лл. 7—8), на этот раз уже без обязательства со стороны Карпика «до смерти ее не убить».

В этом деле Приказ не сделал никакой попытки выяснить — «стояла» ли Матрена у «кабальной записи». Вопрос о тексте записи даже и не возникал, потому что за женкой не было ни чьей влиятельной руки на нее претендовавшей. Кабала Карпика автоматически накинула петлю и на Авдотью-Матрену.

(№ 40271)

№ 4. 1634 г.

С запутанным казусом холопьяго семейного права встречаемся в деле Вас. Вас. Кречетникова и жильца Матв. Ив. Поздеева. Беглый холоп Матвея Поздеева Федька Лукьянов в бегах служил на Коломне у Никиты Киреевского. Находясь у Киреевского, Федька, бегавший от

¹ Князь Алексей Фед. Лыков известен ДР с 1621 по 1641 гг., как стольник и воевода в Рильске и Пскове. Через своего родича кн. Бориса Мих. Лыкова, женатого на сестре патр. Филарета Анастасии — тетке ц. Михаила, — в свойстве с Романовыми.

² 27/4 1628 г. она показала, что сбежала «тому недель с 20».

Поздеева и раньше (в 1629 (137) г. и «вдругоредь» в 1630 (138) г.), на этот раз, в 1634 г., был в бегах поженен Киреевским на беглой женке Вас. Кречетникова Дуньке. Беглая чета вернулась к Поздееву, находившемуся в это время (1634 г.) в Темникове. Поздеев привез их обоих в Москву и предусмотрительно решил оформить кабалой прикрепление Дуньки, — прилода от Федькиного бегства (3/4 1634 г.). Но в дело вмешался хозяин Дуньки Вас. Кречетников, закабаливший в свое время женку как полонную добычу, взятую им на Польской войне. По челобитью Кречетникова дело было перенесено в Большой дворец, так как Кречетников занимал какую-то придворную должность, а затем — в Боярскую думу. Заслушав дело, бояре приговорили отослать женку из Большого дворца «к вершению холопства в Приказ холопья суда, потому что до полону то дело не дошло» (л. 26). Казус был трудный, так как холопы переженились в бегах, и поэтому дело было выписано в доклад. В Приказе Вас. Кречетникову задали странный вопрос: «Спросили исца Вас. Кречетникова, для чего тех людей в Холопий приказ прислали: для ль того, что их из Холопья приказу освободить на волю, или тех людей прислали к суду?». И истец Василей, как гласит «записка» (протокол), сказал: «Токо б де тех людей освободить, и они бы де там (т. е. в Большом дворце) дали им свободу, и в Приказ к вам не присылали, а то де, — наставительно заключил истец, — тех людей по государеву Уложению прислали к указу» (л. 9).

Поздеев, как и Кречетников, не затрагивал вопроса с принципиальной точки зрения относительно нерасторжимости брака, а весь огонь своей аргументации направил на доказательство того, что Федька его старинный холоп. А того человека моего Федькин отец Лучка, — аргументировал Поздеев, — служит у отца моего и у меня во старинном холопстве лет 40, и, как (!) по твоему государеву Уложению не велено старинных людей без крепостей держати, и я, х. т., по твоему государеву указу на ево Федькина отца и на мать и на нево Федьку, и на сестру его взял служилую кабалу тому 15 лет». Поздеев был очень точен в этом заявлении, сделанном 2/8 1635 (143) г., так как приложенная к делу кабала датирована 30/4 1620 (128) г. (л. 17). Поздеев называл Федьку «старинным и выданным» человеком, а Федька послушно повторял за своим господином заявление, что он «старинный кабальный» холоп Поздеева.

Этот юридически трудный случай Холопий приказ разрешил путем доклада. Заключительная формула доклада гласила: «И о том, как государь укажет — по кабальному ли и старинному холопству велит отдати жонку Матвею Поздееву с мужем ее, которую беглую выдал за беглова же человека замуж Микита Киреевской; или государь укажет Василью Кречетникову на Мотвее за жонку по кабале деньги взять против прежнего указу 15 руб.; или государь укажет ис старинного кабального холопства отдати человека с женою Василью Кречетникову, а на Василье за того человека государь укажет деньги взять против своего государева указу 50 р.» (л. 24).

По прецедентам, освященным решениями патриарха Филарета в пользу нерасторжимости брака, государь указал брака не расторгать, а холопов отдать М. Поздееву, так как у Кречетникова кабала была взята «внове», сравнительно со старинным холопством Федьки у Поздеева.

Вкратце это дело изложено выше, в § 2 под № 7.

(№ 41394)

№ 5. 1640 г.

В деле В. Свицова и Н. Чарыкова беглая девка мещерянина Никиты Павл. Чарыкова Домна, прозвище Московка, вышла замуж в бегах в Шацком уезде за крестьянина другого мещерянина Вас. Гр.

Свищова, Аноху Бирука. Опираясь на свою кабалу от 26/1 1622 г., Чарыков «приставил» к Свищову, требуя не только Домну Московку, но и Аноху и 22 р. с полтиной сноса. Дело слушалось сначала перед шацким воеводой, но Чарыкову, проигравшему дело в Шацке, удалось перетянуть его в Москву, несмотря на то, что Свищов и сам туда не ехал и на поруки не давался.

В деле сохранился судебный протокол разбора этой тяжбы в ноябре-декабре 1639 (148) г. перед шацким воеводой кн. М. С. Гагариным. Воевода задал истцу Чарыкову такой вопрос: «Ты ль тое жонку замуж выдавал, или от тебя он (т. е. Аношка) без молитвы¹ с тою жонкою сшел?». Ответ Чарыкова гласил, что Аношка — «старинной человек деда и отца его и его самого, а та жонка у него кабальная. Своюлся он (Аношка) с нею да от меня бежал, а того я не ведаю, где он молитву имал» (л. 11). На вопрос воеводы об обстоятельствах бракосочетания Аноха показал: «Нанял он меня, Никита, у себя на лето пахать... Женил меня (Чарыков) ночи сильна да велел попу молитву дати» (л. 10). Подтверждая свое право, истец ссылался на мнимую холопью старину Аношки в чарыковском дворе, но не мог предъявить суду никакой формальной крепости. Гораздо солиднее были показания ответчика Вас. Свищова. Аношка, по его словам, служил еще у его деда Осады Свищова по кабале, датированной 29/6 1598 (106) г., — «и Осада Свищов отпустил его из холопства за себя во крестьяне, и после того тот Аношка жил во крестьянех за дедом же за моим, за Осадиным братом, за Иваном Федоровым сыном Свищовым (т. е. двоюродным дедом ответчика). А нынеча тот крестьянин по розделу достался ему, Василью Свищову, и живет за ним во крестьянех и в выписи написан». Как видно отсюда, посадку Анохи во крестьянство в поместье Свищов считал более серьезным аргументом в защиту своих прав на него, чем напрашивавшуюся в данном случае ссылку на холопью старину Анохи (лл. 12—13).

Шацкий воевода кн. М. С. Гагарин в своем решении стал на сторону Свищова и сделал упор на крестьянство Анохи, а «брак» Анохи он определил как хитрую проделку самого Чарыкова, занявшегося сводничеством, чтобы при помощи Домны зацепить Аноху. У Чарыкова, повидимому, были связи, и дело, решенное в декабре 1639 (148) г. в Шацке, ему удалось к осени 1640 (149) г. передвинуть в Москву, но перенос в столицу не помог ему справиться со Свищовым. Был ли Свищов уверен в поддержке его «городом», или он полагал, что до него в его мещерском глухом углу не так-то легко добраться, но два вызова в Холопий приказ Свищов просто игнорировал, а мать его, вдова Анна в ноябре 149 г. недельщиков даже выгнала. Тогда Чарыков подал третье челобитье. «Мне чинилось убытку, — писал он, — от дву грамот, и от наказу, и от недельщикова езду, и московской проести (хотя он сам же и перетянул дело в Москву!), и волокиды, и убытков, и от грамот пошлин 30 р. с полтиною». Для извлечения дела в Москву, Чарыков просил дать ему «третью грамоту и недельщика вдругоредь с наказной памятью» (л. 1).

Хотя у нас и нет данных о протекании тяжбы в ее московском фазисе 1640 (149) г., но роли действующих лиц выступают достаточно определенно. Совершенно ясен плутовской расчет Чарыкова получить Домну, как кабальную (на что он имел право), а Аношку, — так как на формальном его прикреплении через брак (молитву) с Домной Чарыков настаивать не решился, — путем ссылки на его мнимую

¹ По древнерусскому каноническому праву, вместо обычного венчания при совершении брачного обряда вдовы и вдовцы «брали молитву» (например, Иван IV при своей женитьбе на Василисе Мелентьевой). Для холопского брака «молитва», повидимому, тоже считалась достаточной. См. у Котошихина и в рукописных требниках XVI—XVII вв.

холопью старину, что устраняло шаткий и щекошливый аргумент «брака» Домны и Аношки. Характерно, что Свищовы, и дед и внук, считают крестьянскую крепость более для себя удобной, а быть может, и более сильной, чем кабальную запись или даже старинное холопство. Другая особенность этой тяжбы — упор Свищова на местный шацкий суд: он чувствует себя в своей мещерской глуши достаточно уверенно, чтобы игнорировать в течение продолжительного времени московских приставов с их зазывными грамотами.¹ Да и воевода Гагарин тоже игнорирует два московских распоряжения о передаче дела в столицу и исполняет только третье уже в декабре 149 г.

Дело это для характеристики понимания идеи старины изложено выше, в § 1 под № 4.

(№ 41681)

№ 6. 1643 г.

В деле Гр. Ляпунова и кн. Ив. Прозоровского, изложенном выше (§ 2, № 14), беглую девку Прозоровского Парашку выдал за своего кабального холопа Гришку сам Ляпунов. Холопий приказ, однако, не выдвинул немедленно же в ответ на это общего бесспорного принципа о нерасторжимости холопского брака с вытекавшим отсюда неоспоримым заключением о выдаче Парашки и Гришки Прозоровскому. Несмотря на высокое положение Прозоровского и проявленную им энергию, тяжба оставалась юридически нерешенной в течение целых 7 лет, до 1650 г.

(ПДСЛ, 1651, № 5)

№ 7. 1643 г.

В подробно изложенном выше деле И. Велкова и Ф. Мякина (§ 3, № 3) вопрос о малолетней дочери холопа тонет в общем вопросе о судьбе ее родителей: 5-летнюю девочку Сашку, раз она родилась во дворе у Велкова, Приказ считает старинной рабой. В вопросе о брачной связи холопов Казимерских Приказ твердо стоит на точке зрения нерасторжимости брака и не останавливается даже на гипотетической возможности раздела мужа и жены между спорившими владельцами.

(№ 41764)

№ 8. 1650 г.

В тяжбе Давыдова и Яновских, проходившей через Приказ в 1650 (159) г., обстоятельства дела были таковы. Агей Бор. Яновский (он же Бураков, он же Григорий Дураков),² называемый в деле то поляком, то литвином, то белоруссом (последнее всего вернее), вышел в 1648 г. из Польши на государево имя на Великие Луки. Тверитин Степан Давыдов увез его оттуда, по показаниям самого Яновского, «сильно» в Клинский уезд в дер. Бекетову, где женил на своей кабальной девке Арине, — «не крестив», что Яновский впоследствии и вменял Давыдову в вину. Венчал его на Арине поп, имени которому он не знал, «а прозвище (попу) Оглобля». Из Клинского уезда Яновский, по его словам, ушел к Москве жаловаться на насильное похолопление и просить о крещении. «И меня из Разряду, — повествовал он в своем челобитье от 13/9 1650 г., — отдали крестить в Богоявленский монастырь, и был (я) под началом 8 недель, и выходное мне твое царское жалование дано, и тому Ст. Давыдову в том моем холопстве в Розряде отказано» (л. 7). Яновский ходатайствовал об освобождении из холопства его самого и жены. В Разряде вняли челобитной

¹ Пристав донес о неповиновении Свищовых 32 (так!) ноября 149 г.

² Небрежность или ирония приказных протоколистов?

Яновского и послали его в Ефремов — «для того, что мне велено упалое место», приискать иноземцево». Приискав в Ефремове такое «упалое место», Яновский приехал в Москву бить челом, но угодил прямо в руки Давыдову, поймавшему его на Никитской улице. «И тот Степан вдругорядь меня к себе в деревню свез и кабалу на меня вымучил в Клинском перед воеводою, перед Ив. Дм. Ростопчиным», — приходившимся Ст. Давыдову дядей. Яновский просил освободить его «от той кабалы намученой» «для иноземского выходу и крещения», ссылаясь на указ, запрещающий иноземцев «в холопи сильно имать» (л. 7). Кабала эта, датированная 6/5 1649 (157) г., вклеена в дело. «И сию скован в Холопье приказе третью неделю, — плакался Яновский в челобитной от 13/9 1650 (159) г., — помирая голодною смертию, а же нишко мое скитаеца промеж двор христовым именем» (л. 7).

Справка из Разряда подтвердила справедливость показаний Яновского. Она гласила, что 12/8 1647 (155) г. был приведен в Разряд из Стрелецкого приказа выходец Гришка Дураков (так!), показавший в расспросе, и в Стрелецком приказе и в Разряде, что он родом Витебского уезда, торгового человека сын, белорусец, что он «вышел на государево имя на Луки с литовским полоняником со Власом Молчановым, от Власа отстал, пожил во дворе у тверитина у Степанова Давыдова добровольно». Удостоверив эти обстоятельства, Разряд выдал Гришке Дуракову «государева жалованья за выход рубль, и дана ему воля, а корму давать не указано». Получив такую справку из Разряда, дяки Холопьяго приказа заглянули в только что отпечатанный экземпляр Уложения, нашли в его XX гл. статью 37, разрешавшую неслужилым полоняникам бить челом в холопство, и решили отдать Яновского Ст. Давыдову по кабале, не интересуясь «вымученностью» ее. За Яновским в холопство к Давыдову должна была пойти и его жена Арина, дочь крестьянина села Тайнинского Матвея. Арина дала на себя 29/1 1646 (154) г. кабалу Лукерье Безобразовой, но почему-то была обвенчана Давыдовым с Яновским, когда в 1648 (157) г. он «сильно» холопил его (л. 3).

Угадав направление дела и будущее решение его, Яновский не стал дожидаться своей выдачи Давыдову, — согласно приказного приговора, состоявшегося 27/9, — и 24/9 из желез сбежал; скрылась с ним одновременно и его жена Арина. Дальнейшее течение этого дела было уже тяжбой Ст. Давыдова с приставом Лысцовым, упустившим Яновского, и с подьячим Холопьяго приказа Чернцовым, у которого будто бы укрылась Арина.

Кроме явно насильственного закабаления, в этом деле характерно игнорирование Холопьем приказом основного момента: Яновский был крепок по жене не Давыдову, а Безобразовой, и Давыдов, прежде всего, не имел права даже кабалить его, поскольку он обвенчал его на чужой рабе. Конца дела нет, и мы не знаем, удалось ли Давыдову настигнуть выданных ему Холопьем приказом холопов.

(№ 45578)

№ 9. 1651 г.

Тот же вопрос о браке в бегах возник перед Приказом и в деле Матрены Овцыной, к которой приставил Петр Григ. Очин-Плещеев. Обстоятельства казуса были таковы. От дворцовой служительницы Матрены Овцыной, урожденной Борковой, «лет с 15» тому назад, т. е. около 1636 г., сбежала ее приданая девка Улька. Улька побывала замужем, овдовела и побег учинила уже во вдовстве. В бегах жена Улька вышла вторично замуж за некоего Мишку, а затем в 1651 (159) г. вернулась «сопастись» к брату Овцыной, истопнику Александру Боркову. «Старинная и приданая жонка Улька Левонтьева дочь, — цитируем протокол, — бегая многая время, пришла к Мо-

скве и по старине сопаситца ей Матрене нами» (л. 1). Пользуясь сестринным и своим положением во дворце (Александр Борков был дворцовым истопником), Борков на демарш Петра Григ. Очина-Плещеева, задержавшего через своих людей Ульякина мужа Мишку как своего холопа, ответил челобитьем о переносе дела в Мастерскую палату (один из дворцовых хозяйственных приказов). Из осторожности Борков «тое жонку для поклепу привел в Приказ холопья суда к записке», так как Очин-Плещеев по задержании им Мишки, которого он объявил своим, стал отбивать у Овцыной и Ульяку.

Улька в своих показаниях объяснила, что она «старинная искони вечная приданая раба» Исленьевых, что отец и мать ее старинные Вас. Вас. Исленьева, и родилась она в старинном холопстве. Матрена Исленьева¹ получила Ульяку вместе с ее матерью в приданое, выходя замуж за Овцына, а затем «по подговору лихих людей (Улька) бе-гала многие лета».

Конец дела не сохранился, и неизвестно, как разрешил Приказ эту тяжбу, интересную в качестве образчика казусов, возникших перед Холопьем приказом. Судя по аналогичному делу Кречетникова и Поздеева (см. выше № 4), приоритет должна была иметь старина Ульяки, а при условии нерасторжимости брака, эта старина потянула бы за собою к Овцыной и мужа Ульяки Мишку Десятку, за которого Очин-Плещеев, если бы он доказал свои права на Мишку, получил бы компенсацию.

(№ 42288)

№ 10. 1652 г.

В деле А. Лаврова и Ф. Протасьева, подробнее изложенном выше (§ 2, № 15), шел спор о разделе четы холопов: Настасьи, старинной женки Протасьева, вышедшей в бегах замуж за кабального лавровского холопа, и ее мужа Петрушки. Стороны склонны были разделить холопов так, чтобы муж Настасьи, Петрушка, оставался у Лаврова, а Настасья вернулась по принадлежности к Протасьеву. На мировую стороны шли потому, что Протасьев ограничивал свое требование Настасьей, отказываясь от Петрушки. Холопий приказ, потребовав со своей стороны к проверке крепостные документы, стал на точку зрения нерасторжимости брака и решил отдать Протасьеву и Петрушку. Любопытно, что в протокол судебного заседания занесено откровенное, и по своему даже великодушное, заявление Лаврова о том, что отдать он должен не только Настасью, но и Петрушку (л. 27).

Дело интересно тем, что в нем, вопреки домашней сделке между Протасьевым и Лавровым, Приказ проводит уже принципиальную (столь мало ему вообще свойственную) точку зрения на холопов-супругов. Обе стороны обладали столь значительными московскими связями, что в недолгий срок протекания процесса (апрель — август 1652 г.) успели выхлопотать подписные челобитные: Лавров — о переносе дела в Приказ сбора ратных людей, а Протасьев — о решении тяжбы в Холопьем приказе. Впрочем, вторым подписным челобитьем и Лавров просил решить дело в Холопьем приказе. Таким образом, тяжба была обставлена, в смысле серьезности, всем арсеналом тогдашней московской юриспруденции. Надо думать, что Протасьев был сыном дворцового векошника, сытником, известным ДР, да и Лавров принадлежал тоже к дворцовому штату, ибо только этим можно объяснить в обоих случаях легкое исхлопотание подписных челобитных. В дворцовых кругах было, вероятно, памятно твердо выражен-

¹ В браке — Овцына; Борков был ей, должно быть, или сводным или двоюродным, но не родным братом.

ное отрицательное решение патриарха Филарета относительно расторжения брачных уз между холопами, повторенное потом и в Уложении. Не этим ли объясняется уступчивость Лаврова в вопросе о дележе холопей четы?

Подробнее настоящее дело изложено выше, в § 2 под № 15.
(№ 42336)

№ 11. 1657 г.

В интересном деле 1657—1658 (166) гг. Петра Порф. Колтовского и кн. Дм. Петр. Львова между сторонами шла борьба из-за того, что беглый холоп Колтовского Васька женился в бегах на беглой же рабе кн. Львова.

Беглый кабатный холоп Порф. Ив. Колтовского (отца Петра), портной Васька, возвращался в ноябре 1656 г. вместе с женою Катериной и дочерью Анюткой с Венева «на сопас» к Колтовскому. Около села Соншина на него напали люди и крестьяне кн. Дм. Петр. Львова, ограбили и захватили дочь Анютку и Катерину (она же Марфутка) в село Соншино к Львовым, но сам Васька вырвался и ушел от них. Извещенный об этом происшествии спасшимся от захвата Васькой, Колтовской приставил ко Львову, требуя отдачи ему жонки. Катерина была старинная Львовых, но Львовы не взяли на нее кабалы, и это было наруку Колтовскому. Защищая свое право на Катерину, Львов мог поэтому ссылаться только в повальный обыск, который должен был подтвердить, что она — старинная раба Львовых (л. 18—20). Опровергая право Колтовского на женку в силу ее брака, Львов доказывал, что церковного брака между Васькой и Катериной не было. «Збежал у него, Порфирия, — говорил на суде Львов, — человек Васька, а от меня сбежала девка, и в бегах они сошлись вместо и жили они без молитвы». Возражая Львову, Колтовский доказывал, что человека его «молитовил Дудинской волости рожевщевской поп в 159 (1651) г.». (л. 8).

Львов был непоследователен: отвергая действительность васькиного брака («живет без молитвы») (л. 18), он все же объявлял Ваську, как женатого на его старинной рабе, своим и требовал возвращения «моего человека Васьки». Беспокоясь о том, что Васька и Катерина жили «без молитвы», Львов, как он заявил об этом сам, «велел сковать (Ваську) и хотел вестъ его к Москве на патриархов двор» (л. 10).

Имея большие связи, кн. Дм. Петр. Львов занимал в московском служебном мире весьма заметное положение¹ (хотя этот Дмитрий Петрович, конечно, не боярин того же имени). Он успел продвинуть свой иск о Ваське — Катеринке до самого патриарха Никона, но Никон распорядился вернуть дело, по отсутствию в нем духовного момента, обратно в Холопий приказ. Увлеченный судебной борьбой, Львов слался даже на «кожи» своих крестьян и Васьки, т. е. предлагал пытать их.

Яростная атака Львова на Колтовского из-за Васьки (Катериной он уже завладел) едва ли могла увенчаться успехом, так как у Львова на Катерину кабалы не было, да к тому же он сам опирался на брак, в силу которого требовал выдачи ему Васьки, объявленного им «своим» (!). Осилил ли Приказ принципиальное решение о нерасторжимости брака, проводимое им в других случаях (напр., см. дело № 4 Поздеева и Кречетникова), против такого серьезного соперника, каким был кн. Д. П. Львов? Если он его осилил, то Кате-

¹ Львовых в те годы (121—200) в Москве был целый клан. Среди них были бояре: кн. Алексей Михайлович, Дмитрий Петрович, Михаил Никитич; окольничие: Василий Петрович, Никита Яковлевич, Петр Григорьевич, Петр Лукич, Семен Петрович, Степан Федорович и многие другие. Один из Львовых (спальник Яков Степанович) получил довольно редкое звание «ухабничего».

рина с Аниюткой должны были пойти к Колтовскому, а Львов должен был получить за них выкуп. Конца дела, к сожалению, не сохранилось.

(№ 42728)

№ 12. 1676 г.

Вопрос о холопах-супругах в довольно запутанной форме возник в 1676 (184) г. в деле Ст. Данилова и Ив. Ив. Реланта. У полковника Ив. Ив. Реланта в его переяславском поместье Бренболе была сирота девочка Аграфена. Дочь поместного крестьянина, Аграфена, осталась после матери двух недель, и брат Ив. Реланта, тоже полковник, Степ. Релант отдал сироту с отпускной бренбольской вдовой попадье Марье Степановне. Попадья крестила девочку, и умирая, отдала ребенка своему сыну, московскому попу Устину. Поп Устин ее вырастил и выдал замуж за Дениса Анисимова, но оказалось, что Дениска — беглый холоп¹ мастера Серебряной палаты Степ. Данилова. Последний, проведав о местонахождении Дениски (в двух шагах от него) и о его браке с Аграфеной, потребовал к себе и холопа и жену его. Из дела не видно, был ли брак Аграфены устроен попом Устином с задней мыслью, но похоже, что так. Поп Устин показал, что «Аграфенка жила у него... добровольно, без крепости», и что «Аграфенин муж Дениска сказывался ему, попу Устину, вольной, а не крепостной, и тем он, Дениска, его, попа Устина, обманул» (л. 5). Сын Степ. Данилова Иван утверждал, что Дениска женился на девке в бегах от его отца, продолжавшихся лет 10 (1666—1676 гг.). Хотя Степ. Данилов явок о побеге не делал, но «ведомо про тот побег окольным людям» (л. 5).

Степан Данилов сделал попытку, согласно правилу «по мужу раба», оттягать к себе Аграфену, и поп Устин даже уступил ему женку (л. 14), но в дело вмешался Ив. Релант младший, племянник того Степ. Реланта, который некогда отдал девочку попадье Марье. Ив. Релант вчинил иск сначала к попу Устину, называя Аграфену своей беглой крестьянкой и утверждая (через своего человека, выступавшего на суде), что о побеге двухнедельной девочки (!) была в свое время даже сделана Релантом явка в Переяславле-Залесском. В отпускной Степ. Реланта написано, что он «отдал девочку свою дворовую Огрофену Естифееву дочь с Бренболы Большие ильинскому попу Устину Иванову, жена его и детям в веки, и впредь ему Степану (Реланту) и матери его и братьям его (до нее) дела нет; а хто станет вступаться, и ему, Степану, в той девке очищать и убытка никакого не доставить».

30/6 1676 (184) г. дело было внесено на решение известного боярина Богд. Матв. Хитрово. Хитрово нашел отпускную Степ. Реланта недостаточной для признания двухнедельной девочки отпущенной на свободу,² «для того что у той жонке отпускной прямой нет, а будет бы на тое жонку против списку, который в Серебряную палату (по подсудности первого истца Степ. Данилова) прислан из Патриаршего приказа, и подписная отпускная в лицах была б, — и верить той отпускной не довелось, потому что помещиковы и ничьей в его место руки нет, и году, и месяца, и числа не написано, да в списку же с той отпускной та жонка написана дворовою девочкою, а не крестьянкою (!)».

По этим странным основаниям отвергался документ, бесспорный по своему юридическому значению, и вводилось предположение

¹ Иногда Денис в деле называется «купленным» (л. 19 об.).

² Поверенный Реланта ссылался на выпис из писцовой книги, в которой отец Аграфены, Естифей, был написан в селе Большой Бренболе старинным крестьянином, почему Релант называл старинной и Аграфену (л.-9).

о том, что девочка была дворовой, — а, так как закон такого юридического состояния не знал, то речь шла, очевидно, о причислении ее к холопам. Что же касается запрещения Уложением и отпуски и закабаления поместных крестьян, то об этом хитроумный Богдан Хитрово даже и не вспомнил. В результате Аграфена с мужем и детьми была признана подлежащей выдаче, но кому? По холопству она должна была идти к Данилову, а по крестьянству в поместье — к Реланту.¹ Приказ в лице Хитрово не стал ни на ту ни на другую точку зрения, а решил довольно странно применить 115 ст. XX гл. Уложения и бросить жребий. По жребию Аграфена с мужем Денисом и детьми Васькой и Дунькой, после не менее чем 20-летнего проживания на свободе, были возвращены во крестьяне Ив. Реланту, а серебряных дел мастер Степ. Данилов принужден был удовольствоваться за утрату Дениса 10 р. (л. 19).

В этой тяжбе характерно не только бесцеремонное принесение в жертву интересов самих спорных людей смутным правам владельцев, но и случайность торжества идеи крестьянской поместной крепости, о которой вспомнили лишь благодаря капризу жеребьевки.

(№ 44782)

Со времен глубокой древности похолопление посредством брака было одним из самых частых приемов закрепощения. Наиболее распространенным случаем, судя по изученным нами тяжбам, было закабаление по жене, на которую ловили холостого холопа. Таковы случаи в процессах Желябужского и кн. Лобанова-Ростовского (№ 1), Чарыкова и Свицова (№ 5), Ляпунова и кн. Прозоровского (№ 6), Овцыной и Очина-Плещеева (№ 9), Давыдова и Яновских (№ 8) и многие другие. Впрочем, встречаются и обратные случаи — закабаления жены по мужу. Таков драматичный случай кн. Лыкова и Матрены, похолопленной без ее ведома по кабале, выданной ее мужем (№ 3). Важным для приказных юристов являлся вопрос о том, была ли взята соединившимися в брачном союзе лицами «молитва», причем под молитвой разумелся какой-то полуформальный обряд, не тождественный с полным обрядовым венчанием. Впрочем их терминология на этот счет довольно сбивчива. Заметим, что согласно Стоглаву молитва заменяла венчание лишь в тех случаях, когда брачующимися были вдовец с вдовой. Тогда, с церковной точки зрения, обряд «взятия молитвы», действительно, заменял полный обряд бракосочетания, но применялась ли эта статья к холопским бракам вообще, сказать трудно. Намечавшаяся и раньше идея нерасторжимости церковного брака при распоряжении холопами получила свое энергичное выражение после вмешательства в дело самого патриарха Филарета, как известно, в молодости трагически оторгнутого от своей собственной жены, будущей «великой старицы». Приказ неизменно потворствует закабалению по формуле старинного холопства («по робе холоп» и т. д.), хотя неясность постановки вопроса в указах, несомненно, открывала некоторые возможности не прилагать этой статьи в случаях закабаления по служилой кабале. Обычно Приказ интересуется не оборона холопа или рабы от закабаления по браку, а вопрос о том, кому достанутся попавшиеся на удочку брака холоп или раба. Таковы дела Желябужского и кн. Ростовского (№ 1), кн. Лыкова и Матрены (№ 3), Чарыкова и Свицова (№ 5), кн. Прозоровского и Ляпунова (№ 6) и др. Расчеты сторон нередко толкают их на мировое соглашение, связанное с дележом супружеской пары, подлежащей разверстке между тяжущимися. В 1625 г. к расторжению брака по такому

² В деле село Большая Бренбола сбивчиво называется то поместьем, то вотчиной Реланта.

соглашению Приказ относился еще равнодушно (дело Сьянова и кн. Деева, № 2) и только в 1634 г. счел нужным представить относительно принципиальной нерасторжимости брака особый доклад государю, когда об этом был уже указ Филарета, и когда в таком докладе никакой надобности не было. Только после доклада Приказ решает в смысле нерасторжимости брака холопов тяжбу Кречетникова и Поздеева (№ 4). Отчетливое проведение принципа нерасторжимости брака в практике Приказа нам встретилось лишь один раз (в деле Протасьева и Лаврова, № 10). Из дела Колтовского и кн. Львова (№ 11) от 1657—58 гг. можно видеть, как сбивчивы были понятия Приказа относительно критериев оформления брака.

В этих щекотливых делах, когда приказному составу приходилось все время лавировать между сильными мира сего, тенденция его приговоров ориентировались всегда на чисто формальное решение вопроса о том, кому отдать — по жене мужа или по мужу жену, а не на решение вопроса — законно ли закабаление стороны, тянущей в холопство своего брачного партнера (например, дело Мякинина и Велкова, № 7).

ГЛАВА IV

ГОСПОДА И ХОЛОПЫ

§ 1. ГОСПОДА И ХОЛОПЫ (БЫТОВЫЕ ЧЕРТЫ)

Боярский двор — обычно обширная усадьба, окруженная садами и огородами, содержащая хоромы, казармы для челяди, амбары, поварни, бани и т. д.,¹ с многолюдным населением холопов обоих полов разных возрастов.

Между основной столичной или подмосковной усадьбой боярина и его селами и деревнями, разбросанными иной раз в десятке или более уездов, сновали боярские управители, доверенные, курьеры и прочая челядь, обслуживающая административно-хозяйственное руководство боярской экономии. Для того, чтобы осязательно представить себе эту картину, нам стоит только перелистать хозяйственную переписку одного из тузов середины XVII в. — боярина Б. И. Морозова. Но такая же переписка шла изо дня в день между тысячами других крупных хозяев-бояр, окольных, стольников и т. д., державших в своих руках основные земельные богатства Московского государства. Переписка эта могла быть более и менее толковой, более и менее властной, но в целом она связывала Москву с бесчисленными местными хозяйственными единицами в десятках ближних и дальних уездов. В самой боярской усадьбе боярина окружала значительная (иногда не в одну сотню человек) группа подвластных ему вооруженных или, во всяком случае, привыкших к оружию холопов, необходимых ему и как внутренняя полиция в его хозяйстве, и как вооруженная свита в военное или смутное время, и как всегда готовый отряд для «потехи», т. е. охоты.

Политические настроения людей того времени развивались медленнее, чем они развиваются у позднейших поколений, поэтому аккумуляция таких боярских дворов в XV—XVI вв., сделавшая Москву своего рода музеем всей удельной Руси и Руси не только Московской, но и Литовской, как будто первое время не возбуждала тревоги. Она начала сильно и вполне основательно беспокоить московскую власть с 1530-х гг., показавших, какие политические опасности таились в этих боярских гнездах. Кроме смут времен малолетства Грозного, Москва знала за вторую половину XVI в. несколько крупных эпизодов, несомненно связанных с участием боярских холопов. Таковы смуты

¹ См. изданные нами «Акты хозяйства боярина Морозова» и печатаемые ниже судебные дела Ляпунова и кн. Прозоровского и др. Ср. А. А. Новосельский «Хозяйство стольника Безобразова».

в начале царствования Федора, не обошедшиеся без участия холопов Годуновской родни, эпопея «выборов» 1598 г., как и выборов 1613 г. Не без крупного участия холопских отрядов произошло свержение царя Бориса, наступление на Москву Лжедмитрия, организация Тушинского владычества над половиной Московского государства, «разъезд» 1634 г. из-под Смоленска, движение 1648 г., «Медный бунт» 1662 г. и антистрелецкое движение 1682 г.

Хотя в XVII в. в правящей среде — у царя и его окружения, уже не было болезненно-подозрительного и жадно-завистливого отношения к боярскому двору, какое господствовало в опричной среде Грозного, но известная недоверчивость к аккумуляции боярских холопов несомненно, и вполне обоснованно, жила и продолжала жить при первых двух царях из династии Романовых, и в тот период, когда холопство в своих бытовых формах стало доступным для изучения.

Едва ли будет преувеличением, если среднюю цифру вооруженных холопов, не считая их жен и детей, на каждого служилого человека по московскому списку положим равной десятку человек. Тогда общий итог московских боеспособных и вооруженных холопов надо считать тысяч в 20—30 человек,¹ а вместе с их семьями это даст холопью массу тысяч в 100, служившую господам не только своим трудом, но и составлявшую их агентуру в социальном и политическом смыслах. Игнорировать боярско-холопью организацию в ее совокупности московская власть не могла никак, хотя бы уже по чисто полицейским соображениям, возникавшим в связи с московской уголовной хроникой. Боярские дворы столицы, особенно при частом служебном или хозяйственном отсутствии господ (а иногда даже и в их присутствии, — больше того, при их пособничестве), могли быть убежищем и пристанищем для преступников-профессионалов. Боярский двор не был крепостью, как замок западно-европейского феодала, но был опасной трущобой, своего рода оказывался засекой, куда трудно было проникнуть. Иногда такой двор оказывался и «мо-

¹ О расчете количеств холопов (по 10 на одного служилого человека даже у городских служилых людей) см. данные в Новгородской кабальной книге 106 г. под фамилиями Бибиковых, Мещерских, Муравьевых, Мыщецких, Новокшеновых, Обол(н)яниновых, Одогуровых и др. РИБ, т. XVII. Ср. В. О. Ключевский «Опыты» (1912 г.), стр. 376. Заглянем в Олеария. «Что касается рабов и холопов, принадлежащих великим и другим знатым господам, то их бесчисленное множество, у иных более 50, а у других даже по сотне и более в имении и дворе. Живущие в Москве не имеют обыкновенно обеда при дворе господ своих, а получают на прокорм деньги, стол, впрочем, ничтожные, что на них едва могут поддерживать свое существование, отчего в Москве такая бездна воров и разбойников. Во время нашего там пребывания не проходило ни одной почти ночи, чтобы воры не проникали в дома наших людей и не утащили чего-нибудь... Сказанные выше рабы делают самые улицы в Москве, особенно по ночам, небезопасными, так что без хорошего оружия или без проводников, того и гляди, что подвергнешься нападению, как это случилось и с нами». «Настоящим притоном воров и разбойников — как поясняет Олеарий в издании 1647 г., — была Неглиная...». «Подобные случаи, совершающиеся между самими русскими, неисчислимы. Не проходит ночи, чтобы на утро не найдено было на улицах (Москвы) несколько мертвых тел. Такие убийства чаще совершаются в большие их праздники, преимущественно на масляной неделе в течение 8 дней перед великим постом, когда русские целые дни пьянствуют до безумия...». «Рабы русские и разбойники дерзки до такой степени, что не боялись даже однажды, среди белого дня, напасть на царского придворного врача г. Гартмана Грамена: несколько этих разбойников схватили, было, его и хотели отрезать у него палец, на котором он носил перстень с печатью, и исполнили бы это, конечно, если бы дело не случилось у ворот дома одного князя, хорошего приятеля врача, который выслал своих слуг и отбил таким образом его из рук мошенников».

«В августе месяце, во время сенокосов, дорога по сию сторону Москвы, на целые 20 миль, чрезвычайно опасна по причине сказанных рабов, ибо бояре, имеющие в этих местах свои луга, высылают всю эту челядь сюда на работу. Там есть гора, с которой еще издалека можно высматривать путников, которых весьма часто грабят и даже убивают и зарывают в песок. Если на этих воров и разбойников возникает жалоба, то господа их, дающие им ничтожное содержание, на которое едва можно прикрыть только тело, смотрят сквозь пальцы на такие жалобы». — Олеарий «Описание путешествия и пр.», изд. 1870 г., стр. 186—189.

ховым болотом» с подозрительными «окошками», в которые легко могла провалиться нехитрая полицейская власть — ярыги московского Земского приказа, кое-как охранявшие так называемую «общественную безопасность» в Москве XVII в.

Приобретение холопа и рабы объединяло в общем холоповладельческом интересе людей самых разных общественных положений — от знатного боярина Морозова или Мстиславского, занимавшего первое после царя место в государстве и владевшего несколькими сотнями холопов, и до убогого служилого человека, иной раз нищенствовавшего в уездной глуши. Кн. Мстиславский или кн. Шуйский выводил на парады десятки холопов одетых в металлические боевые доспехи,¹ причем во дворе у него несомненно оставалось немало таких же боевых холопов, которые не показывались либо потому, что на них нехватало парадного вооружения, либо потому что были неказисты собой. Даже средний служилый человек по московскому списку, — а таких во время царствования Михаила насчитывалось около 2½ тысяч, — должен был выставлять на смотры десяток нарядно одетых боевых слуг. В то же время каждая боярская усадьба старалась иметь своих портных, сапожников, шорников, хлебопек и т. п., не говоря уже о сонме рядовой прислуги, поражавшей иностранного наблюдателя своим количеством и сообщавшей боярскому двору, в эпоху его благополучного существования, картину почти ярмарочного движения. Этот самодовлеющий мир, обслуживающий светское и боевое представительство боярско-дворянской семьи, питался за счет порабощаемой крестьянской деревни. Давление на деревню шло не только во имя интересов самого боярина, но и во имя интересов многочисленных слуг его, получавших месячину, обмундировку, а иногда и денежное жалованье. Хотя холоповладение и являлось привилегией служилого сословия, тем не менее не было, кажется, зажиточной группы населения в Московском государстве, которая не претендовала бы на право иметь рабов и таким правом не дорожила бы.

Так, из общего количества 700 явок о побегах холопов, поданных за шесть месяцев между 1/9 1627 г. и 1/4 1628 г., не менее 70 принадлежат дьякам (между которыми отметим известных дьяков — Ив. Переносова и Вас. Прокофьева) и подьячим.

Цифра эта говорит, что около 10% всех московских холопов, принадлежавших владельцам среднего калибра, находилось в руках администрации приказных канцелярий. На значительность роли приказных в похолоплении указывает и их нередкое фигурирование в качестве сторон, истцов или ответчиков в тяжбах о холопах.² Но кто только не претендовал на умножение своего благополучия посредством закабаления подвергнувшегося холопа!

Так, иниций богомолец поп Корнилице бил челом о том, что от него сбежала в 1651 г. кабальная женка Марфутка с сыном Кирсанкой и со сносом по заявлению попа в 20 р. с полтиной.³

Претендует на закабаление и торговый человек средней руки. Например, 1/3 1646 г. подал явку о побеге от него «крепостного человека Назарки Иваноза, торговый человек суконной сотни сапожного красного ряду, Кондрашка Титов», уверявший, что Назарка бежал со сносом в 80 р., состоящим из денег, платья, служивой рухляди и нового сапожного товара из лавки.⁴

¹ Предки будущих полков лейб-гвардии XVIII—XX вв. См. ДР и РК.

² См. явочные столпы: столп 150 (1642) г., № 41738, явка 69; столп 153 (1645) г., № 41850, явка 36; столп 154 (1646) г., № 41946, явки 5, 66 и 90; столп № 41944 и мн. др.

³ № 41781, явка 1. Данные о довольно широких закабалительных операциях новгородского духовенства в эпоху голода 110—112 гг. см. выше, в тексте II гл. нашего исследования.

⁴ Холопы новгородских торговых людей встречаются нередко в изданных нами «Новгородских кабальных книгах».

В качестве холоповладельца встречаем иной раз даже нищего: 13/8 1650 г. подал явку «нищий государев богомолец Кулиж(ш)ской богадельни Лукьянко Михайлов сын Синцов», от которого сбежал в июне этого года, живший у него «по жилой записи на 20 лет» холоп Карпушка Леонтьев со сносом (по заявлению самого Синцова) в 35 р. К явочной челобитной «вместо нищева Лукьяна Михайлова сына Синцова, по его челобитью, что он сам грамоте не умеет, стрелец Михайлова приказу Зыбина Ивашко Суровцев руку приложил».¹

Холоп в 6-дворном поместье уездного служилого человека, особенно так называемый задворный холоп, есть фактически работник в бытовом и культурном смысле, конечно, очень мало отличавшийся от своего «боярина», уездного сына боярского, и хлебавший с ним щи из одной чашки. Не то в домоводстве зажиточных элементов служилого класса, где наблюдается дифференциация и в смысле ремесленных или домохозяйственных специальностей, и в смысле иерархического приближения к особе боярина-государя. На «верх» к боярину-государю вхожи только особо избранные и доверенные лица: управители хозяйственных предприятий и владений боярина, юрисконсульты, холопы-камердинеры и пажи, если можно так назвать молодых и, повидимому, недурных лицом холопов, большей частью иноземцев (пленных поляков, черкасов и т. д.).

Этот верхний разряд «больших холопов» в богатом боярском доме в бытовом отношении стоит нередко выше уездного сына боярского. У «послужильцев» знатных особ есть свои собственные холопы и права послужильцев на них, хотя они и не оговорены прямо в законе, все равно оберегаются Холопым приказом, берущим к производству тяжбы по челобитным таких холопов-послужильцев. Так, в 1621 г. в Холопьем приказе ведет дело о своей девке Феколке, захваченной суздальцем Вас. Кишкиным, человек боярина кн. М. В. Голицына.²

Человек стольника кн. А. И. Воротынского Золин в 1635 г. ищет свою беглую девуку, купленную им у одного из крестьян кн. Воротынского, на крупном приказном дьяке Ст. Кудрявцеве, и Приказ решает тяжбу в пользу Золина.³

Человек боярина Ф. И. Шереметева Петр Брянцев тягается в сентябре 1644 г. о холопе Томилке, сбежавшем от него сначала к Армаковым, а потом — к Кор. Беклемишеву.⁴

В 1644 г. Алексей Плещеев ищет с Семена Маркова, человека боярина И. Н. Романова, своего беглого, принятого Марковым со сносом.⁵

В другом деле кн. Степ. Ухтомский рассказывает (в 1670 г.), что он жил на квартире у подъячего Шарапова вместе с «человеком человека боярина И. Д. Милославского», которого холоп Милославского уступил соседу Ухтомского по квартире, иконописцу Нянину.⁶

Свой человек есть у человека боярина И. Д. Милославского Гр. Окулова, хотя сам Окулов — предмет спора в 1668 г. между царским тестем Ильей Даниловичем и другим важным лицом из того же клана — Ив. Богд. Милославским.⁷

18/3 1646 г. подал явку о побеге от него старинной жонки «Крестюшки» со сносом в 34 р. с полтиной человек стольника и спальника, впоследствии боярина, кн. Бор. Иван. Троекурова Прошка Лобанов, и того же 18/3 явку подал послужилец арзамасца Ив. Вас. Чуфарова Елисейко Лаврентьев, на которого после смерти Чуфарова и выхода

¹ № 42225, явки 22 и 24.

² № 39910.

³ № 40775.

⁴ № 41875.

⁵ № 41851.

⁶ № 43688.

⁷ № 43495.

Елисея на волю в Арзамасе 5/1 1646 г., «сильно умысля», немедленно взял кабалу алаторец Степ. Троф. Ермолов, заковав Елисея в железа и посадив на цепь. Явку Елисейки подал в Холопьем приказе арзамасец сын боярский Кузьма Федоров.¹

22/3 1646 г. о побеге со сносом послужильца Митрофанки Потапова с женой, до этого служившего послужильцем же Фед. Тим. Пушкина, бил челом Ив. Ив. сын Бегичев, давший Митрофану «на приход» денег и платья на 30 р.²

В марте 1648 г. Холопий приказ разобрал дело послужильца окольничего кн. Д. П. Львова, выходца из Польши С. Посоховского, имевшего своего холопа Христофорку. Христофорка сбежал к стольнику П. И. Годунову, Посоховский вчинил иск к последнему, а Христофорка обвинил самого Посоховского в «блудном насилии».³

21/8 1650 г. являл о бежавшем от него со сносом 120 р. крепостном детине Ивашке Шадрине («а Воробей он же») холоп Гришка Ярцев, послужилец княгини Фетиньи Владимировны, вдовы боярина кн. Юр. Андр. Сицкого.⁴

27/8 1650 г. подана явка о бегстве холопа Ивашки Григорьева с женою Ульяною и с детьми Борисом и Ортюшкою со сносом в 53 р., принадлежавшего Ивашке Елизарову, человеку вдовы кн. Бэр. Мих. Лыкова, боярыни Настасьи Никитишны.⁵

27/8 1650 г. являл о побеге от него 23/8 того же года крепостного детины Гораньки Ларионова со сносом в 100 р. Тугаринка Ондреев, холоп княгини Фетиньи Владимировны, вдовы кн. Юр. Андр. Сицкого.⁶

30/8 1650 г. являл человек Ил. Д. Милославского Оброска Мансуров о побеге от него 19/8 беременной крепостной женки Ульяки со сносом 55 г. с полтиною.⁷

Сложную тяжбу ведет в Холопьем приказе холоп кн. Б. М. Лыкова Моисей Рылеев, у которого владимирский сын боярский Богдан Пестрой сманил принадлежавших ему холопов. По этому поводу в Холопьем приказе с 16/2 1643 г. по 6/2 1646 г. шла длительная борьба. Влиянием кн. Лыкова дело было перенесено в Пушкарский приказ, а хлопотами Пестрого — в Сыскной приказ кн. Д. П. Львова. Любопытно, что в течение 3-летней, если не более, тяжбы Пестрой ни разу не козырнул слабым местом противника, не имевшего формально права владеть холопами, а три приказа — Холопий, Пушкарский и Сыскной не подумали обратить внимание на эту сторону дела.⁸

Встречаем нередко случаи закабаления посадских людей, чужих крестьян и крестьян чернососных.

Чердынец посадский человек Ив. Мантуров был похолоплен около 1641 г. в Чебоксарах воеводой кн. Фед. Андр. Шелешпальским, вскоре воссевшим самолично в качестве судьи в Холопьем приказе. От Шелешпальского Мантуров в Гороховце сбежал со внушительным сносом, но скоро попал в руки кабацкого головы Ив. Белина, засадившего его в тюрьму и прикрепившего его на 5 лет жилой записью, (которую он дал, «не перетерпя тое его, Ивановой, муки») и поспешивший женить его на своей старинной девке. В 1645 г. Шелешпальский добрался до закабаленного им чердынца и начал судебное дело, отсуживая Мантурова у Белина, но проиграл дело в пользу Белина. В посадское происхождение Мантурова в процессе никто и не вникал.⁹

¹ № 41948, явка 60 п 61, лл. 61—62.

² № 41948.

³ ПДСЛ, 1648 г.

⁴ № 42225, явка 34, л. 41.

⁵ № 42225, явка 49, л. 56.

⁶ № 42 25, явка 50, л. 57.

⁷ № 42225, явка 61, л. 68.

⁸ № 41938.

⁹ № 41892.

27/4 1645 г. крестьянин боярина кн. Б. А. Репнина Васька Минин бил челом и являл на сына боярского ростовского митрополита Кузьму Володимерова, покабалившего «сильно» сына его Анисимка и у себя во дворе его женившего.¹

Дворцовый векошник Ив. Матов сын Пекин закабалил в 1681 г., как вольного человека, малого Петрушку — сына тяглеца Хамовной слободы, который «тяглю всякое платит с хамовники вместе». «Приводного человека» по дворцовой подсудности направили из Холопьяго приказа в Мастерскую палату на Хамовный двор. После выявления принадлежности Петрушки к хамовникам, «Петрушке Демкину учинено наказание: бит кнутом и отдан отцу ево Демке Федорову с роспиской».² Тут коса, очевидно, нашла на камень!

Племянница крестового дьяка Андреяна Кудрявцева, Татьяна Давыдова, бывшая в кабальном холопстве у Анд. Ив. Леонтьева, получила с мужем отпускную и пришла в 1700 г. к дяде. Дядя побоялся ее принять, узнав, что ее снова хочет закабалить Мих. Ив. Леонтьев, «имающийся за нее», как за жену послужильца Леонтьевых Тим. Бреева. Привилегированное положение дяди не обеспечило ее от закабаления у Мих. Ив. Леонтьева,³ претендовавшего на нее неизвестно по какому праву.

Дьякон со Старого Ваганькова Софронище 16/8 1650 г. бил челом на побег своих учеников Васьки да Ивашки, принятых им для обучения иконному письму, Васька — на шесть лет, а Ивашка — на семь лет, но выучившихся этому искусству в два года и не захотевших доживать по записи «урочные лета». На побег их дьякон жаловался в Холопий приказ, очевидно, приравнивая их к кабальным людям, и обвинял в сносе разного имущества на 21 р.⁴

Дерзость закабалителей не останавливается даже перед закабалением донского атамана. Некто Павлик Никитин Бешенцов, сын холопа окольничего Никиты Вас. Годунова, «родился у Годунова в кабальном холопстве» и служил у него по его смерти. Вдовою Анной Васильевой он был отпущен на волю и с отпускной поехал на Дон «государю служить», по дороге заехав в Тульском уезде к Александру Лазареву сыну Крюкову.⁵ У Крюкова он зазимовал, потом, добравшись до Дона, служил на Дону лет 10, а позднее лет 15 служил в атаманах на Воронеже и получил поместье «на татарском проходе» в с. Усмани. Когда он «смечал сокму» его, трижды раненного, с шестью товарищами взяли в плен татары, «а стрелковое копейцо и ныне у него, Павлика, внутри». В плену в Черкасах и в Крыму он пробыл 7 лет. Московские послы Тим. Караулзв и Грязной Акишев его из Крыма «торговали», но не выкупили, и тогда он бежал через Литовскую землю «на Путифль». В 1648 г. он добрался до Москвы, вооруженный «прохожими грамотами», которыми его снабдили по пути, и за выход получил из Разряда государево жалованье 3 р., да сукно, да корму 14 алтын, да за раны «три рубли». Съездив за женой на Воронеж, Павлик явился в Москву «о своих нуждах». В самом Разряде словил его «без пристава и поимочной памяти» Григорий Крюков, сын, когда-то, лет за 20 перед тем, приютившего его на одну зиму, Александра Крюкова, и отвел в Холопий приказ, хотя при своей зимовке у Крюковых он «пил и ел свое, а не ево, Александрово». «На приводном человеке, — замечает протокол, — платья, — шуба баранья, кафтан суконной лазорев, шапка зелена с околлом собольим; платье на себе, сказал

¹ № 41850, л. 34.

² № 45580.

³ Самого Мих. Ив. Леонтьева ДР не знают, а Анд. Ив. Леонтьев — стольник, потом окольничий (1675—1699 гг.).

⁴ № 42225, явка 28, л. 30.

⁵ Крюков всего-навсего засечный голова, а его сын Григорий ДР даже неизвестен.

свое. Да у него ж три грамоты прохожих разных царств, да полтора рубли денег. И то письмо и деньги, у него, Павлика, не сняты». Но задержанный 3/3 1649 г., атаман уже 4/3 был Приказом освобожден, а Гр. Александрову сыну Крюкову было отказано, «потому что тот человек Макарко (он же Павлик) от холопства (которого, заметим на нем и не было) свободился полною, был в полону и из полону вышел, а по государеву (указу) таких холопей, которые, быв в полону, выдут, свободу им давать от холопства, а пошлин головных для ево бедности не имать». «И по сей помете приводной человек на волю свобожен сего ж числа». В данном случае быстрота благоприятного для холопа решения среди известных нам сохранившихся дел Холопъего приказа исключительна, но правда и то, что наглая выходка Гр. Крюкова имела место в обстановке весны 1649 г., когда Уложение было уже в корректурах.¹

Петлю холопства набрасывали и на стрельцов. Так, в 1636 г. на приказе в 3-х Онежских погостах был некий Ив. Дмитриев,² взявший к себе «во двор» сына крестьянки Аринки из заонежского Спасского погоста, стрельца Онашку Панкратова, и державший Онашку «у себя во дворе сильно». Арина проявила энергию и била челом в Новгородской четверти печатнику и думному дьяку Фед. Фед. Лихачеву да дьякам Григ. Львову и Тим. Голосову об освобождении Онашки, так как за нее податей платить было некому. Новгородская четверть потребовала Ив. Дмитриева к ответу, и Дмитриев показал, что Онашка действительно был стрельцом, а ушел из стрельцов «волею своею» и обязавшись «прибратъ в свое место в стрельцы иново, и в ево место стрелец прибран, и пицаль, которая была у него, Онашки, взята и отдана новому стрельцу». Дмитриев показал также, что Онашку он у себя во дворе женил и взял на него крепость в 1637 (145) г. Челобитье Арины, по словам Дмитриева, неосновательно, потому что никаких податей она не платит, и тяглова участка за ней нет, живет на погосте в проскурницах, а сын ее в пономарях. Но по показаниям Онашки дело происходило совсем не так. В стрельцы он пошел из бедности, «а из стрельцов его взял обманом сотник стрелецкий Ив. Безстушево и отдал Ив. Дмитриеву», который женил его «сильно» на государственной крестьянской девке, тоже принудительно им захваченной к себе во двор. Онашка пытался вернуться в стрельцы, из которых он действительно был выключен, и новгородский стрелецкий голова Як. Вышеславцев³ его не только принял, но и «дал ево на поруку за записью, что ему быти в стрельцах по прежнему и взятъ в Новгород жена своя». Но когда он явился за женой к Ив. Дмитриеву «Иван их сковал, а в Новгород не отпустил». Решения Холопъего приказа, куда Новгородская четверть передала это дело, не знаем. Характерна дерзость закабалителя Дмитриева, насильно кабалающего не просто беглого заонежского крестьянина, но государева стрельца.⁴

Не брезговал боярский двор и бывшим попом, оказавшимся неподходящим для своей церковной профессии. Так, распоп Ивашка поступил в качестве кабального холопа вместе с сыном Васькой к Борису Колтовскому,⁵ взявшему на него кабалу, так как он «воровства за ним никакова не ведал». Колтовской женил его на вдове «служиваго кабального старинного своего холопа Татьянке», но оказалось, по словам Колтовского, что «та моя женка ему четвертая жена или будет и пя-

¹ № 42139.

² Иван Дмитриев известен ДР как дьяк в Новгороде, в Нижнем Новгороде (?) и Пскове в 1644—1648 (152—156) гг.

³ Як. Ник. Вышеславцев по ДР — двор. московский, голова, пристав.

⁴ № 41876.

⁵ Явка 1650 г. отчества Б. Колтовского не дает. Вероятно, это Борис Савост. Колтовской, как двор. моск. и воевода известный ДР с 1626 (134) г. по 1652 (160) г.

тая: первую жену свою попадью эн, распоп, убил до смерти и потом, ходя воровством своим, женился на иных женах и тех жен своих пометал, а иные сами сбежали, видячи его воровство». Распоп, по словам Колтовского, «стал держать табак и коренье неведомо какое». Испугавшись ответственности, вероятно, именно за эти корешки, — предмет вечного страха в Москве, — Колтовской бил челом на собственного холопа почему-то в Ямской приказ к окольникову Ив. Андр. Милославскому,¹ куда распоп с сыном и был взят. Но Милославский не удовольствовался задержанием распопа и приказал арестовать Ивашкину жену и детей, тогда как распоп был этим детям не отцом, а вотчимом, ибо они родились у Татьяны от первого мужа. Милославский принял это решение, хотя и Колтовской просил детей у него не отбирать, и государь «патчерет» распопы также отбирать у него не велел. Испуганная отрывом от детей Татьяна бежала с ними, с девкою Феклицей да сыном Мишкой, из каширской деревни Колтовского. К беглецам присоединился и старший сын Татьяны, Прошка, живший у Колтовского «на Москве», с порядочным сносом. Если верить Колтовскому, Прошка захватил деньги, и «чарок серебрянных, меденых и винных, да шапку мускую лисью, душка черна под бархатом черным петли низаны», — всего на 25 р. Боясь ответственности за воровство самого неосторожно покабленного распопы и его пятой (им же самим распопу навязанной!) жены Татьяны с детьми, Колтовской и подал 9/8 1650 г. явку в Холопий приказ.

Попадали в кабалу и тогдашние педагоги. Так, в 1638 г. в Холопий приказ была подана неким Прошкой Фирсовым сыном Арзамасцевым явка о том, что его стремится закабалить в Кадоме местный воевода кн. Андр. Ром. Тюменский.² Вот эта явка: «Царю государю (титул) бьем челом и являет сирота твой из Нижнева Новгорода посадцкого человека сынишко Пронька Фирсов сын Арзамасцов. В прошлом, государь, во 141-м году поехал отец мой, Пронькин, из Нижнева Новгорода со всякими товары под Смоленск, как ратные люди стояли под Смоленским, и там под Смоленским отец мой убит. И которые товары имал отец мой в долг, и те люди проведали, что в животе отца моего Фирса не стало в животе (так!), а в дому отца моего осталась другая жена, а мне, Проньке, мать богом данная, Татьяна, да меньшей мой брат родной Юрье Фирсов сын, а я, Пронька, остался в тое пору по осмому году, и учили должники в товарах к матери моей, богом данной, и ко мне приставлизать, и я с молодого разума не захотел с мачихою жить и от должников на правеже стоять, и съехал я к дядьям своим во Орзамас и, пожив у дядей своих, и во сто четьредесят шестом году съехал я в Кадом к зятю своему, к кадомцу, к посадскому человеку, к Ивану Игнатьеву сыну Морозову. И в тое пору был в Кадоме воевода князь Андрей Романович Тюменский, и зазвал воевода меня к себе на двор и почал мне говорить, чтоб я из воли пожил у него и выучил грамоте внука его князь Василья Тимофеевича Канбаева,³ — а как де выучишь грамоте и я пожалую тебя довольно и спущу де тебя на волю к родителям твоим на старину в Нижней Новгород к братьям и к сестрам. И я, слыша от него такие речи, и учал жить у него и стал учить грамоте внука его князь Василья, и ученье его было тупо гораздо, и выучил его грамоте, сколько ему бог открыл от моего ученья, и писать выучил же, и нынешняго 1650 (50) года волею божиею внука его князь Василья не стало, а он, князь Андрей

¹ Ив. Андр. Милославский — двор. московский, окольниковый, боярин. Известен ДР с 1639 по 1661 гг.

² Кн. Андр. Ром. Тюменский — стольник и воевода, известный ДР с 1619 (127) г. по 1634 (142) г.

³ ДР знают в XVI в. одного кн. Канбарова, но не Канбаева.

Романович, слова своего не держитца, меня, сироту твоего, не пожалеет, на волю меня на старину к моим родимцам не отпустит, и заставляет учить другова внука своего; Григорья Давыдова сына Жеребцова,¹ и грозитца на меня, сироту твоего, хочет сильно вымучить крепость служивую, — а буде де не дашь крепости и я де изувечу или на смерть убью. Милосердый государь (т.), вели государь, челобитье мое и явку записать, чтоб мне, сироте твоему, от него в конец не погибнуть, а челобитную и явку писал я, Пронька, своею рукою царь государь...» и т. д. 31/8 1650 г. Пронькина калиграфически написанная явка и была в Холопьем приказе зарегистрирована.²

Перед лицом крепостивших кабалой московских администраторов проходили представители всех слоев московского населения: холопы, вышедшие на свободу вследствие смерти господ или павшей на них оцалы, крестьяне — владельцы разрушенных неурожаями хозяйств, разорившиеся или промотавшиеся ремесленные и торговые люди, бродяги перекаати-поле, беспризорные дети, оставшиеся без крова и родителей и т. п. Жадная пасть господского двора все эти элементы втягивала, крепостила, нивелировала под один уровень служилой кабалой в надежде превратить ее в наследственную холопью крепость, что имело характер обычая уже в начале царствования Михаила и стало установленным правилом к концу столетия.

На хозяина при принятии холопов ложилась, повидимому, обязанность холопа одеть и, если холоп был военный, его экипировать вооружением — так, по крайней мере, говорят нам некоторые дела, относящиеся к холопам из служилых людей; например, принятые во двор Жд. Кондырева³ холопы, получили «на приход» полное обмундирование и, может быть, даже деньги, помимо обычных трех рублей по формуляру кабалы. В юридические права по отношению к закабаленному господин вступал тотчас по засвидетельствовании кабалы, но объем этих прав московские юристы так и не удосужились формулировать за целых два века. Имел ли право владелец условного кабального холопа наказывать его и как? Какие меры были допустимы и какие нет? Имел ли право женить и выдавать замуж закабаленных? Обязан ли был господин водить к записке детей, рожденных в его дворе, по достижении ими 15-летнего возраста? Какие имущественные права сохранялись за выдавшим кабалу холопом? и т. д. и т. д. Ряд этих и многих других правовых вопросов Приказ предоставлял решать обычаю, а на практике видно, что владельцы беспощадно секли кабальных холопов кнутом, забивают в колодки, куют в цепи, ссылают в дальние деревни, держат взаперти, морят голодом и т. п. И все это делается без малейшего протеста со стороны местных или московских властей, не говоря уже о том, что владельцы сами женят холопов, а женщин выдают замуж для приплода, иногда от живых мужей и жен, что по московским понятиям было чудовищным церковным преступлением (см. ниже, стр. 169, дело дьяка Бухарова и др.), а детей, в их дворе рожденных, считают крепкими себе по старине (даже в середине века!) и не находят нужным укреплять их новой кабалой. Больше того, владельцы считают крепкими себе даже детей, не рожденных в их дворе, но малолетними приведенных во двор. Да и как, спрашивается, могли протестовать против закабаления детей, растущих во владельческом дворе, их родители, сами крепкие владельцу и находившиеся в его полном распоряжении, тем более, что ни откуда не видно, чтобы смерть одного из родителей развязывала кабальный узел, связывавший другого родителя.

¹ Жеребцовы — дворяне московские.

² № 42225, л. 74.

³ Арх. Разряда, Моск. ст. № 265, лл. 246—263.

Юридическая «теория» XVI—XVII вв. предполагала акт добровольной выдачи похолопливаемым служилой кабалы, но для характеристики бытовой стороны этого дела приведем несколько примеров, иллюстрирующих, какими насилиями нередко сопровождалась примы, применяемые закабалителями как по отношению к холопам, так и по отношению к конкурентам на завладение данным холопом или рабой.¹

13/10 1627 г. подала явку вдова Орина Хлопова с жалобой на своего зятя Вас. Квашнина «в сбиве и в вотчинном завладенье, да в старинной девке Маньке Карповой, да в животах—в хлебе, и в платье, и в вотчинных крепостях, и в людских кабалах, и в животине, и в рядной, что он, Василей, рядную ей выдал после свадьбы, — всем де он завладел».²

24/11 1627 г. подал явку белянин Андр. Ив. Погонин или Погонин с жалобой на Ив. Фед. сына Торбеева, сделавшего 19/9 налет на его деревню Нашеино «со своими холопами и крестьянами, числом 9 человек, и на всех его людей и крестьян». Во время этого налета били и грабили его самого с женой, и его людей, и крестьян. «А ево де бив, и свел к себе в село и, светчи, ево мучил и жонку, и того спорного моего человека Васкину жонку Аринку вымучил, а бил де ево и мучил и велел ему переломить левую руку да ногу и велел де ево свести на Олександрову землю Толбузина, и покинули замертва». «Грабежу» взяли у самого Погонина на 10 р., а у крестьян его на 10 р. с полтиною.³

17/9 1627 г. являл иноземец Адам Пилецкий. Он жил добровольно у иноземца Христофора Сторова, «а за работу было ему у него взять за всякой год по 5 рублев, и тот Христофор за работу ему денег не дал да ево ж хотел похолопить своим насильством, да он же Христофор похваляетца на нево смертным убийством».⁴

22/9 1627 г. Петр Коровин являл на саратовского воеводу Орлова. В бытность Коровина стрелецким сотником в 1627 г. велено было «ево без вины переменить... и тот Григорий Орлов уведал у нево девку тотарку Дуньку, учал на него налегать и тое девки татарки просить и людей своих научал от нево ее к себе подговорить, да ево с Саратова не отпускал, и он той девки своей тотарки ему дать не хотел, потому что да девка приданная, и тот Григорей учел на него похвалятца всякими лихими делы, и он, от того Григорья не перетерпя насильства и ево великие налоги, тое девку тотарку ему отдал, и тот Григорей и купчую у нево на тое девку взял».⁵

16/10 1627 г. подал явку тверитин сын боярский Родион Полуехтов. В бытность его в 1626 (134) г. стрелецким сотником в Архангельске, в его деревню Нетребово прислал своих людей и крестьян Григ. Волынский. Налетчики взяли у него в деревне «насильством» двух его людей — Ивашку да Мишку, с женами и с детьми, двух меринов — буланого и гнедого, стоимших 9 р. с полтиною, «а ныне де, — гласила явка, — он, Григорей, тех ево людей держит у себя и хочет их похолопить насильством без нево, а у нево де те люди старинные отца ево и деда по сю пору у нево по старине служили».⁶

12/3 1628 г. подана явка шуянином Ив. Аристовым на гостя Надею Светешникова. «Был де он, — писал Аристов, — у тово Надея в наймах, а наймывал погодно, и ходил у него на низ в Астрахань на паводе 6 лет за ево, Надеевым, судом и за всяким промыслом, а ряда было с

¹ О насильственном закабалении посредством так называемых «вымученных кабал» есть превосходная специальная статья проф. Н. Я. Новомбергского.

² ЗК 136 г., л. 45, № 173.

³ ЗК 136 г., л. 68, № 227.

⁴ ЗК 136 г., л. 16, № 58.

⁵ ЗК 136 г., л. 19, № 69.

⁶ ЗК 136 г., л. 41, № 130.

тем Надеем на всякой год по 10 рублей, и он всево своево зажилова найму взял у Надея 20 рублей, а достальных было зажилые свои взяти жонка (жонке?) у него, Надея, на тот срок на масленице нынешнего 135-го году. И он у Надея на тот срок своего зажилова найму достальных денег 40 рублей учал прошадь (так!), и он, Надей, не хотя ево найму ему отдать, и учал ево прошати служилой кабалы, и он кабалы на себя не дал и потому ево почал бить батоги на смерть и, бив его, сослал з двора, душою да телом, и что платья, и оружия, и всяково борошну на 40 на 5 рублем с полтиною, да сумки с отчетными книгами ево, Надея, промыслу, и тово ево платья и оружия и всякой борошны и сумок с книгами не отдал». ¹ 16/3 1628 г. в ответ были поданы две явки самого гостя Надея Светешникова, одна — о побеге от него еще 26/2 его «кабальных людей» Маркуньки Артемьева да Иевка Куфимьева со сносом платья, денег и ружья на 200 р., и другая — о побеге 26/3 «людей его» Ваньки Аристова да Янки Исакова тоже со сносом в 200 р.

Надо думать, что первой явкой Светешников рассчитывал замаскировать ложность второго своего заявления, долженствовавшего парализовать эффект жалобы, поданной 12/3 самим Аристовым на Светешникова. Очевидно, Светешникову нужно было обезвредить заявление им обсчитанного и затем закабаляемого служащего Аристова. ²

24/3 1628 г. подана («подписана и вклеена в столп») явка курченина Лариона Тимофеева сына Филатова на болховитина Ивана Есипова. Филатов повествовал, что в 1628 (136) г. «в великий месоед на последней неделя в субботу (т. е. в середине февраля) ехал он из Курска к Москве и на Лифинской (Лихвинской) засеке встретился с Иваном Есиповым, сопровождаемым многими людьми». Есипов «учел ево бить и грабить, да он же де, Иван, отнел у него своим насильством крестьянина ево Микитку Наумова, а он де вел того своего крестьянина с собою в Москве за порукою по челобитью в холопстве белевца Левонтья Типкова, а что де тот Иван у него пограбил живота ево и в том де грабежи он принесет челобитную». ³

27/3 1628 г. «подписана и вклеена в явочный столп» явка рязанца Ермолы Орефьева сына Гвоздева на жильца Обросима Олексеева сына Мишурина. Гвоздев жаловался на то, что в прошлом в 1627 (135) г. он приставлял «к тому Обросиму в беглой своей жонки в Палашке... да в сносе в 18 руб. в 10 алтынах». «Тот Обросим», несмотря на ставочную поруку, не отвечал ему в том деле, не бив челом, «с Москвы съехал без государева указу и жил у себя в деревни в Коломенском уезде многое время и обыскных людей скупал, потому что было ему слатца в повальной обыск около ево деревни, а тое де Палашкин муж, а ево кобальной человек Серешка Филипов для де того дела жил с ним (т. е. с Гвоздевым) на Москве и в нынешнем де во 136-м году бил челом о той своей жонки и о сносе на того Обросима (Мишурина) о суде». Мишурин помирился с ними, «не ходя на суд», договорился об отдаче жонки и зазвал Гвоздева к себе на подворье для передачи жонки. Поверив предложению Мишурина, Гвоздев 9/2 приехал к нему на подворье и имел неосторожность войти в избу, в которой Обросим «со своими товарищи, а он тех товарищев не знает, учали его бить и за бороду драть и выбили де у него ноги по ево Обросимову велению, и он де от той ноги и ныне лежит на смерть на постели, и стали де у него шипко просить на ту жонку записи и отпусные в том, что было ему впредь тебе, государю, на него, Обросима, о той своей (жонке) и о сносе не бити челом. И бив ево, и бороду у него выдрав и ногу выбив, замертва покинули». Гвоздев прибавляет, что во время

¹ ЗК 136 г., л. 171, № 628.

² ЗК 136 г., л. 174, №№ 640 и 641.

³ ЗК 136 г., лл. 189—190, № 699.

избиения «Обросим со своими товарищи оборвали с нево з мошне 8 рублей денег да збили с нево (шапку), вершек, отлас черной, испод лисей, петли жемчужные, цена шапке 2 рубли». ¹

Иногда закабалитель, приведший закабаляемого в Холопий приказ, наталкивался в последнюю минуту на отказ кандидата в холопье состояние выдать кабалу, и с удивительной, с нашей точки зрения, наивностью жаловался, равнодушно взиравшим дьякам и подьячим Приказа, на неожиданный сюрприз со стороны лица, приведенного для выдачи кабалы.

Так, 12/10 1627 г. подьячий Устюжской четверти Онтипа Васильев подал жалобу на то, что 1/8 1626 г. била челом к нему во двор «вдова Натальица Максимова дочь Ондронниковская жена Плотникова», и ныне проживающая у него во дворе, и в момент подачи явки, обещавшая выдать ему на себя служилую кабалу. В 1627 г. он приводил ее для дачи кабалы в Холопий приказ, но кабалы она ему на себя не дала «и из Холопья приказу вышел, пошла жить к нему во двор». Так как бескабальных людей во дворе держать было не велено, подьячий опасался: «Как де она от него збежит покрадчи, и ему де на тое Натальицу государю бить челом нельзе, потому что по государеву указу бескабальных сторонних людей во дворе держать не велено, не токма что, новых людей принев, во дворе бескабально держать». ²

12/3 1628 г. являл руженин Петр Ив. сын Белов в беглом старинном человеке Гришке Микитине сыне: «збежал де из Холопья приказу, привел де на него кабалы имать». ³

Обычай требовал, чтобы кабальный после смерти господина и госпожи оставался во владельческом доме до сорочин. О таком порядке, как обычном, говорят несколько дел: дело о холопах Воронцова ⁴, Уракова и Мотовилова, ⁵ Велкова и Мякинина. ⁶ В деле о холопах Максима Грекова отпускную холопам, задерживаемым наследниками Грекова по его смерти, выдает в 1665 г. Холопий приказ. В случае пострижения господина мы встречаем основательный и юридически обставленный аругументами протест самого холопа, некоего Назарки Македонского, полагающего, что пострижение кончат с кабальной неволей, и приводящего в подтверждение этого ряд precedентов. Существо дела состояло в том, что престарелый дьяк Ник. Новокишенов, постригшийся под именем Дионисия и отпустивший своих холопов, начал потом домогаться возвращения к себе Назарки, отошедшего от него на основании факта пострижения. ⁷

Общеизвестно, что царская опала, падавшая на господ, порывала все холопьи обязательства. По кабальным книгам, например, видно, как рассыпалась после гонения Годуновым «Никитичей» их многочисленная холопья дворня, часть которой, в поисках новых хозяев, даже перекочевала в Новгород. ⁸ Дело о людях окольничего кн. Аф. Шаховского решала в 1622 г. сама Великая старица, т. е. мать ц. Михаила. ⁹ Встречаются, но редко, случаи повального отпуска холопов и по завещанию их умершего господина, — по отношению к кабальным холопам мероприятие, вообще говоря, ненужное, но, может быть, во избежание ожидаемых претензий со стороны наследников, и не совсем лишнее. ¹⁰

¹ ЗК 136 г., л. 194, № 716.

² ЗК 136 г., л. 45, № 142.

³ ЗК 136 г., л. 169, № 619.

⁴ № 42272.

⁵ № 42276.

⁶ № 41764.

⁷ № 39645.

⁸ См. Новгородскую кабальную книгу 116 г., лл. 6, 59, 90 и др.

⁹ № 39888.

¹⁰ Например, в деле Вельяминова и Ртищева (42393).

В одном случае в 1628 г. иноземец Кондрацков обвинял Роболтовского, конкурировавшего с ним на новое закабаление им же, Кондрацковым, отпущенных холопов, даже в том, что отпускные грамоты им, Кондрацковым, выданные были, якобы, у него вымучены Роболтовским насильно для последующего закабаления к себе этих холопов.¹

Словом, где похолопление — там и насилие. Но какая ничтожная доля этих насилий отображена в дошедших до нас документах!

Со второй половины 1650-х гг., после первых удач в войне с Речью Посполитой, появляются в значительном количестве так называемые полонные холопы, те, которые в старину назывались нятцами, колодниками и т. д. (см. гл. I). Эти холопы, захваченные в городах, местечках и деревенских селениях Белоруссии, Литвы и Украины, обычно объединялись, без ближайшего уточнения своей национальности, под общим термином «литовский полоняник» и были объектом сделок между захватившими их в плен служилыми людьми, московскими казаками и прочими разрядами московского населения.²

Так, в июле 1669 г. Холопий приказ должен был разбирать дело по челобитью сотника московских стрельцов приказа Федора Головленкова и Аф. Сохина по следующему поводу. Аф. Сохин взял в полон, еще в первую польскую войну, из Дубровнинского литовского повета Пашку Литвина с сыном Сенькою и привез эту человеческую добычу к себе в деревню Хорошеву в Рязанском уезде, перекрестив мальчика и сменив ему «литовское имя Егупку» на Сеньку. Через год Аф. Сохин продал его Аверкию Сохину же, оставив у себя мальчикова отца Пашку. Аверкий Сохин Сеньку перепродал рязанскому владычню сыну боярскому Вас. Степ. Баженову, у которого Сенька и прожил «лет з десять» «в полону», пока жена Баженова, Авдотья Ефремовна, не продала его около 1665 г. — «тому года с три» — подьячему Анисиму Дементьеву Невежину. Невежин женил купленного им Сеньку у себя во дворе на приданой девке брата своего, Тимоф. Невежина, Наташке и посадил его в своей лавке в медяном ряду. Но тут Сеньку опять словил его первый хозяин, стрелецкий сотник Сохин, продавший его более 10 лет назад, а теперь притащивший в Холопий приказ, как свою собственность³ (конца дела нет).

В Виленском повете человек Ил. Дан. Милославского Афонька Непейцын «взял полоном» «поляка мещанского» Гришку Юрьева. Непейцын «поступился» своей добычей садовнику Ивашке Суботину, который по московскому порядку привел Гришку в православную веру («а крестил его кодашевец Филатко Кирилов да Пушкарского приказу казенного извозчика Ивашкова жена Костянтинова Аксиныца Степанова») и «нарекли» ему имя Павел. Пашка некоторое время жил у садовника Ивашки, а после смерти этого Ивашки вдова его, Ульяница, вышла замуж за тяглеца стрелецкой сотни Игнашку Богомолова, «а его, Пашку, взяла с собою, а писала ли его, Пашку, в рядной записи или нет, того он, Пашка, не ведает». Игнашка Богомолов во дворе у себя сейчас же женил Пашку на стрелецкой девке Троицы-Сергиева монастыря Грушке, с которой Пашка и прожил 6 лет, сойдя от Игнашки только в Петров пост 1667 г. Пашка сошел без сноса, а «отшетчи в день ходил по Москве, а по ночам начевал на пустых огородах», пока его не поймал на Москве в Троицкой слободе тяглец стрелецкой сотни Гришка Яковлев, доставивший его на двор к Игнашке «со стрельцами». От Игнашки по своему челобитью Пашка был отправлен в Холопий приказ, добившись того, чтобы туда же была отправлена и его жена Грунька. Пашка объявил при этом, что еще живя у Игнашки

¹ № 40315.

² Об этом частью говорено выше подробнее и будет рассказано в дальнейшем.

³ № 43299.

он дал по себе в Бронную слободу поручную «в животе и тягле об Рождестве 1667 г.». Факт выдачи поручной по Пашке староста Бронной слободы подтвердил, но был ли туда передан в заключение Пашка, из дела не видно.¹

Из одного сохранившегося столбца узнаем, как по-домашнему производились записи полоняников.

Двое татарчат, Азин и Желейка, взятые в плен донскими казаками, были «отданы» ими в 1660 г. окольным и оружничему Богд. Матв. Хитрово и записаны за ним в 1665 г.

За столыником Фед. Льв. Плещеевым записывают 21/4 1665 г. литовцев, в действительности — белоруссов, Данилку, Оринку и Окульку, взятых в Дубровнинском повете в 1656 г. человеком Плещеева и крещеных плещеевскими же крестьянами.

Кн. Ив. Никиф. Белосельский записывает в 1666 г. полоняников белоруссов Гришку и Настюшку, купленных Белосельским в Дубровне в 1656 г. у захвативших их татар (конечно, московских).

Пользовался полоном и монастырь: Спаса Нового монастырская вотчина приобретает к рукам 16/3 1665 г. прибрешего «сам своею волею» из Витебского уезда бобылка Микитку Яковлева.

Фомка Никифоров в 1662 г. сам привел литовского полону белорусскую девку Агашку, которая оставалась незаписанной в полонные книги до 1665 г.

Федор Львович Вельяминов записывает 6/7 1668 г. Стеньку Белорусца, Дубровнинского повета, называемого Вельяминовым «поляком», который находится у него с 1664 г.²

Вас. Ив. сын Рагозин закабалил, взятую в полон в Дубовне в 1656 г., «девку жидовку, звали ее Иродилкою», захваченную его людьми. Он крестил ее и назвал Варькой, а когда ее хотели выкупить такие же пленные евреи, — пошивочные мастера Оружейной палаты, — девкин брат Яков и дядя Иван, Рогозин заломил с них большой выкуп. После бегства Варьки в 1662 г. Рагозин предъявил иск, решенный в его пользу окольным и оружничим Б. М. Хитрово.³

Клиентом Холопьего приказа бывал и кремлевский монастырь. 12/1 1657 г. власти Чудова монастыря — архимандрит Иосиф да келарь Захарей с братьями, били в Холопьем приказе о том, что в 1655 г. на службе под Смоленском были монастырские чудовские служки, «и в Смоленске (по версии монастырских властей) дался тем монастырским служкам от большие нужды от голоду больной мещанин Трошка Матвеев». Служки «взяли» Трошку и отправили его на подводе из Смоленска в Коломенскую монастырскую вотчину с. Высокое и поселили у монастырского крестьянина Ермолки. Но, проживая в Высоком, Трошка временно нанимался к некоей вдове Маланье Кудрявой вино варить и сено косить. Приехав в январе 1657 г. с дьячком с. Высокого Сенькою Богдановым, он попался на глаза брату Маланьи, владимирскому сыну боярскому Терентию Возницыну, который задержал его и потащил в Холопий приказ на том основании, что Трошка уже закабалился у Маланьи и женился на ее дворовой девке Агашке, что Трошка, впрочем, подтвердил в приказе и сам. Чудовские власти немедленно вмешались и вчинили иск о возврате им Трошки, «чтоб он сидячи в Приказе, напрасно не погинул», несмотря на то, что Трошка вовсе не порывался вернуться в монастырское село.⁴

27/1 1659 г. бил челом в Холопьем приказе «богомолец Мещовского уезду поп Иван Максимов» на некоего Тимофея Купреянова, сманившего «его крепостных Литовского полону» Никитку да Феньку,

¹ № 43518.

² № 43310.

³ № 43156.

⁴ № 42681.

устроившихся на купреяновской поташной буде в том же Мещовском уезде и, якобы, захвативших снос на 4 р. с полтиною. Ив. Максимов бил челом о том, чтобы государь пожаловал «своего богомольца» и дал в этом иске «свою государеву грамоту».¹

Во всех цитированных полонных делах чувствуется глубокий атавизм явлений военного захвата, заставляющий нас вспомнить старинные, летописью описанные сцены, когда в XII—XIII вв. княжеская дружина возвращалась из похода на половцев или на свои же русские волости, «ополонившись» большим полоном и не оставив в разгромленной земле по известному выражению Мономаха «ни человека, ни скотины».

§ 2. ЗАКАБАЛЕНИЕ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

В Судебниках и в указах мы встречаем много раз повторенное, и на наш взгляд странное, запрещение служилым людям бить челом во двор и в холопство.² Как заметил наш знаменитый историк В. О. Ключевский, Московское государство оберегало свободу некоторых разрядов своих подданных страхом кнута, грозившего им за малодушный отказ от благ этой свободы. Такая своеобразная постановка «начал свободы», одновременно и парадоксальная и вполне деловая, мало известна в своих бытовых формах,³ и поэтому мы считаем полезным осветить ее материалом, почерпнутым из доселе не изученных архивных источников.

6/4 1649 г. разрядный пристав Офоня Каринов привел в Разряд малого, взятого им на паперти Казанского собора, «что в Китае у ножевого ряда», на которого указали ему дети боярские, Тарас и Степан Шехонские.⁴ Приводный малый сказался Ивашкой Степановым сыном Шехонским. Отец его, Богдан, умер в Курске, а он, Ивашка, «не хотя грамоте учитьца», пришел на двор к боярину Лукьяну Степановичу Стрешневу,⁵ у сына которого, Семена, во дворе на Вологде он был «наперед того». Человек Семена Стрешнева Осипко Горностаев отвел его на двор к Ив. Колычеву, сыну которого, Андрею, Ивашка и выдал служилую кабалу. У Андрея Колычева во дворе он пробыл года с полтора, а 6/4 пошел купить сапоги, и, купив таковые, зашел в церковь Казанской Богородицы «помолитца», где братья его, Тарас и Степан, словили его с помощью пристава и отвели в Разряд. Одет Ивашка был щегольски: «кафтан суконный красновишневой, нашивка на снурке шелк золотом, цена 10 рублей, однорядка вишневая с завязками, цена 7 рублей, фереzi дорогильны червчаты с завязками, цена 5 рублей, нагрудник червчат камчат, пугвицы серебряные позолочены, цена 3 рубли, шуба одевальная, баранья, новая, цена полтора рубли, полукафтан вершок черват, цена рубль, нашивка хамьянная на шнурке с золотом, полы подбиты камкою цветной, шапка красная с пухом».

Доставившие блудного Ивашку в Разряд братья его, подклюшник Кормового дворца Тарас да кашинские дети боярские Трифон и Степан, Шехонские, объяснили, что «братишко» их родной, Ивашка Шехонский, «збрел» от них «от грамотнова ученья з глупости» по подговору людей боярских Ивана Колычева, которые «взвели» его во двор, а Иван Дмитр. сын Колычев⁶ «закобалил его сильно», хотя «под Ивашкой» и было справлено поместье их общего отца Степана Шехонского,

¹ № 42794.

² Суд. 1550 г., ст. 81; Суд. ц. Федора, ст. 146, 147; указы: 1/10 1558 г., 1586 г. (предположительно), 1593 г. (тоже предположительно), 8/9 1620 г., 28/2 1639 г., 19/7 1640 г., 1/3 1642 г.; Уложение, XX гл., ст. 1, 2, 3, 14, 15, 27, 61 и др.

³ Некоторые документы были отрывочно напечатаны в АМГ.

⁴ Стольника Фед. Вас. Шехонского знают и ДР, правда, — в конце века.

⁵ Лукьян Степ. Стрешнев царский тесть. Его сын Семен — комнатный стольник, спальник, будущий боярин.

⁶ По ДР — стольник и воевода на Костроме.

а тот Степан служил «прежним большим государем по Кашину многое время и в осадах сживал и на боях на многих был ранен». По кашинскому выбору продолжали служить их двоюродные братья, да по городу служили и сами челобитчики. «А иные братья наши, — писали Тарас, Трифон и Степан, — служат тебе, государю, во дворе в стряпчих на Сытном дворце, и на Кормовом, а брат наш родной Богдан Шехонской служит тебе, государю, в сотниках у московских стрельцов и, служа тебе, государю, брат наш Богдан Шехонской, умер на твоей, государь, службе в новом Цареве Алексееве городе в нынешнем во 157-м году».

По инициативе колычевского поверенного, холопа Воинки Таринбина, Ивашка был снова допрошен о своих предыдущих скитаниях и показал, что «бегая от грамотного ученья» от брата своего Богдана (сотника московских стрельцов), он некоторое время пребывал во дворе у стольника Василья Борисова сына Шереметева, но жил бескабально, и, по челобитной своего старшего брата Богдана, Шереметевым был «отдан» Богдану, а потом сбежал снова и тут оказался закабаленным у Андрея Колычева.

После нескольких челобитных, из которых одна была доложена ц. Алексею в Коломенском, и справки с Кашинскими десятиями, враг книжного ученья Ивашка получил, повидимому, свободу, а с нею, вероятно, положенную по закону порцию кнута за отказ от этой свободы, и был возвращен в лоно рода Шехонских.¹

1/1 1649 г., т. е. в самый момент сдачи Уложения в печать и во время исполненное всяческих внутренних тревог, ц. Алексею бил челом кн. Петр Долгоруков,² «Жалоба, государь, мне, — писал Долгоруков — на кабальнова своего человека, на Федьку Григорьева сына Петрова. В прошлом, государь, во 156 (1684) г. мая в 10-й³ день дал он мне, Федька, на себя служилую кабалу, а у кабалы его, федькина, рука. А писал он себя в кабале Федькою Григорьевым сыном Петровым. А бежал он, Федька, от меня, снес живота моего на 40 руб., а что снес, и тому принесу роспись. И, умысля он, Федька, воровски с отцом своим, хотя от моего холопства отбыть и сносными моими животами завладеть и людей моих, назвал себя Федькою Оболяниновым,⁴ а не Петровым, — будто отец его и он, Федька, служили по Дмитрову и верстаны. И отец его, не токмо он, Федька, не верстан, и поместья за ним четверти не бывало нигде, а старина отцу и его, Федькина, во крестьянстве за розными помещики. И после того жил отец его в слугах у архиепископа рязанского, а у кого отец его, Федьки, был в крестьянстве, и тому записка у архиепископа рязанского, а нынеча отец его, отшедши от архиепископа рязанского, живет на Москве и торгует ветошным, а по Дмитрову не служил и не верстан. А по твоей государевой милости и прямые дети боярские неверстанные у господ наших⁵ и у нашей братьи служат, не токмо что он, Федька, воровски отбывает холопства, вылагаючи». В Разряде положили сухую фор-

¹ Арх. Разряда, Прик. ст., № 47, лл. 1033—1047. Дело перебито и повреждено.

² Вероятно, кн. Петр Алексеевич, прозванный Чертенком (деда его звали «Чорт»). По ДР в 1649 (147) г. он был стольником, кончил службу окольным около 1668 (176) г. Это — брат известного по борьбе с Разинским восстанием и событиями 682 г. кн. Юрия Алексеевича, большого сановника своего времени, в 1649 г. уже боярина и тоже носившего прозвище Чертенка.

³ Как раз пора острых московских волнений и пожаров.

⁴ Оболяниновы — от Оболенска — типичная для городского служилого человека уездная фамилия, как Веневитиновы, Ельчаниновы, Костромитиновы и т. д. Федор принадлежал к этому служилому роду, проникшему, правда, в небольшом числе, даже в ДР. Из этих Оболяниновых был известен в царствование Павла генерал-прокурор Петр Хрисанфович.

⁵ Под «господами нашими» надо, вероятно, разумеать царскую родню и свойство. Возможно, что Долгоруков метил именно в В. И. Морозова. Намек был дерзок и не лишен ядовитости.

мальную резолюцию: «157 (1649) г. генваря в 1 день. Взять к делу». У Долгорукова в челобитной прорвалось то, о чем говорили в московских влиятельных кругах того времени: пора прекратить вмешательство во внутренние отношения боярского «двора» с его холопским населением и пора вернуться к вековой политике, если не фактического, то юридического невмешательства в эту деликатную сторону социального уклада.¹

В 1650 (158) г. «родом все Торбеевы,² 53 человека» били челом о том, что у них безвестно пропал их «родственник» Ивашка Торбеев, «а ныне, — писали в своей коллективной челобитной 53 Торбеева, — тот наш родственник объявился у боярина Ив. Вас. Морозова³ во дворе. И прежде сего родимцы наши, и мы, х. т., — писали Торбеевы, — служили прежним государем... и тебе, государю, а во дворе... в холопстве нигде не бывали, а родимец наш, а его, Ивашков, отец служил... по Белой всякие твои, государевы, службы лет с 40 и болши, а тот... Ивашко служил отцу своему... и тебе, государю,... в Одоеве с воеводою с кн. В. П. Львовым за деда своего, за Федора Петрова сына Деменьева,⁴ и в списке имя его есть». Торбеевы били челом о том, чтобы им из холопства Ивашку выдали, велев ему служить попрежнему, дабы им «от своей братьи в позоре и в упрецище не быть». Государь указал дело разобрать в Разряде. Вызванный в этот приказ, Ивашка показал, что отец его Нефед, произвище Богдан, служил с Белой и постригся в Звенигороде в Саввинском монастыре тому 9-й год. За отцом его в Галицком уезде было государеву жалованье, поместье и вотчина, но и поместье и вотчину его отец променял «пьяным обычаем» белянину Атару Бор. Торбееву.⁵ После смерти отца, Ивашка «от бедности» поступил служкою в Троицы-Сергиев монастырь при келаре Авраамии Палицыне и прослужил там с полгода. По челобитью матери он был отпущен из служек согласно государеву указу и с год жил с матерью у деда своего (по матери) Фед. Петр. Дементьева. В 1642 (150) г. он был даже на государственной службе в Одоеве «вместо деда своего», но затем дед почему-то Ивашку с матерью от себя «сослал», и они вдвоем «бродили меж двор». «Да в то же время напал на него напрасно Яков Ив. сын Загражский, и его, Ивашка, изуботочил в вотчинном деле, и он, Ивашка, от той продажи бил челом в холопы стольнику Мих. Ив. Морозову⁶ и служилую кабалу дал, тому ныне 8 лет. И как де был на государственной службе на Туле боярин И. В. Морозов, и он де, Ивашка, был на Туле с (ним), а с Тулы де подговорили его родимцы его, тулянин Микита Матвеев сын Тарбеев с товарищи, и держали его в Федорове вотчине Васильева сына Тарбеева с товарищи, в Кадомском уезде, оковав в железзах, с год⁷ а Федор де Торбеев в то время был на приказе на Лебедяни, и морили де его голодом, и из Федоровы де вотчины он сбежал на Балахну и на Балахне де Яков Максимов сын Стрешнев,⁷ хотя его похолопить, посадил в тюрьму, и держал его в тюрьме и просил служилой кабалы, и он де служилую кабалу на Балахне на себя ему дал, и женился де

¹ Арх. Разряда, Моск. ст., №№ 265 и 374.

² ДР знают человек 15 Т(а)орбеевых. Ср. внушительную челобитную Ив. Торбеева в нашей работе «Приказ сбора ратных людей» (стр. 251—256).

³ Ив. Вас. Морозов — один из виднейших бояр эпохи Михаила и Алексея. (По ДР в 1614—1655 гг.).

⁴ ДР знают нескольких Дементьевых — двор. моск., стряпчих, стольников, голов, полуголов, воевод.

⁵ Атар Борисович Торбеев по ДР — «голова старожки ставить».

⁶ Мих. Ив. Морозов — спальник, комнатный и ближний стольник, рында у саадака, возница, есаул, чашник; сидел во Влад. суд. приказе. Под конец жизни — боярин. Известен ДР с 1648 по 1677 гг., сверстник и, повидимому, приятель ц. Алексея. Им, должно быть, род Морозовых и кончился.

⁷ Ф. В. Торбеева и Я. М. Стрешнева ДР не знают. Максим Стрешнев (по ДР 1615—1637 гг.) — двор. моск., крупного положения не занимал.

он у Як. Стрешнева на дзоровой его девке, и жил у него с год. И с Балахни де он от Я. Стрешнева сбежал к Москве, и на Москве де поймали его боярина И. В. Морозова люди и привели в Холопий приказ, а из Холопья де приказу отдан он по кабале стольнику Мих. Морозову в холопство по прежнему и с женою — тому 4-й год (т. е. в 1646 г.). «А на Ивашке платья, — замечает приказный протокол, — однорядка темнозелена, нашивки хамьянная, кафтан теплой русачий под киндяком зеленым, шапка вишнева с пухом, штаны кожаные оленьи, сапоженка телятинные». Хлопоты целой полусотни Торбеевых заставили забеспокоиться даже такого боярина-туза, каким был Ив. Вас. Морозов, сын которого, стольник, оказался запачканным противозаконным закабалением на стогнах самой Москвы служилого сына боярского. Боярин поспешил подать сконфуженное челобитье государю с категорическим отрицанием этой, несомненно имевшей место, операции закабаления. «Бьет челом, тебе государь, — писал боярин, — х. т., Ивашко Морозов. Я у них (Торбеевых) его (Ивашку) не подговаривал, и тем меня, х. т., они обезчестили», — прятался Морозов за свое высокое боярское звание. «А тот Ивашко, — продолжал распинаться боярин, — бил челом волею к сынишку моему во двор». По уверениям Морозова Ивашка в службу написан не был, и поэтому-то он все же просил вернуть Ивашку к нему во двор в холопство. Чтобы быть юридически элементарно последовательным, ничего иного боярину и не оставалось делать! Беспокойство боярина объясняется тем, что дело это привлекло сугубое внимание молодого ц. Алексея, как и несколько других аналогичных случаев тех же лет.¹ Впечатлительность и боярина и царя объясняется еще свежими воспоминаниями о 1648 и 1649 гг. На деле помета: «И 158 (1650) г., апреля в 7-й день государь указал: Ивашка Нефедьева Торбеева, бив батоги, от стольника Михаила Морозова из холопства с женою свободить и отдать родимцам ево, Торбеевым». Из дальнейшей пометы видно, что приговор-был исполнен в тот же день, и Ивашка Торбеев, после полученной им порции палочных ударов, был возвращен в прежнее «свободное» состояние.²

В другом роде — случай Ф. Жихарева. Костромитин Федор Семенов сын Жихарев в своей челобитной писал: «Свез меня, х. т., отца моево, Лаврентий Григ. сын Булатников,³ и свезчи, он, Лаврентий, отца моево, меня, х. т., покабалил насильством, а кабалу, государь, на меня взял в Дмитрове. И ныне меня, х. т., он, Лаврентий, посадил в тюрьму и морит напрасною голодною смертью». Жихарев просил «учинить ему указ по Уложению». Дело было доложено ц. Алексею и вызвало его повеление: «Государь пожаловал, велел указ учинить по Уложению». «И декабря в 27 день (1652) г. в Разряде... Лаврентий Булатников с Федькою Жихаревым на очную ставку ставливаны и допрашиваны». Версия Л. Булатникова была такова: Федор бил к нему челом в холопы и кабалу на себя дал в Дмитрове «из воли» в 1645 (143) г., тому 17-й год, и он «взял ее не сильно: челобитья Федьки и родимцев его о насильственном похолоплении государю в том не бывало». «Бегаючи от нево», Лаврентия, Федька жил у дьяка Андрея Немирова⁴ и даже выдал на себя дьяку служилую кабалу. Булатников бил тогда на Андр. Немирова челом, «приставливал» к нему из Разбойного приказа, и Федька был даже ему по кабале отдан, «и отдача в Розбойном приказе записана». Федька в расспросе дал иное объяснение: отец его и один из братьев служат по Костроме, его же, Федьку, маленьким похитил с отцовского поля человек Лаврентия Булатникова и увез под

¹ См. ниже гл. VI, посвященную борьбе холопов за свою свободу.

² Арх. Разряда, Моск. ст., № 265, лл. 418—440.

³ Федор хочет сказать, что он — подлинный сын служилого человека. Лавр. Григ. Булатникова — стряпчий и стольник, известен ДР в 1629—1639 (137—147) гг.

⁴ Немиров по ДР — дьяк Посольского приказа 1650-х и 1660-х гг.

Нерехту, в Троицкое село Федоровское, а затем — в Троицы-Сергиев монастырь в «служню слободу»; из «служней слободы он свез его дальше, в Дмитровский уезд в вотчину Булатникова с. Ильинское, а «колько лет свез его, — того не упомнит». В с. Ильинском прожил он года с три и бежал к отцу своему, но на дороге его поймал кн. М. Гр. Козловский¹ и прислал опять в Троицкий монастырь к келарю Александру (тоже Булатникову, повидимому, брату Лаврентия), а келарь велел посадить его в тюрьму в с. Клементьевском. В тюрьме Федька просидел недели 4 и был отослан к Лаврентию. Лаврентий Булатников держал его в с. Ильинском «в железах» недель 6, «из желез» послал его с человеком своим в Дмитров и взял на него в Дмитрове, лет 17 тому назад, служилую кабалу «силой». Когда Л. Булатников был «отпущен» на Мезень, Федька с дороги, из Ярославля, от него сбежал и скрылся в поместье у отца, где и прожил лет 5. За это время Федька не сидел праздно, а побывал в солдатах на Туле и на Лихвинской засеке «до отпуска», а после этого жил в Лихвине у Фед. Давыдова добровольно года 3, когда Федор (Давыдов) был в Лихвине на приказе. После он пришел к Москве и жил опять у Лавр. Булатникова. «Наваливал он, Лаврентий, на него всякое дело дворовое, и у лошадей в конюшне, и наготову водил, и морит его в тюрьме 5-ой год, а он ему бивал челом многожды, чтоб его из тюрьмы вынял, и он, Лаврентий, из тюрьмы его не вымет». В тюрьму он попал так. В 1647 (155) г. мимо булатниковского двора бежала лошадь без седока, которую Федька словил и привел к Булатникову во двор, где она и пробыла 4 дня, пока ее не накрыли с приставом. Нашли лошадь люди хозяина ее, боярина Б. П. Шереметева. Булатников возражал на это, что в тюрьму Федька был посажен вовсе не им, а «в иску боярина Б. П. Шереметева в 520 р. опричь пошлин, что он, Федька, лошадь поймал и впустил на двор без ево, Лаврентьева, ведома, и ту лошадь у него выняли, а не в его, Лаврентьева, деле». Что касается произошедшей еще лет 17 тому назад истории с похищением Федьки с отцовского поля, то Булатников не отрицал, что у него во дворе действительно жила холоп Афонька Михайлов, обвиняемый в похищении мальчика, но в нынешнем 1650 (158) г. он от него... уже сбежал. Впрочем, Булатников отрицал, что названный холоп когда-либо вообще «уваживал» Федьку с отцовского поля. Булатников аргументировал, что будь кабала Федькой дана не добровольно, а насильно, Федька и сам мог бы бить на него челом государю, так как ему было тогда лет 20, между тем доселе ни его, Федькина, ни родимцев его челобиться об этом на него, Лаврентия, не было. Булатников повторял, что Федька сбежал от него и раньше к дьяку Андр. Немирову и даже давал ему на себя кабалу, но вследствие судебного протеста Булатникова, Немиров, «не ходя в суд, досмотря кабалы, его, Федьку, ему (Булатникову) отдал, а бьет де челом государю тот его человек Федька ныне о свободе, избывая воровство свое и такой большой иск». ² Разряд запросил об уголовном прошлом Федьки Земский приказ и получил по данным этого специально-полицейского учреждения Москвы анамнез Федькиного прошлого. Земский приказ сообщил, что по иску Б. П. Шереметева Федька был сдан на поруку Лавр. Булатникову, но «за порукой от Лаврентья бежал и тою поручною записью Лаврентья в Земском приказе винил». В Земский приказ Федька был приведен людьми Шереметева 3/12 1646 (155) г., поймавшими его во дворе у Булатникова, причем Федька тогда в расспросе сознался, что он раз уже убежал от Булатникова и жил на Костроме в поместье отца. В ответ на это Булатников бил челом о том, чтобы «государь велел его (Федьку) в

¹ Кн. М. Г. Козловский по ДР — в 1613—1640 гг. двор. моск., жалец, стольник, воевода на Ливнах, в Белгороде, Сургуте, Мценске, Курске и т. д.

² За кражу шереметевской лошади.

побеге попытать для того, что де Федька от него бегал по подговору Б. П. Шереметева людей», — конечно, не без ведома самого же боярина. В 1648 (155) г. распоряжением Земского приказа Федька был посажен (все за ту же шереметевскую лошадь, украденную, несомненно, с ведома и при участии, самого Булатникова) в тюрьму, из которой «Федька отдаван Лаврентью, а Лаврентий того Федьки не взял», — как замечает отношение Земского приказа, — не взял, разумеется, из осторожности, боясь, как бы самому не запутаться в громкую историю с конокрадством у боярина Шереметева.

Конца дела не имеем и резолюция нам неизвестна, но какова бы она ни была, роли действующих лиц, а главное облик среды, в которой все это происходило, вполне ясны, и не знаешь, кому отдать пальму первенства. Хорош Л. Булатников, крадущий мальчика с отцовского поля и потом посвящающий его в секреты тогдашней уголовщины, конокрадства и укрывательства! Ведь не мог же холоп без ведома, согласия и даже приказа своего «государя» украсть перед самыми окнами его избы дорогого и нарядно убранного коня одного из первых тогдашних бояр и четыре дня держать его на хозяйской конюшне. Хорош пособник Лаврентия — старец Александр, — тоже Булатников, довольно известный келарь Троицкой лавры! Хорош боярин Б. П. Шереметев,¹ если справедливы слова Л. Булатникова, смакивавший — через людей, конечно, — ловкого Федьку на свой двор и именно поэтому, не желавший «углублять» дело, а просто «забывший» Федьку в тюрьме. Хороши и родичи Федьки, долгое время безразлично относившиеся к насильственному закабалению одного из Жихаревых!

В цитируемом деле обрисовывается и холопий мирок этого круга: по приказанию хозяина холоп Афонька крадет сына служилого человека, но, когда дело грозит большим скандалом, во-время «сбегает» из двора хозяина, могущего быть скомпрометированным его кражей; холопы Шереметева, обманывая своего «государя», забывают боярского коня у двора Булатникова, — едва ли не профессионала по этой части, тем более, что между ним и Федькой чувствуется какая-то связь, — намек Л. Булатникова здесь безусловно имеет под собой почву. Но смазать ловкого Федьку к себе во двор не прочь, как мы видим, и сам боярин Шереметев. Дьяк А. Немиров из Посольского приказа, лицо высокопоставленное, тоже не прочь перетащить к себе вороватого холопа и отступает только перед решительным отпором Булатникова, которого остерегались даже и Шереметевы.

Так это небольшое в отрывке дошедшее до нас дело приоткрывает картину нравов среди холоповладельцев и холопов 1640-х гг.

8/10 1653 г. в Разряд поступило челобитие белян Мещериновых. «Сергушка Михайлов сын, да Моисейка, да Афонка Демидовы дети, да Семка Иванов сын, да Пронька Исаков сын, да Ермак Парфеньев сын — и все родом Мещериновы» били челом о следующем: «Отшел от меня, х. т., Сергушки сынишко мой Устинко Мещеринов сын, а наш, холопей твоих, братишко, и, отшедчи, бил челом во двор к окольничему кн. В. П. Львову² и дал на себя кабалу служивую. И я, х. т., Сергушка, нынеча узнал того своего сынишка во дворе у... кн. Львова, а у меня, х. т., кроме того сынишка Устинка иных детей нет, а я, х. т., стар и скорбен и увечен от ваших государевых служб (про-

¹ Б. П. Шереметев, брат Василия и Ивана Петровичей, лицо очень заметное: рында, стольник, царский возница, воевода в Архангельске, Белгороде, воевода полковой и т. д. Он дожил почти до XVIII в. О нем см. нашу работу «Приказ сбора ратных людей». Фельд-маршал гр. П. Б. Шереметев — его сын.

² Кн. В. П. Львов — стряпчий, стольник, патриарший кравчий, окольничий, воевода на Яблонице, в Путивле и во Пскове. Известен ДР в 1625—1657 (133—165) гг. Он брат крупного сановника тех времен — кн. Дм. Петровича, наместника муромского и брянского и т. д. Из Мещериновых (Мещериновых) трое попали в ДР. Один (но не из этих) был стряпчим, а другой — ярославским воеводой.

пускаем перечисление служб), и ото многого осадного сиденья, и от ран..., а нынече, государь, меня, х. т., поить-кормить некому. А я, х. т., за старость и за увече от службы отставлен, а в мое место написан с урочных лет тот сынишко мой Устинко с моего поместья, и ныне, государь, с того поместья служить,... и меня поить-кормить стало некому. А прежде, государь, сего родимцы наши Мещериновы в боярских дворах ни у кого не служивали». Мещериновы просили возвратить Устинка из двора кн. Львова к отцу. На челобитной помета: «Государь пожаловал, велел его взять в Разряд и розспросить». В Приказе 8/10 1652 г. положили резолюцию: «Поставить в Разряд».

Любопытно, что этот краткий, но достаточно красочный документ, не говорит ничего о немедленном же «по всей силе и строгости законов», как любили говорить позднее, возвращении злополучного Устинки на государеву службу, ибо с принципиальной стороны дело было совершенно ясно. Характерно и то, что для решения такого юридически нетрудного казуса потребовался особый индивидуальный доклад ц. Алексею. Вызвано это было, конечно, высоким положением братьев Львовых в 1652 г.: окольный Василий Петрович был воеводой во Пскове, а Дмитрий Петрович был накануне боярства, полученного им в 1655 г., Семен Петрович был окольным. Не говорим уже о массе других князей Львовых, из которых на первое место надо поставить министра двора той эпохи — кн. Алексея Михайловича, боярина, «дворецкого с путем», наместника суздальского, неоднократно возглавлявшего посольства в Польшу и т. д. Всех князей Львовых, игравших заметную роль в XVII в., по ДР можно насчитать почти пять десятков. Понятно, поэтому, что вырвать Устину Мещеринова из двора князя Львова было в эту пору не так-то просто.

Из рук другого туза, думного дворянина и ясельничего Ждана Вас. Кондырева,¹ Разряду пришлось через 9 лет, в 1661 г., извлекать некую Степаниду Тесовитинову. Кондырев прислал в Разряд со своим человеком Степаниду Антонову дочь Тесовитинову, а Степанида объяснила, что «она жила с мужем своим у Кондырева в кабальном холопстве с год, а детей де у них нет, а на приходе де денег и платья не давали ничево». «А на жонке Степанидке платья — сарафанишко ветчан крашенинный, на голове платок, без шапки, да с нею же принесено: основа пряжи льняной, на новое навита, да в коробишке сапожонка женские телятинные ветчаны, 3 клубка пряжи, рукавичишка суконные теплые ветчаны, 2 рубашонки мужские, трош портченки, 5 рубашенок женских ветчаных, денег нет».

По показаниям мужа Степаниды Антошки, отец его, Григорий Тесовитинов, служил по бельскому списку и умер тому лет с 20 (т. е. около 1641 г.). Антон остался после отца 3-х лет, а поместье его отца в Пошехонском уезде «было справлено за ним, Антошком с братьею. И с того поместья во 154 (1646) г. он был на государеве службе на Ливнах и в Беле-городе в драгунах, и государевым жалованьем, помещным и денежным окладом он верстан во 157 (1649) г. в Ярославле, а к Жд. Вас. Кондыреву в холопство он бил челом во 160 (1652) г. в июле и служивую кабалу на себя дал от бедности, и что Ждановы крестьяне Пошехонского уезду дер. Борку клепали напрасно убивственным делом брата его родного Семена Тесовитинова, и брат де ево сидел в Пошехонье в тюрьме год, и, как де он к Жд. Вас. (Кондыреву)

¹ Кондыревых ДР в XVII в. знают около 25 человек. Иван (брат Ждана?) ездил в посольствах во Францию, Польшу и Турцию, отчего детей его звали Пословыми. Тимофей (прозвище Ждан) Вас. Кондырев — двор. московский, впоследствии — окольный. Он известен ДР в 1626—1662 (134—170) гг. Ждан Кондырев был воеводой в Рясском и Енисейске, головой на посольских съездах, послом у донских казаков. Его сыновья: Иван (стольник, думный двор., окольный, боярин и тоже, как отец, ясельничий), Максим (стольник), Петр (стольник), Семен (стольник).

бил челом, и он де (Кондырев) велел тем своим крестьяном принесть челобитную, что им до брата его, до Семена, дела нет, и по той де челобитной брат его из тюрьмы свободен». «На приходе, — по словам Антошки, — Ив. Кондырев (сын Ждана) дал ему однорядку вишневу с пугвицы серебряными, кожан телятинный, шапку вишневу с пухом, сапоги телятинные, арчак телятинный, да... для службы на подъем дал денег 5 руб., и он на те деньги купил саблю, лядунку с фляжкою, седло телятинное, епанчу, крюк татаурный, да двои сапоги, — и то платье и рухлядь ныне у Ждана Васильевича на дворе, а денег де 15 руб. ему Иван на приходе не даывал».¹

По справке со списками, Антон Тесовитинов оказался записанным в севской разборной десятне. Ходатайство Антона об освобождении из холопства было поддержано его 5 братьями, просившими освободить его из холопства, чтобы им «вечно в позоре не быть».

За Ждана Кондырева в Разряде отвечал его сын Иван (в 1652 г. уже стольник, впоследствии, в 1677 г. — ясельничий и в 1689 г. — боярин). Ив. Кондырев изложил несколько иную версию закабаления Антона. Ив. Кондырев показывал, что Тесовитинов бил челом в холопство ему (а не отцу его, Ждану) в 160 (1652) г., «и дал ему кабалу в Холопье приказе, а у кабальной записки сказался вольной человек, а зовут его Антошкой, а прозвище Часовитинов (так!), с своею женою, и взял у меня, х. т., — писал Иван, — на приходе денег». «В нынешнем 161 (1652 же) г. сказано отцу моему Ждану Васильевичу твоя, государева, служба, и мне, х. т., велено с ним быть, да ему же, Антошке, на подъем даны для службы на ружье и на всякую служивую рухлядь 7 руб., и нынеча он, Антошка, с батюшкова с московскова двора сшел и объявился в Разряде, и бьет челом тебе, государю, а сказывается он, что сын боярский, а у записки в Разряде сказал, что будто бил челом он мне от изгони, что будто батюшко его... (взял?)² выгнал из поместья, а мы, государь, его и не знаем, и поместья его не знаем же». Ив. Кондырев просил очной ставки для выяснения дела. Челобитная его помечена 22/8 1653 г., а 16/9 того же 1653 года «по государеву указу Антонко Тесовитинов с женою из холопства свободен и отпущен из Разряда». В подробности счетов и отношений между Тесовитиновым и Кондыревым Разряд вникать уже не стал, настолько ясно было плутовство Кондыревых.

И в этом деле, как и в предыдущих, нас поражает исключительная дерзость и развязность закабалителей, смело и открыто нарушающих совершенно недвусмысленные указы по этому поводу.³

Если в выступлениях Кондыревых и других чувствуется почти скрежет зубовный озлобленных холоповладельцев, то в деле кн. Петра Долгорукова, прошедшем через Разряд немного раньше, в январе 1649 (167) г., это раздражение получило и свое словесное выражение.

С некоторыми подробностями техники закабаления нас знакомит дело стольника и воеводы Петра Ив. Годунова.⁴ В 1666 г. по государеву указу был сослан в Сибирь «в Дауры в пашню за вину литвин шляхтич Иван Гаврилов Ляхнович, захваченный в русский плен при взятии Мстиславля, с женою Дунькою, да с детьми — с Мишкою, да с Федькою, да с дочерью Зиновьицею». До Даурии Ляхнович не доехал, а осел в Тобольске и служил там «по Литовскому списку» в

¹ Дело осыпалось.

² Текст испорчен.

³ Арх. Разряда, Моск. ст., № 265, лл. 246—263.

⁴ Петр Ив. Годунов одновременно родственник и ц. Борис и Романовым: мать его, Ирина Никитишна, — тетка ц. Михаила. По ДР он был воеводой в Брянске в 1659 (167) г. и в Тобольске в 1668 (176) г. Кн. Фед. Бельский — стряпчий и тобольский воевода, по РК вместе с П. И. Годуновым в 1668 (170) г.

казаках. Когда после примирения с Польшей (в 1667 г.) пленных велено было отпустить к Москве, его с женою и детьми захватил к себе во двор тобольский воевода Петр. Ив. Годунов и вывез к Москве, а по дороге, на Вологде, взял на него служилую кабалу. 18/2 1670 (178) г. в Сибирский приказ пришел кн. Фед. Бельский, а за ним был приведен поляк, который подтвердил и дополнил изложенную Бельским историю своего захвата Годуновым. Вызванный в свою очередь к ответу, Годунов явился не сам, а прислал человека своего, Стеньку Петрова, «подавшего на Ивашка-поляка служилые крепости». Казус был доложен ц. Алексею, и он указал дело это разобрать в Разряде и представить ему особый доклад. В докладе, изготовленном по этому указу, была подробно рассказана история Ивашки, поселенного, после его пленения в 1666 (174) г., сначала в Калуге. Ляхнович, превратившись в дорогобужского казака, жил в Калуге у стрельца Митьки Лысова, но затем «своровал в Калуге ж: подговорил из тюрьмы взятых литовских людей, которые в Калугу присланы были из полков, 20 человек, и хотел их провести в Литовскую сторону. И те литовские взятые люди, по его подговору из тюрьмы вырезався, из Калуги разбежались и хотели уйти в Литовскую сторону, и их калужские погонщики, сыскав в разных местах, привели в Калугу. А подговорщик Ивашко и стрелец по разспросным речам тех беглецов в Калуге разспрашиваны и пытаны и в разспросе и с пытки в том воровстве винились, что он, Ивашка, тех людей подговаривал, а стрелец про то ведал, а не известил». За эту вину Ляхнович и попал в Сибирь, а из Сибири во двор к Годунову.

Крупно в чем-то не поладивший со своим сотоварищем по воеводству Петром Годуновым, кн. Фед. Бельский принял в следствии, производившемся в Разряде, очень активное участие и бил челом о том, «чтобы великий государь пожаловал его, велел того поляка разспросить, как его вывез из Сибири П. Годунов», — «иныя поляке и татаров и татарки вывезены из Сибири у него, Петра, есть, живут на Москве». Расспрошенный по указанию кн. Бельского, Иван Ляхнович изложил обстоятельства своего похолопления. По его словам, когда наступил момент отпуска пленных, П. Годунов его к Москве не отпустил, а сказал: «служил де ты по Дорогобужу, а ныне Дорогобуж за великим государем, — и велел ему служить в рейтарех и, после того, велел его держать в приказной избе за приставом. И говорил ему, Ивану (Ляхновичу), тобольские приказной избы подьячий Семен Сумороцкий: поди ты, Иван, служить во двор к Петру Годунову, а что де ты служил в литовском списке, и то де место занято. А будет ты к Петру во двор не пойдешь, и Петр велит тебя сослать в Дауры. И он де Иван сказал: воля де ваша, — как хотите, так и делайте. И в приказную избу Петр прислал по него его ж, Семена Сумороцкаго да человека своего, поляка ж, Павла Лазовского, и взял его к себе на двор, и жену его с детьми саму-четверту велел к себе ж на двор привести. И с того часа служил он. Иван, у него во дворе. И к Москве де его с женою и с детьми вывез, а на Вологде взял на него служилую кабалу, а у кабалы де он, Иван, оказался вольный человек, а про то, что ссыльный человек, не сказал, боясь его, Петра». Ляхнович просил освободить его с семьей от холопства у Годунова и разрешить ему попрежнему служить в Тобольске. Он сообщал, что Годунов вывез с собою к Москве 5 человек поляков, о которых Ляхнович не знает, сами ли они Петру били челом во двор или он их покабалил «сильно». «А те де все люди ссыльные». «Да он же, — прибавил Ляхнович, — вывез 3-х человек робят татарченков сибирских да 3 девки татарские, а 4-ю девку-татарку выдал замуж за поляка, за Ивашка Сапожника, а двое де робят татарченков померли на дороге». «Да он же, Петр, — продолжал свои показания Ляхнович, — взял в Тобольску во двор к

себе сильно поляка Семена с женою и с детьми, сама-пята, а чей Семен сын и как словет, того он не ведает. И тот де Семен на Устюге сбежал, а жена его Авдотья и ныне у Петра во дворе. Да Петр же Годунов взял в Тобольске русского малого Максимку от матери сильно и отдал немчину, майору Алферу, и Алфер того Максимка вывез к Москве».

Хотя улики против П. Годунова были подавляющие, он сделал жалкую попытку вывернуться. Его «поверенный в делах» Степан Петров подал в Разряд фиктивную отпускную, выданную неким Вас. Поярковым своему «крепостному человеку» поляку Ивану Гаврилову, сыну Ляшку (вм. Ляхновича), с женою и детьми. С этой отпускной Ляхновича будто бы и принял в холопство Петр Годунов, взяв с него новую, к ответу поверенного прилагаемую, кабалу на Вологде. Ив. Ляхнович заметил на это, что «ни у какого Пояркова он вообще не служивал и крепостей ему на себя никаких не даывал, и его, Василья, не знает. А служилую кабалу Петру Годунову на себя на Вологде дал, боясь его, Петра».

Едва ли Годунов удержал нахватанных им в Сибири холопов, хотя за свои проделки он и не пострадал: ведь царь Алексей приходился ему чем-то вроде троюродного брата, а об этом в XVII в. не забывали.

Выразительную историю насильственного закабаления узнаем из поданного в Разряд челобитья драгунского сына Самошки Максимова сына Тимофеева. В 1661 (169) г., «в приход под Севск крымских татар», он был захвачен ими в плен 8-летним мальчиком, но русские ратные люди его отбили и привели в Севск. «И, умысля воровски, — повествовал Тимофеев, — кроповинец Федор Ростовцев меня (схва?) тил¹ и удавил за глотку, чтоб я, х. т., не кричал, и сvez к себе в поместье в Кропивенском уезде в дер. Волдр... и женил меня, х. т., на дворовой девке, родом на черкашенке, на Фимке. И (я) прижил с нею 2 сына, Андрюшку да Федьку. И хочет (Ф. Ростовцев) меня покабалить вечно». Тимофеев в 1676 (184) г. бил челом в Севске в приказной избе воеводе Лихареву «о прииске», прося «приискать имя отца своего в драгунских книгах в службе», но не получил просимого. Тогда он взялся за дело решительнее и стал просить Разряд «дать ему пристава по него, Федора, чтоб его поставить здесь на Москве к очной ставке и женишку мою и детишек для подлинного розыску, чтоб мне, х. т., от него, Федора, закабалену не быть и впредь твоей царской службы не отбить». 12/2 1677 г. на докладной выписке, составленной по челобитью Тимофеева, помета: «185 (1677) г. марта в 1-й день. По указу великого государя послать его, государева, грамота на Кропивну к приказному человеку, велеть ему того сына боярского выслать к Москве за поруками без мотчанья и крепости, какия у него на того драгуна и на жену его есть, велеть ему взять с собою».²

Из изложенных дел видно, насколько энергичен был напор сильных закабалителей, направленный даже на привилегированную служилую группу населения. Эти, для XVII в. уже архаические, эпизоды открывают нам возможность представить себе, как такие же, без сомнения, операции производились в большом масштабе, особенно в провинциальной глуши, в пору наместнического кормленческого управления и объясняют, почему так осторожна была Москва в деле укрепления уездных кабал. Что же делалось в «медвежьих» углах Московской Руси, если сцены, вроде изложенных, возможны были под Кремлем, почти на глазах у самого царя в эпоху Уложения 1649 г.?

¹ Текст испорчен.

² Арх. Разряда, Моск. ст., № 529, столпик III, лл. 41—46.

§ 3. ПОДГОВОР К ПОБЕГУ

Бегству холопов очень часто предшествует подговор, и около боярского двора обычно подолгу вьется змей-искуситель, большей частью тоже холоп, подосланный своим же братом служилым человеком, претендующим на чужого холопа. Холоп-подговорщик и сманивает чужого холопа к побегу во двор своего боярина.

Работа подговорщиков наглядно рисует нам царившую в служилой среде рознь, обостряемую постоянной борьбой из-за холопов. Заглянем в бытовую обстановку этих подговоров и последим, как шло, предшествующее побегу, сманивание холопов в уездной глуши и в столице.

В уезде. У воронежского сына боярского Андрея Пырьева 2/4 1623 г. подговорили кабального человека Проньку Ермольева с женою Дашкою его же соседи — воронежский сын боярский Петр Белоруков и атаман Яков Хромов. Бежавшая от Пырьева холопья чета захватила порядочное количество животных: трех лошадей, лазоревую однорядку, киндяшный кафтан, 10 р. денег, мужское жемчужное ожерелье «с пугвицами», две рубашки шитые золотом, «двой порты, четыре полотна ольняных», четыре рубашки «дитем их», да еще «двой порты», саблю, пищаль, «два седла подтелятиных с войлоки», — не считая исправной господской одежды, в которую были одеты бежавшие холопы. Дарья «ходила в ключе»¹ и, вероятно, поэтому могла приодеться как следует и захватить внушительное количество господского добра. Одета она была в «телогрею зенденинную и шапку червчату», на ней были «серьги червчатые с жемчугом, да шубка заячья» и т. д.

Со своим сносом, оцененным Пырьевым в 70^{1/2} р., беглецы обособились в Воронежском уезде «у подговорщиков Петра (Белорукова) и Якова (Хромова) и живут у них, переходя». Беглые холопы были близко, рядом, но чтобы добраться до них, Пырьеву пришлось искать управы через Москву и Холопий приказ, так как помощи у местной власти он, очевидно, найти не смог.²

У Петра Апраксина рязанские дети боярские Богдан, Фрол и Василий Савостьяновы, Савелий и Сконя (так!) Фроловы и Андрей Лихарев, впятером, но «заодин» подговорили в 1624 г., «по умыслу Богдана Савостьянова», его холопа Ивашку Заику, бывшего у Апраксина в споре с кн. Ив. Волконским, сбегать к его, холопа, еще ранее скрывшейся жене Фимке. Заика при побеге захватил у Апраксина, по заявлению последнего, всякого добра на 57 р. с полтиною. Справиться с этой сильной кучкой своей же рязанской братии, даже при поддержке Москвы, Апраксину удалось далеко не сразу.³

В том же 1624 г. у ростовца сына боярского Лавра Коробьина ростовцев же сын боярский Гр. Исаков подговорил 5/7 «кабальную жоночку Ульяну Савельеву дочь Олешкину жену Яковлева». Побег сманенной Исаковым «жоночки» произошел в июле, но только в декабре того же года Коробьин выхлопотал через Москву и Холопий приказ нужное для него распоряжение рязанскому воеводе.⁴

Бежечанин сын боярский Дементий Алексеев Сукин бил челом на бежечанина же сына боярского Петра Семенова Меньшого Лутохина и на его «человека» Андрюшку Звягина. Накануне Покрова (т. е. 1/10 по ст. с.) 1624 г. Лутохин подослал своего холопа Звягина подговаривать холопа Сукина Трофима Иванова с женою Натальицею Кирилловой дочерью, да с детьми Каптюшкою да Овдотьицею. «Подговорные люди» свели животных и снесли платья и денег на 30 р. с полтиною.

¹ Т. е. была ключницей.

² № 40024, явка 55, лл. 153—154.

³ № 40024, явка 19, лл. 57—62.

⁴ № 40024, явка 28, л. 85.

Сукин уверял, что Лутохин занимался сманиванием холопов и раньше. Так, по его слова, Лутохин держал у себя сманенных им людей племянницы Сукина, Улиты Сукиной, Ивашку Семенова, да Марка, да Сысойку, да Офонку Ивановых детей с их женами и детьми, да со сносными животами на 32 р. с полтиною.¹

В том же 1624 г. кабальных холопов рязанского сына боярского Василия Федорова сына Кисленского подговорили к побегу «человек» Бас. Ив. Полтева Алешка Обросимов и его же крестьянин Сидорка. Беглая женка Авдотьица с дочерью Манькою укрылись в поместье Полтева Пеньках, захватив с собою снос, ценимый Кисленским в 14 р. 23 ал. 4 д. Рязанский воевода Дем. Лодыженский по жалобе Кисленского вызвал к ответу в съезжую избу полтевского человека Казарина Борисова, и Казарин объяснил, что такая женка Авдотьица с дочерью Манькою в Пеньках действительно была, но что теперь она находится уже на московском дворе Полтева, Поруки «тот Васильев человек Полтева Казаринка по себе не дал и сказал: Василий (Полтев) де ныне на Москве ему, Василью Кисленскому, сам в том отвечает».²

У тулянина Якова Богд. Копцова сманил в 1624 г. женку Федоску да девку Оксюшку тулянин же Ив. М. Ушаков. Сманивание женки и девки было организовано ушаковским крестьянином Кузькой и «человеком» Федькой Ивановым, приехавшими в дер. Белкову, принадлежавшую Копцову. «И они от меня, — жаловался 16/9 1624 г. Копцов, — тех моих людей збаели да сносу на 12 руб. с полтиной. А тот Иван (Ушаков) искал на мне, х. т., встрешно своего безчестья и жены своей и дочерей своих», — заключал Копцов, ходатайствуя о переносе дела в Москву, не раскрывая, однако, смысла загадочной фразы о жене и дочерях Ушакова.³

Все это ссоры мелких служилых людей, но вот конфликты и людей крупных. 17/3 1625 г. в Холопий приказ поступило челобитье и большого туза, известного впоследствии по своей печальной участи, боярина Мих. Бор. Шеина. По тексту дела можно думать, что он даже снизошел до личной явки в Приказ. Из белозерского поместья боярина подговорил его кабального еще 16/12 1623 г., т. е. за год и 4 месяца до вчинения дела, служилый немчин Томила Томасов. Убегая, «подговорный» человек «Павелка Савостьянова, прозвище Щетина» снес изрядное количество боярского добра: «кафтан шубной под киндяком лазоревым, да полукафтанье киндяшное зеленое, три шапки, две на кунцах, сукно багрец, третья шапка на лисице с лухом, сукно лунд[ыш] вишневы, да воску 20 гривенок», — кроме платья, котсрое было на самом сбежавшем холопе. Боярин просил поставить как иноземца Томасова, так и беглого холопа Щетину на Москве в Холопьем приказе. Нельзя сказать, чтобы высокое положение челобитчика заставило Приказ беспокоиться. В ответ на его челобитную (возможно, автограф) от 17/3, приказная грамота последовала только в апреле с вызовом ответчиков на «Радуницу» 1625 г.⁴

От того же 1625 г. имеем челобитную тулянина Мих. Фед. Данилова, у которого ельчанин сын боярский Вас. Ишков «со своею братьею», с Иваном да с Осипом, из его тульской вотчины из Юховского стана из сельца Грызлова да из дер. Юрьевской, Двойченкова то ж, подговорили к побегу сразу 5 крестьянских семейств со всеми их крестьянскими животами. Беглые укрылись в Елецком уезде в поместьях подговорщика и его братии, и живут там «переходя».⁵

¹ № 40024, явка 65, лл. 175—176.

² № 40024, явка 88, лл. 244—245.

³ № 40024, явка 7, л. 17.

⁴ № 40024, явки 90 и 99, лл. 247—250, 275—277.

⁵ Арх. Разряда, Моск. ст., № 60, лл. 463—464.

В 1626 г. в Холопьем приказе рязанка «горькая и бедная вдова Попугаевская женишка Бехтышева Марфица»¹ была челом на рязанца сына боярского Перевицкого стана Василья Михайлова Гололобова, прозвище Бучка, да на Никитина человека Гололобова на Герасимка, — «а отца его имени не ведаю», — оговаривалась вдова Марфица. «Попугаевская жена» жаловалась на то, что в прошлом в 132 (т. е. 1626) г. «во Спожины говейна (т. е. в Успенский пост), на первой неделе поста во вторник» Гололобов и его холоп подговорили у нее к побегу женку Акулинку Павлову дочь. Снос Акулины был довольно значителен: «9 аршин полотен тонких, да 4 рубашки женских полотняных тонких новых, да телогрея белья (т. е. беличья) под лазоревыми дорогами,² да 2 рубли 4 алтына денег, — всего на 15 руб. с полтиною». «И, подговоря жонку Акулинку, тот Василий Бучка да Гараска, — уравнивает вдова в своем обвинении и господина и холопа, — неведома где (ее) дели». Но справиться с дерзким сыном боярским Гололобовым оказалось для вдовы, несмотря на наличие специальной грамоты из Москвы, делом трудным.³

Сытник Бажен Трескин в 1627 г. бил челом на кашинца сына боярского Тихона Зыкова, жалуясь на то, что Зыков «на третьей неделе после велика дня» (т. е., примерно, в первых числах мая месяца) презвал от него в Кашинском уезде в Кочемском стану в сельце Матвеевском, Вознесенском то ж, Демидку Парфеньева с женой Оринкой и с пасынком Митькой. Оринка «ходила у него в ключе»⁴ и выдала Зыкову всякого добра, животных и статков на 50 руб. с полтиной. «И яз, холоп твой, — восклицал Трескин, — от тово Тихона Зыкова вконец погиб».⁴

13/12 1630 г. козлитин сын боярский Ив. Дан. Щербачев дал в своей челобитной выразительную картину довольно сложного подговора. В его козловское поместье Нижние Порыски в 1627 г. для торгу приезжал из Белгорода посадский человек Гр. Ос. Желвак со своим шурином Никиткою. В Порысках торговые люди заехали к старинному щербачевскому крестьянину Бор. Стрельникову, который тоже «торговывал и тому Гришке (Желваку) племя». Сам Щербачев был в это время на государственной службе. По подговору приезжих Бориса бежал в Белгород, захватив с собой (по явке Щербачева) 100 р. денег, да 3-х лошадей, стоимвших 20 р. с полтиной, да мелкой рухляди и всякого товара на 30 р., — всего на 150 р. с полтиной. Борис устроился на посаде в Белгороде и только к концу 1630 г. Щербачеву удалось установить местопребывание своего беглеца.⁵

В 1629 г. «в великий пост на третьей неделе в субботу» ливенец сын боярский Онуфр. Ив. Кожухов подговорил у алексинца Ив. Подгорецкого из его поместья дер. Медвежьей старинного крестьянина Демку с женою и с детьми и с крестьянскими животами, а «подговорный крестьянин» в свою очередь, вместе с тем же Кожуховым подговорил у Подгорецкого еще дворовую жонку Оринку Федулову, «а та моя жонка, — повествовал в своей челобитной Подгорецкий, — ходила в ключах, а по их подговору взяла жены моей платья — летник дорожен [зелен, вошвы шитье золотом да серебром, цена летнику 15 руб., да ожерелье женское низано по дике⁶ по золоченой, с пугвицы серебряны ж позолочены с жемчуги, цена ожерелью 35 руб. с пол-

¹ Т. е. вдова Попугая (так!) Бехтышева Марфа.

² «Дороги» (персидское слово) — очень распространенная в Моск. Руси XVII в. восточная шелковая ткань. Прилагательными от «дороги» были — «дорогильный» и «дороженный».

³ № 40024, явка 13, лл. 35—36.

⁴ № 40313, лл. 1—3.

⁵ Арх. Разряда Моск. ст., № 60, лл. 7—9.

⁶ «Дика» — дощечка-пластинка, часто входившая в состав древнерусского ожерелья.

тиною». Демка прихватил с собой еще 12 р. «сборных со крестьян денег». Побег сопровождался насилиями: беглецы вымучили, по словам Подгорецкого, в его отхожей деревне у его крестьянина Филимонка 50 р., так что весь снос достигал 112 р. с полтиною, «окроме крестьянских животов».¹

Перешагнем через десяток лет. В 1642 г. у дмитровца сына боярского Григ. Оболянинова жилец Сергей Моисеев Зеленов «подговаривал з Благовещеньева дня и по Петров день», т. е. в течение целых трех месяцев, его «крепостную кабальную женку Матрену с сыном ее Сенькой Терентьевым». «Та... женка ему, Сергею, на договор не далась», — повествовал Оболянинов в челобитной от 12/7, и в течение трех месяцев усилия подговорщика оставались бесплодными. На Петров день (29/6 по ст. с.) столь соблазнительная для Зеленова жонка шла из вотчины кн. Фед. Вас. Долгорукова в деревню Оболянинова, «и тот Сергей, изождав ее на дороге и ухватя ее, покинул в телегу». Жонка из телеги вырвалась и убежала в вотчину Бориса Орлова дер. Григорьевскую, но Зеленов не отстал от нее и здесь. Со своими людьми Федькою и Никонком он «гонял» за нею и даже выражал намерение «посадить ее в воду», т. е. утопить, но крестьяне дер. Григорьевской женку отбили и «по соседству» доставили в родную ей оболяниновскую деревню. По словам челобитной Оболянинова жилец Зеленов занимался этим не впервые. Еще в 1640 г., из дмитровской купленной вотчины Оболянинова, сельца Гузбова, Лотошинского стана, он подговорил крестьянского сына Тараску с оболяниновскими животами ценою в 35 р. Этого Тараску Зеленов, по словам Оболянинова, «девал безвестно, неведомо где». Мало того, когда Оболянинов «на завтрее Петрова дня» послал в с. Рогачево своего сына Федьку с 10 р. с полтиной, Зеленов «попался сынишку моему, — повествовал Оболянинов, — на дороге и учал ево бить и, бьючи, порубил пониже поясицы и, порубя, ограбил, а грабежом с него снял те деньги 10 рублей с полтиной, да зилун вишнев проезжий, да кафтан теплый заячей под лазоревым киндяком, — цена платью 7 рублей с четью». «И ныне, — заключал жалобу на буйного соседа Оболянинов, — тот сынишко мой от тово ево бою и рубленья лежит в конце живота при смерти, да тот же Сергей (Зеленов) похваляетца на меня, х. т., смертным убийством и на деревнишко мое пожегом и крестьянишек моих хочет разорить до основанья насильством».²

У Макс. Лодыженского в Нижегородском уезде, за неделю до масленицы 1642 г., «человек» Тимофея Караулова Филимонко Остафьев, прозвище Докучайка, — «по его, Тимофееву, велению» подговорил «с попами ево ж, Тимофеева, поместья Нижегородского уезда Закудемского стана с. Егорьевского с Иваном Мелентьевым да с сыном ево, Ивановым, с попом же Яковом» кабальную девку Лодыженского Афирку Вавилову со сносными животами. «По их подговору» Афирма снесла «оброчных 50 рублей денег». «Стакався» с теми же попами, подговорщик Филимонка, — жаловался 30/7 1642 г. Лодыженский, — выдал девку замуж за сына своего Панкратку, — «в том же селе за неделю до масленицы венчал того Панкратка с тою... кабальною девкою тот поп Яков, кой в сей явке записан».³

13/3 1644 г. смолянин сын боярский Богд. Юр. Яковлев бил челом на иноземца Вас. Ив. Фрязинова, жалуюсь на то, что еще в 1644 г. «за неделю до рождества христова (он) послал в Ярославль своего кабальнова человека Ивашку Евсеева, прозвище Дербыша, а с ним послал на промен божие милосердие⁴ пречистую богородицу одигитрия на оклад

¹ Арх. Разряда, Моск. ст., № 60, лл. 86—96.

² № 41738, явка 17, л. 17.

³ № 41738, явка 64, л. 60.

⁴ Так в древней Руси называли иконы.

и на всякую свою нужду на покупку 30 рублей денег, да кобыла гнеда с санми и с хомутом и с вождами, цена кобыле и хомуту 7 рублей с полтиною, да на человеке моем Ивашке кафтан лазорев, да кафтан шубной, да шапка, цена 3 рубли, — и всего живота моего с тем человеком на 41 рубль». В бытность холопа в Ярославле с ним «сшелся» иноземец Вас. Ив. Фрязинов и «учал человека... подговаривать: поедем де ко мне в дом и к отцу моему, и я де за тобою выеду в город нарочно для покупки». Так, по словам Б. Яковлева, Фрязинов и заманил к себе холопа Ивашку со всеми животами и с «посыльными деньгами». Деньги у Ивашки Фрязинов «вымучил», а Ивашку держал «по ся места безвестно, утаясь от сторонних людей, хотя над человеком моим, — жаловался Яковлев, — нивесть какое дурно учинить и теми моими деньгами и животы напрасно завладеть безвесно». Обращает на себя внимание то обстоятельство, что явка в Холопьем приказе датирована 13/3 1646 г., т. е. подана через 1 год 3 месяца после происшествия: или Б. Яковлев сначала долго и бесплодно добивался содействия ярославских властей, или столь длительный срок понадобился ему для распутывания происшествия в Ярославле.¹

В апреле 1647 г. фрязинец засечный воевода Фед. Дм. Рахманинов обвинял подьячего Челобитного приказа Вас. Зайцева в том, что еще в 1644 г. Зайцев подговорил к побегу его кабального человека Федьку Васильева и «держал у себя многое время и, умысля над ним, Федором, хотя ево разорить без остатку, подослал ево к нему, Федору, и тот ево беглый человек Федька по ево, Васильеву, веленью во 155 (1646 г.), заговев паранее Филипова поста, подговорил от него, Федора, с ево животы кабальново ж ево, Федорова, человека Сенку Родионова, прозвище Микитку, бежавшего от него с Епифани и захватившего с собою денег и платья и всякой рухляди и лошадей на 150 р.»²

У Лариона Сумина сбежал в конце 1640-х годов по подговору, как утверждал сам Сумин, новгородца Спиридона Баранова, его холоп Никонка, прозвище Томилка, прочно обосновавшийся у Барановых и проживший у них чуть не 20 лет. Только в 1666 г. Ларион разыскал беглеца и предъявил о нем иск, но лишь через 3 года после длительной борьбы ему удалось вытребовать этого холопа обратно.³

Такова картина подговоров в уездной глуши. Подговором и сманиванием не брезгует никто: ни свой брат служилый человек, ни столичный жилец, ни поп, ни торговец, ни крестьянин. Подговорщики не стесняются ни корпоративными служебными связями, ни даже боярским саном владельца, у которого сманивают холопа. Подговор, очень опасное явление для быта уездного дворянина, не вызывал, однако, в их среде никакого внутреннего правового отпора и протеста. Суть была в удаче или неудаче сманивания чужих холопов и крестьян, и только.

Посмотрим теперь, как те же явления происходили в столице, под самым «фонарем» власти. Вернемся опять к 1620-м годам.

В Москве. 27/1 1625 г. подьячий Поместного приказа Калина Страхов бил челом о том, что в 1624 г., еще после Николина дня вешнего (т. е. 9/5 по ст. ст.), от него, по подговору бывшего послужильца Петра Перелешина Левки, Перелешиним уже отпущенного и обосновавшегося во крестьянстве в Галицком уезде за Богородицким монастырем, бежал его кабальный человек Васька Парфеньев, прозвище Цывилко, захвативший его, страховские, животы и у этого Левки обосновавшийся.⁴

25/9 1627 г. Бор. Шереметев подал явку на Ив. Ив. Годунова.

¹ № 41948, явка 25, л. 25.

² № 42080.

³ № 43425.

⁴ № 40024, явка 52, лл. 149—150.

«В нынешнем де во 136 году, канун Сергиева дни (т. е. 24/9 по ст. ст.) велел тот Иван людем своим у него подговорить кабальнова ево человека Ивашка Михайлова сына Колмака, и тот де человек по их подговору от него, Бориса, збежал, а снес де сносу на 90 на 5 рублей с полтиною».¹

10/9 1627 г. подана явка боярина кн. Д. М. Пожарского «в беглых людех — в Бориске Бурдове, да в Янке Вологженине, да в Бориске Иванове, да они ж де выкрали девку Анютку Матвееву дочь, да подговорили малва Митьку Иконника новгородца, да Ивашку Михайлова, а жил де тот Ивашка у него боярина вверху, а снесли де живота ево на 300 на 50 рублей да 3 записи на Неустроя Кушникова в беглых людех, да 5 кабал людцких, кабала на Янку Вологженина, кабала на Ивашку Синево, кабала на Оничку Чюрина, кабала на Митьку Иванова сына Иконника новгородца, кабала на Родку Кривоверстова, да 2 купчие на тотар — на Бориска Карина сына, да на Ивашку Маиметова сына. Подал явку человек ево Степан Шишкин».²

7/10 1627 г. подал явку Давыд Жеребцов. «По подговору брата его Михаила московского отца его двора збежал человек его крепостной Куземка со сносом в 10 1/2 р.»³

13/10 1627 г. подал явку подьячий Приказа Большого Дворца Петр Кондратьев с жалобой на свою тещу «на вдову Марфу Дементьеву дочь на Васильевскую жену Степанова да на сына ее на Ивана: жила де у него та теща с своим сыном 3 года и больше, пили и ели ево, Петрово, и в прошлом де во 135-м году, побраняся с ним, отошли прочь и живут себе. И в нынешнем де во 136-м году октября в 10 де, рняся де той брани, подговорили у него кабальную ево жонку вдову Маврутку» со сносом в 52 р. с полтиною.⁴

У государева иконописца Ивана Поисеина князь Афанасий Козловский «с своими людьми подговорил 20/10 сына его Бориска двенадцати лет, а снес де живота ево, — жалования иконописец, — на 60 рублей». 12/11 кн. Афанасий «сам», по выражению текста явки, принеся в приказ заявление о том, что от него сбежали целых две холопьих семьи, насчитывающие 7 человек, со сносом в 65 р., а следом за этими беглецами скрылись еще двое «кабальных ребят», учившихся портновскому ремеслу и сманенных, по словам Козловского, портновским мастером. В своей третьей явке, все от того же 12/11; Козловский сообщал, может быть, повторяя свою старую явку, что еще 28/6 того же 1627 г. от него скрылся его кабальный холоп с четырьмя конями, телегой, упряжью, кучей всякого платья и других вещей, — всего на сумму 25 р. с полтиной.⁵

24/10 1627 г. подана явка вдовой трубника Офимьей Метчиной на подьячих Стрелецкого приказа Орефу Башмакова Ортемья Хватова, да

¹ ЗК 136 г., л. 22, № 81.

² ЗК 136 г., л. 11 об., № 35.

Знаменитому воеводе с холопами что-то не везло: 17/11 тот же Шишкин подал явку о том, что «разбойники розбили людей государя его Петрушку Павлова, да Любима Гордеева, да Федьку Григорьева по Володимирской дороги от Москвы 7 верст, и на том де разбой пропал безвестно тот Петрушка Павлов, а живота де взяли на том разбое, платья и денег, на 200 и на 50 рублей, а тот де человек Петрушка Павлов в споре был со князем Буйновым-Ростовским».

Из другого явочного столбца узнаем, что «в прошлых во 129 и 130 и во 131 году (т. е. в 1621, 1622 и 1623 гг.) бежали от него, боярина князя Димитрия Михайловича люди ево старинные полные и кабальные Якушка Михайлов, прозвище Евсеев, с товарищи восемь человек, а снесли де от него живота его и всякие рухледи и лошадей свели на 200 рублей, а тот де Якушка Михайлов его, боярина князя Димитрия Михайловича, крепостной холоп». Якушка был опознан в Новгороде воеводой кн. Григ. Ромодановским и дьяком Фед. Апраксиным и отдан на поруки, о чем воевода уведомил Москву отпиской, полученною в Холопьем приказе 7/5 1625 (133) г. (№ 40024, лл. 271—274).

³ ЗК 136 г., л. 27, № 104.

⁴ ЗК 136 г., лл. 44—45, № 141.

⁵ ЗК 136 г., 47, 58, 59, №№ 154, 195, 196, 197.

на недельщика Холопьяго приказа Якова Телешова «в поклепном иску и в напрасной продаже да на человека ее на кабальнова стариннова на Федьку Васильева сына Травина, — что тот ее человек Федька по подговору Орефы Башмакова, да Ортемья Хватова, да Якова Телешова, пократчи хочет побежать. Подала явку сама вдова Офимья». ¹

У Григ. Михайлова 13/10 1627 г. подговорил сына Климку жалец Никита Протасьев, «а сын ево был в государевых дворцовых плотниках, а снес живота ево и денег и платья на 40 на 4 рубли на 19 алтын. И, подговоря, сына ево сослал на Низ с Тимофеем Желябужским под Шацкий город, а прежде сего тот сын ево Климка, бегаючи от мастера, жил у того Никиты Протасьева». ²

Явка 14/11 1627 г. Алексеевского девичья монастыря попа Харитона гласила: «В прошлом 134 (1626) г. бегал от нево крепостной ево человек Климка Борисов сын Вереитин». Беглец «пожил» у мещанина у Василья Ив. Протасьева. Харитон «тово своего человека у нево, Василья, проведаль и к нему из Холопья приказу приставил в том своем человеке Климке да в сносе в 30 рублех и в 13 алтынех в 2 деньгах». Поп отбил Климку по решению «третьего», Семена Яковлева, и через Холопий приказ получил его обратно, но Протасьев «рняся тому, похваляетца на него, Харитона, с пасынком своим с Ив. Ив. сыном Ржевским, а прозвище Невежою, всяким злым умышлением, а хотят де того ево человека Климка скрасть и подговорить, пократчи животы ево, да оне ж де похваляютца, а хотят научать за того человека Климка иматца нивесть каких людей, а его де, попа Харитона, хотят тем испродать». ³

17/11 1627 г. подал явку Ерема Кирил Мумин, обвиняя в подговоре дьяка Потапа Внукова, сманившего у него кабального Ивашку с женою Дарьей и со сносом платья на 68 р. с четвертью. Беглецы со сносными животами продолжали жить у Внукова. ⁴

5/12 1627 г. подал явку Сем. Конкин, жалуясь на Андрея Пикина, подговорившего его старинного человека Созонку «з животы его». Созон захватил «крепости и кабалы людские и заемные и письмо, что на нево, Ондreja, было, какие улики в татбе и о разбое, а подговорил де тот Ондрей, мстя ему надружбу, что он бил челом на нево государю о разбое». ⁵

29/12 1627 г. подал явку портной мастер Вас. Давыдов. В 1627 г. «о Борисова дни и Глеба о вешнем» Мих. Засецкий дал ему человека своего Ивашку «за учеб на 3 годы, портному делу учить», а 28/12 «подослал тот Михайла Засецкий человека своего, тово Ивашкина отца Лаврентья, и тот человек Михайлов по ево де веленью подговорил тово ево ученика Ивашка, а своео сына». Портновский ученик сбежал, снеся платья своего и чужого на 20 рублев и «отпускную, что де искал на нем (т. е. на самом челобитчике) в Холопье приказе по нарядной кабале Михайла Семенов сын Жеребцов холопства, — и в том деле де Михайла Жеребцов с ним зделался и дал де ему в том отпускную, и тое де отпускную тот ево ученик, выкрадчи, снес». ⁶

У Якова Петр. сына Микулина (явка 30/12 1627 г.) подговорили его крепостного Харитонку, «со сносом и людскими крепостями мачехи ево Марфины люди Ивашко Иванов сын, прозвище Пан, да Ульяновка». ⁷

У кадашевца Алексея Ив. сына Золотова 29/12 1627 г. сбежал купленный и записанный в книги Холопьяго приказа татарин Башан, проживший у него «несполна 4 годы, а в те 4 годы он его грамоте

¹ ЗК 136 г., л. 50, № 164.

² ЗК 136 г., лл. 56—57, № 189.

³ ЗК 136 г., л. 62 об., № 208.

⁴ ЗК 136 г., л. 64, № 215.

⁵ ЗК 136 г., л. 173, № 251.

⁶ ЗК 136 г., л. 94, № 309.

⁷ ЗК 136 г., л. 96, № 317.

выучил. И, умысля своим воровством, девку татарку Дуньку свел и живота ево 100 рублей денег, да крепостей на 200 на 8 рублей, да купчую лавочную Гостинова двора посторон полатных дверей снес». ¹

17/1 1628 г. подал явку дорогобуженин Шестой Иванов сын Котерев на то, что «по веленью» Терюшнова Леонтьева сына Облязова «человек Терюшнова Обрамко подговорил его кабального человека Мишку Беляева с женою Парасковицею и с животами на 30 рублей с четвертью». ²

22/1 1628 г. кн. Алексей Вас. сын Примков-Ростовский являл о том, что 18/1 Ив. Вас. Плещеев присылал человека своего Сеньку подговаривать на площади в городе и ко двору его, его кабального тоже Сеньку, «а велит де тот Ив. Плещеев тому человеку ево Сеньке назватца своим старинным человеком, своего человека сыном». ³

2/2 1628 г. являл кн. Федор Вас. сын Волконской. В 1623 г. «имался» у него за его кабального человека Офоньку дьяк Баим Болтин, ⁴ лицо, как известно, в Москве очень заметное. После суда спорный человек был отдан Волконскому на поруки, «и по наученью де тово Баима тот ево человек после суда принес повинную челобитную и после де той повинной челобитной тот Баим того ево человека подговорил к себе и держит де ево у себя без государева указу», а дочь этого спорного человека Офоньки, Онютку, Болтин велел отцу выкрасть с ярославского городского двора Волконского. ⁵

У суздальца Степ. Офон. сына Горбатова человек суздальца же Якова Замятина сына Трубникова, Ивашка, «а прозвище Разбойник», подговорил человека его Никитку со сносом и сводом на 15 р. ⁶ (явка 22/1 1628 г.).

20/3 1628 г. являл Илья Семенов Варнавин в подговоре на подьячего на Саву Лухнева да на свояка своего на Олексея Исаева сына Стародубцева на белевца «в подговорном старинном человеке Ивашке Петрове сыне, прозвище Заиграй, двенадцати лет, да в сносе в 30 рублях, да на нее платья». ⁷

24/3 стрелец приказа Полтева Иван Семенов являл на другого стрельца того же приказа Игнатя Юхоткова и на жену его Веру в том, что они подговорили у него дочь «девку Дуньку по другонатцатому году, а та девка по их подговору снесла у нево денег 20 рублей. И, подговоря, неведома где ее дели безвестно». Игнатьева жена, по словам записи, подговаривала Дуньку и раньше, и «охаронила ее день да ночь, а назавтрея оне ему лицом отдали». ⁸

24/3 1628 г. являл Никита Стогов на нижегородца Григорья Денисова сына Рохманинова. «В прошлом во 135-м (1627) году в Великий пост на страшной неделе приставливал тот Григорей к нему на Москве в беглых в кабальных людех». Стогов и Рохманинов решили передать спор на решение «третьих» в Муроме, но Рохманинов, «приехав в Муром, третьева не выбирывал и третейские записи не писывал, а, хочечи де ево испродати..., под ево двор посылает людей своих и крестьян и ево де кабальных людей велит скрасть и угрожает де вскими лихими делы и на дороге де стережот и хочет ево убить до смерти. И он же, оприче того Григорья и отца ево Дениса и их людей и крестьян, иных недругов в Муроме и в Муромском и в Нижегород(ском) уезде к себе иных недругов не знает». ⁹

¹ ЗК 136 г., л. 98, № 325.

² ЗК 136 г., л., 109, № 365.

³ ЗК 136 г., л. 113, № 382.

⁴ О Баиме Болтине см. статью проф. С. Ф. Платонова (Сб. посв. В. О. Ключевскому).

⁵ ЗК 136 г., л. 127, № 453.

⁶ ЗК 136 г., л. 114, № 383.

⁷ ЗК 136 г., л. 182, № 669.

⁸ ЗК 136 г., л. 188, № 694.

⁹ ЗК 136 г., л. 190, № 700.

24/3 1628 г. угличанин Данил Опачин являл на кашинца Якова Голочелова сына Пятова и на крестьян его в подговоре «в великий мясоед за 3 недели до масленицы в субботу» старинной его девки Маньки. «Подговоря де ее, выдал замуж за крестьянина своего за Екимка. И ныне де та ево старинная подговорная девка живет замужем за крестьянином за Екимком Ивановым и (с) сносными животы в Углитском уезде в дер. Родичеве».¹

У Андрея Серг. Бороздина был холоп Федька, «плутишко и подговорщик» — по словам его соседа и судебного противника в Приказе Алексея Воронцова-Вельяминова. Воронцов заявлял, что соседи их дворов «слухом слышали, а иные ведают» про проделки этого Федьки. 5/2 1629 г. Федька сманил у Воронцова-Вельяминова старинных и крепостных людей — женку Таньку, сбежавшую от своего мужа Первушки, девочку Ульку, да «стариннова детину Архипку, прозвище Богдашку». Подробности этого случая см. в гл. V, 81, № 13.

Заглянем теперь в Москву спустя лет 15—20, в 40-е годы XVII в. 31/10 1641 г. на подговор своего холопа жаловался сам холоп — послужилец важного сановника кн. Ал. Мих. Львова, Вас. Копьев. «Детину моего старинова Фетьку Васильева, — писал в своей челобитной Копьев, — 2/6 149 (1641) г. подговорил коломнетин посадский человек Андр. Ив. Насильников с женою ево Манькою». Беглецы снесли от Копьева 72 р. деньгами, да ожерелье жемчужное мужское, цена 28 р. По словам челобитной, Насильников «вез их (беглых холопов) Москвою-рекою в судне и неведомо где их дел». Разыскивая беглых холопов, Копьев просил выдать ему зазывную грамоту для извлечения Насильникова в Холопий приказ.²

Иной характер имела жалоба на подговор «вдовой тягличихи» Заяузской слободы Ографеницы Кузьминой. Она обвиняла в 1642 г. своего слобожанина Насона Мясника, его тетку Оринку и какую-то Варвару в том, что они втроем подговорили к побегу ее падчерицу девку Оринку да пасынка Офоньку «двунадцати лет», причем беглецы захватили ее живота на 10 р. Подговорщики не ограничились тем, что сманили Оринку и Варвару, а продолжали работу подговора. «Подходят и подговаривают у меня, — жаловалась Аграфена, — другую падчерицу, Офимьицу, хотя меня извеременичать и испродать напрасно и покабалить во веки». Аграфена была челом о записи, т. е. о регистрации, своей челобитной со следующей не вполне понятной припиской: «...чтобы мне бедной в тех своих падчерицах и в пасынке в их подговоре вконец не погинуть и испроданной не быть».³

В том же 1642 г. 8/7 у Вас. Мих. Новосильцова с его московского двора подговорили к побегу его крепостного человека Мишку Вас. сына Вологженина холопы Гавр. Андр. Вельяминова — Ивашка Щедря, Емелька Татарин да Миша Свинец, действовавшие, как утверждал Новосильцов, по приказанию самого Гаврилы. Беглец захватил на 35 р. с полтиною «платья и всякие рухляди». «И ныне, — заключал свою спешно 13/7 поданную явку Новосильцов, — тот мой беглый человек по подговору людей его (Вельяминова) живет у нево, Гаврила».⁴

Того же 1642 г. 19/7 у Ивана Головина с его московского двора подговорил к побегу кабальную женку Антонидку Петрову дочь

¹ ЗК 136 г., л. 190, № 701.

См. также в этой книге записи явок №№ 9, 33, 35, 36, 60, 62, 112, 129, 155, 168, 188, 196, 218, 219, 223, 328, 360, 406, 416, 434, 439, 476, 506, 549, 550, 573, 607, 630, 659, 700. Итого, из 700 явок о побегах с сентября 1627 г. по конец марта 1628 г., зарегистрированных в цитируемой нами записной книге 136 г., 50 заявлений содержат жалобы на участие в побеге тех или иных подговорщиков.

² № 41700, явка 1, л. 1.

³ № 41738, явка 2, л. 2.

⁴ № 41738, явка 19, л. 19.

с детьми Гришкою, Ивашкою и Матрешкою холоп кн. Вас. Вл. Долгорукова Ивашко Колосов. Антонида жила с детьми у Головина «в избе вверх» и при побеге подломила, по словам челобитчика Головина, «коробку», захватив из этой «коробки» 28 р. деньгами, «да на ней и на ее детях было платья на 3 руб. с полтиною». Головин не замедлил с явкой, поданной им 26/7.¹

В том же 1642 г. у подьячего Посольского приказа Василия Еремеева «неведомо какие люди» подговорили к побегу его родного брата 12-летнего мальчика Петра Еремеева же. Исчезнувший «безвестно» мальчик снес у подьячего внушительное количество животов на целых 115 р. с полтиною. В составе снесенного Петром имущества были, характеризующие зажиточность подьячего, «суды серебряные, да два ожерелья жемчужные муские, да серги женские». «А ростом он, — писал обокраденный подьячий, — в двенадцать лет, а платья на нем было, в чем он стал — кафтан киндячный червчатый, стеган, шапка сукно червчато с пухом, испод холодной, нашивка тафтяная, да рубашка, да портки». «И будет, — заключал свою явку от 26/7 Еремеев — тово брата моего с тем моим животом истеряют (т. е. убьют, погубят) или хто его закабалит, и мне, х. т., его и з животами мочно было сыскать и в холопстве б он закабален не был».²

В том же 1642 г. 25/7 с московского двора вдовы Богд. Лупандина Марьи и ее сына Андрея сбежал, как сообщала об этом вдова, очевидно не знавшая о запрещении брать совместные матери и сыну кабалы на одного холопа, «кабальный мой человек и сынишки моего Мишка Якимов». Мишка бежал «поймав животов» и подговорив с собою к побегу и других кабальных людей Лупандиной — «малова Трофимка, да девку Ненилку, да девку Анютку, и та девка Анютка, — писала челобитчица, — у меня в ключе и во всех моих животишках ходила». Подловив традиционную «коробью», беглецы взяли у Лупандиной «4 чарки серебряные золочены — 10 рублей, да 3 ложки серебряные — 3 рубля, да чашу серебряную — 7 рублей, да 2 братины серебряные — 15 рублей». По исчислению вдовы, всего ее живота беглецы захватили на 35 р.³

В 1645 г. подьячий приказа Большого дворца Андрей Шахов подал явочное челобитье по следующему поводу. В этом году ему была возвращена с Патриарша двора жена его кабального человека Савки Аринка Степанова дочь. При отдаче Арины с Патриарша двора, на Шахове была взята поручная запись: в случае спроса, поставить женку снова в Патриаршем приказе, так как жена Савки, Арина, была чужой крестьянской дочерью, принадлежавшей новгородцу Леонтию Лупандину. Но Лупандин мирволил этому выходу замуж своей крестьянки за чужого беглого холопа очевидно неспроста, так как 4/4 1645 г. он подослал к московскому двору А. Шахова «своих людей, и они Арину, подговоря, выкрали». Если верить явочной челобитной Шахова, Арина при побеге не сплеховала и «по ево (Лупандина) велению снесла у Шахова денег и платья и всякие ларечные кузны на 95 рублей с полтиною».⁴

24/9 1645 г. у кн. Пет. Тим. Шехонского стремянной (т. е. дворцовой) конюх Тимоф. Панкр. Пировов подговорил к побегу его «людишек — вдову Маришку с сыном Мишкою да девку Матрену». Беглецы захватили порядочный снос в виде платья и «служивой» рухляди на 50 р. и с тем сносным платьем и рухлядью скрывались у Тимофея Пировова. Несмотря на недалекое московское расстояние,

¹ № 41738, явка 53, л. 49.

² № 41738, явка 55, л. 51.

³ № 41738, явка 59, л. 55.

⁴ № 41850, явка 36, л. 36.

отделявшее двор Пирогова от местожительства Шехонского, последний подал явку на подговор и побег, имевший место 24/9 1645 г., только 13/3 1646 г., потратив на разыскание следов бежавших людей целые полгода.¹

В явке, поданной в Холопий приказ 15/3 1646 г., дв. моск. Степ. Мих. Вельяминов сообщал, что с его московского двора бежали 5/3 его кабальный малый «Голохтионка» Гурьев да крестьянский сын из его кстромского поместья с. Нового Иван Путина, а следом за Галактионом и Иваном «неведома по чьему подговору» сбежал живший у него в хоромах 12-летний малый Сенька. Галактион с Иваном бежали со сносом в 50 р., а Сенька один унес сноса на 65 р.²

Сотник московских стрельцов Мячин бил челом в 1646 (154) г. на неверстанного и неслужилого сына боярского Прокофья Заселина, обвиняя его в подговоре к побегу, при содействии своих крестьян, дворовой девки Малашки со сносом в 55 р. Мячин просил Приказ о выдаче ему зазывной «на тово Прокофья со крестьяны».³

У эмигранта на Русь из Цесарской земли кн. Льва Шлякова-Чешского, занявшего в Москве видное положение, 16/3 1646 г. бежали его дворовые кабальные конюхи Матюшка да Ивашка Филиповы, снесшие, по словам пострадавшего, «конского наряду муштук серебряной с камнем з бирюзами, цена 120 руб., другой муштук гладкий серебряной же, золочен, цена 70 руб., да узду и пахви и наперсть серебряную, набита на тесму шелковую лазоревую, цена 30 руб. с полтиною». Весь свой снос чешский князь оценивал в 220 р. с полтиною. Холопов этих еще раньше подговаривал на побег сын дьяка Гаврилы Леонтьева Алексей Гаврилович,⁴ который, «подговоря, держал их у себя на дворе скванных». «Проведав» беглецов на дворе у Леонтьева, Шляков потребовал их от укрывателя, и тот, не желая ссориться, «отдал их лицом», хотя родная мать беглецов и продолжала пребывать у него. Затем Леонтьев подговорил их на побег вторично. Хотя Шляков писал в своей челобитной «Побити челом мне, х. т., на него, Алексея неколи, потому что велено мне ныне быть на твоей службе на Атемаре»,⁵ но с явкой он не замедлил: она была подана его «человеком» Степкой Писемским 17/3, т. е. на другой же день после побега.⁶ Впрочем, Алексей Леонтьев в долгу не остался и на другой же день, после челобитной Шлякова, подал свою явку, сообщая, что еще 10/2 того же 1656 г. от Леонтьевых сбежали «старинные людишки отца ево Ивашка Селезень с женою и детьми, да Матюшка, да Ивашка, снесшие судов серебряных и платья» на 180 р. с полтиною.⁷ Кто тут прав, решить, конечно, трудно. Заметим, что в те же дни дружно разбежались холопы и у Замятни Леонтьева, вероятно, родственника Гавр. Ив. Леонтьева, но о связи между этими фактами можно только догадываться.⁸

В 1645 г. к Вас. Голодецкому «бил челом на дворничество на московское дворишко» гулящий человек Захарко Зиновьев с женою Варваркою, обязавшийся, «живучи на дворничестве, воровства и хит-

¹ № 41948, явка 30, л. 30.

² № 41948, явка 37, л. 37.

³ № 41901.

⁴ Гавриил Леонтьев — дьяк патриарший, потом посол в Польшу, затем дьяк Стрелецкого приказа и дьяк в Астрахани — фигура в Москве очень заметная (ДР 135—159 гг.). Г. Леонтьев — один из составителей Уложения. Его сын Алексей ДР неизвестен.

⁵ Атемар — важный в XVII в. оборонительный пункт около нынешнего Саранска.

⁶ № 41948, явка 53, л. 54.

⁷ № 41948, явка 57, л. 58.

⁸ № 41948, явки 55 и 57, лл. 55—58.

ростей и никакова дурна не учинить». Порукой по Захарке был человек с относительно значительным положением — дядя его жены, стряпчий (т. е. дворцовый) конюх Иван Шапошник. Но оказалось, что уже 8/3 1646 г. Захар подговорил к побегу человека Голодецкого Митьку Федорова. Убегая от Голодецкого, Митька снес на 25 р. с полтиною денег и платья. Роль Захарки в этом побеге Голодецкому осталась неизвестной, и Захар, продолжая пребывать у него на дворничестве, 13/3 отправился на торг, взяв с собою другого холопа Голодецкого, Дороньку, — «и назад его ко мне, — как жаловался в челобитной Голодецкий, — не приваживал и неведомо, где его дел», а следом за тем и сам со двора «сшол и дворишко покинул». Явка Голодецкого с обычным выражением опасения, как бы ему не быть в ответе за воровство «тех подговорных людишек», была подана им 17/3.¹

Вдова стольника Фед. Матв. Бутурлина, Анна, пострадала от подговора следующим образом. 20/3 1646 г. Григорий Теглев, племянник Алексея Мещеринова,² сманил у нее кабального человека Федьку Дедова. «По его, Алексею (Мещеринову), велению», — писала в своей явке от 25/3 Бутурлина, — беглец снес у Бутурлиной на 20 р. с полтиною денег и платья и скрылся у Алексея Мещеринова. В этом конфликте сталкиваются лица одного довольно видного московского служебного круга, социально вполне «свои».³

У подьячего Устюжской четверти Никифора Малыгина 12/3 1646 г. бежал кабальный человек Ивашка Богданов, снесший «шкатулу литовскую окованную с животы и с крепостьми». И беглеца и «его подговорщика, которой его подговаривал», — по выражению явочной челобитной от 26/3, — поймали крестьяне дер. Алеевой, около вотчины Белопесочного каширского монастыря. «Подговорщика» Малыгин сам отвез на Каширу в съезжую избу и сдал воеводе. По расспросу каширского воеводы Фед. Сулейманова, подговорщиком оказался Савинка Юдин, детина Андроньева монастыря, повинившийся «и в животах и во всем» и объяснивший, куда он девал похищенный у Малыгина снос.⁴

9/8 1650 г. у задворного конюха Григория Тяпина гуляющий человек Антон Аникеев с женою Аграфеной подговорили крепостную девку Анютку, сбежавшую по их подговору с порядочным количеством «животов». Анютка снесла, по сведениям, сообщаемым явкой от 12/8, «ожерелье женское жемчужное, цена 15 руб., да серьги турецкие с каменьи, цена 5 руб., да венец жемчужный с камением и з звестками (т. е. звездочками) дочери моей, цена 5 руб.».⁵

В том же 1650 г. у жильца Савки Тювикова стояли люди его свояка Григорья Кашинцева Ларка да Куземка, — «а чьи словут, тово я, х. т., не ведаю», — писал в явочной челобитной 23/8 Тювиков. Уезжая 8/8 с его московского двора, Ларка и Куземка подговорили сбежать тювиковского «крепостного малого» Мишку Степанова. «По их подговору» малый подломил у Тювикова коробью и вытащил из нее на целых 120 р. «денег и кузни».⁶

27/10 1658 г. кадашевец Иван Токарь подговорил у другого кадашевца Романа Иванова его малого Фомку. Пострадавший Роман не стал терять времени, а «в том же числе в другом часу ночи с соседы

¹ № 41948, явка 54, л. 55.

² Теглевы — заметный новгородский служилый род. Мещеринов Алексей (Аврамович?) — двор. моск., стрелецкий голова, пристав при послах, воевода в Киеве и Ярославле (ДР).

³ № 41948, явка 83, л. 84.

⁴ № 41948, явка 89, л. 90.

⁵ № 42225, явка 18, л. 20.

⁶ № 42225, явка 45, л. 52.

своими пришел к нему, Ивану, во двор, и он, Иван, на двор к себе нас для обыску не пустил, учинился силен», — жаловался в своей явочной челобитной Роман. Жалуясь на подговор Токаря, Роман прибавил против него целый ряд и других обвинений. Согласно явочному челобитию Романа, Токарь занимался не только подговором, но и приводом девок и молодежи, торговал вином и табаком, крал какие-то полотна и покушался на жизнь случайных свидетелей его краж, в пьяном виде буянил и «ходил по двору своему без порток» и т. д. Но главной его виной были все же подговоры: «Да он же подговорил у кадашевца у Григорья Микифорова женку, и про то многие люди ведают. Да он же, Иван, у сына боярского у Федора Голенищева из-за пристава подговорил с животами девку, и та девка сыскалась и сказала та девка на нево, Ивана, что подговорил он, Иван, и животы у нево, у Ивана, вынесли лицом...» и т. д.¹

Хорошая картина подговора нарисована в челобитной подьячего Дворцового судного приказа Ивана Терехова, поданной им 28/12 1675 г. «В прошлом во 185 (1674—1675) г., повествовал подьячий, — в розных месяцах и числах приходил ко Дворишку моему неведомо какова чину человек один в два пойма подговаривать работницы моей девки Федоски Григорьевы дочери и, подговоря, хотел ее у меня увести неведомы куды». 26/12 1675 г. подговорщик приехал уже на лошади «с такими же ворами нарядным воровским умыслом для той же девки и хотели ее увести, пограбя, со всеми моими животишками сильно». Нападавшие «и ко двору приступали, и в ворота ломились, и хотели меня, х. т., — жаловался подьячий, — с женишкою и с детьми побить и перерезать до смерти, и бранили, и безчестили, и грозили всячески». Подьячий в эту ночь отбился от них, но на будущее зремя просил защиты у властей. «А опричь, государь, тех воров и подговорщиков, — заключал он свою челобитную, — иных никою недругов на себя не знаю».²

Подговор представляет собой, очевидно, явление столь распространенное, что обвинение в нем, часто совершенно недоказательное или даже прямо ложное, всегда может быть легко пущено в ход. Так, бежавший с дороги из Москвы в Тамбов от полковника Сем. Скорнякова-Писарева «человек» его Сенька Билинский, польского происхождения, будучи пойман, оговорил в подговоре к побегу Ямского приказа подьячего Кузьму Андр. Кульнева, будто бы уверявшего его, «смотря на спасов образ и перекрестя лицо свое», что он беретя устроить побег за рубеж и там обеспечить Билинскому пристанище. Билинский показал также, что Кузьма вообще занимался этими подговорами холопов, принадлежащих разным подьячим. Ввиду того, что побег за рубеж были связаны с политическими мотивами, дело было доложено боярам. Бояре приговорили и Билинского, и Кульнева пытать, хотя Билинский уже успел отречься от обвинения Кульнева в подговоре. Кульнев отделался 10 неделями пребывания в тюрьме и был выпущен по докладу государю на поруки, а Билинскому пришлось познакомиться с дыбой.³

Из этих образчиков явок и челобитных, количество которых можно было бы значительно умножить, мы видим, что подговор был также развит в столице, как он развит был и в уездной глуши: подговаривают значительные по положению соседи по двору (дело Воронцова-Вельяминова и Бороздина), подговаривают дьяки, если не сами. то

¹ № 42776. Заметим, что обвинения в подговоре между кадашевцами не редкость, например, см. № 43361.

² № 45128.

³ Арх. Разряда, Моск. ст. № 437, лл. 27—29, 37—42, 45—47, 50, 62—63.

через своих холопов, и в числе потатчиков подговору фигурирует даже один из немногих московских дьяков, оставивший историческое имя, — Гаврила Леонтьев с сыном Алексеем, подговаривают представители московской полиции Теглев и Мещеринов, подговаривает монастырский служка, подговаривает Баим Болтин и т. д. и т. д. Подговором не брезгует никто, и, если в подговоре по нашему материалу прямо не обвинен ни один боярин, то зато достаточно выразительны жалобы на оптовый подговор и сманивание служилых людей южных уездов, направленные против больших бояр и, особенно, царского дяди — Ивана Никитича.¹

Словом, в этот период, благодаря именно неясностям тогдашних холопских норм, права собственности на холопов внутренне не признают и не уважают даже сами холоповладельцы. Понятно, что им постоянно нужен для рассмотрения взаимных счетов — «третий», а этим «третьим» естественно является московский приказ.

¹ Древности, т. III.

ГЛАВА V

ГОСПОДА И ХОЛОПЫ

§ 1. ПОБЕГИ ХОЛОПОВ В ПРЕДЕЛАХ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

Побеги холопов с господского двора вскрывают часто самый характер внутренних отношений в этом дворе, психологию действующих лиц и бытовую обстановку холоповладельцев. Просмотрим десятка четыре наиболее показательных дел о побегах, излагая их в хронологической последовательности.

№ 1. 1620 г.

Наиболее ранним из известных нам дел является дело Мих. Фед. Еропкина¹ и сытника Фед. Петр. Стюнеева, разбиравшееся в Холопьем приказе в 1620 г. «На святой неделе в пятницу» в 1620 г. сытник Фед. Стюнеев поймал с приставом на улице Москвы своего «старинного и кабального холопа» Паньку, повинившегося, при своем задержании, в том, что он «старинный и кабальный холоп» Стюнеева, давший ему кабалу 17/10 1614 г. и сбежавший от него в мае 1616 г. со сносом в 20 р. с полтиною. Панька или Павлик Стюнеевым был сдан в Холопий приказ и сидел там в заключении около месяца. В начале мая месяца Стюнеев стал бить челом о его выдаче, — «чтобы я, х. т., в пожелезном вконец не погиб», — восклицал в своей челобитной от 11/5 Фед. Стюнеев. Однако беглого холопа Приказ Стюнееву не выдал, так как в дело вклепался Мих. Еропкин, «умысля бездельем, — как на него жаловался Стюнеев, — хотя меня, х. т., изубыточити в пожелезном и человека моево изуветчить». Еропкин, наоборот, утверждал, что у него имеется на Паньку собственная кабала, взятая им еще «до Московского разоренья» в Калуге, но что в данный момент кабала эта в руках у его брата, находящегося где-то вне Москвы на воеводстве. Стюнеев, возражая на доводы Еропкина, уверял, что Панька жил у него, находясь в бегах лишь «с Филиппова заговейна» (т. е. с 14/11 по ст. с.) 1619 г. по день поимки (т. е. по 11/5 1620 г.): Чтобы ускорить ход судебного дела, Стюнеев, как придворный сытник, имевший, очевидно, ходы на «Верх», сумел быстро получить две подписные челобитные от 11 и 16 мая, но царские резолюции о том, чтобы дело было решено «безволокитно», быстрого действия почему-то не возымели, и дьяки Холопьяго приказа, клали на его «подписных челобит-

¹ Мих. Еропкин из заметной по ДР семьи дворян московских, воевода в Рязке и, повидимому, брат Ив. Федор. Еропкина, — воеводы и думного дворянина. Стюнеевых или Стунеевых ДР не знают. Это — мелкие приказные служащие.

ных» бесстрастную дьячью резолюцию — «сыскати дело», а дела, тем не менее, не двигали. Между тем, 26/5 Еропкин предъявил в Приказе свою калужскую кабалу за приписью калужского губного старосты Булгака Муромцева на спорного Павлика-Паньку от 25/9 1606 г. Спорный холоп кабалы не лживил и объяснил, что при приводе его Стюнеевым в Холопий приказ он об ней не напомнил и «назвался Федоровым (Стюнеева) человеком старинным» потому, что «хотел эт Михайла (Еропкина) от холопства оттегаться, а та де кабала у него, Михайла, взята давно, и он, Павлик, чаял в разоренье та ево кабала пропала».

Приказ решил дело о Павлике 15/6 в пользу М. Еропкина, и через пять недель, 22/7, Еропкин получил правую грамоту. Главным мотивом приказного приговора было то, что Павлик, сбежавший от Еропкина из Калуги в 1613 (121) г., осенью 1619 (128) г. приходил к М. Еропкину «сопастися», и тем самым признавал его своим законным хозяином, хотя и сумел соединить этот «сопас» с новым побегом от Еропкина.

Последовательность эпизодов в биографии Павлика устанавливается следующим образом: до 1606 г., по утверждению Стюнеева, он был его холопом по старине, в 1606 г. он выдал на себя кабалу М. Еропкину в Калуге, в 1613 (121) г. он от Еропкина сбежал, 17/10 1614 г. он выдал на себя новую кабалу Стюнееву (л. 14), а в 1619 г. вернулся «сопастися» к Еропкину, что и дало повод Стюнееву утверждать, будто бы только в это время он и выдал кабалу Еропкину. В 1620 г. Павлик был задержан и доставлен Стюнеевым в Холопий приказ, а летом 1620 г. стал предметом судебного спора между Стюнеевым и Еропкиным (л. 12).

(№ 39651)

№ 2. 1621 г.

В деле между Савином Завесиным и Ив. Вас. Плещеевым¹ конфликт из-за холопов произошел так: «полные холопы» Плещеева Микифорко (прозвище Митька) и Митрошка сбежали от него в Московское разоренье в конце 1612 г. или в начале 1613 г. к Савину Завесину. 13/4 1620 г. Микифорка выдал на себя Завесину кабалу, но Митрошка и далее продолжал служить у него «добровольно». В 1621 г. Плещеев почему-то спохватился и стал отсуживать обоих холопов у Завесина. Холопы, в этом процессе сами выступавшие на суде, своими показаниями поддерживали притязания Завесина, отрицая факт своего «полного холопства» у Плещеева. Плещеев в Приказе доказал, что хотя его грамоты на этих холопов в Московское разоренье и сгорели, но в 1613 (121) г. он сделал об их побеге формальную явку, и явка сохранилась. Несмотря на то, что без малого 10-летнее проживание беглых холопов в его доме не могло не быть известно через холопов же всему тому московскому кругу, к которому принадлежали и Завесин и Плещеев, а быть может, учитывая силу Плещеевых, дьяк Завесин немедленно же пошел на мировую и возвратил холопов Плещееву, а Плещеев отказался от иска о сносе.

(№ 39909)

№ 3. 1621 г.

Среди разрухи Московского разоренья завязалось и дело между «служгой» кн. И. В. Голицына Буяном Пановым и суздальцем Вас. Киш-

¹ Савин Завесин в 1627—1628 гг. — ездовой подьячий (ЗК 136 г.), в 1648 — 1650 гг. — дьяк в Новгороде. Ив. Вас. Плещеев — двор. моск., рында, стольник, воевода, — вероятно, старший из двух одноименных Плещеевых, известных ДР. И. В. Плещеев — заметный представитель многочисленного и ветвистого клана Плещеевых, известного ДР в числе почти 80 человек. В количественном отношении с ними едва ли мог соперничать какой-либо другой московский служилый род.

киным¹ о девке (женке) Феколке с ребенком. Вытребованный с некоторыми усилиями в Холопий приказ и поставивший туда Феклу, Вас. Кишкин в показаниях 29/11 1621 г. занял ложную позицию, заявив, что у него была не Феколка, а Феклица, да и та принадлежит не ему, а его сыну Захару. По собственным показаниям женки Феколки от 30/11 1621 г., она служила у Зах. Вас. Кишкина (сына Василия Кишкина) «лет с пять». Во двор к Кишкиным она попала в 1616 г., как приданая девка от Ив. Андр. Казимерова, на дочери которого был женат Захар Кишкин. Во дворе у Кишкиных Фекла была Захаром выдана замуж за его холопа Федьку. Казимеровым она служила с Московского разоренья, когда, после пожара, Ив. Казимеров подобрал ее на пепелище «маленькую», «после пожару помиравшую голодом». Крепости на себя Казимерову она «не даывала». До Московского разоренья она жила с матерью на воле, «ни у ково не служивали, кормились по миру, платяя мыли и работали, а отец де ее какой человек был, и она де отца своего не помнит, а у Буяна Панова и у жены ево в хозяйстве не (живала) и у них не служивала». Приказной протокол содержит и описание костюма женки: «Шубенка да сарафанишко синь, шапка комчата двооличная, серги серебряны, камень червец, крест серебряный; денег у себя не сказала; на роб(ен)ке — кошюленка заечья худа». По словам истца Буяна Панова, приведшего ее в Холопий приказ и, конечно, опиравшегося на сильное положение своего боярина, Феколка была его, а не Кишкина, приданой девкой, сбежавшей от него в возрасте 12 лет в самую разуху 1611 г. «в великое говенье на пятой неделе поста»,² и жившей в бегах первых 10 лет до 1621 г. Для вящего эффекта, Панов возводил на 12-летнюю девочку поклеп в огромном сносе и в подтверждение обвинений предлагал «ссылную память» на 31 человека, знавших Феклу у него в услужении, но Фекла эти показания отрицала. Конца дела нет, и решение Приказа неизвестно. Любопытно, что Панов, сам послужилец, считал возможным требовать возвращения женщины в холопство, даже не выкладывая формальной крепости, каковой, повидимому, не оказалось и у его противников.

(№ 39910)

№ 4. 1622 г.

К той же эпохе возвращает нас и дело Прощевского и Аридова. Некий Федька, он же в бегах Осташка, Григорьев, отец которого жил во крестьянах за кн. И. Б. Черкасским в дер. Прутки («а тово де он не помнит, — объяснял Осташка, — в котором уезде и по которой дороге, а слышал де он про то от матери своей») по смерти отца остался полутора лет. Мать его осталась за кн. Черкасским в с. Марьи-не по Ярославской дороге, а мальчика, когда ему исполнилось 4 года, взяли у матери «паны», у которых он прожил 2 года. В Комаричах Федьку «отшибли» от панов казаки, и после этого он бродил года полтора «по дворам». Затем его взял казак Третьяк Юдин, и мальчик ездил с казаками, имевшими постоянное местожительство в Ельце. Зимой 1622—23 гг. он отправился на поиски матери, нашел ее в Калуге и пожил с братом и матерью «на своей воле». Брат его жил в это время за боярином кн. И. Б. Черкасским, а мать торговала. 26/10 1622 г. на него взял кабалу стремянный конюх иноземец Матвей Прощевский, но летом того же 1622 г. Федька от него сбежал и попал в

¹ Кн. И. В. Голицын — боярин эпохи ц. Михаила, брат знаменитого кн. Василия Васильевича Голицына. Кишкины известны ДР во вторую половину XVII в., как жильцы и стряпчие. Одного Казимерова (Казиминова) ДР знают только в конце XVII в.

² Москва сгорела на две недели позднее этого эпизода, а именно, на 7-й неделе великого поста 1611 г.

руки поместного казака Алекс. Ник. Аридова, который «поймал тово Матвеева человека беглова мимо себя (?)» в Калуге, норовя, повидимому, его формально закабалить. Но в этот момент Федьку разыскал держатель первой его кабалы, Матвей Прощевский, который и привлек Аридова к ответственности за подговор и укрывательство. Выступление Прощевского облечено было во все юридические формы и сопровождалось взятием порук по Аридове. Аридов, повидимому, струхнул и немедленно обещал сдать Федьку поручителям для доставления в Москву в Холопий приказ, но, ввиду исчезновения Федьки, просил дать ему пристава для его поимки и «очистки» себя самого. Словить Федьку удалось довольно быстро, 29/7, и он был препровожден в Приказ, где ему была устроена очная ставка с Аридовым и Прощевским. На разбирательство дела явился в Приказ поверенный кн. И. Б. Черкасского Неусыпай Володимеров, заявивший от имени князя Черкасского, что «до тово человека (Черкасскому) дела нет, потому что де он был в полону, а из полону вышед, бил челом стремянному конюху (Прощевскому) и кабалу де он ему на себя дал, и он де по той кабале тому и служит, а боярину де до него дела нет». Холопий приказ положил на деле такую показательную резолюцию: «Выдать Федьку по кабале Прощевскому, 1) потому что человек кн. И. Б. Черкасского заявил, что боярину кн. И. Б. Черкасскому до Федьки дела нет, 2) Матвей Прощевский положил на него кабалу, 3) да и потому, что иных исцов х тому человеку никого не было».

Но после приговора 6/8 Аридов и Прощевский, «не ходя на суд, сыскалися меж себя полюбовно» и помирились, причем Федька остался за Аридовым.

(№ 39985)

№ 5. 1623 г.

В июне 1623 г. людьми кн. Ив. Сем. Куракина¹ был схвачен и посажен в тюрьму беглый старинный холоп его брата кн. Фед. Сем. Куракина Андрон Осипов. По челобитью человека кн. Ив. Сем. Куракина, Федора Уланова, Холопий приказ потребовал доставления беглеца в Москву, «будет человек Ондрюшка (так!) сидит в тюрьме только в том в одном холопстве, а не в изменном, и не в разбойном, и не в татином, и не в ином не в каком воровстве, и иных будет исцов ему в холопстве не будет». Так как холоп был «изыман» у Юрия Кислинского², а отец Юрия, Кирилл Кислинский, заявил, что «ему до тово человека дела нет, а сын де ево Юрья на Москве, и будет де ему да тово человека дела будет, и он де станет бить челом тебе, государю, на Москве в Холопье приказе».

Доставленный в конце июля 1623 г. в Москву и допрошенный в Холопьем приказе, Андрон показал, что у Юрия Кисленского он служит по кабале, выданной им Кисленскому вместе с матерью Домною в 1622 г. в бегах от боярина кн. И. С. Куракина. Сбежав от Куракина, он женился на костромской крестьянке Марьице из с. Карцова, принадлежащего Роману Матюнину, где он и «кормица собой». От «старины» у кн. Куракина холоп не отпирался и показал, — «как де от боярина збежал, свел двое лошадей, мерин карь да мерин же в гнеде мухорт, да саблю, а лошадей одна с седлом, и те де лошади привел он к Юрию Кисленскому». Но тут же, в Приказе, 30/7 после показаний холопа на него объявился и другой претендент — жилец Андрей Кишенский, тоже получивший кабалу от пребывавшего в бегах Андрона. От этого-то Кишенского холопа и подговорили сбежать, «кабалу

¹ Князь Ив. Сем. Куракин — боярин и воевода, наместник черниговский. Кн. Фед. Сем. Куракин — боярин и воевода, наместник ростовский (ДР). В это лето кн. Фед. Сем. командовал на Туле.

² Кислинский Юр. Кирил. — жилец из моск. дворян (ДР).

свою выкратчи», Онофрей да Юрий Кисленские. Холоп покинул у Кишенского мать, жену и детей, но захватил от него новый снос. На все эти операции Андрону понадобилось немного более года (1622—1623 гг.).

(№ 39986)

№ 6. 1624 г.

К той же эпохе восходит своей завязкой дело кн. Вас. Селеховского и Юрия Игн. Татищева.¹ Старинный холоп князей Селеховских Никита Скобельцын, дед и отец которого еще до Первой крестьянской войны служили деду и отцу кн. Вас. Селеховского, искавшего Скобельцына в 1624 г., сбежал от этого кн. Василия в 1610 г., «как Москву литовские люди высекли». «Он, кн. Василий, в те поры был в Кремле, а люди его были в Белом городе на подворье». Хотя Скобельцын был старинным холопом Селеховского, он, по словам кн. Василия, перед своим побегом в 1610 г., успел выдать ему кабалу на себя и на свою жену Авдотью. Сбежав от Селеховского, Никита сначала устроился у некоего Захряпина, у которого и прожил «лет з десять и больше». От Захряпина он перешел уже в качестве кабального холопа к Юр. Игн. Татищеву. У Татищева Никита не прижился и сбежал от него в Арзамасский уезд в поместье к иноземцу Холаимову. «Добровольно», т. е. без кабалы, он прожил у Холаимова лет 6. Однако, Никита не усидел и в арзамасском поместье, воротился в Москву и «по старине» явился во двор ко кн. Василию Селеховскому, от которого был в бегах целых 12 лет. В октябре 1622 г. он даже выдал ему новую кабалу, — если верить Селеховскому, утверждавшему, что Никита однажды уже выдавал ему кабалу при ц. Василии. Прошло два года, и в августе 1624 г., на площади перед Приказом Большого двorca, Никиту словил его промежуточный хозяин Юрий Татищев.

Без дальних разговоров, Татищев сдал Скобельцына, как своего беглого холопа, в узилище Холопьяго приказа. Скобельцын, пытавшийся было прикрыться другой фамилией, назвавшись при задержании Яковлевым, был вручен приставу Холопьяго приказа Ждану Пересветову. «Платья на нем (Никите) одиоряточка поношена голуба, да кофтан бараней, да шапенка бела, да штанишка черлена, да сапоги телятинные, крест медной; денег на себе не сказал». Задержав Никиту, Татищев начал дело о возвращении ему Никиты с женой и детьми. Ответчик кн. Вас. Селеховской развил в защиту своих прав на Никиту ряд аргументов. Кроме мнимой, вероятно, ссылки на кабалу, взятую при ц. Василии, Селеховской привел ряд свидетельских показаний. В своих «ссылочных памятех» Селеховской ссылался «из виноватых» на то, что спорного человека, еще при ц. Василии, знали у него в холопстве многие знакомые ему москвичи: Андрей и Матвей Ошанины, Семен Рахманинов, Алексей Борзцов, Федор Сычов и Никита Беглецов,² а равно ссылался в повальный обыск всем Мединским уездом, где было поместье дяди его, кн. Петра Селеховского, с. Бурт(д)аково, — «вслух и введомо на дворян, и детей боярских, и на их прикащиков, и на старост и на крестьян и дяди моего князя Петровых крестьян тово с. Бурт(д)акова, которые тут топерво живут, и на тех, которые, вышед, живут за розными помещики, — в том, что тот мой человек Микитка Юрьев сын Скобельцын у дяди моего князя Петра по старине служил и, как дяди моего не стало, после дяди моего,

¹ Кн. Селеховские — двор. моск. и провинц. воеводы. Татищевых ДР знают в количестве более 20 чел. Юрий Игнатьевич Татищев — стольник и воевода в Курске и Вязьме, и в 1620-х гг. уже очень пожилой человек.

² Ошанины, Ра(о)хманиновы, Борзцовы, Беглецовы — двор. моск., занимавшие места голов, приставов, небольшие провинциальные воеводства и т. д. (ДР). Сычовых ДР не знают.

при царе Василии, во 118(1610) г. мне во двор бид челом и у меня служил». Ю. Татищев ссылку на повальный обыск принимал, но соглашался слаться на него только «в послушество», а не «из виноватых», так как в Медынском уезде у него ни поместья ни вотчины нет, а все названные в челобитной Селеховского служилые люди князю Василью друзья, «а ищу де, — энергично заключал Татищев, — по кабале». Холопий приказ не стал производить повального обыска в Медынском уезде, а решил дело формально на основании общего принципа: «Чья кабала старее, та и сильнее», и 8/12 1624 г. приговорил вернуть Никиту с семьей Юр. Татищеву, так как кабалы старее 1610 г. Селеховской предъявить не смог, а явки об утрате ее своевременно тоже не сделал, хотя, как мы уже показали в параграфе, посвященном старине, в практике Холопьяго приказа должно было быть не мало случаев, когда решающий момент бывал подчиняем именно моменту старины. Ключом к этому казусу могут служить несколько подписных челобитных как Ю. Татищева, так, к нашему удивлению, и самого холопа Никиты. Никита находился за решеткой «в чепи», «помирал голодною смертию», и жаловался на то, что «истец и ответчик от дела отступились и в Приказ не ходят». Едва ли его челобитные могли через думного дьяка дойти до самого государя, без прямого или косвенного участия влиятельного Татищева. Так или иначе, но последовала резолюция государя: «По тому делу указ учинить, до чего доведетца, не вoločа».

(№ 40054)

№ 7. 1626 г.

В октябре 1626 г. в Ярославле на площади, «у пищей избушки», пристав Митроф. Гаврилов поймал бродяжившего там детину. «Приводный детина» Меркушка «в роспросе» показал, что он старинный холоп Петлиных,¹ и что за Петлиными жили его отец, дед и прадед. Дитина показал, что от Дементья Петлина он «сшел» тому «лет з десяти», «хотечи от нево стариннова холопства отбыти», «а свели его брат родной ево Памфилка Федотов да двуродный Ивашка Родионов». Памфилка обосновался в Ярославском уезде у Дениса Воинова Золотарева, а «двуродной брат» Иван — в Костромском уезде у кн. Осипа Щербатова. «А как де братья ево, — показывал детина, — от Дементья Петлина сошли, и что от нево снесли, или нет, тово де он не помнит, был мал». Пристроившись в Суздальском уезде у Ив. Карп. Красенского, Меркушка прожил у него «лет с восемь и больши». В бегах у Красенского он женился на вольной девке Акулинке, которая «с матерью своею ходячи кормились по миру». У Красенского он не ужил-ся и сбежал, сведя от хозяина коурого жеребца. После побега от Красенского он «недель з десять» прожил «у Соли» (вероятно, Галицкой) у своего родного брата Панфилки, но тут-то его и накрыл Дементий Петлин, свезший беглеца, без дальней процедуры, в свое ярославское поместье Гадшиново. Приростом от побега Меркушки для Петлина был сведенный детиною от Красенского коурый жеребец. Но возвращенный «на старину», Меркушка, оставив жеребца у Дем. Петлина, сбежал снова, и на этот раз попал в руки ярославской полиции, заключившей его в ярославскую тюрьму «до государева указу». По словам Меркушки, «инова он ничего от Ивана (Красенского) не снашивал, кабалы де на нево и никакие крепости и на жену ево у Ивана (Красенского) и у Дементья (Петлина) нет». Приказный протокол дает нам описание наружности и платья Меркушки-Мишки (приказный протокол превратил его из Меркушки в Мишку): «Круглолик, нос немного вскорос, глаза крас-

¹ Петлины ДР неизвестны.

носеры, волосом голова темноруса, скудобруд, бороденка и ус русы, ростом середний. А на нем платье — зипун сермяжной сер, да каф-ганишко баранье поношено, шапченко овчиное под сукном лазоревым, крест медной, штаны сермяжные серы, рукавицы бораньи с варягами; денег на себе не сказал, а то де платье на нем Ивана Красенского».

Конца дела не сохранилось.

(№ 40475)

№ 8. 1627 г.

27/4 1627 г. люди кн. А. Ф. Лыкова¹ привели в Холопий приказ «сами, без пристава» беглую женку Лыкова Матренку, сбежавшую от него вторично (после первого побега, произошедшего «недель с двадцать тому назад») и словленную ими на Покровке в Горшечном ряду. Несмотря на то, что у Лыкова оставался ее муж, женка будто бы собиралась, находясь в бегах, тут же в Москве выйти замуж за холопа кн. Андр. Вас. Хилкова. Кн. Хилков, во дворе которого Матрена собиралась вступить во второй брак при живом первом муже, встревожился, узнав, что женка — раба кн. Лыкова, и приказал немедленно же вернуть ее во двор Лыкова. Этот эпизод произошел в начале апреля месяца. Расспрошенная в Приказе, Матрена показала, что первым браком она была замужем за сыном боярским торопчанином Богданом Пятчениным, погибшим в бою с Литвою. После смерти Богдана она попала в плен; вернувшись из Литвы, жила в Пскове и вышла замуж за казака Карпуньку Филатьева, но затем, покинув этого Карпуньку, перебралась в Москву, где «кормилась своею работою, а во двор никому не бивала челом и кабалы на себя никому не давала». Между тем, муж ее Карпунька, «утаив ее кабалы», бил челом во двор ко кн. Лыкову, тем самым похолопив и ее. Как показала Матрена, она «сбежала для того, что тот муж ее пошел в боярский двор и служилую кабалу на себя дал». «На Матрене, — гласит приказной протокол, — шуба боранья одевальная, да шапка киндяшная лазоревая да шупка желтая киндяшная на зайцах, крест серебряной, да серги серебряные позолочены с камением зеленым, а то де платье — ее, а денег де у ней нет». Приказ постановил вернуть женку во двор Лыкова к ее мужу Карпуньке, с которого, еще при возвращении ее из первых бегов от кн. Хилкова, была взята запись, «что ему с Матреной жить и до смерти ее не убить, а ей бы от мужа своего не сбегасть».

Дело это рассмотрено с юридической стороны выше, в гл. III.

(№ 40272)

№ 9. 1627 г.

В 1621 г. в кабальные холопы к Вас. Малыгину² бил челом некий Игн. Сем. Нурышевский с женой Ориной. Игнатий был крестьянин из Тверской вотчины Ив. Воейкова. По словам Воейкова, он сбежал от него в 1619 г., некоторое время жил у Малыгина «в наймех», а затем дал на себя Малыгину кабалу, но в 1626 г. от Малыгина сбежал и вернулся обратно к Ив. Воейкову, — «видя его, Васильеву, неправду (!), что ево покабалил», — писал в своей челобитной Воейков. Воейков дело проиграл, потому что своевременно, т. е. в 1619 г., не сделал за-

¹ Кн. А. Ф. Лыков — стольник и воевода, через свое родство с боярином кн. Бор. Мих. Лыковым, женатым на сестре патр. Филарета, был в свойстве с царской семьей. Кн. Андр. Вас. Хилков — боярин, возглавлявший разные приказы, наместник рязанский (ДР).

² Малыгины по ДР — дворяне московские, стряпчие, воеводы, головы и приставы. Один из них, Петр, был дьяком в Полоцке и Путивле. Воейковы — очень заметные дворяне московские, жильцы, стряпчие, стольники, приставы, головы, воеводы и т. д. В этом служилом клане в 1620-х—1640-х годах было 9 чел. и установить, кто из них участвовал в этой тяжбе, невозможно.

явления о бегстве Игнатия, молчал и потом, в течение целых 7 лет, а при отсутствии явок более, чем за 5 лет, «суда во крестьянстве, — как указывал Приказ, — давать не велено».

(№ 40482)

№ 10. 1627—28 гг.

Богатым материалом для статистики холопских побегов в самой Москве служит Записная явочная книга 136 г. (сентябрь 1627 г. — март 1628 г.). Стиль ее имеет лапидарный и сухо-протокольный характер, но иногда записи содержат ценные бытовые подробности.

а) 7/11 1627 г. подал явку Ив. Безобразов о побеге от него 6 человек: Гарасимки Игошкина, Янки Гришина, Гарасимки Дементьева, Баженки Осипова, Еремки Иванова и Микитки Татарина, со сносом в 200 р., «да лошадей, и платья, и служивой рухляди на 200 р., да 2 ящичка с письмом: с государевыми, поместными и вотчинными грамотами, с писцовыми и дозорщиковыми выписями, с людскими крепостями». Обнаружив побег, Безобразов не стал терять времени «и посылал за теми своими людьми гонять, наняв 10 человек сторожевых казаков, да с ними сотника Ондreja Мантурова, да сына боярского Насона Трепкина, а давал найму казаком по 3 рубли человеку, да под них же давал лошади свои». Погоня настигла беглецов в 500 верстах от Шацка на реке Хопре. «Переимав» беглых, казаки привели их в Шацк к Безобразову. Беглецы в расспросе показали, что они бежали на Дон. Часть денег и рухляди они спустили, а часть была арестована вместе с ними, «а про письмо (т. е. документы) ему сказали, что оне у нево взяли ящички с письмом, и оне де, разломав ящички и передрав письмо, пометали в воду на реке на Полночаше».¹

б) 6/12 1627 г. подал явку Илья Ив. сын Зубов. 30/11 1627 г. сбежал от него его «крепостной человек» Фомка Сапожник. За беглецом Зубов послал в погоню по Троицкой дороге двух человек, — Матюшку да Лучку Ондреева. Матюшка на третий день пришел «пеш» и сказал, что беглого Фомку «изымали за Троицею по сю сторону р. Дубны и, изымав, повезли, было, к нему к Москве, и на дороге тот человек ево Фомка, зговоряся с тем человеком его Лучкою, побежали прочь на лошади», в то время как «Матюшка на сторону, было, отошел, и оне ево покинули пешево».²

в) У коломентина Ильи Кокошкина 4/2 1628 г. по подговору каширян посадских людей Лари Чортова с детьми Полукарпиком (так!), Тимохою, да Гришкою сбежал в его отсутствие из коломенского поместья Ольхова крестьянин, староста Ивашка, захватив поместные грамоты, людские крепости, 23 р. сборных крестьянских денег да 8 р. крестьянской ссуды. Илья «за тем своим беглым крестьянином за Ивашкой по посоку³ следом гонял до Жоширы». Взяв в Кашире у воеводы пристава, он перехватил там у Лари Чортова 4 короба своих животов, да «в меху платья и всякой рухляди», да пищаль, да 2 сабли, отданные ему после осмотра («пересмотря») воеводой Ф. Д. Осиповым, которому он выдал отпись в получении, а крестьянина его, Ивашку Желвакова, с женою и с детьми и со своими животы «тот Ларя Чорт с детьми своими неведома где ево дели».⁴

г) 13/1 1628 г. подал явку Яков Дубровский с жалобой на то, что в этот день в третьем часу он послал «в ряд» своего человека Еуфимку, прозвище Мишка, с 50 р. и велел ему дожидаться себя в Седельном ряду. «И тово де человека ухватили на Тверской неведома де какие люди, а сказал де ему про то архангельской поп Ларион Степа

¹ ЗК 136 г., л. 55, № 180.

² ЗК 136 г., л. 73, № 252.

³ Посок — розыск. Ср. глагол «сочить» в Русской Правде.

⁴ ЗК 136 г., л. 159, № 573.

нов, а платья де была на том человеке — кофтан сермяжной черной, да кофтан бораней шубной, нашивка хомянная, да шапка кумыцкая овчинная красная, да сапоги телятинные. А в Холопей приказ тово де ево человека по седьмой час не приваживали». ¹

д) 4/2 1628 г. подал явку сытник Фед. Раков с жалобой на то, что «в нынешнем де во 136-м году февраля в 1-й день бежал от нево человек ево Микитка Федоров, не хотя ему на себя кабалы дать, а служил де у нево многое время, а снос в явке написан, а цены ему не написано». ²

е) 18/2 1628 г. подана явка патриаршего стряпчего Кира Патрикеева на суздальца Данила Ив. сына Костяева и на его шурина Мих. Ермол. сына Голенкина, да на его зятя — сотника московских стрельцов Прокофья Логвинова. Стряпчий в явке утверждал (согласно своему, уже ранее поданному, челобитью 136 г.), что он «имал по нево (Костяева) пристава, что он убил на дороге с своими людьми из животов человека его, Кирова, Ивашка Ив. сына Микитина, и тот де Данило, приехав к Москве, и в том ево убитом человеке ему добил челом и дал своих людей за тово убитова 3 головы — Ортюшку Обросимова с женою и с дочерью, и животы де ево отдал, ис которых погубил».

Следом за тем, Данила Костяев со своим шурином и зятем «того ево отданова человека Ортюшку з женой и дочерью от нево опять подговорили, да в сносе во 100 в 20 в 5 рублех». ³

ж) 28/2 1628 г. подана явка тяглеца Сretenской сотни Уланки Макеева на подьячего Поместного приказа Андрея Петрова сына Непецына. На Знаменье 136 г. (28/10 по ст. с. 1627 г.) Непецын зазвал сына его Янку «к себе на подворье и, зазвав его, почал бить и мучить великою мукою и прощать у него кабалы (долговой). И сын ево, не стерпя от нево великие муки, и дал ему на себя кобалу в 50 рублех своею рукою. А как бы сын ево не дал ему на себя такие кобалы, и тот бы Ондрей Непецын сына ево до смерти убил! Взяв на него такую кобалу и привел ево в Холопей приказ, а из Холопья приказу того ево сына отдали бита и изувечена и ныне сын ево от того Ондре-ева бою лежит при смерти изувечен, а тот Ондрей Непецын и ныне похваляетца тою кобалою и говорит ему: как де будет сын ево жив (в подлиннике: живет), и ему де ево к себе похолопить во веки». ⁴

№ 11. 1628 г.

В июле 1628 г. стольник кн. Яков Гавр. Коркодинов ⁵ бил челом на дьячка Хамовного двора Кадашевской слободы Богдана да на вдову «деловицу» Василису Ларионову Тверской Константиновской слободы по поводу того, что от Коркодинова 10/1 1625 г. бежал его крепостной детина Мишка Кунахин со значительным сносом в 36 р. 2 гривны, в состав которого входил и 20-рублевый «конь пег». Мишка укрылся у дьячка и Василисы и стал с ними проживать «со всеми теми животы, и, хороня их собча... пьют и едят с тем моим беглым человеком заодно», — жаловался Коркодинов. Впрочем, беглец жил у них, по выражению Коркодинова, «перебегая» и, повидимому, занимаясь какими-то операциями. «Промышляют им, тем холопом моим, заодно хоронят», — писал Коркодинов. Ответчики — дьячок Богдашка и вдова Василиса — обвинения Коркодинова начисто отвергли и указали в каче-

¹ ЗК 136 г., л. 105, № 348.

² ЗК 136 г., л. 131, № 462.

³ ЗК 136 г., л. 139, № 494.

⁴ ЗК 136 г., л. 148, № 533.

⁵ Кн. Коркодиновы в XVII в. довольно заметны. ДР знают их с десяток. Они служат головами, воеводами и носят чины двор. моск., стряпчих, стольников, а один из них дослужился до околичества (ДР).

стве свидетелей «всю Кадашевскую слободу и Толмацкую слободу», но Коркодинов, со своей стороны, отверг ссылку на показания слобожан, упирая на то, что Богдашка и Василиса ссылаются на «друзей и хлебояжцев». Перед таким конфликтом Приказ стал втупик и постановил: «Дати веру, крестное целование, потому что опричь веры тово дела вершить нечем». Но на обряд крестного целованья кн. Яков «пришел без пошлин, денег с собой сполна не принес», и этим, к своей невыгоде, крестоцелование сорвал. Иск был им проигран. Едва ли все дело не было затеяно Коркодиновым с целью просто пошантажировать слобожан.

(ЛН № 40307 и 40324)

№ 12. 1628 г.

6/9 1627 г. сытник Бажен Трескин¹ бил челом на кашинца сына боярского Тихона Зыкова, жалуясь на то, что Зыков «на третьей неделе после велика дня» перезвал от него из Кашинского уезда, Кочемского стана, селца Матзеевского, Вознесенское то же, Демидку Парфентьева с женой Оринкой и с пасынком Митькой. Подговоренные холопы унесли, по словам Трескина, его «животы и статки». Орина, «ходившая в ключе» у Трескина, выдала, по его словам, Зыкову всякого добра на 50 р. с полтиною. «И яз, х. т., — восклицал в своей челобитной Трескин, — от тово Тихона Зыкова вконец погиб». Приказ командировал для выемки беглых холопов из кашинского поместья Зыкова недельщика Ларионова. Недельщик подал 24/9 1627 г. в Приказе доездную память и привел арестованных им холопов. Поставленная к допросу, женка Оринка показала, что она действительно старинная раба первой жены Трескина, но по смерти этой первой жены Трескин выдал ее замуж за своего кабального человека Демку, которого посадил во крестьяне. После замужества она продолжала жить у Трескина в с. Вознесенском, оказавшемся спорным между Б. Трескиным и Т. Зыковым, но неожиданно была арестована по челобитью самого же Трескина. «А на ней платья — шуба баранья, сорофанишко крашенинной, шапка червчатая комчатая; а на сыне ее, на Митьке, платья — кофтан сер, шубенка боранья, шапенка. Денег на себе не сказали. Да с ними приведена лошедь рыжа лыса, грива налево, 10 лет». Люди были задержаны в арестантской Приказа, а лошадь сдана трескинскому холопу. Вчинив этот иск, Б. Трескин за делом ходить не стал и Т. Зыков стал подавать одну челобитную за другой, жалуясь на волокиту Трескина. Челобитные эти были им поданы 29/9, 3/10, 5/10, 8/10, 9/10, и только после пятой челобитной, — и то если все им данные челобитные ныне налично, — Приказ распорядился сыскать Бажена. Вытребованный в Приказ 16/10, Трескин подал ответную челобитную, в которой изложил подробности своей претензии. По его словам, в апреле 1627 (135) г. Тихон Зыков «перезвал его кабальных людей», каковых он, Бажен, и просил вернуть к нему. Т. Зыков начисто отверг обвинения в подговоре и укрывательстве. Ввиду полного расхождения показаний, стороны «имались за веру, за крестное целованье», причем Тихон Зыков «взял его себе на душу», а Б. Трескин обрек на душевредство своего холопа Андриюшку. Кроме крестного целованья, Б. Трескин подал и документ: отпускную Анны Палицыной, выданную еще в 1607 (115) г. Степаниде Ивановой с детьми, в числе которых была и Авдотья. С этой отпускной Бажен и взял в 1620 (128) г. новую кабалу на Авдотьиного мужа Дементия и на саму Авдотью, и считал по этому документу крепкими себе и мужа и жену. Ни холопы, ни Т. Зыков самой кабалы не «лживили», но ответили, что она была вымучена. Сверх того Зыков предъявил даную на вотчину с. Возне-

¹ ДР знают Трескиных жильцов и одного дьяка. Из них был вероятно, и Бажен, Тих. Зыков — двор. моск., ладожский воевода в 1652 г. (ДР). Зыковы и их облик нам известны из их собственного дела, см. в гл. VI, посвященной борьбе холопов за свободу.

сенское, полученное им от тещи Рамейковой. В данной спорные люди были перечислены поименно крестьянами. Б. Трескин возражал, утверждая, что в данную люди были вписаны «озарничеством». Ответом Т. Зыкова была подача ссылочных памятей на свидетельские показания и на запись, в силу которой Б. Трескин уступил свою половину с. Вознесенского 2/7 1627 г. ему, Тих. Зыкову, вместе со спорными людьми. Б. Трескин ссылки, правда, принял, но заявил, что «город (т. е. Кашинский уезд) их один, и ему де недруги». А про запись сказал: «Такову де запись на него вымучили у воды. Приехав де к нему, к Бажену, в деревню тот Тихон со многими людьми, и, ево де ухватя, хотели посадить в воду; и он де, убоясь смерти, такову запись дал. И он де, Бажен, в том здесь на Москве и явки давал». Странно, что Б. Трескин не начал именно с этого, безусловно, очень веского и внушительного аргумента. Холоп Дементий показал, что у Трескина в холопах он, действительно, побывал, а потом женился на его крестьянке, стал крестьянствовать, и вместе с другими крестьянами с. Вознесенского перешел к Т. Зыкову. В Приказе постановили людей подержать, а на Трескине и Зыкове взяли поручные. Дело остановилось на мертвой точке, и стороны 9/11 1628 г. признали за лучшее помириться. Трескин получил оттягиваемых им людей, но взял на себя пошлыны в размере 5 р. Через 14 с лишком лет, в январе 1643 г., пошлыны эти все еще Приказом взыскивались.

Юридическая сторона этого дела рассмотрена выше, в гл. III.

(№ 40313)

№ 13. 1629 г.

Холоп Андр. Серг. Бороздина Федька по характеристике истца Воронцова-Вельяминова¹ «плутишка и подговорщик», — как соседи бороздинского двора о нем «слухом слышали, а иные ведают», — сманил 5/2 1629 г. у Воронцова его старинных и крепостных людей, женку Таньку (от ее мужа Первушки), девочку Ульку, да «стариннова дитицу Архипку, прозвище Богданку». 20/3 того же 1629 г. Воронцов, при содействии пристава, поймал около бороздинского двора Первушкину женку Таньку и доставил ее в Холопий приказ, но двух других беглых, Ульку и Архипку, а равно и танькиного сноса вырвать у Бороздина ему не удалось. При расспросе Татьяны оказалось, что Бороздин, завладев сносом ценою в 50 р. 26 ал. и спрятав у себя малолетних Ульку и Архипку, Татьяну просто велел «спихнуть з двора за ворота». На поставленной в Приказе женке было «платья — сорофанишка да шапенка камчата жолтая, и то платишка, сказала, свое». Вызванный в Холопий приказ, хотя и «не умевший грамоте», но предприимчивый, Бороздин заявил, что ему, собственно, «до той жоночки дела нет, и крепости у него на тое жоночку Таньку никакие нет». С февраля до мая 1629 г. Татьяну продержали в Холопьем приказе, а потом вернули Алексею Воронцову-Вельяминову, но ни девочки Ульки, ни мальчика Архипки их мать Татьяна и Воронцов обратно не получили. Не получил Воронцов и своего сноса, хотя Татьяна в Приказе повинилась в том, что она снесла от Воронцовых «ларец, а в нем ожерелье жемчужное женское, да телогрея крашенинная». От принятия сноса не отпирался в Приказе и сам Бороздин, ограничившийся, однако, тем, как жаловался на него Воронцов, что «манил, хотел отдать». Долго и тщетно бившийся с этим делом в Приказе, Воронцов наконец не вы-

¹ Бороздины — двор. моск., стольники, воеводы. Воронцовы-Вельяминовы — старинный московский род, известный с XIV в. В XVII в. — двор. моск., стольники и воеводы. Андрей Алексеевич Воронцов-Вельяминов в 1639 г. — стольник, позднее — воевода. Видной роли в XVII в. Воронцовы-Вельяминовы уже не играют. Во всяком случае, истец настоящего дела жалуется на отсутствие у него московских связей и денежных средств. Связи сторон вскрываются из списков их поручителей.

держал и в одной из своих челобитных договорил то, что тяжущиеся обычно официально умалчивали и высказывали, вероятно, только в своем кругу. Воронцов писал, что Бороздин — «московский человек» и сидящий в Приказе холопьяго суда кн. П. Ф. Волконский «дружит ему». Отчаявшись довести дело до конца обычными средствами, Воронцов-Вельяминов предложил прибегнуть к вере и целовать крест, но от этого средства Бороздин уклонился, заявив, что указанный Воронцовым для крестоцелования его, бороздинский, холоп сбежал. Не добившись толку с крестоцелованием, но уверенный в своей правоте, Воронцов предложил другое средство — произвести вокруг двора Бороздина повальный обыск. Однако, Приказ сумел затормозить и дело с обысками. 22/11 обыски произведены еще не были и дело оставалось нерешенным.

Юридическая сторона этого дела была рассмотрена выше, в гл. III.
(№ 41507)

№ 14. 1629 г.

От Петра Степ. Корсакова¹ из его кинешемской вотчины в 1617 г. сбежали его смоленские «старинные крепостные люди — Ивашка Постыков с женою Марьицею и с детьми, покрадчи животы на 35 руб. с полтиною, да женка Оринка Иванова с детьми Харитонком и Кондрашком, сведя четырех лошадей с санями и с хомутами ценою в 25 руб., да платья и всякой рухляди на 20 р. с полтиною». В течение 10 лет беглая Оринка жила во крестьянстве в Коломенском уезде у вдовы Аграфены Барыковой, причем Барыковы переименовали ее из Оринки Ивановой в Оринку Исаеву. По крайней мере, на разбирательстве в Холопьем приказе, Барыков утверждал, что он держит не Орину Иванову, а Орину Исаеву, проживающую у него «лет двенадцать и больше». Поставленная в Холопьем приказе к расспросу, женка подтвердила, что она действительно старинная раба Петра Корсакова «и в Смоленское де разоренье (т. е. в 1610—11 гг.) сошла она от Петра с мужем своим и детьми... и бродила промеж двор». Муж ее умер, и она вышла замуж за вольного человека Мишку Семенова, с которым ходили они кормиться по городам, а придя к Мих. Барыкову у него осели во крестьянстве и прожили так «лет з десять».

Найдя в 1628 г. след Оринки, П. Корсаков, вооружась приставом и понятыми, двинулся в поместье Матвея Дубенского в селцо Семеновское и в селцо Боярское, Коломенского уезда, куда Орина успела каким-то образом перебраться. В Семеновском Корсаков задержал ее без всякого сопротивления — «драки-бою, — как замечает протокол, — не было». При тех же понятых «вынели» у Матвея Дубенского Ивашку Павлова, в бегах тоже переименовавшего свое имя на Лукашку. Привлеченный в свою очередь к ответу, Дубенский был обязан доставить Ивашку-Лукашку на Москву в Холопий приказ. 20/11 1628 г., когда он вел Ивашку в Москву по берегу Неглинки в Приказ, на него напал П. Корсаков и силой отбил конвоируемого им беглеца. Дубенский, успевший женить овдовевшего в бегах Лукашку, как он его упорно именовал, на своей крестьянке Матренке, уверял, что он имел дело вовсе не с корсаковским Ивашкой, а с другим лицом, именуемым Лукашкой. Свой иск к Барыковым и Дубенскому Корсаков выиграл, получив и холопа с женой, и рабу с мужем, и взыскав большой штраф с поручителей по ответчикам.

(№ 41319)

¹ Петр Корсаков — двор. моск., известный ДР. Из Барыковых ДР знают только полуголову Льва Михайловича, и то уже в 1670-х гг. Дубенских ДР знают в чине жильца, двор. моск. и стряпчего.

Картину борьбы из-за холопов раскрывает перед нами конфликт между соловлянином Алексеем Ив. Якуниным и несколькими ельчанами детьми боярскими. Некие ельчане, а именно: Клемен (так!), «прозвище вотчиму его Чертков», Богдан Косинов, Трифон Гладкий, Савелий Щуров, Софон Стрелков, вместе с софоновским крестьянником Прошкой, «Девясиловым братом», укрыли бежавших на другой день после Петрова дня 1629 г. людей Якунина «Обрашку Гвоздева с женою Оринкою, прозвище Манька, да Ермошку Михайлова, прозвище Душной, с женою Маланьицею да сыном Антошком». Беглые захватили с собой, по словам Якунина, платья, денег, рухляди и лошадей — всего на 50 р. с полтиной. Обращка с Манькой устроились вначале в Елецком уезде в поместье Саввы Щурова, а великим постом 1630 г. хотели, было, воротиться к Якунину «наоборот», но под Юрьевым лесом Обращка заехал к стрелковскому крестьянину Трошке. К Трошке беглых холопов перевез через Мечу неслужилый сын боярский Клемен, «Чертков пасынок», а затем Трошка да Кленка (т. е. Клемен) призвали «товарищев своих» детей боярских Богдашка Косинова да Трифонца Гладкого, и вся эта компания избил беглых холопов Обращку с женой и дочерью «до смерти». Спрятавший, было, их у себя Щуров явился челобитчиком на «убийцев» и «в убийстве на них доводил». Другие беглые оставались, по словам их владельца Якунина, у Щурова «неведомо живы, неведомо нет». Якунин бил челом «обыскасть Елецкого уезда обapol дер. Дубовки, сельца и деревни всякими людьми повальным обыском, где моим людям убийство учинилось, и поставить участников дела на Москве с ним, Якуниным, с очей на очи в тех убийственных людех, а Саву Щурова в доводе». Челобитной Якунина в Москве придали веру и указали всю шайку детей боярских вытребовать в Москву, дав их «на поруки с записями». Чем кончилось это дело, из переписки не видно.¹

№ 16: 1637—38 гг.

В 1637—38 гг. в Холопьем приказе произошла юридическая схватка между стольником Кузьмой Данил. Леонтьевым и крайчим Юрием Яншеевичем Сулешовым.² Старинный холоп кн. Фед. Дм. Шестунова Иван Прохоров Шишка после смерти кн. Федора бил челом вместе со своим отцом в холопство к известному интригану эпохи Первой крестьянской войны Мих. Глеб. Салтыкову. По смерти Салтыкова Шишка бескабально служил у князей Василия и Юрия Сулешовых. У Сулешовых он женился на девке Полашке и прижил с нею 4-х сыновей. «Сойдя» в середине 1630-х гг. от Сулешовых, он оставил свою семью в их поместье в с. Филиппове Переяславского уезда, и бескабально водворился в Суздальском уезде у Петра Трегубова.³ Но, когда в 1624 г. с. Филиппово у Сулешовых было «взято» и отдано в раздачу «трем человеком — Кузьме Леонтьеву с товарищи», Шишка вернулся в с. Филиппово и, на этот раз, бил челом во двор к Кузьме Леонтьеву у которого и прожил в качестве кабального холопа более 10 лет, с 1624 г. до 1636 г. Но 2/5 1636 г. он от Леонтьевых сбежал вместе со всей семьей и пришел «сопасясь» ко кн. Ю. Я. Сулешову в Переяславский уезд в с. Елизарово. В 1637 г. «канун Николина дню вешнего»

¹ Арх. Разряда. Моск. ст., № 60, лл. 216—220.

² Леонтьевых ДР знают в количестве около 40 человек, но едва ли все они принадлежат к одному роду. Кузьма Данилович Леонтьев начал рындой и кончил в 1630-х гг. стольничеством. Кн. Ю. Я. (Е)ншеевич Сулешов, брат крайчего и комнатного стольника Василия Еншеевича, — рында, стольник, боярин, воевода, возглавлявший разные приказы и заметный по ДР с 1613 г. по 1639 г. С Романовыми он в свойстве. Кн. Шестуновы тоже были в свойстве с Романовыми.

³ Разных Трегубовых ДР знают в качестве подрынды, сеунщика, двор. моск. жильца и даже дипломата. Петр Васильевич в 1660 г. был жильцом.

(т. е. 8/5 по ст.) Кузьма его в с. Елизарове поймал, не решавшись, однако, посягнуть на его семью, и, заковав, стал держать в заключении у себя во дворе в с. Филипове. Оттуда Шишку вскоре вызволил и увез в Москву пристав Холопьяго приказа. Действовала в этом случае, очевидно, рука кн. Сулешова, предъявившего одновременно к Леонтьеву о Шишке встречный иск. Тогда Леонтьев пустил в ход все свои московские связи и после ряда подписных челобитных добился, на основании взятой им кабалы приговора Холопьяго приказа в свою пользу. Приговор не коснулся, однако, детей Шишки, правда, рожденных до его похолопления. Достался ли беглец в конце-концов Леонтьеву, не знаем, так как Шишка «(круглолик, нос немного вскорос, глаза темносеры, волосом голова и борода и ус и брудилшка изчермна русы, у правой руки на суставе рубец, ростом средней)» из Холопья приказе от недельщика Фед. Мизинова, «железа разбив, ушел в одной рубашке». Не к Сулешову ли во двор он опять сбежал?

(№ 41506)

№ 17. 1638 г.

На Устюге проживала посадская женка Каптелина Маркова дочь, вышедшая замуж за устюжского посадского человека Архипа Никифорова сына Гатнихина. Гатнихины прожили вместе лет 14, от 1619 до 1633 г. За эти годы у них родились две дочери — Прасковья и Грунька, да сын Карпунька. Прасковью выдали замуж за устюжского посадского человека Ваську Щукина, а затем муж Каптелины Архип ушел в Сибирь. «После ево з бедности и от долгу, оставшись с ребятишком одинока з девочкою безплеменна, и от своей бедности, и от великих податей» Каптелина сбрела вместе с Грунькою с Устюга из Вологду «к родимцам», покинув на Устюге замужнюю дочь Прасковью и сына Карпуньку. В 1633 г. на Вологде ее вместе с дочерью взял «к себе во двор сильно» тамошний дьяк Михайло Бухаров, — «сведал де дьяк Бухаров про нее, что она заезжая, прислал по нее с лошедью человека своего Сергея Федорова, и ее Сергей везд и привез к дьяку М. Бухарову», который «держал ее у себя во дворе год и з двора не спущал». Захватив к себе во двор Каптелину, Бухаров выдал ее «сильно ж неволею» от живого, хотя и находившегося в дальней сибирской отлучке, мужа за своего кабального человека Ивашку Ананьи-на, по происхождению вологжанина. Затем Бухаров свез Каптелину в Москву. На его московском дворе она прожила еще два года (1633—1635 гг.) и «с тем другим своим мужем прижила дочь Маньку». Попав в когти Бухарова, кабалы ему Каптелина, однако, не давала, «не хотя, — как она потом показывала в Приказе, — у него в холопстве жить». «О Петрове заговейне» 1637 г. (т. е. 2/6 по ст. с.) Каптелина «сошла от нево, Михайлы, с Москвы», покинув свою дочь от первого брака с Гатнихиным, Груньку, во дворе у Бухарова. «Сносу она, — по ее уверению, при своем побеге от Бухарова, — ничего не снашивала». Сбежав с бухаровского двора с маленькой Манькой, Каптелина направилась в Вологду, но, по прибытии туда, немедленно же попала в лапы вологодского посадского человека и одновременно подьячего Ивана Степанова, приходившегося «братом» (двоюродным?) ее второму бухаровскому мужу Ивашке Ананьину. Подьячий Степанов не решился, однако, на такое же самоуправство, какое позволил себе в 1633 г. сам дьяк Бухаров, а отвел Каптелину в съезжую избу и сдал женку вологодскому воеводе кн. Ив. Волконскому. Волконский передал ее находившемуся в это время «со скорыми грамотами о сибирских запасах» звенигородскому сыну боярскому Семену Чернцову, ехавшему с Соли Вычегодской к Москве в качестве «недельщика» с вышеупомянутым экстренным поручением. Едва Семен успел принять Каптелину с девочкой Манькой «саму-другу», как женка сбежала от него «по

подговору», — как Семен это впоследствии утверждал, но Каптелина отрицала, — своего спутника, устюжского целовальника Федосейки Маслыги. Ускользнувши из рук Чернцова, женка на дощанике вологжанина Осипа Лаврентьева приехала в Устюг. Но на Устюге ее ждала новая беда. Оказалось, что за время ее отсутствия в Устюг вернулся из Сибири ее первый муж Антон Гатнихин, у которого со времени его возвращения жил их сын Карпунька. Взять к себе обратно Каптелину Архип не захотел, опасаясь «чтоб ему от Михайла Бухарова в поклепе напрасно не погнута», так как «слух де по нево дошел, что на Вологде дьяк Михайло Бухаров взял ее к себе во двор сильно и ее выдал замуж за человека своего». Отвергнутая Архипом, Каптелина была челом находившемуся на Вологде «ростовского митрополита Варлаама духовных дел приказному Архангельского монастыря архимариту Пафнутию», но архимандрит распорядился ее участью по своему и 12/7 1637 г. посадил Каптелину вместе с девочкой в тюрьму за ее, надо полагать, невольное двоемужество. Каптелина просидела со своей Манькой в тюрьме всю зиму до апреля 1638 г., пока в дело не вмешалась, правда, по другим соображениям, ведавшая этим районом Устюжская четь, потребовавшая Каптелину с «девкой», как была названа двухлетняя Манька, в Москву. Вмешательство Устюжской чети объясняется тем, что закабалитель Каптелины дьяк Бухаров, раздраженный побегом женки, упущенной Чернцовым, неосторожно взявшимся вести ее из Вологды в Москву, «приставил» к Чернцову в 100 р. и даже добился того, что Чернцов попал на правеж. Чернцов, в качестве пристава Устюжской чети, привел аппарат ее в движение уже в своих интересах, отыскал каким-то образом след Каптелины на Устюге и через 10 месяцев, протекавших с июля 1637 г. по май 1638 г., добился цитированного выше распоряжения из Московского приказа. Вытребовав Каптелину с Манькой в Москву, Устюжская четь не знала, что ей с ними делать и запросила об этом 16/5 1638 г. Холопий приказ, который, в ответ на запрос чети, вызвал арестанток к себе и снял с Каптелины допрос по форме, кстати дав и ее портретное описание: «Плосколика, нос вскорос, глаза красносеры, волосом брови русы, на правой щеке значечко черненко, ростом середняя. Дочку Маньку, сказала, дву лет». Взяв дело к производству и получив об этом даже специальный государев указ от 9/7 1638 г., Холопий приказ вызвал для снятия показаний и самого дьяка Бухарова. Но, наглый на Вологде, Бухаров сразу сдал, увидев размеры им самим раздутого дела, дошедшего до «высочайшаго» сведения, ибо Холопью приказу пришлось всерьез считаться, если и не с резолюцией самого государя, то с думным дьяком-докладчиком подписной челобитной, и, надо полагать, пришлось учитывать большие разговоры в московских приказных кругах. Когда же в Приказе Бухарову была представлена женка, он заявил, что «та женка с дочерью не ево, которой искал на приставе Семене Чернцове», одновременно утверждая, что и настоящая, т. е., якобы, не найденная еще, женка вообще закабалена не им, дьяком, а его сыном Федором. Относительно женки, стоявшей перед ним в Холопьем приказе (т. е. подлинной Каптелины), Бухаров нагло показал, что по его, бухаровскому, иску Семен Чернцов «стоял на правеже долгое время и, умысля, чем бы ему тово правежу избыть, привез в Устюжскую четь, неведомо какую женку з дочерью, бив и мучав, одва живу. И осмотр той жонки, как она привезена в Устюжскую четь, ведом, а велел он взоватца того сына моево беглоу рабою, которую повез, взяв у воеводы с Вологды, чтоб ему от тово иску избыть, а сына моево беглоу рабу неведомо где дел. А только бы, государь, — восклицал в челобитной Бухаров, — (Чернцов) привез прямую сына моево кабальново человека жену, и он бы ее вез, не бив и не муча, а то, государь, ево явное безделье, для тово ту женку бил и мучил,

а велел возватца сына моево беглою рабою». 27/5 1638 г. женка с девочкой были возвращены в Устюжскую четъ, а затем дело было передано для расследования в Сыскной приказ кн. П. А. Репнина, но финал его нам неизвестен. Видно только одно: проделка, рассчитанная несомненно на отклонение процесса от чрезвычайно опасного для дьяка и для его сына обвинения в способствовании двоемужеству, да еще с применением насилия, Бухарову, повидимому, удалась. Интерес был отклонен к занятому эпизоду с так называемой «подставой», т. е. подменой холопа Черницовым, а это и должно было отвлечь внимание от самой сути дела. От маленького и невлиятельного служащего — пристава Устюжской чети, Бухаров сумел, вероятно, как-то откупиться. Во всяком случае, это скандальное дело в духе наглых насильственных похолоплений XV—XVI вв., с которыми так усиленно боролись Судебники, карьеры дьяка Михайлы не испортило: в следующем же, 1639 г. мы видим его самого заседающим и где же? — в Холопьем приказе! Кстати, он не был лишен юридического опыта, так как в начале 1630-х гг. уже сидел во Владимирском судебном приказе, а в 1640-х гг. снова вернулся в этот последний приказ. Сын его Федор, упоминаемый в настоящем деле, подобно детям многих преуспевших дьяков в чиновные Разряды однако не проник.

(№ 45021)

№ 18. 1637—1640 гг.

Сбежавший от думного дворянина Богдана Фед. Нарбекова¹ холоп Иван Гр. сын Лебедев, назвавшийся вольным посадским человеком из Ржевы Володимировы, дал на себя, вероятно в конце 1635 г., кабалу под именем Ив. Гр. Черницына стольнику Вас. Андр. Совину, но затем вернулся обратно к Нарбекову. В 1636 г. Совин предъявил Нарбекову иск о Лебедеве-Черницыне, утверждая, что под именем Лебедева во дворе Богд. Фед. Нарбекова скрывается его кабальный человек Черницын. Нарбеков выступил на суде сам и показал, что спорный человек бил ему челом во двор под именем Ивашки Григ. сына Лебедева, а не Черницына, по смерти своего прежнего господина кн. И. Ф. Татеева еще в 1635 г. Лебедев-Черницын был по профессии портным. Вот его портретное изображение: «Глаза серы, нос прям, рожеем изсмугла бел, дололик, на бороде на правой стороне рубец, левые руки от пальца первый перст крив, да на том же персте, на суставе, рубец, на той же руке, на среднем персте, рубец, 20 лет». «С суда» в 1636 г. спорный человек был дан на поруку «мимо» Нарбекова и Совина, но немедленно сбежал, покинув у Нарбековых жену. Ему удалось скрыться в Мценске, где, занимаясь торговыми делами, он пробыл до декабря 1637 г., когда его сыскали поручители, отвечавшие перед Приказом холопского суда за его побег, и засадили во Мценскую тюрьму. В тюрьме холоп просидел почти 3 года, до октября 1640 г., пока Нарбеков и Совин, почему-то о нем забывшие, не вспомнили своего портного вновь и не покончили дела мировой сделкой, по которой Совин от своей незаконной претензии на беглого холопа отказался.

(№ 42502)

№ 19. 1641 г.

У московского дьяка Пахома Лучникова сбежали 8/2 1631 г. холопы Филька Иванов с женою Оксюткою и сыновьями Тимошкою и Сережкою, и Панька Трофимов с женою Грунькою и дочерьми Анюткою, Манькою и Окулькою, захватившие внушительные свод и снос, оцененные самим дьяком Пахомом в 81 р. 3 ал. 4 д. Свод и снос

¹ Богдан Федорович Нарбеков — видное и влиятельное лицо в эпоху ц. Михаила. Нарбековы играют роль и в другом холопьем процессе — см. ниже, дело под № 25. Савины — двор. моск., стряпчие, стольники.

состояли из лошади, платья и всякой рухляди. Беглецы совершили дальнейшее путешествие и укрылись в Арзамасском уезде у Юр. Ероф. Бахметева.¹ В 1641 г. племянник Лучникова, подьячий Ермола Самойлов, добрался до них и «поймался» в Арзамасском посаде на улице с приставом за дядина холопа Фильку, но «людные и богатые» Бахметевы, как их называет в своей челобитной Самойлов, избили не только самого Самойлова, но и пятерых сопровождавших его приставов, а Фильку взять не дали. Потерпев поражение, Лучников и Самойлов порешили «взять дело к Москве» и послать Бахметевым зазывную грамоту.

Явившийся по зазывной грамоте в Холопий приказ со своим сыном «Иевремом» (Ефремом) Юр. Бахметев отрицал, что он принял беглого Фильку, а с ним и еще 8 человек, «встрешно» искал с Лучникова своего беглого холопа Костьки, повидимому, наспех Бахметевым придуманного, да к стати и сноса в размере 85 р., а всего — 89 р. Протест Бахметева не оказался упорным. Встретившись в Приказе, стороны быстро помирились. Бахметев уступил Лучникову вместо Фильки бобыля, «своего человека» Якушку Федорова с женою Марфуткой и сыном Ефремом, обязавшись представить их на «Петрово заговейне» (2/6 по ст. с.) 1642 г. Комбинация эта Лучникову пришлось не по вкусу, так как, по его сведениям, Якушка Бахметеву был «чужой» и взять его он отказался. Тогда Бахметев подал подписную челобитную с пометою думного дьяка Гавренева об изъятии этого дела из ведения Холопего приказа и о его переносе. Почувствовали ли в Холопьем приказе смущение по этому поводу, так как среди документов тяжбы появилась «высочайшая» резолюция, выражавшая интерес к настоящему судебному делу и гласившая: «150-го (1642) г. июля во 2-й день, государь пожаловал. С. И. Исленьеву да дьяку Роману Булыгину (сидевшим в Приказе холопего суда) велел Пахома допросить, есть ли у него такая запись, что ему людей на те сроки, которые в сей челобитной написаны, взять, и, будет есть, по записи людей взять и то записать, и людей ему, дьяку Пахому, отдать и челобитная взять к делу» (л. 7 об.), — или по другой причине, но на безродного Лучникова, выслужившегося в дьяки из подьячих, повидимому, было оказано давление, чтобы он Якушку брал и дело кончал. Поставленный в Приказе, Якушка показал, что Юр. Бахметеву он и не принадлежал, так как служил у него бескабально, а вывезен был Юр. Бахметевым «тому семей год» от Телешова² «насильством». Дерзость Бахметева доходила до того, что доставить Якушку в Москву он поручил ни кому иному, как именно беглому и спорному Фильке. Видя перед собой сплоченный фронт и Бахметевых, и Приказа, мирволившего, и даже самого царя Михаила, почему-то Бахметеву покро-

¹ Юрий Бахметев — сеунщик, т. е. присылался к государю со спешными вестями о счастливых военных событиях, потому, вероятно, он и известен царю. Сыновья его, Ив. Юр. и Ефр. Юр., уже стряпчие. Напористость Ю. Бахметева давала себя знать и раньше. Так, он оставил след в Записной книге 136 г., из которой и заимствуем следующую цитату, несколько расшифровывая ее лапидарный приказный жаргон. «Тово же дни (12/3 1628 (136) г.) подписана явка и вклеена в явочной столп князя Юрья Андреевича Ситцова на арзамасца сына боярского на Юрья Еремеева сына Бахметева. Во 136 г. генваря в 30 де поймался он (Сицкого) у тово Юрья (Бахметева) за старинного своего человека и за кабыльно за Онкудинка Романова сына Третьякова, прозвище Худяка. И тот Юрья (Бахметев) сведал про тово его (Сицкого) человека Онкудинка, что он старинной и кобальной ево (Сицкого) человек Онкудинка и в Приказе холопего суда, не ходя на суд, (согласился?) отдать. И во 136-м году в масляное заговене подговорил тот Юрья (Бахметев) тово ево (Сицкого) человека Онкудинка сама-друга (со) старинным ево (Сицкого) человеком с Иземком Григорьевым, да в сносе в 40 в 8 рублех с полтиною. А подал явку человек ево (Сицкого) Ивашка Семенов» (ЗК 136 г., лл. 171—172, № 630). Ю. Бахметев смело атакует, дважды сманивая холопа одного из важных, но вялых и глупых представителей знати этой эпохи. О кн. Ю. А. Сицком см. нашу работу «Приказ сбора ратных людей», гл. VI.

² Телешовы — мелкие служ. люди. ДР их не знают.

вительствовавшего, правда, через посредство всевластного при докладе думного дьяка Ив. Аф. Гавренева, Лучников махнул рукой на тяжбу, в которой формальная правда была на его стороне, и бобыля Якушку 10/6 1642 г. «взял». На этом дело и кончилось.

Для XVII в. дело это уже архаично: так производились, вероятно, операции насильственного похолопления в древности. Именно с подобными случаями воюют не только Судебники, но косвенно даже и Русская Правда.

Характерно это дело и по тому нахальству, которое проявил Бахметев, не только оставшийся безнаказанным за свои беззакония, исключительные даже с точки зрения людей XVII в., но и вышедший из тяжбы с барышом. Процесс Бахметева и Лучникова тем более показателен, что противником Бахметева был москвич и сам приказный дока — дьяк Пахом.

(№№ 41689 и 41744)

№ 20. 1640 г.

В 1629 г. у кн. Сем. Ивановича Шаховского¹ сбежали и укрылись в нижегородской вотчине и поместьях весьма влиятельного Ив. Тар. Грамотина кабальные холопы Сергей (он же Первой) Андреев сын Тимофеев с детьми Ивашкой, Федькой, также имевшими своих жен и детей, и Юркой, впоследствии (в 1640 г.) называвшимся Складниковым. Разыскивая своих холопов, кн. Семен тогда же, в 1629 г., ездил в Нижний Новгород и добился от Грамотиных того, чтобы Ивашка и Федька с женами и детьми были возвращены ему, а Сергей и третий сын его Юрка (Складников), остались у Грамотина. Сделка эта, не особенно для Шаховского выгодная, состоялась 11/3 1629 г. От возможной претензии со стороны Шаховского или его наследников предусмотрительный думный дьяк обеспечил себя выданной Шаховским этим беглым холопам отпускной и «записью вместо даные» с неустойкой в 50 р. со стороны Шаховского. По смерти старика Грамотина, которому в это время было лет под 80, Сергушка перешел к дьяку Наз. Чистому. Между тем 26/3 1640 г., т. е. через 11 лет после сделки, сын кн. Семена, кн. Ив. Шаховской, стал отсуживать Юрку Складникова у Наз. Чистого, утверждая, что холоп сбежал всего только в 1649 г. со сносом в 37 р. с полтиною. Тяжба Шаховского продолжалась, однако, почти два года (с 26/3 1640 г. по 1/2 1642 г.), так как истец под разными предложениями дел тянул и на суд, им самим затеянный, не являлся. Закончилось оно приговором в пользу Чистого. Кроме отказа в своей претензии вернуть холопов, Шаховской заплатил еще пошлинами в размере 3 ф. 10 ал., возложенными на него Приказом. Но от уплаты этих пошлин, подав две челобитных, Шаховский «для своей бедности» к концу 1643 г. отбился.

(№ 41656)

№ 21. 1642 г.

Вольный человек из Смоленска Лукьян Федоров в середине 1620-х гг. бил челом на Туле в кабальное холопство дворянину московскому Богдану Карпову. В 1642 г. Богдан Карпов² уже называет Лукьяна своим старинным холопом, но, на всякий случай, там же на

¹ Кн. Сем. Ив. Шаховский (в деле — Петрович, но это, повидимому, ошибочно вм. Иванович) — автор повести и других литературных произведений, известный под именем Хари и претерпевший много житейских превратностей (см. С. Ф. Платонов «Сказания и повести о Смутном времени»). Кн. Сем. Ив. известен ДР только как стряпчий. Ив. Тар. Грамотин-Курбатов — думный дьяк и печатник, один из первых вельмож эпохи ц. Михаила с 1613 по 1638 гг. Дьяк Наз. Чистый — из гостей, известен по своей гибели во время восстания 1648 г. Он был дьяком на Казенном дворе, а затем — думным дьяком в Посольском приказе.

² Богдан (Григорьевич?) Карпов — двор. моск.

Туле 31/8 1641 г. берет на имя своего сына Гаврилы на Лукьяна и его семью вторую кабалу. (Семья Лукьяна состояла в это время из его второй жены, двух сыновей и двух дочерей). Это был недвусмысленный обход закона, воспрещавшего брать совместные кабалы отцу и сыну и кабалить несовершеннолетних. Старший сын Лукьяна, 16-летний Тимошка, по подговору холопа кн. Ю. А. Долгорукова¹ сбежал от Карповых из их Тульской вотчины с. Егорьевского и с полгода прожил во дворе стольника кн. Ю. Долгорукова. От Долгорукова он вернулся обратно к Карповым, но 8/6 1642 г. на Туле был словлен братом кн. Юрия, кн. Дмитрием, и отправлен им в Тульскую «губу». «В губе» малый «по наущенью» кн. Дмитрия назвал себя кабальным холопом его брата Юрия и сначала сплел сложную историю, будто он сбежал от кн. Юрия дабы на Туле сыскать своего отца. На вторичном же допросе холоп показал правду, и объяснил, что от Долгорукова он вернулся к Карпову «на старину» и что никакой кабалы он кн. Юрию не давал. Когда стали проверять кабалы, кн. Юрий от малого отступился, и малый был выдан в холопство Карповым, имевшим на него, впрочем, не больше прав, чем Долгорукий, потому что кабалить Тимошку сыну вместе с отцом закон не разрешал. Окончательное утверждение приговор получили только в Москве 16/3 1643 г., куда дело было передано с Тулы. Тимошка до этого времени находился на поруках.

(№ 41727)

№ 22. 1646.

Сотник московских стрельцов Мячин бил челом в 1646 (154) г. на неверстанного и неслужилого сына боярского Прокофья Заселина, обвиняя его в том, что вместе со своими крестьянами он подговорил к побегу его заселинскую девку Малашку со сносом в 55 р.

В том же 1646 г. мецнянин Томила Яковлев бил челом о задворном холопе своего покойного брата, сбежавшем к мецнянину Надеже Лукину. Лукин вместе с этим холопом сделал на Яковлева набег, пограбил его «животы и статки», стараясь их «с кучении² согнать», и требуя выдать себе хлеб, посеянный этим, к нему сбежавшим, холопом.

Ефрем Коровин в 1646 г. бил челом о том, что от него в 1642 (156 г.) сбежал с женою и детьми его крепостной Андриюшка со сносом в 50 р., который, находясь в бегах, живет «переходя» в Нижегородском уезде. В 1645 (153) г. от него сбежал и тоже с женой и детьми другой крепостной, Савка, живущий, «переходя», в Нижнем на псаде.

(№ 41901)

Особый интерес для нас представляют, конечно, холопьи дела, проходившие через Приказ холопьяго суда в тревожные для царской власти, полные народными движениями, 1648 и 1649 годы. Таких дел мы насчитываем 6.

№ 23. 1648 г.

Дело Аргамаковых и Отяева³ разбиралось сначала в Москве, потом в Костроме и потом опять в Москве. Томилка, он же Антипка,

¹ Кн. Долгоруковы Юрий и Дмитрий Алексеевичи (каждый из них носил прозвище Чертенка, так как их дед кн. Григорий имел прозвище Чорта) — столпы следующего царствования, оба — бояре. Кн. Дмитрий (по ДР с 1635 г. по 1674 г.) — наместник брянский и суздальский, полковой воевода на Валуйке, в Полоцке, в Казани и в Архангельске, возглавлял разные приказы. Кн. Юрий (по ДР с 1634 г. по 1680 г.) — наместник суздальский и тверской, полковой и дворовый воевода, воевода в Путивле, Минске, Казани, и тоже начальствовал в приказах. Он известен по своей борьбе с восстанием Разина и по своему неудачному выступлению в стрелецком движении 1682 г.

² Кучей, кученкой служилые люди XVI—XVII вв. называли свою усадьбу, хозяйство и земельный участок.

³ Аф. Отяев — жалец, голова на Валуйке, воевода в Цареве-Алексееве, затем — двор. моск. ДР знают двух Брянцевых — московских подьячих. Беклемишев Кирилл Ив. —

Кузьмин, он же Григорьев, он же Дулешов, дал в 1633 (141) г. кабалу на себя, на жену и на детей костромитину Афанасию Отяеву. В 1634 (142) г. он от Отяева сбежал к холопу-послужильцу Ф. И. Шереметева Петру Брянцеву. Брянцев отдал его «на время» своему шурина, костромитину Ивану Аргамакову с сыном Григорием, у которых Томилка и прожил года два. Семья Томилки разбилась: жена Дарья и пятеро детей остались у Брянцева, а дочь Офимьица вышла замуж за крестьянина Ф. И. Шереметева Ивана Семенова из с. Борисоглебского Костромского уезда. У Аргамаковых Томилка не прижилась и вместе с семьей сбежал к Кириллу Беклемишеву. Потом Томилка сбежал и от Беклемишева. Свой уход от Аргамаковых холоп впоследствии на суде в Приказе объяснял тем, что Ив. Аргамаков собирался выдать его, Томилку, с женою и с детьми его настоящему владельцу Отяеву и «ево де, Томилка, устрашал, будто Офонасей (Отяев) хочет ево, Томилка, изувечить, переломать руку до ногу, и он де, убоясь того, от Григорья Аргамакова (сына) сбежал с женою и с детьми, а дочь ево Офимьица и с мужем остались у него, Григория». Сбежав от Аргамаковых, Томилка с детьми и женой обосновался в Кинешемском уезде и сел в бобыли за Кирил. Ив. Беклемешевым в его вотчине Марфицине, где Томилкины сыновья переженились на вольных девах. От Беклемишева Томилка ушел с сыном Ефимкой на Кострому «кормиться», но тут они попались на глаза шурина Аргамакова, подьячему костромской съезжей избы Ив. Сафонову, засадившему их в костромскую тюрьму, в которой Томилка вместе с сыном просидел целых два года. Ни Аргамаков, ни Беклемишев, ни Брянцев, ни Отяев его оттуда не извлекли. Каким-то способом все же выбравшись из тюрьмы, Томилка в 1641 (149) г. прибыл в Москву, но в Таганской слободе был изловлен и предпротожден в арестантскую Холопьего приказа. Холопа отдали держать приставу Б. Тутыгину. «На Томилке платья — шуба одевальная, другая шубенка ветчаная, шапенка овчинная, штанишка серые, крест медной, а на сыне его кафтанишко шубной нов, другой ветчаной под крашенинною, крест медной, штанишка белое сукно, шапенка овчинная. Денег на себе не сказал. Платьишко, сказал, свое». Тут за него вклепался, оберегавший, повидимому, интересы Брянцева, старинный шереметевский холоп Ф. Смоленский, легко добившийся в 1641 г. от Приказа приговора о передаче ему Томилки, вероятно, как сотоварища по шереметевскому двору. Отяев узнал о местопребывании своего давно сбежавшего холопа, успевшего во время своей холопией одиссеи переменить столько рук, и начал в 1644 г. в Холопьем приказе тяжбу с Аргамаковыми, которую и выиграл 23/9 1644 г., так как на суде Томилка сам признал его своим законным хозяином. Но Томилка снова сбежал или был сознательно упущен из Приказа, и дело затянулось на три года, в течение которых Томилка оказался опять на Костроме, где его словил местный воевода Ив. Стрешнев. Только 7/1 1648 г. Отяев вернул себе Томилку, но не его семью, которую, по мировой 23/1 1648 г., Томилке предстояло еще искать на Беклемишеве.

Это дело, тянувшееся 7 лет (1641—1648 гг.), — яркая иллюстрация той юридической беззащитности, от которой страдал уездный служилый человек не только перед лицом знатного москвича, но и перед привилегированными элементами двора этого москвича, его послужильцами и их родней. У боярских людей в этой борьбе находилась обычно сильная рука, приходившая к ним на помощь в трудную минуту.

(№ 41875)

двор. моск. ДР знают Беклемешевых в неважных чинах в количестве более, чем 30 человек. Аргамаковы — жильцы, стряпчие, стольники. Они нередко сидят на воеводствах.

У белевца Никиф. Сем. Зыбина¹ в Белевском уезде в дер. Булычеве были холопы Мануиловы, в трех поколениях жившие и умиравшие в кабальном холопстве. В 1634 (142) г. Зыбин подновил их холопство свежей кабалой. Дочь одного из Мануиловых, Сергея, Аксинья, вышла замуж за «прихожева человека» Родионова Назарку (он же Озарка, он же Залуца и Самсонов), чем, по толкованию Зыбина, и закрепила ему этого «прихожего» человека. Но не так рассудили Назарка с женой и, года через полтора после выхода Аксиньи замуж, в 1640 г. они сбежали в Мещевский уезд к Богдану Кульневу, посадившему их во крестьяне в с. Болдыреве. У Кульнева Родионови прижили троих детей. В январе 1648 г. Никифор Зыбин «изымал» Назарку и доставил его на Москву в Холопий приказ. Вызванный в Приказ к ответу, Кульнев тут же отступился от холопа и заявил, что ему до Назарки дела нет и обязался порукою вернуть из своего мещевского поместья «через пол-третьи» недели и Назаркину семью, что и выполнил 23/2 1648 г. человек Кульнева, Федька Седой.

Податливость Кульнева, закончившего в 3 недели тяжбу, могшую тянуться несколько лет, вызвала, повидимому, не то недовольство, не то соблазн среди его белевских соседей, и другой белевец, Дм. Киреевский, вздумал, было, высочить со своей претензией на Назарку, заявив в Холопьем приказе, что «Назарка — крестьянский сын братии своей по имени Артёмий Андреевский». Покушение перехватить Назарку не имело, вероятно, со стороны Киреевского серьезного характера, так как «тот Дмитрий, узнав вину свою, с Москвы съехал», — как гласит протколная запись слов Зыбина, выступившего в качестве естественного противника неожиданной претензии Киреевского. Протокол дела оставил нам описание костюма возвращаемых Кульневым холопов: «А на приводных людех платья — на жонке Оксютке белик суконный синей, крест и серги серебряные, денег у себя не сказала, а на дочери ее, на Огрофенке, шубенка одевальная, овчинная, крест медной, серги серебряные, денег у себя ничево не сказала ж; на другой дочери, на Прасковице, и на сыне Ганке по рубашенке да по кресту меденному. Платье на себе и на детех своих, сказала, свое».

(№ 42082)

№ 25. 1649

5/3 1649 г. в Холопий приказ были приведены женка Авдотья Микифорова Бородулина, лет под 30, с дочерью Анюткой, взятые людьми Федора Сав. Нарбекова² при участии пристава на Яузской портомойне около церкви рожества богородицы на Кулишках. Женка объяснила, что еще 11-летней девочкою в 1626 г. Алекс. Степ. Собакин отдал ее в приданое за дочерью Натальей Савелью Потаповичу Нарбекову.

¹ Зыбины по ДР — стрелецкие и осадные головы, засечные воеводы, сеунщики, сидят и на некрупных воеводствах. Кульневых ДР не знают.

² Нарбековы — видная служилая семья эпохи ц. Михаила; человек 10 из них занимают довольно крупное положение; пятеро — были даже в Думе. Андрей Дмитриевич был ближним стольником. Сава (Савелий) Потапович Нарбеков — жилец, двор. моск., стряпчий, воевода на Терке. Известен ДР с 1624 г. по 1640 г. Его сын Федор Сав. — стольник, потом — думный дворянин и окольничий, бывал на посольствах и сидел в «Палате у расправных дел»; он появился на служебной арене около 1649 г. и дожил почти до XVIII в. Другая сторона в процессе, Григ. Мих. Волков, — дьяк с конца 1620-х гг. (в Новгороде, Путивле, Казани, в московских приказах и т. д.). Его сын Тихон уже с 1651 г. стряпчий и позднее — стольник. Алекс. Степ. Собакин — двор. моск., воевода в Томске. Собакины — тоже видная служилая семья в Москве, имеющая представителей в Думе. ДР знают человек 25 Собакиных. Бор. Гр. Пушкин, ниже упоминаемый, — с 1618 г. двор. моск., стольник, то городской, то полковой воевода; отец его, Борис Иванович, — окольничий, посол и наместник брянский. ДР знают Бор. Гр. в 1618 г. по 1643 г., а Бориса Ивановича с 1619 г. по 1652 г. См. выше дело под № 18.

Вскоре после свадьбы Собакиной, по подговору некоего Олферки Григорьева Шестова, холопа Бор. Григ. Пушкина, Авдотья от Нарбековых сбежала. Сначала Олферка увез ее в подмосковную деревню Лапину, а затем, по распоряжению Б. Пушкина, препроводил в Ярославский уезд в дер. Печилки. После смерти сманившего ее Олферки, Авдотью выдали за холопа дьяка Гр. Мих. Волкова Федьку Трифонова, от которого у нее и была дочь Анютка. Когда Федька умер, Авдотья стала «ему, Волкову, говорить об отпускной и ему, Григорью (Волкову), сказывалась, что она, Овдотьица, — приданая раба Савы Нарбекова». Но Гр. Волков ее не отпустил, и снова выдал замуж за другого своего холопа, Ивашку Гаврилова, «а старинный человек, муж ее нынешний, Ивашка Гаврилов сын, — повествовала Авдотья впоследствии на суде, — у Григорья Волкова человек или кабалный, тово она не ведает». Григ. Волков отдал Авдотью со вторым ее мужем и девочкой Анюткой своему сыну Тихону, а Тихон взял на нее и на ее мужа служилую кабалу уже на свое имя. Ее родители и братья, о судьбе которых она, по ее последующим показаниям в Приказе, ряд лет ничего не знала, продолжали оставаться у Собакиных. Со двора Волковых она и пошла на Язу мить платье, когда люди Натальи, жены Савелия Нарбекова, которой она когда-то, лет двадцать тому назад, была дана в приданое, «узнав ее, поимали с приставом по поимочной памяти». «На женке, — сообщает приказный протокол, — платья — шуба баранья нагольная, телегрея киндяшная лазорева, шапка шитая золотная, серги серебряны двойчатки, крест серебрян, сапожонки телятинные, денег нет; на дочери ее, на дезке Анютке, платья — кафтанишко зеленой суконной, телегрея крашенинная лазорева, перевязка шита золотом, крест серебрян, сапоженки телятинные, денег нет. Платья на себе, сказала (Авдотья), свое, да с нею же белье (для стирки)».

В своих показаниях в Приказе, дьяк Волков объяснял поимку Авдотьи как инсценировку, устроенную ею по соглашению с Нарбековыми, что и похоже на правду и по общему развитию дела и по костюму (совсем не портомойному) матери и дочери в момент задержания, и по позиции, занятой в Приказе Нарбековыми.

В настоящем деле характерна возможность для Волковых укрывать под носом у Нарбековых, попадавшуюся им на глаза и на улице и в общей их церкви, беглую Авдотью, и то, что Нарбековы не стесняются через 20 лет после побега сманивать женку при помощи подговора через своих же холопов и искусственно инсценировать задержание ее на портомойне, на которой она оказалась с узлом белья, но, странно, в золотом шитой шапке. Московские люди, и Волковы и Нарбековы, верны себе, предпочитая действовать не в открытую, не «лобовым ударом», а прибегая к своеобразным трюкам. Даже двор простого дьяка, приемщика беглой, влиятельные Нарбековы пытаются взять не юридическим штурмом, а своего рода диверсионным обходом. Все это наглядно иллюстрирует вялое отношение сторон к чисто правовому моменту в холопских делах.

(№ 41779)

№ 26. 1649 г.

В 1649 г. от боярина Ю. П. Буйносова-Ростовского¹ из его с. Кушалина в Тверском уезде сбежал с женой и детьми и «со всеми животы» его кабалный деловой человек Костька Григорьев Красной. Костька устроился в Кашинском уезде в с. Ильинском за кашинским сыном боярским Федором Ресиным. Люди Буйносова разыскали след беглого

¹ Боярин кн. Юр. Петр. Буйносов-Ростовский — стольник в 1618—1645 гг., боярин с 1646 г., воевода полковой (Вязьма, Тула), воевода в Астрахани, Архангельске, Новгороде В. и т. д. Он известен ДР с 1618 г. по 1655 г. Кн. Буйносов состоял в свойстве с Романовыми. Ресиных ДР не знают.

холопа, но понадобилось несколько челобитий боярина, чтобы Холопий приказ выдал 31/12 1649 г. на его имя грамоту о выемке беглого холопа. Когда 2/7 1650 г. пристав с этой грамотой явился в поместье Ресина, тот коротко и просто заявил, что такого холопа у него нет, и лица, вооруженные грамотой о выемке, должны были ретироваться из с. Ильинского, не получив беглого буйновского холопа. Не помогли и поручные, взятые на Ресина.

В развитии этого случая можно видеть отражение событий 1648—49 гг.

(№ 42160)

№ 27. 1649 г.

У тарушенина Афанасия Татарова¹ «на масленой неделе с среды на четверг» 1647 г. сбежала с детьми крепостная женка Манька Максимова дочь, Ивановская жена Кузмина. Она укрылась в вотчине кн. Вас. Андр. Горчакова, в дер. Злобиной Каширского уезда, где беглые стали жить «во крестьянех». Здесь Манька вышла замуж и переженила детей своих. В 1649 г. Татаров разыскал беглецов и бил челом о грамоте из Холопьяго приказа серпуховскому воеводе на выемку беглых. По челобитью Татарова Приказ послал 31/12 1649 г. серпуховскому воеводе Алехину грамоту и 25/1 1650 г. серпуховской пушкарь явился в дер. Злобину, но приказный человек кн. Василия «той женки поймать не дал, учинился силен, государева указу не послушал, в Серпухов не поехал, и спорного крестьянина не дал, на поруку не дался» и даже собирался бить пушкаря. Понятые отказались ехать за пушкарем в дер. Злобину, «боясь» кн. В. А. Горчакова и его приказчика Клементья Иванова, зажившего: «осударя де моего, кн. В. А. Горчакова, в вотчину никому въезжать не велено, поедете от нас без боя». «То мой, Сенькин, и доезд», — меланхолично прибавил в заключение серпуховской пушкарь Семен Исаев. Так эта попытка изъять беглого холопа грамотой из Приказа и не удалась, а какие шаги Приказ предпринял в дальнейшем, не видно.

(№ 42181)

№ 28. 1650 г.

Сложный конфликт разыгрался в 1639—1650 гг. между подьячим Челобитного приказа Вас. Зайцевыми рязанцем Фед. Дм. Рахманиновым.² В апреле 1647 г. рязанец Ф. Д. Рахманинов выступил в Холопьем приказе против Вас. Зайцева, обвиняя его в том, что еще в 1644 (152 г.) Зайцев подговорил у него к побегу его кабального человека Федьку Васильева и «держал у себя многое время, и умысля над ним, Федором (Рахманиновым), хотя ево разорить без остатку, подослал ево (Федьку) к нему, Федору (Рахманинову), тот ево беглый человек Федька по ево, Васильеву, веленью во 155 (1646) году, заговев наранье Филипова поста, подговорил от нево, Федора (Рахманинова), с его животы кабального ж ево, Федорова (Рахманинова), человека Сеньку Родионова, прозвище Микитку». Сенька бежал из Елифани, захватив с собою денег, и платья, и всякой рухляди, и лошадей, — всего на 150 р. Подговорщик Федька и подговоренный на побег Сенька бежали из Елифани «на первом часу ночи, в воротех воротника и караульщиков-стрельцов били и ушли на конях ево, Федоровых (Рахманинова), с ево, Федоровыми, животы. Иные то видели, а иные ведают, а иные слышали. И ныне де тот ево кабальной человек Федька Васильев, подговоря тово ево

¹ Татаровых ДР не знают. Кн. В. А. Горчаков — стольник и городской воевода. В момент приезда пристава для выемки беглого холопа он был на какой-то сибирской службе.

² Ф. Д. Ра(о)хманинов известен ДР как засечный воевода.

Федорова, человека Сеньку Родивонова убил до смерти, и объявился у него, Василья (т. е. подъячего В. Зайцева) с ево, Федоровыми (Рахманинова), животы, и многия епифанцы видели, как он, Василей, на ево, Федоровых, лошадах ездил, и тот ево, Федоров, кабальный человек Федька Васильев за ним ходил... А он де, Федор (Рахманинов), от того вора и убойцы от кабального своего человека от Федьки и от умыслу Василья Зайцова разорен без остатку».¹ Подъячий Василий Зайцев на жалобу Рахманинова ответил контробвинениями: никакого Федьки Васильева он к побегу не подговаривал и вообще такового не знает; никакой Федька у него не проживал, к Рахманинову он Федьку не подсылал, к нему, Василью (Зайцеву), тот человек «не прихаживал и к побегу и сносу ни Сеньки, ни Федьки не подговаривал»; беглого Сеньки потом «не убивывал», а стоящий перед Приказом под именем холопа Федьки человек² вовсе не беглый холоп, а его, подъячего Василья Зайцева, родной сын Якимка, еще в 1639 (147) г. подговоренный к побегу из отческого дома никем иным, как самим Ф. Рахманиновым, который после побега Федьки в 1639 (147) г. «держал его у себя пять лет и взял кабалу на него сильно». Яким показал, что «ту кабалу дал он неволею, мучил де он, Федор, ево у себя в чеши и в железах семь недель, и он де, Акимка, ту кабалу дал на себя неволею, и в рожей де и в приметы описывал ево, Акимка, у него, Федора (Рахманинова), на дворе подъячий, а как де зовут подъячего, и он того не знает». Этого Якимку-Федьку уже однажды в 1644 (152) г., когда ему было всего 14 лет, он, Василий Зайцев, «по поимочной памяти Приказа холопьяго суда с приставом у Федора (Рахманинова) вынел» и привел в Холопий приказ, из которого Якимка и был тогда возвращен отцу (Вас. Зайцеву) с поручной записью представить его, «как его спросят». Но любитель холопий неволи, Якимка прожил тогда (в 1644 г.) у отца всего недель с 10 и, по новому подговору все того же Фед. Рахманинова, опять сбежал к нему в холопство. После второго побега Рахманинов держал его «блиско году», но осенью 1646 г. блудный сын воротился³ в отчий дом уже сам, а не по поимочной памяти из Холопьевого приказа, «душою да телом», но никакого Сеньки с собою не приводил и никакого сноса не приносил. Ввиду непримиримого расхождения между показаниями сторон, Приказ задал Рахманинову вопрос о других доказательствах его версии, кроме предлагаемого им крестного целованья. Рахманинов предложил большой повальный обыск всем Епифанским уездом, ссылаясь «на детей боярских, и на попов, и на стрельцов, и на казаков, и на пушкарей, и на затынщиков, и на воротников, и на весь Епифанский уезд, и на московских дворян, и на тулян, которые помещены в Епифанском уезде, и на их людей, и на крестьян, — кроме ево, Василья (Зайцева), выборных людей». Но В. Зайцев проведение повального обыска «из виноватых» отверг, соглашаясь слаться на него только в послушество: «Слатца де он не смеет, что он (Рахманинов) был на Епифани воевода, и там у него многие люди прикармлины, пили и ели у него, скажут по нем». Повальный обыск после ряда проволочек был, однако, к августу 1650 г. на Епифани произведен в очень широком размере и выяснил, что холопа Федьку во дворе Ф. Рахманинова все опрошенные лица (попы, дети боярские, стрельцы,

¹ В этом месте из приказного протокола-стенограммы вычеркнуты слова Рахманинова, произнесенные им на судовом разговоре: «Стал пеш и безлюден, и ныне на вашей службе быть не с кем и не на чем».

² Наряжен Федька-Якимка был для холопа необычно: «А на человеке на Федьке (Якимке) платья — кафтан суконной зеленой, да кафтан теплой заячей под лазоревым киндяком, шапка вишнева с пухом, крест серебряной, штаны суконные зеленые, сапоги телятинные. Денег у себя не сказал, а платья на себе, сказал, свое». Обычно беглые холопы были одеты в рубище.

³ Здесь речь идет уже о побеге, инкриминируемом в челобитной Рахманинова.

пушкари, затинщики и т. д.) знали, а некоторые из опрошенных прибавляли, что они знают и о бегстве Федьки от Рахманинова, однако, никто не показал, что при побеге Федька что-либо от Рахманинова снес. Только епифанский соборный поп Окинфей Сысоев «по священству, да того же города воротники Матвей Обакумов по крестному целованью», согласно показали, что и у Федора Рахманинова на Епифани «людей ево Фетку (так!) Васильева да Сеньку, прозвище Митька, на дворе у нево знали, а, как от нево, Федора, из города на первом часу, ночи на ево, Федоровых, лошадех побежали, и мы то видели». И меня, воротника Матвея, — прибавлял второй из показывавших, — в воротех пошибли». Но и эти два обыскных лица о сносе и о последующем убийстве одного из бежавших (Сеньки) отозвались незнанием. В данном случае Рахманинов, очевидно, лгал.

Конца у этого загадочного и для нас малопонятного дела не сохранилось, и мы не знаем, как приказная мудрость тогдашних заседателей Приказа разрешила его — прав ли был в оговоре экс-воевода Ф. Рахманинов или был прав в своих удивительных объяснениях подъячий Вас. Зайцев. Но, во всяком случае, дело это показывает, что похищение плохо лежащего человеческого товара, даже в лице сына человека со значительным служебным московским положением, было вполне возможно. Любопытно и то, что похищение это сопровождается почти шекспировскими по сценичной неожиданности превращениями действующих лиц, подменой имен на глазах московских соседей Зайцева и жителей Епифанского и Тульского уездов. Что же тогда могло происходить в глубине XV—XVI вв., особенно, когда Москва захватывала огромные новые территории?... Становится вполне понятной та опасливость, которой проникнуты Судебники по отношению к злоупотреблениям сильных людей при похолоплении.

(№ 42080)

№ 29. 1651 г.

У Игнатьевых¹ были старинные, переходившие из поколения в поколение, холопы. Строевы, при ц. Борисе сошедшие от Фед. Игнатьева и кормившиеся «в мире». Один из них, Матвей, некоторое время служил с казаками, а «показав» бил челом во двор к сыну боярскому Петру Рыбину. Рыбин в 1635 г. запутался в каком-то государевом деле и попал в ссылку, а его холоп Матвей — в тюрьму. Старый хозяин Матвея, царский постельник Фед. Ив. Игнатьев, его из тюрьмы извлек и возвратил к себе «по старинному холопству», а затем отпустил на волю. Дети Матвея Семен и Антонида били челом в холопство к И. Б. Солнцеву. Вернувшийся в Москву после 15-летней ссылки, Рыбин объявил этих холопов беглыми и стал их оттягивать у Солнцева, но иск проиграл.

Подробности этого дела см. выше, в гл. III, § 2.

(№ 42261)

№ 30. 1652 г.

У сестры дворцового истопника А. Ф. Боркова,² у вдовы Матрены Овчиной, около 1635 г.² сбежала ее старинная и приданая женка Улька, прозвище Любка. «Бегая многое время», Улька пришла к Москве

¹ Человек 10 Игнатьевых известны ДР, как жильцы, дворяне московские, стряпчие и стольники. Федор Иванович — жилец, двор. моск., воевода в Боровске, Можайске, Калуге и царский постельник; среди Игнатьевых, по своему служебному положению, он самый крупный. ДР знают его с 1619 (127) г. по 1642 (150) г. Солнцев Ив. Дм. — двор. моск., сеунщик, голова, известный ДР с 1651 (159) г. по 1668 (176) г. Рыбиных ДР не знают.

² Борковы по ДР — сытники, стряпчие, стольники, двор. моск.; Аф. Сем. — письменный голова в Томске. Овцыных ДР знают в количестве 16 чел. Среди них встречаются

и направилась «по старине сосалиться к Матрене в Филиппово говейно 159 (1650) г.». Матрены в это время в городе не было и брат ее, Борков, как осторожный человек, свел женку «для поклепу в Приказ холопья суда к записке», и ее «привод и распросные речи в приказе записаны». «На женке платья — шубенка под крапшениною овчинная, сорофанишко холщевый белой, крест оловянной, шапенка вершок киндяшной, пух россомачей, денег нет, платьишко, сказала, свое». Между тем, мужа Ульки, Мишку, поймали люди Петра Гр. Очина-Плещеева и, не водя его в Приказ холопья суда, доставили «к Петру во двор». Плещеев «приставил» к Боркозу, требуя себе по Мишке и Ульку. Из Холопьяго приказа приставную память послали в Мастерскую палату, так как Борков и его сестра принадлежали к дворцовому ведомству. Борков, как естественный по родству поверенный сестры¹, бил челом о том, чтобы все дело было передано в Мастерскую палату, «для того, чтобы дело все было снесено вместе». Объясняя свое вмешательство, Очин-Плещеев, заявил, что муж Ульки, Мишка Попов, прозвище Девятка, его кабальный холоп, снесший у него при побеге платья и денег на 30 р.

Захватив Мишку и засадив его в железа, Плещеев не очень беспокоился об Ульке. Посаженная в Холопий приказ, Улька просидела «в железах» месяца полтора. Версия самой Ульки сначала была иной, но потом Улька созналась, что она «старинная искони вечная приданая раба» Овцыных и что от государыни своей (Матрены) «по подговору лихих людей бегала она многие лета». Приказ, учитывая Улькины показания, выпустил ее из заключения и отдал на поруки Овцыной и Борковым. Дело оставалось нерешенным еще в апреле 1652 г. и окончательное решение Приказа до нас не дошло. Безразличное отношение сторон к заключительному моменту объясняется, вероятно, тем, что каждая сторона получила своего холопа. Очин-Плещеев домогался Мишки, а Овцын — Ульки, на которую Плещеев, видимо, махнул рукой. О брачной, по указам нерасторжимой, связи между Мишкой и Улькой никому не пришлось в голову и вспомнить.

Юридическая сторона дела рассмотрена выше в гл. III, § 4, дело № 9. (№ 42288)

№ 31. 1648 г.

В 1648 г. у самого Александра Боркова, встретившегося нам уже в предыдущем процессе его сестры М. Овцыной, сбежала крестьянка вдова Варварка, прозвище Маврутка, родом из с. Григорьева (Григорова то ж) Переяславского уезда, где и в 1652 г. еще продолжал проживать ее отец. Согласно ее показаниям в Приказе, она, сбежав из Григорова, ютилась за Москвой-рекой в Стрелецкой слободе у стрельца Андрюшки Афанасьева. Андрюшка почему-то отвел ее к своему сотнику Андрею Теглеву. У Теглева она прожила «недель с 30», а потом «сошла» и, по ее словам, собиралась вернуться к Боркову, когда у Калужских ворот на Большой улице ей попался навстречу холоп Вас. Толстова Томила да поп Никита из с. Васильева, принадлежавшего тому же Толстову, которые, посадя в сани, увезли ее в с. Яковлево. У попа Никиты, женка прожила недель с 15, и поп выдал ее замуж за гулящего человека Андрея Родионова, с которым она прожила у попа еще 2 года, а затем, сойдя вместе с мужем, жила два года на Коломне. Ныне (в 1652 г.) она приехала на Москву «покормитца». На беду, 8/3 1652 г. ей навстречу попался на Ленивом

жильцы, двор. моск., стряпчие, стольники, воеводы. Вас. Дм. Овцын сидел во Владимирском судном приказе. Среди Очиных-Плещеевых — рынды, стольники, полковой воевода, объезжий голова. Петр Гр. — рында, стольник, воевода на Ваге и в Кузьмодемьянске, полковой воевода; ДР знают его с 1625 г. по 1651 г.

¹ «У сестры моей Матрены, — писал Борков, — сродников и из людей такова человека нет, кому за нее искать и отвечать, кроме меня».

торгу на Чертолье холоп Боркова Ивашка Мелентьев, поспешивший позвать к себе на помощь царицына сына боярского Ивана Рукина, вместе с которым они и доставили женку «к записке». Боркову в этом деле повезло. 28/3 1652 г. за Арбатскими воротами он сам, «без пристава», поймал и привел в Приказ «к записке» и мужа Варварки Андрюшку Родионова, подтвердившего показания Варварки и прибавившего, что женивший его на Варваре поп Никита объяснил ему, что женка живет у него, попа, «добровольно и бескабально». После задержания жены 8/3, и «по ся месте (28/3), — Андрюшка, по его показаниям, — жил и, переходя, кормился, а в кабальном холопстве нигде не жывал». Приказ распорядился обоих задержанных отдать Боркову, трактуя, очевидно, их, как холопов, потому что по браку с поместной крестьянкой вольный человек, ее муж, выдаче в руки помещика не подлежал.

(№ 42326)

№ 32. 1652 г.

У Фед. Вас. Протасьева¹ были старинные холопы — Ивашка Семенов с потомством в двух поколениях. Дед и отец Ивашки служили трем поколениям Протасьевых, как и их старинные холопы. В семье этих старинных холопов, во дворе у Протасьевых, родилась женка Настасья, Матвеева дочь, выданная Протасьевым замуж за своего же старинного холопа Офоньку Афанасьева, от которого у Настасьи был сын Фатюшка. В августе 1650 г. Настасья от Протасьевых сбежала, подговорив к побегу и Анютку Ерофееву, тоже старинную рабу Протасьевых. Но главной подговорщицей в этом деле была некая раба вдовы белевского сына боярского Дарьи Лавровой, подбившая женку и девку бежать именно к своей госпоже. Настасья и Анютка благополучно скрылись в белевской дер. Сергеевой на усадьбе у Дарьи Лавровой. Анютка устроилась у самой Дарьи прочно, а женка Настасья перекочевала к Дарьину брату Аф. Елиз. Лаврову. Анютка прожила у Дарьи два года в девках, а Настасью (овдовевшую еще в 1648 г.) Лавров выдал замуж за своего дворового Петрушку Максимова. Так Лавровы, брат и сестра, обзавелись рабами и могли со временем ожидать благополучного прироста. Между тем, Протасьев, разыскивая своих беглянок, успел открыть их местопребывание и 28/6 1651 г. «приставил» о них к Лаврову, предъявив большой, очевидно, дутый, иск о сносе в 105 р. с полтиной. Лавров спасовал перед иском со стороны московского служилого человека и, после относительно небольшой проволочки, пошел 14/2 1652 г. на мировую, обязавшись вернуть женку, но сохранив за собой право на второго Настасьино мужа Петрушку. Выполнение своих обязательств Лавров обеспечивал записью-зарядом в размере 50 р. Так как в назначенный срок, 20/3 1652 г., Лавров ни Настасьи, ни Анютки не представил, то Протасьев получил из Холопьяго приказа в свою пользу приговор с зарядом в 50 р. По объяснению явившегося в Приказ уже после назначенного срока Лаврова, Анютку он не представил потому, что девка, прослышав про «розделку», сбежала от него прежде, чем он успел отдать ее Протасьеву. Впрочем, Анютку он сыскал довольно быстро, и уже 5/7 сдал ее в Приказ, заявив, что «о той девке он государю не челобитчик». «На Анютке, — по приказному протоколу, — платья — сарафанишко крашенинной лазорев, серги серебряны двой-

¹ ДР знают человек 15 Протасьевых. Это — дворцовые служители (векошник, сытник), жильцы, двор. моск., стряпчие, стольники, воеводы, головы, приставы у послов, сами послы. В конце века Александр Петрович Протасьев достиг даже околичничества. О Фед. Вас. Протасьеве знаем только, что он был в 1662 г. дворянином московским. Лавровых ДР знают лишь пятерых, и фигурирующий в настоящем процессе Аф. Елиз. Лавров ДР неизвестен.

чатки, крест медной, сапоги телятинные». Настасья была изловлена на Москве еще 30/6, за неделю до сдачи Лавровым Анютки. Ее привел в Холопий приказ «без пристава и без поимочной памяти» сам Ф. В. Протасьев, заявивший при приводе, что женка эта «пришла к нему на двор нынешнего числа с человеком, а сказались — зовут де ево Петрушкою Никитиным (Максимовым)». Петрушка, назвавшийся Настасьиным мужем и приведший ее на протасьевский двор, тотчас «со двора Протасьева ушел». Женка показала, что в Москву ее «нынешнева числа» привез не кто иной, как сам Лавров, подославший ее и на двор Протасьевых, а куда ушел с протасьевского двора ее муж Петрушка, она будто бы не ведала. «На женке, — отмечает протокол привода, — платье: — сарафанишко крашенинной, крест оловянной, серги серебряны одиначки; денег нет, платье на себе, сказала, свое». В тот же самый день, 30/6 «за час до вечера» в Стрелецкий приказ привели пойманного братом Афанасия Лаврова Борисом Петрушку, сбежавшего утром с протасьевского двора. «А сказали стрельцы: стоят де они на карауле у Покровских ворот, и к ним де на караул пришел тот Борис Лавров, а указал им на того беглова человека Петрушку и велел им отвести ево в Приказ для того, что тот беглой кабальной человек брата ево, Борисова, Афонасия Лаврова». Борис Лавров при этом приводе объяснил, что Петрушка Максимов — кабалный его брата Афанасия, сбежавший от него в июне 1651 г. к Фед. Вас. Протасьеву, «сославшему» его в свое шацкое поместье. Сваливая с больной головы на здоровую, Петрушка подтвердил поклев Лавровых на Протасьева и сочинил целую историю о том, как Настасья подговорила его бежать от Лавровых в июне 1651 г. к Федору Протасьеву, державшему его «в крепі скована и по сию пору». «И ныне де, — врал Петрушка, — федоровы люди Протасьева привезли ево из шацкого уезду из села Угла, из ево, федорова, поместья к Москве на федоров двор Протасьева, и ныне де он с того, федорова, двора вышел к Покровским воротам и ево де увидел офонасьев брат Лаврова Борис Лавров». Словом, виноватым оказался не действительный укрыватель беглых холопов Лавров, а пострадавший от побега женок Протасьев. Для вящего правдоподобия Петрушка показал, что при побеге от Лаврова они с Настасьей «с собою ничего не снесли» и что Настасья привезена из протасьевского поместья с ним вместе и ныне находится на дворе у Федора Протасьева.

Но все эти белыми нитками шитые хитросплетения их делу не помогли, и Лавровы, по приговору Приказа заплатились не только Анюткой и Настасьей, но должны были уступить, несмотря на все процессуальные ухищрения, и Петрушку. Струхнувший, повидимому, А. Е. Лавров в конце концов неожиданно заявил и сам, что «по Настьке и муж ее Петрушка крепок ему же, Федору (Протасьеву)», а «ему (Лаврову) до тех людей в холпстве дела нет». 14/8 1652 г. Протасьев «по женке» получил «в старинное холопство» и Петрушку.

Дело это с юридической стороны рассмотрено и выше, в гл. III.

(№ 42336)

№ 33. 1652 г.

В самом начале века, еще при ц. Борисе, у костромского сына боярского Никифора Нефедьева Огалина¹ обосновалась девка Манька, родом из Кашина, повидимому, посадская. Огалин выдал ее у себя во дворе замуж за «прихожева человека» Нефедку Титова. В по-

¹ Ога(о)лины, повидимому, рядовые дети боярские. ДР знают лишь одного Ога(о)лина, Лог. Павл. двор. моск. (1650 г.). Голенищевы-Кутузовы — старый московский род. В конце XVII в. ДР знают из их среды стольников, поручика, хорунжего, ротмистра. Фед. Ив. Голенишев-Кутузов в 1625 г. был воеводой в Кузнецком.

месте Огалина, по его показаниям, чета Титовых спокойно прожила «лет 30 и больши и прижила сына Кондрашку, прозвище Андрюшку» «Лет з двадцать и больши» тому назад (т. е. около 1632 г.) Кондрашка от Огалиных скрылся и «прибежал» к костромитину Петру Гр. Голенищеву-Кутузову в его «полудеревню Макаревское». Еще лет 10 спустя, следом за Кондрашкой сбежали к тому же Голенищеву-Кутузову и кондрашкины родители, Манька с Нефедкой. Нефедка вскоре же у Кутузова умер, а Кондрашку-Андрюшку Кутузов около 1643 г. женил, на своей крестьянской женке Маньке. У Кондрашки народилось шестеро детей: Анютка, Домница, Антонидка, Елизарка и Микитка, а третьему сыну, дававшая показания в Холопьем приказе, бабка их, Манька «имени не упомнит». Но спустя «лет 20 и больши» после побега Кондрашки, переименованного Кутузовым в Ивашку, за этих беглых, проживавших у Кутузова, повидимому, бескабально, в 1652 г. поймался сын их бывшего хозяина Никифора Огалина Кузьма Огалин. При своем налете, в сопровождении губных властей, Огалину удалось захватить только старуху, бабку Маньку, с одной из ее внучек, Домницей, а остальных беглецов — Кондрашку (он же Андрюшка-Ивашка) и его пятерых детей Кутузов не выдал и в Холопий приказ сдать не захотел. Старуха Манька со внучкой Домницей были свезены приставом в Москву и сданы приставу Холопьяго приказа Верзилину. На Маньке «платья — шубенка овчинная, да сарафанишко крашенинной, крест серебрян, а на девке Домашке сарафанишко крашенинной худ». Вылавливание Огалиным Кондрашки и тяжба о сносе, имевшем место за 20 лет перед тем, не закончились в Приказе еще и в 1653 г., т. е. через год после задержания старухи Маньки. Из дела не видно, одолел ли на суде Огалин более влиятельного и сильного москвича Кутузова.

Едва ли костромичи Огалины в течение 20 лет могли не знать, что у другого костромича скрываются их беглые холопы, оставившие у них в деревне своих родителей. Молчание Огалиных было, вероятно, молчанием людей, сознающих свою беспомощность в борьбе с сильным соседом, да по ходу дела и нельзя сказать, чтобы пассивность отношения Огалиных была неосновательна.

(№ 42453)

№ 34. 1658 г.

В апреле 1658 г. Холопий приказ отправил в Патриарший разряд девку Федорку Боборыкину, находя дело ее себе неподсудным, по редкому в практике Приказа холопьяго суда случаю. Приведенная в Приказ, девка показала, что «зовут ее Федоркою, а молитвенное имя — Манька Федорова», что ее отец Федор Иван Боборыкин был площадным подьячим в Лыскове и жил там «за государем». Платил ли ее отец государю тягло или нет, того Федорка не ведала, потому что после отца и матери она осталась мала. От отца она слышала только то, что родом он — москвич. Умерли ее родители «лет с пятнадцать» тому назад. После смерти отца и матери ее взяла «за дочери место» попадья Ненила Офонасьева, ее «вспойвшая и вскормившая». Но «попадья учала до нее лиха бить», и Федора от попадья «сошла и пришла к нижегородцу Мих. Степкину девкою и жила у него 3 год без крепости». Но затем она Степкина покинула и, переодевшись «мужиком», сошла на Павлов перевоз, где жила «у кузнеца, «делала кузнешное». После этого она перекочевала к володимерцу Антону Темецкому в дер. Ямы, «мужиком же», и жила в той деревне «добровольно», а затем пришла в Вологодский уезд ко вдове Марье Самойловой, — «а чейская жена Марья, и как деревню зовут», — того Федорка, несмотря на свою прыть, не помнила. Вдова Марья отдала ее родной своей сестре, имя которой Федорка тоже забыла, да зятю своему Петру Полесову, у которого Федорка прожила «недель с 20» без крепости и была с ним на

государевой службе на р. Каспле, а затем пришла на Торопец, тоже «мужиком». Торопецкий воевода Степ. Вельяминов посадил ее в тюрьму, а из тюрьмы, ввиду необычности случая, послал ее к Москве. Препровожденная в Москву вместе с Федоркой, отписка Вельяминова дополняла ее рассказ. «Во 164 (1656) г. июня в 1-й день, — писал Вельяминов, — привели с короулу с Егорьевских ворот коровульщики торопецкие стрельцы прихожева человека». «Прихожий человек» объявил, что он из Нижнего Новгорода, зовут Ивашка Ларионов сын Боборыкин, что он служил у володимерца Невского, и боярина его убили под «Вытебском», а после смерти Невского он «ни у кого в холопах не бывал». Степ. Вельяминов посадил «прихожева человека» в тюрьму, но задержанный Ивашка 20/8 бил челом о том, чтобы его из тюрьмы «взять». Будучи поставлен перед очи воеводы, Ивашка «в роспросе» заявил, что (можно себе представить изумление московского воеводы!) «она — де девка, Федоркою зовут, Федорова дочь Боборыкина, а пришла де она в Торопец из Смоленского уезду с устья р. Каспли, а жила де Сытнава двора у подклюшника у Петра Подлесова, а он, Петр, свез (ее) с Москвы за мушины места, и жила де с ним в Смоленском уезде на устье р. Каспли». От Петра она «сошла бегом» и пришла в Торопец. Отец и мать ее вольные люди, «а сошла она потому, что Петр (Подлесов) почал над нею насильство чинить, хотел ее и(с)ильничать, и она де от него и сошла». По челобитной Федорки-Маньки она была препровождена в Москву в Холопий приказ, а в Приказе «та девка отдана держать приставу Ив. Дурасову, а на ней платье — кафтан шубной, полукафтанишко мухоярное, шапенка овчинная, под сукном вишневым, муская, крест серебряной, сапожонки барановые. Платье на себе, сказала, свое». Приказ увидел в этом происшествии (ношение девкой мужского платья?) «духовное дело» и направил ее к патриарху. Как патриаршие дьяки разрешили головоломный казус, мы не знаем, — патриарх Никон с июня этого (1658) года был уже не у власти.

(№ 42765)

№ 35. 1661 г.

16/1 1661 г. «на последнем часу дня» стрельцы полковника Артамона Матвеева (впоследствии известного боярина) привели холопа сына боярского Богдана Лодыженского,¹ Стеньку да 12-летнюю девочку, а с нею привезли на санках мокрое платье, которое она полоскала «у Неглинных ворот». Стенька заявил, что девочка бежала от его господина Богдана Лодыженского. Девочку эту, по имени Матрюща, отдал Ульяне Лодыженской, жене Богдана, дядя девочки, тяглец Новгородской сотни Васька Васильев, «для ученья нашивок делать кизалбашских, а тому две недели Матрюща со двора Лодыженского сбежала, и он (Стенька) ее увидя у Неглинных ворот, идет с платьем, и велел ее для того отвести в Приказ, а что она снесла, и тому Богдан принесет челобитную». Девочка в расспросе объяснила, что она сбежала от Ульяны Лодыженской «для того, что та ее бьет». Убежав от Лодыженской, Матрюща «пришла жить неведомо на чей двор и жила у боярсково человека Ивашки, а чей словет, тово не ведает, а, постояв, — замечает, приказный протокол, — девочка сказала, на который она двор пришла жить, и тот боярский человек Ивашко тово ж дди, которого она к нему пришла, отвел ее на двор к стольнику кн. Ондрею Голицыну и отдал человеку его Микишке Борисову», от которого она и пошла на реку полоскать ему принадлежавшее белье. «По осмотру, в санках оказались: две рубашки муских, три рубашки женских, скатерть». Вызванный в Приказ, представлявший кн. Голицына холоп его,

¹ Лодыженских ДР знают более 40, но этого Лодыженского генеалогически локализовать трудно.

от девочки отказался, и она, повидимому, была возвращена Ульяне Лодыженской, «потому что, иного истца ей не было».

(№ 42973)

№ 36. 1668 г.

Старинные холопы Тим. Кикова,¹ Федька Силин с женой, сбежав от Кикова, назвались муромскими посадскими людьми и били челом во крестьяне ко кн. Якову Куденетовичу Черкасскому. Доверенный Кикова (но не холоп его). Гавр. Ананьев Федьку в Москве словил и посадил его с женой на струг на Москве-реке для отправления в Муром. Но случайно узнав, что струг принадлежит одному из Черкасских (кн. Григорию Сунчелеевичу), Ананьев решил спешно снять с него холопов, и хотя струговщики противились, увидав в этом бесчестье кн. Г. С. Черкасскому, энергичный Ананьев своего добился и холопов со струга снял. Такова была версия со стороны Киковых. Иное освещение этому эпизоду дал выступавший от имени М. Я. Черкасского, сына кн. Якова, его холоп-поверенный Молчанов. Силины совсем не холопы Киковых, а жили у них по найму и вышли от Киковых на Муромский посад, а из Мурома били челом во крестьянство ко кн. Я. К. Черкасскому, который, однако, их формально до своей смерти закрепить не успел. В то время, как дело это шло в Москве, братья и мать Федьки сидели в Муроме в тюрьме, посаженные туда Киковым. Интересно, что мать холопов, считаясь, вероятно, с возможностью мести со стороны Киковых и детям и ей самой, в своих показаниях перед муромским воеводой стала решительно на сторону претензий Киковых и доказывала, что и она сама — раба Киковых, и дети ее — их холопы, а не крестьяне Черкасского. Во время тяжбы кн. Яков умер, а его сын Михаил Яковлевич в ту пору был, повидимому, еще малолетним и 2/11 1666 г. Приказ отдал спорных людей Кикову.

Юридическая сторона этого дела рассмотрена выше, в главе III.

(№ 43342)

№ 37. 1666 г.

Во время литовского похода на Вильну в 1656 г. подьячий полка кн. Б. А. Репина Александр Алексеев² купил у дворян — Мирона Черкасова, Воина и Григория Селевиных, Степана Рагозина, Гаврилы Юшнева и Осипа Басова полного мальчика-поляка Петрушку 6—7 лет, которого он повез «на своих подводах и на хлебе до московских городов». Когда на обратном пути обоз с хлебом прошел через Вязьму, на него был сделан налет, и налетчики отняли мальчика, полонную девку, рыжего коня ценою 20 р., седло и узду ценою в 2 р. Кто были эти налетчики — тогда установить не удалось. Прошло 10 лет, и в 1666 г. к Александру Варфоломеевичу Алексееву, ныне уже дьяку Московского судного приказа, пришел этот самый малый Петрушка, отбитый, как оказалось, костромским сыном боярским Федором Кафтыревым. Петрушка показал, что Кафтырев, налетевший в 1656 г. на обоз, его крепил, назвал Ивашкой Алексеевым и впоследствии женил на своей девке Маньке. Вернувшийся к дьяку Алексееву, Петрушка-Ивашка вскоре же, 7/3 1667 г., от дьяка снова сбежал к тому же Кафтыреву. На этот раз дьяк предъявил о малом иск к Кафтыреву, а по малому — и о его жене, коне, седле, уезде и «зажилых деньгах» за 10 лет. Вер-

¹ Киковых ДР не знают. Кн. Як. Куд. Черкасский — боярин 1647—1665 гг., один из первых сановников своего времени. Его сын Мих. Яковл., тоже боярин, с 1683 г. по 1698 г. сидел в Расправной палате, воеводствовал в Тобольске и т. д.

² Александр Варфоломеевич Варфоломеев-Алексеев по ДР — с 1658 г. дьяк в Смоленске, с 1665 г. дьяк в Моск. судн. приказе, где, повидимому, он оставался до 1680-х гг. Кафтыревых ДР знают в количестве около 25 человек. Это — жильцы, двор. моск., стряпчие, стольники, объезжие и засечные головы, воеводы, приставы.

сия ответчика Ф. Кафтырева была иной. Зимой 1656 г. они стояли на стану верстах в 6—7 от Вязьмы ближе к Москве, «и на тот стан к огню прибрел к ним малой лет в семь или осмь, озяб, а по-русски де он говорить не умел года з два (т. е. уже попал к Кафтыреву), а имени де он себе не сказал, как ево зовут». «И он де тово малова к себе взял и привез ево к себе на Кострому, чтобы де он на дороге не умер. И, приведчи, де ево крестил, а во крещении де того малова имя дали Ивашком, Григорьев сын, а Петрушкою де Соколовым у него (Кафтырева) не называли. И того ль де он (Ал. Алексеев) малова ищет или не тово, и он де тово не ведает, а тот де малой Ивашко у него в книги нигде не записан, а женил де он того малова на старинной своей крепостной девке Маньке». Эта Манька, по словам Кафтырева, и теперь (в 1666 г.) должна быть у него в с. Борисовском, если только ее беглый муж, уже отданный дьяку Ал. Алексею, не успел выкрасть ее. Насколько Кафтырев дорожил Петрушкой-Ивашкой, видно из того, что во время судоговорения он предлагал Ал. Алексею вместо него двух других русских холопов. В этом процессе дьяк-юрист Алексеев обнаружил свою юридическую изворотливость, чувствуящуюся даже в сухом приказном протоколе. Петрушку он получил, но отсудил ли он с Кафтырева Маньку, снос и «зажильные деньги», — мы не знаем. Во всяком случае, и через год, 17/5 1667 г., окончательного приказного приговора еще не было.

(№ 43427)

№ 38. 1669 г.

У Лариона Сумина¹ в конце 1640-х гг. по подговору, как утверждал сам Сумин, новгородца Спиридона Баранова сбежал холоп Никонка (прозвище Томилка) Спиридонов, обосновавшийся у Барановых и спокойно проживший у них 26 лет, до 1666 г., когда 21/9 1666 г. Ларион Сумин предъявил к ним иск об этом беглом. Спиридон женил его у себя во дворе на девке Антонидке, от которой у холопа был сын и три дочери. За 26 лет пребывания беглого холопа во дворе Барановых, сам Спиридон умер и хозяином холопа оказался его сын Яков Баранов, заявивший в ответ на претензию Сумина, что во дворе у него холопа с этим именем совсем нет. Сумин, наоборот, настаивал перед Приказом на том, что во дворе у Баранова находится старинный, ему, Сумину, принадлежащий холоп Никонка, братья которого, — Ивашка, Петрушка и Кондрашка, продолжают жить у него, Сумина. В октябре уже 1669 г., т. е. через 3 года после вчинения дела, Сумин послал для ловли Никонки человека своего Ивашку в Новгород. По челобитью Сумина, из Новгорода воевода отправил пристава с наказною памятью к губному старосте Ульяну Дубасову. «Никонку, — как сообщает доезд пристава, — у Якова, и у матери его, и у братьей ее вынели в Новгородском уезде в сельце Повышеве и взяли в Обонежский губной стан и отдали вместе с его женою и с детьми с роспискою» посланному на разыскание Никонки суминскому холопу Ивашке для доставления в Москву. После выигрыша тяжбы, Сумин стал просить государева указа «в той вине Баранова и в своих проести и волоките». По доставлении Никонки в Москву, в Холопьем приказе сделали ему очную ставку с остававшимися у Сумина в холопстве тремя его братьями. Те признали своего блудного брата, да и Никонка тоже не стал отпираться от них.

(№ 43425)

¹ Лар. Григ. Сумин — стольник, воевода в Кетском остроге, судья на Литовском рубеже; известен ДР с 1625 г. по 1636 г. Но этот ли Сумин был владельцем Никонки? Из настоящего дела видно, что Сумин — лицо в Москве значительное. Спиридона и Якова Барановых ДР не знают.

22/1 1686 г. стольник кн. Влад. Волконский¹ бил челом в Приказе сыскных дел о том, что с его московского двора 14/6 1685 г., более, чем за полгода до его челобитья, бежали его крепостные люди Федька Филипов Линяй и Куземка Федоров, «пократчи у нево денег 300 рублей, и письма, всякие, и крепости, и заемные кабалы». Один из бежавших, Федька, был пойман холопами Волконского Афонькой и Левкой и Волконский просил его «принять и роспросить и пытать, где те ево деньги и крепость и кабалы дели и где в бегах жили». Поднятый на дыбу, Федька Линяй поведал Приказу историю своих скитаний. «Пократчи из подголовка деньги», один мешок со 100 р. захватив полностью, а из другого мешка взяв только половину («сколько по счету, тово он не ведает»), да прихватив 7 р. из третьего мешка, они устроились по рекомендации гулящего человека Аброськи Мартынова «за Арбацкими вороты в Плотнишной слободе» у зятя этого Аброськи, у посадского человека Ивашки Филипова, сдав деньги на сбережение сыну Ивашки и посвятив Филиповых в тайну своего побега и происхождения денег. Прожив во дворе у Филиповых недели три и захватив из данных на хранение денег рублей «з десяти», приятели предприняли путешествие по Волге через Нижний до Казани. «Исхарчив» эти 10 р., «туристы» вернулись обратно на свое московское пристанище, «и те достальные деньги разделили у нево ж, Ивашки, во дворе», при чем на брата досталось по 70 р., да своему арбатскому пристанодержателю дали 34 р. с полтиной, да гулящему человеку Оброське Мартынову — 6 р. «за то, что он, Оброська, про побег ево, Федьки, ведал, и чтоб он князь Владимиру Волконскому про нево не сказал». Куземка свою долю дувана взял и «с-Ивашкова двора сшел», заявив, что отправляется к тетке в Епифань вместе с людьми некоего Офросимова. Федька на свою беду остался на Арбате, сдав свой капитал на хранение все тому же Ивашке Филипову, который на его деньги даже обстроился, истратив на это, по словам Федьки, «рублев с 30 и больши». Приказ сыскных дел, в котором велось следствие, добрался и до двух Ивашек (отца и сына) Филиповых и до проживавшего в Овчинниках гулящего человека Аброськи Мартынова. По приговору Приказа «Фетке Линяю учинено наказанье: бит кнутом на козле и отрезано левое ухо и сослан в ссылку». Кузькина судьба неизвестна. Сведений о судьбе Федькиных укрывателей дело также не дает.

(№ 46413)

№ 40. 1698г.

8/10 1698 г. вдова гостиной сотни Авдотья Андрониковна Ульянова по поступной грамоте отдала за 20 р. сенному истопнику Ивану Гаврилову свою кабальную женку Матрену² с дочерьми, девками Дунькой и Степанидкой. Находившийся в бегах, муж Матрены Васька Андреев должен был перейти в собственность подьячего, если подьячий сам сыщет его в бегах. Подьячий получал по этому соглашению право и на Васькин снос. Сенной истопник оказался расторопным и через 7 месяцев, 9/6 1699 г., он уже бил челом о посылке с ним двух детей боярских для поимки Васьки. 10/6 Васька был изловлен и доставлен в Мастерскую палату, которой Гаврилов был подсуден. Поставленный перед ближним стольником, сидевшим в Мастерской палате, Ив. Ив. Нарышкиным, Васька рассказал историю своих скитаний. Он показал, что по

¹ ДР знают в эти годы трех кн. Волконских с именем Владимир: Вл. Андр.—стольника и воеводу, Вл. Ив.—стольника и воеводу, Влад. Ив.—стольника и окольного.

² Матрена «лицом скуловата, волосом и брови истемно-русы, глаза серые, нос скорос, на правой руке подле мизинца, на персту по нохтю, рубец, по лицу местами от воспы ямы, сказала 38 лет». Дочери по описанию похожи на нее.

рядной записи он был крепок подъячему Переяславля Залесского Василью Иванову, уступившему его с семьей вдове Авдотье Ульяновой. Года три тому назад (т. е. около 1695 г.), покинув свою семью у Авдотьи, Васька сбежал, но без сноса. В бегах он жил две зимы у коломнелина посадского человека Оськи Иванова без поручной записи, а по летам работал «на трубах» у подрядчика посадского человека Демки Мартынова и у дединовца¹ Сеньки Маринина, тоже без записи. Одну зиму он прожил в Переяславле Рязанском на поварне на государеве дворе и «работал работу пивоварную», а затем, тоже без записи, жил в наймах у головы гостиной сотни Алексея Третьякова. В мае 1699 г. («после Николаева дни вскоре, а в котором числе не упомянут») Васька пришел в Москву и жил на Москве-реке в стругах, «а в домах он, Васька, на Москве ни у ково не жил». Дети боярские поймали его, когда он шел с Москвы-реки Алексеевскую слободою. О том, что вдова Авдотья поступилась им сенному истопнику Ивану Гаврилову, он не ведал, и «буде она, вдова, поступилась ему, Ивану, и по той поступной, где ево жена и дети живут, и он, Васька, жить рад же». Мастерская палата имела, таким образом, перед собой готовое решение и постановила выдать Ваську Ивану Гаврилову, но истопнику простой «отдачи» было мало, и он бил челом об указе по Уложению и по Новоуказным статьям, «чтоб на то смотря, иным беглецам таким, и ему, Ваське, впредь неповадно было бегать».

(№ 48118)

Оглянемся на эпопею холопних побегов и борьбы из-за холопов между владельцами, отраженную изложенными документами.

Изучая первую группу этих случаев (№№ 1—15), мы видим тяжбы между людьми хотя и разного положения в тогдашней социальной иерархии, но одинаково, поставленными юридически и борющимися между собою, как равные с равными. Случайно ли это наблюдение или нет, покажет, вероятно, дальнейшее углубление в нашу тему и более полное раскрытие материала, относящегося к 1620—1630 гг. в истории Московского государства. Но с конца 1630-х гг. (с дела, изложенного у нас под № 16) идут процессы, отражающие уже социальную борьбу внутри самого служилого класса, между разными слоями его, борьбу, на фоне которой и произошли события 1648—1649 гг., и ликвидация которой привела к созданию дворянско-крепостной империи XVIII—XIX вв. Таково дело Леонтьева и Сулешова (№ 16), дьяка Лучникова и отважного в холопних делах арзамасца Юрия Бахметева (№ 19). В деле Грамотина и Шаховского (№ 20) характерно канцелярски-осторожное по форме, но очень грубое по существу поведение думного дьяка И. Т. Грамотина. В том же смысле показательны дело Карпова и кн. Долгорукова (№ 21), дело Аргамаковых и Отяева (№ 23), дело Зыбина и Кульнева (№ 24), дело Нарбекова и Волкова (№ 25, в котором конфликтуют представители влиятельного московского рода Нарбековы с зубатым, колючим и дерзким дьяком Волковым, пасующим, однако, перед влиянием и связями своего противника), дело кн. Буйносова-Ростовского и Ресина (№ 26), Татарова и кн. Горчакова (№ 27), Игнатьевых и Рыбина (№ 29), Овцыной и Очина-Плещеева (№ 30), Протасьева и Лаврова (№ 32), Огалина и Голенищева-Кутузова (№ 33), Кикова и кн. Черкасского (№ 36), Сумина и Баранова (№ 38).

Все эти 14 дел характерны, каждое по своему, как иллюстрации нарастающих противоречий между уездным и столичным дворянством после Смоленской катастрофы 1634 г., разрешившихся событиями 1648—1649 гг. Эти события и определили на всю вторую половину ве-

¹ Дединово — село на Оке в Зарайском уезде.

ка политику Москвы, пошедшую под девизом дворянско-боярского «ровенства», провозглашенного Уложением. «Ровенство» это вскоре и дало себя осязательно почувствовать в крестьянском вопросе.

Дела №№ 17, 28, 31, 33, 34, 35, 37 и 39 включаем, как характерные для бытовых условий побегов, скитаний и ловли крестьян и холопов.

Отметим и дополним некоторые бытовые черты, рисующие обстановку и характер борьбы владельцев с холопскими побегам.¹ Прежде всего обращает на себя внимание количественная массовость побегов. Очевидно, люди были нужны везде, «право владельца на холопа» другими владельцами-конкурентами уважалось мало, полицейский надзор был ничтожен, никакой паспортной системы не было и холоп мог быть уверен, что он всюду будет желанным приобретением, как рабочая сила: его не только приютят, напоят, накормят, обогреют, кое-как оденут, но даже женят, чтобы поскорее получить приплод. Проживая в новых условиях без кабалы, холоп, несмотря на положение беглого, в своем гражданском состоянии несколько выигрывает. Он иногда съедет «во крестьяне» и обзаведется своим домом и хозяйством, а владельческие крестьяне-соседи не будут иметь ни разумных побуждений, ни легкой возможности, действуя наперекор воле и интересам своего общего господина, разоблачить перед властями и вывести на чистую воду новоприходца-тяглеца из бывших холопов, тем более, что иной раз бывший господин такого холопа десятками лет и не вспоминал и не искал его. Если же на новом месте холопу не поживется, — что же! — всегда может быть повторена операция ухода со сносом или без такового, — спрос на труд его везде так велик, что пристанище за сотню-другую верст обязательно найдется, и более энергичные и предприимчивые холопы, конечно, не переставали нащупывать на новоселье дальнейшие возможности побегов. Думаем, что повсеместно должны были существовать пристанодержатели для таких беглецов, специально этим делом промышлявшие, каковые и были в самой Москве² (см., например, выше дело кн. Волконского, № 39) и в уездной глуши (см., например, дело Якунина, № 15).

Нагулявшегося в бегах холопа, прошедшего через разные приключения и лишения, иной раз тянуло ко двору им покинутых хозяев, где могли еще оставаться его жена, дети, родственники или приятели, и тогда холоп возвращался на свое старое пепелище просить прощения, приюта и прокорма. Возвращение холопов к хозяевам было явлением столь обычным, что для такого шага существовало даже особое название, почему-то доселе остающееся не зарегистрированным в нашей историографии и не попавшим, насколько нам известно, ни в один из словарей древне-русского языка. Добровольное возвращение холопа к бывшим хозяевам называлось «пойти сопаситься» или «пойти на сопас». Так, официальная, сухая и лаконичная Записная книга 136 г. говорит о том, что у некоего сына боярского Григория Давыдова, попавший в плен, «как король стоял под Смоленском (1610?)», его «старинной детина» Назарка, прозвище Верзилка, в 1626 г. «прибрел к нему по старине» и у него «сопасился и жил», но в 1627 г. Давыдова обокрал и снова от него сбежал.³

3/9 1625 г. от кн. Богдана Долгорукова сбежал его «старинный и крепостной человек» Федька Кубасов со сносом животов и платья на 17 с четвертью р. Но уже 29/12 того же года этот его «старинный и крепостной холоп пришел к нему по старинному холопству, сопаситься»,

¹ На эту тему в Сборнике Ранион'а за 1926 г. была напечатана интересная статья проф. А. А. Новосельского — «Побеги крестьян и холопов и их сыск в МГ второй половины XVII в.».

² Нередки случаи укрывательства беглых холопов в московских слободах, особенно, в Кадашевской, см., например, дело № 42731.

³ ЗК 136 г., л. 20, № 73.

заявив, что в бегах он выдал на себя, сказавшись вольным, обманную кабалу кн. Бор. Мих. Лыкову.¹

25/7 1627 г. от Бор. Ив. Непе(й)цына сбежала со сносом в 20 р. с полтиною девка Марфица, дочь его кабального человека Сеньки, и приютилась у Фед. Бешенцова, поспешившего ее выдать замуж за своего человека Корнилку. Но уже 9/3 1628 г. женка Марфица «сопасилась и пришла к нему (Непейцыну) с тем мужем Корнилкою».²

В 1638 г. от приказного человека в Заонежских погостах (впоследствии дьяка) Ив. Дмитриева сбежал закабаленный им бывший стрелец. Онашко с женой, захватившие снос. В 1639 г., как сообщал в своей челобитной Дмитриев, беглые «сопасаясь, пришли к нему, Ивану, в Новгород», — впрочем, для того, чтобы в 1642 г. снова сбежать.³

17/5 1645 г. смольнянин Федор Ев. Батюшков, ехавший около Братовщины к Москве с Матвеем Батюшковым, встретил по дороге беглого холопа Данилы Батюшкова (брата Матвея) Микитку. Батюшков, «таво человека взял к себе, а ему, Матвею (Батюшкову), в том дал память, что таво человека (Микитку) брату его Данилу сопасит, и я, государь, — писал предусмотрительный Батюшков, — тово человека брату его Данилу сопасил», т. е. берег и содержал.⁴

Беглый холоп Бор. Мих. Бибикова Ивашка сбежал от него в 1646 г., пробыл в бегах лет 6, назвался «Олешком», служил в стрельцах и казаках и потом выдал на себя кабалу Ивану Маслову. Но от Маслова он «сбежал и пришел к Москве опять в 160 (1652) г. на сопас» к Борису Бибикову, к отцу своему, к матери и к братьям, но потом снова от Бибикова сбежал на Волгу, кормился на стругах своей работой и затем «пришел на сопас» уже к Ивану Маслову, чем и породил тяжбу между Бибиковым и Масловым.⁵

Беглый кабальный Перфилья Ив. Колтовского Васька Алашеев «шол с Вeneвы (к своему хозяину Колтовскому) на сопас в прошлом 165 (1656) году в Филипов пост», но на дороге был схвачен холопами кн. Петра Львова, на него претендовавшего.⁶

У полковника рейтарского строя Сем. Скорнякова-Писарева в 1670 г. сбежал холоп Сенька, захватив лошадей, платье и «многую служивую броню». Сенька был пойман и посажен за решетку в Разряде, но, «боясь государева гневу», «из-за решетки ушел и, узнав свою страдничью вину, принес к тебе, великому государю, — писал Скорняков, — ту свою вину, а на той московской дворишка пришел к женишке моей на (с)опас». Но жена Скорнякова из осторожности отправила беглого холопа обратно за решетку в Разряд.⁷

Приход на «сопас» имел даже известное юридическое значение в глазах власти.

Так, в деле Стюнеева и Еропкина (1620 г.), в приговоре об отдаче холопа Павлика Мих. Еропкину, находим в качестве одного из аргументов (кроме главного — более старой кабалы) то, что холоп «в нынешнем во 128-м году за неделю до Филипова заговенья к нему (Еропкину) сопасивался», хотя сам оттягивавшийся от Еропкина, Павлик это отрицал, утверждая, что он у Еропкина в 128-м г. на самом деле «не сопасивался».⁸

Ссылки на юридическое значение «сопаса» встречаем и в деле Сем. Колтовского: «И от боярина ево, Семена Колтовского, — говорил на

¹ ЗК 136 г., л. 112, № 380.

² ЗК 136 г., л. 181, № 666.

³ № 41876.

⁴ № 41850, л. 20.

⁵ № 42391, л. 3.

⁶ № 42728.

⁷ Арх. Разряда, Моск. ст., № 437, л. 50.

⁸ № 39651, л. 12.

суде его поверенный холоп, — тот человек бегал и сопасился он, Онд-рюшка, и пришел жить на старину к Семену Колтовскому». ¹

В качестве доказательства прав дьяка Ник. Новокшенова, в пострижении Дионисия, на его бывших холопов, поверенный Дионисия в 1633 г. приводил тот аргумент, что «Назарко (холоп, о котором шел суд) за 2 дни до приводу бегал и сопасился к нему, старцу Деонисью, отцом ево духовным, старцом Макарьем», ² причем этот Макарий должен был быть как бы посредником и заступником за Назарку перед Дионисием Новокшеновым.

Точно так же «приданая женка Матрены Овцыной Улья, бегая многое время, пришла к Москве и по старине (с)опаситца ей (к?) Матрене (Овцыной, хозяйке) нами», — говорил на суде, ведший дело Матрены, брат ее, Александр Борков. Улья в своих показаниях подтвердила, «что она пришла к нему, Александру (Боркову), чтобы он, Александр, ее сопасил к сестре своей, ко вдове Матрене», но Александр из осторожности, опасаясь споров и встречных исков к сестре, женку отправил в Холопий приказ. ³

Таким образом, понятие «сопаса» имело несколько значений: принятия на содержание и на приют, заступничества, защиты (intercessio), покровительства беглому холопу и смягчения отношения к нему со стороны разгневанного его бегством хозяина вмешательством третьих лиц и т. д.

Оглядываясь на прошедшее перед глазами большое количество дел о побегах и скитаниях, о ловле и задержании холопов, исследователь, изучающий эти дела, не может не испытывать недоумения по поводу того, что он почти не встречается с вооруженным отпором со стороны преследуемых холопов: холопы производят впечатление людей, рассчитывающих более на быстроту своих ног и на выносливость, чем на открытое сопротивление, с оружием в руках. Да и как могло быть иначе, если они представляли собою массу не организованную и не сплоченную сознанием своего классового единства?..

§ 2. ПОБЕГИ ХОЛОПОВ ЗА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РУБЕЖ

Особый характер имели побеги холопов в западном и юго-западном направлениях, где на недалеком расстоянии беглец пересекал государственную границу и ускользал, из-под власти Московского государства. Побег на север, восток и даже юг имели частно-правовой характер и хотя и вызывали вмешательство государственных органов, но всегда по инициативе заинтересованных частных лиц и обычно в сопровождении их самих или их людей. На западной же границе ловля беглых холопов входила в область ведения местных воевод и подчиненной им низшей администрации. Здесь борьба с побегами имела иной, более жесткий и часто трагический, характер. Ознакомимся, следуя тому же хронологическому порядку, с несколькими характерными случаями просачивания московских холопов в пределы Польско-литовского государства.

№ 1. 1621 г.

В ноябре 1621 г. брянские воеводы кн. Алексей, Долгорукий и Иван Ловчиков писали в Москву в Разряд, что 12/11 1621 г. к ним явился болховитин Лукьян Давыдов, заявивший, что от него сбежал его холоп Ивашка Григорьев. «Многие люди» видели, что Ивашка направил свои стопы за рубеж в Рославль. Долгорукий тотчас послал в погоню за беглецом сына боярского Федора Бородовицына, и через 5 дней, 17/11, Бородовицын Ивашку словил и поставил перед воевода-

¹ № 41779, л. 119.

² № 39645.

³ № 42288, лл. 1, 2, 5, 8, 10.

ми, объяснив, что он настиг его в дер. Бубнове, в поместье Сафрона Тютчева, верстах в 70 от Брянска. Ввиду запирательства Ивашки относительно своих намерений, так как холоп уверял, что он направлялся в Москву, воевода Ивашку пытал, и на пытке Ивашка оговорил в соучастии брянчанина сына боярского Безсона Мясоедова, будто бы подговаривавшего его на этот побег. Безсон тоже был подвергнут допросу для устрашения «у пытки» (не «на пытке»), но, снова поставленный перед дыбой, Ивашка сознался, что Мясоедова этим подговором он просто поклепал. От новой пытки Ивашка все-таки не ушел и был «пытан накрепко, почему он Безсонова Мясоедова поклепал, и почему на него зговорил, и не научил ли его так говорить кто, и не подкупил ли его хто». Висевший на дыбе, Ивашка объяснил свой поклеп тем, что он «чаел (когда висел и был жжен первый раз), что будет легче». В Москве, дело было передано из Разряда в Боярскую думу, и бояре приговорили: «Будет не больно пытан и того велети еще пытать, а будет больше того речей не переменит, и его велети повесить, а Мясоедова освободить». В декабре 1621 г. Ивашка и был повешен.¹

№ 2. 1621 г.

Такая влиятельная персона, как боярин Фед. Ив. Шереметев, жаловался на то, что 8/3 1621 г. у него сбежал человек его Петрушка Лукьянов, прозвище Евгастейка, родом татарин, со сносом в 179 р. 15 ал. («денег, тарилей литовских и судов серебряных»). Шереметев просил не только о заказных грамотах к воеводам в Украинские и Замосковные города, «чтобы его (Петрушку) изымали и вкинули в тюрьму», но и о казенных подводах, под «людишек», которых он пошлет в погоню. Впрочем, Шереметев предлагал за эти подводы прогонные деньги. Петрушка-Евгастейка был, очевидно, лицом, приближенным к боярину, так как, по словам челобитчика, он жил у него «в избушке». Петрушке было «лет в полтритцать, волосом черн, ус пробивается, бороды нет, сухошок, глаза черные, в языке неречист, на левой щеке бородавка с волосьем, на верхней губе, на правой стороне, рубец, у рук обеих по два пальца первые суставы прикривы». Одет Петрушка был с известной щеголеватостью: на нем был «зипун зенденный, холодной вишнев, кафтан теплый бараний, крыт лазоревой крашениною, кафтан суконный с ожерельем лазоревой настрафилъ, на нем нашивка хамьяная, однорядка вишнева, сукно лундыш, на ней нашивка хамьяная, шапка черная с пухом, штаны червчаты сукно настрафилъ». Видно, что холопа, вхожего в боярские интимные покои, Шереметев одеть не поскупился. Потому ли что Разряд посчитался с боярским саном Шереметева или потому, что дело шло, по указанию Шереметева, об опасном украинском районе (оттого, вероятно, боярин и обращался в Разряд, а не в Холопий приказ), но ходатайство его было полностью уважено, и грамоты были отправлены.¹

№ 3. 1622 г.

10/6 1622 г. брянским воеводам кн. Алексею Долгорукому, Ивану Бобрищеву-Пушкину и Савину Нефедьеву явившийся в съезжую избу строитель Свинского монастыря Иев Челюсткин извещал, что в монастырской вотчине с. Супонине по ночам стали появляться «незнаемые люди», крадущие из крестьянских погребов печеный хлеб. «По того, строителя, извету» воеводы посылали в Свинский монастырь голову Конст. Мачехина, а с ним детей боярских и стрельцов, приказав Мачехину тех людей в вотчине или в лесу «переимать» и привести в Брянск. На следующий же день Мачехин вернулся из Супонина в Брянск, при-

¹ Арх. Разряда, Моск. ст., № 13, лл. 65—72.

ведя с собою двух пойманных в лесу беглецов, Ваську и Михалку, оказавшихся, при расспросе в съезжей избе, холопами кн. И. Б. Черкасского,¹ басманником и водовозом. Они сбежали из Москвы 30/5 и пробирались в Путивль. Изловленные беглецы были заключены в тюрьму, а воеводы запросили Москву, что с ними делать. Там эпизоду этому придали такое значение, что отписка была доложена самому ц. Михаилу, и «государь указал послать свой государев указ во Брянск, чтоб тех людей взяти и пытать накрепко, куда они побежали и для чего, и есть ли у них в тех городах родимцы, и не хотели ли они за рубеж бежати, и будет хотели, и кто их отпустил, и что с ними он приказывал и, пришед было в Литву, что им сказывати в роспросе, да что скажут, и о том бы писати ко государю, а их до государева указу велеть посадити в тюрьму». Грамота по этой помете была послана 1/7. В Брянске холопы были пытаны «накрепко». Попад на дыбу, Михалка-басманник показал, что от боярина кн. И. Б. Черкасского он сбежал совершенно самостоятельно и о его побеге ни дворовые Черкасского, ни иные посторонние люди не ведали, «а один с ними думал и побежал водовоз Васька». «Побежали они, — по объяснению Михайлы, — для того: убоясь государя своего, проворовали, и платя и деньги пропили». Путь они держали в Путивль к казачьему атаману Левке Рябову, «потому что знался с ними наперед сево в Брянском уезде», так как оба они родом из Брянского уезда, из вотчины Свинского монастыря. «Инова никакова умышленья не было, родимцев в Путивле у него нет, и за рубеж было в Литву не бежать, и никто его не отпускал (т. е. не посылал с поручениями), и письма с ним никакова и словеснова приказу ни к кому не было». Версию о том, что они бежали потому, что «пропились», подтвердил и другой беглец, Васька-водовоз. Сначала, по его словам, и он направлялся в Путивль, но в Брянске собирался товарища покинуть и пристать к местному кузнецу, «что он кузнечному делу учился». Воеводы, сообщая текст показаний в Москву, прибавляли: «И они де, Михалка да Васька, отшет на лес, жили на лесу, а хлеб, приходя, в деревнях в ночи крали, а в город идти боялися: либо кто узнает да поймает». Васька подтвердил эти показания и на дыбе. Дальнейшая участь холопов неизвестна.²

№ 4. 1621г.

Почти одновременно с брянскими воеводами — кн. Долгоруким «с товарищи», в Москву писали севский воевода Борис Кокарев и дьяк Панкратий Боба(н)нин, сообщавшие Разряду, что 6/6 1622 г. холэп стрелецкого головы Аф. Сулейманова Ивашка, бежавший со сносом в 10 р. 23 ал., ими задержан. «Бегучи», он пробыл два дня в Комарицкой волости в дер. Рожковичи у крестьянина Герасима Котлова. От Котлова, по словам отписки, Ивашка собирался перебраться «за рубеж». Поставленный к допросу, Герасим Котлов показал, что 9/6 он был в лесу и рано утром 10/6 вернулся из лесу домой. Приютившийся у него в избе Ивашка объяснил ему, что и он тоже ночь провел в лесу, «ходил за зверьми». Затем Герасим проводил Ивашку до дер. Сорончицы той же Комарицкой волости. Сняв допрос и не дожидаясь наставления из Москвы, воевода распорядился «сыскать всеми крестьянами дер. Рожковичи, которыми обычаи приходил к Герасиму Ивашка, куда он от Герасима пошел, и Герасим ли его за рубеж проводил». Крестьяне дер. Рожковичи показали, что они про приход Ивашки из Севска к Герасиму знают, и знают про его уход обратно в Севск. Они «слухом слышали, что Ивашка, по дуброве ходя, стреляет зверь и ранил на

¹ Напомним, что кн. И. Б. Черкасский — приближенный вельможа и двоюродный брат ц. Михаила.

² Арх. Разряда, Моск. ст., №№ 4—12, лл. 121—132.

дуброве лося, что Ивашка в дер. Рожковичи приходил для ночлега, а раньше туда не прихаживал». Эпизоду этому в Москве придали значение, и дело было доложено государю. По докладу государь указал отписать, «чтобы Афонасья Сулеменова (хозяина Ивашки), поставя с мужиком (самим Ивашкой) с очей на очи, распросили подлинно, кому про то ведомо, что тот мужик человека его за рубеж отпустил и проводил и сколько у того мужика тот ево (Сулейманова) человек жил, день или два, и всякими сыски про то расспрашивать, поставя их с очей на очи, да что по роспросу объявится и то отписать». Конца дела не сохранилось.¹

№ 5. 1623 г.

Беглого холопа сына боярского Василья Малого, Ивашку Васильева, словили в 1623 г. около Путивля местные воеводы кн. Вас. Гр. Ромодановский и Гр. Андр. Алябьев. Поймав Ивашку, воеводы прямо приступили к делу и пытали его. Ивашка показал, что «тому четвертый год» (т. е. в 1619—1620 гг.) он «з бедности» бежал за рубеж в Новгород-Северский уезд в дер. Уздицу и, проживши там недель шесть, вернулся обратно к Вас. Малого. Зимой 1622—23 гг. Ивашка опять бежал за рубеж, в тот же Новгород-Северский уезд в дер. Погаричи, сведя при этом у Малого мерина. В Погаричах он жил «у попа Михайлы две недели», и туда приходил к нему посланный за ним крестьянин Малого Неустройка «перезывать» его обратно. Ивашка поддался на уговоры и воротился, приведя того самого мерина, которого он от Малого свел, да прихватив со двора попа Михайлы другого мерина ногойского. В Разряде отнеслись к приключениям Ивашки подозрительно и вытребовали его в Москву, откуда, «по государеву указу бояре приговорили сослать его в Сибирь на житье, — во что приготится».²

№ 6. 1623 г.

Те же путивльские воеводы, кн. Вас. Гр. Ромодановский и Гр. Андр. Алябьев, донесли в Москву, что 2/6 1623 г. к ним в съезжую избу привел своего беглого дворника Сеньку, по прозванию Бирюк, путивльский сын боярский Моисеев и сообщил им, что еще осенью, в Филиппов пост 1622 г., Сенька Бирюк бежал от него в Новгород-Северский уезд в дер. Мутин, покинув у Моисеева свою жену. С путивльским жилым казаком Андрюшкой Сосновым Моисеев успел словить беглого холопа на р. Ольшанице и доставил его к Ромодановскому. На роспросе у воевод Сенька показал, что он жил у Моисеева «во крестьянх», а не в дворниках, и бежал за неделю до Покрова (т. е. до 1/10 по ст. с.) сначала в рыльскую деревню, название которой он «пропаямывал», а потом в новгород-северскую дер. Крупец. Жена его с дочерью остались у Моисеева во дворе, хотя он «многизды приказывал ей, чтобы она следовала за ним». К Моисееву он явился, чтобы выкрасть ее, но тут-то Семен его и поймал. В Москве к этим миграциям Сеньки Бирюка отнеслись, конечно, подозрительно, и последовал, почему-то через Посольский приказ, указ: «Сеньку Бирюка про побег пытать, с какими вестями за рубеж ходил, и хто посылал, и не было ль с ним на то какого умышленья». Конец дела неизвестен, но за рецидивы своих переходов через рубеж Сенька едва ли миновал виселицы или ссылки в Сибирь.³

№ 7. 1623 г.

Естественно, что побег холопов и крестьян за рубеж настраивали соседивших с рубежом служилых людей подозрительно и тревожно.

¹ Арх. Разряда, Моск. ст., №№ 11 и 12, лл. 15—16.

² Арх. Разряда, Моск. ст., № 15, лл. 216—217.

³ Арх. Разряда, Моск. ст., № 15, лл. 172—173.

Вот с какой челобитной обратился в Разряд один из пограничных мешевских помещиков, Лука Челюстин: «В нынешнем во 131 (1623) г. на радуницу сбежали, государь, от меня, х. т., людишка мои Микитка Ромашов сын, да Афонька Афанасьев сын, Ромашка Тимофеев сын, с женами и с детьми, да Мартинка Иванов сын, а в том побеге хотели меня, х. т., убить до смерти. И нынеча я проведал, что те мои беглые люди, бегаючи от меня, живут в Данилове поместье Яблочкова в Мещевском уезде близко Литовского рубежа, и я, х. т., с твоєю, государевой, грамотою ехать по ним не смею один, блюдусь от них убийства, потому что близко рубежа». Челюстин просил распоряжения мешевскому воеводе о командировании «по тех беглых людей казаков, которые на государеве службе в Мещеску, и беломестных казаков, с кем тех беглых людей переимать». Из Москвы нужное распоряжение быстро отдали, и челюстинские холопы были изловлены и доставлены для допроса в Мещевск. В расспросе они сказали, что «никакова дела государева за ними нет, сами за рубеж не хаживали и никте нас не подговаривал; побежали от Луки Челюстинки без подговорки от его нежалованья, от наготы, с простасти (т. е. простоты) своей, а за рубеж мысли никакия не бывала...».¹

№ 8. 1624 г.

Бегство за рубеж, требовавшее решительности и смелости, сопряжено было, вероятно, и с убийствами лиц, мешавших побегам, и давало повод владельцам, жаловавшимся на бегство холопов, нередко самим обвинять их в государственной измене. Так, в 1624 г. из Мещевского уезда от сына боярского Дм. Ив. Засецкого сбежали за рубеж (всеюна-всего в Серпейск) его вотчинные крестьяне. «В прошлом во 132 (1624) г., — писал в своей челобитной Засецкий, — изменники тебе, государю, Мещевского уезда вотчиной дер. Зимниц крестьяне мои, Филипка Артемов с сыном своим с Афоньком да Сенька Некрасов с сыном с Данилком, бежали за рубеж в Серпейск, а в нынешнем во 137 (1629) г. те твои, государевы, изменники с женами и детьми перешли из Серпейска в Мосальск, а вели с собою из Серпейска в Мосальск, связавши, твоего, государева, изменника, дяди моего Петрова крестьянина засецкого (т. е. крестьянина Петра Засецкого) Сеньку Степанова, а брату моему убийцу² Алферью Засецкому». Возвратившиеся из-за рубежа, беглые частью устроились в Мосальске, а частью попали в Мещевск, где «за поруками стали кормиться», но один из них, Сенька Некрасов с сыном, добрался даже до Москвы. Засецкий бил челом о том, чтобы этих возвратившихся из-за рубежа крестьян с женами, детьми и животами отдали ему, «давши свое государево наказание, чтоб иным, избывая крестьянства, за рубеж переходить было неповадно». «А которые, государь, бегают за рубеж люди и крестьяне от дворян и от детей боярских, а на государеву землю опять приходят, и по твоему, государеву, указу велено тем же отдавать по старине, — холопей по холопству, а крестьян по крестьянству». По поводу этого челобитья ц. Михаилу был выписан особый доклад.³ Как решен данный случай, неизвестно.

№ 9. 1625 г.

В 1616 (124) г. от псковского помещика Ив. Карповского сбежала его старинная раба Федосья Свинолупова с детьми Тишкой и Бориском.

¹ Арх. Разряда, Моск., ст., № 15, лл. 471, 479.

² Алферья Засецкого убили в 1624 (132) г. зимнецкие крестьяне Демка да Оверка Ждановы, Гришка да Сенька Степановы, пограбля животов, служивую рухлядь, платья, котлы медные и т. д. «И подговоренной всякой рухляди, oprично жалованных грамот поместных и вотчинных и людских крепостей», на 80 р. с полтиной. При своем возвращении из-за рубежа они связали и сдали в Мосальске по начальству, как непосредственного убийцу Алферья Засецкого, Сеньку Степанова.

³ Арх. Разряда, Севск. ст., № 214, лл. 111—112 и 114—145. Дело повреждено.

Федосья устроилась во Ржеве Пустой, на погосте Весне-Болого. «Сведав» в 1622 г. о ее местопребывании, Карповский бил челом о том, чтобы псковский воевода Ив. Вас. Измайлов «послал на нее пристава и поставил ее на Опочке с очей на очи с челобитчиком, будет учнет она мне виниться в холопстве, — писал Карповский, — ино велено мне она отдать, а будет в холопстве запрется, велено мне на нее суд дать». Федосья с детьми на Весне-Бологе была изловлена, «поставлена на Опочке, винилась в холопстве и с детьми», и была выдана в холопство Карповскому по старине. Но прошло три года, и в 1625 (133) г. Федосья, «чтобы ей избыть старинного холопства», сбежала с детьми и снохою за рубеж в Литву, захватив животы Карповского. «А живота моего, — писал в челобитной Карповский, — они с собою свели трое лошадей, да четверо коров» (заметим, что случай увода коров вообще очень редок). Но в 1627 (135) г. беспокойная вдова опять появилась на московской территории, на Луках Великих, причем ее сын Борис назвался луцким уроженцем, сошедшим с Лук в 1621 (129) г. О матери Федосье и о брате Мишке Борис перед воеводой умолчал. Карповский, дознавшись про местопребывание беглых на Луках, бил челом местному воеводе об их возвращении к нему в холопство. Но воевода В. А. Третьяков отнесся к делу осторожно, холопов заключил под стражу и отписал об их задержании в Разряд в Москву. В Москве на этот случай взглянули не так просто, как сам Карповский. Думный дяк Фед. Фед. Лихачев приказал составить для себя особый доклад, «снеся вместе» отписку великолукского воеводы и челобитные Карповского, явившегося в Москву самолично хлопотать и проталкивать дело. Вместо незамедлительного удовлетворения ходатайства челобитчика, Лихачев распорядился начать политическое следствие, задержанных людей сначала пытать и «роспросные речи» доставить в Москву.¹ Конец дела неизвестен.

№ 10. 1627 г.

В декабре 1627 г. к великолукскому воеводе Вас. Третьякову луцкий помещик Степ. Обрютин привел в съезжую избу своего беглого кабального детину Степашку Наумова сына Пурина. Обрютин показал, что детина Степашка с женою Феклицею в 1627 (135) г. сбежали из его с. Боброва за рубеж. «В нынешнем 135 г. о Ильине дне», когда Обрютин ехал Луцким уездом на Остров, на большой Луцкой дороге ему встретился «зарубежский мужик Невельских уездов, пана Финкина, Демешка», вместе с которым ехал «по государеве земле» на подводе детина его беглый Степашка. Задержанный и доставленный на Луки Великие к воеводе Вас. Третьякову, Степашка показал, что он обосновался в Невельском уезде (уже на территории Речи Посполитой) у пана Финкина у крестьянина Демены (он же и Демешка) и приехал вместе с Демешкой в пределы Московского государства «по сено», тут-то его и словил «прежний боярин Обрютин». В Москве взглянули на «сенокосные» похождения Степашки сурово и велено было его «в побеге и в лазутчестве и во всяком воровстве пытать, для чево он за рубеж бегал, и какая вести за рубежом сказывал, и не посылал ли кто, и кто иной с ним в думе был». Воевода Степашку пытал и препроводил пыточные речи в Москву, где по делу был составлен целый статейный список, а на Великие Луки был послан запрос: «Сами ль воеводы у пытки были или детей боярских посылали?». В расспросе беглец показал, что за рубеж он ушел отыскивая свою жену, еще ранее туда скрывшуюся, и что за рубежом он «не лазучивал, вестей никому не сказывал, и сам никаких московских вестей не ведал, и не посылал его никто, и ни с кем не думывал». Так как Степашка подтвердил свои

¹ Арх. Разряда, Моск. ст., № 38, лл. 57—67.

речи и на дыбе, а Обрютин, к которому при известии о задержании мужа из-за рубежа добровольно вернулась и Феклица, выражал готовность взять Степашку на поруки. Степашка «за крепкою порукой» и был ему отдан «по-старому в холопство», ибо «побеге и во всяком воровстве он, Степан (Обрютин), по нем ручается».¹

№ 17. 1629 г.

О сложных скитаниях холопа, заподозренного в покушении на бегство за рубеж, поведал Разряду некий Тимошка, задержанный 25/6 1629 г. можайтиним сокольником Кондратием Петровым на дороге около Можайска. Сокольник заподозрил его в том, что он, якобы, один из тех «зажигальщиков, которые пошли с Москвы по городам» и о которых был заказ воеводам, чтобы «тех воров переимать». Сокольник встретил Тимошку за 15 верст от Можайска на Землинском болоте, когда ехал на службу в поход за государем. Тимошка назвался московским стрельцом, шествующим в Можайск богу молиться. Когда сокольник хотел его задержать, Тимошка побежал в лес, но сокольник догнал его. Беглец начал с ним драку, но подошли местные крестьяне, и с их помощью Тимошку задержали и привели к Москве, «а чают того, что он зажигальщик или бежит за рубеж». Подвергнутый допросу, Тимошка показал, что он «родом литвин, Киевского повету, белорусец». Из Литвы на Русь он явился с черкасами (т. е. малороссами) и «был в войне в Московском государстве, и на Москве с литовскими людьми сидел в осаде — в те поры, как бояре стояли под Москвой, и как де приходил Хотлевич к Москве с запасы». Во время вылазки поляков из Кремля, человек 30 литовских людей, в том числе и самого Тимошку, «отхватили государевы люди». После ухода польских войск в Литву, Тимошка с неким полковником Яцком ходил воевать «многие города» в Московском государстве, но в Кадомском уезде их побили кадомские мурзы и Тимошка был взят «в языцах» и посажен в Кадомскую тюрьму, в которой и просидел два года. Из тюрьмы его взял к себе во двор и крестил кадомский воевода Ив. Петр. Вельяминов.² Прослужив у Вельяминова полгода, он сбежал от него в Нижний Новгород. В Нижнем его поймали в воротах стрельцы и отвели к воеводе кн. Бахтеярову-Ростовскому,³ посадившему его снова в тюрьму, где Тимошка тоже просидел два года. Другой нижегородский воевода, Борис Нащокин,⁴ «вынел его к себе во двор». У Нащокина Тимошка женился на его девке, прижил с женою троих детей и прожил в вотчине Нащокина, верстах в 70 от Москвы, в Дмитровском уезде «лет с пятнадцать» в «задворных людех». Тут вдруг за него «имался» тот самый Вельяминов, у которого он когда-то служил, будучи выпущен им из кадомской тюрьмы. Ввиду начавшейся тяжбы, Тимошка был отдан своему фактическому хозяину Нащокину, но Вельяминов не стал дожидаться конца тяжбы, а «подговорил его к себе с женою и с детьми». Забрав холопа к себе во двор, Вельяминов «недель з 20» никуда его со двора не выпускал. Тогда Тимошка сбежал и от Вельяминова, «покиня жену свою и детей», бить челом в Холопьем приказе, «чтоб его с женою и с детьми велели у Ивана взять и отпустить на волю». Из Холопьевого приказа его отдали, но без жены и детей, «за старою порукою» Борису Нащокину. У Бориса он просидел скован «недель з 20», да «на-прости» (т. е. прощенный) жил года с полтора. Тимошка бил челом Нащокину, чтобы тот его отпустил «кормиться, работать по людем, покаместа он

¹ Арх. Разряда, Моск. ст.. № 38, лл. 37—53.

² Ив. Петр. Вельяминов — двор моск., воевода на Курмыше в 1619 (147) г.

³ Кн. Вл. Ив. Бахтеяров-Ростовский — боярин, ДР известен с 1576 г. Воеводой в Нижнем он был в 1616—1618 гг.

⁴ Борис Ив. Нащокин — двор. моск., воевода в Н. Новгороде в 1616—1619 гг. Впоследствии по ДР — воевода в Астрахани и потом опять в Нижнем.

жену и детей у Ив. Вельяминова возьмет». Отпущенный Нащокиным на заработки, Тимошка жил на Кулишках у кузнеца Гришки и «у иных людей кормился недель с 6, и с кузнецом ходил для работы на двор к Терюшному Облезову». ¹ Терюшной и «перезвал его о Покрове» 1628 г., собираясь отобрать у Ив. Вельяминова и жену и детей Тимошки, а для верности сослал Тимошку в свою ярославскую вотчину дер. Сидоровскую, из которой в июне 1629 г. он снова «сослал» его в свою подмосковную вотчину с. Покровское, верстах в 50 от Москвы. «Не сыскав» жены и детей Тимошки, Терюшный хотел женить его вновь, но Тимошка, «не хотя жениться, не сказався Терюшному, пошел к Москве и, не доходя к Москве, перебрел Москву-реку под Крымским двором и пошел в Можайск молиться». Тут-то он и был пойман сокольником Кондр. Петровым и приведен к Москве, «не ведает, в каком деле». В Можайске он собирался идти к Бор. Нащокину, «а воровства де и лазучество за ним нет, и за рубеж бежать мысли ево отнюдь не было».

Разряд распорядился допросить Бор. Нащокина и Ив. Вельяминова. Б. Нащокин в общем подтвердил историю скитаний Тимошки, сообщив, что у себя во дворе он женил его на своей крепостной девке Ульке и прибавив, что «воровства (за ним) никакова не бывало, и побегу его за рубеж не чает, потому что мужик простой». Продолжая «вклепываться» в право владеть Тимошкой, Ив. Вельяминов сказал, что Тимошка — его кабальный человек: «До государева де обиранья в 121 (1613) г. был он, Иван, в Кадоме воеводой, и тот же Тимошка бил челом из тюрьмы к нему во двор, и он де его крестил, и жил он у него (Вельяминова) в доме с полгода, и в том же году велено его из Кадома переменить, и он де, съехав из Кадома, жил в Муромском уезде, и его, Тимошку, женил на вдове на Любке, и, женись де, тот Тимошка дал ему на себя кабалу в Муроме, и с женою жил у него в Муроме с полгода. И, покиня жену свою, от меня сбежал, и та де жена его после (умер?)ла». Как расплели свои сталкивающиеся права на Тимошку Вельяминов и Нащокин, из дела не видно. Но вся эта история очень показательна для охоты за холопами в 1620-х гг. и для легкости миграций с разных сторон заманиваемых и завлекаемых людей. Данному делу было придано такое значение, что по нему составили даже особый доклад государю. ²

Лж 12. 1634 г.

Из Боровска 27/4 1634 г. бежали в Литву от «лихвинских» ³ дворян и детей боярских три человека литовских людей. Пострадавшими были Григ. Ртищев и Афанасий и Аникей Бунаковы. По версии воеводской отписки кн. Ив. Хованского, побег произошел в то время, как ратные люди были посланы с сотнями под Смоленск на литовских людей и на черкас. За беглецами Хованский послал в погоню двух детей боярских, которые в тот же день беглецов словили и доставили в съезжую избу к воеводе. В расспросе литовские люди сказали, что один из них, поляк по имени Павлик Чайковский, служил у лихвинца Гр. Ртищева. Достался он Григорию в Калуге, где Григорий украл его у рославльских казаков, ехавших в 1634 (142) г. к Москве «с языки». Два другие беглеца, Филька Артемов да Андриюшка Матвеев, сказали, что служили они в холопстве у лихвинцев Афанасия и Аникея Бунаковых, а взяты они «в языках в литовских городех, Филька — в Мстиславском уезде, а Андриюшка — в Чернигове». Беглецы признались, что они дер-

¹ Терюшной Облезов — воевода в Ярославле (1615 г.) и на Москве (1633 г.), голова пристав у послов. Откуда его странное имя? Не из мордовской ли он ветви терюхан? В холопных делах его имя попадает неоднократно.

² Арх. Разряда, Моск. ст., № 54, лл. 43—52.

³ Так пишет это слово воеводская отписка.

жали путь в Литву через Вязьму. Воевода писал, что он «тех людей дворяном и детем боярским, у кого они преж сего служили, без государева указу отдать не смел, и отдал их под караул стрельцам в съезжую избу, потому что в Боровске тюрьмы нет». На отписке воеводы положена помета: «Государь, сей отписки слушав, указал отписать: велеть их пытать, с какими вестями они побежали, и кто с ними чего не приказывал ли, и письма с ними к литовским людям какого не посылавали ль, а которые хотели бежать в Литву, сыскать допряма и тех вершить». Хованский пытал их «накрепко» и, повидимому, убедился, что «в думе с ними никого и в подговоре, и письма к литовским людям у них и словесного приказу ни от кого не было, и самим де было им, пришед к литовским людям, никаких вестей про московских воинских людей нечего сказывать, потому что они ничего не ведают, а бежали де они к Литве собою для того, что они уроженцы и родство у них в литовских городех, и, ушед, было им идти к себе в литовские городы». Хотя инструкция, полученная Хованским из Разряда, по государевой помете и приглашала его к немедленной расправе, Хованский предпочел отправить 17/5 злополучных беглецов с приставами к Москве. Какое там последовало решение, из переписки не видно.¹

№ 13. 1635 г.

Понятно, что при подозрительном отношении к передвижениям случайных людей по близости от рубежа, каждый хозяин беглого холопа, каково бы ни было его служебное положение, спешил заявить властям о побеге. Таково в 1635 (142) г. заявление Федора Рагозина, извещавшего, что «сентября в 21 день в ночи бежал от него белорусец литвин Павлик Кривой, а взял с собою живота, платья людского и своего три однорядки, одна вишнева, а другая зелена с пугвицы серебряными, да однорядку темносинюю, сукно настрофил, с завязки, да полукафтаны суконное езжалое, да на нем было платья — полукафтаны, да штаны черлены суконные, да шапку, да сапоги». «И будет, государь, — кончал челобитье Рагозин, — тот литвин утечет за рубеж, чтоб мне, холопу вашему, от вас, государей, в опале не быть». Заметно, что такими заявлениями, с упоминанием рубежа, кончаются очень многие явки о побегах.²

№ 14. 1638 г.

В 1638 (146) г. за неделю до Петра дня у Семена Мелентьева Яковлева с Тулы, когда он был там в полку с кн. И. Б. Черкасским, сбежали его кабальные люди Андрюшка Осипов да Ларька Евтихеев. С ними бежал еще и человек Ивана Чичирина (так!) Афонька. Беглецы были пойманы в Серпейске и доставлены к воеводе Филиппу Жемчужникову, отписавшему в Москву, что они направлялись в Смоленский уезд. Из Москвы отдан был приказ их пытать. Беглецы с пытки говорили, что «сошли (они) спроста, а вестей за ними никаких нет». Расспросные речи были посланы в Москву, а люди — оставлены в серпейской тюрьме. 5/1 1639 г. владельцы подали челобитную, прося выдать им холопов из тюрьмы, и по делу велено было составить особый доклад. Решение неизвестно.³

№ 15. 1653 г.

21/2 1653 г. от Данилы Лихачева из его рузской вотчины с. Игнаткова бежал его крепостной татарин Васька Федотов с женой и четве-

¹ Арх. Разряда, Моск. ст., № 100, лл. 15—17 и 28—30.

² Арх. Разряда, Моск. ст., № 100, л. 318; ср., напр., там же л. 319 — явка подьячего Казанского дворца Тренки Васильева, опасавшегося ответственности за беглого холопа.

³ Арх. Разряда, Моск. ст., № 136, л. 422.

рыми детьми. Беглецов словил сын боярский ржевитин Дмитрий Игнатьев сын Соймонов «близко литовского рубежа». Беглецы были заключены в ржевскую тюрьму. Лихачев бил челом, чтобы Васькину семью с животами выдали ему, а Васькины расспросные речи препроводили к Москве. Хотя характер крепости никак определен не был, но Разряд распорядился жену и четырех малолетних детей Васьки отдать Лихачеву. Из расспросных речей Васьки узнаем, что он родом ногайский татарин и 10-летним мальчиком «отдан» своею матерью астраханскому дьяку Евлату Караулову, а после смерти Караулова и его жены бил челом в холопство Лихачеву, «тому годы с 4». За рубеж он побегал потому, что хотел перейти в пашенные крестьяне и потому еще, что Данила заподозрил его, по оговору другого своего холопа в краже 15 р., и его «в тех деньгах бил плетью наголо и хотел огнем жечь». Лихачев просил, чтобы Ваське «учили наказание» и отдали его попрежнему ему, Лихачеву, но дело было доложено молодому ц. Алексею, и резолюция оказалась совершенно неожиданной как для лица, изучающего эти дела, так, вероятно, и для самого Лихачева, и для докладчика думного дьяка: «По государеву указу тот Васька с женою и детьми послан к Архангельскому городу в стрелецкую службу».¹

№ 16. 1692 г.

Такую же картину мы будем наблюдать и в конце века. В 1692 (200) г. бил челом в Разряд кн. Ив. Бор. Львов² о том, что 11/5 из тульской деревни с. Григорьевского, «а Ершково тож», бежала его сенная крепостная девка Василиска, «покрадчи его животишка, нязанья, и серебряные посуды, и платья, и белья, и всякой домовый рухляди на 170 р.». Ловить беглую Василису Львов послал своего «человеченка» Костюньку Иванова. «Человеченко» отыскал девку в Лебединском уезде в дер. Павелке. Местный воевода Ив. Ляпунов посылал по его челобитью в дер. Павелку приставов, которые Василису изловили и в лебедянскую приказную избу «привели женкою», так как девка, ни в холопстве, ни в сносных животах не запиравшаяся, успела в бегах выйти замуж. Беглянка поведала всю повесть своих скитаний. Снесла она от Львова лишь «малое число», сначала приоткрылась в Добренском уезде у какого-то «добренца», имени которого она не помнила, и от него вышла замуж в Лебедянский уезд в дер. Павелку за Кондрашку Гончарова. «Сносных животов» с ней было только 2 льняных холста да всякая рухлядь, отданные ею в дом мужнина вотчима Федьки Колыхалова. Львов настаивал на том, что Василиска и ее новая родня «сносные животы» утаивают, и просил розыска, т. е. пыток для обвиняемых им лиц, с которых усилиями львовского «человеченки» взята была поручная запись «ставиться на Лебедяни». Между тем, муж Василисы Кондрашка, «узнав свою неправду», явил себя в своем челобитье на Лебедяни стрелецким сыном, «а то, государь, знатно, — заключил Львов, — отбиваючи от отдачи мне и от иску моево». Львов собирался отдать подробный перечень сносу и просил проверить на Лебедяни по записным книгам, написан ли отец Кондрашкин в стрельцах, и бил челом дать грамоту на Лебедянь об отдаче Василисы и «о сносных животах и розыске». Указ о выдаче Львову грамоты последовал 10/11 1694 г., согласно указу 1683 (191) г.³

Перебирая изложенные выше дела о переходах холопов через государственную границу, обращаем внимание на различие в трактовке московской властью холопских побегов в этой опасной пограничной зоне, сравнительно с внутренними районами государства. Относясь,

¹ Арх. Разряда, Моск. ст., № 265, лл. 164—179.

² По ДР кн. И. Б. Львов — в 1693 (201) г. стольник и осадный воевода в Севске.

³ Арх. Разряда, Моск. ст., № 966, л. 117.

как правило, почти безразлично к ловле холопов, бежавших на север, восток и даже юг от столицы, московское правительство круто и горячо борется за борьбу с побегами, если дело касается русско-польского рубежа, так как здесь всегда возникает подозрение политического шпионажа. Там, где в холопских делах вопрос идет о частном интересе, московское правительство склонно держаться политики, если не вполне нейтральной между спорившими из-за холопов владельцами, то, во всяком случае, политики лишь вялого содействия правой, с точки зрения московских законников, стороне. Не то на рубеже: дело сразу переходит в серьезные руки Разряда, и дыба, и кнут, и виселица становятся обязательными мерами воздействия на незадачливых беглецов от холопией неволи.

§ 3. СНОС

Большинство явок о побегах, как и большинство судебных дел о холопах, говорят о сносе имущества и свове домашних животных, учиненных убежавшими холопами и рабами. При обвинениях в подговоре, столь частых между служилыми людьми, тягавшимися о холопах, постоянно фигурирует и обвинение подговорщика в сносе: подговаривая холопа бежать, сманиватель и его люди (так изображают дело жалобщики) имеют обычно в виду и возможность при приеме беглого попользоваться захваченным им у бывшего хозяина добром. Обвиняют в этом друг друга и москвичи (например, Воронцов-Вельяминов — влиятельного и богатого Бороздина, см. гл. III) и люди скромного уездного положения (костромич Петлин — Красенского, там же) и т. д. Перекоры и взаимообвинения наглядно свидетельствуют об уровне правовых понятий и этике холоповладельцев, едва ли в культурном отношении на много возвышавшихся над своими холопами и крестьянами. Обратимся к некоторым наблюдениям относительно стоимости и состава сноса, представляющими известный интерес в бытовом и экономическом смысле. Мы располагаем почти 1 200 заявлениями о побегах, обычно содержащими и заявления о сносе, но, к сожалению, в статистическом смысле комплекс этот очень неполон для охватываемого нашим исследованием полувекового периода. Ежегодно в одной Москве насчитывалось, если исходить из расчетов Записной книги 136 г. и столпцов явок от некоторых полных месяцев, около 1 200 побегов, стало быть, за 50 лет (с 1620 по 1670 гг.) мы должны были бы располагать примерно 72 000 заявлений о побегах, причем весьма важны и показательны были бы колебания общих итогов по годам. Перед нами же одна пятидесятая, если не менее, этого общего количества. Но впредь до возможных новых архивных открытий, исследователю приходится опираться на тот материал, который ныне ему доступен.

Мы имеем:

1624—25 (133) г. 117 явок, сохранившихся в подлиннике или включенных в текст переписки с воеводами, за 1624—25 (133) гг. Явки эти относятся, в большинстве случаев, к жалобам уездных холоповладельцев, направляемым ими в Холопий приказ, или к жалобам московских холоповладельцев, ищущих управы по холопским побегам в своих уездных поместьях и вотчинах.

(№ 40024)

1627 (136) г. Записную явочную книгу московских побегов, зарегистрированных за семь месяцев, от сентября 1627 г. до марта 1628 г. (136 г.), содержащую около 700 заявлений о побегах, частью и не московских.

1639 (148) г. Отрывок из 9 явок от октября 1639 г. до августа 1640 г.¹ (148 г.).

(№ 41616)

1641 (150) г. Отрывок из 7 явок от октября 1641 г. до января 1642 г. (150 г.), но некоторые из них не датированы.

(№ 41700)

1642 (150) г. 79 явок от июля 1642 (150) г.

(№ 41738)

1643 (152) г. 6 явок от сентября 1643 г. до мая 1644 г.

(№ 41781)

1645 (153) г. 44 явки с 3 февраля по 7 апреля 1645 г.

(№ 41850)

1646 (154) г. 91 явка от марта 1646 (154) г.

(№ 41948)

1650 (158) г. 67 явок от августа 1650 (158) г.

(№ 42225)

Обратимся к вопросу о средних цифрах сноса, но заметим, что не все явки содержат заявления о нем, и поэтому часть явок приходится из учета исключить.

По 72 явкам из 133, содержащим заявления о сносе и своде в 1624—25 гг., холопы похитили имущества на 2268 р. 28 ал. 4 д., что дает на один побег-явку среднюю цифру 31.36 р.² Это — средняя стоимость сноса вместе и москвичей и уездных служилых людей, пострадавших при побеге. Разбивая челобитчиков, в тех случаях, когда служебное положение их точно установимо, на группы москвичей (15 чел.) и уездных служилых людей (46 чел.), получим для первых итог 842 р., а для вторых — 1102 р. 5 ал., что дает для первых среднюю цифру на один побег 56.13 р., а для вторых — 23.95 р.

6 явок московских челобитчиков в 1639—40 гг. дают итог 449 р. с полтиной, т. е. на один побег — 74.88 р.

6 явок московских челобитчиков в 1641—42 гг. дают итог 435 р. с полтиной, т. е. на один побег — 72.68 р.

71 явка московских челобитчиков от разных чисел июня 1642 г. дает итог 5049 р. 21 ал. 2 д., а в среднем на челобитчика — 80.14 р. Так как в этот валовой итог 5049 р. входит исключительно большой снос у боярина Бутурлина (500 р.), средняя цифра (при исключении этих 500 р.) по остальным случаям сноса будет равняться 73.36 р.

6 явок от разных месяцев 1643—44 гг. уездных служилых людей и др. лиц (например, попа) дают итог 194 р., т. е. на один побег — 38.8 р.

35 явок москвичей с февраля до апреля 1645 г. дают итог сноса 2310 р., т. е. на один побег — 66 р.

75 явок москвичей от марта 1646 г. дают итог 4776 р., т. е. на один побег — 63.68 р.

57 явок москвичей и уездных челобитчиков от августа 1650 г. дают итог 2797 р., т. е. на одну явку — 49 р.

¹ Нумерация кабал в наших цитатах этой ЗК внесена в приготовленную к печати копию С. Б. Веселовским.

² Для простоты алтыны и деньги переводим в сотые доли рубля, т. е. в современные копейки.

Из сопоставления этих цифр вытекает, что в среднем каждый побег лишал пострадавшего холоповладельца, если он был москвичом, имущества рублей на 60—70, а если он принадлежал к уездному кругу и служил с городом, имущества рублей на 20—30. Так отражалась на размерах сноса разница в имущественном положении муромца или новгородца и дворянина московского, не говоря уже о лицах более высокого служебного положения.

Конечно, это — средние цифры, а цифры реальные, в нам известных случаях, колеблются в громадном диапазоне: от 8 р. 1 гр. тулянина Спиридона Елагина,¹ 7 рублей с полтиной рязанца Дм. Есакова,² 10 руб. с полтиной орленина Ив. Деренского,³ 10 р. с полтиной болховитина Богдана Кривцова⁴ и т. д. до сноса в 500 р. у боярина Мих. Матв. Бутурлина,⁵ и даже —1700 р. у кн. Ивана и Павла Елиз. Ахбуртин-Далмацких, от которых разом сбежало «17 душ».⁶

Последние два случая сноса у Бутурлина и у упомянутых въезжих иностранцев, конечно, исключительны.

Обратимся к составу холопьего сноса и посмотрим случаи типичные.

Вот снос у тулянина Никифора Крюкова, у которого «в 129 (1621) г. на масляной неделе, с понедельника на вторник, в ночи бежал человек кабальный Савка Исаков с женою своею Офросиньцей Григорьевою дочерью да з детьми своими, з девкою Феколкою, прозвище Соколка, да с девкой Оринкой с Тулы из царского жалованья из поместьи с пустоши Улубышевой». Беглецы взяли с собой «лошадь, кобылу кауру с санми и с хомутом, да трой сошники, три косы, два топора, да хлеба на семена 10 четей, овса 5 четей, гречихи 3 осьмины и три осьмины конопли». Беглецы хлеб распродали, равно как и «бочки да кади и избную всякую дворовую посуду». Савка был одет в «серый зипун, бараний кафтан, шапку овчинную под сукном лазоревым, да ноговицы серые, да рукавицы». «На Офросинье было платья — сарафан крашенный, да шапка тофтяная, да шуба баранья одевальная». Свод и снос этих беглецов, перекинувшихся с Тулы на Вологду и там своим господином разысканных, Крюков оценил в 15 р. 1 гр., «опроче хлеба, а хлебу, — прибавлял Крюков, — цену, што ты, государь, укажешь».⁷

Возьмем теперь средние размеры сноса для московского служилого человека.

5/4 1645 г. от кн. Осипа Щербатова сбежал его кабальный человек Федька Григорьев сын Попов, укравший и взявший с собою 30 р. денег, «да на себе платья — кафтан, настрафиль лазорев, нашивка хамьянная долгая, полы подбиты бакою зеленою, цена 5 рублей, шапка сукно багрец червчатой с сободем, цена полтора рубли, кофтан кожной оленей, стеган на бумаге, цена 40 алтын, штаны червчатые, сукно аглинское, цена 20 алтын, сапоги телятинные новые, цена 10 алтын, три рубашки, трое портки, цена рубль, часовник печатной, цена полполтины». Всего снос достигал 39 р. 28 ал. 2 д., а считая и 30-рублевый снос деньгами — 69 р. 28 ал. 2 д.⁸

7/4 1645 г. царицын сын боярский Григ. Степ. Мокринский послал кабального Ивашку с женою Домною и сыном Гришкою в Звенигородский уезд к своему отцу. Кабальные скрылись, уведя «рыжего коня, саврасого мерина, рыжего мерина — цена трем лошадям 20 р.,

¹ № 40024, л. 107.

² № 40024, л. 102.

³ № 40024, л. 75.

⁴ № 40024, л. 237.

⁵ № 41738, л. 54.

⁶ Нерх. Разряда, Моск. ст., № 100, л. л. 84—86.

⁷ № 40024, л. 182.

⁸ № 41850, л. 28.

да два сукна сермяжных, одно белое, другое черное, а по мере их — 45 аршин, цена тем сукнам 4 р. с полтиною». Беглец «снес на себе платя — чекмен серый новый, цена 40 алтын, кафтан шубной, цена рубль, да на жене его платя — шапка камчатая лазоревая, цена полтора rubли, да телогрея крашенинная новая, цена рубль, да сарафан крашенинный новый, цена 26 алтын 4 деньги», — итого, следовательно, снос и свод достигали 30 р. 13 ал. 2 д.¹

У Федора Нащокина² в 1642 г. «июля против двадесятова числа в ночи» бежал конюх черемисин новокрещен Мишка Дмитриев с женой, тоже новокрещеной, черемиской «Поросковицей». Беглец свел «коня, грива налево с отметом, цена 15 р., да взял сносу: узду серебряную с ошейком и с лисиной с поперстью и с похвями,³ цена 12 р. с полтиною, да белова платя шесть сорочек мужских с портками, да восемь сорочек женских, семь скатертей шитых и браных на 14 р. с полтиною». На самом беглеце был кафтан суконный красный, цена 3 р., полукафтаны крашенинные, штаны кожаные, шатка вишневая с пухом, кафтан суконный серый, а на жене его платя — телогрея киндяшная с пухом, телогрея крашенинная, шапка атласная». Сверх того беглецы захватили «четверы сапоги, шуба одевальная баранья. Все платя на холопах Нащокин оценивал в 15 р., а итог сноса — в 57 р.⁴

У Петра Протасьева⁵ из его шацкого поместья бежали три холопа: Петрушка Наумов, прозвище Хапай, да Олешка Володимеров, да Онашка Теребердеев. Холопы «вели стоялых лошадей да везли денежный оброк 56 rubлев». Проехав Коломну, люди эти «стали на стану», и тут Петрушка Наумов сбежал, захватив оброчные деньги 56 р. да коня «вгнеде пега», цена 15 р. Одет он был в зипун лазоревый, цена 3 р., да кафтан киндячный вишнев, цена 2 р., да шапка красная с пухом, цена рубль, штаны голубы, цена 20 алтын, саадак да сабля цена 2 р. с полтиною». За одно Петрушка, оправдававший свое прозвище — Хапай, захватил и у товарищей своих платя и всякой рухляди на 5 р. 13 ал.⁶

Итог петрушкиного сноса достигал 68 р. 17 ал.

У иноземца Антона Дмитр. сына Селунского⁷ сбежала чета кабальных холопов — Васька Федоров с женою Анюткою, захватив «коня бурого, цена 30 р., мерина гнедого, цена 8 р., два седла, седло орчаг татарский, цена полтора rubли, а другому — цена полтина, пицаль винтовальную, цена пицали 40 ал., саблю, цена сабле 20 ал., зипун зеленый, цена 3 р., шапку мужскую червчатую с соболем, а цена шапки 40 ал., летник дорогильный черчатой с вошвы на белом атласе, участок турской, а цена летнику 12 р., шупку киндяшную лазоревую теплую на зайцах, а цена шупке 2 р., да другую шупку, зенденинную черчатую холодную с пухом — 60 ал., шапку женскую атлас черчатый, цена шапке 4 р., да холстов тонких 80 арш., цена полотнам 3 р., да 5 рубашек женских тонких, цена по 30 ал.». «А всево, — подводил итог сам Селунский, — живота моего снесли те мои люди на 73 р. 10 ал.»⁸

¹ № 41850, л. 43.

² Вероятно, Федор Петрович — двор. моск., известный ДР с 1633 по 1651 г.

³ Похви или пахви — название ремня, прикреплявшегося к задней луке седла и петель надевавшегося лошади под хвост. Папърсть или паперсть — ремень или тесьма на груди у лошади.

⁴ № 41738, л. 34.

⁵ Вероятно, Петр Данилович — стольник, воевода в Путивле и Смоленске, известный ДР с 1635 г. по 1655 г.

⁶ № 41738, л. 20.

⁷ Селунские-Солунские — из выезжих греков, двор. моск. Один из них, Ив. Павл. Селунский. — стольник, воевода в Дорогобуже. Антона Селунского ДР не знают. Один Селунский был переводчиком в Посольском приказе. Один из Селунских вел тягбу в Хол приказе, см. гл. III.

⁸ № 41738, л. 24.

Из боровской поместной пустоши Шишеловской от Тимоф. Шепелева¹ 16/7 1642 г. сбежали холопы Архипка, Сеңька, Ивашка, прозвище Сурка, сведшие «коня гнеда, коня чала да аргамака сера, и снесшие пищаль оправную, лядунку-голуб серебряный, с цепью серебряною ж позолочена, да узду оправную с папер(с)тью и с пахви, да седло, да кафтан червчат камчат, нашивка золотная, да шапку бархатную чертату с золотом, испод горло лисье». На себе беглецы снесли платья — по зипуну по черленому суконному, по кожану, по шапке да «по штаном», рассчитывая, вероятно, вырядиться в червчатые камчатные кафтаны и червчатые бархатные с золотом шапки, когда окажутся вне пределов досягаемости для своих бывших господ.²

Возьмем теперь образцы из группы крупных сносов. Так, у жильца Ив. Аф. Овдокимова³ сбежавший от него 28/7 1642 г. кабальный человек Ивашка Федоров Лохтеев с женою Манькою похитили ожерелье женское низаное, «пугвицы золоты, да серьги лалы на золоте, опашень сукно багрец, пугвицы серебряны, летник червчат куфтерь, вошвы шиты золотом и серебром, шапка низаная жемчугом с канителью». По исчислению Овдокимова, едва ли, впрочем, не преувеличенному, беглецы захватили у него всякого добра («платья и низанья») на 230 р.⁴

В явке окольного Мих. Матвеевича Бутурлина⁵ о побеге у него «в ночи» 27/7 1642 г. «старинных робят» Стеньки Федорова да Мишки Сокольниковы, живших у боярина «вверху», т. е. особенно приближенных к нему, он сообщает о громадном сносе в 500 р. К сожалению, явка содержит лишь общее глухое упоминание о «судах серебряных, платьях, ожерелье жемчужном, ружье всяком, пищалах, сабле и саадаках и всякой кузне» без подробного перечисления предметов и их расценки. То же и в явке кн. Д. М. Пожарского о сносе в 300 р. в мае 1634 г.⁶ Нет подробных данных и в явке о громадном сносе в размере 1700 р. у князей Ахбуртин-Далмацких. Явка лишь глухо гласит, что их люди Якушка, Опашка, Емелька, да девка Фетиньца, и их отец Федька, прозвище Волк, с женою Танькою, да девка Манька, да Дениска, да Сенька, да Гришка, да Галахтионка, с женами и детьми — «всего 17 душ», сбежали из Москвы. «Подломав сундуки и ларцы, они снесли денег, и золотые, и серебряные и служивые рухляди», и свели лошадей — всего на 1700 р., «а те люди, — прибавляли в своей челобитной князья Иван да Павел Елизарьевы дети Ахбуртин-Далмацкие, — наши у нас крепостные». По подозрению потерпевших, беглецы направились в Галицкий уезд, куда и была послана погонная грамота. Размеры этого исключительно большого сноса приходится оставить на совести въезжих иностранцев, у которых был, очевидно, известный интерес не преуменьшать, а скорее преувеличивать внушительность произведенных у них хищений.⁷

Остановимся на сносе у одной из групп холоподержателей, имевших особый вес в московском приказном мире и в значительной степени влиявших на постановку холопского вопроса вообще, — мы имеем в виду группу дьяков и подьячих.

Подьячий Андр. Шахов получил в 1645 г. с патриаршего двора жену своего кабального Савки Аринку, с поручной записью предста-

¹ Тим. Ив. Шепелев, прозвище Закурдай, — стрелецкий голова.

² № 41738, л. 32.

³ ДР знают только одного Овдокимова (Евдокимова) — Петра, посла в Турцию и дьяка в Астрахани в 1614—1638 гг.

⁴ № 41738, л. 63.

⁵ Мих. Матв. Бутурлин — двор. моск., стольник, потом окольный, полк. воевода под Смоленском (1617 г.), воевода в Путивле и на Туле. Известен ДР с 1613 по 1648 г. Два его брата, Иван и Федор, тоже воеводы.

⁶ Арх. Разряда, Моск. ст., № 100, л. 50.

⁷ Арх. Разряда, Моск. ст., № 100, лл. 83—86.

вить ее, «как тое женки (у него) спросят», потому что Савка женился в бегах на крестьянской дочери новгородца Леонтия Лупандина. 4 апреля 1653 г. «в ночи» Лупандин подослал к московскому двору Шахова людей, которые, «подговоря», и выкрали Арину. Убегая, Арина снесла у подьячего «денег, и платья, и всякие ларечные кузни на 95 р. с полтиною», т. е. на сумму, раза в полтора превышавшую средний снос у лиц московского списка.¹

У подьячего Вас. Шпикина бежавшая 1/7 1642 г. с его московского двора кабальная девка Анютка снесла денег, и платья, и «всякие рухляди» на 291 р.²

А вот картина благоприобретенных достатков подьячего Устюжской чети Федора Малыгина.³ 12/3 1646 г. от него сбежал его кабальный человек Ивашка Богданов, снесший «шкатулку литовскую, оковану железом, а в шкатуле было живота его денег 60 р., да десять чарок медных, чашка серебряная, да две чарки винных, одна со чернью, другая гладкая, до стакан кизыльбашский каменный, крюк серебряный с тесьмою, тесьма шита золотом, вершок шапочной женской низан жемчугом с камнем, 10 ложек репчатых, оправлены серебром, да 5 чутреев, оправлены ж, перстень серебрян, а в нем камень котовик и иная серебряная и персневая кузнь», — но и Малыгин почему-то не дает итога. В той же «шкатуле» были: кабала отпускная, купчая на московский двор, купчая на пистолы, купчая на коня, на мерина и иные крепости. Проворный подьячий при содействии властей каширского Белопесоцкого монастыря через 2 недели беглецов словил и часть своих бумаг, — но не вещей, зарытых в снег на берегу Москвы-реки, — разыскал.⁴

Подьячий Семен Васильевич являл о сносе на сумму 30 р. 7 ал.;⁵ подьячий из Приказа сбора ратных людей Никифор Иванов — о сносе девкой Марфуткой на сумму 44 р.;⁶ у подьячего приказа Большого дворца Алексея Посникова 16/3 1646 г. сбежал его кабальный человек Ивашка с женою и двумя дочерьми, захватив пару лошадей с седлами, уздами и всякого имущества, — всего на 105 р. с полтиною;⁷ подьячий приказа Большого дворца Кузьма Мошнин являл о сносе его беглым кабальным всякого добра на сумму 39 р. с четвертью и т. д.

Дьяк Андрей Строев (фигура в 1630-х и 1640-х гг. в Москве очень заметная) сообщал в своей явке, что 22/3 1646 г. от него сбежал «изутра» его кабальный человек Матюшка Константинов, взломавший подголовок дьяка (обычное место хранения ценностей и документов у людей того времени) и захвативший «30 р. денег, 10 золотников жемчугу по 2 р. золотник, две чарки серебряные, медвенные, цена 5 р., да платья всякого: кафтан камчат зелен, нашивки шолк, золотом на снурке, цена 10 р., шапка бархатная червчатая, испод горлатный, петли жемчужные, цена 8 р. 20 ал.». На беглеце было платье — «однорядка лазоревая, цена 3 р., кафтан шубной под крашениною зеленою, цена полтора рубли, кожан, цена 2 ал., шапка сукно вишнево, испод куний, цена полтина, сапоги телятинные, цена 10 ал.», — а всего Матюшка «взял и снес» на 79 р. 16 ал. 4 д., — с замечательной аккуратностью и, повидимому, деловой точностью оценил старый дьяк.⁸

¹ № 41850, л. 36.

² № 41738, л. 10.

³ Если это Фед. Игн. Малыгин, то он был впоследствии воеводой. Малыгины — служилый род (ДР).

⁴ № 41948, лл. 31 и 90.

⁵ Там же, л. 51.

⁶ Там же, л. 67.

⁷ № 41948, л. 72. У этого Посникова незадолго перед тем, 15/6 1645 г., выкрали 10-летнего «кабального малого», сына только что упомянутого Ивашки.

⁸ № 41948, л. 78.

Месяц	№ записей явок	Дьяки и подьячие ¹	Число сбежавших холопов	Снос
Сентябрь	7	Под. Кирилл Анфиногенов .	2	25 р.
	56	Под. Влад. суд. приказа Феоктист Тихомиров	1	30 р. с полт.
	60	Под. Казан. дворца Александр Дуров	4	52 р. с полт.
	62	Под. Поместн. приказа Поник Деменьтьев	1	14 р. 16 ал. 4 д.
Октябрь	75	Под. Исай Дубинин	2	50 р. с полт.
	98	Под. Больш. дворца Богдан Лихвищев	1	47 р. 8 ал. 2 д.
	108	Дьяк патриарха Филарета Афанасий Максимов	1	Конь и т. д., без цены
	113	Под. Галиц. чети Дмитрий Махалов	1	23 р. с полт. и кобыла
	114	Под. Лука Сурмин (Суздаль)	3	глухо: «животы»
	120	Под. Больш. прихода Алексея Бобанин	1	список, без цены
	121	Под. Панского приказа Степан Чицын	1	29 р. 27 ал. 4 д.
	122	Под. Разряда Михаил Волошенинов, с 1645 г. — думный дьяк, сидевший в Разряде и в Посольском приказе (см. ниже № 438)	1	35 р.
	125	Под. Разб. приказа Петр Самсонов	2	4 р. с полт.
	135	Дьяк Стрелец. приказа Иван Третьимов	1 каб. женка, «задуша сыночка своего»	3 р. с полт. и вещи
	141	Под. Больш. дворца Петр Кондратьев	1	52 р. с полт.
	142	Под. Устюж. чети Антип Васильев ²	—	—
	146	Под. Разряда Семен Софонов	1	—
	147	Под. Казан. дворца Герасим Лавров	1	30 р. и платье
	155	Под. Василий Прокофьев	1	43 р. 18 ал. 4 д.
	157	Стряпчий малого погреба Федор Шишкин	8	75 р. с полт.
	158	Дьяк «на Казенном дворе», в Поместн. приказе и т. д. Иван Переносов	1	14 р. с полт.
	168	Дьяк Челоб. приказа Василий Волков	1	55 р. с полт.
Ноябрь	169	Под. Калина Страхов	1	35 р. с полт.
	181	Под. Казан. дворца Второй Шарапов	2	102 р. и платье на беглецах
	206	Под. Влад. суд. приказа Андрей Русанов	1	23 р. 10 ал. и деловые бумаги
	218	Под. Сыских дел Петр Степанов	2	—
	222	Дьяк Иван Трофимов	1	24 р. с полт.
	224	Под. Новг. чети Филипп Есипов	2	7 р. с полт.

¹ К дьякам и подьячим относим и мелких дворцовых служителей, вроде сытников, подключников и т. д.

² Жалоба на вдову Настасью, не желавшую дать на себя кабалу.

Месяц	№ записей явок	Дьяки и подьячие	Число сбежавших холопов	Снос
Ноябрь	225	Под. Герасим Михайлов	1	20 р. с полт.
	232	Под. Поместн. приказа Максим Козлов	1	«В 15 в 5 р. с полт.» (20 р. с полт.)
	239	Стряпч. Сытн. дворца Шум. Протасьев	1	37 р. 13 ал. 4 д.
Декабрь	257	Под. Дворц. приказа Василий Ротаев	1	55 р. с полт.
	281	Под. Земск. приказа Кузьма Поликарпов	1	38 р. с полт.
	287	Под. Разряда Родион Зама-рин	1 ¹	20 р. с полт.
	288	Под. Ямск. приказа Иван Ключарев	1	—
	298	Стряпч. Хлебн. дворца Иван Осенин	1	68 р. 28 ал. 2 д.
	311	Под. Казан. дворца Федор Васильев	1	70 р. с полт.
	312	Под. Стрелецк. приказа Иван Коратыгин	1	30 р. 24 ал. 4
	338	Стряпч. Сытн. дворца Кон-стантин Лихачев	2	49 р. с полт.
Январь	349	Под. Иван Глазов	1	30 р. с полт.
	351	Под. Больш. дворца Федор Титов	2 ²	55 р. с полт.
	374	Под. Разряда Осип Васильев	1	32 р. с полт.
	384	Под. Ямск. приказа Федор Цвилленев	1	39 р. с полт.
	389	Дьяк на Патр. дворе Федор Рагозин	1	50 р.
	402	Под. Поместн. приказа Дру-жина Агарков	3	57 р. с полт. и 20 ведер вина
	405	Дьяк патриарший Афанасий Максимов	1	5 р. с полт. и «без перечня»
	406	Под. Влад. чети Данила Жда-нов	1	50 р. с полт.
	407	Под. Посольск. приказа Фи-липп Никитин	1	10 р. с полт.
	418	Под. Разряда Степ. Кудряв-цев (впоследствии дьяк в приказах и в Казани) . . .	1	30 р. 10 ал.
	422	Дьяк Больш. дворца Максим Чирков (см. № 436)	1	62 р. 3 ал.
	433	Под. Новг. чети Исаак Семио-нов	1	40 р. с полт.
	436	Дьяк Больш. дворца Максим Чирков (см. № 422)	1	24 р. 27 ал. 2 д.
	438	Под. Разряда Михаил Воло-шенинов (см. № 122)	2	75 р. 28 ал. 2 д.
	444	Крестовый дьяк Гаврила Пар-фенов	1	11 р. с полт.
Февраль	447	Под. Помест. приказа Иван Ковелин	1	3 р. 1 гр.
Февраль	502	Под. Василий Проксфьев (впоследствии дьяк)	1	35 р. 10 ал.
	538	Дьяк Иван Митусов	1	14 р. 30 ал.

¹ Согласно явке подьячего, бежавшая от него Варька перед побегом «испор-тила жену его разными болезнями».

² «Вольные манили кабалой и сбежали не дав ее».

Месяц	№ записей явоч	Дьяки и подьячие	Число сбежавших холопов	Снос
Март	541	Подключник Корм. дворца Алексей Шапилов	1	глухо: «животы»
	545	Под. Казан. дворца Исак Кудрин (впоследствии дьяк в Казани, на Зем. дворе и в Вязьме)	2	15 р. с полт.
	548	Дьяк Александр Иванов	16	95 р.
	549	Под. Стрелецк. приказа Никита Олферов	1	глухо: «снос»
	582	Под. Разряда Дзрофей Пустыльников (впоследствии дьяк)	3	71 р. 14 ал. 2 д.
	589	Под. Федор Посников (впоследствии дьяк)	4	35 р. с полт.
	590	Под. Казан. дворца Антип Пестриков	1	55 р.
	605	Под. Помест. приказа Яков Девятов	1	30 р. и бумаги
	611	Под. Разряда Иван Северов (впоследствии дьяк)	1	15 р. с полт.
	617	Сытник Семен Жертин	8	50 р. с полт.
	637	Под. Хлебн. дворца Петр Самсонов	1	32 р. с полт.
	639	Стряпч. Хлебн. дворца Афанасий Протасьев	2	11 р. с полт.
	657	Думн. дьяк Томила Луговской	1	глухо: «снос»
	659	Под. Челоб. приказа Афанасий Стогов	(его брат 13 лет)	22 р. 25 ал.
	709	Ездовой под. Савин Завесин	6	55 р. 22 ал.
	717	Под. Степ. Лавров	1	—

Если мы выделим из текста Записной книги 136 г. всех подьячих и дьяков, бивших челом о побегах и о сносе имущества, за первые семь месяцев 136 г. (сентябрь 1627 г. — март 1628 г.), то сможем сделать ряд наблюдений, существенных для оценки заинтересованности в холопьем вопросе московской приказной бюрократии, дьякови и подьячих.

Выключая тех дьяков и подьячих, которые совсем не показали ценности сноса, получим на 61 лицо итог сноса, равный 2254 р. 18 ал., что в среднем на одного пострадавшего дает 37 р., т. е. цифру, уже значительно поднявшуюся над цифрой стоимости сноса у городского дворянина и приближающуюся к средней цифре сноса у служилого человека по московскому списку. Это говорит о нарастающем благополучии московского приказного люда, возбуждавшем зависть и негодование в рядовом уездном служилом человеке. Домашняя обстановка московского подьячего такова, что холоп, убегая, может пожить у него почти таким же количеством добра, как и у дворянина московского или стольника. С другой стороны, в среднем на каждого пострадавшего от побега подьячего приходится 1,8 беглого холопа, — это показывает, что в своем дворе даже подьячий был обычно окружен изрядным количеством закабаленных им лиц и нет ничего удивительного в том, что в доме такого средней руки дьяка, как Григорий Пятово (дело которого подробно изложено в гл. VI) был целый сонм домашней прислуги. Обзаведение домом, лошадьми, коровами и холопами было, надо думать, первым шагом к устройению благополучия со стороны лица, внедрявшегося в Москву в XVI и XVII вв. В XVIII в. холопов сменяют их юридические потомки — крепостные дворовые.

Изучая по Записной книге 136 г. соотношение между числом побегов и количествами сносов за 7 месяцев в хронологическом порядке, получим такую картину:

Месяц год	Число побегов и сумма сноса и свода	Общее число сбежавших холопов	Число холопов, бежавших с по-казанным сно-сом и сводом	Приходится сноса и свода за данный месяц в рублях	
				На 1 случай побега	На 1 холопа рабу
Сентябрь 1627	При 64 побегах 2825 р., 6 ал. 4 д.	171	128	44.1	22
Октябрь 1627	При 54 побегах 2001 р. 13 ал.	127	120	37	16.6
Ноябрь 1627	При 49 побегах 2126 р. 2 д.	108	82	43.3	25.9
Декабрь 1627	При 39 побегах 2132 р. 15 ал. 5 д.	120	102	54.6	20.9
Январь 1628	При 89 побегах 3742 р. 20 ал. 1 д.	196	156	42	24
Февраль 1628	При 83 побегах 3734 р. 22 ал. 1 д.	248	206	45	18.1
Март 1628	При 103 побегах 4411 р. 2 ал. 4 д.	274	237	42.8	18.6

Общий итог убежавших холопов по городу Москве (включая немногочисленные побеги под самой Москвой) за эти семь месяцев (из них 4 холодных) равняется 1244 чел. Из этих 1244 чел. 1031 чел. показан в явках владельцев унесшим снос, в общем итоге равный 20973 р. 15 ал. 1 д.

Колебания в количестве побегов довольно явственно связаны с климатическими условиями: холодные месяцы, октябрь и особенно ноябрь — декабрь, сокращают количество сбежавших холопов, сравнительно с сентябрем, до 63 %, а надежда на тепло в январе дает сразу крутой подъем, сравнительно с ноябрем, почти вдвое. Февраль обгоняет ноябрьские цифры уже в два с половиною раза, а лучи мартовского солнца, несмотря на распутицу и зажоры, побуждают холопов искать воли так стремительно, что мартовская цифра поднимается над февральской еще на 26 чел.

Другой ряд наблюдений показывает, что предусмотрительные беглецы холодных месяцев убегают, запасшись хозяйскими или своими вещами (потом именуемыми в явках все равно хозяйским сносом) в большем количестве, чем они делают это в теплые месяцы. Так, в октябре снос на одного холопа равняется 16.6 р., в ноябре — 25.9 р., в декабре — 20.9 р., в январе — 24 р., а в феврале и марте он падает до 18 р. Бежать в ноябре — декабре можно было лишь имея шубы, а главное — лошадей и сани, так как пешком по морозу и вьюге холоп далеко уйти не мог.

Но, хотя размеры сноса на 1 холопа с февраля заметно сокращаются, размеры сноса на один побег возрастают, — признак того, что холопы бегут дружнее, семьями, с детьми, а не в одиночку, как бежали в зимние месяцы. Вот почему цифры сноса на побег и на беглеца относительно сближаются: в декабре на 1 беглеца приходится в среднем 20.9 р. сноса при 54.6 р. на один случай побега (т. е. 36 % от средней стоимости сноса), а в январе — 24 р. при 42 р. на один случай побега (т. е. 57 % от средней стоимости сноса).

ГЛАВА V

БОРЬБА ХОЛОПОВ ЗА СВОЮ СВОБОДУ

Изучая понимание и толкование людьми XVII в. холопского права, необходимо остановиться на наиболее важных и, вместе с тем, наиболее трудных вопросах о том, как реагировали на специально-юридическую сторону дела сами холопы, какие мотивы они при этом выдвигали и развивали, какую позицию в правовом смысле занимали и как ее защищали. Ответить на эти вопросы мы можем только по материалу очень немногих дел, показательных в этом смысле, ибо голоса самих холопов долетают до нас смутно, как приглушенный стон жертвы, сдавленной в застенке своими порабощателями. К сожалению, для изображения юридической борьбы холопов с господами мы располагаем в сохранившихся документах сравнительно небогатым материалом. Среди уцелевших полностью или в отрывках в архивном наследии Холопского приказа полутора сотен процессов, эту сторону дела освещают только четыре, изложение которых и составит содержание настоящей главы. Эти четыре дела (холопов Хомутова — Плужникова и дьяка Григория Пятово, холопов Скорлатовых и Жидовинова, пушкаря Данилы и Лодыгиных и холопов Грачевых и Телегиных — Зыковых) являются самыми полными по сохранности и наиболее богатыми бытовыми красками. Названные сейчас тяжбы, быть может, даже ярче, чем сухая статистическая схема, отразят общую настроенность эпохи и характер правовых отношений в данной сфере, тем более, что все они приходятся как раз на конец 1640-х годов, — самый боевой момент в развитии социальных отношений Московского государства.

§ 1. ДЕЛО ХОЛОПОВ ХОМУТОВА — ПЛУЖНИКОВА И ДЬЯКА ГРИГОРИЯ ПЯТОВО

Дело о беглых холопах дьяка Григория Пятово,¹ разгоревшееся в тревожные дни января 1649 г., является любопытным сочетанием политических и бытовых черт холопского вопроса.

Закончился бурный 1648-й год, и в октябре — декабре съехавшиеся в Москву выборные Земского собора слушали чтение заготовленного в июле — сентябре текста нового Уложения. С конца января присту-

¹ Дьяк Григорий Диевич (в деле — Деевич) Пятово известен ДР в качестве дьяка с 1637 г. В 1638 г. за ним числилось 6 дв. (Кн. по Галичу № 4, л. 295). Из одного разрядного дела узнаем о его хозяйственных неладах с племянником Мих. Селунским (Арх. Разряда, Влад. ст., № 85, II). Но вообще это фигура в приказном мире мало заметная. Пятово, кажется, исконные служилые дмитровцы (АМГ., т. III, стр. 270).

лили к его печатанию, продолжавшемуся почти до июня месяца 1649 г.

Дело холопов дьяка Пятово подняло тревогу во дворце и должно было заставить много говорить о себе в тогдашней официальной и правительственной Москве. Процесс начался следующим образом.

2/1 ц. Алексею была подана челобитная дьяком Григорием Пятово, сообщившая государю, что из дмитровской деревни дьяка в ночь на 1 января побежали два его холопа, Мартынка Хомутов да Пронька Плужников. Явившись в Москву «из утра в заутрени» (т. е. в заутреню), холопы прислали к Григорию его духовного отца предотецкого¹ попа Кирилла. «А велели гему (так!) мне говорить, — доносил дьяк, — чтоб мне гих (так!) отпустить на волю и дати гим (так!) отпускные; а будет де нас не отпустит, и нам де на него извещать государю. А я, х. т., — прибавлял испуганно Григорий, — на себя (так!) никакова дела не делаю». Дьяк просил: «тех моих людей взять и роспросить, где ты, государь, укажешь». Должно быть от волнения, дьяк написал свой извет с совершенно невероятными в его профессии орфографическими ошибками.

Царем Алексеем дело это было поручено Сыскному приказу в составе окольничего кн. Фед. Фед. Волконского и дьяка Мины Грязева,² т. е. лицам, занимавшим в Москве очень видное положение. Волконский и Грязев распорядились немедленно послать за предтеченским попом Кириллом пристава и стрельцов и поставить его в Приказе. Пристав и стрельцы быстро привели в Приказ не только попа, но и обоих холопов дьяка, Плужникова и Хомутова, и объяснили: «Как де они того попа Кирила взяли и привели в город, и он де, поп, указал им тех Григорьевых людей, Мартинка и Проньку, на площади позади церкви князя Михаила Черниговского и велел им их взять в Приказ, и они их взяли и привели». Окольничий кн. Ф. Ф. Волконский да дьяк Мина Грязев взялись тогда за Григория Пятово и, «поставя» самого дьяка в Приказе, приступили к его допросу.

Григорий показал, что ему сказана «государева служба, велено быть во Твери с окольничим со кн. Ив. Ив. Ромодановским для розбору дворян и детей боярских». Собираясь в эту командировку, он и послал в свою дмитровскую вотчину, сельцо Подлипище, своих людей Проньку и Мартынку «готовить запас». Сбежав из вотчины, люди эти явились в Москву. Что они натворили в Подлипище, дьяк, по его словам, еще не знал, но когда к нему весть будет из Подлипища, он и учнет бить челом на них.

От допроса Пятово Волконский и Грязев перешли к допросу попа Кирилла. Поп Кирилл «по священству», т. е. без присяги, показал, что за час до свету, идя после заутрени из церкви Ивана Предтечи к своему двору, он увидел стоявших в темноте около его двора Проньку и Мартынку. Они начали ему «кланяться до земли и говорить: Есть де за ними на Григорья Пятово государево дело, и чтоб он, поп Кирило, к Григорью сходил и поговорил ему, чтобы Григорей отпустил их,

¹ Предтецким (зм. предтеченским) дьяк Григорий называет попа, вероятно, тоже от растерянности.

² Кн. Ф. Ф. Волконский, по прозвищу Марин, известен ДР с 1620 (128) г. как рында, стольник, окольничий, боярин, воевода в Михайлове, на Ливнах, на Валуйке, в Путивле, в Астрахани, в Киеве. Он сидел в Челобитном приказе (1634—1639 гг.), был межевым судьей (1637 г.), носил титул заместника, сначала калужского, а потом муромского, позже галицкого, бывал на посольских съездах. Но всего более он известен как член коллегии, составившей Уложение. В 1648—49 гг., в возрасте лет 50, он занимал одно из первых мест в государстве. В 1638 г. у него значилось 125 дв. (Кн. по Москве № 2, л. 28). Его не следует смешивать с другим кн. Фед. Фед. Волконским, так называемым Шерихой.

Мина Грязев известен ДР в качестве дьяка с 1634 (142) г.; он был посылаем в Персию и служил дьяком на Валуйке, в Путивле и в Казани. В 1638 г. у Мины было 108 дв. (Кн. по Галичу № 4, л. 281).

Мартинка и Пронька, от себя ис холопства; на волю и дал бы отпускные, и им де до него, Григорья, и дела нет, и никакова ему дурна не учинят; а будет де их не отпустит, и они на Григорья учнут извещать», т. е. донесут. Услышав про план шантажа, поп Кирилл, несмотря на неожиданность встречи и разговора, сразу нашелся и поступил как опытный провокатор: он согласился с их планом, быть может, даже похвалил их, принял предложение пойти к Григорию и поговорить с ним на эту щекотливую тему и спросил их, где они ныне живут и как их сыскать, чтобы передать им ответ Григория. Пронька и Мартынка в простоте своих холопских душ сказали ему, что они «пристают у двора боярина Б. И. Морозова,¹ где у Мартына Хомутова жил дядя. Из осторожности Мартын этого дяди по имени не назвал.² Поп Кирилл немедленно отправился к Григорию, передал ему ультиматум Проньки и Мартынки и, в качестве духовника, счел нужным, на всякий случай, спросить дьяка: «Нет ли какие вины его перед государем, не опростовался ли в чем, и будет какая вина есть, и он бы ему, попу, сказал в духовней».

Дьяк Григорий от этого неожиданного посещения попа Кирилла ранним зимним утром видимо струхнул. Он ответил, что никакой своей вины перед государем не знает, «разве де люди его то в какое дело вменяют: ноги де у него, Григорья, больны, и он де ноги свои лечит, прикладывает к ним масти, а волшебства де и шептанья никакова не бывало». Дьяк, как видим, сразу понял, на что могут бить холопы, хорошо знавшие его домашний обиход. Перетрусивший дьяк готов был даже идти на компромисс и развязаться с бескойными холопами; но с известной осторожностью, долженствующей прикрыть его испуг, сказал попу Кириллу: «А те де ему, Григорью, люди не нужны, потому — воровства их много, и ныне де недавно бил он их кнутом; и они бы де съездили ныне с ним на службу (в Тверь), — выразил мягкое пожелание Григорий, — а с службы приехав, и он их и отпустит. А воры де они великие и тати!».

Верный своей агентурной миссии, поп Кирилл проследовал «с тем словом, что Григорей ему сказал», на площадь к палатам боярина Морозова, где его ждали доверчивые холопы. Но Пронька и Мартынка, услышав от попа про неожиданную уступчивость своего «боярина», объявили парламентарю, «чтоб им Григорей дал отпускные ныне, а на службу де они с ним не едут, ждать де им тово долго, как ему служба минетца». Когда Кирилл осторожно задал им вопрос о том, какое они ведают на Григория дело, о котором хотят извещать государю, Мартын рассказал попу, что минувшей осенью (1648 г.) Григорий ездил в свою кашинскую деревню и там призывал к себе мужика «и пил у того мужика воду в мыльне наодине, а человека (т. е. холопа) в те поры из мыльни выслал вон». Мужика, бывшего с дьяком в бане, Мартынка по имени почему-то не назвал. Пронька, со своей стороны, показал попу не то корень, не то траву в бумажке, врученные ему этим таинственным мужиком, сказавшим, что такой же корень он давал и самому Григорию. Что Григорий с этим корнем делал, Пронька объяснить не мог. Пронька прибавил, что они и еще бы пожили у Григория, да оставаться им у него больше никак нельзя потому, что у него есть человек Федька Артемьев, «ведун великой, крест носит под пятою, — а Григорий про то ведает ли, того де ему, попу, Пронька не сказал». После этих показаний поп Кирилл был отпущен. По его собственному предложению, при его встрече с холопами за ним издали должны были следовать переодетые приставы для того, чтобы в условленном месте схватить Григорьевых холопов, —

¹ Тогда еще бывшего в защитной ссылке на Белоозере, куда он скрылся от восстания 1648 г.

² Из дальнейшего (л. 10) видно, что дядей Мартына был конюх Петрушка Павлов.

что полицейские в точности и выполнили. Своими показаниями поп Кирилл скомпрометировал Григория Пятово. Сведения, им сообщенные, были скудны и темны, но в те времена, особенно после встряски 1648 г. и при свежем воспоминании про недалекое (1642 г.) дело о порче матери ц. Алексея, этого материала было уже достаточно для того, чтобы поставить дьяка в трудное положение.

Расспросив попа Кирилла, следователи взялись за самих холопов. Поставленный к допросу Мартын описал обстоятельства, предшествовавшие их бегству из Подлипичья.¹ 31/12 дьяк послал их туда с рухлядью на крестьянских подводах. Сдав рухлядь старосте и ключнице и увидав, что Григорьева дворня вечером распяньствовалась, «люди запились» (надо думать, что и Мартын и Пронька тоже не удалились от веселой компании гуляющих холопов), они решили бежать; взяли из стойла двух лошадей («конь рыж да жеребец гнед») с седлами, да захватили пистолет и саблю, — «а иных де Григорьевых никаких животов не взяли», — и помчались с пьяных глаз в Москву «извещать государю на Григорья Пятово». Ничего нового, сравнительно с показаниями попа Кирилла, Мартынка следователям не сообщил, кроме фразы, прибавленной холопами к ультиматуму, переданному через попа Кирилла дьяку Григорию, и осторожно попом пропущенной: «Чтобы сходил к Григорью и поговорил ему об них, чтоб их пожаловал: наги де и боси они; а только не пожалует, и он бы их отпустил на волю и дал бы им отпускные; а будет не опустит, и оне де учнут на него государю извещать». Не застав Мартынова дяди во дворе боярина Морозова, — им сказали, что он «в деревне», — они поскакали к знакомому наводчику Кириллу на двор Оружейной палаты за Покровскими воротами. С наводчиком Кириллом они «ничего не говорили», к вечеру от него съехали и стали за Покровскими же воротами у названного брата Проньки, имени которого Мартын не знал, и которого посвящать в свои дела они тоже не стали. Едва ли мы поверим молчаливости холопов, скорее другое: Мартын не хотел запутывать в свое отчаянное предприятие совершенно случайных людей, дававших ему временный приют во время пьяных скитаний по Москве. При своем бегстве из Подлипичья холопы никакого зла Григорьевой жене не сделали, а лошади, на которых они усакаали, были сданы ими названному брату Проньки.

Мартын, спрошенный непосредственно про то государево дело, о котором он хотел извещать, показал следующее. Осенью (1648 г.) под Покров,² когда «государю был поход в Троецкой монастырь», Григорий был у себя в Подлипижье и приводил к себе волжинского крестьянина Тимошку из вотчины боярина Мих. Мих. Салтыкова, — «а чей сын, того не ведает»; «и тот де мужик орал у него двор в ночи и сеял овсом; а сказывал: межа де у тебя во дворе, и для того лошади не ведутца». Все это, по показаниям Мартына, он узнал со слов Проньки, который сам получил от неизвестного мужика некий корень. На знаменьев день³ в ту же минувшую осень Григорий был в своей кашинской деревне Понешневе. Находясь там, он приводил к себе мужика из Углицкого уезда из вотчины Троицы-Сергиева монастыря, Фомку Семенова; «и имал того мужика к себе в мыльню, и клал в воду кресты, и с тех крестов ево, Григорья, тою водою обдавал, а над тою водою мужик шептал». Об этом Мартыну рассказал малый Гришка Иванов, высланный из бани, когда врачующий Григория троцкий мужик окатил его водой. «А после того что делали, того неведомо, — плел околесицу Мартынка, — и немалое де время помешкав,

¹ Подлипижье примыкает к г. Дмитрову.

² Т. е. 1 октября по ст. с.

³ Т. е. 27 ноября по ст. с.

(Григорий) опять тому малому велел в мыльню войти; а ныне де тот малой на Москве у Григорья на дворе». Мартын показал также, что другой холоп Пятово, Петрушка Федоров, «тому де года з 2 или с 3», ездил в Углицкий уезд в вотчину Новоспасского монастыря за мужиком ведуном, имени которого он не ведает; «и жил де тот мужик у Григорья многое время, и ел и пил с ним, з Григорьем». Как его зовут, должен знать Петрушка, провожавший мужика к Григорию и от Григория. Надсаживаясь в изобретении показаний, Мартынка прибавил подробность, любопытную для нас в бытовом смысле. Весной 1648 г., незадолго до того времени, «как на Москве был пожар и мятеж», женка Татьяна из дмитровской Борисоглебской слободы сказывала дьяку Григорию про крестьянина той же Борисоглебской слободы по имени Кузьку Крючка, что «тот мужик — ведун, людей портит». «И Григорий де, услыша такие ее речи, написал челобитную и послал к государю к Москве с человеком своим с Ондрюшкою Микитиным сыном Чюком». Челобитная не дошла будто бы потому, что колдуну удалось во время подкупить Григория, чтобы он челобитной не посылал. Андрюшка челобитной не подал, а привез ее к Григорию обратно; но почему он вернул письмо, было ли на то письменное или словесное приказание Григория, этого Мартын сказать не мог. «А иных де дел на Григорья никаких он, Мартынка, не ведает», — заканчивал Мартын свои вздорные показания.

Отчаявшись добиться от него толку, следователи задали ему еще один вопрос: Пронька говорил попу Кириллу, «что Григорьев человек Федька Ортемьев ведун великой и носит крест под пятою, — он то ведает ли?». Мартынка отвечал: «Сказывал про такое дело попу товарищ ево Пронька, что Григорьев человек Федька Ортемьев волхв великой и крест носит под пятою, а он де, Мартынка, того не ведает».

«И того же часу, — продолжает протокол, — окольничей кн. Ф. Ф. Волконский да дияк Мина Грязев Григорьева человека Пятово Проньку Плужникова против ево, Григорьевы, челобитной и против поповых Кириловых и Мартинковых речей допрашивали». Пронька, повторив рассказ Мартынки о бегстве из Подлипичья, дал совершенно иные показания относительно их беседы с Кириллом: никаких разговоров об отпуске их из холопства с попом они не вели, а только поручили попу предупредить Григория: «Есть де за ними государево великое дело, и станут де они на него, Григорья, государю извещать, чтоб он готовился отвечать; а об отпуске де они попу не говаривали и к Григорию того с попом не приказывали», а только назначили ему свиданье на площади за церковью кн. Михаила Черниговского. «Поп де с ними сшелся тут на площади и велел их приставам взять, а никаких речей поп с ними и они с попом не говаривали». На вопрос следователей о том, «какое он дело на Григорья Пятово ведает и хотел извещать», Пронька показал, что «Григорей де Пятово с ведунами пьет и ест», — и потом повторил уже изложенную версию Мартынки: «В нынешнюю де осень перед сергиевою памятью» он принимал мужика ведуна Тимошку Клементьева, и мужик пробыл у него «вверху»¹ 2 или 3 дня, а потом Григорий поехал к государю в Троицкий монастырь; «а после де того в заморозы, а которого числа того не ведает, как Григорей приехал ис Троицкого монастыря, и тот же де мужик к Григорию приезжал и орал двор, и сеял овсом Григорьев староста Васька Макаров, а лошадь водил в сохе Григорьев человек Федька Ортемьев, а для чево делали, того он не ведает». «И он де, Пронька, видя то, что мужик ведун, просил у него такова надобья (так!), чтоб ево боярин Григорей жаловал. И мужик де показал ему коренья и трав узол с шапку и, выняв ис того узла корень да щепоть мелкой травы, дал ему, Проньке, и ве-

¹ Т. е. в покоех дьяка.

дел ему траву пить в воде и в пиве, а корень носить на вороту, — ино де боярин будет к тебе добр. И он де траву в воде пил, а корень носил на вороту, и он мало от того и не умер, стал живот болеть, да и боярин де его после того лекарства кнутом бил, привязав к сохе. И он де, Пронька, ему, мужику, говорил: что де ты дал мне траву и корень, и я де траву в воде пил и корень на себе носил и мало от того не умер, да меня ж боярин бил кнутом! И тот де Тимошка сказал ему: вы де в те ж сани хотите садитца, в которых боярин ваш ездит». Пронька прибавил: «ныне тому год», как Григорий посылал человека своего Петрушку Федорова на Углич за мужиком ведуном. Мужика этого привозили в Подлиптичье, и он жил у Григория «вверху». «А что тот мужик у Григорья в горнице делал, того (Пронька) не ведает, а только того мужика они видали: как выдет ис хором на двор, и по двору ходит вкруг, положи левую руку локтем на правую свою руку на долонь».¹ Отвозил мужика Петрушка Федоров; «а дал де тому мужику Григорей шубу да 40 алтын денег».

Другая преступная провинность Пятово, по показаниям Проньки, состояла в том, что нынешней осенью «в заморозы» Григорий был в своей кашинской деревне Понешневе, и тамошний приказчик Стенька Дементьев тоже привозил к нему мужика ведуна, неизвестного ему по имени. «И, будучи де тот мужик у Григорья в мыльни, с ним, Григорьем, парился вместе, а в мыльню де велили себя возить в одних санях им (т. е. дворне) на себе; и в мыльне де мужик ведал, кресты клал в воду и его, Григорья, тою водою обдавал». Сам он, Пронька, в той деревне не бывал, и все это повествовал со слов малого Гришки Иванова, да товарища своего Мартынки Хомутова, да четырех других холопов Григория, возивших на себе в санях Григория и ведуна в баню. «А как мужик кресты в мыльне в воду клал и Григорья обдавал, а малой тут в мыльне был и то видел, а после того и малово выслали вон. И что больши того в мыльне делали, того он не ведает». Кроме малого Гришки, Пронька указывал на находившихся в это время в Подлиптичье, тоже «вверху», племянников дьяка Григория Тимофея и Ивана Степановых Пятово.

В показаниях относительно женки Татьянки и мужика Крючка, на которого хотел послать изветную челобитную Григорий, Пронька повторил показания своего приятеля Мартынки.

Словом, налицо скопление страхов: таинственное обливание водой в бане, перепаживание двора, фокусы ведуна с левым локтем, а пуще всего — корешки и травы. И все эти ужасы по времени подозрительно близки ко встрече Григория с государем. Было отчето заняться духу и у следователей и у всяких чинов столичного города Москвы.

Следователи решили тотчас же раскрыть тайны дьячьего домашнего обихода. «И того же часу кн. Ф. Ф. Волконской да диак Мина Грязев велели привести Григорьева малова Пятова Гришку Иванова», и на Григорьев двор были посланы приставы Устюжской четверти, Алексей Корякин «с товарищи». «И того ж часу» Гришка оказался перед вельможами Сысского приказа.

К предшествующим показаниям Гришка добавил по существу очень мало нового и в основном повторил то, что уже сообщали Мартынка и Пронька, но некоторые подробности его рассказа представляют интерес. Так, про перепаживание двора ведуном Тимошкою Гришка показал, что Тимошка «и двор орал, и овсом сеял, и солому по бороздам клал, а сказывал, что выгонял нечистой дух из двора». Про таинственное приключение в бане Гришка рассказал так: мужик ведун Фомка парил Григория в мыльне, «а паря, давал траву пить в вине и клал крест в воду и тою водою Григорья обдал, и его, малово, послали по сани».

¹ Т. е. на ладонь.

«А в мыльню де Григорей с мужиком шли пеши, а из бани ехали в санях, а в сани впряжена была лошадь, а не люди везли. А после де ево, малоово, были они в мыльне на малое время, и что делали, того не ведают. И ночевал де тот мужик у Григорья ночь, и на утро де ево отпустил (Григорий), а перед отпуском ево, малоого, из горницы выслали вон, а сами мешкали с мужиком многое время, запершись в ызбе; а того не ведаёт, что делали. А после де мужика Григорей в мыльне парился вдругорядь, и Григорья де везли в мыльню и из мыльни в санях люди на себе одново, а не с мужиком. А иново де он ничево не ведаёт».

После этих допросов следователи решили взяться за самого дьяка. «И того же часу Григорей Пятово против поповых Кириловых и людей ево Григорьевых Мартинка и Пронькиных речей спрашивав, а в роспросе сказали...». Григорий начал с того, что во всем подтвердил показания попа Кирилла: «Все так было, как поп Кирило в роспросе своем сказал». Но о последующем разговоре попа с холопами на площади он ничего показать не мог, потому что, занятый приемом денежной казны, он с попом больше не виделся. Что касается до показаний холопов о загадочных манипуляциях борисоглебского мужика в его подлипецком доме, то факты, как их излагал сам Григорий, были таковы. «Был де над домом ево такой грех — в дому ево насыльной враг. Наслала ево баба, Дмитровского посаду Борисоглебские слободы крестьянка, Крючкова жена, а как тому Крюку имя и жене ево, того не ведаёт. И по той ее насылке в дому ево враг действовал вьявь. В прошлом де во 156-м (1648) году в великой пост, на 5-ой или 6-ой неделе в среду ходил в конюшню ввечеру поздно малой ево лет в 15, Колмаком ево зовут, и родом колмак;¹ и ис конюшни прибежал к людям в подклеть и сказал: ходит де он в конюшню лошадем сена подкладывать и видел — нечистой дух лошади ломает и кладет в ясли. И на утро де люди ево пришли в конюшню, а лошади де изломаны: одна лежит в яслех, а другая под яслями. И он их велел из конюшни вытащить вон, и на то же утро, после обедни, призвал он попа Ивана от церкви, которая у него церковь в деревне, и велел на дворе у себя и в конюшне петь молебен и воду святить. И он де воду святил и молебен пел, и с кадилом и со святою водою по хоромом ходил». Григорий ссылся на попа Ивана, который и ныне у него в деревне служит в той же церкви. Но этим навождение не кончилось. На святой неделе в четверг поздно «ввечеру» человек его Антонка Федоров пришел на конюшенный двор и увидел: «сидит на лошади враг вьяво». Антонка не потерялся и ударил нечистого наотмашь обратно (т. е. уздой). Тогда «враг», соскочив с лошади, побежал мимо хором к бане и, взбежав на заднее крыльцо ее, «взоржал жеребенком». На дьяка этот инцидент так подействовал, что он хотел было тогда «свой двор снести на иное место». Когда позднее, уже летом 1648 г., он приехал в Подлипыче из Москвы нарочно для переноса двора и от обедни вернулся к себе в дом, к нему пришли из дмитровского Борисоглебского монастыря старец Нектарий, да поп Родион, да хлебник Панька с женою Татьянкой. Он принял их и спросил, чего ради они пожаловали. Гости сказали, что в отсутствие архимандрита и келаря в монастырь пришла Татьяна, «извещавшая» на жену борисоглебского крестьянина Крючка, неизвестную ей по имени, что она «людей портит, и врагов в дома насылаёт», и хвалится тем, что она наслала «врага в дом к протопопу, а от протопопа де выслала в ево Григорьеву вотчину в село Подлипыче».

Дело было ясно: корень зла найден в Крючковой жене! Дьяк как деловой и административно-воспитанный человек дал своим посетите-

¹ Т. е. калмык.

лям совет «явить» об этом дмитровскому приказному человеку.¹ Они ответили ему, что «дмитровской приказной человек всегда пьян, ни в какие дела не вступаетца». Тогда взял на себя роль администратора сам дьяк Григорий и приказал им мужика и бабу поймать, заковать и отдать беречь накрепко, а ту бабу, которая «извещает», отдать за пристава до государева указа, — «и о том бы известили на Москве государю». Григорий не ограничился этим словесным наставлением на своем дворе, а даже поехал вместе с протопопом в монастырь, читал наставления братии, «шумел на них», чтобы они мужика и бабу держали и послали донесение в Москву, и прозил им, что если они этого не сделают, он сам будет бить государю челом о сыске. Мало того, дьяк написал челобитную и, отправляя ее в Москву с человеком Андриюшкою Никитиным, велел подать, куда следует. Андриюшка, действительно, и подал ее по назначению, но «в то время стало на Москве смутно и пожар, и та де челобитная не схаживала».²

После всех этих происшествий некая черкасская женка-иноземка³ (имени ее дьяк не помнил) говорила его собственной жене, что и на ней тоже была «пакость» от той же подозрительной женки (т. е. Крючковой жены), но в вотчине боярина М. М. Салтыкова оказался мужик Тимошка, сумевший выгнать нечистого духа с протопопова двора. «С такое дело его станетца», — сказала призванная к Григорию женка-иноземка. По ее мнению, Тимошка сумеет выгнать нечистого духа, если ему дадут такое поручение. Григорий сообразил, что будет и проще и дешевле, вместо хлопотливого переноса двора (Кто знает: Нечистый мог увязаться и за переносимыми строениями!), пригласить на помощь Тимошку — и послал за ним. Когда Тимошку привели, дьяк рассказал ему «свое дело» и — спрашивал его: «Мочно ль тому делу пособить, — только ведает чем?». Тимошка оказался специалистом в этих делах и дал дьяку исчерпывающее объяснение. Двора, разъяснял Тимошка, переносить не нужно; все дело в том, что поперек двора пролегала когда-то межа, а дьяк поселился на новом месте, не доглядев этого важного обстоятельства. «Тое между вели взорать до свету, — наставлял Тимошка, — и пометать соломою, — и животину велел пускать». Дьяк исполнил рецепт Тимошки: между взорали, соломой пометали, но сеяли ли овсом, этого дьяк не видал и об этом не слышал (между тем, именно этой операции и холопы и следователи придавали сугубое значение). Никакого волшебства он у мужика не заметил, а после его манипуляции «ото врага скотине пакости никакой не бывало».

В своих дальнейших показаниях Григорий коснулся и другого злополучного эпизода, имевшего место в его кашинской деревне. Когда он занемог, приезжали навещать его «многие люди» и в разговорах говорили ему, что во Фроловской волости есть троцкий мужик Фомка, «дает де траву пить многим скорбным людям, и оттого де бывает многим людям легость, — а хто сказывал, и в которой деревне мужик живет, того не упомянет, потому что был в ту пору болен», — политично умолчал Григорий имена лиц, навещавших его во время болезни. Мужика, по распоряжению Григория, привезли, «и тот де мужик парил его веником в мыльне трожды, кости и пуп правил, и ноги травною натирал — больные места, и траву пить в вине давал; а крестов в воду не кладывал, и с крестов водою его не обдаывал, и крестов у него не видал, и наговору никакова у него не слышал и не видал. И после де того от тое травы легость ему учинилась и назавторее поехал в Колязин монастырь и в Дмитров к себе в деревню. А в санях де люди его больново в баню возили, потому что было грязно, и снегом наки-

¹ Город Дмитров был в дворцовом ведомстве, и потому им ведал не обычный воевода, а «приказный человек».

² Т. е. не получила движения сверху, от государя.

³ Т. е. украинка.

нулю, и он итти до бани не мог, а мужик де с ним на санях не ездывал».

Следователи потребовали от Григория, чтобы он назвал тех лиц, которые указывали ему на эскулапа Фомку. Память дьяка заработала, и он вспомнил, что на Фомку ему указал крестьянин его кашинской деревни Усатикова Якушка, а посылал он за ним своего крестьянина Осташку. Разъясняя историю своих обращений к знахарям, Григорий начал со времен очень давних. Лет 30 тому назад, когда боярин кн. Дан. Ив. Мезецкий был на Тихвине,¹ Григория испортила женка на Угличе. Тогда он обратился к некоему мужику Микитке. Этот Микитка (местная медицинская знаменитость) «давал ему в вине пить две травы, и оттого учинилось ему от тое порчи легость». Года три тому назад, заболев чем-то зимою, — «а в котором месяце и числе, того де он не упомнит», — он посылал за этим Микиткой в Углицкий уезд в поместье Леонтия Погожева «вдругорядь», чтобы пригласить его к себе для лечения. Микитка опять приезжал к нему, но «ничем ево не лечивал, потому что устарел и спился».

Ни за человеком своим Федькою Артемьевым, ни за своими мужиками Григорий не видал и не «ведал никакова дурна и наговоров и никакова воровства; никаких кореньев он у мужиков не видал и не имывал». Что касается Мартынки и Проньки, то они, по словам дьяка, были парни отбойные. Мартынка — бражник, а Пронька — вор и тать. Григорий их «многожды бил», унимая их от воровства. И он сам и его приказчик Федька их сажали даже на цепь, но холопы, «не хотя от воровства своего унятца и хотя от него ис холопства свободитца, ныне на него извещают воровски».

Следователи были настроены так серьезно, что нашли нужным сделать дьяку очную ставку с его холопами и допросить Григория «против их речей».

Холопы Мартынка и Пронька держались на допросе по отношению к Григорию агрессивно. Они показали, что ведают, «что вражью сетью над лошадьми у Григорья пакости были»,² но ездил ли Григорий говорить об этом в монастырь, и «напущено ль в дом ево было», — того они не ведают. Челобитную свою на Крючка Григорий действительно посылал, но посланный вернул ее дьяку обратно, не передав по назначению, что дьяк одобрил. Дьяк энергично протестовал против обвинения в укрывательстве, ссылаясь на протопопа, на братию Борисоглебского монастыря, на слуг и на служебников и на всех дмитровских посадских людей: «он в монастырь о том деле приезжал и говорил», а человек его Протаска и челобитную по назначению подавал, но «в ту пору стала на Москве мятеж и пожар, и стало не до того».

Малый Гришка на очной ставке с Мартынкой и Пронькой объявил, что говорить о крестах, положенных в воду, его научили Мартынка и Пронька, но холопы отпарировали это показание малого, заявив, что он это говорит, «боясь Григорья» (т. е. самого дьяка), и просили «сыскать Петрушкою», зачем его дьяк посылал в Углич. Григорий повторил, что Петрушку в Углич он посылал за Микиткой «для лекарства», а не для ведовства, и «ведовства де он никакова за ним не ведает». По поводу «корня», виденного попом Кириллом у Проньки, Проньке с попом была устроена очная ставка. Сначала Пронька отрекся и сказал, что с собой у него никакого корня нет, но когда его принялись обыскивать, подозрительное снадобье отыскалось; Пронька вынул тот корень «ис кафтана ис полы из-за подпушки и подал», заявив: «как тот корень и траву зовут, того он не ведает, а дал ему тот корень мужик Тимошка, и скажет он, какой тот корень и трава». Плутая

¹ Этот эпизод имел место в 1619 г. См. Прибавление к Новгородской 3-ей летописи.

² Прodelки с «чертями» были, по видимому, делом их рук.

далее, Пронька после очной ставки показал, что по словам дьякова племянника Ивана Степановича Пятово есть у дяди его книжка, которую он держит в подголовке. Вынув эту книгу поутру и положив ее на свою голову, он «перевернет ее двжды и трожды и в ней чтет, неведомо что». Дьяк объяснил историю с книжкой: «книги де у него есть только добрые, а ворожебных книг у него никаких нет; а племянник де Иван живет у него в Дмитрове в вотчине, (он) учит его грамоте».¹

После очных ставок и расспроса, дьяка и попа Кирилла из Сычкого приказа отпустили, а беглых холопов и малого Гришку роздали под арест приказным приставам — «и велено держать их в Приказе порознь, чтобы меж себя ничего не говорили».

Вопрос был как будто исчерпан: холопов ждали кнут, рогатка, кандалы, может быть, дыба и виселица, а дьяк на свободе мог мирно вести душеспасительные беседы с попом Кириллом и дмитровским протопопом, отдыхая от перепуга и отплевываясь от дерзости своих холопов. Однако на деле вышло совсем не так. По городу поползли слухи о страшном заговоре на порчу государя при помощи таинственных корешков (вспомнили, вероятно, и дело Романовых и недавнее дело 1642 г. о порче царицы Евдокии). И кого же обвиняли в этом? Старого дьяка «всей Москве известного» и всякими милостями взысканного! Было отчего заголосить женской половине официальной Москвы — всем няням, мамам и «сидячим боярыням» царицыной половины, и глубокомысленно закачать горлатными шапками боярам в Думе. Должен был струхнуть и впечатлительный 20-летний царь Алексей: яд Федькина колдовства легко мог вползти сквозь узкие стрельчатые окна терема в его опочивальню и даже в детскую.

Еще 3/1 были отданы и выполнены твердые распоряжения. Злополучных, хотя в колдовстве и неповинных, коня рыжего и мерина гнедого «с седлы и с узды», везших пьяных холопов в ночь на 2/1 из Подлипичья в Москву и оскверненных тем, что в поле Пронькина кафтана были защиты коренья и травы, возвратили «со всем», но не самому Григорию, как бы следовало ожидать, а некоему Давыду Никифоровичу Неплюеву,² в качестве родича дьяка бесстрашно бившему об этом челом. Заодно он получил пистолет и саблю, к которым как будто не должна была пристать уже никакая порча.

После этих мудрых распоряжений, почуяв улов и поживу, Мерин Волконский и дьяк Мина развернули следственный невод во всю ширину и зацепили в него целую кучу народа. В мотню невода попали: племянники Григория Тимофей да Иван Степановы дети Пятово, более десятка его холопов (между ними и Андрюшка, прозвище Чюк, и «Колмачок родом колмак»), двое крестьян староста и поп Иван из села Подлипичья, дмитровский протопоп Симеон, поп Родион и старец Нектарий из Борисоглебского монастыря, черкасская жена иноземка, «а как ее зовут, того неведомо», крестьянин боярина М. М. Салтыкова Тимошка (местный эскулап), крестьяне Борисоглебского монастыря Панька Хлебник и жена его Татьяна, рекомендовавшие знахаря, монастырский крестьянин Крючко и жена его Крючкова, имевшие репутацию людей, способных насыловать бесов, троичкий крестьянин из Каширского уезда Фомка, «а чей сын, того неведомо», безымянный углицкий крестьянин из вотчины Станового монастыря, да углицкий крестьянин Микитка, «а чей сын и которой деревни, того неведомо», — итого на первый раз 29 человек, а так как в Москве по этому делу уже находилось под стражей 3 человека, то общее количество при-

¹ Подозрительная книга эта оказалась Псалтырью.

² Дав. Ник. Неплюев — в 1639 г. двор. моск., в 1656 г. голова у наряда (ДР). Как узнаем из дальнейшего (л. 41), он был дьяку «свой» и в минуту опасности от злополучного родственника не отступился.

влеченных перевалило за три десятка. Мог ли при таком размахе остаться в стороне и уцелеть сам злополучный ревматик Григорий?

3/1 воспоследовал «всеподданейший доклад» Волконского царю Алексею, в котором князь Мерин, вероятно, не пожалел красок для изображения злостности дела. Алексей, «слушев сего дела, указал дьяка Григорья Пятово отдать держать дворянину», а мужиков, попов, женок и т. д. «взять к сыску к Москве», послав за всей этой пестрой братией в Дмитров стрелецкого сотника с 20 стрельцами, а в Кашин и Углич — приставов с грамотами воеводам об отыскании, аресте и присылке в Москву всех, кто привлекается следователями по этому делу. Подголовок, в котором, по словам Проньки, дьяк хранил «ворожебную книгу», указал государь взять в приказ (т. е. к Волконскому и Минне), и в нем такой книжки и иных ворожебных писем смотреть». И того же числа, 3/1, злополучный дьяк попал под арест: «отдан дворянину Ивану Тимофееву сыну Поливанову». ¹ За подголовок на Григорьев двор был послан подъячий Леонтий Нестеров с приставами, которые и принесли в Приказ этот предмет; «а за тем подголовок для береженья пришел Григорьев человек Пятово Протаско Васильев», впрочем, и без того попавший в список людей, подлежащих привлечению к делу.

Старый дьяк был сконфужен и скомпрометирован: весть об его аресте и о взятии подголовка разнеслась по Москве, кого радуя, а кого и устрашая, но всех одинаково занимая как любопытное и жуткое происшествие, совершившееся под самым фонарем царской власти. Но к разочарованию следователей, в подголовке, торжественно доставленном в Приказ, «ворожебной книжки и никаких ворожебных писем» не оказалось. Страшный подголовок был мирно возвращен на московский двор Пятово, хотя и без того церемониала, с которым его доставляли в Приказ; его мужественно взял на сохранение все тот же Давыд Неплюев, «потому что он Григорью свой». В текст протокола вписано: «Давыд Неплюев подголовок взял со всем, а в его места (по его неграмотности?) Гарасим Микифоров руку приложил».

Поставленный к допросу об обстоятельствах отправления изветной челобитной, Григорьев человек Протаска Юдин, получивший ее в мае 1648 г., но не передавший далее по назначению, показал, что весной 156 (1648) г. боярин его Григорий жил в своей дмитровской деревне, а он, Протасий, на его московском дворе. 2/6 Григорий прислал к нему человека своего Андриюшку с двумя челобитными, — одна была «об отсроке, что у него судное дело в Челобитном приказе гостинные сотни с торговым человеком с Петром Юрьевым», а другая, изветная, на крестьян Борисоглебского монастыря «в порче, как они (т. е. крестьяне) меж себя потрекались». Григорий Пятово прислал ему приказанье те челобитные подать, а «где подать, и тово имянно ему не приказано». Эту вторую, изветную, челобитную прочел у него, Протаса, слушающий у какого-то дела в Пушкарском приказе сын боярский Герасим Гаврилов, «а Григорью де он Пятово присвой (так!)». Прочтя челобитную, Герасим сказал: «Хошь де подавай или не подавай, напрасно де Григорью такое дело всчинать: то де дело ему не приказано». Разговор с Герасимом происходил в тот день, когда «государю был ход в Стретенской монастырь, и в то де время от челобитчиков почел шум быть, и он де тое челобитную поднес думному дьяку Михайлу Волошенинову. ² И Михайло на челобитчиков крикнул и челобитен не

¹ И. Т. Поливанов — дв. моск., голова в 1656 г. В 1638 г. за ним числилось 10 дв. (Боярская № 14, л. 211).

² Мих. Дм. Волошенинов — с 1644 г. дьяк, потом думный дьяк Разряда и Посольского приказа (1649—1653 гг.), неоднократно посол в Польше (ДР). В 1638 г., когда он был еще подъячим, у него было 33 дв. в Галицком уезде. (Кн. по Разряду № 2, л. 11). Он вышел, повидимому, из служилой среды.

принял и сказал: До того ли де, что теперво челобитные принимать! А в Челобитном де приказе челобитной не успел же подать для того, что шум и мятеж стал; и те де челобитные отнес он на Григорьев двор Пятово и положил их в ызбе на шкатулу; и как наутрее тово Москва горела, и Григорьев двор згорел, и те челобитные згорели. И после де того боярин ево Григорей Пятово вскоре приехал к Москве, и он ему о том, что челобитные згорели, сказал, и Григорей де говорил: Ино де хотя и не поданы челобитные, и про то де изветное дело ведомо в Борисоглебском монастыре архимариту и всей братье, и они де про то дело известят».

Того же 3/1 были отправлены: в Дмитров — сотник Иван Улыбышев с 20 стрельцами на 16 подводках «для скорые посылки», в Кашин — служивший в Устюжской чети сын боярский Емельян Соловцов, а в Углич — из той же чети сын боярский Иван Алабин. В наказе, данном Улыбышеву, предписывалось: разыскав и арестовав, перечисленных в известном нам списке, людей, везти их «ко государю к Москве тотчас, не мешкая нигде ни часу, а дорогою их вестъ и на станех ставитца бережно и усторожливо, чтоб хто из них не ушол и дурна над собою какова не учинил; а вести их к Москве на их подводах, а приехав к Москве, самому явитца и тех людей всех поставить в Приказе сыскных дел перед окольным перед кн. Ф. Ф. Волконским да перед дьяком Минею Грязевым; а однолично ему тех всех людей сыскать и переимать и привести к Москве безо всякие опложки и бес поноровки. А будет он, Иван, своею оплошкою или поноровкою в том деле учинит какое мотчанье или тех всех людей, которые в сем наказе имяны писаны, не сыщет, или, сыскав, разпускает (так!), и ко государю к Москве всех не привезет, и в том сыском деле учинит какую поруху, и ему, Ивану, за то от государя (т.) Алексея Михайловича быть в опале и в жестоком наказанье».

К 4/1 аналогично были отредактированы наказы и приставам детям боярским, посылаемым в Углич и Кашин. Приказ сыскных дел навел справки о том, кто воевода в Кашине (оказался Ив. Ив. Детковский) и «хто на Угличе воевода или приказной, и как им пишут». Из Ямского приказа ответили, что воеводой в Угличе — Илья Осипович Грязново.¹ Приставы для посылки в Кашин и на Углич — Елизарий Юров, уже фигурировавший в деле при арестовании малого Гришки, и Иван Алабин, были взяты из Устюжской четверти.

Приведенный с московского двора и поставленный к допросу Григорьев человек Федька, ездивший за ведуном Емелькой, не мог ничего показать про манипуляции мужика знахаря у Григория, но рассказал, что в мыльню люди возили на себе в санях одного Григория, — в этом им чудилось что-то мистическое и зловещее. «Мужика в санях не возили, а и Григорья в санях в мыльню отвезли одиножды для того, что лошади в сани впрячь не успели, как ево из ызбы вывели больного. И Григорей де их за то, что они лошади в сани впрячь не успели, бранил».

Сын боярский Герасим Никифоров, вызванный в Приказ сыскных дел из Пушкарского приказа в связи с недоставлением майской челобитной по назначению, подтвердил, что известная челобитная о насылании борисоглебской женкой нечистого духа у него в руках была, он ее прочел и велел ее подать «боярину или думному которому дьяку, а в ту де пору стал на Москве мятеж, а назавтра того пожар, и того де он не ведает, Протаско тое челобитную подал ли, и что по ней указ».

Следующий, подвергнутый допросу холоп с московского двора дьяка, Кручинка, вполне разъяснил таинственность перевоза дьяка из

¹ И. О. Грязново, повидимому, внук известного опричника Васьки Грязного. О нем см. ниже, стр. 256.

дома в баню на людях: «в баню де и из бани ево, Григорья, везли на себе не по Григорьеву велению, своею охотою для того, что долго хамута не добыли, нечем было лошади впрячь, а баня де стоит за двором недалеко, а мужик де из бани шол пеш. А Проньке Плужникову про то, что Григорей в бане был с мужиком, и мужик ведал, кресты клал в воду и тою водою Григорья обдавал, не сказывал и у малого у Гришки Иванова про то не слыхал».

5/1 вернулся из Дмитрова сотник Ив. Улыбышев, доставивший в Москву свой богатый улов. Для его размещения привлечены были в Приказ сыскных дел едва ли не все наличные в это время в Москве дьяки (числом 37). Арестованные были распределены между ними: «И те все люди розданы держать дьяком. А хто кому отдан, и тому записка под сею статьею», — но мы воздержимся от приведения этого довольно длинного списка, иллюстрирующего оригинальный московский порядок — сдавать некоторых арестованных должностным лицам для содержания под стражей на частных квартирах.

Зловредную Крючкову жену Аришку к своему ужасу и негодованию получил на хранение дьяк Степан Угодцкой;¹ Аринина супруга Кузьку отвели к дьяку Василию Ушакову два стрельца Полтевского приказа.

Из-под стражи, по приказу Волконского и Грязева, отпустили только одного попа Ивана, привезенного из Подлипичья.

6/1, несмотря на сугубо праздничный день, Волконский и Грязев приступили к допросу свезенных в Москву людей. Племянник Григория Тимофей Пятово начал с рассказа о лечении его Тимошкой. Лежал он у дяди в задней избе, прели у него исты,² и Федька Ортемьев приводил к нему мужика Тимошку. «И тот де мужик присыпал к той ево болезни траву, а какая трава, того не ведает; а легости де ему от той травы не учинилось. И наутрее де он вышел на двор и осмотрел: взорона на дворе межа посереде двора, и соломою потрушено. И он де спросил: для чего орано? И ему де, Тимофею, сказали все Григорьевы люди: орано де для того — выгонял тот мужик из двора нечистой дух. И то де он, Тимофей, от дяди своего Григорья слышал, что лошади ево нечистой дух ломает, а сам того не видал, потому что он у дяди своего жить почал недавно, нынешняго лета; а овсом тут, где орано, сеяно ль, того не ведает, и не видал, и не слышал.³ А оран де тое борозду староста Васька Макаров, а лошадь водил человек Федька Ортемьев. И после де того у дяди ево во дворе пакости никакой не бывало. А начевал де тот мужик у дяди ево одну ночь и наутрее де поехал домой, а спал тое ночь пьян в подклете; а что иное делал, и хто по него ездил, того не ведает».

Другой дьячий племянник, Иван Пятово, тоже оказался говорливым и тоже плел про дядюшку: «видел он у дяди своего книгу, Псалтырь печатную в полдесть, а лежит она с ыными правильными книгами в горнице, по которым книгам у крестов говорят. И куды де дяде ево Григорью лучитца ехать в дорогу, и он де ее, взяв и положя на голову, рознимае на голове и чтет.⁴ А иное и так ее чтет. И он де то сказывал Григорьевым людям, Проньке Плужникову; а иные де люди в то время тут в подклете были ль или нет, того не упомнит. А называл

¹ Старый дьяк (с 1625 г.) Ст. Угодцкой (по ДР — Угоцкой, Ухотцкой, Угорской), побывавший в Тобольске, Рязани, Астрахани, был дьяком в Пушкарском приказе. Его выбрали для бережения Арины, конечно, не случайно. В 1638 г. он имел 22 дв.

Вас. Ушаков — дьяк с 1645 г.; был дьяком в Казани, в Иноземном и Челобитном приказах, приставом у послов датского, шведского, турецкого, голландского, польского, — словом, тонкая штука, и его нечистому было не обвести.

² Истами называли обычно почки.

³ Этому посеву овса в связи с ходячим поверием следователи придавали особое значение.

⁴ Т. е. раскрывает, не заглядывая в текст, — вид благочестивого гадания.

тое Псалтырь книжкой спроста», — городил про домашние секреты своего высокопоставленного дядюшки болтливый племянник Ивашка. Холопы Тимошка и Игнашка, с которыми болтал племянник дьяка, допрошенные все по тому же многозначительному вопросу о развешивании книжки, сказали, что они таких речей от Ивана не слышали.

В более трудную переделку попал бойкий Федька Артемьев, приказчик дьяка, посредничавший между своим «боярином» Григорием и приглашенным в Подлипище колдуном, да вероятно, связанный и с «нечистой силой», проделки которой вряд ли совершались без участия самих холопов.

По всем видимостям хват и пройдоха, Федька, старожил в доме дьяка, вертел дьяком-простофилей, очевидно, как хотел. В своих бойких показаньях от 6/1 Федька нарисовал нам целую картину боярско-дьячьего обихода в подлипецких хоромах. Когда над лошадьми его «боярина» Григория Пятово начал шутить и «действовать въявь враг» (дьявол), и «врага» собственными глазами увидали Григорьевы люди Антошка и Ивашка Колмак, к Григорию по сему важному случаю явилась в гости целая делегация дмитровцев посадских людей — «а хто посадских людей были, того он не упомнит, потому — многие де посадские люди в гостях у Григорья бывают». — Как, заметим, не побывать захолустным привинциалом у важного столичного сановника и дельца, до которого в московской обстановке без хорошего бакшиша, пожалуй, и не доберешься! — Вместо обычных душе-спасительных сюжетов, служивших, вероятно, нескончаемым источником бесед дьяка с дмитровцами, на этот раз темой разговора были вопросы для порядочного дьячьего дома щекотливые. Григорий с прискорбием рассказал почтенной делегации, что в доме у него неспокойно, «что в дому ево действует нечистой дух над лошадьми». Войдя в беду высокопоставленного соседа, посадский человек Ивашка Баклан привел салтыковского крестьянина Тимошку (свое участие в этом приводе Федька выключил из рассказа), про которого Баклан, говорил: «Будет того мужика с такое дело, что из двора нечистой дух выгнать. — А он де по того мужика не езживал и не отваживал его», врал Федька. «А был де тот мужик у Григорья день и ходил под скотные стаи и в конюшне, а что делал и с кем ходил, того не ведает, потому что в тое пору ево дома не было, ходил за работными людьми». Федька не отперся от того, что встретив несколько позднее в Дмитрове на торгу того же Тимошку он опять приглашал его в Подлипище «для того, что на скотном дворе скотину нечистой дух давит, и чтоб он (Тимошка) для того пришел». Тимошка, действительно, приходил к ним в дом еще раз и ночевал у них, а утром, на солнечном восходе, прислал к нему, Федьке, на гумно малого, «а тово не упомнит, которого», и велел ему прийти на двор. Когда Федька пришел на двор, Тимошка велел на заднем дворе перепахать межу. Федька отдал старосте распоряжение «взорать межу, а он, Федька, лошадей водил. А взорав, посеял овсом и соломою велел наметать. А окроме де того, тот мужик ничего не делывал, ни на что не наговаривал и кореня не клал. А Григорья де, — выгораживая боярина, сочинял Федька, — в тое пору тут не было, спал на чердаке». Смотрел мужик и больного Тимофея Пятово, а что делал с больным, того Федька не ведает. Федька подтвердил и то, что дьяк года за три перед тем посылал в Углицкий уезд за неким Митькой, «и тот де мужик приезжал и жил с неделю, пил беспрестани и ходил в скотинные стаи и в конюшню один, а что делал, того не ведает, их с собой не имал. И после де того с полгода тех вражьих пакостей не было, да опять то же стало быть», но мужик больше у них не бывал. «А что де нечистой дух пакости над лошадьми чинил, и он де слышал, что будто на Григорьев двор напустили нечистой дух Борисоглебского

монастыря крестьянин Кузька, прозвище Крючко, з женою своею Оринкою. А ведомо де ему стало про то потому», что на Кузьку и Оринку извещала борисоглебским властям и братии Татьяна, жена Павлика Хлебника. Упомянул Федька и про приход к дьяку борисоглебского духовенства с рассказом о проделках Крючка и Татьянки, — «и Григорей де им говорил, чтобы они о том сказали воеводе или б известили государю на Москве».

Не доверяя бойкому болтливому Федьке, следователи огорошили его ядовитыми вопросами: «Воровство за ним, Федькою, волшебное есть ли, и крест под пятою он носит ли?». Вопросы эти Федьку, видимо, напугали. Он отвечал: «Человек де он Григорья Пятово старинной, родился в Кашинском уезде в дер. Титкове, тут и выросл, а после того жил в Углицком уезде в его ж, Григорьеве, деревне Пятово 24 годы, а ныне, после тово, живет у Григорья ж Пятово в Дмитровском уезде в селе Подлипище»; Федька слался «тех всех городов всяких чинов на людей, что он таким воровством не ворует, и такова воровства за ним не видали. Да он же, Федька, слался на отца своего духовного из виноватых на пятницкого, что в Дмитрове, на попа на Бориса в том, что он к нему, отцу своему духовному, на покаянье приходит ежегод и причастие принимает. И то отцу ево духовному ведомо: такова воровства за ним нет».

Не сознался Федька и в новом обвинении, выдвинутом против него при допросе Прошкой Плужниковым, будто он, Федька, летом 1648 г., когда они косили сено на Григорьеве пустоши Богданцове, хвастался: «Было де за ним статей 5 или 6, руда (кровь) заговаривать и лиходеи у лошадей, а ныне де он то покинул и научил сына своего; а которого сына, того не сказал». Федька запротестовал, — таких слов на сенокосе он не говорил, — но два других человека Григория, бывшие на том же сенокосе, Игнашка да Тимошка, указанные как свидетели этой неосторожной болтовни, показали, что «они такое слово у Федьки слышали».

Оставив временно холопов, следователи приступили к допросу привезенных из Дмитрова старца Нектария, попа Родиона, Паньки Хлебника и жены его Татьянки. Старец Нектарий и поп Родион авторитетно подтвердили, что они у дьяка Григория были с предупреждением относительно вредных свойств Куземки Крючка и его супруги Аринки, испортившей у протопопа женку Дарьицу¹ и «наславшей к протопопу во двор нечистого духа», а от протопопа «отославшей тот нечистый дух во двор к Григорью Пятово». Пересказав в свое время со слов Татьянки эти важные сообщения дьяку, они выслушали от него умудренное богатым приказным опытом наставление — отправить подозрительных лиц к дмитровскому приказному человеку Третьяку Никитину. По их поручению старец Нифонт ездил к Третьяку, и Третьяк продержал недели две за приставом женку Аринку да заодно и благовестившую о наслании нечистой силы женку Татьянку, но потом отпустил их: «А записка (т. е. протокол) тому у него есть ли, и почему отпустил, того не ведают». Сами они об этом к Москве известить не послали, надеялись на приказного человека, что «он о том к государю отпишет». Пьяница Третьяк оказался, повидимому, умнее всей этой братии и просто не дал ходу бабьим сплетням о наслании нечистого духа.

Панька Хлебник не прибавил к этим рассказам ничего существенного, но зато главная виновница всей суматохи, жена его Татьяна, баба-сорока, не пожалела красок. В расспросе она сказала: «Являла де им в слободе многим людям протопопица, что Крючкова жена Оринка испортила жонку их Дарьицу, да и жонка Дарьица о том им

¹ Повидимому, протопопову кабальную.

являла ж, что ее Крючкова жена Оринка испортила; а про нечистой де дух извещал им и в Борисоглебском монастыре братье протопоп, что наслала к нему во двор нечистой дух Крючкова жена Оринка. И тот де нечистой дух глумитца над жонкою ево, над тою ж Дарьицею: кажетца ей въявь в пустой избе. Да и Григорью де Пятово протопоп про то сказывал, потому де она ту жонку тем и попрекала». А духовный отец злополучной Дарьицы, поп Родион, должен, по словам Татьяны, хорошо знать это дело из первых, так сказать, рук. На деловитый вопрос следователя о том, не портила ли Оринка и иных людей и, «будет портила, и ково испортила и какою порчею», Татьяна настрекотала, что «слышала де она от ыноземки от жонки черкаска, а как ее зовут, того не упомнит,¹ что де ее, черкаску, она портила».

Обследовав при помощи допросов поле действия, следователи, набравшись храбрости и, вероятно, мысленно творя оборонительные от бесов молитвы, велели поставить перед собою страшных своим колдовством Кузьму Крючка и жену его Аринку, выдвинув против них целую батарею систематически развитых вопросов. Вот эти тонкие вопросы: «Людей они (Кузьма и Аринка) портят ли, и будет портят, и ково имяны испортили, и какие болезни кому учинили? И нечистой дух в дома насылают ли, и будет насылают, и х кому в дома нечистой дух насылали? И дмитровского протопопу Семиона жонку Дашку она, Оринка, испортила ль, и нечистой дух к протопопу в дом наслала ль, и из протопопова дому нечистой дух в Григорьево в село Подлипицье наслала ль? И будет она людей портит и протопопову жонку Дашку испортила, и нечистой дух в протопопов и в Григорьев дома наслала, и от ково она тому научена?» Как и следовало ожидать, и Куземка Крючок и Аринка отреклись от этих обвинений начисто, ссылаясь «Дмитрова посаду и всего Дмитровского уезду всяких чинов на людей, что они таким дурном не промышляют, людей не портят и нечистова духа во дворы не насылают». Арина уверяла, что протопопову Дашку она не порчивала и нечистова духа ни в протопопов, ни в Григорьев дом она не насылала. Когда она недели с три сидела под замком у Третьяка Никитина, к нему даже приходил хлопотать о ней дмитровец посадский человек Ивашка Иконник.

Извлеченная перед очи следователя, полуслепая женка черкаска Матрена (жена Мишки Лубенского) попала в Дмитров не совсем сбывчим путем. Она с мужем вышла «из Литвы из Гадичья городка² тому осьмой год»; жили, кормясь работой в Дмитровском посаде, причем ей приходилось работать за двоих, так как муж ее был «безумен». Вот с нее-то и начала свою преступную деятельность по порче Аринка. Произошло это так: тому уже 4-й год, была она в гостях у Аринки с двумя другими бабами, Матренкой же да Авдошкой. «И как де поднесла ей Оринка ковш браги, и она, Матренка (Лубенская), ту брагу выпила, и ее, Матренку, в ту пору бросило, и с тех мест и по сю пору она болит нутром, а в нутре де у нее шевелитца и ныне, не ведает что, от того времени». Про порчу протопоповой женки ей сообщала сама эта женка. «А нечистой дух та жонка Оринка во дворы насылает ли, того не ведает; а как был Григорья Пятово на двор нечистой дух наслан, и хто ево наслал, того не ведает же». Про знахаря Тимошку она слышала только от «стадного конюха», а сама его совсем не знает — «и каков рожем, и она ево не узнает, потому что она мало видит».

Оставив в покое слепую бабу, следователи взялись за главного злодея, Тимошку, производившего свои таинственные операции на дворе дьяка Григория. Тимошка Клементьев, крестьянин вотчины

¹ Эта «женка черкаска», по имени Матрена Лубенская, появится в деле ниже.

² Вероятно, Гадяча.

Салтыкова, показал следующее. Приглашенный дмитровским посадским человеком Ивашкой Баклановским для лечения Григорьевых лошадей, он ходил около них с ладаном, а затем (для радикальной ликвидации вредных влияний нечистого духа!) «взорал на Григорьеве дворе пахотную межу и овсом насеял и соломою по тому месту покрыл», так как он слышал исстари: «кто поставит двор на новом месте, а тут будет под двором пахотные межи, а для того мрет скот, и он для того межи орал». Григорьева племянника он, Тимошка, мастер на все руки, лечил от какой-то болезни: «У него иста грызло, и он де от того давал ему пить в молоке толченную крапиву; а сказал де ему, Тимошке, про то, что таким болезням помочь от того есть, прохожей человек». Ни Григорию, ни его людям никаких трав и кореньев он «не даывал, и ни на што не наговаривал, и у себя таково ничего не держивал». Тогда искусные следователи озадачили эскулапа таким вопросом: «Проньке Плужникову он корень да траву дал ли, и для чего ему тот корень и траву дал?». При этом ему показали и вещественную улику — корень и траву, выпоротые из полы у Проньки. Но и очная ставка Проньки и Тимошки дела не разъяснила: «А Тимошка в том во всем запирался, и никому де он иному коренья и трав не даывал и ничем не вораживал».

Перешли к допросу Васьки Макарова. Васька показал, что межа во дворе перепажана, чтобы прекратить падеж скотины. «И опосле де того скотинной падеж унялся, а что де нечистой дух у Григорья лошади ломал, и тот де мужик и нечистой дух из двора выгонил, а больша де того тот мужик ничево не делал, и ничево он, Васька, не видал». Васька Макаров был верен своему должностному званию старосты и дал сдержанные, веские и строго определенные показания.

Взялись за Петрушку Федорова, будто бы ездившего на Углич за Тимошкой, но Петрушка объяснил, что здесь недоразумение, и что за Тимошкой ездил не он, Петрушка Федоров, а другой холоп дьяка — Первушка Федоров. Факт привоза угличского мужика в Подлипичы Петрушка подтвердил, — «а для чего Григорей по того мужика посылал, и что тот мужик, будучи у Григорья, делал, того (он) не ведаёт». Но из Подлипичья в Кашин для дальнейшей переотправки на Углич мужика отвозил, действительно, уже он, Петрушка, а не Первушка.

Подлипецкий поп Иван показал, что Григорий приглашал его к себе для избавления двора его от нечистой силы, «и он де молебен пел, и воду святил, и со святою водою по хоромам и в конюшне ходил». На других расспросах попа Ивана, единственного из всех свезенных в Москву лиц оставленного на свободе, комиссия не настаивала.

Андрюшка Чук, возивший в Москву в мае 1648 г. известную челобитную дьяка о ворожбе и наслании, показал только то самое, что он показывал и раньше: челобитную он отдал Протаске, а во время большого пожара она сгорела.

Мартышка и Пронька продолжали держаться своего вызывающего тона и на очной ставке с Андрюшкой показали: «Вольно де ему так сказывать, что челобитная згорела!», — а не возвращена к нему обратно и не задержана им сознательно, — как они, очевидно, хотели намекнуть своим восклицанием!

Григорьевы люди из подлипецкой дворни, Тимошка и Игнашка, показали: Григория в баню они возили одного, а не с мужиком, «в бане мужик с Григорьем был, а что в бане тот мужик, будучи з Григорьем, делал, того не ведают; а вышел де из бани, малой Гришка Иванов, пьян, сказывал им, что тот мужик давал Григорью пить траву в вине и ноги, больные места, травую натирали».

Допросы 6/1 кончились довольно изобразительным показанием Антошки Федорова: «В прошлом де во 156-м году на святой неделе

приходил он в конюшню боярина своего к Григорьевым лошадям давать сена. И как в конюшню вошел, ажно де на лошади сидит нечистой дух чернцом и тое лошедь разломил. И он, де, Онтошко, махнул обратно и сотворил молитву, и нечистой де дух ис конюшни побежал на передний двор к сениям, к подклетным дверем, а в которую хоромину вошел, того не видел».

После допросов 6/1 все привлеченные к делу снова были розданы для «держания» той же корпорации дьяков.

8/1 сыскную сеть решено было снова забросить в Дмитров, и туда был послан с обычным (по образцу уже цитированных) наказом сын боярский Мокей Лукин, который должен был взять при помощи воеводы Ивана Акинфеева Шишкова «для сыскново великого дела» приводную записку и расспросные речи Кузьмы Крючка, жены его Арины и Пашкиной жены Татьянки, «как они присланы были в съезжую избу к воеводе к Третьяку Микитину из Борисоглебского монастыря в ызветном деле». Заодно Мокей должен был забрать протопопа Семиона вместе со знаменитой жонкой Дашкой, да дмитровца Ивашку Иконника, повинного, как читатель помнит, в заступничестве перед Третьяком Никитиным за женку Аринку при ее первом аресте. Из экономии или из некоторой деликатности по отношению к протопопу сану, протопопу разрешалось в Москву ехать на своей лошади и самому везти Дашку, при чем Ивашка Иконник был превращен как бы в конвоира: ему тоже велено было «ехать на своей же лошади и дорогою с ними ехать бережно, чтоб жонка з дороги не ушла». Поезд с протопопом, жонкой и Ивашкой должен был замыкаться санями Мокея, чтобы протопоп и Ивашка Иконник от него не отставали. Привезя этих лиц в Москву, Мокей обязан был сдать расспросные речи и их самих в Приказе сыскных дел.

Но составив наказ, в комиссии, видимо, спохватились и дополнительно предписали привести к Москве дмитровца посадского человека Ивашку Баклана, а за отправляемыми в Москву лицами нарядить еще особых (кроме Мокея) провожатых, взяв под них подводы у дмитровского земского старосты. На случай, если протопоп Семион и Ивашка «учинятца непослушны» (случай весьма неправдоподобный), Мокей должен был взять у воеводы приставов, «чтобы ему протопоп Семион и Ивашко Иконник непослушен не учинился...». Таким образом, все, вплоть до открытого сопротивления протопопа, было предусмотрено и учтено.

Нетрудно представить себе картину растерянности и суматохи в Дмитрове, когда оттуда в связи с «сыскным великим делом» начали увозить одного за другим его почтенных обывателей. Дмитровцам должны были вспомниться жуткие события времен опричины, происходившие лет 70 тому назад, и сравнительно недавние переживания времен Смуты.

В течение ближайших четырех дней следственная работа состояла, повидимому, только в приведении в порядок и перебелении протоколов допросов. Но вот 12/1 был привезен из Дмитрова новый улов, и следствие задвигалось опять. В числе доставленных из Дмитрова лиц не хватало только самого протопопа, который, упредив свой вызов, сам покати́л в Москву. Приводных людей (порченную Дарью, сердобольного заступника за Арину Ивашку Иконника да Ивашку Бакланова) привез в Москву Мокей.

Шишков отыскал в Дмитрове приводные и расспросные речи, доставленные местному приказному человеку дмитровским губным дьячком Васькой Рахманиновым; они были записаны в свое время (6 мая 1648 г.) при Третьяке Никитине (упомянутом выше приказном чело-веке), священнике Петре, земском старосте Вавиле Тихонове и при «многих» посадских людях. В присутствии понятых Шишкин принял

эти документы и вручил их Мокею, снабдив его для верности четырьмя провожатыми.

Драгоценные обличительные документы содержали следующее повествование о ссоре весной 1648 г. двух дмитровских баб. «В нынешнем во 156 г., — показала Татьяна, — о благовещеньеве дни, соседа де со мною Орина, Докучяева жена...¹ Со мною де та Орина живет не сосецки, и на нее (т. е. на Татьяну) де похваляетца: так де я тебя изсушу, как ставец² согнут, да лошки сухи, — так де тебя изсушу!». Далее, будто бы Аринка «прошала у Дарьицы (кабальной женки протопопа Семиона): дай де мне ис-под пяты ис-под двери сору, я де в пиво кину. И протопопя (женка) де ей пива не дала, вылила вон. И меж де нас спор, — поведала тут Татьяна истинную причину их ссоры, — о мяжнике (т. е. о меже) с соседом Докучаем (прозвище мужа Арины Кузьмы Крючка). И она де (т. е. Арина) на мяжник для розправы братье присылали. И она де, Панина, жена Татьяница, ей, Оринке Круюкове жене, говорила: ты де испортила Паню.³ И она де на себя братье била челом, — уже явно плела на Арину ревнивая Татьяна, — и являла, будто де она, Орина, ее портила кореньем. А я де у ней коренья не ведаю, Панино де челобитье и явки говорю» — лепетала, находясь взаперти (май 1648 г.) у Третьяка, Татьяна, вероятно, желая скомпрометировать Арину и в то же время побаиваясь порчи со стороны опасной соседки, сидевшей с ней вместе. — Только и всего!

Выслушав эти приводные и расспросные речи, записанные малограмотным дмитровским дьячком Васькой, следователи поставили к допросу саму Арину. Показания Татьяны Арина категорически отвергла: «Я де о благовещеньеве дни у протопопицы не бывала и ей, Татьянице, перед протопопицею не говаривала: каков де ставец, и каковы лошки, так де ты иссохнешь. И у протопоповы женщины Дарьи⁴ земли ис-под пяты, сору, не пращивала и в пиво кинуть — тово не говаривала. Ни знаю, ни ведаю. Х протопопье де она, Иринка, невхожа. И Пани⁵ де я не порчивала, кореньем де не промыщляю и не знаю, а брань де у нас с нею, Татьяною, о мяжнике. Она де наносит напрасно, хотя моего мужа испродать и погубить до конца. И мой де муж ходил в монастырь г братье бити челом о управе, чтобы братья дали оборонь, и братья де пришли и спрашивали, за што де у вас стыр. И она де, Татьяна, меня называет колдуньею и кореницею. А будет де вы управы не дадите, и я де пойду к Григорье Дееву⁶: доведи де или сведи!⁷ И старец Нехтарей тут жо говорил: отец де у нево (т. е. у Кузьмы Крючка) и мать были люди добрые, такова за ними дела не бывало, и за нею, Ириною, коренья не бывало. И та Ириница сказала: я де за собою дурна такова не ведаю и не знаю».

Дмитровский протокол отмечает, что обе соседки остались тогда (весной 1648 г.) под стражей: «Татьянка дана за пристава Грише Матвееву, а Иринка приставу Василью Иванову». Из дела не видно, какое впечатление произвели на следователей эти расспросные речи дмитровских баб, пересланные с Мокеем.

11/1 появился в Приказе сыскных дел новый человеческий мате-

¹ Текст испорчен.

² Ставец — чаша, бадья (по Далю). Может быть, перед взорами бранившихся баб была в это время какая-то рассохшаяся посудина, на которую Аринка и намекала.

³ Паню, т. е. Павла, мужа Татьяны.

⁴ В подлиннике ошибочно написано «Арины». Подьячий, записывавший показания Арины, перемешал прямую речь с косвенною, но при внимательном чтении буквально сказанные слова могут быть выделены. Упомянув вторично слово *ложки*, писавший протокол подьячий неожиданно превратил *ложки* в *лошадей*.

⁵ Павла.

⁶ Т. е. дьяку Пятово. Стыр — ссора.

⁷ Арина хочет сказать: или докажете или снимите это подозрение.

риал, так как приставом Емельяном Соловцовым были привезены из Кашина трицкий крестьянин Фомка, зрачевавший дьяка Григория во время Тихвинского похода кн. Мезецкого (1619 г.), да Григорьевы крестьяне — Якушка, Осташка и Сенька Васильевы. Пристав Емельян простодушно объяснил, что, «не изъехав» в кашинской вотчине дьяка Григория человека его, Стеньки Дементьева, он захватил вместо него Сеньку Васильева, «а в наказной де памяти того у него не написано, что, вместо того человека Стеньки, взять крестьянина (Сеньку)». Не видно, чтобы такое своеобразное исполнение поручения Приказа приставом Емельяном вызвало неудовольствие или удивление со стороны кн. Мерины Волконского и дьяка Мины. Так, вместо Стеньки, в число приказных колодников попал Сенька, вовсе не затребованный Приказом. В ответной грамоте Приказа кашинскому воеводе Ив. Ив. Детковскому о приеме привезенных Соловцовым людей, они уже прямо названы «колодниками».

14/1 Волконский и Грязев приступили к следственным операциям над людьми, доставленными приставами Мокеем и Емельяном. «И протопоп Семион и те все люди к роспросу поставлены и роспрашиваны порознь, — а в роспросе сказали...».

Протопоп Семион дополнил картину проделок нечистого духа некоторыми весьма реальными подробностями: «Нечистой дух в дом ево наслан ли, того не ведает. А лошади наперед сего потели гораздо, а ныне де потеют временем. А отчего, того не ведает». Специально по делу дьяка Григория протопоп припомнил, что весной 156 (1648) г. дьяк вызывал его в Подлипище «для дела» и рассказал ему всю повесть о появлении дмитровской делегации касательно колдовства (состоявшей из старца Нектария, попа Родиона, Паньки Хлебника и Татьянки), уже известную читателю из предыдущего. Тут только протопоп узнал, что враг был наслан и к нему в дом, и что суть не только в потении лошадей, но много хуже. Взглянув на дело серьезно, протопоп поехал с Григорием в Борисоглебский монастырь, где они вместе объявили об этом братии и потребовали отправления баб к приказному человеку Третьяку Никитину. «А жонка де ево, Дашка, была больна нутреною болезнью, а испорчена ль она или не испорчена, и будет испорчена, и хто ее испортил, — того не ведает». Про порчу Дарьи Ариной говорила Татьяна, «а иного де он, протопоп, ничево про Крючкову жену Оринку не ведает». Протопоп показал себя и умнее и осторожнее всей остальной компании, но, конечно, в объяснения его следователи углубляться не стали.

Протопоп сумел остаться сдержанным, зато обстоятельные показания дала его кабальная женка Дарья. Весной 156 (1648) г. Дарья, по ее словам, была больна «недель з 10, а болезнь ей была: болела голова и сердце, и вся де она была больна и дробна. И испорчена ли от кого была, того не ведает. А как де она лежала больна, и к ней приходила Пашкина жена Хлебника Татьяна и говорила ей: испортила де ее, Дашку, Крюčkова жена Оринка. И она де (Дарья) в той немощи говорила на ту же жонку Оринку, что она ее испортила.¹ А как де была она больна, и ее поновляли и причащали, да она ж де ездила к Москве и была в Чюдове монастыре у раки Алексея митрополита и просила у него, великого святителя, милости, чтоб ей от болезни ее подал облехчение, и пила чудотворцев мед (так!). И от того де ей стала от болезни ее легость. А как де она была больна, и ей являлся враг на протопопове дворе в пустой избе человеческим образом, черн и в платье черном. И она, устрашась, бегала з двора; и увидя де над нею то, поймав ее, привели на двор к протопопу».

¹ Самым тоном этого показания Дарья, в сущности, отказывалась от обвинения в порче.

Вот и вся история Дашкиной порчи, вплетенная в холопье дело дьяка Григория, а потом впутанная в ход московской государственной колымаги. После расспроса Дарья была отдана протопопу Семиону, — «а как ее спросят, и ему поставить».

Посаженный человек Ивашка Баклан мог при расспросе показать только то, что по поручению доверенного человека дьяка Григория, уже известного нам Федьки Артемьева, он, встретив знахаря Тимошку на дмитровской площади, отвел его на дьяков двор. Что Тимошка там делал, Баклан «того не ведает, а то он ведает, что тот Тимошка у малых детей грыжу уговаривает и быки холостит, а иного за ним ничего не ведает».

Поставленный к расспросу Ивашка Иконник должен был объяснить, на каком основании он ходил хлопотать об отпуске из-под ареста опасной Арины при ее первом задержании весной 1648 г., и «ведает ли за нею он такое воровство, что она людей портит и в дома нечистой дух насылает». Ивашка Иконник объяснил, что он приходил к Третьяку Никитину только с вопросом, — «в каком деле у него те жонки роспрашиваны и за пристава отданы, и только де не в государеве каком деле, и он бы их велел из-за пристава освободить. И Третьяк де сказал ему, Ивашку, что они роспрашиваны и приставом держать даны в государеве деле; и он, Ивашко, и пошел от него и приказы, а не говорил ему об них, чтоб их отпустил».

Крестьянин Якушка из кашинской деревни дьяка, Усатикова, на вопрос о том, откуда он знает про знахаря Фомку, рассказал, что в нынешнем 157 (1648) г. за неделю до Дмитриева дня Селунского¹ ехал он в Кашин на торг и съехался на дороге с угличанином сыном боярским Богданом Опочининым; в разговоре о «нутряной» хвори он узнал от Опочинина, что по слухам в троишской вотчине есть мужик Фомка, помогающий от таких болезней. По приезде якушкина боярина Григория Пятово в кашинскую деревню Якушка передал ему свой разговор с Опочининым. После этого Григорий, больной «нутряной» болезнью да ногами», и послал за Фомкой. То же самое показал и другой усатиковский мужик, Осташка, привозивший Фомку к Григорию в Подлипище. А обратно, по его словам, Фомку отвозил Григорьев дворовый человек Дружинка Львов.

Поставленный в заключение к расспросу Фомка должен был дать ответ на ряд щекотливых вопросов: «Травы Григорью пить давал ли, и на те травы наговаривал ли? И будет наговаривал, и к чему наговаривал? И кресты в воду в бане клал ли, и тою водой Григорья обдавал ли? И будет обдавал, и для чего обдавал? И иные какие дурные дела в ту пору и наперед того делал ли, людей портил ли? И будет портил, и ково испортил?» Перепуганный до полусмерти (впереди — дыба, клещи, кнут, да, пожалуй, и сожжение в срубе!), Фомка показал следующее. Он — крестьянин дер. Яндогорова Кашинского уезда села Фроловского; «людей де и лошадей он лечит травами, а те травы словут богородецкая, да юрьева трава, да норишная трава; а те де травы дает он людям пить от животныя болезни и от грыжи; и грыжу заговаривал, и свечею горячею около пупа очерчивал, и зубами закусывал, и уговаривал грыжу у старых людей и у младенцов; а над грыжею говорил так: не грызи, грыжа, пупа, и нутра, и сердца, и тела у имярек. А кому де бывает какая притка от воды и от удару, и он наговаривал на те травы, про которые сказал, и давал пить. А говорил над травами: 70 суставов, 70 недугов и всякие недужки, праведной чудотворец, утиши те болезни и притчу. А кроме того, никаких уговоров не сказал». Привезенный к Григорию, Фомка лечил его так: «Он де ево, Григорья, в мыльне парил, и пуп и кости правил, и давал ему пить ту юрьеву траву в квасу, а не на-

¹ Т. е. 26 октября по ст. с.

говаривал на ту траву, и крестов в воду не кладывал, и тою водою Григорья не обдаывал, и ничево иново и никакова дурна не делал». «А его, Фомку, наутро отвезли домой, отвозил Григорьев человек Дружинка. А иных де людей у Григорья и нигде не лечивал; а лечил в быных во многих местах от болезней и от грыж младенцев; а никою людей он не порчивал, и коренья дурново и трав никому не даывал, и таких трав и коренья не знает». «После роспросу» Фомка, как более опасный арестант, «отдан держать» сначала дьяку Савве Самсонову,¹ а потом от Саввы взят к Федору Уварову.

Остальные подследственные — Ивашка Баклан, Ивашка Иконник, Якушка Васильев и Осташка Степанов, «отданы держать в Приказе денщиком».

17/1 начался выпуск арестованных, и первым был освобожден за поруку дмитровца Данила Шокурова Ивашка Иконник, неудачно заступавшийся за арестованную Арину весной 1648 г.; затем — крестьянин Сенька, ни с того ни с сего привезенный приставом Соловцовым вместо Стеньки, которого, собственно, тоже не надо было привозить, потому что за Фомкой ездил не он, а Осташка, от этого и не отпиравшийся. Освобожденный из-под ареста, Сенька был сдан на Григорьеве дворе доверенному человеку дьяка Протаске, потому что сам дьяк находился еще под арестом.

Но привозы еще продолжались. Пристав Елизарий Юров, вновь ездивший на Углич, вывез оттуда еще одно заподозренное лицо — Никиту Бологовского,² крестьянина Леонтия Погожева. Сдав Никиту денщикам, Алексею Корякину «с товарищи», Елизарий «подал 4 корешка маленьки, да в бумашке травы тертой маленько ж, и сказал: те де корешки и траву взял он у того Микитки в ту пору, как ево поимал и стал осматривать, чтоб на нем не было ножа».

В поданной Елизаром Юровым отписке углицкого воеводы Ильи Грязново разъяснялась путаница в грамоте, адресованной ему из Приказа сыскных дел: Приказ писал про отыскание Фомки в троицкой вотчине в с. Фроловском Кашинского уезда, а между тем такого села в Кашинском уезде не было. «И того, государь, села Фроловского сыскал на Угличе приказной монастырской слущка Ждан Заблиновский да староста Дмитрейко Федоров с товарищи», кстати разъяснившие, что «того Фомку уже взяли к Москве по первому государеву указу генваря в 8 день».

Отправляя Никиту Бологовского с 4 монастырскими служками «для береженья», Грязной счел почему-то нужным описать в своей отписке и костюм кашинского лекаря. «А на том, государь, Микитке платья — кавтанишко черное сермяжное худенько, да шубенко овчинное под крашениною худо, да шапенко сермяжное на овчинах, да штанишка белые суконные сермяжные». Служек, провожавших Микитку, в Москве задерживать не стали и, выдав им помеченное тем же 18 января удостоверение в исполнении данного им поручения, отпустили из Москвы на Углич.

Микитке были поставлены следующие вопросы: «Дияка Григорья Пятово он, Микитка, от сего времени за многие годы лечивал ли, и от чево и чем лечил? И после того к Григорью Пятово в с. Подлипище приезжал ли и, будучи у Григорья, что делал, ково лечил и от чево и чем, и сколь давно к Григорью приезжал?». Медицинские показания Микитки были обширны и содержательны. Он начал издалека. «Тому де годов с 30, как были служилые люди на Тихвине, а Григорей де Пятово на той службе был же, и в ту пору был он,

¹ Савва Самсонов по ДР — дьяк с 1633 г., был в Астрахани и в Моск. суди, приказе. Федор (вероятно, Федорович) Уваров — двор моск., пристав Посольского приказа.

² Никита называется то Бологовской, то Болховской, то Полховской.

Григорей, болен, а болезнь ево, Григорьева, была: людей не знал, и платя на себе драл и тосковал». Опамятовавшись, Григорий сказал, «что испортила его жонка, тое болезнь на него напустила». Микита, призванный еще тогда (в 1619 г.) лечить Григория, ему помог: «Обдавал ево, Григорья, с раковины водою, а на ту воду наговаривал. Да ему же де, Григорью, не велел он в мыльную ходить 9 ден. И от тое де ево леки Григорей выздоровел». Другой случай лечения Микитой высокопоставленного поциента имел место с Иевом Собакиным.¹ «Как был на Угличе воеводою Иев Собакин тому годов с 6, и в ту пору на того Иева Собакина была падучая болезнь. И он, Микитка, у Иева Собакина был и от тое болезни ево лечил тем же лекарством, чем Григорья Пятово лечил. И от того де Иев выздоровел же, а та де болезнь была над Бевым годов с 6». Года 4 тому назад² дьяк Григорий, ездивший на межеванье, посылал «перед тем поездом» за ним, Микиткой, своего человека и приглашал его в Подлипище. Когда Микитка приехал в Подлипище, Григорий сказал ему, что «во дворе ево нечистый дух лошади ломает, и оттого лошади и всякая скотина падет, и чтоб он, Микитка, тому пособил. И он де, Микитка, тому помогал: тое же раковину клал в воду, и на ту воду, наговаривал тем же наговором, и тою водою в конюшне по стенам, и лошади, и всякую скотину кропил, и оттого де в Григорьеве дому учинилась помочь». В тот приезд он занимался только ветеринарией и Григория никак, ни кореньями, ни травами, не лечил. «Подняв руку кверху, а другою подперши (см. выше стр. 236), по двору у Григорья он не хаживал и иных людей николи никого, опричь малых детей, не лечивал». Малым детям он помогал так: «Навязывал им на гойтаны корешки золоторуцкие травы. Те де корешки ныне с ним привезены, а толченная де трава, которая с ним же привезена, дал ему ее Углицкого уезду угличенина Власья Головинского человек Сенька Скоморох», лечивший ему самому, Микитке, глаза — «и он де, Микитка, тое траву в глаза свои пушал, и от тое де травы была малая помочь». От той же «очной болезни» Сенька Скоморох дал ему мыла, «и на том мыле начертил ножом, не ведает, что, и велел ему тем мылом умыватца. И как де он тем мылом умылся, и глаза де ево больши прежнего учали болеть; и как станет перед образы и учнет кланятца, и дьявол де ему кажетца въявь и кабы хочет глаза ево чем выколоть. И он де, Микитка, ходил в церкви и велел попу петь молебен великому чудотворцу Николе. И от тое де поры, как пели молебен, не учал враг ему казаться. И от тое де болезни он, Микитка, ныне не видит. А та де очная болезнь учинилась ему, Микитке, оттого: тот Сенька Скоморох ударил ево по щеке рукою наотмашь ниц».

Этими показаниями Микитка мог бы и ограничиться, но очевидно профессия приучила его к болтливости, и ему зачем-то понадобилось рассказать лишнюю историю про некую углицкую женку. «Есть де на Угличе, — плел Микитка, — на посаде жонка, живет за гостинным двором, а как ее зовут, того не ведает, а слово Белянка, потому что привезена она на Углич з Белые с матерью ее со вдовою, а какова она мужа жена, того не ведает. А знают де ее Углича посаду и Углицкого уезду все люди потому — приходят оне к ней, многие люди, ворожить о разных делах. И та де жонка ворожит, кладет крест в воду, и крестом в воде поворачивает, и смотря на крест, угадывает и сказывает, хто о чем загадает. А крест де тот поклонной меденой. Да и проезжие де многие люди к той жонке ворожить приходят, и он де, Микитка, к ней приходил же, чтоб ево глаза излечила, и она де глаз ево не излечила и велела итти для того к Сеньке Скомороху».

¹ Иов Степ. Собакин — дв. моск., известен ДР с 1630 по 1652 гг.

² Т. е. около 1645 г.

Волконский и Грязев выслушали и приняли к сведению эти сплетни про медицинских конкурентов Микитки; но, не углубляясь в них, деловито потребовали от него, чтобы он объяснил свои манипуляции по изгнанию бесов: «сказал он в роспросе, что лечил он Г. Пятово да И. Собакина и нечистой дух из григорьева двора отогнал тем: клал в воду раковину и на ту воду наговаривал, — и чтоб он сказал, как он на воду наговаривал». Микитка, судя по протоколу, сообщил следователям текст наговора, но в документах он не сохранился.

Микитку после допроса вручили для держания приказным денщикам (все тому же неизменному Елизарию Юрову с товарищи), а на Углич к воеводе Илье Грязнову погнали 19/1 гонцом пристава Алексея Корякина с грамотой к воеводе и наказною памятью лично для гонца об арестовании и привозе в Москву «для сысского великого дела» женки Белянки и Сеньки Скомороха, столь неудачно занимавшихся врачеванием микиткиных глаз. Относительно обоих окулистов были даны обычные инструкции: «Вестъ с великим бережением, чтоб с дороги не ушли и дурна никакова над собою не учинили» и т. д.

Отправившийся в путь 19/1, Ал. Корякин привез 25/1 из Углича женку Белянку, оказавшуюся Настасьицей, и Сеньку Скомороха, человека иноземца Власия Головинского, которые и были сданы уже известному нам приставу Мокею Лукину.

В этих числах (23 и 28 января) была произведена и некоторая перетасовка «колодников» между держателями. Так, дьяки Аникий Чистой и Степан Угодцкой были освобождены от едва ли им особенно приятной обязанности содержать столь опасных колодников, как Тимошку, находившегося у Аникия, и Аринку, бывшую у Степана Угодцкого. Дьяки натерпелись, вероятно, немалого страха от опасного соседства с колдунами. Неприятную повинность держать колодницу Аринку и отвечать за нее возложили на некоего Ивана Баркова, точное служебное положение которого нам неизвестно.¹ «А двор его, — замечает протокол следственного дела, — за Петровскими вороты в Стрелецкой слободе, блиско мосту, что через враг», т. е. в районе перепешных Каретной-Садовой и Самотеки.

Грамота угличского воеводы Ильи Грязнова гласила: «...жонка Белянка и... Сенька Скоморох пойманы на Угличе генваря в 21 день, в то же, государь, число, в которое прислана ко мне, х. т., твоя, государева, грамота». Для сопровождения «колодников» воевода послал троих монастырских служек, возложив на два угличские монастыря (Покровский и Архангельский) самый отвоз и провожатых и колодников. Ни подвод, ни служек, впрочем, в Приказе не задержали, и все они того же 25/1, по привозе Настасьи и Сеньки, были отпущены обратно в Углич.

Между тем, 12/2 в «великом сысском деле» произошло непредвиденное небольшое осложнение. Люди Григория Пятово Тимошка и Игнашка, за месяц перед тем оговаривавшие доверенное лицо дьяка, его приказчика Федора Артемьева, в двусмысленной похвальбе на сенокосе, через дьяка Василия Яковлева,² которому они были сданы на содержание, винулись в том, что они на очной ставке «сказали по Пронькину слову на тово человека Федора Ортемьева потому, что приказано ему, Федору, было в отчине государя нашего Григорья Деевича над нами, и он нам, Федор, нагрубил много, и мы потому на него зказали (так!). А мы, государь, — винулись холопы, — от него сами таких

¹ В те же годы в Москве был Ив. Фед. Барков, несколько позднее — воевода в Суздале (ДР). Оп ли это?

² Вас. Яковлев — старый служака, известный ДР с 1617 г., был дьяком в Астрахани и в Казани, во Владимирском судном и Ямском приказах. В 1638 г. за ним числилось 23 дв. (Кн. по Галичу № 4, л. 293). Яковлев своим посредничеством косвенно выручил коллегу Григория Пятово.

речей не слышали. И после, государь, розпросу отданы мы, сироты твои, государевы, за приставы и ноне сидим за приставами». Каясь в своем оговоре, холопы Пятово просили: «Пожалуй нас, сирот своих винных, не вели, государь, нашим ложным речам поверить, а в нашей страдничье сиротской вине ты, государь, празднои волен». После этого покаяния Игнашка был «отдан держать Устюжские чети приставу Алексею Корякину», только что перед тем ездившему в Углич. «Да ему же, Алексею, — прибавляет протокол, — отдана держать вдова Белянка, что привезена с Углича по Микиткину оговору».

Арестованные были, повидимому, частью переданы в ведение Устюжской четверти, которой ведал окольный Степан Гаврилович Пушкин¹ с Миной (Минеем) Грязевым, потому что трех Григорьевых крестьян (Якушку, Васку и Осташку) «выручили» из Устюжской четверти стремянной конюх Ив. Болдырев, стряпчий, «конюхов нарядчик» Мих. Чертков, стремянной конюх Артемий Козлов, звенигородец Богдан Федосеев, дворянин московский Тимофей Линева, жилец Денис Лукьянов да пушкарский голова Герасим Никифоров. Эти 7 человек были, повидимому, как-то связаны с дьяком Григорием.

23/3, затосковавший от вынужденного безделья и обиды, дьяк Григорий подал ц. Алексею челобитную, каждое слово которой было, вероятно, взвешено и обсуждено Григорием совместно с его опытными и рассудительными товарищами по дьячеству. «Грехом, государь, своим я, х. т., заскорбел от ран и от конских убоев многою скорбью и для, государь, своей скорби и мужика, государь, к себе имал и траву у нево пил. А коренья,² государь, ничево иново у нево не имывал и людем никаким не даывал. Милосердый государь (т.) Алексей Михайлович всеа Руси, пожалуй меня, холопа своего винново, для светлого воскресенья³ и для своего государева, многолетнего здоровья и государыни (т.) Марьи Ильиничны и благоверного государя царевича (т.) Дмитрея Алексеевича всеа Руси многолетнего здоровья, — вели, государь, меня, бедново, и людишек моих и крестьянишек из-за пристава свободить, чтоб мне, бедному, сидячи с людишки за пристава, не погинути и вконец розорену не быть до основанья».

Поданное 23/3 в великую пятницу челобитье дьяка было покрыто 24/3 пометой: «157-года марта в 24 день. Государь пожаловал, велел ево из-за пристава одного свободить». Пасхальное воскресенье (25/3) Григорий прогостил еще у того дворянина, которому он был сдан в качестве «колодника», но на второй день пасхи, была наложена резолюция и в Приказе сыскных дел: «157 года марта в 26 день. Взять к делу, а Григорья свободить».⁴

Повидимому, следом же за Григорием, за порукой торгового человека Гостинного ряда Петра Пустовалова и крестьянина Дмитровского Борисоглебского монастыря Герасима Павлова Хлебникова (своего сына?), выпущена была и злополучная болтунья Татьяна (жена Павла Хлебника), с обязательством «ставиться в Устюжской чети по вся дни». Остальные подсудимые и, во всяком случае, Пронька Плужников, о котором мы знаем, что он был под арестом еще 21/6, остались в узилище.

Заключения этого очень ценного с бытозой точки зрения дела не уцелело, хотя в конце сохранившегося столбца мы имеем доклад, в

¹ Ст. Гавр. Пушкин известен ДР с 1625 по 1656 гг. Он был послом в Польше, воеводой в Рильске, Путивле, Смоленске и носил титул наместника алаторского.

² Весь одиум, как видим, был не в траве, а именно в корешках. Страх перед корешками идет еще от сказок.

³ Пасха была в 1649 г. 25 марта, и дьяк выбрал для челобитья великую пятницу.

⁴ Положение Григория было несколько смягчено еще ранее: с 3/3 по 20/3 он находился под стражей у дв. м. Ивана Поливанова, а 20/3 был переведен, хотя тоже еще «под стражу», к своему родичу Протасию Неплюеву.

котором «роспросные речи снесены по статьям, где х которым речам которые надобны». Резолюции, однако, нет. Отлично протоколировавший все дело и, надо думать, проредактировавший и самый доклад, подыачий нам неизвестен, — во всяком случае, это был незаурядный литературный талант среди московского приказного мира. Сам дьяк Григорий после своего злополучного приключения из ДР исчезает; он сменяется на «разборе» кн. Ромодановского в Твери, на который соби-рался ехать перед своей неприятной историей, другим дьяком, Яковом Пятово, возможно братом своим, о котором, кроме этого упоминания в разрядах, мы других сведений не имеем. Может быть, именно вся рассказанная история и прервала окончательно карьеру старого дьяка, некрепкого ногами да и головой.

Дело Григория Пятово показательно во многих отношениях. По своей композиции и протеканию оно сходно с разыгравшимся в 1642 г. делом о порче царицы Евдокии, матери 13-летнего наследника престола Алексея, и, надо думать, очень сходно (не по результатам!) со знаменитым Романовским делом 1601 г., в котором тоже корешки едва не погубили деда царя Алексея, будущего патриарха Филарета.

Для истории холопства дело дьяка Григория Пятово показательно по той политической опасности, которая таилась в холоповладении: в боярских дворах могли вспыхнуть всегда тлевшие угли ненависти холопов к своим господам поработителям. Стоило царской власти преклонить ухо к ропоту дворни, как оттуда в ответ на высочайшее внимание разгорались изобретательность холопов в доносах и мелкая злая памятьливость на разные домашние события, так наглядно проявленные Пронькой и Мартынкой, незадолго перед тем отстеганными кнутом на привязи у саней.

Остальные персонажи дела, — все эти старцы, попы, протопопы, приказные люди, приставы дьяк Мина, окольный Мерин Волконский, сам сангвинический царь Алексей, — выступают перед нами в своих типично средневековых образах и даже с индивидуальными чертами: бестолковый боярин Мерин Волконский, пронырливый поп Кирилл, тяжелодумный протопоп Симеон, ревнивая баба Татьяна, злая, сварливая Арина и уездные эскулапы — пьяный Фомка, фокусник Тимошка и ни с того ни с сего припутанные к делу окулисты Сенька Скомо-рох и баба Белянка — Настасья. Вся эта компания смотрит на нас как живая с полуистлевших листов приказного столбца.

ПДСЛ, 1649 г., № 1.

§ 2. ДЕЛО ХОЛОПОВ СКОРЛАТОВЫХ И ДВОРЯНИНА МОСКОВСКОГО В. С. ЖИДОВИНОВА

В драматическом деле Прасковьи (в пострижении — Пелагеи) Скорлатовой с детьми и В. С. Жидовинова вскрывается картина гнусных насилий, в течение долгих веков совершавшихся сильными закабали-телями над их беззащитными жертвами. В данном деле кабалит своих племянников их собственный влиятельный дядюшка, дружелюбно приютивший их у себя во дворе «по родству», дв. моск. В. С. Жидовинов¹, быть может, принадлежавший не так давно к опричному кругу Грозного или к тушинцам эпохи Смуты. Не трудно дополнить воображением картину заманивания в ловушку этим разбойником без-защитной вдовы с тремя маленькими детьми 3 и до 5 лет, прельстив-шейся «гостеприимством» своего ласкового двоюродного брата и дядюшки своих детей.

Тяжба Скорлатовой и Жидовинова стоит в связи с событиями 1648

¹ Вас. Серг. Жидовинов известен ДР с 1629 (137) г.; в 1659 (167) г. он был приста-вом у датских послов, а в 1660 (168) г. был послан «для станова» в царском походе; подан-ным 1838 (146) г. у него было 43 дв. (Боярская № 14, л. 98). Повидимому, сын его, Ив. Вас. Жидовинов, был стрелецким головой.

(156) г. Пелагея Скорлатова выдавала себя в начале тяжбы за иноземку, вышедшую в 1636 (144) г. из Волошской земли через Литву с детьми Федькой (5-ти лет), Кузькой и Пронькой (3-х лет) Филипповыми, из которых два последние были «близнятами». На основании своего якобы иноземного происхождения Пелагея обратилась в Посольский приказ и успела даже получить оттуда некоторую поддержку, так как в суде ей ассистировал толмач Посольского приказа. По показаниям Пелагеи, в 1646 (154) г., муж ее, «волошенин», служил некогда в Могилеве в польских войсках гусаром, но «тому лет 14» (т. е. около 1632 г.) «вышел на государево имя». По ее словам, некоторое время она проживала у своего зятя Еремея Жаблинского. Дети ее, тогда бродившие по улице без призора, вскоре пропали, а она в ту же зиму постриглась в Зачатьевском монастыре. В 1646 г. Пелагею отыскал в монастыре ее старший сын Федька, которому в этот момент было уже 19 лет. Скорлатова узнала от Федьки, что 14 лет тому назад ее детей «скрал» В. С. Жидовинов; он держал их некоторое время в своей ярославской вотчине, а потом, не смотря на их малолетство, закабалил на Вологде формальной кабалой.

Жалоба Скорлатовой почему-то привлекла внимание молодого ц. Алексея, дело было изъято из недр Холопнего приказа и поручено сидевшим в Приказе сыских дел, кн. П. Ф. Волконскому и дьяку Мине Грязеву.¹ Вызванный в суд, В. С. Жидовинов в долгу перед Пелагеей не остался и за словом в карман не полез. Он заявил, конечно, что детей не крал и не увозил, что Пелагея пришла к нему с детьми сама, а что кабалы на них он взял, когда они «пришли уже в года». В подтверждение своих показаний Жидовинов слался в повальный обыск и заявлял, что Пелагея совсем не иноземка, а дочь старинного холопа Жидовиновых, жившая в холопстве у Нееловых. На Пелагею Жидовинов не имел кабалы будто бы только потому, что она «стара(!) и непрочна». Жидовинов выложил перед судьями и самые кабалы, взятые им, когда Проньке и Кузьке было лет по 11—12 (хотя написали их в кабале 16—17-летними). В кабале 1643 (151) г. Пронька² был показан даже «старинным холопом» Жидовинова. Таким же старинным жидовиновским холопом в своей кабале, «выданной» им 2/4 1644 (152) г., оказался и Пронькин близнец, Кузька. В ярославской съезжей избе, где происходило закабаление, ему насчитали в 1644 (152) г. 17 лет.³ Для большей прочности, как показал сам Жидовинов, он женил Федьку (старшего) на вдове Антониде Поганцевой, а Кузьку — на девке Федорке, только что закабаленной им на Вологде, уже безо всякого упоминания в кабале о ее годах.⁴

Отвергнув версию Скорлатовой, Жидовинов слался на Ярославский и Вологодский уезды «около своих поместей в повальной обыск и на Москве около своего двора в повальной же обыск без выбору и без отводу, что де те люди, Федька, и Кузька, и Демьянка (прозвище Пронька), и мать их, вдова Прасковья, жили у него, Василия, во дворе. Тому де года с 3 била она челом ему, чтоб ее постричь, и он ее отпустил, и она де от него сошла и ходила недели с 3 и пришла к нему пострижена, и он ее отослал в Зачатьевский монастырь к по-

¹ Кн. Петр Фед. Волконский, прозвище Меринок или Меринов (об его отце князе Мерине см. выше, стр. 211), известен ДР с 1617 г. по 1650 г., как стольник, рында, окольничий, судья на литовском рубеже, воевода на Уфе, в Пельме, в Путивле. О Мине Грязеве см. выше, стр. 211.

² Приметы: «Волосом рус, глаза кари, нос вскорос, левые руки на запястье рубчик».

³ Приметы: «Волосом светлорус, нос вскорос, глаза кари, у левой руки на персте рубчик». Первая и вторая кабалы были выданы в Ярославле перед ярославским губным старостой Внуковым, очевидно, глядевшим на 12-летних мальчиков глазами кабалившего их Жидовинова.

⁴ Кабалу на Федору Жидовинов взял почти в тех же числах, как и на мальчиков. Она помечена 10/3 1644 (152) г. и взята была на Вологде перед стольником и воеводою кн. И. С. Прозоровским и дьяком Ст. Угоцким (лл. 27—29).

сестрее своей, к Анне, и жила де она у посестрее ево в монастыре по нынешней 156-й (1648) год по другую неделю Великого поста по понедельник и никуда не съезживала, — в том он шлетца на Зачатейский монастырь на игуменю с сестрами в повальный обыск». Отрицая свои проделки с малолетними Скорлатовыми, Жидовинов бил челом, чтобы государь «указал ее, старицыных, детей пытать, хто их ево, Васильевы люди, подговоря, свезли силою, а они де ему били челом из воли».

Волконский и Грязев предлагаемой Жидовиновым пытки не отвергли, но когда старица Пелагея и дети ее были поставлены перед перспективой дыбы, жжения, кнута и крови, они дрогнули, и старица дала иные, и на этот раз несомненно вполне правдивые показания, но и эти ее новые показания тоже едва ли были к выгоде Жидовинова. Пелагея показала, что она «перед государем виновата, что она звалась иноземкою, а она де русская, послужилица боярина Ф. И. Шереметева, человеку Данилу Васильеву сыну Жидовинову сестра родная; и ныне тот ее брат пострижен в Ярославле в Спаском монастыре; а ее де сыскал и научил бить челом о себе и о детях и сказаться иноземкою племянник ее, вдовы княгини Овдотьи князь Степановской жены Гагина человек, Микитка Данилов Жидовинов. И сына ее меньшого Демьянка, прозвище Проньку,¹ взял он, Микитка, к себе и сказывать про него, Проньку, в Посольском приказе не велел». Пелагея рассказала, что она действительно была в плену в Литве, а взяли ее в плен девокою в поместье Ярослава Тухачевского в дер. Уткине, когда король Владислав взял Смоленск. В Смоленске ее выдал замуж Егуп Петоцкий за волошенина Филона Скорлатова. Про свой выход Пелагея сказала «те же речи, что и 1 марта, и выход де ее в Розряде записан; а вышед из Литвы, жила на Москве, переходя, и Василей де Жидовинов перезвал ее з детьми к себе и сказал, что он, Василей, тех же Жидовиновых, что и брат де Данило Жидовинов; и жила де она, Прасковья, у него, Василия, до постриженья лет с 6, а постригшись, жила у ево, Васильевой, посестрии у Анны в Зачатейском монастыре с полчетверта года; а дети де ее жили и по се время у Василья Жидовинова во дворе, и кабалы на них он взял».

Когда племянник Пелагеи Никита Данилов, уstraшенный дыбой и кнутом, отперся от того, что он научал тетку бить челом, признаваясь только в том, что он прятал двоюродного брата Проньку («держал у себя по ее челобитью — в том, государь, волен»), Пелагея благодарно поспешила взять вину инициативы на себя и выгородить Никиту. Перекупанные дети, Федька и Пронька (аиас Демьянка), в допросе сказали, что они «иноземцевы дети и вышли из Литвы к Москве, и на Москве мать их, и их к себе перезвал Василей Жидовинов, и кабалы они на себя ему, Василию, давали волею и неволею; а ныне де они послушали чужого разума, научили их иноземцы гулящие люди; а ныне де они хотят служить Василию Жидовинову».

Как бы для того, чтобы дать дорисовать Василию Жидовинову свой автопортрет, «князь Петр Федорович и диак Мина против старицыных речей и ее детей Василья Жидовинова допрашивали». Допрашивающие узнали тогда кое-что интересное о происхождении несчастных Пелагеи и ее мальчиков. Жидовинов показал следователям то, о чем, быть может, из чувства стыдливости умалчивала Пелагея. Сообщив данные о родословной Жидовиновых, он прибавил: «Слышел де он, Василей, у отца своего Степана, что дед ево Иван, прозвище Ширяй, Жидовинов тое старицына отца Ваську з братьями с Мишкою да с Тишкою добыл у рабы своей Катеринки, и те де три брата,² Васька

¹ В деле он называется именно Пронькой.

² Рожденные Катериной.

и Мишка и Тишка, жили в холопстве (?) у деда ево, у Ивана Ширия, по ево смерть, и после своей смерти (он) их отпустил; а она де, Прасковья (Пелагея), жила у него, Василья, за словом добровольно з детьми своими и била ему челом, и он де ее и отпустил; и она де, походя недель з 10, пришла к нему, Василью, опять и била челом ему, Василью, в холопство з детьми своими. И как дети ее пришли в указные годы, и он на них и кабалы взял и по ся места они у него во дворе жили и никуда не ухаживали». Жидовинов имел дерзость подать при этом три кабалы на мальчиков, из которых следовало, что Федьку он закабалил в 1641 (149) г. 14-ти лет. Куземку — в 1644 (152) г. 11-ти лет и Проньку (Демьянку) в 1643 (151) г. — 10-ти лет.

Закабалитель не останавливался ни перед подлогом (сомнительно, чтобы при взятии кабал на детей налицо были именно они, и не было так называемой «подставы»¹), ни перед бесстыдной ложью, в которой его неизбежно тут же должны были уличить. Ему все нипочем! Он кабалит не только чужих баб и девок (каких-то Федорок и Антонидок) с целью окрутить их с этими 12-летними мальчиками, но кабалит и собственных внебрачных племянников, ибо Пелагея-Прасковья была ему по отцу двоюродной сестрой, а Федька, Пронька и Куземка племянниками. Этому Собакевичу XVII в. лучше не попадайся на дороге, и понятно, что нервы Пелагеи и мальчиков не выдержали, когда они встретились с ним на суде, а он привлек к содействию казенную дыбу и кнут. Вот, небольшая, но выразительная картина противостояния двух сторон в московском приказе! Дело было передано Волконскому и Грязеву по личному, нам неизвестно как и чем вызванному, распоряжению 19-летнего ц. Алексея. Что же дало царское вмешательство? На старицу Пелагею и мальчиков взирали холодные глаза двух принципиальных союзников Василия Жидовинова, не пожелавших заметить его лжи и сбивчивых показаний, не придавших значения даже тому, что кабалы на ребят он брал неволей (этого мальчики не умолчали и перед дыбой!), и с канцелярской беспощадностью поставивших несчастную мать и ее сыновей перед палачом, вместо того, чтобы взять за ворот плута и разрушителя основных указов о холопстве.

До нас дошел обстоятельный доклад Волконского — Грязева, приговоренный для царя, но мы напрасно стали бы искать в нем усилий уличить Жидовинова во лжи и дать царю возможность понять всю дерзость закабалителя, недопустимую даже с точки зрения нетребовательного и невзыскательного в таких делах московского приказа. Да и ц. Алексею было, вероятно, не до того: сделав жест негодования по поводу гнусности обратившего на себя его внимание случая, он спешил уже к другим, более для него важным и близким, делам дворцового обихода.²

3. ДЕЛО ПУШКАРЯ ДАНИЛЫ БОЛЬШОЙ БОРОДЫ И ДВОРЯН МОСКОВСКИХ ЛОДЫГИНЫХ

Весьма показательным для социально-политических настроений 1648—1651 гг. и для деятельности разных органов Московского государства является дело о насильственном закабалении темниковского пушкаря Данилы Дмитриева сына, по прозвищу Большая Борода, ложно называемого закабалителями Лодыгиными Елагиним.

Темниковский пушкарь Данила Дмитриев, прозвище Большая Борода, был схвачен вместе с семьей в 1630 (138) г. темниковским и инсарским воеводой Гаврилой Васильевичем Лодыгиным и насильно увезен им из Темникова верст за 100 к северу, в Арзамас. После истязаний,

¹ Т. е. подмены.

² ПДСЛ, 1648, № 17.

Лодыгин закабалил его перед свойственником своим арзамасским воеводой кн. Венедиктом Оболенским, несмотря на то, что еще отец Данилы, Дмитрий, чуть не с Казанского похода Грозного в течение целых 60 лет был темниковским пушкарем, да и сам Данила состоял в пушкарской службе в том же Темникове уже лет 20. Лодыгин не побоялся такого дерзкого насильственного закабаления служилого человека с семьей, состоявшей из 7 человек, и заставил молчать его в течение целых 19 лет. Только полоса общего возбуждения 1648—1651 гг. дала Даниле возможность начать отвоевание своей свободы. Гавриле Лодыгину было на что и на кого опереться, так как семья Лодыгиных — семья сильная: ДР знают в эти годы, кроме самого Гаврилы, четверых Васильевичей Лодыгиных — Артемия (дворянина московского, воронежского воеводу), Дмитрия (дворянина московского, писца в Нижнем Новгороде), Ивана (ярославского воеводу) и Тимофея Дмитриевича (дворянина московского, сидевшего в Большом приказе).¹ Сам Гаврила побывал воеводою в Перми, Галиче, Темникове и Инсаре. Следом за Гаврилой подвигались по службе его сыновья — стольники Кондрат и Увар. Помимо этой семьи, ДР знают еще около двух десятков других Лодыгиных, тоже дворян московских, стольников, стряпчих. Есть среди них даже один дьяк — Михайло Лодыгин. По данным 1638 г., у Г. В. Лодыгина было 66 дворов,² у его сына, стольника Кондратия, — 29 дворов,³ у Увара — тоже 29 дворов на Алатыре.⁴ У всех других Лодыгиных, известных ДР, вместе взятых, числилось в 1638 г. значительно более 150 дворов. Из приведенных данных видим, что Лодыгины — выдающаяся по численности, силе и богатству семья столичного дворянства, находившаяся, без сомнения, в свойстве или родстве с несколькими десятками других служилых московских родов. Их свойственник кн. Венедикт Оболенский (дворянин московский, стольник, под конец жизни окольничий) был в разное время воеводой на Луках Великих, на Терках и в других местах. Он известен нам по одному случайному эпизоду, попавшему почему-то на страницы Полного Собрания Законов (т. I): проезжая в 1649 г. мимо его московской усадьбы, ц. Алексей увидел, что на дворе кн. Венедикта холопы были заняты работой в воскресенье, и указал посадить за это хозяина их на 3 дня в тюрьму — распоряжение необычное, быть может, связанное с проделкой Оболенского, известной нам из настоящего процесса, и заставившей, судя по документам тяжбы, о себе говорить в окружении Алексея как раз в этом году. Трехдневное пребывание в узилище не помешало, однако, кн. Венедикту в 1661 г. получить чин окольничего; до боярства он, повидимому, не дослужился. В 1638 г. у него значилось 27 дворов.⁵

Данила Большая Борода, жертва этой высокопоставленной шайки, принадлежал к многочисленному разряду мелких служилых людей (затинщиков, воротников, пушкарей и т. д.), массами поселяемых в южных опасных районах и выносивших всю тяжесть сторожевой и оборонной службы. Отражая татарские набеги, эти люди прикрывались фашинами да земляными турами и отстреливались из своих разнокалиберных, чуть не столетнего возраста, растрескавшихся, заплатанных и запаянных единорогов и затинных пищалей, остерегаясь при каждом выстреле, как бы заряд вместе с частями разорвавшегося орудия не попал вместо неприятеля в артиллерийскую прислугу. Стоит только посмотреть списки тогдашних пушек, чтобы понять, что это за оружие!⁶ Правительство

¹ АЮ, № 347; АМГ, *passim*.

² Боярская № 14, л. 14.

³ Книга по Москве № 2, л. 195.

⁴ Книга по Москве № 2, л. 300.

⁵ Книга по Москве № 2, л. 137.

⁶ См. нашу работу «Засечная черта Московского государства».

предоставляло этим категориям служилых людей промыслять чем угодно — хлебопашеством, огородничеством, ремеслами, торговлей т. д., крайне скупо и далеко не каждый год выдавая им ничтожное денежное и хлебное жалованье. В борьбе между Лодыгиными и пушкарем Данилой столкнулись типичные представители двух служилых миров — выходец из крупных служилых людей и выходец из «прибора», и настоящее дело дает нам возможность уловить самую динамику этих отношений и оценить силу напора закабалителей и силу сопротивления закабаляемых. Случай незаурядный: закабалителями являются представители сильного московского служилого рода, а объектом закабаления — не одинокая девка с волосом, растущим из глаза,¹ или беззащитный бродяга, а крепкая, здоровая и цепкая семья мелких служилых людей, заставившая, благодаря обстоятельству момента (1648—1651 гг.), заинтересоваться своей участью и государя, и бояр, и даже Холопий приказ. Перед нами весь механизм высшей и низшей московской администрации, начиная с царских теремов и кончая инсарским воеводой. Каковой же должна была быть сила Лодыгиных, если в 1630 г. они могли насильно закабалить царского пушкаря, и тот в течение полных 19 лет (с 1630 по 1649 гг.) должен был молчать и носить холопье ярмо, не посмея вступить в борьбу с насильниками даже в 1648 г., более для пушкаря Данилы выгодном, чем 1649 г., когда тяжба была им начата.

По данным Холопьяго приказа мы знаем, что тяжба была в ходу с января 1649 г., но сохранившимися документами она представлена только с апреля того же года. Процесс начался челобитной, поданной не самим Данилой, а его сыном Григорием, сбежавшим от Лодыгина в 1639 (147) г. в даточные, но принудительно возвращенным в качестве холопа Увару, сыну Гаврилы Лодыгина. Еще зимой 1648—1649 гг. Григорий сумел подать свою первую жалобу в Холопий приказ, возможно, в форме подписной челобитной. Узнав об этой жалобе, Увар Лодыгин принял энергичные меры: самого Данилу он сослал «на Алатырь» в свое поместье, а подавшего на него жалобу Гришку посадил за пристава в Холопий приказ. Бой был начат Лодыгиными, и похолопленный 19 лет тому назад темниковский пушкарь Данила принял его.

17/3 1649 г. в Холопий приказ поступило челобитье и самого пушкаря Данилы. Пушкарь писал: «Отец мой, Дмитрий Большая борода, служил блаженные памяти прежним государем в Темникове в пушкарях 60 лет, а я, х. т., после отца своего в Темникове городе был в пушкарях же и служил блаженные памяти отцу твоему государеву (т. е. ц. Михаилу) 20 лет». Рассказав о своем насильственном закабалении вместе с женою и детьми воеводой Гаврилой Лодыгиным и об отправлении их после закабаления к сыну Гаврилы Лодыгина Увару в Москву, Данила напоминал о челобитной, поданной им по этому поводу еще покойному ц. Михаилу в 1643 (151) г., и о царском указе в ответ на это челобитье — «учинить ему очную ставку с Гаврилом Лодыгиным». «Учинить» очную ставку велено было Степану Ивановичу Истленьеву.² «И тот, государь, Степан Иванович Истленьев мне, х. т., изманил³, а оч-

¹ Случай из изданной нами Записной кабальной книги 111 г.

² Степан Иванович Истленьев — двор. моск., сидел в Холопьем приказе в 1640—1644 гг. Он известен ДР с 1614 г., когда был на Ливнах; в 1642 г. он был приставом у датского посла. Кроме Ливен, Истленьев побывал воеводой в Пронске, на Таре и на Москве, ездил послом в Персию, бывал приставом у послов английского, кизилбашского и датского, сидел в Московском судном приказе, в Каменном приказе и в Казенном приказе (ДР). В 1638 г. у него было 144 дв. (Боярская № 14, л. 19 об.). Истленьевых немало. Они движутся по службе целым отрядом. За Степаном подвигался его сын, стольник Иван Степанович, имевший в 1638 г. 9 дв. (Кн. по Москве № 2, л. 236). Двое Истленьевых, Григорий и Семен, сидели в качестве подключников в дворцовом управлении и тоже были значительными дворовладельцами. Матвей Степанович — рында и стольник, добрался до должности ухажбичего и заседал в Московском судном приказе.

³ «Изманил», т. е. обещал, тянул, но не выполнил.

ной ставки мне, х. т., с ним, Гаврилом, не чинил. И тот, государь, Гаврило Лодыгин меня, х. т., велел людям своим изымать на площади... и на двор к себе привести и сослал меня, х. т., в олаторское поместье, и по ся места меня, х. т., держит в своем олаторском поместье в чепи и в железех (с 1643 г.)». «И в нынешнем, государь, во 157 (1649) г. сынишко мой Гришка учел бити челом тебе, праведному государю, по прежнему моему челобитью; и тот, государь, Увар Лодыгин сынишка моего изымал на площади с приставами, и привел здесь на Москве в Приказ холопья суда, и отдал ево за пристава, и велел ево сковать, чтобы некому было за меня, х. т., тебе, праведному государю, бити челом. И стольник, государь, кн. Василий Богданович¹ с товарищи хочет того моего сынишка отдать ему, Увару Лодыгину, без сыску и без твоего, государь, указу». Данила просил о «сыскной грамоте» в Темников к стольнику кн. Я. А. Шелешпальскому: «Вели, государь, про службу отца моего и про мою службишко сыскать всем Темниковым городом, и писцовыми книгами, и повальным обыском и родители мои, которые есть ныне в животе и служат тебе, государю, всякие твои, государевы, службы и доныне».

Энергичное и смелое челобитье. Данилы, благодаря обстоятельствам времени (1649 г.), возымело действие, и на нем была положена следующая резолюция: «157 (1649) г. апреля в 18 день. Государь пожаловал, велел дело досмотреть и указ учинить, и дело взнести к боярину к Ивану Васильевичу Морозову и кн. Михаилу Петровичу Пронскому с товарищи». На челобитной приказная резолюция: ² «(Апреля) 23 дня. Взять к делу». Подписная челобитная Данилы возымела действие и в другом направлении: на запрос Холопьяго приказа в Казанский дворец к боярину кн. Алексею Никитичу Трубецкому и дьякам Лариону Лопухину, Федору Грибоедову и Томиле Перфильеву была получена справка о том, что «в темноковских дозорных книгах Ивана Усова с товарищи 122 (1616) г. написан во дворе пушкарь Данилко Дмитриев, а прозвища Большой Бороды не написано». Про жалованье пушкарю Данилы данных в Казанском дворце не оказалось, «потому что ис Темникова окладных книг пушкарем и затинщиком в приказ Казанского дворца не присылают». Казанский дворец удостоверял вместе с тем, что Гаврила Васильев сын Лодыгин в 139 (1631) г. в Темникове воеводой действительно был.

28/5 1649 г. сын Данилы Григорий, которому принадлежит честь возбуждения дела, в своей челобитной жаловался на то, что Увар Лодыгин, в апреле («после святой недели») обязанный порукою поставить Данилу на Москве в Приказе холопьяго суда в первое воскресенье Петрова поста (27 мая), — «а срок дан ему, Увару, полной», — на тот срок Данилы не поставил, — «хотя меня, беднова, видеть в большом пожелезном и многое время изволочить». ³ «Бедный и беспомощный» Григорий просил об указе, дабы ему «в ево, Уварове, волоките и в большом пожелезном не одолжать и вконец не погинуть». «И стольник кн. В. Б. Волконский, да Григорей Арефьевич, да диаки

¹ Кн. Василий Богданович Волконский, сидевший в 1649 (157) г. в Холопьем приказе, — рында, стольник, ухабничий; после 1649 г. — воевода на Крапивне, в Астрахани, в Переяславле-Рязанском, окольничий; известен ДР с 1634 до 1671 (142—179) гг. Эта ветвь Волконских — сродни Стрешневым. В 1638 г. за В. Б. Волконским числилось 64 дв. (Кн. по Москве № 2, л. 158).

² В тогдашний состав Холопьяго приказа входили, кроме только что упомянутого кн. Волконского, Григорий Арефьевич Неронов и дьяки Савва Самсонов и Семен Ключарев. Неронов известен ДР как посол в Крым в 1646 (152) г. Если Неронов Григорий Арефьевич тождествен с Нероновым Григорием Замятиным, то это — двор. моск., за которым числилось в 1638 г. 25 дв. (Боярская № 14, л. 123 об.). Савва Самсонов известен ДР в качестве дьяка с 1633 г. Он был дьяком в Астрахани и в Московском судном приказе.

³ Взятия Григория под стражу Лодыгин добился еще зимой.

Сава да Семен, выслушав (28 мая) челобитную, велели взять к делу и положить на стол», отнесясь к жалобе, повидимому, с классическим приказным безразличием.

Но «рука» была и у Лодыгина. Немедленно, 29/5, подал свою подписание челобитную и «Уарка Лодыгин», излагая в ней такую лживую версию: «сбежал от него его кабальный человек Гришка Данилов Елагин, «хотя отбыть холопства, стакався с отцом своим». «Бьет челом тебе, государь, — восклицал Увар, — ложно отца своего именем Данилки Дмитриева сына Большие Бороды, будто отец мой Гаврило Васильевич, будучи в Темникове, покабалил ево, Данилка, сильно. И я, х. т., бил челом тебе, государю, на того своего кабального человека беглова, на Гришку, о суде, и князь Василей Волконской с товарищи суд мне, х. т., на беглово моево кабального человека не дал, а велел меня дать на поруку, што поставить мне кабального своего человека Гришкина отца Данилка в Холопье приказе». Лодыгин объяснял, что он послал в алатырскую деревню своего человека Сеньку Татарина, но на указной срок из алатырской деревни «людишка ево не бывали за грезьми и за водопольем, и что деревнишко дальнее». Лодыгин просил «для грязей и водополья» дать ему «другой поверстный срок». 29/5 челобитная была доложена царю и «государь пожаловал, велел дать срок на 3 недели. Стрелка весов московской Фемиды наклонилась в другую сторону.

Упредив данный ему срок на целую неделю, 13/6 Увар Лодыгин «бил челом в Приказе словесно, а сказал: велено де ему поставить человека своего Данилка Дмитриева сына Елагина, что ево ж, Уаров, человек Гришка Елагин воровски назвал того Данилка, отца своего, темниковским пушкарем и прозвище ему, сказал, будто он — Данилка Большая Борода, и он де, Уар, того своего человека кабальново Данилка в Приказе холопыя суда для допросу поставил».

Допрошенный тут же Данила нарисовал полную картину насилий Гаврилы Лодыгина. «Зовут де ево Данилком, Дмитриев сын Большая Борода. Отец де его Дмитрейко Созонов сын Большая Борода при прежних государех в Темникове был в пушкарях лет с 60 и блаженные памяти при государе (т.) Василье Ивановиче отец ево Дмитрейка Большая Борода в Темникове в пушкарях умер, а он де, Данилко, после отца своего в Темникове ж был в пушкарях лет з 20 и больши. А жалованья государева денежного и хлебново темниковским пушкарям изстари и по ся места не бывало, а пожалованы оне вместо денежного и хлебного жалованья русскими и татарскими и мордовскими неделями.¹ А живут темниковские пушкарки своими дворами в особой слободе. И он де, Данило, в Пушкарской слободе в пушкарях жил своим двором, и в дозорных книгах Ивана Усова, (а) после того дозору в писцовых книгах Степана Хрушова с товарищи двор ево, Данилков, написан».

Уже цитированный выше рассказ о своем насильственном закабалении Гаврилой Лодыгиным Данила дополнил следующими подробностями: «И он де, Гаврила, посадил ево, Данилка, в Темникове в тюрьму, неведомо за что, и выняв ис тюрьмы и устрастя, посылал ево с сыном своим с Кондратием Лодыгиным (см. выше) в Орзамас. В Орзамасе тот Кондратей в том же году взял на нево служилую кабалу; а на отцово имя взял кабалу, или на Уарово, или на свое Кондратьево, — и он де про то не ведает. И в прошлом во 151 (1643) г. блаженные памяти царю (т.) Михаилу Федоровичу бил челом он, Данилка, на нево, Гаврила Лодыгина, в том ево насильном холопстве; и по государеву де указу велено было ему, Гаврилу, положить на

¹ Т. е. исполнением служебных поручений, связанных по древнему обычаю с кормами. Ср. Русскую Правду, Судебники, уставные грамоты и т. д.

нево, Данилка, крепость; и он де, Гаврила ево, Данилка, людям своим велел поймать на Москве на Пожаре, против Никольских ворот и, поймав ево, сослал на Олаторь сына своего в Уварово поместье Лодыгина в Талызину слободу; и в той де Талызине слободe, вода ево по улицам, за то челобитье били кнутом и посадили в колоды, и в колоде он, Данилка, сидел два года, помирал голодною смертью. И в нынешнем де во 157 (1649) г. по ево, Данилку, веленью сын де ево Гришка бил челом государю на Уара Лодыгина в том же насильном холопстве; и он де, Уар, отписал на Олаторь к жене своей в Талызину слободу о том челобитье, и жена ево Полагая Иванова, ево, Данилка, в 3 перемены 6 человеком велела бить плетьюми замертво и велела посадити в колоду и морить голодом. И сидел де он с Велика дни по Петрово заговенье в колоде. А жену ево Маньку Уарова жена Полагая сослала к нему, Уару, в подмосковную деревню; и с тех де мест и по ся места (она) живот свой мучит в чеши и в железах у жорнова и мелет безпрестанно. А сына де Гришку он, Данилка, прижил с женою в Темникове в пушкарях до того насильного холопства. А у нево де, Гаврила, живучи в невольном холопстве и у детей ево живучи, з женою своею прижил трое детей: девку Маринку, да девку Оксютку, да сына Еуфимка. И ныне де ево, Данилка, Уаровы люди, Васья Татарин, привез к Москве душою да телом и привел в Холопий приказ, а жена ево дети разосланы порознь в розные ево, Уаровы, деревни».

Князь В. Волконский со своими ассистентами, как бесстрастно сообщает приказный протокол, «речи ево велели записать», а Данилку сдать «на поруки з записью приставу Андрею Деткову, а будет по нем поруки не будет, и ему держать ево у себя за приставом до государева •указу. А на нем Данилке платья — шуба боранья, да нагрудник зенденный, штанишка лазоревы ветчаные, шапенка черная с пухом, ветха, крест серебрян. Платья на себе, сказал, свое, денег, сказал, у нево нет».

Холопий приказ, подгоняемый, вероятно, подписной челобитной, зашевелился и приговорил «Увару Лодыгину з Данилком дать очную ставку», которая почему-то однако не состоялась до 25/6, когда Данила подал новую челобитную. В ней, в дополнение к прежнему своему рассказу, он жаловался, что Гаврила Лодыгин не только его «покабалил сильно з женишкою и детишками», но не побрезговал и животами его: взял его «пушкарский дворишко, платишка и животины на 15 рублей с полтиною». Повторив в этом челобитье уже известный нам рассказ о насильственном взятии Гаврилой кабалы в Арзамасе, Данила прибавлял, что при выдаче кабалы он не был даже осведомлен, на чье имя была взята кабала.

В своих ответных показаниях в Приказе 25/6 Увар начисто отрицал насильственное похолопление, утверждая, что Данила для своего закабаления сам явился в Арзамас и назвался вольным, что Гришку он «после той их кабалы» женил на девке Дуньке, которую ему дал Иван Кутузов. Иску Данилы на отнятые у него животы Лодыгин противопоставил свой иск о сносе Данилой при побеге «денег и на себе платья» на 15 р. 29 ал. 2 д.

В прениях, происходивших в Приказе 26/6, Данила предложил в подкрепление своей версии сделать справку с писцовыми книгами и произвести повальный обыск, ссылаясь «из виноватых на весь город Темников и на Темниковский уезд, да на другой город, на Инзару, на всяких чинов людей в том, что тех обеих городов всякие люди отца ево Дмитрейка Большую Бороду и ево, Данилка, в Темникове в пушкарях знали». Лодыгин не решился отклонить опасную для него ссылку на темниковские писцовые книги, но заявил, что «в повальной обыск на Темников, и на Темниковский уезд, и на Инзару слатца и не слатца не

смеет, потому что отец де ево, Гаврила Лодыгин, был в Темникове воеводою, а Инзара де была в те поры темниковского присуду, а города де не было, и у отца де ево с Темниковым городом и с уездными людьми была в государевых делах ссора во многих делах». Из этой опасливости Лодыгина заключаем, что случай с похолоплением Данилы был не единственный, были за Гаврилой и другие подобные же дела и, вероятно, не малые.

Проявляя известную, хотя и невысокого полета, изворотливость, Увар бил челом словесно, предложив Даниле каверзный вопрос о том, хочет ли он «прав и виноват быть распиской» (разногласием) между челобитной Григория, с которой началось все дело, и исковой челобитной самого Данилы. Данила ответил с достоинством и смелостью: «Против де их сказки (т. е. показаний) и челобитные написаны, — как де им своим челобитьем не хотеть правым быть и виноватым?»

Тогда Увар с торжеством указал на это предосудительное разногласие: «В прежнем де их челобитье написано: Данилка Дмитриев сын Большие Бороды сын, а в нынешней (от 25 июня) де челобитной, что подал о суде, написался Дмитриев сын, а Большой Бороды не написано, и он де тем росписался» (т. е. впал в противоречие сам с собой). Данила отвечал на эту «улику»: «Яз де грамоте не умею, то де подъячей прописал; а бьет де челом он государю, что он, Данилка, и сын ево — прозвище Большая Борода, отец де ево Дмитрейко был Большая Борода», — в чем он и слался в повальный обыск по двум уездам.

Но Увар не отвязывался и задал новый каверзный, как ему казалось, вопрос: «Хочет ли де он, Данилка, теми ж своими челобитными и своею кабалою в росписке в летех и прозвище прав и виноват быть?», На этот раз дело было не в пропуске слов «сын Большой Бороды», а в том, что Гаврила и Кондратий Лодыгины, закабалившие Данилу в 1630 (138) г., в кабале приписали без его ведома неизвестную ему фамилию Елагина. Для подкрепления этой «росписки» Увар подал судьям и самую кабалу, датированную 28/2 1630 (138) г. Другая «росписка» заключалась в том, что Данила говорил и в челобитной и в устных показаниях о взятии на него кабалы в 139 г. (как, вероятно, и было на самом деле), а арзамасская кабала, конечно, умышленно была датирована 138 г., т. е. годом раньше.

И опять ответ Данилы обращает на себя внимание своим контрастом с этим мелкими подковырками московского пройдохи, подучаемого, вероятно, ассистировавшими ему в этой тяжбе приказными крючками. «Истец Данилка сказал, — сообщает протокол: — в котором де году отец ево был в Темникове воеводою, и в том де году и кабалу на него взял. А как де прозвище в кабале написано, и он про то не ведает, что грамоте не умеет. А имени де и прозвища он себе не переменивал».

Тогда Увар показал, как улику, свою арзамасскую кабалу от 28/2 138 (1630) г., в которой Данила был написан Елагиным. Данила повторил в своем ответе, что прозвище его — Большая Борода, что прозвища своего он не менял, «а Елагина де у него и в роду не бывало — и как де хотел он (Лодыгин) кабалу иметь и годы и прозвище писать, так и писал; а воевода де в те поры в Арзамасе ему, Гаврилу, и сыну ево, Уару, был свой (кн. Венедикт Оболенский) и дал ему кабалу по свойству».

Не достигнув эффекта этими мелкими, неудачными и явно вздорными подковырками, проявив в процессе не столько изобретательности, сколько наглости, Увар привел другой аргумент, предлагая допросить Данилу, — бегал ли его сын Гришка от него, Увара, в 1639 (137) г. в солдаты и был ли возвращен ему из солдат по кабале? Данила отвечал, что в те годы он сидел у Увара на Алатыре в поместье в колоде и об этом побеге ничего показать не может.

Выступивший в этот момент со своими показаниями сын Данилы Григорий сказал, что он действительно в те годы «сплутовал», и от Увара бегал, и в солдаты, назвавшись пушкарским сыном, поступал, но требуемой им тогда же очной ставки с Уваром не получил, — «и почему де ему, Уару, отдан, и он де тово не ведает, а отдали ево ему, Уару, без сыску».

Лодыгин выпустил тогда последний заряд и предъявил Григорию встречный иск о сносе 11/3 а 1649 (157) г. животов, и денег, и платья на себе на 15 р. 29 ал. 2 д.

Выступивший за сына Данила отвечал, «а сын ево Гришка тут же стоял». Ответ Данилы гласил: «Сын ево Гришка от нево, Уара, не бегивал и сносу ничего не снашивал, а пришел де сын ево за ним, Уаром, в город и подал челобитную в Приказе на нево, Уара, в насильном холопстве об очной ставке за нево, Данилка. И он де, Уар, за нево, Гришку, после ево челобитья в третий день имался в холопстве и привел ево в Приказ, и то де в приводе написано». «В сносе, — заключает протокол, — имались за веру: ответчик Данилка крестное целованье взял себе на душу, и истец Уар в сносе опричь веры и крестного целованья иных улик не сказал».

Холопий приказ отдал истца и ответчика на поруки. Просматривая список поручителей за Увара, получаем подтверждение тому, что Лодыгины принадлежали к самой гуще столичного дворянства. В списке поручителей за Увара встречаем дворянина московского стряпчего Елизара Федоровича Лызлова, стряпчего, впоследствии стольника, Василия Григорьевича Нечаева, дворянина московского Дмитрия Никитича Кутузова, стряпчего, впоследствии патриаршего боярина и думного дворянина, Ивана Федоровича Лызлова, дворянина московского и объезжего голову Дмитрия Ивановича Горихвостова, дворянина московского Перфилия Аверкиева, воеводу Ивана Михайловича Коновницына. В ДР не находим только трех поручителей — Стахея Матвеевича Кутузова, Петра Александровича и Феофиста Александровича Черкасовых, хотя нет сомнения, что и эти три лица тоже принадлежали к столичному дворянству. Одним из поручителей был и брат Увара Кондратий, когда-то в 1631 (139) г. кабаливший Данилку в Арзамасе.¹

Поручители отвечали за явку Увара на суде: «А не учнет он, Уар, за нашу порукою ставитця в Приказе холопья суда по вся дни до вершения судных дел или с Москвы сведет, он, Уар, тех людей, Данилка с женою и с детьми, иску своего лишен, а тот его, Данилков, иск по челобитной на нас, порутчиках, и с тех исков государевы судные пошлины, пересуд и правой десяток по челобитным, каковы челобитные в суде за дьячьей приписью, на нас же порутчиках. А хто нас порутчиков в лицах будет, на том ево, Данилков, иск и государевы судные пошлины, пересуд и правой десяток с обеих исков. А на то послух Михайло Микитин. А запись поручную писал ивановской площади подьячей Васька Максимов лета 7157 (т. е. 1649) июня в 25 день».

Итак, перед Данилой и Григорием и их семьями выстроился целый взвод столичного дворянства, спаянный не только общей классово-сословной солидарностью, но и сплетениями родственными и свойственными.

Однако Данила не падал духом. 2/7 ему удалось подать в Приказ

¹ Приводим некоторые данные об этих поручителях, сплошь дворянах московских: Лызлов Елизар Федорович; у Федора Елизаровича (отца?) Лызлова было 13 дв., (Боярская № 14, л. 88), у Анны Лызловой — 24 дв. (Кн. по Галичу № 5, л. 116). Нечаев Василий Григорьевич; у Нечаева Григория (отца?), дьяка в 1623—1639 гг. (ДР), было 175 дв. (Кн. по Галичу № 4, л. 261). Кутузов Дмитрий Никитич; у Никиты Ив. (отца?) — 15 дв. (Боярская № 14, л. 150 об.); у Осипа Матвеевича Кутузова (брата?) было 5 дв. Горихвостов Дмитрий Иванович; у Д. И. Горихвостова 5 дв. (Боярская № 14, л. 229), но у Григория Ивановича (брата Дм. Ив.?) было 145 дв. (Боярская № 14, л. 34). Лаврентий Иванович Аверкиев; у Л. И. Аверкиева — 41 дв. (Боярская № 14, л. 85).

помеченную рукою думного дьяка Ив. А. Гавренева новую подписную челобитную следующего содержания: «... У меня, х. т., с ним, с Уаром, был суд в Прикае холопья суда, и с суда слался я, х. т., на твой, государь, милостивый указ, и на правду, и на писцовые книги, потому что я, х. т., в писцовых книгах написан. Ис Казанского дворца с писцовых книг имянишко мое в памяти в Холопей приказ прислано, что я, х. т., в Темников был в пушкарях. И ныне, государь, он Уар, рняся на меня, х. т., что я, х. т., быю челом на нево тебе, государю, в насильном холопстве, женишку мою и детишек кует и мучит розными муками, и молотъ заставляет и, у жорнова приковав, морит голодною смертию. А детишек моих для мученья разослал по розным своим поместьям для того, чтобы ему, Уару, детишек моих поморить на смерть голодною смертию». Данила бил челом о том, чтобы его жену и детей поставили на Москве в Приказе холопьяго суда, «покаместа то наше судное дело вершитца, и мне, х. т., твой милостивый государев указ будет, чтобы, государь, женишке моей и з детишками от Уарова великого мученья голодною смертию не помереть, сидячи в чеши в железах и у мельну».

На челобитной положена рукою думного дьяка И. А. Гавренева резолюция: «Государь пожаловал, велел указ учинить...». Подействовало ли внимание ц. Алексея, почему-то привлеченное к этому делу, или, что вероятнее, повлияла подпись такого влиятельного лица, как думный дьяк Гавренев, ведавший делами Разряда, но судьи Холопьяго приказа, «выслушав подписную челобитную, велели взять к делу, а жен и детей Уару Лодыгину велели поставить в Приказе холопья суда».

Поручителями по Уваре в этом случае выступили 14 человек, почти полностью принадлежавших к головке московских служилых людей.¹

В выступлении такого большого количества поручителей, хотя достаточно было бы и трети или половины давших свои подписи лиц, нельзя не видеть некоторой демонстрации и против состава Холопьяго приказа и даже против самого ц. Алексея, до сведения которого не могло не быть доведено, что по щекотливому и лично его почему-то интересовавшему делу рядом с Лодыгинными выстроился целый отряд дворян московских, стряпчих, стольников и воевод.

Поручители отвечали за то, что Увар, привезя холопов с Алатыря, поставит в Холопьем приказе «на поверстный срок Данилку жену Марьцу Левонтьеву дочь з детьми, с сыном Ефимом, да з дочерью с Оксюткою, да с Маринкою, да сына ево, Данилку, Гришкину жену Дуньку Гаврилову дочь с дочерью с Василисою». В случае неисполнения Уваром обязательства поручители должны были дать «за весные головы по государеву указу по 50 руб. за голову». Сделана была

¹ Приводим состав поручителей с характеристикой, поскольку это удалось сделать, их служебного и экономического положения. Все данные о дворовладении относятся к 1638 (146) г., почерпнуты из делопроизводства Приказа сбора ратных людей (см. наше исследование о нем) и имеют условный податный характер.

1) Лодыгин Яков Степ. — двор. моск.; у Степана Ефремова Лодыгина — 19 дв. (Боярская № 14 л. 45 об.). 2) Колычев Юр. Никиф. — двор. моск.; у Никиф. Алф. — 51 дв. (Боярская № 14, л. 32). 3) Колычев Степ. Мих. — двор. моск., стольник, землевладелец в Галиче (Кн. по Москве № 2, л. 179). 4) Ульфов (Ив. Ром.?). 5) Румянцов Ив. Ив. — двор. моск., стряпчий, письм. голова, воевода, имел 52 дв. (Боярская № 14, л. 67). 6) Колтовской Вас. Яков. — стольник, воевода, судья в Моск. судн. пр. (Кн. по Москве № 2, л. 268). 7) Кн. Волконский Ив. Тим. — стряпчий, стольник; у Тим. Мих. Волконского — 26½ дв. (Боярская № 14, л. 51 об.). 8) Кн. Дашков Ив. Ив. — двор. моск., стольник, окольничий, воевода; у Ив. Ан. Дашкова — 95 дв. (Боярская № 14, л. 4 об.). 9) Очин-Плещеев Дм. Григ. — двор. моск., стольник и воевода, имел дворя в Дмитрове и Арзамасе (Кн. по Москве № 2, л. 108). 10) Клокачев Тим. Дмит. — стряпчий и воевода; у Дм. Фед. Клокачева — 27 дв. (Боярская № 14, л. 216 об.). 11) Баскаков Фед. Евдок. — стряпчий. 12) Дымовской Ив. Никиф.; Дымовские — землевладельцы по Ельцу (Кн. по Новгороду № 25, л. 318). 13) Чириков Конст. Мих. — жилец, двор. моск., пристав у грузинского посла, имел 38¾ дв. (Боярская № 14, л. 136). 14) Зиновьев Дм. Ив.; у двор. моск. Ив. Петр. Зиновьева (отца?) — 80 дв. (Боярская № 14, л. 221 об.).

специальная справка о том, сколько от Москвы до Алатыря верст, — насчитали 600.

Но все это оказалось только комедией, скоро раскрывшейся. 22/8 Увар бил государю челом о новом поверстном сроке. Многосложно изложив свои прежние кляузные доводы о том, что его холопы «Елагины» били ему в холопстве с воли, нагло отрицая не только самый факт насильственного закабаления, но даже и пребывания своего отца Гаврилы воеводой в Темникове с 1626 (132) г., жалуясь на то, что его дали на поруки и сочиняя, будто из Казанского дворца справка о пушкарстве Данилы была отрицательной, так как он закабалил некоего Данилу Елагина, а вовсе не Данилу Большую Бороду, — Лодыгин указывал на мнимые противоречия между заявлениями и челобитьем Данилы и Григория (см. выше). Лодыгин вопиял в своем челобитье: «И то, государь, явное его, холопье, ложное челобитье тебе, государю, что во всем росписка (т. е. противоречие), а по твоему, государеву, указу и Соборному уложению в таких росписках винят». Лодыгин возвращался опять и к побегу Григория (сына Данилы) в солдаты в 1639 (147) г., когда Григорий был возвращен ему по кабале, и жаловался на то, что его отдали на поруки «в нынешнюю пашенную пору (!), — что мне поставить в Холопьем приказе жен их и детей, не ведая, для чего». Рассказав о том, что он посылал человека в «алаторское свое деревнишко», «а велел жен их и детей к Москве привести на срок, и срок, государь, приходит, а место дальнее, вести нет, нивись¹ человек мой доехал здорово или которая мера над ним учинилась на дороге». Лодыгин просил: «дать поверстный срок другой до Алатыря, чтоб порутчикам моим в том убытка не учинили по поручной записи, что за далиною в нынешнюю пашенную пору на срок не поставятца в Холопьем приказе; а судное, государь, дело вели вершить по своему государеву Уложению² безволокитно».

Трюк Увара, подкрепленный 14-ю именами дворян московских, стряпчих, стольников и воевод, удался, и на его челобитной положена помета «157 года августа в 22 день. Государь пожаловал, велел о том указ учинить по Уложению». 23/8 Приказ дал этой челобитной ход.

На другой же день, 23/8 1649 г., Данила отвечал Увару жалобой на то, что Лодыгин не поставил на поверстный срок ни его жены, ни детей, ни снохи и этим его «волочит с сынишком седьмой месяц». Приказ удовольствовался, повидимому, резолюцией «взять к делу». 27/8 Даниле пришлось дословно повторить свое челобитье. На этот раз в Приказе зашевелились, и на Даниловой челобитной была положена другая резолюция: «Велеть порутчикам спорных людей поставить», — и пристав Кондратий Старков, бравший с них поручные записи, получил 30/8 и соответствующую память. Повидимому, этой памятью все дело пока и ограничилось, потому что 3/9 Данила снова должен был бить челом о том, что Увар, будучи обязан поставить в Приказе Данилову жену, детей, сноху и внуку «перед Семеним днем», их на тот срок не поставил. «И я, х. т., — писал Данила, — бью челом тебе, государю, после того сроку и подаю в Холопье приказе третью ставочную челобитную, и он, Уар Лодыгин, меня, х. т., волочит и мучит за приставом с сынишком многое время, хотя видеть в большом пожелезном, а женишку мою и з детишками и невеску з дочеришкою у себя держит в чеши и в железах, морит голодной смертию, хотя меня, х. т., вконец погубить».

Но Даниле пришлось подать еще и четвертую челобитную от 4/9 о «милостивом указе» для того, чтобы последовала, наконец, резолюция: «Положить дело на стол».

¹ Нивись — невесть, т. е. кто знает?

² Только что, летом 1649 г., вышедшему.

Того же 4/9 подал свое челобитье и Увар о том, что в Холопьем приказе его будто бы притесняют: по полученной им подписной челобитной (см. выше, стр. 239) «кн. Вас. Волконский с товарищи... указу не учинят, и другою срока поверстново не дают, и велели поруччиков моих ставить. А я, х. т., — продолжал Лодыгин свои ламентации, — бью челом о другом сроке, што та у меня деревнишко дальняя и т. д.», — повторяя старые уже изложенные аргументы и прося нового поверстного срока, «чтобы поруччиков не волочили и убытка им не чинили». Ходатайство Лодыгина, пекшегося о своих поручителях, возымело успех: «Государь пожаловал, велел ему дать поверстный срок по Уложению». Челобитная «сошла» за подписью (по докладу) даже не думного, а простого дьяка Степана Чубарова,¹ и 6/9 Приказ разрешил дать Лодыгину новый срок по Уложению.

В этот момент в дело вмешалась неожиданно еще одна сторона: 7/9 подал челобитную тот пристав Приказа Кондратий Старков, которому были в свое время сданы Данила с Григорием. Старков писал следующее: «Сидят у меня, х. т., за приставом Данилко Дмитриев сын Большой Бороды с сыном с Гришкою недель с 40 и больше, пьют и едят все мое. А я, х. т., кормя их, займучи в кабалы, одолжал великим долгом, а он, Уар, засадя их, ни поит и ни кормит их. Милосердый государь, пожалуй меня, х. т., вели, государь, челобитье мое записать, что я их пою и кормлю своим, чтоб мое пожелезное и прокорм не пропали, и чтоб мне в том долгу на правеже замучену не быть», — внушительно заключал Старков свое челобитье. На заявлении Старкова дьяком Саввой Самсоновым была положена шаблонная помета: «158 года сентября в 7 день. Записать челобитье. Взять к делу».

9/9 произошло событие, нарушившее приказную флегму и заставившее даже стольника Вас. Волконского, Гр. Неронова и обоих дьяков беспокоиться. Для описания этого происшествия воспользуемся подлинным текстом совершенно необычного приказного протокола дела.

«И сентября в 9 день в Приказ холопья суда за полтора часа до вечера пришла девочка и била челом словесно, а сказала, чтоб ее велели в Приказ холопья суда принять и спросить. И стольник князь Василий Богданович, да Григорией Арефьевич, да дьяки Сава и Семен велели тое девку принять и спросить».

«И того же дни девка спрашивана, а в роспросе сказала: зовут де ее Маринкою Данилова дочь Дмитриева сына Большой Бороды. Родом отец ее Данилко Темникова города пушкарь. И как де был в Темникове воеводою Гаврила Лодыгин, и в те де поры отца ее Данилка он, Гаврила, ис пушкарей посадил в тюрьму, муча ево многожды и моря голодом. И, выняв из тюрьмы, сослал с людьми своими в Орзамас; и в Орзамасе у сродника своего, у воеводы у князя Венедикта Оболенского взял кабалу на отца ее он, Гаврила, сильно на имя сына своего Уара Лодыгина. И, по той де кабале Уар Лодыгин искал в Холопье приказе на отца ее кабального холопства; и с тех де мест и по се число отец ее и брат ее Гришка на Москве. А мать де их и ее Маринку, с сестрою Оксюкою, и з братом Еуфимком, и с невесткою Дунькою, и с ее дочерью Василискою держал до Ильина дни в подмосковной деревни Ермолине у мельна в чеи и в железах; а после де Ильина дни сослал их в вотчину свою, в деревню Осанову Переяславского уезду Залеского и держал их, оковав же; и ис Переяславля де привезли их к Москве тому ныне четвертой день (т. е. 6/9); и на Москве де их держал в чеи и железах у мельна ж. И она де, не претерпя нужи, у нево, Уара, з двора ушла через забор душою да телом и боса и пришла в Холопий приказ проводить отца своего и брата. А мать де ее, и сестра, и

¹ Чубаров или Чюбаров известен ДР с 1651 г. по 1662 г. Он был дьяком в Моск. судн. приказе.

брат, и сноха и ныне у нево, Уара, на Москве в чеши и железах попрежнему у мельна свезены на Михайлове дворе Кутузова».¹

«И та девка, — эпически повествует приказный протокол, — отдана до указу держать приставу Кондратью Старкову. На девке платья — сорафанишко белое, крест серебрен, серьги медные; денег у себя не сказала; платье на себе, сказала, свое».

Появление девочки (драгоценный, трепещущий жизнью эпизод, затевший на бесстрастные канцелярские листы приказных протоколов!) расшевелило даже мертвенный покой холопшей коллегии. На другой день состоялось решение Приказа, сформулированное так: «158-го г. сентября в 10 день. Велеть Увару Лодыгину поставить людей в Приказе бессрочно». Может быть именно появление этой девочки и резолюция, им вызванная, спасли и семью Данилы и его самого, и вместе с тем помогли сберечь настоящее любопытное дело для историка XX столетия.

Неуверенный в своей безнаказанности, негодяй Увар струхнул и беспокоился. Вот как изображает дело приказный протокол: «И того ж дни (10/9) Уар Лодыгин бил челом словесно, а сказал: велено де ему, Уару, по судному делу и по поручной записи поставить людей — Данилкуву жену Елагина (опять Елагина!) с детьми, да Гришкину жену Елагина ж, и он де тех людей, жонку Маньку, ево, Данилкуву, жену с детьми и с снохоу в Приказе холопья суда поставил, — чтобы де челобитье ево велели записать и тех людей принять и роспросить. А дочь де свою, он, Данилка, с сыном своим з Гришкой, девку Маринку, прозвище Чернушку, вчера сентября в 9 день з двора ево, Уарова, с ево, Уаровы, животы выкрали (!). А что де живота ево с той девкою выкрали, и о том де он, Уар, принес челобитную. А выкрали де ее Маринку з животами за два часа до вечера». На обороте рукоприкладство: «К сей сказке Уар Лодыгин руку приложил».

Приказный протокол так передает этот момент: «И стольник кн. Василий Богданович, и Григорей Арефьевич, и диаки Сава и Семен велели челобитье ево записать, а людей принять и роспросить». Никаких выражений негодования или возмущения по поводу проделки, Увара почтенная коллегия не проявила, не проявит она их и в дальнейшем.

Расспрос Даниловой жены Маньки Леонтьевой в точности подтвердил показания самого Данилы и девочки Маринки, — поэтому мы их и не пересказываем. Они прибавили только несколько дополнительных подробностей относительно судьбы семьи Данилы. Оказалось, что дети его, рожденные до закабаления, Федька и Фадейка, у Лодыгина во дворе умерли. Оказалось, что Марья не знала, куда накануне сбегала Маринка, и не знала даже того, что она находится под стражей в Приказе и что с девочки уже сняты показания.

Некоторые существенные подробности сообщила другая женщина — Дунька, Григорьева жена, невестка Данилы. Дунька показала, что у Лодыгиных она служит «по приданому холопству жены ево (Увара) Полагеи Ивановны», что «боярин ее, Уар Лодыгин, выдал (ее) за кабалного своего человека, за Гришку Данилова, тому лет з 10».² О «приводе» Данилы с семьей из Темникова она только «слышала от ево, Уваровых, людей», а сама по малолетству этого эпизода, вероятно, наделавшего на ладыгинском дворе шуму и оставшегося у дворни в памяти, не запомнила. Дунька подтвердила, что захваченным Гаврилой Лодыгиным людям «дали прозвище Елагиными». Григорий, ее муж, попал в 1649 (157) г. в Москву потому, что поехавший туда перед

¹ Напоминаем, что двое Кутузовых фигурируют в списке поручителей за Лодыгина — см. выше, стр. 243.

² Судя по тому, что Дунька за малолетством не помнила своего привода в Москву («как де их с Темникова привезли к Москве, и она де того не помнит, потому что тогда была мала»), в год ее принудительного замужества (1640 г.) ей могло быть 13—15 лет.

Рождеством из Талызина боярин ее, Увар, взял его с собой. А после «велика дни» (т. е. Пасхи) Увар писал к жене своей Пелагее в Талызину слободу, что Григорий «от нево, Уара, оттягиваетца, и боярыня их Пелагея свекра ее Данилку била кнутом и в колоду сажала, а ее, Дуньку, била плетьми, и свекра де ее Данила о Петрове дни и Павла верховных апостол сослала к Москве к мужу своему, к Уару Лодыгину. А свекровь де ее Манька с дочерью Маринкою да с сыном Еуфимком жила без мужа в подмосковной деревне. А как де боярыня ее Пелагея перед Семенем днем летопротвца ее, Дуньку, з девкою Оксюткою послала с людьми, з Данилком Решетниковым, к Москве к мужу своему к Уару, и приехали де оне в ево ж, Уарову, деревню Осанову, и в той де деревни взяв свекровь ее Маньку з детьми, з девкой с Маринкой да с сыном с Еуфимком, и привезли их к Москве, к нему, Уару Лодыгину, тому ныне пятый день, на Михайлов двор Кутузова. А везли де свекровь ее ис той деревни Осановы сковану. И вчера де в вечерни дочь ее, Манькина, а ее, Дунькина, золовка, девка Маринка от нево, Уара, с Михайлова двора Кутузова збежала безвесно, и ныне де ее, Дуньку, свекровь ее и з девкою Оксюткою и з братом Еуфимком Уар Лодыгин прислал в Приказ холопшего суда».

Манька и Дунька с детьми были «отданы по указу подержать приставу». «И на Маньке платья — телогрея крашенинная лазорева, серьги серебряны; а на Дуньке телогрея ж крашенинная лазорева ж, серьги серебряны; на робятах, на девке Оксютке, насовец¹ портенной, на Еуфимке шубенка овчинная ветха. Платье на себе, сказали, свое; денег у себя ничево не сказали».

12/9 Приказ распорядился «велеть тех всех спорных людей дать на поруку до вершенья судного дела мимо Увара Лодыгина». Еще через 2 недели, 27/9, тот же пристав Кондратий Старков подал поручную запись, собранную за этот срок Данилой, и свою личную челобитную.

Знакомясь с записью Данилы, мы видим, что на помощь гонимому темниковскому пушкарю пришли следующие 5 человек: поп Девичьего монастыря (на Дмитровке) Василий Антоньев, тяглец Дмитровской сотни Арист Михайлов, десятник Земского двора Оксен Алексеев, посадский человек ростовец Федор Фомин Зверинцев и десятник Земского двора Федор Кузьмин. Благодаря ответственности, взятой поручителями на себя и отариально послухом и площадным подьячим скрепленной, Даниле и Григорию удалось наконец выйти из-под стражи, после более чем полугодового пребывания в заключении. При их освобождении пристав Старков опять подал челобитную, в которой писал, что заключенные «сам-сем пили и ели все мое, а ныне, государь, тот Данилко с сыном собрали на себе поруку и из-за меня, х. т., из-за пристава вышли, а пожелезнава и за прокорм мне, х. т., ничаво не дано». Беспokoясь, как бы «пожелезное и прокорм не пропали», Старков бил челом о том, чтобы «указ учинить и челобитье записать».

Еще сидя за решеткой, 15/9 темниковский пушкар обратился к ц. Алексею с новым челобитьем, судя по подписи, через дьяка Челобитного приказа Анисима Трофимова. Он жаловался на то, что его судное дело «по ся место не вершено; а я, х. т., — писал Данила — за приставом сам-сем живот свой мучу и помираю голодною смертию». Данила бил челом об указе «по своему государеву Уложению». Две пометы на челобитье гласили: «Государь пожаловал, велел указ учинить» — «158 г. сентября в 15 день. Государь (т.) пожаловал, велел указ учинить стольнику кн. В. Б. Волконскому да Г. А. Неронову, да дьякам Савве Самсонову да Семену Ключареву. Дьяк Анисим Трофимов».

¹ «Насов», «насовец» — название, присвоенное разным видам женской одежды, смотря по местности. Так, в Рязани это — сарафан, в Твери — род рубахи, надеваемой поверх сарафана, и т. д.

Равнодействующей усилий сторон в этой тяжбе было представление Холопьем приказом обширного, на 7 листах, доклада боярам по настоящему делу, составленного, судя по подписи, старшим дьяком Саввой Самсоновым. Доклад был написан толково, обстоятельно и беспристрастно, и хотя низость поведения Лодыгиных не была названа по имени, но выступала в докладе совершенно явственно.

Доклад был заслушан, повидимому, в самой Боярской думе. На нем находим резолюцию: «158 г. Октября в 18 день. Выписки слушали и приговорили: против Данилковы ссылки Дмитриева Большие Бороды сыскать большим повальным обыском Темниковым и Инзорою и тех городов уезды; Дмитриейка и он, Данилка, в пушкарях в Темникове были ль, и прозвища им Большая ль Борода?». Для пущей важности к решению была прикреплена выписка из Уложения (XX гл., ст. 108):

На этом мудром решении бояр, родственно, свойственно и в порядке кумовства и хлебоядения вероятно близких с лодыгинским кругом, Приказ и остановился, хотя, после справок в Казанском дворце и после перекрестных допросов поставленных в Приказе лиц, при наличии в Москве лодыгинской дворни, которая могла быть тотчас приведена в Приказ, при возможности пугнуть самих Лодыгиных, бояре имели полную возможность решить дело немедленно. Члены этого высокого учреждения, в прошлом, настоящим или будущем сами все большие и маленькие лодыгины, предпочли пустить дело по линии волокиты повального обыска и этим сунуть его в дальний ящик Приказа.

Началась склока с повальными обысками по Темникову и Инзару (ныне Инсару). Написать воеводам распоряжение о производстве обысков Приказ раскачался только 21/11 т. е. более, чем через два месяца после решения бояр, — дожидался ли Приказ okazji? Распоряжение об обысках послано было в Темников с попутчиком с темниковским пушкарем Степаном Емельяновым. Обычное техническое наставление о производстве обысков требовало: обыскивать... «роспрашивая всякого человека порознь, и обыскные речи сыщику велети писати при себе, а заочно обысков и обыскных людей в обыск писати не велеть; и имати у них речи за обыскных людей руками; а которые грамоте не умеют, и в их место велеть отцам их духовным к их обыскным речам руки прикладывать» и т. д. и т. д. Обыск должен был производить «добрый сын боярский». Одна грамота была адресована в Темников воеводе Степ. Лав. Наумову, а другая — на Инзару воеводе Андр. Тим. Анисимову. Обстоятельства дела в приказной грамоте, как и в докладе, были изложены беспристрастно, и роль Лодыгиных выступала вполне явственно.

Дело завязало, и надолго! 1/1 1650 (158) г. Данила, именуемый уже официально темниковским пушкарем и находившийся в Москве на свободе, подал в Приказ подписную челобитную за пометою думного дьяка Михаила Волошенинова. В этой челобитной Данила писал: «Слух, государь, до меня доходит, что воеводы отказывают (в производстве обысков, на которые он слался): то де дело не государеву — исцово. Чтобы (т. е. если бы) де были истец и ответчик, и они де бы кого хотя даром посылали в уезды обыскивать, а мне де (здесь Данила говорит от имени воеводы) государевых людей без езду (т. е. бесплатно) посылать не уметь». Далее он выразительно пересказывал в челобитной свой разговор в Холопьем приказе с кн. Волконским, ответившим ему на его ходатайство о продвижении дела: «Так мне без государева указу не такова дела истца и ответчика (т. е. дела гражданского) послать не уметь. Бей де челом о том государю, — что де государь укажет, и я де так и сделаю». По этому, несомненно точному, пересказу слов Волконского мы можем судить о том, что в Приказе

должны были очень считаться с интересом к этому делу самого ц. Алексея. Резолюция, написанная рукою важного думного дьяка Разряда Мих. Дм. Волошенинова, гласила: «158 г. генваря в 1 день. Государь пожаловал, велел указ учинить тотчас безволокитно; и будет за чем учинить не мочно, и то дело взнести к боярам».

В Холопьем приказе вняли этой челобитной, и на ней была положена резолюция: «Взять к делу и положить». Однако никаких следов ускорения делопроизводства по тяжбе Данилы не заметно. Дело действительно было «положено». Прошло полных 7 месяцев, когда 3/8 при-были, наконец, от темниковского воеводы Наумова с пушкарем Любимкой Жилиным заказанные в ноябре обыски. В препроводительной грамоте воевода Наумов сообщал, что, за отсутствием в Темникове дворян и детей боярских, он должен был послать из Темникова для соби-рания обысков площадного подьячего Баженка Милтованова да пристава Ивана Володимирова. Обыски, ими собранные, были нижесле-дующего содержания.

Игумен Пурдышевского монастыря Симеон показал: «Про то про все неведомо, потому что я в Пурдышевском монастыре в игумены стал в прошлом во 157 (1649) г.» Темниковское духовенство, протопоп Ни-кита,¹ поп Данила Никитин, дьякон Феодосий Никитин да поп Матвей Алексеев сказали: «И мы про то не ведаем, потому что мы в то время в городе Темникове не были, а пришли мы в Темников жить во 149 (1642) г.». Поп с. Оксела Григорей Малафеев, пришедший в с. Оксел «выное во 154 г.», городской темниковский поп Епифан Федоров и Темниковского уезда Старого Городища поп Мелентий Иванов отца Данилы Дмитрия не знали, но Данилу знали; знали его и темниковские пуш-кари и рассыльщики числом 19 человек, из которых шестеро смог-ли даже дать и рукоприкладства. Обстоятельства эти удостоверили 6 воротников (3 рукоприкладства), 21 посадский человек во главе со старостой и десятником (8 рукоприкладств), 21 тяглец темниковской Новой Слободы во главе с выборным посадским старостой, с оговор-кой, исходившей от 19 посадских людей, о том, что про отца Данилы, Дмитрия, они сказать ничего не могут, — «потому что в те лета мы были молоды» (3 рукоприкладства). В Пурдышевском монастыре стар-цы казначей Арсений, келарь Парфений, Оntaxсей, Нифонт, Поломон, Оврамей, да Иона, белый поп Григорий, диакон Иван Григорьев и 16 человек монастырских крестьян во главе со старостой и десят-ником, все крестьяне села Вачпарцы (?), никольский поп Дмитрий Нау-мов да русские крестьяне князей Девлет-Килдеевых и Бибарсовых по-казали («старцы — по иноческому обещанию, а попы и диаконы — по священству»), что Данилу они в пушкарях знали, а про отца его Дмитрия «слыхом слыхали от темниковских же пушкарей и от поса-щих людей, а никакого вольного человека Елагина — не темниковского пуш-каря и не Большой Бороды сына — не знали» (4 рукоприкладства). Русские крестьяне мурзы Кудашева, князя Еникеева, князя Ишеева, мурзы Синалеева, мурзы Енакова, мурзы Утемешева, — всего 6 чело-век, подтвердили, что и Дмитрий и Данила в пушкарях были, а трое опрошенных крестьян показали, что Данилу они в пушкарях знали, а про Дмитрия не ведают, — «потому что мы в те лета были молоды»; никакого Данилы Елагина в Темникове и они тоже не знали. Русские крестьяне Старого Городища князей Еникеевых, мурзы Акманова, мур-зы Чекашева, мурзы Елмаметова тоже подтвердили, что Данила и Дмитрий в пушкарях были, а никакого вольного человека Данилы Елагина в Темникове они не знали. «Про отца его Дмитрия Большую Бороду мы слыхом слыхали, — показали эти крестьяне, — от темни-

¹ Имена и фамилии в обысках, по их неразборчивости, устанавливаются нами не вполне уверенно.

ковских же пушкарей, и от посадских людей, и от городских воротников и от помещиковых крестьян» (2 рукоприкладства). Русские крестьяне с. Оксела мурзы Тенишова, Кашаева мурзы Бекбулатова, мурз Идеевых, мурзы Алмакиева, мурзы Нураева, мурзы Ивакеева в точности подтвердили вышеприведенные показания. В свою очередь спрошенные князья и мурзы Еникеевы, Мамлеевы, Исикеевы, Тенишевы, Девлетовы, Иванисов, Макаевы, Девлет-Килдеевы, Еналеевы, Утешев, Окбулатов, Иванеев, Бибарсовы, Кудашевы, Усекаевы, Чюрмanteeвы, Даниловы, Акчюроны, Бинеевы, Дивеевы, Тохтамышевы, Чюкаевы, Бичюрины, Байчурин, Ижбулаев, Акбулаев, Окбулаев, Байтеряков, Ишмакаев, Терегулов, Исяков, Куникеев, Порняков, Исеевы, Алдыяров, Ченбулатов подтвердили «в ведомо» про Данилу и «в слух» про Дмитрия, что оба они в пушкарях были, и что никакого Данилы Елагина в Темникове они не ведали. Показания служилых татар были скреплены рукоприкладствами (арабскими буквами и знаками). Эти же показания подтвердили «по своей вере и по шерти» и представители (старосты и рядовые крестьяне) 26 деревень.

Кн. Волжонский и дьяки Семен Ключарев и Грязной Акишев¹ поручили «выписать из обысков на перечень». Перечень, т. е. схема обысков, был таков.

I. 19 чел. пушкарей и рассыльчиков, 6 чел. воротников, 1 староста, 1 десятник, 21 чел. посадских людей и 14 чел. крестьян — всего 62 чел., сказали, что Дмитрий Большая Борода в Темникове был и умер в пушкарях; Данила, его сын, тоже в пушкарях был, а вольного человека Данилу Елагина никто из них не знал.

II. 1 келарь, 1 казначей, 5 старцев, 2 попа, 1 диакон, 8 старост, 1 десятник, 34 крестьянина, 63 чел. мурз и татар, 3 чел. мордвы, — всего 119 чел., показали, что Данилу они в пушкарях знали до 139 г., про отца его, Дмитрия, слухом слышали, а никакого Данилу Елагина они не ведают.

III. 2 попа, 1 староста, 1 десятник, 17 посадских людей, 3 крестьянина, 35 чел. мордвы, — всего 59 чел., показали то же самое, но с оговоркой, что пушкаря Дмитрия они не ведают, потому что в те годы были молодые.

IV. 1 игумен, 1 протопоп, 1 поп, — всего 3 чел., показали, что «они про то все не ведают». Осторожность эта едва ли была уместна, но духовные улитки предпочли спрятаться.

Вопрос был исчерпывающе выяснен, и Приказ должен был, наконец, вынести свое решение, но как бы не так! Не даром же Савву Самсонова сменил Грязной Акишев да и Неронов исчез из Приказа. 9/8 1650 (158) г., познакоившись с «выписанными на перечень» темниковскими обысками, судьи Приказа вынесли резолюцию: «Ждать из другого города (т. е. Инзары) обысков». Но следивший за ходом дел Данила 12/8 подал в Приказ новую подписную челобитную, — интерес ц. Алексея, должно быть, еще не совсем простыл.

Рассказав вкратце всю историю судебного дела, начиная со своего первого челобитья 1643 (151) г., и дополнив о получении темниковских обысков, Данила заключал: «И сыск, государь, из Темникова города прислан к Москве (в) Приказ холопья суда, а с Инзары государевы обыски не присланы, потому что воевода ему, Уару, норовит по дружбе и хочет меня, х. т., теми обысками в конец погубить. А челобитье мое, бедного х. т., со 151 (1643) году, а темниковские обыски меня, х. т., оправдали». Данила попрежнему просил об указе, — «чтобы мне, за тем делом многое время волочась, в конец не погннуть и голодного

¹ Гр. Ар. Неронов и Савва Самсонов из Холопьяго приказа исчезли — не в связи ли с этим делом? Сменивший Савву, Грязной Акишев, до 150 г. — подьячий, в 156—158 гг. был дьяком во Владимирском судном приказе. Может быть, он совмещал две должности — был дьяком и во Владимирском и в Холопьем приказах?

смертью не умереть». «Высочайшая» резолюция была шаблонной: «Государь пожаловал, велел указ учинить по Уложению». Приказ покрыл ее своим собственным решением: «Взять к делу и послать государева грамота для других обысков». Это означало оттяжку решения еще минимум на полгода, — а сколько воды могло утек за этот срок и как могли перемениться обстоятельства!

Грамота на Инзару все тому же воеводе Андреяну Тимоф. Анисимову (по словам Данилы — приятелю Увара) была написана только 10/9, а послана, вероятно, еще позднее. Кончалась она теми же шаблонными и едва ли особенно страшными для Анисимова словами, как и предшествовавшая: «А будет ты по прежней и по сей нашим грамотам обыскивать не учнешь и обысков к нам к Москве в Приказ холопья суда вскоре не прийдешь, и мы нарочно пошлем пристава ис прогонов и велим те обыски и недельщиков езд доправить на тебе вдвое».

Дать грамоте движение пришлось на этот раз самому Даниле. На обороте грамоты приписка: «Темниковский пушкарь Данилко Большие Бороды государеву грамоту взял и государевы пошлыны платил, а во его место Георгиевского монастыря поп Василей руку приложил».¹

Анисимов зашевелился, и через полгода, 4/3 1651 (159) г. (т. е. через 2 года после начала судебной борьбы), «Инзарского города площадный подьячий Ивашка Ондреев подал отписку, а в отписке и в обыске пишет»... Просмотрим то, что Ивашка писал в этих обысках. Припомним, что Инсар (Инзара) отстоит от Темникова больше чем на 100 км., мы не найдем ничего удивительного в том, что местные жители, группа за группой оправдывавшиеся воеводой Анисимовым, «подьячишкой» Феокистком Семеновым да приставом Тренкой Лаврентьевым, давали однообразные ответы: «Мы тово ничево не ведаем». Так ответили токмовские и хозинские переведенцы,² новоприборные казаки, переведенцы-казаки, служилые татары дер. Исенской и Еналеевой Полянки, служилые мурзы и татары дер. Лишмы, мурзы и татары Потошского острога, инсарская служилая и тяглая мордва дер. Ишкеево, Алексево, Адашево, Болтаево, Шулчеево, Челмодево. Ответ местного инсарского духовенства был политичнее и тоныше ответа его темниковских собратий. Поп Матвей Кириллов и дьякон Митрофан Васильев оказали «по священству», что ни пушкаря Дмитрия, ни Данилы они не знали, а относительно истории с похолоплением они показали: «Мы тово ничево не ведаем, а ведают про то темниковские переведенцы стрельцы и пушкарки». Подьячему и приставу пришлось волей-неволей допросить и бывших темниковцев, а их ответ вышел весьма полновесным. «Инсарского города жильцы, темниковские переведенцы, новокрещены черкасы, стрельцы, барабанщики, пушкарки, затынщики, рассыльщики, городовые воротники, засечные сторожа и казаки», — числом 87,³ сказали, что и пушкаря Дмитрия и его сына пушкаря Данилу в Темникове в 1632 (139) г. они знали; знали также, что Данила вовсе не был вольным человеком Елагиным, как его избражали Лодыгины. «И то мы ведаем же, — прибавляли товарищи Данилы по службе, — как был в Темникове воеводой Гаврила Лодыгин, и его, Данилка, сильно з женою и з детьми похолопил и, сковав, в Орземе ево с сыном Кондратьем посылал, и кабалу на нево в Орземе сильно взял, а не волею он, Данилко, бил челом ему во двор и кабалу на себя дал. То наши и речи».

¹ Здесь — еще одно указание на какую-то связь Данилы с московским духовенством (см. выше поручную по Даниле, а ниже — заявление сретенских протопопов).

² Токмовские и хозинские переведенцы сказали: «Живали от Темникова далече, верст за 100 и больша, а мы... люди новые...».

³ Из текста обысков надо заключить, что они все явились сюда из Темникова, но, может быть, обыски сливают здесь переведенцев с местными приборными людьми.

Получив этот не особенно приятный для Приказа материал, Волконский, Ключарев и Акишев распорядились, следуя приказной рутине, «выписать его на перечень». По подсчету Приказа получились такие арифметические итоги.

I. 102 чел. новокрещен, стрельцов, пушкарей, затинщиков, рассыльщиков, воротников, засечных сторожей, казаков, мурз и татар показали, что и Дмитрия и Данилу они в Темникове в пушках знали; Данила — не вольный человек Елагин, а действительно сын Дмитрия Большой Бороды. Гаврила Лодыгин Данилу «сильно з женою и з детьми похолопил и, сковав, в Орзамас ево с сыном с Кондратьем посылал и кабалу на него в Орзамасе сильно взял, а не волею, он, Данилка, бил челом ему во двор и кабалу на себя дал». Перечень содержал оговорку, что 22 чел. мур и татар относительно насильственного закабаления Данилы отзывались неведением.

II. 249 чел. (1 поп, 1 дьякон, 1 пятидесятник казачий, 159 казаков, 25 мурз и татар, 62 мордвина) отзывались полной своей неосведомленностью по этому делу: ни Дмитрия, ни Данилы, ни обстоятельств похолопления они не знали.

Сводя итоги по обоим городам, приказные пришли к такой статистической схеме: «И всего обеих городов всяких чинов людей 346 человек в ведомо, и в знатье, и в слуха сказали, что они (Дмитрий и Данила) в Темникове в пушках были, а неведомо сказали 252 человека».

Результатом этой своеобразной арифметики («неведомо» можно было довести до любой цифры) был воследовавший (через 2 слишком года после начала дела и через 1 год 9 месяцев после фактического, уже вполне обоснованного, решения 25/6 1649 (157) г.) приговор Холмопного приказа, гласивший: «159 г. марта в 10 день. Написать приговор: Уару Лодыгину в тех людех, в Данилке (только Данилке) Дмитриеве сыне Большой Бороды з детьми, отказать по обыском; а быть им по обыскам в пушках, и отослать ево в Казанской дворец; а пожелезное взять на виноватом по Уложенью; а в сносах учинить вера по обем судам». Последним пунктом Приказ как бы признавал право Данилы на имущественный иск, и незаконность захвата его скарба Лодыгиным приравнивал воровскому холопью сносу.

В мотивированном приговоре от 10/3, объявленном сторонам 14/4, весь ход дела, к нашему удивлению, изложен обстоятельно, толково и беспристрастно. Вероятно, Приказ считался с тем, что Данила располагал какими-то исключительными возможностями получать подписные челобитные или уж всем очень омерзели в этом деле Лодыгины. К еще большему нашему удивлению, Приказ ставит на равную ногу иск Увара к Григорию (сыну Данилы) о сносе в размере 15 р. 29 ал. 2 д. (конечно, облыжный, но не в этом дело) и иск Данилы о своем дворе и животах, захваченных в свое время Гаврилой Лодыгиным, причем обе стороны называют свои иски «исками о сносе». Грабеж воеводы в данном случае юридически приравнивался к холопией краже. Эта удивительная для московских людей XVII в. постановка вопроса должна была, конечно, довести Лодыгина до белого каления! Кроме того пожелезное и прокорм (при аресте Данилы и Григория) естественно возлагались на Увара. По их встречным искам (о 15 р. с полт. и о 15 р. 29 ал. 2 д.) Приказ прибегнул «к вере, к крестному целованию» и назначил, при объявлении сторонам приговора 14/4, для каждого дела по 3 ставки: для иска Данилы — 16, 17 и 19 апреля, а для встречного иска Увара — 21, 22 и 24 апреля.

При слушании приговора Данила объявил, что внучка его Василиса после суда умерла. 21/4 с Данилы были взяты пошлины и пересуд в размере 1 р. 18 ал. 2 д. и головные пошлины с 7 голов (несмотря на смерть Василисы) по 3 ал. с головы, итого 21 ал., — а всего 2 р.

16 ал. — деньги, для замученного тяжбой пушкаря, не маленькие. Но дело и тут еще не кончилось.

Сам Данила не терял времени и 25/4 подал в Приказ подписную челобитную за пометою думного дьяка Лариона Лопухина. В этой челобитной, пересказав вкратце свое дело и указав еще раз на махинации Увара («а он, Уар, теми обыски меня, х. т., волочил многое время, со 157-го году до 159 год апреля по 7 число») и на решение в конце концов дела кн. Волконским («то судное дело вершил и мне, х. т., свободу учинил»), Данила жаловался: (кн. Волконский) «в проести, и волоките, и в убытках без твоего, государева, указу ничево не учинил; а я, х. т., для тех обысков имал твои три, государевы, грамоты и робятишек своих (т. е. Оксютку и Ефимку) в долгу позаложил». Данила просил учинить ему указ «в убытках, проести и волоките» — «по своему, государеву, указу и по Соборному Уложению». Помета Лар. Лопухина была такова: «Государь пожаловал, будет вершено судное дело, и в проести и в волоките учинить указ по Уложению князю В. Б. Волконскому и диакам». В Приказе покрыли шаблоном: «159 (1651) г. апреля в 25 день. Взять к делу и выписать из Уложения».

Взаимные иски Данилы (на 15 р. с полт.) и Увара (на 15 р. 29 ал. 2 д.) Приказом были, повидимому, просто нейтрализованы. В деле есть только один след по этому предмету: розыскание пошлин и с Данилы (1 р. 18 ал. 2 д.) и с Увара (1 р. 27 ал.), причем протокол относительно уваровых пошлин флегматично замечает: «В приходную книгу записаны мая в 2 день с пушкарскими Данилковыми деньгами вместе».

Справка с Уложением (гл. X, ст. 18) давала достаточно ясные указания: за поклевные иски «на таких исках за напрасную их продажу править ответчикам проести по гривне на день с того числа, как судное дело зачнетца, да по то число, как то судное дело вершитца». Приказ сделал согласно этой статье арифметическую выкладку, начав счет с того дня (12/6 1649 г.), когда «Уар искал на нем, Данилке, встречно сына его Гришкина побегу и сносных животных». Как будто не была началом дела подача челобитной Данилы от 1643 (151) г.¹ или от 17/4 1649 (157) г., и ныне лежащая перед нами, — если уже игнорировать отправку арестованного Григория в Приказ в марте 1649 (157) г. и более раннее заточение самого Данилы за подачу челобитных Григорием в марте 1649 г. По приказной выкладке с 12/6 1649 (157) г. по день освобождения Данилы 10/3 1652 (159) г. прошло 636 дней. Кладя по гривеннику на день, Приказ вычислил изыскать с Увара (19 лет держания целой семьи в холопстве и годы специальных истязаний в колоде, да 2 полных года процесса — не учтены совсем) 63 р. 20 ал. Но приказные законники впали в сомнение по поводу вхождения в силу самого Уложения! Вот ход их рассуждений: указ-память, направленную в Холопий приказ 10/1 1649 (157) г. за приписью дьяка Фед. Грибоедова, о том, что беглых крестьян и бобылей велено отдавать со 2/1 1649 (151) г., они противопоставили самому же Уложению, хотя память эта через полгода и вошла в него (гл. XI и XX). По их рассуждению, «книга Соборного Уложения совершена генваря же в 29 день, а в Приказ холопья суда с Печатного двора взята июня в 18 день». Впав по такому случаю в недоумение, Приказ для разъяснения решил испросить по этому поводу особый высочайший указ.

Робкое и неясное по своей цели упоминание о какой-то, нам неизвестной, памяти от 10/1 1649 (157) г. содержало в себе, вероятно, намек на то, что до 2/1 Даниле нечего было вообще и жаловаться на

¹ Подачу первой своей челобитной сам Данила относил еще к 1643 (151) г. Другая, до нас не дошедшая, челобитная была им подана в январе 1649 г., но упоминания о ней несколько сбивчивы.

свое насильственное закабаление, — иначе к чему было цитировать эту память? Но по своему содержанию данный указ, конечно, никакого отношения к настоящему делу не имел. Сопоставление же дат «свершения» Уложения (291/57 г.) и доставления его экземпляра в Приказ (18/6 157 г.)¹ являлось темным намеком на то, что неприятная для Увара и несомненно ему симпатизировавшего Волконского статья о штрафе (об уплате 63 р. 20 ал.) может быть отклонена по тому правилу, что закон «обратной силы не имеет». Так можно расшифровать эти неуклюжие ссылки. Очевидно и Волконский и его ассистенты все-таки побаивались взрыва слишком горячего интереса ц. Алексея к действительно безобразному (даже с точки зрения невзыскательной московской юриспруденции) делу Данилы, и это опасение их имело основание.

Приказ, повидимому, все еще занимался разрешением своего тяжкого² юридического недоумения, когда 12/5 Данила снова прорвался к царю и получил новую подписную челобитную за пометой того же своего благодетеля Лариона Лопухина. В этом челобитье, рассказав (в которой уже раз!) вкратце свою эпопею, включая факт «оправдания» на имевшем место суде 7/4, Данила писал: «Кн. В. Б. Волконский то судное дело вершил и мне, х. т., свободу учинил, а в проести моей, и волоките, и в убытках без твоего, государева, указу ничево не учинил. А я, х. т., — повторял Данила слова из своей челобитной от 25/4, — для тех обысков твои, государевы, 3 грамоты имел и ребятишек своих позаложил». ³ Данила просил учинить ему указ в убытках, проестях и волоките «по государеву указу и по Уложению». Выведенный из терпения измотавшей его волокитой, Данила позволил себе в этой челобитной даже нечто в роде дерзости: «А я, х. т., — кончал он свою челобитную, — многие ³ твои, государевы, подписные челобитные за думных дьяков руками приношу, и по тем твоим, государевым, подписным челобитным мне, х. т., и по ся места указу не учинят». По заведенному порядку и эту челобитную Холопий приказ распорядился «взять к делу».

Здесь не выдержал и ринулся в бой сам Увар Лодыгин, сумевший 16/5 тоже получить подписную челобитную за пометой дьяка (хотя и не думного) Степана Чубарова.⁴ В этой необычно длинной челобитной Увар дал выход накипевшему в нем гневу и на холопа, и на Приказ, и на самого царя. Познакомимся с этой его экспозицией сущности дела.

«Версия» Увара замечательна по наглости. «Во 157 (1649) г., — пишет он, — крепостной мой человек Данилко Дмитриев сын Елагин, умысла воровски, ставаясь с сыном своим з Гришкою, хотя от меня холопства отбыть, затеял своим ложным челобитьем: бил челом тебе, государю, на меня, х. т., будто отец мой Гаврила Васильевич как был у твоего, государева, дела в Темникове, и ево будто отец мой покабалил сильно». Ничего подобного, по словам Увара, не бывало: Данилка закабалился с воли в 1630 (138) г. в Арзамасе, а не в Темникове, — «и с тех мест по се время ево, Данилкова, челобитья на отца моего и на меня, х. т., в том сильном ⁵ холопстве не бывало (!)». Теперь Данилка вздумал отбиваться от холопства и бил челом — «на отца моего и на меня, ведая, государь, он то, что отец мой, будучи у твоего, государева, дела, мурзам и татарам, и посадским людям ни

¹ Как известно, составление Уложения началось 16/7 1648 (156) г., к 3/10 1648 (157) г. оно было изготовлено и к 29/1 1649 (157) г. заслушано. Понадобилось почти 5 месяцев, чтобы его отпечатать и ввести в силу даже в московских приказах.

² Вероятно, по жилым записям на урочные годы.

³ В деле мы насчитываем с десяток его челобитных.

⁴ Ст. Чубаров известен ДР как дьяк со 159 г. В 1661—1662 гг. (может быть, и раньше) он сидел в Московском судном приказе.

⁵ Т. е. насильственном, незаконном.

в чем не потакал, по указу деда твоего, государева, блаженные памяти великого государя святейшего Филарета Никитича, патриарха Московскаго и всеа Руси, их татарские мечети и торг татарский, где они лошади резали на посаде блиско церквей божиих, за посад велел перенести и по твоему, государеву, указу всяких чинов людей ото всякого дурна унимал и многих смирял, — и потому отец мой и недруг им был. И он (Данила) надеючись на них, слался в повальный обыск; а я, х. т., на суде на них послатца не смел, потому что отец мой, будучи у твоего, государева, дела, недруг им был в твоём, государеве, деле, во всем государев указ исполнял и, видя дурно, им не молчал. И оне, мстя недружбу отцу моему, обыски ис Темникова прислали против его ложнова челобитья, и ему по тем ложным обыскам ис Холопья приказа дана воля». Увар показал здесь известное художественное творчество и не пожалел красок. Чего только нет в его челобитной! Он расшевелил кости Филарета, добрался до мечетей и даже до резки лошадей, изображая в лице своего родителя темниковского Катона. Разглагольствования об инсарских обысках (кстати, опромяное большинство татар просто уклонялось от показаний, хотя неосведомленными о такой шумной истории они, конечно, быть не могли!) расчитаны были, разумеется, на то, что не станет же ц. Алексей заглядывать сам в приказное делопроизводство, и врать поэтому можно сколько угодно. Итак, ни следствия, ни допроса, ни передопроса холопов, ни приказного суда, ни повальных обысков, — словом, ровно ничего, по версии Увара, никогда не было. Послушаем его и дальше.

«И ныне, государь, — плачется Увар, — умысла он, Данилко, хотя меня, х. т., напрасно испродать и изубыточить большим убытком, бил челом тебе, государю, на меня, х. т. чтобы ты, государь, ему указал с сыном на меня, х. т., проесть и волокиту с тово числа, как дело зачелось по ево же ложному челобитью, против твоего, государева, Уложения. А в твоём, государеве, указе и в Соборном Уложении в холопих статьях тово не указано, что холопам нашим проесть и волокиту править». При мысли, что ему, имевшему, как видно из дела, поместья в Переяславле-Залесском, под Москвою и на Алатыре (некоторых мы, быть может, и не знаем) предстоит за свои 20-летние злодеяния заплатить насильно закрепощенному пушкарю 63 р. 20 ал., Увар скрежещет зубами. Еще показательнее: он доходит до (неслыханное дело для тогдашнего служилого человека) общих рассуждений, для нас как раз особенно интересных.

«Милосердый государь, — причитал Увар, — пожалуй меня, х. т., не вели, государь, своего государева указу и Уложения мною, х. т., нарушить. И не вели, государь, против ево ложнова челобитья в Холопье приказе проесть и волокиту без доклада указать на мне, х. т. И вели, государь, по тому ложному челобитью ево в проести и в волоките (это о 63 р. 20 ал.) доложить себя, государя, или своих государевых бояр, чтобы впредь иным нашим холопом от нашей братии неповадно было от холопства оттягиватца и нас, х. т., напрасно продавать и убыточить. И вели, государь, сее мою челобитную взять к ево холопью ложному челобитью».

Не может быть сомнения в том, что вокруг ц. Алексея шел уже глухой ропот, вызванный настоящим делом, со всех сторон слышалось дружное боярское ворчанье, и ц. Алексей как будто дрогнул. Сунутая ему (через дьяка Чубарова?) челобитная Увара получила рукою Ст. Чубарова 15/5 1651 г. такую помету: «Государь пожаловал, велел указ учинить по Уложению. А будет за чем указу учинить не мочно, взнести к бояром». Горлатные шапки и соболиные опашни должны были успокоиться, и у вцепившегося в свой мешок с серебряными рублями боярского протагониста Увара Лодыгина отлегло от сердца. Да ведь и то сказать: ц. Алексею доходил только 22-ой год, с Украин-

ны надвигалась большая опасность, а впечатления внутренних всплесков 1648—1649 гг. к весне 1651 г. начинали, вероятно, уже тускнеть.

16/5 подписную челобитную Увара в Холопьем приказе «велели взять к делу», хотя едва ли с тем деревянным безразличием, с каким подшивались челобитные Данилы. 17/5 Приказ решил разделаться с надоевшими да и ставшими, пожалуй, опасными темниковскими артиллеристами, адресовав отношение в приказ Казанского дворца боярину кн. А. Н. Трубецкому да дьякам — думному Лариону Лопухину (почему-то покровительствовавшему Даниле и «вносившему вверх» его челобитные), Федору Грибоедову (творцу Уложения и прачшуру писателя) да Томиле Перфильеву.¹ Сообщая Казанскому дворцу, в ведении которого находился Темников, что по приговору Холопьяго приказа Данила с женой и детьми из холопства у Увара Лодыгина освобожден на волю и определен опять в темниковские пушкарки, Холопий приказ писал, что судившиеся в нем с Лодыгиным лица «посланы в приказ Казанского дворца с приставом Офонасьем Салтановым», — беспокойных клиентов, казалось, наконец сбыли.

Но не тут-то было! И Данила и Увар вырвали еще по одной подписной челобитной, хотя перед нами то, что называется *causa finita*. 30/5 опять прорвался к царю со своим челобитьем неугомонный Данила. В этой, для нас последней, челобитной, изложив суммарно ход своей тяжбы и приговор, пушкарь заканчивает повествование следующим образом: «А в проести и в волоките стольник кн. В. Б. Волконский указу не учинит потому, что ему из Приказу скоро перемена. И я бил челом тебе, государю, о тех проторях, и по моему челобитью сходили твои, государевы, многие подписные челобитные за пометою думных дьяков, и дворении Вас. Тим. Грязной² по тем челобитным указу не учинит и отказывает мне: дело де твое было до (?) Уложения». Так внук опричника решился договорить то, около чего вяло бродил Волконский с дьяками. «А суд у меня, х. т., был, — кончал Данила, — в 157 (1649) г. июня в 12 (?) день». Данила снова просил учинить указ «о проторях и убытках» с тем Уваром, — как пушкарь теперь презрительно величал Лодыгина.

Царь Алексей, выслушав эту челобитную (кто докладывал, не видно), повидимому, собрался с духом. На челобитной была положена неизвестной нам рукой (возможно, Лариона Лопухина) такая помета: «Государь пожаловал, велел учинить указ по Уложению», — что означало: 1) применение силы цитированной выше статьи и 2) обход новой и, конечно, безнадежной канители со внесением к боярам этого, теперь уже относительно маловажного по сумме, но социально опасного для бояр, дела о взыскании бывшим холопом убытков со своего прежнего боярина. Приказная резолюция по этой помете гласила: «159 (1651) г. мая в 30 день. Взять к делу и положить на стол».

Не остался в долгу и Увар. 6/6 он разрешил с новой челобитной, в которой, после повторения уже известной нам фабулы о «холопе Елагине» и т. д., ссылаясь на помету на своем челобитье, поданном 16/5, относительно «внесения дела» о взыскании проестей, к «боярам», и жалобно причитал о том, что Данила собирается его «до конца испродати». Лодыгин писал: «И ты, государь, меня пожаловал, велел указ учинить по Уложению. А будет в чем указу в Холопье

¹ Перфильев или Перфильев — по ДР дьяк с 1648 г., в 1654 г., — дьяк Приказа тайных дел. Федор Грибоедов — по ДР дьяк с 1648 г.; с 1658 г. значится дьяком Казанского дворца, а с 1668 г. и дьяком Разряда.

² Грязной, сменивший в Холопьем приказе в 159 г. Волконского, известен ДР с 1635 г.; в 1639 г. он показан стольником; дворянином московским Данила называет его не совсем правильно; в 1647—1648 гг. он был воеводой на Воронеже (ДР). В 1638 г. за ним значилось 10 дв. в Галицком уезде (Кн. по Москве № 2, л. 2). Это — внук известного любимца Грозного. Отец его Тимофей играл роль в эпоху Годунова, а в Смуту был окольным и послом в Дании.

приказе учинить не можно, и ты, государь, указал доложить своих государевых бояр. В Приказе, государь, холопья суда ныне Василий Грязной да дьяки Семен Ключарев да Грязной Акишев хотят на меня, х. т., указать тому Данилу с сыном з Гришкою, что взят у меня ис кабальнова холопства, проести и волокиды больше штидесят рублей без (?) твоего, государева, указу, неведомо почему. А в твоём, государеве, указе и в Соборном Уложении указано проести и волокида по судным делам меж себя нам, х. т., а холопом нашим на нас проестей и волокид, которые от нас оттяжуются или взятые будут ис кабальнова холопства в иные какие чины за тебя, государя, в Соборном Уложении прость и волокида не указана. И по се число такова образца в Приказе холопьяго суда не бывало. Милосердый государь (т.), — восклищал жлокоотавший бешенством (разделяемым, конечно, и его многочисленной родней и товарищами по чину и классу) Увар, — пожалуй меня, х. т., не вели, государь, такова образца мною, х. т., одним учинить, чтобы впредь неповадно иным нашим холопом от нас от холопства оттягиватца».

Вероятно, именно наглость в свирепый пафос этих тирад возымели как раз обратный их цели эффект. Дрогнувший, было, при слушании челобитной от 16/5 ц. Алексей решился дать сдачи, хотя и очень сдержанно, обнаглевшему служилому холопу-опричнику. Чего, в смысле внутренней борьбы, это ц. Алексею стоило, мы не знаем, но его резолюция от 6/6 гласила: «Государь пожаловал, велел указ учинить по Уложению», — что равносильно было в данном случае взысканию с Увара 63 р. 20 ал. Но взыскал ли 63 р. судья Холопьяго приказа, внук «Васьки Грязного», которого любил третировать Грозный, с Увара Лодыгина, тоже, вероятно, внука опричника?..

Настоящее дело лучше, чем целый том отвлеченных определений вскрывает механику московской юстиции, понимание людьми той эпохи норм и их приложения, судебный быт, а заодно и социальные отношения. Поэтому мы и решились пересказать эту тяжбу пушкаря Данилы со всеми ее колоритными подробностями. Приходится ценить даже самые маленькие возможности увидеть живых людей того времени в этой приказной схватке, перебрасывающей нас из приказной казенки в боярскую думу и в царские терема, а оттуда — в приказные избы Темникова, Инсара и Арзамаса. Пусть на страницах русской истории XVII в. останется образ борца за свободу — безвестного темниковского артиллериста Данилы Большой Бороды, сумевшего отбиться от натиска своих многочисленных, богатых и сильных социальных врагов.

Дело Данилы проливает свет и на те обстоятельства, среди которых, как раз в этой местности, назревал пожар Разиновского восстания: вот когда и вот каким образом готовили его Лодыгины и им подобные. Дело это показывает также, как бессилен был в грубом, жадном и жестоком обществе одинокий человек: нужна была исключительная энергия Данилы и какая-то, нам неизвестная, особая случайность, заставившая царя Алексея заинтересоваться делом темниковского пушкаря, чтобы обманом закабаленный приборный служилый человек смог вырваться на свободу из клещей холопства. Не бояться опасности быть съеденным сильным соседом можно было только в союзе с достаточно широкой и дружной корпорацией, родственной или служебной, могущей защитить одинокого борца за свое право.

Лз 42145

§ 4. ДЕЛО ХОЛОПОВ ГРАЧЕВЫХ И КОРОБОВА — ТЕЛЕГИНЫХ, ГРАЧЕВЫХ И ТЕЛЕГИНОЙ — ЗЫКОВЫХ

Остановимся в заключение на слушавшихся в Холопьем приказе в 1649 и 1660 гг. тяжбах И. Коробова — М. Телегина и А. Телеги-

ной — Ф. Зыкова о холопах Грачевых. В этих, внутренне между собою связанных и склеенных вместе «в столпу», двух делах мы увидим в движении, с живыми и индивидуально-характерными выступлениями, с жестами и с интонациями не только выразительные фигуры самих тяжущихся, — упрямого и деловито осторожного И. Г. Коробова, нагло-го М. Телегина, зверя в сарафане Ак. Телегину, глупого Ф. Т. Зыкова, находчивого и остроумного холопа Клим Грачева, — но и физиономии сидевших в это время в Холопьем приказе дельцов¹ и фигуры членов, специально делегированных для решения этого дела, боярских комиссий.² Рядом с ними от времени до времени мелькает и верная себе в своей суетливости, порывистости и невыдержанности фигура царя Алексея, неоднократно самолично налетавшего на это незаурядное дело и, к нашему удивлению, успевшего таки добиться освобождения, хотя только на половину, незаконно задерживаемых в холопстве Грачевых.

В сложной и длительной тяжбе Коробовых и Телегиных,³ происходившей в 1649 (157) г. и возобновившейся в 1660 (168) г., обе стороны усиленно были заняты вопросом о детях кабальных холопов. Дело это заключалось в следующем. 5/12 1644 г. от Коробова из его клинского поместья сбежала к Телегину или была последним свезена целая группа холопов: Федька Филиппов Грачев с женою Онтонидкою, с детьми Пронькой-Прокофьем, Ортюшкой Климкой, Панькой-Павелком, Исачком, с племянником Митькою Чистяком, Пронькиной женой Лукерьицей и их детьми Васькой, Симонком и Ульянком, Панькиной женой Улиткой и чужой для них девкой Офимкой-Грунькой.

11/3 1649 г. человек Коробова Хрисанка Зуи привел в Хропий приказ «дву человек без пристава и без поимошной памяти, а сказал: поимал де их на Чертольской улице, а зовут де их — одного Пронькою да Панькою Федоровыми детьми Филиппева», — и неосторожно, как увидим, назвал их при приводе крепостными и старинными Коробова — «а збежали де от нево, Ивана (Коробова), тому лет с 5, да оне ж де свели от боярина ево, от Ивана, кабальную девку Офимку и снесли снос», — о котором Хрисанка Зуи обещал принести челобитную дополнительно.

16/3 в Приказе началась тяжба, и Телегин был вызван к суду. 5/4 Телегин поставил в Приказе спорных людей, кроме Панькиной жены, малого Микитки Чистяка, да девок Палашки да Груньки, да Климки, которого он назвал своим кабальным. Еще 4/4 Телегин заявил, что он будет отвечать за находившегося под стражею Паньку, а до Проньки ему «дела нет». Поддерживая иск от имени своего «боярина» Коробова, Хрисанка Зуи предъявил Приказу две коробовские кабалы на спорных холопов Грачевых: одну на Федьку от 12/3 1623 (131) г., а другую на Прокофия (Проньку) от 10/4 1639 (147) г. По приказному «осмотру» Пашке (он же Панька и Ивашка) возраст был установлен в 32 года; сам он определял его в 35 лет. Возраст закабаленного Ортюшки-Климки, не доставленного Телегиным, тот же Пашка определил в 36 лет, а их меньшего брата, Исачка — в 20 лет.

Так как Телегин от Федьки (отца) с женою Онтонидкою, от Проньки с его женою Лукерьицей и с детьми Ваською, Симонком и Ульян-

¹ В 1649 г. в Холопьем приказе сидели: кн. Вас. Богд. Волконский, Григ. Арэф. Неронов да дьяки Савва Самсонов и Семен Ключарев. В 1660 г. — Григ. Бор. Нащокин, дьяки Семен Чашников и Андрей Столетов.

² В комиссию Боярской думы входили: в 1649 г. — Ив. Вас. Морозов, кн. М. П. Пронский, окольничий Степ. Гавр. Пушкин и думн. дьяк Мих. Волошенинов; в 1660 г. — кн. Л. С. Прозоровский, Чоглоков и думн. дьяк Лар. Лихачев.

³ Главные лица процесса: сытник из Александровской слободы Ив. Гавр. Коробов, за которым в 1638 (146) г. числилось 6 дв. в Клину (Книга по Конюшенному приказу № 5, л. 29 и книга по Влад. № 2, л. 116) и Макс. Никит. Телегин, — вероятно, сын двор. моск., воеводы Никиты Дм. Телегина, за которым в 1638 (146) г. числилось 32 дв. (Боярская № 14, л. 186).

ком и от Исачка тут же 10/4 отказался, то все они были отданы Коробову в кабальное холопство, хотя для закабаления Пронькиных детей и Исачка было только то формальное и непроверенное основание, что они родились в кабале родителей. Для Пронькиных детей нельзя было выставить даже этого основания, ибо кабала на Проньку, вообще сомнительная, была датирована только апрелем 1639 г., да и сбежал он, имея уже троих детей в 1643., и старшие дети могли родиться до кабалы.

Этим решением Коробов сразу вернул себе кучу холопов, но не успокоился. Не имея возможности явиться из Александровой слободы в Москву лично «для государевы десятинные пашни и для всяких государевых и крестьянских расправных дел», он бил челом об отсрочке тяжбы из-за недоданных ему Климки-Ортюшки с женою и сыном, Панькиной жены, малого Микитки Чистяка (сына Паньки), да девок Палашки и Груньки (Офимки). Челобитная Коробова, поддержанная приказом Большого дворца, под ведением которого находился Коробов, была принята Холопьем приказом в уважение.

Телегин, обвиняя Коробова в том, что он «ево человека» (Паньку-Ивашку) собираются «засадить в Холопьем приказе за приставом года на полтора и больши, чтобы... (Телегин) тово своего кабального человека во многом пожелезном отступился», и ссылаясь на то, что «по государеву указу лишь сибирским воеводам в таких поимных поклевных (!) делах отсрачивают», просил о немедленном слушании дела. В этом Телегин успел, и на другой же день после поступления коробовской оторочной челобитной выхлопотал подписную челобитную с пометой о том, чтобы тяжба разбиралась без отлагательно. Дело было заслушано немедленно. Вместо Коробова выступал на суде тот же Хрисанка Зуй, в марте заваривший дело. Но отвечать на суде далее по этому делу в отсутствии своего боярина Коробова Хрисанка отказался, ссылаясь, между прочим, и на то, что он, Хрисанка, «грамоте не умеет». Распоряжением судей за пристава был посажен в Приказе тогда и сам Хрисанка.

Телегин получил свою первую подписную челобитную от 16/4, ссылаясь на будто бы утаенную Хрисанкой полюбовную заручную сказку о том, чтобы сторонам стать к суду по этому делу безотлагательно. Недовольный юридическим изворотом Хрисанки и выхлопотавший в дополнение к первой подписной челобитной от 16/4 новую подписную челобитную от 19/4, Телегин требовал ускорения решения. В этой второй подписной челобитной он опять толковал о том, что «лишь сибирским и астраханским боярам и воеводам в таких делах отсрачивают», и просил — «то наше дело взнестъ к боярам, к Ивану Васильевичу Морозову с товарищи». Согласно этой, почему-то весьма быстро уваженной, челобитной дело перешло в специальную комиссию Боярской думы, состоявшую из боярина Ив. Вас. Морозова, кн. Мих. Петр. Пронского, окольничего Степ. Гавр. Пушкина и думн. дьяка Михаила Волошенинова. Бояре указали: в отсрочке Коробову отказать и Хрисанке в суде выступать, — «а будет он, Хрисанко, искати не станет, и ево указали обвинить». Хрисанка не сдался и заявил боярам, что он не ищет и не будет искать, «потому что не смеет Ивана Коробова, да и не будет де ево столько, что искать; а в скаске де руки приложить в ево место некому, а сам грамоте не умеет».

Между тем, по приглашению комиссии Телегин предъявил боярам кабалы на Паньку-Ивашку и Климку-Ортюшку, — обе от 5/2 1645 (153) г. Справившись почему-то не с Уложением, только что вышедшим, а с указной книгой Холопьяго приказа,¹ бояре, повидимо-

¹ Это была, собственно, указная книга Земского приказа — «Уложение» 15/1 1628 г., пункт 3.

му, не нашли в ней ясного для себя указания по поводу данного конкретного случая и оставили вопрос нерешенным. К этому времени окончилась горячая хозяйственная пора, державшая Коробова безвыездно в Александровской слободе. В начале июня он появился в столице, о чем узнаем из словесного челобитья Телегина, поспешившего сообщить боярам, что Коробов «живет на Москве». Посланный на поиски Коробова, пристав Холопьяго приказа Гр. Сахарусов в тот же день 9/6 представил его в Приказ. Коробов объяснил, что он явился в Москву не за своими делами, его вытребовал сюда Приказ Большого дворца, и просил себе отсрочки только «до завтрея, июня до 10-го числа».

На следующий день Коробов на козыряние Телегина подписными челобитными ответил связным и убедительным изложением всего дела. Рассказав уже известную версию о бегстве от него 5/12 1644 г. холопов Грачевых, он прибавил ряд обвинений против Телегина. «А бежали от меня, — писал Коробов, — те мои люди, по ево, Максиму (Телегина), подговору и по подсылке Телегинского мужика Максимки, а животов моих взяли с собою, хлеба, и лошадей, и коров, и овец, и служивые рухляди, пищалей, и седел, и сабель, и на себе платья — на 86 р. на 21 ал. 2 д. А подсылал он, Максим, в усадьбишко мое по тех моих людей и по животы людей своих и крестьян своих и на крестьянских лошадях». Сообщив эпизод об аресте Проньки и Паньки на Чертолье, Коробов прибавил: «и тот Максим (Телегин), убегая многое время, отца их, и мать, и брата их Исачка, и Пронькину жену, и детей в Приказе холопья суда поставил и сказал, что ему до тех людей до Проньки, дела нет, и те люди отданы мне; а Паньку он, Максим, оспорил и брата его, Климка, и их жон, и малова Микитку (Митьку), и девки Груньки (Офимки) не поставил в Приказе холопья суда; а Панька по его, Максиму, спору сидит за приставам». Переходя в наступление, Коробов энергично требовал не только суда в холопстве Паньки и Климки, но суда на Максима «в подговоре и подсылке и в сносных животах».

Телегин отверг обвинения в подговоре и в сносе, настаивая на том, что и Пашка-Ивашка и Ортюшка-Климка, живущий в его белозерской деревне, били ему челом с воли, что отец их Федька с женой и детьми пришел в его костромскую вотчину в его отсутствие, когда он был с отцом в Кузьмодемьянске, что их он уже отдал — «с чем он, Федька, з животишками своими пришел к нему, ... а больши де тово иных животов у него нет и не принашивал». В сносе истец (Коробов) и ответчик (Телегин) «имались за веру», и «Максим взял себе на душу крест целовать, человеку ево Алешке Емельянову». Но истец (Коробов) заявил: «Тому де Алешке он в крестном целованье не верит, — чтоб де велели иному человеку крест целовать, а имян де он, Иван, ево Максимовым людям не ведают».

В доказательство своих прав на Паньку и Климку Коробов привел следующие соображения. 1) Отец их Федька и мать Антонидка, переходя к нему от его отца Гаврилы, били ему челом во двор в 1623 (131) г., и Панька и Климка «породились» уже у него во дворе. 2) В 1639 (147) г. произошел первый (не игравший роли в данной тяжбе) побег Федьки Грачева с детьми к Никифору Нашокину. Он, Коробов, «вынел» их у того Никифора в вотчине с приставом и холопы были приведены им в Приказ холопьяго суда; они в холопстве винулись, и крепости на тех людей своих к приводу он положил, а взяты были с них списки. «И в прошлом во 148 (1640) г. в феврале месяце, — писал Коробов, — те люди мне отданы из Приказу холопья суда по старине и по крепостям, а тот Панька в той отдаче описан, и пошлыны, головные взяты. А Климко, да Исачко, да девка Палашка в то время были малы и в Приказе холопья суда не ставлены, потому что их на Москве

не было, а написаны имена их в мировой моей челобитной с Микифором Нащокиным... А он, Максим, ведая, что люди они мои, имена им у кабал переменял и родиною сказыватца велел розных городов».¹

В ответ на это Телегин занял дерзкую позицию: и Ивашка-Панька и Ортюшка-Климка «породились на воле» до кабального холопства у Коробова. Выдачу от Нащокина через Приказ, как юридический аргумент, Телегин отвергал: «Вольно де ему, Ивану (Коробову), в челобитье своем и чужих людей своими писать, ставовся с Микифором Нащокиным». Телегин поставил Коробову вопрос о годах Паньки в момент возвращения его из первых бегов в 1640 г. Коробов ответил, что «был де он в те поры лет в 15, а подлинно де про лета не ведает». Телегин с торжеством указал, что по приказному осмотру Пашке дали 35 лет (см. выше), тогда, как по этому расчету должно было быть только 24 (15 + 9 лет, протекших с 1640 по 1649 (157) гг.).

Изворачиваясь в своей двусмысленной юридической позиции, Телегин предложил попытать Проньку — «в том шлюсь на брата их большова на Пронькину кожу». Коробов этой ссылки не отвергнул, но прибавил, что если уж слаться на кожу Проньки, то он шлетя и на кожу телегинского мужика Максимки (прозвище которого он не мог указать), приезжавшего в его поместье с крестьянскими и с телегинскими подводами для своза этих людей в 1644 (152) г. Конечно, обвинение это Телегин отверг начисто: «У нево де, Максима, и у отца его, у Микиты, тем именем человека Максимка ни кабального, ни старинного, ни вольного нет и не бывало, и в том, — заявил Телегин, — он шлетя из виноватых около своей деревни на три (!) уезда, на Клинской, и на Волоцкой, и на Рузской уезды, в большой в повальной обыск». Коробов ссылку на повальный обыск принял, но только в послушество: «Вольно де ему, Максиму, того своего человека у себя утаить, и имя ему переменить».

Ссылку Телегина на указы, запрещавшие родителям кабалить рожденных на свободе детей, Коробов отвел своей готовностью приложить эти указы и к настоящему случаю. Тогда Телегин повернул вопрос в другом направлении, начав отрицать наличие у него самого Груньки-Офимки и ссылаясь для подкрепления этого отрицания опять на кожу Федьки Грачева (т. е. отца спорных холопов). Коробов этой ссылки не отверг.

Оставив Груньку, Телегин перебрался к Митьке Чистяку, заявив, что «у нево де, Максима, тот малой на Костроме есть, а бил челом к нему, Максиму, с воли, а кабалы де на нево (он) не взял, потому что в урочные лета, как кабалы емлютца, и он в те лета не вшел, а бил де челом к нему тому года с 4». Телегин предлагал допросить истца, почему он считает крепкими себе Андрюшку, Митькина отца, и Митьку. Коробов ответил, что Андрюшка, Митькин отец, был церковным дьячком и ему крепок не был, но за этим дьячком была замужем послужильца отца его Иванова (Коробова) женка Феколка. Феколка была отпущена на волю и вышла замуж за дьячка; малого они прижили на воле; и дьячок и Фекла умерли, а мальчика «за сиротством» взял к себе Федька Грачев (отец спорных холопов), захвативший при своем побеге и его. «Потому де он, Митька, в жалобе и написан».

Изворотливый Телегин задал тогда Коробову вопрос: хочет ли он быть прав или виноват речами своего поверенного (в начале тяжбы) Хрисанки? Коробов отклонил свою ответственность за выступления Хрисанки, а на вопрос судей, в чем дело, Телегин пояснил, что, по словам Хрисанки, Пронька и Пашка-Ивашка названы были кабальными «тому лет з 10», а теперь сам Коробов утверждает, что Панька

¹ О «розных городах» упоминание Коробова верно в том смысле, что Пашка и Ортюшка названы костромичами, — подмена имен в кабаках налицо.

родился у него в холопстве. Но Коробов спокойно отвечал, что кроме «отдачи по суду» 148 (1640) г., другой кабалы на Пашку у него нет.

Выведенный, повидимому, из терпения наскоками Телегина, Коробов выдвинул против него новое обвинение, на этот раз явно несостоятельное, — будто Телегин, сманил увозом за своего крестьянина коробовскую старинную девку Палашку (дочь все того же Федора Грачева), родившуюся у него, Коробова, в кабальном холопстве. Коробов предлагал задать Телегину вопрос, есть ли у Палашки отпускная. Отбивая это нападение, Телегин показал, что «отпускные даются крепостным кабальным людям, а та де девка вольная, родилась на воле до отцова кабального холопства, потому де он без отпускные по сватовству и женил на ней тово своео крестьянина». Телегин слался из виноватых в повальный обыск около своей деревни Мартыновой на три уезда, на Волоцкой, на Клинской да на Рузской, «что он, Федя (Грачев), выдал дочь свою Палашку явна, что она вольная, а не бегом и не подговором». Мало того, Телегин опять вспомнил про Пронькину кожу: «Сверх того, шлюсь, государь, из виноватых, — писал он, — брата ее большова на Пронькину кожу, что та девка Палашка взята замуж за моево крестьянина за Яшку с поездом вольная. А как приехал крестьянин мой с поездом, взял тое девку, и в те поры была тут же на свадьбе жена ево, Иванова (Коробова). В той свадьбе на ево Пронькину, кожу и шлюсь». Коробов принял ссылку из виноватых на Клинский уезд, но на Рузский и на Волоцкий слался только в послушество.

18/6 Коробов бил челом о том, что он дольше не может оставаться в Москве, так как ему по государеву указу велено ехать «с Москвы в Переславские ж в государевы дворцовые села к государеве десятинной лашне и для навозные воски и лесные рощистики», и получил через Большой дворец указ об отсрочке своей тяжбы с Телегиным.

Думая воспользоваться невозможностью для Коробова явиться на суд из-за служебной командировки, Телегин тотчас забил челом о приговоре «за неявкой» Коробова 11/7 1649 (157) г., но дело завязло и ему пришлось возобновить челобитья и 19/1 1650 (158) г. и 25/4 1650 г., так как Холопий приказ делал из недавно отпечатанного Уложения выписки, но с решением медлил. В последней челобитной, отстоявшей от начала дела более чем на год, а от июньских схваток в Приказе на 10 месяцев, Телегин сообщал, что Ивана Коробова на Страстной неделе 1650 (158) г. не стало.

Тяжба прекратилась сама собой, потому что одна из сторон исчезла, и, следовательно, права Коробова на Пашку и Климку, если их приравнять кабальному холопству, прекратились сами собой, а телегинские, — пусть незаконные кабалы, — должны были вступить теперь в силу. Как отнесся Приказ к юридической стороне этого казуса — не видно, но люди остались у Телегина, к которому они, повидимому, из осторожности, страшась его мести, и тяготели, отрицая на суде свое рождение в кабале у Коробовых, в силу которого им пришлось бы оказаться в положении коробовских старинных, т. е. бессрочных холопов.

Но тяжба Коробова и Телегина этим еще не кончилась, и ровно через 10 лет, в 1660 (168) г., она возобновилась. В мае 1660 г. умер и сам беспокойный Максим Телегин, а холопы, бывшие в 1649—50 гг. спорными, перебежали обратно к Коробовым, заявив, что по-настоящему они — холопы коробовские, а вовсе не телегинские, хотя смерть Телегина по закону должна была возвратить им свободу. Тогда началось новое дело, так как вдова Телегина Акулина, урожденная кн. Шаховская, уступить Пашку и Климку Коробовым добром отказалась. На сей раз одной из сторон в процессе сделались не столько Коробовы, сколько сами холопы.

«Старинные и крепостные послуживцы Ивана Гаврилова сына Коробова, — как они себя называют, — Климка с братишком своим с Панькою Федоровы дети Грачева» повествовали в своей челобитной: «Бегаючи от него, Ивана (Коробова), жили у Максима Никитина сына Телегина в Клинском уезде; и он, Максим, светчи нас из Клина на Кострому, взял на нас служилую кабалу поневоле переменными именами: мне, Климке, велел назватца Артюшкою, а мне, Паньке, велел сказаться Ивашкою, а прямые, государь, наши имена в кабале велел написать в прозвище. И ныне, — заявляли Климка и Пашка, — его, Максима, не стало, а по твоему, великого государя, указу, наша братья, кабальные люди, по смерти бояр своих свободны; а жена, государь, ево, Максимова, и сын, и сродники — женишек и детишек наших хотяз закабалить насильно. И я, сирота твой Климко, от их насилья убог, а женишко мое и детишек жена его, Максимова, и сын у себя заключили, а брат мой Панька з женишкою и з детишками живет в деревне зятя ево, Максимова, Федора Зыкова в невольном порабощении. А отец, государь, наш Федор (Грачев) и братья родные з женами и з детьми служат по старине и по крепостям у сына ево Иванова, у Василья Коробова». Клим просил освободить его жену и детей и брата Пашку с женой и с детьми и для того — «поставить их в Приказе холопья суда и против своего, великого государя, указу и Соборного Уложения нам, сиротам, свой царский милостивый указ учинить, дать свободу, чтобы нам, сиротам твоим, в невольном порабощении и в розни с отцом своим и з братьями и сродники вконец не погинуты».

Столь неудачно обернулась через 10 лет проделка коробовских холопов, так как своими двусмысленными показаниями (может быть, из страха перед Максимом?) в 1649 г. Клим ясно играл на руку Телегину, а теперь должен был откровенно разоблачать проделки Телегина и свое собственное тогдашнее плутовство.

11/5 1660 (168) г. Приказ потребовал к допросу «Максима Телегины жены ево человека, который ходит за делы» и Федора Зыкова.¹

17/5 1660 г. приставом Семеном Пашковым в Приказ был доставлен человек Телегиной Петрушка Афанасьев, а 18/5 «стал» в Приказе и брат Телегиной кн. Захарий Шаховской. Шаховской заявил, что он не знает, по какой крепости служил у зятя его, Максима Телегина, сбежавший от него Пашка; сестра Шаховского Акулина Телегина живет в Клинском уезде, и на мельнице у нее жил до побега Пашка; жена и дети его остались у Телегиной. Про Пашкина брата (Климку) и его семью Шаховской ничего не ведал. «А отпускной де тому человеку сестра ево не дала, потому что де того человека искал на зятя его Иван Коробов, и то де судное дело не вершено; а в котором году суд был, того он (Шаховской) не ведает». Для сношений с сестрою Шаховской просил дать ему поверстный срок.

28/5 бойкий Климка Грачев опять бил челом на Акулину Телегину, жалуясь на то, что «поверстный срок прошел, а он, князь Захарей, женишки моей и детишек не поставил». Клим просил «челобитье взять

¹ Зыковых ДР знают с 1651 по 1698 гг. в количестве 10 человек. Среди них встречаются: один дьяк, головы, дворяне московские, стольники, думные дворяне, один окольничий, один сеунщик, даже один ухабничий. Федор Андреевич Зыков (по ДР 1651—1699 гг.) — голова, полковник, думный дворянин. Федор Тихонович (по ДР 1675—1698 гг.) племянник предыдущего, тоже полковник, думный дворянин, окольничий, а в петровское время — генерал; под конец жизни он почему-то превратился из Зыкова в Языкова, — если только это не ошибка ДР. В списках дворовладения 1638 г. фигурирует только один двор. моск. Алексей Семенович Зыков, обладатель 9 дв. (Боярская № 14, л. 192 об.). По данным от того же года у трех вдов Зыковых (Домны, Пелагеи и Федоры) в Пошехонье и Кашине насчитывалось всего 9 дворов. Надо думать, что Зыковы были людьми малопоместными.

к делу и с поручиками (по Шаховском) свой государев указ учинить». В тот же день, 28/5 1660 г., в Приказ поступила и челобитная сына Акулины Никиты Максимова Телегина, жаловавшегося на то, что после смерти его отца Максима «крепостной человек» Клишко Федоров, живший в их клинской деревне и заведовавший мельничным строением и хлебом, «который мелют на нужу (челобитчику) в год», — «уведав про смерть Максима Телегина и умысля воровски, мельницу разорил и у мельницы железные заводы испродал, а иные пометал в воду, и хлеб испродал же, а иной, не в продаже, роздал друзьям, а ныне бьет челом об отпускнуой». Телегин просил об очной ставке с Клиском.

На основании «указа великого государя от тайных дел», запрещающего держать в Приказе колодников в подклети, Приказ распорядился дать Клишку Федорова на поруки «мимо истца и ответчика». Тогда Клишку взяли на поруки восемь стряпчих, сытников и один из подключников Сытного и Кормового дворцов, среди которых встречаются двое Коробовых (Семен и Василий Ивановичи), повидимому, сыновья прежнего владельца Клишки. В этот момент Клишке от родича Телегиных, полковника рейторского строя Федора Зыкова, был предъявлен иск в сносных животах в 300 р. с полтиною и в подговорном человеке Пашке Федорове Грачеве (Клишкином брате).

В новом выразительном и даже риторически написанном челобитье от 3/6, Клишка, повторив прежнюю жалобу на стремление Телегиной насильно похолопить его с братом, прибавил рассказ о дальнейших проделках Телегиных и Зыковых. «И ныне, государь, забыв божий страх, и твою, государеву, крепкую заповедь, что заповедано от тебя, государя, всем, чтоб никому ни от кого напрасных продаж и поклепов не было, и умысля, государь, неправду, полуполковник Федор Тиханов сын Зыков, похотя нас всяким своим умыслом в невольное порабощение привлечь, и не дав поставить в Приказ женишки моей и детишек, и братишка моего с женишкой и з детишками, заключа их по себе, — приставил ко мне, х. т., поклепав меня напрасно именем дяди своего, полковника Федора Андреева сына Зыкова, в подговорном человеке в Пашке Федорове да в сносных животах в 300 р. с полтиною». Клишк заключал свое челобитье очень выразительно: «Вели, государь, про тот их неправый умысл и про составное приставство и про лживой поклепной иск розыскать своим царским праведным судом и указ учинить, чтоб по твоему государеву указу никому никого клепать не велено, и чтоб женишко мое, и детишек, и братишка моего з женишкою и з детишками в заключенье и в злом мученье не поморить на смерть». 3/6 государь приказал «про то сыскать боярину кн. Ив. Сем. Прозоровскому с товарищи». Что подвинуло ц. Алексея на это решение? Связи Коробовых в дворцовом управлении? Но едва ли красноречие самого Клишки!

Жена и дети Клишки разыскались после этого указа немедленно. Того же 3/6 «в Приказе холопья суда вдовы Акулины Максимова жены Телегина человек Анисимка Прокофьев поставил женку саму-девяту з детьми, а сказал, что та женка — Клишкина жена Федорова сына Грачева, который бьет на боярыню ево об отпуске...». По приказу своей боярыни Анисим Прокофьев доложил в присутствии, что боярыня его приказала поставить женку «саму-девяту и сказать, что в тех людех, в Клишке Грачеве и в жене ево и в детях, что великий государь ни укажет, а про Клишкина брата, про Пашку, боярыня велела ему сказать, что Клишкин брат Пашка служил у мужа ее, у Максима Телегина, и муж де ее того Пашку от себя отпустил при своем животе и отпускную ему дал, а где де тот Пашка ныне живет, тово она не ведает. А у ней, Окулины, тот Пашка после мужа ее не живал; а отпустил де муж ее того Пашку сама-друга з женою, а детей де у него в тое пору не было. А зовут де женку Акулинкою Иванова

дочь, а детям де своим имена сама она, Акулинка (Климова жена), скажет». Из показаний Акулины Грачевой выяснилось, что ее боярыня Акулина Телегина своему почившему супругу Максиму, знакомому нам по процессу 1649—1650 гг., была женою вполне подходящей. Акулина Грачева рассказала, что боярыня велела сковать мужа ее Климку «после светлова воскресенья на другой недели в среду». Тогда «Климка, покиня ее, Окулинку, з детьми саму-девяту збежал». После побега Климка, ушедшего жаловаться в Москву, «боярыня Окулина велела старосте своему Петрушке Григорьеву сковать (ее) в железа людем своим; и одному человеку велела сесть на голове, а другому на плечах и била ее, Окулинку, сама боярыня ее Окулина своими руками ослопом... И велела де человеку своему Алешке Раку ее, Окулинку, позорить, и тот де Алешка ее не позорил; и, избив, велела ей руки назад завязать и привезала де ее сама к телеге и послала из усадьбы своей из с. Узорова в дер. Смолинское 15 верст; а сама де боярыня после ее, Окулинка, в ту ж дер. Смолинское приехала; и из той деревни поехала она, Окулина (Телегина), к Москве, а ее, Окулинку (Грачеву), з детьми взяла с собою ж — тому ныне другая неделя; и на Москве ее, Окулинку, держала у себя на дворе в железах с неделю и отослала ее саму-девяту з детьми в Приказ холопья суда душею да телом; а что их рухлядишки было, и то де рухлядишко оставила она, вдова Окулина, у себя». Но по пословице «рука руку моет» приказный протокол гласил: «А по осмотру (в Приказе) на женке Окулинке на, спине побой никаких нет».

В Приказе взяли дело 1649 г. и нашли «черную судную записку» (т. е. черновики протоколов) тех прений, которые происходили 11 лет тому назад в июне 1649 г. между Иваном Коробовым и Максимом Телегиным; ссылались даже челобитье И. Г. Коробова по случаю первого побега этих холопов в 1639 г. (к Нащокину), благодаря которому Коробов и получил в свое время пристава на выемку беглецов от Нащокина.

Климкина жена Акулина не смогла показать, по какой крепости они с мужем служили у Максима Телегина на мельнице в Волоколамском уезде. Судьбы своего мужа Акулина не знала, а о своем девере объяснила, что он вовсе не был отпущен на волю, как показывала Телегина, а был отдан Максимом Телегиным в приданое за дочерью своей Федору Андреевичу Зыкову и ныне находится с женою Улиткою в ярославской вотчине Зыкова. «И та женка з детьми, — сообщает приказный протокол, — отдана до указу поддержать приставу Семену Пашкову. А на ней платья — сарафанишко белой, сарочечка шитая, крест медной; денег у себя не сказала; а робята все (8 человек) в одних рубашках, а кресты на них медные». — «А Климка Грачев, — прибавляет протокол, — смотря на женку и на робят, сказал: та де женка Окулинка и дети — ево, Климкины, а больши де того детей у него нет».

3/6 1660 (168) г. «по государеву указу боярин кн. Ив. Сем. Прозоровской, да окольничей Вас. Александр. Чоглоков, да думный диак Ларион Лопухин велели диаку Семену Чашникову из Приказу холопья суда все подлинное дело взнести в Верх».

В тот же день кн. Прозоровский с товарищами распорядились: 1) допросить жену Фед. Андр. Зыкова, где Пашка с женой и с детьми, и по какой крепости он мужу ее крепок; 2) Акулину Телегину допросить, по какой крепости был крепок Максиму Телегину Климка, и почему она не отпускает его на волю; 3) «жену ево, Климкову, з детьми дать на поруки з записью в статье мимо исца и ответчика; а будет по них поруки не будет, и их держать по указу за приставом».

¹ Детей у Пашки не было.

Акулина Телегина на вопрос о крепостях отозвалась неведением: «А слышала де у мужа своего, у Максима, что у него в тех людех, в Климке и в Пашке, был суд в Приказе холопья суда с И. Г. Коробовым, и после того суда тот Климка и Пашка отданы в холопство мужу ее Максиму Телегину, и тот де Климка служил у мужа ее по ево, Максимову, смерть». Максим умер великим постом, а «после светлова воскресенья на другой недели» Климка сбежал и объявился «на Москве в Приказе холопья суда»; «а мужа ее приказу при смерти не было, чтобы их освободить на волю». Акулина Телегина, заметим, и не подумала вспомнить о категорических неоднократных указаниях по этому поводу закона. Брата Климкина, «Пашу Грачева, муж отпустил на волю, — врала Акулина Телегина, — а с воли он бил челом зятю их Ф. А. Зыкову».

Кн. Прозоровский с товарищами потребовал от жены Зыкова Марьи (дочери Максима Телегина), чтобы «за порукою на поверстный срок» она доставила из своей кашинской деревни отпускную на Пашку и новую зыковскую кабалу. Прозоровский распорядился также разыскать в Приказе дело 1649 г., из Кашина затребовать засвидетельствованную воеводой зыковскую кабалу 1660 г. на Пашку, а из Костромы, из записных кабальных книг, — копию Климкиной кабалы.

6/6 1660 г. полуполковник Фед. Тих. Зыков, племянник полк. Фед. Андр. Зыкова, женатого на Телегиной, на очной ставке с Климкой сказал, что «об нем, Климке, и о брате Пашке з женами и з детьми, чтоб их привести в невольное порабощение и в мученье, ничево не мышливал и умыслом своим к нему, Климке, не приставливал, а приставила де к нему, Климке, дяди ево Федорова жена Ондреева Зыкова, именем мужа своего, в подговоре брата его в Пашке Федорове, да в сносных животах в 300 р. с политиною; а х той де приставной памяти он, Федор, руку приложил по теткин у вельню». Свалив мошенничество на тетку, полуполковник Зыков отозвался полным незнанием обстоятельств дела.

Допрошенный на той же очной ставке, Климка спокойно и твердо показал, что Фед. Тих. Зыкова он «преже сего» не знал, а узнал его «в те поры», как он к нему, Климке, приставил именем дяди своего Фед. Андр. Зыкова. Клим повторил свои прежние показания о насилиях Телегиной над его женой, о которых его известил человек Василия Коробова (сына Ив. Гавр. Коробова) и его, Климкин, отец Федька Грачев на Москве. «Да и потому, — прибавил Климка, — ему, Климке, на него, Федора (Тихонова сына), в умысле неверка, что у приставной памяти ево, Федорова, рука; а брата де своего Пашки он не подговаривал и сносу к нему не принашивал; а живет де он, Пашка, и ныне у Фед. Андр. Зыкова в ярославской ево деревне на мельнице; а как деревню зовут, того он не ведает». Этими спокойными вразумительными разъяснениями Клим совершенно убивал телегинско-зыковскую интригу и сразу ставил полуполковника Ф. Т. Зыкова в глупое положение, заставив его смешаться и запутаться в своих показаниях.

Ф. Т. Зыков бессвязно залепетал: Климка утверждает, что он его, Федора, не знает, а «ныне де на очной ставке сказал, что де он, Федор, ево и жены ево не мучивал, а мучила жену его Максимова жена Телегина Окулина, а не он, Федор, и он де, Климка, ево, Федора, челобитьем в мученье и в умысле клетлет, и чтоб де ему, Федору, от того лживого (??) ево челобитья напрасно от великого государя в опале не быть». Так перед твердой и находчивой речью мельника-холопа сконфузился и запутался полуполковник, а в будущем даже генерал.

6 июня Прозоровский, Чоглоков и Лопухин распорядились пересвидетельствовать женку, но результаты этого нового осмотра в протокол не занесены, и нового заключения экспертов мы не имеем. Не

вымыла ли опять одна заинтересованная рука другую родственную ей руку?.. Но факт нанесения жестоких побоев был несомненно удостоверен.

Эта трагическая история кончается отчаянным жалобой-воплем Клима, сохранившимся в виде полуистлевшего и осыпавшегося лоскута бумаги, поданного Грачевым уже 19/6. В своем последнем (для нас) челобитье Клим, повторив весь рассказ о проделках Телегиных и Зыковых и упомянув, что решением боярской комиссии Прозоровского он с женою и с детьми освобожден, вступался за продолжавшего находиться в руках у Зыковых брата Паньку.

Войдем в аргументацию бывшего холопа. Клим указывал на то, что «по выпискам из Приказа холопья суда в вершение того судного дела и приговору ничьево на нас и отдачи не объявилось», а выступавший от имени Акулины Телегиной брат ее кн. Захар Шаховской заявил, что отпускной им, Климу с братом, она не дала, — «что мы жили у них спорные, а судное де дело по се время (с 1649 по 1660 гг.) не вершено». «И ему, государь, — метко аргументировал Клим, — Максиму Телегину (умершему хозяину), не довелось нам, сиротам твоим, и на прямую волю отпускных давать, не токмо в невольное порабощение к зятю своему и к дочери своей отдавать, потому что то дело и по их сказке объявилось не вершено, а мы, сироты твои, спорные». Клим бил челом о возвращении своих разграбленных Телегиным животов по поданной им росписи и об учинении указа «в мученье женишки по роспросным речам». Но главным предметом этого последнего для нас челобитья Клима были хлопоты об отпуске на свободу «братишки Паньки». «Не вели, государь, — восклицал Клим, — тем их (Зыковых) составным крепостям верить и тех их составных крепостей им отдавать до своего государева указа, потому что мы, сироты твои, з братишком своим жили у него, Максима, за челобитьем и за спором прежняго своего боярина, Ив. Коробова, и по се, государь, время то судное дело и по их скаске¹ объявилось не вершено; а он, Максим, братишка моего Паньку зятю своему Федору и дочери своей укреплял не делом... Вели, государь, — кончал свое челобитье Клим, — Федорове жене Зыкова Марье (ур. Телегиной, дочери Максима) братишка моево, Панькину, женишку поставить и в их составном поклепном приравстве в подговоре и в сносе свой царской указ учинить, чтоб братишка мой мимо твоего, государева, указу и по их составу им напрасно порабощен и впредь от них замучен не был!». Читателю дела не совсем только понятно, почему Клим говорил здесь лишь о жене Павла? Быть может, потому, что ей из ярославского поместья Зыковых удалось вырваться в Москву, а Павел все еще оставался в их руках.

На этом полуистлевшем лоскутке обрывается дело о борьбе холопов Грачевых с Зыковыми и Телегиными, выходцами из самой гущи московского дворянства. Дело Грачевых на всем своем протяжении хорошо отражает тогдашнюю социально-политическую динамику. В первом фазисе дела перед нами картина дерзкого захвата целой кучи чужих холопов Максимом Телегиным, имевшим, повидимому, вес в Москве. Телегин — возможно, внук какого-нибудь опричника и сын тушинца. Это — набег в старом стиле, когда холопы сами идут навстречу более ловкому и сильному претенденту на их руки и спины. Ив. Гавр. Коробов, ставший жертвой набега (и где же? Под самой Москвой, в Клину!) тоже не пустое место в московской служебной иерархии: он хозяйственный дворцовый управитель, во дворце у него покровители, есть и солидные связи, за ним протекция Большого дворца, он и сам, сколько можно судить по документам, человек деловой, спокойный, разумный, настойчивый. Но и ему в течение целого года

¹ Т. е. по показаниям Шаховского, — Клим ловко схватил этот аргумент.

не удастся совладать с наглой дерзостью уже уличенного им Телегина, на каждом шагу глупо и неловко расписывающегося в своих проделках. Ни тревоги этого (1649) года, ни совершенно явное плутовство Телегина не обеспечивают Коробову полной победы, несмотря на то, что закон вполне на его стороне. Телегин, несколько не обинуясь, признается в своем держании чужих холопов, только из страха спешно им уступаемых Коробову. Да и самое «пристанодержательство» этих без спору выдаваемых им холопов в течение 4½ лет (декабрь 1645 г. — март 1649 г.) представляло собой большое преступление, и давало Коробову право на иск на значительную сумму (по Улож., гл. XX, ст. 49, 51). Получив большую часть спорных людей, Коробов, повидимому, решил далее не связываться с бандою Телегиных — Зыковых и махнул рукой на удержание Телегиным двух ценных холопов — Клима и Павла, из которых Клим несомненно был одаренным и ловким писакой. Наглость М. Телегина восторжествовала, а приобретение его было немаловажным, если мы припомним, как на Москве в эту эпоху охотились даже за какой-нибудь бродячей девочкой или мальчиком. Характерна беспечность уверенного в своей безнаказанности Телегина: в течение 10 лет он даже не дал себе труда оформить юридически свое владение Грачевыми, хотя после смерти Коробова сделать это ему было и нетрудно. Сойдет и так! — такова логика этого столичного витязя самоуправства.

Во втором фазисе (1660 г.) иная ситуация: Грачевы делают попытку вырваться из лап Телегиных — Зыковых, но это не так-то просто! Телегины — Зыковы не только не проявили не нажитой ими за истекшие 11 лет (1649—1660 гг.) изобретательности, но выявили еще большую грубость и топорность приемов: пустили в ход ослопы, увезли-секвестровали Павла с женой и т. д. Это все та же хищная, грубая, дерзкая компания уездных насильников, наглая перед слабыми и сразу теряющаяся и робеющая в присутствии судей Холопьяго приказа или комиссии Боярской думы, хотя и Приказ и комиссия состоят из их же братьев. Храбрость быстро покидает наших героев, как только их вводят в приказную казенку!

Интереснее своих господ, то осторожных, хотя и с подковыркой, как сытник Коробов, то топорно и грубо развязных, как Телегины, сами холопы, особенно Клим, сначала попробовавшие, может быть и с долей лукавства, счастья с Телегиным (рыба ищет где глубже!), а потом начавшие отбиваться от них. Клим — самородок, обладатель сильного пера, человек смелый и решительный: он идет на риск борьбы, имея за собой целых 8 душ «в одних рубашенках», находит путь к государю, добивается неслыханной удачи и успевает, хотя и сильно обшипанный, без ружья, отнятой у него Телегиными (они ничем не брезгуют), и с истерзанной побоями женой, вырваться на свободу из когтей порабитителей.

Выступает перед нами в достаточно неприглядном свете и вся, обычно скрытая от наблюдателя, механика Холопьяго приказа. Занятый взвешиванием в течение целых 12 месяцев на весах своей Фемиды прав Коробова и Телегина и не решающийся дать законный перевес Коробову, вопреки его, с точки зрения холоповладения, очевидной правоте, — Приказ поостерегся слишком больно наступить на ногу Максиму Телегину, вероятно, подкреплявшему свои вздорные аргументы невздорными подношениями. Приказ предпочел просто волочить дело полный год, благо Коробов, повидимому, махнул на холопов рукой. Потом, по смерти Коробова, Приказ предоставил тяжбе дремать, заняв позицию «третьего», каким он вообще и был по своей исторической роли. Видя перед собой относительно трудный случай, когда стороны задеты за живое, а не относятся к спору спустя рукава, Приказ глубокомысленно задумывается на целые... 11 лет! Понадоби-

лось назначение второй комиссии для расследования дела, ибо первая комиссия, боярина И. В. Морозова с товарищами, не сделала, как видно, ни одного усилия для решения тяжбы.

Трудно сказать, чем удалось заинтересовать в этом деле 30-летнего ц. Алексея (в 1660 г. ему исполнился 31 год). Заговорила ли его природная впечатлительность, когда Клим где-нибудь на богомолье бросился перед ним ниц? Или пришлось опять посмотреть себе «под ноги», как в 1649 г., ибо в июне 1660 г. московские войска, разбитые Чарнецким у Полонки, понесли страшное поражение, надвигалась новая военная катастрофа, разразившаяся в сентябре того же 1660 г. под Чудновым; можно было уже предвидеть военные неудачи 1661 г., а может быть, и предчувствовать июльское восстание 1662 г. Сыграли ли тут роль скромные, но, повидимому, прочные (в двух, а может быть, и больше поколений) придворные связи наследственных сытников Коробовых? Угадать трудно, но вмешательство ц. Алексея характерно и для общей позиции царской власти в холопьем вопросе и для личности самого царя. Вмешательство это было несомненно горячим и энергичным — иначе нельзя было заставить так активно заняться этим делом немолодых сановников — Прозоровского, Чоглокова и Лопухина,¹ — смотревших на этот инцидент в своей служебной деятельности едва ли доброжелательно и видевших в нем, конечно, потворство холопам против бояр. Надо полагать, они спешили просто скачать с рук эту царскую блажь, не лишенную известного демагогизма. Но налет ц. Алексея был исчерпан, повидимому, двумя неделями временного интереса: приказ боярской комиссии о предъявлении документов Зыковыми выполнен не был, и 19/6 Пашка все еще находился в узилище у полковника в его ярославском поместье.

Не служит ли этот эпизод характерным образцом всей истории так называемого «холодьяго права», состоявшего из ряда некоординированных, несообразных, и даже комических налетов царя на язву холопства, отравлявшую весь социальный организм Московского государства и способствовавшую формированию крепостного строя? Капризный налет нечаянно вспыхнувшей царской воли, застрявший в проволочных заграждениях и густых терновых кустарниках боярского, дворянского и приказного окружения, — вот и все, на что способно было в вопросе о холопстве самое «сильное на свете» (по мнению Герберштейна и Коллинза) самодержавие московских царей, несмотря на сознававшуюся ими время от времени нескладичу отношений в этой сфере. Энергичный взмах царской длани вытащил из клещей Телегиных ободранную и избитую семью Клим Грачева, но не знаем, хватило ли прыти у ц. Алексея на то, чтобы извлечь из ярославских трущоб менее предприимчивого и менее красноречивого Паньку? Зыковы были достаточно сильны, и, чтобы нам убедиться в этом, стоит только припомнить дальнейшую служебную карьеру «полуполковника» Федора Тихоновича.

Дело Грачевых — одно из последних усилий романовского самодержавия взять в свои руки холопство, и эту тяжбу с известным правом можно рассматривать как показательный символ общей политики московского правительства в холопьем вопросе. В постоянном дурмане богомолий, певок, бесконечных дворцовых трапез и охотничьих потех царю трудно было проводить свою особую линию, отклоняющуюся от той, которой следовали правящие и приказные круги, ждавшие только своей очереди на получение социальной добычи. Социальный поток

¹ Кн. Ив. Сем. Прозоровский — стольник с 1635 (143) г., боярин с 1657 (165) г., — ему было, вероятно, 50—60 лет. Вас. Александр. Чоглоков — стольник с 1635 (143) г., окольный с 1650 (158) г., — тоже был немолод. Думный дьяк из служилых людей Дм. Ларион. Лопухин — в 1630 (138) г. пристав у венгерского посла, думн. дьяк с 1648 (156) г. по 1676 (184) г., был, вероятно, даже старше Прозоровского и Чоглокова.

боярско-дворянской формации неся неудержимо вперед, и не Михаилу и не Алексею было регулировать или сдерживать его течение: они могли только следовать руслу, пролагаемому этим потоком, и отдельные гуманитарные выпады царя Алексея легко заглушались топотом и шарканьем дворянского табуна в его маленьких приемных полах.

Оглядываясь на ход юридической борьбы холопов за свою свободу в выбранных нами четырех наиболее интересных с этой точки зрения делах, мы видим, как трудна была эта борьба, и как напряжена была в середине XVII в. общая социальная атмосфера Московского государства. Точно чувствуя всю социально-политическую опасность переживаемого момента, царская власть делает ряд судорожных и, в конечном счете, почти бесплодных усилий воспрепятствовать в отдельных случаях незаконным, даже с тогдашней точки зрения, операциям закабалителей, не стесняющихся, довольно ясно выраженного в этих делах, участия самого ц. Алексея.

Дело холопов дьяка Григория Пятово Хомутова и Плужникова, подвергавшихся истязаниям со стороны своего скудоумного хозяина-рамолика и стегаемых им кнутом на привязи у саней, показывает отчаянную изворотливость холопов, не останавливающихся перед прямым юридическим конфликтом со своим страшным по силе врагом и перед борьбой с ним — и где же? — в московских приказах, в которых дьяк Григорий был своим, глубоко своим человеком. Дело это интересно и тем, что, несмотря на опрометчивость и даже легкомыслие холопов, оно вызвало большой переполох в московском приказном мире, — так тревожно было в то время социальное и политическое положение Московского государства. Из этого процесса видно, какой страшной силой в подобных условиях могли быть холопьи доводы, исходящие от людей, своим житейским положением посвященных во все самые интимные стороны боярской жизни.

Житейская практика и здравый смысл подсказывали холоповладельцам два разных выхода: или покупать благоволение холопов побряжками и снисходительностью или давить их физически и психически системой постоянного, настойчиво и неукоснительно проводимого, террора, и не только террора домашнего, боярского, но и террора государственного, при помощи арсенала всех полицейско-сыских средств Московского государства с его дыбками, кнутами, клещами, горячими венниками и виселицами. Едва ли холоповладельцев мог пленить первый путь по отношению к случайным и частью бродячим элементам кабального холопства, да этот путь не мог быть практичным и по отношению к закабалениям в большом масштабе. Зато второй путь, по своему весьма опасный, грозивший в грядущем несомненно большими социально-политическими встрясками и восстаниями (восстания Разина, Булавина, Пугачева и другие можно было предчувствовать и предвидеть очень издали), был технически (конечно, временно и условно) вполне доступен по отношению к разрозненному холопьяму классу и был гораздо более по душе и по вкусам закорюзлomu рабовладельческому кругу знакомых нам по тяжбам Телегиных, Зыковых, Мясоедовых, Велковых, Лодыгиных, Пестрых и т. д. и т. д. Вполне естественно, поэтому, что владельцы всячески толкали государственные органы именно на второй путь, не встречая в этом случае с их стороны ни антипатии, ни осуждения, ни отпора. Ведь и воеводы на местах и приказная администрация в центре, — все сплошь, сами были холоповладельцами и не могли не сочувствовать домогательствам своих социальных собратий и союзников, настойчиво требовавших деятельной помощи со стороны органов государственного аппарата для прочного

утверждения холоповладения. Что, кроме каменной стены общего дружного сговора своих социальных врагов, мог встретить холоп, пытавшийся в этих условиях вырваться на свободу из клещей неволи? Дело Хомутова и Плужникова показывает, что на довольно большом фронте завязанной этими отчаянными холопами борьбы, когда в процесс было вовлечено несколько десятков людей разного положения, общий сговор холоповладельцев оставался все время целым и нерушимым.

Дело Телегиных — Зыковых и воевавших с ними энергичных и смелых холопов Грачевых и дело пушкаря Данилы, бесстрашно сражавшегося с Лодыгиными, изобразят лучше общих отвлеченных характеристик, как невероятно трудно было кабальному холопу, т. е. холопу для господина всего лишь пожизненному, бороться с «боярином», со своим могущественным социальным противником, вооруженным арсеналом всевозможных пыточных средств, — даже при скромности и незаметности положения данного холоповладельца, в московской служебной иерархии. Не только за дьяком и сыном боярским, но и за любым подьячим и холоповладельцем церковным дьячком стояло на карауле во всеоружии своих карательных дреколий само Московское государство с дворянскими полицией и судом, а приемы закабалителей представлены в архивном наследии Холопьяго приказа весьма наглядно. Говоря языком перекорявшихся между собою клиентов Приказа, перед нами в пестром и богатом выборе и «составное приставство», и «лживый поклепный иск», и «кабала с подставой», и «накупные обыски» специально прикормленных людей и прочие плутовские фокусы московской юриспруденции. Нужны были поистине нечеловеческие усилия и совершенно исключительные мужество и выдержка, чтобы начать и вести эту борьбу, исполненную величайшего риска не только для самих борцов, но и для их семейств. Холоповладелец не останавливался ни перед чем, чтобы заставить непокорного холопа замолчать и угомониться, даже если в ином случае, как это имело место в деле пушкаря Данилы, поработенный был дерзко и насильственно вырван поработителем из среды служилых людей, холопить которых с государственной точки зрения вообще было преступлением. И, тем не менее, отдельные представители холопией среды эту борьбу начинали и вели смело и отважно и иной раз — долгие годы. Мы не знаем закулисных пружин наших двух наиболее интересных дел, но видим, что в решении их в пользу холопов был почему-то сильно заинтересован не кто иной, как сам всероссийский самодержец, носитель всей полноты власти в своем Московском государстве. Но и при условии его горячего личного интереса, частичная победа поддерживаемых им холопов была ими куплена лишь ценой длинного ряда мучительных мытарств.

По делу Скорлатовой можно судить, как легко было закабалить на стогнах Москвы даже малолетних детей (в настоящем случае, племянников закабалителя!), и как трудно им было потом вырваться из расставленных кабальных сетей. Требование дяди попытать похолопленных обманом племянников показательно для того поворота, который холсповладельцы хотели придать и действительно придали ходу государственной машины. Внутренняя их логика была примерно такова: государство требует контроля над похолоплением и вмешивается в него, прерывает, укорачивает и даже аннулирует в некоторых случаях наши права на холопов, но мы со своей стороны требуем за то дружного содействия государственных органов для ловли строптивых бегящих от нас холопов, для приведения их к покорности и для окончательного заглушения всякого их протеста, — пусть даже законного, — ужасом пытки и казни в приказном застенке. Таковы скрытые, лишь частично выражаемые, соображения холоповладельческих выступлений, проступающие между строк текста холопских дел.

Вникая в эти показательные по своей яркости дела, мы видим, что государственный аппарат имеет неуклонное тяготение обслужить претензии и интересы именно холоповладельцев и очень мало склонен заботиться об охране прав самих холопов; он относится к стремлениям холопов вырваться на свободу, даже при очевидной и бесспорной правоте их, в лучшем случае безразлично, а большей частью и прямо враждебно. Горячий протест в ссылочной памяти одного из клиентов Холопьяго приказа, Моисея Рылеева, холопа кн. Лыкова, — «Не с бытное то дело, что людей продавать!...»,¹ — совершенно согласный с действующими указами, не вызвал среди присутствия этого учреждения, вероятно, ничего, кроме презрительной усмешки. Зато энергичное гневное восклицание другого клиента Приказа, важного дьяка Григория Волкова, — «Сыну своему своих кабальных холопей и дать и взять (я) волен»,² — было вполне понятно почтенному рабовладельческому трибуналу.

Эти наблюдения вскрывают перед нами волевую атмосферу, в которой развивается холопье право, и его общую ориентацию. По материалу этих тяжб можно понять, что никакой цельной и законченной идеи холопьяго права, как оплота для незаконно закабляемых или незаконно задерживаемых в холопстве людей, в сознании судей и администраторов Московского государства не было, и что идея эта, если она и вспыхивала, вспыхивала лишь по временам и случайно, когда огонек ее раздували какие-то другие, посторонние воздействия. Можно понять, что холоп юридически, как субъект права, был совершенно незащищен, — чем, конечно, и объясняется ничтожное количество дошедших до нас процессов с такой именно постановкой и ориентацией. Между тем именно эти вопросы с точки зрения многотысячного класса самих холопов несомненно были на первом плане и постоянно кипели в их среде.

Наблюдения над борьбой холопов за свободу дополняют общую характеристику холопьяго права в Московском государстве XVI—XVII вв. Как все в этом государстве, так и его юридические нормы, почему-то на некоторых историков права производившие положительное впечатление, были на самом деле только скоплением капризных и непоследовательных юридических наметок, в сознании правящего класса того времени соображенных и объединенных одним дружным лозунгом: — «Чтобы впредь не повадно было иным нашим холопом от нас от холопства оттягиваться», — как об этом цинично и дерзко, едва ли не с прямым упреком самому царю Алексею, заявил хорошо знакомый нам по процессу пушкаря Данилы — дворянин московский Увар Лодыгин.

¹ Дело № 41938, л. 53.

² Дело № 41779, л. 28 об. Григорий Волков был дьяком в Новгороде В. (1629—1632 гг.), в Путивле (1636 г.), в Казани (1641—1642 гг.). В 1639 г. он был приставом у персидского посла и, вероятно, дьяком в каких-нибудь московских приказах (ДР, *passim*). В 1648—1649 гг. Волков смело тягался по холопьяму делу с очень важными и влиятельными в Москве людьми, Нарбековыми.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Патриархальное, полное старинное холопство в частных руках было для представителей вотчинной централизации Московского государства, как мы выше об этом пространно говорили, неприятно и в силу его прямой политической опасности и в силу покрывающей его в понятиях обычного права (внутренне разделяемой к тому же самими царями и их приказами!) принципиальной неприкосновенности, символизировавшей экономическое и психологическое сращение между господами и холопами. Но враждебная старинному холопству линия московских политиков и администраторов XVI в. отнюдь не опиралась на принципиальный сочувственный интерес к самим холопам, поэтому наступление московской власти на холопий институт пошло по некоторой социальной «диагонали сил». Московская власть посягнула не на институт холопства, как таковой, а только на старые скопления боярской дворни, стремясь сообщить ей, говоря современным языком, текучесть на холопьем рынке. Делалось это во имя интересов успешней созреть и оформиться новой группы служилого класса, начавшей пускать глубокие корни в самой Москве уже XVI в. Направлена была такая политика прежде всего на верхний разряд холопов-слуг, т. е. холопов-домочадцев, холопов — вооруженных спутников в походе и в бою. Только потом она спустилась вниз и уже в принципе охватила всех холопов полностью. Но та разменная юридическая монета кабального холопства, при помощи которой московский приказ хотел сократить и растворить большие скопления старинной холопией дворни в боярских дворах, принесла не совсем предвиденные результаты: холопство перестало казаться людям, на него соглашавшимся, чем-то бесповоротным и страшным, своего рода гражданской смертью одерноватого, «дернуемого» холопа и, в то же время, благодаря понижению формальной ставки кабалы до 3 р. (нередко ниже цены лошади, коровы, избы, даже зипуна и седла — см. § Снос), оно стало доступно и людям с ограниченными средствами.

Может быть, именно это относительное измельчание и как бы смягчение холопства по кабале «за рост служить» и способствовало вспышке закабалений, имевшей место в связи с голодами при ц. Борисе: согласиться на служилую, для владельца только пожизненную, кабалу закабаляемому было, конечно, легче, чем бить челом в полницу. Кабальное холопство оказалось, поэтому, практически не столько средством отпора холопоплением «в полницу», сколько новым липким

листом, на «законном» основании умножавшим число владельческих холопов при некотором принципиальном удовлетворении царско-приказной власти. Вскоре же, в 1555 году начал развиваться нажим на норму кабального служилого холопства со стороны служилых людей, успевших уже запастись некоторым количеством холопов нового юридического типа. Как раз те элементы, которые должны были ранее требовать укорочения зависимости холопов в богатых боярских дворах, дружно выступают теперь, отстаивая под разными предложениями наследственность кабального холопа для своих детей и силу холопией старины для самих себя.

Так сам собой изменился фронт общественной группы, которая за поколение перед тем должна была дружно защищать и условность кабализации и ее укорочение.

Представители московской центральной власти, шедшие на поводу у проникшей в Москву в середине XVI в. и заинтересованной в мобилизации холопов служилой среды, теперь идут, увлекаемые потоком интересов этой наиболее им близкой общественной группы, по течению ее новых настроений, хотя все еще продолжают отбиваться от полной сдачи позиции даже на страницах Уложения 1649 г. Но этой стойкости им хватит очень ненадолго. Едва со времени издания Соборного Уложения пройдет треть века, как Приказ (на этот раз не Холопий, ибо к 80-м годам XVII в. Холопий приказ вообще исчезнет) спустит флаг и помирится с окончательной реставрацией и полницы и старины, — с оговоркой, менявшей, однако, постановку холопства в XVIII в. сравнительно с XV или XVI в.: холопы обязательно вносятся в ревизские сказки и превращаются одновременно и в контингент плательщиков подушной и в контингент поставщиков рекрутины для царской армии, на какую-то социально-революционную меру не решилось и кровавое самодержавие ц. Ивана.

В этой, не борьбе с холопством, а только попытке несколько обработать его, сказались приемы мышления и своеобразного правотворчества Московских людей XVI—XVII вв.

Как же рождалась их «норма», которую мы не назовем ни законом ни указом, так как эти два понятия юридически определились лишь позднее и, в известной степени, по антитезе одно другому? Это рождение в некоторых случаях происходит, так сказать, у нас на глазах, как, например, запрещение разлучать холопов мужа и жену по указу патр. Филарета или подтверждение запрещения передавать холопов по наследству, может быть, связанное с приговором по шумному делу Волкова и Нарбекова.¹

Такое же впечатление относительно рождения новых норм из самых тяжб наблюдатель получает и от целого десятка вразумительных статей XX главы Уложения, многократно, но бестолково повторяющих на разные лады мысль о временном характере холопства по служилой кабале в связи с какими-то крупными, но до нас не дошедшими тяжбами по холопским делам.

Право, творимое московскими приказами, многословно, запутанно, сбивчиво и, что самое характерное, почти всегда лишено внутренней перспективы. Его с трудом рождающиеся основные положения, вроде, например, запрещения принимать чужого беглого холопа, не выражены в виде общего принципиального тезиса с соответствующей детализацией и санкциями, а, так сказать, «разлиты» в многочисленных частных заключениях. Общее положение о временном характере кабального холопства, десяток раз выраженное в одной XX главе, не получило никакого планомерного развития в техническом смысле, с предусмот-

¹ См. гл. III.

рением срока и порядка выхода холопа, раскабалюемого после смерти господина, его прав на личное имущество, определения судьбы его детей, часть которых, если они были рождены во дворе господина, после выхода на свободу родителей, там и должна была остаться, а часть могла с родителями уйти. Выводы из умолчанных, но подразумеваемых общих положений и отсутствие планомерного развития внутренне признаваемых основными началами тезисов почти правило для московского законодательства вообще и для законодательства по холопьюму вопросу особенно.¹ Общее и частное во внешнем выражении тогдашней московской кодификации перемешаны, следуют одно за другим с беспорядочной причудливостью, объединяясь только хозяйским здравым смыслом и глазомером, что практически было для них лучше, чем если бы они стали подходить к рождаемым жизнью задачам с примитивным педантичным доктринерством.² Они брались за задачи правовых установок не теоретически, не дедуктивно, а в порядке ошупи и сноровки, очевидно, считая теоретизированный подход, — поскольку мысль о нем людям и того времени не была вполне чуждой, — непосильным или антипатичным, во всяком случае требующим несомненно неприятного для них «соображающего» мыслительного напряжения. Поэтому в Уложении мы и находим юридические мотивы, обрабатывающие холопство в разлитом, расплесканном виде, разбросанными чуть не во всех его главах, а не собранными и сосредоточенными в один юридический кодекс в XX главе.

Вникая в политику Московского государства в холопьем вопросе, ясно видишь, что она была продиктована развивавшимися в недрах служилого сословия классовыми социальными конфликтами. Давление городского или уездного, как мы обычно теперь говорим, дворянства, успевшего осесть в Москве в половине XVI в., выдвинуло идею укорочения холопства ради его быстрее мобилизации, а неглубокость и недлительность этого конфликта, более или менее изжитого и зарубцевавшегося к эпохе первого Романова, не дала этому посылу развиваться до конца. На 47 году после издания Судебника 1550 г. движение в этом направлении (не совсем удачно со стороны власти подновленное тайнственными, не дошедшими до нас указами 1586 и 1593 гг.), наткнулось на решительный отпор со стороны новой социальной спайки между Москвой и уездом, отразившийся в запутанном и сбивчивом апрельском указе-протоколе 1597 г., наглядно запечатлевшем сумятицу и внутреннюю борьбу в Боярской думе около этой острой темы. Приказная бюрократия Годунова, продолжая разрушать вековой фронт закоснелых презумпций холопьяго права в понимании не только владельцев, но и самих холопов,³ не смогла удержать новой юридической, намеченной Годуновым в 1586—1593 гг., позиции. Царю Борису не оставалось иного выхода, как ударить по наиболее крупным холоповладельцам, вроде Шуйских и Романовых, мерой не принципиально-юридической, а фактической, разгромив их холопы аггрегаты. Не держа в себе чего-либо боевого юридически, но заостренная в смысле личном, мера эта наносила весьма чувствительный удар холоповладельческим династам. Среди всего крупного боярства должна была нарастать тревога перед возможностью повального распространения такого же «птока и разграбления» и перед возможностью встретить в своей же холопьяй дворне таких же доносчиков и предателей, какие по дошедшей до нас литературной традиции оказались у гонимых царем Борисом Никитичей.

¹ То же самое можно сказать относительно норм, касающихся черносошных и владельческих крестьян, посадского населения, служилых людей, даже поместного землевладения и т. д. и т. д.

² Как они подошли, например, к исправлению церковных книг.

³ Вспомним (пусть мифический!) образ Шибанова!

В смутные годы правления Шуйского компромисс в холопьем вопросе был найден: уезд перестал показывать зубы столице, а социально обновленная столица примирилась с принципом принудительной мобилизации холопов, служивших по кабале. Романовым по их воцарении не было уже больших трудностей в разрешении холопьего вопроса. Дело рассосалось как бы само собой, и приказ мог предоставить потоку времени занести песком и илом обычного права крошечное юридическое достижение ненаследственности для холоповладельцев кабального холопства, — принципа, родившегося из конфликта разных групп служилого общества в пору социального формирования царско-дворянского уклада в конце первой половины XVI в.

ПРИБАВЛЕНИЯ К ГЛАВЕ I

1. Слово «челядь».
2. Слово «раба».
3. К генезису слов «Χηλαρςς — холоп».
4. Наблюдения над исторической демографией Киевской Руси в XI—XIII вв.
5. Феодальное порабощение в соседних с Киевской Русью государствах в XI—XIII вв.
6. Служилое холопство.
7. Боярский список 1556 г.
8. «Указ» 1641 г.

Задачей I вводной главы нашей работы было дать общую перспективу развития древне-русского холопства, характеризуя лишь важнейшие этапы его многовековой истории. Имея намерение изобразить только схему общего развития холопства и определить позицию, занятую Московским государством в холопьем вопросе в XVI—XVII вв., автор остановился на тех моментах, которые он считал наиболее показательными и, в то же время, недостаточно отчетливо отмеченными в предыдущей историографии. В нескольких случаях, однако, ему пришлось детально углубиться в специальные стороны предмета, что неизбежно должно было нарушить перспективный характер изложения вводной главы. Для того, чтобы избежать слишком большой асимметрии в ее построении, автор и должен был вынести дополняющие ее этюды в Прибавления.

Заключительный 8-й параграф Прибавлений содержит текст указа 1641 г. (?), важного для понимания политики Московского государства по холопьему вопросу в 1640-х годах и доселе в печати не известного.

Этюды 1, 2 и 3 посвящаются памяти глубокопочтимого Ю. М. Шокальского.

1. СЛОВО «ЧЕЛЯДЬ»

Договора с греками знают только термины челядь и челядин. Слово челядь состоит в этимологическом родстве с англо-саксонским *cild*, готским *kilthei* (матка), датским *kild*, шведским *kull*, немецким *Kind*, английским *chylde-child*, греческим *χῆλος*, латинским *genus* и т. д.

Слова эти имеют связь с родовым строем и некогда обозначали, вероятно, весь пестрый родовой агрегат, как кровных членов рода, так и инкорпорируемых в состав рода обломков чужих родов и пленников.

Русская Правда краткой редакции тоже настойчиво предпочитает термины челядь-челядин и только один раз в ст. 16 пользуется словом холоп, да и эта статья производит впечатление позднейшей интерполяции. Зато в пространной редакции термины холоп-раба и решительно

преобладают и встречаются 17 раз. Термин челядин, будучи пространной Правдой механически унаследован от краткой редакции, удержался, но только в 3-х случаях.¹ Напомним, что Правда широко пользуется также терминами, дающими качественное определение некоторых высших разрядов холопства, например, терминами тиун, рядович, детские, отроки, кормилица и др., не упоминая подразумеваемых при этом терминов холоп или раба.

2. СЛОВО «РАБА»

Слово раба встречается в древнейших памятниках славянской письменности, но в своих протографах эти памятники восходят только к IX в. В юридическую терминологию киевской Руси раба-женщина вошла однако не ранее XI в., и то без своего спутника раба-мужчины, хотя в древнейших памятниках церковной письменности конца VIII и начала IX вв. она уже идет в пару с ним.

Лингвистическая эпопея рабы восходит к древне-германскому *goups* — обозначающему военную добычу. Древняя верхне-германская форма для женского рода — *gouba* дала, по мнению лингвистов, южно-славянскую рабу балканских говоров еще во времена господства готов (II—V вв.) в южной России.

С корнем *goups* связана и средневековая верхне-германская форма *goub-vege* и позднейшее *gauben*. Параллельны этим верхне-германским формам современное английское *reave*, древнее англо-саксонское *reafin*, голландское *gooven* и исландское *gaufa*; более глубокая по времени параллель в латинском *gastro* и в греческом *γάστρον*.

С позднейшим средне-германским *gauben* связано, по мнению лингвистов, русское слово рубить, с прибавлением придыхания — грабить и грубить.

От того же *gauben* происходит французское *robe*, первоначально обозначавшее добычу. Этот смысл удержался доселе в словах *ravir* и *dérober*. От того же корня происходят имена *Robert* и *Roberta*; вначале Роберт обозначал, вероятно, просто удачливого грабителя.

В венгерском языке встречаем любопытное сращение *gabszolga*, в котором слились слова: германское *goub* и славянское слуга, что в филологическом и собственно-историческом смыслах типично для Венгрии, как промежуточной страны между германской и славянской народностями.

3. ГЕНЕЗИС СЛОВ СКЛАВОУ И ХОЛОП

Слово *Σκλάβος* — *Σκλάβένος* появляется первый раз в греческой редакции в литературном памятнике, носящем имя императора Маврикия. И у него и у других византийских писателей оно быстро становится общим этническим обозначением многочисленных славянских племен, проникших в глубь Балканского полуострова и в Македонию еще в VI в., если не раньше, и известных византийцам в своей племенной индивидуальности. Таковы в греческом звучании другувичи, сагудаты, ринхины, смоляне, брсяки, вайуниты, велегезиты, милинцы, езерцы и т. д.

Объяснять происхождение родовых обозначений народностей — задача трудная. Мы вообще не знаем раннего появления общих отвлеченных народных наименований для нескольких между собою родственных племен, — такое название всегда результат рефлекса и теоретизации. Но и распространение названия какого-либо одного племени, например, господствующего, на группу ему родственных племен — случай тоже не частый. Особой племенной группы, которая специфически носила бы имя склавен-славян и передала бы свое наименование не скольким ей родственным племенным ассоциациям, византийцы не зна-

¹ Тр. сп., ст. 26, 33, 34.

ют. То же соответственно можно сказать про галлов, германцев, латинян, греков, эллинов и т. д.

Предложим для лингвистического происхождения слова *Σκλάβος* такое объяснение. Славянские наречия были чужды греческому слуху и славянская речь до VIII в. н. э. едва ли вызывала в греках особый интерес сама по себе. Грек ограничивался тем минимумом оборотных славянских слов, какие были необходимы в домашнем обиходе при обращении с невольниками и при заключении элементарных торговых сделок, хотя встречаться со славянами грекам приходилось, конечно, с до-гомеровских времен. Естественно, в течение двух десятков столетий надо было изобрести какой-то общий язык, вроде *pig in English*, на котором англичане объясняются с жителями Малайского полуострова и Малайского архипелага. В этом жаргоне должно было родиться и то или иное родовое обозначение варваров славянской (в нашем смысле) народности, вроде слов «краснокожие», обратно — «бледнолицые», негры (от *niger*) и т. д. Большинство славянских племен носило патронимическое обозначение, оканчивавшееся на «ичи»: смоличи, другувичи, ринхиничи, милинич и т. д., а из днепровских славян — радимичи, дреговичи, вятичи, тиверичи (тиверцы), улучи, кривичи и т. д. К звукам варварских языков, казавшимся греку чем-то вроде бурчания или бормотания (*βαρβαρίζω* *ωυή*), грек относился безразлично. Для обозначения несуществующих в греческих диалектах и режущих тонкий греческий слух звуков у *греков* было несколько слов. Люди, говорящие на таких языках, назывались *Κάρβανες* или *Κάρβανοι*, а говор их именовался презрительно *βλήχη*, т. е. бляением.

Но что делал древний грек, когда ему волей-неволей приходилось включать в свою музыкальную речь варварские звуки? Он выбирал тот или иной поражающий его ударением или повторением звук варварской речи и строил из него на греческий лад свое собственное новое слово. Корсика превратилась в *Κόρυς*, Хшайарша в *Ξερῆς*, Сусы — в *Κίσσυνον*, Галлия — в *Γαλιτία*, Вруттии в *Βρῦττιοι*, карфагеняне — в *Καρχηδόνοι*, Рамзес заодно с Аменофисом превратились в *Σεσωτρίς* и т. д. В этих чуждых греческому слуху и языку названиях грек выхватывал тот или иной слог, более или менее точно воспроизводил согласные звуки этого слога, но свободно разделялся с гласными, их заменяя, подставляя и т. д.

Слыша от вторгавшихся на эллинизированную территорию славянских племенных групп в ответ на бесчисленное количество раз задававшийся им вопрос, кто они такие, что они суть другувичи, смоличи и т. д. и т. д., грек с трудом разбирал пестрые и дикие, даже совсем им невыговариваемые сочетания звуков в корнях этих слов, состоявших иногда из одних согласных, но слышал беспрестанно повторяемые окончания «ичи», тоже плохо передававшиеся звуками греческой речи, не знавшей ни ч, ни ц, ни ш и щ. Выхватывая эти племенные патронимические окончания и эллинизируя их по образцу постоянно встречающегося суффикса *ιστος*, общего всем народам арийского корня, греки из этого суффикса сделали уже свое по-эллиниски звучащее слово *Σκλάβος*. Слог *κλβ* мог происходить от греческого *κλβς* (с дигаммой *κλβος*), обозначавшего бесформенную человеческую массу в противоположность политически организованному демосу, или мог происходить от глагола *κλβάνω* (аор. 2-ой *ἐλάβον*, откуда — *ἐλάβη*) — беру, и обозначать взятых в плен славян, аналогично позднейшим терминам раб, нятец, бранка и т. д.

Присоединение звука л к корню, впрочем, вообще не редкость, ср. от *κάρβανος* — корабль, от Яков — Яковль, от греб — гребля, от Глеб — Глебль и т. д.

Суффикс и ч и витал надо всей массой славянских племен, кружившихся по северным понтийским берегам и все глубже и глубже

проникавших в недра Балканского полуострова. Греки, то враги, то союзники, то подчиненные, то повелители славян превратили «отечество» и чи в общее родовое обозначение всей совокупности этих племен, сделав из него нечто вроде всем известного Джона Буля для обозначения англичанина, Джона Чайнамена — китайца, или Гринго — англичанина и северо-американца в Мексике наших дней.¹

Сделав из патронимического суффикса общее родовое обозначение и забыв его лингвистическое происхождение, греки приняли это название уже в качестве общего символа для всей совокупности славянства, аналогично тому, как на 7—8 столетий ранее латиняне навязали этнические названия самим грекам, галлам и германцам,² из которых последний термин (germani) так и не поддался уверенной исторической расшифровке до сего дня.³

Обратившись к позднему историку Иордану (точнее — Кассиодору), мы встретим у него наряду со славянами, как параллель к ним, антов, имя которых в русских памятниках не удержалось. Не было ли слово анты другим случаем эллинизации славянского суффикса а не (смоляне, древляне, северяне, поляне, воляныне и т. д.), подобным параллельной переработке суффикса и ч и? Может быть, в силу меньшей распространенности суффикса а не сравнительно с ичи, обобщающий термин анты, появившись позже, чем склавены, не прижился и очень быстро вышел из употребления.

Термин *Σκλάβος* сложился в греческо-византийском обиходе, конечно, задолго до времени Маврикия (582—602 гг.) и жил в греческих понтийских колониях и в Боспорских царствах, ибо с предками балканских славян греки должны были встречаться с очень давних времен, и славянские патронимические суффиксы должны были быть знакомы греческому слуху по встречам обеих народностей на побережье Черного моря до Аргонавтов и до Троянской войны. Не такого ли происхождения и более древние обозначения этих народностей — *Σκλάβαι*, *Σίκχοι* (у иранцев), *Σάβαροι* (у Птолемея)³. Почему-либо да бралось для обозначения этих народностей сочетание звуков *с* и *к*, иногда соединенных гласной (*Σάκοι*, *Sakers*),⁴ а в редакции Птолемея с заменой *к* звуком *т*⁵.

Едва ли можно сомневаться, что от *Σκλάβος* произошло арабское *сакалиб* и, весьма вероятно, готское *skalks*, уже в IV в. обозначавшее по-готски подневольного человека, — значение, которое склабос приобрел лишь позднее.

Учитывая эти звуковые перерождения, пойдем и превращение склабоса в холопа.

Обратимся теперь за справкой к чисто лингвистической стороне дела, к мутациям звуков *с* и *к* порознь и в сочетании.

1) Звук *с*. В дорическом диалекте звук *с* ионического и эолического диалектов нередко сменяется звуком *х* или придыханием. Латинское *с* в корне некоторых слов переходит в славянских наречиях в *х*: *tusca* — муха, *tusculus* — мох, *vetus* — ветхий и т. д.

Но звук *х* (*г*, *к*, или густое придыхание) нередко сам переходит в *с*: *ἀπλός* *ἐρπε* — *serpo*, — *simplex*, *ἐπομαι* — *sequor*, *herus* — *Herr*, *Sir*, *Sire*. Иногда звук *х* просто исчезает (в слове — аорист) или, наоборот, нарастает (*Hludovicus*, *Hludwig* и др. словах в латыни VI в. — см.

¹ Не от *вичи* ли произошло и обозначение народного собрания славян *вече*? Звуки и — е часто сменяют один другой.

² *Galli* — первоначально и совершенно параллельно греческим *βαρβαρα* и *καρβανες* — люди, речь которых похожа на улюлюканье. Об этом термине в связи со словом *Галлы* см. Прибавление IV. ³ См. D a h n. Die Urgeschichte der germanischen und romanischen Völker и пр.

⁴ Dezobry et Bachelet. Dictionnaire Historique. «Bactriane».

⁵ Звук *к* часто сменяет звук *т* и обратно. Ср. наше киятер, Коскентин, скубент, «Кит Кытыч» и т. д.

примеры у Иордана). Это нарастание и исчезновение характерны для современного лондонского жаргона (так наз. Cockney). Польскому *chłuba* соответствуют русские слова хвала и слава, первоначально однозначные. Церковно-славянскому *чесо* соответствует русское *чего-чево*. Город Лихвин междукняжеские договора иногда называют Лисвин. В слове Гейх-Аик-Яик начальное *г* исчезает. Интересна, как иллюстрация, сложная лексическая история слова храбрый — хоробрый. Оно происходит от древнего корня *hog — cog — car* (санскр. *hird*, гот. *hairto*, лат. *cog.*, греч. *καρδία*, англ. *core*, древне-русское *сърдце*, немецк. *Herz* и т. д.) и вполне параллельно латинскому *cordatus* (ср. французское и английское *corrage*). Древние *h* и *k* сменились в русском звуком *c*, но в произошедшем от древней основы слове храбрый — хоробрый звук *x* сохранился.

Многочисленные примеры превращений звука *x* в звук *c* и обратно см. в трудах Н. Я. Марра.¹

2) Звуки *б*, *в* и *д*. Звуки *б*, *п* нередко меняются местами со звуками *в* и *ф*. Так, греческая бета античного времени позднее переходит в виту: *corvus* превращается в *corbeau*, *Haber* — в *Hafer*; *floh* и *flea* соответствует блоха, *Vasconia* переходит в *Basconia*, Тифлис в Тбилиси, из *Capubius* получаем *Capuvius*, женитва переходит в женитьба, молитве соответствует молюба, голутве — голытьба, древне-русское летописное *Вьяхань* сменяется *Вьяханью*, из *скуфья* получается шапка, из *власть* — *область*, из *алевастра* — *алебастр*, из *волгаре* — *болгаре*, из *Валерьяна* — *булдырьян*, из *wgask* — *брак*, наоборот *фаска* — из *Пасха*, из *клепать* — *клеветать* и т. д.

Перемешивание *б* и *п* столь обычны, что примеры ненужны.

3) Сочетания *ск*, *ст*, *кс* и сходные с ними. В горле и животных и человека и даже в неодушевленной природе непрерывно рождалось и рождается свистяще-гортанное, неблагозвучное и трудное для выговора сочетание звуков *ск — сг — зк — зс — ст* и звуков *ч*, *ш*, *ц*, как их параллелей и претворений. Горло подавало звуки *ск* или *кс*, а говор перетирал, перемалывал, эвфонически усложнял эти сочетания гласными *а*, *е*, *и*, *о*, *у*. Хриплые звуки *кс — ск* зоологического, механического или даже метеорологического типов, звуки скрипа, покашливания, чавкания, чмокания, неудовольствия, отвращения, окрика, шуршания, шипения инстинктивно перерабатывались народами, одаренными звуковым чутьем, в сочетании или более благозвучные или легче произносимые.

Преобразования этих звуковых сочетаний многообразны. Так, иногда мы имеем простое выпадение трудного в говоре сочетания: *Vaulx*, *Ronsevaulx*, *Chamoniخ*, *chevaux* и т. д. Иногда в начало таких слов вводится эвфоническая гласная: *échevin* из *scabinus*, *esclandre* из *εχάδραλον*, *écrire* из *scribere*, ушкуй из *скуй*, Аксинья из *Ксения* и т. д. Иногда один из звуков просто отсекается, например, в английском произношении слов *Xanthippe*, *Xenophon*, *xylograph* и т. д. Иногда сочетание *кс* стирается в два *сс*: *Alessio*, *Alessandro*, *ссора* (свора) из *сквора* и т. д. Не потому ли греческое *кси* склеено в написании из двух сигм (*ς* и *ξ*), что оно прозносилось тоже как два *сс*? Иногда *кс* переходит в *ш*: *Саша*, *Алеша* и т. д. Иногда *ск* переходит в *сц*: *εχφυγ* в *сцаена* и в *ч*: *ич* из суффикса *иск*. Иногда или первый или второй звук просто исчезает, например, в английском произношении слова *Scylla*, в русском — *кутать* из *скуть*, *кринка* из *скринка*, *корец* из *скорец* и т. д.

¹ Н. Я. Марр. Избранные работы, т. V, «Этно- и глоттогония Восточной Европы», *passim*, например, стр. 132, 196, 243, 279 и др. — О происхождении слова *человек* см. там же стр. 187, 196, но в толковании генезиса этого слова мы с глубокочтимым Н. Я. Марром расходимся, связывая (см. ниже) происхождение слова *человек* с тем же самым термином *slavus*. Многочисленные примеры русской переработки греческих звуков см. в приложении к словарю Поспишиля.

Детский выговор часто отбрасывает трудное начальное *с*: (с)камейка, (с)корлупка, (с)крипка и т. д. Как правило, английское начальное *к* вообще исчезает перед согласными. Французское — Аухегге произносится как Озёр. Древнее латинское *escunt* сменяется формой *egunt* и т. д.

В свете этих аналогий становится вполне понятным переход *Sklaβos* между IV (а быть может и раньше) и X вв. в хлапа — хлопа.

Параллельно к этой эволюции произошло превращение того же *склабоса* в слово человек: *ск*, как в суффиксе *ич*, перешло в *ч* и дало в чешском *clovek*, в польском — *człowiek* и *czlek*. Последний случай имеет аналогию в происхождении немецкого *Mann* из *Mensch*. Немецким *Liud-Laute* соответствуют польское *ludzie* и наши люд-люди.

4. НАБЛЮДЕНИЯ НАД ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕМОГРАФИЕЙ КИЕВСКОЙ РУСИ В XI—XIII ВВ.

Посвящается глубокочтимому Владимиру Леонтьевичу Комарову

1. ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ ПЛОТНОСТЬ И ОБЩЕЕ КОЛИЧЕСТВО НАСЕЛЕНИЯ КИЕВСКОЙ РУСИ В XI—XIII ВВ.

Для понимания характера народного хозяйства в этот период русской социально-экономической истории существенно, хотя бы приблизительно, определить густоту населения Киевской Руси и понять смысл передвижения разных групп жителей на ее территории. Задача эта не представляется нам совершенно безнадежной, как молчаливо предполагалось доселе.

Возьмем за основу данные 1905 г. и будем исходить из того расчета, что территория Руси XI—XII вв. покрывается площадью губерний: Петербургской, Олонецкой, Новгородской, Псковской, Витебской, Минской, Смоленской, Могилевской, Черниговской, Киевской, Воронежской, Подольской, Екатеринославской (частично), Полтавской (частично), Херсонской (частично), Тверской, Ярославской, Костромской, Московской, Владимирской, Нижегородской (частично), Тульской, Калужской, Орловской (частично), Курской (частично).

Территорию эту мы можем считать равной примерно 1.5 млн. кв. км. Неизбежные вычеты на окраинах полагаем компенсированными русскими поселениями за пределами названных губерний по восточным берегам Финского залива, в теперешней Эстонии, по Зап. и Сев. Двине, в При- и Закарпатском крае, по Днестру, Пруту, Дунаю, нижнему течению Сев. Донца и Дона и в Тмутаракани.

На территории перечисленных губерний в 1905 г. жило 55.5 млн. человек. Напомним, что Киевская Русь с точки зрения общеевропейского положения в XI—XII вв. отнюдь не была глухим и безлюдным захолустьем в культурном смысле, а стало быть, она едва ли на много отставала от тогдашней Зап. Европы и в густоте населенности. Население Франции и Англии между XI в. и началом XX в. возросло раз в 7, следовательно и общую цифру населения на обозначенной площади русских поселений мы имеем право сократить тоже в 7 раз, а 55.5 млн.: $7 = 7.9$ млн.

Понятно, что при такой насыщенности населения, с центральным вытянутым с севера на юг по Днепру ядром, Русь X—XII вв. могла легко меряться силами с византийцами, болгарами, печенегами, ляхами, литвой, немцами, половцами и т. д. и давать, когда это было нужно, отпор.

Примерно к той же цифре мы подойдем и иным путем. Принимая плотность населения Руси XI—XII вв. равной плотности населения Сев. Америки конца XVIII в. или плотности населения Центральной Африки нашего времени (5 человек на 1 кв. км.), мы получим сравнительно близкую к 7,9 млн. цифру (около 7.5 млн.).

Конечно, расчет этот предположителен, но он отнюдь не фантастичен и подтверждается общими впечатлениями путешественников, не поражавшихся ни безлюдием, ни дикостью страны при приездах на Русь из тогдашней Западной Европы.

II. ТОПОНИМИКА КИЕВСКОЙ РУСИ В СВЯЗИ С КНЯЖЕСКО-ВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ КОЛОНИЗАЦИЕЙ И ЭКОНОМИКОЙ

Границы Киевской Руси открыты, власть неустойчива, горы и море близки, степь широка, леса богаты зверем, реки — рыбой и птицей, и, вполне естественно, население Руси XI—XII вв. находится в постоянном движении, то растекаясь по периферии, то, в полосы тишины и покоя, снова собираясь в привычные узлы около тысячелетиями нащупанных пунктов. По крупным речным дорогам и в боевых пограничных районах уже чувствуется княжеская рука, деятельно основывающая нужные по хозяйственным, военным и административным соображениям города. Из ничтожного количества, примерно 200, поселений, поименно отмеченных летописью и ранними актами XII в., около семи десятков, т. е. одной трети, связаны с собственными именами князей, их старших дружинников или с признаками их колонизационной деятельности. Таковы: Андреев, Боголюб, Борисов, Браневица Рель, Будутина Весь, три Василева (в областях Киевской, Галицкой и Смоленской), два Владимира, Владимирец, Володава, Володарев, два Всеволожа («Сиволожа»), Вячеславль, Глебль, Глебов, Гуричев, Данилов, два Дмитрова, Еропольч, Иванов, Ижеславль, четыре Изяславля (Заславля), два Кснятина, Сокрытин, два Львова, Микулин, Мирославец, Михайлов, три Мстиславля, два Олгова, Олжичи (Олгино), четыре Переяславля-Переяславца, Предславино, Ратьмирова Дубрава, Романов, два Ростиславля, Ростов (сокращение от Ростиславов?), Ростовец, Святопольч, Святославль, Святославля Кринница, Свячь, Слудовы, Судиславль Двор, Суздать (Судиславль?), Шелвово Сельцо, три Юрьева, Юрьевск, Юрьевец, Яропольч, два Ярославля и т. д.

Другой ряд географических названий этой эпохи выразительно говорит об энергичном экономическом повороте в хозяйственной культуре Руси того времени самым выбором топонимических терминов, отражающих, очевидно, свежий интерес и свежие впечатления. Таковы: Арбузовичи, Баляксово Поле, Гороховец, Грошин, Нежatina Нива, Олгово Поле, Попаш, Пропашеск, Рожно Поле, Садовая Вишня, Садовое Сомино, волынские Свинеск и Свинухи («Свинуси»), Свиарт в Новгородской области, Солодовницы и Ушковская Ораница. Относительно Свинухи есть даже указание летописи, намекающее на какую-то специальную связь этого селения с князьями.¹

На севере мы имеем две Ржевы, впоследствии получившие дополнительные прозвища Пустой (около Опочки) и Володимеровой (на Верхней Волге), — обе замечательные своей исключительной хлебородностью среди окружающих их суглинистых пространств. Рожь сеяли, разумеется, везде, но, очевидно, люди того времени подметили бытовые признаки этих двух районов, бросавшиеся тогда в глаза и отличавшие их от ряда других.

Не в связи ли с этим «поворотом к земле» и с «посадкой на землю» находится также известное загадочное прибавление фантастических сельскохозяйственных расчетов, включенных анонимным кодификатором в текст Карамзинского списка Русской Правды? Не был ли этот расчет выкладкой типа известной басни о размечтавшемся земледельце, популярной, кажется, у всех европейских народов, или своеобразным средством тогдашней сельскохозяйственной агитации, нечаянно залетевшей на страницы юридического кодекса?

¹ ПСРЛ, т. II, стр. 80.

Эти топонимические наблюдения в связи с другими памятниками иллюстрируют переход Руси XI—XII вв. к более высокой сельскохозяйственной культуре, не раз отмеченный в нашей исторической литературе.

Вполне понятна княжеская политика в этих условиях. Нуждаясь в пополнении своих хозяйств рабочей силой, князья ведут беспрестанную борьбу с соперниками из своей же среды за рабочие руки. Каждый удачный княжеский набег сопровождается уводом в плен для посадки или для размена больших количеств пленных, и мало походов, рассказ о которых в летописи не сопровождается и упоминанием о полоне. Отсюда значительное количество селений, названия которых связаны с таким происхождением их жителей. Таковы: два Полоных в Киевской области, Полоная или Полоное и Полонина на Волыни, Плеснеск (Преснеск, Пенск) в Галицкой области, Подстница (вместо Полница) и ряд названий, связанных со словами колодник, пленник, холоп, в разных местах.

Обычай захватывать полон, его гнать, необходимость как-то продовать и укрывать его для размена и продажи побудили установить для этих операций при заключении мирных соглашений известные традиционно-фиксированные пункты. Так как пакт, договор, на языке того времени назывался «любовью», то подобные пункты и обозначались словами производными от этого термина. Таковы два Любеча (Любеска, Любеца) в Поднепровье (Киевский и Черниговский), расположенные в пограничных районах, чаще других служивших для примирительных встреч и колодничьих разменов, да и сопутствовавших таким примирительным съездам — ярмаркам. По традиции, эти места пользовались князьями и для своих княжеских съездов.

Кроме двух названных и наиболее известных Любечей на Днепре, встречаем Любечев в Галицкой области, Любно и Любомль на Волыни, Любовеж в Черниговской области, Любно (Любне) в Новгородской области, Любинск (Лобинск) в Рязанской области, Люботск (Любынск) на границе с Литвой, Лбинское (Любинское) около устья Шиворони, Люблин Хорват в пограничной с Волынью Малой Польше и т. д.¹

С княжескими, боярскими или монастырскими хозяйствами были связаны селения, образованные из жителей, взятых в плен в разных районах и насильственно переведенных на новые места княжескими или боярскими распоряжениями. Они образовали новые единицы уже феодально-крепостного типа под надзором княжеской и боярской администрации.

Мономах, самый благопотребный из князей, весьма основательно пограбивший Минск, не оставил в нем ни челядина, ни скотины, как он внушительно повествует нам об этом в своем «Поучении». Ярополк Владимирович в 1116 г., после удачного похода на Дон, «ту взя полон много, и три города взяша половецкие Галин, Чешюев и Сугров» и т. д.

Естественно, поэтому, что многие географические названия, встречающиеся в летописи и в редких актах XI—XIII вв., указывают на разбросанные почти повсеместно на Руси поселения иноплеменников, захваченных в качестве полона во время походов и обращенных побе-

¹ По географическому словарю Семенова можно насчитать в разных местах более 30 пунктов, названия которых этимологически связаны со словом «любовь». Это: Любавичи, Любаничи, Любань (дважды), Любанское озеро, Любавцы или Любарцы, Лубны, Любар, Любень, Люберицы, Любец, Любеч (дважды), Любашев или Любешев, Любашевна, Любовша, Любим, Любимовка, Любитское, Любишкое, Любичи (дважды), Любипицы, Любавцы, Любовша, Люботицы (или Любодицы), Любомирка (Любомир), Любоич, Люботин, Любохна, Любутское, Любчь. Не происходит ли название Ливны (и производные от него: Ливенка, Ливенск, Ливенщина) от того же корня лю б или ли б? Ливны долгое время были пограничным местом размена приветствий ханских и московских послов. Любо-либо, или-ли происходят от того же корня лю б. Ср. немецкие geloben, Gelübde; не славянского ли происхождения и название Любеке — Любек?

дителем в подневольное состояние принудительных колонистов. К названиям, оставляющим такое впечатление, относим Торческ (Торийский, Торческий, Торшин) Киевский, Торческ Рязанский, Торческ Волынский. На поселения пленных евреев могут указывать Жидичев в Киевской области, Жидичин в Волынской, Жидичи и, быть может, Жижец в Смоленской. На очень давние, должно быть, поселения хозар указывает Казарь или Козарь в Рязанской области, на посадку берендеев — Залесское Берендеево, на посадку пленных ляхов — новгородские Ляховичи. Не есть ли Летьское или Лядьское поле в Переяславской области тоже испорченное Ляшское поле? Моравийск (Моровийск, Моравск) в Черниговском княжении, ставший впоследствии в былинах Муромеском и Муромом (почему и черниговский богатырь превратился неожиданно в Муромца), указывает на поселения моравы. Такой же смысл может иметь и новгородский Моравин. Город Немечь или Немечь на Молодове и полоцкие Немизы (город и река) могут быть связаны с поселениями пленных немцев, получивших свое генетическое наименование от Немана (аналогично болгарам, прозванным по реке Волге) и захваченных в плен где-нибудь в Польше, в пределы которой они так энергично влились в XI—XII вв. Не есть ли волынский Комов стяженная форма от названия Куманов, т. е. город пленных половцев? Название Обров в Переяславской области идет от племени обры-авары, а Угровеск (Угореск, Угрьск) на Волыни от угров-венгров, кем-то принудительно там поселенных. Не угры ли дали название и реке Угре? Ужеск (Ужын, Ожеск, Вожск) в Рязанской области может восходить к предшественникам половцев, узам, от которых могла получить свое наименование и река Вожя. Новгородский Чюдин (Чюдим, Чюднов) связуем с поселениями чуди, во множестве пленяемой при новгородских набегах. Поселения угличей, переброшенных или перегнанных на Верхнюю Волгу, оставили след в названиях Угла в Переяславской области, Угличе-поля и города Углича в Ростовской и Угольницы в Галицкой областях. Соседи угличей, тиверцы, возможно дали название залесскому городу Тиверскому.¹

Едва ли кому-либо придет в голову утверждать, что все перечисленные селения или урочища получили свои наименования непременно от принудительно в них поселенных полоняников — нятцев — колодников, как тогда называли пленных, но вероятность связи многих названий с фактами военного пленения весьма значительна. Право на такое заключение дает факт нахождения этих селений и урочищ вне районов основного или древнейшего расположения тех же племен и факт отсутствия на памяти истории указаний на миграцию этих племен именно в данном направлении. Разумеется, можно выставить и встречный тезис не принудительного, а мирного инфильтрирования данной этнической группы в селения или районы, получившие ее наименование, но для эпохи очень слабой гражданственности естественнее первое предположение. Во всяком случае, второй тезис потребует и своих доказательств.

Остановимся еще на одной стороне дела. В ряду тех источников, из которых вербовались элементы подневольных работников княжеских, боярских и монастырских сел, летопись неоднократно указывает на десенских вятичей и на припетских древлян. Эти полоненные вятичи, древляне и дреговичи, вероятно, и передали свои племенные названия ряду селений центрального Поднепровья.

Таковы названия: Деревное в Киевской области, Дверен на р. Рси (недалеко от Холопьево-Хлапеня), Дереве в Болоховской земле, Древеск и т. д. Названия эти могут указывать на поселения древлян, которых летопись зовет то древлянами, то просто древля (аналогично

¹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 241.

смердине, огневтине), обозначая этими терминами то, что они жили во дворах или в деревнях, т. е. оседло, с установившимся хозяйством, а не в условиях бродяче-охотничьего быта, как некоторые северо-восточные соседи Поднепровья.

Киевский Турийск, возможно, есть только видоизменение названия древлянской «столицы» Турова.

С поселениями вятичей, тоже поставлявших большие полонные контингенты, связаны селения Дешняне (вятичи жили по Десне) в Смоленской области, Витичев-Уветичи в Киевской области и Вщиж в Переяславской области, дублирующий Вщиж, — один из городов этого племени, находившийся где-то у верховий Десны и название которого является, надо думать, стяженной формой племенного названия Вятичев. Не от вятичей ли идет и древнее название весь Ветьская в Смоленской области?

Олег брал плененные ополчения заодно с дружиной в свои налеты на Византию. Так, в налете 907 г., по данным Начальной летописи, вместе с варягами участвует чудь, кривичи, меря, древляне, радимичи, поляне, северяне, вятичи, хорваты, дулебы и тиверцы. Позднее, в связи с закабалительной работой княжеско-дружинной верхушки в Поднепровье, когда вятичи и древляне стали рассматриваться преимущественно как материал для покорения, усмирения и пленения, увода и посадки в феодальной вотчине, в тексте Русской Правды появляется вразумляющая тогдашнего читателя сентенция о том, что при иске об украденном челядинце следует пользоваться показаниями и самого холопа, «а то (т. е. холоп) есть не скот, не лзе рчи: не ведаю у кого есмь купил».¹ Раньше, может быть, именно вследствие бессловесной иноплеменности челядина (обра, торчина, чудица, половчина и т. д.), было безнадежно добиваться от него в подобном случае каких-либо толковых показаний об обстоятельствах его насильственного похищения и сокрытия. В этом можно видеть указание на то, что в Поднепровье XI в. уже знали подневольные группы поселения из своей же восточно-славянской среды, но факт этот возбуждал, повидимому, известное чувство неловкости. Часть «воюемых» ими вятичей черниговские князья называют «своими», т. е. не подлежащими погромам и облавам.

Не в связи ли с этими явлениями находятся и довольно странные этнографические или антропологические сентенции летописца, относящиеся именно к злополучным древлянам и вятичам: «Живяху древляне зверинским обычаем, живущие скотски: убиваху друг друга, ядяху все нечисто, и браци у них не бываше».² «И радимичи, и вятичи, и север один обичай имяху: живяху в лесах, якоже всякий зверь, ядуще все нечисто, и срамословье в них пред отцы и пред снохами, и браци не убиваху в них, но игрища межю сел...» и т. д.³

В презрительной матримониальной характеристике древлян и вятичей важны не столько более или менее мифические детали быта,

¹ Тр. сп., стр. 33.

² Лаврент. летопись, изд. 1897 г., стр. 12—13.

³ Такой же психологический смысл имеет и другой этнографический экскурс летописца под 1096-м годом. Изображая дикость соседних с Русью племен, подвергавшихся порабощению и уводу в неволю, летописец сообщает, что они «ядяху скверну всяку, комары, и мухи, коткы (кошек), змие; и мертвец не погребяху, но ядяху, и женскыя изворогы (выкидыши) и скоты вся нечистыя...».

Народы эти так дики, что, по сведениям, почерпнутым летописцем у Мефодия Патарского, Александру Македонскому пришлось их даже загнать в Уральские горы и там заковать медными воротами, дабы они не «осквернили землю». Эта этнографическая брезгливость говорит о живых настроениях русского правящего круга XI—XII вв., заинтересованного в походе на племена иноплемennых иятцев-колонников.

Этнография Мефодия Патарского пришлась тут очень кстати. Аналогичная «этнография» понадобилась крепостнической России в XVIII в. — см., например, у В. И. Семевского «Крестьянский вопрос», т. I, гл. VII.

сколько самый дух и тон ее: в ней слышится голос крепостника-землевладельца, быть может, даже работорговца, если и не участвовавшего прямо в экспедициях-облавах на вятичей или древлян, то, во всяком случае, симпатизирующего таким экспедициям. Чувствуется, что автору хочется уверенно стать на выбранную им «принципиальную» точку зрения этнического («расового») превосходства цивилизованного обывателя «культурной столицы» над неучами и дикарями, наловленными где-нибудь в двух-трех стах километрах от Киевской метрополии в лесных местностях Пинских болот или Полесья и забитыми в колодки для того, чтобы их вывести на рынок или посадить для ковыряния земли на одном из городищ под Киевом.

Задача такого пессимистического изображения несчастных вятичей и древлян настолько поглощает летописца, что он в своем негодовании на старомодные брачные обычаи этих, так сказать, пошехонцев Киевской Руси XI в. успевает крепко позабыть про только что им же самим выразительно описанные гаремы и сексуальные подвиги своего любимого равноапостольного героя Владимира Святославича.

Теория этого первобытного летописного «расизма» нам будет еще более понятной, если мы припомним, что у отдаленного предшественника осифлян XV—XVI вв. могли быть и свои невольники-холопы: из 42-й статьи Русской Правды по Троицкому списку узнаем, что в тогдашнем обиходе наравне с княжескими и боярскими холопами встречались, как заметная категория, и холопы-чернечи.

III. ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ МИГРАЦИИ ЗАВИСИМЫХ (ХОЛОПЬИХ) ЭЛЕМЕНТОВ НАСЕЛЕНИЯ ИЗ СРЕДНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАД, СЕВЕР, СЕВЕРО-ВОСТОК, СЕВЕРО-ВОСТОК-ВОСТОК, ЮГО-ЮГО-ЗАПАД И ЗАПАД РУССКОЙ ТЕРРИТОРИИ

С середины X в. и до второй четверти XII в. в Поднепровье и на севере до Финского залива преобладали, повидимому, центростремительные движения населения: элементарная гражданственность, введенная упрочившимся в X—XI вв. княжеским родом, способствовала приливу населения в эту благодатную полосу русской равнины. Так могло продолжаться до смети в кн. Мстислава в 1132 г., но в дальнейшем возобладало центробежное отливное течение, ко времени татарского нашествия успевшее основательно опустошить Поднепровье. Эти отливные течения шли звездою в разных направлениях. Одно направление — на юго-запад в Прикарпатский край, другое — в диаметрально противоположную сторону, на северо-восток на верхнюю Волгу, третье — прямо на север в области Новгорода и Пскова (откуда и подъем новгородского народоправства), а четвертое всползало по Десне и Сейму, перекидывалось на верхнюю и среднюю Оку и повело к заселению Муромо-Рязанского края и наполнению населением Волжско-Окского междуречья, вскоре затем начавшего играть заметную роль в судьбах северо-восточной Руси.

При отмеченной выше насыщенности Киевской Руси населением человеческие потоки должны были быть значительны, и размеры их объясняют ту быстроту, с которой стали обнаруживаться признаки уплотнения колонизируемых районов.

Постараемся теперь, пользуясь таким же топонимистическим материалом, несколько уяснить себе направления и характер миграций подневольного населения. Географическая номенклатура дает нам порядочный материал для ответа. Как и в последующие века, в первую очередь уходили из центра притесняемые, обиженные и закабаляемые элементы. Бежать было нетрудно: укрепленных линий с пропускными пунктами, заставами, военно-служилыми поселениями и т. д. тогда не было. День-два пешеходного пути — и закуп или холоп («ушид») оказывался уже за пределами досягаемости для своих поработителей

и для поддерживающей их претензии местной (киевской, переяславской, смоленской и т. д.) княжеской власти. Понятно, что только общая солидарность холоповладельцев разных княжений могла придать холопью праву сколько-нибудь серьезный характер, но дальше общей периодической декларации в условиях политической раздробленности тогдашнее правотворчество пойти не могло.

О наличии «незаметных», бездомных и бродячих элементов в среде тогдашнего русского населения нам выразительно говорят некоторые топонимические названия. Так, нередко встречаются названия, этимологически связанные со словом голутва или голытьба. Таковы, если идти с юга на север, — Переяславский Голтов и целых пять речек с названием Голта (Гольтва) в бассейне Псла, Голько в Киевской области, Голотическ в Полоцком княжестве и Голино — пограничное село в Новгородской области. Показательно название Броды на Волыни и в других районах.¹

Беглый холоп был такой частой фигурой, что для обозначения его существовал даже ряд особых терминов: ушид, ушидь или уходивый (ср. греч. *εραπτης*).²

Оставили ряд следов в топонимике разных мест древней Руси и миграции беглых холопов.

В самом Киеве Титмар, как известно, отметил наличие беглых холопов, стекавшихся туда из соседних княжений. Но главные потоки холопов имели не центростремительный, а центробежный характер.

Со среднего Днепра, где были сосредоточены рабовладельческие рынки и где рука владельцев была особенно тяжела, струи разбегавшихся под шум княжество-дружинных столкновений свободных жителей и холопов текут на север, оседая по всему пути от Киева до Новгорода. К северу от Бобруйска встречаем селение Холуй, название которого происходит от термина холоп. В районе Минска имеем селение Холунь, имя которого также дериват от холопа, как и названия селения Хлапень под Киевом.

В Смоленской области имеем озеро Колодарское и селение Погоновичи, названное так возможно в связи с преследованием беглых. Не находится ли в этимологической связи со словом холоп и древнее название Гомеля — Гомьи или Гомий, произносимый на южно-русский лад, как Хомий, — так как в одной статье Русской Правды имеем укороченное хо п, а м и в легко меняются местами, например, емшан — евшан и др. К западу от Полоцка встречаем Браслав (от Бранкослав), получивший наименование от слова бранка, т. е. пленница-раба.³

Недалеко от Опочки встречаем селение и озеро Коложе и р. Коложицу, приток Кудки. Название Коложи перенесено захватом русских пленных в литовское Гродно, где был даже Колодженский монастырь.⁴

Из беглых элементов, по преданию, вырос Плесков — Псков, во-

¹ Сбродный характер таких поселений, как Берлад между Прутом и Серетом и Тму-таракань, хорошо известен. Как на позднейшую параллель можно указать на Шавли, т. е. «сброд», на границе между Литвой и владениями Ордена. Укажем еще на Голутвин на Оке около Коломны, древнее название которого было обновлено постройкой Окского моста для Московско-Рязанской ж. д., так как сюда стекались массы «голутвенного» рабочего люда. Аналогично последнему случаю является образование при постройке Сызранского моста через Волгу большого селения Батраки и т. д.

² Изборник 1073 г., Толкование на Апокалипсис Андрея Кесарийского, Апостол XIV в., Сильвестровы и Антониевы вопросы, Хождение Иоанна Богослова по списку 1419 г., Златоструй XVI в. См. Срезневский, «Материалы» и т. д.

³ Бранка — польско-румынское слово от корня брать, — параллель к слову пняец от корня ять-нять, понять-поять.

⁴ Слово колодники употребляется в летописи то и дело. Под 1111 г. читаем: «Колодников много изымаша руками» (у половцев); под 1192 г.: «Бяхут бо у них колодницы от черных клобуков»; под 1193 г.: «Колодник много изымаша ополонисаша» и т. д. Благодаря родству слов «колодник» и «колодезь», происходящих одинаково от слова «колода», конечно, надо всегда следить за тем, не связано ли данное географическое название со словом «колодезь», а не «колодник».

бравший в себя беглецов с юга, запада и востока (из Новгорода). В Псковской области находим селение Изгон. Возможно, что название самого Плескова связано со словом из холопьяго быта — плескати, означавшим наказание бичом (аналогично прозвищам-фамилиям Сеченовых, Сеченых и т. д.).

История ничего не может сказать об обстоятельствах возникновения и развития Новгорода Великого. Надо думать, что первые новгородские поселения питала бегущая с юга челядь. Еще в очень раннее время, в IX—X вв., если даже не раньше, на Волхове встречаем драчливый синойкизм там сложившихся поселений колонистов, наложивший печать на всю историю независимого Новгорода и даже на его историю под московской властью.¹ Среди названий самой Новгородской области отметим в Устюженском уезде приток Мологи—Колодню и местность Холыны, вероятно, этимологически родственную термину холоп так же, как киевское Хлапень.

Поток беглецов, стремившихся ускользнуть уже от поработительных усилий новгородского боярства, должен был быть весьма значительным, как об этом постоянно говорят упоминания сохранившихся новгородских договорных грамот XIII в., в основе которых лежат грамоты более древние.

«Ушиды» из Новгорода и примыкавших к нему районов направлялись и далее на север.

Укажем селения Холуйницы и Холобров Бор в Важской земле;² дер. Хлоповскую в Воцкой волости;³ наволоки Холопцев и Халь в Двинской земле;⁴ волость Халепскую или Халескую в Устюжском уезде, название которой так явственно повторяет название села Халеп под Киевом.⁵

Но главное движение из Новгорода шло на восток по территории, получившей поэтому выразительное название Бежичи, отчего стала впоследствии так именоваться и пятина. Территория к югу от нее, очевидно ранее более густо колонизованная, получила название Деревской, т. е. сельской,⁶ заселенной, — она-то, вероятно, и поставляла главный контингент беглецов, направляющихся на северо-восток и восток.

Необходимость улаживать споры о холопах путем выкупа и размена пленных с принудительным возвращением беглецов, и вообще организация торгового невольничества вызвали к жизни появление на окраине Бежецкой территории особого ярмарочного пункта, — Холопьяго городка на Мологе.

Исторической параллелью к этому «городку» из несколько более поздней эпохи является пограничный пункт Вязьма, вероятно, из Вязьба, т. е. место, куда доставлялись и где обменивались и продавались «вязни», те же полоняники, нятцы или колодники. Другая параллель — пограничный пункт между Русью и Литвой, в котором тоже должны были укрываться беглые невольники — Шклов. Последнее название, очевидно, связано с отмеченным в Прибавлении 1 средневековым немецким Schclowe и Schlove.

Далее на восток из слобод, вобравших в себя беглецов с далекого юга, возникли и развились Ростов и Суздаль — не слободы ли двух исторических лиц кн. Ростислава и боярина Судислава, название ко-

¹ Аналогично впоследствии на устье Дона возникла казачья столица, выразительно названная Раздоры.

² Акты Устюжской и Холмогорской епархии, т. II, стр. 172, 593.

³ Там же, т. II, стр. 237.

⁴ Там же, т. II, стр. 198, 264, 273, 274.

⁵ Там же, т. I, стр. 774, 775, 777, 815; т. II, стр. 831, 908, 909, 914, 1076, 1078, 1079, 1084, 1085, 1091; т. III, стр. 5.

⁶ Название Деревской пятины связываем с терминами деревня-двор, а не со словом дерево непосредственно. Слово дерево в отвлеченном употреблении для обозначения лесистой местности тогда в ходу быть не могло.

торых является стяжением аналогичным Кснятину, Заславлю, Глеблю, Свячу (т. е. селение Святослава) и др.? Их оперившиеся жители к концу XII в. уже забыли о своем «слободском» происхождении и корили холопым званием восточных соседей Ростова В. — владимирцев. Следы холопьего происхождения владимирцев можно видеть в названиях двух больших селений этого района, живущих и по сей день — Холуе (б. Вязн. у.) и Холуйской Пристани (б. Ковр. у.), так как и минские Холунь и владимирские Холуи надо считать лишь видоизменениями слова холоп. Не без участия беглых холопов росли, конечно, и те пятьдесят слишком слобод, из которых сложилась Москва XV—XVI вв. В известном списке Залесских городов мы встречаем также город Коложе, а в Суздальской земле была и речка Колодна. В позднейшем Ржевском княжении был особый Хлепенский удел, название которого по своему звучанию близко упоминавшемуся выше названию Хлапень.

Еще далее на восток отнесенная на Вятку и Каму новгородская колония Хлынов повторяет новгородскую метрополию своим синонимизмом. Возможно Хлынов этимологически связан даже с новгородской Холыню. В Хлынове мы тоже вправе видеть поселения беглых, и название Хлынов-Холонов и р. Холуница лингвистически прямо связуемы с термином холоп.

Но главный отток беглецов из Среднего Поднепровья шел по течению Десны и Сейма на северо-восток-восток. Не были ли названия племен радимичей и вятичей в свое время просто кличками? Вятичи получили свое прозвище, вероятно, от глагола вякать — протестовать, роптать, — отсюда и враждебность к ним летописца. Слово радимичи было обозначением элементов, среди которых жившие на Днепре люди могли искать и находить принужденных бежать из центра родимцев, родных, своих людей. Так, в Киевской области, за Карпатами (на территории позднейшего Седмиградия), на территории Венгрии и в Галицком княжении встречаем везде по городу Родне; в летописном списке городов литовских имеем Родно, а в Черниговской области — Родунь. Родно имеем и в Тверском княжении. Может быть, такое же значение принадлежало и пограничному с Русью городу Малой Польши Радому, расположенному по близости к русской границе.

Аналогично впоследствии появился на окраине Руси за Ладожским озером город Сердоболь, т. е. сердоболи, свои, родные. Позднее на юго-востоке за Саратовом возник с таким же значением Сердобск.

Вятичи, «вякающие люди», «протестанты»; непокорные жители Подесенья и Посемья, предки московских казаков, поддерживали своим удалством затеи беспокойных черниговских и новгород-северских князей, не раз совершавших удачные налеты на Среднее Поднепровье, Смоленск и даже Новгород. Весьма вероятно, что в их дружинных подвижных и смелых кадрах, закаленных в степных подвигах, играли видную роль именно элементы, перекочевавшие сюда со Среднего Днепра.

В топонимике Черниговской области встретим под самым Черниговом города Холявин и Слабин.¹ Первое название фонетически очень близко термину холоп, а второе восходит к греческому прототипу холопа — склаву, аналогично прямой рецепции других греческих терминов, вроде слов сундук, кровать, фонарь и т. д.

В земле вятичей встретим город Култеск (Кулатьск, Кулацьск, Кулачьск, Колочък), название которого могло быть аналогией к Холую, происходя тоже от слова холоп, или могло находиться в родстве с обще-тюркским, в данном случае половецким-куманским, словом кулукчи, т. е. невольник.

Не родственно ли холопье терминологии название и другого горо-

¹ География России, под ред. Семенова, т. VII, ст. 359—360.

да в земле вятичей — Облова или Обловеска, возможно стоящего в связи с названием в древней Руси полного холопа холопом облым? В 6. Ливенском уезде встречаем селение Холопов.

Указание на аналогичные явления мы найдем на повороте Северного Донца к югу. При впадении р. Быстрой есть и теперь хутор, носящий древнее название, вероятно, преемственно перешедшее к нему от тех веков, — Кошеев, а рядом с ним расположен Торжок Поганий. Напомним, что у половцев кошей обозначал невольника-оруженосца, а на Руси одно время (в конце XII в.) — невольника вообще.

Переходя на запад от Днестра, мы найдем новый ряд признаков, указывающих на следы оттока холопьего населения и в этом направлении. Количественно это течение было даже главным, так как совпадало с тысячелетним стремлением славян на юг к берегам Черного моря, Дуная и Балканскому полуострову.

На крайнем южном участке Волынского княжения встречаем пограничный город Колодяжин, т. е. поселение беглых холопов, направлявшихся сюда при движении на юг. Любопытно, как летописец, копируя это название, превратил его в Лодяжин, Коловяжий и даже в Лодыжин, в котором лишь с большим трудом можно угадать первоначальную форму Колодяжин-Колоднич.

Отметим на Волыни еще с. Колодно в позднейшем Кременчугском районе. На Ю. Буге уже в XV в. находим два Браславля, названия которых являются тоже сокращениями Бранкославлей. Почти на самой южной границе Волыни встречаем город Межибожье, название которого выразительно говорит о разноплеменности собиравшегося там населения.

Как это видно из разговоров на съезде в Уветичах в 1100 г., князья днепровских районов видели в галицких жителях беглецов из своих княжений. Требование, обращенное в Уветичах к Васильку и Володарю, в летописной передаче гласило: «Холопы наша выдайте и смерда», — «И не послушеша сего Володарь и Василько», — прибавляет летописец.

Связь Галича с Запорожьем, как этот район именовался позднее, и обилие подвижных сил в Галиче в начале XIII в. (1223 г.) во время похода на татар засвидетельствованы известным летописным рассказом о так называемых «галицких выгонцах», на 100 ладьях сначала спустившихся вниз по Днестру, а потом поднявшихся вверх по Днепру.

Самое название Галич звукоподражательно связано с птичьим гоном («галочьим криком»), столь частым в нашей природе и послужившим прототипом поразительно большого количества слов у разных народов.¹ В районе Галича кружились не только русские эмигранты

¹ Как выше было указано, название Галич повторяется в географических именах на Руси и в соседних странах раз десять. Не параллель ли к Галичу и половецкий Галин? Заметим, что звукоподражательному сочетанию гал-хал-ал-бал-ул необыкновенно повезло во многих языках. Приведем несколько примеров его сложного фонетического развития и звуковой рефракции так:

В греческом имеем ἄλλῃτῃ, ἄλλος, ἄλλοτριος, ἀλλὰ с массой параллельных и производных, сравни αἰλινον, ὀλκίτεω.

В латинском имеем gallus с его многочисленными дериватами, затем — hallucinatio, ululo и т. д.

Во французском — hallali hallo, gallerie, la, là-là, halle, halleberde, hurler, hal-lie, hulote, galà, galant, galère, gallerie, graille, gaillard (Scaliger) и т. д.

В английском — gallant, holla, hallooh, hall, hallmote, hulaballoo, galley, gallery, galliot, gallipot, gallivaunt, ululate.

В русском гул, гулить, галанить, галить, калякать, балакать (отсюда — Балаклея, Балахна), галдеть, галтова, галчан, галивонить, галивоны (отсюда — галивонский, байковый, офсневый — воровской и условный язык, выработанный как раз в Галиче Мерьском), галман (шалман), галангер и т. д.

Аналогичный звукоподражательный характер имеют, вероятно, в своем происхождении слова-возгласы: алла, аллилуйя, аллаху, название Вавилон (ср. англ. babble), галгал и т. д.

(«выгонцы»), но и греки, болгары, волохи, венгры, ляхи и т. д., и многоязычность Галича отмечена летописцем. Один из галицких городов назывался Толмачь, а закарпатские жители носили своеобразное прозвище «толковин», т. е. людей, речь которых надо было сначала истолковать, чтобы понять ее, или людей, которые сами умели истолковать чужую речь.

О нужде в многоязычии на Руси XI—XII вв. красноречиво говорит похвала Владимира Мономаха полиглотизму своего родителя Всеволода.

Аналогией к происхождению названия Галич может служить происхождение, тоже едва ли не звукоподражательное, пограничного в те века польского города Кракова, возможно названного так за иноязычный говор, в нем звучавший.

Нельзя утверждать, что этимологическая связь тех или иных топонимических названий со словом холоп, колодник, вязень, кащей и т. д. должна непременно указывать на факт укрывательства в данной местности именно беглых холопов. Названия эти могли отмечать и посадку холопов, захваченных в чужих владениях, и посадку своих «собственных» холопов, т. е. владельческую колонизацию, но несомненно то, что ряд наименований как-то был связан с поселением подневольных социальных элементов. Самым вероятным предположением, во всяком случае, является именно поселение в пограничных местностях беглых холопов.

Наблюдения над топонимикой показывают, в каких условиях феодальным холоповладельцам приходилось управляться с этой племенной и похолопленной ими массой хозар, обров, узов, торков, берендеев, ляхов, угров, немцев, моравов, чуди, вятичей, древлян, угличей, тиверцев и т. д. и т. д., массой текучей, скользкой, из которой каждый невольник мог легко «ускочить» (по выражению договорных грамот) в сравнительно недалекое пристанище для беглого люда, либо в слободу соседнего княжения, либо вообще за рубеж тогдашней Руси, за «пределы досягаемости» для княжеской дружинной администрации.

5. ФЕОДАЛЬНОЕ ПОРАБОЩЕНИЕ В СОСЕДНИХ С КИЕВСКОЙ РУСЬЮ ГОСУДАРСТВАХ В XI—XIII ВВ.

Византия

X век был веком максимального подъема экономической жизни Восточного Средиземноморья, почти целиком входившего в византийские владения. Византия торжествовала почти на всех фронтах. Рабы, деньги, товары отовсюду свозились на берега Золотого Рога, и спрос на северных понтийских рабов как в самом восточном Риме, так и в сопредельных с Византией странах был неограниченный. Днестр, Днепр, Дон и Волга, обслуживая эти запросы, посылали через Каспийское и Черное моря бесконечные транспорты своих колодников. Но в XI в. в Константинополе начались политические потрясения, разрушившие гражданский порядок более чем на три четверти века (до прихода к власти Комненов). Параллельно с этими внутренними династическими потрясениями начался напор на империю и внешних сильных врагов.

В 1020 г. Византия владела пространством от Южной Италии, ей подвластной, до Тигра и Аравии, включая весь Балканский полуостров, Крым, Закавказье и Армению. К концу того же XI в., обессилив вследствие внутреннего кризиса (порабощение феодалами-прониярами свободного крестьянства), она потеряла под ударами норманнов Южную Италию и Балканский полуостров и почти целиком всю Малую Азию, захваченную турками-сельджуками (битва при Манцикерте и пленение императора Романа Диогена).

Сверх военных неудач на благополучие Византии повлияли еще крупные перемены в экономической жизни Зап. Европы, лишившие Восточную империю ее первенствующего дотоле положения в Европе.

Так, начинает получать новый размах фландрская промышленность, отдельные районы Западной Европы теряют свою изолированность, образуются торговые пункты, ярмарки (в частности, в Шампани), возобновляется торговое движение через Альпы, развивается обмен между Западом и Востоком Средиземного моря. Это общее пробуждение Европы сказалось и на соседних с Киевской Русью странах — Польше, Венгрии и Чехии.

Эффекты ослабления Византии и подъема Зап. Европы в Приднестровье были двойки. С одной стороны ослабел спрос на рабовладельческий товар, с другой — экономические, политические и культурные влияния, проникавшие до Киева и Новгорода с Запада, оказали серьезное влияние на днепровских викингов и кондотьеров.

Польша

Наибольший интерес представляют именно отношения с Польшей.

Конфликты с поляками, жившими по Сану и Висле, заставившие будто бы радимичей и вятичей отмерять тысячу километров с предгорий Карпат до берегов верхней Оки, помнила наша Начальная летопись. С Болеслава I (992—1026 гг.) начались столкновения, уже датированные летописью точно.

Польская писаная история начинается почти одновременно с русской во вторую половину X в., когда Польша стала вассальным государством Германской империи и приняла христианство (963—965 гг.). С этой поры в Польше появилось латинское духовенство и организовалась церковная иерархия, зависевшая от Рима. Болеслав Храбрый стал создателем первого централизованного Польского государства, приостановившего военно-политический напор германцев на Восток, особенно успешный при императорах из Саксонского дома. Успехи Болеслава в борьбе с немцами, чехами, пруссами и русскими, у которых он отнял на время Червенские города, опирались на сложную и искусную военную систему, на организацию крепостей, на постоянное войско в стальной вооружении (*milites loricati*) и централизованную администрацию.

Внешние и внутренние успехи Болеслава вызвали укрепление положения военно-служилого класса (шляхты) и подчинение крестьян-кметов власти служилых землевладельцев, щедро наделенных государственным землями и рабами, поселяемыми в шляхетских владениях. Вместе с тем шляхетское землевладение, сравнительно с крестьянским, начинает пользоваться и особыми привилегиями при переходе по наследству.

Параллельно с образованием шляхты шло развитие духовного землевладения, в значительной степени немецкого, как это было правилом в Силезии. Немецкие монастыри и епископские владения распространились из Силезии по Одеру на Малую и Великую Польшу. Еще при Сигизмунде I в начале XVI в. были в Польше монастыри, в которые принимались только немцы.

Германская интрузия повела за собой распространение не только германских колонистов, но и германского права (так наз. *jus ducale*) на польских крестьян-хлопов, что в свою очередь вызвало усиление социальной феодализации.

Вместе с тем, в Польшу широкой волной вливаются германские обычаи и германский язык. Так, некий польский князь в Силезии даже пишет стихи на немецком языке. В итоге этих взаимоотношений создается аристократический порядок вельможного управления (мжновладства), предопределивший всю дальнейшую историю Польши до ее политической гибели в XVIII в.

Между Польшей и Русью в X—XII вв. непрерывно происходили войны или предпринимались дипломатические пересылки, заключались брачные союзы и торговые сделки.

Благодаря близкому соприкосновению киевских князей и их бояр с поляками сильнее всего должны были влиять, толкая к феодализации, примеры, почерпаемые из Польши, но не проходило бесследно и соприкосновение со сравнительно более отдаленными Чехией и Венгрией.

Чехия

В Чехии наследственная патриархальная монархия Пшемисловичей, в X в. прибравшая, было, к рукам местные землевладельческие династии лехов и владык, в XI в. запуталась в собственных смутах очередного владения, осложненных еще вмешательством германской императорской власти. Результатом ослабления княжеской власти было усиление в XI в. класса крупных землевладельцев, обрабатывающих свои земли при помощи невольных слуг или отроков. Лехи и владыки, составившие благородное сословие или шляхту, начинают прибирать к рукам свободное дотоле крестьянство («свободников» или «диденников»), постепенно попадавшее в положение прежних отроков или превращавшееся в зависимых хлопов. Положение шляхты укреплялось еще получаемыми ею от князей иммунитетами феодального типа. Параллельно росла роль шляхты и в местном управлении, так как к ней переходят должности наджупанов, старейшин, каштелянов, цударей, владарей и т. д. А вместе с этим в XI в., едва ли не с еще большей скоростью, вырастает феодальное значение духовенства в лице епископов, соборных капитулов и даже духовенства приходских церквей. Так же как и светские феодалы, духовные власти получают от князей иммунитеты и независимость в моменте инвеституры, исходящей от императора и майнцского архиепископа. В XII в. чешское духовенство становится общественной силою, независимою и от светской власти и от мирского общества.

Венгрия

Аналогичную картину наблюдаем и у других западных соседей Руси — у венгров.

Захватив в начале IX в. придунайские равнины Средней Европы, венгры после своих отчаянно смелых набегов IX и X вв., достигавших Византии, Италии, Парижа, Западной Германии, Поднепровья и т. д., переходят в XI в. к оседлому быту и феодальному строю, продолжая, однако, напирать на юг и запад. Вместо налетов, в XI в. начинается настойчивое, систематическое продвижение их к Адриатике, а затем и в других направлениях (завоевание Хорватии и Далмации, Штирии, Седмиградия, Валахии, частей Болгарии, Сербии, Боснии, Галиции). В XI в. розданные венгерскими ханами-королями государственные земли становятся наследственными владениями крупных венгерских магнатов. Власть королей дробится между светскими вельможами и духовными сановниками.

Уже в IX—X вв. Венгрия знала институт рабов, в большинстве случаев военнопленных. Теперь, по мере феодализации, начинает складываться и зависимое от крупного и мелкого дворянства, захватившего земли, подчиненное ему крестьянство. Крепостное право распространяется и на крестьян, живущих на королевской и городской земле, и к XII в. от свободного крестьянства в Венгрии остаются лишь ничтожные следы.

Примеры византийской феодализации (пронии), несмотря на ее пагубность для Византии, затем польской, чешской и венгерской феода-

лизации, благодаря перекрестным бракам, постоянным дипломатическим и торговым сношениям и походам, то враждебным, то союзным, не могли не толкать князей Киевской Руси и их старших дружинников на отвоевание себе феодальных политических льгот и на организацию устойчивого сельского хозяйства, на заведение правильных посевов, на улучшение скотоводства и коневодства и некоторых местных промыслов, например, соляного.

Хозяйственный перелом, происходивший в Поднепровье в XI в. в связи с сокращением византийского рынка и переходом Киевской Руси к более продуктивным хозяйственным формам, совершился не изолированно, а имел ряд параллелей у ближайших западных соседей, не говоря уже о размерах одновременного перелома в Германии, Франции, Англии и Италии. Беспреданно соприкасаясь с поляками, венграми и чехами, русские князья и дружинники должны были чувствовать соблазн ввести у себя порядки, успевшие сложиться и окрепнуть в четырех родственных соседних государствах. Византийские проиары, представители польского межновладства, чешские владыки, венгерские магнаты, успевшие организовать свои рабовладельческие хозяйства и закрепить своих крестьян, не могли не служить соблазнительными примерами для киевско-новгородских князей и для их бояр. Подражая порядкам у соседей, русские князья и бояре должны были заимствовать у поляков и чехов и хозяйственные термины, — вполне естественно, что на Днепре появились в XI в. и чешский хлап и польский хлоп, переработанные затем в русского холопа. Социально-политические тенденции в Поднепровье сходны с тем, что мы наблюдаем в Польше, Чехии и Венгрии, однако и разница между ними тоже значительна. Социально-экономическая обстановка широко открытого на все четыре стороны горизонта Поднепровья, имевшего население другого характера и строения, обусловила иные результаты закрепостительных тенденций.

6. СЛУЖИЛОЕ ХОЛОПСТВО

В отличие от других видов холопшей зависимости одна из категорий холопов с начала XVI в. начинает именоваться холопами по служилой кабале или служилыми холопами. В русской исторической литературе высказан был ряд мнений, объясняющих возникновение этого нового вида холопшей неволи, но исследователи мало обращали внимания на одну существенную черту, а именно, на особый смысл службы или служилости. Слугами в древне-русском смысле называли высший, привилегированный разряд зависимых людей, связанных со своими хозяевами-господами близким личным общением и совместными условиями жизни. Слуги — люди, слушающие и послушно исполняющие приказания своих господ, выслушиваемые господами и дающие им отчет в своих хозяйственно-управительных и военных действиях. Заглянем в памятники XIII—XV вв.

— «Слугом сел не держати» — договариваются новгородцы с в. кн. Ярославом в 1270 г.

— Под 6789 (1231) г. Ипатьевская летопись говорит о «дворном слуге любимом».

— Бояре и слуги вчиняют иски и «волочат новоторжцев», как об этом говорит договор 1301/2 гг.

— «Слуг в диаконы и попы не ставить» (кроме случаев специально разрешенных) — гласит уставная грамота 1312 г.

— Ярлык хана Узбека 1315 г. говорит о случае, когда «на службу нашу вели рать собирать».

— О «селах за слугами» говорит договор в. кн. тверского князя Михаила с Новгородом 1318 г.

— Духовная в. кн. Ивана Калиты 1331 г. предусматривает случай «аже иметь (кто) сыну моему которому служитьи...».

— «Слуги к дворскому» неоднократно упоминаются, начиная с договорной грамоты в. кн. Дмитрия Донского 1362 г.

— Жалованная грамота в. кн. тверского 1369 г. говорит о службе, именно как о военном ремесле.

— О служебных князьях говорит грамота кн. Владимира Андреевича от 1387 г.

— Договорная грамота в. кн. Василия Дмитриевича с Новгородом 1390 г. говорит о боярах и слугах новгородских.

— Уставная Двинская 1397 г. говорит о бесчестии боярину и слуге.

— О селах за слугами говорит духовная кн. Владимира Андреевича 1410 г. Ср. выше договор 1318 г. в. кн. тверского с Новгородом.

— О приказчиках и слугах в Новгороде («боярам и слугам вольным воля») говорят несколько грамот XIV—XV вв.

Отметим, наконец, что термин слуга — служить в почетном по тогдашнему смысле прочно вошел в оборот церковного языка.

Из приведенных свидетельств видим, что слуга не рядовой холоп, а если человек и подневольный, закрепленный на работе исполнителей вельений господина, то почти всегда — профессиональный военный. Он держит вместе с боярином села, упоминается в грамотах наравне с боярином, может при случае быть поставлен в попы и дьяконы, ищет судом бесчестья, получает пожалование путем и т. д.

Этимологический корень слуги — несомненно слово слух. Этимологической аналогией к нему являются греческое *ἐπίτακτος* (от *αὐδω*), латинское *oboediens* (от *audio*), французское *obéir* (тоже от лат. *audio*), английское *obedient*, *obeisance*, немецкое *hörig*, *gehörig*, *angehörig* и т. д. Соответственно власть по-латыни — *dicio* или *ditio*.

Отсюда и вытекает заключение, что перенос терминов служить, служба, служилый на холопов и холопью зависимость обозначал появление и оформление особого высшего разряда холопов приближенных, профессиональных военных, занимавших военные и административные должности и в быту, может быть, мало чем отличавшихся от вольных слуг, кочевавших от одного княжеско-боярского двора к другому. Но с течением времени это понятие стало универсализироваться и распространяться на всех холопов вообще. Сделано это было под давлением и по инициативе центральной московской власти около середины XVI в.

7. БОЯРСКИЙ СПИСОК 1556 г.¹

Посвящается глубокочтимому Дмитрию Моисеевичу Петрушевскому

Дабы взвесить, какую реакцию вызывали мобилизационные требования в служилом кругу, заглянем поближе в боярский список 1556 г.

Статистическое изучение этого любопытного отрывка позволяет сделать несколько наблюдений относительно порядков и расчетов военной мобилизации московских служилых людей. Данные списка 1556 г. количественно незначительны и относятся по нашему подсчету лишь к 174 представителям средних разрядов одного только московского списка. Высших и низших разрядов в списке совсем нет, а из 174 человек, вследствие неполноты или неясности данных, приходится выключить еще 11 имен. Однако, мы имеем хотя и перебитые, но все же довольно подробные сведения о 13 статьях (из 25); это и позволяет рассматривать цифры, извлекаемые из списка 1556 г., как средние и типичные.

¹ Странно, что этот список, напечатанный еще в 1855 г., не вызвал доселе ни систематического исследования сам по себе, ни внимательных археографических поисков в том же направлении.

163 служилых человека должны были вывести в поход 593 вооруженных холопа, а вывели они 687. К этим 687 вооруженным холопам надо прибавить 150 человек в кошу, принадлежавших 71 хозяину, — стало быть, всего 837 холопов; но означает ли отсутствие упоминания о людях в кошу (не упомянутых у 93 служилых людей) действительное их отсутствие? Этой статистике список 1556 г., видимо, не придает значения, и имеющиеся в нем заметки о людях в кошу явно небрежны.

687 вооруженных холопов и 163 их вооруженных хозяина составят 850 боевых единиц, отвечающих по норме 127500 четей или 181250 десятин. Количество самих служилых людей, т. е. цифру 163, можно считать, примерно, $\frac{1}{13}$ всей их массы по московскому списку, насчитывавшей, надо думать, как и позднее, при царе Михаиле, не менее 2000 единиц.

Обращаясь к статистическим заключениям, видим, что на одного служилого человека приходилось по 3.64 боевых холопа согласно требованию правительства, тогда как они вывели 687 холопов, «передав» 94 человека, т. е. поставив не по 3.64, как следовало бы в среднем, а по 4.2 боевой единицы — примерно по одному лишнему холопу на двух служилых людей.

«Передаваемый человек в тегиле» оплачивался 4 р., но за недоданного взымали штраф только 2 р. Здесь останавливает на себе внимание понижение штрафа до 50% сравнительно с премией за лишнего человека в тегиле. Сопоставляя премию и штраф при недодаче человека в доспехе (4 р. штрафа против 5 р. премии), видим понижение штрафа сравнительно с премией не на 50%, а только на 20%. В первом случае (недодачи людей в тегилеях) можно видеть проявление известного снисхождения к менее состоятельным группам служилого люда, в большинстве случаев имевшим возможность одевать своих людей только в тегилеи. Любопытно, что осилить не только доспехи и тегилеи, но даже однорублевый шелом очень многим представителям средних разрядов служилых людей было явно не по плечу, несмотря на значительность премиальных субсидий и на огромное значение шлема («железной» или «медной шапки») в бою.

Вниманием в расчеты Списка по отношению к отдельным лицам, в нем упоминаемым. Лиц, передававших «лишних» холопов, насчитываем 66; они передали 159 холопов, т. е. по 2.4 лишних холопа на человека, а лиц, не довавших холопов, насчитываем 49; не додали они 129 холопов, т. е. в среднем по 2.6 холопа на одно лицо.

Другими словами, на каждый десяток не довавших положенного числа холопов служилых людей приходилось 13 лиц, в среднем покрывавших своими холопами прорехи тех, кто не мог выставить положенного числа, причем средний расчет на одно лицо и при недодаче и при передаче совпадает, — только передававших было больше, чем недодававших. Из 72 лиц, не довавших доспехов и тегилея в группе тех, кто не додал и самих холопов, насчитывается 22 человека; 50 человек из этой группы распределялись между лицами или выставившими холопов полностью или даже передававшими их, т. е. между $163 - 21 = 142$ единицами. Это значит, что тот, кто не осиливал мобилизационного задания (из 49 человек 22, т. е. почти 45%), не мог и экипировать выставляемых в неполном количестве людей, между тем как лица, выполнившие задание полностью или перевыполнившие его, не снабжали холопов положенной экипировкой значительно реже (50 чел. на 142 или 35%).

В какой мере здесь играло роль просто добросовестное или недобросовестное и неряшливое отношение к делу, судить по этому материалу невозможно, но за каждый недобор холопов или доспехов Разряд тотчас же значительно понижал и денежный оклад.

Случаев адекватной поставки людей и вооружения согласно общей

норме немного. На 163 человека по списку 1556 г. таковых насчитывается только 7, а во всех остальных случаях мы имеем либо «недодачу», либо «передачу». Имена этих 7 человек: Русин Батюшков, Образец Рогатого, Иван Вороново-Волынский, Савва Наумов, Ив. Кикин, Ив. и Дм. Белеутовы.

Расчеты бухгалтерии Разряда по передаче и по недодаче не всегда ясны. Приведем случаи, когда цифровая сторона сомнений не внушает и когда за переданного человека в доспехе передавший его получал 5 р., а за человека в тегиляе — 4 р. По 5 р. за человека должны были получить: Мих. Гагин, Мансур Товарищев, Леваш Олтуфьев, Ждан Вешняков, Будай Болтин, Семен Нашокин, «Митька» Уваров, Фед. Соловцев, «Юшка» Федчищев, Мих. Хвостов, Асан Гурьев, Истома Блаженков, Вас. Сабуров, Степ. Юренев, Богдан Карташов, Андрей Плещеев, Третьяк Кокошкин, Степ. Извольский, Никита Пелепелицын, Ив. Молвянинов, «Костя» Телятев, Русин Кочуров, Гр. Сукин, кн. Дм. Волконский, Ил. Плещеев, кн. Ив. Звенигородский, Ив. Кульнев, Ив. Дубенский. По 4 р. за переданного человека в тегиляе получали: Рус. Игнатъев, Ст. Нагаев, Леваш Олтуфьев, Ждан Вешняков, Фед. Соловцев, Мих. Хвостов, Истома Блаженков, Матв. Игнатъев, Сем. Сунбулов, Третьяк Кокошкин, Ст. Извольский, Анд. Огарев, Меншой да Никита Перепелицыны, Ив. Мясоедов, Ив. Молвянинов, кн. Ив. Звенигородский, Ив. Кульнев, Ст. Оксаков, Фед. Ульянов, «Алеша» Чеглоков.

Число лиц, повинных в недодаче частично или полностью людей, доспехов, тягиляев или шлемов, равняется 29. Это: Курдюк Сумин, Александр Лихарев, Анд. Ступишин, Ив. Пущин, кн. Дан. Засекин, Сем. Шепенков, Ник. Вер(х)деревский, кн. Фед. Бяратинский, кн. Петр Волконский, Мих. и Вас. Годуновы, Своитин Чевкин, Ив. Чевкин, Ив. Ильин, кн. Гр. Щетинин, Ив. Рожнов, Фед. Лодыгин, Фед. Есипов, «Тучко» Радцов, Ив. Рыбин, Фед. Шубин, кн. Ив. Литвинов-Мосальский, кн. Сем. Ушагой, Анд. Сабуров, кн. Ив. Козловский, Фед. Волынский, Фед. Молвянинов, Гав. Колычев, Мамлей Чевкин.¹

По 4 р. за недодачу человека в доспехе удержано с Ив. Пущина, кн. Фед. Бяратинского, кн. Петра Волконского, Мих. и Вас. Годуновых, Ив. Чевкина, Ив. Ильина, Ив. Рожнова, Фед. Лодыгина, «Тучки» Радцова, Ив. Рыбина, кн. Ив. Козловского, Фед. Волынского, Фед. Молвянинова, Гавр. Колычева; но с Ал. Ступишина за недодачу человека в доспехе удержано только 2 р., с Своитина Чевкина за 4 доспеха — 18 р., с Мамлея Чевкина за 4 доспеха — даже 25 р., с кн. Ив. Мосальского за 9 человек — 35 р. и с Анд. Сабурова за 10 человек — 38 р.

Человека в тегиляе не добавили: Сем. Шепенков, Ник. Вер(х)деревский, кн. Гр. Щетинин, Фед. Есипов, оштрафованные за это по 2 р. за каждого недоданного человека.

За отсутствие доспехов по 4 р. за каждый недоданный доспех оштрафованы: Петр и Иван Кобяковы, Ив. Наумов, Анд. и Гр. Губины, «Тучко» Радцов: а за недостачу тегиляя по 2 р. за тегиляй — Денис Ивашин, Матв. Игнатъев, Семен Сунбулов, кн. Ив. Щепин-Ростовский, Вас. Давыдов, Фед. Сорокоумов, кн. Мих. Бахтеяров, Ив. Дубенский, Ст. Оксаков, Фед. Ульянов; с Курдюка Сумина за отсутствие тегиляя удержано не 2 р., а 1²/₃ р., с Анд. Лихарева — 1 р., с кн. Ив. Засекина — 1 р., с Никиты Вер(х)деревского — 3 р. С Фед. Есипова за недодачу человека в доспехе и человека в тегиляе удержано не 6 р., как бы следовало, а 8 р.

За недостачу шлемов на 1 р. были оштрафованы: Ст. Извольский, Анд. Огарев, Ив. Молвянинов, кн. Ив. Звенигородский, Ив. Дубенский, Ст. Оксаков.

¹ В тексте эта фамилия везде пишется Чавкин.

Общим правилом при этих взысканиях было, повидимому, не переходить за размер оклада данного служилого человека. В некоторых случаях выдача денежной субсидии, не покрывавшей штрафа, отменялась, но мы не встретили случаев, когда взыскание штрафа переходило бы за пределы оклада и вызывало бы дополнительное взыскание, помимо снятия оклада. Иногда зато денежный оклад вычеркивался полностью, хотя полагавшийся по общему расчету штраф и не достигал его размера.

Любопытно, что между служилыми людьми, не додававшими холопов, мы постоянно встречаем лиц с княжескими фамилиями, из которых некоторые владели своими древними уделами. Вот эти титулованные фамилии: кн. Телятевский-Микулинский не додал 1 холопа из 2; кн. П. В. Пожарский — 1 из 3; кн. Засекин — 1 из 5; кн. Барятинский — 3 из 4; кн. П. Волконский — 5 из 5; кн. Мещерский — 3 из 3; кн. Мосальский — 2 из 11; кн. Шетинин — 2 из 4; кн. Львов-Зубатой — 1 (требовался тоже 1); кн. Вяземский — 2 из 2; кн. Волконский Дм. — 1 из 5; кн. Волконский Федор — 2 из 5; кн. Литвинов-Мосальский — 1 из 10; кн. Ушатов — 19 из 25; кн. Чермный Козловский — 1 из 2; кн. Козловский-Ромодановский — 12 из 15; кн. Пожарский Ив. — 2 из 6; на этих князей падает, следовательно, 59 недоданных холопов или 46% общего количества недодачи (129 хол.). А если к этим представителям княжеской группы прибавить еще представителей старых боярских родов, — Сабурова, не додавшего 10 человек из 17, Колычева, не додавшего 3 из 10, Годуновых — 2 из 2, то в группе знати итог недодачи поднимется до 74 единиц или до 57% всех недоданных холопов, тогда как все остальные случаи недодачи по 1—2 холопам распределятся между 28 рядовыми представителями служилой среды (Сукиными, Тарбеевыми, Хлоповыми, Сумиными и т. д.).

Среди лиц, заметно перевыполнивших мобилизационные задания, встретим: Товарищева, выставившего вместо 2 холопов 4, Колтовского — вместо 3 — 6, Колединского — вместо 3 — 6, Зачесломского — вместо 4 — 10, Болтина — вместо 1 — 4, Нащокина — вместо 2 — 4, Уварова — вместо 1 — 10, Федчищева — вместо 2 — 5, Шмойлова — вместо 1 — 2, Асана Гурьева — вместо 1 — 2, Блаженкова — вместо 1 — 2, Хлопова — вместо 3 — 6, Олтуфьева — вместо 2 — 6, Пелепелицына Чюдина — вместо 0 — 2, Пелепелицына Никиту и Меньшика — вместо 0 — 4, Кокوشкина — вместо 3 — 7, Вышеславцева — вместо 2 — 7, Огарева — вместо 2 — 10, Клекова — вместо 8 — 20, Кочюрова — вместо 0 — 5, Неплюева — вместо 1 — 4, Кузмина — вместо 11 — 17, Сукина — вместо 7 — 20, Михайлова — вместо 3 — 7, Кикиных — вместо 4 — 17, Оксакова — вместо 2 — 4, Осорьина — вместо 4 — 6 и т. д.

Отсюда заключаем, что несомненно выгодное и в финансовом и в боевом отношении увеличение количества боевых холопов было премией за расторопность, изворотливость, энергию, расчетливость и предусмотрительность служилого человека. Княжата и представители старой боярской знати, повидимому, отставали в этом случае от свежих элементов, притекавших в столицу и в ней устраивавшихся.

В этих наблюдениях почерпаем неоспоримое указание на то, как энергично должна была давить на Москву рядовая служилая масса и как настойчиво и остро она должна была ставить вопрос о добытии и боевых и просто рабочих холопов.

8. ПРИКАЗНАЯ ПАМЯТЬ ОТ 30/5 1641 г. О НЕИЗВЕСТНОМ ХОЛОПЬЕМ УКАЗЕ 1641 г. (?)

(л. 255). Лета 7149-го мая в 30 день по государеву (т.) указу память дьяку Пантелею Чирикову. В Приказ холопья суда к Степану Ивановичю Исленьеву да к дьяком к Роману Булыгину да к Михзилу

Патрекееву, в памяти за твоею Пантелеевою приписью написано: велети б отписать к тебе в Устюжскую четверть — по государеву указу в городех воеводам и приказным людем, розных чинов людем, на вольных людей служилые кабалы и гостиные и суконные сотен торговым людем жилые записи давать велено ль, и каких чинов каким людем служилые кабалы и житейские записи велено давать, и по чему с тех кабал и з житейских записей по государеву указу пошлин велено имать.

И по государеву (т.) указу ис Приказу холопья суда посланы государевы грамоты в города к воеводам и к приказным людем, которые грамоте умеют, а велено им дворяном и детем боярским давать на вольных людей служилые кабалы, а на крестьян ссудные записи, а жилицким людем житейские записи. А велено на человека давать кабалы (л. 256) в 3-х руб., а меньше 3-х руб. и 15 лет и на детей боярских, и на посадских людей, и на крестьян, и на крестьянских детей служилых кабал давать не велено. А тяглым людем, и попом, и стрельцом, и пушкарем, и монастырским служкам, и боярским людем на людей служилых кабал давать не велено ж, а велено им давать на людей житейские записи на урочные годы з зарядом. А хто х кому пойдет в службу или даст на себя ссудную или житейскую запись, и им тех людей велено спрашивать перед собою и в рожей и в приметы описывать подлинно. А на крестьян ссудные записи меньше 5-ти ру. ссуды, а жилицким людем житейские записи меньше 10-ти руб. заряду писать не велено ж. А пошлин им велено иметь с рубля по алтыну. А на крестьян в ссудные записи велено писать ссуду деньгами, а всякую животину и хлеб с ценою и против того с ссуды велено и пошчины иметь, что будет в ссудной написано ссуды, денег и всякой животины и хлеба по цене. Да те кабалы и крестьянские ссудные и житейские записи велено им записывать в книги, да к тем кабалам и к записям и х кабалным книгам велено им прикладывать руки свои и пошлинам взятку приписывать в книгах своею рукою подо всякою статьею в те поры, в котором (л. 257) числе кабалы и записи пишут и в книги записывают, а не в те поры, как год отойдет. Да те им кабалные книги за своею рукою, чтоб были не черны и не переправляваны, а меж строк бы и по полям приписки и скребеных мест нигде не было, и по книгам государевы пошлинные деньги велено присылать ко государю к Москве и в Приказ холопья суда ежегод беспреводно после Семеня дни неделю спустя. А будет в котором году кабал и записей в городех у записки не будет, и им о том по тому ж велено писать ко государю к Москве в Приказ холопья суда ежегод, чтобы государю про то было ведомо.

На об. л. 255 помета: 149-го июня в 2 день. Паметь вклеить в столп, а государев указ в книгу велеть записать.

На об. л. 257 справа: Справил Фед...¹ Фторов.

На лице л. 257 внизу: 149-го июня в 1 день принес Холопья приказу молодой подьячий Васька Михайлов.

На обороте по составам скрепа: Диак Михайло Патрекеев.

Приказные дела старых лет, 1642 г., № 69, лл. 255—257.

¹ Край листа попорчен: не видно — Федька или Федор.

ДОКУМЕНТЫ

(ТЯЖБЫ ПО ХОЛОПЬИМ ДЕЛАМ)

№ — 1620 г. мая 11 — июля 22. Судное дело перед Семеном Михайловичем Колтовским, Иваном Кузьмичем Бегичевым и дьяком Филиппом Митрофановым — о кабальном холопе Павле Семенове сыне Никифорове; истец — сытник Федор Петров сын Стунеев (Стюнеев), ответчик — Михаил Федоров сын Еропкин (Ерапкин).¹

I. — 1620 г. мая 11. Подписная челобитная Федора Стунеева об отдаче ему пойманного беглого холопа его Павла Семенова.

(л. 1) И мая в 11-й день Семену ж и Ивану и дьяку Филипу Митрофанову сытник Федор Стунеев подал подписную челобитную за пометою дьяка Посника Калачева и в челобитной его пишет. — (л. 2) Царю государю [т.]. бьет челом холоп твой, сытник Фетька Стюнеев. В нынешнем, государь, во 100 двадесять осьмом году поймал я, холоп твой, с приставом человека своево Паньку Семенова сына Микифорова, старинново своево и кабальново, на святой неделе в пятницу; и тот человек мой Панька в приводе и на суде винился в холопстве, сказал, что старинной мой, и кабала, что у меня на нево есть, не лживил; и ныне тот человек мой Панька за приставом. Милосердый царь государь [т.], пожалуй меня, холопа своево, вели, государь, мне тово моево человека старинново и кабальново из-за пристава мне, холопу своему, отдать, чтобы я, холоп твой, в пожелезном вконец не погиб. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 128-го мая в 11-й день. Государь пожаловал, велел дело вершить безволокитно.

Помечено в Приказе холопного суда: 128-го мая в 17-й день. Сю челобитную за пометаю дьяка Посника Колачова принес Федор Стюнеев. Сыскати дело.

(л. 3) И Семен, и Иван, и дьяк Филип, выслушев сей ево Федоровай челобитной, велели ее приклеити к делу же.

II. — 1620 г. мая 19. Подписная челобитная Федора Стунеева об отдаче ему его холопа Павла Семенова, в которого вступается другое, здесь не названное лицо.

И мая же в 19-й день Семену ж, и Ивану, и дьяку Филипу Федор Стюнеев подал челобитную за пометою дьяка Посника Колачова и в челобитной его пишет. — (л. 4) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, сытник Фетька Стюнеев. В прошлом, государь, во 100 двадесать третьем году в Николин день вешней с Москвы побежал от меня, холопа твоего, человек мой старинной и кабальной, Панька Семенов сын

¹ Начало утрачено.

Микифоров; а взял живота моево, лошадей и платья на себе, на 20 руб. с полтиною. И в нынешнем, государь, во 100 двадесят осьмом году на святой неделе в пятницу поймал я, холоп твой, с приставом тово старинново своево и кабально[во] человека, Паньку Семенова сына Микифорова; и тот человек мой Панька в приводе и на суде в холопстве винился мне, холопу твоему, сказал, что старинной мой, и кабалу у меня на себя сказал; а я, государь, кабалу на нево положил, а имана здесь на Москве. А у ково, государь, я, холоп твой, за тово человека своево старинно[во] и кабальново поймался, и тот, умысля бездельем, хотя меня, холопа твоево, изубычтити в пожелезном и человека моево изувечить у пристава, сказал на тово человека моево кабалу з братом на воеводстве, а сам здесь на Москве и з женою; а имал де ту кабалу на тово человека моево до Московского розоренья; а имал де человек ево кабалу в Колуге; а имяни, государь, тому человеку своему не сказал перед судьями, которой человек кабалу имал; а тот человек мой послужил у нев[о] с Филипова загавенья безкабально нынешнево 100 двадесят осьмаго году, бегаючи от меня; а наперед тово у нево не служивал; и ныне тот человек мой Панька за приставом. Милосердый царь государь [т.], пожалуй меня, холопа своево, вели, государь, мне тово моево человека старинного и кабального из-за пристава мне, холопу своему, оддать, чтобы я, холоп твой, в пожелезном вконец не погиб. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 128-го мая в 16-й день. Государь пожаловал, велел дело вершить безволочитно по суду и человека оддать, кому доведетца.

Помечено в Приказе холопъего суда: 128-го мая в 19-й день. Сю челобитную за пометаю дияка Посника Колачова принес Федор Стюнеев. Сыскати дела.

(л. 5) И Семен, и Иван, и дияк Филип, выслушев сей ево Федоровай челобитнай, велели ее приклеити к делу же.

III. — 1620 г. мая... Поручные записи по истце и ответчике.

Недельщик Онтон Лешовов подал по Федоре Стунееве да по Михайле Еропкине статные поручные записи, а в записех пишет.

(л. 6) Се яз, Тимофей Андреев сын Мандрыкин, Сытнава дворца стряпчей, да яз, Ондрей Олексеев сын Сабуров, Кормовово дворца стряпчей, да яз, Игнатей Михайлов сын Шоков Кормовово же дворца стряпчей, выручили есмя Холопья приказу у пристава у Онтон Лешова сытника Федора Стунеева в том: ставитца ему на нашу порукою в Приказе холопья суда перед Семеном Михайловичем Колтовским, да перед Иваном Кузьмичем Бегичевым, да перед дияком, перед Филипом Митрофановым, по вся дни, что он, Федор, искал на старинном своем человеке, на Павлике Семенове, кабального холопства. А не учнет он за нашу порукою ставитца по вся дни и с Москвы съедет, и он тово своего кабальново человека Павлика лишон. А кой нас, порутчиков, в лицах, на том и порука. А на то послуши: Григорей Юрьев. А запись писал Кондратко Ларионов сын Истомин лета 7128-го году.

На обороте: Тимофей в статье ручал и руку приложил. Игнатей ручал и руку приложил. Послух Гришка руку приложил.

(л. 7) Се яз, Василий Васильев сын Бегичев, да яз, Ондреян Васильев сын Кукарин, да яз, Михайло Андреев сын Ерапкин, да яз, Остафей Обросимов сын Сытин, да яз, Иван Прокофьев сын Безстужев, жильцы, выручили есмя Приказу холопья суда у пристава, у Онтон Лешова, Михайла Федорова сына Ерапкина в том: ставитца ему за нашу порукою в Приказе холопья суда перед Семеном Михайловичем Колтовским, да перед Иваном Кузьмичем Бегичевым, да

перед дьяком, перед Филипом Митрофановым, с суда по вся дни, и положить ему на спорново человека, на Павлика Семенова, служилая кабала на срок в той же день по вознесеньеве дни нынешнего 128-го году, что у него в споре с сытником, с Федором Стунеевым. А не учнет он за нашу порукою ставитца по вся дни и на тово спорново человека, на Павлика, служилые кабалы на тот срок в Приказе холопья суда не положит, и он тово спорново человека лишон. А кой нас, порутчиков, в лицах, на том и порука. А на то послуши: Тихон Олферов. А запись писал Кондратко Истомина лета 7128-го году.

На обороте: Василь Бегичев в статьи ручал Михаила, ру[ку] приложил. Остафей ручал и руку приложил. Иван ручал и руку приложил. Послух Тихонка руку приложил.

IV. — 1620 г. мая 26. Михаил Еропкин подал на спорного холопа Павла Семенова кабалу от 1606 г. сентября 25; показания Павла Семенова.

(л. 8) И мая в 26-й день Семену, и Ивану, и дьяку Филипу Михайла Еропкин подал на спорного человека, на Павлика Семенова, служилую кабалу за приписью калужского губнова старосты Булгака Муромцова, да с тою же с подлинною с коболою он же, Михайла, подал список слово в слово; подлинная кабала отдана назад ему, Михайлу, а список за рукою приклеен к делу; и в списке пишет. — (л. 9) Списак с кобалы слова в слова. Се аз, Павел Семенов сын, занел есми у Михайла Федоровича Еропкина 2 руб. денег московских ходячих нынешнего сто пятого на десять году сентября с двадесять пятого числа по то же число на год без росту; а за рост мне, заимщику, служить во дворе у государя своего, у Михайла Федоровича Еропкина, по вся дни и всякая дело делати; а полягут деньги по сроце, и мне, заимщику, по тому же служити у государя своего во дворе по вся дни. А на то послух: Пospel Семенов сын Дроздов, колуской губной дьячок. А кабалу писал колуской жа земской дьячок Игнашка Наумов лета 7100 пятого на десять году. А припись (л. 10) у кабалы Булгака Муромцова. Послух Пospelко и руку приложил. Да назади же на кабале за приписью дьяка Филипа Митрофанова написана: 128-го мая в 26-й день сей кабалы заимщик Павлик Семенов, как ее положил в Холопье приказе, не лживил, а сказал: такову кабалу на себя ему Михайлу Еропкину в Калуге дал.

На об. л. 9: К сему списку в Михайлово место ¹ Архип Окинфов руку приложил Еропкина.

И против подлинной кабалы и списка тот спорной человек Павлик Семенов спрашиван, и та его подлинная (л. 11) кабала ему, Павлику, чтена. И он, холоп, выслушев, подлинной служивай кабалы не лживил, а сказал: такову де кабалу на себя ему, Михайлу Еропкину, в Калуге дал. И Семен же, и Иван, и дьяк Филип ево, холопа Павлика, допросили: как за тебя имался Федор Стунеев, и ты де в приводе и на суде винился в холопстве ему, Федору, а у него, у Михайла, тогды ты кабалы на себя не сказывал. И по спросу Павлик сказал: как де за него, за холопа, изымался он, Федор Стунеев, и он де тогды ево Федоровым человеком старинным назывался потому, хотя от него, от Михайла, от холопства оттегаться; а та де кабала у него, у Михайла, взята давно, и он, Павлик, чаел, в Разоренья та его кабала пропала, и потому де он тогды в приводе и говорил; а ныне де та кабала в лицах. И Семен, и Иван, и дьяк Филип велели сказку его холопью записать же.

¹ В подлиннике: К ему списку в Михайлово место... и т. д. Написано дурным почерком, неразборчиво.

V. — 1620 г. июня 10. Приговор: Павла Семенова отдать по кабале Михайлу Еропкину, потому что его кабала старше кабалы Федора Стунеева.

(л. 12) Июня в 10-й день Семен Михайлович Колтовской, да Иван Кузьмин Бегичев, да дияк Филип Митрофанов сей приводной записки и судных дел сытника Федора Петрова сына Стунеева и Михайла Федорова сына Еропкина и в спорном их человеке, в Павлике в Семёнове сыне Микифорове, слушав, приговорили ево, холопа Павлика, по старой кабале отдать его в холопи Михайлу Еропкину — потому. Как он, Михайла, искал на нем, на Павлике, кабальново холопства, а в-ысковой в его Михайлавай в челобитной, он, холоп Павлик, написан, что бил он челом в службу ему во 115-м году, и кабалу де он ему на себя дал; а збежал де он от нево с службы из Колуги во 121-м году; и в нынешнем де во 128-м году за неделю до Филипова заговенья он, Павлик, к нему сапасился, а он, Павлик, подлинно на суде сказал, что де он у него, Михайла, не служивал и ис Калуге не бегивал и кабалы де во 115-м году на себя ему не давывал; и в нынешнем во 128-м году не сапасивался; и в нынешнем же де во 128-м году о Филипове заговенье бил он челом в службу ему, Михайлу, бегаючи де от Федора Стунеева еще впервые; и от тех де мест служил он у него безкабально и по свою поимку, как за него изымался он, Федор Стунеев; а в той ево в Павликовой в служивай кабале ему, Михайлу, да Кадама срок даван на 4 недели, мая с 4-го числа по июнь 1-е число; и он, Михайла, тое кабалу положил в Холопье приказе до сроку за 6 ден, мая ж в 26-м числе, за рукою калужского губного старосты (л. 13) Буглака Муромцова, и та кабала ему, холопу Павлику, чтена; и он, Павлик, выслушев, тое своей кабалы не лживил, а сказал, что он такову кабалу на себя дал; да он же, холоп, спрашиван: как за тебя имался Федор Стунеев, искал он на тебе холопства, и ты в приводе и на суде винился по старине и по кабале ему, Федору Стунееву, а у Михайла ты холопство тогда лживил, и кабалы у него на себя ты не сказывал, — для ты чево тое свою кабалу у него, у Михайла, тогда лживил; и по вопросу Павлик сказал: как де за него Федор изымался, и он де тогда ево Федоровым старинным человеком назывался потому, хотячи было от него, от Михайла, от холопства оттегаться, а чаел он, что та его кабала у него, у Михайла, в Розоренья пропада, и он де было потому и говорил в приводе, а хотел от холопства тем отбыти. А что он же, Михайла, в том холопье знатье слался на калужен на весь город, на дворян и на детей боярских, а он, Павлик, слал-же-ся, опричь его Михайловых друзей, Меньшово Стрешново з братьями, и та их опчея правда отставлена, потому и ими не обыскивано, потому что ныне дворяне и дети боярские на службе; да и потому та их опчея правда отставлена, что он, Павлик, у него, у Михайла, той кабалы ныне не лживил. А та кабала писана на него, Павлика, в Калуге во 115-м году в сентябре в 25-м числе, и та его Михайлова кабала Федоровай кабалы Стунеева старея осьмью годы; и потому приговорен тот холоп Павлик ему, Михайлу, в холопи и отдать. А Федору (л. 14) Стунееву приговорили в том человеке, в Павлике, в холопстве его отказати — потому. Как он, Федор, у него, у Михайла Еропкина, за него в холопстве изымался, и он в приводе и на суде сказывал, что он старинный его человек; да он же, Федор, на суде на него, Павлика, положил его служивую кабалу за приписью дияка Пешка Жукова; и холоп Павлик старинного холопства в приводе и на суде и кабалы своей не лживил же, а кабала писана во 123-м году в октябре в 17-м числе; и та кабала ему, Федору, не в кабалу, потому что та кабала на того Павлика взята после Михайлавай кабалы Еропкина. И той ево Федоровай сказки, что он сказал, тот де человек Павлик старинный

его, верити нечему потому: только бы его он стариннай его был, ино бы у него на него, на Павлика, взята кабала в старине в предных¹ годах, наперед бы ево Михайлавай кабалы, и потому ему, Федору, приговорили в том человеке, в Павлике, в холопстве и отказати; а опрично кабал их служилых, про старину сыскати нечим. И впредь ему, Федору, до того человека, до Павлика, в холопстве дела нет. И недельщику Онтону Лешовову велели изцов, Федора Стунеева, и Михайла Еропкина, и спорного человека Павлика Семенова сына Микифорова в Холопье приказе к скаске перед собою поставити и сесь приговор им сказати.

VI. — 1620 г. июня 14. Михаил Еропкин и Павел Семенов ставлены, и приговор им сказан; Федора Стунеева недельщик дома не сыскал.

(л. 15) Июня же в 14-й день перед Семеном же, и перед Иваном, и перед [дь]яком Филипом недельщик Осип Вранников изца, Михайла Еропкина, и ответчика, человека Павлика Семенова сына Микифорова, к сказке их поставил. А к сытнику де к Федору к Стунееву ходил де он по 4 дни, и ево де он, Федора, дома не изшол; а он де, Осип, слышел то, что де ево, Федора, ныне на Москве нет; а тово де подлинно он не ведает же, где он, Федор, с Москвы съехал; и он, Федор, узнав свою вину, потому он ему, приставу, и дома не сказался, и к сказке он в Холопей приказ не пошол; а будет он, Федор, хотя куды и с Москвы послан, и он для чево, Федор, не отсрочил и отсрочные своей челобитнай к делу не дал, и не объявсья у дела, и с Москвы он съехал, — и то ему, Федору, вина ж. И сесь приговор Михайлу Еропкину и тому спорному человеку, Павлику Микифорову, ныне сказан. И по сему приговору и по кабальному его Павликову холопству отдан он в холопи ему, Михайлу Еропкину. И головные пошлины с того человека, с Павлика, 3 алт. взяты и в приходную книгу нынешняго 128-го году июня в 15-й день записаны. А недельщика Осипову сказку Вранникова, что он сказал — по Федора Стунеева ходил, и ево, Федора, он не сыскал, а дома де он у себя не сказался же [в избе]² — и сказку записати же.

VII. — 1620 г. июля 22. Челобитная Михаила Еропкина: дать правую грамоту на его беглого холопа Павла Семенова; правая грамота дана.

(л. 16) И июля в 22-й день Семену ж, и Ивану, и дияку Филипу Михайла Еропкин подал челобитную и в челобитной ево пишет. — (л. 17) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, Михайлка Еропкин. В нынешнем, государь, во 128-м году искал я, холоп твой, на беглом своем кабальном холопе, на Павлике Семенове, в Холопье приказе холопства; и твои государевы судьи, Семен Михайлович Колтовской, да Иван Кузьмич Бегичев, да дияк Филип Митрофанов, по твоему государеву указу и по суду и по моей старой коболе тово моего беглова холопа Павлика отдали мне в холопи. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своево, вели, государь, мне дать на тово моево выдонова кобальнова холопа, на Павлика, свою государеву правсю грамоту, по чему мне тем холопам владеть. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 128-го июля в 22-й день. Сыскати дела. Дати грамота с суднова дела и с приговору.

(л. 18) И Семен, и Иван, и дияк Филип, выслушев сей ево Михайловой челобитной, велели, сыскав, приклеити ее к судному делу. А по государеву [т.] указу с суднова дела и с приговору велели дати правую грамоту на того человека, на Павлика Семенова сына Микифорова. И

¹ Так в подлиннике.

² Неразборчивая вставка под строкой.

государева праваяе грам[ота]...¹ Михайлу на того ево человека, на Павлика, дана.

Скрепя по сставам на обороте: Дияк Филип Митрофанов. Л. 18 обломился, скрепа не видна.

Опись № 25, столбец № 39651. I—лл. 1—3; II—3—5; III—5—7; IV—8—11; V—12—14; VI—15; VII—16—18. Листы оклеены.

№ 2.— 1620 г. мая 18 — 1621 г. февраля... Судное дело перед Семеном Михайловичем Колтовским, Иваном Кузьмичем Бегичевым и дьяками Патрикеем Насоновым и Филиппом Митрофановым о холопе Семене, прозвище Мурза, Нестерове сыне; истец — Александр (Алексей) Воейков, ответчик — князь Борис Андреевич Хилков.

I. — 1620 г. мая 18. Явка Александра Воейкова на его беглого кабального холопа Семена Мурзу и на снос холопа.

(л. 1) Царю государю [т.] бьет челом и являет холоп твой, Олешка² Воейков, на беглова своего человека на кабальнова, на Сеньку, прозвища Мурзу, Нестерова, прозвища отцу ево Черней. Ходил, государь, той мой человек... холопа твоего в ключе, и в нынешнем, государь, во 128-м году мая со втораго на десять числа с пятницы под су[ббо]ту побегал от меня, холопа твоего, тот мой человек, пократчи. А сносу, государь, живота моего, взял: ожерелья низана жемчужная муская с пугвицы зерны бурминскими, да 5 чарак серебряных, да 30 руб. денег, да [2] однорядки лазаре[вая] да другая мурамская, да 2 ко[ф]тана суконных, [один] лазорев, а другой голуб, костреш, да шубу большую боранью, кафтан бораней под крашениною, да 2 шапки суконные, штаны темносины, да зипун крашенинной, да са..., да 2 пишали, одна колесная, а другая съезжая, да [седло с войлоки и с ...ком темнасиним. Да он жа... взял на людей моих кабал: кабала на отца ево на Несте[рка], прозвища Черней, Павлова сына, да на нево, на Сеньку, прозвища Мурзу, да кобала Мирона на Андреява, да на³ ево брата, Ивана Ондrejaва сына, прозвища Бухв..., да кобалу на Гришу Лотыша, да на его дочь Оксиницу, да [ка]балу на Кузьму Денисьява сына да на его сына Лу...ку, да кобалу на Ивашку да на Ваську да на Юшка Ивановых детей Филипова, да кобалу на Гришу Семина сына, да кобалу на Ивашка Горяинова сына, да кобала на Якова да на Ваську Ивановых детей, да на делавых людей, на Гри[шку], кобала на Ваську Спиридова сына, да кобалу на конюха, на Овсейка Иванова сына. И всего, государь, тот мой беглый [человек Сенька, прозвища Мурза, взял у меня, холопа твоего, денег, и всякой рухляди, и чарак, и платья, апречь кобал, на шездесят на 2 руб. с полтиною. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели мое челобитье и явку записать. Государь царь, смилуйся.

На обороте: 128-го мая в 18-й день. Семену Михайловичу Колтовскому, да Ивану Кузьмичю Бегичеву, да [дья]ку Филипу Митрофанову сю явку подал Алексей Воейков. Дияк Филип Митрофанов.

II. — 1621 г. января 20. Челобитная князя Бориса Андреевича Хилкова: дать суд в холопстве его беглого человека Семена Мурзы; показания Семена Мурзы.

(л. 10) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, Бориско Хилков. Имался, государь, у меня, холо[па т]воего, за кабальнова моево за беглова человека, за Сеньку Нестерова сына, а прозвище за Мурзу, Александра Воейков; и ныне, государь, тот мой человек Сенька сидит за приставом в Холопье приказе 5 недель, а ... щет. Милосердый го-

¹ Многоточием здесь и ниже обозначаем пробелы в подлиннике.

² Алешка в XVI—XVII вв. уменьшительное и от Алексея и от Александра.

³ В подлиннике: на да.

сударь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне на тово моево человека, на Сеньку, дати свой царской суд и управу. Царь государь, смилуйся.¹

На обороте помета: 129-го генваря в 20-й день. Суд был.

И Сенька, прозвище Мурза, выслушав князя Бориса Хилкова исковую челобитную, в ответе сказал: у князя Бориса де Хилкова он, Мурза, служит, холоп ево, а ныне де ево поймал в холопстве Олександра Воейков.

III. — Того же дня. Представитель князя Хилкова, человек его Федор Дмитриев, положил кабалу на Семена Мурзу от 1620 г. ноября 21; показания Семена Мурзы.

И Семен и Иван с товарищи спросили истца, князя Борисова человека Хилкова Федьки Дмитриева: Называешь ты тово человека, Мурзу, князь Борисовым человеком, и коль давно он у князя Бориса служит, и крепость на него у князь Бориса есть ли? И князь Борисов человек Хилкова сказал: служит де он, Мурза, у государя ево по кабале; да положил на него, на Мурзу, служилую кабалу, а в кабале пишет.

Помета перед текстом кабалы: 129-го ноября в 21-й день. Записать в книги. Сказался вольный, а преж сего служил у Григория Микулина, а после его служил у сына ево, у Матрея, и их обеих не стало, а [после] их жил на своей воле. — Се аз, Семен Нестеров сын, а прозвище Мурза, занял есми у княж Борисова человека Ондреевича Хилкова, у Федора Сорокина государь, его серебра 4 руб. денег московских ходячих ноябрю от двадесять перваго числа на год до токова же числа, а... мне у государя его, у князя Бориса Ондреевича, во дворе служить по вся дни; а полягут деньги по сроце, и мне у государя его, у князя Бориса Ондреевича Хилкова, по тому же во дворе служить по вся дни. А на то послуши: Микита Иванов сын Жоло... А кабалу писал Панкратко... Ворыпаев лета 7129-го год[у].

На обороте: 129-го ноября в 21-й день. Перед Семеном Михайловичем Колтовским, да перед Иваном Кузьмичем Бегичевым, да перед дьяком Филипом Митрофановым заимщик сказал: деньги занял и кабалу на себя такову дал; и в книги записана. Дьяк Филип [Митрофанов]. Справил Семейка Микифоров. Послух Микитка руку приложил.

(л. 12) И Мурза Нестеров, выслушав служилую кабалу, сказал: служит де он, Мурза, у князя Бориса Хилкова недель з 20 и кабалу ему на себя такову дал и по той кабале у него служил. И Семен, и Иван, и дьяки речи их велели записать, и ево, Мурзу, велели недельщику Семену Кокошкину да ука[за] поддержати; а истцов, Олександра Воейкова и князя Борисова человека Хилкова Федьку, велели дати на статные паруки з записьми; а поручные записи велели недельщику Семену Какошкину принести к делу же.

IV. — 1621 г. января 21. Александр Воейков подал отпускную Матвея Григорьева сына Микулина Нестеру Павлову, прозвище Чернею, и его сыну Семену Мурзе от 1610 г. октября 12.

И генваря в 21-й день Семену ж, и Ивану, и дьяком Потрекею и Филипу подал отпускную Александра Воейков, а в отпускной пишет. — (л. 13) Се яз, Матвей Григорьев сын Микулин, отпустил есми старинных своих людей, Нестера Павлова сына, прозвище Чернея, с его сынам Сенькою, прозвища Мурза, и впредь мне, Матвею, до тех своих старинных людей дела нету, и моим детем, — в том яз, Матвей, тем св[ое]м людем и отпускную дал. А на то послуши: Путила Иванов сын

¹ Л. 10 склеен из двух здесь сстав; дальше написано другим почерком.

Волков. А отпускную писал Ипатка Васильев сын Дроздин лета 7100 девятого на десять года октября во фторый на десять день.

На обороте: К сей отпускной Лев Микулин вместо брата своего Матвея руку приложил. Послух Путилко руку приложил.

V. — 1621 г. февраля 15. Александр Воейков, Федор Дмитриев и Семен Мурза поставлены на суде; допрос Семена Мурзы об отпускной Матвея Микулина; сказка писавшего отпускную подьячего Ипата Дрозжина.

(л. 2) И февраля же в 15-день Семен Михайлович Колтовской, да Иван Кузьмич Бегичев, да дияки [Патрекей] Насонов да Филип Митрофанов велели недельщику Семену Какошкину Олександра Воейкова и князь Борисова человека Хилкова и спорнова человека Сеньку, прозвище Мурзу, перед собою поставити. И туто же недельщик поставил Олександра Воейкова и князь Борисова человека Хилкова Федьку Дмитриева и спорнова человека Мурзу. И Семен и Иван спросили Сеньки, а прозвище Мурзы: Как тебя отпустил Матвей Микулин и отпускную тебе дал, и за чьею рукою та отпускная тебе была дана? И к Олександру ты Воейкову тое отпускную принес ли? И Мурза по спросу Семена, и Ивана, и дияков сказал: как де та отпускная ему дана, и он де того не ведает, за чьею рукою та отпускная была; потому что он грамоте не умеет; и та де отпускная у него згорела, а к Олександру де он отпускные не принашивал. И Семен, и Иван, и дьяки скаску ево в[елели] записати. [И т]уто же бил челом князь Борисов (л. 3) человек Хилкова Федька Дмитриев, а сказал, чтобы де тово подьячего, который тое отпускную писал, велели перед собою поставити. И Семен и Иван с товарищи челобитье ево велели записати; а тово подьячего, который тое отпускную писал, велели перед собою поставити. И туто же став, подьячей Ипат Дрозжин, и смотрив отпускной, сказал, что де та отпускная ево Ипатова рука, а писал де тое отпускную он, Ипат. И Семен, и Иван, и дияки Патрекей и Филип скаску ево велели зписати.

VI. — 1621 г. февраля... Приговор: спорного холопа Семена Мурзу отдать Александру Воейкову.

(л. 4) И февраля в... день Семен Михайлович Колтовской, да Иван Кузьмич Бегичев, да дияки Патрекей Насонов да Филип Митрофанов сево суднова дела Олександра Воейкова да князя Бориса Хилкова в спорном их человеке, в Сеньке Нестерове сыне, прозвище Мурзе, слушали и приговорили тово человека Сеньку отдать Александру Воейкову, а князю Борису Хилкову в том человеке, в Сеньке, приговорили отказать — потому. Искал он, Олександра, на нем, на Сеньке, а написал он, Олександра, ево Сеньку, своим кабальным человеком, и тое де кабалу выкрал он, Сенька, и с-ыными с люцкими крепостями, как от него побежал в прошлом во 128-м году; и в том он, Олександра, на суде слался на свою явку, — как де он, Сенька, от него побежал, и он де в том ево побеге и в крепостях давал явки zde на Москве в Холопы приказе; и та ево Олександрова [явка] ¹ в ево Сенькине побеге сыскана, и в той явке ево Сенькина кабала и на иных людей крепости написаны именно. А он, Сенька, на суде в ответе сказал, что он, Сенька, у него, Олександра, в холопстве не служивал и от него де не бегивал, а [по]был (л. 5) он, Мурза, у него, у Олександра с полгода добровольно, а не в холопстве. И Олександра на суде слался на ево Сенькину приводную записку, а сказал: в приводе де он, Сенька, как ево привели в Холопей приказ, говорил, что бутто жил он, Сенька, у него, у Олександра, 4 годы, а не полгода; и та ево Сенькина приводная записка сыскана, и в приводной записке

¹ Слово «явка» вносит редакция.

написана, что он, Сенька жил у Олександра добровольно 4 годы. И то ему Сеньке вина, что он, Сенька, в суде и своею приводною запискою росписался: в приводной своей записке написал, что жил у него 4 годы, а на суде сказал, что у него пожил с полгода добровольно. Да он же Сенька, в приводной своей записке сказал: как де Матвея Микулина убили козаки, и он де, Сенька, после его жил у зятя своего, у Львова человека Микулина, у Емки Иванова, с полгода; и он, Олександра, на суде слался на Львова Ондреева сына Микулина в том, что ему, Льву, ведома, как отпустил Матвей Микулин отца его Сенькина, Нестерка, и его, Сеньку, и они де били челом ему, Олександру, и отпускную (л. 6) Матвея Микулина к нему, к Олександру, принесли; и он, Сенька, на суде слался на Льва на Микулина в послушество. И то ему Сеньке вина же: в приводной записке сказал он, Сенька, — как убили Матвея Микулина, и он де жил у зятя у своего, у Львова человека Микулина, с полгода, — а на суде он, Сенька, слался на Льва Микулина в послушество; а кали бы он, Сенька, жил у зятя у своего, и ему б, Льву, про то было ведома, и он бы, Сенька, на него, Льва, слался из виноватых, а не в послушество. Да он же, Сенька, сказал в приводной своей записке — как де послали отца его Олександрова, Богдана, на воеводства на Колмагоры, а он де, Олександра, его, Сеньку, послал с отцом своим на Колмагоры, и был де он, Сенька, с отцом его на Колмагорах; и Олександра на суде слался на Колмагорах на священникав, и на дияконов, и на торговых людей в том, что его, Сеньку, те люди все знали с отцом с его на Колмагорах в холопстве; и Сенька на Колмагорах на попов и на дияконов и на торговых людей слался в послушество. И то ему, Сеньке, вина же: (л. 7) в приводной своей записке сказал он, Сенька, что был с отцом с его, з Богданом, на Колмагорах, а на суде слался на колмагорцев в послушество. Да и то ему, Сеньке, вина же: слался он, Олександра, на суде на его на Сенькина отца духовного, на пречистенского попа, на Костентина, что на Колмагорах, в том, что тово, Сеньку, прозвище Мурзу, у отца его, у Богдана, на Колмагорах знал в холопстве, и с отцом де с его, с Богданом, у него, у попа у Костентина, причащались; а он, Сенька, на попа на Костентина слался в послушество, а сказал, что будто ему тот поп не отец духовной. Да он же, Олександра, слался на суде на многих людей, на дворян, и на детей боярских, и на попов, и на дияконов, в том, что у него, у Олександра, его, Сеньку, у него, у Олександра, в холопстве знали; а он, Сенька, на всех на тех ссыльных людей слался в послушество. И то стало знатно, что он, Сенька, у него, у Олександра, служил в холопстве, а не из воли; (л. 8) а кали бы он, Сенька, у него, у [А]лександра, пожил из воли, а не в холопстве, и он бы из тех иза многих людей, хотя и не на многих людей, слался из виноватых в том, что он пожил у него добровольно, а не в холопстве. Да и потому его, Сеньку, приговорили отдати ему, Олександру: положил он, Олександра, отца его, Сенькина, Нестерка, прозвище Чернея и его Сенькину отпускную записку... сана она еще в 119-м году; и он, Сенька, слушав отпускной, сказал, что он ...Олександру Воейкову тое отпускной... принашивал, а бы де¹ у него после Матвея Микулина отпускная, [и та де] у него отпускная згорела; и по челобитью ...сова человека Хилкова... Фетьки Дмитриева подьячей... тое [отпускн]ую писал Ипатка Дразжин ... в Холопье приказе ставлен и, смотря отпускной, сказал, что он такову отпускную писал, и... отпускная его рука; и то стало знатно что он, Сенька, у н[его] Олек[сандр]а в х[олопстве] служил и (л. 9) отпускную принес. А что он сказал... холопства князь Борисов человек Хилкова, Федька Дмитриев, и положил на... служилую каба-

¹ Так в подлиннике.

лу... на та кабала... шнем в 129-м году ноября в... а на нево кабала взята... на Сенькиной по... ки в сс... дли. И то стало з[натно]... князь Борису... на себя сл[ужилую] кабалу от Олександра Во[ейкова]... и по той кабале ему... ом человеке приговорили...

Скрепы по сствам на обороте сохранились только кое-где:верху л. 1 — следы скрепы;верху л. 10 —...фанов по сставу посреди л. 10 — Дяк;верху л. 11 едва видно — Филип (?); 13 — ...фанов — Дяк.

Опись № 25, столбец № 39872. I—л. 1; II—л. 10; III—л. 10—12; IV—л. 12, 13; V—2, 3; VI—л. 4—9. Столбец разрезан по сствам на листы. Листы перебиты; устанавливаем их правильную последовательность по датам и руководствуясь изложением хода дела в приговорной сказке; скрепы по листам сохранились только в отрывках и не дают возможности проверить по ним порядок листов. Столбец очень ветхий; особенно разрушен л. 9, от которого сохранились только края. Листы оклеены с лица прозрачной бумагой, с оборота плотной, местами закрывающей скрепы по сствам.

№ 3. — 1620 г. декабря 11—23. Судное дело перед Семеном Михайловичем Колтовским, Иваном Кузьмичем Бегичевым и дьяком Филиппом Митрофановым о холопе Федоре Митрофанове сыне, прозвище Шеляпине; истец — Михаил Кириллов сын Бутурлин¹.

1. — 1620 г. декабря 11. Привод с приставом в приказ Михаилом Бутурлиным его беглого холопа Федора Шеляпина; показания Федора Шеляпина.

(л. 1) И Семен, и Иван, и дьяк Филип, выслушав челобитную, и велели приклеить к делу.

И декабря в 11-й день в Приказ холопья суда перед Семена Михайловича Колтовского да перед Ивана Кузьмича Бегичева, да перед дьяка [Филипа]² Митрофанова Михайло Кирилов сын Бу[турлин] привел с приставом с-Ываном с Текутьевым беглова де человека своего, Федьку Митрофанова сына Шеляпина, а сказал: старинной де тот человек дяди ево Ефимья Охромеева сына Бутурлина, и родились де они у дяди ево во дворе; и как де убили дядю ево в Путивле тому лет с 16, а те де люди били челом ему после дяди... 5 семей; а тот де Федька Шеляпин з женою своею, с Веркою, да с сыном, с Володькою, били челом в те поры ему же, Михайлу, тому с 16 лет; и кабалу де он, Федька, ему, Михайлу, з женою на себя дал тогды же в Суздале; а бежали де от нево от Михайла 3 семьи — Степанко Иванов сын Моланьин з женою, с Манькою Фатьяновою дочерью, да с сыном своим, со Фролком да з дочерьми, с Наташкою, да с Каптюшкою; да Гришка Матфеев сын своею з женою, с Анюткою Ивановою дочерью, а в те поры та Анютка была брюхата, а тово де он не ведает, что родила; да тот де Федька Митрофанов сын, прозвище Шеляпин, с своею женою, с Веркою с Кириловою дочерью, да с сыном, с Володькою, — тому 5-ой год; а что снесли, в том де принесет челобитную. А приводной человек в роспросе у записки сказался: зовут де ево Федьком Митрофанов сын, прозвище Шеляпин, старинной де он человек Ефима Вохромеева сына Бутурлина; и как де Ефима убили (л. 2) в Путивле тому лет с 16, и после де Ефима бил он челом, Федька с женою, с Веркою, да с сыном, с Володькою, племяннику Ефимьеву, Михайлу Кирилову сыну Бутурлину; и кабалу де они ему на себя дали в Суздоле, и служили де они у нево, у Михайла, лет с 11, как де бежали от Михайла, тому³ 5-ой год, трое де их с женами и з детьми, Шешка Иванов сын Маланьин з женою с своею, с Марьицею Фотьяновою дочерью, да с сыном, [с] Фролком, да з дочерьми, с Наташкою да з Дунькою, да Гришка Матфеев сын з женою, с Онуткою Ивановою дочерью, да он де, Федька, з женою и с сыном,

¹ Начало утрачено.

² Пропуски на истлевших и выцветших местах восполняем, где это возможно.

³ Так в подлиннике.

из Суздальского уезда из Михайлова поместья Бутурлина ис села Морозова: взял де он, Федька, у Михайла 2 мерина, мерин рыж да мерин изсавраса-гнет, да кабылу буру, да корову рыжу, да 2 седла, да 2 пищали, да 2 зипуна, на нем и на сыне ево, настрафильные, да 2 кофтана казачье и под киндеком лазоревым, да на жене шуба заечья под зенденю под червчетою, да шапка комчатая червчета, да шуба одевальная бормиха, да на дочери шуба заечья под зенденю под лозоревою да шуба боранья, да шапка лисья, да двои серьги у жены и у дочери, серебряные позалоченные, да [у] них же де по салогам, и пришли де они в Орзамаской уезд к Степану Иванову сыну Нете-севу в деревню... мяткина и жил де у него во крестьянх на пашне полпета года; и выбил де ево Степан из той своей деревни душею и телом з женою и з детьми в прошлом во 12...-м¹ году (л. 3) после Николина дни вешнева неделю спустя; а лошади де и корова, и платья, и хлеб в земле осталась у него, у Степана; а товарищи де ево, кото-рые от Михайла с ним бежали, и ныне у Степана живут во крестьянх; а как де ево, Федьку, он, Степан, выбил, и он де, Федька, в Орза-маском уезде по деревням кормился, роботал; а ныне де он прибрел к Москве сопаситца к старому боярину своему, к Михайлу Бутурлину; и Михайла де поимал ево с приставом в Покровских воротех и при-вел в Холопей приказ. И Семен, и Иван, и дьяк Филип речи их велели записать; а приставу Богдану Горшковскому того человека до указу велели подержать. А на нем платья: зипун лазорев, полукофтання крошенинное, шубенка под крашениною,² рукавицы, шепень черлена на лисице, крест серебрян, денег сказал у себя 2 гривны, нож с му-сатом, штаны лазоревы.

II. — 1620 г. декабря 12. Челобитная Михаила Бутурлина: дать суд в его беглом холопе Федоре Шеляпине; показания по челобитной Федора Шеляпина.

И декабря в 12-й день перед Семеном, да перед Иваном, да перед дьяком Филипом Михайло Кирилов сын Бутурлин искал на Федьке Митрофанове сыне Шеляпине холопства по челобитной, а в челобит-ной пишет. — (л. 4) Царю государю (т.) бьет челом холоп твой, Михалко Кирилов сын Бутурлин. Жалоба, государь, мне на беглова своего стариннова на кабальнова человека, на Фетьку Митрофанова сына Шеляпина. В прошлом, государь, во 100 в двадесять в четвертом году побежал, государь, от меня тот мой кабальной старинной человек Фетька з женою с своею, с Верою, да с сыном с своим, с Волотькою, да з дочерью, з девкою с Манькою, поймав мои животы; и нынече, государь, тово моего беглова человека Фетьку изымал я, холоп твой, здесь на Москве с приставом и привел в Холопей приказ. Милости-вый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне на тово моего беглова человека в холопстве дати свой царской суд и управу; а сносу государь, учну я искать на том, х кому тот мой чело-век животы мои принес. Царь, государь, смилуйся.

На обороте помета: 129-го декабря в 12-й день. Суд был.

(л. 5). И против сей челобитные ответчик Федька Шеляпин в от-вете сказал: старинной де он человек дяди Михайлова, Ефима Во-хромеева сына Бутурлина; и после де Ефима бил он челом, Федька, з женою и з д[етьми] ему, Михаилу Кирилову сыну Бутурлину, тому лет с 16, и кабалу де ему на себя з женою и з детьми дал в Суздоле. И Семен, и Иван, и дьяк Филип спросили истца Михайла: Сказы-ваешь ты, что тот Федька з женою и з детьми служили у тебя по ка-бале, и есть ли ныне у тебя на тово Федьку кабала, в лицах? И Ми-

¹ В подлиннике дата обозначена славянской буквенной цифирью; третий знак не виден.

² В подлиннике: крашиною.

хайло сказал: была де у него на тово Федьку кабала, и те де крепости у него в Суздоле погорели, и на те де крепости давал он явки в Суздоле в 125-м году.

III. — Того же дня. Ссылочные памяти истца и ответчика.

И истец Михайла подал ссылочные памяти, и в памятех пишет. (л. 6) Сверх, государь, крестнаго целованья, шлюся из виноватых на Ивана Микитина сына Сурвецкова, да на Ондreja Елизарьева сына Молвенинова, да на князя Микиту княж Левонтьева сына Шеховского в том: как мы с ними бывали на службе, вместе служили, а по службам бывали лет с 15, и они тово моего холопа у меня в холопстве знают, — в том на них и шлюся. Да сверх, государь, тово, шлюся из виноватых на колужен, на Федора Иванова сына Карпова да на Богдана Дмитриева сына Карпова, да на Гаврила да на Оникея на Сидоровых детей Буйнаковы в том, что я бывал в Колуге по службе не по одиножды, и они того моего холопа у меня в холопстве [зна]ли. (л. 7) Да шлюся, государь, из виноватых на суздальцов, на дворян, и на детей боярских, и на посадских, и на торговых людей, и на Суздальской уезд, на весь город от мала до велика в том, что они тово моего холопа в холопстве у меня знают, — в том на них и шлюся. — (л. 8) И ответчик Федька, выслушав ссылочные памяти на Ивана Микитина сына Сурвецкова, да Ондreja Елизарьева сына Мольянинова, да на князя Микиту княж Левонтьева сына Шеховского, да на калужан, на Федора Иванова сына Карпова, да на Богдана Дмитриева сына Карпова, да на Гаврила да на Оникея на Сидоровых детей Буйнаковых, да на суздальцов, на дворян, и на детей боярских, и на посадских на торговых людей, и на Суздальской уезд, на весь город от мала и до велика, на всех слался. И Семен, и Иван, и дьяк Филип речи их велели записать, а с суда приставу Богдану Горшковскому тово Федьку до указу велели подержать.

Между строк на лице л. 6: О[тветчик]¹ слался. На об. лл. 6 и 7 то же.

IV. — Того же дня. Сказка Степана Нетесева.

И туто же после суда Семену да Ивану да дьяку Филипу Степан Нетесов сказал: на котором де человеке на Федьке Митрофанове сыне, прозвище Шеляпине, з женою и з детьми Михайло Кирилов сын Бутурлин искал холопства, и до тово де человека дела ему нет. И Семен, и Иван, и дьяк Филип скаску Степанову велели записать, а ему, Степану, к скаске своей велели руку приложить. И Степан сказал: для чево де ему рука прикладывать, а он де тово человека Федьки и не знает.

V. — 1620 г. декабря 15—22. Челобитье Михаила Бутурлина: учинить указ в его беглом холопе Федоре Шеляпине; отдача Михаилу Бутурлину его холопа.

(л. 9) И декабря в 15-й день бил челом Семену и Ивану и дьяку Филипу Михайло Кирилов сын Бутурлин, а сказал, что имался он, Михайло, за крепостноу своего человека, за Федьку Шеляпина, и искал на нем холопства; и то деи Федька ему в холопстве винился, и чтобы де ему в том человеке указ учинили. И Семен, и Иван, и дьяк Филип челобитье Михайлово велели записать, а приставу Богдану Горшковскому велели тово человека Федьку отдать Михайлу Бутурлину, потому что инова исца ему Федьке нет никою: а по нем, по Михайле, велели взять запись поручную, что положить ему, Михайлу, в

¹ В подлиннике «о» в кружке.

Холопье приказе, что давал он в Суздоле людские¹ крепости. И тот человек Федька ему, Михаилу, отдан, и головные пошлины 3 алт.²) и в приходной книге 129-го декабря в 22-й день записаны; и запись по Михайле взята, а в записи пишет.

На обороте едва заметная неразборчивая надпись, около 9 букв.

VI. — 1620 г. декабря 22. Поручная запись по Михайле Бутурлине: поставить в приказе Федора Шеляпина, когда спросят.

(л. 10) Се яз, Тимофей... сын Бутурлин, да яз, Иван Рохманинов сын Сурвецкой, да яз, Ефим Ондреев сын Кайсаров, суздаец, да яз, Федор Иванов сын Басов, да яз, Степан Микитин сын Евской, суздаец, да яз, Гаврила Кузьмин сын Совин, выручили есмь Холопья приказу у недельщика, у Богдана Горшкова, Михайла Кирилова сына Бутурлина: поставити ему за нашею порукою на Москве в Холопье приказе перед Семеном Михайловичем Колтовским да перед Иваном Кузьмичем Бегичевым, да перед дьяком, перед Филипом Митрофановым, человека Федьку Митрофанова сына Шеляпина, как того Федьку спросят в приказ. А не поставит он, Михайла, тово человека Федьку в приказе, как ево спросят, и на нас, на порутчиках, тот человек Федька; а за человека, что государь укажет. А кой нас, порутчиков, будет в лицах, на том и порука. А на то послуши: Федор Иванов. А запись писал Тихонка Олферов лета 7129-го.

На обороте: Федор да Степан Михайлова человека Бутурлина Федьку... приложил. Гаврила в статье по ...³ Послух Федька и руку приложил.

(л. 11) И Семен, и Иван, и дьяк Филип, выслушав поручную запись, велели приклеить к делу.

VII. — 1620 г. декабря 23. Мировая челобитная Михаила Бутурлина и Степана Нетесева.

И декабря в 23-й день в Холопье приказе Семену да Ивану да дьяку Филипу Михайло Бутурлин да [Сте]пан Нетесев подали за руками мировую свою челобитную, а в челобитной пишет. — (л. 12) Царю государю [т.] бьют челом холопи твои государевы, Михал[ка Ки]рилов сын Бутурлин да Степанко Иванов [сын] Недесов. [В] прошлом, государь, во 128-м году искал [я], Михалка, на Степане беглых своих людех, [Федь]ки Шеляпы з женою и з детьми, да Степ... [Иванова] сына Маланьина з женою и з детьми, [да Гри]шки Матфеева з женою, да мне же было, Ми[халке], искати на Степане сносу людей своих..., государь, людех и в сносе помирились. Милосердый государь [т.], пожалуй нас, холопей своих, вели, государь, наше челобитье и мир записать. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте: К сей челобитной Григорей Молчанов в Михайлово место Бутурлина руку приложил. К сей челобитной Степан Нетесев руку приложил.

Помета: ... декабря в 23-й день. Подали сю челобитную п... Михайла Бутурлин да Степан Нетесов. Взяти к делу, а мир их записать.

Скрепя по сствам на обороте: Дьяк Филип Митрофанов. Низ л. 18 обломился, скрепа не видна

Опись № 25, столбец № 39871. I — лл. 1—3; II — лл. 3—6; III — лл. 6—8; IV — л. 8; V — л. 9; VI — лл. 10, 11; VII — лл. 11, 12. Начало утрачено.

№ 4. — 1621 г. января 9 — мая 24. Судное дело перед Семеном Михайловичем Колтовским, Иваном Кузьмичем Бегичевым и дьяками Патрикеем Насоновым и Филиппом Митрофановым о холопе Тите Вла-

¹ В подлиннике; надписки.

² Здесь оставлено место для пометы «взято».

³ Неразборчиво.

димирове; истец — переводчик Посольского приказа гречанин Иван Дмитриев сын Селунский, ответчик — сытник Богдан Семенов сын Борков.¹

I. — 1621 г. января 9. Богдан Борков поставил в Холопьем приказе Тита Владимиров; допрос последнего.

(л. 1) И генваря в 9-й день в Холопье приказе перед Семеном и перед Иваном и перед [дь]яки, перед Патрекеем Назсоновым и Филипом, Богдан Семенов сын Борков по статной по поручной записи, которая запись по нем, по Богдане, взята с суда в Титке в Володимерове, и он ево, Титка, [ныне] к роспросу поставил. И Семен, и Иван, и дьяки того человека спросили: как ево зовут, и чей сын, и жена у него есть ли, и как именем, и чья она дочь, и у кого женился, и сколь довно, на девке или на жонке, и у кого ныне служат, и по какой крепости, и греченина Ивана Селунского он, Титка, знает ли, и у него он служивал ли, и по какой крепости, и от кого он к нему прихаживал, женат ли или холост, и от него, от Ивана, он, Титка, бегал ли, и во 127-ом году марта в 10-й день... боярине при князе Иване Борисо... тебя в холопстве была ли, ... тебе в Ярославле есть ли, и каму ты тогды в холопи выдан? И по спросу тот приводной человек сказался: зовут ево Титком Володимеров сын; а служит де он и з женою своею, с Лукерьею с Кондратовою дочерью, по старинному холопству еще отца своего Володимера у государя своего, у него у Богдана Боркова, и в холопстве он, Титко у него ж, у Богдана, во дворе и родился; и отец де...

II. — 1621 г. января 12. Память в Казачий приказ дьяку Потапу Внукову: прислать в Холопий приказ выпись из казачьих списков о Тите Владимирове.

(л. 2) Лета 7129-го генваря в 12-й день. По государеву указу память дьяку Потапу Внукову. Нынешнего 129-го ноября в 20-й день в Холопье приказе перед Семеном Михайловичем Колтовским, да перед Иваном Кузьмичем Бегичевым, да пере[д] дьяком, перед Филипом Митрофановым, искал переводчик Иван Селунской на Богдане Семенове сыне Боркове беглова кабального человека Титка Володимерова сына. И Богдан в ответе сказал, что де тем именем Титко Володимеров у него есть, а стариннай де он ево Богданов человек; бегаючи от него тот его человек Титка Володимеров был в казаках в Камаричех года с полтора и больши, а в станице был у Ивана Орефына; и во 125-м году он де, Титка, опять из качества бил челом ему Богдану Боркову. И дьяку Потапу Внукову велеть выписать из казачьих и[з] служилых списках,² в казаках, он, Титко Володимеров, был ли и сколько лет был, и в казачьих списках он, Титка, чьим человеком писался, — да та выпись за твоею Потаповою приписью прислать в Холопей приказ для вершенья холопья судного дела.

III. — 1621 г. января 18. Иван Селунский подал ответную память из Казачьего приказа от 16 января за приписью дьяка Потапа Внукова: Тит Владимиров в казачьих списках не значитя.

И генваря же в 18-й день Семену, и Ивану, и дьяком Патрекею Насонову да Филипу Иван Селунской подал память и в памяти пишет за приписью дьяка Потапа Внукова — (л. 3). Лета 7129-го генваря в 16-й день. По государеву [т.] указу память Семену Михайловичу Колтовскому, да Ивану Кузьмичу Бегичову, да дьяком Патрекею Насонову да Филипу Митрофанову. В Казачей приказ к дьяку, к Потапу Внукову, в памяти за твоею Филиповою приписью написано: В нынешнем

¹ Начало утрачено.

² Так в подлиннике.

во 129-м году искал перед вами в Холопье приказе переводчик Иван Селунской на Богдане Семенове сыне Боркове беглова кабальнова человека Титка Володимерова; и Богдан в ответе сказал, что тем именем Титко Володимеров у него есть, а старинной де он ево Богданов человек, а бегаючи от нево тот ево человек Титко Володимеров был в казакех в Комаричах года с полтора и больши в станице у Ивана Орефьева; и во 125-м году он де, Титко, опять ис казачества бил челом ему Богдану Боркову; и дьяку Потапу Внукову велети выписати ис козачьих и [з] служилых списков: в казакех он, Титко Володимеров, был ли и сколько лет был, и в казачьих списках он, Титко, чьим человеком писался, — да та выпись прислати к вам в Холопей приказ. И в Казачье приказе сыскано в казачьих именных списках: Титко Володимеров ни в которой станице в тех годех не объявился. Диак Потап Внуков. Генваря в 18-й день.

На обороте: Справил Дениско Чюбаров.

Помета: Подклеить к делу.

(л. 4) И Семен, и Иван, и дьяки Патрекей и Филип, выслушев сей памяти, велели ее приклеить к делу, а в Розряд велели послать другую память для подлинного же холопья сыску. И такова память послана, и в памяти пишет.

IV. — 1621 г. января 22. Память в Разряд думному дьяку Томиле Луговскому, дьякам Марку Поздееву и Михайлу Данилову: прислать выпись из казачьих списков о Тите Владимирове.

Лета 7129-го генваря в 22-й день. По государеву [т.] указу память дьяком, думному, Томилу Луговскому, да Марку Поздееву, да Михайлу Данилову. Нынешнего 129-го году ноября в 20-й день в Холопье приказе перед Семеном Михайловичем Колтовским, да перед Иваном Кузьмичем Бегичевым, да перед [дь]яком, перед Филипом Митрофановым, искал перевотчик Иван Селунской на Богдане Боркове [беглого кабаль]ного своего человека, Титка Володимерова сына; и Богдан в ответе сказал, что де тем именем человек Титка Володимеров у него, у Богдана, есть, а старинной де он его Богданов человек, и бегаючи де от нево, тот ево человек Титка был деи в казакех в Камаричах года с полтора и больши, а в станицы де был он у Ивана Орефына; и во 125-м году тот Титка опять ис казачества бил деи челом ему, Богдану Боркову; а в Казачей приказ наперед сево [о том же казаке] о Титке о сыску память [послана ж, и из Казачья] приказу отказана, что де в Казачье приказе комарецких казачьих списков нет, а камаритцкие де казачьи списки в Розряде. И дьяком, думному, Томилу Луговскому, да Марку Поздееву, да Михайлу Данилову велети выписати (л. 5) из казачьих из [с]луживых списков: в казакех он, Титка, был лы, и будет был, и сколько лет был, и в казачьих списках он, Титка, чьим человеком писался, и от казачества [он отставлен ли или] не отставлен, — да та выпись за дья[чьею приписью] прислати в Холопей приказ для вершенья холопья судного дела к Семену к Михайловичу Колтовскому, да к Ивану Кузьмичу Бегичеву, да к дьяком, к Петрекею Насонову да к Филипу Митрофанову.

V. — 1621 г. февраля 9. Вторая память в Разряд, аналогичная памяти от 22 января, по челобитью Богдана Боркова.

И... Семену, и Ивану, и дьяком Патрекею [Насонову и Филипу] бил челом Богдан Борков о памяти ж, а сказал, что ему велели в Розряд дати память; а сказал что де тот Титко — в Розряде в казачьих списках, имя его Титково есть. Семен, и Иван, и дьяки челобитье его велели записать, а в Розряд по челобитью велели послать память. И такова память в Розряд послана, а в памяти пишет.

Повторение памяти от 22 января.

VI. — 1621 г. февраля 13. Иван Селунский подал ответную память из Разряда от 12 февраля за приписью дьяка Михаила Данилова: Тит Володимиров в казачьих списках не значится.

И февраля в 13-й день Семену ж и Ивану [и дьяком Патрекею и Филипу Иван] Селунской подал память за приписью дьяка Михайла Данилова, и в памяти пишет. — (л. 8) Лета 7129-го февраля в 12-й день. По государеву [т.] указу память Семену Михайловичу Колтовскому, да Ивану Кузьмичю Бегичеву, да диаком Патрекею Насонову да Филипу Митрофанову. В памяти в Розряд за твоею Филиповою приписью написано: велено выписать ис казачьих служилых списков — Титко Володимиров в казаках написан ли, и в... службе в станице у Ивана Орефьева тот Титко в 125-м году был ли, — да выпись велено прислать к вам в Холопей приказ для вершенья судного дела. И в Розряде в казачьих в роздаточных книгах денежные роздачи в Болхове воевод, князя Ивана Хованского да Дмитрея Скуратова, 125-го году, как давано государево денежное жало[ванье]... ом и казаком в Болхове, которые... маны и казаки приведены в Болхов из Камарицкой волости и из-ыных мест, Титко Володимиров (л. 9) в-Ивановой станице Орефьева не написан, да и в списках в казачьих, помесных и беломесных казаков, которые казаки во 127-м и во 128-м году... белые земли Титко [Володимиров]... [каз]акех не написан же.

Скрепа по сставу на об. лл. 8 и 9 и на лице л. 9. под текстом: Диак Михайло Данилов.

На обороте: Справил Гришка Ларионов.

(л. 10) И Семен, и Иван, и дьяки Патрекей и Филип, выслушав сей памяти, велели ее приклеить к делу ж, а сего дела посла... им указ учинити.

VII. — 1621 г. февраля 28. Челобитье Богдана Боркова: дать память в Разряд для справки о Тите Владимирове в кормовых книгах.

И февраля же в 28-й день Семену ж, и Ивану, и дьяком Патрекею и Филипу Богдан Борков подал челобитную, и в челобитной в его пишет. — (л. 11) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, Богдашко Борков. Бегал, государь, от меня мой старинной человек вековой Титко Володимиров; и бегаяючи, государь, от меня, пожил у иноземца, у Ивана у Селунского; и пожив у Ивана, и отшол прочь; да [был в ка- заках; и быв, государь, в казаках, да бил челом мне, помнючи свою старинную..., поймал Иван Селунской; и был у меня суд в Холопье приказе перед Семеном Михайловичем Колтовским, да перед Иваном Кузьмичем Бегичевым, да перед дьяком Филипом Митрофановым; и на суду я слался, что тот человек был в казаках; и ходил тот Иван в Розряд с памятью, а память в Розряде взял, не сыскав в книгах; а в кормовых книгах тово человека есть имя, как тот человек приезжал к Москве и корм имал. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне дать в Розряд память против моей челобитной. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 129-го февраля в 28-й день. Подал Богдан Борков.

(л. 12) И Семен и Иван, и дьяки, выслушав сей ево Богдан[овой чело]битной велели ее приклеити к делу, а по ево Богданову челобитью в Розряд для холопья подлинного сыску велели послати память. И такова па[мять] в Розряд послана, и в памяти пишет. А срок ему, Богдану, в памяти дан на неделю, марта по 8-е число, что ему на тот срок принести против памяти.¹

¹ Эта пометка «А срок ему»...сделана мелким почерком по низу верхней части л. 12, склеенного из двух частей.

VIII. — 1621 г. марта 2. Третья память в Разряд: прислать выпись из кормовых книг о Тите Владимирове, по челобитью Богдана Боркова.

Лета 7129-го марта во 2-й день. По государеву [т.] указу память дьяком, думному, Томилу Луговскому, да Марку Поздееву да Михайлу Данилову. Нынешняго 129-го ноября в 20-день в Холопье приказе перед Семеном Михайловичем Колтовским, да перед Иваном Кузьмичем Бегичевым, да пере[д] дьяком, перед Филипом Митрофановым, искал переводчик Иван Селунской на Богдане Боркове беглово кабального своего человека Титка Володимерова; и Богдан в ответе сказал, что де тем именем человек Титка Володимеров у него, у Богдана, есть, старин[ной]¹ де он его Богданов человек; и бегаючи де от него, тот ево человек Титка был деи в казаках в Камаричех года [с полтора] и больши; а в станице де был он у Ивана Орефьева; и во 125-м году тот Титка опять из казачества бил деи челом ему, Богдану Боркову. А в Казачей приказ и в Розряд к вам наперед сего о том же казаке, о Титке, памяти о сыску посыланы, (л. 13) и из Казачьих приказу и из Розряду отписано в Холопей приказ: в казачьих в роздаточных книгах денежные роздачи в Болхове воевод, князь Ивана Хованского да Дмитрея Скуратова... году, как давно государево денежное жалованье атаманом и ясаулом и казаком в Болхове, которые атаманы и казаки приведены в Болхов ис Камарицкой волости и из-ыных мест, Титко Володимеров в Ивановой станице Орефьева не написан: да и в списках в казачьих поместных и беломестных казаков, которые казаки во 127-м и во 128-м году испомещены на белые земли Титко Володимеров в казаках не написан же. И Богдан Борков бил челом, а сказал, что взял де он, Иван Селунский, в Розряде память, не ссыкая в кармовых книгах; а в кармовых де книгах того Титка Володимерова имя есть, как он Тит приезжал к Москве и государев корм имал. И дьяком, думному, Томилу Луговскому, да Марку Поздееву да Михайлу Данилову велеть выписать ис кормовых книг: он, Титко Володимеров, к Москве приезжал ли, и государев корм ему даван ли; и будет даван, и по чему на день давано корму, — да та выпись за дьячьёю приписью прислати в Холопей приказ к Семену к Михайловичу х Колтовскому, да к Ивану х Кузьмичу Бегичеву да к дьякам, к Патрикею Насонову да к Филипу Митрофанову, для вершенья холопья судного дела. Дьяк Филип Митрофанов.

IX. — 1621 г. марта 19. Приговор: отдать по кабале спорного холопа истцу Ивану Селунскому; в жене Тита Владимирова, Лукерье Кондратовой дочери, истцу отказать; по иску о сносе целовать крест.

(л. 14) И марта в 19-й день Семен Михайлович Колтовской, да Иван Кузьмич Бегичев, да дьяки Патрекей Насонов да Филип Митрофанов по сему судному делу, слушав, приговорили того спорного человека, Титка Володимерова, по старой ево кабале отдати ему, Ивану Селунскому, по тому что он, Иван, на суде тое ево Титкому служилую кабалу за приписью еще дьяка Михайла Унковского положил, а писана та кабала на него, на Титка, еще ж во 106-м году в июле в 1-м числе; а Богдану Боркову в том же в человеке, в Титке в Володимерове, в старинном в его в Титкове в холопстве приговорили ему отказать. И вперед ему, Богдану, до того человека, до Титка, в старинном холопстве дела нет, потому что он, Богдан, на суде в ответе сказал, что де он, Титко, ево Богданов человек старинный, а крепости он, Богдан, на него, на Титка, в ответе не сказал. Да и то ему, Богдану, в том человеке, в Титке, вина, что сказал, был де он, от него бегаючи, в казаках, а из казачества опять он, Титко, бил де он челом в службу ему, Богдану, а кабалы он на него после казачества вновь для чего не взял

¹ В подлиннике слово не дописано.

же, — то ему, Богдану, вина же, для чего без крепости ему, холопу, верил. Да и то ему, Богдану, вина: для подлинного холопья сыску в казачестве в Казачей приказ и в Розряд памяти посылаемы, и в Холопей приказ в памятех за диячьими приписями написано, что де его Титкова [имени]¹ в казачьих списках (л. 15) не сыскана. Да что он же, Богдан, бил челом в феврале в 28-м числе, а сказал, что будто те памяти взяты не справчивы, а сказал, что де его Титково имя есть в казачьих в кормовых книгах, и чтоб де ему дали в Розряд память; и по его Богданову челобитью в Розряд память было дана, а ему в том дан срок марта со 2-го числа на неделю марта же по осьмое число, что было ему на тот срок из Розряду принести было за диячьею приписью к делу память; и он, Богдан, из Холопья приказу той своей памяти в Розряд не имал и из Розряду на тот срок и после сроку и по ся места не принашивал, то ему и вина; и то знатно же, что он в казаках и не был; а только бы он, Титко, в казаках был, ино бы об нем тогда же в первых памятех имя бы и написали. А хотя будет он, Титко, и ево Богданов был старинной человек, и он от него отшел от старинного холопства Ивановою кабалою, потому что та кабала писана тому 23-й год. И то Богдану вина же, для он чево столько лет своему старинному холопу без крепости верил и об нем государю на него, Ивана Селунского, не бил челом. А что за ним, за Титком, ево Богданова приданая роба замужем, и он Богдан (л. 16) тое свою рабу, а ево Титкову жену Лукерьицу, сам он, Богдан, у себя ее потерял, потому: для он чево, не укрепя у себя холопа и не розспытав про него, что чейской послужилец, а старинная своя роба, а дати за чюжого прихожего человека; а по государеву указу и по боярскому приговору без крепостей людей у себя держати никому не велено и полугоду, и не укрепя у себя холопа, женити никому не велено ж. А что он, Богдан, того человека, Титка, называет ево словом, что будто он старинной человек ево Богданов, а крепости он, Богдан, на него, на Титка, никакие не сказал, и явок у него нет же, и тому его Богданову слову верить нечему. А в записных в казачьих списках его Титкова имя не сыскано ж, — и потому ему, Богдану, в том человеке, в Титкове в старинном в холопстве, и отказана. А в той Титковой в жене, в Лукерьице в Кондратовой дочери, что он Титко сказал, бегаючи от него, от Ивана Селунского, женился у него, у Богдана у Боркова, и в той жонке приговорили ему, Ивану Селунскому, отказать, потому что в ево исковой в Ивановой челобитной она, Лукерьица, не написана, и ее и не искал. А что ево Титкова жена Марьица Игнатова дочь написана, и та де ево Титкова жена Марьица умерла, а ныне будет человеку ево, Титку, та жена, Лукерьица, надобна, и он себе о том бей челом государю святейшему Филарету патриарху московскому и всеа Руси. (л. 17) А что искал он, Иван Селунский, на нем, на Богдане Боркове того холопья Титково сносу, 9-ти руб. с полтиною, и в том иску приговорили веру, кресное целованью, а опричь веры сыскати нечим. И в том иску допросити изца Ивана и ответчика Богдана, кому у них в том иску крест целовати, а в суде они в кресном целованьи тогда не допрашиваны. И велели недельщику Божену Колгановскому изца Ивана Селунского и ответчика Богдана Боркова и спорного человека Титка Володимерова в Холопье приказе перед собою к сказке поставити и сесь приговор им сказати.

Х. — 1621 марта 20. Приговор истцу и ответчику сказан; холоп отдан Ивану Селунскому.

И марта в 20-й день изцу Ивану Селунскому и ответчику Богдану Боркову и спорному их человеку Титку Володимерову сех приговор им сказан, и тот человек по сему приговору и по кабальному холопству в

¹ Слово «имени» внесено редакцией.

холопи отдан по кабале Ивану Селунскому. И с того человека, с Титка с Володимерова, головных пошлин 3 алт. взято, и в приходную книгу нынешняго 129-го марта в 22-й день записаны. А пошлины платил Иван Селунской. Дьяк Филип Митрофанов.

XI. — 1621 г. апреля 9. Иван Селунский принес подписную челобитную за приписью думного дьяка Ивана Грамотина: отдать ему жену Тита Владимирова, Лукерьицу Кондратьеву, и детей.

(л. 18) И апреля в 9-й день Семену, и Ивану, и дьяком Патрекею и Филипу Иван Селунской принес подписную челобитную за пометоу думного дьяка Ивана Грамотина, и в челобитной и в памяти пишет. —

(л. 19) Великому государю святейшему Филарету, потриарху московскому и всеа Русии, бьет челом холоп ваш, переводчик Ивашко Селунской. В прошлом, государь, во 127-ом году, как был ваш государев боярин, князь Иван Борисович Черкасской, в Ерославле, а сынишко мой Гришка в те поры был на вашей государеве службе в Ерославле ж; и поймался сынишка мой в Ерославле за моево беглова человека, за Титка Володимерова, у Богдана у Боркова. И в нынешнем, государь, во 129-м году был у нас с тем Богданом в том моем кобальном человеке суд; и по суду и по сыску тот мой кобальной человек отдан мне, холопу вашему; а жена, государь, тово моево человека, с которою он от меня збежал к тому к Богдану, и та государь, ево Титкова жена умерла; и женился тот Титко иною женою у тово у Богдана во дворе; и тое, государь, Титкову жену и з детьми приговорили в Холопье приказе бояре и дьяки отдать мне же с Титком, и детей ево, и приговор написан за дьячьими руками; и нынеча, государь, тот Богдан Титковы жены и детей не отдаст, неведомо почему. Великий государь святейший Филарет, потриарх московской и всеа Русии, пожалуй, меня, холопа своего, вели, государь, тому Богдану человека моево Титкову жену отдать и з детьми. Государь, смилуйся.

На обороте помета: Государь пожаловал, велел указ учинити о жонке по судному делу и по приговору тотчас, не волоча, чтоб вперед государю не бил челом.

Помечено в Приказе холопьяго суда: 129-го апреля в 9-й день. Сю челобитную за пометаю думнова дьяка Ивана Грамотина принес Иван Селунской. Взяти к делу.

(л. 20) И Семен, и Иван и дьяки Патрекей и Филип, выслушав сей подписной челобитнай, велели ее приклеити к их же к делу ж.

XII. — 1621 г. апреля 20. Мировая сказка истца и ответчика.

И апреля же в 20-й день Семену ж, и Ивану, и дьяком Патрекею и Филипу, став, оба изца, переводчик Иван Дмитриев сын Селунской да Богдан Семенов сын Борков, били [челом]¹. И Иван Селунской сказал: которово де человека своего, Титка Володимерова, искал на нем, на Богдане Боркове, по кабале, и тот де его кабальной человек, Титка Володимеров, по суду и по кабале и по приговору отдан было в холопи ему, Ивану, и головные пошлины с того человека, с Титка Володимерова, 3 алт., платил; а ныне де он, Иван, в том человеке, в Титке в Володимерове, с ним, з Богданом, меж себя полюбовно помирились, и поступился он, Иван, ево, Титка, в холопстве ему, Богдану Боркову, и кабалу ему ево Титкову, которая кабала ныне в сем деле взята, отдал ее ему же, Богдану, потому что у него, у Богдана, ево Титково жена Лукерьица Кондратова дочь, а ево де Богданова старинная роба; и впредь мне, Ивану, до того человека, до Титка, в холопстве дела нет; а что искал он, Иван, на нем, на Богдане, тово Титкова холопья снесу, 9-ти руб. с полтиною, и в том иску он, Иван, с

¹ Слово «челом» внесено редакцией.

ним, з Богданом, помирился ж, и с того иску государевы пошлыны и пересуд и правой десяток он, Иван, (л. 21) снял на себя. А Богдан сказал, что он в холопе, в Титке в Володимерове, и в Ыску помирился и поступился того человека Титка он, Иван, ему, Богдану; а с-ыску де с своего он, Иван, государевы пошлыны снял на себя; и чтобы де челобитье и мир их велели записати. И Семен, и Иван, и дьяки Патрекей и Филип велели их челобитье и мир их записати; а перевотчика Ивана Селунского в государевых в пошлынах, велели ево, Ивана, дати на поруку, что ему, Ивану, те государевы пошлыны в Холопье приказе в государеву казну заплатитъ.

На об. л. 20: К сей мировой скаске Иван Селунской руку приложил. К сей мировой скаске Иван Борков в Богданово место Боркова руку приложил.

XIII. — 1621 г. мая 5. Челобитье Богдана Боркова: выдать ему из дела его статные поручные записи и кабалу на Тита Владимирова.

(л. 22) И мая в 5-й день Семену ж, и Ивану, и дьяком Патрекею и Филипу бил челом Богдан Борков словом о поручных о своих о статных о записях, что взята было по нем, по Богдане, статная запись первая к суду, а другая запись взята с суда в человеке в Титке в Володимерове, да в жене в ево в Титковой, в Лукерьице, и чтобы де те его 2 поручные записи и тое выданую кабалу Ивана Селунского на того человека, на Титка, велели бы ему, Богдану, от дела их выдати. И Семен, и Иван, и дьяки Патрекей и Филип велели челобитье ево Богданова записати, а подлинные записи и выданую подлинную кабалу велели их отдати ему, Богдану, а в дело з записей и с кабалы велели списати списки слово в слово. И того же дни те записи и кабала ему, Богдану Боркову, отданы, а списки з записей и с кабалы вклеяны в сем же деле выше сего.

XIV. — 1621 г. мая 6. Челобитье Ивана Селунского: взять с него пошлыны вполы.

И мая же в 6-й день Семену ж, и Ивану, и дьяком Потрекею и Филипу бил челом Иван Селунской о государевых о пошлынах, чтоб у него велели взяти для иноземства вполы. И Семен, и Иван, и дьяки челобитье ево велели записати, а в Посольской приказ велели послати для государева указу память для того, как с-иноземцов государевы пошлыны емлют с их с-ысков, все ли или вполы. И такова память послана, и в памяти пишет.

XV. — 1621 г. мая 7. Память в Посольский приказ думному дьяку Ивану Грамотину и дьяку Саве Романчукову: берут ли с иноземцев пошлыны по их искам вполы?

(л. 23) Лета 7129-го мая в 7-й день. По государеву [т.] указу память дьяком, думному, Ивану Грамотину, да Саве Рамончукову. Велеть отписати в Приказ холопья суда к Семену к Михайловичю х Колтовскому, да к Ивану х Кузьмичю Бегичеву, да к дьяком, к Патрекею Насонову да к Филипу Митрофанову: которые иноземцы, толмачи и перевотчики и всякие иноземцы, по приказам на ком они исков своих ищут, или на них, на иноземцах, хто ищет, и с тех с их с-иноземцовых исков государевы пошлыны с рубля по гривне все ли емлют или вполы. И в Холопье приказе искал перевотчик Иван Селунской на сытнике, на Богдане Боркове, человека своего кабального Титка Володимирова да сносу 9-ти руб. с полтиною, и он, Иван, с того своего иску пошлыны и пересуд и правой десяток снял на себя; а с того ево иску, с 9-ти руб. с полтины, государевых пошлын и пересуду и правого десятка довелось взяти 39 алт.; и он, Иван, в государеву

казну в Холопей приказ приносит тех пошлин вполы, 19 алт. 3 д., а другие половины пошлин, девятинатцати ж алтын и 3-х д. для иноземства дати он, Иван, не хочет. И на нем, на Иване, те государевы пошлыны все ли 39 алт. взяти, или в полы 19 алт. 3 д.? Да та выпись за дьячею приписью велеть прислати в Холопей приказ.

XVI. — 1621 г. мая 23. Подписная челобитная Ивана Селунского, за приписью дьяка Василия Ларионова, о сложении с него половины пошлин.

(л. 24) И мая в 23-й день Семену, и Ивану, и дьяком Патрекею и Филипу перевотчик Иван Селунской подал подписную челобитную за приписью дьяка Василия Ларионова, и в челобитной и на подписи пишет. — (л. 25) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, иноземец, греческой перевотчик из Посольского приказу, Ивашко Солунской. В нынешнем, государь, во 129-м году искал я, холоп твой, в Приказе холопья суда на Богдане Боркове кабальново своево человека Титка Володимерова да иску своего 9-ти руб. с полтиною; и с того иску я, холоп твой, твоих государевых пошлин половину заплотил по твоему государеву указу; и нынече, государь, на мне, холопе твоём, с того иску правят на мне, холопе твоём, другой половины; а твой государев указ — велено с нас, холопей твоих, с-ыноземцав, имати твои государевы пошлыны с половины иску. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, для моей бедности по своему царскому указу не вели, государь, на мне с того иску другие половины своих государевых пошлин править. Царь государь, смилуйся.

На обороте: 129-го мая в 17-й день. По государеву [т.] указу Семену Михайловичю Колтовскому, да Ивану Кузьмичю Бегичеву, да дьяком, Патрекею Насонову да Филипу Митрофанову. По государеву указу с иноземцов с судных дел пошлыны для иноземства емлют вполы, с рубля по полугривне. Дяак Василей Ларионов.

Помечено в Приказе холопьяго суда: 129-го мая в 23-й день. Принес Иван Селунской. Взяти к делу.

XVII. — 1621 г. мая 24. Пошлыны с Ивана Селунского взяты вполы и записаны в книгу.

(л. 26) И Семен, и Иван, и дьяки Патрекей и Филип, выслушев сей подписной челобитной, велели ее приклеить к делу. А по государеву указу и по подписной челобитной у него, перевотчика, у Ивана Селунского, с его Иванова иску, з 9-ти руб. с полтины, государевых пошлин и пересуду и правого десятка вполы 19 алт. 3 д. взяты¹ и в приходную книгу нынешняго 129-го году мая в 24-й день записаны.

На обороте надпись: Перевотчика Селунского з Борковым з Богданом.

По составам на обороте скрепа: Дяак Филип Митрофанов; кончаются на лице л. 26. Опись № 25, столбец № 39874. I — л. 1; II — л. 2; III — л. 3; IV — л. 4, 5; V — л. 5, 6; VI — л. 8—10; VII — л. 10—12; VIII—12, 13; IX — л. 14—17; X — л. 17; XI — л. 18—20; XII — л. 20, 21; XIII — л. 22; XII — л. 22; XV — л. 23; XVI — л. 24, 25; XVII — л. 26; Лл. 1—15 ветхие. Начало утрачено.

№ 5. — 1621 г. августа 28 — декабря... Судное дело перед Семеном Михайловичем Колтовским, Иваном Кузьмичем Бегичевым и дьяками Патрикеем Насоновым и Филиппом Митрофановым о беглой девке Фекле Федоровой дочери Берестовой и сносе ее; истец — человек боярина князя Ивана Васильевича Голицына Буян Васильев сын Панов, ответчик — суздалец неслужилый сын боярский Василий Иванов сын Кишкин.

¹ «Взятые» — помечено дьяком.

1. — 1621 г. августа 28. Челобитная Буяна Панова: дать грамоту в Шую к воеводе — поставить к Москве беглую девку Феклу Федорову и Василия Кишкина, который выдал ее замуж за своего человека.

(л. 1) Лета 7129-го августа в 28-й день бил челом государю [т.] боярина князь Ивана Васильевича Голицына человек Буян Панов, а в Приказе холопья суда Семену Михайловичу Колтовскому да Ивану Кузьмичю Бегичеву с товарищи подал челобитную о грамоте в Сузда[ль] по сына боярского, по Василия Кишкина, а в челобитной ево пишет. — (л. 2) Царю государю [т.] бьет челом боярина князя Ивана Васильевича Голицына человек Буянко Васильев сын Панов. Жалоба, государь, мне на суздольца, на [не]служивого сына боярского, на Василья Иванова сына Кишкина. В прошлом, государь, во 119-м году в великие говейна на пятой неделе в четверг збежала, государь, от меня с Москвы приданая моя девка Феколка Федорова дочь Берестова. А сносу, государь, та девка у меня снесла 20 руб. денег да шапку участковую золотную женскую, цена шапке 5 руб., да чепочку женскую серебряную, на ней 5 крестов серебряных золочены, да крест золот, цена чепочке и крестом 4 руб., да 3 перстни серебряных золочены, да перстень золот с хонтиком, цена перстням полчетверта рубли, да телогрею женскую белею под дорогами под желтыми, нашивка — пуговики серебряные золочены, цена 10 руб., да ожерелья жемчужная женское с пуговицами, цена 10 руб.; и всего, государь, сносу снесла та моя девка на 50 на 2 руб. с полтиною. И ныне, государь, та моя девка Феколка живет у того Василия Кишкина; и тот, государь, Василей ту мою беглую девку выдал замуж за своего человека, за Фетьку Игнатьева сына. Милостивый государь [т.], пожалуй меня, вели, государь, мне дать свою государеву грамоту в Шую к своему государеву воеводе, к Петру Ивановичю Ярцову, и вели, государь, того Василья Кишкина и ту мою беглую девку, что ныне тот Василей тое девку Феколку выдал замуж, и с мужем поставить здесь на Москве. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 129-го августа в 28-й день. Дать грамота, велеть поставить.

II. — 1621 г. августа 30. Буяну Панову дана грамота в Шую к воеводе: дать Василия Кишкина на поруку — стать на срок в Приказе холопьяго суда и поставить жонку Феклу Федорову с мужем ее Федором Игнатьевым.

(л. 3) И Семен и Иван с товарищи, выслушев челобитную, велели ему, Буяну, дати в Суздаль государеву грамоту. И такова ему грамота дана, а в грамоте пишет. — (л. 4) От царя государя [т.] в Шую воеводе нашему Петру Ивановичю Ярцову. Бил челом боярина нашего князь Иванов человек Васильевича Голицына Буян Панов на суздальца, на неслуживаго сына боярского, на Василья Иванова сына Кишкина, а сказал: в прошлом де во 119-м году в великие говейна на пятой неделе в четверг збежала де от него с Москвы приданая ево Буянова девка, Феколка Федорова дочь Берестова, а живота де ево взяла она, денег и платья и всякой рухляди, на 50 на 2 руб. с полтиною; и ныне де та ево Буянова девка Феколка живет у того Василия Кишкина; и тот де Василей ту ево беглую девку выдал замуж за человека своего, за Фетьку Игнатьева. И будет так, как нам боярина нашего князь Иванов человек Васильевича Голицына Буян Панов бил челом, а тот, будет, Василей Кишкин ныне не на нашей службе и службы, будет, наши допрема не служит, и как к тебе ся наша грамота придет, и ты б ево, Василья Кишкина, в той жонке и в муже ее и в сносе, в пятидесят в дву рублех с полтиною, велел дати на поруку з записью, а за порукою учинил ему срок стати к ответу на Москве в

Холопые приказе и тое жонку и с мужем поставити с собою же вместе на Москве к суду; да о том бы еси о всем подлинно к нам к Москве отписал; а отписку и по них поручные записи велел отдати в Холопые приказе Семену Михайловичю Колтовскому, да Ивану Кузьмичю Бегичеву, да дьяком нашим, Патрекею Насонову да Филипу Митрофанову. Писан на Москве лета 7129-го августа в 30-й день.

III. — 1621 г. ноября 3. Из Суздаля от воеводы Петра Ярцева по-дана отписка, сопровождающая поручную запись по Василии Кишкине.

(л. 5) И 130-го ноября в 3-й день в Холопые приказе Семену ж и Ивану с товарищи ис Суздаля о Буянове деле Панова подал отписку Иванов человек Борыкова Ивашка Ларин, а в отписке пишет. — (л. 6) Государю [т.] холоп твой, Петрушка Ярцов челом бьет. В нынешнем, государь, во 130-м году сентября в 30-й день прислана ко мне, холопу твоему, твоя государева [т.] грамота с Холопья приказу за приписью твоего государева дьяка Патрекея Насонова. А велено, государь, мне холопу твоему, по твоей государеве грамоте велети дати на поруку з записью суздальца неслуживого сына боярсково Василья Иванова сына Кишкина по челобитью боярина князь Иванова человека Васильевича Голицына Буяна Панова в беглой ево в приданой девке Феколке; а ныне та Феколка замужем за ево за Васильевым человеком Кишкина, за Федькою Игнатьевым; да в сносе в пятидесят в дву рублех с полтиною. И я, холоп твой, по твоей государеве грамоте Василья Кишкина на поруку з записью дати велел и запись по нем, порушную запись, в той Феколке и в муже ее Федьке и в сносе в пятидесят в дву рублех с полтиною взял. И тое, государь, порушную запись, подклея под сю отписку, послал к тебе, ко государю, к Москве в Холопей приказ октября в 16-й день. — И Семен и Иван с товарищи, выслушев отписку, велели приклеити к делу ж.

На обороте: Государю [т.] 130-го ноября в 2-й день привез Иванов человек Борыкова Ивашка Ларин в Холопей приказ.

IV. — Того же дня. Челобитная Буяна Панова: Василий Кишкин, ссылаясь на болезнь, прислал в Москву своего дворового человека Ивана Тиринова, — велеть ему стать в приказе самому.

И тово же числа Семену ж и Ивану с товарищи подал челобитную Буян Панов, а в челобитной пишет. — (л. 7) Царю государю [т.] бьет челом боярина князя Ивана Васильевича Голицына человек Буянко Панов. Имал, государь, я твою государеву грамоту з Шую к твоему государеву воеводе, к Петру Ивановичю Ярцову, по суздальца не по служивого сына боярскова, по Василья Иванова сына Кишкина, в беглой своей приданой девке, в Феколке Федорове дочери Берестова, что ту мою беглую девку тот Василей выдал замуж за своего человека, за Фетьку Игнатьева, да в сносе в пятидесят в дву¹ рублех с полтиною. А велено, государь, того Василья дать на поруку з записью и учинити ему срок стати к ответу на Москве и та моя беглая девка, что ныне ее выдал замуж, и с мужем поставить на Москве. И от твоего государева воеводы и [з] Шуи по той по твоей государеве грамоте к Москве отписка не бывала. А Василей, государь, Кишкин, умысля воровством и хотя теми моими людьми и сносом завладеть, сам к Москве не поехал, прислал в свое место к ответу государева дворового человека Ивана Тиринова; и тот, государь, Иван по Васильеву наученью подал статную челобитную, а в челобитной написал, бутгоса тот Василей болен. Милостивый государь [т.], вели, государь, тому

¹ «Дву» переправлено из «трех».

Василью стать к ответу самому и вели, государь, ту мою жонку и с мужем поставить здесь на Москве. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 130-го ноября в 2-й день. Сискати дело, отпуск, черную грамоту и запись.

V. — 1621 г. ноября 6. *Челобитная Буяна Панова: учинить ему указ в подписных и печатных пошлинах, в проести и волоките по посылке в Шую к воеводе дворового человека и из Шуи рассыльщика.*

И ноября же в 6-й день Семену ж и Ивану с товарищи подал челобитную Буян Панов, а в челобитной пишет. — (л. 8) Царю государю [т.] бьет челом боярина князя Ивана Васильевича Голицына человек Буянко Панов. Жалоба, государь, мне на суздольца на неслуживого сына боярскова, на Василья Иванова сына Кишкина. Имал, государь, я по того Василья твою государеву грамоту в Шую к твоему государеву воеводе, к Петру Ивановичю Ярцову, в беглой своей приданой девке, в Феколке Федорове дочери Берестова, что тот Василей ту мою девку выдал замуж за своего человека, за Фетьку Игнатьева, да в сносе в пятидесят в дву рублех с полтиною. И твой государев воевода Петр Ярцов по твоей государеве грамоте тово Василья дал на поруку з записью и учинил ему срок: стати на Москве на срок на Дмитриев день Селунского к ответу самому и та было ему беглая жонка Феолка и с мужем поставить на Москве на тот же срок. И тот, государь, Василей, дав по себе поручную запись, сам к Москве не поехал и тое моей беглые жонки и с мужем к ответу на срок не поставил а сам скозался болен; а прислал в свое место к ответу зятя своего¹ Ивана Тиринова. А яз, государь, с твоею государевою грамотою в Шую послал человека своего по того Василья; а из Шуи посылал рассыльщика, давал езд; и стало, государь, мне твоих государевых подписных и печатных пошлин и проести и волокиты 2 руб. 8 алт. 2 д. Милостивый государь [т.], вели, государь, мне в тех подписных и печатных пошлинах и в проести и в волоките своей царской указ учинити. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 130-го ноября в 6-й день. Взяти к делу. А о убытках указ будет тогда, как людей поставят.

(л. 9) И Семен, и Иван, и дьяки Патрекей и Филипп, выслушев челобитную, велели приклеить к делу ж.

VI — 1621 г. ноября 29. *Челобитье словом Василия Кишкина: велеть, Буяну Панову искать девку Феклу на нем, Василье, а не на его сыне Захарье, у которого есть приданая девка Фекла.*

И ноября же в 29-й день в Приказе холопья суда Семену ж и Ивану и дьяком Патрекею и Филипу бил челом словом Василей Кишкин, а сказал: имал де по него, по Василья, государеву грамоту боярина князя Ивана Васильевича Голицына слуга, Буян Васильев, в девке в Феолке; а он де, Василей, в те поры был болен, ехоти было к Москве в те поры к ответу не мочно, и он де, Василей, в свое место к ответу к Москве прислал в том деле зятя своего Ивана Тиринова;² и он де, Иван, на Москве на тот срок стал и челобитье свое в мое место в Холопье приказе записал; и он де, Василей, ныне в том же деле на Москве стал; а у него де, у Василья, тое ево Буяновы девки Феолки нет, а есть де тем именем была девка, Феклицаю зовут, а ныне де она жонка, у сына ево у Васильева, у Захарья, приданое, а дал де ему тое девку сыну ево в приданые Иваном зовут Козимеров; и сын де мой Захарей живет у меня в отделе двором и помещьем, а не вместе; и чтобы де ему, Буяну, на нем, на Василье, велели искати; и он де, Василей, ему, Буяну, в том деле отвечает. И Семен, и Иван, и дьяки челобитье ево велели записать.

¹ Выше, IV, Иван Тиринов назван дворовым человеком Василия Кишкина.

² Так в подлиннике; выше: Тиринов.

VII. — 1621 г. ноября 30. Василий Кишкин поставил в приказе женку Феклу Федорову дочь; ее показания.

(л. 10) И 130-го же году ноября в 30-й день в Приказе холопья суда перед Семеном Михайловичем Колтовским, да перед Иваном Кузьмичем Бегичевым, да перед дьяки, перед Патрекеем Насоновым да перед Филипом Митрофановым поставил жонку Василей Кишкин, а сказал: имал де по нево, по Василья, государеву грамоту в той жонке боярина князя Ивана Васильевича Голицына слуга Буян Васильев, и он де тое жонку к суду поставил, и чтоб де ее жонку велели розпросити. И Семен, и Иван, и дьяки ставку его велели записать, а тое жонку велели к розпросу поставить. И приводная жонка в разпросе сказала: завут ее Феклицю Федорова дочь, а мать у нее звали Матреною; служит де она, Феколка, у Захарья Васильева сына Кишкина лет с 5 по приданому холопству; а дал де ее ему, Захарью, в приданые за дочерью своею Иван Андреев сын Казимеров девкою, а выдол де ее замуж Захарей Кишкин за человека своего, за Федьку, тому 4 годы; а у Ивана де Казимерова служила с Московского разоренья; а взял де ее он, Иван, на Москве после пожару, а она де на Москве после пожару помирала голодом, и служила де она у него по та места, как он, Иван, дочь свою выдал замуж за него, Захарья, добровольна, крепости у него на нее никокие не было; а до Московского разоренья она, жонка, ни у кого не служивала, мать де ее и она жили на воле, кормились по миру, платья мыли и работали; а отец де ее какой человек был, и она де отца своего не помнит; а у Буяна де Панова и у жены ево в холопстве не знала¹ и у них не служивала. И Семен, и Иван, и дьяки речи ее велели записать, а ее, жонку, велели недельщику Онтону Лешеву.² На ней платья: шубенка да сорофаненка синь, шапка комчатая двооличная; серьги серебряные, камень червец, (л. 11) крест серебряной; денег у себя не сказала; на роб[е]нке кошюлченка заечья худа.

VIII. — 1621 г. декабря 1. Василий Кишкин положил даную от 1616 — 1617 г. своего сына Захарья на девку Феклу Федорову дочь; показания Ивана Будихина сына Казимерова, который дал девку Феклу в приданое за своей дочерью.

И декабря в 1-й день в Приказе холопья суда перед Семеном, и перед Иваном, и перед дьяки, перед Патрекеем и перед Филипом, положил Василей Кишкин на девку, на Феклицу, даную сына своего Захарья и бил челом словом, чтобы де велели против тое даной розпросити Ивана Казимерова, которой тое девку Феклицу сыну ево Захарью дал в приданые за дочерью своею. И Семен, и Иван, и дьяки челобитье ево велели записать, а т[ое] даную велели приклеити к делу ж, а Ивана Казимерова велели недельщику Онтону Лешеву, сыскав, в Холопье приказе поставити. И тово же часу, став в Холопье приказе, Семену ж и Ивану и дьяком Потрекею и Филипу сказал в разпросе Иван Будихин сын Казимеров: за которую де жонку, за Феклицу, имаецца ныне боярина князя Ивана Васильевича Голицына человек Буян Васильев, и та де жонка была ево Иванова; а взял де он ее в Московское разоренья под Москвою девкою, вышла от литовских людей из Москвы и служила де она у него лет с 5 без крепости...³ (л. 12) выдал замуж дочь свою Федору за Захарья Кишкина; и он де тое Феклицу за дочерью своею ему, Захарью, дал в приданые девкою в прошлом в 125-м году и даную ему на нее ему, Захарью, дал; а как де он тое девку под Москвою к себе взял, и она ему сказывалась вольною, бродящию, а не служивала де в холопстве ни у кого; а про

¹ Так в подлиннике.

² Предложение обрывается в подлиннике.

³ Нижний край листа осыпался, 2—3 слов нехватает.

отца де сказала, что она отца своего, какой был человек, про то не помнит; а про мать де она, девка, сказала, что ни у ково не служивала, бродящая ж, и как де учинилось Московское разоренья, и мать де ее, девку, покинула под Москвою, и она де бродила в русских таборех; и он де, Иван, тое девку к себе и взял, потаму что сказалось вольная. И Семен, и Иван, и дьяки Потрекей и Филип речи ево велели записати ж, а тое даную велели приклеити к делу, а ево, Ивана, велели да указу дати на поруки з записью, а поручную запись велели принести к делу ж. А в даной пишет. — (л. 13) Се яз, Иван Будихин сын Казимеров, выдал есми замуж дочь свою Федору за Захарья Васильева сына Кишкина; а дал есми за дочерью своею зятю своему и дочери своей в приданные людей своих, девку Феклицу Федорову дочь; и на ту есми девку зятю своему Захарью и дочери своей Федоре и даную дал за отца своего духовного рукою. А на то послуси: Торуса Будихин сын Казимеров да Сергей Афонасьев сын Казимеров. А даную писал села Котцына церковный диячек Федька Иванов сын лета 7125-го году. — И Семен, и Иван, и дьяки Потрекей и Филип, выслушев даную, велели приклеити к делу, а ему, Василью, велели дати список да тех мест, покаместо дело вершитца. И ему, Василью, список с даной дан.

На обороте: К сей даной возкресенской поп Иван в сына своего духовнаго вы Иваново место Казимерова по его велению руку приложил. Послух Торуса руку приложил. Послух Сергей руку приложил.

IX. — 1621 г. декабря 2. Челобитная Ивана Казимерова: отпустить его в Суздаль к разбору.

(л. 14) И декабря в 2-й день Семену ж, и Ивану, и дьяком Патрекею и Филипу подал челобитную Иван Казимеров, а в челобитной пишет. — (л. 15). Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, суздалец Ивашка Каземеров. Велено, государь, нам, холопом твоим суздальцом, быть в Суздале вскоре, не мешкая, у розбору у князя Ивана Федоровича Хованского; а здесь, государь, на Москве велели меня дать на поруку из Холопья приказу, а исца, государь, себе не ведаю никого. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, меня отпустить в Суздаль для розбору, чтобы я, холоп твой, от тебя, государя, в опале не был для розбору. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 130-го декабря в 2-й день. Подклеити к делу.

(л. 16) И Семен, и Иван, и дьяки Патрекей и Филип, выслушев челобитную, велели приклеити к делу.

X. — 1621 г. декабря... Челобитная Буяна Панова: дать суд в его беглой приданой девке Фекле Федоровой дочери, поставленной в приказе Василием Кишкиным; допрос Феклы.

И декабря в... день перед Семеном же, и перед Иваном, и перед дьяки, перед Патрекеем и перед Филипом, искал Буян Панов на жонке, на Феколке, холопства по челобитной и подал челобитную, а в челобитной пишет. — (л. 17) Царю государю [т.] бьет челом боярина князь Ивана Васильевича Голицына человек Буяно Панов. Жалоба, государь, мне на беглую на приданую свою девку, на Феколку на Федорову дочь Берестова. В прошлом, государь, во 119-м году в великое говенье на пятой неделе в четверг збежала, государь, от меня с Москвы та моя приданая девка Феколка; а ныне, государь, та моя беглая девка Феколка, бегаячи от меня, живет у суздальца, у неслуживого сына боярскова, у Василия Иванова сына Кишкина; и тот, государь, Василей Кишкин ту мою беглую девку Феколику выдал замуж за своего человека за Федьку Игнатьева сына; и ныне, государь, тот Василей ту мою беглую девку, что ныне жонка, по твоей государеве грамоте поставил на Москве. Милостивый государь [т.], вели, государь,

мне на ту мою беглую девку, на приданую, на Феколку, что ныне жонка, в холопстве дати свой царской суд. Царь государь, смилуйся, пожалуй. — (л. 18) И ответчица Феколка, выслушев Буяна Панова исковую челобитную, в ответе сказала: у Буяна де она Панова не служивала и от него не бегивала; а дал де ее замуж Васильев сын Кишкина Захарей Кишкин за человека своего; а живет де она у него, Захарья, 5 лет; а наперед де ево, Василья, служила она, Феколка, у Ивана Казимерова; а Иван де Казимеров ее взял маленьку на Москве за городом после Московского разаренья, а бродила де она, Феколка, меж двор, и дал де ее Иван за дочью своею в приданные Захарью Кишкину. И Семен, и Иван, и дияки Патрекей и Филип спросили ответчицы, жонки Феколки: Как тебя в даную он, Иван, Захарью написал, какою крепосною? — И жонка Феколка сказала: она де тово не ведает, какою крепосною ее в даную написал. И истец Буян Панов бил челом, а сказал, чтоб ее Феколку, допросили: как у ней мать звали, и чья дочь. И ответчица Феколка сказала: мать де у ней звали Матренкою, а чья дочь, тово не упомнит; а где она родилась, и она де тово не ведает. И истец Буян бил челом, а сказал: сказывает де она, что матери своей не помнит, а от нево де она збежала двунатцати лет, а мать де осталось у него, Буяна. И в том истец и ответчица имались за кресное целованья; ответчица взяла себе на душу. И Буян подал 31-у ссыльных памятей, а в памятиех пишет...

По ставам на обороте, за исключением лл. 9 — 10, 10 — 11, скрепа: Дьяк Филип Митрофанов. По ставам лл. 9 — 10, 10 — 11 и на лице л. 11: Дьяк Патрекей Насонов.

Опись № 25, столбец № 39910. I — лл. 1, 2; II — лл. 3, 4; III — лл. 5, 6; IV — лл. 6, 7; V — лл. 7, 8; VI — лл. 8 — 9; VII — лл. 10, 11; VIII — лл. 11 — 13; IX — лл. 14 — 16; X — лл. 16 — 18. Конец утрачен.

№ 6. — 1622 г. января — марта. Судное дело перед Семеном Михайловичем Колтовским, Иваном Кузьмичем Бегичевым и дьяками Патрикеем Насоновым и Филиппом Митрофановым о беглых кабальных девках Марье и Варваре Яковлевых дочерях и Аксинье Юрьевой дочери; истец — подъячий Приказа Большого дворца Иван Дедков, ответчик князь Тимофей Васильевич Долгорукий — за себя и за своего брата Федора.

I. — 1622 г. января. Челобитная Ивана Дедкова: дать суд в холопстве его беглых кабальных девок Марьи и Варвары, оставленных в приказе князем Тимофеем Долгоруким.

(л. 1) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой Приказа Большого дворца подъячей Иванко Дедков. В нынеш[нем во] 130-м году в Приказе холопья суда перед Се[меном Михай]ловичем Колтовским, да перед Иван[ом Кузьмичем] Бегичевым, да перед диаки, перед Патре[кеем] Насоновым да перед Филиппом Митрофа[новым]... холоп твой, на твоём государеве стольнике, на князе Ти[мофее] княж Васильеве сыне [да на бр]ате ево, на к[нязе] Федоре, Долгоруких своих беглых [каба]льных девок Оксиньицы Юрьевы дочери да Марьицы да Варв[ар]ки Яковлевых дочерей да [сносу], что оне снесли, 44 руб. 25 алт. И на суде, государь, князь Тимофей и за брата своего, за князя Федора, отвечал, а в ответе тех моих беглых кабальных девок сказал у себя, две девки, Марьицу да Варварку, а третьей моей кабальной беглой девки Ок[синь]ицы Юрьевы дочери у себя не сказали; и те две девки ныне тот князь Тимофей в Приказе холопья суда поставил. Милостивый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели мне на тех моих беглых кабальных девок в холопстве дати свой царской суд и управу. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте неразборчивые следы пометы: ...в одном холопстве 130-го генваря...

II. — Того же дня. Показания девок Марьи и Варвары по челобитью Ивана Дедкова и по его устным вопросам.

(л. 2) И против сей челобитной ответчицы... Манька да Варька Як[овлев]ы до[чери] отвечали, а в ответе сказали: слу[жили] де они у Ивана Деткова и от-Ывана [Дет]кова збежали; а служили де они у Ивана Деткова, сшод от князя Тимофея Долгорукова, а князь Тимофеевы де о[ни] бывали крестьянские дочери Дмитровского уезда села Юрьевского; а отец де их умер за князь Тимофеем во крестьянх; и как де отца их не ст[ало], и они де и пришли с матерю сво[ею] с Матренкою к Москве ко князю Тимофею на двор; и Иван де Детков; [их от] князя Тимофея збаел; а сошли де они от князя Тимофея в те поры, как государь ходил молитца пеш к троице в Сергиев монастырь. И истец бил челом словом, а сказал: сказывают де они, что я их от князя Тимофея збаел, а князь Тимофей де от него, от-Ывана, жил всего в третьем дворе, и те де девки от н[его от И]вана ко князю Тимофею на двор к ма[тери] свои ходили, а мать де их к тем девкам к нему на двор [ходи]ла ж; и князь Тимофей де то ведал, что они к нему на двор ходили, а князь Тимофеева де челобитья о тех девках (л. 3) в Холопье приказе в тех годах не бывало. И ответчицы сказали: мать де их к Ивану на двор ходила, и они к матери своей ко князю Тимофею на двор ходили ж, а ходили де они без князь Тимофея; а князь Тимофей де то ведал ли или нет, что они ходили, того, сказали, не ведают. И истец бил челом: велите де тех девок спросити, князь Тимофеевы люди и жонки и девки видали ль их на князь Тимофееве дворе, как они от него, от-Ывана, ходили ко князю Тимофею на двор, или нет. И ответчицы сказали, что их на князь Тимофееве дворе князь Тимофеевы люди и жонки видали; а того де они не ведают, что они князю Тимофею про них сказывали ль или нет, и князь Тимофей про то ведал ли или нет. И истец слался словесно на Богдана Воейкова, да на сына ево Олександра, да на дьяка на Ивана Мизинова, да на подьячих, на Пято[го] Иванова да на Исака Лезонтьева, в том, что де они то ведали, как те девки от него, от-Ывана, ходили (л. 4) ко князю Тимофею на двор; а князь Тимофей то ведал, что они к нему ходили. Ответчицы на тех людей не слались, сказали: ево Ивановы хлебояжцы. И истец бил челом, а сказал: сказывают де они, что от князь Тимофея збежали в те поры, как государь был в троецком паходе, и государь де ходил к троице во 128-м году, а кабалы де те девки довали ему на себя в том же году, а у кобальной записки сказывались — служат у него, Манька третей год, а Варька полгода, а до него де бывали бродящие. И ответчицы сказали: сказывались де они тогда так у кобальной записки, велел де им сказыватца Иван Детков, и они де то и говорили. И истец бил челом: велите де спросить: мать тех девок, как они ему на себя кобалы довали, у записки в Холопье приказе стояла ль? — И ответчицы сказали: мать их в Холопье приказе у записки стояла пьяна, запоил де ее Иван Детков. И истец бил челом, а сказал: мать де тех девок (л. 5) довала своею волею, а то де они сказывают, что мать их стояла пьяна, и до кобал у него не служивали, по князь Тимофееву научению. И слался истец на их кобалы, а кобалы де их в прежнем суде. Да истец же бил челом: сказывают де они, что будось я мать их запоил и велел у кобальной записки сказыватца бродяшка[ми], и они де в тех годах после кобал князю Тимофею сказывали, что они мне на себя кабалы дали; и князь Тимофей в те годы о том, за что в Холопье приказе не бивал челом, и мать их о том не бивала же челом, — коли б де она их довала пьяна, и ей бы де [мощно] в 3 годы побить челом. И ответчицы сказали: мы де князь Тимофею не сказывали и в Холопье приказе о том не бивали челом; а мать де их про то князю Тимофею сказывала или нет, и в Холопье приказе князь Тимофей и мать их били ль челом или [нет, того не ведают. И истец бил челом, чтоб де их спросили, о кою пору они от него збежали,

и х кому они бежали. И ответчицы сказали: збежали де они от него, от-Ывана, в спасов день (л. 6) в прошлом во 129-м году, и свезли де их князь Тимофеевы крестьяне на Резань, в Переславль Резанской, и жили де они в Переславле в городе, а в селе де они ни в котором не бывали. И истец бил челом: как де тех девок князь Тимофей в Холопье приказе поставил, и они де в те поры сказывались, что збежали в Дмитровской уезд в село Юрьевское, а я де бил челом государю о пристае и имал пристава в то в село Юрьевское; и князь Тимофей де в селе Юрьевском тех девок ухоронил и про них не сказал; а как де я ко князю Тимофею в тех девках приставил и князь Тимофей де на суде сам сказал, что те девки у него, [а] девки сказали, что пришли к нему, ко князю Тимофею, в прошлом во 129-году о спасове дни, и князь Тимофеева де челобитья о том в Холопье приказе не бывало же, как те девки к нему пришли; а ныне де они сказывают, что бежали на Резань, а не в село Юрьевское. И ответчица Манька сказала: я де в те поры, как привели преж сего в Холопей приказ, того не сказывала, что бежала в села, в село Юрьевское, да про то де ее и не спрашивали. А Варька сказала: я де то сказывала, что бежала в село Юрьевское, а того де я и не разумею, в село Юрьевское ль или нет, а на приводную де записку обе мы шлемся (л. 7). И истец бил челом: сказывают де они, что мать их в Холопье приказе стояла пьяна, как па них кобалы довала, — велите де мать их поставить в Холопье приказе, для де чевю она в 3 годы в Холопье приказе о том не бивала челом, что у кобальной записки стояла пьяна. И Семен и Иван и дьяки челобитье ево велели записати, а тех девок до указу велели подержати тем жа приставом: Маньку — Игнатию Кургановскому, а Варьку — Ждану Пересветову.

III. — 1622 г. февраля 3. Челобитье Ивана Дедкова: поставить на суде мать девок Марьи и Варвары; князю Тимофею Долгорукому дан срок, 8 февраля, поставить ее.

И февраля в 3-й день Семену ж, и Ивану, и дьяком бил челом словом подьячий Иван Детков, а сказал: искал де он на девках, на Маньке да на Варьке Яковлевых дочерей, холопства, а те де девки на суде сказали, что мать их у кобальной записки, как они на себя ему, Ивану, кабалы давала, стояла пьяна, и чтоб де ныне велели, для подлинной сыску велели мать их поставить в Холопье приказе. И Семен, и Иван, и дьяки челобитье ево велели записати, а князь Тимофею Долгорукому велели мать тех девок поставить в Холопье приказе. (л. 8) И князь Тимофей бил челом, что у него матери тех девок на Москве ныне нет, живет де она в Дмитровском уезде в селе Юрьевском, и чтоб де ему велели в тех девках дати сроку. И Семен, и Иван, и дьяки челобитье ево велели записати, а ему, князь Тимофею, в той жонке дали сроку: поставити ему тоех девок мать на срок февраля в 8-й день; а не поставит он, князь Тимофей, на тот срок тоех девок матери, и он, князь Тимофей, тех девок лишен.

IV. — 1622 г. февраля 5. Жалоба князя Тимофея Долгорукого на «позорные слова» девке Варваре недельщика Ждана Пересветова; показания девки; Ждан Пересветов бит батогами, а девка отдана другому недельщику.

Февраля же в 5-й день Семену ж, и Ивану, и дьяком бил челом словом князь Тимофей Долгорукой, а сказал: сидит де Холопья приказу у недельщика, у Ждана Пересветова, девка Варька, а та де у него девка в споре с подьячим с-Ываном Детковым, и тот де Ждан той девке говорит позорные слова, и чтоб де тое девку у того пристава велели взяти и отдати иному приставу.

На обороте: Князь Федор Долгорукой в брата сваево места князя Тимифеево Далгарукова и в свое руку приложил.

И Семен, и Иван, и дьяки челобитье его велели записать, а недельщику Ждану Пересветову велели тое девку в Холопье приказе поставить. (л. 9). И того же дни пристав Ждан Пересветов тое девку Варьку в Холопье приказе поставил. И по вопросу Семена с товарищи девка Варька сказала: говорил де ей пристав Ждан Пересветов наодине, что де над тобою князь Тимофей дельвал ли позорную статью. И Семен, и Иван, и дьяки речи ее велели записать ж, а недельщика Ждана Пересветова за то ево слово велели бити батоги нещадно. И пристав Ждан Пересветов батоги бит, и та девка Варька у него взята и отдана иному приставу Ивану Текутьеву; и на ней то же платьишка, что записана в приводной записке. А пожелезных денег приставу Ждану Пересветову с тое девки на те дни, сколько у него сидела, имати, за тое ево Жданову вину имати не велели.

V. — 1622 г. февраля 7. Допрос матери девок, Матрены Герасимовой дочери Яковлевской жены Фофанова; показания князя Тимофея Долгорукого.

(л. 10) И февраля же в 7-й день в Приказе холопья суда перед Семеном ж, и перед Иваном, и перед дьяки князь Тимофей Долгорукой поставил жонку, а сказал князь Тимофей: поставил де он тое жонку по челобитью подьячева Ивана Деткова в дочерех ее к роспросу. И по вопросу Семена с товарищи жонка сказала: зовут де ее Матре[нка], Герасимова дочь Яковлевская жена Фофанова, старинная деи она крестьянка князь Тимофея Долгорукова, да и ныне де она живет за князь Тимофеем во крестьянстве. И Семен и Иван и дьяки спросили: «Дочери у тебя есть ли, и где те дочери?» — И жонка сказала: дочери де ее ныне сидят за приставом по челобитью Ивана Деткова; а Ивану де Деткову она в холопство дочерей своих Маньку да Варьку давала и у кобальной записки в Холопье приказе, как на них кабалы довала стояла; а довала де дочерей своих от бедно (л. 11) сти, не хотя за князь Тимофеем жить во крестьянстве; а в те де поры она, как на дочерей своих кабалы довала, жила на Москве на князь Тимофееве дворе Долгорукова; а довала де она на дочерей своих кабалы в том году, как государь ходил малитца к троице в Сергиев монастырь пеш. И спросили жонки: «Как ты на дочерей своих кабалы Ивану Деткову довала, была ль в те поры пьяна, и после кобал дочери твои ко князю Тимофею к тебе на двор ходили ль или нет?» — И жонка сказала, что де она в те поры у кобальной записки стояла пьяна, подпоил де ее Иван Детков, хотя б де я в те поры Ивану и на себя кабалу дала, что в те поры была пьяна; а после де кобал дочери ее ко князю Тимофею на двор ходили, а ходили де они без князь Тимофея. И спросили жонки: «Сказываешь (л. 12) ты, что на дочерей своих кабалы довала пьяна, и проспався, в Холопье приказе о том бивала ль челом, что довала на дочерей своих кабалы пьяна?» — И жонка сказала: мое де бабья дело, в Холопье приказе о том не бивала челом, а била де она челом о том князь Тимофею, тому де ныне 2 года, и он де ей в те поры ничего не сказал, а ныне де он за них бьет челом и стаит по крестьянству. И туто же бил челом словом Иван Детков, чтоб де тое жонки спросили: как она на дочерей своих кабалы довала, сказывал[а] де она, что дочери ее до кобал у него у Ивана служили? И жонка сказала: сказывала де она тогды у кобальной записки, что Манька служит третей год, а Варька полгода. Да Иван же бил челом: сказывал де князь Тимофей в первом суде, что те девки збежали от него ис холопства, а ныне де вступает за них по крестьянству. И князь Тимофей сказал: я де в первом (л. 13) суде про холопства тех девок не сказывал, а коли б де я на суде сказывал про их холопства, и я б де на них в суде и крепости положил, а быю челом за них по крестьянству. И спросили жонки: «Ты князю Тимофею з дочерьми своими ис

крестьянства в холопство бивала ли челом?» — И жонка сказала, что она князь Тимофею ис крестьянства в холопство з дочерьми своими не бивала челом, а живет де она у князя Тимофея во крестьянстве без отходу.

VI. — Того же дня. Князь Тимофей Долгорукий подал раздельную память от 1613-1614 г. с именем отца девок, крестьянина Якова Фофанова, доставшегося по раздельной князьям Тимофею и Федору Долгоруким.

Да туто же князь Тимофей подал на мужа тое жонки раздельную память, а в памяти пишет. — (л. 14) Се яз, князь Иван Васильевич Козловской, что писали мне в данной приданово князь Тимофей да князь Федор князь Васильевы дети Григорьевича Долгоруково за сестрою своею, за княжною Варварою, приданные матери своею родственную в Дмитревском уезде половину вотчины села Володкова с лугами, и с лесами, и з селищи, и з займищи, и с пустоши, и со всеми угодья, что хто в их половине крестьян. А яз, князь Иван Васильевич Козловской, с шюрями своими, с князь Тимофеем [да] князь Федором князь Васильевыми детьми Григорьевича Долгоруко[го] в той вотчине приданой зделались полюбовно; и что в той вотчине крестьян есть, и мы их поделили пополам. А досталось шюрям моим, князю Тимофею да князю Федору князь Васильевым детям Григорьевича Долгоруково, в их половине в селе в Володково по именом крестьян: Тимошка да Осипко Семеновы дети, да Сидорко Фролов, да Сидарко да Куземка Макарьевы, да Ивашко Микитин, да Яшку¹ Фофанов, да Фатейко Ильин. И им, шюрям моим, князь Тимофею да князь Федору князь Васильевым детям Григорьевича Долгоруково, в той своей половине вотчины теми крестьяны владеть, а мне, князю Ивану Васильевичу Козловскому, в той половине шюрей своих крестьяны их не владеть, и дела до них нет. А пашня, и луги, и леса, и усадища, и займища, и пустоши, и всякие угодья делити мне, князь Ивану, з шюрями своими, с князь Тимофеем да с князь Федором, на весне 100 двадесать второго году. А буде яз, князь Иван князь Васильев сын Козловской, учну у шюрей своих, у князь Тимофея да у князь Федора у князь Васильевых детей Григорьевича Долгоруково, в их половине вотчине вступатца во крестьяны или ими владеть, и на мне, на князь Иване, взяти шюрям моим, князю Тимофею [да] князю Федору по сей записи полтораста рублев. А у р[азде]лу были у нас князь Федор Ондреевич Козловской да князь Иван Иванович Козловской да князь Иван Григорьевич Долгорукой. А се есмь записи писали по противнем, дьяк и послуи одне. А на то послуи: Семен Иванов сын Шяпилов да Никита Савельев сын Зимневской да Григорей Тимофеев сын Урпенев. А запись писал Федька Тимофеев сын Олександров лета 7100 двадесать втараго году.

На обороте: К сей записи яз, князь Иван, руку приложил. Князь Иван Долгоруко[й] руку приложил. Послух Семейка руку приложил. Послух Никитка руку приложил. Послух Гришка руку приложил. Князь Федор Козловской руку приложил. Князь Иван Козловской руку приложил.

(л. 15) И Семен, и Иван, и дьяки, выслушав раздельную память, велели приклеить к делу, а жонку до указу приставу Игнатю Кургановскому велели дати на поруку з записью, что ей ставитца по вся дни.

VII. — 1622 г. февраля... Поручная запись по князе Тимофее Долгоруком: ставить ему в приказе его крестьянку Матрену Фофанову, пока не вершится дело.

¹ Буква «у» переправлена из «а» или из «о», «ш» заметно подправлено; «я» могло быть переправлено из «ю», но не производит впечатления переправленной буквы.

И февраля в ...день Семену ж, и Ивану, и дьяком пристав подал поручную запись, а в записи пишет. — (л. 16) Се яз, Богдан Савельев сын Пестрой, да яз, Никита Васильев сын Кофтырев, да яз, князь Семен княж Романов сын Волконской, поручилися есми приставу Игнатью Кургановскому по князе Тимофее Долгоруком в том: поставити ему за нашею порукою в Приказе холопья суда перед Семеном Михайловичем Колтовским, да перед Иваном Кузьмичем Бегичевым, да перед дьяки, перед Потрекеем Насоновым да перед Филипом Митрофановым, крестьянку свою, Матренку Герасимову дочь Яковлевскую жену Фофонова, покаместа в Холопье приказе дело вершитца у подьячева, у Ивана Деткова, с ним, со князем Тимофеем; в дочерех ее, в девках в Маньке да в Варьке. А не поставит он тое жонки в Холопье приказе и он, князь Тимофей, в тех девках крестьянства лишен, а жонка дочерей своих лишена. А кой нас, поруччиков в лицах, на том [и] порука. А на то послуши: Замятня Федоров. А запись писал Богдашко Корнаухов лета 7100 тридесятого году.

На обороте: Богдан в статьи Тимофея ручал и руку приложил, Микита Кафтырев в статье, что князь Тимофею жонка поставить, в том ручал и руку приложил. Послух Замятенка и руку приложил.

(л. 17) И Семен, и Иван, и дьяки, выслушав поручную запись, велели приклеить к делу же.

VIII. — 1622 г. февраля 13. Послана память по площадных подьячих старост, Василия Ворона и Безсона Козина, для экспертизы раздельной записи, положенной на суде князем Тимофеем Долгоруким на отца девок Якова Фофана.

И Февраля же в 13-й день Семен Михайлович Колтовской, да Иван Кузьмич Бегичев, да дьяки Патрекей Насонов да Филип Митрофанов сего суднова дела Ивана Деткова со князь Тимофеем Долгсруким в девках, в Маньке, да в Варьке, и роздельной записи, что положил князь Тимофей Долгорукой, слушали и приговорили для подлиннова сыску послати по площадных подьячих по старост, по Василия Ворона да по Безсона Козина, память для того, что положил князь Тимофей в Холопье приказе на отца тех девок, на Якушку, роздельную запись, и в той роздельной записи в Якушкове имяни слова починиваны. И память для подьячих токова послона, и в памяти пишет. (л. 18) — 130-го февраля в 13-й день.¹ Память, приставу. Поставити ему в Холопье приказе перед Семеном Михайловичем Колтовским, да перед Иваном Кузьмичем Бегичевым, да перед дьяки, перед Патрекеем Насоновым да перед Филипом Митрофановым, площадных подьячих старост, Василия Ворона до Безсона Козина. Дьяк Филип Митрофанов.

IX. — Того же дня. Осмотр раздельной записи подьячими старостами и их сказка.

(л. 19) И того же дни пристав Игнатей Кургановской в Холопье приказе поставил площадных подьячих старост, Василия Ворона да Безсона Козина. И Семен с товарищи велели им, Василию да Безсону, дати честь и розсмотреть перед собою роздельную память князя Тимофея да князя Федора Долгоруких, как они делились вотчиною и людьми и крестьяны со князем Иваном Козловским, и велели им, Василию и Безсону, в той роздельной записи розсмотреть письма. И старосты, Василий Ворон да Безсон Козин, высмотря тое записи, Семену с товарищи сказали, что в той де записи есть в письме в починках: прежде де написан был в той роздельной записи Юшко Фофонов, а после де починено в ней в словах, и стало де Яшку Фофонов; где де было перво написано слово «ю», и к тому де слову, к «ю»,

¹ Дата вписана рукой дьяка Филиппа Митрофанова.

прибавлена нижн[ая] палочка, ино де стало то слова «я»; а где де было написана преж (л. 20) слово «он», и то де починено в «оне» — «ик», прибавлено де к «ону» верхние согнутые две палочки; а «ша» де наверху и покрышка над «шами» староя пополнена новыми же чернилы, для тех дву слов, «ику» да «я», что они починены; да и то де знатно же, что в той их починке преж было написано «Юшко Фофонов», а ныне де написано в Юшкино место «Яшку Фофонов», а коли б деи было прежде написано «Яшку», ино бы де написано было дали Яшку «Фофопова», а не Фофонов, и в Фофопове де имяни у «ведей» было написати «аз», а не «ер»; да и во всей в той роздельной записи токова «ику» нет написано, а писаны во всей в той записи «ики» свертные стоячий, а не круглые. И Семен, и Иван, и дяки тот их Васильев и Безсонов осмотр и скаску велели записати.

Х. — Того же дня. Приговор: девок Марью и Варвару отдать Ивану Дедкову; в девке Аксинье и в сносе дать крестное целованье.

(л. 21) Февраля в 13-й день Семен Михайлович Колтовской, да Иван Кузьмич Бегичев, да дяки Патрекей Насонов да Филипп Митрофанов сех обоих судных дел слушали и приговорили: тех обеих девок, Маньку и Варьку, отдать по суду и по кабальному их холопству подьячему Ивану Деткову, а князю Тимофею и князю Федору Долгоруким в тех девках отказать — потому. На суде он, князь Тимофей, сказал, что те девки его князь Тимофеевы крестьянские дочери; и как де отец тех девок, Якушко, умер, и они де, девки, били челом ему, князю Тимофею, в холопство с матерью своею, с Матренкою, вместе; а били де челом они ему до королевичева приходу за два года; а по государеву указу крестьян своих в холопы и крестьянок своих в рабы никому имати не велено; а как де от него, от князя Тимофея збежали, и явок, он, князь Тимофей, в их побеге не довал, и то¹ ему, князю Тимофею, вина ж. А се он жа, князь Тимофей, в суде речи свои рознил: сперва на суде он сказал, что те девки збежали от него ис крестьянства, а в другие он жа сказал, что збежали они ис холопства, а збежали де в том году, как государь ходил малитца пеш х троице в Сергиев монастырь, и Иван де Детков тогда на них и кобалы взял; а государь ходил малитца к троице в Сергиев монастырь во 128-м году. И только бы (л. 22) от него, князя Тимофея, те девки збежали ис холопства или ис крестьянства, а он, князь Тимофей, то ведал, что те девки, збежав, живут у него, у Ивана, и он, князь Тимофей, в те три годы и по сей суд для чего государю ни в Холопье приказы о том не бивал челом, что те девки живут у него, у Ивана, и кобалы на них он, Иван, взял. И то ему, князю Тимофею, вина же, что он про тех девок ведал, живучи с ним, с Иваном, в одной улице, а челобитья его в Холопье приказе по ся место не было. А те девки на суде и сами сказали, что мати их Матренка ему, Ивану, в холопство их дала и в Холопье приказе у кобальной их записки мати их стояла. А что они, девки, сказали будто до кобал они у Ивана не служивали, и по вопросу Семена и Ивана с товарищи мати тех девок, Матренка, сказала, что она тех девок, дочерей своих, ему Ивану, в холопство дала и в Холопье приказе у кобальной их записки в те поры стояла; а сказывала она тогда у кобал, что Манька служит у Ивана до кобалы третей год, а Варька до кобалы служит полгода. А что она, жонка Матренка, сказала что у кобальной де записки стояла будтось она пьяна, и тому верити нечему, и в обычее тово николи не ведетца, что у кобал стояти пьяному; а коли бы она у кобальной записки стояла пьяна, и тому ныне третей год, как те кобалы на дочерей своих Ивану она, Матренка, дала; (л. 23) и в три годы по сесь суд

¹ В подлиннике: тому.

она, жонка, проспався, и сам он, князь Тимофей, о том государю и в Холопье приказе не бивали же челом, что будтоса де стояла она у кобальной записки пьяна. И то стало знатно, что ее, жонку Матренку, нехто научил ныне так говорити и пьяною себя называтись: и в три годы мочно было ей, проспався, государю или в Холопье приказе о том бити челом. Да она же, жонка, сказала, что о том она была челом и сказывала ему, князю Тимофею, что стояла пьяна, и про то де, ему, князю Тимофею, сказывала же, что, она, жонка, на дочерей своих, на тех девок, Ивану кобалы дола; а тому де ныне два года, как она ему про то сказывала. Да мать жа тех девок и сами они, девки, сказывали, что оне, девки, дав ему, Ивану, кобалы, и после тех кобал от-Ивана к ней, к матери своей, к нему, ко князю Тимофею, на двор ходили, и ево де князь Тимофеевы люди на его князь Тимофееве дворе их, девок, видали, а князь Тимофей де жил с ним, с-Иваном, в одной улице, всего от него, от-Ивана, в третьем дворе. И то ему, князю Тимофею, вина же, что та жонка ево князь Тимофеева, а тех девок мати, ему князю Тимофею, о том была челом и про те девки ему сказывала, что они живут у него, у Ивана, и кабалы ему, Ивану, на них дала; и он то, князь Тимофей, ведал, что они, девки, служат у него, у Ивана. (л. 24) и он, князь Тимофей, в те годы для чего о тех девках государю и в Холопье приказе и по сесь суд столько лет не бивал же челом. А что они, девки, сказали, что будтось они у него, у Ивана, до кобал не служивали, и то они, девки, солгали, хотячи от-Ивана холопства отбыть; и той их скаске верити нечему, потому что мать их сказала, что у кобал она стояла и у кобальной записки сказывала, что дочь ее Манька у Ивана служит до кобалы третей год, а Варька служит полгода. Да и то ему, князю Тимофею, вина же: как в нынешнем во 130-м году сентября в 3-й день он, Иван Детков, имал ис Холопья приказу для тех девок к нему, ко князю Тимофею, в вотчину, в село Юрьевское, пристава, и ево князь Тимофеев брат, князь Федор, сказал тогда по государеву [т.] крестному целованью, что у них тех девок и крестьянина Офоньки, которой написан в ноказной же памяти, за ними нет; а они, девки, и сами ныне у приводной записки сказали, что збежали они от него, от-Ивана, в прошлом во 129-м году о спасове дни и прибежали в Дмитровской уезд в тое ево в князь Тимофееву вотчину, в село Юрьевское; и то он, князь Федор, тогда солгал и не против тех девок речей их сказал. Да и то ему, князю Тимофею, вина же: коли б те девки были ево крестьянские или ево рабы, а бегав от него, прибежали опять к нему, ко князю Тимофею, и он, князь Тимофей, и брать ево, князь Федор, для чего приставу про те девки тогда не сказали; и как те девки к нему, ко князю Тимофею, прибежали, (л. 25) и он для чего их в Холопье приказе не объявил и в Холопье приказе их не записал. Да и то ему, князю Тимофею, вина же: положил он, князь Тимофей, в Холопье приказе роздельную запись, как они деляться вотчинаю и крестьяны со князем Иваном Козловским во 122-м году, а в той де записи будтоса написан отец тех девок Якушко; и в том Якушкове имяни стало знатно что в ней слова в том имени починиваны новыми чернилы. И площедные ныне подьячии старосты, Василий Ворон да Безсон Козин, в Холопье приказе для подлиннова сыску ставлены и, смотря тое записи, сказали, что то Якушково имя починено: написан был в той записи сперва Юшко Фофонов, а не Яшка. А в словах починено в том имяни: где было слово «ю», и к тому де слову приправлена нижняя палачка, и то слово стало «я»; а что написан был «он», и в том «оне» починено ж, а написан в том «оне» «ик», и приписана к тому «ону» верхние согнутые две палочки; и как в том имяни те слова починены, и стало «Яшку» Фофонов а не «Юшко». Да они же, старосты, площедные

подьяччи, высмотря той записи, сказали: и то де знатно, что те слова починены, по (л. 26) тому — коли б де было написано дали «Яшку», ино бы де написано было дали «Яшку Фофонова», а не «Фофонов», и в Фофове да имяни у «ведей» [на]писан был «аз», а не «ер». Да они же, старосты, тое же все записи высмотря, сказали: и потому де та починка в той записи стала знатно, что и во всей де в той записи другога токова «яшк» круглова нет, а писаны де в той записи во всей все «ики» свергные стоячи, а не круглые. И то ему князю Тимофею вина же, что он положил тое свою роздельную запись, а в ней слова починены, написан был в ней «Юшко», а не «Яшко». И той роздельной записи верить нечему, и тех девок отдати ему, князю Тимофею, [во] крестьянство по той записи не по чему; а отец тех девок был Яшко, а не «Юшко», а в «Юшке» починено «Яшкою». И о той починке Семен и Иван с товарищи рклись¹ сказати вверху бояром; да что про тое починку бояре приговорят, и тогда про то и сыщут, хто в той записи те слова починивал, а написал в «Юшке» — «Яшку». А что он, Иван Детков, искал на нем, на князе Тимофее, третьей девки, Оксютки, да сносу 44 руб. и 25 алт., и в том приговорили им дати веру, крестное целованье, — опричь веры сыскати нечим.

XI. — 1622 г. февраля 17—18. Вследствие отказа князя Тимофея Долгорукого стать на суде к приговорной сказке — взят его человек Савелий Тимофеев; 18 февраля Савелий отпущен.

И Семен (л. 27), и Иван, и дьяки велели приставу Игнатью Кургановскому князя Тимофея Долгорукова и Ивана Деткова и тех девок в Холопье приказе [к] скаске поставить и сесь им приговор скозати. И он, пристав Игнатей, по князя Тимофея ходил и неодинова, чтобы он пришел в Холопей приказ к скаске. И Игнатей Кургановской да другой пристав, Иван Текутьев, февраля с 13-го числа и февраля по 17-е число многожды ходили, и он, князь Тимофей, к скаске не пошел и их, приставов, не послушал. И Семен, и Иван, и дьяки речи их, приставовы, велели записати, а у них, у князя Тимофея и у князя Федора, велели взяти человека. И февраля в 17-й день пристав Игнатей Кургановской в Холопье приказе поставил ево князь Тимофеева малова Долгорукова, Савку Тимофеева. И Семен, и Иван, и дьяки велели того малова до завтрея приставу Игнатью Кургановскому поддержати для того, чтобы он, князь Тимофей, был к скаске (л. 28) в Холопей приказ. И тот малой у пристава начевал; а он, князь Тимофей, в Холопей приказ к скаске февраля по 18-й день не бывал же. И Семен, и Иван, и дьяки велели того малова отпустить ко князю Тимофею, а Ивана Деткова и тех девок велели в Холопье приказе к скаске поставити.

XII. — 1622 г. февраля 18. Приговор сказан Ивану Дедкову и девкам Марье и Варваре; девки отданы Ивану Дедкову.

И февраля в 18-й день Ивану Деткову и тем девкам сесь приговор сказан, и те девки ему, Ивану, по суду, и по сему приговору, и по кобальному их холопству, и по матери их скаске отдали, и головные пошлины у Ивана Деткова с тех девок по 6 алт. «взяты» и в приходной книге нынешнего 130-го февраля в ...день записаны.

XIII. — Того же дня. Подписная челобитная князя Тимофея и князя Федора Долгоруких: перенести дело о девках Марье и Варваре из Приказа холопьего суда в другой приказ.

И того же дни после той приговорной скаски князь Тимофей Долгорукой принес подписную челобитную, а в челобитной пишет. — (л. 29) Царю государю [т.] бьют челом халопи твои, Тимошка да

¹ Так в подлиннике.

Фетька князь Васильевы детишка Далгорукова. Збежали, государь от нас, холопей твоих, две девочки, крестьянские дочери, из Дмитравскава уезда из вотчинишки нашей и[з] сельца Юрьева, Манька да Варька Якушковы дочери Фофана; и бегаючи, государь, от нас дали на себя кабалы подьячему Большова дворца Ивану Деткаву. И пришли, государь, те девки к нам, холопом твоим, и к матери свайей; а та, государь, мать их за нами во крестьянстве. И в нынешнем, государь, во 130-м году тот Иван Детков к нам, холопом твоим, приставил в тех девах; и мы, государь, тех девак поставили в Халопье приказе. И тот, государь, Иван искал на тех девах халопства; и те, государь, ему девки на суде отвечали в халопстве; и мне, государь, во крестьянстве не запиралися те девки, а сказывали, што нашей вочинишки старинные наши хрестьянки; а нынеча, государь, таму Ивану в Халопье приказе дружат судьи па дружбе. Миласердый государь [т.], пожалуй нас, халопей своих, вели, государь, то дела наше в-ной приказ принесть, где ты, государь, укажешь. Царь государь смилуйся.

На обороте помета: 130-го февраля в 18-й день. Государь пожаловал, велел дело взнести к бояром.

130-го февраля в 18-й день. Семену Михайловичю Колтовскому, да Ивану Кузьмичю Бегичеву, да дьяком Патрекею Насонову да Филипу Митрофанову. Государь [т.] пожаловал, велел дело взнести к бояром. Дьяк Семен Бредихин.

Помечено в Приказе холопьяго суда: 130-го февраля в 18-й день принесл¹ после скаски. По[д]клеить к делу под приговор.

(л. 30) И Семен, и Иван, и дьяки, выслушав челобитную, велели ее приклеить к делу ж, а ему, князю Тимофею, велели сесь приговор вычесть, почему те девки Ивану отданы. И князь Тимофей сказал Семену и Ивану с товарищи: мне де вашего приговору не слушивать, а понесите де то дело и с приговором к бояром вверх.

XIV. — 1622 г. февраля 22. Подписная челобитная князя Тимофея и князя Федора Долгоруких патриарху Филарету: взять девок от Ивана Дедкова опять в Приказ холопьяго суда.

Февраля же в 22-й день Семену ж, и Ивану, и дьяком князь Тимофей Долгорукой подал подписную челобитную, а в челобитной пишет. — (л. 31) Великому государю светейшему патриарху Филарету Мики[тичу] масковскому и всея Руси. Бьют челом халопи ваши, Тимошка да Фетька князь Васильевы детишка Далгорукова. В прошлам, государь, во ста двадцать семом году збежали, государь, от нас, холопей твоих, две девачки, хрестьянские дочери, из вочинишки нашей из Дмитравскава уезду и[з] сельца Юрьева, Манька да [Варька] Яковлявы дочери Фофанава; и бегаючи, государь, от нас, дали кабалы подьячему Балышева дворца, Ивану Деткаву; и те, государь, девачки пришли анять [в] вочинишку на[шу], в сельцо Юрьева, к матери свайей; а мать, государь, их живот за нами ва хрестьянстве. И в нынешнем, государь, во 130-м году тот Иван Диткав при [ставил к] нам, холопом твоим, в тех девах; и мы, государь, тех девак поставили в Халопье приказе; и те, государь, девки ему на суде отвечали в халопстве, а нам, государь, ва хрестьянстве не запиралися, што хрестьянина нашева дочери, Екушка Фофанова. И нынеча, государь, после суда [Семен Калтавской, да Иван Бегичев, да дьки, дружат таму Ивану, одали тех девак бе[з] скаски, не сказав нам, холопом твоим. И мы, государь, били челом государю, штобы государь пожаловал, велел то дела наша [в]верх взнести г баярам; и государь нас пожаловал, велел дела наша [в]верх взнести г баярам. И ани, государь, не нася дела наше г баярам, одали таму Ивану тех девак по дружбе. Велики государь, светийши патрия[r]х

¹ Так в подлиннике.

Феларет Микитич масковской и всея Руси, помилуй нас, холопе своих, вели, государь, тех девак наших у таво Ивана взять апать в приказ, да куды бояря дела послушают и па делу указ учинят. Государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте псмета: Указал государь дело то принести к бояром тотчас.

Помечено в Приказе холопъего суда: 130-го февраля в 22-й день сю челобитную за пометаю думнова дьяка [Томи]лы Луговского принес князь Тимофей Долгорукой. Сыскати дело.

(л. 32) И Семен, и Иван, и дьяки, выслушав челобитную велели приклеить к делу же.

XV. — 1622 г. марта... Челобитье Ивана Дедкова: выдать кабалы на девок, отданных ему по суду.

Марта в... день Ивану Кузьмичю Бегичеву да дьяком Патрекею Насонову да Филипу Митрофанову бил челом словом подьячей Иван Детков, а сказал: искал де он, Иван, на девках, на Маньке да на Варьке Яковлевых дочерех, холопства; а были де те девки в споре со князем Тимофеем да со князем Федором Долгорукими; и по судному делу и по кобалам те девки ему, Ивану, отданы, а кабалы де тех девок у суднова дела; и чтоб де ему, Ивану, велели те кабалы тех девок выдать. И Иван и дьяки челобитье ево велели записать, а те кабалы ему, Ивану, велели из дела отдати, а с тех кобал велели списати списки.

Далее следует гнилой обрывок, котсрый весь разобрать нельзя, но из которого виднс, что подлинныя кабалы отданы Ивану Дедкову, а списки с них оставлены в деле.

По сствам на обороте, кончая л. 30, идут параллельные скрепы: Дияк Патрекей Насонов. Дияк Филип Митрсфанов. На верхнем срезе л. 1 скрепу Патрикея Насонова разобрать нельзя; вторая скрепа начинается здесь словом Филип и кончается на лице л. 30 под текстом.

Опись № 25, столбец № 39907. I — л. 1; II — лл. 2 — 7; III — лл. 7, 8; IV — лл. 8, 9; V — лл. 10 — 13; VI — лл. 13 — 15; VII — лл. 15 — 17; VIII — лл. 17, 18; IX — лл. 18 — 20; X — лл. 21 — 27; XI — лл. 27, 28; XII — л. 28; XIII — лл. 28 — 30; XIV — лл. 30 — 32; XV — л. 32. Первые три листа и последний, л. 32, очень ветхи.

№ 7. — 1623 г. января 31 — февраля 28. Судное дело перед князем Никифором Яковлевичем Мещерским, Иваном Кузьмичем Бегичевым и дьяками Питрикеем Насоновым и Филиппом Митрофановым о кабальной рабе Афимье Андреевой дочери; истец — Тимофей Сидорович Желябужский, ответчик — князь Иван Лобанов-Ростовский.

— 1623 г. января 31. Челобитная Тимофея Желябужского: дать суд в его беглой рабе Афимье, которую поставил в Приказе холопъего суда князь Иван Лобанов-Ростовский; показания Афимьи Андреевой.

(л. 1) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, Тимошка Желябужской. В прошлом, государь, во сто двадцать девятом году бежала от меня кобальная моя раба, девка Офимка Андреева дочь, покрадчи животои мои, по договору князь Иванов человека Лобанова-Ростовского Ивашка Козимерова. И ныне, государь, по твоему государеву указу, а по моему челобитью, тот князь Иван Лобанов-Ростовской тое мою рабу в Холопье приказе поставил, в жонках, а не девкою; а как я, холоп твой, искал на нем, князь Иване, той своей беглой девки Афимки, и он, князь Иван, в суде перво заперся, што у него тое моей девки Афимки нет, а пос[ле] того в том же суде он жа князь Иван сказал тое мою девку Афимку у человека своего, у тово Ивашка Козимерова, которой человек ее подговорил. Милосердый государь [т.], помилуй меня, холопа своего, вели, государь, мне на тое мою беглую рабу, на Офимку, дать свой царской суд и управу в холопстве. А што она,

Афимка, живота моего от меня снесла, и тех своих животов стану я искать толды, как мне, холопу твоему, твой государев указ будет в той моей беглой рабе. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 131-го генвар[я] в 31-й день. Суд был в одном холопстве.

(л. 2) И ответчица, жонка Офимка, выслушев Тимофея Желябужского искавую челобитную, в ответе сказала: у нево де, у Тимофея, в холопстве не служивала и от него не бегивала; а живет де она без отходу 4 годы у князя Иванова человека Лобанова-Ростовского, у Ивана Казимерова. И истец Тимофей бил челом, а сказал: то де она, жонка, гаварит по князя Иванову велению.

II. — Того же дня. Ссылочные памяти Тимофея Желябужского; показания Афимьи Андреевой.

И в том истец и ответчица имались за кресное целованья; и сверх креснова целованья истец Тимофей подал ссылки и в ссылках пишет. — (л. 3) Сверх, государь, креснова целованья шлюся из виноватых на Федора Тимофеева сына Пестрикова в том, што у меня тот Федор тое мою девку Афимку в холопстве знал, и то ему ведома, што она у меня служила по кабале, — в том на нево шлюсь. Да сверх, государь, тово, шлюся из виноватых на Степана Дурова в том: как та моя девка Афимка у меня в холопстве служила, а ему, Степану, то ведома. Да сверх, государь, тово, шлюсь из виноватых на Петра Григорьева сына Булгакова в том: как та моя девка Афимка у меня в холопстве служила, а ему, Петру, то ведома. Да свер[х], государь, тово, шлюся из виноватых на поместнова атамана, на Сысою Петрова, в том: как та моя девка Афимка у меня в холопстве служила по кабале, а ему Сысою то ведома. (л. 4) Сверх, государь, тово, шлюся из виноватых на козлитина, на Якова сына Власьева в том: как та моя девка Афимка у меня в холопстве служила по кабале, а Якову то ведома. Да сверх, государь, тово, шлюся из виноватых на поместнова атамана, на Павла Офонасьева сына Губинского, в том: как та моя девка Афимка у меня в холопстве служила по кабале, а Якову то ведома. Да сверх, государь, тово, шлюся из виноватых на поместнова атамана, на Павла Офонасьева сына Губинского, в том: как та моя девка Афимка у меня в холопстве служила по кабале, а ему то, Павлу, ведома. (л. 5) Сверх, государь, тово, шлюся из виноватых на Федора на Богданова сына Хомутова в том: как та моя девка Афимка у меня в холопстве служила по кабале, а ему то, Федору, ведома. (л. 6) Да сверх, государь, тово, шлюся на Герасима на Васильева сына Мачехина в том: как та моя девка Афимка у меня в холопстве служила, а ему, Горасиму, то ведома. Да сверх, государь, тово, шлюся на Опая Матева в том: как та моя девка Афимка у меня в холопстве служила, а ему, Апаю, то ведома. Да сверх, государь, тово, шлюсь на Петра Данилова сына Протасьева в том: как та моя девка Афимка у меня в холопстве служила, а ему, Петру, то ведома.

На лице лл. 3—6 по сствам едва различимые следы пометы, кончающейся на лице л. 6 под текстом словами: не слался.

(л. 7) И ответчица, жонка Офимка, выслушев Тимофея Желябужского ссыльные памяти, по всем ссыльным памятем на ссыльных людей не слалась, а сказала: ни знает ни ведает, у него в холопстве не служивала.

III. — Того же дня. Допрос Тимофея Желябужского и Афимьи Андреевой.

И князь Микифор, и Иван, и дьяки Патрекей и Филип спросили исца Тимофея Желябужского: «Ищешь ты на той жонке холопства, и по какой крепости та жонка у тебя служила, и крепость у тебя на тое

жонку есть ли, и будет есть, и ты положи ее перед нами.» И истец Тимофей по спросу сказал: служила, де та жонка у него по кабале, а кабала де на нее имана в Шацком во 128-м году, и в книги де та кабала записана, и чтоб де государь пожаловал, велел сыскати книгами; а та кабала ныне у него в Шацком. И князь Микифор с товарищи спросили жонки Офимки: «Кабалу ты на себя ему, Тимофею, в Шацком давали ли?» — И жонка (л. 8) Офимка, по спросу сказала: кабалы де ему, Тимофею, на себя не даывала, и у кабалы не ставала, и ни знает, и ни ведает. И князь Микифор, и Иван, и дияки Патрекей и Филип речи их велели записати.

IV. — Того же дня. Челобитная князя Ивана Лобанова-Ростовского: сыскать про воровскую кабалу Тимофея Желябужского на девуку Афимью.

Да туто же князю Микифору ж, и Ивану, и дияком Патрекею и Филипу подал челобитную князь Иван Лобанов челобитную¹ и в челобитной ево пишет. — (л. 9) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой Ивашка Лобанов-Ростовской. В нынешнем, государь, во сто тридесять первом году искал на мне, холопе твоём, Тимофей Желябужской² в Холопье приказе кабалны[е] девки Офимьицы Ондреевой дочери, а кабалу, сказал, имал на ту девуку в Шацком во сто двадесять осьмом году. И я, холоп твой, на суде сказал: есть у меня тем именем роба Офимьица — моя, а не Тимофеева; служит у меня 4-й год, а от меня в те 4 годы никуды не бегивала и ни у кого, опричь меня, не служивала и кабалы на себя никому не даывала. И велено, государь, мне ту свою робу поставить в Холопье приказе; и я, государь, ту свою робу Офимьицу в Холопье приказе поставил. А сказывает, государь, на ту мою робу Тимофей у себя кабалу, и та кабала воровская, будет у него есть на ту мою рабу, своровали то ево Тимофеевы люди, Васька Олтуров да Петрушка Васильев, ставаясь с городовым приказщиком да з диячками, написали на ту мою рабу кабалу за очи. Милосердый государь [т.] пожалуй меня, холопа своего, вели государь, про ту воровскую кабалу сыскати, чтоб тем вором впредь неповадно воровать и таким воровским делом промышлять. Царь государь смилуйся.

На обороте помета: 131-го генваря в 31-й день. Взяти к делу. А подал сю челобитную князь Иван в суде.

V. — Того же дня. Показания Тимофея Желябужского, князя Ивана Лобанова-Ростовского и женки Афимьи; князя Ивана велено дать на поруки в том, что ставиться ему в приказе по вся дни и поставить человека своего Фрола Прокофьева, мужа Афимьи.

(л. 10) И Тимофей Желябужской, выслушав князя Ивана Лобанова-Ростовского челобитную, сказал: теми де иманы у него люди есть, только де они не воровывали и кабалы за очи на тое девуку, на Офимку, за очи не имывали; а давала де тое кабалу та девка Офимка сама своею волею. И князь Иван Лобанов бил челом, а сказал: сказывает де он, Тимофей, что те ево люди не воровывали, за очи кабалы на тое девуку не имывали; и чтоб де ево, князя Ивана, государь пожаловал, велел человека ево Петрушку Васильева дать на пытку в том воровстве: будет де не допытуюсь, и он де и увечья и бесчестье платит ему. И Тимофей Желябужской бил челом, а сказал: называет де он, князь Иван, тое жонку ныне своею рабою, а как де в прежнем суде, и он де ее своею не называл, и в том де шлюсь на то прежняя судное дело; и чтоб де ево, князя Ивана, допросили, хто тое (л. 11) девуку замуж давал, и давно ли она замужем и за каким человеком. И князь Иван сказал: выдавал де ее замуж за человека своего, за Фролка Про-

¹ Так в подлиннике, слово «челобитную» повторено.

² Так в подлиннике.

кофьева, человек ево князь Иванов Ивашка Казимеров перед Филиповым заговейном; а тот же муж ее бродящей был человек. Да Тимофей бил челом, чтоб де её, жонки, допросили: где ныне тот муж ее. И жонка сказала: тот де муж ее ныне здесь на Москве у князя Ивана Лобанова на дворе. Да князь Иван Лобанов бил челом, а сказал: живет де он, Тимофей, с шим, со князь Иваном, об один двор, а та де девка жила у него, у князя Ивана, без отходу, и он де, Тимофей, про то ведол лы? И Тимофей Желябужской сказал: про тое де девку он, Тимофей, ведол и ему, князю Ивану, говорил многижды; и он де ему хотел отдать; а не бил де челом потому, что был по службам; и как де пора ево пришла, и он де к нему приставил и на нем тое девки искал. Да князь Иван же бил челом, а сказал: сказывает де он, Тимофей, что та девка ево; и как де тое девку давал замуж человек ево, и венчал де их вопчей их поп, и он де, Тимофей, тому попу говорил лы, что та девка ево Тимофеева? И Тимофей сказал: хотя де тому попу ево Тимофеевы люди и говорили, и он де тово попа угрозил, и он де, поп, блюдаясь ево, князя Ивана, про то не скажет. Да Тимофей же бил челом, а сказал, чтоб де ево допросили, где муж ее жонкин. И князь Иван сказал: как де тое жонку повезли к Москве из Шацкого, а тот де муж ее в те поры был у него, а ныне де про него не ведает, есть ли или нет, и будет есть, и он де е[го] поставит; а тот де муж ее крепок ему по той жонке, что та жонка живет у него 4 годы. (л. 13) Да князь Иван же Лобанов-Ростовской бил челом, а сказал: сказывает де он, Тимофей, что та девка служила у него во 128-м году по кабале, и в том де он шлетца из виноватых на дядю ево, на Офонасья, да на брата ево, на Остафея, Желябужских в том, будет де они скажут, что та жонка Офимка у него, Тимофея, служила во 128-м году по кабале, и про тое де кабалу они ведоют, и он де, князь Иван тем хочет прав и виноват быти; и чтобы де его, Тимофея, допросили, шлетца ли он, Тимофей, на них. И Тимофей Желябужской на дядю своего, на Офонасья, и на брата своего, на Остафея, слался из виноватых в том, что де они, Офонасей и Остафей про тое девку Офимку ведают, что она во 128-м году у него в холопстве служила, и про кабалу ведоют, что на нее имана кабала в Шацком. И князь Микифор и Иван, и дияки речи их велели записать, а тое жонку велели попрежнему (л. 14) держати недельщику Кузьме Кисловскому, а князя Ивана Лобанова велели дати на поруку з записью в том, что ставитца по вся дни, да ему же поставить, как спросят, человека своего Фролка, Ефимкина мужа; а поручную запись велели принести к делу.

VI. — 1623 г. февраля 5. Повинная челобитная Афимьи Андреевой дочери: отдать ее по старому холопству и по кабале Тимофею Желябужскому.

И февраля в 5-й день князю Микифору ж, и Ивану, и дьяком Офимьица Андреева дочь подала мировую челобитную, а в челобитной пишет. (л. 15) — Царю государю [т.] бьет челом бедная сиротина, Офимьица Андреева дочь. В нынешнем, государь, во 131-м году искал на мне холопства Тимофей Сидорович Желябовской; и я, государь, сирота твоя, по наученью князь Иванова человека Лобанова-Ростовского, Иваша Казиморова, в роспросе и на суде от государя своего, от Тимофея Сидоровича, оттягивалась и кобалу свою лживила; а я, сирота твоя государева, раба кобальная Тимофеева и кабалу на себя служивую Тимофею дала и у записки у книг в Шацком стояла. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, сироту свою, вели, государь, меня по старому моему холопству и по кабале отдать государю моему, Тимофею Сидоровичю. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте: 131-го февраля в 5-й день подала сю челобитную Офимьица Андреева дочь и по спросу сказала она, что сю свою

челобитною дала она своею волею, а ни по чьему научению и не по угрозу, и пристав ее из ней не мучил и не уграживал, и не подходил к ней ниhto.

VII. — 1623 г. февраля 6. Приговор об общей правде; память приставу: поставить Афанасия и Остафия Желябужских, дядю и брата Тимофея.

(л. 16) И февраля в 6-й день князь Микифор, и Иван, и дияки Патрекей и Филип сево суднова дела слушали и приговорили послати по вопчью правду память и велели их поставити в Холопье приказе. И память такова дана, и в памяти пишет. — Память приставу: поставити ему в Холопье приказе Офонася да Остафья Желябужских в вопчей правде холопья дела.

На обороте по нижнему краю надпись: Желябужского.

VIII. — 1623 г. февраля 9. Сказка Афанасия и Остафия Желябужских.

(л. 17) И февраля в 9-й день, став перед князем Микифором же, и перед Иваном, и перед дияки перед Патрекеем и перед Филипом, Офонасей да Остафией Желябужские, и сказали по государеву [т.] кресному целованью про жонку Офимку: то де они ведоют, что в прошлом во 128-м году девка Офимка Тимофею Желябужскому в холопства била челом, и про кабалу де они у Тимофея слышали, что взял на нее кабалу тогды ж. И князь Микифор, и Иван, и дияки скаску их велели записати.

Рукоприкладство: К сей скаске Офонасей Желябужской и в Остафьява места руку приложил.

IX. — 1623 г. февраля 19. Князь Иван Лобанов-Ростовский поставил в приказе Фрола Прокофьева.

И февраля же в 19-й день князь Иван Лобанов-Ростовской поставил человека Фролка Прокофьева, Офимкина мужа, и тот человек отдан держати до указу приставу Кузьме Кисловскому.

X. — 1623 г. февраля 26. Приговор: жонку Афицию Андрееву дочь с мужем ее Фролом Прокофьевым отдать Тимофею Желябужскому.

(л. 18) И февраля в 26-й день князь Микифор Яковлевич Мещерской, да Иван Кузьмич Бегичев, да дияки Патрекей Насонов да Филип Митрофанов сево суднова дела Тимофея Желябужского да князя Ивана Лобанова-Ростовского в спорной их жонки Офимке Ондрееве слушали и приговорили тое жонку по кабальному холопству и по вопчейсылке и по повинной ее Офимкиной челобитной отдать ему, Тимофею Желябужскому; а ему, князю Ивану, приговорили в той жонке отказать — потому. Искал он, Тимофей, на той жонке холопства и в суде сказал, что де та жонка служила у него в холопстве девкою по кабале, а кабала де на нее имана в Шацком во 128-м году; а та де кабала у него ныне в Шацком; а слался в том из виноватых на кабальные на шацкие записные книги в том, что де та кабала на тое Офимку в книги записана, а книги, сказал, здесь на Москве, в Холопье приказе. И те шацкие книги сысканы, и та ево Тимо (л. 19) феево кабала в шацких книгах на тое Офимку сыскана ж, и потом по кабальным книгам ее, Офимку, осматривали, и по осмотру во всех приметех сошлась; и потому приговорили ему, Тимофею, и отдать. А что она, Офимка, в суде сказала, что де у Тимофея в холопстве не служивала и кабалы на себя Тимофею не даывала, и тому верити нечему, потому что она, запирався в своем холопстве, а после суда принесла она, Офимка, повинную челобитную; а написала в той своей повинной челобитной, что де она, Офимка, у него, у Тимофея, в холопстве служила по кабале и от него збежала, — и то ей Афишке вина ж. А князю

Ивану приговорили в той жонке отказать, потому что о[н] на ней холопства не искал и крепости никакие не положил, а сказал, что де у него жила добровольно, а у него де, у Тимофея, та жонка в холопстве не служивала и кабалы на себя не даывала; и слался он, князь Иван, на шацкие кабальные книги в том: будет де та кабала в тех книгах записана, и он де тем хочет прав и виноват быть; и та кабала в кабальных в шацких книгах на тое жонку сы (л. 20) скана; и потому ему, князю Ивану, приговорили в той жонке отказать. Да и потому ему, **князю Ивану, приговорили в той жонке отказать**: слался он, князь Иван, на ево Тимофеева дядю, на Офонася, да на брата ево, на Остафья, Желябужских в том, будет де они ведают, что та жонка Офимка служила у него, у Тимофея, во 128-м году по кабале, и про тое кабалу, будет, они ведают, и он, князь Иван, тем хочет прав и виноват быть; а он, Тимофей Желябужской, на дядю своего, на Офонася, и на брата своего, на Остафья, Желябужских слался же в том, что де они, Офонасей и Остафей, про тое Офимку ведают, что она во 128-м году у него в холопстве служила, и про кабалу де ведают же, что на нее имана кабала в Шацком; и по то[й] их вопчей правде та их вопчая сылка спрашиваны. И они, Офонасей и Остафей, сказали по государеву [г.] кресному целованью: про то де Офимку они ведают, что в прошлом во 128-м году она, Офимка, Тимофею Желябужскому (л. 21) в холопства была челом, и про кабалу де они у Тимофея слышали, что взял на нее кабалу тогды ж. И та ево князь Иванова сылка сказала не против ево князь Ивановой сылки, а сказали по ево Тимофеевой сылке; и потому ему, князю Ивану, приговорили в той жонке отказать ж, а тое жонку приговорили по кабале и по той их вопчей правде и по повинной челобитной отдати ему, Тимофею. А что он, князь Иван, в суде же сказал, что де та Офимка кабалы на себя ему, Тимофею, не даывала, а нарядил [и] де тое кабалу на тое жонку заочи воровски ево Тимофеевы люди, Васька Онтуров да Петрушка Васильев, ставаясь з городовым приказщиком да з диячками, а в воровстве улики на них никакие не сказал, и тому верить нечему. А что он, князь Иван, тое Афимку выдал замуж у себя за Фролка Прокофьева, и тово Фролка приговорили отдати по кобальной робе, по Афимке, Тимофею же, потому что он, князь Иван, сам сказал: выдал де он тое Офимку за бродящего человека, а не за холопа и не за крестьянина; а хотя б князь Иван тое Офимку выдал и за кре(л. 22)постново человека, и он бы, князь Иван, и крепосново человека у себя потерял — не жени на чужой на беглой на кабальной робе своего холопа и, не опытав, чужой беглой робы не прймай. И велели недельщику Кузьме Кисловскому Тимофея Желябужского и князя Ивана Лобанова и спорных людей к скаске поставить и сесь приговор им сказати.

XI. — 1623 г. февраля 28: Приговор сказан истцу и спсрным людям; Афимья и Фрол отданы Тимофею Желябужскому.

И февраля в 28-й день сесь приговор сказан, и те люди ему, Тимофею, отданы, и головные пошлины, 6 алт. ...¹ и в приходную книгу 131-го февраля в ... день записаны. А по князя Ивана Лобанова посылана многижды, и он в приказ не пошел.

По составам на обороте параллельные скрепы: Дияк Патрекей Насонов. Дияк Филип Митрофанов. Вторая скрепа кончается на лице последнего л. 22 под текстом.

Опись № 25, столбец № 39984. I — лл. 1, 2; II — лл. 2—7; III — лл. 7, 8; IV — лл. — 8, 9; V — лл. 10 — 14; VI — лл. 14, 15; VII — лл. 16; VIII — л. 17; IX — л. 17; X — лл. 18—22; XI — л. 22. Листы оклеены с лица прозрачной и с оборота не прозрачной бумагой.

№ 8. — 1623 г. июля 9 — августа 12. Судное дело перед князем Никифором Яковлевичем Мещерским, Иваном Кузьмичем Бегичевым и

¹ Оставлено место для слова «взяты».

дьяками Патреем Насоновым и Филиппом Митрофановым о беглом холопе Федоре Мосееве (Мокеее), бывшем крестьянине князя Ивана Борисовича Черкасского; истец — помещный казак Перемышльского уезда Желоховской волости Матвей Юрьев сын Прощевский, ответчик — стремянной конюх Алексей Никитин сын Аридов.¹

I. — 1623 г. июля 9. Поручная запись по Настасье Афанасьевой дочери: поставить на срок в Приказе холопьяго суда своего сына Федора Мокеева.

(л. 1) ...порукою на Москве сына своего Федьку Мокеева в Холопье приказе перед князем Микифором Яковлевичем Мещерским, да перед Иваном Кузьмичем Бегичевым, а перед дьяки перед Патреем Насоновым да перед Филиппом Митрофановым, к ответу на Москве на срок на Ильин день святого пророка нынешнего 131-го году в-ысцове изску столпового конюха Матфея Юрьева сына Прощевской в холопстве и в сносе, в семидесят рублех и в 20-ти в 3-х алтынех и в дву деньгах да желоховского помесного казака Олексея Микитина сына Аридова в его иску в проести и в волоките и в убытках, в 20-ти рублех с полтиною. А не поставит (л. 2) она, Настасья, за нашу порукою тово сына своего Федьку в том деле к ответу на тот срок на Москве в Холопье приказе, и на нас, на порутчиках, исцов изск столпового конюха Матфея 70 руб. и 23 алт. 2 д. да желоховского помесного казака изсцов иск Олексея Аридова, его проести и убытки, 20 руб. с полтиною. А кой нас, порутчиков, будет в лицах, на том изсцовы иски и порука. А на то послуши: Иван Томилин сын, да Микита Олексеев сын, да Роман Гаврилов сын. А запись писал поручную дьячок Молчанко, Григорьев лета 7131-го году июля в 9-й день. — (л. 3) И князь Микифор, и Иван, и дьяки, выслушав отписки и поручные записи, велели приклеить к делу ж.

II. — 1623 г. июля 26. Челобитная Алексея Аридова: поставить в приказе людей, которые ручались в пойманном беглом холопе Матвея Прощевского (холоп не назван).

Июля в 27-й день князю Микифору, и Ивану, и дьяком казак Олексей Микитин подал челобитную, а в челобитной ево пишет. — (л. 4) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой помесной козак По-ремышского уезду Алешка Аридов. В нынешнем, государь, во 131-м году имал по меня, холопа твоего, из Холопья приказу в беглом своем человеке твой государев стремянной канюх Матвей Юрьев сын Прощевский; и я, холоп твой, по той грамоте на срок стал на Москве в Холопье приказе; и я, холоп твой, поимал тово Матвеева человека беглово мимо себя в Колуге с приставом и дал ево на поруки, што стать ему на Москве на срок в Холопье приказе; и которые, государь, люди по том беглом человеке ручались, и те нынеца на Москве, и тово, государь, беглово человека на срок в Холопье приказе не поставят. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего. вели, государь, тех порутчиков на поруки передавать, которые по том беглом человеке ручались, и вели, государь, тем порутчикам тово беглово человека поставить в Холопье приказе. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 131-го июл[я] в 26-й. Подал Олексей Микитин. Отпуск сыскати, а его перепоручити.

(л. 5) И князь Микифор, и Иван, и дьяки, выслушав челобитную, велели приклентити к делу ж, а порутчиков велели недельщику Мокею Лукину поставить перед собою для того, что вдова Настасья на срок на Ильин день за их порукою сына своего Федьку в Холопье приказе не поставила.

¹ Начало утрачено.

III. — 1623 г. июля 27. Память недельщику Мокею Лукину: поставить в приказе поручителей по Настасье Афанасьевой дочери.

И июля в 27-й день недельщику Мокею Лукину по порутчиков имяна таковы, а в памяти пишет. Имена порутчикам вдовы Настасьи Офонасьевы дочери, поставить их в Холопье приказе: Федор Микулин сын, торговой человек; Григорей Савельев сын; (л. 6) Иван Кондратьев сын, масленик; Микифор Офонасьев сын, масленик; Тимофей Ондреев сын, боярина князь Ивана Борисовича Черкасского крестьянин; Семен Павлов сын Калина, масленик; Семен Леонов сын, боярина Ивана Никитича Романова крестьяне Колуские слободы; Федор Антонов сын, живет на Парфеньеве дворе Мансурова, да Лукьян Ларивонов сын, масленик, колуские посадские люди; Алексей Петров сын Подковышников, колуской пушкарь.

VI. — 1623 г. июля 29. Челобитье Алексея Аридова: дать пристава для привода Федора Макеева, который в приказе не объявился.

И июля в 29-й день князю Микифору, и Ивану, и дьяком казак Алексей Никитин сын Аридов подал подписную челобитную, а в челобитной ево пишет. — (л. 7) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, помесной казак Перемышлоского уезду Олешка Никитин сын Аридов. В нынешнем, государь, во 131-м году за две недели до Петрова дни имал по меня, холопа твоего, ис Холопья приказу твою государеву грамоту, конюх, Матвей Юрьев сын Прощевски[й] в беглом своем человеке, в Федьке Мокееве; и того, государь, ево человека поймал я в Колуге с приставом мимо себя и привел ево в Розряд; и тот, государь, его человек дан на поруку, что стати ему на Москве в Холопье приказе на срок на Ильин день; и тот, государь, Федька за тою порукою на Москве стал, а в Холопье приказе и по ся места не объявитца. Милостивый царь государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, дать при става и вели того Фетьку, поймав, поставить в Холопье приказе для ради моей очистки. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 131-го июля в 29-й день поставить в Холопье приказе Федьку Мокеева с очей на очи с ними. Дьяк Филип Митрофанов.

V. — Того же дня. В приказе поставлен по челобитью Алексея Аридова Остафий Григорьев сын, сын Настасьи Афанасьевой дочери; по-казания его.

(л. 8) 131-го июля в 29-й день в Приказе холопья суда перед князем Микифором Як[о]влевичем Мещерским, да перед Иваном Кузьмичем Бегичевым, да перед дьяки перед Патрекеем Насоновым да перед Филипом Митрофановым, пристав Костянтин Текутьев поставил человека по челобитью казака Алексея Микитина сына. А приводной человек в роспросе сказался: зовут де ево Осташкою Григорьев сын; отец де ево жил во крестьянех за боярином, за князь Иваном Борисовичем Черкасским на Прутках, а тово де он не помнит, в котором уезде и по которой дороге; а слышал де он про то от матери своей; и отец де ево умер, а [о]н де остался после отца своего полутора года; а мать де ево, Настасья Афонасьева дочь, и ныне живет за боярином за князь Иваном Борисовичем по Ерославской дороге, в селе, в Марьине, з братом своим, а ево Осташковым дядею, с Микифором Офонасьевым с сыном; и взяли де ево паны от матери 4-х лет; и у понов де жил 2 года, и отшибли ево казаки в Комаричах, и бродил де он по дворам после того года с полтора, и взяли де ево казаки; и жил де он у казака Третьяка Юдина и ездил с ними, а тово де он

¹ Непонятно, почему человек, поставленный по челобитью Алексея Аридова—Остафий Григорьев, а не Федор Мокеев (Мокеев). Ср. ниже VI: Матвей Прощевский положил на «того» человека кабалу, а кабала выдана Федором Мосеевым.

не помнит, сколько у него жил; и на Ельце де с ними жил и от казаков остал на Ельце ж; и нынешней с зимы не ведал де он про мать свою и сошел де в Калугу и мать свою сыскал в Калуге; и жил де в Калуге с матерью на своей воле у брата своего; а брат де ее жил в Калуге же за боярином, за князь (л. 9) Иваном Борисовичем Черкасским; а мать де ево в Калуге торгавала; и иноземец де литвин Прощевской, а имени де ево не ведает, па казака, по Олексея Микитина сына Аридова в нем в Осташкове побеге имал государску грамоту; а тот де Олексей знаком, потому что был в казаках; а он де, Осташка, был у казаков в той же станице; и тот де Олексей поставил их с матерью на Москве по государеве грамоте, что имал на него литвин Прущевской; а он де у того литвина Прощевского не живал и не знает де ево; пристав де ево взял с тем казаком, с Олексеем, а привел де в Холопей приказ; а мать де ево и ныне живет у брата своего, у ево Усташкова дяди, у Микифора, боярина у князя Ивана Борисовича Черкаскова в подмосковной водчине Марьине. И князь Микифор с товарищи речи ево велели записать; а приставу Костентину Текутьеву того детину да указу велели поддерживать. На нем платья ево: зипун бел сермяжной, колпаченко, крест серебрян[ый]; денег на себе не сказал, а платья ево Осташково на нем.

На об. л. 8 надпись: Боярина князь Ивана Борисовича Черкаскова с еносемцом с Прощевским.

VI. — 1623 г. июля 30. Матвей Прощевский положил кабалу на Федора Мосеева от 1622 г. октября 26.

И июля в 30-й день стремянной конюх на того человека положил кабалу, а в кабале пишет, — и с тое кабалы взят список слово в слово, а подлинная отдана Матвею. (л. 10) Список с кабалы слово в слово, а подлинная кабала отдана Матвею Прущевскому. — Се яз, Федор Мосеев сын, занял есми у государева стремянново конюха, у иноземца у Матвея Юрьева сына Прощевского 2 руб. денег московского серебра ходячево октября от 26-го числа на год; а за рост мне у государя своего, у Матвея Юрьева сына Прощевского, служить по вся дни во дворе; а полягут деньги по сроке, и мне у государя своего по тому же за рост служить по вся дни во дворе. А на то послуши: Игнатей Семенов. А кабалу писал Михалко Григорьев сын Остафьев лета 7131-го году. А вверху у кабалы помета дьяка Филипа Митрофанова: 131-го октября в 26-й день. Записать в книги, сказался служит он у него — год будет Николин день зимней в нынешнем в 131-м году; а oprичь его нигде не служивал; а отец и мать померли. А назади у кабалы за приписью дьяка Филипа Митрофанова написано: 131-го октября в 26-й день перед князем Микифором Яковлевичем Мещерским, да перед Иваном Кузьмичем Бегичевым, да перед дьяком, перед Филипом Митрофановым, заимщик сказал: деньги занял, и кабалу на себя такову дал; и в книги записана. Справка подьячего Федора Шелимова. — (л. 11) И князь Микифор, и Иван, и дьяки, выслушав кабалу, велели приклеити к отпуску.

VII. — 1623 г. августа 3. Сказка человека князя Черкасского Неусыпая Владимирова: до человека, приведенного в приказ (не назван) князю Ивану Борисовичу Черкасскому дела нет.

И августа в 3-й день в Приказе холопья суда боярина князь Ивана Борисовича Черкасского человек, Неусыпай Володимиров, бил челом словом, а сказал: которого де человека привели в Холопей приказ, а сказывался де он государя моего крестьянином, и того де человека мать живет во крестьянках за боярином, за князь Иваном Борисовичем; а до того де человека дела нет, потому что де он был в полону, и из полону де вышел, бил челом в холопи стремянному

конюху, и кабалу де он ему на себя дал; и он де по той кабале тому и служи[т], а боярину де (л. 12) до него дела нет.

VIII. — 1623 г. августа 6. Приговор: Федора Мосеева (Мокеева) отдать Матвею Прощевскому; приговор сказан, холоп отдан Матвею Прощевскому.

И августа в 6-й день князь Микифор Яковлевич Мещерской, да Иван Кузьмич Бегичев, да дьяки Патрекей Насонов да Филипп Митрофанов сего дела слушали и приговорили того человека Федьку Мосеева по кабальному холопству отдать стремянному конюху Матвею Прощевскому — потому. В нынешнем во 131-м году июля в 29-й день в приводе тот Федька сказался, что он крестьянин боярина князя Ивана Борисовича Черкаского и был де в полону; и бояринов человек князь Ивана Борисовича Черкаского, Неусыпай Володимиров, сказал, что до того человека, до Федьки, боярину князю Ивану Борисовичу дела нет, потому, что он был в полону и дал на себя Матвею кабалу; да и потому, что он, Матвей, на того человека, на Федьку, (л. 13) положил кабалу, а имана та кабала на Москве во 131-м году октября в 26-й день; да и потому, что иных исцов х тому человеку никого не было. И потому приговорили того человека, Федьку Мосеева, отдать в холопство Матвею Прощевскому и велели недельщику Костянтину Текутьеву стремяннова конюха Матвея и человека Федьку велели перед собою поставить и сесь приговор велели им сказати. И того же дни сесь приговор Матвею и человеку Федьке сказан, и тот человек Матвею отдан, и головные пошлины у Матвея 3 алт., взяты¹ и в приходной книге нынешнего 131-го августа в 6-й день записаны.

IX. — 1623 г. августа 12. Челобитная Матвея Прощевского и Алексея Аридова: записать их полюбовную мировую в иске холсна Федора Мокеева и сноса.

И августа в 12-й день князю Микифору, и Ивану, и дьяком Матвей Прощевской подал челобитную, а в челобитной ево пишет. — (л. 14) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой государев, стремной конюх Матюшка Пращевский да помесной козак Алешка Аридов. В нынешнем, государь, в 131-м году искал я, холоп твой, договорново своего человека Фетька Макеева и своих сносных животов Желоховской волости на памесном козаке, на Олексее Аридове; и я, холоп твой, не ходя с тем казаком на суд, сыскалися меж себя полюбовно, помирилися. Милосердый государь [т.], пожалуй нас, холопей своих, вели, государь, мир наш и челобитья записать. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте: К сей челобитной Осип Шувалов в Матвеево место Пришевскова руку приложил по ево Матвееву велению. К сей мировой чалабитной [в] плямяника своего место Алексея Аридова Петрушка Кузьмин руку приложил.

Помета: 131-го августа в 12-й день. Записати мир.

(л. 15) И князь Микифор, и Иван, и дьяки, выслушав челобитную, велели приклеити к делу ж, а челобитье их и мир записать; и по казаке, по Алексее Аридове, поручную запись, что прислана к Москве ис Колуги, велели отдать ему, Олексее, и с тое поручные записи велели списать список. И та поручная запись казаку отдана, а с тое записи взят список слово в слово и вклеен выше сего под отпискою.

По сставам на обороте параллельные скрепы: Дьяк Патрекей Насонов. Дьяк Филипп Митрофанов. 1-я скрепа на верхнем срезе л. 1 начинается слогом «па», 2-ая слогом «Митрофанов». Скрепы кончаются на лице л. 15 под текстом.

¹ «Взяты» — помечено дьяком.

№ 9. — 1624 г. августа 31 — декабря 8. Судное дело перед Степаном Ивановичем Вольнским, Андреем Ивановичем Баскаковым и дяками Иваном Шевыревым и Патрикеем Насоновым о кабальном холопе Никите Юрьеве сыне Яковлеве, он же Скобельцын, с женсю и с детьми; истец — Юрий Игнатъевич Татищев, ответчик — князь Василий Михайлович Селеховский.

I. — 1624 г. августа 31. Пристав привел в приказ Холопъего суда Никиту Юрьева; показания Никиты и показания князя Василия Селеховского.

(л. 1) 132-го августа в 31-й день в Приказ Холопья Суда перед Степана Ивановича Вольнского, да перед Ондreja Ивановича Баскакова, да перед дяков, перед Ивана Шевырева да перед Патркея Насонова, привел пристав Кузьма Кисловской по приставной памяти от Юрья Игнатъева сына Татищева человека Микитку Юрьева сына Яковлева, а сказал: взял де он того человека в Большом дворце перед приказом. И приводной человек сказался: зовут де ево Микитка Юрьев сын Яковлев; а служит де он ныне у князь Василья княж Михайлова сына Селеховского 2 годы по кабале; а кобалу де ему дал на Москве; а наперед де князя Василья Селеховского в Разоренья служил у князя Петра Селеховского по старинному холопству; а после де князя Петра Селеховского служил у Юрья Игнатъева сына Татищева по кабале 3 год; а кобалу де дал Юрью здесь на Москве, а в котором году, того, сказал, не помнит; а как от Юрья збежал, тому лет с 8; а в те 8 лет жил, бегая, у иноземца, у Матвея Холоймова в орземаской деревне добровольно и (л. 2) жил у нево лет с 6; а от Матвея де Холаймова отшод, бил челом князю Василью Селеховскому; а жена де ево Микиткина Овдотька Еремеева дочь писана с ним в кабале у Юрья Татищева и у нево, у князя Василья; а ныне де та жена ево Овдотька и дети, сын Федька да дочь Овдотька ж, у князь Василья Селеховского. И тот человек Микитка Юрьев дан держать приставу Ждану Пересветову. Платья на нем: однорятчонка поношена голуба, да кофтан бораней, да шапенка бела, да штанишка черлены, да сопоги телятинные, крест медной; денег на себе не сказал. — (л. 3) И того же числа князь Василей Селеховской бил челом, а сказал: которого де человека привел недельщик, и того де человека зовут Микитка Юрьев сын Скобельцын, а тот де человек старинной их Селеховских; дед де ево и отец служили у деда ево, у князь Ивана Селеховского, а опосле служили у сына ево, у князь Иванова, у князь Петра Селеховского по старинному холопству; а как де дяди ево, князя Петра Селеховского, не стало, и тот де человек Микитка бил челом ему, князь Василью, после Тушинской осады, того же году и служил де у нево до Московского разоренья по кабале; а кобала де имана на Москве после Тушинской осады вскоре, в том же году; а как де Москву литовские люди высеки, и он де, князь Василей, в те поры был в Кремли, а люди де ево были в Белом городе на ево подворье; и тот де человек пропал безвесно в то Московское разоренья, и жил де он неведома где (л. 4), и пришол де к нему, ко князь Василью, от иноземца, от Матвея Холаймова, а в котором году, того, сказал, не помнит; и дал де он на себя и на жену свою кобалу здесь на Москве в том жа году, в котором году к нему пришол от иноземца, от Матвея Холаймова.

Надпись по верхнему краю об. л. 1: Юрья Татищев.

II. — 1624 г. сентября 3. Челобитная Юрия Татищева: дать суд в его беглом холопе Никите Юрьеве; показания князя Василия Селеховского.

И 133-го сентября в 3-й день Степану Ивановичю Волынскому, да Ондрею Ивановичю Баскакову, да дьяком Ивану Шевыреву да Патрекею Насонову Юрьи Татищев подал челобитною, а в челобитной пишет. — (л. 5) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, Юшка Татищев. Жалоба, государь, мне, холопу твоему, на князя Василия Селеховского. В прошлом, государь, сто двадесять пятом году побегал от меня, холопа твоего, кабальной мой человек Микитка Юрьев сын Яковлев с женою своею с Овдотькою, покрадчи; и ныне, государь, топ мой беглый человек Микитка изыман с приставом и приведен в Холопий Приказ; а жена ево и дети у князя Васил[ья] Селеховского. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели мне на тово князя Василья в том моем беглом человеке Микитке с женою ево Овдотькою дати свой царской суд и управу. Государь царь, смилуйся.

На обороте помета: 133-го сентября в 3-й день. Суд в холопстве был.

(л. 6) И ответчик, князь Василей Селеховской, выслушав исцову Юрья Татищева исковую челобитною, в ответе сказал: тот де человек Микитка Юрьев сын Скобельцын не Юрия Татищева, — ево князь Васильев; а пришел де к нему тот Микитка от Матвея Холаймова, а не от Юрья Татищева.

III. — Того же дня. Юрий Татищев положил кабалу на Никиту Юрьева от 1616 г. марта 12.

И истец Юрьи Татищев на того человека положил кобалу, а в кобале пишет (л. 7) *Помета перед текстом кабалы: 124-го марта в 12-й день. Записати в книги, сказалися вольные, Михайловские Захряпина. — Се аз, Никита Юрьев сын Яковлев, своею женою с Овдотьею с Федоровою дочерью, заняли есмя стольника у Юрьева человека-Игнатьевича Татищева, у Ерофея Александрова сына Тигорского, 3 руб. денег государя ево серебра марта от втораго на десять числа да до токова же дни на год; а за рост нам у государя ево, у Юрья Игнатьевича, служить во дворе по вся дни; а полягут деньги по сроце, и нам у государя ево, у Юрья Игнатьевича, за рост потому же во дворе по вся дни служить. А кой нас, займщиков, в лицех, на том деньги и служба. А на то послух Безсон Иванов сын Казин. А кабалу писал Иванко Никифоров сын Новиков лета семь тысяч сто двадесать четвертого году.*

На обороте: Послух Безсонко и руку приложил.

124-го марта в 12-й день перед князем Романом Ивановичем Гагариным да перед дияки, перед Пешком Жуковым да перед Филипом Митрофановым, займщики сказали: деньги заняли и кабалу на себа такову дали; и в книги записана. Дияк Филип Митрофанов. Справил Микитка Савин.

Помета: Холоп кабалы не лживил.

IV. — Того же дня. Допрос по кабале князя Василия Селеховского и Никиты Юрьева.

(л. 8) И Степан Иванович Волынской да Ондрей Иванович Баскаков, да дьяки Иван Шевырев да Патрекей Насонов велели кобалу ответчику князю Василью Селеховскому вычесть. И кобала ответчику князю Василью чтена. И в том князь Василей допрашиван: человек Микитка Юрьев служилую кобалу Юрию Татищеву давал ли? И ответчик князь Василей Селеховской, выслушав кобалы, сказал: тово

де он не ведоют, тот человек Микитка давал ли на себя Юрью Татищеву служилую кобалу или нет; в те поры де был он, князь Василей, в Литве; а служил де тот человек у деда ево у князь Ивана Селеховского, а опосле де князь Ивана служил у дяди ево двоюроднова, у князь Петра Селеховского; а по каким де крепостям тот человек служил у деда ево и у дяди, тово де он (л. 9) не ведоют; и дяди де ево не стало при царе Василье, и как де дяди ево не стало, и тот де человек Микитка после дяди ево двоюродного бил челом ему, князь Василью, при царе Василье, и кобалу де на себя дал здесь на Москве, и служил де у него у князь Василья, до Московского разоренья; и как де на Москве учинилось разоренья, и тот де человек Микитка пропал у нево на Москве в Московское разоренья, и та де кобала пропала у нево в Московское же разоренья. И Степан Иванович Волынской, да Ондрей Иванович Баскаков, и дьяки Иван Шевырев и Патрекей Насонов допросили ответчика князь Василья Селеховского: как у нево кобала пропала, явки он на кобалу давал ли? — И ответчик князь Василей Селеховской, выслушав допросу, сказал: явок де у нево на кобалу нет и не давал, потому что был в Литве; а как де из Литвы вышел, и ево де сослали в Сибирь и был в Сибири по сто двадесять пятой год. И Степан Иванович, Ондрей Иванович, и дьяки Иван и Патрекей допросили ответчика князь Василья: приехав он ис Сибири, (л. 10) явки на кобалу давал ли? — И ответчик князь Василей сказал: приехав де он ис Сибири, явок на кобалу не давал же, потому что, сказали, явок не емлют. И Степан Иванович, и Ондрей Иванович, и дьяки Иван и Патрекей велели кобалу вычесть приводному человеку Микитке Юрьеву. И кобала Микитке чтена. И Микитка Юрьев, выслушав, кобалы не лживил, а сказал, что такову кобалу на себя и на жену свою Овдотьку Юрью Татищеву давал. (л. 11) И истец Юрь Татищев бил челом, а сказал: пришол де тот человек Микитка к нему, к Юрью, от Михайла Захряпина, — чтоб допросить ответчика князь Василья, сколько лет тот Микитка служил у Михайла Захряпина. И ответчик князь Василей сказал: служил де тот человек у Михайла Захряпина, бегая от нево, от князь Василья. Да истец ж Юрь Татищев бил челом: взял де тот князь Василей на того ево человека, на Микитку, кобалу, — чтоб тое кобалу он, князь Василей, на суде положил. И ответчик князь Василей сказал: кобала де на того человека есть здесь на Москве, и он де тое кобалу положит завтра сентября в 4-й день. И ему, князю Василью, дан срок, велено кобала положить сентебря в 4-й день. И истец ж, Юрь Татищев, бил челом, чтоб допросили ответчика: как тот человек (л. 12) Микитка написан у него, у князь Василья, в кобале, и как ему сказался у кобалы, чем человеком? — И ответчик князь Василей сказал: написано де то все в кобале, как он у кобалы сказывался, а он де князь Василей, того не упомнит.

V. — *Того же дня. Князь Василий Селеховский подал 7 ссылочных памятей.*

Да подал ответчик, князь Василей Селеховской, 7 ссылочных памятей, а в памятех пишет. (л. 13) Шлюсь, государь, из виноватых на Ондreja Ошанина в том, что тово человека моево при царе Василье у меня в холопстве знал он, Ондрей, — в том на нево и шлюсь. Да шлюсь, государь, из виноватых на Семена Рохманинова в том, что тово моево человека у меня при царе Василье в холопстве знал, — в том на Семена и шлюсь. Да шлюсь, государь, из виноватых на Олексея Борзецова в том, что тово моево человека, Микитку Юрьева сына Скобельцына, при царе Василье у меня в холопстве знал, — в том на нево и шлюсь. Да шлюсь, государь, из виноватых на Федора Сычова в том, что человек, моево, тово Микитку, при царе Василье у меня в холопстве, у меня знал, — в том на Федора и шлюсь. Да шлюсь,

государь, из виноватых на Матвея Ошанина в том, что тово моево человека Микитку Юрьева сына Скобелыцына при царе Василье у меня в холопстве знал, — в том на него и шлюсь. Да шлюсь, государь, из виноватых на Микиту Беглецова в том, что тово моево человека Микитку Юрьева сына Скобелыцына при царе Василье у меня в холопстве знал, — в том на Микитку и шлюсь.

На обороте: И[стец]¹ слался на всех в послушество — друзья де ему.

(л. 14) Да сверх, государь тово, шлюсь из виноватых в повальной обыск Медынсково уезду около дяди моево князь Петра Ивановича Селеховсково помесья, села Бурдакова, версты по 2, и по 3, и по 5-ти и по 10-ти, и по пятнадцати, и по 20-ти, и по 30-ти, и больши в слух и в ведомо на дворян, и детех боярских, и на их приказщиков, и на старост, и на крестьян, и дяди моево князя Петровых крестьян тово села Бурдакова, которые тут топерво живут, и на тех, которые, вышод, живут за розными помещики, — в том, что тот мой человек Микитка Юрьев сын Скобелыцын у дяди моево князь Петра по старине служил, и как дяди моево не стало, и после дяди моево при царе Василье во сто восьмом на десять году мне во дворе бил челом и у меня служил. А им то все ведомо, — в том на них и шлюсь.

На обороте: И[стец]² слался в послушество — друзья де ему, а у меня там ни поместья ни вотчины нет.

(л. 15) И истец Юрьи Татищев, выслушев ссылочные памяти, по шти ссылочным памятем на Ондreja Ошанина с товарищи, на 6 человек, слался в послушество, а сказал: ему де, князь Василью, друзья; а по семой ссылке — в повальной обыск, в послушество ж: нево де, у Юрья, поместья и вотчины там нет, а ему де, князь Василью, друзья жа ницю де холопства по кобале.

VI. — Того же дня. Продолжение допроса Никиты Юрьева.

И Степан Иванович Волинской, и Ондрей Иванович Баскаков, и дьяки Иван Шевырев и Патрекей Насонов допросили ево Микитку: где он, Микитка, служивал до сех мест, наперед Юрья Татищева? и Микитка сказал: служивал де он у князя Петра Селеховского, а опосле князя Петра служил Михайлу Захряпину лет з 10 и больши, а от Михайла бил челом Юрию Татищеву и кобалу на себя дал; а у князь Василья де Селеховского он не служивал. (л. 16) И Степан Иванович, и Ондрей Иванович, и дьяки Иван и Патрекей допросили Микитки: князь Василью Селеховскому кобалу давал ли и как у кобалы сказался? И Микитка сказал: кобалу де князю Василью дал, а сказался у кобалы — князь Петровской человек Селеховского; а про Юрьеву де кобалу, что на него есть кобала у Юрья, ему, князь Василью, сказывал, и князь Василей де Юрьем сказыватца ему не велел.

VII. — Того же дня. Поручная запись по князе Василии Селеховском.

И Степан Иванович Волинской, и Ондрей Иванович Баскаков, да дьяки Иван Шевырев да Патрекей Насонов речи их велели записати, а недельщику Ждану Пересветову по князь Василье Селеховском велели взять поручную запись. И недельщик Ждан Пересветов по князь Василье подал к делу поручную запись, а в записи пишет. — (л. 17) Се яз, Офонасей Иванов сын Веков, да яз, Нехорошей Микитин сын Морков, да яз, Михайла Васильев сын Милаславской, выручили есмя Холопыя приказу у недельщика, у Ждана Пересветова, князя Василья княж Михайлова сына Селеховского в то[м], что ему за нашею пору-

¹ В подлиннике «и» в кружке.

² В подлиннике «и» в кружке.

кою ставится в Холопье приказе перед Степаном Ивановичем Волинским, да перед Ондреем Ивановичем Баскаковым, да перед дьяки перед Иваном Шевыревым да перед Патрекеем Насоновым по вся дни и с Москвы не съехать; да ему же положить кабала служивая на человека, на Микитку Юрьева. А не учнет, он, князь Василей, за нашею порукою ставится и с Москвы съедет или кабалы не положит, и он, князь Василей, лишен того человека. А кой нас, порутчиков, в лицах, на том и порука. А на то послуши: Иван Федоров. А запись писал Тихонко Олферов лета 7132-го году.

На об. л. 17: Михайло князь Василья Селеховского в статье ручал и руку приложил. Меня, князя Васил[ья], ручали, и руку приложил. Послух Ивашка руку приложил.

(л. 18) И Степан Иванович, и Ондрей Иванович, и дьяки Иван и Патрикей, выслушав поручную запись, велели приклеити к делу же.

VIII. — 1624 г. сентября 6. Князь Василий Селеховский подал кобалу на Никиту Юрьева от 1622 г. октября 9.

И сентебря в 6-й день Степану ж Ивановичю, и Ондрею Ивановичю, и дьяком Ивану и Патрекею князь Василей Селеховской подал кобалу на человека на Микитку, а в кобале пишет. (л. 19) *Помета перед текстом кабалы:* 131-го октября в 9-й день. Записати в книги. Сказали старинные они его люди, а в стрелыцах и в казаках не бывали. — Се яз, Микитка Юрьев сын Скобелыцын, с своею женою, с Евдокеею Федоровою дочерью, заняли есмя у князя Васильева человека Михайловича Селеховского, у Василья Мызникова, государя его серебра 4 руб. денег московских ходячих октября от 9-го числа до токова же числа на год; а за рост нам у государя его, у князя Василья Михайловича Селеховского, служити во дворе по вся дни; а полягут деньги по сроде, и нам у государя его, у князя Василья Михайловича Селеховского, за рост служити во дворе потому же по вся дни. А кой нас, заимщиков, будет в лицах, на том деньги и служба. А на то послуши: Безсон Иванов сын Козин. А кобалу писал Богдашко Константинов лета 7100 тридесять первого году.

На обороте: Послух Безсонко и руку приложил.

131-го октября в 9-й день перед князем Никифором Яковлевичем Мещерским, да перед Иваном Кузьмичем Бегичевым, да перед дьяком перед Филипом Митрофановым, заимщики сказали: деньги заняли и кобалу на себя такову дали; и в книги записана. Дияк Филип Митрофанов. Справил Ивашко Тетерин.

Помета: Взять г делу.

(л. 20) И Степан Иванович, и Ондрей Иванович, и дьяки Иван и Патрикей, выслушав кобалу, велели приклеить к делу.

IX. — 1624 г. ноября 23. Подписная челобитная Юрия Татищева: учинить указ в его беглом холопе по суду на основании кабалы.

И ноября в 23-й день Степану Ивановичю Волинскому, да Ондрею Ивановичю Баскакову, да дьяком Ивану Шевыреву да Патрекею Насонову Юрья Татищев подал подписную челобитную за приписью дьяка Ивана Деткова, а в челобитной пишет. — (л. 21) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, Юшка Татищев. Искал, государь, яз, холоп твой, на кнезе Василье Селеховском беглова своего человека Микитки Юрьева сына Яковлева с женою и з детьми; и кобала, государь, моя старее многими леты ево князь Васильевой кабалы. И князь Василей Селеховской сказал на суде, будта у него была другая кабала, старее моей кабалы, и та будта пропала в Московское разоренье, а явак на кобалу на тое не давал, то и сам на суде сказал, что явок нет. А по твоему государеву указу, хто скажет у себя другую старую крепость,

что прапала, а явок на нее не давал, и тому верить не велено, а мно-
гия дела в Холопье приказе тем вершены, явками теми и правят и ви-
нят. А мне, холопу твоему, в том моем беглом холопе по кабале в
Холопье приказе по суду указу не учинят, {а человек сидит за приста-
вом в чепи да в железах, пожелезное многое насидел. Милосердый
государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели в том моем беглом
человеке свой государев указ учинить. Государь царь, смилуйся, по-
жалуй.

На обороте пометы: Государь пожаловал, велел по тому делу указ
учинить, до чего доведетца, не волоча.

133-го ноября в 23-й день, Степану Ивановичу Волынскому, да
Ондрею Ивановичу Баскакову, да дьяком Ивану Шевыреву да Патре-
кею Насонову. Государь [т.] пожаловал, велел по тому делу указ учи-
нить, до чего доведетца, не волоча. Диак Иван Дедков.

Приклеить г делу.

(л. 22) И Степан Иванович Волынской, да Ондрей Иванович Бас-
каков, да Дьяки Иван Шевырев да Патрекей Насонов, выслушав че-
лобитною, велели приклеить к делу.

X. — 1624 г. ноября 27—28. Подписная челобитная (Никиты Юрье-
ва: учинить указ по его делу.

И ноября в 28-й день Степану Ивановичу, да Ондрею Ивановичу,
и дьяком Ивану и Патрекею Микитка Юрьев подал подписную чело-
битною за приписью дьяка Ивана Дедкова, а в челобитной пишет. —
(л. 23) Царю государю [т.], бьет челом сирота твой, Микитка Юрьев.
В прошлом, государь, во 132-м году имался за меня, сироту твоего,
Юрьи Татищев у князя Василья князь Михайлова сына Селеховского
и искал на мне холопства. И с суда, государь, живот свой мучю у
пристава в чепи и в железах, 12 недель помираю голодною смертью и
з женишком и з детьми. Милосердый государь [т.], пожалуй меня,
сироту свою, вели, государь, дело вершить и по суду свои царской
указ учинити, чтоб я з женишком и з детишками, сидя за приставом,
и досталъ вконец не погиб. А истец, государь, и ответчик от дела
отступилися и в приказ не ходят. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте пометы: По делу указ учинить.

133-го ноября в 27-й день. Степану Ивановичу Волынскому, да
Ондрею Ивановичу Баскакову, да дьяком Ивану Шевыреву да Пат-
рекею Насонову. Государь [т.] пожаловал, велел по делу указ учинить.
Диак Иван Дедков.

Приклеить г делу.

XI. — 1624 г. декабря 8. Приговор: истца Юрия Татищева оправить,
ответчика князя Василья Селеховского обвинить.

(л. 24)¹ И декабря в 8-й день Степан Иванович Волынской, да
Ондрей Иванович Баскаков, да дьяки Иван Шевырев да Патрекей
Насонов сго судного дела Юрья Татищева со князь Васильем Селе-
ховским слушали и приговорили исца Юрья Татищева оправити, а от-
ветчика, князь Василья Селеховского, обвинить — потому. Искал Юрья
Татищев на нем, на княз[е Васи]лье по челобитной человека Микит-
к[у]² ... побегал де от нево... Микитка Юрьев сын Яковл[ев с женою]
своею Овдотью; и того де он человека изымал с приставом и при-
вел в Х[олопий] приказ, а жена де ево и дети у князь Василья Селе-
ховского...³

¹ Здесь, между лл. 23 и 24, как показывает скрепа по сствам, пробел.

² Лист — ветхий, пропуски — истлевшие места.

³ Дальнейший текст по остаткам его на истлевшей бумаге восстановить нельзя.

Скрепны на обороте поставам лл. 1—4, конец на лице л. 4: Дияк Иван Шевырев; лл. 4—24: Дияк Патрекей Насонов — Дияк Патрекей Насонов — Дияк Патрекей Нас... (пробел) — Дияк...

Опись № 25, столбец № 40054. I — лл. 1—4; II — лл. 4—6; III — лл. 6,7; IV — лл. 8—12; V — лл. 12—15; VI — лл. 15,16; VII — лл. 16—18; VIII — лл. 18—20; IX — лл. 20—22; X — лл. 22,23; XI — л. 24. Столбец хорошей сохранности, за исключением полуистлевшего последнего листа. Конец утрачен.

№ 10. — 1627 г. января 13 — декабря 12. Судное дело перед Степаном Ивановичем Вольтинским и Иваном Фомичем Огаревым, начатое при дьяке Емельяне Евсеевеве и оконченное при дьяках Никите Леонтьеве и Якове Ключареве, о холопах Терентии Васильеве, Афанасии Носике с женой Дарьей и о сносе; истец — тулянин Тит Иванов сын Епанчин, ответчики — Александр и Лаврентий Леонтьевы.

I. — 1627 г. января 13.¹ Память пристава: дать на поруки Александра и Лаврентия Леонтьевых и их крестьян; поручная запись по них.

(л. 1) 135-го генваря в 13-й день. [Память] пристава: дати ему на поруку Олександра да [Лаврен]тья Левонтьевых и их крестьян Резансково [уезду] дер. Молинак, старосту Левку Почегина [да] Сеньку Степанова с товарищи, по челобитью Тита [Е]пончина в беглых людей, в Терешке Васильеве, да в Офоньке Носике, да в Офонькине жене, в Дашки, да в сносе, в пятидесят рублех с полтиною. Дияк Емельян Евсеевев. — (л. 2). И Степан Иванович, и Иван Фомич, и дияк Емельян Евсеевев, выслушав приставную память, велели Олександра да Лаврентия Левонтьевых и их крестьян Резанского уезду дер. Малинок, старосту Левку Почегина да Сеньку Степанова с товарищи, в Титовых в беглых людех Епончина, в Терешке Васильеве, да в Офоньке Носике, да в Офонькине жене, в Дашке, да в сносе в 50-ти руб. с полтиною дати [на] поруку.

(л. 3) И 136-го декабря в 12-й день² по приговору Степана Ивановича Вольтинского, да Ивана Фомича Огарева, да [дьяков] Никиты Леонтьева да Якова Ключарева подлинная поручная запись выдана, а с той подлинной записи вклеен список, а в списке пишется. — (л. 4) Список с поручной записи слово в слово, а подлинная запись выдана ответчику Кузьме Леонтьеву. Се яз, Ондрей Федоров сын Наумов, да яз, Офонасей Григорьев сын Желябовской, да яз, Лаврентей Елизарьев сын Наумов, да яз, Михайло Васильев сын Ларионов, да яз, Юрьи Тимофеев сын Быкасов, да яз, Федор Семенов сын Колтовской, вручили есми Холопья приказу у пристава, у Артемья Соловцова, Олександра да Лаврентья Левонтьевых в том: ставитца им за нашу порукою к суду в Холопье приказе перед Степаном Ивановичем Вольтинским, да перед Иваном Фомичем Огаревым, да перед диаком перед Емельяном Евсеевевым по вся дни и с Москвы не съехать. А не учнут оне за нашу порукою по вся дни ставитца или с Москвы съедут, и на нас, на поручиках, исцов иск Тита Епанчина, беглые люди Терешка Васильев да Офонька Носик да Офонькина жена Дашка да снос 50 руб. с полтиною. А кой нас, поручиков, будет в лицах, на том и порука. А на то послуш Григорей Юрьев. А запись писал Савка Правиков лета 7135-го году. А назади у подлинной записи написано: Ондрей Наумов к суду ручал (л. 5) и в Лаврентьево³ место Наумова руку приложил. Офонасей ручал и в Михайлова места Ларионова руку

¹ Начало дела, челобитная Тита Епанчина от 1627 г. 13 января, не сохранилось.

² Эта дата (вклейки списка взамен подлинной поручной), этот приговор и вынесший его состав приказа по существу к настоящему § I, содержащему документы начала дела, от января 1627 г., не относятся. Дьяки Н. Леонтьев и Я. Ключарев появляются в ходе этого дела в ноябре 1627 г.

³ В подлиннике Раврентьево.

приложил. Юрьи ручал к суду и руку приложил. Федор Колтовской ручал и руку приложил. Послух Гришка руку приложил.

II. — 1627 г. апреля 13. Челобитная Александра и Лаврентия Леонтьевых: Тит Епанчин, пристава к ним, не ищет, — учинить указ.

Апреля в 13-й день Степану Ивановичю Волынскому, да Ивану Фомичю Огареву, да дьяку Емельяну Евсееву Олександра Леонтьев подал челобитную, а в челобитной пишет. — (л. 6) Царю государю [т.] быют челом холопи твои, Олешка да Лаврутка Леонтьевы. В нынешнем, государь, во 135-м году генвоя в третий на десеть день приставил к нам, холопом твоим, и х крестьяном нашим Михайловскова уезду дер. Молинок, к старосте к Левке Почегину да к Сеньке Степанову с товарищи, в беглых людех, в Трешке Васильеве, да в Офоньке Носике да в Офонькине жене, в Дашке, да в сносе, в пятидесет рублех с полтиною, туленин Тит Епончин; и пристава к нам, холопом твоим, волочит, по ся места не ищет. Милостивый государь [т.], пожалуй нас, холопей своих, вели, государь, нам в том свой государев указ учинить. Царь государь, смилуйся.

На обороте помета: 135-го апреля в 13-й день. Приставная память и поручная запись положить в доклад.

(л. 7) И Степан Иванович, и Иван Фомич, и дьяк Емельян Евсеев, выслушав челобитной, велели приста[в]ную память и поручную запись, взяв у недельщика, сстава, положить на стол.

III. — 1627 г. ноября 8. Челобитная Александра и Лаврентия Леонтьевых: отсрочка Титу Епанчину для службы кончилась, а он все не ищет, — учинить указ.

И 136-го ноября в 8-й день Степану Ивановичю Волынскому, да Ивану Фомичю Огареву, да дьяком, Никите Леонтьеву да Якову Ключареву, Олександра Леонтьев подал челобитную, а в челобитной пишет. — (л. 8) Царю государю [т.] быют челом холопи твои, Олешка да Лаврутка Леонтьевы. В прошлом, государь, во 135-м году генваря в 13-й день приставил к нам, холопом твоим, да хрестьянишкам нашим, к старостишку к Левке Почегину с товарищи, туленин сын боярской Тит Иванов сын Епончин в беглых людех, в Терешке Васильеве да в Офоньке Носике с женою, да в сносе, в пятидесет рублех с полтиною; и пристава, государь, с того числа не искал на нас да тег мест, как им отсрочили для службы; и на поруку государь, тот Тит дан, что ему искати на нас, как воеводы с коней ссядут. И по ся места, государь, тот Тит на нас не ищет и нас, холопей твоих, волочит. Милостивый государь [т.], пожалуй нас, холопей своих, вели, государь, нам в том деле с Титом свой государев указ учинить. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 136-го ноября в 8-й день. Взять к делу.

(л. 9) И Степан Иванович, да Иван Фомич, и дьяки Никита Леонтьев да Яков Ключарев, выслушав челобитной, велели приклеить к делу.

IV. — 1627 г. ноября 9. Челобитная Александра и Лаврентия Леонтьевых, аналогичная предыдущей.

И ноября же в 9-й день Степану Ивановичю Волынскому, да Ивану Фомичю Огареву, да дьяком Никите Леонтьеву да Якову Ключареву Олександра Леонтьев подал челобитную, а в челобитной пишет. — (л. 10) Царю государю [т.] быют челом холопи твои, Олешка да Ловрушка Леонтьевы. В прошлом, государь, во 135-м году генваря в 13-й день приставил к нам, холопом твоим, да к хрестьянишк[а] нашим, к старостишку к Левке Почегину с товарищи, туленин сын боярской

Тит Иванов сын Епончин в беглых людех, в Терешке Васильеве да в Офоньке Носике з женою, да в сносе в пятидесят рублех с полтиною; и пристава, государь, с тово числа не искал на нас да тех мест, как отсрочили для службы; и на поруку, государь, тот Тит дан, что ему искати на нас, как воеводы с коней ссядут. И по ся места, государь, тот Тит не ищет, нас, холопей твоих, волочит. Милостивый государь [т.], пожалуй нас, холопей своих, вели, государь, нам в том деле с Титом свой государев указ учинить. Царь государь, смилуйся.

На обороте помета: 136-го ноября в 10-й день. Взять к делу.

(л. 11) И Степан Иванович, и Иван Фомич, и дьяки Никита Леонтьев да Яков Ключарев, выслушав челобитной, велели приклеить к делу.

V. — 1627 г. ноября 10. Челобитная Александра и Лаврентия Леонтьевых, аналогичная предыдущим.

Ноября в 10-й день Степану Ивановичю Волынскому, да Ивану Фомичю Огареву, да дьяком Никите Леонтьеву да Якову Ключареву Олександра Леонтьев подал челобитную, а в челобитной пишет. — (л. 12) Царю государю [т.] бьют челом холопи твои, Олешка да Лаврупка Левонтьевы. В прошлом, государь, во 135-м году генвоя в 13-й день приставил к нам, холопом твоим, да х крестьянишкам нашим, к старостишку к Левки Почегину с товарищи, туленин сын боярской Тит Иванов сын Епончин в беглых людех, в Терешке Васильеве да в Офоньке Носике з женою да в сносе, в пятидесят рублех с полтиною; и пристава, государь, с тово числа не искал на нас да тех мест, как им отсрочили для службы. И по ся места, государь, тот Тит не ищет на нас, холопех твоих, волочит. Милостивый государь [т.], пожалуй нас, холопей своих, вели, государь, нам в том деле с Титом свой государев указ учинить. Царь государь, смилуйся.

На обороте помета: 136-го ноября в 10-й день. Взять к делу.

(л. 13) И Степан Иванович, и Иван Фомич, и дьяки Никита Леонтьев да Яков Ключарев, выслушав челобитной, велели приклеить к делу.

VI. — 1627 г. декабря 12. Приговор: ответчиков Александра и Лаврентия Леонтьевых оправить, а истца Тита Епанчина обвинить, потому что он, пристава, не искал.

И 136-го декабря в 12-й день Степан Иванович Волынской, да Иван Фомич Огарев, да дьяки Никита Леонтьев да Яков Ключарев Тита Епанчина приставной памяти да по Олександре да по Лаврентье Левонтьевых поручной записи и их челобитья слушали и приговорили в том деле ответчиков Олександра да Лаврентья Левонтьевых оправить, а исца Тита Епанчина в том деле приговорили обвинить, потому что в прошлом во 135-м году генваря в 13-й день приставил он, Тит, к Олександру да к Лаврентью Левонтьевым да к их крестьяном Резанскова уезду дер. Малинок, к старосте к Левке Почегину да к Сеньке Степанову с (л. 14) товарищи, в беглых людех, в Терешке Васильеве да в Офоньке Носике да в его Афонькине жене, в Дашке, да в сносе, в пятидесят рублех с полтиною, и того своего иску он, Тит Епанчин, на Олександре да на Лаврентье Левонтьевых не искал 135-го году генваря с 13-го числа да 136-го году декабря по 12-е число и, не бив челом государю и в том деле не отсроча, с Москвы съехал; и в нынешнем во 136-м году он, Тит Епанчин, декабря по 12-е число к Москве не бывал, и челобитья его о том деле государю не бывало ж, — то ему, Титу, вина. А по государеву [т.] указу и по боярскому приговору, которые исцы, пристава к ответчиком своим в своих исках, да не ищут неделю или две не-

дели, и тем исцом в тех их исках отказывать, и впредь им в том деле суда давати не велено; а ответчиком их выдают поручные их записи. И потому ему, Титу Епанчину в том деле приговорили отказать (л. 15), а Олександра да Лаврентья Левонтьевых в том деле приговорили оправить и поручную запись велели им выдать. И та подлинная поручная запись Олександру да Лаврентью Леонтьевым выдана, а с нее список слово в слова списан и вклеен выше сего под приставную память, где была подлинная поручная запись, Яковлевою рукою Ключарева.¹

№ 11. — 1627 г. сентября 6—1643 г. января... Судное дело перед Степаном Ивановичем Волынским, Иваном Фомичем Огаревым и дьяками Никитой Леонтьевым и Яковом Ключаревым² о холопе Демиде Семенове сыне Парфеньеве, его жене Арине Аристовой дочери, пасынке Дмитрии Алексееве и о сносе; истец — сытник Бажен Овдокимов сын Трескин, ответчик — кашинец Тихон Зыков.

Скрепа на обороте по верхнему срезу л. 1 и по сставу лл. 1—2 — Диак — обрывается, надо думать, потому что л. 3 — позднейшая вклейка списка; далее по сствам лл. 2—15 проведена скрепа — Диак Яков Ключарев, обрывающаяся словом Яков.

Опись № 25, столбец № 40229. I — лл. 1—5; II — лл. 5—7; III — лл. 7—9; IV — лл. 9—11; V — лл. 11—13; VI — лл. 13—15. Левый край лл. 1—4 обломился, есть пробы.

I. — 1627 г. сентября 6. Челобитная Бажена Трескина: дать недельщика по Тихона Зыкова.

(л. 1) Надпись: Дело Бажена Трескина.

(л. 2) [Сент]ября в 6-й день бил челом государю [т.] сытник Бажен Трескин, а в Приказе холопья суда Степану Ивановичу Волынскому, да Ивану Фомичю Огареву, да дьяком Никите Леонтьеву да Якову Ключочереву подал челобитную, а в челобитной пишет.

На обороте: Бажена Трескина...³ подписная челобитная... пошлин иметь не велено.

(л. 3) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, сытник Баженко Трескин. Жалоба, государь, мне на кашинца, на Тихана Зыкова. В нынешнем, государь, во 135-м году на третьей недели после велика дни перезвал, государь, от меня тот Тихан моих кабальных людей в Кашинском уезде в Кочемском стану в сельце Матвеевском, Вознесенском то же, Демидка Семенова сына Парфеньева, да жену его Оринку Аристову дочь, да сына ее Митьку Олексеева, с моими животами и статками. А та, государь, Оринка ходила у меня в ключе и животов, государь, моих выдала ему, Тихану, на 50 руб. с полтиною. И я, холоп твой, о[т] тово Тихана Зыкова вконец погиб. Милостивый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, дати⁴ мне недельщика по тово Тихана в тех моих кабальных людях и в животах моих; и тово Тихана и тех моих людей в холопстве вели поставить на Москве в Холопье приказе со мною, холопом своим, с очей на очи. Царь государь, смилуйся. пожалуй.

На обороте помета: 136-го сентября в 6-й день. Дать пристава.

II. — 1627 г. сентября 8. Память недельщику: взять из вотчины Тихона Зыкова, села Вознесенского Кашинского уезда, Демиды Семенова с женой и пасынком и привезти их в Москву на лошади Тихона Зыкова.

¹ Последние три слова написаны рукою дьяка.

² Память приставу от января 1643 г. о доставке пошлин — при Степане Ивановиче Исленье и дьяках Романе Булыгине и Орефе Башимакове.

³ Лист ветхий, пробы.

⁴ В подлиннике: да дати.

(л. 4) Лета 7136-го сентября в 8-й день. По государеву [т.] указу память недельщику Захарью Ларионову: ехать ему в Кашинской уезд — для того. Бил челом государю [т.] сытник Бажен Трескин на кашинца, на Тихона Зыкова, а сказал: во 135-м году на третьей неделе после велико дни подговорил де от него тот Тихон ево кобальных людей, Демидка Семенова сына Парфеньева з женою, с Оринкою Аристовою дочерью, да сыном с Митькою Олексеевым; а живота де ево взяли по ево Тихонову подговору на 50 руб. с полтиною. И недельщику Захарью, приехов в Кашинской уезд, взяти ему с собою понятых попов и дьяконов и крестьян, сколько человек пригоже, да с теми понятыми выняти ему у кашинца, у Тихона Зыкова, Баженовых людей Трескина: Демидку Семенова сына Парфеньева з женою ево с Оринкою Аристовою дочерью и с сыном с Митькою Олексеевым; (л. 5) а выняв, вести их к Москве с собою вместе на Тихановой лошади Зыкова. А будет, тот Тихон Зыков тех Баженовых людей Трескина, Демидку Семенова сына Парфеньева с женою, с Оринкою Аристовою дочерью, и с сыном, с Митькою Олексеевым, ухоронит или выняти будет у него немочно, и недельщику Захарью потому же в тех людех, которые в сем наказе имяны писаны, да в сносе, в 50 руб. с полтиною, дать на поруку Тихона Зыкова, а за порукою велеть ему ехать к Москве с собою же вместе; да о том написать доезду своего память и понятым имена; а приехав к Москве, явиться ему и доезду своего память и понятым имена и тех людей отдать в Приказе холопья суда Степану Ивановичю Волынскому, да Ивану Фомичю Огареву, да дьяком Никите Леонтьеву да Якову Ключареву. К сей наказной памяти государева [т.] печать приложена.

III. — 1627 г. сентября 19—24. Недельщик поставил в приказе Арину Аристову дочь и подал доездную память.

(л. 6) И сентября в 24-й день в приказе холопья суда перед Степаном Ивановичем Волынским, да перед Иваном Фомичем Огаревым, да перед дьяки, перед Никитою Леонтьевым да перед Яковом Ключаревым, недельщик Захарей Ларионов поставил жонку Аринку да подал доездную память, а в доездной памяти пишет. — (л. 7) Лета 7136-го сентября в 19-й день по государеву [т.] указу и по наказной памяти недельщик Захарей Ларионов, взяв с собою понятых людей, в Кашинской уезд в село Вознесенское ездил и по государеву [т.] указу и по челобитью сытника Бажина Трескина, что бил челом государю [т.] на Тихона Зыкова и приехав с понятыми, в его вотчине в селе Вознесенском людей его кабальных Оринку Аристову дочь да сына ее Митьку Олексеева, вынял, а муж ео Демидка ухоронился; а Тихон Зыков дома не сказался, государева наказу не слушал. А понятых были: от Воскресения христова стану поп Сергей, да Тимофея Витовтова крестьянин Архип Провоторхов, да Сергея Вотолина крестьянин Гаврило Борисов. А доездную память писал воскресенской поп Сергей.

На обороте: 136-го сентября в 24-й день. Взять к делу.

IV. 1627 г. сентября 24. Допрос Арины Аристовой дочери.

(л. 8) И Степан Иванович, и Иван Фомич, и дьяки Никита и Яков, выслушав доездную память, велели приклеити к отпуску, а жонку Аринку велели спросить. И жонка в роспросе сказалася: зовут де ее Оринкою Аристовою дочь, а сына де ее зовут Демитрейком Олексеев сын, старинная до первой Боженовой жены Трескина; и жила де она у Божена с тем сыном своим Митькою при первой ево жене 2 годы; и жена де ево Боженова первая, Фетинья, умерла, а ее де, Оринку, Божен выдал замуж за кобального своего человека, за Демку Семенова сына; и живет де она с тем мужем своим, з Демкою, и с сыном,

с Митькою, у Божена Трескина и по ся места, не отходя, в селе Вознесенском; а ныне де то село у Божена Трескина в споре с Тихоном Зыковым; и муж де ее Демка и ныне в том селе Вознесенском; а ее де, (л. 9) Орину, с сыном с Митькою в селе Вознесенском пристав взял по челобитью Божена Трескина. И Степан Иванович, и Иван Фомич, и дьяки Никита и Яков речи ее велели записать, а их до указу велели подержать приставу Захару Ларионову. А на ней платья: шуба боранья, сорофанишко краше[нн]ой, шапка червчата комчата; а на сыне ее, на Митьке, платья: кофтан сер, шубенка боранья, шапенка; денег на себе не сказали. Да с ним же приведена лошедь рыжа, лыса, грива налево. А та де лошедь и что на них платья — мужа ее Демки Семенова. А та лошедь 10-ти лет.

V. — 1627 г. сентября 26. Лошадь Тихона Зыкова отдана держать человеку Бажена Трескина, Андрею Харитонову; поручная память по нем.

И сентября в 26-й день та лошадь велено дать Баженову человеку Трескина, Ондрюшке Харитонову, потому что Бажена о тое пору на Москве нет. А по том ево человеку велено взять поручная запись, и в записи пишет. (л. 10) — Се яз, Дементей Семенов сын Левонтьев, Кормового дворца подключник, да яз, Тимофей Дементьев сын Шерстов, да яз, Михайло Федоров сын Носов, векошник, выручили есмя Холопья приказу у пристава, у Захарья Ларивонова, Баженова человека Трескина Ондрюшу Харитонову в том: поставити ему за нашею порукою в Холопье приказе перед Степаном Ивановичем Волинским, да перед Иваном Фомичем Огаревым, да перед дьяки, перед Микитою Левонтьевым да перед Яковом Ключаровым, как спросят, мерина лыса рыжа, что тот мерин в споре с Тиханом¹ Зыковым. А будет того мерина он, Ондрюша, как ево спросят, в Холопье приказе не поставит, и на нас, на порудчиках, за того мерина по цене деньги 5 руб. А кой нас будет порудчиков, в лицах, на то[м] порука. А на то послуши: Василья Степанов сын Клавыше[в]. А запись писал Олипка Ушатов лета 7136-го году.

На обороте: Дементей ручал и в Тимофеево место Шорстова руку приложил. Михайло ручал и руку приложил. Послух Васька и руку приложил.

(л. 11) И Степан Иванович, и Иван Фомич, и дьяки Никита и Яков выслушев поручную запись, велели приклеить к делу.

VI. — 1627 г. сентября 29. Челобитная Тихона Зыкова: крестьяне его Арина Аристова дочь и Дмитрий Алексеев сын, сидят за приставом, — велеть Бажену Трескину искать холопства на них.

И сентября в 29-й день Степану Ивановичю, и Ивану Фомичю, и дьяком Никите и Якову Тихон Зыков подал челобитную, а в челобитной ево пишет. — (л. 12) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, кашинец Тишка Иванов сын Зыков. В нынешнем, государь, во 136-м году имал, государь, ис Холопья приказу с наказом недельщика сытник Бажен Трескин по крестьянишек моих, до Демешку Семенова да по Митьку Олексеева, в холопстве. И недельщик, государь, Холопья приказу привез к Москве крестьянишка моего Митьку Алексеева сына с матерью его Оринкою, а з Демешкиною женою. И те, государь, мои крестьянишка сидят за приставом, а Бажен Трескин на них холопства не ищет, хотя их уморити за приставом. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, ему, Бажену, на крестьянишках моих холопства искати, чтоб оне, сидечи за приставом, вконец не погибли и голодною смертью не померли. Царь государь, смилуйся.

¹ Было написано «Михайлом», «М» переправлено в «Т», «получилось, Тихайлом»; даем исправленноеписание.

На обороте помета: 136-го сентября в 29-й день. Поставить исца. (л. 13) И Степан Иванович, и Иван Фомич, и дьяки Никита и Яков, выслушев челобитную, велели приклеить к делу.

VII. — 1627 г. октября 3. Челобитная Тихона Зыкова: его крестьяне Арина Аристова дочь и Дмитрий Алексеев сын помирают за приставом голодной смертью, а Бажен Трескин все не ищет на них холопства, — учинить указ.

И октября в 3-й день Стёпану Ивановичю, и Ивану Фомичю, и дьяком Никите и Якову Тихон Зыков подал челобитную, а в челобитной ево пишет. — (л. 14) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, кашинец Тишка Зыков. В нынешнем, государь, во 136-м году имал пристава ис Холопья приказу сытник Бажен Трескин по моих крестьянишек, по Митьку Алексеева да по Демидка Семенова з женою, в холопстве да в сносе напрасно. И ныне, государь, те мои крестьянишка, Митька да Оринка, сидят за приставом, помирают голодною смертью, а тот Бажен не ищет другонатцатой день. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, в том свой государев указ учинить, чтобы, государь, мои крестьянишка, сидя за приставом, вконец не погибли. Царь государь, смилуйся.

На обороте: 136-го октября в 3-й день. Взять к делу.

VIII. — 1627 г. октября 5. Челобитная Тихона Зыкова, аналогичная предыдущей.

(л. 15) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, кашинец Тишка Зыков. В нынешнем, государь, во 136-м году имал ис Холопья приказу пристава сытник Бажен Трескин по крестьянишек по моих, по Митьку Алексеева да по Демидка Семенова з женою в холопстве и в сносе напрасно; и тот Митька и Оринка сидят за приставом третью неделю, помирают голодом, а тот Бажен не ищет. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне в том свой царской указ учинить, чтоб, государь, крестьянишки мои, сидя за приставом, вконец не погибли и з голоду не померли. Царь государь, смилуйся пожалуй.

На обороте: 136-го октября в 5-й день. Взять к делу.

(л. 16) И Степан Иванович, и Иван Фомич, и дьяки Никита и Яков, выслушев челебитную, велели приклеить к делу.

IX. — 1627 г. октября 8. Челобитная Тихона Зыкова, аналогичная предыдущим.

И октября в 8-й день Степану Ивановичю Вольнскому, да Ивану Фомичю Огареву, да дьяком Никите Леонтьеву да Якову Ключареву Тихон Зыков подал челобитную, а в челобитной ево пишет. — (л. 17). Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, кашинец Тишка Зыков. В нынешнем, государь, во 136-м году имал пристава ис Холопья приказу сытник Бажен Трескин по крестьянишек по моих, по Митьку Алексеева, по Демитка Семенова з женою, в холопстве и в сносе напрасно; и тот, государь, Митька и Оринка сидят за приставом, помирают голодом, а тот Бажен не ищет три недели. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне в том свой государской указ учинить, чтоб, государь, крестьянишка мои за приставом з голоду не умерли. Царь государь, смилуйся.

На обороте: 136-го октября в 8-й день. Взять к делу.

X. — 1627 г. октября 9. Челобитная Тихона Зыкова, аналогичная предыдущим; недельщику велено сыскать Бажену Трескина.

(л. 18) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, кашинец Тишка Зыков. В нынешнем, государь, во 136-м году ис Холопья приказу имал

пристава сытник Бажен Трескин по моих крестьянишек, по Митьку Алексеева да по Демитку Семенова з женою, в холопстве и в сносе напрасно; и тот Митька и Оринка сидят за приставом три недели, помирают голодом, а тот Бажен не ищет. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне в том свой государской указ учинить, чтоб, государь, мне, волочась, вконец не погинуть, и крестьянишка б мои, сидя за приставом, з голоду не померли. Царь государь, смилуйся.

На обороте: 136-го октября в 9-й день. Взять к делу и положить дело на стол.

(л. 19) И Степан Иванович, и Иван Фомич, и дьяки Никита и Яков, выслушев челобитную, велели приклеить к делу, а приставу Захару Ларионову велели сытника Бажена Трескина сыскати — он Бажен на Москве ли или с Москвы съехал — и велели ево недельщикову скаску записать. И недельщик Захарей Ларионов, пришед в Приказ холопья суда, сказал, что Бажен Трескин на Москве.

XI. — 1627 г. октября 16. Челобитная Бажена Трескина: дать суд в его людях, Демиде Семенове с женой и пасынком, и в сносе, показания Тихона Зыкова; истец с ответчиком имались за веру.

И октября в 16-й день Степану Ивановичу Волынскому, да Ивану Фомичю Огареву, да дьяком Никите Леонтьеву да Якову Ключареву сытник Бажен Трескин подал о суде челобитную, а в челобитной ево пишет. (л. 20) — Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, сытник Баженко Трескин. Жалоба, государь, мне на кашинца сына боярского, на Тихана на Зыкова. В прошлом, государь, во 135-м году на третьей неделе после велика дни перезвал, государь, от меня тот Тихан моих кабальных людей в Кашинском уезде в Кочемском стану в сельце в Матвеевском а Вознесенское то же, Демидка Семенова сына Парфеньева, да жену ево Оринку Аристову дочь, да сына ее Митьку Олексеева сына с моими животы и з статки. А та, государь, Оринка ходила у меня в ключе и животных, государь, моих выдала ему, Тихану, на 50 руб. с полтиною. И по моему, государь, челобитью у того Тихана та моя женочка вынята; и тя моя женочка Оринка Аристова дочь сыном, с Митькою, человека моего Демидка Семенова, а жену у того Тихона Зыкова, а мужа ее у себя ухоронил.¹ Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, [вели]² мне на того Тихана в тех моих людех и в сносе дать свой царской суд и управу. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте: 136-го октября в 16-й день. Суд был.

(л. 21) И ответчик Тихон Зыков, выслушев исцовы Баженовы челобитной Трескина, за человека, за Демитку Семенова, в холопстве отвечал, а в ответе сказал: человека де ево, того Демитку, не подговаривал и сносу к нему, что в ево челобитной написано, на 50 руб. с полтиною, не принашивал. Да в том истец с ответчиком имались за веру, крестное целованье. И ответчик Тихон Зыков крестное целованье взял себе на душу целовать крест самому, человека у себя не сказал; у креста стоять исцову человеку Ондриюшке Харитонову.

XII. — Того же дня. Бажен Трескин подал отпускную от 1606 — 1607 г. и служилую кабалу на Демидка Семенова от 1620 г. января 24; показания Тихона Зыкова.

Сверх крестного целованья истец подал отпускную да на того человека служилую кабалу, а в отпускной и в кабале пишет. — (л. 22) Сяз, Анна Степанова дочь Чирикова, Романова жена Палицина, пожало-

¹ Смысл фразы неясен, — вероятно, в подлиннике ошибка.

² Слово «вели» внесено редакцией.

вала есми, отпустила после государя своего Романа Киприяновича Палицина человека своего Семенову жену Парфениева, Степаниду Иванову дочь, да его детей, сына Мануила, да сына Демида, да дочь Овдотию, да дочь Марию, на слободу, — или где станут жити или кому служити, и мне, Anne, и моим детем и роду моему и племяни до его, до Семеновы жены и до детей дела нету. А на то послуси: Ждан Федоров сын Петров да Кирыак Кузьмин сын Бурков. А отпускную писал Шарапко Левонтиев сын лета 7115-го году.

На обороте: К сей отпускной Смирной Палицын в снохи своее место, в Аннино место, руку приложил. Послух Жданко и руку приложил. Послух Кирыачко руку приложил.

О[тветчик]¹ сказал: дана ль такова отпускная, того не ведает. А холоп отпускной не лживил.

(л. 23) *Помета:* 128-го генваря в 24-й день. Записать в книги: сказан, служил у Анны у Романовы жены Палицына, и Анна ее отпустила, и отпускную клал.

Се яз, Дементей Семенов сын Парфеньева, занял есми у государева сытника, у Бажена у Трескина, 2 руб. денег московских ходячих генваря от двадесать четвертаго числа на год до такова же числа; а за рост мне у государя своего, у Бажена, во дворе служить по вся дни: а полягут деньги по сроце, и мне у государя своего, у Бажена Трескина, по тому же во дворе служити по вся дни. А на то послуси: Ипат Васильев сын Дрозжин. А кабалу писал Панкратко Иванов сын Ворыпаев лета 7128-го году.

На обороте: 128-го генваря в 24-й день перед Семеном Михайловичем Колтовским да перед дияком Васильем Мартемьяновым заимщик сказал: деньги занял и кабалу на себя такову дал; и в книги записана. Дияк Василей Мартемьянов. Справил Семейка Микифоров.

Помета: 136-го октября в 16-й день. Ответчик сказал: вымучил, — а не лживил. А холоп кабалы не лживил же.² Послух Ипатка руку приложил.

(л. 24) И ответчик Тихон Зыков, выслушев отпускной и кабалы, сказал: дана ль такова отпускная или нет, того он не ведает; а про кабалу сказал, что он на него тое кабалу вымучил, а тое кабалы не лживил. А холоп отпускной и кабалы не лживил же. И допросили ответчика Тихона Зыкова: по чему он за того человека вступаетца? — И ответчик Тихон Зыков подал даную, а в данной пишет.

XIII. — Того же дня. Тихон Зыков подал даную на сельцо Матвеевское, Воскресенское то же, от 1626—1627 г.; показания Бажена Трескина.

(л. 25) Список з данной слово в слово. Се яз, старица Сундулея Олексеева дочь Постельникова Кириловская жена Ромейкова дала зятю своему Тихону Иванову сыну Зыкову да дочери своей Окс[и]н[и] Кирилове дочери Ромейкова отца ее Кирила старинную р[од]ственную вотчину в Кашинском уезде в Кочемском стану сельцо Мотвеевское, а Вознесенское то ж, а в нем храм вознесенье христово, пуст, да двор вотчинников, да крестьянских дворов: во дв. Осташка Леонтьев, во дв. Обросимко Леонтьев, во дв. Демка Семенов с пасынком, с Митькою с Олексеевым сыном; да к тому же сельцу Матвеевскому пустошей: пуст. Нежемясово, Дривка то же, пуст. Седельниково, пуст. Чашница, пуст. Пальцово, пуст. Морозово, пуст. Лисвениково, пуст. Лисицыно, пуст. Копылово, с пашнею и с луги, и с лесы, и з болоты, и с санными покосы, и с прудами, и со всякими угоды, и как к тому сельцу Матвеевскому, а Вознесенское то же, и к

¹ В «подлиннике» «о» в кружке.

² Помета написана частью по тексту sprawy и поэтому не вполне разборчива.

пустошам изстари по тяглу, куда ходил плуг и соха и коса, и топор сечет, по старым межам. А та у меня, у старицы, у Сундулеи, вотчина сельцо Матвеевское, Вознесенское то же, с пустошми, опричь зятя моего Тихона Зыкова да дочери моей Оксиньи, иному никому не продана и ни заложена, в хлебных и в денежных, ни в данных ни в рядных ни за кем не отдана, и ни в каких крепостях ни у кого не укреплена, и по душе ни в которой монастырь ни по ком не отдана. И где будет на ту мою вотчину, на сельцо Матвеевское с пустошми, опричь сее моей даные вылягут иные даные, или меновные, или купчие, или кабалы хлебные и денежные, или рядные, или иные крепости какие-нибудь, и мне, старице Сундулее, та своя вотчина очищать ото всяких крепостей, а зятя своего Тихона Зыкова да дочери своей Оксиньи в той своей вотчине убытка не довести никоторово. В том есмь я, старица Сундулея, зятю своему Тихону Зыкову да дочери своей Оксиньи на ту свою вотчинку и даную дала. А на то послуши: Тимофей Первово сын Мельников да Богдан Микитин сын Кочкин да Елизарей Федоров сын Пантелеев. А подлинную даную писал Ивашко Степанов сын Вешняков лета 7135-го году. А назади у даные: К сей даной в старицы Сундулеи место Лукьян Шатилов руку приложил по ее веленью.

Да на той же даной помета дьяка Якова Ключарева: 136-го октября в... день. Истец сказал, что написала та старица ево людей озорниче...¹

(л. 26) И истец Бажен Трескин, выслушев даной, сказал, что написала та старица в даную ево людей озорничеством.

XIV. — *Того же дня. Тихон Зыков подал свои ссылочные памяти и запись на Бажена Трескина от 1627 г. июля 2.*

И ответчик Тихон Зыков подал ссылочные памяти да на Бажена Трескина запись, а в ссылках и в записи пишет.

(л. 27) Шлюсь, государь, из виноватых на Григорья Иванова сына Ивина, на кашинца, в том, что тот Демидка живет в сельце Вознесенском осьмой год на жеребью во крестьянах; а женат он на старинной тутошней крестьянке, на Оринке, сельца Вознесенского; а сын ее Оринкин Митька на жеребью в том сельце во крестьянх и родился, а во дворе у Бажена и с матерью не жывал, — и ему про то ведама, в том на него и шлюсь. Да шлюсь, государь, из виноватых на кашинцов, на Назарья да на Ивана Олексеевых детей Постельникова в том, что тот Демитка живет в сельце Вознесенском осьмой год на жеребью во крестьянах; а женат он на старинной тутошней крестьянке на Оринке, сельца Вознесенского; а сын ее Оринкин Митька на жеребью в том сельце во крестьянх и родился; а во дворе у Бажена и с матерью не жывал, — и им про то ведома, в том на них шлюсь. Да шлюсь, государь, из виноватых окола тово сельца Вознесенского по версте, и по 2, и по 5-ти, и по шти, и по 10-ти, и больши на дворян, и детей боярских, и на их людей, и на крестьян в с[л]ух и в обыск в том, что тот Демитка живет в сельце Вознесенском осьмой год на жеребью во крестьянх; а женат он на старинной тутошней крестьянке на Оринке, сельца Вознесенского; а сын ее Оринкин Митька на жеребью в том сельце во крестьянх и родился, а во дворе у Бажена и с матерью не жывал, — и им про то ведома, в том в повальной обыск и шлюсь.

На обороте: [И]стец² по всем трем ссылкам слался в послушество.

(л. 28) Список з записи слово в слово. Се яз, Бажен Овдокимов сын Трескин, что была за мною замужем Фетинья Иванова дочь Ромейкова, и была за нею в приданых отца ее вотчина, половина сельца Вознесенского с пустошми в Кашинском уезде в Кочемском стану; и жены моей не стало; и она тое вотчинку, половину сельца Вознесен-

¹ Здесь помета обрывается, край обломился.

² В подлиннике «и» в кружке.

ского с пустошми, написала мне, Бажену, в духовную, и яз тою вотчинкою владею по духовной жены своей; тое мою вотчинку, половину сельца Вознесенского, чем яз владел, старица Сундолея Кириловская жена Ромейкова написала в рядной з дочерью своею с Оксиньею кашинцу Тихону Иванову сыну Зыкову; и Тихан тою моею вотчинкою, половиною сельцом Вознесенским, владеет по рядной и тещи своей старицы Сундолеи. И яз, Бажен, поговоря с Тихоном промеж себя полюбовно, положили на слове, что владеть ему, Тихону, тою моею вотчинкою приданю, половиною сельцом Вознесенским, и крестьяны, Осташком да Обросимком Леонтьевыми детьми, да человеком моим кабальныи Демидком Семеновым сыном Трубниковым с пасынком, с Митькою, до государева указу, покаместа я, Бажен, о той вотчинке учну бить челом государю; а мне, Бажену, в тое свою в приданную вотчинку, в половину сельцо Вознесенского, к Тихону до государева указу не въезжати и не владети. А будет я, Бажен, не дам Тихону Зыкову тою своею приданюю вотчинкою, половиною сельцом Вознесенским и крестьяны и людьми своими до государева указу владети, покаместа об ней учну государю бити челом или учну к нему, Тихану, в тои свою в вотчинку въезжацти или его, Тихона, ис тое своей вотчинки до государева указу учну высылати, и на мне, на Бажене, взяти Тихану Зыкову по сей записи сто рублей денег. А на то послуси: Иван Степанов сын Вешняков да Елизарей Федоров сын Пантелеев. А запись писал Гришка Жданов сын Петров лета 7135-го году июля в 2-й день.

А назади у записи написано: К сей записи Бажен Трескин руку приложил. Да послуховы руки, да помета дияка Якова Ключарева: 136-го октября в 16-й день.

[И]стец¹ сказал: такову на нево запись вымучил у воды.

XV. — *Того же дня. Ссылка Бажена Трескина в послушество; допрос его и Демиды Семенова.*

(л. 29) И истец Бажен Трескин, выслушев ссылочных памятей, по всем трем ссылкам слался в послушество, а сказал: город де их один, а он де в том городе испомещен адин, а ему де недруги; а про запись сказал: такову де запись на него вымучили у воды; приехав де к нему, к Бажену, в деревню тот Тихон со многими людьми, и ево де ухвата, хотели посадить в воду; и он де, убоясь смерти, такову запись дал; и он де, Бажен, в том зде на Москве и явки давал. И допросили исца Бажена Трескина: сказывает он, что на него тое запись вымучили, а у той де записи послуховы руки; и он, Бажен, на тех послухов в том шлетца ли? — И истец Бажен на послухов слался в послушество ж: один де их город, приехав де к нему человек с 30, тое запись на него вымучили. И допросили холопа: чей он старинной? — (л. 30) И холоп сказал: зовут де его Демидкою Семенов сын Парфеньева; старинной де он бывал крестьянин Романовской жены Палицына Анны; и та де Анна ево отпустила и отпускную дала, и тою де отпускную он бил челом Бажену Трескину во крестьяне; и у него де в вотчине женился на, ево Баженовой крестьянке, на Аринке; и как де та ево Баженова вотчина досталось Тихону Зыкову, а он де тут же ему во крестьянх достался.

XVI. — *Того же дня. Поручная запись по истце.*

И Степан Иванович, и Иван Фомич, и дьяки Никита и Яков речи их велели записать; а тех людей до указу велели подержать п[риставу]² Захару Ларионову: а исца и ответчика до вершеңья судного дела велели дать на поруки з записьми и велели записи принести к де-

¹ В подлиннике: «и» в кружке.

² В подлиннике: «и» в кружке.

ду. И недельщик по исце и по ответчике подал записи, и в записях¹ пишет. — (л. 31) Са яз, Тимофей Клементьев сын Шерстов, сытник, да яз, Федор Олексеев сын Надин, патреархов сын боярской, да яз, Семен Федоров сын Боранов, жилец, да яз, Иван Иванов сын Текутьев, кашинец, да яз, Филон Тимофеев сын Ивашинцов, да яз, Осип Захарьев сын Торопов, новосилец, выручили есмя Холопья приказу у пристава, у Захарья Ларивонова, Бажена Овдокимова сына Трескина в том: ставитца ему за нашу порукою с суда в Холопье приказе перед Степаном Ивановичем Волынским, да перед Иваном Фомичем Огаревым, да перед [д]ияки, перед Микитою Леонтьевым да перед Яковым Ключаревым, и с Москвы ему за нашу порукою не съехати. А не учнет он за нашу порукою ставитца по вся дни в Холопье приказе, по вся дни с суда, и он иску своего лишен по челобитной, какова челобитная в суде за ди[я]чьею приписью, и с того иску государевы пошлины и пересуд и правой десяток. А кой нас будет, порудчиков, в лицех, на том порука. А на [то] послуши: Иван Жердев. А запись писал Осип... лета...²

На обороте: Семен Борисов с суда ручал и в-Иванова место Текутьева руку прилож[ил]. Федор Надин ручал и руку приложил. Осип Торопов ручал и в Филанова места руку приложил. Послух Ивашко и руку приложил.

(л. 32) И Степан Иванович, и Иван Фомич и дияки Микита и Яков, слушав поручные записи, велели взять к делу.

XVII — 1627 г. ноября 9. Мировая челобитная Бажена Трескина и Тихона Зыкова; спорные холопы отданы Бажену Трескину.

И ноября в 9-й день Степану Ивановичу Волынскому, да Ивану Фомичю Огареву, да дьяком Миките Леонтьеву да Якову Ключареву сытник Бажен Трескин да кашинец Тихон Зыков подали за руками мировую челобитную, а в челобитной пишет. — (л. 33) Царю государю [т.] быют челом холопи твои, сытник Баженко Трескин да кашинец Тихонко Зыков. Нынешняго, государь, 136-го году искал я, холоп твой Боженко, на Тихоне Зыкове в Холопье приказе перед Степаном Ивановичем Валынским, да перед Иваном Фомичом Огаревым, да перед дьяки, перед Никитою Леонтьевым да перед Яковым Ключаревым, по челобитной людей своих, Демитка Семенова да пасынка ево Митьки Олексеева з женами, да сносу пятидесять рублей с полтиною. И мы, холопи твои, с суда, не дожидаячися твоего государева указу и боярского приговору и скаски, полюбовно помирились; и тот мой Баженков сносной живот 50 руб. с полтиною от Тихона от Зыкова дашол весь сполна; а тех людей, Демитка Семенова да пасынка ево Митьки Олексеева з женами, я, Тихонко, поступился Бажену Трескину, а твои государевы пошлины и пересуд и правой десяток я, Баженко, снял на себя. Милосердый государь [т.], пожалуй нас, холопей своих, вели, государь, наше челобитье и мир записать. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте: К сей мировой челобитной Бажен Трескин руку приложил. К сей челобитной Григорей Ивин в Тихоново место Зыкова руку приложил.

Помета: 136-го ноября в 9-й день. Подал истец со ответчикам вместе. И взять к делу.

(л. 34) И Степан Иванович, и Иван Фомич, и дияки Никита и Яков, выслушав челобитные, велели приклеить к делу, а тех людей, Демку Семенова и з женою ево и с пасынком, по мировой челобитной и по кабале велели отдать Бажену Трескину. И те люди, Демитка з же-

¹ Ниже приведена только поручная запись по истце.

² Край листа обломился.

ною и с пасынком, ему отданы, и головные пошлыны у Бажена с тех людей по 3 алт. с человека, итого 9 алт., взяты и в приходную книгу ноября в... день записаны, а даную, что клал в суде Тихон Зыков, и запись на Бажена Трескина велели выдать Тихону Зыкову. И те записи Тихону Зыкову выданы, а с них списаны списки слово в слово и вклеены выше сего, где подлинны были. А в государевых пошлынах с-ыску, в 5-ти руб. в 9-ти алт., дана приставу Захару Ларионову на Бажена Трескина — дана выпись, и в выписи пишет.

XVIII. — 1627 г. ноября 11. Выпись приставу: доправить на поручителях Бажена Трескина пошлыны с иску его о беглых людях и сносе.

Лета 7136-го ноября в 11-й день. По государеву [т.] указу память приставу Захару Ларионову. Доправити ему на сытнике, на Баженовых порутчиках Овдокимова сына Трескина, на Тимофее Клементьеве сыне Шерстове, на сытнике, на Федоре Олексееве сыне Новине,¹ на патриархове сыне боярском, на Семене Федорове сыне Боранове, на жильце, государевых судных пошлын, пересуду и правого десятка, что искал Бажен Трескин на Тихане Зыкове беглых людей своих и сносу на 50 руб. с полтиною, и учинена была им (л. 35) вера, крестное целованье, целовать было крест Тихону Зыкову потому — человека у себя в суде не сказал. И сытник Бажен Трескин да кашинец Тихон Зыков в сносе за руками подали мировую челобитную, а мировой в их челобитной написано: не дожидаячись у судного дела приговору и скаски, полюбовно помирились, и тот ево Баженов сносной живот 50 руб. с полтиною от Тихона Зыкова дошел весь сполна. И с того иску государевы пошлыны, пересуд и правой десяток довелися взять на Бажене Трескине, потому что в их в мировой челобитной написано: государевы пошлыны, пересуд и правой десяток он, Бажен, снял все на себя; и с тех мест и по ся места государевых пошлын он, Бажен, не платил с пятидесят рублей с полтиною. И с того иску государевых пошлын с рубля по гривне, пересуду и правого десятка 5 руб. 9 алт. А доправя на них те государевы пошлынныя деньги, отдать в государеву казну с ведома Степана Ивановича Волынского, да Ивана Фомича Огарева, да дияков Микиты Леонтьева да Якова Ключарева.

XIX. — 1643 г. января... Память приставу: доправить на поручителях Бажена Трескина пошлыны с иску его о беглых людях и сносе.

(л. 36) Лета 7151 г. генваря в... день. По государеву [т.] указу память приставу Семену Постельникову. Доправити ему сытника на Баженовых порутчиках Овдокимова сына Трескина, на Тимофее Клементьеве сыне Шерстове, на сытнике, на Федоре Олексееве сыне Новине, на потриархове сыне боярском, на Семене Федорове сыне Боранове, на жильце, с судного дела, что в прошлом во 136-м году октября в 16-й день искал Бажен Трескин на Тихане Языкове² беглых людей своих и сносу на 50 руб. с полтиною, и с того судного дела государевых пошлын, с того ево иску с пятидесят рублей с полтиною с рубля по гривне, и пересуду и правого десятка 7 алт. 2 д., всего 5 руб. 11 алт.; а доправя на них те государевы пошлынныя деньги, отдать в государеву казну в Приказ холопыя суда с ведома Степана Ивановича Исленьева да дияков Романа³ до Орефы Башмакова.

Скрепя по сставам на об. лл. 2—30: Дияк Яков Ключарев.

Опись № 25, столбец № 40313. Заголовок подлинника — л. 1; I — лл. 2, 3; II — лл. 4, 5; III — лл. 6, 7; IV — лл. 8, 9; V — лл. 9—11; VI — лл. 11—13; VII — лл. 13, 14; VIII — лл. 15, 16; IX — лл. 16, 17; X — лл. 18, 19; XI — лл. 19—21; XII — лл. 21—24; XIII — лл. 25, 26; XIV — лл. 26—29; XV — лл. 29, 30; XVI — лл. 31, 32; XVII — лл. 33, 34; XVIII — лл. 34, 35; XIX — лл. 36.

¹ Выше Надин.

² Так в подлиннике.

³ Роман Булыгин.

№ 12. — 1627 г. ноября 3 — 1629 г. сентября 30. Судное дело перед Степаном Ивановичем Волынским (начато перед князем Иваном Федоровичем Волконским), Иваном Фомичем Огаревым и дьяками Никитой Леонтьевым и Яковом Ключаревым о жонке Акулине Григорьевой дочери, прозвище Пелагее, Федотовской жене Иванова; истец — Иван Бормосов (за него ищет подьячий Яким Заморцов), ответчик — суздалец Михаил Карпов сын Беречинский (за него отвечает дядя Федор Васильев сын Сеченов).¹

1. — 1627 г. ноября 3. Михаил Беречинский подал кабалу на Акулину от 1625 г. марта 6 и ссылочную память; показания Акулины.

(л. 12)² Се яз, вдова Окулина Григорьева дочь, прозвище Палагея, Федотовская жена Иванова, родиною Тверского уезду села Мигалова, заняла есми у Михайла у Карпова сына Беречинского 2 руб. денег московских ходячих нынешнего сто тридесеть третьяго году марта от шестаго на десеть числа на год до такова же числа; а за рост мне, вдове Окулине, у государя своего, у Михайла Карповича, во дворе служити по вся дни; а полягут деньги по сроце, и мне у государя своего, у Михайла, впредь за рост во дворе служити по тому же по вся дни. А у сей кабалы и у книг припись володимерского городского приказщика Нелюба Володимерова. А на то послуши: Безсон Кананов. А кабалу писал володимерской площадной подьячишко Панька Самойлов лета 7133-го марта в шестый на десеть день. Приписал Нелюб Володимеров.

На обороте: Послух Безсонко и руку приложил.

136-го ноября в 3-й день истец сказал: будет и дала ту кабалу, только бегаючи от него; а раба кабалы не лживила.

(л. 13) И истец, выслушав кабалу, сказал: та де жонка тое кабалу давала ль или нет, бегаючи от Ивана? И спросили жонки: Михайлу Беречинскому на себя тое кабалу давала ль? И жонка сказала, что она на себя Михайлу тое кабалу давала, и кобалы не лживила.

Да туто ж ответчик подал ссылошную память, а в памяти пишет. — (л. 14) Да сверж, государь, тово шлюсь в слух и в обыск около своей вотчины Володимерсково и Юрьевсково уезду дер. Федоркова по версте, и по 2, и по 3, и по 5-ти, и по шти, и по 10-ти, и больше, что та жонка Окулька Григорьева дочь, прозвище Палага, была челом в холопи матушке моей Орине и мне после королевичевы осады в Суздале, тому 9-й год, и пришла к нам беременна и родила у нас девку Матрешку, а не Дуньку, и молитву той жонке давал Окульке, прозвище Палаге, фролищевской поп Федор Иванов, архангельских попов, и жила у нас та жонка безкабально 6 лет и кабалу мне, Михайлу, дала на себя во сто тридесять в третьем году в Володимере, а оне у нас ее от королевичевы осады знают в холопстве, — в том, государь, я в слух и в обыск около себя шлюсь.

На обороте: И[стец]³ слался в послушество.

(л. 15) И истец, выслушав ссылашную память, слался в послушество, а сказал: стакався де он с ними, на них шлетца; а та де жонка живет у него, бегаючи от Ивана. И спросили жонки, как ее завут и чья старинная. И жонка сказала: завут де ее Окулинкою Григорьева дочь; старинная де она бывала Тверскаго уезда тверскаго архиепискупа крестьянка села Мигалова; и замужем де была тверскаго ж архиепискупа за крестьянином за Демидком Ларионовым; а после де того мужа была она за другим мужам, за Федотком Ивановым, за Романовым крестьянином Воеводиным, в Новоторском уезде в селе Глебо-ве; и тот де муж ее умер, и она де после королевичева приходу пришла

¹ Начало и конец дела не сохранились.

² лл. 1—11 вошли в состав дела № 17.

³ В подлиннике: «и» в кружке.

в Суздольской уезд и била челом Михайлу Беречинскому и кабалу ему на себя дала; а пришла де к Михайлу Беречинскому беременна и родила девку Матренку, и ныне де та девка у Михайла. И спросили жонки: у Ивана Бормосова и у отца ево служила ль? И жонка сказала, что она у Иванова отца Бормосова и у него, у Ивана, не служивала и их не знает.

II. — Того же дня. Поручные записи по представителе ответчика Федоре Сеченове и представителе истца Якиме Заморцове.

(л. 16) И после суда велели приставу Семену Дедевшину¹ по истце и по ответчике взять поручные записи, а жонку велели дати по ее челобитью на поруку Михайлу Беречинскому. И пристав Семен Дедевшин² подал поручные записи, а в записях пишет.

(л. 17) Се яз, Яков Иванов сын Кожехов, суздалец, да яз, Тит Михайлов сын Шилов, Суднова московского приказу недельщик, да яз, Яков Никитин сын Трегубов, жилец, да яз, Давыд Васильев сын Блудов, царицына чину сын боярской, да яз, князь Гаврила княж Иванов сын Гундаров, да яз, Богдан Сидоров сын Мягков, да яз, Елизарей Родионов сын Мишюков, боровитин, да яз, Алексей Матвеев сын Кроткой, суздалец, да яз, Иван Юрьев сын Тиронов, суздалец, да яз, Михайло Осипов сын Бастанов, жилец, да яз, Иван Федоров сын Козинской, жилец, выручили есмя Приказу холопья суда у недельщика, у Семена Дедошина³ Федора Васильева сына Сеченова с суда: ставитца ему за нашею порукою в Приказе холопья суда перед Степаном Ивановичем Вольнским, да перед Иваном Фомичем Огаревым, да перед дьяки, перед Никитою Левонтьевым да перед Яковом Протопоповым по вся дни; да ему же ставить с собою жонку Окульку, прозвище Полагу, да дочь ее Матрюшку, — что он отвечал за племянника своего, за Михайла Беречинского Ивану Бормосову. А не учнет он, Федор, за нашею порукою сам ставитца и тое жонки Окульки и дочери ее девки Матрюшки ставить, и на нас, на порутчиках, за ту жонку Окульку и за дочь ее Матрюшку, что государь укажет. А кой нас, поручик, в лицах, на том те люди и порука. А на то послуши: Иван Федоров. А запись писал Васюк Тимофеев лета 7100 тридцать шестаго году.

На обороте: Меня, Федора, ручали, и руку приложил и жонку з дочерью с Матрюшкою ставить. Осип Торопав в Титова места Шилова да в Яковлева места руку приложил. В Яковлева места Трегубова Борис Юрлов руку приложил. Князь Гаврилова места Гундарова Иван Унковской руку приложил. Богдан ручал Федора Сеченова с суда и в Михайлово Басланова и в Елизарьево место Мишюкова по их велению руку приложил. Олексей ручал суда Федора Сеченова и в Иваново место Козинско[го] и в Иваново место Тиранова по их велению руку приложил. Послух Иваш и руку приложил.

(л. 48) Се яз, Сергей Матвеев сын, да яз, Маркел Юрьев сын Амирев, да яз, Иван Ларионов сын Зиновьева, выручили есмя Приказу Большого дворца подъячево Якиме Заморцова у пристава, у Семена Дедешина, в том: ставитися ему за нашею порукою в Приказе холопья суда перед Степаном Ивановичем Вольнским, да перед Иваном Фомичем Огаревым, да перед дьяки, перед Микитою Леонтьевым да перед Яковом Ключаревым, по вся дни. А не учнет ставитца за нашею порукою или с Москвы съедет, и на нас, на поручикех, пересуд и правой десяток 7 алт. 2 д. судного дела, что он искал за Ивана Бормосова на беглой ево на старинной женке, на Окульке Григорьеве дочери Федо-

¹ Так в подлиннике.

² Так в подлиннике.

³ Так в подлиннике.

товские жены. А записал я, Якимко, на себя и на порутчиков своих своею рукою лета 7136-го ноября в 3-й день.

На обороте: Маркел ручал в статье с суда и руку приложил. Иван Зиновьев ручал и руку приложил. Сергей Матвеев в статье ручал и руку приложил.

III. — 1628 г. октября 23. Челобитная Михаила Беречинского об указе: судьи отказывают ему в указе, велят ждать статейного списка.

(л. 19) Царю государю и великому князю Михайлу Федоровичу всеа Руси и великому государю святейшему патреарху Филарету Никитичю московскому всеа Руси бьет челом холоп ваш, суздалец Михалко Беречинской. В прошлом, государь, во 136-м году в Холопье приказе искал на мне Иван Бормосов подговорной жонки Акульки з дочерью з девкою; а на суде он, Иван, назвал ее у себя старинною, а старины и крепости никакие на нее не положил; а у меня, холопа вашего, та моя жоночка старинная и крепостная. И князь Иван Волконской да Иван Агоров¹ да дьяки дела слушали и указу мне не учинили, а сказали мне, холопу вашему: жди де статейного списка; а я, холоп ваш, и по ся места волочюсь. Милосердый государь [т.] и велики государь святейши патреарх Филарет Никитич московски и всеа Руси, пожалуйста, государи, меня, холопа своего, велите, государи, мне в том деле свой государской указ учинить, чтоб я, холоп ваш, волочась без указу, вконец не погиб и ваши государские службы впредь не отбыл. Государи, смилуйтесь, пожалуйста.

На обороте пометы: Государь пожаловал, велел в том деле указ учинити в правду; а будет за чем указу учинить нельзя, и о том велел доложить себя, государя.

137-го октября 23-й день. Взять г делу.

IV. — 1628 г. ноября 11. Две челобитные Михаила Беречинского об указе по делу.

(л. 20). Царю государю [т.] и великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичю [т.] бьет челом холоп ваш, суздалец Михалко Беречинской. В прошлом, государи, в 136-м году в Холопье приказе искал на мне, холопе вашем, Иван Бормосов подговорной жонки Окульки з дочерью з девкою; и на суде, государь, тот Иван назвал тое жонку у себя старинною своею, а старины на суде никакие не положил; а у меня, холопа вашего, та моя жонка и з дочерью старинная крепостная; и крепость я, холоп ваш, на суде на тое жонку положил. И князь Иван Федорович Волконской, да Иван Фомич Огорев, и дьяки тово нашева суднова дела слушали, а указу мне, холопу вашему, по судному делу и по крепости не учинят и по ся места, а отказывают мне, холопу вашему, велят ждать статейнова списка; а я, холоп ваш, волочюсь на Москве за тем делом и по ся места без [сѣ]зду, а без вашего государева указу с Москвы съехоти не смею. А Иван, государи, Бормосов человек московской, и тот, государь, с Москвы съехал, не дождався в том де[ле] вашего государева указу, хотя меня, холопа вашего, московскую валокидую уморить и тою жонкою у меня напрасно завлодети. Милостивый государь [т.] и великий государь святейшей патриарх Филарет Никитич московский и всеа Руси, пожалуйста, меня, холопа своего, велите, государи, мне в том деле по крепости свой государев указ учинить, чтоб я, холоп ваш, в том деле с волокиды вконец не погиб и ваши государевы службы не отбыл. Государи, смилуйтесь, пожалуйста.

На обороте пометы: Государь пожаловал: будет указу учинити

¹ Так в подлиннике.

нелъзе, велел доложить себя, государя; а статейного списка для того не станут слушать.

137-го ноября в 11-й день. Взять к делу и положить дело на стол.
(л. 21) Царю государю [т.] и великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичю [т.] бьет челом холоп ваш, суздолец Михалко Беречинской. В прошлом, государи, во 136-м году искал на мне, холопе вашем, в Холопье приказе Иван Бормосов подговорные жонки Акульки з дочерью з девкою; а на суде тот Иван назвал ее у себя старинною жонкою, а старины на них никакие не положил; а у меня, холопа вашего, та моя жонка и з дочерью своею старинная и крепосная; и крепости я, холоп ваш, на нее на суде положил. И князь Иван Федорович Волконской, да Иван Фомич Огарев, и дьяки дела слушали, а указу мне, холопу вашему, по тому делу не учинили; а сказали мне, холопу вашему, велели ждать статейнова списка; и я, холоп ваш, и по ся места волочась без указу на Москве, вконец погиб. Милосердый государь [т.] и великий государь святейши патриарх Филарет Никитич [т.], пожалуй, государи, меня, холопа своего, велите, государи, мне, холопу своему, в том деле по крепости свой государской указ учинить, чтоб я, холоп ваш, с волокиты вконец не погиб и вашей бы государские службы впредь не отбыл. Государи, смилуйтесь, пожалуйста.

На обороте пометы: Государев указ подписан на прежней челобитной.

137-го ноября в 11-й день. Взять к делу и положить дело на стол.

V. — 1629 г. сентября 30. Челобитная Ивана Бормосова об указе: жалоба на Михаила Беречинского, который держит Акулину у себя, между тем он никакой крепости в старине на нее не положил, слался в послушество и скупает обыскных людей.

(л. 22) Царю государю [т.] бьет челом холоп Ивашко Бормосов. В прошлом, государь, во 136-м году искал я, холоп твой, старинной своей беглой жонки Окульки Григорьевы з дочерью на суздальце, на Михайле Беречинском; и в старине я, холоп твой, про ту жонку и в ее побеге слался из виноватых на два города повальным обыском, на их город на Суздаль и на Торжок. И за нево, государь, за Михайла, отвечал суздальце же, дядя ево Федор Сеченой, и на те города тот Федор, на Суздаль и на Торжок, узнав свою вину, слался в послушество; и старины, государь, тот Федор и Михайло на ту жонку на суде не положили никакие, а положили на ту жонку кабалу 133-го году, и та взята в Володимере мимо воевод и осадных голов и губных старост у городского приказщика за моим челобитьем, за явками. И после, государь, суда тот Михайло бьет челом тебе, государю, будто та моя беглая жонка ево Михайлова старинная крепостная, а на суде на ту жонку никакие старины не положили. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне по тому судному делу с тем Михайлом, что он на суде слался на два города, на свой город на Суздаль и на Торжок, в послушество, и в ево росписке, что он называет тое мою жонку старинную своею, старинную крепосною, а на суде старины на ту жонку никакие не положил, — свой государев указ учинить. А жонка им на суде в старине не вивалась ни в чем и с суда дана им же на поруку, что им с тою жонкою ставитца в Холопье приказе по вся дни. И тот, государь, Михайло с Москвы съехали и тое жонку свезли с собою же в Суздаль и держат ее у себя в деревнях в Суздальском уезде другой год после суда для того, что им, ту жонку объявя обыскным людям, их скупить, потому что я, холоп твой, слался на их город из виноватых. А после, государь, суда та жонка за поруками в приказе не объявлялась. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 138-го сентября в 30-й день.

Скрепя на обороте по сставам лл. 12—18: Дияк Яков Ключарев. По лл. 18—22: Дияк Ондрей Строев.

Опись № 25, столбец № 40419. ¹ I — лл. 12—15; II — лл. 16—18; III — л. 19; IV — лл. 20, 21; V — л. 22. Разрыв скрепы указывает на пробел между лл. 13 и 14.

№ 13. — 1627 г. декабря 21 — 1628 г. января 18. Судное дело перед Степаном Ивановичем Волынским, Иваном Фомичем Огаревым и дьяками Никитой Леонтьевым и Яковом Ключаревым о холопе Андрее Осипове; истец — князь Григорий князь Михайлов сын Ушатого Жеряпин, ответчица — княгиня Алена князь Ортемьевская жена Шейдякова с детьми.

I. — 1627 г. декабря 21. Пристав привел в приказ по челобитью брата истца, князя Михайла Жеряпина, беглого кабального человека, Андрея Осипова; показания князя Михайла.

На обороте помета: 138-го сентября в 30-й день. Взять к делу.

(л. 1) 136-го декабря в 21-й день в Приказ холопья суда перед Степаном Ивановичем Волынским, да перед Ивана Фомичем Огаревым, да перед дьяков, перед Никиту Леонтьева да перед Якова Ключарева привел пристав Алексей Гриденин без приставной памяти человека по челобитью князь Михайла Жеряпина; а поимал де он того человека на Пожаре, а указал де того человека ему князь Михайло Жеряпин; а поимал де того человека с лошадью и с саньми. И туто же бил челом словесно князь Михайл[о] Жеряпин, а сказал: которого де человека привел пристав в Холопей приказ, и тот де человек брата ево родново князь Григорья князь Михайлова сына Жеряпина кобальной, а сказал зовут де ево Ондрюшкою, а чей сын, тово он, князь Михайло, сказал, не ведает; и в котором году у брата ево князь Григорья Жеряпина кобала на того человека имана, и сколь давно збежал и чей сын, и про то брат ево, князь Григорей Жеряпин, скажет; а тот де человек у брата ево, у князь Григорья, женат был, и жена де того человека збежала от брата ево, от князь Григорья, наперед ево, а сколь давно збежала, и он не (л. 2) ведает; а что сносу снес, в том брат ево князь Григорей¹ к суду принесет челобитную; а до лошади будет ли дело, нет ли, брату ево, а ему дела нет; а сшел де тот человек [по] подговору Канай мурзина человека Шайдякова Илейки, а чей словети он не ведает.

По сставу лл. 1 и 2: К сей сказке князь Михайло руку приложил.

По верхнему краю обл. л. 1 едва видная неразборчивая надпись: Привод князь Григорья Жеряпина с Шайдяковою... княгинею... 136-го году. Ниже: 37.

II. Того же дня. Допрос Андрея Осипова.

И приводной человек в роспросе сказался: зовут ево Ондрюшка Осипов сын; бывал де человек он старинной и кабальной вдовы княгини Олены Хамавнетевы Шайдяковы, а збежал де он собою от княгини Елены тому 4-й год; и отходя от княгини, пожил у князя Григорья Жеряпина в холопстве с 3 годы; и взял де на него князь Григорей кабалу в Ярославле сильно, тому другой год; и от князь Григорья де он сшел тому недель з 10 и пришел де опять [к] княгине; а от княгини де он сшел з девкою с Анюткою, с приданною княгининою и с кабальною; и на той де девке женил князь Григорей ево; и жена де ево сошла от князя Григорья наперед ево, а он пришел [к] княгине опосле; а сносу де ничево от князя Григорья не снес, ничево, опричь того, что на себе кафтан сермяжной серой да шубной кафтан, только де и сносу; а поимали де ево на Пожаре против овощного ряду с лошадью и с саньми, да в санех было медведно да к[овер] да япанча; и та де лошадь и с саньми, и медведно, и япанча лазорева

¹ Этот же столбец — см. № 17.

Канай мурзы Кинеевича. И Степан Иванович, и Иван Фомич, и дьяки Микита Левонтьев да Яков Ключарев речи ево велели (л. 3) записать, а человека велели держать до указу приставу Богдану Есипову. А на нем платья: кафтан серой сермяжной, да кафтан шубной, да шапка сукно тьмо-зелено, съиспод с пухом... соболей, штаны лазоревы настравил сук...; и та де шапка и штаны княгини Елены, а кафтаны оба ево.

На обороте: И тово платья взял княгини Аленин человек Михайло Захарьев шапку да штаны. И вместо Михайла по ево велению подъячей Семейка Лаврин руку приложил.

III. — Того же дня. Показания человека Каная мурзы Шайдяка, Курмаша Аблаева.

И туто же Канай мурзы Шайдяка человек, Курмашом зовут, Аблаев, бил челом словом, а сказал: тот де человек, которово привели в приказ, княгини Олены Ханмамбетовны¹ князь Ортемьевские жены Шайдякова, старинной и кабальной, зовут ево Ондрюшкою, уроженец отец ево и он княгинины, и жили де все по старине; и збежал де он, Ондрюшка, от княгини з девкою приданою и с кабальною, с Анюткою Федоровою дочерью, во 131-м году, а пришел де он в нынешнем во 136-м году; и как он при... ныне [к] княгине, и на него взяли кабалу в нынешнем го[ду]; а старая де кабала на отца ево и на него згорела в Ярославском уезде в селе Курбине, как то село Курбино горело [и] Канай мурзины хоромы; и челобитье де в тех крепостях государю есть, в те поры згорело; и что на людей крепостей згорело, и тому де давали в Холопье приказе явки до пожару московского годы тому з 2; и он де, Ондрюшка, бегаючи от княгини, сказал, жил у князя Григорья Жарапина,² и кабалу де на него князь Григорей взял сильно; а живучи де у князя Григорья, женил ево, Ондрюшку, на той девке Анютке; и пожив де та девка после того немного, и пришла опять [к] княгине Олене наперед Ондрюшки тому [годы] (л. 4) з 2, а сказала, что жили у князя Григорья Жарапина, а что сносу де они снесли от княгини, и что на тех людей, на Ондрюшку и на жену ево, на Анютку, крепостей есть, и тому принесет он, Курмаш, принесет челобитную; а поимали де того человека Ондрюшку с санником и саньми, а в санех медведно и ковер да япанча лазорева, аглинское сукно; и тот де санник со всем Канай мурзин Шайдякова, — и взял Канай мурзин человек Курмаш санника со всем, и саньми, и с медведном, и с ковром, и с япанчою и сукно летчиное; будет де князь Григорей того санника у него со всем спрашивать, и ему со всем поставить.

По сставу на об. лл. 3 и 4 и на лице л. 4 после текста сказки: К сей скаске Ондрей Курбатов вместе Канай мурзена человека Курмаша, что взял санника со всем, что в сем приводе написано, по ево велению и руку приложил, как того спросят, и ему то все поставить.

IV. — 1628 г. января 14. Мировая челобитная княгини Алены Шайдяковой.

И генваря в 14-й день Степану Ивановичю Волинскому, да Ивану Фомичю Огареву, да дьяком Никите Леонтьеву да Якову Ключареву подал вместо княгини Олены Шайдяковой Кана[ев] человек Шайдякова татарин Курмыш, прозвище Шолуд..., мировую челобитную за руками, а в челобитной их пишет. — (л. 5) Царю государю [т.] бьет челом Аленка князь Артемьева жена Шейдякова с своими детьми, с Мишкою да с Фетькою. В нынешнем, государь, во 136-м году имался, государь, у меня и у детей моих князь Григорей князь Михайлов сын Ушатого Жеряпин за кабального своего человека, за Ондрюшку Осипова сына Демен[ть]ева с его женою с Анюткою, а прозвище Люпка, Федорова дочь; и тот человек Ондрюшка изыман и приведен в Холопей приказ и

¹ Так в подлиннике: ср. выше: Хамаветевы.

² Так в подлиннике.

сидит за приставом. И яз, княгиня Алена з детьми своими, не ходя на суд, ꙗ князь Григорьем помирилась, а тех людей ему поступилась, потому что оне ему крепки по кобале. Милосердый государь [т.], пожалуй нас, холопей своих, вели, государь, челобитье наше и мир записать и человека из-за пристава вынять. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте: К сей мировой челобитной во кнеини Оленино место князь Артемьевския жены Шейдякова и в дете[й] ея место по их велению руку приложил я, Федор Ушаков. К сей мировой челобитной в князь Григорьево место по ево велению князь Зиновей Вяземской руку приложил.

На обороте же помета: 136-го генваря в 14-й день. Взять к делу.

(л. 6) И Степан Иванович, и Иван Фомич, и дьяки Никита Леонтьев да Яков Ключарев, выслушав мировой челобитной княгини Олены князь Ортемьевские жены Шайдякова, велели челобитье их записать, а челобитную велели взять к делу.

V. — 1628 г. января 15. Князь Григорей Жеряпин подал кабалу на Андрея Осипова от 1626 г. марта 9.

И генваря в 14-й день Степан Иванович, и Иван Фомич, и дьяки Никита Леонтьев да Яков Ключарев, сее приводные записки и мировой челобитной княгини Олены князь Ортемьевские жены Шайдякова з детьми выслушав, велели на того человека, на Ондрюшку Осипова, князю Григорью Жряпину положить кабалу. И генваря в 15-й день князь Григорей на того Ондрюшку подал кабалу, и против кабалы по допросу Ондрюшка Осипов сын Дементьева сказал: такову на себя кабалу князю Григорью давал. И с той кабалы велели у князя Григорья взять к делу список слово в слово, а подлинную кабалу велели отдать князю Григорью. А в списке с кабалы пишет.

(л. 7) Список с кабалы слово в слово. Се яз, Ондрей Есипов сын Дементьева, родом Кашинского¹ уезду сказался, осьмнатцати лет, волосом рус, глаза серы, в лице подолголик, нос высокочуроват, в правом ухе бывала промца; сказался вольной человек; занял есми у князь Григорьева человека Михайловича Жеряпина Ушатого, у Томила Ондреева, государя его князе Григорья Михайловича серебра 2 руб. денег московских ходячих марта от 9-го числа да до такова же дни на год; а за рост мне, заимщику, у государя своего, у князя Григорья у Михайловича, во дворе служити по вся дни; а полягут деньги по сроце, и мне, заимщику, у государя своего, у князя Григорья Михайловича, во дворе служити по тому же по все дни, как и на первой год. А на то послуши: Дружина Парфеньев сын Ондреева да Обрам Лаврентьев сын Некрасов. А кабалу писал Степанко Григорьев сын Луков лета 7134-го году. А назади у кабалы написано: 134-го году марта в 9-й день в Ярославле перед воеводою, перед Иваном Федоровичем Наумовым, да перед [дьяком, перед Васильем Юдиным, заимщик сказал: деньги занял и кабалу служи[лую] на себя такову дал; и в книги записана. Припись дьяка Василья Юдина. Справка подьячево Матвея Бухарова. В послусех Дружинка руку приложил. В по (л. 8) слусех Обрамко руку приложил. Да позади на кабале помета дьяка Василья Юдина. Да на кабале же помета дьяка Якова Ключарева: 136-го генваря в 15-й день. Холоп кабалы не лживил.

VI. — 1628 г. января 17—18. Приговор: Андрея Осипова (Есипова) по кабальному холопству и по мировой челобитной отдать князю Григорию Жеряпину; Андрей князю Григорию отдан.

(л. 9) И генваря в 17-й день Степан Иванович Волынской, да Иван Фомич Огарев, да дьяки Никита Леонтьев да Яков Ключарев привод-

¹ В подлиннике—описка, и написано неразборчиво: Кашенинского; можно прочесть и иначе.

ные записки князь Михайла Жеряпина, словесно ево князь Михайлова челобитья, и приводного человека Ондрюшки Есипова сына роспросных речей, и Канай мурзы Шейдякова человека Курмаша Облаева словесного челобитья, и князь Ортемьевы жены Шейдякова Олены з детьми, с Михайлом да с Федором, мировую челобитную, и на того спорного человека на Ондрюшку Есипова сына, служилую кабалу прошлого 134-го году слушали; и приговорили того человека, Ондрюшку Есипова сына, по кобальному холопству и по повинке и по мировой челобитной отдати попрежнему в холопство князю Григорью Жеряпину, потому что опричь княгини Елены з Григорьем спору ни с кем не было. И тот человек Ондрюшка князю Григорью Жеряпину в холопство отдан, и с нево, Ондрюшки, у князя Григорья Жеряпина головных пошлин 3 алт. взяты и в приходную книгу нынешнево 136-го году генваря в 18-й день записаны.

Скрепя на обороте по сставу лл. 2 и 3, конец на лице л. 4. Дняк Никита Леонтьев; по сставам лл. 4—9, конец на лице л. 9: Дняк Никита Леонтьев.

Опись № 25, столбец № 40317. I—лл. 12; II—лл. 2, 3; III—лл. 3, 4; IV—лл. 4—6; V—лл. 6, 7; VI—л. 9. Первый лист ветхий; правый край всех листов осыпался.

№ 14. — 1628 г. января 11—1631 г. декабря 3. Судное дело, начатое перед Степаном Ивановичем Вслынским, Иваном Фомичем Огаревым и дяками Никитой Леонтьевым и Яковом Ключаревым, продолжавшееся перед князем Иваном Федоровичем Волкнским, Иваном Фомичем Огаревым и дяками Иваном Варгановым и Андреем Строевым, о рабе Анне Емельяновой дочери Богдановой, истец — тулянин, недельчик Судного приказа Осип Михайлов сын Кузьмищев; ответчик — соловлянин Роман Иванов сын Сатин.

(л. 39) 136-го году. Кузьмищева с Сатиным. Из Ивановых дел Тетерина¹.

1. — 1628 г. января 11. Челобитная Осипа Кузьмищева: дать суд на рабу Анну Емельянову, которая бежала по подговору Романа Сатина; показания Анны Емельяновой и Романа Сатина.

(л. 21) 136-го генваря в 11 день бил челом государю [т.], а в Приказе холопья суда Степану Ивановичю Волынскому, да Ивану Фомичю Огареву, да дьяком Никите Леонтьеву да Якову Ключареву Осип Кузьмищев подал челобитную, а в челобитной пишет. — (л. 22) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, туленин Осипка Михайлов сын Кузьмищав. Жалоба, государь, мне на сторинною свою рабу, на девку на О[н]ютку Омелянову дочь Богданову. В прошлом, государь, во 129-м году на светой недели в среду побегала, государь, от меня та старинная моя девка Онютка по подговору соловенина Романа Иванова сына Сатина. И как, государь, тот Раман Сатин ходил в Кизылбаши без твоего государева указу, и после, государь, ево Рамана, жена ево тое мою старинную девку Анютку выдала замуж за человека своего, за Гришку за Леонтеява, насильством в прошлом, государь, во 135-м году после Дмитрова дни Селунского. И та, государь, моя старинная девка Анютка, а нонеча она замужем за ево Рамановым человеком Сатина, за Гришкою Левонтеявым, приведена в Холопей приказ, и от меня, холопа твоего, та моя старинная девка, а ныне молодлица, Онютка в холопстве отпираетца по ево Раманову насильству и поученью. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне на тое мою старинную рабу, на девку на Онютку, кто ныне в молодлицах, дать свой царской суд и управу. Царь государь, смилуйся.

На обороте помета: 136-го генваря в 11-й день. Суд был.

(л. 23) И против сей челобитной ответчик Роман Сатин отвечал, и

¹ Подлинный заголовок.

жонка у суда тут же стояла, а сказала: зовут де ее Онюткаю Емельянкина дочь, Гуркова жена Леонтьева. А в ответе Роман сказал: тое де девки он, Раман, у Осипа не поговаривал; а та де жонка ево Романова; а отец де тое жонки служил у Осипова отца Кузьмищева, а по какой крепости служил, того де он не ведает...¹ де отец отца тое жонки отпустил; и отец де тое Онютки ее, Онютку, отдал ему, Роману, и он де, Роман, на нее взял кабалу на Туле.

II. — Того же дня. Ссылочные памяти Осипа Кузьмищева; ссылки по ним в послушество ответчика.

Да туто ж истец подал ссылашные памяти, а в памятех пишет... — (л. 28) Да² шлюсь, государь, на туленина, на Богдана Никонова сына Шилова да на ево семью, на Оксинью Федорову дочь, в том, что тот Богдан с семьею своею ту мою старинною девку Анютку у отца моего и после отца моего у меня знали в холопстве, — в том, государь, на них шлюся. — Да шлюсь на туленина же, на Офрема Никонова сына Шилова да на ево семью, на Фетинью Ондrejaнову дочь, в том, что тот Офрем с семьею своею ту мою старинную девку Анютку у отца моего и после отца моего у меня знали в [хо]лопстве, — в том, государь, на них шлюся. — Да шлюсь, государь, на туленина же, на Карпа Иванова сына Протопопова, да на ево семью, на Просковью Кузьмину дочь, в том, что тот Карп с семьею своею тое мою старинною девку Анютку у отца моего и после отца моего у меня в холопстве знали, — в том, государь, на них шлюся. — Да шлюсь, государь, на Тимофееву жену Кутепова на Марью Правоторхову дочь в том, что та Марья тое мою старинною девку Анютку у отца моего [и] у меня в холопстве знали, — в том, государь, на нея шлюся. — Да шлюсь, государь, на туленина же, на Микиту Михайлова сына Микифорова да на ево семью, на Дарью Андрееву дочь, в том, что тот Микита с своею семьею ту мою старинною девку Анютку у отца моего и после отца моего у меня в холопстве знали, — в том, государь, на них шлюся. — Да шлюсь, государь, на ея Онюткина отца, на Мелешку, а тот Мелешка деда моего полоненик и послужилец, и после деда — отца моего послужилец; а нынеча, государь, тот Мелешка после отца моего Михайла служит у меня десятой год, потому та Анютка, дочь ево, мне старинная и крепка по отце своем, — в том на него шлюся.

На обороте: О[тветчик]³ по всем ссылкам слался в послушество.

(л. 24) И ответчик Роман, выслушев ссылашные памяти, по всем ссылашным памятем слался в послушество: те де люди ему, Осипу, друзья; а отец де тое жонки ныне служит у него, у Осипа. Истец Осип бил челом, а сказал: преж де он, Роман, в сем же суде скозал, что отец ее, Онютку, отпустил, а топере де он же, Роман, на него шлетца в послушество.

III. — Того же дня. Ссылочные памяти Романа Сатича, ссылка по ним в послушество истца.

Да туто ж ответчик подал ссылашные памяти без челобитной, а в памятех пишет. — (л. 25) Шлюся, государь, из виновата на тулен, на Якова Лукьянова сына Хрущева, да на Василья, да на Семена, да на Якова Месных, да на Федора Толстова в том, что тое моей жонки отец Мелешка от атца ево от Осипова был отпущон, а мне дал дочь свою в те поры, как отпущон был; а оне то ведают, — в том на них и шлюся. — Да шлюся, государь, из виновата Тульскава Предтечева монастыря на чернова священника Еуфимья да на тульскова посацкова

¹ Чернила по правому краю листа выцвели, местами прочитать нельзя.

² Союз «да» показывает, что это — не первая ссылочная память О. Кузьмищева; первой ссылки в деле нет; несколько ссылочных памятей его, вероятно, утрачены.

³ В подлиннике «о» в кружке.

человека, на Исайка Пальцова, да на дарных дворникав Моксимовай жаны Ивашкина на Фильку да на Сеньку да на Якушку, и на их матеря в том, что тое моей жонки отец Мелешка от ево Осипова отца отпушон был, а мне дочь свою, тое мою жонку, дал в те поры, как отпушон был; а оне то ведают, — в том на них и шлюся. — Да сверх, государь, тово шлюся из виновата тульскова уезду Заостроскава стану на никольских священникав, на Якова да на Марку, в том, что тое моей жонки отец от ево Осипова отца отпушон и дал мне дочь свою в те поры, как от отца ево отпушон; а оне то ведают, — в том на них шлюся. — Да шлюся государь, из виновата на духовнаю в том, что то[е] моей жонки отца Мелешку з жаною и з детьми велена отпустить, — в том, государь, шлюся из виновата на духовнаю.

На обороте: И[стец],¹ выслушав сех ссылок, по всем ссылкам слался в послушество.

(л. 26) Сверх, государь тово, шлюся из виновата Серпуховскова Высоцкава монастыря на старца на Мокарья да Тульскава уезду на рождественскава священника, на Данила, в том, что тое духовную писал тот старец, и то в духовнай написана, что отца той моей жонки, Мелешку, велена отпустить, и рождественскай свещелник Донила то ведает жа, — в том на них шлюся. — Сверх, государь, тово, шлюся из виновата Соловскова уезду Кожницкава стану на никольскава свещелника, на Офанасья, в том, что тое моей жонки Аниютки отец ее Мелешка после ево, Осипа, отца отпушон и дал мне дочь свою отпушон, — в том на нево шлюсь. — Сверх, государь, тово шлюся из виновата Тульскава уезду Заостроскава стану на покровскава свещелника, на Филипа, а тот, государь, свещелник ево Осипову отцу отец духовнай, — в том, что отец ево Осипов тово человека Мелашку, жонки моей отца, тому священнику, отцу своему духовному, велел отпустить и в духовнай то написал; и то он ведает, что тое мою жонку отец ея дал, — в том, государь, шлюся отцу ево на отца духовнава.

На обороте: И[стец]² по сем по всем ссылкам слался в послушество.

(л. 33) И истец Осип Кузьмищев, выслушав ссылашныя памяти, по всем ссылашным памятем слался в послушество, а сказал: те де люди ему, Роману, друзья, а у отца де ево у Осипова духовной не бывало, — и на тое де духовную и на попа, которой тое духовную писал, слался в послушество на отца своего на духовного отца, на попа на Филипа, истец Осип слался в послушество, а сказал: тот де поп Филип отцу ево Осипову был отец духовный, а тот де поп ему, Осипу, недруг, преж де сего тот поп своровал и подделал запись на жонку ево Осипову, и о той де жонке у него, у Осипа, суд был з Дорофеем Остафьевым; и он де Осип на того попа бил челом, а году де он не упомнит; да у него же де, у Осипа, было дело о той же жонке с Тимофеем Санчаковым, и ему де, Осипу, по той ево Тимофеевай воровской записи тое жонку ему, Осипу, и отдали; а дело де было при разборе, как разбор был на Туле.

IV. — Того же дня. Ссылка Романа Сатина в повальный обыск; ссылка истца в послушество; показания сторон; допрос Анны Емельяновой.

Да ответчик же бил челом и слался (л. 34) словесно Тульского уезда Заостровского стану на Тульской и на Соловской уезды около своей вотчины дер. Агамова версты по 2, и по 3, и по 5-ти, и по 10-ти в повальной обыск, что те люди ведают, что отца тое жонки отец ево Осипов отпустил и как де отец тое жонки был отпушен.

¹ В подлиннике «и» в кружке.

² В подлиннике «и» в кружке.

и тое де девку отец ее отпустил, — и им де про то ведомо же. И истец Осип на тех ссылашных людей слался в послушество, а сказал: те де люди ему, Роману, друзья и племя. Да истец ж Осип бил челом, а сказал: сказывает де он, Роман, что та жонка отпущена, и отпускную ей дал, и чтоб де ему, Роману, велели тое отпускную положить. И ответчик Роман сказал, что у него отпускной нет. И спросили ответчика: Та жонка по чему тебе крепка? И ответчик сказал: та де Онютка служила у него, у Романа, да кобалы (л. 35) 3 годы; а кобалу де он на нее взял на Туле во 130-м году; и та де кобала ныне у него, у Романа, на Туле, а книги де на Москве. И истец на книги слался в послушество, а сказал: вольно де ему кобалы имати. И спросили жонки: как ее завут и чья старинная? И жонка сказала: завут де ее Онюткою Емельянова дочь; служит де она ныне у Романа Сатина лет з 10; а прежде ево она ни у ково не служивала, а жила де она у отца своего; а отец де ее жил на воле; а у Романа де она ныне замужом за человеком ево, за Гришею Леонтьевым; и ныне де муж ее у Романа. И спросили Романа: Муж тое жонки у тебя есть ли? И Роман сказал, что муж ее у него, у Романа, есть.

V. — 1628 г. января¹ ... Поручная запись по Романи Сатине.

И после суда велели приставу Ивану Текутьеву взяти по истце и по ответчике поручные записи, а жонку по ее челобитью велели дати на поруку Роману Сатину. И пристав подал поручную запись по Романи Сатине, а по Осипе не принес записи, а в записи пишет. — (л. 36) Се яз, Михайла Иванов сын Сухатин, туленин, да яз, Кузьма Максимов сын Ушаков, да яз Иван Степанов сын Хвошинской, туленин, да яз, Кирила Юрьев сын Арсеньев, жилец, да яз, Савелей Иванов сын Дуров, жилец, да яз, Степан Иванов сын Арсеньев, туленин, да яз, Демит Тимофеев сын Крюков, жилец, выручили есмя Холопья приказу у пристава, у Ивана Текутьева, соловленина Романа Иванова сына Сатина в том: ставитца ему, Роману, за нашу порукою в Холопье приказе перед Степаном Ивановичем Волынским, да перед Иваном Фомичем Огаревым, да перед дияки, перед Микитою Левонтьевым да перед Яковом Ключаревым, по вся дни с суда и жонка Анютка Амеликина дочь поставить, как ее спросят и велят поставить, и с Москвы ему не съехать. А не учнет он, Роман, за нашу порукою в Холопье приказе ставитца по вся дни с суда или тое жонки Анютки не поставит, как ее спросят и велят поставить, или с Москвы съедет, и на нас, на поручников, и[с]цов иск Осипа Кузьмищева по челобитной, кокова челобитная у судново дела за дьячью приписью, и та спорная жонка Анютка, а за тое жонку, что государь укажет, и с тово иску государевы пошрины и пересуд и правой десяток. А кой нас, поручиков, в лицах, на тем изцов иск и порука и государевы пошрины. А на то послуи: Микифор Левонтьев сын. А запись писал Ондрюшка Федоров лета 7100 тридесять шестаго году.

На обороте: Михайла Романа ручал суда, что ему женка к указу поставить, и руку приложил и в Кузьмино места Ушакова. Савелей суда ручал и руку приложил. Кирила ручал и руку приложил и в Степанова места да в Демидава. Иван ручал Романа, руку приложил. Послух Микифор и руку приложил.

VI. — 1628 г. января 28. Роман Сатин подал кабалу на Анну Емельянову от 1621 г. ноября 1.

(л. 37) 136-го генваря в 28-й день Роман Сатин подал кобалу, а в кабале пишет.

(л. 38) *Помета:* 130-го году ноября в 1-й день Сказалась: живет у Романа 3 годы. Записать в книги. — Се яз, девка Анна Омельянова

¹ Датирuem январем по предыдущему и следующему документам.

дочь, занела есми у Романа Ивановича Сатина 2 руб. денег московских ходячих нынешнего 130-го году ноября в 1-й день да того же числа на год; а за рост мне, Анне, у государя своего, у Рамана Ивановича, служить во дворе по вся дни и всякая работа работать; а полягут деньги по сроке, и мне, Анне, у Рамана Ивановича служить по тому же во дворе по вся дни и всякая работа работать; а где я, заимщик, в лицах ни буду, и на мне деньги и работа. Припись у кабалы тульского губного старосты Кирила Тимофеевича Коптева. А на то послуши: Данила Сидоров. А кабалу писал Федька Пошлеков лета 7130-го году ноября в 1-й день.

XVII. — 1630 г. января 9. Ставочная челобитная Романа Сатина.

На обороте: 130-го году ноября в 1-й день, став перед тульским перед губным старостою, перед Кирилам Тимофеевичам Коптевым, заимщица сказала: деньги занела и кабалу, на себя такову дала; и в книги записана. *Припись губного старосты:* Кирила Коптев.

Послух Донилка руку приложил.

Помета: 136-го генваря в 28-й день.

XII. — 1628 г. февраля 26. Челобитная Осипа Кузьмищева: Роман Сатин с Москвы съехал вместе с спорной женкой — поставить ее поручителей.

(л. 27) 136-го февраля в 26-й день в Приказе холопья суда Степану Ивановичу Волинскому, да Ивану Фомичу Огореву, да дияком Никите Леонтьеву да Якову Ключареву Осип Кузьмищев подал челобитную, а в челобитной пишет. — (л. 29) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, туленин Оська Михайлов сын Кузьмищев. В нынешнем, государь, во 136-м году искал я, холоп твой, в Холопьем приказе на старинной своей девки на Анютки Амелянновой дочери Богданавай холопства; а отвечал, государь, за ту девку сатавленин Раман Иванов сын Сатин, что ныне женка, и слался, государь, тот Раман Сатин суда в слух и в обыск абалод своей вочины версты по 5-ти и по 10-ти и больши в павальной обыск, а меня, холопа твоего, поклепал духовною. И тот, государь, Раман, не дажидаючи твоего государева указу и по тому судному делу вершенья, видев вину свою, с[е]хал закупать абысков и саставливать духовною и с тою моею старинною девкою с Анюткою. Милосердый государь [т.], пожалуй, государь, меня, холопа своего, велти, государь, тех Анюткиных поручиков поставить, что они ручались по ней суда мима писца и ответчика, что была ей за их порукою с Ма[с]квы не¹ с[е]хоть. Царь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 136-го февраля в 26-й день. Взять к делу, а для допросу в съезде поставить порутчиков.

VIII. — 1628 г. февраля 27. Поручители Романа Сатина поставлены; их сказки.

(л. 30) 136-го февраля в 27-й день перед Степаном Ивановичем Волинским, да перед Иваном Фомичем Огоревым, да перед дияки, перед Никитою Леонтьевым да перед Яковым Ключаревым Романов порутчик Сатина Демид Крюков сказал: по Романе де Сатине он ручался, а ныне де он не ведает, что Роман на Москве ль или съехал.

На обороте помета: Приговорили: велеть выписать ис кабалных книг.

(л. 31) Того же дни Романов жа порутчик Иван Хвошинской сказал: того де он не ведает, Роман ныне на Москве ль или нет, а на Москве де он ево не видал. *Рукоприкладство:* Иван Хвошинской сказал и руку приложил. — Романов жа порутчик Сатина Михайла Сухотин сказал: того де он не ведает, что Роман на Москве ль или нет, а видел де он ево zde на Москве недавно. *Рукоприкладство:* Михайло Сухатин руку приложил.

¹ В подлиннике «не» написано 2 раза.

IX. — 1628 г. мая 24. Отсрочная челобитная Романа Сатина.

(л. 32) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, соловленин Ромашко Иванов сын Сатин. Искал на мне, холопе твоём, Оська Кузьмищов спорной девки Анютки, и то, государь, дело не вершено; а мне ныне, холопу твоему, сказана твоя государева служба. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне в том деле для своей царские службы отсрочить. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 136-го мая в 24-й день. Для государевы службы отсрочен[о], а по нем взять к делу отсрочную поручную запись.

X. — 1628 г.... Поручная запись по Романа Сатине.

(л. 17) Се яз, Левонтей Петров сын Ртищев, да яз, Онурей Кузьмин сын Бобанин, да яз, Оксентей Прокофьев сын Хрипков, соловляне, да яз, Кирила Тимофеев сын Коптев, да яз, Внифантей Кузьмин, сын Вельяминов, тулени, да яз, Прохор Федоров сын Данилов, да яз, Василей Ворфоломеев сын Месной, тулени, выручили есми у пристава, у Ивана Текутьева соловленина Романа Иванова сына Сатина в том: стати ему за нашею порукою в Холопье приказе перед Степаном Ивановичем Волинским, да перед Иваном Фомичем Огаревым, да перед [дья]ки, перед Микитою Левонтьевым да перед Яковом Ключаревым, на отсрочной срок, как нынешняя летняя служба минетца, воеводы с конь ссяду[т], месяц спустя. А не станет он, Роман, за нашею порукою в Холопье приказе на отсрочной срок, и на нас, на порутчиках, исцов иск Осипа Кузьмищева по челобитной, какова челобитная у дела за дьячьею приписью. А кой у нас будет порутчик в лицах, на том исцов иск и с того иску государевы пошлины. А на та послух Федор Микифоров. А запись писал Бориска Иванов лета 7136-го году.

На обороте: Я, Дмитрий Евской, суздалец, в Левонтьево место Ртищово да в Оксентьево место Хрипкова да в Онурево место Бобанина по их веленью руку приложил. Я, Внифантей, Романа Сатина на отсрочной срок ручал и руку приложил. Кирила ручал и руку приложил. Прохар ручал Романа и в Васильево места Мясного на отсрочной срок в девке в спорной и руку приложил. Послух Федька и руку приложил.

XI. — 1628 г. декабря 14. Челобитная Осипа Кузьмищева: Роман Сатин держит спорную женку у себя на дворе и к Москве не едет другой год, — учинить указ.

(л. 18) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, туленин Оська Михайлов сын Кузьмищав. В прошлом, государь, в 136-м году искал я, холоп твой, на старинной своей девки, на Онютки Амельяновой дочери Богданова, холопства по подговору саловленина Романа Сатина; и тот Роман, ставаясь с тою девкою, отвечал задин. И после, государь, суда дана та моя девка на поруки мимо исца и ответчика; и те, государь, порутчики, дружа ему, Роману, тое девку мою отдали ему, Роману. И тот Роман ныне держит тое девку во дворе; и видя свою вину, тот Роман к Москве не едет и девки не везет другой год, хотя, государь, тою моею старинною девкою завладеть, что ныне жонка. А волючюсь я, холоп твой, за тем делом другой год. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, то дела положить и свой царский указ учинить. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 137-го декабря 14-й день. Взять г делу и дело положить на стол.

XII. — 1628 г. декабря 17. Приговор о выписке из кабальных книг кабала на Анну Емельянову, выданной Роману Сатину.

(л. 19) 137-го декабря в 17-й день князь Иван Федорович Волконской, да Иван Фомич Огорев, да дияки Иван Варганов да Ондрей Строев, сево суднова дела слушали и приговорили выписати ис тульских ис кобальных книг 130-го году: та кабала на тое жонку в книгах записана ль. И тульские кабальные книги 130-го были в городской в кобальной в 6-ой книге, и та книга в московской пожар во 134-м году у сыскных дел згорели.

XIII. — 1629 г. января 9. Челобитная Осипа Кузьмищева, аналогичная челобитной от 14 декабря 1628 г. (XI).

137-го генваря в 9-й день в Приказе холопья суда князю Ивану Федоровичю Волконскому, да Ивану Фомичю Огареву, да дияком Ивану Варганову да Ондрею Строеву Осип Кузьмищев подал челобитную, а в челобитной пишет. — (л. 20) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, туленин Осыка Михайлов Кузьмищев. В прошлом, государь, во 136-м году искал я, холоп твой, на старинной своей девке, на Онютке Омельяновой дочери Богданова, холопства по подговору Романа Ивана сына Сатина, соловленина; а тот Роман отвечал за нее, стокався с нею заодин, и слался в слух и в обыск в покупной. И после, государь, суда дана та моя старинная девка на поруки мимо испа и ответчика; и те, государь, порутчики, друзя ему, выдали тое мою девку ответчику Роману Сатину; и тот Роман Сатин ныне держит тое девку во дворе; и виде, государь, тот Роман вину свою, к Москве не едет другой год и девке моей к Москве не везет, хотя у меня тою моею девкою старинною, что нынеча жонка, завлодеть, и живет домо, скупает обыски. А волочюся я, холоп твой, другой год. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, то дело положить и свой царский указ учинить. Царь государь, смитуйся.

На обороте помета: 137-го генваря в 9-й день. Взять к делу.

XIV. — 1629 г. января 14—16. 2 списка памяти пристава: поставить поручителей Романа Сатина к допросу.

(л. 15) И князь Иван Федорович Волконской, да Иван Фомич Огорев, да дияки Иван Варганов да Ондрей Строев, выслушав челобитную, велели дати на Рамановых порутчиков Сатина выпись, где ныне Роман Сатин. И выпись такова дана, а в выписи пишет. — Лета 7137-го генваря в ...день. По государеву [т.] указу память приставу...¹ Сыскав, поставити ему в Приказе холопья суда перед князем Иваном Федоровичем Волконским, да перед Иваном Фомичем Огаревым, да перед дияки, перед Иваном Варгановым да перед Ондреем Строевым, саловленина Романовых порутчиков Сатина, Михайла Иванова сына Сухотина да Кузьму Моксимова сына Ушакова да Ивана Степанова сына Хвошинского, туляня, да Кирила Юрьева сына Арсеньева, жилец, да Савелья Иванова сына Дурова, жилец, да Степана Иванова сына Арсеньева, туляня, да Демида Тимофеева сына Крюкова, да Леонтья Петрова сына (л. 16) Ртищева, да Онуря Кузьмина сына Бобанина, да Оксентья Прокофьева сына Хрипкова, соловляне, да Кирила Тимофеева сына Коптева, да Внифантья Кузьмина сына Вельяминова, туляня, да Федора Прохорова сына Данилова, да Василья Ворфоломеева сына Меснова, к допросу, где ныне Роман Сатин и спорная жонка Онютка Емельяна дочь, что в споре та жонка с Осипом Кузьмищевым.

Помета: Генваря в 14-й день. Дать выпись на порутчиков, велеть женка спорная поставить в Холопье приказе.

¹ Оставлено место для имени пристава.

(л. 11) Лета 7137-го генваря в 16-й день. По государеву [т.] указу память приставу...¹

На обороте: Справил Ивашко Тетерин.

XV. — 1629 г. февраля 1. Поручные записи по поручителях Романа Сатина: 1) по Льве Петрове сына Ртищеве — ставиться на правеже;

2) по 3 других поручителях — ставиться в приказе и с Москвы не съезжать.

(л. 12) 137-го февраля в 1-й день в Приказе холопья суда князю Ивану Федоровичу² Волконскому, да Ивану Фомицю Огареву, да дьяком Ивану Еремееву да Ондрею Строеву пристав Дмитрий Козин подал две поручные записи, а в записи пишет. — (л. 13) Се яз, Степан Богданов [сын] Хвощенской, туленин, да яз, Ондрей Елизаров сын Данилов, туленин, да яз, Устин Офонасьев сын Хрущов, туленин, да яз, Михайло Волынцов [сын] Офросимов, тулене, да яз, Фатьян Ратаев сын Хомяков, туленин, да яз, Лукьян Ратаев сын Хомяков, туленин, выручили есми Холопья приказу у пристава, у Дмитрея Козина, соловленина Льва Петрова сына Ртищева: ставица ему, Льву, за нашею порукою у Холопья приказу на правежи по вся дни на первом часу дни и с Москвы ему не съезжать. А не учнет он, Лев, на правежи по вся [дни] ставица за нашею порукою на первом часу дни или с Москвы съедет, и на нас, на порутчиках, исцов иск соловленина Романа Сатина, спорная женка Анютка, а в спорной жонке, что государь укажет. А кой нас, порутчиков, будет в лицах, на том и порука. А на то послуши...³ А запись писал от Ивана Великого Матюшка Иванов лета 7137-го году.

На обороте: Степан Льва в статье на правеж ручал и руку приложил и в Устинова места по ево веленью. Ондрей ручал и руку приложил. Князь Тимофей Волконской в Фотьянова да в Лукьянова места Хомяковых по их веленью руку приложил. Послух Ивашка⁴ и руку приложил.

(л. 14) Се яз, Федор Яковлев сын Пашков, туленин, да яз, Лукьян Ратов сын Хомяков, туленин, да яз, Микифор Максимов сын Ивашкин, да яз, Василий Иванов сын Коптев, туленин, да яз, Яков Офромеев сын Мясного, туленин, да яз, Мясной, туленин, выручили есми Холопья приказу у пристава, у Дмитрея Козина, тулян, Ивана Степанова сына Ушакова да Василья Ворфоломеева сына Мяснова да Демида Тимофеева сына Крюкова, в том: ставица им за нашею порукою в Холопье приказе перед князем Иваном Федоровичем Волконским, да перед Иваном Фомичем Огаревым, да перед дьяки, перед Иваном Варгановым да перед Ондреем Строевым, по вся дни и с Москвы им не съезжать. А [не]⁵ учнут они ставица или с Москвы съедут, и на нас, на порутчиках, исцов иск соловленина Романа Сатина, спорная женка Анютка, а в спорной жонке, что государь укажет. А кой нас, порутчиков, будет в лицах, на том и порука. А на то послуши: Григорей Богданов. А запись писал от Ивана Великого подьячей Матюшка Иванов лета 7137-го году.

На обороте: Зиновей Меснов ручал Василья да Ивана да Демида и в Федорова места и в Лукьянова места и Васильява места и в Яковлева места по их веленью руку приложил. Микифор ручал и руку приложил.

¹ Оставлено место для имени пристава. Текст памяти здесь опускаем, см. выше, лл. 15—16.

² В подлиннике: Фомицю.

³ Оставлено место для имени.

⁴ Имя написано неразборчиво, может быть, следует читать иначе.

⁵ Не внесено редакцией.

XVI. — 1629 г. декабря 13. Челобитная Осипа Кузьмищева: Роман Сатин третий год после суда живет в деревне, держит там спорную женку и скупает обыски, — учинить указ.

(л. 3) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, туленин Осипка Михайлов сын Кузьмищав. В прошлом, государь, во 136-м году искал я, холоп твой, на старинной девки холопства, на Онютке Омельяновой дочери Богданове; а отвечал, государь, за нее соловленин Роман Иванов сын Сатин; и на суде, государь, слался тот Роман в накупной обыск обapol своей вотчины. И с суда, государь, та моя девка мимо исца и ответчика дана на поруку; и тое, государь, девку порутчики отдали ему, Роману, дружка ему и норов[я]; и тот Раман с тою девкою живет в деревни третей год, накупает обыски. А я, холоп твой, с тех мест и по ся места волочусь на Москве третей год, с волокиты вконец погиб. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели. государь, мне в том деле свой царской указ учинить, чтобы я, холоп твой, с волокиты на Москве вконец не погиб и той своей девки не отбыл. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 138-го декабря в 13-й день. Взять к делу.

XVII. — 1629 г. декабря 23. Челобитная Осипа Кузьмищева, аналогичная предыдущей.

(л. 4) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, туленин Осипка Михайлов сын Кузьмищав. В прошлом, государь, во 136-м году искал я, холоп твой, на старинной девки холопства, на Онютке Юмельяновой дочери Богданова; и отвечал, государь, за нее саловленин Роман Иванов сын Сатин. И на суде, государь, тот Роман слался в накупной обыск обapol своей вотчины. И с суда, государь, та моя девка мима исца и ответчика дана на поруку; и тое, государь, девку порутчики отдали Роману Сатину, дружка и норовя ему, Роману. И тот Роман с тою девкою живет в деревни третей год, накупает обыски. А я, холоп твой, с тех мест и по ся места, волочась на Москве третей год, с волокиты вконец погиб. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне в том деле учинить свой царской указ, чтобы я, холоп твой, с волокиты на Москве вконец не погиб и той своей девки не отбыл. Царь государь, смилуйся.

На обороте помета: 138-го декабря в 23-й день. Взять к делу.

XVIII. — 1622 г. декабря 28. Челобитная Осипа Кузьмищева, аналогичная предыдущим.

(л. 5) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, туленин Осипко Михайлов сын Кузьмищев. В прошлом, государь, во 136-м году имал я, холоп твой, на старинной девки холопства, на Онютки Омельянове дочери Богданова; а отвечал за нея соловленин Роман Иванов сын Сатин; и на суде, государь, тот Роман слался в накупной обыск обapol своей вотчины. [И] с суда, государь, та моя девка мимо исца и ответчика дана на поруку; и тое, государь, девку порутчики отдали Роману Сатину. И тот Роман с тою девкою живет в деревне третей год, накупает обыски; а я, холоп твой, с тех мест и по ся места волочусь на Москве третей год, с волокиты вконец погиб. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне в том деле свой царской указ учинить, чтоб я, холоп твой, с воло[киты] на Москве вконец не погиб. Царь государь, смилуйся.

На обороте помета: 138-го декабря в 28-й день. Взять к делу и перепоручить.

*XIX. — 1629 г. декабря 31. Челобитная Осипа Кузьмищева, 7-ая¹ по счету челобитчика: поставить поручителей Анны Емельяновой, вы-
давших ее ответчику.*

(л. 6) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, туленин Осипка Михайлов сын Кузьмищев. В прошлом, государь, в 136-м году искал я, холоп твой, в Холопье приказе на сторинной своей девки, что ныне жонка, на Онютки Омельяновой дочери Богданова, холопства по подговору Романа Сатина; и тот Роман за нея отвечал. И с суда та моя девка мима исца и ответчика дана на поруку. И то, государь, судная дело слушано, и приказана на порутчикав дать выпись, что тот Роман жил после отпуску в деревне, что, стакався, ево порутчики выдали тое мою сторинную девку Анютку, что ныне жонка, мима меня, исца, ответчику, ему Роману Сатину. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, тое моей девки Онюткиных порутчикав поставить и с ними свой царской указ учинить. А Роман, государь, Сатин по другой год после сроку, живочи в деревни, обыски скупает. А мое челобитье в том тебе, государю, по семой челобитной. Царь государь, смилуйся.

На обороте помета: 138-го декабря в 31-й день. Взять к делу и положить дело на стол.

XX. — 1630 г. января 1. Челобитная Осипа Кузьмищева, аналогичная предыдущей.

(л. 7) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, туленин Осипко Михайлов сын Кузьмищав. В прошлом, государь, в 136-м году искал я, холоп твой, в Холопье приказе на сторинной своей девки, на Онютки на Омельяновой дочери Богданова, что ныне жонка, холопства по подговору Романа Сатина; и тот Роман за нея отвечал. И с суда та моя девка мима исца и ответчика дана по поруку. И то, государь, судная дела слушано, и приказана на порутчикав дать выпись, что тот Роман жил после отпуску в деревне, что, стакався, ево порутчики выдали тое мою сторинную девку Анютку, что ныне жонка, мима меня, исца, ответчику Роману Сатину. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, тое моей девки Анюткиных порутчикав поставить и с ними свой царской указ учинить. А Раман, государь, Сатин по другой год после сроку, живучи в деревни, обыски накупает. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 138-го генваря в 1-й день. Взять к делу.

XXI. — 1630 г. января 2. Челобитная Осипа Кузьмищева 9-ая по счету челобитчика, аналогичная предыдущим; челобитчик указывает, что волочится за своим делом 3-й год.

(л. 8) Царю государю [т.] бьет челом твой, туленин Осипка Михайлов сын Кузьмищев. В прошлом, государь, во 136-м году искал я, холоп твой, в Холопье приказе на старинной своей девки, что ныне жонка, на Онютки Омельянове дочери Богданова, холопства по подговору Романа Сатина; и тот Роман за нее отвечал; и с суда та моя девка мимо исца и ответчика дана на поруку. И то, государь, судное дело слушено, и приказано на по[ру]тчикав дать выпись, что тот Роман жил после отпуску в деревне, что, стакався, ево порутчики выдали тое мою старинную девку Онютку, что ныне жонка, мимо меня, исца, ответчику, ему Роману Сатину. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, тое моей девки Онюткиных порутчиков поставить и с ними свой царской указ учинить

¹ Все 6 предыдущих челобитных приведены выше. Челобитчик не считает первой своей челобитной от 11 января 1628 г., являющейся исходным моментом дела.

по 9-й челобитной. А тот Роман Сатин живет после срока в деревни по другой год, обыски скупает, а я, холоп твой, влоачюсь за тем делом третей год, а укажу мне, холопу твоему, нет. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 138-го генваря в 2-й день. Взять к делу и положить дело на стол.

(л. 9) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, соловленин Ромашко Сатин. В прошлом, государь, во 136-м году искал на мне, холопе твоём, девки Суднова московскаго приказу недельщик Осип Кузьмищав; и то, государь, дело не вершано. И тот, государь, недельщик ныне бьет чалом на меня, холопа твоего, что будто я, холоп твой, к Москве не бывал. А я, холоп твой, на Москве живу, здесь на Москве с тех мест, как с твоей государевай службы отпущон, а влоачюсь, государь, за помесным делом. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мое челобитье записать. Царь государь, смилуйся.

На обороте помета: 138-го генваря в 9 день. Взять к делу и перепоручить.

XXIII. — 1630 г. ... Поручная запись по Романа Сатине.

(л. 10) Се яз, Осип Уваров, да яз, Истома Иванов сын, да яз, Михайла Иванов сын Сухатин, туленя, да яз, Максим Ондреев сын Маслов, да яз, Клементей Безсонов сын Ростопчин, да яз, Павел Молчанов сын Радимов, туленя, выручили есмя Холопья приказу пристава, у Григорья Кемецкаго, соловлянина Романа Сатина, в том: ставитца ему, Раману за нашую порукою в Холопье приказе перед князем Иваном Федоровичем Волконским, да перед дьяком, перед Ондреем Строевым, по вся дни и с Москвы ему не съехать. А не учнет он, Раман, за нашую порукою в Холопье приказе ставитца по вся дни или с Москвы съедет, и на нас, на поручниках, изцов иск Судново московскаго приказу недельщика Осипа Кузьмищева по челобитной, какова челобитная у суднаво дела за дьячию приписью, а с тово иску государевы пошлины и пересуд и правой десяток. А кой нас, поручиков, в лицах, на том исцов иск и государевы пошлины и порука. А на то послуши: Богдан Григорьев сын Дворяшин. А запись писал Ондрюшка Федоров лета 7138-го году.

На обороте: Михайло ручал и в Осипова места в-Истомина Сухотин руку при[ло]жил. Максим ручал и руку приложил. Клементей ручал в статье и в Павлова места Радимова по ево велению руку приложил. Послух Богдашка и руку приложил.

XXIV. — 1631 г. декабря 2. Челобитная Осипа Кузьмищева об указе; жалоба на Романа Сатина, который живет в деревне и скупает обыски.

(л. 1) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, туленин Оська Михайлов сын Кузьмищев. В прошлом, государь, во 136-м году искал я, холоп твой, на старинной на своей на рабе, на девке на Онютке Омельяновой дочери Богданова, холопства по подговору Рамана, и что ныне она, жонка; и в суде отвечал за нее соловленин Раман Иванов сын Сатин и слался на окупной обыск. И ныне, государь, тот Раман живет в деревни, скупает обыски. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, в том моем судном деле свой царский указ учинить по свое[му] государеву уложению. Царь государь, смилуйся.

На обороте помета: 140-го декабря в 2-й день. Взять к делу.

XXV. — 1631 г. декабря 3. Челобитная Осипа Кузьмищева, аналогичная предыдущей.

(л. 2) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, туленин Оська Михайлов сын Кузьмищев. В прошлом, государь, во 136-м году искал я, холоп твой, на старинной на своей на рабе на девке Анютке Омеляновой дочери Богданова холопства по подговору Рамана, что ныне она жонка; а в суде, государь, отвечал за нее соловленин Раман Иванов Сатин. И ныне, государь, тот Раман живот в деревни, умысля, скупает обыски. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, в том моем судном деле царской указ учинить по своему государеву уложению. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 140-го декабря в 3-й день. Взять к делу и положить дело на стол.

Скрепя¹ на обороте по составам: Верх л. 1 — низ л. 2: ев-Ди-ак. Верх л. 3 — низ л. 15: дрей-Стро-ев-Ди-ак-Он-дрей-Стро-ев-Ди-ак-Он-дрей. Верх л. 16 — без скрепы. Низ л. 16 — низ л. 20: Стро-ев-Ди-ак-Он-дрей. Верх л. 21 — без скрепы. Низ л. 21 — низ л. 23: Ди-ак-Яков: Верх л. 24 — низ л. 26: Ключа-рев-Ди. Верх л. 27: Ди, не совпадающее с «Ди» низа л. 26. Низ л. 27: ак. Верх и низ л. 28: Яков-Ключ. Верх л. 29 — верх л. 31: ак-Ни-кита Леонтьев. Низ л. 31 и низ и верх л. 32 — без скреп. Верх л. 33 — низ л. 38: Ди-ак-Яков-Ключа-рев-Ди. Верх и низ л. 39 без скреп.

Опись № 25, столбец № 40763. Подлинный заголовок — л. 39; I — л. 21—23; II — лл. 23, 28, 24; III — лл. 24—26, 33; IV — лл. 33—35; V — лл. 35, 36; VI — лл. 37, 38; VII — лл. 27, 29; VIII — лл. 30, 31; IX — л. 32; X — л. 17; XI — л. 18; XII — л. 19; XIII — лл. 19, 20; XIV — лл. 15, 16, 11; XV — лл. 12—14; XVI — л. 3; XVII — л. 4; XVIII — л. 5; XIX — л. 6; XX — л. 7; XXI — л. 8; XXII — л. 9; XXIII — л. 10; XXIV — л. 1; XXV — л. 2. Столбец перебит. Устанавливаем последовательность листов по датам, по внутренней связи документов и по скрепам дяков, проведенным по составам.

№ 15. 1628 г. апреля 22—1629 г. декабря 2. Судное дело, начатое перед Степаном Ивановичем Волюнским, Иваном Фомичем Огаревым и дяками Никитой Леонтьевым и Яковом Ключаревым и конченное перед князем Иваном Федоровичем Волконским, Иваном Фомичем Огаревым и дяками Иваном Варгановым и Андреем Строевым, — о холопе Позняке Кузьмине сыне, его жене Акулине, прозвище Любке, Митрофановой, прозвище Улановой, дочери и дочери ее Аксинье; истец — князь Юрий Никитич Морткин, ответчик — тарушенин Батрак Игнатьев сын Гурьев.

I. — 1628 г. апреля 22. Челобитная Батрака Гурьева: записать его явку в приказ в срок, установленный в его полюбовной записи с князем Юрием Морткиным.

(л. 1) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, тарушенин Батрачка Игнатьев сын Гурьев. В нынешнем, государь, в 136-м году приставил ко мне, холопу твоему, из Холопья приказу князь Юрьи князь Никитин сын Морткин в старинном моем человеке, в Поснячке; и приставя ко мне, тот князь Юрьи многое время на мне не искал. И после, государь, того тот князь Юрьи зделался со мною на запись в том, что нам в том деле сыскался; а срок в записи написан радуницы нынешнего же 136-го году; и тот князь Юрьи до того сроку в том деле со мною не сыскался; и я, холоп твой, против той полюбовной записи на срок на Москве стал на Москве. Милосердый государь [т.], пожалуй меня холопа своего, вели, государь, сию мою челобитную к делу приклеить, чтоб мне, холопу твоему, по той ево записи впредь испродану не быть и вконец не погибнуть и твоей бы государевы службы не отбыть. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 136-го апреля в 22-й день. Взять к делу.

¹ В виду важности скреп для суждений о правильности расположения листов подлинника для данного перебитого столбца — воспроизводим их полностью в порядке листов подлинника.

(л. 2) И Степан Иванович Волынской, да Иван Фомич Огарев, да дияки Микита Леонтьев да Яков Ключарев, выслушав Ботроковы челобитную Гурьеву, велели приклеить к делу.

II. — 1628 г. декабря 1. Челобитная Батрака Гурьева: его беглую рабу Акулину князь Юрий Морткин на срок в приказе не поставил, — учинить указ о его поручителях.

И декабря в 1-й день князю Ивану Федоровичу Волконскому, да Ивану Фомичу Огареву, да дьяком Ивану Ворганову да Ондрею Строеву Батрак Гурьев подал челобитную, а в челобитной пишет. — (л. 3) Царю государю [т.], бьет челом холоп твой, тарушенин Батрачко Гурьев. В прошлом, государь, во 135-м году за неделю до оспожиных заговен с среды на четверг в ночи збежала от меня старинная моя жонка Окулин[а], прозвище Любка, Уланова дочь с своею з дочерью с Оксиньцею, покиня у меня во дворе мужа своего Поснячка, а моего старинного человека; и, збежав от меня, жонка, где жила, тово я, холоп твой, не ведал. И в прошлом, государь, во 136-м году приставил ко мне из Холопья приказу князь Юрьи княж Никитин сын Морткин тое моей старинной беглой жонки Окулинки в муже ее, а в моем в старинном человеке, в Поснячке; и в те поры я, холоп твой, про тое свою беглую жонку, про Окулинку, и ведал, что та моя беглая жонка и з дочерью своею с Оксиньцею живет у того князь Юрья Морткина. И я, холоп твой, бил челом в Холопье приказе тебе, государю, против ево князь Юрьевой приставной памяти, что он тое мою беглую жонку и з дочерью поставил здесь на Москве. И по твоему государеву указу взята по том князь Юрье поручная запись, что ему та моя беглая жонка и з дочерью поставить в Холопье приказе в нынешнем де во 137-м году, как нам, холопом твоим, твоя государева нынешняя летняя служба минетца. И тот князь Юрьи, хотя тою моею старинною жонкою Окулинкою з дочерью с Оксинь[и]цею завладеть, и по ся места их в Холопье приказе не поставит, а меня, холопа твоего, волочит. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне с князь Юрьевыми порутчики Морткина в той моей старинной жонке, в Окулинке, з дочерью, с Оксиньцею, свой государев указ учинить, чтоб я, холоп твой, волочася, вконец не погиб. Царь государь, смилуйся.

На обороте помета: 137-го декабря в 1-й день. Взять к делу.

III. — 1628 г. декабря 18. Челобитная князя Юрия Морткина; дать выпись на поручителей Батрака Гурьева, который не поставил на срок спорного холопа Позняка.

(л. 4) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой Юшка Морткин. В прошлом, государь, сто тридесеть шестом году приставил я, холоп твой, их Холопья приказу к тарушенину к сыну боярскому, к Ботроку к Огаеву¹ сыну Гурьеву, по старинной своей беглой жонки в муже ее, в Познеке Кузьмине сыне. И в нынешнем, государь, сто тридесеть седьмом году упрощал тот Ботрак Гурьев в Холопье приказе сроку на неделю, что ему того спорнова человека на тот срок поставить; и запись по нем, по Ботроке, порушная взята. И он, Ботрак, тово спорнова человека на тот срок и после сроку того спорнова человека Познячка в Холопьем приказе к суду не поставил, а меня, холопа твоего волочит. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне в том деле указ учинить и на ево Ботроковых порутчиков выпись дать. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 137-го декабря 18-й день. Велеть на порущиках человека спорново поставить.

¹ Так в подлиннике, следует — Игнатьеву.

IV. — 1628 г. ...Поручная запись по Батраке Гурьеве: поставить в приказе в установленный срок спорного холопа Позняка.

(л. 5) Се яз, Замятня Иванов сын Кунаков, да яз, Василий Безсонов сын Ладыженской, да яз, Дмитрий Гаврилов сын Сумороков, да яз, Беклемиш Петров сын Кунаков, да яз, Осип Семенов сын Коломнин, тарушене, выручили есми Холопья приказу у пристава, у Кирея у Бухарь востова, торушенина же Ботрака Игнатьева сына Гурьева в том: поставити ему за нашею порукою в Приказе холопья суда перед князем Иваном Федоровичем Волконским, да перед Иваном Фомичем Огаревым, да перед дьяки, перед Иваном Варгановым да перед Ондреем Строевым, к суду спорново человека Позняка Кузьмина сына на срок за неделю до рожества христова нынешняго сто тридесять седьмаго году, что у него в споре со князем Юрьем Морткиным. А не поставит он, Ботрак, того спорново человека Позняка в Приказе холопья суда к суду на тот срок, кой в сей записи писан, и на нас, на порушниках, тот спорной человек, а за того спорново человека, что государь укажет. А кой нас, порушников, будет в лицев, на том и порука. А на то послуши: Осип Ушатов. А запись писал Жданко Григорьев. Лета 7100 тридесять седьмаго году.

На обороте: Замятня ручал Ботрака Гурьева, что ему поставит человека, и в Беклемишево места Кунакова руку приложил. Василий ручал и в Дмитреева места руку приложил. К сей поручнай записи в Осипава места Коломнина Василе[й] Ладыженской руку приложил. Послух Осипко и руку приложил.

V. — 1629 г. января 20. Челобитная князя Юрия Морткина: дать суд в холопстве Любки (Акулины) Улановой, поставленной в приказе; показания Ботрака Гурьева.

(л. 6) Лета 7137-го генваря в 20-й день бил челом государь [т.] князь Юрьи княж Никитин сын Морткин, а в Приказе холопья суда князю Ивану Федоровичю Волконскому, да Ивану Фомичю Огареву, да дьяком Ивану Ворганову да Ондрею Строеву подал о суде челобитную на старинную свою жонку, на Любку Уланову дочь, в холопстве, а в челобитной пишет. — (л. 7) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, Юшка Морткин. Жалоба, государь мне на старинную свою рабу, на Любку Уланову дочь. Бегаючи, государь, от меня, служила она во дворе у Ботрака у Гурьева; и тот Ботрак выдал ее замуж за Позняка Кузьмина сына. И ныне, государь, та моя старинная раба приведена в Холопий приказ. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своею, вели мне на ту старинную мою рабу, на Любку Уланову дочь, в холопстве дать свой царской суд и управу. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На об. л. 6 вверху вдоль листа надпись: Ботрака Гурьева.

На об. л. 7 помета: 137-го генваря в 20-й день. Суд был.

(л. 8) И торушенин Ботрак Гурьев, выслушев князь Юрьевы челобитные Морткина, за жонку за Любку Уланову дочь отвечал, а жонка Любка тут же на суде была, а в ответе сказал: та де жонка Любка его Ботракова старинная, а преж де ево, Ботрака, служила она, Любка, у Василья Марковича Бутурлина; а Василья де не стало; а та де жонка Любка от Василья отпущена и пришла де к нему, Ботраку, без отпуской. А опосле Ботрак сказал: дала де ему тое жонку Любку девкою невелику мать ее Котеринка, а служит де она, Любка, у нево, Ботрака, лет з 20, от тех мест, как пан Молотцкой Серпухов пожог.

VI. — Того же дня. Ссылочная память князя Юрия Морткина на людей, знавших Любку Уланову у него и у его отца в старинном холопстве.

(л. 9) И спросили князь Юрья Морткина: «кому те ведома, что та жонка Любка служила у отца твоего и у тебя, и кто ее в холопстве знали?» — И князь Юрья Морткин подал ссыльную память да другую память отводным людям, слался в повальной обыск в знатье той жонки Любки, а в памятех пишет. — (л. 10) Сверх, государь, креснова целованья, шлюся в слух и в ведомо около своей ерославецкой вотчинки, сельца Гостешева-Оболенского и Ерославецкого уезду по версте, и по 2, и по 5-ти, и по шти, и по 10-ти, и 20-ти, [и] больши на окольные на всякие люди в повальной обыск, что ту мою сторинную рабу Любку Уланову дочь у отца моего и у меня в сторинном холопстве знали, и мать ее Любкина Котеринка у нас в холопстве и умерла, — и то им ведомо; а иные слухом слышали, что Любка от нас бегола, — в том, государь, в повальной обыск и шлюся.

На обороте: Ответчик слался кроме его друзей и хлеба[ж]цов [в] том, что отец ее и мать у него не служивали.

VII. — Того же дня. Ссылка Батрака Гурьева в повальный обыск в том, что Любка Уланова у князя Юрия Морткина не служила; память отводным людям.

(л. 11) И ответчик Ботрак Гурьев, выслушев князь Юрьевы ссыльные памяти Морткина в повальной обыск на всяких людей, слал же ся из виноватых, опрично князь Юрьевых друзей, и родимцов, и хлебажцов, и заговору, аж то ему друзья и хлебажцы и родимцы. И Ботрак подал имена отводным людям, а слался в том, что та де жонка Любка у князь Юрьева отца у князь Микиты и у него, князь Юрья, не служивала; а в отводной памяти пишет. — (л. 12) Память отводным людям: Оболенского уезду вотчины боярина князя Бориса Михайловича Лыкова, село Загорья да село Казариново з деревнями; вотчина боярина князя Володимера Тимофеевича Долгоруково, дер. Тарсуки Верхние да Торсуки Нижние; вдовы кнегини Катерины княж Григорьевы жены Долгоруково дер. Караулово; князя Офонасья Тростенского село Колышово; князя Олексея да князя Тимофея Долгоруких дер. Шопина; князя Данила Долгорукого дер. Чеусова да дер. Софоньева, а ныне сына его князя Григорья; князя Олексея Долгоруково село Старой Оболенск; князя Ивана Долгорукова дер. Слободка; князя Олексея да князя Тимофея Долгоруких дер. Федоровка; князя Богдана Долгорукого дер. Никонова; князя Федора да князя Олексея княж Федоровых детей Долгоруких дер. Тинкова; князя Ивана Щербатого дер. Тимошева; князя Петра Лыкова дер. Стехина; князя Григорья Тюфякина село Ивановское; князя Василья Тюфякина дер. Лапина; князя Данила Долгоруково село Завалье; княж Володимеровы княгини да княж Ивановы княгини Долгоруких дер. Олтухова; князя Федора Долгоруково дер. Кутукова; Якова Микулина дер. Меркульева, а Яков Микулин Щербатым своим потому — князя Михаила Щербатого дочь за ним; дер. Фатеева, дер. Ивашковичи, Якова же Микулина; князя Осипа да князя Дмитрея Щербатых село Долгое; а те оболенские князи все Долгорукие и Щербатые, князю Юрию Морткину свои, потому что его князь Юрьевой матери двоюродная сестра была за князем Григорьем Долгоруким, потому они ему и свои и хлебоежцы; а Щербатые ему свои по Елецким: князя Осипова мать Щербатого — князь Тимофеева дочь Елецкого, а его князь Юрьева бабка — родная Елецких, а была она за князем Иваном Морткиным.

На обороте помета: 137-го генваря 20-й день. Взять к делу.

VIII. — Того же дня. Челобитная Батрака Гурьева: дать суд в его беглой рабе Акулине Улановой дочери и дочери ее Аксинье; показания князя Юрия Морткина.

(л. 13) Того ж часу, не сходя с суда, Ботрак Гурьев подал на князь Юрья Морткина челобитную о суде, а в челобитной пишет. — (л. 14) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, тарушенин Батрачко Игнатьев сын Гурьев. Жалоба, государь, мне на князя Юрья княж Никитина сына Морткина. В прошлом, государь, во сто тридесят пятом году за неделю до спожиных заговен с середины на четверг в ночи збежала от меня, холопа твоего, старинная моя жонка Окулинка, прозвище Любка, Уланова дочь с своею з дочерью с Оксиньцею, покиня у меня во дворе мужа своего Познячка, а моего старинного человека; и збежав от меня, та моя жонка где жила, тово я, холоп твой, не ведал. И в прошлом, государь, во 136-м году приставил ко мне из Холопья приказу тот князь Юрьи тое моей старинной беглой жонки Окулинка в муже ее, а в моем старинном человеке в Познячке; и в те поры я, холоп твой, про тое свою беглую жонку, про Окулинку, и сведал, что та моя беглая жонка и з дочерью своею с Оксиньцею живет у того князь Юрья Морткина. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне на того князя Юрья Морткина в той моей старинной жонки, в Окулинке, прозвище Любка, Уланове дочери, и в ее дочери, в девке Оксиньце, дать свой государев суд и управу. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 137-го генваря 20-й день. Суд был.

(л. 15) И князь Юрья Морткин, выслушев Ботраковы челобитные Гурьева, за жонку за Любку и за дочь ее за Оксиньцу отвечал, а в ответе сказал: та де жонка Любка не ево Батракова старинная, старинная де она ево князь Юрьева, потому что мать де ее Любкина Котеринка и умерла у отца у ево в холопстве; а она де Любка и возросла у нево; а служила де мать ее Котеринка и она, Любка, наперед у деда ево князь Юрьева, у Василья Марковича Бутурлина.

IX. — Того же дня. Ссылочные памяти Батрака Гурьева в повальный обыск на людей, знавших у него в старинном холопстве Акулину Уланову дочь.

И спросили исца Ботрака Гурьева: «Ищешь ты на князь Юрья жонки Любки, а называешь ее старинною своею; хто у тебя тое жонку в рабах знали и сколько лет знали?» — И Ботрак подал 2 ссыльные памяти, слался в повальной обыск около своей вотчинной дер. Заворовой Тарусково уезду, а в памятех пишет. — (л. 16) Шлюсь, государь, из виноватых в слух и в обыск в повальной обыск Тарускова уезда около своей вотчинки дер. Заворова по версте, и по 2, и по 3, и по 4, и по 5-ти и по шти, и по 10-ти больши на всяких окольных людей, на попов, и на дьяконов, и на дворян, и на детей боярских, и на их приказчиков, и на людей, и на крестьян, и на монастырские вотчины на прикащиков и на крестьян, и на Таруской посад, на всяких посадцких людей, oprичь своих недругов и ево князь Юрьевой Морткина выборной правды, в том, што они тое мою старинную женку Окулку, прозвище Любку, Уланову дочь у меня в старом холопстве в девках знали; и то им ведомо, што я тое Окулку и замуж выдал у себя во дворе за старинного своего человека за Познячка; и то тем окольным людям ведомо же, что та моя старинная же жонка от меня бежала и з дочерью своею, з девкою с Оксиньцею. В том, государь, и шлюсь, oprочь Елагиных и Арсеньевых.

На обороте. Ответчик слался на общую правду, кроме роду ево и заговору.

(л. 17) Да сверх, государь, того, шлюся на Гарасима Микалаева сына Березовского и на сына его, на Данила, и на кресьян его и на

людей в том, что та женка моя Окулина, и прозвище Любка, Уланова дочь от меня бегола, покиня мужа своего в сто тридесатом году, как мы были на твоей государевой службе во Брянску; и при-бегла в ево князь Юрьеву вотчину Ярославца Малого в село Гостешева; и уведов, мой человек приезжал к ево приказщику к Ы-вану, а прозвище Ашюрок; и тот приказщик тое мою женку сказал, что у князь Юрьевой матери, у жнегини, на дворе; и той моей женки без князь Юрьева ведома не оддал, а писал ко князь Юрью про тое мою женку; и князь Юрья тое мою женку велел отдать; и тот ево приказщик по ево князь Юрьеву велению тое мою женку отдал, — в том, государь, на них в ведома и шлюся.

На обороте: Ответчик слался в послушество: потому — свой ему.

Х. Того же дня. Отводная память князя Юрия Морткина.

(л. 18) И князь Юрья Морткин, выслушав Ботраковых¹ ссыльных памяти, в повальной обыск на всяких людей слался же из виноватых, опрично Ботраковых друзей и заговоров и роду и племяни; а отводным людям подал князь Юрья имена. А по другой ссыльной памяти князь Юрья слался в послушество, потому что те люди ему, Ботраку, свои; а в отводной памяти пишет. — (л. 19) Апричонна Ботрака Гурьева друзей и заговору: Похнутье Баравского монастыря вотчин, Лаговчиных, Лениных, Борисовых, Полукнязовых, Ладыженских, Олекиных, Куноковых, Биревых, Соморуковых, Иван Васильев сын Потрекеев, Далмат Немцов, Радивоновых, Фадей Павлов, Нозем Михайлов сын Туголмин, Исканских, Нарышкиных.

На обороте помета: 137 января в 20-й день. Взять к делу.

XI. — Того же дня. Допрос Батрака Гурьева, князя Юрия Морткина и спорных холопов.

(л. 20) И истец князь Юрья били челом, чтоб допросили Ботрака Гурьева: мать той женки Любки после Василья Бутурлина у ково служила? И Ботрак сказал: того де он не ведает, у ково мать ее служила. Да истец же князь Юрья бил челом, чтоб ево, Ботрака, допросили: почему ему та старинная женка Любка? И Ботрак сказал: потому де она у нево старинная, что служит у нево лет з 20. И Ботрак бил челом, чтоб ево, князь Юрья, допросили: сколько лет у нево в старинном холопстве окольние люди знали? ¹ И князь Юрья сказал: колько лет знают, тово, сказал, не упомянул; был мал; и та де жонка и взросла у нево. (л. 21) И спросили холопа: как тебя зовут и чей сын и чей старинной человек? И холоп сказал: зовут де ево Познячком Кузьмин сын; старинной де он холоп Ботракова отца Гурьева, Игнатья Гурьева; и после де отца ево служит он у Ботрака в старинном холопстве лет боольши 40-а; и Ботрак де ево, Познячка, у себя во дворе женил на девке, на Любке Степановой дочери, тому лет з 20; и инде нигде он, Познячко, ни у ково не служивал; а та де жонка Любка, на которой ищет князь Юрья Морткин холопства, ему, Позднячку, жена первая. А женка Любка сказала: старинная де она князь Микиты Морткина; а после князь Микиты служила она у сына ево, у князь Юрья Морткина; и от князь Юрья де она сошла девкою в Московское разоренья и пришла к Ботраку Гурьеву; и Ботрак де ее дал замуж за человека своего, за тово Позняка Кузьмина. И князь Иван Федорович, и Иван Фомич, и дьяки Иван и Ондрей велели речи их записать, а исца и ответчика и спорных людей велели дать на статные поруки з записьми и записи велели принесь к делу.

¹ Так в подлиннике, дополнение (жонку Любку) опущено.

ХII. — Того же дня. Недельщик подал поручные записи: по князе Юрии Морткине, спорном холопе Позняке Кузьмине, Батраке Гурьеве и Акулине, прозвище Любке.

И недельщик Семен подал записи, а в записях пишет. — (л. 22) Се яз, князь Иван князь Александров сын Моркин, да яз, князь Яков князь Ондреев сын Шелешпанской, да яз, Офонасей Терентиев сын Павлов, да яз, князь Михайло князь Ондреев сын Кольцов-Масальской, выручили есмя Холопья приказу у пристава, у Семена Дедешина, князь Юрья князь Никитина сына Морткина в том: ставитись ему, князь Юрью, за нашею порукою в Холопье приказе перед князь Иваном Федоровичем Волконским, да перед Иваном Фомичем Огаревым, да перед дьяки, перед Иваном Варгановым да перед Ондреем Строевым с суда по вся дни и с Москвы не съехати. А будет он, князь Юрьи, за нашею порукою с суда не учнет в Холопье приказе ставитись по вся дни или с Москвы съедет, и он, князь Юрьи того иску свое[го] лишен, что искал он на торушенине, на Батраке Гурьеве, по челобитной, какова челобитная в суде за дьячьего приписью. А на нас, на порущиках, исцов иск Батрака Гурьева по челобитной же, какова челобитная в суде за дьячьего приписью, и с тех обоих исков государевы пошщины и пересуд и правой десяток на нас же, на порущиках. А кой нас порущиков в лицах, на том порука и исцов иск. А на то послуши: Ондрей Суботин. А запись писал Демидко Холмов. Лета 7137-го году.

На обороте: Меня, князя Юрья, ручали[с] суда, и руку приложил. Князь Иван [с] суда ручал и руку приложил. Князь Яков ручал и руку приложил. Князь Михайла ручал и руку приложил. Афонасей ручал и руку приложил. Послух Ондрюшка и руку приложил.

(л. 23) Се яз, Офонасей Иванов сын Гурьев, торушенин, да яз, Тимофей Семенов сын Коломнин, торушенин, да яз, Прохор Иванов сын Сомонов, серпуховитин, да яз, Офанасей Нелюбов сын Тотаров, да яз, Осип Осипов сын Орцыбашев, торушаня, да яз, Иван Юрьев сын Владычкин, жилец, да яз, Никифор Олексеев сын Резанцов, торушенин, да яз, Василей Бессонов сын Ладыженской, торушенин, да яз, Степан Ильин сын Семенин, торушенин, выручили есмя Приказу холопья суда у недельщика, у Семена Дедешина, спорнова человека Позняка Кузьмина сына с суда мимо исца князь Юрья князь Никитина сына Морткина и мимо ответчика торушенина Ботрака Игнатьева сына Гурьева в том, что ставитца ему, Позняку, за нашею порукою в Приказе холопья суда перед князем Иваном Федоровичем Волконским, да перед Иваном Фомичем Огаревым, и перед дьяки, перед Иваном Еремеевым да перед Ондреем Строевым, по вся дни и с Москвы ему не съехать. А не учнет тот Познячко за нашею порукою в Приказе холопья суда по вся дни ставитца или без указу с Москвы съедет, и на нас, на порутчиках, тот спорный человек Познячко Кузьмин сын, а за тово человека, что государь укажет. А кой нас, порутчиков, будет в лицах, на том и порука. А на то послух Федор Ондреев. А запись писал Потапко Федоров. Лета 7100 тридесять седьмова году.

На обороте: Иван Владычкин ручал Ботрака Гурьева с суда и руку приложил человека ево спорнова Познечка Кузьмина со князем Юрьем Морткиным. Тимофей руку приложил. Офонасей ручал с суда спорнава человека Познечка Кузьмина мима исца и ответчика и в П[р]охорава места Соймонова и в Осипова места Арцибушава руку приложил. Микифор Рязанцов в Офанасьево места Гурьева руку приложил. Василей ручал и руку приложил. Степан Семенин ручал и руку приложил. Послух Фетька и руку приложил. *По верхнему краю листа:* Семен Дедешин.

(л. 24) Се яз, Осип Осипов сын Орцыбышев, да яз, Степан Ильин сын Семенин, да яз, Офонасей Нелюбов сын Тотаров, торушенин, да

яз, Игнатей Иванов сын Олтухов, торушаня, да яз, князь Иван княж Ондреев сын Мещерской, коширенин, да яз, Дружина Васильев сын Спешнев, колуженин, да яз, Харлам Петров сын Соймонов, серпуховитин, да яз, Тимофей Осипов сын Одоевцов, олексинец, выручили есмя Приказу холопья суда у недельщика, у Семена Дедешина, торушенина Ботрака Игнатьева сына Гурьева с суда в том, что ставитца ему за нашею порукою в Приказе холопья суда перед князем Иваном Федоровичем Волконским, да перед Иваном Фомичем Огаревым, и перед дьяки, перед Иваном Еремеевым да перед Ондреем Строевым по вся дни. А не учнет тот Ботрак за нашею порукою по вся дни ставитца или без указу с Москвы съедет, и на нас, порутчикех, исцов иск князя Юрья княж Никитина сына Морткина по челобитной, какова в суде за дьячею приписью, и с того иску государевы пошлины и пересуд и правой десяток по челобитной, какова в суде за дьячею приписью. А кой нас, порутчиков, будет в лицах, на том и порука. А на то послух Федор Ондреев. А запись писал Потапко Федоров лета 7100 тридесять сядьмово году.

На обороте: Кнзъ Иван ручал и руку приложил. Офонасей с суда ручал и руку приложил. Степан Семынин ручал и руку приложил и в Осипова места Арцыбушева и в-Игнатьева места Алтухова руку приложил. Тимофей Осипов сын Адовцав Батрака Гурьева в статье ручал и в Дружина места Спешнева, в Хоромова места Соймонова руку приложил. Послух Фетька Ондреев и руку приложил.¹

(л. 25) Се яз, князь Иван князь Александров, сын Моркин, жилец, да яз, князь Яков князь Ондреев сын Шелешпанской, патриархов стольник, да яз, Офонасей Терентиев сын Пашков, да яз, князь Федор, да яз, князь Никита, князь Петровы дети Засекина, да яз, князь Михайло князь Ондреев сын Жольцов-Масальсково, выручили есмя Холопья приказу у пристава, у Семена Дедешина, с суда мимо исца и ответчика спорную жонку Любку Митрофанову, прозвище Уланову, дочь, что в споре она у князь Юрья княж Никитина сына Морткина с торушенином, з Батраком Гурьевым. И ей, Любке, за нашею порукою ставитись в Холопье приказе перед князь Иваном Федоровичем Волконским, да перед Иваном Фомичем Огаревым, да перед дьяки, перед Иваном Варгановым да перед Ондреем Строевым до государева указу и до вершенья того судного дела по вся дни и с Москвы не съехати. А будет она не учнет с суда ставитись в Холопье приказе до государевъ указу и до вершенья того судного дела по вся дни или с Москвы съедет, и на нас, на порущиках, та спорная жонка или за нее по государеву указу, что государь укажет, и с того дела государевы пошлины и пересуд и правой десяток. А кой нас, порущиков, в лицах, на том порука. А на то послуи Ондрей Суботин. А запись писал Демидко Холмов лета 7100 тридесять сядьмаго году.

На обороте: Князя Иван ручал [с] суда мима исца и о[т]вечика жонку Любку Митрофанову Уланову и, руку при[ло]жил. Князь Яков ручал [с] суда и руку приложил. Князь Федор ручал и в брата своево места руку приложил. Афонасей Пашкав ручал и руку приложил. Князь Михайла ручал и руку приложил. Послух Ондрюшка и руку приложил.

XIII. — 1629 г. | февраля 4. Отсрочная челобитная князя Юрия Морткина и Батрака Гурьева.

(л. 26) Царю государю [т.] бьют челом холопи твои, Юшка Морткин да Ботрачко Гурьев. Дело, государь, у нас, холопей у твоих, в Холопье приказе в спорной женки в Любки в Улановой дочери; и слалися мы, холопи твои, в том в повальной обыск; и мы, холопи твои,

¹ По верхнему краю на обороте — неразборчивая надпись, около 10 букв: пометка пристава Семена Дедешина?

поговоря меж себя полюбовна, отсрочили до зборного воскресенья; и нам никаму ни на ково до сроку не бити челом, а съехать нам, холопом твоим, в деревню. Милосердый государь [т.], пожалуй нас, холопей своих, вели, государь, челобитье наше записать и челобитную нашу к делу взять. Царь государь, смилуйся.

На обороте: К сей отсрочной челобитной князь Юрьи Морткин руку приложил. К сей челобитной Иван Рыльской по Ботракову веленью Гурьева руку приложил.

Помета: 137-го февраля в 4-й день. Взять к делу и отсрочить по их полюбовному челобитью до зборного воскресенья.

XIV. — 1629 г. марта 20. Отсрочная челобитная Батрака Гурьева.

(л. 27) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, тарушенин Ботрачка Игнатев сын Гурьев. В нынешнем, государь, во 137-м году искал на мне, холопе твоём, в Холопье приказе князь Юрьи князь Микитин сын Морткин моей же жонки беглой старинной Любки Улановой дочери, а назвал ее своею; а я, холоп твой, против искал на нем, на князь Юрьи, встрешна тое же своей жонки старинной Любки. И ныне, государь, мне, холопу твоему сказана твоя государева служба быть на Туле. Милосердый государь [т.], пожалуй, государь, меня, холопа своего, вели, государь, мне для своей государевой службы отсрочить. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 137-го марта в 20-й (?) день.¹ Отсрочить, как государева служба минетца.

XV. — 1629 г. ... Поручная запись по Батраке Гурьеве в статье на отсрочный срок в приказе.

(л. 28) Се яз, Семен Микитин сын Кислин[с]кой, да яз, Осип Неустроев сын Исканской, да яз, Иван Юрьев сын Владычкин, жилец, да яз, Михайла Васильев сын Незнаев, да яз, Микифор Олексеев сын Резанцов. тарушаня, выручили есми холопья приказу у недельщика, у Семена Дедешина, торошенина Ботра[ка] Игнатьева сына Юрьева² в том: стати ему за нашу порукою в Холопье приказе перед князем Иваном Федоровичем Волконским, да перед Иваном Фомичем Огаревым, да перед дьяки, перед Иваном Варгановым да перед Андреем Строевым, на отсрочный срок, как ему нынешняя государева летняя служба минетца, и воеводы с конь ссядут, месяц спустя. А не станет он за нашу порукою на тот отсрочный срок, и на нас на порутчиках, исцов иск князь Юрья князь Микитина сына Моркина по челобитной, какова челобитная в суде за дьячьею приписью, да он же, Ботрак, иску своего лишен, что искал на нем, князь Юрье князь Тимофеев³ сыне Моркине, по челебитной, какова челобитная в суде за дьячьею приписью, и того иску государевы пошлыны и со в[с]трешного иску государевы пошлыны и пересуд и правой десяток. А кой нас, порутчиков, будет в лицах, на том и порука и государевы пошлыны. А на то послуши: Иван Сафонов. А запись писал Федотка Андреев лета 7137-го году.

На обороте: Иван Владычкин на отсрочной срок ручал Ботрака Гурьева и руку приложил, и в Михайлова места Незнанова руку приложил. Микифор ручал и руку приложил. Семен ручал и в Осипова места руку приложил. Послух Ивашка и руку приложил. *По верхнему краю листа:* Семен Дедешин.

¹ Число неразборчиво.

² Так в подлиннике.

³ Так в подлиннике.

XVI. — 1629 г. ноября 2. Челобитная князя Юрия Морткина: жалоба на Ботрака Гурьева, который на отсрочный срок в приказе не стал, живет в своем поместье и скупает обыски.

(л. 29) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, Юшка Морткин. В прошлом, государь, сто тридесеть седьмом году искал я, холоп твой, в Холопьем приказе перед князем Иваном Федоровичем Волконским с товарищи на старинной своей рабе холопства; и за то, государь, мою старинную рабу отвечал торушенин сын боярской Ботрак Гурьев; и я, холоп твой, в той своей старинной жонки и он, Ботрак Гурьев, слались впопче в повальной обыск. И в прошлом же, государь, сто тридесеть седьмом году по вашему государскому указу дан он, Ботрак Гурьев, дан на поруку на отсрочной срок — как ваша государская береговая служба минетца, стать ему Ботраку, на тот срок на Москве в Холопьем приказе; он, Ботрак, на тот срок и после сроку на Москве в Холопьем приказе не стал, а живет в том уезде в своей деревни, на которой мы, холопи ваши, впопче слались в повальной обыск. И он, Ботрак, вопчею правду скупает и обыскных людей наговари[ва]ет, чтоб по нем, по Ботроке, сказали. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мое челобитье записать и по своему государскому уложению указ учинить. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 138-го ноября в 2-й день. Взять к делу.

XVII. — 1629 г. ноября 4. Челобитная князя Юрия Морткина того же содержания, что и предыдущая.

(л. 30) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, Юшка Морткин. В прошлом, государь, сто тридесеть седьмом году искал я, холоп твой, в Холопьем приказе перед князем Иваном Федоровичем Волконским с товарищи на старинной своей рабе холопства, на Любке Улановой дочери; и за то, государь, мою старинную рабу отвечал торушенин сын боярской Ботрак Гурьев. И в прошлом же, государь, сто тридесеть седьмом году велено ему, Ботроку, быть на вашей государской береговой службе на Туле, и по вашему государскому [указу]¹ дан он, Ботрак Гурьев, на поруку на отсрочной срок: как ваша государская береговая служба минетца, стать ему, Ботроку, на тот срок на Москве в Холопьем приказе. И он на тот срок и после сроку не стал, а живет он, Ботрак, в том своем поместье, где мы, холопи ваши, впопче слались в повальной обыск, и живучи в той своей деревни, обыскных людей скупает. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне по своему государеву уложению указ учинить. Царь государь, смилуйся.

На обороте помета: 138-го ноября в 4-й день. Взять к делу и положить дело на стол.

XVIII. — 1629 г. ноября 6. Челобитная князя Юрия Морткина, аналогичная предыдущим, с указанием челобитчика на то, что он уже многие челобитные к делу приносил.

(л. 31) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, Юшка князь Никитин сын Морткин. В прошлом, государь, 137-м году искал я, холоп твой, в Холопьем приказе перед князем Иваном Федоровичем Волконским с товарищи на старинной своей рабе холопства, на Любке Улановой дочери; и за то, государь, мою старинную рабу отвечал торушенин Ботрак Гурьев; и мы, государь, холопи твои, на суде сдались, впопче слались в повальной обыск. И в прошлом же, государь, 137-м году дан он, Ботрак Гурьев, на поруку на отсрочной срок: как ваша государская береговая служба минетца, стать ему, Ботраку, на тот

¹ Слово «указу» внесено редакцией.

срок на Москве в Холопьем приказе. И он, Ботрак Гурьев, на тот срок и после сроку и по ся место не стал; а живет он, Ботрак, в той своей деревни, где мы, холопи ваши, ввопче слались в повальной обыск; и он, Ботрак, вопчью правду скупает и обыскных людей наговаривает. И я, холоп твой, на тово Ботрака Гурьева бил челом в Холопьем приказе и многие челобитные г делу приносил, что он, Ботрак, живучи в своей деревне, ввопчью правду скупает. Милосердый государь [т.], пожалуй[й] меня, холопа своево, вели, государь, в том деле по своему государскому уложению указ учинить. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 138-го ноября в 6-й день. Взять к делу.

XIX. — 1629 г. ноября 10. Челобитная князя Юрия Морткина, аналогичная предыдущим.

(л. 32) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, Юшка князь Никитин сын Морткин. В прошлом, государь, 137-м году искал я, холоп твой, в Холопьем приказе перед князем Иваном Федоровичем Волконским с таварищи на старинной своей рабе холопства на Любке Улановой дочери; и зо тое, государь, мою старинною рабу отвечал торушенин Ботрак Гурьев; и мы, холопи твои, на суде слались ввопче в повальной обыск. И в прошлом же, государь, 137-м году сказана им твоя государева береговая служба на Тулу, и по твоему государеву указу дан он, Ботрак Гурьев, на поруку на отсрошной срок: как ваша государская береговая служба минетца, стать ему, Ботраку, на тот срок на Москве в Холопьем приказе. И он, Ботрак Гурьев, на тот срок на Москве в Холопьем приказе не стал, а живет в том городе в своей деревни, где мы, холопи ваши, ввопче слались в повальной обыск; и живучи, государь, он, Ботрак, в своей деревни, опчею правду скупает и обыскных людей наговаривает. И я, холоп твой, на тово Ботрака в Холопьем приказе бил челом и многие челобитные к делу приносил, что он, живучи в своей деревни, опчею правду скупает, и мне холопу твоему указу нет. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своево, вели, государь, мне в том деле по своему государскому уложению указу учинить. Царь государь, смилуйся, пожалуй,

На обороте помета: 138-го ноября в 10-й день. Взять к делу.

XX. — 1629 г. ноября 12-13. Подписная челобитная князя Юрия Морткина, аналогичная предыдущим, с пометой дьяка Ивана Дедкова.

(л. 33) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, Юшка Морткин. В прошлом, государь, 137-м году искал я, холоп твой, в Холопьем приказе перед князем Иваном Федоровичем Волконским с товарищи на сторинной своей рабе холопства, на Любке Улановой дочери; и за тое, государь, мою сторинною рабу отвечал торушенин Ботрак Гурьев; и мы, холопи ваши, на суде слались ввопче в повальной обыск. И в прошлом же государь, 137-м году велено ему, Ботроку, быть на вашей государской береговой службе на Туле в полку у князя Ивана Никитича Хованского; и по вашему государскому указу дан он, Ботрак Гурьев сын на поруку на отсрошной срок: как ваша государская береговая служба минитца, стать ему, Ботроку, на Москве в Холопьем приказе на тот срок. И он, Ботрак Гурьев, на тот срок и после сроку в Холопьем приказе не стал, а живет он в том своем поместье, где мы, холопи ваши, ввопче слались в повальной обыск; и он, Ботрак, обыск скупает и обыскных людей наговаривает. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своево, вели, государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: Государь пожаловал, велел в том меж их указ учинить по уложению.

138-го ноября в 12-й день. Князю Ивану Федоровичю Волконскому

да Ивану Фомичю Огареву, да дьяку Ондрею Строеву. Государь [т.] пожаловал, велел в том меж их указ учинить по уложению. Дяк Иван Дедков.

Помечено в Приказе холопьяго суда: 138-го ноября в 13-й день. Взять к делу.

XXI. — 1629 г. ноября 13. Выписка из указной книги об отсрочных сроках; приговор: поставить к допросу поручителей Батрака Гурьева.

(л. 34) Помета: Выписать из государева указа, поставя поручников.

Ноября в 13-й день князь Иван Федорович Волоконской, да Иван Фомич Огарев, да дьяк Ондрей Строев сево суднова дела князь Юрья Мордкина с торушенином, з Ботроком Гурьевым, слушели и велели выписать из государева [т.] указу из указной книги. — Которые исцы и ответчики даваны на поруки з записьми на отсрочные сроки, как служба минетца, месяц спустя, и им стать на Москве; и оне после службы месяц спустя на срок на Москве не станет, и тем исцам или ответчикам велено дать по государеву указу другой срок, где у ково поместья, на ста верст по недели; и как на другой срок каторой из них не станет и бояре приговорили их винить. — Ноября в ... день князь Иван Федорович, да Иван Фомич, да дьяк Ондрей Строев, сего дела слушев, велели поставить к допросу Ботроковых порутчиков Гурьева.

XXII. — 1629 г. ноября 18. Допрос Ивана Владычкина, поручителя Батрака Гурьева.

(л. 35) 138-го ноября в 18-й день в Приказе холопья суда перед князь Иваном Федоровичем Волконским, да перед Иваном Фомичем Огаревым, да перед дьяком, перед Ондреем Строевым, недельщик Семен Дедешин поставил к допросу Ботрокова порутчика Гурьева, Ивана Юрьева сына Владычкина. И Ботраков порутчик Гурьева Иван Юрьев сын Владычкин про Ботрака Гурьева сказал, что ево на Москве нет, живет в деревне.

Рукоприкладство: К сей своей скаске Иван Владычкин руку приложил.

XXIII. — 1629 г. ноября 19. Приговор: отдать спорную жонку с мужем и с дочерью князю Юрию Морткину.

138-го ноября в 19-й день приговорили исца князь Юрья в той спорной жонке оправить и отдать ее и з мужем и з дочерью князю Юрию, а ответчика обвинить, что он после государевы службы на отсрочной срок и после сроку не стал многое время сверх другово указного сроку. А по судному делу быть было по тому делу обыском.

XXIV. — 1629 г. ноября 21. Челобитная вдовы Батрака Гурьева, Авдотьи: не верить челобитью князя Юрия Морткина, — муж ее лежал в немочи и обысков не скупал.

(л. 36) Царю государю [т.] бьет челом сирота твоя, торошенка Овдотьица Ботракова женишка Гурьева з детишками своими. В прошлом, государь, во 137-м году был, государь, суд в Холопьем приказе у мужа у моево князь Юрьем с Морткиным; и в том суде была [с]сылка на повальной обыск. И в нынешнем, государь, в 138-м году бил челом тебе, государю, князь Юрья Морткин на мужа моево, на Ботрака Гурьева, будто муж мой zde скупает обыски. А муж, государь, мой, съехав с твоей государевой службы в нынешнем в 138-м году, в немачи лежал, и судом, государь, божьим наране Филипова заговенья муже моево и не стала. Милосерды государь [т.], пожалуй меня, горькою свою вдовицу з детишками, не вели, государь, князь Юрьеву челобитью поверить и вели, государь, челобитью мое взять к делу. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 138-го ноября в 21-й день. Взять к делу.

XXV. — 1629 г. ноября 23. Челобитная князя Юрия Морткина: *вершить дело попрежнему, не считаясь с челобитьем Авдотьи.*

(л. 37) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, Юшка Морткин. В прошлом, государь, 137-м году искал я, холоп твой, в Холопьем приказе перед князем Иваном Федоровичем Волконским с товарищи на сторинной своей рабе холопства, на Любке Улановой дочери; и за то, государь, мою сторинную рабу отвечал торушенин Ботрак Гурьев. А та, государь, моя старинная раба Любка за ево Ботроковым человеком, за Познечком Кузьминым сыном. И в прошлом же 137-м велено ему, Ботроку Гурьеву, быть на вашей государственной береговой службе на Туле; и для той вашей государственной береговой службы ему, Ботроку отсрочено, и по нем Ботроке, взята порушная запись на отсрочной срок: как ваша государственная береговая служба минетца, стать ему, Ботроку, на тот срок на Москве в Холопьем приказе после службы месяц спустя. И он, Ботрак Гурьев, на тот срок и после срока и в ево Ботрокова места никто на Москве не стал, и челобитья в Холопьем приказе за нево, Ботрака, ничьево по ся место не бывала. И я, холоп твой, в Холопьем приказе бил челом, и по моему, государь, челобитью князь Иван Федорович Волконской, да Иван Фомич Огарев, да дьяк Ондрей Строев дела слушали и приговорили мне, холопу твоему, то, мою жонку Любку Уланову дочь по старине и тово мужа ее Познячка по той моей сторинной жонки отдать мне, холопу твоему. И в нынешнем, (л. 38) государь, во 138-м году на Филиповы заговейны тово Ботрака Гурьева не стала, а тово человека Познячка Кузьмина сына, которово была мне приговорили по той моей старинной жонки Любки Улановой дочери отдать мне, холопу твоему, и он, Ботрак Гурьев, после своего живота отпустил. И после, государь, ево Ботроковой смерти торушенин Плотон Владычкин, написав, подал челобитную в Холопьем приказе от тово Ботроковой жены Гурьева, чтоб тово моево дела не вершили. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, то наша дела вершить попрежнему. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте л. 37 помета: 138-го ноября в 23-й день. Взять к делу и положить дело на стол.

XXVI. — 1629 г. ноября 25.

(л. 39) *Помета:* 138-го ноября в 25-й день. Поставить Ботраковых порутчиков к допросу.

XXVII. — 1629 г. ноября 29. Челобитная брата Ботрака Гурьева, Афанасия, о вершении дела.

И ноября в 29-й день князю Ивану Федоровичю Волконскому, да Ивану Фомичю Огареву, да дьяку Ондрею Строеву подал челобитную торушенин Офонасей Гурьев и в челобитной пишет. — (л. 40) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, тарушенин Офонька Григорьев сын Гурьев. В прошлом, государь, в 137-м году был суд в Холопьем приказе у брата моего, у Ботрака Гурьева, з князь Юрьем с Морткиным. И в нынешнем, государь, в 138-м году нарани Филипова заговенья брата моего Ботрака Гурьева судом божьим не стала; и после, государь, ево осталася жена з детьми, Степанком да с Куземкою да с Елизарком, и те дети малы, побить челом тебе, государю, не смыслят, а человекка токовскова нет; а приехал я, холоп, побить челом тебе, государю, в том в деле в судном ю вершени. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, челобитью мое взять к делу. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 138-го ноября в 29-й день. Взять к делу. Подал Офонасей Гурьев сам.

(л. 41) И князь Иван Федорович, и Иван Фомич, и дьяк Ондрей Строев, выслушав челобитную, велели приклеить к делу.

XXVIII. — 1629 г. декабря 2. Приговор о посылке для повального обыска и об отмене прежнего обвинительного приговора Батраку Гурьеву.

138-го декабря в 2-й день приговорили послать обыскать по обоим ссылкам повальным обыском, а по Офонасье Гурьеве взять к делу поручная запись: ставица, покамест дело вершитца; а что прежде сего помечено было обвинить Батрака, что на Москве многое время после службы не стал, и та помета не в помету, потому что Батрак умер.

По ссавам на об. лл. 2—26 скрепа: Дьяк Иван Ворганов; по ссавам лл. 26—41; Дьяк Ондрей Строев. По ссаву лл. 37—38 — скрепа дьяка и, кроме того, написано: Склеяа.

Опись № 25, столбец № 40328. I — лл. 1, 2; II — лл. 2, 3; III — л. 4; IV — л. 5; V — лл. 6 — 8; VI — лл. 9, 10; VII — лл. 11, 12; VIII — лл. 13, 15; IX — лл. 15—17; X — лл. 18, 19; XI — лл. 20, 21; XII — лл. 21—25; XIII — л. 26; XIV — л. 27; XV — л. 28; XVI — л. 29; XVII — л. 30; XVIII — л. 31; XIX — л. 32; XX — л. 33; XXI — л. 34; XXII — л. 35; XXIII — л. 35; XXIV — л. 36; XXV — лл. 37, 38; XXVI — л. 39; XXVII — лл. 39 — 41; XXVIII — л. 41.

№ 16. — 1628 г. мая 24—1631 г. декабря 29. Судное дело (начато) перед Степаном Ивановичем Вольтинским, Иваном Фомичем Огаревым и дьяками Иваном Еремеевым и Андреем Строевым¹ о холопах — Арине Исаевой (Ивановой) дочери с мужем и детьми и Иване (Луке) Павлове сыне Постникове с женой и детьми; истец — Петр Степанов сын Корсаков, ответчики — коломнитин жилец Михаил Семенов сын Боряков (за Арину) и коломнитин Матвей Матвеев сын Дубенской (за Ивана).

I. — 1628 г. мая 24. Челобитная Михаила Борякова: отдать ему на поруки его крестьянку Арину, которая сидит за приставом по челобитию на нее в холопстве Петра Корсакова.

(л. 1) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, коломнитин Михалко Семенов сын Боряков. В нынешним, государь, во 136-м году имал по мою крестьянку, по Оринку Исаеву дочь з детьми, Петр Корсаков недельщика, а сказал, что та де Оринка Исаева дочь з детьми ево крепосная смоленская старинная, служила де у нево во дворе; а та моя крестьянка у нево, Петра, во дворе не служила и во крестьянх за ним не живала, тем он ее поклепал напрасно, назвал ее старинною крепосною жонкою смоленскою. И ныне, государь, та моя крестьянка приведена к Москве в Холопей приказ и отдана за пристава; и сидячи за приставом, помирает голодною смертию; а мне, холопу твоему, сказана твоя государева служба на Валуйку. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь мне в том деле отсрочить, покаместа твоя государева служба минетца, а тое мою крестьянку выдать мне, холопу твоему, на поруки. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 136-го мая в 24-й день. Взять к делу.

(л. 2) И Степан Иванович, и Иван Фомич, и дьяки Иван Еремеев да Ондрей Строев, выслушав челобитной, велели приклеить к делу.

II. — 1628 г. мая 28. Челобитная Петра Корсакова: дать суд в холопстве его беглой рабы Арины и в сносных животах; допрос Михаила Борякова; истец и ответчик имались за веру.

И мая же в 28-й день бил челом государю [т.] Петр Корсаков, а в Приказе холопья суда Степану Ивановичу Вольтинскому, да Ивану Фомичю Огареву, да дьяком Ивану Еремееву да Ондрею Строеву на

¹На протяжении дела состав Приказа меняется: Степана Ивановича Вольтинского сменил князь Иван Федорович Волоконский, дьяка Ивана Еремеева — дьяк Иван Варганов; — последнего сменил дьяк Иван Костюрин. Иван Фомич Огарев и дьяк Андрей Строев присутствовали неизменно в течение $3\frac{1}{2}$ лет этого судного дела.

беглых своих старинных людей о суде подал челобитную, а в челобитной пишет. — (л. 3) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, Петрушка Карсаков. В прошлом, государь, во 125-м году бежали, государь, от меня ис кинешемския деревнишки моей людиска мои смоленская старинныя крепостныя, Ивашка Павлов сын Постников з женою и з детьми, пократчи животы мои; а живота моего взяли на 30 на 5 руб. с полтиною; да жонка Оринка Иванова дочь с своими детьми, с Харитонком да с Кондрашкою Аврамовыми детьми, пократчи ж; а живота моего взяли — четверо лошадей с саньми и с хомуты, мерин сер, да мерин гнед, да мерин бур, да кобылу игреню; цена, государь, лошадем с саньми и с хомуты 25 руб.; да на них платья, на Харитонке да на Кондрашке и на матери их, и всякой рухледи на 20 руб. с полтиною. И всего, государь, та моя беглая жонка з детьми своими взяла у меня живота моего на 40 на 5 руб. с полтиною. И по моему, государь, челобитью послан пристав в Коломенской уезд и тех моих беглых старинных людей вынял жонку Оринку в поместье у вдовы Ографены Борыковой — и привез ее к Москве; и ныне, государь, та моя старинная жонка сидит за приставом. Милосердый государь [т.], пожалуй меня холопа своего, вели, государь, мне на тое мою смоленскую старинную крепостную жонку, на Оринку, и на ее детей, Харитонка да на Кондрашку Аврамовых, в холопстве и в моих в сносных животех дать свой царской суд и управу. А Ивашка Павлов как будет в лицах, и я на нем в те поры холопства стану искать. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 136-го мая в 28-й день. Суд был.

(л. 4) И Степан Иванович, и Иван Фомич, и дьяки Иван и Ондрей, выслушев исцовы челобитной, допросили Михаила Борыкова: Петровы люди Корсакова, Ивашка Павлов сын Постников з женою и з детьми да жонка Оринка Иванова дочь с своими детьми, с Харитонком, [да с Кондрашкою] Аврамовыми детьми, у матери ево и у него у Михаила, есть ли? И Михайло Борыков сказал: человека де у него и у матери ево Ивашка Павлова з женою и з детьми нет; а жонка де Оринка ныне сидит в Приказе холопья суда; а дети де ее ныне у него в поместье, два сына, Харитонка да Кондрашка. И за тое жонку, за Оринку, отвечал в холопстве он, Михайло, а жонка туто же на суде стояла; а в ответе сказал: от Петра де Корсакова та жонка к нему не бегивала и сносу к нему на 45 руб. с полтиною не принашивала, (л. 5) а пришла де к нему та жонка ис Смоленска; а в Смоленску де она бродила промеж двор; а у Петра де она Корсакова не служивала. Да в том истец и ответчик имались за веру, за крестное целованье. И ответчик Михайло Борыков в сносе веру, крестное целованье, взял себе на душу, целовать крест человеку ево Иевке Иевлеву, у креста стоять исцову Петрову человеку Корсакова Ваське Иванову. Сверх веры, крестного целованья, истец подал ссылки, а в ссылках пишет.

III. — Того же дня. Ссылочные памяти Петра Корсакова и ссылки по ним в послушество Михаила Борыкова; допрос Петра Корсакова.

(л. 6) А сверх, государь, крестнова целованья, шлюся я, Петрушка, на явки: как та моя смоленская старинная крепостная жонка Оринка Иванова дочь з детьми своими, с Харитонком да с Кондрашком Аврамовыми, от меня бежали, пократчи, и в том я их побеге и в сносе бил челом и являл, — в том шлюся на явки. Да шлюся, государь, яз, Петрушка, на Овдокима Боссакова и на ево людей и на крестьян Кинешемския волости в том, что тое жонку Оринку и детей ее, Харитонка да Кондрашку, у меня в холопстве знали; и ему то ведомо, как оне от меня бежали, поймав животы мое, и ево людям и крестьяном, — в том на них шлюсь. Да шлюся, государь, я, Петрушка, на Ивана Ондреева сына Головачова и на людей и на крестьян Кинешемския волости дер.

Мосеихи з деревнями, что ту жонку Оринку з детьми ее, с Харитонком да с Кондрашкою, у меня в холопстве знали; и то им ведомо, как та жонка Оринка з детьми своими от меня бежала, и животы у меня поимали, и ему, Ивану, и ево людем и крестьяном то ведомо, — в том на нево, Ивана, и на ево людей и на крестьян шлюся.

На об. 1-ой ссылки: И ответчик слался в послушество, что де от одного города. *На об. 2-ой ссылки:* Ответчик слался в послушество. *На об. 3-ей ссылки:* Ответчик слался в послушество.

(л. 7) Да шлюся, государь, я, Петрушка, на Ивана на Петрова сына Ленина и на ево людей и на крестьян в том, что оне тое жонку Оринку у меня в холопстве знали; и то им ведомо, как она от меня бежала з детьми своими, с Харитонком да с Кондрашкою, пократчи животы мои, — в том на них шлюся.

На обороте: Ответчик слался в послушество, — тот де с ним одного города и ему друг.

(л. 8) Да шлюся, государь, я, Петрушка, около своей кинешемския вотчинки версты по 2, и по 3, и по 5-ти, и по шти, по 10-ти, и больши, и на весь Кинешемской уезд, oprичь роду Безстужовых, на дворян и детей боярских и на иных людей, и крестьян, и на священников в повальнoй обыск в том, что ту мою жонку Оринку Иванову дочь и ее детей, Харитонка да Кондрашку, у меня в холопстве знали; и как та моя старинная крепостная жонка Оринка и з детьми своими от меня бежала, и животы у меня поимали, и им то в слух и в ведомо, — в том на них шлюся.

На обороте: И ответчик слался в послушество, — тут де испомещены все они, смольяне.

(л. 9) Да шлюся, государь, я, Петрушка, из виноватых на явку: как по государеву указу велено давать явки после Московского разоренья на своих старинных людей, и я в том дал явку в Холопье приказе, а в той явке тое Оринкин отец Ивашко Александров сын Моложенинов и она, Оринка, писаны имяны, — в том на тое явку шлюся.

На обороте: И ответчик слался на явку в послушество.

(л. 10) И ответчик Михайло Бoryков, выслушев ссыльных памятей, по всем ссылкам слался в послушество; а по первой ссылке на явки в побеге сказал: леба де тем имянем у него жонка Оринка иная была; а по другой и по третьей и в повальнoй обыск сказал: ему де те ссыльные люди — племя и друзья и хлебожцы, все де одного города и испомещены они, все смольяне, в одном месте; а по пятой ссылке на явки в крепостях сказал: вося де у него тем имянем и 10 жонок было. И Степан Иванович, и Иван Фомич, и дякья Иван и Ондрей допросили исца Петра Корсакова: слался он в повальнoй обыск, что у него тое жонку знали, а сколько лет знали, того он в своей ссылке не написал. И истец по спросу сказал: знали де тое жонку те ссыльные люди у него, Петра, как ее ис Смоленска привезли в Кинешемской уезд в ево вотчину, до побегу годы с 3 и больши. (л. 11) Да ево ж, исца Петра Корсакова, допросили: слался он на явки в крепостях, а того он в своей ссылке не написал же, в котором году в крепостях явки давал. И истец Петр Корсаков сказал, что он явки давал на Москве в Приказе холопья суда в прошлом во 121-м году.

IV. — Того же дня. Ссылочные памяти Михаила Бoryкова; ссылки по ним в послушество Петра Корсакова; допрос Арины; поручная записка по Петре Корсакове.

И допросили ответчика Михайла Бoryкова: почему он за тое жонку вступаетца? И ответчик Михайло Бoryков подал ссылочные памяти, а в памятех пишет. (л. 12) — Шлюся, государь, из виноватых сельца Бояркина на спасского попа на Огапа в том, что та крестьяночка моя Аринка Исаева дочь, а не Иванова дочь; а тот спаской поп Агапей той Аринке отец духовной, — в том на него шлюся.

На обороте: И истец слался на попа в послушество, — поп де его служивал.

(л. 13) — Да шлюся, государь, на дозорные книги Бориса Бутикова в том, что тот крестьянинец Мишка Семенов написан за мною и з детьми во крест[я]нех, — в том на дозорные книги шлюся.

На обороте: Истец слался в послушество.

(л. 14) Шлюся, государь, из виноватых Коломенского уезда около своего поместейца, сельца Бояркина, версты по 2, и по 5-ти, и по шти, и по 10-ти, и больши в повальной обыск в том: как пришел ко мне из Смоленского уезда крестьянинец Мишка Семенов з женою своею, с Оринкою Исаевою дочерью з детьми, и живут за мною во крестьянстве лет з 12 и больше, то им ведомо, — в том на них шлюся.

На обороте: Истец слался в послушество.

(л. 15) И истец Петр Корсаков, выслушав ответчиковых ссылочных памятей, слался в послушество, а сказал: хотя де и жила за ним, — бегаючи от него, от Петра. И допросили жонки: чья она старинная, и как ее зовут? И жонка сказала: зовут де ее Оринкою Иванова дочь Обрамовская жена Филипова; а старинные де оне люди Петра Корсакова, и в Смоленское де разоренья сошла она от Петра с мужем своим да з детьми, с Харитонком да с Кондрашком, и бродили промеж двор; и муж де ее Обрам умер, а она де пошла замуж, отшодчи от Петра, в Смоленску за вольного человека, за Мишку Семенова; а и[с] Смоленска де з другими мужем ходили кормитца по городом же, да пришли де к Михайлу Бoryкову; и у Михайла де оне живут во крестьянх лет з 10; и ныне де муж ее з детьми у Михайла. И после суда исца и ответчика велели приставу Мокею Лукину [дать]¹ на поруки. А жонка била челом, чтобы велели ее дать на поруки к Михайлу Бoryкову. И та жонка велено дать на поруки Михайлу.

(л. 16) Се яз, Осип Дружинин сын Аничков, да яз, Петр Данилов сын Протасьев стольник, да яз, Роман Офонасьев сын Чебышев, да яз, Филон, да яз, Онтон, Григорьевы дети Башмакова, выручили есми у пристава, у Макея Лукина, Петра Корсакова в том: ставитца ему за нашею порукою в Холопье приказе перед Степаном Ивановичем Волынским, да перед Иваном Фомичем Огаревым, да перед [дь]яки, перед Иваном Еремеевым да перед Ондреем Строевым, по вся дни, доколе судное дело вершитца. А не учнет он, Петр, за нашею порукою в Холопье приказе по вся дни ставитца, и он, Петр, иску своего лишен, что искал он на коломнетине, на Михайле Семенове сыне Бoryкове, по челобитной, какова челобитная в суде за дьячею приписью, и с тово иску государевы пошлыны и пересуд и правой десяток. А кой у нас будет поручтик в лицах, на том пошлын. А на то послуси: Савин Петров. А запись писал Бориско Иванов лета 7136-го году.

На обороте: Петр Протасьев Петра Корсакова с суда ручал и в Романова место Чебышева руку приложил. Осип Оничков ручал и руку приложил. Филон ручал и в Онтонова места Бошмакова и руку приложил. Послух Савинко и руку приложил.

V. — 1628 г. мая 29. Недельщик подал доездную память от 1628 г. мая 15 и поручную запись по крестьянине Матвея Дубенского Луке Павлове от 1628 г. мая 17.

(л. 17) И мая же в 29-й день Степану Ивановичу Волынскому, да Ивану Фомичю Огареву, да дьяком Ивану Еремееву да Ондрею Строеву недельщик Мокей Лукин подал доездную паметь да по Матвееве крестьянине Дубенскова, по Лукашке Павлове сыне, поручную запись, а в доездной памяти в поручной записи пишет. — (л. 18) Лета 7136-го году, мая 15 день по государеву [т.] указу по наказной

¹ В подлиннике слова «дать» опущено.

памяти за приписью дьяка Ивана Еремеева по челобитью Петра Карсакова приезжал недельщик Макей Лукин в Коломенской уезд в поместье Матвея Дубенского, в сельцо в Семеновское, для ево Петровых беглых людей да во вдовино поместье Огрофенино Семеновские жены Борыковы, в сельцо Боярково; а с ним были понятые на выимке, Коломенскова уезду дер. Горбовы Сваитинов крестьянин Вечослова Иващенко Лаврентиев да села Борисовскова Мартыновы крестьяна Евлахова Павел Иванов да Федор Борисов; а у вдовы были на выимке дер. Бузуковой князя Бориса Нозроватова крестьянин Панька Алексеев, да села Граворонова князя Семенов крестьянин Звенигородцова Павел Иванов, да тово же села живоначальные Троицы крестьяна Иван Ефимов да Никитко Иванов. И перед теми понятыми Макей Лукин вынял у вдовы жонку Оринку, драки и бою не было; да перед теми же понятыми вынял у Матвея Борыкова¹ Ивашка Павлова, а у них ево звали Лукашкою; и недельщик ево отдал на поруки перед теми третьими, как Матвею летная служба минетца. А доездную память писал Алешка Казанец.

На обороте: К сему даезду недельщик Мокей Лукин руку приложил.

Помета: 136-го мая в 29-й день. Взять г делу.

(л. 19) Се яз, Иван Никитин сын Бабин, да яз, Андрей Иван² Муромцов, да яз, Офонасей Никитин сын Бабин, да яз, Дмитрий Григорьев сын Бабин, да яз, Мартин Федульев сын Евлахов, коломнечи, поручились есмя Холопьева приказу недельщику Макею Лукину по Матвееве крестьянине Дубенского, по Лукашки Павлове сын, в том, что поставити ему, Матвею, того Лукашку на Москве в Холопьем приказе перет Стефаном Ивановичем Волынским, да перед Иваном Фомичом Огоревым, да перет [дь]еки Иваном Еремеевым да пере[д] Ондреем Строевым. А не поставит Матвей того своего крестьянина Лукашку Павлова в Холопьем приказе по челобитью Петра Корсакова, и на нас, на порутчиках, исцов иск³ по челобитной. А на то послуши: Иван Офанасьев сын Бабин. А запись писал предтечинской поп Иван села Семеновскова лета 7136-го мая в 17-й день.

На обороте: Офонасей ручал и в-Иванова место Бабина руку приложил. Дмитрий ручал и в Ондреева места Муромцова руку приложил. Мартин ручал и руку приложил. Послух Иван руку приложил.

(л. 20) И Степан Иванович, и Иван Фомич и дьяки Иван и Ондрей, выслушав доездной памяти и поручной записи, велели приклеить к делу.

VI. — 1628 г. мая 30. Отсрочная челобитная Михаила Борыкова.

Мая же в 30-й день Степану Ивановичю Волынскому, да Ивану Фомичю Огареву, да дьяком, Ивану Варганову да Ондрею Строеву коломнетин Михайла Семенов сын Борыков подал отсрочную челобитную, а в челобитной пишет. — (л. 21) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, коломнетин Михалко Семенов сын Борыков. Искал на мне, холопе твоём, Петр Карсаков беглой женки Оринки Исаевы дочери з детьми; и сут у меня, холопа твоего, с тем Петром в Холопье приказе был; а мне, холопу твоему, сказана служба на Волуйку с окольниковым, с Федором Левонтьевичем Бутурлиным. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне в том деле отсрочить, покаместа [с] службы придем. Царь государь, смилуйся.

На обороте помета: 136-го мая в 30-й день. Взять к делу и для службы отсрочить и запись взять на отсрочный срок.

(л. 22) И Степан Иванович, и Иван Фомич, и дьяки Иван Варганов

¹ Так в подлиннике.; следует Дубенского.

² Так в подлиннике.

³ В подлиннике: изсѣск.

да Ондрей Строев, выслушав челобитной, велели недельщику Мокею Лукину Михайла Борыкова дать на поруку з записью на отсрочной срок, как валуйская служба минетца. И недельщик Мокей по Миайле подал поручную запись, а в записи пишет. — (л. 23) Се яз, Иван Володимеров сын Дубен бенской, жилец, да яз, князь Микита да князь Федор князь Самойловы дети Бельскова, да яз, Семен Осипов сын Репьев, жилец, да яз, Тимофей Гурьев сын Уваров, коширенин, да яз, князь Петр князь Васильев сын Мещерской, жилец, да яз, Иван Петров сын Сонцев, жилец, да яз, Иван, да Тимофей Михайловы дети Барыкова, жильцы, да яз, Федор Малчанов сын Норов коломнетин, выручили есмя Холопья приказу у пристава, у Мокея Лукина, коломнетина Михайла Семенова сына Баракова¹ в том: стати ему, Михайлу, за нашею порукою в Холопье приказе с суда перед Степаном Ивановичем Воынским, да перед Иваном Фомичем Огаревым, да перед дяки, перед Иваном Еремеевым да перед Ондреем Строевым, на отсрочный срок, как ему, Михайлу, государева нынешняя валуйская служба минетца, и воеводы с конь ссядут, месяц спустя; да ему же, Михайлу, поставить, как спросят, жонку Оринку Исаеву дочь. А буде[т] он, Михайло, на тот срок за нашею порукою здесь на Москве не станет и, как спросят, тое жонки Оринки не поставит, и на нас, на порутчиках, та спорная жонка Оринка, что она в споре у него, Михайла, с Петром Степановым сыном Карсаковым, а за спорную жонку — что государь укажет, да снос по челобитной, какова челобитная в суде за дячьею приписью. А кой нас порутчиков будет в лицах, на том с того иску государевы пошлыны, и пересуд, и правой десяток, и порука. А на то послуси: Сила Казаринов. А запись писал Фетька Селин лета 7136-го году.

На обороте: Суда Иван Михала ручал и руку приложил. Князь Федор Бельской ручал и [в] брата своего места князя Микиты Бельскова руку приложил. Федор Норов и в Семенова места Репьева с суда ручал на отсрочной срок и руку приложил. Тимафей Уваров ручал и руку приложил. Иван Солнцов Михайла Борыкова с суда ручал и руку приложил. Иван ручал и в брата своего Тимофея руку приложил. Меня, Михайла, ручали и руку приложили и жонка поставити Оринка. Послух Силка руку приложил. *По верхнему краю листа:* [П]ристав² Мокей Лукин.

(л. 24) И Степан Иванович, и Иван Фомич, и дяки Иван Варганов да Ондрей Строев, выслушав поручной записи, велели приклеить к делу.

VII. — 1628 г. июня 1-2. Память в Разряд: отписать, велено ли Михайлу Борыкову быть на службе на Валуйке.

И июня в 1-й день Степан Иванович Воынской, да Иван Фомич Огарев, и дяки Иван Варганов да Ондрей Строев, сего суднова дела слушав, велели послать в Розряд память. И такова память в Розряд послана, а в памяти пишет. — Лета 7136-го июня в 2-й день. По государеву [т.] указу память диаком, думному Федору Лихачеву да Михайлу Данилову. Велети им отписати в Приказ холопья суда к Степану Ивановичю Воынскому, да к Ивану Фомичю Огареву, да к диаком к Ивану Варганову да к Ондрею Строеву: коломнетину Михайлу Борыкову на государеве службе на Валуйке быть велено ль.

VIII. — 1628 г. июня 8. Ответная память из Разряда: Михаил Борыков в выборе на Валуйку написан.

И июня же в 8-й день. Степану Ивановичю, и Ивану Фомичю, и дяком Ивану и Ондрею недельщик Мокей Лукин из Розряду подал

¹ Так в подлиннике.

² В подлиннике. «п» в кружке.

память, а в памяти пишет. — (л. 25) Лета 7136-го июня в 8-й день. По государеву [т.] указу память Степану Ивановичю Волинскому, да Ивану Фомичю Огареву, да дьяком Ивану Варганову да Ондрею Строеву. В памяти в Розряд за твоею Ондреевою приписью написано: велено отписать к вам в Холопей приказ — коломнетину Михайлу Борыкову на государеве службе на Волуйке велено ль быть. И в Розряде сыскано: в нынешнем во 136-м году по государеву указу выбрано на Волуйку для посольские розмены детей боярских коломнич 30 человек; и коломнетин Михайло Борыков в том выборе на Волуйку написан же. Дяк Михайло Данилов.

Июня в 8-й день ся память подал Мокей Лукин.

На обороте помета: Взять к делу.

Справил Ивашко Северов.

(л. 26) И Степан Иванович, и Иван Фомич, и дьяки Иван и Ондрей, выслушав памяти, велели приклеить к делу.

IX. — 1628 г. ноября 6. Челобитная Матвея Дубенского: записать его ставку в приказе; поручная запись по нем.

И 137-го ноября в 6-й день князю Ивану Федоровичю Волконскому да Ивану Фомичю Огареву да дьяком Ивану Варганову да Ондрею Строеву коломнетин Матвей Дубенской подал челобитную, а в челобитной пишет. — (л. 27) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, коломнетин Матюшко Дубенской. В прошлом, государь, во 136-м году имал по меня, холопа твоего, пристава ис Холопья приказу Петр Корсаков в беглом человеке, в Лукашке в Павлове, и в сносе; а я, холоп твой, в те поры был на твоей государеве службе в Переславле Резанском. И велено мне стать в Холопье приказе на отсрочной срок, как твоя государева служба минетца; и ныне, я, холоп твой, на Москве стал. Милостивый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мое челобитье и ставку записать. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 137-го ноября 6-й день. Велети ставка записать.

(л. 28) И князь Иван Федорович, и Иван Фомич, и дьяки Иван Варганов да Ондрей Строев, выслушав Матвеевой челобитной Дубенского, велели ставку ево записать, а ево, Матвея Дубенского, велели недельщику Федору Левашову дать на поруку з записью. И недельщик Федор Левашов по Матвее Дубенском подал поручную запись, а в записи пишет. — (л. 29) Се яз, Микита Макарьев сын Войников, резанец, да яз, Муртаза Васильев сын Евлахов, да яз, Денисей Юмшанов сын Ильин, да яз, Савин Федоров сын Норов, коломнеча, выручили есми Холопья приказу у пристава, у Федора Левошова, Матвея Матвеева сына Дубенского в том: ставитца ему за нашу порукою в Холопье приказе перед князем Иваном Федоровичем Волконским, да перед Иваном Фомичем Огаревым, да перед дьяки, перед Иваном Варгановым да перед Ондреем Строевым, по вся дни и с Москвы ему не съехать; да ему же, Матвею, поставить за нашу порукою в Холопье приказе крестьянина своего Лукашка Павлова ноября с пятого на десеть числа да ноября же в восьмый на десеть день нынешняго же 137-го году. А не учтет он, Матвей, за нашу порукою ставитца или с Москвы съедет или того своего крестьянина на тот срок не поставит, и на нас, на порутчиках, исцов иск Петра Степанова сына Карсакова, тот крестьянин, а за того крестьянина, что государь укажет. А хто нас, порутчиков, будет в лицах, на том и порука. А на то послух Тихон Олферов. А запись писал Сенька Моисеев лета 7137-го году.

На обороте: Микита Войников Матвея ручял, што ему поставить кресьянина Лукашка Павлова, и руку приложил. Послух Тиханко руку приложил. *По верхнему краю листа:* Федор Левашов.

Х. — 1628 г. ноября 20. Сказка Матвея Дубенского: спорного человека Луку Павлова отбил у него на дороге в приказ Петр Корсаков.

(л. 30) И ноября в 20-й день в Приказе холопья суда бил челом словом князю Ивану Федоровичю Волконскому, да Ивану Фомичю Огареву, да дьяком Ивану Варганову да Ондрею Строеву Матвей Матвеев сын Дубенской, а сказал: велено де ему поставить в Приказе холопья суда спорного человека Лукашку Павлова, что в споре тот человек у него с Петром Корсаковым; а как де он того человека повел было в Холодей приказ, и того де человека на дороге на реке на Неглинне Петр Корсаков с людьми отбил.

ХІ. — 1628 г. декабря 3. Приговор на Матвее Дубенском доправить 50 руб. за то, что он не поставил на срок Луку Павлова; выпись недельщику на Матвея Дубенского и его поручителей; поручная запись по Матвее Дубенском.

(л. 31) И декабря в 3-й день¹ князь Иван Федорович Волконской, да Иван Фомич Огарев, да дьяки Иван Варганов да Андрей Строев сего дела Петра Корсакова с Матвеем Дубенским в людех, в Лукашке Павлове и в жене ево в Матренке, слушали и приговорили: за человека, за Лукашку Павлова, доправить на Матвее Дубенском по государеву указу 50 руб. потому. Как Матвей Дубенской на Москве стал, и он сказал, что того человека, Лукашку Павлова, поставить к суду ноября с 15-го числа ноября же в 18-й день, и с тех мест и по ся места того человека он, Матвей Дубенской, к суду не поставил; а жену того человека, Матренку з детьми, велели поставить в Приказе холопья суда. И недельщику Федору Левашову на Матвея и на ево порутчиков выпись дана такова, и в выписи пишет. — (л. 32) Лета 7137-го декабря в 3-й день. По государеву [т.] указу память недельщику Федору Левашову. Доправити ему на Матвее Дубенском и на ево порутчиках, на Миките Макарьеве сыне Воейкове², на резанце, да на Муртазе Васильеве сыне Евлахове, да на Денисе Юмшанове сыне Ильине, да на Савине Федорове сыне Норове, на коломнечах, спорнова человека Лукашка Павлова, а Ивашка он же, что в споре тот человек у него Матвея, с Петром Корсаковым; и ему было, Матвеем Дубенскому, того спорнова человека за их порукою поставить к суду в Приказе холопья суда на срок ноября с пятаго на десять числа да ноября же в осьмый на десять день нынешняго 137-го году. И он, Матвей, за их порукою того спорного человека на срок и после сроку и по ся место к суду не поставил. А будет недельщик на Матвее Дубенском и на тех ево поручиках того спорного человека Ивашка, а Лукашка он жа, Павлова не доправит, и недельщику на Матвее Дубенском и на его порутчиках доправить за того спорнова человека по государеву указу 50 руб.; а доправя, те деньги³... исцу Петру Корсакову с ведома князь Ивана Федоровича Волконского, да Ивана Фомича Огарева, да дьяков Ивана Варганова да Ондрея Строева.

(л. 33) Се яз, Иван Юрьев сын Владычкин, да яз, Ортемей Тимофеев сын Бобынин, коломнетин, да яз, Иван Семенов сын Тулубаев, да яз, Василей Федоров сын Фетцов, резанцы, да яз, Тимофей Федоров сын Яковцов, коломнетин, поручился есмя Холопья приказу недельщику Федору Левашову по коломнитине, по Матвее Матвееве сыне Дубенском, в том: пос[та]вить ему за нашею порукою в Приказе холопья суда перед князем Иваном Федоровичем Волконским, да перед Иваном Фомичем Огаревым, да перед дьяки, перед Иваном Варгановым да перед Ондреем Строевым, спорную жонку Матренку Лукашкину жену

¹ Было написано «23», но «20» (к) стерто.

² Выше: Войников.

³ Дальше зачеркнуть: отдать в Приказ холопья суда, а отдать в государеву казну... Одно-два слова не разобраны.

Павлова, да ему же положить за мужа ее 50 руб. денег на срок декабря с осьмого числа нынешняго 137-го году впредь на неделю, что у него в споре те люди с Петром Карсаковым. А не поставит он. Матвей, тое жонки и за мужа ее денег не положит на тот срок, и на нас, на порутчиках, за ту жонку, что государь укажет, и за мужа ее те деньги 50 руб. А кой нас порутчиков в лицах, на том порука. А на то послух Моисей Таскаев. Запись писал Богдашко Корнаухов лета 7137-го году.

На обороте: Иван Владычкин Матвея Дубенского ручал и руку приложил и в Ортемьева места Бабынина по его велению руку приложил. Иван ручал и в Тимофеева места Яковцова руку приложил. Василей ручал и руку приложил. Послух Моисейко руку приложил. По нижнему краю листа: П[ристав]¹ Левашов.

ХII. — 1628 г. декабря 17. Матвей Дубенской поставил в приказе жену Ивана Павлова Матрену с детьми; челобитная Петра Корсакова: дать суд в холопстве Ивана Павлова с женой и детьми и в снос.

(л. 34) 137-го декабря в 17-й день в Приказе холопья суда перед князем Иваном Федоровичем Волконским, да перед Иваном Фомичем Огаревым, да перед диаки, перед Иваном Варгановым да перед Ондреем Строевым, Матвей Дубенской поставил жонку Матренку, что в споре та жонка с Петром Корсаковым, да с нею двоя детей, дочь Манька да сын Кузька, да двоя детей у Матвея Дубенского, сын Микитка да сын Ивашка, дана приставу сама третья з дочерью с Манькою да с сыном с Куземкою. Платья на ней: зипунишка серо до шюба боранья — П[ристав] Федор Левашов² — серьги серебряные, каменья червцы. И после того и достольные дети той жонки Матвей поставил; и те дети отданы тому же приставу.

(л. 35) И декабря в 17-й день бил челом государю [т.] Петр Корсаков, а в Приказе холопья суда князю Ивану Федоровичу Волконскому, да Ивану Фомичу Огареву, да дьяком Ивану Варганову да Ондрею Строеву подал о суде челобитную, а в челобитной ево пишет. — (л. 36) Царь государю [т.] бьет челом холоп твой, Петрушка Карсаков. Жалоба, государь, мне на коломнитина, на Матфея Дубенского. В прошлом, государь, во 125-м году бежали от меня из деревнишки моей кинешемской люди мои смоленские старинные крепостные, Ивашко Павлов сын Посников, [со] своею женою и з детьми, пократчи. А живота моего взяли у меня: трое лошадей, мерин рыж, цена восемь рублев с полтиною, да мерин гнед, цена 5 руб. с полтиною, да кобылу коуру, цена 4 руб. с полтиною; да 2 коровы, корова черна да другая рыжа, цена коровам 5 руб.; да нем платья: кафтан лазорез настрафилен, цена 3 руб., да кафтан сермяжной, да кафтан шубной, цена кафтаном 2 руб., да шапку червчату, сукно багрец, цена рубль; да на жене ево платья: шуба киндяшна лазорева на зайцах, цена 2 руб., да шуба зенденинная, цена полтина, да шапка червчата камчата, цена полтина, да серьги серебряны, цена рубль. И всего, государь, живота моего взяли на 30 на 3 руб. с полтиною. И в прошлом же, государь, во 136-м году бил челом я, холоп твой, тебе, государю, и имал пристава Ортемья Соловцова в Коломенской уезд по тех своих беглых людей; и тот государь, пристав того моего беглова человека Ивашкину жену Павлова Матренку поймал в Коломенском уезде в Матвееве поместье Дубенского на пруде у пролуби. И тот, государь, Матвей Дубенской того моего человека Ивашкину жену у пристава и у понятых с людьми своими и с крестьяны выбил, а человека моего Ивашка вынять у себя не дал и людишок моих дву человек, Ивашка Якимова,

¹ В подлиннике: «п» в кружке.

² «П» в кружке (пристав) и «Федор Левашов» написано тем же почерком, что и остальной текст.

Ваську Иванова, да крестьянина моего Гришку Олексеева бил и грабил, которые ездили с приставом и с понятыми тех моих беглых людей указывать, и сам на поруку не дался и учинился силен и с приставом к Москве не поехал. И я, холоп твой, бил челом тебе, государю, и имал другава пристава, Мокея Лукина; и пристав того моего беглова человека Ивашка Павлова в Коломенском уезде в его Матвеевом поместье Дубенского изъехал на поле; и поймав, того моего беглова человека Ивашка Павлова по наказной памяти к Москве не повез, а дал ево на (л. 37) поруку на отсрочной срок, дружка Матвею Дубенскому, хотя тем моим делом изволочить. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне на того Матвея в моем в сно[сно]м животе, а на моего старинного смоленского крепостного человека, на Ивашка Павлова з женою и з де[ть]ми в холопстве дать свой царской суд и управу. Царь государь, смилуйся.

На об. л. 36 помета: 137-го декабря в 18-й день. Суд был.

XIII. — 1628 г. декабря 18. Показания Матвея Дубенского; ссылочные памяти Петра Корсакова; ссылки ответчика в послушество; допрос истца и ответчика; ссылочные памяти Матвея Дубенского; ссылки истца в послушество; допрос Матрены.

(л. 38) И ответчик Матвей Дубенской, выслушев исцовы Петровы челобитные Корсакова, за жонку за Матренку отвечал, а жонка Матренка туто же на суде стояла, а в ответе сказал: людей де он, Ивашка Павлова сына Посникова з женою и з детьми, на подговаривал и сносу де к нему, что в Петровой челобитной написано, не принашивали, а был де у него тое жонки муж Лукашка Павлов, и того де человека у него Петр Корсаков отбил; а пристав де к нему не приезживал и людей у него не вынел. И истец бил челом, а сказал: сказывает де ответчик Матвей Дубенской, что к нему пристав не приезживал, — шлюся де на доездную на пристававу память. И ответчик на доездную память слался в послушество: вольно де пристава писать, а шлюся де на понятых, которые написаны, в доездной памяти написаны. (л. 39) Да в том истец с ответчиком имались за веру, за крестное целованье. И ответчик Матвей Дубенской веру, крестное целованье, взял себе на душу, целовать крест человеку ево Лукашке Ондрееву, у креста стоять исцову человеку Ваське Харитонову.

Сверх веры, крестного целованья, истец подал ссылочные памяти, а в памятьх пишет. — (л. 40) А сверх, государь, крестного целованья, шлюсь на явки: как от меня тот человек мой Ивашко Павлов з женою и з детьми бежал, и я на него около своей вотчинки бил челом и являл в его побеге и в сносе, — в том, государь, на явки и шлюсь.

Помета: Ответчик слался в послушество.

Да сверх, государь, того шлюсь из виноватого на Овдокима Баскакова и на его людей и крестьян Кинешемские волости дер. Сел¹ з деревнями в том, что того моего человека Ивашка Павлова сына Посникова у меня в холопстве знали; и как он от меня бежал, поймав животы мои, и им то ведомо, — в том на них и шлюсь.

Помета: Ответчик слался в послушество.

Да шлюсь я, государь, на Ивана Ондреева сына Головачова и на его людей и на крестьян Кинешемские волости дер. Мосихи з деревнями в том, что того моего человека Ивашка Павлова у меня в холопстве знали, и как он от меня бежал с тем моим сносным животом, и им то ведомо, — в том на них шлюсь.

Помета: Ответчик слался в послушество.

(л. 41) Да сверх, государь, того шлюсь на Кирила Иванова сына

¹ Так в подлиннике; может быть, нужно читать «Села». Из сопоставления с текстом следующих ссылок видно, что это — собственное название деревни.

Беклемишева и на его людей и на крестьян в том, что тот Кирила того моего человека Ивашка Павлова у меня в холопстве знали, и как от меня бежал с тем моим животом, и им то ведомо, — в том на них и шлюсь.

Помета: Ответчик слался в послушество.

Да, шлюсь, государь, из виноватых на Лукьяна Данилова сына Башмакова и на его людей и на крестьян дер. Всхолмья з деревнями в том, что тот Лукьян с людьми своими и со крестьяны того моего человека Ивашка Павлова у меня в холопстве знали, и как от меня бежал с тем моим животом, и им то ведомо, — в том на них и шлюсь.

Помета: Ответчик слался в послушество.

(л. 42) Да сверх, государь, того, шлюсь около своей кинешемской вотчинки версты по 2, и по 3, и по 5-ти, и по шти, и по 10-ти, и больши на весь Кинешемской уезд, опричь роду и племяни Безстужевых, на дворян и на детей боярских, и на их людей, и на крестьян, и на священников, в повальной обыск в том, что они того моего человека Ивашка Павлова сына Посникова у меня в холопстве знали, и как от меня тот мой человек бежал, поймав животы мои, и им то в слух и в ведомо, — в том на них в повальной обыск шлюсь.

На обороте: Ответчик сказал: хотя де от него бежал, токо у меня человек ево у меня не бывал.

(л. 43) Да шлюсь, государь, из виноватых на явку: как по государеву указу велено давать явки после Московского разоренья во 121-м и во 122-м и во 123-м году, и я в те указные годы на тех своих старинных крепосных людей в Приказе холопья суда государю бил челом и являл, и тот мой человек Ивашка Павлов сын Посников в той моей явке во 121-м году написан, — в том, государь, на тое явку шлюсь.

На обороте: Ответчик слался в послушество: хотя де от него и бежал, токо у меня не бывал.

(л. 44) И ответчик Матвей Дубенской, выслушев ссылочных памятей, по всем ссылкам на явки в побеге, и на дворян, на Овдокима Боскакова с товарищи, и на их людей, и на крестьян и в повальной обыск слался в послушество, а сказал: хотя де у него и знали, и от него бежал Ивашка Павлов сын Посников, только де у него Ивашка не бывало. А на явку 121-го году ответчик Матвей слался в послушество ж, а сказал: вося де и являл на Ивашка, а у него де, Матвея, Ивашка не бывало. Да ответчик же Матвей бил челом, чтоб допросили исца Петра Корсакова: с тою ли де жонкою человек ево Ивашка збежал, которая ныне на суде стоит? И истец Петр Корсаков сказал: збежал де человек ево Ивашка з женою своею, с Марьицею Васильевою дочерью Вязикова, и та де жена ево на Коломне умерла, и он де женился на той жонке, на той (л. 45) на Матвеевой на Матренке. И допросили исца Петра Корсакова: хто человека ево Ивашкову жену Марьицу похоронял? И истец Петр сказал: того де он не ведает, хто похоронял. И допросили исца же Петра: написал он в своей челобитной, что збежал от него человек ево Ивашка з женою и з детьми, а детем имян в челобитной своей не написал. И истец сказал: одного де звали сына ево Корнилка, да другой мальчик, да девочка, а имян де их не упомнит. И допросили ответчика Матвея Дубенского: по чему ему тот человек и та жонка крепки? И ответчик Матвей Дубенской подал ссылочные памяти, а в памятех пишет.

(л. 46) Сверх, государь, кресного целованья шлюся из виноватых коломенского архиепискупа на записные книги: как тот Лукашко Павлов женился у меня на крестьянке моей, на Матренке Яковлеве дочери, и та венчальная память в книгах записана, — в том, государь, на записные книги и шлюся.

Помета: Истец слался в послушество: яз де ищю не Лукашки, ищю де Ивашка.

Да сверх, государь, тово шлюся на платежные отписи: как тот Лу-

кашко был у меня в старостах и платил всякие доходы, и в том имал отписи, — в том, государь, на отписи и шлюся.

Помета: Истец: шлю де ся в послушество, я де ищю Ивашка.

(л. 47) Да сверх, государь, тово, шлюся из виновата окола своего поместья Коломенска уезду по версте и по 2, и по 3, и по 5-ти, и по 10-ти, и болши на государевы волости, на потриярши, и на владычни, и на монастырския, и на боярские, и на дворянския, и на детей боярских в слух и в ведомо и в повальной обыск в том, что они тово Лукашку у меня во крестьянстве знали 14 лет — в том на них и шлюся.

На обороте: Истец слался в послушество: яз де ищю не Лукашки, я де ищю Ивашка.

(л. 48) И истец Петр Корсаков, выслушев ответчиковых ссылочных памятей, слался в послушество, а сказал: я де ищю Ивашка Павлова сына Посникова, а не Лукашка. И ответчик Матвей Дубенской бил челом: которого де ищет Петр Корсаков, а называет ево Ивашком, и у него де того человека знали Лукашком. И допросили жонки: как ее зовут, и чья дочь? И жонка сказала: зовут де ее Матренкою Яковлева дочь; родилася де она в Дорогобужском уезде; а из Дорогобужского де уезда она сошла в Матвеево поместья Дубенского, в том де поместье пошла она замуж за прихажева же человека; и тот де прихожей человек сказался, что он ис Смоленска прихожей человек Петра Корсакова, Ивашком зовут; и Матвей де ее выдал замуж за того человека, за Ивашка, и назвал де ево Матвей Лукашком, тому десятой год; а детей сказала 4-х человек: Микитка, да Ивашка, да Куземка, да дочь Маринка; (л. 49) а венчал де их в Матвееве поместье поп Иван у храму у Ивана предтечи в Коломенском уезде; и ис того де места тот поп вышел на Хутоя, и там де он и умер. И после суда исца и ответчика приставу Федору Левашову на поруки, а жонку мимо исца и ответчика на поруки. А жонка в приметы: плосколика, нос немного вскорос, глаза серы, на правом глазу бельмо, ростом невелика.

XIV. — Того же дня. Поручные записи по истце, ответчике и жонке Матрене.

И недельщик по исце и по ответчике и по жонке подал поручные записи, а в записях пишет. — (л. 50) Се яз, Григорей Петров сын Пестов, да яз, Офонасей, да яз, Иван, Павловы дети Похвисневы, да яз, Григорей Федоров сын Юренев, коломнетин, да яз, Логин Павлов сын, да яз, Степан Иванов сын, Оголины, коломнич, выручили есмя у недельщика, у Федора Левашова, с суда Матвея Матвеева сына Дубенского в том: ставитца ему за нашею порукою в приказе холопья суда перед князем Иваном Федоровичем Волконским, да перед Иваном Фомичем Огаревым, да перед дьяки, перед Иваном Варгановым да перед Андреем Строевым, по вся дни и с Москвы не съехать. А не учнет он за нашею порукою ставитца по вся дни или с Москвы съедет, и на нас, на порутчиках, исцов иск Петра Карсакова по челобитной, которая в суде у дела за дьячьєю приписью, да с тово иску государевы пошлины и пересуд и правой десяток. А кой нас, порутчиков, в лицах, на том порука. А на то послух Тихон Олферов. А запись писал Богдашко Корнаухов лета 7137-го году.

На обороте: С суда Матвея Дубенского Иван Похвиснив в Григорьева места Пестова руку приложил. Офонасей Похвиснев Матвея Дубенского ручал и руку приложил. Григорей ручал и руку приложил. Логин ручал и руку приложил. Степан ручал и руку приложил. Послух Тиханко руку приложил. *По нижнему краю листа:* П[ристав] Левашов.

(л. 51) Се яз, Совет Иванов сын Башковской, сотник стрелецкой, да яз, Левонтей Иванов сын Бунаков, да яз, Данила Федоров сын Тиханов, жилец, да яз, Семен Порамонов сын Хлопов, да яз, Петр Данилов сын Протасьев, выручили есмя с суда Холопья приказу у

недельщика, у Федора Левашова, Петра Степанова сына Карсакова: ставится ему за нашею порукою в Холопье приказе перед князем Иваном Федоровичем Волконским, да перед Иваном Фомичем Огаревым, да перед дияки, перед Иваном Варгановым да перед Андреем Строевым, во вся дни; да ему же поставить х кресному целованью человека своего. А не учнет он, Петр, за нашею порукою ставится в приказе или с Москвы съедет или человека х кресному целованью не поставит, и на нас, на порутчиках, с ево Петрова иску, что он искал на Матвее Дубенском по челобитной, которая у дела в суде за диячьєю приписью, государевы пошлыны и пересуд и правой десяток. А кой нас, поручиков, в лицах, на том и порука. А на то послуши: Иван Федоров. А запись писал Тиханко Алферов лета 7100 тридесят седьмаго году.

На обороте: Левонтей Бунаков Петра Карсакова с суда в статье ручал и в Советова места Башковскова руку приложил. Данила ручал и руку приложил. Семион Хлопов ручал и руку приложил. Петр Протасьев ручал и руку приложил. Послух Иваш и руку приложил. *По верхнему краю листа:* Холо — Лева — Ива.¹

(л. 52) Список з записи слово в слово. Се яз, Федор, де яз, Василей Андреевы дети Суколеново, жильцы, да яз, Илья Васильев сын Чемесов, да яз, Потап Ильин сын Чемесов, да яз, Степан Васильев сын Чемесов, да яз, Данило Федоров сын Тихонов, жилец, да яз, Семен Парамонов сын Хлопов, да яз, Михайло Борисов сын Протасьев, да яз, Петр Данилов сын Протасьев, выручили есми Холопья приказу у недельщика, у Федора Левашова, спорную жонку Матренку Яковлеву дочь мимо исца и ответчика Петра Карсакова да Матвея Дубенского: ставитца ей, Матренке, за нашею порукою в Холопье приказе перед князем Иваном Федоровичем Волконским, да перед Иваном Фомичем Огаревым, да перед дьяки, перед Иваном Воргановым да перед Ондреем Строевым, по вся дни. А не учнет она, Матренка, за нашею порукою ставитца или с Москвы съедет, и на нас, на порутчиках, та спорная жонка Матренка з детьми, сама пята, или за них — что государь укажет, за 5 голов. А кой нас, порутчиков, в лицах, на том и порука. А на то послуши: Иван Федоров. А запись писал Тихонко Олферов лета 7137-го году. А назади у подлинныя записи написано: Федор Суколенов ручал жонку Матренку с суда в статье и в брата своего Васильево место руку приложил. Илья руку приложил и в брата своего места Степана и в сына своего места руку приложил. Данило в статье ручал и руку приложил. Семен Хлопов ручал и руку приложил. Петр ручал и руку приложил. Михайло ручал и руку приложил. Послух Иваш руку приложил.

XV. — 1629 г. января 31. Пристав привел в приказ Ивана Павлова; допрос последнего; показания Матвея Дубенского.

(л. 53) И 137-го же генваря в 31-й день в Приказ холопья суда перед князя Ивана Федоровича Волконского, да перед Ивана Фомича Огарева, да перед дьяков, перед Ивана Варганова да перед Ондreja Строева, пристав Федор Левашов привел человека, а сказал: взял де он того человека по приставной памяти от Петра Корсакова за Чертольскими вороты. А приводной человек в роспросе сказался: зовут де ево Ивашком Павлов сын Посникова; старинной де он человек Петра Корсакова; и от Петра де он збежал тому лет с 15 з женою своею, с Марьицею, и та де жена ево умерла на Коломне лет з 10; а от Петра де он, збежав, пришел на Коломну к Матвею Дубенскому и женился де он у Матвея на прихожей девке, на Матренке, и прижил да с нею четверо детей, сына Микитку, да Ивашку, да Куську, да дочь Марьицу; (л. 54) и с тех де мест жил он у Матвея; и с Коломны де ево

¹ Эту надпись воспроизводим в сокращении подлинника.

Матвей привез было к Москве, и он де, Ивашка, от Матвея збежал тому недель с 13 и кормился де по деревням в Московском уезде; и ныне де он пришел было к Москве, и ево де изымали за Чертольскими вороты; а как де он жил у Матвея, и он де имя себе — переложил имя себе — Лукьяшком Павлов сын. И князь Иван Федорович, и Иван Фомич, и дьяки Иван и Ондрей речи ево велели записать, а того человека до указу велели поддержать пристава Федору Левашову. А на нем платья: кофтан сер да шуба боранья да шапенка черная; а то де платья на нем ево; денег у себя не сказал. И туто же бил челом Матвей Дубенской, а сказал: которого де человека привел пристав Федор Левашов, и тот де человек ево крестьянин, а зовут де ево Лукашком Павлов сын Олексеева; а живет де он у него во крестьянх 14 лет; и того де он крестьянина искал (л. 55) в Судном в московском приказе на Петре Корсакове, что де он, Петр, того крестьянина у него здесь на Москве отбил; и в том де крестьянине приговорена им вера, крестное целованье; а что де он, Петр Корсаков, искал на нем, Матвее, того человека холопства, а называл ево Ивашком Павловым сыном, и тот де человек Лукашка, а не Ивашка, а ево Матвеев крестьянин.

XVI — 1629 г. февраля 1—12. Показания Петра Корсакова; Иван Павлов послан в тюрьму.

И февраля в 1-й день князю Ивану Федоровичю Волконскому, да Ивану Фомичю Огареву, да дьяком Ивану Варганову да Ондрею Строеву Петр Степанов сын Корсаков [бил челом],¹ а сказал: которого де человека привел пристав, и тот де человек — ево, а зовут де ево Ивашком Павлов сын Посников; того де он человека искал на Матвее Дубенском, а называл де ево Лукашком Павлов; и того де человека он у себя не сказывал; а ныне де он, Матвей, того человека от себя спустил, и ево де Ивашка, поймали с приставом. И тот человек послан в тюрьму февраля в 10-й день с тем же приставом.

XVII. — 1629 г. марта 30—апреля 1. Память в тюрьму об отдаче на поруки Ивана Павлова.

(л. 56) Помета: Апреля в 1-й день. Послать память в тюрьму:² велеть того человека, выняв ис приказу, дать на поруки.

137-го марта в 30-й день князь Иван Федорович Волконской, да Иван Фомич Огарев, да дьяки Иван Варганов да Ондрей Строев велели подьячему Ивану Васильеву в тюрьме переписать тюремных сидельцов, которые посажены в тюрьму ис Приказу холопья суда в холопстве с суда, а иные и до суда; а поруки по ним в те поры не было; и ныне по тех холопах поручные записи мимо исца и ответчика будут ли? И тюремной сиделец, спорной человек Лукашка Павлов, что в споре у Петра Корсакова с Матвеем Дубенским, сказал, что по нем порука мимо исца и ответчика будет. И князь Иван Федорович и Иван Фомич, и дьяки Иван и Ондрей того спорного человека велели дать на поруку мимо исца и ответчика: ставитца ему в Холопье приказе, покаместа судное дело вершитца; и велели того человека описать и рожей и в приметы. И память в тюрьму послана.

XVIII. — 1629 г. ноября 21. Челобитная Петра Корсакова: учинить указ по его иску беглых холопов на Михаиле Борыкове и Матвее Дубенском.

(л. 57) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, Петрушка Карсаков. В прошлом, государь, во 136-м году бил я челом тебе, государю, на беглых своих смоленских старинных крепостных людей, на Ивашка Павлова сына Посникова з женою и з детьми да на жонку Оринку Иванову дочь з детьми ее и с мужем, и имал приставов по двожды в

¹ Слова «бил челом» внесены редакцией.

² «В тюрьму» написано неразборчиво; может быть, правильнее: «к тюрьмам».

Коломенском уезде, Ортема Соловцова да Мокея Лукина. И как, государь, те люди в приказ приведены, и я, холоп твой, искал в Приказе холопья суда перед князем Иваном Федоровичем Волконским, да перед Иваном Фомичем Огаревым, да перед дьяки; и за жонку, государь, отвечал коломнетин жилец Михайло Бoryков, а назвал ее у себя крестьянкою; а за Ивашка, государь, отвечал коломнетин Матвей Дубенской, а назвал ево у себя крестьянином. И мне, холопу твоему, в тех делах указу, по ся места не учинят, третей год, дружа Матвеем Дубенскому да Михайлу Бoryкову. А приехав я, холоп твой, с твоей государевы службы, с Волуйки, волочусь за теми делы третей месяц. А которые, государь, наша братья были на твоей государеве службе на Валуйке, и те по твоему царскому жалованью отпущены по домом, а я, холоп твой, за теми делы волочусь и по ся места. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне в тех делах по своему государеву уложению свой государев указ учинить, чтоб я, холоп твой, с проести и с волокиты вконец не погиб. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 138-го ноября в 21-й день. Взять к делу и поставить Михайловых и Матвеевых порутчиков.

(л. 58) И князь Иван Федорович Волконской, да Иван Фомич Огарев, да дьяк Ондрей Строев, выслушев Петровы челобитные Корсакова, велели приставу Федору Левашову поставить Михайловых порутчиков Бoryкова да Матвеевых порутчиков Дубенского.

XIX. — 1629 г. ноября 22. Поручители Михаила Бoryкова и Матвея Дубенского поставлены в приказе; их сказка.

И ноября в 22-й день перед князя Ивана Федоровича Волконского, да перед Ивана Фомича Огарева, да перед дьяка, перед Ондрея Строева, пристав Федор Левашов поставил Михайлова порутчика Бoryкова, Ивана Петрова сына Солнцева. И Михайлов порутчик Бoryкова Иван Солнцов сказал, что он ручался по Михайле Бoryкове на отсрочной срок: как ему, Михайлу, валуйская служба минетца, и ему тогда стать на Москве; и он, Михайло, после службы на Москве не стал; и тово он не ведает, здесь ли на Москве, только ево на Москве не видал. К сей сказки сказал Иван (л. 58 об.) Петров сын Солнцов: ручал я Михайла Бoryкова во ста тридесеть шестом году для государева службы волуйской, а что тот Михайло Бoryков во 137-м году, как он, Михайло, з государевай службы с Волуйки отпущен,¹ и он, Михайло, бил ли челом государю и челобитною принес ли или нет? И то сказ[ал] яз, Иван Солнцов, руку приложил. А для государева службы во 137-м году не ручивати. То моя и сказка. — (л. 59) И князь Иван Федорович Волконской, да Иван Фомич Огарев, да дьяк Ондрей Строев речи ево велели записать.

XX. — 1629 г. ноября 24. Пристав подал отсрочную челобитную Матвея Дубенского от 1628 г. марта 6 и поручную запись по нем.

И ноября в 24-й день пристав Федор Левашов подал коломнетина Матвея Дубенского отсрочную челобитную и поручную запись, а в них пишет. — (л. 60) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, коломнетин Матюшка Дубенской. В нынешнем, государь, во 137-м году имался, государь, ис Холопья приказу Петр Карсаков за крестьянина моего, за Лукашку за Павлова, в холопстве; и нынеча тот мой крестьянин Лукашка посажен в тюрьму, а дело не вершано. Да в нынешнем же, государь, во 137-м году искал я, холоп твой, в Холопье же приказе на резанце, на Ермолу на Гвоздеве, сестры своей Анны приданных людей, жонки Марфутки з зятем и з дочерью; и суд был, и то дело не

¹ В подлиннике отпущен.

вершано же. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне в тех делах отсрочить для своей государевой береговой резанской службы. Царь государь, смилуйся.

На обороте помета: 137-го марта в 6 день. Отсрочить, как служба минется.

(л. 61) Се яз, Логин Павлов сын Оголин, да яз, Михайла Онтоньев сын Федоров, да яз, Игнатей Андреянов сын Дерлов, да яз, Нелюб Дмитриев сын Юрлов, да яз, Денис Тимофеев сын Ильин, коломничи, выручили есмя Холопья приказу у недельщика, у Федора Левашова, коломнетины Матвея Матвеева сына Дубенского: стати ему за нашу порукою в Холопье приказе перед князем Иваном Федоровичем Волконским, да перед Иваном Фомичем Огаревым, да перед дьяки, перед Иваном Варгановым да перед Андреем Строевым, на отсрочный срок, как государева береговая служба минет, воеводы с конь ссадут, месяц спустя. А не станет он за нашу порукою на тот срок, и на нас, на порутчиках, исцов иск Петра Корсакова по челобитной, которая у дела в суде за дьячьёю приписью, и с того иску и с ево со встрешного иску государевы пошлины, и пересуд, и правой десяток. А кой нас, порутчиков, в лицах, на том порука, а он, Матвей, иску своего лишен и человека Ивашки в женоу и з детьми. А на то послуши: Григорей Юрьев. А запись писал Тиханко Олферов лето 7137-го году.

На обороте: Логин Матвея ручал на отсрочной срок и руку приложил. Нелюб Матвея ручал и [в] Денисьево место Ильина руку приложил. Послух Гришка руку приложил. *По верхнему краю листа:* Холо — Левашо — по Матве — педе.¹

(л. 62) И князь Иван Федорович, и Иван Фомич, и диак Ондрей Строев, выслушав отсрочные челобитные и поручные записи, велели взять к делу.

XXI. — Того же дня. Челобитная Петра Корсакова: жалоба на Михаила Борякова и Матвея Дубенского, которые в Москву не едут и по деревням рбыски скупают, — учинить указ; память приставу: поставить поручителей Матвея Дубенского.

И того же дни Петр Корсаков подал челобитную, а в челобитной пишет. — (л. 63) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, Петрушка Корсаков. В прошлом, государь, во 136-м году бил челом и искал я, холоп твой, в Холопье приказе перед князь Иваном Федоровичем Волконским, да перед Иваном Фомичем Огаревым, да перед [дья]ки беглых своих людей на Михайле Бырыкове да на Матфее Дубенском; и в том, государь, суде я, холоп твой, слался в повальной обыск. И вот Михайла Боряков да Матфей Дубенской, узнав вину свою в том деле, живут в деревнях и обыски скупают. А которые, государь, поручики по Михайле Борякове да Матфее Дубенском ручались, и те поручи [ки] для их стачки, съехов с Москвы, живут по деревням жа. А я, холоп твой, приехов с твоей государевой службы с Волю[й]ки, живу на Москве третьей месяц за тем делом, а с Москвы для тех обысков съехоть не смею, потому что слался в повальной обыск. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, в том деле свой государев указ учинить, чтоб я, холоп твой, волочась, с проести и с волокиты вконец не погиб. Царь государь, смилуйся.

На обороте помета: 138-го ноября в 24-й день. Взять к делу.

(л. 64) И князь Иван Федорович, и Иван Фомич, и диак Ондрей Строев, выслушав Петровы челобитные Корсакова, велели взять к делу и велели с отсрочной поручной записи на Матвеевых порутчиков Дубенского дати выпись, что их поставити в Приказе холопья суда к допросу. И выпись такова дана, а в выписи пишет. — (л. 65) Лета

¹ Эту надпись воспроизводим в сокращении подлинника.

7138-го ноября в 25-й день. По государеву [т.] указу память приставу Федору Левашову. Сыскав, поставити ему в Приказе холопья суда перед князем Иваном Федоровичем Волконским, да перед Иваном Фомичем Огаревым, да перед дьяком, перед Андреем Строевым, коломеннина Матвеевых поручиков Дубенского, Логина Павлова сына Огалина, Михайла Онтонова сына Федорова, Игнатя Ондrejaнова сына Дерлова, Нелюба Дмитриева сына Юрлова, Дениса Тимофеева сына Ильина, все коломничи, к допросу про него, Матвея Дубенского.

XXII. — 1629 г. ноября 26. Сказка пристава; выписка из указной книги об отсрочных сроках.

(л. 66) И ноября в 26-й день в Приказе холопья суда пристав Федор Левашов сказал: велено де ему, сыскав, поставить в приказе холопья суда коломннина Матвеевых поручиков Дубенского к допросу про него, Матвея, и он де, Федор, тех Матвеевых поручиков, Логина Огалина с товарищи, никого на Москве не сыскал.

Помета: Выписать из государева указу, из уложенной книги.

(л. 67) И в государеве уложение в указной книге написано: Которые истцы и ответчики даваны на поруки на отсрочные сроки, как служба минетца, месяц спустя стати им на Москве; и они после службы месяц спустя на срок на Москве не станут, и тем исцом или ответчиком дати другой срок, где у которого поместья, поверстной, на 100 верст по неделе; а как на другой срок которой из них не станет, и их велено винить.

XXIII. — 1629 г. ноября 29. Приговор: Матвея Дубенского и Михайла Барыкова обвинить, Петра Корсакова оправить.

138-го ноября в 29-день приговорили Матвея Дубенского в том спорном человеке Ивашке Павлове з женою и з детьми обвинить, а Петра Корсакова оправить и отдать того человека з женою и с детьми ему, Петру; а Михайла Барыкова в женке Оринке з детьми приговорили обвинить же и отдать их по старинному холопству Петру Корсакову. А что та (л. 68) женка, бегаючи от Петра, шла замуж за Михалка Семенова, и тот Михалко по жене своей Петру же холоп потому. По государеву указу велено исцом и ответчиком ставитца на Москве после службы месяц спустя, а сверх того, указан поверстной срок; и они, Матвей и Михайло, после службы за тем судным делом на Москве не стали и после отсрочного и после указного сроку многое время, а Коломна — город от Москвы не дальний; а знатно то, что они на указанные сроки и после сроку не стали, что было им быти по судному делу виноватым, многое их ослушанье: как ездил по Петрову челобитью недельщик, и они на поруки на давались и людей у себя в поместьях отбивали; а те люди, Ивашко Павлов и жена его, в приводе и в роспросе у суда и Оринка сказывались старинные Петровы смоленские люди, — то им Матвею и Михайлу вина ж. А в сносе потому же в-ысках обвинить против государева указу.

(л. 69) И 138-го ноября в 29-й день князь Иван Федорович Волконской, да Иван Фомич Огарев, да диак Ондрей Строев сего судного дела слушали и приговорили ответчика Матвея Дубенского в том спорном человеке в-Ывашке Павлове сыне Посникове, да в жене его Матренке Яковлеве дочери, да в детех их, в Микитке, да в-Ывашке, да в Куземке, да в дочери в девке Маринке, обвинить, а истца Петра Корсакова оправить, и отдать того человека з женою и з детьми ему, Петру; да ответчика же Михайла Барыкова в женке Оринке Иванове дочери да в детех ее, в Харитонке да в Кондрашке, приговорили обвинить же, а Петра Корсакова оправить, и отдать их по старинному холопству ему, Петру; а что та женка Оринка, бегаючи от Петра, шла замуж за Михалка Семенова, и тот Михалко по жене своей, по той

Оринке, Петру же Корсакову (л. 70) холоп потому. По государеву [т.] указу велено истцом и ответчиком ставитца на Москве после государевы службы месяц спустя; а которые истцы или ответчики после службы месяц спустя на срок на Москве не станут, и тем истцом или ответчиком велено по государеву указу давать другой срок, где у которого поместья, поверстной, на 100 верст по неделе; а как на другой срок которой из них не станет, и их велено винить. И они, Матвей Дубенской и Михайло Барыков, после службы за тем судным делом на Москве не стали и после (л. 71) отсрочного и после [указного] срока многое время, а Коломна — город от Москвы не дальний. И то знатно, что они на указные сроки и после срока на Москве не стали, что было им быти по судному делу виноватым, потому что много их в том деле ослушанья: как по Петрову челобитью Корсакова ездил к ним на Коломну недельщик, и они ему на поруки не давались, чинились сильны и тех людей у себя в поместьях отбивали. А те люди, Ивашко (л. 72) Павлов и жена его и жонка Оринка, в приводе и в роспросе у суда сказывались, что они Петра Корсакова старинные смоленские люди, — и то им, Матвею и Михайлу, вина ж. И потому приговорили их, Матвея и Михайла, в тех людех обвинить и впредь им в тех людех отказать, а Петра Корсакова приговорили [в тех людех оправить, и тех людей, Ивашка Павлова з женою и з детьми, сама шеста, да жонку Оринку с мужем ее, с Михалком Семеновым, и з детьми, (л. 73) саму четверту отдать по сторинному холопству ему, Петру. А что он, Петр, искал с теми людьми сносу своего на Матвее Дубенском на 30 на 3 руб. с полтиною, а на Михайле Барыкове на 40 на 5 руб. с полтиною, и в том сносе приговорили их, Матвея и Михайла, обвинить же потому. Как в прошлом в 137-м году они, Матвей и Михайло, дали по себе поручные отсрочные записи, и в тех их отсрочных записях написано, что им стати в Приказе холопья суда на отсрочной срок, как служба минетца, и воеводы с конь ссядут, месяц спустя; а будет они, Матвей и Михайло, (л. 74) на тот срок не станут, и на порутчиках их исцов иск Петра Корсакова по челобитным, каковы челобитные в суде за дьячьёю приписью, и с тех исков государевы пошлины, и пересуды, и правые десятки. А в государеве уложение, в указной книге, написано: которые истцы или ответчики после службы месяц спустя на срок на Москве не станут, и тем истцом или ответчиком велено давати другой срок, где у которого поместья, поверстной, на 100 верст по неделе; а как на другой срок которой из них не станет, и их велено винить. И они, Матвей и Михайло, после службы за тем судным делом на Москве не стали и после отсрочного и после указного срока многое время, а Коломна — город (л. 75) от Москвы ближней, — и то им вина. И потому приговорили их, Матвея и Михайла, в тех Петровых исках, в 70-ти в 9-ти руб. обвинить; и велели те его [Петровы] иски на них, на Матвее и на Михайле, доправити и отдать истцу Петру Корсакову, да с тех исков государевых пошлин и пересудов, и правых десятков 8 руб. 11 алт. 2 д. велели доправити на них же, на Матвее и на Михайле; а на Петре Корсакове с выданных людей велели взяти головные пошлины; и велели приставу Федору Левашову истца и ответчиков и спорных людей в Приказе холопья суда поставити и сесь им приговор велели сказать.

XXIV. — 1629 г. декабря 3. Ставочные челобитные Матвея Дубенского и Михаила Борыкова.

И декабря в 3-й день коломничи, Матвей Дубенской да Михайло Барыков, подали ставочные челобитные, а в них пишет. — (л. 76) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, коломнетин Матюшка Дубенской. В прошлом, государь, во 137-м году имался, государь, за крестьянина моего, за Лукашу Павлова, Петр Корсаков в холопстве, и суд был в

Холопье приказы перед князем Иваном Федоровичем Волконским, да перед Иваном Фомичем Огаревым, да перед дьяки; и в том деле мне, холопу твоему, было отсрочено, покамест твоя государева служба минетца. И я, холоп твой, на отсрочный срок стал. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мое челобитье и ставку записать. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 138-го декабря в 3-й день. Взять к делу.

(л. 77) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, коломнетин Михалка Семенов сын Бoryков. В прошлом, государь, во 136-м году имался, государь, у меня, холопа твоего, за крестьянку, за Оринку Исаеву дочь з детьми, Петр Корсаков в холопстве, и суд был в Холопье приказы перед Степаном Ивановичем Волинским, да перед Иваном Фомичем Огаревым, и перед дьяки; и в том деле мне, холопу твоему, в том деле было отсрочено, покамест твоя государева служба минетца. И я, холоп твой, на отсрочный срок стал. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мое челобитье и ставку записать. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 138-го декабря в 3-й день. Взять к делу.

(л. 78) И князь Иван Федорович и дьяк Ондрей Строев, выслушав Матвеевы Дубенского и Михайловы Бoryкова ставочных челобитен, велели взять к делу.

XXV. — 1629 г. декабря 9. Приговор сказан; Иван Павлов с женою и дочерью отдан Петру Корсакову; память приставу о доправке пошлин и денег по иску.

И декабря в 9-й день сесь приговор истцу Петру Корсакову ответчиком Матвеем Дубенскому да Михайлу Бoryкову и спорному человеку Ивашку Посникову з женою ево, с Матренкою Яковлевою дочерью, сказан; и тот Ивашка з женою ево, с Матренкою, Петру Корсакову отданы, и головные пошлины 6 алт., по 3 алт. с человека, у него, Петра, взяты и в приходную книгу нынешнего 138-го декабря в 9-й день записаны. А детей их сказал Петр у себя; а головных пошлин с них не взято, потому что они у суда (л. 79) и у отдачи не были. А в Петрове иску Корсакова и в государевых пошлинах велели на Матвея Дубенского да на Михайла Бoryкова дати выпись, что на них тот Петров иск и государевы пошлины доправити; да по Михайле же Бoryкове велели взяти поручную запись, что ему жонку Оринку Иванову дочь с мужем ее, с Михалком Семеновым, и з детьми, с Харитонком да с Кондрашком, поставити на Москве в Приказе холопья суда Петру Корсакову к отдаче; а сроку ему в том велели дати от Москвы до Коломны декабря с 9-го числа на неделю. И выпись на Матвея Дубенского да на Михайла Бoryкова в-ыску Петра Корсакова и в государевых пошлинах такова дана, а в выписи пишет. — (л. 80) Лета 7138-го декабря в 13-й день. По государеву [т.] указу память приставу Федору Левашову. Доправити ему на коломнетине, на Матвее Дубенском, истцова иску Петра Корсакова 33 руб. с полтиною да с того иску государевых пошлин, и пересуду, и правого десятка 3 руб. 19 алт.; да на коломнетине же, на Михайле Бoryкове, истцова Петрова ж иску Корсакова доправити 45 руб. с полтиною, да с того иску государевых пошлин, и пересуду, и правого десятка 4 руб. 25 алт. 4 д.; а доправити на них, на Матвее и на Михайле, те государевы пошлинные деньги все сполна преж истцова иску и, доправя, отдать в государеву казну в Приказе холопья суда; а истцов иск, доправя, отдать истцу Петру Корсакову с ведома князя Ивана Федоровича Волконского да дьяка Ондрея Строева.

XXVI. — Того же дня. Поручные записи по Матвее Дубенском и Михайле Борыкове.

(л. 81) И пристав Федор Левашов подал по Матвее Дубенском да по Михайле Барыкове две поручные записи, а в записях пишет. — (л. 82) Се яз, Василей Иванов сын Калемин, да яз, Пров Володимиров сын Кустерской, коломнетин, да яз, Степан Иванов сын Оголин, да яз, Иван, да яз, Офонасей, Павловы дети Похвисневы, коломнечи, выручили есмя у недельщика, у Федора Левашова, коломнечина же Матвея Матвеева сына Дубенского в том: ставитца ему за нашею порукою у Приказу холопья суда перед князем Иваном Федоровичем Волконским да перед дьяком Андреем Строевым на правеже на первом часу по вся дни и с Москвы не съехать. А не учтет он за нашею порукою на правеже ставитца по вся дни или с Москвы съедет, и на нас, на порутчиках, исцов иск Петра Карсакова по челобитной, 33 руб. с полтиною, да с тово иску государевы пошлыны, и пересуд, и правой десяток. А кой нас, порутчиков, в лицах, на том порука. А на то послух Иван Федоров. А запись писал Богдашко Корнауков лета 7138-го году.

На обороте: Григорей Калемин [в] Васильева места Колемина да в Правава места Костренского¹ руку приложил. Степан Огалин Матвея ручал и руку приложил. Офонасей Похвиснев Матвея Дубенского в статье ручал и руку приложил. Послух Иваш и руку приложил. *По нижнему краю листа:* П[ристав] Левашов.

(л. 83) Се яз, Василей Иванов сын Калемин, резанец, да яз, Пров Володимиров сын Кустерской, каломнетин, да яз, Мартин Муртозин сын Евлахов, каломнетин, да яз, Грязной Семенов сын Авдулов, каломнетин, да яз, Офонасей Павлов сын Похвиснев, каломнетин, да яз, Игнатей Ондrejaнов сын Дерлов, да яз, Матвей Матвеев сын Дубенской, да яз, Иван Павлов сын Похвиснев, да яз, Степан Иванов сын Агалин, каломнетин, выручили есмя у пристава, у Федора Левашова, каломнечина Михайла Борыкова в том, что поставить ему за нашею порукою на Москве в Холопье приказе перед князем Иваном Федоровичем Волконским да перед дьяком, перед Андреем Строевым, жонка Оринка Иванова дочь с мужем с ее, с Михалком Семеновым, да з детьми ее, с Харитонком да с Кондрашком, на срок декабря от девятого числа впредь на неделю нынешняго 138-го году, да ему же за нашею порукою ставитца у Холопья приказу на правежи на первом часу по вся дни и с Москвы не съехать. А не поставит он, Михайла, за нашею порукою тех людей на (л. 84) тот срок в Холопье приказе или на правежи не станет ставитца по вся дни в-ыску в 40-е в 5-ти руб. с полтиною, и на нас, на порутчиках, исцов иск Петра Степанова сына Карсакова 45 руб. с полтиною и те люди или за тех людей, что государь укажет, да с того иску государевы пошлыны и пересуд и правой десяток. А кой нас, порутчиков, будет в лицах, на том и порука. А на то послухи: Богдан Корнауков да Тихон Олферов. А запись писал Иванко Федоров лета 7138-го году.

На обороте л. 83: Григорей Колемин [в] Васильева места Колемина и в Правава места Костренского руку приложил. Мартин ручал и руку приложил. Офонасей Похвиснев Михайла Борыкова ручал и в Грязнова места Овдулова руку приложил. Матвей ручал и руку приложил. Иван Похвиснев ручал и в-Ыгнатьева места руку приложил. Степан Агалин Михаила Баракова ручал на правеж в-ыску в сороке в пети рублех с полтиною и человека сама четверта поставить в Холопье приказе и руку приложил. Послух Богдаш руку приложил. *По сставу лл. 83 и 84:* Послух Тиханко руку приложил.

(л. 85) И князь Иван Федорович и диак Ондрей Строев, выслушав поручных записей, велели взять к делу.

¹ В тексте поручных записей: Кустерской.

ХХVII. — 1629 г. декабря 16. Михаил Боряков поставил в приказе Арину с мужем, сыновьями, их женами и детьми; все отданы Петру Корсакову.

И декабря в 16-й день калемнетин Михайло Барыков поставил в Приказе холопья суда Петру Корсакову к отдаче людей: жонку Оринку Иванову дочь с мужем ее, с Михалком Семеновым, да детей ее, Харитонка з женою с Марфуткою Ивановою дочерью да з детьми его, с Петрушкою да с Васьюкою да з дочерью з девкою з Дунькою, да Кондрашка з женою ево Офимьицею Ивановою дочерью. И князь Иван Федорович и дияк Ондрей Строев велели тех людей под судным делом записать и, записав, велели по прежнему приговору отдати истцу Петру Корсакову. И те люди, жонка (л. 86) Оринка с мужем с Михалком и з детьми, с Харитоном да с Кондрашком, и с их женами и з детьми, истцу Петру Корсакову отданы, и головные пошлыны с них, с 7-ми человек, по 3 алт. с человека, всего 21 алт., взяты и в приходную книгу нынешнего 138-го году декабря в 16-й день записаны. А с Харитонковых детей, с сына Васьки да с дочери Дуньки, головных пошлын не взято, потому что они малы, у грудей. И поручная запись, какова взята была по жонке Матренке Яковлеве дочери мимо истца и ответчика, порутчиком выдана, а с тое записи взят список слово в слово и вклеен выше сего в подлинной записи место.

ХХVIII. — 1629 г. декабря... Память приставу: доправить на поручителях Матвея Дубенского и Михаила Борякова пошлынныя деньги.

(л. 87) Лета 7138-го декабря в... день. По государеву [т.] указу память приставу Федору Левашову. Доправити ему коломнети на Матвеевых порутчиках Дубенского, на коломничах, на Василье Иванове сыне Калемине, на Прове Володимерове сыне Кустерском, на Степене Иванове сыне Огалине, на Иване да на Офонасье Павловых детех Похвиснева с Петрова иску Корсакова, с 30-ти с 3-х руб. с полтиною государевых пошлын, и пересуду, и правого десятка 3 руб. двенадцать¹ алтын. Да ему же доправити коломнети же на Михайловых порутчиках Барыкова, на резанце на Василье Иванове сыне Калемине, на коломничах, на Прове Володимерове сыне Кустерском, на Мартине Муртозине сыне Евлахове, на Грязном Семенове сыне Айдуло[в]е, на Офонасье Павлове сыне Похвисневе, на Игнатье Ондриянове сыне Дерлове, на Матвее Дубенском, на Иване Павло (л. 88) ве сыне Похвисневе, на Степане Иванове сыне Огалине, с Петрова (же) иску Корсакова, с 40-ка с 5-ти руб. с полтиною государевых пошлын, и пересуду, и правого десятка 4 руб. 25 алт. 4 д. А доправя на Матвеевых порутчиках Дубенского и на Михайловых порутчиках Барыкова те государевы и пошлынныя деньги, отдати в государеву казну в Приказе холопья суда князю Ивану Федоровичю Волконскому да дияку Ондрею Строеву. А доправити на них те государевы пошлынныя деньги тотчас, без поноровки, потому что они, Матвей и Михайло, за их поручкою тех пошлынных денег не платят.

ХХIX. — 1630 г. января 13. Матвей Дубенской и Михаил Боряков пошлынныя деньги уплатили.

И генваря в 13-й день в Приказе холопья суда коломничи, Матвей Дубенской государевых пошлын и пересуду и правого десятка 3 руб. 19 алт. платил сполна, да Михайло Барыков (л. 89) государевых пошлын, и пересуду, и правого десятка 4 руб. 25 алт. 4 д. платил сполна ж. И те государевы пошлынныя деньги записаны в приходную книгу

¹ Так в подлиннике.

нынешнего 138-го году генваря в 13-й день. И обоего с обеих с них государевых пошлин, и пересудов, и правых десятков 8 руб. 11 алт. 2 д.

XXX. — 1630 г. января 30. Челобитная Петра Корсакова: выдать ему деньги, доправленные на Матвее Дубенском и Михайле Борыкове; деньги выданы.

И генваря в 30-й день Петр Корсаков подал челобитную, а в челобитной ево пишет. — (л. 90) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой Петрушка Корсаков. По твоему государеву указу велено доправить на Матвее Дубенском да на Михайле Борыкове иск мой; и они, государь, стояли 2 месяца на правеже, хотя иск мой изволочить. А что, государь, на них доправлено в те в 2 месяца, милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели мне те деньги отдать. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 138-го генваря в 30-й день. Взять к делу и отдать ему те деньги, которые доправлены, и с ним росписатца.

(л. 91) И князь Иван Федорович и диак Ондрей Строев, выслушав Петровы челобитные Корсакова, велели взять к делу, и деньги, которые доправлены на его ответчиках, велели отдать ему, Петру, и с ним в том росписатца. А доправлено на ответчиках ево, на Матвее Дубенском да на Михайле Барыкове, Петрова иску Корсакова 19 руб. И те деньги Петру Корсакову отданы сполна, и отпись у него в тех деньгах взята его рукою и вклеена ниже сего под другую челобитную с последнею отписью вместе.

XXXI. — 1630 г. апреля 13—17. Челобитная Петра Корсакова: выдать ему деньги, доправленные на Матвее Дубенском и Михайле Борыкове; деньги выданы, и отпись в них взята.

И апреля в 13-й день Петр же Корсаков подал челобитную, а в челобитной ево пишет. — (л. 92) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, Петрушка Корсаков. Искал я, холоп твой, в Холопье приказе перед князем Иваном Федоровичем Волконским, да перед Иваном Фомичем Огаревым, и перед [дъ]еки беглых своих холопей на Матвее Дубенском да на Михайле Борыкове и сносу. И мне, государь, холопу твоему, тех моих беглых холопей с суда выдали головою, а снос велели на Матвее да на Михайле доправить. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, те мои сносные деньги выдать подъячему, что доправлено на Матвее да на Михайле. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 138-го апреля в 13-й день. Взять к делу, а деньги иску его, которые доправлены на ответчиках, выдать ему и росписатца с ним.

(л. 93) И князь Иван Федорович и диаки Ондрей Строев да Иван Костюрин, выслушав Петровы челобитные Корсакова, велели взять к делу, а деньги, которые иску его доправлены на ответчиках ево, велели ему, Петру, выдать и с ним в тех деньгах росписатца. А доправлено тех денег на Матвее Дубенском да на Михайле Барыкове 46 руб., и те деньги Петру Корсакову отданы сполна. А донять на них того же Петрова иску Корсакова: на Матвее Дубенском 3 руб. с полтиною, а на Михайле Барыкове 10 руб. с полтиною донять. И которые деньги Петру Корсакову иску его отданы, и в тех деньгах взята у него отпись его Петровою рукою а в отписи его, что дал он в первых и в последних деньгах, пишет. — (л. 94) Паметь Петру Корсакову. Взял есми у подъячева, у Микифора Корноухова, иску своею 14 руб., что доправлено на Михайле Борыкове, да 5 руб., что доправлено на Матвее Дубенском, — в том я и память дал. А память писал я, Петр, своею рукою. Да я же, Петр, взял у Никифора Корноухова того же иску

своею 46 руб., что доправлено на Михайле же Бoryкове да на Мотвее Дубенском. А сю память писал я же, Петр, своею рукою лета 7138-го апреля в 17-й день.

XXXII. — 1631 г. декабря 3. Челобитная Петра Корсакова: доправить на поручителях Матвея Дубенского и Михаила Бoryкова недопущенные деньги по иску; память приставу о доправке.

(л. 95) И 140-го декабря в 3-й день князю Ивану Федоровичю Волконскому да дьяком Ондрею Строеву да Ивану Костюрину Петр Корсаков подал челобитную, а в челобитной пишет. — Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, Петрушка Корсаков. Искал я, холоп твой, в Холопье приказе перед князем Иваном Федоровичем Волконским с товарищи на коломничах, на Матвее Дубенском да на Михайле Бoryкове, беглых своих людей и сносу своею; и мне, холопу твоему, по суду и по сыску те люди мне отданы, и животы, государь, мои сносные велено доправить все; и отсрочено, государь, им для твоей государевы службы. А не доправлено, государь, сносных моих животных на Матвее Дубенском 3-х руб. с полтиною, а на Михайле Бoryкове 10-ти руб. с полтиною; а выпись на них дана, и поручные записи по них поимоны. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, тот мой иск достольной доправить на их порутчиках. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 140-го декабря в 3-й день. Взять к делу и выпись дать на порутчиков.

(л. 96) И князь Иван Федорович Волконской да диаки Ондрей Строев да Иван Костюрин, выслушев челобитные, велели взять к делу и выпись дати на порутчиков. И выпись на порутчиков дана такова. — (л. 97) Лета 7140-го декабря в... день. По государеву [т.] указу память недельщику Федору Левашову. Доправити ему коломнечина на Матвеевых порутчиках Дубенского, на резанце, на Василье Иванове сыне Колеmine, да на коломничах, на Прове Володимирове сыне Кустерском, на Степане Иванове сыне Огоline, да на Иване да на Офонасье Павловых детех Похвисневых, исцова иску Петра Корсакова недоплатных денег, что он, Матвей, не доплатил Петрова иску Корсакова в прошлом во 138-году 3-х руб. с полтиною, да на Михайловых порутчиках Бoryкова, на резанце на Василье ж Иванове сыне Колеmine да на коломничах, на Прове Володимирове сыне Кустерском, на Мартине Муторзине¹ сыне Евлахове, на Грязном Семенове сыне Айдулове, на Офонасье Павлове сыне Похвисневе, на Игнатье Ондриянове сыне Дерлове, на Матвее Матвееве сыне Дубенском, на Иване Павлове сыне Похвисневе, на Степане Иванове сыне Огоline, исцова иску Петра же Корсакова недоплатных денег, что он, Михайло, (л. 98) за их порукою не доплатил Петрова иску Корсакова во 138-м же году, 10-ти руб. с полтиною; а доправя, те деньги отдать исцу Петру Корсакову с ведома князя Ивана Федоровича Волконского да дьяков Ондreja Строева да Ивана Костюрина.

XXXIII. — 1631 г. декабря 29. Человеку Петра Корсакова отданы последние деньги по иску, взятые на поручителях.

(л. 99) И декабря в 29-й день по сей выписи те деньги 14 руб. на тех порутчикех, на Володимере Кустерском, взяты и отданы исцову Петрову человеку Корсакова Ивану Яким[ов]у.

Рукоприкладство: Взял Петров человек Корсакова Ивашка Екимов тех денег 6 руб. 32 олт 5 д. и в Петрова место Корсакова по его веленью Петр Протасьев руку приложил.

¹ Выше, Муртозин.

На обороте по сствам лл. 1—21, 22—53, 55—89 скрепа:... дрей Строев — Диак Ондрей Строев и т. д.; на лл. 75 и 89 скрепа переходит на лицо. По сствам лл. 21—22 написано: Склейка; лл. 36—37; Он(дрей) — Сстав. По сствам лл. 53—55, коней на лице л. 55, скрепа: Дияк Иван Варганов. Лл.—90—99 не скреплены.

Опись № 25, столбец № 40319. I—л. 1; II—л. 2—5; III—л. 6—11; IV—л. 11—16; V—л. 17—20; VI—л. 20—24; VII—л. 24; VIII—л. 24—26; IX—л. 26—29; X—л. 30; XI—л. 31—33; XII—л. 34—37; XIII—л. 38—49; XIV—л. 49—52; XV—л. 53—55; XVI—л. 55; XVII—л. 56; XVIII—л. 57; XIX—л. 58, 59; XX—л. 59—62; XXI—л. 62—65; XXII—л. 66—67; XXIII—л. 67—75; XXIV—л. 75—78; XXV—л. 78—80; XXVI—л. 81—85; XXVII—л. 85, 86; XXVIII—л. 87, 88; XXIX—л. 88, 89; XXX—л. 80—91; XXXI—л. 91—94 XXXII—л. 95—98; XXXIII—л. 99. Начало дела утрачено, — скрепа дьяка Андрея Строева, начинается словом «дрей».

№ 17. — 1629 г. января 10¹ — марта 9. Судное дело перед князем Иваном Федоровичем Волконским, Иваном Фомичем Огаревым и дьяками Иваном Варгановым и Андреем Строевым о холопе Первом Васильеве с женой и детьми; истец — Федор Нащокин, ответщица — Татьяна Ивановская жена Киреевского, представленная на суде сыном Дмитрием (Никитой)².

I. — 1629 г. января 10. Ставочная челобитная Дмитрия Киреевского; поручная запись по нем.

(л. 1) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, Митька Иванов сын Киреевской. В прошлом, государь, во 136-м году имал твою государеву грамоту Федор Нащокин по мать мою Тотьяну в беглом своем человеке, в Первушке Васильеве, поклепав напрасно, что бутга тот беглой ево человек живет у матери моей, а у матери моей, государь, ево человека нет и не бывала. И по твоей государевой грамоте дан на поруку человек мой Костыка, что стати ему на Москве к ответу в Холопье приказе в том ево беглом человеке, в Первушке Васильеве. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мое челобитье и ставку записать. Государь царь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 137-го генваря 10-й день. Велеть ставку записать.

(л. 2) И князь Иван Федорович, и Иван Фомич, и диаки Иван Варганов и Ондрей Строев, выслушав Дмитриевы ставочные челобитные, ставку ево велели записать, а ево, Микиту, велели перепоручить на московскую поруку приставу Ждану Пересветову. И пристав Ждан Пересветов по Миките Киреевском подал поручную запись, а в записи пишет. — (л. 3) Список с записи слово в слово, а подлинная запись выдана Дмитрею Иванову сыну Киреевскому, а в записи пишет. Се яз, Василей Ондреев сын Павлов, жилец, да яз, Петр Федоров сын Ильин, коширинин, да яз, Тарас Михайлов сын Павлов, жилец, да яз, Иван Иванов сын Шепелев, козлитин, да яз, Иван Игнатьев сын Киреевской, патриархов стольник, да яз Микита Дмитриев сын Киреевской, выручили есми Холопья приказу у пристава, у Ждана Пересветова, Дмитрея Иванова сына Киреевского в том, что ставитца ему за нашею порукою в Холопье приказе к суду по вся дни перед князем Иваном Федоровичем Волконским, да перед Иваном Фомичем Огаревым, да перед [дъ]яки, перед Иваном Варгановым да перед Ондреем Строевым, и с Москвы никуда не съехати. А не учнет он ставитца за нашею порукою в Холопье приказе к суду по вся дни или с Москвы куда съедет, и на нас, на поручикех, исцов иск Федора Нащокина, что имал он, Федор, государеву грамоту по Дмитриеву мать Киреевского, по

¹ Начало дела не сохранилось. Начальный момент дела: 1628 г. 16 мая Федор Нащокин взял государеву грамоту в Белев к воеводе по вдову Татьяну Киреевскую в беглом человеке и в сносе (см. VI).

² Киреевский в челобитных называет себя и Митькой и Микиткой, приказные писцы чаще называют его Дмитрием, но иногда и Микитой.

Татьяну, в беглом человеке в Первушке Васильеве, а в том человеке, что государь укажет. А кой нас, порутчиков, будет в лицах, на том исцов иск и порука. А на то послуши: Михайло Бекетов. А запись писал Емельяноко Нефедьев лета 7137-го году. А назади у подлинные записи написано: Василей Павлов в статье к суду ручал и в Торасово место Павлова же руку приложил. Петр Ильин ручал к суду и руку приложил и в-Бваново место Шепелева. Иван ручал и руку приложил. Микита ручал и руку приложил. Послух, Михалко руку приложил. — (л. 4) И князь Иван Федорович, и Иван Фомич, и диаки Иван Варганов и Ондрей Строев, выслушав по Дмитрее Киреевском поручные записи, велели взять к делу.

II. — 1629 г. января 18. Челобитная Дмитрия Киреевского: он стал в приказе, а Федор Нащокин все не ищет на нем — учинить указ.

137-го генваря в 18-й день князю Ивану Федоровичю Волконскому, да Ивану Фомичю Огареву, да дьяком Ивану Варганову да Ондрею Строеву подал Дмитрий Иванов сын Киреевской челобитную, а в челобитной пишет.¹ — Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, Митька Иванов сын Киреевской. В прошлом, государь, во 136-ом году имал по мать мою, по Тотьяну, твою государеву грамоту в Белев ис Холопьева приказу Федор Нащокин в беглом человеке, в Первушке Васильеве, з женой и з детьми. И я, холоп твой, вместе матери своей Тотьяны, по той, твоей государевой грамоте стал в Холопье приказе, и челобитная ставная записана. И после, государь, тово и по ся места я, холоп твой, волочусь за тем, а он, Федор, на мне, холопе твоём, не ищет. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне в том свой государев указ учинить. Государь царь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 137-го генваря в 18-й день. Взять к делу.

(л. 5) И князь Иван Федорович, и Иван Фомич, и диаки Иван и Ондрей, выслушав Дмитриевы челобитные Киреевского, велели взять к делу.

III. — 1629 г. января 20. Челобитная Дмитрия Киреевского, аналогичная предыдущей.

И генваря в 20-й день князю Ивану Федоровичю Волконскому, да Ивану Фомичю Огареву, да диаком Ивану Варганову да Ондрею Строеву подал Микита Иванов сын Киреевской челобитную, а в челобитной пишет. — Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, Митька Иванов сын Киреевской. В прошлом, государь, в 136-ом году имал, государь, по мать мою, по Татьяну, твою государеву грамоту в Белев и с Холопье приказу Федор Нащокин в беглом человеке, в Первушке Васильеве, з женою и з детьми; и я, холоп твой, вместе матери своей Татьяны, по той твоей государевой грамоте стал в Холопье приказе, и челобитная ставная записана. И после, государь, тово и по ся места я, холоп твой, волочусь за тем, а он, Федор на мне, холопе твоём, не ищет. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне в том свой государев указ учинить. Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 137-го генваря 20-й день. Взять к делу.

(л. 6) И князь Иван Федорович, и Иван Фомич, и диаки Иван и Ондрей, выслушав Дмитриеву челобитную Киреевского, велели взять к делу.

IV. — 1629 г. января 25. Челобитная Дмитрия Киреевского, аналогичная предыдущим.

И генваря в 25-й день князю Ивану Федоровичю Волконскому, да Ивану Фомичю Огареву, да дьяком Ивану Варганову да Ондрею

¹ Здесь склейка.

Строеву Дмитрей Иванов сын Киреевской подал челобитную, а в челобитной пишет. — Царю государю [т.] бьет челом холоп твой Микитка Иванов сын Киреевской. В прошлом, государь, в 136-м году имал, государь, по мать мою, по Татьяну, твою государеву грамоту в Белев ис Холопья приказу Федор Нащокин в беглом человеке, в Первушке Васильеве, з женою и з детьми; и я, холоп твой, вместе матери своей Татьяны по твоей государеве грамоте стал в Холопье приказе, и челобитье ставное записана. И после, государь, тово и по ся места я, холоп твой, волочусь за тем, а он, Федор, на мне, холопе твоём, не ищет. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне в том свой государев указ учинить. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 137-го генваря 25-день. Взять к делу.

V. — 1629 г. февраля 27. Челобитная Дмитрия Киреевского: по нем взята поручная запись, что ему отвечать за мать, он проедается в Москве, а Федор Нащокин не ищет, — учинить указ.

(л. 7) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, Митька Киреевской. В прошлом, государь, во 136-м году имал, государь, Федор Нащокин, твою государеву грамоту по мать мою, по Тотьяну, в беглом человеке, в Первушке, з женою; и по матери по моей поручная запись взята и в Холопей приказ прислана. И в нынешнем, государь, во 137-м году я, холоп твой Митька, вместе матери своей стал в Холопьем приказе, и челобитье мое и ставка моя записана, и поручная по мне, холопе твоём, взята к ответу, что мне за мать свою отвечать. И ныне я, холоп твой, живучи на Москве, проедаюсь за тем делам. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, в том деле мне, холопу своему, свой царской указ учинить. Государь царь, смилуйся.

На обороте помета: 137-го февраля 27-й день. Взять к делу.

(л. 8) И князь Иван Федорович, и Иван Фомич, и дьяки Иван Варганов да Ондрей Строев, выслушав челобитную, велели взять к делу.

VI. — 1629 г. марта 9. Приговор: истца Федора Нащокина обвинить, а ответчицу Татьяну Киреевскую с сыном оправить.

Помета: 137-го марта в 9-й день. Написать (приговор: ответчика оправить, за исца обвинить, что имал государеву грам[от]у, [да не искал многое время.

Марта в 9-й день князь Иван Федорович Волконской, да Иван Фомич Огарев да дьяки Иван Варганов да Ондрей Строев, сего отпуску государевы грамоты, что имал государеву грамоту Федор Нащокин по вдову Татьяну Иванову жену Киреевского в беглом кабальном своем человеке, в Первушке Васильеве, с женою и з детьми да в сносе в дву лошадах, слушали и приговорили исца Федора Нащокина в том беглом человеке, в Первушке Васильеве, з женою и з детьми и в сносе, в двух лошадах, обвинити, а ответчицу вдову Татьяну оправити, потому (л. 9) что в прошлом во 136-м году мая в 16-й день имал он, Федор, государеву грамоту в Белев к воеводе, к Петру Стрешневу, по тое вдову Татьяну в том своем беглом человеке и в сносе, а велено того человека у вдовы Татьяны вынять, а выняв, дати на поруку з записью; а за порукою велено учинити срок стати к суду на Москве в Приказе холопья суда; а будет поруки не будет по нем, и ево велено и беспоручно прислать к Москве с приставом, с кем пригоже, на срок, на троицын день 136-го году; а ее, вдову Татьяну, велено потому же дать на поруку з записью в Федоровых сносных животах Нащокина, в дву лошадах; а за порукою велено учинити ей тот же срок стати ей к суду на Москве в Приказе холопья суда. И июля в 8-й день писал к государю из Белева воевода Петр Стрешнев и прислал под отпискою

своею вдовы по Татьянине человеке Киреевского, по Костыке Михайлове, поручную запись, что ему стать на Москве к суду на срок, на Петров день и Павлов святых апостол во 136-м году. И Дмитрий Иванов сын Киреевской матери своей вдовы в Татьянино место на Москве (л. 10) в нынешнем во 137-м году генваря в 10-й день в том Федорове иску Нащокина к суду стал и на московскую поруку перепоручен — ставитца ему к суду по вся дни. И он, Дмитрий, на Москве жил долгое время и ставился к суду по вся дни и многие челобитные на Федора Нащокина о указе подавал; а Федор Нащокин на нем, Дмитрее, того своего человека и сносу не искал, и челобитья ево на вдову Татьяну никакова не бывало. И потому ево, Федора Нащокина, в том деле приговорили обинити, а вдову Татьяну и сына ее Дмитрея Киреевских оправити, и вперед ему, Федору Нащокину, в том человеке, в Первушке Васильеве, и в жене ево и в детех и в сносе, в дву лошадах, приговорили отказати и суда ему, Федору Нащокину, в том деле вперед на вдову Татьяну не давати, потому что он, Федор, на нем, Дмитрее, того человека з женою и з детьми и сносу не искал нынешнего 137-го [году генваря с 10-го числа марта по 9-е число. Да и потому его, Федора Нащокина, в том деле приговорили (л. 11) обинити, что по государеву [т.] указу и по боярскому приговору которые исцы, приставля к ответчиком своим в-ысках своих, или которые, взяв государеву грамоту, да не ищут неделю или две, и тем исцом велено в-ысках их отказывати и поручные записи ответчиком велено выдавать. И Дмитрею Киреевскому поручная запись ево выдана, а с нее взят к делу список слово в слово и вклеен выше сего, где была подлинная запись.

Скрепка на обороте по сствам лл. 1—8: Диак Ондрей Строев; скрепка начинается вверху л. 1 слогом: ак. По сствам лл. 8—11: Диак Иван Варганов; конец скрепы на лице л. 11 в конце текста.

Опись № 25, столбец № 40419. I — лл. 1—4; II — лл. 4,5; III — лл. 5,6; IV — л. 6; V — лл. 7,8; VI — лл. 8—11; Дальнейшие лл. 12—22 относятся к другому делу (№ 12). Разбиваем столбец на два дела по содержанию и на основании скрепы по сствам; внизу л. 11 не видно следов скрепы, слога «Ди», соответствующей скрепе вверху л. 12.

№ 18. — 1630 г. апреля 20¹ — 1631 г. мая 13. Судное дело перед князем Иваном Федоровичем Волконским и дьяками Андреем Строевым и Иваном Костюриным по двум встречным искам: 1) ярославцасы на боярского Василия Михайлова сына Малыгина к Ивану Прохорову сыну Воейкову о холопе Игнати Степанове сыне Нурышевском с женой и детьми и о сносе; 2) Ивана Воейкова к Василию Малыгину о холопе Кузьме Михайлове сыне Денисове.

I. — 1630 г. апреля... Поручная запись по Иване Воейкове.

(л. 1) Се яз, Александра Прохоров сын...² да яз, Семен Иванов сын, выручили есме Холопья приказу у пристава у Онтоня Лешошева Ивана Воейкова с суда по челобитной, кокова челобитная в суде [за дь]ячьею приписью: ставитца ему за нашею порукою в Холопье приказе по вся дни, да ему же поставить спорново крестьянина своево Игнашка Степанова сына Пырушевского³ в Холопье приказе. А срок ему дан того крестьянина поставить: апреля с-з двадесято[го числа] на 2 недели. А не учнет он за [нашею] порукою в Холопье приказе... Иваном Федоровичем Волконским да [перед] дьяки, перед Ондреем Строевым да перед Иваном Костюриным, ставитца по вся дни или того спорного крестьянина на тот срок в Холопье приказе не поставит, и на нас, на порутчиках, исцов иск против челобитной и с того иску государевы пошлыны, и пересуд, и правой десяток, и тот спорный крестьянин по

¹ Документ от 20 апреля 1630 г. — исковая челобитная Василия Малыгина (см. приговорную сказку — XVII) не сохранился.

² Лист ветхий, края осыпались.

³ Так в подлиннике; ниже — Нурышевский, Нурышенский и др. варианты.

челобитной. А на то послуши: Петр Осипов. А запись писал Мелентейко Петров лета 7100 тридесять осьмого году.

На обороте: Александра ручал и руку [приложил]. Семен ручал и руку приложил. Послух Петрушка и руку приложил.

II. — 1630 г. апреля 26. Челобитная Ивана Воейкова: Василий Малыгин с Москвы съехал — поставить к допросу его поручителей.

(л. 2) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, Ивашка Воейков. В нынешнем, государь, во 138-м году апреля в двадесятый день искал на мне, холопе тво[ем], а Холопье приказе перед князь Иваном Федоровичем Волконским, да перед дьяки, перед Андреем Строевым да перед Иваном Костюриным, Ярославля Большова Василий Малыгин беглово своего человека Игнашки Степанова сына, что мой крестьянин тверские моей вотчины Игнашка Степанов сын Нурышевской, бегаючи из-за меня, пожил у нево, Василья, в наймех, и он ево, Василей, покобалил, кабалу на нево взял. И тот мой крестьянин, видя ево Васильеву неправду, что ево покобалил, и от Василья он, Игнашка, пришел ко мне во 134-м году. И в том Игнашке Степанове сыне Нурышевском во крестьянстве я, холоп твой, слался в повальной обыск Тверского уезда. И с суда я, холоп твой, дан на поруку, што мне с Москвы не съезжать и крестьянина своего Игнашку Степанова сына Нарышевского поставить в Холопье приказе на срок; а срок мне дан апреля з двадесятаго числа на 2 недели. И яз, холоп твой, писал в деревнишку свою, велел прислать ево тотчас, как обможетца. А он, Василей, с суда дан на поруку же, штоб ему с Москвы не съезжать же. И он, Василей, с Москвы съехал, чтоб ему обыскных людей скупить и крестьянина моего на дороге скрасть. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, челобитье мое записать и порутчиков Васильевых, вели поставить к допросу в Холопье приказе. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 138-го апреля в 26-й день. Взять к делу, а порутчиков велеть к допросу поставить.

III. — 1630 г. апреля 29. Челобитная Ивана Воейкова: вторичная жалоба на Василия Малыгина, который съехал с Москвы, чтобы скупить обыски и спорного человека скрасть.

(л. 3) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой Ивашко Воейков. В нынешнем, государь, во 138-м году апреля в двадесятый день искал на мне, холопе твоём, в Холопье приказе перед князь Иваном Федоровичем Волконским да перед дьяки, перед Андреем Строевым да перед Иваном Костюриным, Ерославля Большого Василей Малыгин, а называл беглым своим человеком крестьянина моего Игнашку Степанова сына, что мой крестьянин тверские моей вотчины Игнашка Степанов сын Нурышевской, бегаючи из-за меня, пожил у нево, Василья, в наймех; и он ево, Василей, покобалил, кабалу на нево взял. И тот мой крестьянин, видя ево Васильеву неправду, что ево покобалил, и от Василья он, Игнашка, пришел ко мне во 134-м году. И в том Игнашке Степанове сыне Нурышевском во крестьянстве я, холоп твой, слался в повальной обыск Тверского уезда. И с суда я, холоп твой, дан на поруку, што мне с Москвы не съезжать и крестьянина своего Игнашку Степанова сына Нарышевского поставить в Холопье приказе на срок; а срок мне дан апреля з двадесятаго числа на 2 недели. И яз, холоп твой, писал в деревнишку свою, велел прислать ево тотчас, как обможетца. А он, Василей, с суда на поруку же дан, што ему с Москвы не съезжать же. И он, Василей, с Москвы съехал, чтоб ему обыскных людей скупить и крестьянина моего на дороге скрасть. И о том ево съезде тебе, государю, я, холоп твой, бил челом, и челобитье мое записано. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего,

вели, государь, мне по своему царскому уложению с тем Васильем по ево Васильеву съезду и по поручной записи в том деле свой царской указ учинить. Царь государь, смилуйся.

На обороте помета: 138-го апреля в 29-й день. Взять к делу.

(л. 4) И князь Иван Федорович и дьяки Ондрей и Иван, выслушев челобитную, велели приклеить к делу.

IV. — 1630 г. мая 6. Челобитная Василия Малыгина: Иван Воейков с Москвы съехал, не дождавшись указу — записать челобитную.

И мая в 6-й день князю Ивану Федоровичю и дьяком Ондрею и Ивану Василей Малыгин подал челобитную, а в челобитной пишет. — (л. 5) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, Ярославля Большова Васька Михайлов сын Малыгин. В нынешнем, государь, в 138-м году искал я, холоп твой в Холопье приказе на Иване Прохорове сыне Воейкове беглова своего человека Игнашки Степанова з женою и з детьми, да сносу 30-ти дву рублей с полтиною; а он на мне искал встрешно, поклепав напрасно, человека же моего Куземки Михайлова з женою и з детьми да сносу 25-ти руб. И нынече, государь, тот Иван, не дожидаячися по судному делу твоего государева указу, с Москвы съехал. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, челобитье мое записать. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 138-го мая в 6-й день. Взять к делу, и поставить ему по записи холопа, и описать холопа в рожей.

V. — 1630 г. мая 19. Василий Малыгин поставил в приказе Кузьму Михайлова; показания их.

(л. 6) 138-го мая в 19-й день в Приказе холопья суда перед князем Иваном Федоровичем Волконским, да перед дьяки, перед Ондреем Строевым да перед Иваном Костюриным, поставил человека ерославец Василей Михайлов сын Молюгин, а сказал: поставил де он того человека Куземку Михайлова сына, прозвище Денисов, по челобитью и по поручной записи Ивана Воейкова; а в тот де человек ево Васильев старинной и кабальной; а жены де у тово человека нет, была де жена, да умерла. А приводной человек сказал: зовут де ево Куземкою Михайлов сын, а прозвище Денисов; старинной де он Василья Молюгина; а отец мой и дет у него, Василья, во дворе и померли; а кабалу де имал на него он, Василей, на Москве в Холопье приказе; а того де он не помнит, в коем году записана де в книгах; а у Ивана (л. 7) он Воейкова не служивал, ево и не знает. И князь Иван Федорович Волконской и дьяки Ондрей Строев да Иван Костюрин велели речи их записати, а приставу Онтону Левашему до указу велели у себя поддерживать. А на нем платья: кафтан серой, шапка темна-синя с пухом, крест медной полужен; а денег у себя не сказал. Сесь привод в книгу записан.

VI. — 1630 г. мая 21. Челобитная Василия Малыгина: жалоба на Ивана Воейкова, который Игнатия Степанова на срок в приказе не поставил.

И мая в 21-й день князю Ивану Федоровичю и дьяком Ондрею и Ивану Василей Малыгин подал челобитную, а в челобитной пишет. — (л. 8) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, Ярославля Большова Васька Михайлов сын Малыгин. В нынешнем, государь, во 138-м году искал я, холоп твой, в Холопье приказе перед князем Иваном Федоровичем Волконским перед дьяки на Иване Прохорове сыне Воейкове беглово своего человека Игнашки Степанова з женою и з детьми да сносу 30-ти дву рублей с полтиною. А тот Иван приставил ко мне, поклепав напрасно, в моем же человеке в Куземки Михайлове з женою и з детьми да в сносе в 20-ти в 5-ти руб.; и тово человека велено

мне поставить здесь на Москве; и я, холоп твой, того своего человека в Холопье приказе поставил. И ныне тот мой человек живот свой мучит за приставом в чеши в железах, помирает голодною смертью, а тот Иван Воейков от суда бегаёт и на том моем человеке не ищет. А что я искал на нем, Иване, беглово человека своего Игнашки Степанова, и ему, Ивану, даны два сроки, велено того моего человека поставить в Холопье приказе; и тот Иван на те сроки и по ся места того моего человека не поставит, хотя теми моими людьми напрасно завладеть. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне в том деле по своему государеву уложению свой государев указ учинить, чтоб я, холоп твой, волочася, вконец не погиб. Царь государь, смилуйся.

На обороте помета: 138-го мая в 21-й день. Взять к делу. А Ивану велеть того человека поставить в приказе.

(л. 9) И князь Иван Федорович и дьяки Ондрей и Иван, выслушев челобитную, велели приклеить к делу.

VII. — 1630 г. мая 24. Челобитная Василия Малыгина, аналогичная предыдущей.

И мая в 24-й день князю Ивану Федоровичю и дьяком Ондрею и Ивану подал челобитную Василей Малыгин, а в челобитной пишет. — (л. 10) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, Ярославля Большово Васька Михайлов сын Малыгин. В нынешнем, государь, во 138-м году искал я, холоп твой в Холопье приказе перед князем Иваном Федоровичем Волконским и перед дьяки на Иване Прохорове сыне Воейкове беглово своего человека Игнашки Степанова з женою и з детьми, да сносу 30-ти дву рублей с полтиною. А он, Иван, приставил ко мне, поклепав напрасно, в моем же человеке, в Куземке Михайлове, з женою и з детьми да в сносе в 20-ми в 5-ти руб. И я, холоп твой, того своего человека Куземку в Холопье приказе поставил; и тот человек мой отдан за пристава и живот свой мучит в чеши и в железах, помирает голодною смертью, а тот Иван Воейков от суда бегаёт и на человеке моем не ищет и меня волочит. А что я искал на нем, Иване, человека своего Игнашки, и он в том моем человеке не заперся, велено ему того моего человека поставить в Холопье приказе, и сроки ему 2 даны; и он, Иван, на те сроки и по ся места того моего человека не поставит, хотя тем делом изволочить. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне в том моем деле по своему государеву уложению свой государев указ учинить, чтоб я, холоп твой, волочася, вконец не погиб. Царь государь, смилуйся.

На обороте помета: 138-го мая в 24-й день. Взять к делу и положить дело на стол.

(л. 11) И князь Иван Федорович и дьяк Ондрей Строев да Иван Костюрин, выслушев челобитную, велели приклеить к делу.

VIII. — 1630 г. мая 29. Челобитная Ивана Воейкова: записать ставку в приказе его крестьянина Игнатия Степанова; показания последнего.

И мая в 29-й день князю Ивану Федоровичю и дьяком Ондрею Строеву да Ивану Костюрину Иван Воейков подал челобитную, а в челобитной пишет. — (л. 12) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, Ивашка Воейков. В нынешнем, государь, во 138-м году искал на мне, холопе твоём, в Холопье приказе перед князем Иваном Федоровичем Волконским да перед дьяки, перед Ондреем Строевым да перед Иваном Костюриным, Ярославля Большово Василей Малыгин, а назвал беглым своим человеком крестьянина моего Игнашку Степанова сына Нурышенсково, что мой крестьянин тверские моей вотчины тот Игнашка Степанов сын Нурышевской, бегуючи из-за меня, пожил у него. Василья, в наймех, и он, Василей, ево покобалил и кобалу на

нево взял; и тот мой крестьянин, видя его неправду, что ево покобалил, и он от Василия пришел ко мне. И в том Игнашке в Степанове сыне Нурышевском во крестьянстве я, холоп твой, слася в повальной обыск Тверского уезду; и с суда я, холоп твой, дан на поруку, что с Москвы не съезждать и крестьянина своего поставить в Холопые приказе на срок; а срок мне дан на 2 недели. А тот мой крестьянин в те поры был болен, а жены у него не стало. А он, Василей Малыгин, с суда дан же на поруку, что ему с Москвы не съезждать же; и он, Василей, с Москвы съезждал, чтоб ему обыскных людей скупить и крестьянина моего на дороге скрасть. И я, холоп твой, в том съезде на него бил челом, и челобитье мое записано. И после того челобитья я, холоп твой, был в походе с твоим государевым отцем, с великим государем святейшим патриархом Филаретом Никитичем московским и всеа Руси; и ис походу пришед, я, холоп твой, нарочно посылал людишак своих в деревню, чтоб того крестьянина припровадить к Москве, оберегаячи от Василия, чтоб ево на дороге не скрал. И людишка, государь, мое того моего крестьянина из деревни привезли, и я, холоп твой, того своего крестьянина в Холопые приказе ныне поставил. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мое челобитье и ставку крестьянину моего записать. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 138-го мая в 29-й день. Взять к делу. А того крестьянина роспросить и дать на поруку мимо исца и ответчика.

(л. 13) И князь Иван Федорович и дьяки Ондрей Строев да Иван Костюрин, выслушев челобитную, велели приклеить к делу, а того крестьянина велели роспросить. И тот крестьянин в распросе сказался: зовут де ево Игнашко Степанов сын Нурышевской, старинной де он крестьянин Ивана Прохорова сына Воейкова Тверского уезда села Дьякова; а прежде того то село Воейкова было за царем Симионом, и отец де его Игнашков был во крестьянх за царем Семионом в том же селе Дьякова; и отца де ево Степку убили литовские люди в том же селе Дьякове; а он де, Игнашко, збрел в Кашин и пожил в Кашинском уезде в наймех у Тимофея Рожнова года с полтара; и Иван де Воейков, сведав ево у Тимофея Рожнова, и его у Тимофея и взял; и пожил (л. 14) он за Иваном Воейковым в Кашинском уезде в селе Кузьмодемьянском года с 4; и сведав де, он, Игнашко, что Ивановы же крестьяне Воейкова живут в Ярославском уезде, а ему де, Игнашке, в том Кузьмодемьянском жить незнакомо, и он де, Игнашко, збрел в Ярославской же уезд и женился в Ярославском уезде у Иванова же беглова крестьянина Воейкова, у Сеньки Пятышова, на своячне ево, на Оринке Олексеевой дочери; а тот Сенька, бегая, жил, от-Ивана Воейкова, в Ярославском уезде за Иваном Прокшиным; и Василей де Малыгин перезвал ево, Игнашку к себе в наймы; и он де, Игнашко, пожил у него, Василия, в наймех з год и хотел от него отойти прочь; и Василей де Малыгин взял на него, Игнашка, кабалу на Москве сильно; и после де той кабалы жил он, Игнашко у него, Василия, п той кабале з год же; и от Василия де он Малыгина збежал, тому ныне 5-ой год, и пришел на старину в Твер-(л. 15)ской уезд в село Дьякова з женою своею да з двумя детьми, з дочерью с Манькою да с сыном Ромашком; а снесу де он от Василия Малыгина ничего не снашивал; и жена де ево умерла в-Ивановом селе Воейкова; а ныне де в том селе за Иваном те ево дети, дочь Манька да сын Ромашко. И князь Иван Федорович и дьяки Ондрей Строев да Иван Костюрин речи ево велели записать, а ево, Игнашка, велели дать на поруку мимо исца и ответчика, описав в рожей и в приметы. И в приметы Игнашко долголик, нос прям, глаза серы, волосом голова руса, ус и бруди и борода светлорусы, ростом средней. Пристав Онтон Левашов.

IX. — Того же дня. Челобитная Ивана Воейкова: дать суд в холопстве Кузьмы Михайлова; показания Василия Малыгина; в сносе истец с ответчиком имались за крестное целованье.

И мая в 29-й день бил челом государю [т.] Иван Воейков, а в Приказе холопья суда князю Ивану Федоровичю Волконскому да дьяком Ондрею Строеву да Ивану Костюрину подал о суде челобитную, а в челобитной ево пишет. — (л. 16) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, Ивашка Воейков. Жалоба, государь, мне на беглова своего на старинново человека Куземку Михайлова сына. В прошлом, государь, во сто осьмом на десять году о Николине дни зимнем послал я с [Москвы тово Куземку во тверскую свою деревню, в селцо в Дьяково, ко крестьяном своим для оброку; и крестьяня мои, Степан Нурышевской с товарищи, собрав оброку 25 руб., и послали ко мне с ним, Куземкою, за неделю до Стретеньева дни; и он, Куземка, с тем оброком, ко мне бываючи, з дороги збежал и, бегаючи от меня, женился и живет ныне и з женою у Василия Малыгина. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне на того беглово моего старинново человека, на Куземку Михайлова сына, в холопстве дать свой царской суд и управу. А сносу, государь, я буду искать на Василье Малыгине. Царь государь, смилуйся.

На обороте помета: 138-го мая в 29-й день. Суд был.

(л. 17) И ответчик Василей Малыгин, выслушев исца Ивана Воейкова искавую челобитную, отвечал, а в ответе сказал: человек де к нему, Василью, ево Иванов не прихаживал и сносу не принашивал, человека де Иванова у него, Василья, нет и не бывало; а тот де человек ево Васильев жил у него, Василья, не отходя. В сносе истец с ответчиком имались за крестное целованье; ответчик Василей взял себе на душу, крест целовать человеку ево Олешке Овдокимову, у креста стоять исцову человеку Замятинке Филину.

X. — Того же дня. Ссылки Ивана Воейкова; ссылки по ним в послушество Василия Малыгина; ссылки и допрос по ним Василия Малыгина; ссылки в послушество Ивана Воейкова.

Сверх крестнова целованья истец Иван Воейков подал 3 ссылки: да письмо, а в ссылках и в письме пишет. — (л. 18) Сверх, государь, кресново целованья шлюся из виноватых на явки: как тот Куземка с теми оброчными деньгами з дороги збежал, и я на него в том являл, и явки письменные давал в 118-м году в Холопье приказе и в Розбойном приказе. А про старинное холопство я, Иван, сказываю, что дед ево, Куземкин, Дениско, прозвище Горяйко, Кузьмин сын и Горяйков сын Михалко и он, Куземка Михайлов сын, служили отцу моему по старинному холопству и до ево Куземкину челобитью, батюшко пожаловал меня тем Куземкою в 110-м году по старинному холопству. Да сверх, государь, того шлюся из виноватых на вяземские на писцовые книги Василья Волинсково с товарищи, что дед ево Куземкин Горяйко Кузьмин написан в писцовых книгах в батюшкове поместье. Да сверх, государь, того, шлюся из виноватых Вяземсково уезда в повальной обыск на старинных жильцов, что за батюшком поместье в Вяземском уезде было, и в том батюшкове поместье батюковых людей, Дениска, прозвище Горяйка, Кузьмина сына и Горяйкова сына Михалка и Михалкова сына, того Куземка, у батюшка и у меня в холопстве знали.

На обороте: О[тветчик]¹ слался в послушество по всем трем ссылкам.

¹ В подлиннике «о» в кружке.

(л. 19) И ответчик Василей Малыгин по первой ссылке на явки [слался]¹ в послушество: хошь де и бежал, да не тот Куземко. Против письма сказал: вось де у него и был Куземко, да не тот; а тот де Куземко ево Васильев старинной. А холоп сказал — зовут де ево Куземкою Михайлов сын Денисов, а Денис — Васильев сын, а прозвище Денису Жук, а не Горяйко. По другой ссылке ответчик Василей слался в послушество: тот де Куземко — Денисов, а не Горяинков; по третьей, в повальной обыск, — в послушество: у меня де тот человек Куземко — прозвище Денисов, а не Горяинков. И истец Иван сказал: знают де того Куземку в рожей.

Да туто ж ответчик Василей подал ссылки, а в ссылках пишет. — (л. 20а) Шлюсь, государь, из виноватых на записные кабальные книги в том, что тот мой человек Куземка Михайлов, а прозвище Денисов, у кабалы сказался мой старинной, — в том, государь, на записные кабальные книги и шлюсь.

На обороте 1-ой ссылки: И[стец]:² избываючи де холопства сказывался Жюков.

Да сверх, государь, тово шлюсь из виноватых на ярославские платежные книги, што тот мой человек Куземка Михайлов — у меня старинной, и отец ево Куземкин Михайло Денисов служил у отца моего и у меня во дворе и государевы подати платил, и в платежных книгах отец ево Куземкин Михайло Денисов написан, и отписи у меня на ево имя Михайла Денисова есть; а имену отцу ево Куземкину и прозвища иново никаково нет, — в том, государь, на платежные книги и шлюсь.

На обороте 2-ой ссылки: И[стец] сказал, что де будет у него и иной Михалко был.

(л. 20 б) Шлюсь, государь, из виноватых около своего деревнишка верст по 10-ти и по 20-ти, и больши, и на весь Ярославской уезд в слух и в обыск на дворян, и детей боярских, и на священников, и на монастырские вотчины, и на всяких людей всяких чинов в том, што тот у меня мой человек Куземка. Михайлов, а прозвищем Денисов — мой старинной; дед ево Куземкин Денис у деда моего во дворе родился, отец ево Куземкин у отца моего, он, Куземка, у меня во дворе родился и по ся мест у меня во дворе служит, — в том, государь, и шлюсь.

На обороте: И[стец] слался в послушество.

(л. 21) И истец Иван Воейков, выслушев ссылки, по первой ссылке сказал: избываючи де ево Иванова холопства сказывался ево старинным. Да Иван же Воейков бил челом словом, а сказал: будет де в кабальных книгах написан тот человек Жуков, хочю де тем прав и виноват быть. И ответчик Василей сказал: пишут де в кабалы отца человеку да деда, а прозвище деду мало пишут. По другой ссылке [истец]³ бил челом, чтоб де ево, Василья, допросили, много ль лет тем платежницам, — а у него де, Ивана, тот человек збежал тому 20 лет. И ответчик Василей сказал: платежницы де больши 20-ти лет, как платил отец ево Михалко Денисов. И истец Иван сказал: вось де и платил Михалко, да не тот. По третьей ссылке — в послушество: отец де его был в Ярославле со многими в остуде в государевых делах и в платежах, а ему де там друзья и племя и хлебожцы.

XI. — Того же дня. Василий Малыгин подал кабалу на Кузьму Михайлова от 1626 г. 14 марта; показания Ивана Воейкова и спорного холопа; показания Василия Малыгина о холопстве Игнатия Степанова.

И допросили ответчика Василья: по чему ему тот человек крепок? (л. 22) И ответчик Василей сказал: как де по государеву указу велено на старинных людей имать кабалы, и он де, Василей, на того своего

¹ Слово «слался» внесено редакцией.

² В подлиннике: «и» в кружике.

³ Слово «истец» внесено редакцией.

стариннова человека взял кабалу на Москве во 134-м году, и в кабале он сказался старинным. Да подал он, Василей, на того человека кабалу, а в кабале пишет.

(л. 23) Список с кабалы слово в слово. Се яз Кузьма Михайлов сын Денисова, да с своею женою с Катериною Костянтиною дочерью, да с своими детьми, с Овдокимом да с Семеном, да з дочерью, з девкою с Лукерьею занели есми у ярославльца, у Василья Михайлова сына Малыгина, 12 руб. денег московских ходячих марта от четвертаго на десять числа да такова же числа на год; а за рост нам у государя своего, у Василья Михайлова сына Малыгина, служить во дворе по вся дни; а полягут деньги по сроце, и нам у государя своего, у Василья Малыгина, за рост служити во дворе по тому же по вся дни. А кой нас, заимщиков, будет в лицах, на том деньги и служба. А на то послуши: Ждан Григорьев. А кабалу писал Ларька Карпов лета 7100 тридесять четвертаго году. — Вверху кабалы помета дьяка Патрекея Насонова: 134-го марта в 14-й день. Записати в книги сказался старинной. Назади у кабалы написано: 134-го марта в 14-й день перед Степаном Ивановичем Волынским, да перед Ондреем Ивановичем Баскаковым, за перед дьяки, перед Иваном Шевыревым да перед Патрекеем Насоновым, заимщики сказали — деньги занели и кабалу на себя такову дали; и в книгу записана. Припись дьяка Патрекея Насонова. Справка подъячева Петра Злобина. На той же кабале помета дьяка Ивана Костюрина: Холоп кабалы не лживил.

(л. 24) И истец Иван Воейков, выслушев кабалу, сказал: давал де кабалу, бегаячи от него, Ивана. И холоп сказал: давал де кабалу и старинной холоп Василья Малыгина. И допросили исца Ивана Воейкова: за сколько лет того человека до побегу знали и по какой крепости? И истец Иван Воейков по спросу сказал: отец де того человека служил у отца ево Иванова, а дед у деда, а ево, Куземку, дал ему, Ивану, отец ево Иванов во 110-м году. И допросили ответчика, Василья Малыгина: за много ль лет того человека и отца его и деда знали? И ответчик Василей сказал: знали де того Игнашкова деда у деда ево Васильева, а отца того человека — у отца ево, а ево, Игнашка, — у него, Василья, лет с 50, и жил тот человек у него, Василья, по старине, не отходя. И туто же допросили холопа: как ево зовут и чей старинной? И холоп сказал: зовут де ево Куземкою Михайлов сын Денисов, а Даниско Васильев сын Жуков; старинной де он Василья Малыгина; дед де у деда ево, а отец, — у отца, а он живет у него, Василья, по старине (л. 25), не отходя; а у Ивана де он Боейкова не служивал и ево не знает. И после суда исца и ответчика и спорнова человека мимо исца и ответчика велели дать на поруки приставу Онтону Левашову.

И пристав июня по 4-й пристав¹ поручных записей не принашивал.

ХII. — 1630 г. июня 4. Челобитная Ивана Воейкова: допросить поручителей Кузьмы Михайлова учинить указ в съезде последнего и Василья Малыгина с Москвы; Игнатий Степанов и Кузьма Михайлов объявились в приказе.

Июня в 4-й день Иван Воейков подал челобитную, а в челобитной пишет. — (л. 26) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой Ивашко Воейков. В нынешнем, государь, во 138-м году был суд в Холопье приказе у меня, холопа твоего, с ерославцом, с Васильем Малыгиным, в крестьянине моем, в-Игнашке Степанове сыне Нуровском; а другой суд — в беглом моем старинном человеке, в Куземке Михайлове сыне. И на суде мы, холопы твои, слалился в обыск: я, Ивашко, на Тверской и на Вяземской уезд слался, а он, Василей, слался

¹ Так в подлиннике.

на Ерославской уезд. И с суда я, Ивашко, и он, Василей, и крестьянин мой Игнашко, и беглой мой человек Куземко даны на поруки, что с Москвы не съезжать. И он, Василей, того моего беглова человека Куземку с Москвы послал для промыслу обыскных людей зговаривать и скупать. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели мое челобитье записать и беглова моего человека Куземку и Куземкиных порутчиков о том Куземкине съезде вели, государь, допросить — и в тех съездах, что он, Василей, съезжал прежде сево, а ныне послал человека Куземку, по своему царскому уложению вели, государь, мне свой царской указ учинить. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 138-го июня в 4-й день. Взять к делу. А порутчиков велеть к допросу поставить в приказе.

(л. 27) И князь Иван Федорович и дьяки Ондрей и Иван, выслушев челобитную, велели приклеить к делу, а Куземкиных порутчиков велели поставить к допросу. И человек Игнашко и Куземко того же дни в Холопье приказе объявились.

XIII. — 1630 г. июня... Приговор о выпуске из кабальных книг кабал на Игнатия Степанова и Кузьму Михайлова; кабалы выписаны: на первого от 1624 г. февраля 20, на второго от 1626 г. марта 14.

И июня в... день князь Иван Федорович Волконской да дьяки Ондрей Строев да Иван Костюрин сево суднова дела слушели и ве[ле]ли те Васильевы кабалы Малыгина на тех людей, на Куземку и на Игнашку, ис кабальных московских книг выписать. И в кабальных в записных в московских книгах сыскано и выписано.

(л. 28) 132-го февраля в 20-й день з доклада князя Микифора Яковлевича Мещерского, да Ивана Кузьмича Бегичева, да дьяков Ивана Шевырева да Патрекея Насонова бил челом в службу ерославцу Василью Михайлову сыну Малыгину Игнатей Степанов сын с своею з женою с Ориною с Олексеевою дочерью; Игнатко долголик, нос прям, глаза темносеры, волосом голова руса, ус выседает светлорус, брудей и бороды нет; сказался девятинацати лет; сказался, живет 5 лет и кабалу на себя служилую Михайлу Малыгину в деньгах во шти рублех дали. Пошлин 6 алт. Взятюк дьяка Патрекея Насонова. По листом припись дьяка Ивана Шевырева. Кабалу писал Демка Ильин сын Аверкиев. Послух — Ивашка Савельева сына Селина.

134-го марта в 14-день з доклада Степана Ивановича Волинского, да Андрея Ивановича Боскакова, да дьяков Ивана Шевырева да Патрекея Насонова били челом в службу ярославцу Василью Михайлову сыну Малыгину Кузьма Михайлов сын Денисова с своею женою, с Котеринкою Костянтиновою дочерью, да с своими детьми, с Овдокимом, да с Семеном, да з дочерью з девкою с Лукерьею; круглолик, нос прям, глаза истемнасеры, волосом голова темноруса, ус и боро денка ис светлорусы, брудей нет, в лице яминки, бывала оспа, ростом средней; (л. 29) сын Овдокимко 7-ми лет, Сенька 5-ти лет, дочь Лукерьяца году; сказался — старинной; и кабалу на себя служилую Василью Малыгину в деньгах в двунатцати рублех дали. Пошлин 12 алт. Взятюк и по листом припись дьяка Патрекея Насонова. Кабалу писал Ларька Карпов. Послух Ждан Григорьев.

Помета: Поставить крестьянина в приказе к досмотру против записных кабальных книг. И другога человека поставить к досмотру и сыскать кабальными книгами и приметы.

XIV. — 1630 г. июля 28. Осмотр Кузьмы Михайлова против кабальной выписки.

Июля в 28-й день человек спорной Куземка Денисов в рожей и в

приметы осматриван. А по осмотру тот человек Куземка в рожей и в приметы сшолся.

XV. — 1630 г. ... *Поручные записи: по 1) Василии Малыгине, 2) Кузьме Денисове, 3) Иване Воейкове, 4) Игнатии Степанове.*

(л. 30) Список з записи слово в слово. Се яз, князь Михайло княж Федоров сын Жировой-Засекин, да яз, князь Олексей княж Михайлов сын Жировой-Засекин, да яз, Иван Елизарьев сын Рудин, да яз, Григорей Юрьев сын Мусин, выручили есми у пристава Холопья приказу, у Онтона Левашова с суда Василья Малыгина, что искал на нем истец Иван Прохоров сын Воейков по челобитной иску своего, какова челобитная у дела в суде за дьячьёю приписью в том, — что ставитца ему, Василью, по вся дни в приказе перед князем Иваном Федоровичем Волконским да перед дьяки, перед Ондреем Строевым да перед Иваном Костюриным, по вся дни и с Москвы не съехать. А не учнет он, Василей, по вся дни с суда в приказе ставитца до суднова дела вершенья или с Москвы съедет, и на нас, на порутчикех, исцов иск по челобитной, какова челобитная у дела за дьячьёю приписью, и с того иску государевы пошлины, и пересуд, и правой десяток. И кой нас будет, порутчиков, в лицах, на том и порука. А на то послуси: Путило Иванов сын Волков. А запись писал Ивашко Яковлев лета 7138-го. Назади у записи написано: Иван Рудин Василья в статье ручал и в князь Михайлово место Жирового-Засекина руку приложил. Григорей ручал и руку приложил. Князь Олексей ручал Василья и руку приложил. Послух Путилко и руку приложил.

(л. 31) Список с поручной записи слово в слово. Се яз, князь Михайло княж Федоров сын Жировой-Засекин, да яз, князь Олексей князь Михайлов сын Жировой-Засекин, да яз, Иван Елизарьев сын Рудин, да яз, Григорей Юрьев сын Мусин, выручили есми у пристава Холопья приказу, у Онтона Левашова, спорнова человека Василья Малыгина с суда, Куземку Денисова, мимо исца и ответчика в том, что ставитца ему за нашею порукою по вся дни в Холопье приказе до государева указу перед князем Иваном Федоровичем Волконским да перед дьяки, перед Ондреем Строевым да перед Иваном Костюриным, и с Москвы не съехать. А не учнет Куземка Денисов по вся дни до государева указу в Приказе холопья суда ставитца, и на нас, на поручикех, пеня государя [т.] и тот спорной человек Куземка Денисов, а за того человека — что государь укажет. А кой нас будет порутчик в лицах, на том государева пеня и порука и тот спорной человек Куземка. А на то послуси: Емельян Симонов сын Нефедьев. А запись писал Ивашко Яковлев лета 7100 тридесять осьмаго году. Назади у записи написано: Иван Рудин ручал Васильева человека Малыгина Куземку Денисова в статье и руку приложил и в князь Михайлово место Жирового руку приложил. Григорей Мусин ручал в статье и руку приложил. Князь Олексей ручал и руку приложил. Послух Емельяно и руку приложил.

(л. 32) Се яз, Александра Прохоров сын Воейков, да яз, Левонтей Петров сын Тучков, да яз, Кузьма Третьяков сын Кисловской, кашинец, да яз, Богдан Игнатьев сын Воейков, да яз, Иван Прокофьев сын Воейков, выручили есмя Холопья приказу у пристава, у Онтона Левашова, Ивана Прохорова сына Воейкова в том: ставитца ему, Ивану, за нашу порукою в Холопье приказе перед князем Иваном Федоровичем Волконским да перед дьяки, перед Ондреем Строевым да перед Иваном Кастюриным, по вся дни с суда, и с Москвы ему не съехать. А не учнет он, Иван, за нашу порукою в Холопье приказе ставитца по вся дни с суда или с Москвы съедет, и на нас, на поручикех, исцов иск Василья Михайлова сына Мольгина¹ по челобитной, кокова

¹ В подлиннике: «Мольгина» написано два раза.

челобитная у судного дела за дьячию приписью, и с того иску и с ево Иванова иску, что искал на нем, на Василье, государевы пошлины, и пересуд, и правой десяток. А кой нас поруччиков в лицах, на том исцов иск и с тех обеих исков государевы пошлины и порука. А на то послуши: Иван Жердев. А запись писал Ондрюшка Федоров лета 7138-го году.

На обороте: Олександр Воейков ручал и руку приложил с суда. Левонтей Тучков ручал и руку приложил и в Кузьмино место Кисловского. Иван Воейков ручал и руку приложил в Богданова места Воейкова. Послух Ивашко и руку приложил.

(л. 33) Се яз, Александра Прохоров сын Воейков, да яз, Богдан Игнатьев сын Воейков, да яз, Иван Прокофьев сын Воейков, да яз, Кузьма Третьяков сын Кисловской, кашинец, да яз, Левонтей Петров сын Тучков, выручили есмя Холопья приказу у пристава, у Онтона Левашова, Иванова крестьянина Воейкова, Игнатка Степанова сына Нурышкина, мима исца Василья Михайлова сына Малыгина и мима ответчика Ивана Прохорова сына Воейкова в том: ставитца ему, Игнатку, за нашу порукою в Холопье приказе перед князем Иваном Федоровичем Волконским да перед дияки, перед Ондреем Строевым да перед Иваном Костюриным, по вся дни с суда, и с Москвы ему не съехать. А не учнет он, И[г]нашка, за нашу порукою в Холопье приказе ставитца по вся дни с суда или с Москвы съедет, и на нас, на поруччикех, тот Игнашка, а за того Игнашка, что государь укажет. А кой нас, поруччиков, в лицах, на том и порука. А на то послуши: Иван Жердев. А запись писал Ондрюшка Федоров лета 7138-го году.

На обороте: Олександр Воейков Иванова крестьянина ручал и руку приложил. Левонтей Тучков ручал и руку приложил и в Кузьмино место Кисловского. Иван Воейков ручал и руку приложил в Богданова места Воейкова. Послух Ивашко и руку приложил.

(л. 34) И князь Иван Федорович и дьяки Ондрей Строев да Иван Костюрин, выслушев записи, велели взять к делу, а на Игнашковых порутчиков велели дать выпись, что им поставить против кабальной выписки к осмотру. И выпись приставу Онтону Левашову с поручной записи дана, что ево Игнашкиным порутчиком поставить ево, Игнашку, в Холопей приказ против кабальной выписки к осмотру.

XVI. — 1630 г. августа 17. Осмотр Кузьмы Михайлова против кабалы Василия Малыгина в присутствии поручителей.

И августа в ...день князь Иван Федорович Волконской да дьяки Ондрей Строев да Иван Костюрин сего судного дела Василья Малыгина с Иваном Воейковым в человеке в Куземке Михайлове слушали и приговорили против Васильевой кабалы Малыгина ево Куземкиным порутчиком, Ивану Рудину с товарищи, поставить к досмотру и против кабалы велели (л. 35) того человека Куземку осмотреть в рожей и в приметы. И августа в 17-й день тот человек Куземка в Приказе холопья суда ставлен и против Васильевы кабалы в рожей и в приметы осматриван. И по осмотру князя Ивана Федоровича Волконскаго да дьяков Ондрея Строева да Ивана Костюрина тот человек Куземка в рожей и в приметы сшолся против Васильевы кабалы Малыгина.

XVII. — 1630 г. августа 18. Приговор: отдать Кузьму Михайлова и Игнатия Степанова Василию Малыгину.

138-го августа в 18-й день приговорили того спорного человека Куземку отдать ответчику Василию Малыгину по ево Куземкиной служилой кабале попрежнему в холопство и потому, что он в рожей и в приметы сшолся.

(л. 36) И августа в 18-й день князь Иван Федорович Волконской да дьяки Ондрей Строев да Иван Костюрин сего судного дела Василья Малыгина с Иваном Воейковым в Игнашке Степанове сыне и в жене

ево, в Оринке, да в Куземке Михайлове сыне и в жене ево, в Котеринке, и в детех в Овдокимке да в Сеньке да в дочери в Лукерьице. слушели и приговорили тех людей отдать Василью Малыгину — потому. В нынешнем во 138-м году апреля в 20-й день искал ярославец Василей Малыгин на человеке своем, на Игнашке Степанове, холопства и положил на того человека, на Игнашку, служилую кабалу 132-го году; а имана та кабала на Москве в Приказе холопья суда, и из кабальных холопских книг 132-го году та кабала на того человека, на Игнашку Степана (л. 37) ва выписано; и против кабальных книг тот человек в рожей и в приметы осматриван; и по осмотру тот человек Игнашко против кабалы в рожей и в приметы сшолся; и потому приговорили того человека Игнашка з женою ево отдать Василью Малыгину. А Ивану Воейкову приговорили в том человеке отказать — потому. Как искал на том человеке, на Игнашке, холопства Василей Малыгин, и он, Иван Воейков, в ответе назвал того человека своим крестьянином, а сказал, будто тот человек бежал от него из крестьянства во 127-м году, а пришел к нему во 134-м году; а тово он не сказал, что ево челобитье о том в те годы было ль; а того было по ево Иванову скаске 7 лет, а по государеву указу, от которого и прямой чей крестьянин збежит, а челобитья не будет 5 лет, и тем велено исцом отказывать; и потому приговорили того человека Игнашка з женою отдать по кабале Василью Малыгину, а Ивану Воейкову отказать. А Куземку Михайлова приговорили отдать Василью Малыгину — потому. В нынешнем же во 138-м мая в 29-й день, как искал на том человеке, на Куземке, Иван Воейков холопства, а крепости никакие не положил, а за того человека, за Куземку, отвечал Василей (л. 38) Малыгин, а сказал, что тот человек Куземка ево Васильев кабальной, а у Ивана Воейкова не служивал; да положил Василей Малыгин на того человека, на Куземку, служилую кабалу 134-го году, а имана та кабала на Москве в Приказе холопья суда, а в кабале написан старинной ево Васильев; и против той кабалы из кабальных книг тот человек в рожей и в приметы выписано и осматриван; и по осмотру тот человек Куземка против кабальных книг в рожей и в приметы сшолся ж; и потому приговорили тех людей отдать Василию Малыгину. А Ивану Воейкову приговорили в том человеке отказать, что он на того человека крепости никакой не положил, а слался на явки 118-го году, и тех явок 118-го в Холопье приказе нет, и сыскать про то нечим; да он же Иван слался на вяземские писцовые книги Василья Вольнского, будто тово Куземки дед Горяинко Кузьмин написан в тех книгах в отца его поместье; а того Иван не написал в своей ссылке — человеком ли у отца его написан или крестьянином; (л. 39) да он же Иван слался на Вяземской уезд, что будто того Куземкина деда Дениска Кузьмина сына, прозвище Горяинка, знали; а холоп Куземка в допросе сказывал, что у него дед был Денис Васильев сын, прозвище Жук, а не Кузьмин сын, прозвище Горяинко; и потому вяземскими книгами и обыском сыскать не довелось, в сылках ево Ивановых написано не подлинно, — и то знатно, что тот старинной и кабальной холоп Василья Малыгина, а не Ивана Воейкова. А что искал Василей Малыгин на Иване Воейкове сносных животов 30-ти дву рублей с полтиною, и что искал Иван Воейков на Василье Малыгине 25-ти руб., и в тех исках приговорили учинити веру, крестное целованье, потому что опричь веры сыскать нечим. И велели недельщику исца и ответчика и спорных людей к скаске поставить и сесь им приговор велели сказать.

XVIII. — 1630 г. сентября 2. Память приставу: доправить Игнатия Степанова на его поручителях; Игнатий Степанов поставлен в приказе.

И сентября в 2-ой день князь Иван Федорович Волконской да дьяк Ондрей Строев да Иван Костюрин велели на Игнашковых перугчиков

дать выпись. И выпись такова дана, а в выписи пишет. — (л. 40) Лета 7139-го сентября в ... день. По государеву цареву [т.] указу память приставу Онтону Левашову. Доправити ему спорнова человека (*зачеркнуто*: на Игнашковых (*зачеркнуто*: порутчикех) Степанова сына Нурышевского, что в споре у Ивана Воейкова с Васильем Малыгиным на ево Игнашковых порутчикех, на Александре Прохорове сыне Воейкове, на Богдане Игнатеве сыне Воейкове, на Иване Прокофьеве сыне Воейкове, на Кузьме Третьякове сыне Кисловском, на Леонтье Петрове сыне Тучкове, что ручались оне по нем, Игнашке, с суда в статье; а доправя, того человека Игнашка поставить ему в Приказе холопыя суда перед князем Иваном Федоровичем Волконским, да перед дьяки, перед Ондреем Строевым да перед Иваном Костюриным, по судному делу к вершению, к отдаче.

И сентября в 2-й день спорнова ч[еловека]¹ Игнашковы порутчики ево, Игнашку, поставили, и тот ч[еловек]¹ отдан п[риставу]² Онтону Левашову.

XIX. — 1630 г. сентября 22—23. Приговор сказан, и холопы отданы Василию Малыгину.

(л. 41) И сентября в 22-й день Василию Малыгину и Иванову порутчику Воейкова, Кузьме Кисловскому, приговор сказан, и те люди, Игнашка Степанов сын и Куземка Михайлов сын Денисов, Василию Малыгину отданы, и головных пошлин у Василия Малыгина с тех людей, с-Ыгнашка Степанова и с Куземки Михайлова, по 3 алт. с человека, и обоего 6 алт. взято³ и в приходную книгу нынешняго 139-го сентября в 23-й день записаны.

XX. — 1630 г. сентября 26. Отсрочная челобитная Василия Малыгина по делу о детях присужденного ему холопа Игнатия Степанова и по иску о сносе; поручная запись по челобитчике.

И сентября в 26-й день князю Ивану Федоровичу Волконскому да дьяком Ондрею Строеву да Ивану Костюрину подал о сроке челобитную Василий Малыгин, а в челобитной пишет. — (л. 42) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, Ярославля Большого Васька Михайлов сын Малыгин. В прошлом, государь, во 138-м году искал я, холоп твой, в Холопье приказе перед князем Иваном Федоровичем Волконским и перед дьяки на Иване Прохорове сыне Воейкова беглово своего кабального человека Игнашки Степанова з женою и з детьми да сносу 20-ти дву рублей с полтиною, а он, Иван, искал, поклепав на-прасно, на моем же старинном на кабальном человеке, на Куземке Михайлове з женою и з детьми, холопства да сносу 25-ти руб. И по твоему государеву указу и по суду те мои люди, Игнашко и Куземка, отданы мне попрежнему в холопство; а Игнашкины дети, сын ево Ромашко да дочь ево Марьца, мне не отданы, потому что те Игнашкины дети живут в Тверском уезде в-Иванове поместье Воейкова. А в сносах нам по судному делу приговорена вера, крестное целованье. А ныне велено мне быть на твоей государеве службе в Вязьме на срок сентября двадцатое число, а я, холоп твой, и по ся места за тем делом волочился на Москве. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне в тех крестных целованье⁴ для своей государевы вяземские службы отсрочить и челобитную мою к делу взять. Царь государь, смилуйся.

На обороте помета: 139-го сентября в 26-й день. Взять к делу.

¹ В подлиннике только буква «ч».

² В подлиннике только буква «п».

³ Взято — помечено дьяком.

⁴ Так в подлиннике.

А ему отсрочить для вяземские службы, а по нем взять поручная запись.

(л. 43) И князь Иван Федорович и дьяки Ондрей Строев да Иван Костюрин, выслушев челобитную, велели приклеить к делу, а Василья Молыгина велели дать на поруку, как ему, Василью, вяземская служба минетца. И пристав Онтон Левашов по Василье Малыгине подал поручную запись, а в записи пишет. — (л. 44) Се яз, Дружина Поярков сын Черной, да яз, Тимофей Богданов сын Побединской, да яз, Дмитрий Поярков сын Чорной, да яз, Костянтин Григорьев сын Малыгин, да яз, Богдан Федоров сын Побединской, выручили есми Приказу холопья суда у пристава, у Онтона Левашова, ерославца сына боярского Василья Михайлова сына Малыгина в том, что стати ему за нашею порукою у креснова целованья, что он, Василей, искал в прошлом во 138-м году в Холопье приказе перед князем Иваном Федоровичем Волконским и перед [дъ]яки на Иване Прохорове сыне Воейкове беглова своего человека кабального Игнашки Степанова з женою и з детьми, да сносу 30-ти дву рублей с полтиною; а он, Иван, искал на Васильеве старинном и на кабальном человеке, на Куземке Михайлове, з женою и з детьми холопства да сносу 25-ти руб.; и по государеву указу по судному делу те люди Игнашка и Куземка отданы ему, Василью, попрежнему в холопство; и ему, Василью, стати за нашею порукою на отсрочной срок здесь на Москве у креснова целованья, как государева вяземская служба минетца, и воеводы с конь ссядут. месяц спустя. А не станет он, Василей, за нашею порукою у креснова целованья на отсрочной срок, как государева вяземская служба минетца, месяц спустя, и он, Василей, иску своего лишен, да на нем же, Василье, встречной иск Ивана Воейкова, 25 руб., и с тех с обеих исков государевы пошлыны, и пересуд, и правой десяток. А кой нас будет поручиков в лицах, на том и порука. А на то послуши: Алексей Тимофеев сын, казанец. А запись писал Фетька Быков лета 7139-го году.

На обороте: Дружина Черной Василья на отстрошной строк хресному целованью ручал и в брата своего Дмитриеево место Чорного руку приложил. Богдан ручал Василья Михайлова сына Малыгина на отсрочной срок к кресному целованью и в Костентиново место Малыгина и в Тимофеево место Побединского по их веленью руку приложил. Послух Алешка руку приложил.

(л. 45) И князь Иван Федорович и дьяки Ондрей Строев да Иван Костюрин, выслушев поручную запись, велели приклеить к делу.

XXI. — 1631 г. марта 5. Челобитная Василия Малыгина: учинить указ по делу о детях Игнатия Степанова и дать выпись к крестному целованью по иску о сносе.

И марта в 5-й день князю Ивану Федоровичю Волконскому да дьяку Ондрею Строеву Василей Малыгин подал челобитную, а в челобитной пишет. — (л. 46) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, Ерославля Большого Васька Михайлов сын Малыгин. В прошлом, государь, во 138-м году искал я в Холопье приказе перед князем Иваном Федоровичем Волконским и перед дьяки на Иване Прохорове сыне Воейкове беглово своего кабального человека Игнашки Степанова з женою и з детьми да сносу 30-ти дву рублей с полтиною; а он, Иван, искал, поклепав напрасно, на моем же старинном на кабальном человеке, на Куземке Михайлове, з женою и з детьми холопства да сносу 25-ти руб. И по твоему государеву указу и по суду те мои люди Игнашко и Куземко отданы мне попрежнему в холопство; а Игнашкины дети, сын ево Ромашко да дочь ево Марьица, мне, холопу твоему, не отданы, потому что те Игнашкины дети живут в Тверском уезде в Иванове поместье Воейкова. А в сносех нам по судному делу приговорена нам вера, крестное целованье. И в те поры мне, холопу твоему, в тсм

деле для вяземские службы отсрочено, и ныне мне вяземская служба миновалась. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего вели, государь, мне в тех Игнашкиных детех свой государев указ учинить, а в сносах вели, государь, нам дать выпись х крестному целованью и челобитье мое записать. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 139-го марта в 5-й день. Взять к делу и положить на стол.

(л. 47) И князь Иван Федорович и дьяк Ондрей Строев, выслушев челобитную, велели приклеить к делу.

XXII. — 1631 г. марта 9. Челобитная Василия Малыгина: учинить ему срок в статье к крестному целованью по иску о сносе.

И марта в 9-й день князю Ивану Федоровичю и дьяку Ондрею Строеву Василей Малыгин подал челобитную, а в челобитной пишет. — (л. 48) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, Ярославля Большаго Васька Михайлов сын Малыгин. В прошлом, государь, во 138-м году искал я, холоп твой, в Холопье приказе на Иване Прохорове сыне Воейкове беглого своего кабального человека Игнашки Степанова з женою и з детьми да сносу 30-ти дву рублей с полтиною; а он, Иван, искал поклепав напрасно, на моем же на старинном и кабальном человеке, на Куземке Михайлаве, з женою и з детьми, холопства да сносу 25-ти руб. И по твоему государеву указу и по суду те мои люди Игнашко и Куземка отданы мне попрежнему в холопство; а Игнашкины дети, сын ево Ромашко да дочь Марьица, мне, холопу твоему, не отданы, потому что те Игнашкины дети живут в Тверском уезде в Иванове поместье Воейкова. А в сносах нам по судному делу приговорена вера — крестное целованье; и мне, холопу твоему, в кресном целовании для твоей государевы вяземские службы отсрочено; и ныне мне, холопу твоему, вяземская служба минулась. А по мне, холопе твоему, взята поручная запись, как мне, холопу твоему, твоя государева вяземская служба минетца, и мне, холопу твоему, стать у креснова целования; и ныне, государь, креста не целуют. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне учинить срок, как мне, холопу твоему, кресному целованью стать, и вели, государь, челобитье мое записать. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 139-го марта в 9-й день. Взять к делу.

(л. 49) И князь Иван Федорович и дьяк Ондрей Строев, выслушев челобитную, велели приклеить к делу.

XXIII. — 1631 г. марта 15. Челобитная Василия Малыгина: учинить ему вновь срок в статье к крестному целованью.

И марта в 15-й день князю Ивану Федоровичю и дьяку Ондрею Строеву Василей Малыгин подал челобитную, а в челобитной пишет. — (л. 50) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, Ярославля Большова Васька Михайлов сын Малыгин. В прошлом, государь, во 138-м году искал я, холоп твой, в Холопье приказе на Иване Прохорове сыне Воейкове беглова своего кабальнова человека Игнашки Степанова з женою и з детьми да сносу 30-ти дву рублей с полтиною; а он, Иван, искал, поклепав напрасно, на моем же на старинном и кабальном человеке, на Куземке Михайлове, з женою и з детьми холопства да сносу 25-ти руб. И по твоему государеву указу и по суду те мои люди Игнашка и Куземка отданы мне попрежнему в холопство; а Игнашкины дети, сын ево Ромашко да дочь Марьица, мне, холопу твоему, не отданы, потому что те Игнашкины дети живут в Тверском уезде в Ивановом поместье Воейкова. А в сносах нам приговорена вера, кресное целованье. И мне, холопу твоему, в тех кресных целованье[х] для вяземские службы отсрочено; и ныне нам, холопом твоим, веземская служба минулась, и холоп я твой, у креснова

целованья стал; и по твоему государеву указу мне, холопу твоему, в кресном целованье отказано, потому что креста целовать ныне не велено. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне в тех кресных целованьях учинить срок, как мне стать у кресново целованья, чтоб мне, холопу твоему, про то ведомо было. Царь государь смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 139-го марта в 15-й день. Взять к делу и посрочить к крестному целованью.

XXIV. — 1631 г. марта 20. Память приставу: поставить поручителей Ивана Воейкова к вершению дела.

(л. 51) И князь Иван Федорович и дьяк Ондрей Строев, выслушев челобитную, велели приклеить к делу; а Ивановых порутчиков Воейкова велели поставить к скаске; и выпись приставу Семену Гарасимову такова дана, а в выписи пишет. — Лета 7139-го марта в 20-й день. По государеву [т.] указу память приставу Семену Гарасимову. Сыскав, поставити ему в Приказе холопья суда перед князем Иваном Федоровичем Волконским да перед дьяком, перед Ондреем Строевым, Ивановых (л. 52) порутчиков Прохорова сына Воейкова, Александро Прохорова сына Воейкова, Леонтья Петрова сына Тучкова, Кузьму Третьякова сына Кислова, Богдана Игнатьева сына Воейкова, Ивана Прокофьева сына Воейкова, по судному делу к вершению, к скаске, с ярославцом с Васильем Малыгиным.

XXV. — 1631 г. марта 31. Челобитная Василия Малыгина: Иван Воейков своего человека, которому крест целовать, не ставит, — учинить указ.

И марта в 31-й день князю Ивану Федоровичу и дьяку Ондрею Строеву Василей Малыгин подал челобитную, а в челобитной пишет. — (л. 53) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, Ярославля Большева Васька Михайлов сын Малыгин. В прошлом, государь, во 138-м году искал я, холоп твой, в Холопье приказе на Иване Прохорове сыне Воейкове беглова своего кабального человека Игнашку Степанова з женою и з детьми да сносу 30-ти дву рублей с полтиною; а он, Иван, искал, поклепав напрасно, на моем же старинном и кобальном человеке, на Куземке Михайлове, з женою и з детьми холопства да сносу 25-ти руб. И по твоему государеву указу и по суду те мои люди Игнашко и Куземка отданы мне попрержному в холопство, а дети ево, Игнашкины, мне не отданы, потому что оне живут в Тверском уезде в-Бланове поместье Воейкова. А я, холоп твой, в ту пору был послан на твою государеву службу Вязьму. А в сносах нам по судному делу приговорена вера, хрестное целованье; и мне, холопу твоему, в хрестном целованье было для вяземския службы отсрочено. И как, государь, вяземская служба минулась, и я, холоп твой, на срок хрестному целованью стал, и челобитье мое в Холопье приказе записано. А Иван, государь, Воейков ныне в Нижнем Новгороде на воеводстве; а как поехал в Нижней на воеводство, и он тебе, государю, в том деле об строке не бивал челом, и челобитной у него у того нашего суднова дела в Холопье приказе и по ся место нет. А которому, государь, ево Иванову человеку в моем иску целовать хрест, и тот, государь, ево человек в Приказе холопья суда к хрестному целованью не ставитца; а я, холоп твой, за тем делом волочюсь на Москве без съезду другой год, с проести и с волокиты вконец погиб и юртишка своего отбыл. Милосердый государь [т.], пожалуй, меня, холопа своего, вели, государь, мне в том деле с ним, Иваном, свой царской указ учинить по своему государеву уложению, чтоб мне, холопу твоему, от ево Ивановы волокиты вконец не погибнуть и впредь бы твоей царской службы не отбыть. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 139-го марта в 31-й день. Поставить Ивановых порутчиков, а им поставить того человека, кому крест целовать.

XXVI. — Того же дня. Пристав поставил поручителей Ивана Воейкова; приговор: дать их на поруку — поставить на срок человека к крестному целованью.

(л. 54) И марта в 31-й день пристав Семен Гарасимов поставил Ивановых порутчиков Прохорова сына Воейкова, Богдана Игнатьева сына Воейкова да Ивана Прокофьева сына Воейкова, к скаске х крестному целованью. И князю Ивану Федоровичю и дьяку Ондрию Строеву били челом словом Богдан и Иван Воейковы, а сказали: Иван де Прохоров сын Воейков послан для государева дела в Нижней Новгород на воеводство, а которому де было человеку крест целовать, и тот де человек жил на Москве; и как де Василью Малыгину отсрочено было для вяземские службы, и оне де того человека послали в Нижней к Ивану Прохорову сыну Воейкову, и ныне де тот человек в Нижнем, и чтоб де им велели дать сроку по государеву указу. И князь Иван Федорович и дьяк Ондрей Строев речи их велели записать, а Ивана Прокофьева сына Воейкова и Богдана Воейкова велели дать на поруку, что им поставить человека х крестному целованью, и велели им дать сроку до Нижнева по уложению на 5 недель марта с 31-го числа и взять по ним в том человеке, которой написан в суде крест целовать, поручная запись.

XXVII. — 1631 г. апреля 1. Челобитная Василия Малыгина: отсрочить ему ставку к крестному целованью на тот же срок, как и поручителям Ивана Воейкова.

(л. 55) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, Ярославля Большее Васька Михайлов сын Малыгин. В прошлом, государь, во 138-м году искал я, холоп твой, в Холопье приказе на Иване Прохорове сыне Воейкове беглова своего кобального человека Игнашки Степанова з женою и з детьми, да снесу 30-ти рублей с полтиною, а он, Иван, искал, поклепав напрасно, на моем же старинном и кобальном человеке, на Куземке Михайлове, з женою и з детьми холопства да снесу 25-ти руб. И по твоему государеву указу и по суду те мои люди Игнашки и Куземко отданы мне попрежному в холопство, а дети ево Игнашкины мне не отданы, потому что оне живут в Тверском уезде в-Иванове поместье Воейкова, а я, холоп твой, в ту пору был послан на твою государеву службу в Вязьму. А в сносах нам по судному делу приговорена вера, хрестное целованье; и мне, холопу твоему в крестном целованье для твоей государевы службы отсрочено; и как, государь, служба вяземская нам, холопом твоим, минулась, и я, холоп твой, х крестному целованью на срок стал, и челобитье мое в Холопье приказе записано; а Иван, государь, Воейков ныне в Нижнем Новгороде на воеводстве. А как он, Иван, поехал в Нижней на воеводство, и он тебе, государю, об том деле, об остроке, не бивал челом, и челобитной ево у того нашего суднова дела в Холопье приказе нет и по ся место; а которому, государь, ево Иванову человеку целовать хрест в моем иску. и тот, государь, ево человек в Приказе холопья суда к хрестному целованью не ставитца. И порутчики, государь, ево Ивановы в Приказе холопья суда ставлены, и речи их записаны; а в речах, государь, оне сказали, что де, государь, тот Иван ныне в Нижнем Новгороде на воеводстве — и тот де ево Иванов человек, которому было у меня в моем иску крест целовать; и им, государь, порутчиком Ивановым, по твоему государеву указу дали сроку до Нижнего поверстно на 5 недель. А я, холоп твой, за тем делом волочюсь здесь на Москве без съезду другой год, с проести и с воло-

киты вконец погиб. Да нам же, холопом твоим, по твоему государеву указу велено быть на твою государеву службу готовым и запасы велено пасти. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, челобитье мое записать и сю челобитную мою к делу взять. А как, государь, тем поручником по твоему государеву указу срок придет, и та 5 недель минетца, и я, холоп твой, тебе, государю, в том крестном целованье тогда буду бить челом о указе. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 139-го апреля в 1-й день. Взять к делу. И будет дан поручником в человеке срок, и по то число и ему отсрочить.

(л. 56) И князь Иван Федорович и дьяк Ондрей Строев, выслушев челобитную, велели приклеить к делу, а ему, Василью Малыгину, велели отсрочить на 5 недель по то же число, что дано сроку в человеке, кому крест целовать, Ивановым поручником Воейкова, Богдану Воейкову да Ивану Воейкову же.

XXVIII. — 1631 г. мая 12—13. Поручителям Ивана Воейкова ставка к крестному целованью отсрочена еще на 2 недели.

И мая в 12-й день посрочено Ивановым поручником Воейкова, Богдану да Ивану Воейкову, к крестному целованью: первая ставка мая в 13-й день. И мая в 13-й день Василей Малыгин и Богдан да Иван Воейковы у крестнова целованья были и отсрочили на 2 недели.

Скрепа на обороте по составам лл. 1—6, 7—34, 39—45; Дяк Иван Костюрин; начинается слогом «рин» вверху л. 1; на лл. 15 и 34 переходит на лицо. По составам лл. 6, 7, 34—39, 45—56: Дяк Ондрей Строев; на лл. 7, 39, 56 скрепа переходит на лицо.

Опись № 25, столбец № 40482. I — л. 1; II — л. 2; III — лл. 3, 4; IV — лл. 4, 5; V — лл. 6, 7; VI — лл. 7 — 9; VII — лл. 9 — 11; VIII — лл. 11 — 15; IX — лл. 15 — 17; X — лл. 17 — 21; XI — лл. 21 — 25; XII — лл. 25 — 27; XIII — лл. 27 — 29; XIV — л. 29; XV — лл. 30 — 34; XVI — лл. 34 — 35; XVII — лл. 35 — 39; XVIII — лл. 39, 40; XIX — лл. 41; XX — лл. 41 — 45; XXI — лл. 45 — 57; XXII — лл. 47 — 49; XXIII — лл. 49, 50; XXIV — лл. 51, 52; XXV — лл. 52, 53; XXVI — л. 54; XXVII — лл. 55, 56; XXVIII — л. 56. Начало и конец дела утрачены.

№ 19. — 1630 г. сентября 15 — декабря 21. Судное дело перед князем Иваном Федоровичем Волконским и дьяками Андреем Строевым и Иваном Костюриным о холопах, Давыде Игнатьеве, его жене Анне Михайловой дочери, прозвище Досадка, детях их и пасынках Давыди; истец — мещерянин Федор Посников сын Москотиньев, ответчик — мещерянин Рахманин Васильев сын Вышеславцев.¹

I. — 1630 г. сентября 15. Василий Москотиньев, который был в третьих у своего брата Федора Москотиньева, поставлен в Приказе холопного суда.

(л. 1) И князь Иван Федорович и дьяки Ондрей и Иван, выслушав Рохманиновы челобитные Вышеславцова, велели поставить третьево, Василья Москотиньева, а ему велели положить свой третейской приговор. И сентября же в 15-й день третей, Василей Москотиньев, в Приказе холопья суда поставлен и сказал: в третьих де он у Рохманина Вышеславцова с Федором Москотиньевым были и приговор свой правому на виноватого дали. И князь Иван Федорович и дьяки Ондрей Строев да Иван Костюрин речи ево Васильевы велели записать и велели поставить Федора Москотиньева и положить ему третейской приговор, что дал ему третей, Василей Москотиньев.

II. — 1630 г. сентября 18. Федор Москотиньев подал третейский приговор от 1627 г. февраля 6.

И сентября же в 18-й день Федор Москотиньев подал третейской приговор, а в приговоре пишет. — (л. 2) Лета 7135-го февраля в 6-й

¹ Начало утрачено.

день третьей Василей Посников сын Москотиньев по судному делу и по третьей записи приговорил. Что искал Федор Москотиньев на Рохманине Вышеславцове беглых своих людей, Давыдки Игнатьева да жены ево Анютки, а прозвище Досадки, да детей их, Якушка да Овдюшку, да пасынков Микифорка да Филимонка, да сносу 23-х руб. с полтиною, и ответчик Рохманин Вышеславцов положил на того человека кабалу сто тридесять фтораго году, а в кабале его написан Ондрюшкою, а не Давыдком; а тово не написано, которова города уроженцы или чье послужильцы; а старины на тех людей, где они родились и где жили по ево кабалу, не сказал. А истец Федор Москотиньев на тех людей положил кабалу сто фтораго на десять году и в том слался на старину, в том, что у исца, у Федора, жили в холопстве, на отцов и на матерей крестных того беглова человека, которые у него детей крестили, Якушка да Овдюшку, и на дядей родных, и на братью ево родных того Давыдки, и на мать ево родную тово Давыдки, и на сестру его родную, и на повальной обыск; и по государеву указу повальново обыску отводить не велено. И по той старой кабале в тех людех, и по материне, и братьев ево, и сестры его скаску по старине, и по ево Федоровой душевной скаске стал истец Федор Москотиньев прав в тех людех и в сносе, а ответчик Рохманин Вышеславцов в тех людех, в Давыдке Игнатьеве и в жене ево Анютке, прозвище в Досадке, и в детех их, в Якушке да в Овдюшке, и в пасынках их, в Микифюрке да в Филимонке, и в сносе в 20-ти в 3-х руб. с полтиною стал виноват, потому что кабала ево нова, а старины он на тех людей никакие не сказал, а родству их отводу не дал, — и он в том стал виноват же; а в записи у нас написано, что сыскивать стариною. Да истец бил челом словом: хочет ли де он быть тем прав, что де ево зовут Ондрюшкою, а не Давыдком. И ответчик сказал: как де ево зовут, так де и в кабале написан. И мы тово человека велели (л. 3) поставить к допросу перед собою; и он нас не послушал и тово человека перед нами к допросу не поставил, — и то ему вина же. Да истец же слался на старину, на мать тово человека, и на братью, и на сестру, и на отцов, и на матерей крестных; и он, узнав свою вину, слался в послушество и в правду по государеву [т.] кресному целованью ничево не сказал и душевные скаски мне, третьему, не дал, — и в том он виноват же. И я, Василей Москотиньев, исцу, Федору Москотиньеву, и приговор дал. А приговор писал Микитка Михайлов сын Ситников. — И князь Иван Федорович и диаки Ондрей Строев да Иван Костюрин, выслушав третьейского приговору, что подал Федор Москотиньев, велели взять к делу.

На обороте: 139-го сентября в 18-й день. Подал Федор Москотиньев.

По сставу на об. лл. 2 и 3, конец на лице л. 3 под текстом, рукоприкладство: К сему приговору третьей Василей Москотиньев руку приложил.

III. — 1630 г. сентября 21. Челобитная Рахманина Вышеславцева об указе по его делу о спорных холопах с Федором Москотиньевым.

И сентября в 21-й день Рохманин Вышеславцов подал челобитную, а в челобитной ево пишет. — (л. 4) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, мещеренин Рохманинка Васильев сын Вышеславцов. Были, государь, у нас, холопей твоих, у меня, у Рохманинка, да у Федора Москотиньева третье, Алексей Мамлеяв сын Мальцов да Василей Посников сын Москотиньев; и нас они, холопей твоих, те третье судили; и на суду я, холоп твой, перед теми третьими кабалу свою объеви, и списак с кабалы те третье у меня взяли и г делу судному приклеили. А тот Федор Москотиньев искал на мне старинных людей, и после ста-

рины искал кабальных, и кабалы третьим своим, Алексею да Василью, не объеви, и на книги здесь в Холопье приказе не слался; и те третье ему, Федору, многия сроки давали, и он кабалы не объеви, жа; а у суднова дела кабалы нет жа. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, дела и приговору послушать и по делу, государь, вели свой царской указ учинить. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 139-го сентября в 21-й день. Взять к делу и положить дело на стол.

(л. 5) И князь Иван Федорович и диаки Ондрей Строев да Иван Костюрин, выслушав Рохманиновы челобитные Вышеславцова, велели взять к делу и положить дело на стол.

IV. — 1630 г. сентября 25. Приговор: по третейскому приговору Алексея Мальцова — ответчика Рохманина Вышеславцева оправить, а Федора Москотиньева обвинить; в сносе учинить крестное целованье.

139-го сентября в 25-й день приговорили по тре[те]йскому приговору Олексея Мальцова ответчика Рохманинова Вышеславцова оправить, потому что тот приговор тре[те]й дал против судново дела; а исца Федора Москотиньева обвинить и в тех людех ему отказать: третей, брат ево родной Василий Москотиньев, дал ему приговор мимо судново их третейского дела; того и в суде не написано, а он приговор свой писал, будто кабалу Федор клал; а в сносе учинить вера, крестное целованье.

139-го сентября в 25-й день князь Иван Федорович Волконский да дьяки Ондрей Строев да Иван Костюрин сего третейского судного дела и приговоров слушали и приговорили ответчика Рохманина Вышеславцова в спорных людех, (л. 6) в Ондриюшке Игнатъеве з женою ево Анюткою Михайловою дочерью и з детьми, с Янкою да с Овдюшкою, по третейскому приговору Олексея Мальцова оправить и ево, Ондриюшку з женою и з детьми, по кабале отдать Рохманину Вышеславцову; а истца, Федора Москотиньева, приговорили в том человеке з женою и з детьми обвинить и в том человеке ему отказать, потому что третей, его Федоров брат родной Василий Москотиньев, дал ему, Федору, свой третейской приговор не против их судново третейского дела; того и в суде не написано, а он третей, Василий Москотиньев, в приговор свой написал, что будто Федор Москотиньев клал на тех людей кабалу. (л. 7) А в другом третейском приговоре Олексея Мальцова, каков он тот свой приговор дал Рохманину Вышеславцову, написано, что будто истец, Федор Москотиньев, сказал в суде перед ними, третьими, на тех людей служилую кабалу; а тое подлинныя кабалы и с нее списка перед ними не положил; и они, третье, велели ему, Федору, положить тое кабалу на срок, страстные недели в среду 132-го году, и велели ему по тое кабалу послати человека своего, а самому ездити по тое кабалу ему не велели; и он, Федор, тое кабалы на тот срок перед ними, третьими, не положил; а положил де он, Федор, кабалу того же 132-го году августа в 19-й день, после сроку многое время спустя. А в суде ответчик Рохманин бил челом, что он, Федор, на суд идет, а кабалы и с кабалы списка с собою не несет; а откладывает де он, Федор, нарочно вдаль, что хочет на тех людей он, Федор, кабалу нарядить; и той (л. 8) его Федоровой кабалы верить нечему, что он в суде и после суда на срок перед третьими не положил, а положил после сроку спустя многое время, — и то знатно, что он тое кабалу нарядил, и та кабала вперед ему на тех людей не в кабалу. И потому он, Федор Москотиньев, в тех людех виноват, а ответчик, Рохманин Вышеславцов, в тех людех прав, потому что третей ево, Алексей Мальцев, дал ему, Рохманину, свой третейской приговор против судново третейского дела; и тот приговор ему, Рохманину, в приговор; а

Федоров приговор Москотиньева, что ему, Федору, дал свой приговор брат ево, Василей Москотиньев, не в приговор, (л. 9) что он, Василей, дал ему, Федору, тот свой третейской приговор по свойству мимо судново третейского дела. А что он, Федор, с теми людьми искал на Рохманине Вышеславцове того человека пасынков, Микифорка да Филимонка, и в тех людех приговорили ему, Федору, по тому же третейскому приговору Олексея Мальцова отказать же, потому что он, Олексей, по судному делу и по тому своему третейскому приговору ево, Федора, обвинил во всех людех, и вперед ему до них в холопстве дела нет, и ничем ему не крепки; а крепки они вперед по тому третейскому приговору Олексея Мальцова Рохманину Вышеславцову, что тот ево Олексеев приговор написан против судново их третейского дела, а Василий Москотиньев свой третейской приговор дал ему, Федору, по свойству мимо судново их третейского дела, — и потому ему, Федору, приговорили во всех людех отказать. А что он, Федор, с теми людьми искал на Рохманине Вышеславцове сносу своего на 20 руб. с полтиною, и в том приговорили учинити (л. 10) им веру, крестное целованье, — потому что, опроче веры, сыскати про то нечим, и указу меж их учинити в том без веры не мочно; а крест целовать в том иску истца Федорову человеку Москотиньева, Миньке Иванову. И сесь приговор истцу и ответчику велели сказати.

V. — 1630 г. сентября 29. Приговор истцу и ответчику сказан, спорные кабальные люди отданы Рохманину Вышеславцову.

И сентября же в 129-й день сесь приговор истцу, Федору Москотиньеву, и ответчику, Рохманину Вышеславцову, сказан; и те спорные люди, Ондрюшка Игнатьев з женою ево с Анюткою Михайловою дочерью и з детьми ево, с Янкою да с Овдюшкою, по третейскому приговору Олексея Мальцова и по кабале Рохманину Вышеславцову отданы, и головные пошлыны с них у него, Рохманина, по 3 алт. с человека, всего 12 алт., взяты и в приходную книгу нынешнего 139-го году сентября в 29-й день записаны.

VI. — Того же дня. Поручные записи по истце и ответчике: статья на отсрочный срок у крестного целованья в иску сноса.

Да по истце же, по Федоре Москотиньева, (л. 11) и по ответчике, по Рохманине Вышеславцове, велено пристава Бажену Шубину взять поручные записи на отсрочной срок, что им в Федорове иску Москотиньева, в 20-ти руб. с полтиною, стати у крестного целованья. И пристав Бажен Шубин подал по истце и по ответчике 2 поручные записи, а в записях пишет. (л. 12) — Се яз, Петр Васильев сын Алиев, мещеренин, да яз, Иван Тезиков сын Свищев, да яз, Григорей Иванов сын Мосолов, да яз, Олексей Андреев сын Игнатов, да яз, Василей Посников сын Москотиньев, выручили есмы Холопья приказу у пристава, у Бажена Шубина, мещеренина Федора Москотиньева в том, что ему за нашею порукою поставить на отсрочной срок, как государева служба минетца, и воеводы с конь [ссядут],¹ в Холопье приказе перед князем Иваном Федоровичем Волконским да перед дяки, перед Ондреем Строевым да перед Иваном Костюриным, х крестному целованью человека своего, которого на суде сказал, что он искал. А не поставит он, Федор, на тот на отсрочной срок человека своего к хрестному целованью, и он, Федор, иску своего лишен, и на нас, на порутчиках, с тово его иску государевы пошлыны и пересуд и правой десяток. А кой нас, порутчиков, в лицах будет, на том и пошлыны. А на то послуши: Варлам Кирилов. А запись писал Федька Никифоров лета 7100 тридесять девятого году.

¹ Слово «ссядут» внесено редакцией.

На обороте: Иван ручал Федора Москотиньева на отсрочной срок поставить человека к крестному целованью и в Григорьева и в Петрова места руку приложил. Василий Москотиньев ручал и в Олексеева места Игнатова руку приложил. Послух Варламко и руку приложил.

(л. 13) Список з записи слово в слово. Се яз, Алексей Малалеев сын Мальцов, да яз, Смирной Иванов сын Мальцов, мещеряня, да яз, Ортемей Микитин сын Скобелыцын, выручили есмя Холопья приказу у пристава, у Бажена Шубина, Рахманина Вышеславцова в том: ставитися ему за нашею порукою на отсрочной срок в Холопье приказе перед князем Иваном Федоровичем Волконским да перед дьяки, перед Ондреем Строевым да перед Иваном Костюриным, как государева служба минетца, воеводы с конь ссядут, месяц спустя и поставить ему х крестному целованью людей своих на тот срок. А не станет он за нашею порукою на тот отсрочной срок, которой в сей записи писан, в Холопье приказе и людей своих х крестному целованью не поставит, и на нас, на порутчиках, исцов иск Федора Москотиньева и с того иску государевы пошлыны, и пересуд, и правой десяток. А кой нас будет порутчиков в лицех, на том порука. А на то послуи: Маркел Семенов. А запись писал (л. 14) Осипко Ушагов лета 7139-го году. Да на той же записи назади подлинной написано: Ортемей ручал на отсрочной срок и руку приложил. Алексей ручал и руку приложил. Смирной ручал и руку приложил. Послух Маркелко и руку приложил. — (л. 15) И князь Иван Федорович и дьяки Ондрей Строев да Иван Костюрин, выслушав поручных записей, велели приклеить к делу.

VII. — 1630 г. ноября 29. Ставочная челобитная Рахманина Вышеславцева.

И ноября в 29-й день мещеренин Рохманин Вышеславцов подал ставочную челобитную, а в челобитной ево пишет. — (л. 16) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, мещеренин Рохманинко Вышеславцов. Взято, государь, судное дело у третьих Холопья суда в приказ, что у меня дело с Федором Посниковым сыном с Маскотиньевым; и в том судном деле, в сносе, учинена нам вера, крестное целованье, на срок, как государева служба минетца; и я, холоп твой, на срок стал на Москве в Холопье приказе, Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мое челобитье и ставку записать. Царь государь, смилуйся.

На обороте помета: 139-го ноября в 29-й день. Взять к делу и ставка ево записать.

И князь Иван Федорович и дьяки Ондрей Строев да Иван Костюрин, выслушав Рохманиновы челобитные Вышеславцова, велели взять к делу и ставка ево записать.

VIII. — 1630 г. декабря 3. Челобитная Рахманина Вышеславцова об указе: Федор Москотиньев на отсрочный срок не стал на Москве, и в том челобитчику чинятся убытки великие.

И декабря в 3-й день Рохманин Вышеславцов подал челобитную, а в челобитной пишет. — (л. 17) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, мещеренин Рохманинко Васильев сын Вышеславцов. Искал, государь, на мне мещеренин Федор Посников сын Москотиньев беглых людей да сносу 20-ти руб. с полтиною; и то судное дело третейское и приговоры взято к тебе, государю, к Москве в Холопей приказ. И по тому судному делу и по приговором меня, холопа твоего, в тех беглых людех оправили, а ево, Федора Маскотиньева, обвинили; а в сносе нам, холопом твоим, учинена вера, крестное целованье. И в том мы, холопи твои, даны на поруки на отсрочной срок стать на Москве, как твоя государева служба минетца; и я, холоп твой, на тот отсрочной срок на Москве стал, и ставка моя и челобитье записано; а тот Федор

Москотиньев живет в деревни, а к Москве, и по ся места не бывал, и меня, холопа твоего, здесь на Москве волочит, и харчи и убытки чинятца великие; а нам, холопом твоим, сказана твоя государева служба. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне в том свой царской указ учинить, чтоб я, холоп твой, с московской волокиды вконец не погиб и твоей бы царской службы впредь не отстал. Царь государь, смилуйся.

На обороте помета: 139-го декабря в 3-й день. Взять к делу.

(л. 18) И князь Иван Федорович и диаки Ондрей Строев да Иван Костюрин, выслушав Рохманиновы челобитные Вышеславцова, велели взять к делу.

IX. — 1630 г. декабря 8. Вторая челобитная Рахманина Вышеславцева об указе, аналогичная челобитной от 3 декабря.

И декабря же в 8-й день Рохманин Вышеславцов подал челобитную, а в челобитной пишет. — (л. 19) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, мещеренин Рохманинко Васильев сын Вышеславцов. Искал на мне, холопе твоём, мещеренин же Федор Посников сын Москотиньев беглых людей да сносу 20-ти руб. с полтиною; и то судное дело третейское и приговор взят к тебе, государю, к Москве в Холопей приказ; и по тому судному делу [меня, холопа твоего, в тех беглых людех оправдали, а ево, Федора, обвинили; а в сносе нам, холопом твоим, учинена вера, крестное целованье. И в том мы, холопи твои, даны на поруку на отсрочной срок стать на Москве, как твоя государева служба минетца; и я, холоп твой, на тот отсрочной срок на Москве стал, и ставка моя и челобитье записано; а тот Федор Москотиньев живет в деревне, а к Москве и по ся места не бывал; а меня, холопа твоего, на Москве волочит, и харчи и убытки чинятца великие; а нам, холопом твоим, сказана твоя государева служба. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне в том свой царской указ учинить, чтоб я, холоп твой, с московской волокиты вконец не погиб, и твоей бы царские службы впредь не отбыть. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 139-го декабря в 8-й день. Взять к делу.

(л. 20). И князь Иван Федорович и диаки Ондрей и Иван, выслушав Рохманиновы челобитные Вышеславцова, велели взять к делу.

X. — 1630 г. декабря 15. Третья челобитная Рахманина Вышеславцева об указе, аналогичная челобитным от 3 и 8 декабря.

И декабря же в 15-й день Рохманин Вышеславцов подал челобитную, а в челобитной пишет. — (л. 21) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, мещеренин Рохманинко Васильев сын Вышеславцов. Искал, государь, на мне мещеренин Федор Посников сын Москотиньев перед третьими беглых людей и сносу 20-ти руб. с полтиною; и то, государь, судная третейская дела и приговоры взята в посковская в Холопей приказ. И по тому, государь, судному делу и по приговорам меня, холопа твоего, в тех беглых людех оправдали, а ево, Федора, обвинили. А в сносе, государь, нам, холопом твоим, учинено вера, крестная целованья; и в том нам, холопом твоим, отсрочена, даны на паруки на отсрочной срок. И я, государь, холоп твой, на Москве стал, и челобитье моей и ставка записана; и валачюсь, государь, третью неделю; а тот, государь, Федор Москотиньев живет в деревне, а к Москве не бывал: а меня, холопа твоего, волочит, харчи и убытки ставетца мне, холопу твоему, многия. Милосердый государь [т.], пожалуй, государь, меня, холопа своего, вели, государь, мне в том судном деле и в моей харче и в валаките своей царской указ учинить, чтобы мне, холопу

¹ В подлиннике: учинице.

твоему, от таво Федара в волоките вконец не погинуть. Государь царь, смирлюйся, пожалуй.

На обороте помета: 139-го декабря в 15-й день. Взять к делу и положить дело на стол.

(л. 22) И князь Иван Федорович и диаки Ондрей и Иван, выслушав Рохманиновы челобитные Вышеславцова, зелели взять к делу и положить дело на стол.

XI. — 1630 г. декабря 25. Приговор: в иску сноса Федору Москотиньеву отказать, потому что он не стал на отсрочный срок и человека своего к крестному целованью не поставил.

139-го декабря в 25-й день князь Иван Федорович Волконской да дьяки Ондрей и Иван приговорили исцу Федору Москотиньеву в ево иску в 20-ти руб. с полтиною отказать, потому что он дал по себе поручную запись, что был[о] ему стать на отсрочной срок и человека своего поставить к крестному целованью, и он на отсрочной срок не стал, а ответчик Рохманин Вышеславцов на срок стал, и челобитье ево объявилось многое; и потому ево приговорили оправить, а с того иску пошлины взять на поручиках.

(л. 23) И 139-го декабря в 25-ти день князь Иван Федорович Волконской да дьяки Ондрей Строев да Иван Костюрин сего дела мешеренина Федора Москотиньева с Рохманином Вышеславцовым в-ыску, что он, Федор, искал на нем, Рахманине, перед третьими сносу своего 20-ти руб. с полтиною, слушали и приговорили ответчика Рахманина Вышеславцова в том Федорове иску оправить; а исца Федора Москотиньева приговорили в том его иску в 20-ти руб. с полтиною обвинить — потому. В нынешнем во 139-м году дал он, Федор, по себе поручную запись, что поставит было ему х кресному целованью человека своего, которого он, Федор, на суде сказал, на отсрочной срок, как государева служба минетца, и воеводы с конь ссядут, месяц спустя, что он искал на суде перед третьими на Рохманине (л. 24) Вышеславцове сносу своего на 20 руб. с полтиною; а не поставит он, Федор, на тот отсрочной срок человека своего х крестному целованью, и он, Федор, иску своего лишон. А в памяти из Розряду за приписью дьяка Михайла Данилова написано: велено дворяном и детем боярским стати на Москве декабря 1-ое число; и ответчик его Федоров, Рахманин Вышеславцов, на тот указной срок на Москве стал, и челобитье его Рахманиново в Холопье приказе у дела об указе многое; а он, Федор, на тот указной на отсрочной срок на Москве не стал и человека не ставил, и челобитья его никакова в Холопье приказе не объявлялось. И потому приговорили его, Федора, в том его иску, в 20-ти руб. с полтиною, обвинить и вперед ему в том его иску отказать, что дав по себе (л. 25) поручную запись, да сам на указной отсрочной срок не стал и человека своего х крестному целованью не поставил; а ответчика, Рахманина Вышеславцова, в том его Федорове иску, в 20-ти руб. с полтиною, приговорили оправить и поручную запись, какова по нем, Рахманине, взята была в статье, что стати было ему на отсрочной срок, велели ему, Рахманину, выдать, списав с нее список слово в слово. И та запись ему, Рахманину, выдана, и список с нее списан и вклеен выше сего в подлинной записи место. А с того Федорова иску Москотиньева, з 20-ти руб. с полтиною, государевых пошлин 2 руб. 1 алт. 4 д. приговорили взять на его Федоровых поручниках и велели на его Федоровых поручников в тех пошлинных деньгах дати выпись, что те пошлины на них доправить.

XII. — 1630 г. декабря 31. Память приставу Бажену Шубину: доправить пошлины с иску Федора Москотиньева на его поручителях.

И выпись в тех пошлинных деньгах на Федоровых поручиков Москотиньева дана, а в выписи пишет. — (л. 26) Лета 7139-го декабря в 31-й день. По государеву [т.] указу память приставу Бажену Шубину: доправить ему мещеренина на Федоровых порутчиках Москотиньева, на Петре Васильеве сыне Алиеве, на Иване Тезикове сыне Свищове, на Григорье Иванове сыне Масолове, на Олексее Ондрееве сыне Игнатове, на Василье Посникове сыне Москотиньева, государевых пошлинных денег 2 руб. 9 алт. с-ыску, что он, Федор, искал на Рохманине Вышеславцове перед третьими сносу своего на 20 руб. с полтиною, и в том сносе он, Федор, обинен, а Рохманин Вышеславцов оправлен, потому что он, Федор, на государев указной на отсрочной срок сам не стал и человека своего х крестному целованию не поставил, а Рохманин Вышеславцов на тот отсрочной срок стал и после того сроку бил челом о указе, и челобитье его у дела многое, и он, Рохманин, в том Федорове иску оправлен государевым указом; и потому с того Федорова иску Москотиньева государевы пошлинные деньги указаны доправить на его Федоровых порутчиках; а доправя те пошлинные деньги на его Федоровых порутчиках, принести в Приказ холопья суда и отдати в государеву казну князю Ивану Федоровичу Волконскому да диаком Ондрею Строеву да Ивану Костюрину.

Скрепя на обороте по сставам лл. 1—5, 10—16, 2 частей л. 16, лл. 16—25, конец на лице л. 25: Дьяк Андрей Строев. По сставам лл. 2—3, конец на лице л. 3, лл. 5—10: Дьяк Иван Костюрин.

Опись № 25, столбец № 40272. I — л. 1; II — лл. 1—3. III — лл. 3—5; IV — лл. 5—10; V — л. 10; VI — лл. 10—15; VII — лл. 15, 16; VIII — лл. 16—18; IX — лл. 18—20; X — лл. 20—22; XI — лл. 22—25; XII — лл. 25, 26. Начало утрачено.

№ 20. — 1631 г. мая 16 — 1632 г. марта 19.¹ Судное дело перед князем Иваном Федоровичем Волконским и дьяками Андреем Строевым и Иваном Костюриным о хслопе Фоме Еремине сыне (он же — Иван Ермолов сын Шанин) с женой и с сыном и о сносе; истец — одовец Михаил Зиновьев сын Беликов (его представляет Петр Колупаев), ответчик — мецнянин Данила Васильев сын Толстой.

I. — 1631 г. мая 16. Ставочная и отсрочная челобитная Данилы Толстого; поручная запись по нем.

(л. 1) Царю государю [т.] 'бьет челом холоп твой мяцнянин Данилка Васильев сын Талстой. В нынешнем, государь, во 138-м году свозил по меня, холопа твоего, твою государеву грамоту Михайло Беликов, одовец, к твоему государеву к воеводя, на Чернь к Василью Тарбееву, в беглом своем человеки да в жене ево да в сыне, и тот Михайло Беликов в человеке, в Хомкя, да в жене да в сыня, в Петрушки,² по меня, холопа твоего, по третейскому дела и по приговору в тех людей и в снося в трехнатцати рублех на Чернь к воеводе к Василью Тарбееву. И я, холоп твой, на Черни по сабе поруку дал. И тот, государь, Василий Тарбеев на меня, холопа твоего, писал силу и поручной записи моей к Москве не прислал, дружа Михайлу Беликову. И я, холоп твой, на Москве стал по той поручной по твоей государевай грамотя; и мне, холопу твоему, в том дела была отсрочена для твоего государева розбору; и ныне я, холоп твой, на Москве стал. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, в том дела мне, холопу своему, для своей государевай службы отсрочить, дакуда твоя государева служба минетца, чтоб я, холоп твой, вконец не погинул. Царь государь, смилуйсн, пожалуй.

На обороте помета: 139-го мая в 16-й день. Для службы отсрочить и взять запись.

¹ Эти даты — даты начала и конца дела по сохранившимся и издаваемым документам; реальные начало и конец дела — за пределами этих дат.

² Ниже Поршутка, Парфутка и др. варианты.

(л. 2) Се яз, Ермола Григорьев сын Шатаев, да яз, Иван Пимин сын Некрасов, да яз, Матвей Аристов Хведяников, мецняне, да яз, Микита Семенов сын Давыдов, орленин, да яз, Дмитрий Васильев сын Толстой, да яз, Казарин Логвинов сын Лепендин, мецняне же, выручили есмя Холопья приказу у пристава, у Костентина Кобылина, мецненина Данила Васильева сына Толстова в том, что стати ему за нашу порукою на Москве в Холопье приказе перед князем Иваном Федоровичем Волконским да перед дьяком, перед Ондреем Строевым, к суду на отсрочный срок, как государева служба минетца, и воеводы с конь ссядут, после того месяц спустя. А будет он, Данило, за нашу порукою не станет на Москве в Холопье приказе на отсрочной срок к суду, и на нас, на порутчиках, исцов иск одоевца Михайла Беликова по челобитной, какова у отпу[ску] ¹ у государевы грамоты за дьячьей приписью, беглой ево человек Хомка з женою, да сын ево Петрушка, да снос 13 руб. А кой нас, порутчиков, в лицах, на том и порука. А на то послух Варлам Кирилов. А запись писал Ортюшка Казаринов лета 7139-го году.

На обороте: Мецнянин Мина Ефимов в порутчиков, в Ермолова, да в Иванова, да в Матвеева, да в Микитина, да в Дмитриева места на отсрочной срок по их веленью руку приложил. Казарин Лепендин Данилу Толстова на отсрочной срок к суду ручал и руку приложил. Послух Варламко и руку приложил.

(л. 3) И князь Иван Федорович да дьяк Ондрей Строев, выслушав челобитную и поручную запись, велели взять к делу.

II. — 1632 г. января 17. Ставочная челобитная Данилы Толстого, поручная запись по нем.

140-го генваря в 17-й день князю Ивану Федоровичу Волконскому да дьяком Ондрею Строеву да Ивану Костюрину мецнянин Данило Толстой подал ставочную челобитную, а в челобитной пишет. — (л. 4) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, мецненин Донилка Толстой. В прошлом, государь, во 139-м году свозил по меня, холопа твоего, твою государеву зазывную грамоту одоевец Михайла Беликов из Холопья приказу в людех в двух человеках, Фомки да в Поршутки, да в сносе. И я, холоп твой, тохды по той твоей государевой грамоте на Москве в Холопье приказе стал, и челобитья мое и ставка записана. И в прошлом жа, государь, во 139-м году я, холоп твой, в том деле для твоей государевой службы отсрочил; и нынеча я, холоп твой, из Мценска прибрел к тебе, государю, к Москве в Холопей приказ за тем жа делом. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мое челобитья и ставку записать. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 140-го генваря в 17-й день. Взять к делу и ставка ево велеть записать, а ево велеть перепоручить.

(л. 5) И князь Иван Федорович да дьяки Ондрей Строев да Иван Костюрин, выслушав Данилову челобитную Толстова, велели взять к делу и ставку ево Данилову велели записать, а ево, Данила, велели приставу Ивану Кисловскому перепоручить. И пристав Иван Кисловской подал по Даниле Толстом поручную запись, а в записи пишет. —

(л. 6) Се яз, Сидор Сергеев сын Толстой, да яз, Семен Самойлов сын Шаталов, да яз, Лаврентей Данилов сын Некрасов, да яз, Сидор Клеменов сын Кононов, да яз, Селиверст Васильев сын Пишков, мецняня, да яз, Ортемей Лукьянов сын Степанов, мецненин, выручили есми у пристава, у Ивана Кисловскаго, мецненина Данила Толстова в том, что ставитца ему за нашу порукою в Холопье приказе перед князем Иваном Федоровичем Волконским да перед дьяки, перед

¹ В подлиннике: «у отпу».

Ондреем Строевым да перед Иваном Костюриным, к суду по вся дни и с Москвы ему не съехать. А не учнет он за нашу порукою ставитца или с Москвы съедет, и на нас, на порутчиках, исцов иск одоевца Михайла Беликова, люди два человека, Фомка да Парфутка, да снос по челобитной, какова челобитная у дела у отпуску за дьячьей приписью, что он, Михайло Беликов, имал по него, Данила, государеву грамоту. А хто нас, порутчиков, будет в лицах, на том и порука. А на то послуши: Григорей Терентьев. А запись писал Сенька Моисеев лета 7100 четьредесятого году.

На обороте: К сей поручной записи орленин Алфим Некрасов в Сидорова места Кононова, да в Сидорова места Толстова, да в Семенова места Шеталова, да в Силиверстова места Пишкова по их веленью руку приложил. Ортем ручал Данило к суду и в Лаврентьева места Некрасова по ево веленью и руку приложил. Послух Гриша руку приложил.

По верхнему краю листа: П[ристав]¹ Иван Кисловской.

(л. 7) И князь Иван Федорович да дьяки Ондрей Строев да Иван Костюрин, выслушав запись, велели взять к делу.

III. — 1632 г. января 24. Ставочная челобитная Данилы Толстого.

И генваря же в 24-й день князю Ивану Федоровичу Волконскому да дьяком Ондрею Строеву да Ивану Костюрину мецнянин Данило Толстой подал челобитную, а в челобитной пишет. — (л. 8) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, мецненин Данилка Васильев сын Толстой. В прошлом, государь, во 138-м году свозил твою государеву грамоту одоевец Михайло Беликов по меня, холопа твоего, и по моего человека, по Ивашку Ермолова сына Шанина и с ево сыном Поршуткою, узвон ево своим человеком Фомкою. И в том, государь, году я, холоп твой, ставился с тем человеком своим Ивашком Шаниным; и для твоей государево[й] службы было мне в том году отсрочено; и нонеча я, холоп твой, стал с тем своим человеком и ставку записал, и порука по мне взята. Милосердый государь [т.], пожалуй[й] меня, холопа своего, вели, государь, мою другую ставку записать, чтобы я, холоп твой, волочаясь, вперет от ево ложного челобиться вконец не погиб. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 140-го генваря в 24-й день. Взять к делу.²

(л. 9) И князь Иван Федорович да дьяки Ондрей Строев да Иван Костюрин, выслушав челобитную, велели взять к делу.

IV. — 1632 г. января 30. Ставочная челобитная Данилы Толстого, по счету челобитчика — третья ставка.

И генваря же в 30-й день князю Ивану Федоровичу Волконскому да дьяком Ондрею Строеву да Ивану Костюрину мецнянин Данило Васильев сын Толстой подал челобитную, а в челобитной пишет. — (л. 10) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, мецненин Данилка Васильев сын Толстой. В прошлом, государь, во 138-м году свазил твою государеву грамату одоевец Михайла Беликав по меня, холопа твоего, и па моего человека, па Ивашка Ермолава сына Шанина и з ево сынам Поршуткою, а узав ево своим человеком Фомкою. И в том, государь, году я, холоп твой, ставился в тем человеком своим Ивашкам Шаниным; и для твоей государевой службы была мне в том году отсрочена; и нынеча я, холоп твой, стал с тем своим человеком и ставки записал, и порука по мне взята. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мою третью ставку записать. Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

¹ В подлиннике: буква «п».

² Помета была ранее (1912) скопирована до склейки листа с оборота; теперь помета не видна.

На обороте помета: 140-го генваря в 30-й день. Взять к делу.

(л. 11) И князь Иван Федорович да дьяки Ондрей Строев да Иван Костюрин, выслушав челобитную, велели взять к делу.

V. — 1632 г. февраля 5. Челсбитная Михаила Беликова о суде с Данилою Толстым, обвиненным по третейскому приговору в 1624 г.

140-го февраля в 5-й день князю Ивану Федоровичу Волконскому да дьяком Ондрею Строеву да Ивану Костюрину одоевец Михайло Беликов подал челобитную, а в челобитной пишет. — (л. 12) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой одоевец Мишка Зеновов сын Беликов. В прошлом, государь, во 133-м году искал за меня, холопа твоего, перед третьими, перед Моксимом Ботавиным, дядя мой Петр Колупаев на мецненине на Донице Толстом беглых мои людей, Фомки Еремина¹ з женою ево и с сыном Першюткою, да снос 30-ти руб. с полтиною.² И по тому, государь, судному делу и по сыску третей Моксим Ботавин дядю моево Петра Колупаева в тех моих людех Фомки Еремина з женою и с сыном да в сносе оправил, а Донила Толстова в тех моих беглых людех обинил и приговор дяди моему Петру дал за своею рукою. И в прошлом, государь, в 138-м году имал я, холоп твой, твою государеву грамоту по тово Данила Толстова; а по твоей государевай грамоте велена ево, Данила, дать на поруки. И тот, государь, Данила учинился силен, поруки по себе не дал, твоей государевей грамоты не послушал, и в ево непослушании к тебе, государю, писона в Холопей приказ; а ныне, государь, тот Данила объявился на Москве. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, по тому приговору мне з Данилою и в моих беглых людех и в сносе своей царской указ учинить. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 140-го февраля в 5-й день. Взять к делу и положить дело на стол.

(л. 13) И князь Иван Федорович Волконский да дьяки Ондрей Строев да Иван Костюрин, выслушав челобитную, велели взять к делу и велели положить дело на стол.

VI. — 1632 г. февраля 17. Челсбитная Данилы Толстого о суде с головы с Михайлом Беликовым; указание челобитчика на его прежние ставки в приказе.

И февраля же в 17-й день князю Ивану Федоровичу Волконскому да дьяком Ондрею Строеву да Ивану Костюрину мецнянин Данило Васильев сын Толстой подал челобитную, а в челобитной пишет. — (л. 14) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, мецне[нин] Данилка Васильев сын Толстой. В прошлом, государь, во 139-м году имал по меня, холопа твоего, из Приказу холопья суда твою государеву грамоту одоевец Михайла Зиновьев сын Беликов по третейскому приговору, что ему третей Максим Батавин выдал, дружа тому Михайлу, потому что моево третьева Григорья Шеталова не стала, — приговор в людех в дву человеках, в-ывашки Ермолове сыне Шанине с сыном с Поршуткою, а тот, государь, Михайла Беликов искал перет третьими на мне тово человека Фомкою Ереминым сыном. И я, холоп твой, после разбору по твоей государевай грамоте перепоручивался на отсрочной срок, и ставка, государь, моя записана. И нынешнего, государь, 140-го году на Москве стал, и ставки мои записаны; а живу на Москве 5 недель. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне, холопу своему, в том деле с Михайлом з Беликовым дать суд з головы. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

¹ Данила Толстой называет спорного холопа Иваном Ермоловым сыном Шаниным (III и IV).

² В челобитной Данилы Толстого (I), в третьей приговоре (VII) и в челобитной Петра Колупаева (VIII) снос исчисляется в 13 руб.

На обороте помета: 140-го февраля в 17-й день. Взять к делу и положить дело на стол.

(л. 15) И князь Иван Федорович да дьяки Ондрей Строев да Иван Костюрин, выслушав челобитную, велели взять к делу и велели положить дело на стол.

VII. — 1632 г. февраля 18. Михаил Беликов подал третейский приговор 1624 г. декабря 16: Фому Еремина сына отдать Петру Колупаеву (за племянника).

И февраля ж в 18-й день князю Ивану Федоровичу Волконскому да дьяком Ондрею Строеву да Ивану Костюрину одоевец Михайло Беликов подал третейской приговор, а в приговоре пишет. — (л. 26) Лета 7133-го году декабря в 16-й день по третейской записи и по челобитной третей Максим Батавин судил исца Петра Колупаева в племянникова места Михайла Беликова да ответчика Данила Толстова в беглых Михайловых людех Фомки Еремина з женою и с сынам с Першуткою да в снося в трехнатцати рублех с полтиною. И посля суда третей Максим душевныя скаски у исца да у ответчика к делу взял, и всякими сыски сыскавал, и по душам дапрашивал третей Максим Ботавин, тово суда слушел, по суду и по сыску и по душевным скаскам приговорил Петра Колупаева оправить в племянниковых людех Михайла Беликова, Фомки Еремина з женою и с сынам с Першуткою и в снося во шти рублех во 20-ти в 5-ти олтынях вполы сносу, потому что оне в душевных скасках оба бажились; потому Данила в половине иску стал виноват. Да он же, Данило, на суде и в ответе сказал третьему Максиму: которова де ищет Петр Колупаев человека Фомки Еремина да сына ево Першютка, и тово де у меня человека зовут Ивашкам, а не Фомкою, а сын де ево Першутка есть первой ево жены; а тот де Ивашка женился у меня на сторинной моей жонке, а живет де у меня тот Ивашка лет с 15, а пришел де тот Ивашка с сыном с Першуткою от Степана Губанова, (л. 17) а в Степана де Губанова тот Ивашка жил лет с 15. Да истец же Петр Колупаев уличал Данила Толстова: которой де поп тому человеку молитву дал? И ответчик Данила сказал: давал де поп егорьевской с Ростки Сергей малитву. И третей Максим Ботавин по Петровай и по Дониловой ссылки, что оне на егорьевскога попа, на Сергея, сласия, что он малитву давал тому человеку, писал к тому папу Сергею, чтобы он против ссылки прислал скаску, свои речи, за своею рукою. И егорьевской поп Сергей прислал сваю скаску за сваею рукою, а в скаске сказал про тово человека по священству, что де живет тот человек за Данилам Толстым в дер. Свиной во крестьянх, а прежде он пожил в Степана Губанова да у Ивана Скуридина; а как де он женился у Донила Толстова, и он де сказал мне имя свое Ивашкам; а в прошлом во 132-м году на светлой недели в дер. Вострой на дворе у сына боярскова ув-Онтипа Скуридина, ходечи за пречистою, бил де мне челом об молитве поменуть имя свое Фоною; и он де, поп, ево встречал, что он воровал, у венчанья сказывал име свое Ивашком; а живет де тот человек у Данила 10 лет; а чей он сын, и хто у него дед, тово он, поп, не ведая. И по той Данила ссылки стал виноват, потому что Данила сказал в ответе и в душевной скаске: тот человек женился на жонки, живет у него во дворе лет с 15, а правда их егорьевской поп Сергей сказал, а живет де тот Ивашка во крестьянх, а не во дворе, лет з 10, а не с 15. (л. 18) А в Фомкине сыне Першутки Данила не заперся, и в том Данила стал виноват по своей ссылки, а Петр прав по той ссылки. Да Петр же слася по ссылочной памяти на белевца, на Григорья да на Дементья Воейковых, да на Ивана да на Дмитрея да на Калистратя Кортошовых, да на Ерофея Охотникова, что они Фомку и отца ево Еремку у Михайлова отца, у Зенова, и у него, Михайла, знали ва дворе в холопстве; и как тот Фомка от них побежал, и

оне ведают; а Данила на них слался в послушество, а в допросе недружбы на них никакой не сказал. Да Петр же слался по ссылочной памяти Лифинскова уезда Ностасова монастыря на чернова папа, на Серапиона, и на всю братью, и на слуг, и на всех крестьян тово монастыря, что оне ютца ево Еремку и ево, Фомку, знали ув-отца Михайлова и в нево, Михайла, в холопстве; а Данила на тово папа, и на всю братью, и на слуг, и на крестьян слался в послушество, а в допросе недружбы никакой не сказал. Да Петр же слался по ссылочной памяти Лифинскова уезда на Вознесенской приход на дворян и на детей боярских и на крестьян в том, что оне Фомкина отца Еремку и ево, Фомку, знали у Михайлова отца и у нево, Михайла; а Данила слался в послушество, а в допросе на них недружбы никакой не сказал. Да Петр же слался по ссылочной памяти на Одоевской на посад, на священников, и на пушкарей, и на стрельцов, и на всяких посадских людей, да на Одоевской уезд, на дворян, и на детей боярских, и на прикащиков, и на крестьян, в том, что те всякие люди Фомкина отца Еремку и ево, Фомку, знали у Михайлова отца Зенова и у нево, Михайла; и то они ведают, что от них Фомка побе (л. 19) жал; а Данила на Одоевской посад и на уезд на всяких людей слался в послушество, а в допросе на них никакой недружбы не сказал. Да Петр же слался на третейскую запись в том, что он, Данила, писал в запись тово человека третейскую премым именем Фомкою и отцом премым, Ереминым сынам, и Данила на третейскую запись слался ж из виновата; и в той ссылки Данила стал виноват, потому что тот Данила слался на третейскую запись, а тот человек в третейской записи написан премым именем, Фомкою, а не Ивашкам. Да Петр же слался из виновата на две поручные записи: как тово Данила во Мценску давали по государевой грамоте на поруку, что стать ему на Маскве к ответу и тово человека Фомку поставить на Маскве к суду, а в другой записи на Маскве перепоручен к суду, и тот Данила тово человека написал в дву записях прямым именем, Фомкою Ереминым сынам; и по третейской записи и по ссылки, что он, Данила, слался на егорьевскова [по]па Сергея, и по своему ответу Данила Толстой стал виноват, потому что он, Данила, в записи написал премым именем, Фомкою, а инова имени не сказал; а поп сказал в скаске, молитвы прошал не Ивашкою — Фомкою; и по той скаске Петр стал прям, а Данила стал виноват. И Даниле Толстому — Петру Колупаеву тово человека Фомку з женою и з сынам с Першуткою отдать и сносу отдать полы 6 руб. 25 олтын. И на том Петру и Даниле третей Максим Батавин приго[во]р дал за своею рукою. А приговор писал Тимошка Терентьев. — (л. 20) И князь Иван Федорович да дяки Ондрей Строев да Иван Костюрин, выслушав третейской приговор, велели взять к делу.

Помета: Приговорили поставить к суду обоих, исца и ответчика.

VIII. — 1632 г. марта 19. Челобитная Петра Колупаева об указе по третейскому приговору.

(л. 21) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, одоевец Петрушка Микитин сын Колупаева. В прошлом, государь, во 132-м году искал я, холоп твой, вместе племянника своего Михайла Зеновьева сына Беликова перед третьими, перед Максимом Ботавиным да перед Григорьем Шеталовым, по третейской записи на меценине, на Даниле Толстом, беглых старинных ево Михайловых людей Фомки Еремина з женою и с сынам да сносу 13-ти руб. с полтиною. А в третейской, государь, записи написано, что судить нас третьим нашим здесь на Москве и дело вершить таво же году безволочитна. И третье, государь, засудя суд, волочили меня, холопа твоего, 4 годы не против нашей третейской записи, норовечи ему, Данилу Толстому. А то,

государь, судное дело тепере у одново третьева, у Максима Ботавина, а закреплено их третейскими руками и нашими исца и ответчика. И после, государь, таво третьева одново, Григорья Шеталова, не стало, а то мое судное дело было у них не вершено. И в прошлом, государь, во 136¹-м году бил я челом, холоп твой, тебе, государю, [в Приказ]е холопья суда, чтоб ты, государь, меня, холопа своего, пожаловал, велел мне дать свою государеву грамоту к тому третьему Максиму Ботавину, а по своей государеве грамоте чтоб ты, государь, меня, холопа своего, пожаловал, то судное дело велел вершить одному третьему, которой жив, Моксиму Ботавину. И по твоей государеве грамоте третей наш Моксим Ботавин ...² суда и вопчей правды то судное дело вершил... [суд]ному делу и по опчей правде меня, холопа [твоего]... [опра]вил, а ево, Данила, обвинил и приговор мне за своею (л. 22) [рук]ою дал. И ныне, государь, бил челом тебе, государю, племянник мой [Ми]хайло Беликов по таму приговору, которой приговор дан мне, холопу твоему, на таво Данила Толстова, чтобы ты, государь, пожаловал, велел по приговору свой царской указ учинить. А тот Данила Толстой бьет челом тебе, государю, ложна, мимо третейскова суда и записии³ и приговору, чтоб ты, государь, велел ему дать суд з головы, [хо]гечи тем делам изволочить и племянника моево людьми завладеть. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, то судное третейское подлинное⁴ дело и запись у третьева взять в Холопей приказ [по] тому приговору и вели, государь, по таму судному делу и по записии и по третейскому приговору мне, холопу своему, в тех племянниковых старинных в беглых людех с тем Данилам своей царской указ учинить. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте л. 21 помета: 140-го марта в 19-й день. [Поста]вить третьеву и велеть положить третейское дело.

Скрепа на обороте по ссавам: Диак Ондрей Строев. Скрепа начинается на ссаве лл. 1—2 слогом «Стро»; сверху л. 1 скрепа не видна, потому что лист оклеен с оборота; также не видна скрепа внизу л. 2, сверху л. 6, сверху л. 21, внизу л. 23. Кроме скрепы дьяка, по ссавам лл. 16—19—рукоприкладство: К сему приговору третей Моксим Ботавин руку приложил.

Опись № 25, столбец № 40627. I — лл. 1—3; II — лл. 3—7; III — лл. 7—9; IV — лл. 9—11; V — лл. 11—13; VI — лл. 13—15; VII — лл. 15—20; VIII — лл. 21—22. Начало дела утрачено; последние лл. 23—27 сильно разрушены, их не включаем в издание.

№ 21. — 1633 г. марта 24 — апреля 5. Судное дело перед князем Иваном Федоровичем Волконским и дьяками Третьяком Копниным и Первым Нероновым о рабе Арине Федоровой дочери Поспеловой; истец — Иван Юрьев сын Тургенев, ответчик — Василий Ермолаев сын Мясоедов.

1. — 1633 г. марта 4. Челобитная Ивана Тургенева: дать суд с Ермолаем и Василием Мясоедовыми в холопстве Арины Федоровой дочери Поспеловой.

(л. 1) Царю государю [т.] бьет челом, холоп твой Ивашко Юрьев сын Тургенев. Жалоба, государь мне на Василья Ермолаева сына Месоедова. В прошлом, государь, во сто...⁵ бежала у брата моего у Дмитрея Тургенева из ... старинная моя жоночка Оринка Федорова дочь [Поспело]ва и, бегаючи, государь, ныне живет та моя старинная жоночка Оринка с моими животы у Ермолы... сына Месоедова да у сына ево, у Василья, из деся... А снесу, государь, та жоночка снесла от нас, денег и всякой рухледи, на 50 руб. Да в прошлом, государь,

¹ Цифра 6 переправлена из 2.

² Пробелы — угол листа обломился.

³ И «записии» вставлено над строкой.

⁴ Слово «подлинное» вставлено над строкой.

⁵ Края л. 1 осыпались; пробелы обозначаем многоточием.

во 140-м году... молина и в Васильева места в Холопье приказе вытягива... тую мою старинною жонкою Оринкою вольнова человека... рина, Антипку Васильева сына Алмаметева, зять их, Одинец Михайлов сын Беклемишев. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне на [того] Василья Ермолаева сына Месоедова в той моей жоночке старинной, в Аринке Федоровой дочери Поспелова, и в сносных моих живо[тах] дати свой царской суд и управу. Царь государь, смилуйся.

На обороте помета: Марта в 24-й день. Суд¹ был. Ответчик взял крест целовать себе на душу.

II. — Того же дня. Показания ответчика и истца; Василий Мясоедов возражает против ссылки Ивана Тургенева на прежнее судное дело зятя Мясоедовых, Одинца Михайлова сына Беклемишева: последний «вытягивал» по старинному холопству Арину Федорову дочь Беззубову, а не Поспелову.

(л. 2) И ответчик, Василей Ермолаев сын Мясоедов, выслушев исковой Ивановой челобитной, в ответе сказал: за себя де отвеча[ет], а за отца де своего, за Ермолая, не отвечает; и такой де жонки у него, Василья, нет, и сносных животов на 50 руб. не принашивала. Да в том истец с ответчиком имались за веру, за крестное целованье. Ответчик Василей Мясоедов взял себе на душу крест целовать человеку ево Ондрюшке Васильеву сыну Олмаметеву. Да бил челом ответчик Василей Ермолаев сын Мясоедов, чтобы записать: сказал де он, Иван, что вытягивал тое жонку Одинец Беклемишев отца ево Ермолиным именем и его Васильевым именем свою старинною жонкою тотарина Антипки Алмаметова; и в том де он, Василей, шлетца на судное дело, что искал Одинец Беклемишев на Федоре Хомутове, а отца ево именем, а не его Васильевым, по старинной своей жонке, а не по ево Оринке Федорове дочери Поспелове; а отец де тое жонки Федька Иванов сын Беззубов, а не Поспелов. (л. 3) И истец Иван Тургенев сказал: живет де он, Василей, с отцом своим вместе, а не в розделе, и в том де он, Иван, шлетца на судное дело, что искал за тестя своего Ермолу Одинец Беклемишев тую ево старинною жонкою Оринкою, и в те де поры истец отца той жонки ими переложил. И ответчик Василей Мясоедов сказал: бывала ль де та жонка у отца моего или не бывала, тово де он не ведает. И истец Иван бил челом: имал де он, Василей, на государеве патриархове дворе знаме, и он де тое жонку Оринку написал крепостною, а не старинною. И ответчик Василей сказал: отвечает де он за себя, а за отца де своего и за людей отвечать не смеет, а тем де именем — жонка Оринка Федорова дочь Беззубова есть, тако де с отцом моим на Терке. И истец Иван бил челом: вытягивал де тое жонки Оринки Одинец Беклемишев во 140-м году в августе месяце, и та де жонка у него Василья была ль в те поры или с отцом ево на Терке? (л. 4) И ответчик Василей сказал: шлетца де он во всех приказах на судные дела, что Одинец Беклемишев той жонки Оринки Федоровой дочери Поспелова ни в котором приказе ни о ком не искавал. И истец Иван сказал: вытягивал де тое жонку Оринку Одинец Беклемишев у Федора Хомутова.

По нижнему краю на лице л. 3, и по верхнему краю на лице л. 4 помета: Сыскать дело прежнее в августе и выписать против ссылки.

III. — Того же дня. Ссылочная память Ивана Тургенева; показания по ней Василия Мясоедова.

Истец же Иван Тургенев подал ссылочную память, а в памяти пишет. (л. 5) Сверх, государь, креснова целованья шлюсь из виновата

¹ В подлиннике перед словом «суд» — «о» в кружке (ответчик) и рядом буква «в».

в повальной обыск на город на Воратынеск в том слух и в ведома, што отца и деда ее Оринкина знали у отца моего и у меня в холопстве, — в том, государь, на Воратынеск в повальной обыск шлюся, — и то им ведома, как та жонка Оринка от нас збежала с нашими сносными животы.

На обороте: О[тветчик]¹ на город Воратынеск слался ж из виноватых в том: нечто де будет отца и деда ее и знали той жонки Оринки — Поспелова, а не Беззубова, и ему де до Поспеловой Оринки и дела нет.

(л. 6) И ответчик Василей, выслушев ссылошные памяти, сказал: на город де Воратынеск в повальной обыск он шлетца ж из виноватых в том — нечто де будет отца и деда и знали жонки Оринки — Поспелова, а не Беззубова, а ему де, Василью, до той жонки Оринки Поспеловой и дела нет. И князь Иван Федорович Волконской да дьяки Третьяк Копнин да Первой Неронов велели речи их записать, а исца и ответчика приставу Осипу, Вранникову велели дать на поруку з записми до вершенья суднова дела.

IV. — 1633 г. апреля 5. Пристав подал поручные записи по истце и ответчике.

И апреля в 5-й день в Приказ холопья суда князю Ивану Федоровичу Волконскому да дьяком Третьяку Копнину да Первому Неронову пристав Осип Вранников по исце и по ответчике подал поручные записи, а в записях пишет. — (л. 7) Се яз, Микифор Микитин сын Хлопов, да яз, Петр Матвеев сын Коротнев, с Москвы выручили есмя Холопья приказу у недельщика, у Осипа Враникова, Ивана Юрьева сына Тургенева в том: ставитца ему за нашею порукою в Холопье приказе перет князь Иваном Федоровичем Волконским да перет дьяки, перет Третьяком Копниным да перет Первым Нероновым, по вся дни, с суда и с Москвы не съехать. А не учнет он ставитца или с Москвы съедет, и на нас, на порутчиках, с его иску государевы пошлыны, и пересуд, и правой десяток по его челобитно[й], какова челобитная в суде за дьячьею приписью, что он искал на Василье Ермол[а]еве сыне Мясоедове, да он же, Иван, того своего иску лишон. А кой нас, порутчиков, будет в лицах, на том и порука. А на то послух Кузьма Самойлов. А запись писал Данилка Линев. Лета 7100 чetyредесять перваго [го]ду.

На обороте: Микифор Хлопов с суда в статье Ивана Тургенева ручал и руку приложил. Петр Коротнев ручал и руку приложил. Меня, Ивана, ручали с суда, и руку приложил. Послух Куземка руку приложил.

(л. 8) Се яв, Василей Максимов сын Тевешев, да яз, Давыд Микифоров сын Неплюев, да яз, Афонасей Ондреев сын Трусов, да яз, Иван Епифанов сын Жохов, да яз, Гаврило Ульянов сын Унковской выручили есми Приказу холопья [суда] у недельщика, у Осипа Враникова, Василья Мясоедова в том, что ставитца ему, Василью, за нашею порукою с суда в Холопье приказе перед князь Иваном Федоровичем Волконским да пере[д] дьяки, Третьяком Копниным да пе[ред] Первым Нероновым, по вся дни да вершенья судного дела, и с Москвы ему не съехать. А не учнет он, Василей, ставитца за нашею порукою в Холопье приказе да вершенья судного дела или с Москвы без указу съедет, и на нас, на порутчиках, исцев иск Ивана Юрьева сына Тургенева по челобитной, какова челобитная у дела в суде } за дьячьею приписью, и с того иску на нас же, на порутчиках, государевы пошлыны, и пересуд, и правой десяток. А кой нас, порутчиков, будет в лицах, на том [исцов] иск и с того иску государевы пошлыны

¹ В подлиннике «о» в кружке.

и порука. А на то послух Миня Панфилев. А поручную писал Кузема Миронов лета 7100 четьредесять первого году.

На обороте: Иван Жохов ручал Василья Месоедова с суда в статье и [в] Васильево место Тевяшева по ево веленью руку приложил. Офонасей Василья с суда в статье ручал и в Давыдово место Неплюева и в Гаврилово место Унковского по их веленью руку приложил. Меня, Василья, ручали, и руку приложил. Послук Минька и руку приложил.

(л. 9) И князь Иван Федорович Волконской да дьяки Третьяк Копнин да Первой Неронов, выслушев поручных записей, велели взять к делу.

По сствам лл. 1—5 и 6—9 на обороте скрепа: Диак Первой Неронов.

Опись № 25, столбец № 40316. I—л. 1; II— лл. 2—4; III—лл. 4—6; IV— лл. 6—9. Края л. 1 осыпались, особенно с правой стороны. Конца нет.

№ 22. — 1634 г. октября 16 — декабря 31. Судное дело перед князем Иваном Федоровичем Волконским и дьяками Третьяком Копниным и Иваном Костюриным — о Назаре Поликарпове сыне Макидонском с женою и дочерью, на котором искал холопства дьяк Василий Сергеев (он же Прокофьев) вместо дяди своего старца Дионисия, в миру Николая Новокиченова, думного дьяка¹.

I. — Ссылка истца на служилую кабалу, данную Назаром Поликарповым Николаю Новокиченову в 1620 г. января 18; показания ответчика.

(л. 3) Помета перед текстом кабалы: 128-го генваря в 18-й день. Записать в книги, сказался вольной. — Се яз, Назарей Поликарпов сын Макидонской, занял есми думного дьяка Миколаева человека Никитича Новокиченова, у Якова Михеева, государя его серебра 3 рубли денег московских ходячих генваря от осьмаго да десять числа да впредь на год до такого же числа; а за рост мне, Назарью, у государя своего, у думного дьяка у Николая Никитича Новокиченова, служить впредь на год до такова же числа; а за рост мне, Назарью, у государя своего служить во дворе по вся дни потому ж. А на то послу...² Михайлов сын Олферов. А кабалу писал Ивашко Федоров лета 7128-го году.

На обороте: 128-го генваря в 18-й день перед Семеном Михайловичем Колтовским да перед дьяком Васильем Мартемьяновым заимщик сказал:... занял и кабалу на себя дакову дал; и в книги записана. Дьяк Василей Мартемьянов. Справил Ивашко Федоров. Послук Тихонко руку приложил.

Помета: О[тветчик]³ сказал: такову кабалу Микулаю давал; кабалы не лживил.

И ответчик, Назарко Макидонской, выслушев кабалу, (л. 4) сказал: такову де он кабалу Микулаю в мире дал, а после того Микулай постригся, и Микулаево де имя умерло, и четьредесятница прошла; а то де вступаетца в него дьяк Василей Сергеев, хотя ево, Назарка, себе похолопить сильно; а покабалил де он, Василей, сильно у старца Деонисия человека, повара Ваську Матвеева, и челобитье де нашо о... льстве в Холопье приказе записано. Истец Василей Сергеев сказал: ему де до него, Назарка, дела нет, а ищет де он на нем вместо старца Деонисия ево ка[бального холо]пства; а старцова де че[ловека Васьки] Матфеева сильно себе во двор не имывал, [бил] де он ему челом, Васька, во двор добровольно и кабалу ему на себя дал... подписную челобитную. И ... взят, справя, список слово в слово, а подлинная отдана ему, исцу; а в списке пишет.⁴

¹ Начало утрачено, листы подлинника перебиты.

² Многогочием здесь и ниже обозначаем пробелы там, где бумага истлела, или чернила выцвели.

³ В подлиннике «о» в кружиске.

⁴ «И... взят» и т. д. — приписка мелким почерком.

II. — Ссылка истца на подписную челобитную старца Дионисия от 1633 г. августа 14 с пометой об указе патриарха, воспреещающем уход от старца холопов; показания ответчика.

(л. 1) Список с челобитные [слов]о в слово. Великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичю московскому и всеа Русии бьет челом нищей твой государев богомолец, старец Деонисийше, что бывал... Миколай Новокшенов. Судом, государь, божием меня, нищев, постригли в немощи, и ныне, государь, я, нищей, лежю болен; и которые, государь, ныне у меня мои людишка, и те, государь, меня не слушают и хотят, государь, от меня итить прочь и меня, нищев, твоего государева богомольца, в такой великой моей скорби одново хотят покинуть. Великий государь [т.], пожалуй меня, нищего св[оего] госуда[рева] богомольца, для моей великие скорби и болезни вели, государь... нищеву, в тех моих людишках свой святительской указ учинити, чтоб мне, нищеву, в такой в великой скорби без призору и без людишек... [не]згодною смертью не умереть. Государь, смилуйся, пожалуй. А на подлинной челобитной помета: 141-го августа в 14-й день. Указал государь святейший патриарх послать стряпчего своего, а в... лаевым людям... у Миколая на дворе... ойдут, и тех изымать и чинить им наказанье. — (л. 2) И ответчик, Назарко Макидонской, выслушав челобитную, сказал: по той де челобитной был [прислан] [бла]женные памяти великого государя святейшаго патриарха Филарета Никитича московского и всеа Руссии к старцу Деонисию с ево з государевою милостию стряпчей и старца Деонисьевым людям, которые [хотели] итти з двора, стряпчей ево святейшим указом говор... ходить з двора от старца Деонисья [не] велел; а он де, Назарка, до того был отпущен к сыну ево Миките, и ему де, Назарку, до то... ти, что написана челобитная, и дела нет; и подал ссылку, а в ссылке пишет.

III. — Ссылки ответчика и истца на указы об отпуске или неотпуске холопов после пострижения владельца.

(л. 5) Шлюсь, государь, из виноватых на [государев указ: как постригся Ондрей Голубовской, после ево л[юд]и ево отпущены по государеву указу на волю из Холопья приказу, а ему, старцу, отказано, чт... о детем ни роду ни племени до тех людей дела нет; в том на государев указ и шлюсь. Истец Василей Сергеев, выслушав ссылки, сказал: он де того не ведает, как было челобитье на Ондreja Голубовского; шлетца де он на государев указ и святейшего патриарха Филарета Микитича московского и всеа Руссии на подписную челобитную; сказывает де он, Назарко, что старцом людей держать не велено, и шлетца ли де он на прежние государевы указы и на судные дела, которым ст[арцом] л[юд]ей держать велено, старцу Пафнютю Загряскому да старцу Боголепу Редрикову. И ответчик, Назарко Макидонской, подал другую ссылку; в ссылке [пишет].

На обороте: И[стец]¹ сказал: он де того не ведает, как было челобитье на Ондreja; шлюсь на государев указ и святейшего патриарха [т.] на подписную челобитную.

(л. 6) Шлюсь, государь, из виноватых на государев указ: как князь Лука Щербатой постригся, и после ево люди ево били челом тебе, государю, и государю святейшему патриарху [т.], и государь их и святейший патриарх Филарет Никитич пожаловал, велел тех людей отпустить на волю; в том на государев указ и шлюсь.

¹ В подлиннике «и» в кружке.

На обороте: И[стец]¹ сказал: я де того государева [указа] не ведаю, шлюсь де на [чело]битную на подписную.

IV. — Показание истца о побеге ответчика от старца Дионисия; показания ответчика.

(л. 7) Истец, Василей Сергеев, выслушав [ссылки, ск]азал: он де того государева указа не ведает, шлетца де он на подписную чело-битную; и сказывает де он, Назарко, что от старца Деонисья не беги-зал, и он де, Назарко, за 2 дня до приводу бегал и запасился² к нему, старцу Деонисью, отцом ево духовным, старцом Макарьем; а збежал де он от старца з женою и з дочерью своею; а в том слался на старца Макарья. И ответчик, Назарко Макидонской, сказал: от старца де он Деонисья за 2 дни до приводу не бегивал; а жена де ево и дочь ныне живут у боярина, у Бориса [Михай]ловича Салтыкова, во дворе; а на старца Макарья слался в послушество.

V. — Поручные записи по истце и ответчике.

(л. 8) И князь Иван Федорович Волхонской и дьяки Третьяк Копнин да Иван Костюрин [велели] речи их записать, а исца и ответчика дать на поруки [приста]ву Бажену Шубину. Князю Ивану Федоровичю Волконскому да дьяком, Третьяку Копнину да Ивану Костюрину, пристав Ба[жен Шубин] подал по исце и по ответчике поручные записи, а в записех пишет.

(л. 9) Се яз, Иван Прокофьев сын Воейков, да яз, Микифор Прокофьев сын Воейков, да яз, Иван Михайлов сын Давыдов, [Поместно-го приказу подьячей, выручили есми Холопья приказу у сына боярско-го, у Бажена Шубина, дьяка Василья Прокофьева в том, что ставитца ему за нашу порукою в Холопье приказе перед Иваном Федоровичем Волконским да перед дьяки, перед Третьяком Копниным да перед Иваном Костюриным, с суда по вся дни, и с Москвы ему не съехать. А будет он, Василей, за нашу порукою не учнет ставитца в Холопье приказе по вся дни, и он иску своего лишен, что искал вместо старца Деонисья Новокшенова боярина Бориса Михайловича Салтыкова на человеке ево, на Назаре Макидонском, холопства, и с того иску пошлины, и пересуд, и правой десяток. А кой нас, порутчиков, в лицах, на т[ом и по]рука. А на то послуши: Лука Игнатьев. А запись писал Силка Казаринов лета 7100 четыредесять третьего году.

На обороте: Иван Воейков ручал... ручал диака Василья Прокофьева и руку приложил. Микифор Воейков ручал... приложил. Иван Давыдов диака Василья Прокофьева с суда ручал и руку приложил. Меня, Василья Прокофьева ручал, и руку приложил. Послух Лукашка руку приложил. }

(л. 10) Се яз, [Иван] Андреев сын Змеев, да яз, Юрья Воинов сын Поливанов, да яз, муромец Савелей Иванов сын Мертвой, да яз, бор-овской новокрещен Василей Юрьев сын Еланов, да яз, Юрья Захарь-ев сын Быков, выручили есми Холопья приказу у пристава, у Бажена Шубина, боярина Бориса Михайловича Салтыкова человека ево Назара Поликарпова сына Макидонского, в том: ставитца ему за нашу пору-кою в Холопье приказе перед князем Иваном Федоровичем Волконским да перед дьяки, перед Третьяком Копниным да перед Иваном Костюри-ным, по вся дни; а будет он, Назар, не учнет ставитца в Холопье приказе до вершенья судного дела по вся дни, и на нас на порутчи-ках, ысцов иск Василья Сергеева, что он искал на нем, Назаре, холоп-ства вместо старца Деонисья Новокшенова. А кой нас, порутчиков, в лицах, на том и порука. А на то послуши: Лука Игнатьев. А запись писал Силка Казаринов лета 7100 четыредесять третьего году.

¹ В подлиннике: «и» в кружке.

² Так в подлиннике.

На обороте: Иван Змеев ручал с суда боярина Бориса Михайловича Салтыкова человека Назарья Макидонского в статье и в Юрьева места и в Савельева места и в Васильева места по их велению руку приложил. Юрья ручал и руку приложил. Послух Лукашка руку приложил.

VI. — Справка суда — кабала от 1628 г. февраля 16, взятая Никитой Новокищеновым на старинного холопа отца, на Назария Поликарпова.

(л. 11) И князь Иван Федорович Волконской и дьяки, Третьяк Копнин да Иван Костюрин, выслушав поручных записей, велели взять к делу; а из записных московских кабальных книг кабалу Микиты Микулаева, что он, Микита, как был жив, в... лу на человека, на Назарка Макидонского, — выписать. И в записной в московской в кабальной книге написано: 136-го февраля в 16-й день бил челом в службу Мики[те]... ееву сыну [Новокщенову На[зарий] Поликарпов сын Макидонской; круглолик, нос прям, немного вскорос, глаза серы, лицо и нос ямковато, избито оспою, волосом голова светлоруса, ус исчермна-светлорус, бороду и... бреет, у левой руки от пальца... ольшом персту рубчик, ростом средней; сказался старинной отца ево и кабалу на себя служилую Микитину человеку Дмитриева¹ сына Новокищенова, Гаврилу Варлаамьеву, государя ево серебра в деньгах в 3-х руб. д.... 3 алт. взято. К диака... ты Леонтьева. (л. 12) А по листом припись диака Якова Ключарева. Кабалу писал Софон Кольцов. Послух Семен Лаврин.

VII. — 1634 г. ноября 16. По делу вынесен приговор.

143-го ноября в 16-й день князь Иван Федорович и дьяки Третьяк и Иван приговорили: исцу Василию Сергееву... искал он вместо дяди своево Микуляя Новокищенова, отказать, а ответчика Назарка Макидонского в холопстве оправить, потому что на него объявилось в книгах после Микулаевы служилой кабалы другая служилая на него кабала на Микити[но] имя Микулаева сына Новокищенова, и тою он служилою кабалою от первой Микулаеве служилой кабалы прост.

VIII. — 1634 г. ноября 25. Истец и ответчик поставлены, и приговор им сказан: истцу отказать, ответчика с женой и дочерью отпустить на волю; по иску о сносе целовать крест ответчику.

(л. 13) 143-го ноября в 25-й день князь Иван Федорович Волконской да дьяки Третьяк Копнин да Иван Костюрин сего судного дела старца Деонисья, что был в мире Микалай Новокищенов, в человеке, в Назарке Поликарпове сыне Макидонском, и в жене ево Марьице и в дочери их Малашке слушали и приговорили: ответчика Назарка Макидонского з женою и з дочерью в холопстве оправить и освободить от старца Деонисья на волю; а исцу, старцу Деонисью, что был в мире Миколай Новокищенов, приговорили в тех людех в холопстве отказать, потому что в нынешнем в 143-м году октября в 26-м числе искал по челобитной в его место старца Деонисья племянник ево, дьяк Василей Сергеев, на том Назарке Макидонском и на жене ево Марьице и на дочери ево Малашке кабального холопства; и в суде племянник ево дьяк Василей, положил на того человека, на Назарка, служилую кабалу на Миколаево имя Новокищенова прошлого (л. 14) 128-го году генваря в 18-м числе за приписью дьяка Василья Мартемьянова; и он, Назарка, в суде сказал — такову де он кабалу на себя дал; и после де тое кабалы он, Миколай, отпустил ево, Назарка, к сыну своему, Миките, и

¹ Почему здесь Никита Новокищенов фигурирует с отчеством Дмитриева — непонятно; ниже, в приговорной сказке (VIII) эта кабала цитируется, и там он назван Никитой Николаевым сыном Новокищенова.

он де, Микита Миколаев сын Новокщенова, взял на него кабалу; и истец, дяк Василей, в суде сказал — Миколой де ево к сыну своему Миките не отпускавал и кабалы де на него, Карпика¹, Микулаев сын Микита не имывал; и в Приказе холопья суда сыскано в кабальных холопях записных книгах прошлого 136-го году февраля в 16-м числе и после Микулаевы служилой кабалы другая служилая кабала, на Микитино имя Миколаева сына Новокщенова; и тою он, Назарко, служилою кабалою от первой Миколаевой кабалы [прост. И потому приговорили тому человеку, Назарку Макидонскому, з женою ево и з дочерью дать волю, а старцу Деонисью, что был в мире Микулай Новокщенов, отказать; и впредь ему, старцу Деонисью, до того человека, Назарка Макидонского, (л. 15) и до жены ево и до дочери в холопстве дела нет. А что в суде истец, Василей Сергеев, подал подписную челобитную, а сказал, что посылан государев потриярш стряпчей к Ми[кол]аевым людям, что им у Микулая жить и от него не отходить, и он, Назарко, от того челобитья освобожден Микитиною кабалою Новокщенова, что та Микитина кабала после Микулаевы кабалы, и Микиты не стало, и он после Микиты свободной человек, и тому человеку, Назарку Макидонскому, з женою ево и з дочерью дана воля. А что на нем, [Назарке], искал племянник ево, дяк Василей Сергеев, старца в Деонисьево место Новокщенова 100-а 20-ти дву руб. 30-ти алт., и в том ево иску приговорили веру, крестное целованье, а не жеребей, потому: искал на нем, Назарке Макидонском, вместо Микулая Новокщенова дяк Василей Сергеев [не] сам старец (л. 16) Деонисей; а целовать крест в том иску ответчику, Назарку Макидонскому, а не старцову человеку. И сесь им приговор, иску и ответчику, велели сказать.

И князь Иван Федорович Волконской да диаки, Третьяк Копнин да Иван Костюрин, велели недельщику, Бажену Шубину, исца, диака Василья Сергеева, и ответчика, Назарка Макидонского, велели их скаске поставить и сесь им приговор сказать. И ноября в 25-й день представ Бажен Шубин исца, диака Василья Сергеева, и ответчика, Назарка Макидонского, скаске поставил и сесь приговор исцу, диаку Василью Сергееву, да ответчику, Назарку Макидонскому, сказан. И тот человек, Назарко Макидонской з женою и з дочерью отпущен (л. 17) на волю. И с того человека Назарка и з жены ево и з дочери головных пошлин 9 алт. взяты² и в приходную книгу нынешнего 143-году записаны.

IX. — 1634 г. ноября 29, декабря 1 и 2. Крестное целованье по иску о сносе.

А первая ставка была у крестного целованья ноября в 29-м числе, другая ставка — декабря в 1-м числе, а третья ставка декабря в 2-м числе; и на той третьей ставке истец с ответчиком помирились.

X. — 1634 г. декабря 5. Челобитная Василия Прокофьева (Сергеева) и кабального холопа боярина Бориса Михайловича Салтыкова, Назара Поликарпова: записать мир.

И декабря в 5-й день князю Ивану Федоровичу Волконскому да дяком, Третьяку Копнину да Ивану Костюрину, Назарко Поликарпов подал за руками челобитную, а в челобитной пишет. — (л. 18) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, Васька Прокофьев, да боярина Бориса Михайловича Салтыкова человек Назарко Поликарпов. В нынешнем, государь, во 143-м году искал я, холоп твой Васька Прокофьев, в староцово Деонисьево место, что был в мире Миколой Новокщенов, на Назаре Поликарпове в Холопье приказе перед князь

¹ Так в подлиннике.

² «Взять» — помечено дяком.

Иваном Федоровичем Волконским да перед дняки, перед Третьяком Копниным да перед Иваном Костюриным, холопству и сносу 120-ти руб. и 30-ти алт.; и мы в том деле у кресного целованья на 3-ей ставке помирились; и с того иску снял на себя твои государевы пошчины боярина Бориса Михайловича Салтыкова человек, я, Назарко Поликарпов. Милосердый государь [т.], пожалуй, государь, нас, вели, государь, челобитие наше и мир записать. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте: К сей челобитной Василей Прокофьев руку приложил. Боярина Бориса Михайловича Салтыкова человек ево Иван Сергеев места Назара Макидонского руку приложил по ево велению.

Помета: 143-го декабря в 5-й день. Подал Назарко Поликарпов. Взять к делу и записать мир.

(л. 19) И князь Иван Федорович Волконской и диаки, Третьяк Копнин да Иван Костюрин, выслушав челобитную, велели взять к делу и записать мир.

XI. — 1634 г. декабря 31. Назар Поликарпов подал подписную челобитную боярина Бориса Михайловича Салтыкова о снятии с последнего пошлин по вере в иску сноса.

И декабря в 31-й день Ивану Федоровичу Волконскому да дьяком, Третьяку Копнину да Ивану Костюрину, боярина Бориса Михайловича Салтыкова человек, Назарко Поликарпов, подал подписную челобитную за приписью дьяка Калистрата Акинфеева, а в челобитной пишет. — (л. 20) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, Бориска Салтыков. Искал, государь, на человеке моем, на Назарке Поликарпове, старец Деонисей Новокщенов; и указали, государь, из Холопья приказу веру; и человек, государь, мой взял себе на душу; и яз, государь, не хотя душевредства сотворить, с ним помирился. Милосердый государь [т.], пожалуй, государь, меня, холопа своего, не вели, государь, на мне взять тех своих государевых пошлин. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте пометы: Государь пожаловал, пошлин имать не велел. —

143-го декабря в 30-й день. Князю Ивану Федоровичу Волконскому да дьяком Третьяку Копнину да Ивану Костюрину. Государь [т.] пожаловал, пошлин имать не велел. Дяк Калистрат Акинфиев.

Помечено в Приказе холопского суда: Взять к делу.

(л. 21) И князь Иван Федорович Волконской и дьяки, Третьяк Копнин да Иван Костюрин, выслушав челобитную, велели взять к делу.

XII. — 1634 г. декабря 24. Дьяк Савва Самсонов подал подписную челобитную старца Дионисия о возвращении ему подписной челобитной о неотпуске холопов (II).

Декабря в 24-й день князю Ивану Федоровичу Волконскому да дьяком, Третьяку Копнину да Ивану Костюрину, дьяк Сава Самсонов вместо старца Деонисия, что был в мире Микулай Новокщенов, подал подписную челобитную за приписью дьяка Калистрата Акинфеева, а в челобитной пишет. — (л. 22) Царю государю [т.] бьет челом богомолец твой государев, старец Деонисий, что в мире был Миколай Новокщенов. В болезни, государь, я постригся, и людишка мои хотели меня покинуть; и я, богомолец твой, бил челом отцу твоему, блаженной памяти великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичю московскому и всеа Руси об людех своих, чтоб государь пожаловал, велел людем моим служить до смерти моей; и государь святейший патриарх пожаловал, велел челобитную мою подписать, что людем моим от меня не отходить; а которой человек мой от меня отодет, ино велено имать и на[ка]занье чинить; и та, государь, подписная челобитная в Холопье приказе в Назаркове деле Поликарпова к судному делу приклеена и замечена; а мне впредь против иных лю-

дей поправитца нечем. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, богомольца своего, вели, государь, мне тое подписную челобитную из судново дела Холопья суда из-за пометы выдать, вели, государь, в то место с тое подписной челобитной к судному делу взять список. Царь государь, смилуйся.

На обороте пометы: Государь пожаловал, велел тое челобитную выдать и в то место в том деле заметить. — 143-го декабря в 24-й день. Князю Ивану Федоровичу Волконскому да дьяком Третьяку Копнину да Ивану Костюрину. Государь [т.] пожаловал, велел тое челобитную выдать и в то место в том деле заметить. Дяк Калистрат Акинфеев.

Помечено в Приказе холопьевого суда: Взять к делу.

(л. 23) И князь Иван Федорович Волконской и дяки, Третьяк Копнин да Иван Костюрин, выслушав подписную челобитную, велели взять к делу.

Скрепя по ссавам на обороте — Дяк Иван Костюрин — не везде разборчива; кончается на лице л. 22 под текстом.

Опись № 25, столбец № 39645. I — лл. 3, 4; II — лл. 1, 2; III — лл. 5, 6; IV — л. 7; V — лл. 8—10; VI — лл. 11, 12; VII — л. 12; VIII — лл. 13—17; IX — л. 17; X — лл. 18, 19; XI — лл. 19—21; XII — лл. 21—23. Начало утрачено. Листы вначале перебиты; устанавливаем их правильную последовательность по содержанию, в соответствии с последовательностью данных приговорной сказки, по пятнам на бумаге и по скрепам. Столбец ветхий; листы оклеены с оборота прозрачной бумагой, не всегда позволяющей прочесть скрепы.

№ 23. — 1634 г. октября 29 — ноября 28.¹ Судное дело перед князем Иваном Федоровичем Волконским и дьяками Третьяком Копниным и Иваном Костюриным о холопе Тимофее Васильеве сыне, прозвище Боране, с женой Матреной и детьми и о сносе девки Ирины; истец — Василий Никитин сын Козинский, искал за тетку; вдову Федору Ивановскую жену Козлова; ответчики — ее свекровь Федора Петрова жена Козлова и деверья Андрей и Лаврентий Петровы дети Козлова.

I. — 1634 г. октября 29.² Василий Козинский подал кабалу на Тимофея с женой и детьми от мая 1634 г.; показания по кабале холопа и ответчика; ссылка истца на губного старосту Фрола Кишкина; ссылка на него же ответчика.

(л. 5) Се яз, Тимофей Васильев сын Александрова, своею женою с Матреною Микитиною дочерью да своими детьми, з дочерью с Лукерьею да сыном с Васильем. Он, Тимка, 20-ти дву лет, ростом невелик, волосом... ловат, нос прикокор, круглолик, глаза серы, а лиц[о] избито воспою; жена ево Матрена лет в полтретьяцать, ростом велика, суха, волосом исчерна-руса, лицо побито воспою, глаза черны, из левова глаза волос растет, нос велик, притуп, под глазом знаменка у носа, у ног персты средние срослись; дочь Лукерьяца 5-ти лет, волосом руса, глаза черны, малы, долголица, нос притуп; сын Васька 4-х лет, волосом рус, глаза черны, худы, лицо кругло, нос широк. А сказался он, Тимка, Ивановской человек Козлова; и как де Ивана не стало, и он отпущен на волю и после бил челом во двор вдове Федоре Ивановской же жене Козлова; и в нынешнем во 142-м году мая в 17-й день занели есми у государыни своей у Федоры Ивановской жены Козлова, 3 руб. денег московского ходячева серебра до сроку до такова ж числа на год; а служить нам у государыни своей во дворе по вся дни; а полягут деньги по сроце, и нам за росты служить у государыни своей во дворе по тому ж по вся дни; ф том есми государыне своей служилую кабалу на себя дали. А на то послуши...³

¹ Начало и конец дела не сохранились. Дата — 28 ноября 1634 г. — не является заключительным моментом дела.

² Датируем 1) исходя из указания на л. 2: «Да истец же Василий, не сходя с суда, подал другую челобитную...», а по этой другой челобитной суд был 29 октября 1634 г. 2) по датировке иска В. Козинского в грамоте к шуйскому воеводе на л. 22.

³ Здесь в подлиннике оставлено место для вписки имени.

А кабалу писал в Шуге губной диячок Ивашко Семенов Акифеев листа 7142-го году мая в... день.

На обороте: О[тветчик]¹ сказал: бегаючи де от матери ево и от нево, такову кабалу давал. Холоп кабалы не лживил.

142-го году мая в ... день, став в Шуге в губе перед губным старостою, перед Фролом Ивановым сыном Кишкиным, заимщик Тимка Васильев сын Александрова з женою своею и з детьми сказали Фролу Кишкину, что денег 3 руб. у государыни своей, у вдовы Федоры Ивановской жены Козлова, заняли и такову служивую кабалу на себя дали. И Фрол Кишкин, взпрося, велел записать в книги. К сей кабале руку приложил Фрол Кишкин. Послух Офонька и руку приложил.

(л. 1) И ответчик, выслушав кабалу, сказал: бегаютчи де от матери ево и от них, на холопа сильно кабала взята. А холоп Тимошка кабалы не лживил, сказал: такову на себя кабалу вдове Федоре Ивановской жене Козлова дал. И ответчик бил челом: написана де в кабале того человека жена, что у ней нос вскорос, — и у ней де нос крив, а не вскорос, и она де в рожей и в приметы с кабалою не сойдетца. Да ответчик же бил челом словесно и слался из виноватых на губнова старосту, на Фрола Кишкина, в том, что та жонка перед ним у записки у кабалы не была, а [был де] только один малой, и та де жонка написана (л. 2) за очи; и будет Фрол скажет, что та жонка перед ним была, и я де Фроловою скаскаю хочю быть прав и виноват во всем судном деле. И истец на Фрола из виноватых слался же, что та жонка у записки была, — тем де и хочю быть прав же и виноват.

II. — Того же дня. 2-ая челобитная Федоры Ивановской жены Козлова на Федору Петрову жену Козлова с сыновьями о суде в сносе подговорной девки Ирины; показания Андрея Козлова; истец с ответчиком имались за веру.

Да истец же Василей Козинской, не сходя с суда, [подал]² на Ондрееву мать Козлова, на Федору Петрову жену, и на них, Ондreja и на брата его Лаврентья, о суде другую челобитную и в челобитной пишет. — (л. 3) Царю государю [т.] бьет челом бедная вдова Федорка Ивановская женишко Козлова. Жалоба, государь, мне на свекровь свою, на Федору Петрову жену Козлова, да на детей ее, на Ондreja да на Лаврентья Петровых детей Козлова. В прошлом, государь, в 142-м году во зборную пятницу присылала, государь, та свекровь моя Федора по повеленью детей своих, тово Андрея да Лаврентья, людей своих, Митька, а прозвище Зять, с-ынными людьми, и велели, государь, подговорить девку мою Аришку. И та моя девка Аришка по их подговору снесла животов моих: 10 руб. денег да ожерелье жемчужное женское, а цена, государь, ажерелью 12 руб. с полтиною; да шляпку женскую, а цена, государь, шляпке 3 руб.; да 10, государь, навин, а цена, государь, навинам 5 руб.; да 5 рубах женских, а цена, государь, рубахам 3 руб. с полтиною; да 4, государь, убруса, да 2 полотенца шитых, а цена, государь, убрусом и полотенцем 2 руб. с полтиною; и всего, государь, сносново моего живота снесла девка моя Аришка по их подговору на 30 на 6 руб. с полтиною. И ту, государь, девку мою Аришку в нынешнем в 143-м году деверья мои ко мне прислали, а тех моих сносных животов ничево не отдали. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, горькую вдову, вели, государь, мне дать на свекровь мою и на деверей моих в том моем сносном животе свой царской суд и управу. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

¹ В подлиннике «о» в кружке.

² Сказуемое в подлиннике опущено.

На обороте: 143-го октября в 29-й день. Суд был.

(л. 4) И ответчик Ондрей Козлов, выслушав челобитную, в ответе сказал: человек де их Митька, прозвище Зять, и с-ыными людьми по их веленью девки Иришки подговаривать не присылавали, и сносу к ним ото вдовы от Федоры ничево та девка не принашивала; а бегаютчи от ней, та девка пришла было к ним, к матери своей родной и... де, не хотя со вдовою с Федорою меж собою ссо... девку отослали к ней с отцом своим духовным. Да в том меж собою истец с ответчиком имались за веру, за кресное целованье. И ответчик взял себе на душу крест целовать человеку своему Ивашку Семенову. И истец бил челом, чтоб целовать крест [человеку], которой в жалобе написан, Митьке, прозвище Зятю; до подал ссылошную память, и в памяти пишет.

III. — Того же дня. Ссылочная память Василия Козинского по делу о сносе девки Ирины — ссылка на попа Афанасия; ссылка Андрея Козлова на него же против ссылки истца; расспросные речи Тимофея.

(л. 19)...¹ Да сверх, государь, тово шлюсь села Сидоровского на священника Афонасья, а на Ондреева отца духовного, в том что ту мою девку Иришку прислали ко мне с ним, Афонасьем, а сносных моих животов не прислали; и тот священник ее допрашивал, хто ее подговорил; и та, государь, девка сказала, что подговорили люди Федорины и привели к ним, подговоря, и сносными моими животы. В том, государь, на тово священника и шлюсь.

На обороте: О[т]ветчик² слался из виноватых против ссылки.

(л. 6) И ответчик Ондрей Козлов, выслушав ссылошную память, на отца своего духовнаго села... ротово на попа Офонасья из виноватых слался же, что тое девку Иришку они к ней с тем попом отослали, а сносных животов отослать было нечево, потому что к ним девка сносу ничево не принашивала; и поп ее не допрашивал, хто ее подговорил, и девка ему того не говаривала, что подговорили ее и при... ря с сносным ее животом матери ево люди.

И князь Иван Федорович Волконской да дьяки, Третьяк Копнин да Иван Костюрин, речи их велели записать, а по исце и по ответчике и по спорном холопе мимо изца и ответчика с суда велели, взяв, принесть к делу порушныя... и спорную жонку Матренку велели поставить перед собою для досмотру примет против их опчие ссылки и против кабалы и спорново холопа с суда роспросить. И спорной холоп Тимошка Васильев сын, прозвище Боран, в роспросе сказал: отец де ево Василий за Ондреевым и за Ивановым отцом... во крестьянех надеся... и уме... за ним; и как деи Петр отделил от себя сына своего Ивана Козлова, и ево де, Тимошку, невелика с матерью ево с Марфуткою да дев (л. 7)ку Матрюшку Микитину дочь, что ныне за ним, отдал Петр сыну своему, ему, Ивану, на время, а не в проки; и Иван деи, вскормя, ево женил на той девке Матрюшке по отцову веленью для тово, что было Петру имать их у Ивана назад к себе; и Иван деи... взял на них да и на мать ево служилую кабалу; и как деи Иван Козлов умер, и они де после ево отпущены на волю, и отпускная де написана; и ныне де отпускная их у приказшика, у Герасима Порошина, а ему де та отпускная не выдана и по ся мест; и он деи бил челом во двор вдове Федоре Иванове жене Козлова из женою своею и з детьми и служилую де кабалу на себя ей дал в Шую городе; и в прошлом де в 142-м году ходил он к празднику к девятой пятнице к Николе чудотворцу на Шартму, и у праздника де ево Лаврентей Козлов, поймав, свез к себе в деревню в Мизгирево, а из Мизгирева де Ондрей Козлов свез ево с собою к Москве; и на Москве деи он сшел к ней же, вдове к Федоре Иванове жене Козлова; а жену де ево Матрушку от

¹ Пробел, начало ссылочной памяти утрачено.

² В подлиннике «о» в кружке.

Федоры свезли после ево к Ондрееве да к Лаврентьеве матери Козло[ва]... рево... него.

IV. — Того же дня. Поручные записи по истце, ответчике и спорном холопе.

Тово же дни пристав Кузьма Головачов подал к делу по изце и по ответчике и по спорном холопе мимо изца и ответчика 4 записи и в записех пишет.

(л. 8) Се яз, Данила, да Ондрей Аминины дети ..., суздальцы, да яз, Захарей Матфеев сын Микитин, суздалец, да яз, Иван Петров сын Турской, да яз, Иван Яковлев сын Рагоновской, да яз, Захарей Матфеев сын, да яз, Матфей Иванов сын Колокольников, да яз, Ондрей Степанов сын Телятев, да яз, Володимер Меншиков сын Шилов, да яз, Иван Иванов сын Колобов, да яз, Тугарин Федоров сын Молчанов, да яз, Федар Путилов сын Павлов, костромитин, да яз, Михайла Осипов сын Бoryшевской, да яз, Михайла Иванов сын Алашкин, костромитин, да яз, Степан Юрьев сын Курав, юрьево, да яз, Иван Федоров сын Кикин, да яз, Филип Микифоров сын Шапилов, можеитин, да яз, Володимер Федоров сын Скрябин, выручили есмя Холопья приказу у пристава, у Ивана у Паршина, суздальца Ондрея Петрова сына Козлова суда в том, что ставитца ему за нашею порукою в Холопье приказе перед князем Иваном Федоровичем Волконским да перед дьяки, перед Третьяком Копниным да перед Иваном Костюриным, вы-исцове иску Василья Микитина сына Козинского по челобитной, каковы у дела за дьячьёю приписью. А не учнет он, Ондрей, за нашею порукою в Холопье приказе по вся дни да суднова дела вершенья ставитца или с Москвы съедет, и на нас, на поручиках, исцов иск и с тово иску государевы пошлины, и пересуд, и правой десяток. А кой нас, порутчиков будет в лицах, на том исцов иск и государевы пошлины и спорнай человек Тимошка Васильев сын, прозвище Борашка, и жена ево Матренка. А на то послух Илья Казанец. А запись писал Ивашка Кравцов лета 7143-го году.

На обороте: Иван Рагановской с суда ручал Ондрея Козлова и в-Иваново место Турсково по ево веленью руку приложил. Захарей ручал и руку приложил. Данило ручал и в брата свое[го] место в Ондреево по ево веленью руку приложил. Михайла ручал и руку приложил. Володимер Шилов ручал и руку приложил — в Ондреево место Телятева и в Матфеево место Колокольцова Володимер Шилов по их веленью руку приложил. Федор ручал и руку приложил. Иван Колобов ручал и руку приложил. Володимер Меншиков ручал в статье с суда и руку приложил. [И]ван Кикин в статье с суда ручал и руку приложил. Филип руку приложил и ручал. Михайло ручал и руку приложил. Послух Илюшка Козанец руку приложил.

(л. 9) Се яз, Михайло Осипов сын Бастанов, да яз, Федор Путилов сын Павлов, костромитин, да яз, Иван Петров сын Турской, да яз, Ондрей Павлов сын Акинфов, стряпчей да яз, Филип Микифоров сын Шапилов, можеитин, да яз, Иван Яковлев Рагановской, иноземец, да яз, Ондрей Степанов сын Телятев, суздалец, да яз, Тугарин Федоров сын Молчанов, жилец, выручили есми Холопья приказу у пристава, у Кузьмы Головачева, суздальца Ондрея Петрова сына Козлова в том: поставити ему за нашею порукою жонку Матренку з детьми самутретью до сроку ноября ото 2-го числа на 3 недели нынешнего 100 четьредесять 3-го году в Холопье приказе перед князь Иваном Федоровичем Волконским да перед дьяки, перед Третьяком Копниным да перед Иваном Костюриным. А не поставит он за нашею порукою тое жонки Матренки з детьми самутретью на тот срок, и за те люди — по государеву указу и исцов иск. А кой нас, порутчиков, будет в лицах,

на том и порука. А на то послуши: Гарасим Лукин. А запись писал Алешка Тимофеев лета 7100 четыредесять 3-го году.

На обороте: Федор Ондreja Козлова ручал, что ему поставить женка Матренка з детьми саму-третью [на] строк, и в Михайлово место Бастенова руку приложил. Ондрей Окинфов ручал и в-Иваново места Ту[r]скова и Филипово места Шапилова руку приложил. Иван Рагановской ручал и руку приложил. Степан Куров в Ондреево место Телятева руку приложил. Послух Гарасим и руку приложил.

(л. 10) Се яз, Матвей Иванов сын Колокольников, да яз, Ондрей Ондреев сын Телятев, суздальцы, да яз, Иван Яковлев сын Рогановской, иноземец, да яз, Данило, да Ондрей О. нины дети Ярышкины, суздальцы, да яз, Иван Михайлов сын Палицын, да яз, Василей Васильев сын Евской, суздальцы, да яз, Захарей Матвеев сын Микитин, суздалец, выручили есмя Холопья суда приказу у недельщика, у Кузьмы Головачава суздальца Василья Козинского в том: ставитися ему за нашею порукою с суда Холопья суда в приказе перед князь Иваном Федоровичем Волконским да перед дияки, перед Третьяком Копниным да перед Иваном Костюриным, по вся дни до судного дела вершенья, как судное дело вершитца. А не учнетца он за нашею порукою ставити с суда, покамест судное дело вершитца, по вся дни или с Москвы без указу съедет, и на нас, на порушниках, по челобитной исцов иск Ондreja Козлова, старинной холоп Тимошка Васильев, прозвище Борашко, да сносу 20 руб. с полтиною, да что втрешно искал на Ондреев жонки Матренки з детьми, з дочерью Лукерьицею да з сыном с Васьюкою, да хлеб 90 чети с осьминою, а по другой челобитной 30-ти шти рублев с полтиною, — и он тех своих исков лишен, и с тех со всех 3-х исков государевы пошлины и правой десяток. А кой нас, порушников, в лицах, на том исцов иск и государевы пошлины. А на то послуши: Олексей Рогов. А запись писал Степанко Луков лета 7143-го году.

На обороте: Меня Василья Козинского, ручали и руку приложили с суда в статье. Иван Рагановской с суда ручал Василья Козинского и в Матвеево место Колокольцова по ево веленью руку приложил. Василей Рохманинов в Ондреево место Телятева по его веленью руку приложил. Данило с суда ручал и в брата своего место в Ондреево и руку приложил. Иван Палицын ручал и в Васильево место Евского руку приложил. Захаре[й] ручал и руку приложил. Послух Олешка и руку приложил.

(л. 11) Се яз, Степан Юрьев сын Куров Юрьева Польсково, да яз, Матфей Иванов сын Колокольников, суздалец, да яз, Кузьма Ломакин сын Тишинин, суздалец же, оба рейтарские службы, да яз, Данило, да яз, Осип, да яз, Ондрей, Оменины дети Ярышкина, суздальцы, да яз, Ондрей Степанов сын Телятев, суздалец, да яз, Яким Иванов сын Полонской, костромитин рейтарсково полку, да яз, Богдан Ивашкин сын Шарапов, да яз, Володимер Меншиков сын Шилов, выручили есмя у пристава у Кузьмы Головачова после суда мимо исца и ответчика спорново человека Тимку Васильева в том: ставитца ему за нашею порукою в Приказе холопья суда перед князем Иваном Федоровичем Волконским да перед дияки, перед Третьяком Копниным да перед Иваном Костюриным, по вся дни. А не учнет ставитца и до государева указу с Москвы збежит, и на нас, на порутчицех, тот спорной человек Тимка Васильев, а за него, что государь укажет, кто тот человек Тимка в споре у суздальца, у Ондreja Козлова, со вдовою, с-Ивановою женою Козлова с Федорою. А кой нас, порутчиков, будет в лицах, на том тот спорной человек и порука. А на то послух Тихон Олферов. А запись писал Кондратко Истомин лета 7100 четыредесять 3-го года.

На обороте: Степан Куров ручал мимо ица и ответчика спорново человека Тимку Васильева и в Кузьмино место Тишинина руку приложил. Костромитин Яким Иванов в Матвеево место Колокольцова руку

приложил. Данило ручал и в братьей своих место, в Осипово да в Ондреево, руку приложил. Богдан Шаранов ручал и руку приложил. Яким ручал и в Ондреево место руку приложил. Володимер Шилев ручал и руку приложил. Послух Тихонка руку приложил.

(л. 12) И князь Иван Федорович и дьяки, выслушав записи, велели взять к делу.

V. — 1634 г. октября 30. Андрей Козлов подал полницу¹ и отпускную от 21 марта 1634 г. на мать Тимофея Матрену с детьми; показания Василия Козинского.

Октября в 30-й день князю Ивану Федоровичу Волконскому да дьяком, Третьяку Копнину да Ивану Костюрину, Ондрей Козлов подал полницу... полнице и в отпускной пишет... — (л. 13) Се яз, Петр Андреев сын Козлов, отпустил есми старинную свою жонку Марфутку Матвееву дочь, а своего кабального человека Логина Ондронова жену ево Марфутку, что я, Петр, дал сыну своему родному, Ивану, з детьми ея, с Тимкою да с Оринкою; и божиею волею сын мой Иван на государеве службе пот Смоленским умер и мне, отцу своему Петру, по своей духовной велел отпустить на волю ту жонку Марфутку и сыном ея Тимошкою и Тимошкиною женою Матренкою Микитиною дочерью. И мне, Петру, и жене моей Федоре и, детям моим, и роду моему, и племянн, и снохе моей, Иванове жене Федоре, и роду снохи моей и племянн до них дела нет. А отпускную писал по приказу государя своего Петра Ондреевича человек ево Фетька Софонтиев лета 7142-го марта в 21-й день.

На обороте: К сей отпускной села Дроздова воскресенской поп Елисей вместо сына своего духовного Петра по ево велению руку приложил.

(л. 14) И князь Иван Федорович Волконской да дьяки, Третьяк Копнин да Иван Костюрин, выслушав полницу и отпускную, велели взять к делу. И ответчик Василей Козинской, выслушав полницу, сказал, что деи Ондрей Козлов того спорного холопа по той полнице причитают, а он деи в холопстве не бывал, а был во крестьянстве. И князь Иван Федорович и дьяки велели принести к делу Ондрею Козлову по полнице тому спорному холопу роспись, род холопству, [а] Василью Козинскому тому же спорному холопу роспись, род крестьянству.

VI. — Того же дня. Поданы росписи: Василием Козинским холопья родословная Тимофея и Андреем Козловым — его же крестьянская родословная.

И суздальцы, Ондрей Козлов, подал к делу по полнице спорному холопу Тимке роспись, род холопству, а Василей Козинской подал тому же спорному холопу роспись, род крестьянству, а в росписях пишет.

(л. 15) Род холопству. Ивашко Павлов сын. От Ивашка Павлова родился сын Илейка, от Илей[ки] родился Фетька, от Фетьки родился Якунька, от Якуньки родился Микитка, от Микитки родилась дочь Манька, от Маньки родилась Марфутка, от Марфутки родился Тимошка.

На обороте помета: Взять к делу.

(л. 16) Род крестьянству. Роспись роду Тимкину вдовы Федоры Ивановские жены Козлова кабальнова человека. Тимкин дед Александр, крестьянин дер. Мизгиревы, а та дер. Мизгирево была в поместье за Степаном Темиревым... сыном Койсаровым, а после Степана за Грязным за Шекуровым, а после Грязнова за дочерьми ево; а те Грязновские дочери здали ту дер. Мизгиреву Ивану Петрову сыну Козлову. И тот Тимкин дед Александр извелся во крестьянстве в той

¹ Полницы в деле нет; между лл. 12 и 13 — пробел.

дер. Мизгиреве, а отец Тимкин Василий Александров сын крестьянин той же дер. Мизгиревы. Мать Тимкина Марфутка Матвеева дочь, а Матвей был боярской человек Степана Тимерева сына Кайсарова, жил в полосе за двором в селе Федосове; а после Степана Кайсарова тот Матвей, Марфуткин атец, служил жене ево Соломаниде, а та Марфутка была вольная, и отец Марфуткин Матвей выдал ее замуж в дер. Мизгиреву за крестьянина за Василья Александрова, за Тимкина отца, и прижили тово Тимку во крестьянстве в дер. Мизгиреве. А Марфуткина роду братья Марфуткины родные, Матвеевы же дети, — з двора Степана же Кайсарова; и ныне брат ее живет один в Нежегородцком уезде во крестьянах в селе Павлове, в вотчине боярина князя Ивана Борисовича Черкасского, а другой брат ее живет в Суздальском уезде во дворе у суздальца у Дмитрея Антонова; а сестра Марфуткина родная большая, Федоска Матвеева же дочь, живет и ныне во дворе у суздальца у Григорья Порошина. А Тимошкин атец Василий Александров сын извелся во крестьянах, убили литва. И та Марфутка после мужа своего Василья сыном своим с Тимкою была челом во двор Ивану Козлову ис крестьянства и кабалу на себя дала и на сына своего Тимку Ивану Козлову. А Тимкина жена — Матрюшка Микитина дочь, а мать у нее Маврутка; а отец ее Матрюшкин Микита и мать ее Маврутка крестьяня были государева дворцова села Лежневские волости, а ныне то дворцовое село Лежнево в вотчине за боярином за князем Иваном Борисовичем Черкасским.

На обороте помета: Взять к делу.

(л. 17) И князь Иван Федорович и дьяки Третьяк и Иван, выслушав росписи, велели взять к делу.

VII. — 1634 г. ноября 7. Челобитная вдовы Федоры Ивановской жены Козлова, поданная Василием Козинским, по вопросу о том, кому целовать крест в иске на ней Андреем Козловым сноса.

Ноября в 7-й день князю Ивану Федоровичю Волконскому да дьяком, Третьяку Копнину да Ивану Костюрину, вместо вдовы Федоры Ивановской жены Козлова подал суздалец Василий Козинской челобитную, и в челобитной пишет. — (л. 18) Царю государю [т.] бьет челом бедная вдова Федорка суздальца Ивановская женишко Козлова. В нынешнем, государь, в 143-м году искал на мне, горькой вдове, в Холопье приказе перед князем Иваном Федоровичем Волхонским да перед твоим государевым дьяком, перед Иваном Костюриным, деверь мой суздалец Андрей Козлов, поймав с приставом моево же кабальново человека Тимки Васильева сына, а назвав своим человеком. Да тот же, государь, деверь мой Ондрей искал на мне же, бедной вдове, поклепав напрасно, сносу 20-ти руб. с полтиною. И в том, государь, ево иску я, бедная вдова, взяла [на душу крест целовать]¹ своему человеку Ивашку Филипову; и тот, государь, Андрей сказал, что тот человек мал, целовать де креста некому, и бил челом, чтобы, государь, велели крест целовать крестьяннцу моему Павлику Алексееву. А у меня, государь, бедной вдовы, в ту пору человечка иново не было; был человек Филька Савельев, и тот в ту пору бегал, а тово Ивашка отец. И ныне, государь, тот Филька пришел, а тот, государь, крестьянинец мой Павлик, коему было крест целовать, лежит при смерти. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, бедную вдову, вели, государь, крест целовать в том Андрееве иску человеку моему Фильке Савельеву, а тово Ивашка, что было я взяла ему на душу, атцу. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 143-го ноября в 7-й день. Взять к делу. А Ивашкова отца Фильку х крестному целованью поставить в ево Ивашкино место.

¹ Слова, заключенные в скобки, в подлиннике опущены.

(л. 20) И князь Иван Федорович и дьяки, Третьяк и Иван, выслушав челобитную, велели взять к делу; а приставу Кузьме Головачеву велели Ивашкова отца Фильку к крестному целованью поставить в ево Ивашково место.

VIII. — 1634 г. ноября 24. Досмотр Матрены против кабалы, поданной на нее Василием Козинским.

И ноября в 24-й день в Приказе холопья суда перед князем Иваном Федоровичем Волконским да перед дьяки, перед Третьяком Копниным да перед Иваном Костюриным, суздалец Ондрей Козлов по записи, жакова у дела, к досмотру в рожей [и] примет[ы] спорную Тимкину жену Васильева Матрешку Никитину дочь поставил, которые жонки искал на нем по кабальному холопству вместо вдовы Федоры Ивановской жены Козлова племянник ее суздалец же Василей Никитин сын Козинской, и подал к делу на ту жонку с мужем и з детьми служилую кабалу. А ответчик [Андрей] Козлов, выслушав кабалу, сказал: нос крив, а не вскорос, и она де, жонка, в рожей и в приметы с кабалою не сойдется; и ныне он ее к досмотру поставил.

(л. 21) И жонка Матрешка против кабалы в рожей и приметы осматривана, и спорная имянная примета против кабалы по Ондрееву челобитью не сошлись. Сказал Ондрей — у ней нос крив, а в кабале написан нос притуп, а по смотру у ней нос прям, вскорос. А иные приметы, о которых Ондреево челобитье неимянно, против кабалы не сошлись же. В кабале написана — ростом велика, а по смотру ростом средняя; написана — суха, а по смотру ни суха ни толста, человек ровной; написана — волосом изчермна-руса, а по смотру волосом: брови истемна-русы; написано — глаза черны, а по смотру кари; написано — из левого глаза волос растет, а по смотру волоса из глаза не растет, оба глаза ровны.

IX. — 1634 г. ноября 28. Грамота шуйскому воеводе Михайлу Никоновичу Колзакову о снятии показаний с губного старосты Флора Кишкина по делу о взятии кабалы на Матрену Федорой Ивановской женой Козлова.

И князь Иван Федорович Волконской да дьяки, Третьяк Копнин да Иван Костюрин, сего дела слушали и велели послать в Шую государеву грамоту, а на Патриархов двор память. И в Шую государева грамота, а на Патриархов двор память посланы таковы.

(л. 22) От царя [т.] в Шую воеводе нашему Михайлу Никоновичу Колзакову. В нынешнем в 143-м году октября в 29-й день в Приказе холопья суда перед князем Иваном Федоровичем Волконским да перед дьяки нашими, перед Третьяком Копниным да перед Иваном Костюриным, искал вместо вдовы Федоры Ивановские жены Козлова-племянник ее, суздалец Василей Никитин сын Козинской, на суздаляцах же, на Ондрее да на Лаврентье Петровых детех Козловых, крепосные ее жонки Матрешки Тимкины жены Васильева з детьми, з дочерью с Лукерьицею да с сыном с Васью, да хлеба всяково 90 чети с осьминою. И ответчик Ондрей Козлов в хлебе заперся, а в жонке, в Матрешке Тимкине жене, слался из виноватых Шуй города на губново старосту на Фрола Кишкина, что сноха ево вдова Федора взяла на ту жонку Матрешку кабалу за очи, а перед губным деи она старостою, передо Фролом Кишкиным, у кабалы у записки не была, а был деи только один муж ее. А истец Василей Козинской на губново старосту на Фрола Кишкина слался же из виноватых, что де вдова Федора на ту жонку на Матрешку взяла кабалу не за очи, и перед губным деи она старостою, передо Фролом Кишкиным, у кабалы у записки была. И как к тебе ся наша грамота придет, (л. 23) и ты б, поставя перед собою губново старосту Фрола Кишкина, по нашему кресному целованью спросил подлинно: Тимка Васильев з женою

своею с Матрющкою вдове Федоре Иванове жене Козлова во двор бил ли челом и служилую кабалу ей на себя дал ли, и ево Тимкина жена Матрющка перед ним у кабалы у записки была ли или нет. Да что Фрол Кишкин про то скажет, и ты б ево речи велел, записав, прислати к нам к Москве за ево Фроловою или отца ево духовнаго рукою для вершенья судного дела; а отписку и роспросные речи велел бы еси отдати в Приказе холопья суда князю Ивану Федоровичю Волконскому да дьяком нашим, Третьяку Копнину да Ивану Костюрину. Писан на Москве лета 7143-го ноября в 28-й день.

Х. — Того же дня. Память патриарха Иоасафа Семену Васильевичу Колтовскому о посылке грамоты в Суздаль епископу Серапиону о роспросе попа Афанасия по делу о подговоре девки Ирины Федорой Петровой женой Козлова с детьми.

(л. 24) Лета 7143-го ноября в 28-й день по государеву [т.] указу память великого господина святейшего патриарха Иасафа московского и всеа Руси боярину Семену Васильевичю Колтовскому да дьяку Максиму Богданову. В нынешнем в 143-м году октября в 29-й день в Приказе холопья суда перед князем Иваном Федоровичем Волконским да перед дяки, перед Третьяком Копниным да перед Иваном Костюриным, искал вместо вдовы Федоры Ивановские жены Козлова племянник ее суждалец Василей Никитин сын Козинской на свекрови ее на Федоре Петровской жене Козлова да на детех ее, на Ондрее да на Лаврентье Козловых: в прошлом де в 142-м году во зборную пятницу присылали де они ко вдове же к Федоре Иванове жене Козлова людей своих, Митьку, прозвище Зять, с товарищи, подговорить девку ее Иришку; и девка де по их подговору снесла к ним живота ее, денег и всякие рухляди на 30 на 6 руб. с полтиною; и тое де они девку назад к ней прислали, а животов ее к ней не прислали; да в том слался из виноватых Суждальского уезду села Сидоровского на попа Офонасья, а на ответчикова Ондреева отца духовного, — с ним деи, попом Офонасьем, свекровь ее и они, деверья, тое девку Иришку к ней прислали, а сносных животов к ней не прислали; и тот деи поп ее, девки, допрашивал, хто ее подговорил; и девка де ему сказала: подговорили де ее свекровни Федорины люди, Митька, прозвище Зять, с товарищи, и привели к ней, Федоре, подговоря, с сносным ее животом. А ответчик Ондрей Козлов вместо матери своей и брата своего Лаврентья (л. 25) Козлова и за себя в ответе на отца своего духовного, села Сидоровского на попа Офонасья, слался ж из виноватых, что они тое девку Оришку к снохе своей с тем попом Офонасьем отослали, а сносных животов отослать было к ней нечево, девка де к ним сносу ничево не принашивала, и поп ее не допрашивал, хто ее подговорил, и она ему того не сказывала, что подговорили ее матери ево люди. Митька Зять с товарищи, и привели к матери ево, подговоря, с сносным ее животом. И по государеву [т.] указу послати в Суждаль великого господина святейшего патриарха Иасафа московскаго и всеа Руси грамоту к суждальскому и торусскому архиепископу Серапиону, чтоб села Сидоровского попа Офонасья роспросить по свяще[н]ству: вдова Федора Петрова жена Козлова з детьми с Ондреем да с Лаврентьем, к снохе своей ко вдове к Федоре Иванове жене Козлова девку ее Иришку с ним, попом Офонасьем, отослали ль, и допрашивал ли он, поп, тое девки, хто ее подговорил, и девка ему сказала ли, что подговорили ее вдовы Федоры Петровские жены Козлова з детьми люди или нет, и подговоря ее, к ней с сносным животом привели ль или нет; да что про то поп скажет по священству, и те речи велети б, написав, прислати к великому господину святейшему патриарху Иасафу московскому и всеа Руси за его, попа Офонасья, рукою, (л. 26) а в Приказ холопья суда ко князю Ивану Федоровичю Волконскому да к

диаком, к Третьяку Копнину да к Ивану Костюрину, велети о том, что поп по священству скажет, отписать для вершенья судного дела.

Скрепа на обороте по сставам — Диак Третьяк Копнин — едва видна, местами заклеена бумагой.

Опись № 26, столбец № 41391. I — лл. 5, 1, 2; II — лл. 2—4; III — лл. 19, 6, 7; IV — лл. 7—12; V — лл. 12—14; VI — лл. 14—17; VII — лл. 17, 18, 20; VIII — лл. 20, 21; IX — лл. 21—23; X — лл. 24, 25. Дело перебито; начало и конец утрачены; пробы — между лл. 4 и 19, 12 и 13. Столбец — ветхий; листы оклеены с лица прозрачной бумагой, а с оборота не прозрачной.

№ 24. — 1635 г. августа 19¹ — октября... Судное дело перед князем Иваном Федоровичем Волконским и дяками Третьяком Копниным и Иваном Костюриным о жонке Авдотье Семеновой (Игнатьевой) дочери с мужем Федором Лукиным сыном; истец — Василий Васильев сын Кречетников. ответчик — жилец Матвей Иванов сын Поздеев.

I. — 1635 г. августа 22. Допрос Федора и Василия Кречетникова по челобитной последнего².

(л. 9) ... И против сей челобитной за жонку Дуньку Семенову дочь муж ее Федька Лукин отвечал, а та Дунька у суда тут же стояла. И в ответе Федька сказал: в прошлом де в 142-м году июля в 11 день жена ево Федькина [Дунь]ка от Василья збежала, а подговорил де ее от Василья... [Никит]а Киреевской, и выдал ее замуж за нево, Федьку, тот Микита Киреевской; а он де, Федька, бегаючи от Матвея Поздеева, в те поры жил у Микиты Киреевского 5 лет; и привели де их в Володимерскую четверть к Фоме Квашнину, а из Володимерской де четверти отослали их в Большой дворец к боярину к Федору Ивановичу Шереметеву с товарищи, потому что та жена ево Федькина Дунька была литовская полонянка, а из Приказу де Большова дворца прислали их в Холопей приказ. Спросили исца Василья Кречетникова: для чего тех людей в Холопей приказ прислали — для ль того, что их ис Холопей приказу освободить на волю или тех людей прислали к суду? И истец Василей сказал: токо б де тех людей освободить, и они бы де там дали им свободу и в приказ к вам не присылали, а то де тех людей по государеву уложению прислали к указу. И туто же бил челом словесно истец Василей: сказывает де тот Федька, что он служил у Микиты Киреевского, и он де Федька затеел ложно, а у Микиты де Киреевского он не служивал. Спросили исца Василья: по чему тебе та жонка Дунька крепка? И истец подал на тое жонку служилую кабалу, а в кабале пишет.

II. — Того же дня. Василий Кречетников подал служилую кабалу на Авдотью; допрос ее по кабале.

(л. 10) 142-го мая в 3 день. Записать в книги; сказалась вольная. — Се яз, вдова Овдотья Семенова³ дочь Федорова жена Федорова, заняла есми у Василья Васильевича Кречетникова 3 руб. денег московских ходячих мая с 3-го числа да токова же числа на год; а за рост мне у государя своего, у Василья Васильевича, служить во дворе по вся днии; и полягут деньги по сроце, и мне у государя своего, у Василья Васильевича, за рост служить во дворе по вся днии по тому ж. А на то послух Олексей Рогов. А кабалу писал Исайко Игнатьев сын Сурьенинов лета 7100 четьыредесятъ втораго году.

На обороте: 142-го мая в 3 день. Перед князем Иваном Федоровичем Волконским да перед диаки, перед Третьяком Копниным да

¹ Начало судного дела в Холопьем приказе датируем моментом перенесения дела в этот приказ из Большого дворца — см. докладную выписку (X, л. 25) и боярский приговор (XIII, л. 7).

² Челобитная не сохранилась; дату и содержание ее см. в докладной выписке (X, 25 л.) и боярском приговоре (XIII, л. 7).

³ Ниже, в докладной выписке (X, л. 25), Авдотья названа Игнатьевой дочерью.

перед Первым Нероновым, заимщица сказала: деньги занела и кабалу на себя такову дала; и в книги записана. Диак Первой Неронов.

Заимщица кабалы не лживила.

Справил Ивашко Васильев. Послух Олешка и руку приложил.

(л. 11) И жонка Дунька, выслушав кабалу, сказала: привез де ее Василей Кречетников ис-под Смоленска, а сказал ей, что здесь де без записки ни держат людей; а была де она в Холопье приказе, а тово де она не знает, что кабала, и такову де кабалу на себя дала. Спросили жонки Дуньки: как привели вас перед боярина, перед Федора Ивановича Шереметева с товарищи, и допрос тебе там о отпуске в Литву был ли? И жонка сказала: приводили де их перед боярина, и она де Дунька сказала, что она в Литву не хочет итти от мужа.

III. — Того же дня. Ссылки Василия Кречетникова и сказки по ним Авдотьи.

И истец же подал ссылки, а в ссылках пишет. — (л. 12) Да сверх, государь, того шлюсь в Холопье же приказе на привод и на допросные речи. Как та моя кабальная жонка Авдотья в прошлом во 142-м году бегала от меня, и я тое жонку изымал на Москве у салдатов; и тое мою жонку Авдотью из Холопья приказу по кабале попрежнему в холопи же. В том, государь, на привод и на записку, как мне отдана, и шлюсь.

На обороте: О[тветчица]¹ сказала, что бегала и из Холопья приказу выдана.

(л. 13) Да сверх, государь, того шлюсь на челобитье свое, на явки, в Холопье же приказе. Как та моя кабальная жонка Авдотья Семенова дочь в прошлом во 142-м году июля в 12 день из подмосковной моей поместной дер. Бунева² збежала, а объявилась моя беглая кабальная жонка Овдотья у Матфея Иванова сына Поздеева за человеком ево, за Фетькою, замужом. В том, государь, на свое челобитье и на явки и шлюсь.

На обороте: О[тветчица] [сказала:] бегала; и явок не лживила.

(л. 14) И жонка Дунька, выслушав ссылки на привод и на допросные речи, сказала, что бегала и ис Холопья приказу выдана; а на явки сказала: бегала — и явок не лживила.

IV. — Того же дня. Исковая челобитная Матвея Поздеева на Федора о суде в холопстве; допрос по ней Федора и Василия Кречетникова.

И туто же Матвей Иванов сын Поздеев на Федьку Лукина в холопстве о суде подал исковую челобитную, а в челобитной пишет. —

(л. 15) Царю государя [т.] бьет челом холоп твой Матюшка Иванов сын Поздеев. В прошлом, государь, во 138-м году февраля в 26 день збежал от меня с Москвы человек мой старинной выданой и кабальной Федька Лукин, а сносу взял, подлома, ис-под головашка денег и платья на себе на 30 на 2 руб. на 20 на 3 алт. на 4 д. И в нынешнем, государь, во 143-м году тот мой человек Федька пришел ко мне в Темников, а привел с собою жонку Овдотью Игнатьеву дочь, а сказала — вольная, литовская полонянка; и я, холоп твой, привезши к Москве, по твоему государеву указу привел их к роспросу и к записке в Полоняничной приказ. И ис Полоняничново, государь, приказу тот мой человек и та жонка отосланы в Приказ Большого дворца к твоим государевым бояром, к Федору Ивановичю Шереметеву, да ко князю Олексею Михайловичю Львову, да к окольному к Степану Матвеевичю Простеву, да к дьяком к Григорью Нечаеву да к Василию Прокофьеву; а во Дворце за ту жонку имался Василей Кречетников. А тово, госу-

¹ В подлиннике «о» в кружке.

² Ср. ниже: дер. Былево.

дарь, человека моего Федькин отец Лучка служит у отца моего и у меня в старинном холопстве 40 лет. И как по твоему государеву уложению не велено старинных людей без крепостей держати, и я, холоп твой, по твоему государеву указу на ево Федькина отца и на мать и на нево, Федьку, и на сестр ево взял служилую кабалу тому 15 лет. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне на тово человека дати свой царской суд и управу. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 143-го августа в 22 день. Суд был.

(л. 16) И князь Иван Федорович да диаки, Третьяк Копнин да Иван Костюрин, выслушав челобитную, допросили Василья Кречетникова: ты ль за человека, за Федьку, отвечаешь Матвею? И Василей сказал: за тово де человека, за Федьку, он Василей, не отвечает. И Федька Лукин, выслушав челобитную, отвечал, а в ответе сказал: в прошлом де в 138-м году февраля в 26 день от Матвея Поздеева он, Федька, збежал и опять к нему, Матвею, пришел и жону свою Дуньку привел, и бо Дворце де Василей Кречетников за жену ево, за Дуньку, имался; и там де в холопстве ничево им не учинили и отослали де их в Холопей приказ; а отец де ево Федькин у отца ево Матвеева и у нево, Матвея, и ныне служат; а кабала де на них взята на Матвеево имя тому лет с 15.

V. — Того же дня. Матвей Поздеев подал служилую кабалу на отца Федора Луку Никитина сына с женой и детьми от 30 апреля 1620 г., допрос Федора.

И истец подал служилую кабалу, а в кабале пишет (л. 17) Список с кабалы слово в слово. Се яз, Лука Никитин сын, лучанин, да своею женою с Матреною Омельяновою дочерью, да своими детьми, з девками с Натальею да с Дарьею да с Мариною да с сыном с Федором, заняли есмя у Матвея Ивановича Поздеева 12 руб. денег московских ходячих апреля от 30-го числа да впредь до токова же числа на год; а за рост нам у государя у своего, у Матвея Ивановича, служити во дворе по вся дни; а полягут деньги по сроце, и нам у государя у своего, у Матвея Ивановича Поздеева, за рост служити по тому же по вся дни во дворе. А кой нас, заимщиков, будет в лицах, на том служба и деньги. А на то послуши: Иван Савельев сын Силин. А кабалу писал Гриша Васильев сын Яковлева лета 7128-го году. А вверху у кабалы написано: 128-го апреля в 30 день. Записать в книги; сказали — служат сие у него по сю кабалу 40 лет. А назади у подлинной кабалы написано: 128-го апреля в 30 день перед Семеном Михайловичем Колтовским, да перед Иваном Кузьмичем Бегичевым, да перед дяком, перед Филипом Митрофановым, заимщики сказали: деньги заняли и кабалу на себя такову дали; и в книги записана. Припись дьяка Филипа Митрофанова. Справка подьячего Михайла Семенова. На той же кабале помета дьяка Ондreja Строева, написано: 138-го генваря в 15 день. В суде холоп сказал: не ведает, давал ли или чет, — а он не даывал; а ответчик сказал: будет де были у него люди теми имены, только не тот человек. На той же каб[ал]е помета дьяка Третьяка Копнина, написано: Заимщик кабалы не лживил. Послух Иванка руку приложил.

(л. 18) И ответчик, выслушав кабалу, не лживил, а сказал: такову де кабалу давали.

VI. — Того же дня. Ссылки Матвея Поздеева; сказки по ним и ссылки Федора.

И истец Матвей подал ссылки, а в ссылках пишет.

(л. 19) Да сверх, государь, тово шлюсь из виноватых на явки. Как тот мой человек Фетька бегал от меня в прошлом во 137-м году, и в

том же, государь, во 137-м году тот мой человек Фетька в Холопье приказе с суда мне выдан; и в прошлом государь, во 138-м году то[т] же мой человек Фетька бежал от меня вдругоредь. В том, государь, на явки и шлюсь.

На обороте: От[ветчик] слался же.

(л. 19) Да сверх, государь, тово шлюсь из виноватых: как тот человек мой Фетька по государеву указу посылан был из Большово дворца на Потрияршей двор, и велено тово человека и ту жонку на Потриярше дворе отцом духовным свидетельствовати, где тот мой человек на той жонке женился, и по потрияршу указу тово человека отец ево духовной и ту жонку поновлял; и тот человек и та жонка отцу своему духовному в духовне сказали, что тот мой человек Фетька, бегаючи от меня, на той жонке женился. В том, государь, из виноватых на ту память и шлюся, какова прислана с Потриярша двора за дьячею рукою в Большой дворец и из Большово дворца прислана в деле за дьячею же рукою в Холопей приказ, — в том, государь, на память и шлюся.

На обороте: О[тветчик]¹ сказала, что он женился на Коломне, а в те поры служил у Микиты Киреевского.

(л. 20) И ответчик, выслушав ссылки, на явки слался ж; а на память, что прислана с Патриарша двора в Большой дворец, сказал, что он женился на Коломне, а в те поры служил у Микиты Киреевского.

И князь Иван Федорович да диаки, Третьяк Копнин да Иван Костюрин, с суда велели недельщику Михайлу Кургановскому по обеих исках взять поручные статные записи, а спорных людей, Федьку з женою з Дунькою, велели на поруки дать мимо исца и ответчика.

VII. — 1635 г. августа 28. Недельщик Михаил Кургановский подал поручную запись по Матвее Поздееву.

И августа в 28 день недельщик Михайло Кургановской сказал: велено де ему, Михайлу, с суда спорных людей, Федьку з женою ево з Дунькою, мимо исца и ответчика дать на поруки з записью, — и по тех де людех порук нет; и подал по Матвеи поручную запись, а в записи пишет. — (л. 21) Се яз, Петр Иванов сын Соловцов, свияженин, да яз, Микита Григорьев сын Олтуфьев, да яз, Потап Архипов, Челобитново приказу подъячей, выручили есмя у пристава, у Михайла Кургановского, с суда жильца Матфея Иванова сына Поздеева в том: ставитца ему за нашею порукою в Приказе холопья суда перед князем Иваном Федоровичем Волконским да перед дияки, перед Третьяком Копниным да перед Иваном Костюриным, по вся дни; а не учнет ставитца и до вершенья судново дела с Москвы съедет, и на нас, на порутчикех, исцов иск Василья Кречатникова по челобитной, а он, Матфей, своего иску лишон, что он искал на Василье по своей челобитной встречно, и с тех с обеих исков на нас же, на порутчикех, государевы пошлыны, и пересуд, и правой десяток, каковы их обе челобитные в суде у дела за дьячью приписью. А кой нас, порутчиков, будет в лицах, на том и порука. А на то послух Влас Перфирьев. А запись писал Кондратко Истомин лета 7100 четьредесятъ 3-го году.

На обороте: Петр Соловцов ручал с суда Мотвея Поздеева, а в Петрово место по ево велению свияженин Левонтей Сполохов руку приложил. Микита Олтуфьев ручал и руку приложил. Потап Архипов Матвея Поздеева с суда в статье на беглом своем человеке на Федьке Лукине холопства искал, ручал и руку приложил. Послух Власка руку приложил.

(л. 22) И князь Иван Федорович да диаки, выслушав поручную запись, велели взять к делу.

¹ В подлиннике «о» в кружке.

VIII. — 1635 г. августа 27—30. Поручная запись по Василии Кречетникове.

Августа в 30 день князю Ивану Федоровичу Волконскому да диаком, Третьяку Копнину да Ивану Костюрину, недельщик Михайло Кургановской по Василье Кречетникове подал поручную запись, а в записи пишет. — (л. 23) Се яз, Лаврентей Прокофьев сын Хрипунов, да яз, Богдан Лукьянов сын Ушаков, да яз, Тихон Васильев сын Бровцын, ноугородцы, выручили есми Холопья приказу у пристава, у Михайла Кургановского, Василья Васильева сына Кречетникова в том: ставитца ему за нашу порукою в Холопье приказе перед князем Иваном Федоровичем Волконским да перед дьяки, перед Третьяком Копниным да перед Иваном Костюриным, с суда по вся дни до вершенья судного дела и с Москвы не съехать. А будет он, Василей, не учнет ставитца за нашу порукою в Холопье приказе с суда по вся дни до вершенья судного дела и с Москвы съедет, и юн, Василей, иску своею лишен, что искал он на Матвеи Поздееве, и с тово иску государевы пошлины, и пересуд, и правой десяток по челобитной, какова в суде за дьячьего приписью. А кой нас, порутчиков, в лицах, на том и порука. А на то послушии: Степан Луков. А запись писал Ортюшка Казаринов лета 7100 четьредесьть 3-го году августа в 27 день.

На обороте: Лаврентей Хрипунов суда ручал в статье Василья Кречетникова и руку приложил. Богдан Ушаков ручал и руку приложил. Тихан Бровцын ручал и руку приложил. Послух Степанко руку приложил.

(л. 1) И князь Иван Федорович Волконской да диаки, Третьяк Копнин да Иван Костюрин, выслушав поручную запись, велели взять к делу.

IX. — 1635 г. сентября 8. Василий Кречетников подал подписную челобитную: перенести его судное дело с Матвеем Поздеевым о жонке Авдотье из Холопьяго приказа в иной приказ и доложить государю.

144-го сентября в 8 день в Холопье приказе князю Ивану Федоровичу Волконскому да диаком, Третьяку Копнину да Ивану Костюрину, Василей Кречетников подал подписную челобитную, а в челобитной пишет. — (л. 2) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой Васька Кречетников. В прошлом, государь, во 142-м году июля во 12-й день збежала, государь, от меня, холопа твоего, кабальная моя женка Овдотьица Семенова дочь из подмосковнаго моего деревнишка Бынева к Матфею Поздееву, и тот Матфей Поздеев ту мою беглую кабальную женку Авдотьицу выдал за человека своего, за Фетьку. И сфедав тот Матфей, что я у него хотел ту свою жонку беглую вынять, и он еи отвел к записке в Галитцкую четверть, а велел ей сказ[ы]ватца литовскою; а из Галитцкой четверти отослали еи в Большой дворец, а из Дворца, государь, оне отослана и розпросные речи в Холопей приказ. И в Холопье, государь, приказе у меня, холопа твоего, в том деле и суд был. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, то мое судное дело и розпросные речи перенести в-иной приказ, где ты, государь, укажешь, и себя, государя, доложить по тому делу. Царь государь, смилуйся.

На обороте пометы: Государь пожаловал: по сей челобитной велено будет дело ево слушать, а в переносе отказать.

14-го сентября в 8 день. Взять к делу.

(л. 3) И князь Иван Федорович и дьяки Третьяк и Иван, выслушав челобитную, велели и с того судного дела выписать в доклад.

X. — 1635 г. сентября... Докладная выписка из судного дела Василия Кречетникова с Матвеем Поздеевым

И ис того судного дела в доклад выписано на перечень. А ис судного дела, что выписано на перечень, пишет. — (л. 25) Доложить

государя [т.]. В прошлом во 143-м году августа в 19 день в Приказ холопья суда от бояр, от Федора Ивановича Шереметева с товарищи, прислана жонка Овдотьица Игнатьева¹ дочь с мужем ее, с Федькою Лукьяновым, для вершенья в холопстве, что в споре те люди у Василья Кречатникова з жильцом, с Матвеем Поздеевым. И в прошлом же во 143-м году августа в 22 день в Приказе холопья суда искал Василей Кречатников на той жонке, на Овдотьице, холопства по челобитной, а в челобитной своей написал, что та жонка ево збежала от него в прошлом во 142-м году, и ту ево жонку выдал замуж за человека своего, за Федьку, Матвей Иванов сын Поздеев. Да подал в суде на тое жонку Василей Кречатников служилую кабалу, а имана та кабала на Москве в Приказе холопья суда в прошлом в 142-м году мая в 3-м числе. А Матвей Иванов сын Поздеева в челобитье своем написал, что тот человек Федька Лукьянов старинной ево и выданой отца его и кабальной человек, а збежал от него в прошлом в 138-м году февраля в 26-м числе; и в прошлом же в 143-м году тот ево человек Федька пришел к нему, Матвею. Да подал Матвей Поздеев на того человека служилую кабалу, а имана та кабала на Москве в 128-м году апреля в 30-м числе, а на кабале помета диака Филипа Митрофанова, что он служит у Матвеява отца Поздеева по ту кабалу 40 лет. (л. 26) А холоп Федька Лукьянов сказал, что он старинной и кабальной человек Матвея Иванова сына Поздеева, а братья де ево и ныне служат у Матвея; и от Матвея де он бегал и пришел к Миките Киреевскому; и в прошлом де в 142-м году жонка Дунька от Василья Кречатникова збежала по подговору Микиты же Киреевского; и тот де Микита Киреевской ево, Федьку, на той Васильевой жонке беглой Кречатникова женил. А жонка Дунька сказала, что она полонянка Смоленского уезду, а после сказалась дорогобуженка, а из Дорогобужа де ее привез к Москве Василей Кречатников и взял де на нее кабалу сильно; и от Василья де она збежала и пришла к Миките Киреевскому; и Микита де ее выдал замуж за беглова Матвеева человека Поздеева за Федьку Лукьянова. А в памяти² от бояр, от Федора Ивановича Шереметева с товарищи, за приписью диака Григория Нечаева написано: Государь [т.] указал, и бояре приговорили жонку Овдотьицу с мужем с Федькою отослать к вершенью холопства в Приказ холопья суда, потому что до полону то дело не дошло. Да в той же памяти написано, что жонка Овдотьица с мужем с Федькою в духовном деле отсыланы были на Потриарш двор. И в памяти с Патриарша двора за приписью диака Ортемья Хватова написано: Великий господин святейший Иосаф патриарх московский и всеа Руси (л. 27) того Федьку Лукьянова з женою ево з Дунькою по свидетельству отца их духовного розвесть не велел. Да в прошлом же в 143-м году августа в 20 день в памяти ис Потриарша разряду в Приказ холопья суда за приписью дьяка Федора Торопова написано: В прошлом в 133-м году апреля в 1 день блаженные памяти великий государь святейший Филарет Никитич патриарх московский и всеа Руси с судного дела и доклада Василья Стрелкова о кабальной ево девке Феклице и о Прокофьеве человеке Враскова, о Данилке Юрьеве, что он, Прокофей, тово своево человека Данилка хотел женить на Васильевой кабальной девке Феклице и ево, Данилка, с нею обручал, слушав, и указал тово Прокофьева человека Данилка с тою девкою Феклицею после обручания не розвесть, а по старой крепости тое девку Феклицу и з женихом ее, с тем Данилком Юрьевым, указал государь патриарх отдать Василью Стрелкову, а за того человека, за Данилка Юрьева, Прокофью Враскому за холопство указал государь

¹ Выше, в служилой кабале (II, л. 10), Авдотья названа Семеновой дочерью.

² Цитируемых в докладной выписке памяти из Большого двorca и с Патриаршего двора в деле нет.

патриарх дать 15 руб. И на Василье Стрелкове по государеву патриаршу указу 15 руб. взяты и отданы Прокофью Вразскому, и у Прокофья взят человек ево Данилка Юрьев и отдан Василью Стрелкову. И записка тому у судного дела в Патриарше разряде есть. — (л. 24) И о том как государь [т.] укажет: по кабальному [ли и старинному холопству велит отдать жонку Матвею Поздееву с мужем ее, которую беглую выдал за беглова же человека замуж Микита Киреевской; или государь укажет Василью Кречатникову на Мотвее за жонку по кабале деньги взять против прежнего указу 15 руб.; или государь укажет ис старинного кабального холопства отдать человека з женою Василью Кречатникову, а на Василье за того человека государь укажет деньги взять против своего государева указу 50 руб.

XI. — 1635 г. сентября 24. Челобитная Василия Кречатникова.

(л. 4) И 144-го сентября в 24 день князю Ивану Федоровичю Волконскому да дьяком, Третьяку Копнину да Ивану Костюрину, Василей Кречатников подал челобитную, а в челобитной пишет...¹

XII. — 1635 г. сентября 26. Василий Кречетников подал вторую подписную челобитную об указе по его делу с Матвеем Поздеевым.

(л. 5) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой Васька Кречетников. В прошлом, государь, во 142-м году збежала от меня, холопа твоего, кабальная моя жонка Овдотьица, и та, государь, моя жонка объявилась у Матвея Поздеева за человеком ево, за Федькою. А тот Матвей Поздеев велел той моей кабальной жонки Овдотьицы назватца литовскою и привел ее в Галицкую четь, и из Галицкой четверти отослал в Большой дворец. И во Дворце твой государев боярин, князь Олексей Михайлович Львов, и дьяк Григорей Нечаев про тое жонку сыскивал, и сыскали, что она не литовка, — а про то ведамо боярину князю Олексею Михайловичю Львову да дьяку Григорью Нечаеву. И по сыску атослал тое мою кабальную жонку Овдотьицу в Холопей приказ и с мужем ее. И я, холоп твой, бил челом тебе, государю, о той своей кабальной жонке, и по моему челобитью сошла мне, холопу твоему, подписная челобитная за пометою твоего государева думнова дьяка Ивана Гавренева, что велено в той жонке доложить тебя, государя. И мне, холопу твоему, в той жонке и по ся место указу нет. А ты, государь, меня, холопа своего, пожаловал, велел мне быть на своей государеве службе в Уржюме. А как я, холоп твой, на тое твою государеву службу с Москвы съеду, и меня, холопа твоего, в той жонке хотят обвинить. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне в той моей кабальной жонке свой государев указ учинить и не вели, государь, той моей кабальной жоночки у меня, холопа своего, отнять. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте пометы: Государь пожаловал, велел дело вершити по Уложению; а будет за чем вершить нельзя, и то дело взнести к своим государевым бояром тотчас, не мешкав.

144-го сентября в 26 день. Взять к делу.

(л. 6) И князь Иван Федорович Волконской да диаки, Третьяк Копнин да Иван Костюрин, выслушев челобитную, велели взять к делу.

XIII. — 1635 г. сентября... Боярский приговор: Федора с женой отдать Матвею Поздееву, а на нем взять 15 руб. и отдать их за жонку Василию Кречетникову.*

А се судное дело Василья Кречатникова с Матвеем Ивановым сыном Поздеева в людех, в жонке Овдотьице и в муже ее, в Федьке,

¹ Пробел, — челобитная не сохранилась.

и ис судного дела докладную перечневую выписку вносили к бояром, к Федору Ивановичу Шереметеву, да ко князю Ондрею Васильевичу Хилкову, да к окольникову к Степану Матвеевичу Проестеву, да к думным диаком, к Федору Лихачеву да к Михаилу Данилову. И по государеву [т.] указу бояре, Федор Иванович Шереметев с товарищи, сего судного дела Василья Кречатникова с Матвеем Поздеевым в людех, в жонке Овдотьице и в муже ее, в Федьке, и ис судного дела докладного перечневого списку слушали и по государеву указу указали тое жонку с мужем ее с Федькою отдати в холопство Матвею Иванову сыну Поздееву (л. 7), а на Матвее Поздееве по государеву указу велели взять за жонку Дуньку деньги 15 руб. и отдати Василью Кречатникову — потому. В прошлом в 143-м году августа в 19-й день в Приказ холопья суда ют бояр, от Федора Ивановича Шереметева с товарищи, прислана жонка Овдотьица Игнатьева дочь с мужем ее, с Федькою Лукьяновым, для вершенья в холопстве. И в прошлом же во 143-м году августа в 22-й день в Приказе холопья суда искал Василей Кречатников на той жонке на Овдотьице холопства по челобитной, а в челобитной своей написал, что та жонка ево збежала от него в прошлом в 142-м году, и ту ево жонку выдал замуж за холопева своего за Федьку Матвей Иванов сын Поздеев. Да подал в суде на тое жонку Василей Кречатников служилую кабалу, а имана та кабала на Москве в Приказе холопья суда в прошлом во 142-м году мая в 3-м числе. А Матвей Иванов сын Поздеева в челобитье своем написал, что тот человек Федька Лукьянов старинной ево и выданой отца его и кабальной человек, а збежал от него в прошлом в 138-м году февраля в 26-м числе; и в прошлом в 143-м году тот ево человек Федька приишол к нему, Матвею, своею женою с тою жонкою с Овдотьицею; а же (л. 8) нил де того ево человека на той жонке Овдотьице Микита Киреевской. Да подал Матвей Поздеев на того человека служилую кабалу, а имана та кабала на Москве в 128-м году апреля в 30-м числе. И та Матвеева кабала старше Васильевы кабалы 10-ю годы. А женился тот человек на той жонке в бегах. И потому приговорили бояре, Федор Иванович Шереметев с товарищи, того человека з женою отдати в старинное холопство Матвею Поздееву, а за жонку Овдотьицу приговорили на Матвее Поздееве взять 15 руб. денег и отдати Василью Кречатникову; да и потому, что у Василья Кречатникова на тое жонку кабала имана внове во 142-м году; да и потому, что великий господин святейший Иосаф патриарх московский и всеа Руси того Федьку Лукьянова з женою ево, с тою Дунькою, по свидетельству отца их духовного розвесть не велел. Да и потому приговорили тех людей отдати Матвею Поздееву, а на Матвее, взяв, отдати Василью Кречатникову 15 руб. денег; в прошлом во 133-м году апреля в 1-й день (л. 28) блаженные памяти великий государь святейший Филарет Никитич, патриарх московский и всеа Руси судного дела и доклада Василья Стрелкова о кабальной ево девке Феклице и о Прокофьеве человеке Враскова, о Данилке Юрьеве, что он, Прокофей, тово своево человека Данилка хотел женить на Васильевой кабальной девке Феклице и ево, Данилка, с нею обручал слушав, и указал тово Прокофьева человека Данилка с тою девкою Феклицею после обручания не розвесть, а по старой крепости тое девку Феклицу и з женихом ее, с тем Данилком Юрьевым, указал государь патриарх отдать Василью Стрелкову: а за того человека, за Данилка Юрьева, Прокофью Враскову за холопство указал государь патриарх дать 15 руб.; и на Василье Стрелкове по государеву патриаршу указу 15 руб. взяты и отданы Прокофью Враскову, а у Прокофья взят человек ево Данилка Юрьев и отдан Василью Стрелкову. — И велели исца и ответчика и спорных людей поставить к скаске и сесь приговор велели им сказать.

XIV. — 1635 г. сентября 29. Челобитная недельщика Артемия Паршина: Федор ушел у него из желез.

И сентября в 29 день князю Ивану Федоровичу Волконскому да диаком, Третьяку Копнину да Ивану Костюрину, недельщик Ортемей Паршин подал челобитную, а в челобитной пишет. — (л. 29) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, Приказу холопья суда пристав Ортюшка Паршин. Сидел, государь, у меня, холопа твоего, спорной человек Василья Кречатникова с Матвеем Поздеевым, Фетька, и з женою своею в железах. И в нынешнем, государь, во 144-м году сентября в 28 день тот их человек спорной у меня ушел, и железа с себя [с]бил и жену свою покинул; и ныне та ево жена у меня сидит скована же. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, челобитье мое записать. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 144-го сентября в 29 день. Записать.

(л. 30) И князь Иван Федорович Волконской да дьяки, Третьяк Копнин да Иван Костюрин, выслушев челобитную, велели взять к делу.

XV. — 1635 г. октября... Приговор сказан Матвеем Поздееву, Андрею Кречетникову за брата Василия и жонке Авдотье и приведен в исполнение.

И октября в ...день сесь приговор Матвеем Поздееву и Васильеву брату Кречатникову Ондрею и жонке Дуньке сказан, и та жонка в холопство Матвеем Поздееву отдана, и головные пошлины с нее, Дуньки, 3 алт. взяты и в приходную книгу октября в ...день записаны. А на Матвее Поздееве за тое жонку 15 руб. взяты и отданы вместо Василья Кречатникова брату ево Ондрею Кречатникову, потому что Василей послан на службу на Уржум.

Рукоприкладства: Андрей Кречетников деньги взял и руку приложил. — Я, Матфей Поздеев, жонку Овдотьицу взял и руку приложил. А человека пристав упустил; и как пристав человека сыщет, и мне отдадут, и мне, Матфею, в те поры и рука приложить.

По составам на обороте скрепа: Диак Третьяк Копнин.

Опись № 26, столбец № 41394. I — л. 9; II — лл. 10, 11; III — лл. 11—14; IV — лл. 14—16; V — лл. 16—18; VI — лл. 18—20; VII — лл. 20—22; VIII — лл. 22, 23, IX — лл. 1—3; X — лл. 3, 25—27, 24; XI — л. 4; XII — лл. 5, 6; XIII — лл. 6—8, 28; XIV — лл. 28, 29; XV — л. 30. Столбец перебит, начало утрачено.

№ 25. — 1643 г. марта 20¹ — ноября 2. Судное третейское дело, положенное в Холопьем приказе перед Степана Ивановича Исленьева и дьяка Романа Булыгина, о жонке Зиновии, татарке казыевского полона, жене литвина Александра² Казимерского, с дочерью; истец — Федор Михайлович Мякинин, ответчик — Иван Степанович Велков; третий со стороны истца — Афанасий Иванович Нестеров, со стороны ответчика — дьяк Онисим Трофимов.

I. — 1643 г. июля 1. В приказе заслушан приговор от 28 июня 1643 г. третьего Онисима Трофимова: Ивана Велкова в татарке Зиновии по кабальному холопству оправить, а Федора Мякинина обвинить, и в женке ему отказать.

(л. 1) 151-го июня в 28-й день третей Анисим Трафимов, слушав третейского судного дела Федора Мякинина с Иваном Велковым и

¹ Это — дата начала дела перед третьими. В Холопьем приказе дело начато, по-видимому, челобитной, о которой говорит помета от 1 июня 1643 г.: «Взять к челобитью»; это челобитье, надо думать, И. Волкова сохранилось.

² Казимерский выступает в деле под разными именами: Алешка, Александрик, Сенька. Дочь Зиновии называется то Сашкой, то Ашкой, один раз — Дашкой и один раз — Анюткой.

душевных сказок, приговорил ответчика Ивана Велкова в татарке жонке Зинке Олешкине жене Казимерского по кабальному холопству оправить, а исцу Федору Мякинину в той жонке татарке Зинке отказать потому. — В нынешнем во 151-м году марта в 20-й день искал Федор Мякинин на Иване Велкове по челобитной: в прошлом де во 143-м году, как он, Федор, послан на государеву службу в Красноярской, и он де оставил на время у тестя своего, у Ивана Старинского, казыевского полону татарку, девку Зинку; и тесть де ево Иван тое девку без него выдал замуж за Олешку Казимерского; и тестя де ево Ивана убили воровские люди; а татарка Зинка после ево смерти от жены ево Марьи с мужем своим, с Олешкою, збежали к нему, Ивану Велкову; и тое де ево татарку Зинку з дочерью с Ашкою он, Иван, держит у себя в холопстве, а ему не отдаст... Иван Велков в ответе ска(л. 2)зал: такова де жонка Зинка у него естъ; после де смерти Ивана Старинского бил челом ему, Ивану, муж ее Александрик Казимерской з женою своею, Зинкою татаркою, и кабалу де на себя служивую дал; а сказывал Иван Старинской, что тое девку, татарку Зинку, дал ему зять ево Федор; и он де, Иван Старинской, тое девку Зинку выдал замуж за тово человека, за Олехсандрика. А в кабале, какову положил на суде Иван Велков, за приписью дьяка Романа Булыгина, прошлого 146-го году августа в 16-й день написано: Сенька Александров сын Каземерской, а крещеное имя Александрик, з женою Зиновкою Никитиною дочерью, родом татарка Казыева улуса, заняли у Иванова человека Велкова, у Олешки Асманова, 6 руб. денег. И по тому кабальному холопству и приговорил Ивана Велкова в той жонке татарке Зиновке оправить, а Федору Мякинину отказать: в-ысковой его челобитной написано — оставил (л. 3) он у тестя своего, у Ивана Старинского, казыевского полону девку татарку Зинку на время; а по чему ему, Федору, та девка татарка Зинка крепка полоном, тово в-ысковой ево челобитной не написано, и на суде он, Федор, не сказал, где та татарка Зинка [у] записки объявилась. Да и потому ему, Федору, в той девке татарке Зинке отказать: он же, Федор, в-ысковой своей написал и на суде сказал, что после ево поезду тесть его Иван Старинской тое ево полонянную девку татарку Зинку выдал замуж за Олешку Казимерского; и Ивана Старинского не стало, а тот Олешка Казимерской и жена ево татарка Зинка учинились свободны ево Ивановою смертью, а после Ивановы смерти били челом в службу Ивану Велкову и кабалу на себя служивую дали из воли, (л. 4) а не неволею, — потому ему, Ивану, та жонка татарка Зинка по кабальному холопству и крепка: была она во дворе у Ивана Старинского, и Иван ее выдал замуж, и та татарка по замужеству была крепка Ивану Старинскому, а не ему, Федору, хотя татарка Зинка и прямая была ево Федорова, и Иван Старинской тое жонку выдал замуж за человека своего, а после умер, и Олешка и жена ево татарка Зинка ево Ивановою смертью учинились свободны — х кому похотели, тому в службу и били челом, — и ему было Ивану тое татарки Зинки за человека своего не выдавать, а держать было ее у себя девкою до ево Федорова приезде. Да и потому Федору в той татарке отказать, что в-ысковой челобитной ево написано: оставил девку татарку Зинку у тестя своего, у Ивана, для береженья, а в ссылах написал — оставил у тестя своего и у жены ево Марьи; и Ивана не стало, а жена ево Марья жива, (л. 5) и ему Федору, ныне доведетца тое татарки искать на Иванове жене Старинского, а на своей теще, на вдове Марье: для чего муж ее Иван Старинской и она, Марья, чюжую девку выдали за человека своего; да и сам он, Федор, на суде сказал, что тесть ево Иван Старинской тое ево Федорову девку татарку Зинку, проча ему, Федору, выдал за человека своего, за Олешку, — и тесть ево Иван тое ево Федорову девку татарку Зинку выдал за человека своего, 497

Федору, не проча; только б прочил зятю своему Федору, и ему было, Ивану, принять человека на ево Федорово имя и крепость взятъ на ево Федорово имя. А что истец Федор Мякинин слался из виноватых тое татарки Зинки на отца крестного и на духовного, попа Микиту, в том: тому ее отцу духовному и крестному ведомо, что та татарка Зинка взята у него в полон в Казыеве походе, и он ее крестил и поновлял и причащал; да он же, (л. 6) Федор, слался из виноватых тещи своей, а Ивана Велкова сестры, Ивановские жены Старинского, и тое татарки Зинки на отца же духовного, Пятницы Божедомские на попа Алексея в том: ему то ведомо, что он, Федор, тое свою казыевскую полонянку татарку Зинку, пошод на государеву службу в Сибирь, у тестя своего, у Ивана Старинского, и у тещи своей оставил на время, а им ее не продаывал, а после смерти тестя своего Ивана теща ево вдова Марья тое татарки Зинки и мужа ее Алешки не отпускавала и отпускнуой им не даывала для того, что та татарка ево Федорова; а которых де людей теща ево Марья после смерти мужа своего отпускала и отпускные им давала, и у тех де у всех отпускных в ее, Марьи, рука того ее отца духовного попа Алексея, — ему, Федору, теми своими ссылками праву быть нечим потому: Иван Велков на суде и сам сказал, что та татарка Зинка была ево, Федорова, только де Иван Старинской выдал ее за человека своего, и тот де Иванов человек после ево Ивановой смерти учинился свободен; и в тех ево Федоровых ссылках тещи ево вдовы Марьи (л. 7) и татарки Зинки до отцов духовных, до попа Алексея и до попа Никиты, дела никакова не дошло, и допрашивать их не довелось, потому что та татарка Зинка Ивану Велкову крепка после Ивановой смерти Старинского по кабальному холопству. А что он, Федор, сказал, что теща ево Марья после смерти мужа своего Ивана Старинского человеку Олешке и жене ево татарке Зинке отпускные не даывала потому, что татарка Зинка ево, Федорова, и тем татарка Зинка ему, Федору, не крепка же потому: муж ее Алешка крепок был и она, Зинка, по муже своем — Ивану Старинскому; а по государеву указу — кабальной холоп и раба, а про купленных и данных и приданных людей — после смерти государей своих свободны и без отпускных. А что он же, Федор, положил на суде грамотку тестя своего за Ивановою рукою Старинского, а в грамотке написано, что он, Иван, ево Федорову девку, казыевскую полонянку татарку, выдал замуж, принял иноземца литвина Казимерского, а русское имя Олешка, и он пошел к нам волею, а бил челом чтоб ево женить на ево Федоровой девке, и ему было, женясь на той Федорове девке, (л. 8) служить ему, Федору; а Иван Велков на Иванову грамотку Старинского слался же: будет та грамотка — Иванова рука, и он шлетца; и та грамотка — рука не Иванова, а припись Иванова у покупной росписи — Иванова рука; и Федор сказал, что у того столбца, что писано про тое девку, — Иванова рука Старинского по-польски; и на польское письмо никого, что рука Ивана Старинского, не сыскано, и той грамотке верить нечего. И проча было зятю своему Федору Мякинину, — на того человека, на Олешку Казимерского, взять крепость на ево — Федорово имя; и он, Иван, на Федорово имя крепости не взял. Потому ему, Федору, и приговорил в той татарке Зинке, Олешкине жене Казимерского, отказать.

На обороте по склейкам лл. 1—8 и на лице л. 8: К сему третейскому приговору Анисим Трофимов руку приложил.

На об. л. 1 помета: 151-го июля в 1-й день. Взять к челобитью.

(л. 9) И Степан Иванович Исланьев да дьяк Роман Булыгин, выслушав приговор, велели взять к челобитью.

II. — 1643 г. июля 3. Челобитная Ивана Велкова: третий Ю. Трофимов положил в приказе приговор в его пользу, а другой третий, А. Нестеров, в приговор не писался и в приказ не идет, — учинить указ.

Июля в 3-й день Степану Ивановичу Исленьеву да дьяку Роману Булыгину Иван Степанов сын Велков подал челобитную, а в челобитной пишет. — (л. 10) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой Ивашко Велков. Был, государь, у меня, холопа твоего, суд с Федором Мякининым перед третьими, перед Офонасьем Нестеровым да перед дьяком, перед Онисимом Трофимовым: искал на мне, холопе твоём, татарки Зинки з дочерью Сашкою. И третей мой Онисим Трофимов меня, холопа твоего, оправил и приговор в Холопье приказе положил; а другой третей, Офонасей Нестеров, в приказ нейдет и приговору своего не положит, а с ним, с Онисимом, в приговор не писался, Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, в том моем деле по своему государеву уложению указ учинить. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 151-го июля в 3-й день. Поставить Офонася в приказе.

(л. 11) И Степан Иванович Исленьев да дьяк Роман Булыгин, выслушав челобитную, велели приставу Василью Кузьминскому третьёво Афонася Нестерова поставить в Приказе холопья суда.

III. — 1643 г. июля 5. Третий Афанасий Нестеров подал приговор¹: Федора Мякинина в татарке Зиновии оправить, а Ивана Велкова обвинить.

Июля в 5-й день Степану Ивановичу Исленьеву да дьяку Роману Булыгину третей Офонасей Нестеров подал приговор за своею рукою, а в приговоре пишет. — (л. 12) 151-го марта в 20-й день искал перед третьими, перед Офонасьем Ивановичем Нестеровым да перед Анисимом Трофимовичем Федор Мякинин на Иване Велкове по челобитной казыевсково полону татарки своей Зинки з дочерью с Ашкою, а в челобитной пишет: в прошлом во 143-м году послан он, Федор, был на государеву службу в Сибирь в Красноярской, и ту де он свою полоняную татарку Зинку оставил у тестя своего, у Ивана Старинсково, на время; и после де смерти Ивана Старинсково от ево Ивановы жены Марьи та ево татарка Зинка с мужем своим, с Александриком Казимерским, збежала к нему, Ивану Велскому². И Иван Велков против челобитной Федора Мякинина отвечал, а в ответе сказал: такова де татарка Зинка у него, Ивана Велкова, есть; а сказывал де ему, Ивану Велкову, Иван Старинской, что ту татарку Зинку отдал ему, Ивану Старинскому, Федор Мякинин; и после де смерти Ивана Старинсково жена ево Иванова Марья ту татарку Зинку с мужем ее, с Александриком Казимерским, отпустила на волю, а отпускной не дала; и тот де Александрик з женою своею, с татаркою Зинкою, бил челом ему, Ивану, и кабалу служилую на тово человека Александрика и на жену ево Иван Велков в суде положил. И истец Федор Мякинин слался из виноватых на ево, Ивана Велкова, сестру родную на Марью, что она, Марья, после смерти первого своего мужа Ивана Старинсково той татарки Зинки с мужем с Александриком не отпускивала и отпускные им не даывала, и мужу ее (л. 13) Ивану Старинскому и ей, Марье, он, Федор, той своей полоняной татарки Зинки не отдаывал и не продаывал; и Иван Велков на сестру свою Марью слался в послушество.

¹ Дата приговора прямо не указана; возможно, что за нее следует принять 19 июня. А. Нестеров говорит о другом третьем, что тот «судного дела не оговаривал и сыски всякими не сыскивал... марта з двадесятого числа июня по девятое на десять число». О. Трофимов вынес свой приговор 28 июня (I, л. 1); 19 июня — или начало его действий, как третьего в этом деле или завершение судного дела А. Нестеровым, т. е. его приговор.

² Так в подлиннике.

Да Федор же Мякинин слался из виноватых на грамотку Ивана Старинсково за ево Ивановою рукою, что в той грамотке татарка написана ево Федорова; и Иван Велков на грамотку Ивана Старинсково из виноватых слался же и, досмотрив грамотки, сказал: у росписи де поруски приложена рука Ивана Старинскова. А в грамотке Иван Старинской пишет к Федору Мякинину, что он, Иван Старинской, ево Федорову казыевскова¹ полону татарку Зинку выдал замуж, приняв иноземца Казимерскова, а руское имя Александрик; а по государеву указу дана им воля; и тот иноземец Казимерской бил челом, чтоб ево женить на ево, Федорове, татарке Зинке; и он, Иван Старинской, ему, Александрику, сказал, что та татарка Зинка — Федорова, и он Александян на том женился, что ему служить Федору Мякинину; и на том столпце, на котором про ту татарку к Федору Иван пишет, и на иных столпцах и у росписи приписывано по-польски; и про то польское письмо сыскивано, хто польское письмо Ивана Старинскова знает; и смотрив в-Ыванове грамотки Старинсково польского письма, голова стрелецкой Богдан Озеренской, Христофор (л. 14) Рыльской, Михайло Желеборской, Левонтей Высоцкой сказали, что в той грамотке Ивана Старинсково польское письмо, и у росписи приписано по-польски, — Иваново рука Старинсково, они польское Иваново письмо Старинсково знают. Да истец Федор Мякинин слался из виноватых той своей пол[он]янки татарки Зинки на отца ее крестового и духовного, попа Никиту, в том, что ему то ведомо, что та татарка Зинка взята у него в полон в Казыеве походе, и то ему ведомо, что ту татарку Зинку, поехав на государеву службу в Сибирь, покинул он, Федор, у тестя своего Ивана Старинсково, а тестю своему и тещи своей той полонянки Зинки не отдаывал; и ответчик Иван Велков на того той татарки Зинки на отца ее крестного и духовного, попа Никиту, слался в послушество: того де он не ведает; а почему в послушество слался, и того он не сказал. Да истец же Федор Мякинин слался из виноватых сестры ево Ивановы родные Марья на отца ево¹ духовного Пятницы Божедомской на попа Алексея в том: ему то отцу [крестному]² и духовному, попу Алексею, ведомо, что ту казыевсково полону татарку Зинку, пошед на государеву службу в Сибирь, оставил у тестя своего, у Ивана Старинсково, и у тещи своей Марьи, а тестю своему и тещи своей той своей татарки не продаывал и не отдаывал, и [после смерти Ивана Старинского жена (л. 15) ево Марья, а ево попа Алексея дочь духовная, той ево полоняной татарки Зинки и мужа ее Александрика не отпускавала и отпускной им не даывала для того, что та татарка Зинка ево, Федорова; и ответчик Иван Велков на того отца духовна-во, на попа Алексея, слался в послушество: сестре де ево отец духовной, а он не знает и того не ведает, той татарки отец ли духовной. И по тем ссылкам тех отцов духовных допрашивать довелось, потому что отводил их не делом. И третьему Офонасию Ивановичю Нестерову Пятницы Божедомской священник Алексей сказал: казыевсково полону Федора Мякинина татарка Зинка — дочь ему духовная; а сказывал ему сын ево духовной Иван Старинской и дочь ево духовная Иванова жена Марья, что та татарка Зинка зята их Федора Мякинина, а полонил де ту татарку Зинку зять их Федор в Казыеве походе; а как послан Федор Мякинин на государеву службу в Сибирь, и ту свою полонянную татарку Зинку оставил у тестя своего, у Ивана Старинского, и у тещи своей, у Марьи; и тесть ево Иван, приняв, ему, Федору, человека Александрика Казимерскова и ту Федорову татарку Зинку, проча ему, Федору, (л. 16) выдал за того Александрика для того, что ему служить, Федору: а Ивану Старинскому и жене ево Марье Федор той своей татарки Зинки не отдаывал; а как Ивана Старинсково не

¹ Так в подлиннике.

² В подлиннике это слово здесь опущено.

стало, и тот Александрик Казимерской к нему, Олексею попу, приходил, чтоб он дочери своей духовной, Иванове жене Старинского Марье, бил челом, чтоб после смерти мужа своего Ивана, ево, Александрика, з женою отпустила и отпускную б ему дала; и дочь ево духовная, Иванова жена Марья, попу Олексею сказала, что человек Александрик Казимерской и жена ево татарка Зинка зятя их Федора Мякинина, — для того их не отпустила и отпускной им не дала. А другой, той татарки Зинки отец крестной [и] духовной, поп Никита, не допрашиван потому, что ево на Москве нет. И третей Офонасей Иванович Нестеров сево суднова дела слушал и приговорил в той татарке Зинке з дочерью, з девкою с Ашкою, исца Федора Мякинина оправить, а ответчика Ивана Велкова обвинить, потому что он, Иван Велков, в суде сказал, что ту татарку Зинку с мужем ее, с Александриком, после смерти Ивана Старинского жена ево Иванова Марья отпустила, а по Федорове ссылке в той татарке Зинке (л. 17) на нее, сестру свою Марью, слался он, Иван, в послушество, — а почему в послушество слался, по какой недружбе, того не сказал. И то ему, Ивану, вина, что он на суде в речах своих рознился: в ответе сказал, что сестра ево Марья ту татарку Зинку отпустила, а на нее же, сестру свою, по Федорове ссылке в той татарке Зинке в отпуске слался в послушество. Да и то ему, Ивану, вина: в суде он, Иван, сказал — сказывал де ему, Ивану Велкову, Иван Старинской, что ту татарку Зинку дал ему, Ивану Старинскому, Федор Мякинин, а в опчей ссылке, — в грамотке Ивана Старинского, написано к Федору Мякинину, что татарка Зинка Федора Мякинина, а не Ивана Старинского, и муж ее Александрик женился на той татарке Зинке для того, что ему служить, Федору Мякинину, а не Ивану Старинскому. Да и потому приговорил Федора Мякинина в той татарке Зинке з дочерью, з Дашкою, оправить, а Ивана Велкова обвинить: слались они из виноватых на грамотку Ивана Старинского, и в той грамотке написано, что та татарка Зинка Федора Мякинина, а не Ивана Старинского; а что Иван Велков после смерти Ивана Старинского на ту татарку Зинку с мужем с Александриком взял служилую кабалу без отпускной, и тому верить нечему, что у кабалы (л. 18) Александрик сказался Ивановским послушником Старинского, потому что в опчей ссылке в грамотке Ивана Старинского написан Александрик по жене своей татарке Зинке Федоров человек Мякинина, потому что на том Александрик женился на Федорове татарке Зинке, что служить ему Федору Мякинину; и тот Александрик Казимерской, дав на себя кабалу Ивану Велкову, умер. И то ему, Ивану Велкову, вина: сказал он в ответе, что у росписи по-руски рука Ивана Старинского, а роспись з грамоткою одна ль рука или нет, того он, Иван, не ведает; а истец Федор Мякинин в суде сказал, что он, Федор, тем хочет прав и виноват быть, что роспись з грамоткою рука одна; а по досмотру Ивановской площади подъячих, старосты Ортемья Пыляева да Федора Казаринова, роспись з грамоткою рука одна, и грамотка с росписью закреплена Ивановою рукою Старинского по-руски. А что в записи написано, что третьим сыски всякими сыскивать, и исца и ответчика по душам спрашивать, — и в душевной своей скаске Федор Мякинин по государеву [т.] крестному целованью сказал, что ту он татарку Зинку взял в Казыеве походе, а Ивану Старинскому той татарки Зинки не отдаывал и не продаывал; а Иван Велков (л. 19) в душевной своей скаске сказал, что ту татарку Зинку Ивану Старинскому Федор Мякинин отдал, и та татарка Зинка родила дочь Ашку, живучи у него, Ивана Велкова; и Федора Мякинина душевная скаска с-Ивановою грамоткою Старинского сошлась, что та татарка Федорова, а не Ивана Старинского; и потому третей приговорил Зинкину дочь Ашку отдать с матерью Федору Мякинину, потому что она родилась от Федоровы татарки. Да и потому Федор Мякинин

в той своей татарке Зинке оправлен, а Иван Велков обинен: отец духовной Ивана Старинского и жены ево Марьи и той татарки Зинки, поп Алексей, сказал, что та татарка Зинка — Федора Мякинина, а Ивану Старинскому и жене ево, Марье, той татарке Зинки Федор не отдавал; и приняв Иван человека Александрика Казимерского Федору Мякинину и ту Федорову татарку Зинку проча Федору, выдал за тово Александрика для тово, что ему служить Федору; и после смерти Ивана Старинского жена ево Иванова той татарки Зинки и мужа ее Александрика не отпустила и отпускной не дала для тово, что та татарка Зинка — Федора Мякинина. (л. 20) Да и потому Федор Мякинин в той татарке Зинке з дочерью оправлен, а Иван Велков обинен: слалися они оба из виноватых на грамотку Ивана Старинского, — и в грамотке Ивана Старинского письмо польское, и тово письма смотрев, Богдан Озеренской, Христофор Рыльской, Левонтей Высоцкой, Михайло Желиборской сказали, что то письмо польское — рука Ивана Старинскава, а на тех же столпцах написано по-руски, что та татарка Зинка — Федора Мякинина, а не Ивана Старинского. Да и потому Федор Мякинин в той татарке Зинке з дочерью с Ашкою оправлен, а Иван Велков обинен: хотя бы ту полоняную татарку Зинку тестю своему Ивану Старинскому Федор Мякинин и отдал, и после смерти Ивана Старинского та полоняная татарка Зинка крепка б была в холопстве Иванове жене и детем, а Иванова дочь Старинского за Федором Мякининым; а по государеву указу после смерти отпускаютца кабальные люди, а полоняных и купленных и данных отпускать не указано; а тот Александрик Казимерской по жене своей, по татарке Зинке, — Федоров человек Мякинина, а не Ивана Старинского, и кабалы на него у Ивана служилые не было; да и в судном деле нигде Александрик Казимерской Ивановым человеком Старинского не объявился (л. 21) опричь тово, как, збежав, дал на себя кабалу Ивану Велкову, и у кабалы сказался Ивановским послуживцом Старинского; и тому верить нечему: беглому холопу вольно сказатца, чем хочет; а Ивановою смертью Старинского свободну ему быть не по чему: человек был у Ивана не кабальной, крепок по жене своей татарке Федору Мякинину; и после Ивановой смерти Старинского Федоровы полоняной татарки Зинки отпускать было не по чему, — и полоняные люди после смерти свободны не бывают, крепки женам и детем. Да и потому Федор Мякинин в той своей татарке Зинке оправлен, а Иван Велков обинен: сам Иван Велков на суде сказал, что та татарка Зинка была Федора Мякинина, да отдал де ее Федор тестю своему Ивану Старинскому, — и токо б Федор ту свою полоняную татарку Зинку тестю своему Ивану Старинскому отдал, и он бы ему на ту татарку даную или купчую дал, и Иван бы Старинской ту татарку выдал за кабального своего человека, а не за Федорова. И по тем по всем статьям третей Офонасей Иванович Нестеров приговорил исца Федора Мякинина в татарке ево Зинке и в дочери ее Ашке оправить (л. 22), а ответчика Ивана Велкова обинить и ту татарку Зинку з дочерью с Ашкою приговорил отдать исцу Федору Мякинину и сесь приговор Федору Мякинину на Ивана Велкова за своею рукою дал. А другой третей Анисим Трофимов судново дела не оговаривал и по третейской записи сыски всякими не сыскивал, нароя Ивану Велкову, марта з двадцатаго числа июня по девятое на десеть число. А в записи тово не написано, что одному третьему без одново третьего дела не вершить, — и потому третей Офонасей Нестеров дело вершил один. А сесь приговор писал Ромашко Зеленой.

На обороте по склейкам лл. 12—22 и на лице л. 22: К сему приговору Офонасей Нестеров руку приложил.

На об. л. 12 помета: 151-го июля в 5 день. Взять к другому приговору.

(л. 23) И Степан Иванович Исленьев да дьяк Раман Булыгин, выслушав приговор, велели к челобитью и к другому приговору взять.

Псмета: Велеть судное дело, третьему положить.

IV. — 1643 г. июля 7. Третий Афанасий Нестеров подал третейское судное дело Федора Мякина с Иваном Велковым: 1) исковая челобитная Ф. Мякина на И. Велкова от 1643 г. марта 20 в казьевской полонянке челобитчика Зиновии с дочерью, которые сбежали к И. Велкову от И. Старинского, тестя Мякина, во время отъезда последнего; 2) показания И. Велкова; положенная им кабала от 1638 г. августа 16 на А. Казимерского с женой; 3) допрос И. Велкова о его кабале на спорных холопов и о выдаче отпускной М. Старинской; 4) ссылки Ф. Мякина на попа Никиту, на вдову М. Старинскую и на попа Алексея; 5) ссылка Ф. Мякина на грамотку к нему И. Старинского; положенные на суде грамотка и роспись посланного И. Старинским к Ф. Мякину в Сибирь; 6) ссылка из виноватых на грамотку И. Велкова при условии, если грамотка написана рукой И. Старинского; экспертиза почерков грамотки, росписи и рукоприкладства; 7) сказка попа Алексея.

(л. 24) И июля в 7-й день Степан Иванович Исленьев да дьяк Роман Булыгин, слушав третейских приговоров, велели третьим, Афонасью Нестереву да дьяку Онисиму Трофимову, положить в Приказе холопья суда судное третейское дело Федора Мякина с Иваном Велковым.

И третей Афонасей Нестеров подал в Приказе холопья суда третейское судное дело Федора Мякина с Иваном Велковым за их руками, а в судном деле пишет.

1) (л. 25) Лета 7151-го марта в 20 день третьим Афонасью Ивановичу Нестереву да Онисиму Трофимовичу истец Федор Мякин подал челобитную, а в челобитной пишет. — (л. 26) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой Федька Мякин. Жалоба, государь, мне на Ивана Степанова сына Велкова. В прошлом, государь, во 141-м году послан я, холоп твой, был на твою государеву службу в Казьев поход столником и воеводою со князь Васильем Ивановичем Турениным, за непослушанье и измену казьевских тотар воевать и разорять и в полон имать. И божиею милостью и твоим государским счастьем козьевских тотар мы, холопы твои, побии и развоевали и в полон жен и детей их поимали. И в прошлом, государь, во 143-м году послан я, холоп твой, был на твою государеву службу в Сибирь, в Красноярской; и того, государь, казьевскаго полону оставил я у тестя своего на Москве, у Ивана Старинского, тотарку девку Зинку на время; и тесть мой Иван Старинской ту мою полоняную девку без меня, холопа твоего, выдал замуж за Олешку Казимерскаго. И в прошлом, государь, во 146-м году тестя моего Ивана Старинскаго воровские люди убили и та, государь, моя полоняная татарка Зинка после смерти тестя моего Ивана Старинскаго от жены его Ивановы Марьи с мужем своим с Олешкою збежали к нему, Ивану Велкову; и ту мою полоняную татарку Зинку и з дочерью с Ашкою он, Иван, держит у себя в холопстве и по ся мест мне не отдаст. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне на того Ивана Велкова в той моей полоняной женке татарке Зинке з дочерью дать свой царской суд. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 151-го марта в 20 день. Суд был.

2) (л. 27) И ответчик Иван Велков, выслушав челобитную, отвечал, а в ответе сказал: такова де женка у меня Зинка есть; после смерти Ивана Старинскаго был челом муж ее Олександрик Казимерской з женою своею с Зинкою с татаркою, и кабалу на себя служивую дали; а сказывал де ему, Ивану Велкову, Иван Старинской, што тое девку

татарку Зинку дал ему, Ивану Старинскому, зять ево Федор Мякинин; и тое девку Зинку выдал замуж Иван Старинской у себя за тово человека, за Олександрика. И положил Иван Велков на тово человека служивую кабалу, а в кабале пишет, — и с кабалы взят список, а подлинная отдана.

(л. 28) Список с служивой кабалы слово в слово. 146-го августа в 16-й день. Записать в книги. Сказался, служил у Ивана Старинского, и ево де не стало, а после бил челом ему. Се яз Семен Александров сын Казимерской, а крещеное имя Александра, с своею женою Зинковьею с Никитиною дочерью, а родом татарка Казыева улусу, занял есми у Иванова человека Степановича Велкова, у Алексея Асманова, государя его серебра 6 руб. денег московских ходячих августа шестаго на десять числа до того же дни на год; а за рост нам у государя его, у Ивана Степановича, служить во дворе по вся дни; а полягут деньги по сроце, и нам у государя его Ивана Степановича за рост по тому же служить во дворе по вся дни; а которой нас, займщиков, в лицах, на том деньги и служба. А на то послуши: Иван Софонов. А подлинную кабалу писал Жданко Максимов сын Гребенев лета 7100 четыредесять шестаго году. А назади у подлинной кабалы написано: 146-го августа в 16-й день перед Павлом Ивановичем Волынским да перед дьяки, перед Михайлом Бухаровым да перед Раманом Булыгином, (л. 29) займщик 'сказал: деньги занял и кабалу на себя такову дал, и в книги записана. Припись дияка Рамана Булыгина. Справка подьячева Ивашка Осютина. Послух Ивашко и руку приложил. Да рука займщикова приложена не по-руски.

3) (л. 30) И истец Федор Мякинин бил челом третьим, шобы ответчика Ивана Велкова допросить: после Ивановой смерти Старинкова жена ево, Иванова, того человека Олександрика з женою з Зинкою¹ отпустила ль и отпускную дала ль?² И ответчик Иван Велков сказал, што де тот человек бил ему челом без отпускнуой; а отпустила де ево после смерти Ивана Старинского жена ево Марья Степановна, а отпускнуой ему не дала; и жил де у Толочановых на дворе тот человек Олександрик, а после бил челом ему из воли.

И истец Федор бил челом третьим, шобы ответчика допросить: што он сестры своей, Ивановой жены Старинкова, Марьи Степановны, спрашивал ли, што тот человек Олександрик з женою отпущен ли, и отпускная ему для чево не дана? И ответчик Иван сказал, што де я о том человеке сестры своей не спрашивал и говорить (л. 31) об отпускнуой не посылывал, а бил де я челом в Холопье приказе, и на тово де человека служивая кабала ему дана, што он свободен стал³ Ивановою смертью Старинкова.

И истец Федор бил челом третьим, шобы ответчика допросить: ис Холопья приказу к Ивановой жене Старинкова, к Марье, посылали ль допрашивать, што тот человек отпущен ли, и отпускная ему для чево не дана? И ответчик сказал, што де мне об отпускнуой было бить челом в приказе не о чом, на тово де мне человека дана служивая кабала, што тот человек был Ивана Старинского. И челобитье де Ивановой жены Старинкова⁴ о том человеке в побеге⁵ была ль, и явки в том человеке тово числа в побеге были ль? И истец Федор сказал: я де был на государеве службе в Сибири, а без меня де бить челом было некому; а теща де моя овдовела, и за нее было бить челом некому; один у нее брат — тот Иван Степанович Велков, и он на нее на (л. 32) пал и людей у ней подговаривал, — тово на нем и ищу.

¹ «З Зинкою» написано между строк: ср. V, л. 49.

² Далее зачеркнуто «и ответчи»; ср. V, л. 49.

³ Далее зачеркнуто: «был»; ср. V, л. 49.

⁴ Далее зачеркнуто: «была ль»; ср. V, л. 49.

⁵ Далее между строк в начале строки зачеркнуто: «и ответчику»; ср. V, л. 49.

И истец бил челом, штобы ответчика допросить: иные Ивановы людем Старинскова после смерти жена ево отпускала ль, и отпускные тем людем даваны ль? И ответчик сказал: даваны ль де иным людем отпускные или нет, тово де я не ведаю.

И истец слался из виноватых на отпускные: которые люди после смерти Ивана Старинскова отпущены, и тем де людем жена ево, Марья, отпускные давала всем за рукою отца своего духовнова. И ответчик Иван сказал: вольно де е[й] отпускные давать.

И истец бил челом, штобы допросить ответчика: написана де в кабале Зинка Микитина дочь, — и которова де она Микиты дочь? И ответчик сказал: тово де я не ведаю, кото(л. 33) рова она Микиты дочь, била де она челом мне с мужем.

4) И истец¹ подал три² ссылки, а в ссылках пишет.

(л. 34) Шлюсь, государь, из виноватых той своей полонянки татарки Зинки на отца ее крестнова и духовного, Нижегородского уезду вотчины боярина князя Бориса Михайловича Лыкова села Палца на попа Никиту, в том: тому отцу ее духовному и крестному ведомо, что та татарка Зинка взята у меня в полон в Казыеве походе, и он ее крестил и поновлял и причащал; и ему то ведомо, что ту я татарку свою Зинку, поехав на государеву службу в Сибирь, покинул у тестя своего, у Ивана Старинского, на время; а тестю своему Ивану Старинскому и теще своей Марье я тое своей полонянки Зинки не продаывал и не отдаывал. В том, государь, на отца ее духовного и шлюсь.

На обороте: Ответчик по [с]сылке сказал: тово он не лживит, что была она ево Федорова, да Иван Старинской выдал за человека своего, и тот Иванов человек после Ивановой смерти свободен учинился; а в том на попа шлюсь в послушество: как тое татарку Ивану отдал, и он тово не ведает.

Шлюсь, государь, из виноватых на ево, Ивана Великова, сестру родную, днака Ивановскую жену Нестерова, вдову Марью в том: ей то ведомо, что та татарка Зинка взята у меня в Казыеве походе; и как я послан на государеву службу в Сибирь, и ту я татарку Зинку покинул у мужа ея Ивана Старинского и у ней, Марьи, на время, а им той своей татарки Зинки не продаывал и не отдаывал; и муж ее, Иван Старинской, и она, Марья, ту мою татарку Зинку, проча мне, за человека за Олешку Казимерсково замуж выдал[и]; и после смерти мужа своего, Ивана Старинского, тое моей полоняные татарки и мужа ее Олешку она, Марья, не отпускавала и отпускной им не даывала для тово, что он женат на моей полоняной девке. В том, государь, на нее и шлюсь.

На обороте: По другой [с]сылке на сестру свою слался в послушество.

(л. 35) Шлюсь, государь, из виноватых сестры его Ивановы родные Марьи на отца духовного и тое полонянки своей татарки Зинки на отца ж ее духовного, Пятницы Божедомские на попа Алексея в том: ему то, отцу их духовному Алексею, ведомо, что ту я казыевскую свою полонянку татарку Зинку, пошот на государеву службу в Сибирь, оставил у тестя своего Ивана Старинского и у тещи своей Марьи на время; а тестю своему Ивану Старинскому и теще своей Марье тое своей казыевской полонянки татарки Зинки я не продаывал и не отдаывал; и после смерти Ивана Старинского жена ево, Марья, а ево, попа Алексея, дочь духовная, той моей полоняной татарки Зинки и мужа ее Олешки Казимерсково не отпускавала и отпускные им не даывала для того, что та полонянка татарка Зинка моя, а не мужа ея, Ивана Старинского, и не ее, Марьи; а которых людей она, Марья, после смерти мужа своего Ивана Старинского отпускала, и отпускные

¹ Далее зачеркнуто: «бил челом»; ср. V, л. 49.

² Слово «три» написано по ранее написанному «две»; ср. V, л. 49.

им давала, и у тех у всех отпускных в ея Марьино место рука того отца ея духовнаго попа Алексея. В том, государь, на него и шлюсь.

На обороте: Ответчик на отца духовного слался в послушество: сестре де ево отец духовной, а он ево не знает и тово не ведает, той татарке отец ли духовной.

5) (л. 36) И истец слался на грамотку; и подал грамотку за рукою Ивана Старинского, а в грамотке пишет.

(л. 37) Государю моему Федору Михайловичю Ивашко Старинской челом бьет. Здравствуй, государь, на многие лета светом моим с Анной Ивановной и з детушками. А про меня пожалуете, спрашаете, и я на Москве з женою своею с Манькою 146-го году за 3 днии до масленицы в своих скорбех и в безголовных бедах и в напрасных убытках с кручины одва жив. А к отпуску твоего запасу на Низ¹ не умел оторватца за многими хлопотами. А се с нас указано датошныя люди з 10-ти дворов по человеку; и с тебя доведетца датошных 4 человека да перехожих денег 17 руб. И я тово опасаясь, чтоб от тово крестьяне наши не разбрелись. Да послал, государь, я к тебе з запасом человека твоего Огафона Федорова да бабу Марину; а што с ними послано к тебе всяково запасу и товаров всяких, и тому всему роспись под сею грамоткою за моею рукою. А что, государь, в Деянове и на Мацневе в нынешнем году приходу и расходу, и што какова хлеба в умолоте, това ничево не ведаю: прикашищик твой Меншик Сумороков лише бражничает, о чем к нему ни пишу, ни в чем не слушает, по се мест ко мне ни о чем не писывал и книг приходных и расходных ко мне не присылывал; и я писал, велел на нем книги приходныя и расходныя доправить и послать к тебе в Сибирь. А хлеб, государь, без тебя по все годы не родитца; што было у тебя в житницах (л. 38) хлеба, и то роздано крестьяном, а ныне неведомо, чем и самим сытим быть и дворовых людей прокормить; старой хлеб роздан, а новой не родитца, за грех за наш в миру всево бог убавил. А на твой, государь, сибирской отпуск занял я у Федора Андронниковича 200 руб. да у Федора Васильевича Панова 100 руб., — и сами они к тебе о том писали. А в твоём, государь, деле с Васильем Киреевым отсрочено до тебя промыслом Михаила Анфимова. А мне, государь, служба сказана — быть на Туле; а сказывают, что быть на Туле бояром большим, говорят про князя Ивана Борисовича; а я и так одоужал, больши шти-сот рублей на мне долгу. А лошади служивыя, и твои казыевския и мои, все померли; неведомо, как службою и запасом сподоблятца, всем оскудел. А служба всей земли и город земляной около Москвы делают с наших с московских дворов, и тут мне без больших убытков не быть же. Pisali na tebie is Tobolska kniaz Michailo Temkin s tovarie-
sczy u prisłali pytosznye y rospprosnye reczy krasnoiarsikch bieglých koz-
zakov dwatcati czelowiek. A w rosrosnych reczash ich napisano, szto oni
biezali ot twoei izgoni. Y to sie zdelalo milostiu boziu y pomoczu y be-
rezeniem Mikifora Iwanowicza: weleno yz nich czeterech czslowiek povie-
sit, a dostalnych, biw knutom, sosłat w Kuzneckou w pahatne². А девок,
государь, твоих казыевских полонянок, — татарку Зинку выдал
замуж, принял иноземца литвина Казимерсково, а руское имя Олеш-
ка, а по государеву указу дана им (л. 39) воля куды хотят, и он пошел
к нам волею, а бил челом, чтоб ево женить на твоей девки, татарки
Зинки, и я ему сказал, что та девка твоя, и он на том и женился, что

¹ В подлиннике описка: на инз.

² Даем русскую транслитерацию этой своеобразной «литореи», как в древней Руси называли шифрованные тексты.

«Писали на тебе ис Тобольска князь Михайло Темкин с товарищи и прислали пы-
тошные и роспросные речи краснойярских беглых козаков двадцати человек. А в роспро-
сных речах их написано, что они бежали от твоей изгони. И то се зделано милостью бо-
жью и помощью и бережением Микифора Ивановича: велено из них четырех человек по-
весить, а достальных, бив кнутом, сослать в Кузнецкую в пахотне».

ему служить тебе; а человек нарочитой, раденье есть, и [с]службу ево будет, лише как напьетца, нестроен. А другую девку твою, татарку Парашку, выдал за человека своево Фетьку Офонасьева, что ево и иных приданых, Тимоху з женою да Ивашку Милютину з женою, да твоих деловых людей, взяв из Деянова человек с 5, которыя б не само семьянисты, посадить в подмосковную на пустошах на Горках в Дмитровском уезде; а прикажу над ними Казимерскому и ево тутю ж устрою; а хлеб и всякой завод на тех пустошах к вашему приезду заведу. А я те пустоши для тово и купил, что устрою, дать тебе в приданая за Анною Ивановною; а пустоши добры и просторны, сенных покосов и лесу много, и водою не скудно, речка под усадом хороша, и мельнице быть мощно. А што хлеба и лошадей и коров и всякой животины и всяково заводу будет, что все напишу в книги тебе для подлинново ведома. А татарка твоя девка Кисель умерла. А что я вотчину дал и сколько пустошей из государевых земель купил, и с купчия список послал я к тебе наперед сево. Boga radu, Fedor Michaiłowicz, ziwi berezno, beze wsiakowo durna y ogłaski, szto by czelobitczykow na тебе nikakich liudi ni wczom nie było. A zdie (л. 40) sie na Moskwie goworiat pro sibirskich woiewod: na kowo budut czelobitczyki, y syszczesie kotoraia ich niepraw- a, y im w Sibire ukazano budiet sluzit; dla boga oto wsiego oberegaysie ¹. Да Агафону и Марине велел взять к тебе в Сибирь поргомою Устишку по твоей грамотке. А Огафону на дорогу дано 115 руб., и ты, государь, ево в тех деньгах сочти; и все ль до тебя против росписи дойдет, ко мне о том отпиши. Да велено из-за тебя из Деянова взяти дву крестьянинов, Архипа да Михайла, в Стародубскую волость, и я не ведаю, как помогать, — по се места жалует, оберегает и помогает Федор Васильевич Панов, ² а впред устоит ли, и тово не ведаю. Potom m, swietom swoim, so sliezami y s Mankoiu y dietuszkom waszym mnog szelom biu, y wnukie naszey Marfie Fedorowne ot nas blagosłowienie wieki, stoby nam bog wieleł eie w radosti widziat ³.

(л. 41) Роспись — что к Федору к Михайловичю послано в Сибирь с человеком ево Огафоном.

Постав сукна красново, а в нем 40 аршин да прибавки 14 аршин, cena dwatcat rubliow.

6 аршин сукна красного же, cena try rublia.

2 аршина камки куфтерю, cena po soroka ałtyn.

4 аршина участку, po czetery rubli.

10 аршин атласу серебряново, po czetery rubli.

2 обьяри серебряных лазоревых, po czetery rubli.

Обьярь золотная зелена, po try rubli bez czetwierty.

2 пера в золотых гнездах, dwatcat rubliow.

6 шапок женских дорогильных, szездiesiat ałtyn.

¹ «Бога раду, Федор Михайлович, живи бережно, безе всяково дурна и огласки, штобы челобитчиков на тебе никаких люди ни в чом не было. А здесе на Москве говорят про сибирских воевод: на ково будут челобитчики, и сыщется которая их неправда, и им в Сибире указано будет служить. Для бoga ото всего оберегайсе».

² Ф. В. Панов — дьяк Казанского приказа (ДР).

³ «Потом вам, светом своим, со слезами и с Манькою (дочь Старинского, бывшая за Мякининым. — А. Я.) и детушком вашим много челом быю и внуке нашей Марфе Федоровне от нас благословение во веки, штобы нам бог велел ее в радости видеть».

Письмо обрусевшего, еще не вполне поладившего с русской речью, но хорошо усвоившего московскую словесную божественность поляка Старинского будет драгоценным бытовым документом для историков сибирской администрации.

Благодетель Никифор Иванович, приказавший повесить четырех неудобных жалобщиков на Мякинина, конечно, не кто иной, как дьяк Никифор Иванович Шипулин, правивший в эти годы Сибирским приказом. Ранее он был патриаршим дьяком при Филарете, затем дьяком в Новгороде, а позднее — послом в Польшу. Нас не может не поразить огромный транспорт всяких товаров, посланный красноярскому воеводе Ф. Мякинину из Москвы очевидно для разменных операций, торговли и подкупов тех, кого нужно было в Сибири задобрить.

5 шапок камчатых, *piat rubliw.*

2 пухи, *try rubli.*

4 подобрусника. } *podobrusniki, podzatylniki, oszywku.*

2 подзатыльника. } *poltretia rubli.*

5 ошивок.

7 серьги турския, *po sty diesiat ałtyn.*

3 серьги войчатки, *po polutora rubli.*

Сережки двойчатки же, *szesz rubliw.*

2 волосника золотных, *po triczati ałtyn.*

3 серьги двойчатки, *po polutora rubli.*

4 пугвицы ожерельныя, *po poltynie.*

17 сапоги муских и женских, *sem rubliw.*

(л. 42) 2 половинки настрафилю лазарево.

4 половинки летчины красной.

2 половинки летчины зеленой.

3 половинки летчины лазоревой.

12 юфтей кож красных.

16 юфтей кож воротковых.

30 оброков новин домашних.

6 сермяжных сукон.

23 сколота кож подошевных.

120 подошв резаных.

Trycat szesz kraszani domasznowo kraszenia.

Да с ними же послано 16 бочек вина; в бочке 22 ведра, в бочке столько же, в бочке 20 ведр, в бочке 19 ведр, в бочке 17 ведр, в бочки 15 ведр, в бочки 14 ведр, в бочки 13 ведр, в бочки 12 ведр, в бочки 11 ведр, в бочки 10 ведр, в бочки 9 ведр, в бочки 8 ведр, 2 бочки столько ж, 2 бочки столько ж.

7 мехов круп прешневых.

16 мехов сухарей.

57 полоть вятчины.

(л. 43) 22 пуда масла коровья.

Да на дорогу дано Огафону 115 руб.; да на лошадиную покупку послано к Меншику Суморокову да к целовальником и на мед 80 руб.; а сколько купят пуд меду и лочем, и о том к тебе отпишут Меншик Сумороков и целовальники, и сколькупят лошадей и в какову цену, и тому тебе пришлют роспись оне же. А что у тебя крестьян бежало из Деянова и с Мацнева, и я к тебе велел тем беглым крестьяном послать имена.

На об. л. 37: Государю моему Федору Михайловичю.

На обороте по лл. 40—43 и на лице л. 43: К сей росписи Иван Старинской руку приложил.

6) (л. 44) И ответчик на грамотку слался: будет те та грамотка — письмо Иванова рука Старинкова, и я де на ту грамотку шлюся ж из виноватых; и смотрев грамотки, сказал, что де та грамотка — письмо рука не Ивана Старинкова, лишь де у росписи рука Ивана Старинкова по-русски ниже тово, а польскова де письма не знаю, Иванова ли рука или не Иванова.

(л. 45) И истец бил челом: сказывает ответчик Иван, што де у росписи рука Ивана Старинкова по-русски, а роспись з грамоткою письмо — одна рука; тем хочю и прав и виноват быть. И ответчик сказал: тово де я не ведаю, што грамотка с росписью одна ли рука или нет — тово де я не ведаю, только де у грамотки Ивановой руки нет, а тот человек был Ивана Старинкова. И истец сказал, што де у грамотки у всех столпцов письмо по польски — Иванова рука Старинкова, опроче верхнева столпца.

(л. 46) И третие про польское письмо Ивана Старинского сыскивали, хто Иванову польскую руку Старинского знает. И голова

стрелецкой Богдан Озеренской, смотрев грамотки Ивана Старинсково, сказал, что в той грамотке по-польски письмо — рука Ивана Старинсково, — он, Богдан, польское письмо Ивана Старинсково знает.

Рукоприкладство: К сей скаске Богдан Озеренской руку приложил.

Михайло Жеряборской, смотрев грамотки, сказал, что в той грамотки по-польски письмо — рука Ивана Старинсково, он, Михайло, польское письмо Ивана Старинсково знает.

Рукоприкладство: К сей скаске Михайло Желиборской руку приложил.

Левонтей Высоцкой, смотрев грамотки Ивана Старинсково, сказал, что в той грамотке по-польски письмо — рука Ивана Старинсково, он, Левонтей, польское письмо Ивана Старинсково знает.

Рукоприкладство: Левонтей Высоцкой руку приложил.

(л. 47) Христофор Рыльский, смотрев грамотку и росписи за рукою Ивана Старинсково и в грамотке польское письмо и у росписи приписывано по-польски товару цена, и то польское письмо в грамотке и в росписи — рука одна.

Рукоприкладство: К сей скаске Рыльский Krzystofor ruku przylozel

7) (л. 48) Сказал третьему Офонасью Ивановичю Нестерову Пятницы Божедомские поп Алексей: казыевского полону Федора Мякинина татарка Зинка — дочь моя духовная, а сказывал мне сын мой духовной Иван Ондреевич Старинской и дочь моя духовная, жена ево Марья Степановна, что та татарка Зинка — зятя их Федора Мякинина; а полонил де ту татарку Зинку Федор Мякинин в Казыеве походе; и как послан Федор на государеву службу в Сибирь, и ту свою полоняную татарку Зинку оставил у тестя своего, у Ивана Старинсково, и у тещи своей, у Марьи; и тесть ево Иван, приняв ему Федору человека иноземца Александрика Казимерсково и ту Федорову татарку Зинку проча ему, Федору, выдал за того Александрика для того, что ему служить Федору, а Ивану Старинскому и жене ево Марье той татарки Федор Мякинин не отдаывал; а как Ивана Старинсково не стало, и тот Александрик Казимерской ко мне, попу Алексею, приходил, чтоб мне дочери своей духовной, Иванове жене Старинсково Марье, бить челом, чтоб после смерти мужа своего, Ивана, ево Александрика з женою отпустила и отпускную б ему дала; и дочь моя духовная Марья мне, попу Алексею, сказала, что тот человек Александрик Казимерской и жена ево татарка Зинка зятя их Федора Мякинина, — для того их не отпустила и отпускной им не дала.

Рукоприкладство: К сей своей скаске Пятницы Божедомские поп Алексей руку приложил.

Рукоприкладства на лице по склейкам лл. 24—45: К сему судному третейскому делу Федор Мякинин руку приложил. К сему судному третейскому делу Иван Велсков¹ руку приложил — Иван приложил Велков.

На обороте по склейкам лл. 45—48, конец на лице л. 48: Офонасей Нестеров.

V. — Того же дня. Осмотр и описание черных мест в третейском судном деле.

(л. 49) И Степан Иванович Исленьев да дьяк Роман Булыгин, выслушав третейское судное дело, велели взять к приговору и велели в том судном деле описать черные места. И в том судном деле по осмотру черных мест в-ысцове в Федорове челобитье Мякинина написано меж строк: «Зинкою», — да почернено: «и ответчи»; да в ответчикове в-Иванове скаске Велкова почернено «был»; да в ево же скаске почернено: «была ль, и ответчик»; да в-ысцове строке почер-

¹ Ср. III, л. 12:.... збежала к нему, Ивану Велскому.

нено: «бил челом», да написано «две», и где было «две», и тут поправлено «три». ¹

VI. — 1643 г. сентября 10. Челобитная Ивана [Велкова: допросить его треть-его о ложной сказке попа Алексея и о сыске иноземца Христофора Рыльского.

152-го сентября в 10-й день Степану Ивановичу Исленьеву да дьяку Роману Булыгину Иван Велков подал челобитную, а в челобитной пишет. — (л. 50) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой Ивашка Велков. В прошлом, государь, во 151-м году был у меня холопа твоего, суд с Федором с Мякининым: перед третьими искал на мне, холопе твоём, татарки Зинки з дочерью с Анюткою, а слался он Божедомские Пятницы на священника. И я, холоп твой, таво священника отводил, слался на него в послушество потому, что ему отец духовной. И на ссылке, государь, на его подписано: слался в послушество. А то, государь, судное дело за нашими руками. И по его, государь, челобитью взято то дело у третьих в Холопей приказ, а как его принесли в Холопей приказ, и у того суднова дела объявилась, государь, скаска тово священника за его рукою. Да у тово жа, государь, суднова дела объявился сыск иноземца Христофора Рыльского с товарищи. А как, государь, он на мне искал перед третьими, и о том его челобитья не была, что теми иноземцы сыскивать, и ссылки на них не подал. А про ту, государь, скаску и про тот их сыск третей мой не сыскивал и таво не ведаёт. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, не вели, государь, его ложной поповай скаске поверить и сыску Христофорова и вели, государь, про тое скаску и про сыск дапросить третьева моего. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 152-го сентября в 10-й день. Взять г делу.

(л. 51) И Степан Иванович Исленьев да дьяк Роман Булыгин, слушав челобитную, велели взять к делу.

VII. — 1643 г. сентября 15. Федор Мякинин подал подписную челобитную о разрешении быть за его делом в Москве его братьям Дмитрию и Изоту и человеку Ивану Семенову.

И сентября в 15-й день Степану Ивановичу Исленьеву да дьяку Роману Булыгину Федор Михайлов сын Мякинин подал подписную челобитную за пометою думного дьяка Ивана Гавренева, а в челобитной пишет. — (л. 52) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой Федька Мякинин. В прошлом, государь, во 151-м году марта в 23-й день искал я перед третьими на Иване Велкове казиевского полону татарки своей Зинки з дочерью с Ашкою; и то, государь, третейское судное дело и с приговоры взято в Приказ холопья суда. И Степан Иванович Исленьев да дьяк Раман Булыгин по тому третейскому делу и по приговором в той татарке з дочерью скаски мне не скажут. А я, холоп твой, был на твоей государеве службе в Сибире 7 лет, а в курмыской, государь, я в своей деревнишке не бывал [9-ой год, а ныне я, холоп твой, написан в отпускнуой половине. А для, государь, вершенья и скаски того дела оставляю на Москве братью свою, Дмитрея да Изота Мякининых, да человека своею Ивашка Семенова. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, для вершенья за тем делом быть братьям моим, Дмитрею да Изоту Мякининым да человеку моему Ивашку Семенову. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте пометы: 152-го сентября в 15-й день. Государь указал: велеть им быть за тем делом.

Взять к делу.

(л. 53) И Степан Иванович Исленьев да дьяк Роман Булыгин, выслушав подписную челобитную, велели взять к делу.

¹ Ср. примечания выше — стр. 505.

VIII. — 1643 г. октября 22. Приговор: Ивана Велкова в женке Зиновии с дочерью оправить, а Федору Мякинину отказать, потому что он не положил на женку никакой крепости.

Помета: 152-го октября в 22-й день. Написать приговор: ответчика Ивана Велкова в жонке татарке в Зинке и з дочерью са-Ашкою оправить и отдать та жонка в кабальное холопство Ивану Велкову; а Федору Мякинину в той жонке и з дочерью отказать, потому что он, Федор, на тое жонку крепости никакие не положил, только грамотку будто за Ивановою рукою Старинского, и той грамотке верить нечему.

(л. 54) И 152-го октября в 22-й день Степан Иванович Исленьев да дьяк Роман Булыгин, сего третейского судного дела, Федора Мякинина с-Иваном Велковым в татарке, в жонке в Зинке Олешкине жене Казимерского, з дочерью, з девкою Сашкою, и третейских приговоров Офонася Нестерова да дьяка Онисима Трофимова слушали и приговорили: ответчика Ивана Велкова в той жонке, в татарке в Зинке Олешкине жене Казимерского, по приговору дьяка Онисима Трофимова 151-го году оправить и отдать тое жонку татарку Зинку ему, Ивану, в кабальное холопство по московской кабале 146-го году, потому что третей, дьяк Онисим Трофимов, приговор свой написал и ево, Ивана, в той жонке татарке Зинке по кабале оправил делом; а дочь ее девка Сашка крепка ему ж, Ивану, потому что она у него, Ивана, родилась в отцове и в матерне в кабальном холопстве; а исца Федора Мякинина приговорили в той жонке, в татарке в Зинке, обвинить и третейской приговор Офонася Нестерова приговорили отставить, потому что он, Федор, на тое жонку, тотарку Зинку, никакие крепости в суде не положил и записки тому своему казыевскому полону нигде не сказал, (л. 55) а третей, Офонасей Нестеров, ево, Федора, в той жонке, в татарке Зинке, оправил и приговор свой написал не делом, один без третьева, без дьяка Онисима Трофимова, по попове ссылке. В суде он, Федор, слался по ссылкам из виноватых той татарки Зинки на отца ее кресново и духовного, Нижегородского уезду вотчины боярина князя Бориса Михайловича Лыкова села Палца на попа Микиту, да сестры ево Ивановы родной Марьи и той же тотарки жонки Зинкина отца же духовного, Пятницы Божедомские на попа Олексей, в том, что им ведомо, что он, Федор, ту свою казыевскую полонянку тотарку Зинку, пошед на государеву службу в Сибирь, оставил у тестя своего, у Ивана Старинского, на время; а тестю своему, Ивану Старинскому, и теще своей, Марье, тое своей казыевской полонянки татарки Зинки не продаывал и не отдаывал. А Иван Велков на тех попов слался в послушество, а сказал: как тое тотарку он, Федор, Ивану отдал, и он того не ведает; и того он, Иван, не ведает же, что той татарки отец ли духовной. И третей, Офонасей Нестеров, допрашивал отца их духовного попа Олексей не по ссылке Ивана (л. 56) Велкова один, без третьева, без дьяка, без Онисима Трофимова, не делом, потому что тот поп Олексей отец был духовной Иванове жене Старинского Марье и той татарке жонке Зинке, а не Ивану Велкову, и жонка тотарка Зинка не сама за себя в холопстве отвечала, а Иван Велков по ссылкам на тех попов слался в послушество, и потому тех попов допрашивать и не довелось. А что он, Федор, слался в суде на грамотку Ивана Старинского за ево рукою и подал в суде от Ивана Старинского к нему, Федору, грамотку, а в грамотке написано: девок де, твоих казыевских полонянок, татарку Зинку выдал замуж, принял иноземца литвина Казимерского, а руское имя Олешка, а по государеву указу дана им воля — куды хотят, и он пошел к нам волею, а бил челом, чтоб ево женить на твоей девке, татарке Зинке; а я ему сказал, что та девка — твоя; и он на том и женился, что ему слу (л. 57) жить тебе; да в той же грамотке межу рускова письма писано по-польски; и ответчик

Иван Велков на грамотку Ивана Старинского (слался: будет де та грамотка — письмо Иванова рука Старинского, и он де на ту грамотку шлетца из виноватых; и, смотрев грамотки, сказал, что де та грамотка — руское письмо рука не Ивана Старинского, лишь де у росписи рука Ивана Старинского поруски ниже того; а польсково де письма он, Иван, не знает, Ивано (л. 58) ва ли рука Старинского или не Иванова; а в знатье на польское письмо он, Федор, ни на ково не слался, — и той грамотке верить нечему, потому что в той грамотке руское письмо — рука не Ивана Старинского. И третей, Офонасей Нестеров, в той грамотке про польскую руку сыскивал стрелецким головою Богданом Озерецким, Михайлом Желиборским, Левонтьем Высоцким, Христофором Рыльским один без третьева, без дьяка без Онисима Трофимова, не делом, потому что он, Федор, в суде на них той польской руки в знатье не слался, и Ивановы ссылки Велкова на них не было ж, и крепости никакие он, Федор, на тое жонку, тотарку Зинку, в суде не положил, и записки тому своему казыевскому полону нигде не сказал. И потому ему, Федору, и приговорили: в той жонке, в татарке Зинке, з дочерью, з девкою Сашкою, отказать; и третейской приговор Офонасья Нестерова приговорили отставить, потому что он, [О]фонасей, ево, Федора, в той жонке, (л. 59) тотарке Зинке, з дочерью оправил и попа допрашивал и про польскую руку дворяны сыскивал не делом один, без третьева же, без Онисима Трофимова, потому что он, Федор, в суде на тех дворян той польской руки в знатье не слался, и Ивановы ссылки Велкова на них не было ж; а поп Алексей был отец духовно[й] Иванове жене Старинского Марье и той жонке татарке Зинке, а не Ивану Велкову, — и потому и приговорили тот ево Офонасьев приговор отставить. А что под грамоткою подклеена роспись Ивановы рухляди Старинского за ево Ивановою рукою по-русски, и в той росписи про тое тотарку Зинку ничего не написано, и ссылки ево Федоровы на тое роспись в той тотарке Зинке в суде не было. И по тому третейскому Онисимову приговору Трофимова и приговорили Ивана Велкова в той жонке, в татарке Зинке, з дочерью, з девкою Сашкою, оправить и отдать тое жонку, тотарку Зинку, ему, Ивану, в кабальное холопство по московской (л. 60) кабале 146-го году, потому что он, Онисим, ево, Ивана, в той жонке, в татарке Зинке, по московской служилой кабале оправил делом, а у кабалы муж ее Олешка и она, Зинка, сказалися Ивановыми людьми Старинского, а не ево Федоровыми людьми Мякинина; и дочь ее, Сашку, приговорили отдать ему ж, Ивану, к матери ее, к Зинке, потому что она, Сашка, родилась у него, Ивана, в отцове и в материне в кабальном холопстве. — И велели приставу Федору Верзеину исца и ответчика и жонку, татарку Зинку, з дочерью, з девкою Сашкою, к скаске поставить и сесь им приговор сказать.

IX. — 1643 г. ноября 2—3. — Приговор сказан брату Федора Мякинина Изоту и Ивану Велкову; головные пошлины взяты, и жонка с дочерью отданы И. Велкову.

И ноября в 2-й день сесь приговор исца в Федорово место Мякинина брату ево Зоту Мякинину и ответчику Ивану Велкову и жонке, тотарке Зинке, з дочерью, з девкою Сашкою, сказан, и та жонка, (л. 61) тотарка Зинка, з дочерью, з девкою Сашкою, Ивану Велкову в холопство отданы, и головные пошлины с них, с человека по 3 алт., итого 6 алт., у Ивана Велкова взяты и в приходную книгу нынешнего 152-го году ноября в 3-й день записаны. Жонка тотарка Зинка пло-околика, нос вскорос, в ноздрах поширок, глаза кари, волосом брови русы, в лице и на носу яминки от оспы, у левого уха мочка прорвана, ростом середняя; дочь Сашку сказала 5-ти лет.

На обороте: По сей выдаче Иван Велков жонку свою, татарку Зинку, с дочерью, з девкою Сашкою, и[з] Холопья приказу взял и руку приложил:

Скрепя по сставам на об. лл. 8—12, 22—25, 48—60; Диак Раман Булыгин. На лл. 49, 53 и 61 скрепа переходит на лицо. Лл. 1—8, 12—22, 25—48 скреплены рукоприкладствами (см. текст).

Опись № 26, столбец № 41764. I — лл. 1—9; II — лл. 9—11; III — лл. 11—23; IV — лл. 24—43; V — л. 49; VI — лл. 49—51; VII — лл. 51—53; VIII — лл. 53—60; IX — лл. 60—61.

№ 26. — 1649 г. апреля 17¹ — 1651 г. июня 6. Судное дело в Холопьем приказе перед стольником князем Василием Богдановичем Волконским (и сменившим его Василием Тимофеевичем Грязным), Григорием Арефьевичем Нероновым, дьяками Савой Самсоновым и Семейном Ключаревым (и сменившим последнего Грязным Акишевым) по иску о насильном холопстве Данилы Дмитриева сына Большой Бороды на Уваре Гавриловиче Лодыгине.

I. — 1649 г. апреля 17—23. Подписная челобитная Данилы на Увара Лодыгина о суде в насильном холопстве.

(л. 1) Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси бьет челом холоп твой, Данилко Дмитрев сын Большой Бороды. Отец мой Дмитрий Большая Борода служил блаженные памяти прежним государем в Темникове в пушкорях 60 лет, а я, холоп твой, после отца своего в Темникове городе был в пушкорях же и служил блаженные памяти отцу твоему государеву великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси 20 лет. И по твоему государеву указу был в Темникове воеводою Гаврило Васильевич Лодыгин; и будучи он на твоей государеве службе в Темникове воеводою, и меня, холопа твоего, покабалил сильно з женою и з детьми и сослал меня, холопа твоего, к Москве к сыну своему к Увару Гавриловичю Лодыгину. И в прошлом, государь, во 151-м году бил челом я, холоп твой, блаженные памяти отцу твоему государеву великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси, и мне, холопу твоему, указ был в Приказ холопья суда: велено мне с ним, Гаврилом, учинить очная ставка. А велено, государь, та очная ставка ведать Степану Ивановичю Истленьеву; и тот, государь, Степан Иванович Истленьев по тому моему челобитью мне, холопу твоему, изманил, а очной ставки мне, холопу твоему, с ним, Гаврилом, не чинил. И тот, государь, Гаврило Лодыгин меня, холопа твоего, велел людям своим изымать на площади людям своим² и на двор к себе привести и сослал меня, холопа твоего, в олаторское поместье и по ся места меня, холопа твоего, держит в своем олаторском поместье в чепи и в железех. И в нынешнем, государь, во 157-м году сынишка мой Гришкучел бить челом тебе, праведному государю, по прежнему моему челобитью. И тот, государь, Увар Лодыгин сынишка моего изымал на площади с приставом и привел здесь на Москве в Приказ холопья суда и отдал ево за пристава и велел ево сковать, чтобы некому было за меня, холопа твоего, тебе, праведному государю, побить челом. И стольник, государь, князь Василей Богданович с товарищи хочет того моего сынишка Гришку отдать ему, Увару Лодыгину, без сыску и без твоего государева указу. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа... (л. 2) мне дать свою государеву сыскную грамоту из Козанского дворца в Темников город к своему государеву стольнику ко князь Якову Андреевичю Шелешпальскому и вели, государь, про службу отца моего и про мою

¹ Это — дата начала дела по сохранившимся документам. По данным докладной выписки (XXV, л. 47) наиболее ранняя дата — 3 марта 1646 г.

² Повторение подлинника.

службишко сыскать всем Темниковым городом, и писцовыми книгами, и повальным обыском, и родители моими, которые есть ныне в животе и служат тебе, государь, всякие твои государевы службы и доньне. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На об. л. 1 пометы: 157-го апреля 17 день. Государь пожаловал, велел дела досмотреть и указ учинить; дело взнести к боярину к Ивану Васильевичу Морозову да князю Михайлу Петровичу Пронскому с товарищи.

23 дня. Взять к делу.

(л. 3) И стольник князь Василей Богданович да Григорей Арефьевич да дьяки Сава да Семен, выслушев челобитную, велели взять к делу.

II. — 1649 г. мая 4—5. Память из Казанского дворца, содержащая выписку из темниковских дозорных книг Ивана Усова 1613-1614 г. о пушкаре Даниле, Дмитриеве сыне.

И мая в 5 день Приказу Казанского дворца пристав Федор Казаков подал память, а в памяти пишет. — (л. 4) Лета 7157-го мая в 4 день по государеву цареву [т.] указу память стольнику князю Василью Богдановичу Волконскому, да Григорью Арефьевичу Неронову, да дьяком Саве Самсонову да Семену Ключареву. В приказ Казанского дворца к боярину, ко князю Алексею Никитичю Трубецкому, да к дьяком к Лариону Лопухину да к Федору Грибоедову да к Томилу Перфирьеву в памяти за твоею Савиною приписью написано: велети б выписать в Приказе Казанского дворца ис темниковских и[з] старых книг, в которых писаны Темникова города пушкар и затинщики со 122-го году по 130-й год: Данилко Дмитриев сын (л. 5) Большая Борода в Темникове городе в тех годах в пушкари давано ли, и государеву жалованье ему, Данилку, с пушкари давано ль и в прошлом во 139-м году Гаврило Васильев (сын Лодыгин в Темникове воеводою был ли; а будет в Приказе Казанского дворца Темникова города тех лет книги во 134-м году в московской пожар згорели, и велети б про то ево Данилково имя выписать ис списков, которые присланы после пожару, да та выпись прислать к вам для вершенья холопья дела (л. 6). И в Приказе Казанского дворца в темниковских дозорных книгах Ивана Усова с товарищи 122-го году написан во дворе пушкар Данилко Дмитриев, а прозвища Большой Бороды не написано; а государеву жалованье пушкарю Данилку в Темникове с пушкари давано ль, того выписать не ис чево, потому что ис Темникова окладных книг пушкарем и затинщиком в Приказ Казанского дворца не присылают; а Гаврило Васильев сын Лодыгин воеводою в Темникове во 139-м году был.

На об. л. 4 помета: 157-го мая в 5 день. Взять к делу.

(л. 7) И стольник князь Василей Богданович, да Григорей Арефьевич, да дьяки Сава да Семен, выслушев память, велели взять к делу.

III. — 1649 г. мая 28. Челобитная Григория, сына Данилы, на Увара Лодыгина, который не ставит на суде отца челобитчика и тем волочит и разоряет большим пожелезным.

Мая в 28 день темниковского пушкря Данилков сын Большой Бороды Гришка подал челобитную, а в ней пишет — (л. 8) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, темниковского пушкря сын Гришка Данилов Большой Бороды. В нынешнем, государь, во 157-м году после светлой недели дан был на поруки Увар Гаврилов сын Лодыгин в том, что было ему, Увару, поставить на Москве отца моего Данила Дмитриева сына Большой Бороды на срок в Петров пост в первое воскресенье в Приказе холопья суда. А срок, государь, дан ему, Увару, полный, и он, Увар, на тот срок отца моего на Москве в Приказе холопья суда не поставил, хотя меня, беднова, видять в большом пожелезном и многое время изволочить. Милосердый государь.

[т.], пожалуй меня, холопа своего беднова и беспомощнова, вели, государь, в том против своево государева Уложенья свой государев указ учинить и челобитье мое записать, чтоб мне, бедному, в ево Уварове волоките в большом пожелезном не одолжать и вконец не погнунуть. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На об. л. 8 помета: 157-го мая в 28 день. Взять к делу и положить.

(л. 9) И стольник князь Василей Богданович, да Григорей Арефьевич, да диаки Сава да Семен, выслушав челобитную, велели взять к делу и положить на стол.

IV. — 1649 г. мая 27—29. Подписная отсрочная челобитная Увара Лодыгина: отсрочить для грязей и водополя ставку на суде его кабального человека Данилы Дмитриева сына Елагина.

Мая в 29 день Уар Лодыгин подал подписную челобитную за пометою думного диака Семена Заборовского, а в ней пишет. — (л. 10) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой Уарка Ладыгин. В нынешнем, государь, во 157-м году кабальной мой человек Гришка Данилов сын Елагин збежал от меня, холопа твоего, хотя отбыть холопства; ставаясь с отцом своим, бьет челом тебе, государю, ложно отца своего именем Данилки Дмитриева сына Большие Бороды, будто отец мой Гаврила Васильевич, будучи в Темникове, покабалил ево, Данилка, сильно. И я, холоп твой, бил челом тебе, государю, на того своего кабального беглова человека, на Гришку,¹ о суде и князь Василей Волконской с товарищи суд мне, холопу твоему, на беглово моего кабального человека не дал, а велел меня дать на поруку, што поставить мне кабального своего человека, Гришкина отца Данилка, в Холопье приказе. И дан мне, холопу твоему, срок мая до 27-го числа; и я, холоп твой, для тово своего человека Данилка послал человека своего Сеньку Тотарина и велел им быть в Москве. И по се, государь, число на указной срок людишка мои ко мне не бывали из олаторской деревни за грязми и за водополем, што деревнишко дальное. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне дать по своему государеву указу другой поверстной срок для грязей и водополя. Царь государь, смилуйся.

На об. л. 10 пометы: 157-го мая в 27 день. Государь пожаловал, велел дать срок на 3 недели.

157-го мая в 29 день. Взять к делу, а по государеву указу дать сроку на 3 недели.

(л. 11) И стольник князь Василей Богданович, и Григорей Арефьевич, да диаки Сава и Семен, выслушав подписную челобитную, велели взять к делу, а по государеву указу в человеке дать сроку на 3 недели.

V. — 1649 г. июня 12. Привод в приказ Уваром Лодыгиным Данилы; расспросные речи Данилы.

Июня в 12 день Уар Ладыгин бил челом словесно, а сказал: велено де ему поставить человека своево Данилка Дмитриева сына Елагина, что ево ж Уаров человек Гришка Елагин воровски назвал того Данилка, отца своего, темниковским пушкарем и прозвище ему сказал, будто он — Данилка Большая Борода; и он де, Уар, того своего человека кабалово Данилка Елагина в Приказе холопья суда для допросу поставил: и чтоб де челобитье ево велели записать и того человека Данилка расспросить.

Рукоприкладство: К сей скаске Уар Лодыгин руку приложил.

(л. 12) И тот приводной человек спрашиван и по допросу сказался: зовут де ево Данилком Дмитрев сын Большая Борода; отец де его, Дмитрейко Созонов сын Большая Борода, при прежних государех царех

¹ «Гришку» написано по первоначально написанному «Гаврилка».

в Темникове был в пушкарях лет с 60; и блаженные памяти при государе царе и великом князе Василье Ивановиче всеа Руси отец ево Дмитрийка Большая Борода в Темникове в пушкарях умер, а он де, Данилко, после отца своего в Темникове же был в пушкарях лет с 20 и больши; а жалованья государева денежно и хлебново темниковским пушкарям изстари и по ся места не бывало, а пожалованы оне вместо денежного и хлебного жалованья рускими и татарскими и мордовскими неделями; а живут темниковские пушкарни своими дворами в особой слободе; и он де, Данилко, в Пушкарской слободе в пушкарях жил своим двором; и в дозорных книгах Ивана Усова, а после того дозору в писцовых книгах Степана Хрущева с товарищи, двор ево Данилков написан; а в котором де году те дозорщики и писцы были, и он де того не упомнит; и в прошлом де во 139-м году был в Темникове воевода Гаврила Васильев сын Ладыгин, и он де, Гаврила, посадил ево, Данилка, в Темникове в тюрьму, неведома за что, и выняв ис тюрьмы и устрастя, посылал ево с сыном своим с Кондратьем Ладыгиным в Орзамас; в Орзамасе (л. 13) тот Кондратей в том же году взял на нево служилую кабалу, а на отцово ль имя взял кабалу или на Уарово или на свое Кондратьево, и он де про то не ведает; и в прошлом де во 151-м году блаженные памяти государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси бил челом он, Данилка, на нево, Гаврила Лодыгина, в том ево насильном холопстве; и по государеву де указу велено было ему, Гаврилу, положить на нево, Данилка, крепость; и он де, Гаврила, ево, Данилка, людем своим велел поймать на Москве на Пожаре против Никольских ворот, и поймав, ево сослал на Олатарь сына своего в Уварово поместье Лодыгина, в Талызину слободу; и в той де Талызине слободе, водя ево по улицам, за то челобитье били кнутом и посадили в колоду; и в колоде он, Данилка, сидел два годы, помирал голодною смертию; и в нынешнем де во 157-м году по ево Данилкову веленью сын ево Гришка бил челом государю на Уара Лодыгина в том же насильном холопстве; и он де, Уар, отписал на Олаторь к жене своей в Талызину слободу о том челобитье; и жена ево Полагая Ивановна ево, Данилка, в три перемены шти человеком велела бить плетьюми за мертво и велела посадить (л. 14) в колоду и морить голодом; и сидел де он с велика дни по Петровы заговена в колоде: а жену де ево, Маньку, Уарова жена Полагая сослала к нему, Уару, в подмосковную деревню, и с тех де мест и по ся места живот свой мучит в чепи и в железах у жорнов и мелет безпрестанно; а сына де Гришку он, Данилка, прижил з женою своею в Темникове в пушкарях до того насильнова холопства; а у нево де, Гаврила, живучи в невольном холопстве и у детей ево, у Уара, живучи з женою своею, прижил троя детей, девку Маринку да девку Оксютку да сына Еуфимка; и ныне де ево, Данилка, Уаровы люди, Васька Татарин, привез к Москве душою да телом и привел в Холопей приказ, а жена де ево и дети разосланы порознь в розные ево Уаровы деревни.

И стольник князь Василей Богданович, и Григорей Арефьевич, и диакки Сава и Семен речи ево велели записать, а Данилка дать мимо исца на поруки [з] записью приставу Андрею Дюткову; а будет по нем поруки не будет, и ему держать ево у себя за приставом до государева указу. А на нем, Данилке, платье: шуба баранья да нагрудник зенденинн[ий], штанишка лазоревы, летчинные, шапенка черная с пухом, крест серебрян; платье на себе, сказал, свое; денег, сказал, у нево нет.

VI. — 1649 г. июня 18. Боярский приговор об очной ставке истца с ответчиком.

157-го июня в 18 день бояре князь Михайло Петрович Пронской с товарищи сего (л. 15) дела слушали, приговорили Увару Лодыгину з Данилком дать очную ставку.

VII. — 1649 г. июня 25. Челобитная Данилы и Григория на Увара Лодыгина о суде в насильном холопстве и животах; сказка У. Лодыгина; в сносе истец с ответчиком имались за веру; допрос Данилы; ссылка его на писцовые книги и в повальный обыск на Темников и Инсар; ссылка У. Лодыгина на писцовые книги; сказка его о расписке Данилы и Григория в их челобитных — в прозвище и в годах — и показания Данилы; кабала на Данилу от 1630 г. 28 февраля, поданная У. Лодыгиным, и показания Данилы; допрос Данилы и Григория о побеге последнего от У. Лодыгина.

И июня в 25 день стольнику князю Василью Богдановичю Волконскому, да Григорью Арефьевичю Неронову, да диаком Саве Самсонову да Семену Ключареву Данилко Дмитриев сын Большая Борода и сын ево Гришка подали на Уара Лодыгина челобитную, а в челобитной пишет. — (л. 16) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, темниковский пушкарь Данилко Дмитриев. Жалоба, государь, мне на Увара Гаврилова сына Лодыгина. В прошлом, государь, во 139-м году был в Темникове воеводою отец ево, Уваров, Гаврило Васильев сын Лодыгин, и будучи он в Темникове воеводою, меня, холопа твоего, покарбил сильно з жонишкою и детишками и з животишками, а животов моих взял дворишко мой пушкарской и платишка и животины на 15 руб. с полтиною. А посылал он, Гаврила, сына своего Кондратья в Орзамас и кабалу на меня взял в Орзамасе сильно; и приехав из Орзамаса, послал меня к Москве з женишкою и з детишками к сыну своему Увару. А на чье, государь, имя та кабала писана, и тово я не ведаю. И ныне, государь, я, холоп твой, живу у него, Увара, и животишками моими он, Увар, завладел, и сынишка моево Гришку он, Увар, женил у себя во дворе сильно. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне на него, Увара, в том моем насильном кабальном холопстве и в животишках моих дать свой царской суд. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 157-го июня в 25 день. Суд был. В сносе ответчик взял на душу себе, крест целовать человеку ево Гараське Гашукову.

(л. 17) И ответчик Уар Лодыгин, выслушев челобитную, сказал: кабалы де он, Уар, на того Данилка сильно не имывал, а бил де челом к нему в холопство с воли в Орзамасе, а сказался вольной и кабалу де ему дал на ево Уарово имя в Орзамасе ж з женою и з детьми своими; а двором де ево и животы он, Уар, не завладел; а сына де ево Гришку после той их кабалы женил у себя во дворе на своей девке на Дуньке, а дал де ему, Уару, ту девку Иван Кутузов. А в сносе истец и ответчик имались за веру; ответчик Уар взял себе на душу крест целовать человеку ево Гараське Гашукову. И допросили исца Данилка: кому про то ведомо, что Уар Лодыгин взял на него кабалу сильно? И истец Данилко по допросу сказал: отец де ево Уаров был в Темникове воеводою и ево де, Данилка, сковав, послал в Орзамас, а велел взять кабалу сильно, и ево де устроил, и он в Орзамасе у кабалы, бояся ево, сказался вольной; а он де, Дмитрейко¹, и отец ево государевы люди; отец ево был в Темникове в пушкарех лет с 60, а он де, Данилко, в Темникове же был в пушкарех лет з 20; и в писцовых де книгах Ивана Усова с товарищи он, Данилко Дмитриев сын, написан в пушкарях же в Темникове во дворе; а сверх де книг шлетца он, Данилко, словесно из виноватых на весь город Темников и на Темниковской уезд да на другой город на Инзору на всяких чинов людей в том, что тех обоих городов всякие люди отца ево Дмитрейка Большую Бороду и ево, Данилка, в Темникове в пушкарех знали, — в том де он на них шлетца. (л. 18) И ответчик

¹ Так в подлиннике, — ошибочно, вместо Данилко.

Уар Лодыгин на писцовые книги Ивана Усова, будет де отец ево Данилко Дмитрийко написан, и он, Данилко, написан Дмитриевым сыном Большая Борода, — и он де на те книги шлетца; а в повальной обыск на Темников и на Темниковской уезд и на Инзору слатца и не слатца не смеет, потому что отец де ево Гаврила Лодыгин был в Темникове воеводою, а Инзара де была в те поры Темниковского присуду, а города де не было, и у отца де ево с Темниковым городом и с уездными людьми была в государевых делах ссора во многих делах. Да ответчик же Уар бил челом словесно, а сказал: хочет ли де он, Данилко, первую свою челобитную, какову подал без него, Данилка, сын ево Гришка, что велено ему с ним, Уаром, дать очная ставка, с нынешнею ево исковою челобитною в росписке прав быть и виноват? И истец Данилко сказал; против де их скаски и челобитные их написаны, как де им своим челобитьем не хотеть правым быть и виноватым. И ответчик Уар сказал: в прежнем де их челобитье написано — Данилко Дмитриев сын Большие Бороды сын, а в нынешней де челобитной, что подал о суде, написался Дмитриев сын, а Большой Бороды не написано, — и он де тем, росписался. И истец Данилко сказал: яз де грамоте не умею, то де подьячий прописал, а быт де челом он государю, что он, Данилко, и сын ево — прозвище Большая Борода, отец де ево Дмитрийко был (л. 19) Большая Борода; и в том де он шлетца на два города в повальной обыск, что отец ево, Дмитрийко, был пушкарь Большая Борода, а он де, Данилко, слыл по отце своем Большия же Бороды сын. И ответчик Уар бил челом словесно, а сказал: хочет ли де он, Данилко, теми же своими челобитными с своею кабалою в росписке в летех и прозвище прав и виноват быть? И истец Данилко сказал: в котором де году отец ево был в Темникове воеводою, и в там де году и кабалу на него взял; а как де прозвище в кабале написано, и он де про то не ведает, что грамоте не умеет, а имени де и прозвище он себе не переменивал.

И ответчик Уар Лодыгин подал на того человека Данилка арзамаскую кабалу 138-го году, а в кабале пишет. — (л. 20) 138-го февраля в 28 день. Записать в книги; сказался вольной, ни у ково не служивали. Се яз, Данила Дмитриев сын Елагин, родиною Темникова города, да своею женою с Марьею Левонтиевою дочерью да своими детьми, сыном з Григорьем да с Федором да с Фатеем, занели есми в Орземасе у Уварова человека Гавриловича Лодыгина, у Ивана В...ва,¹ 15 руб. денег московских ходячих февраля ют двадесеть осьмаго числа нынешнего 138-го году до сроку, до токова же числа на год; а за рост нам служить у государя своего, у Увара Гавриловича; а полягут деньги по сроце, и нам у государя своего, у Увара Гавриловича, служить во дворе по тому же по вся дни, всякие дела делать. А на то послуши: Ондрей Семенов сын Собакин. А кабалу писал Самсонка Сидоров сын Мешков лета 7138-го году.

На об. л. 20: 138-го февраля в 20 день в Арзамасе в съезжей избе перед стольником и воеводою перед князем Веденихтом Ондреевичем Оболенским да перед Макарьем Чюкариным заимщики, Данилко Дмитриев з женою своею и з детьми, сказались вольные, и в Орзамасе де они стольника у Уварова человека Гавриловича Лодыгина у Ивана Васильева 15 руб. денег заняли и в службу Увару Гавриловичу Лодыгину били челом и сю ему на себя служивую кабалу дали. Ся кабала и пошлны в книгу писана. К сей кабале стольник и воевода князь Веденихт Ондреевич Оболенской печать свою приложил. Приписал Мокарей Чюкарин. Послух Ондрюшка руку приложил.

Помета: Взять к делу.

(л. 21) И истец Данилко, выслушев кабалу, сказал: такову де кабалу дал он из неволи; а прозвища де себе не переменивал; а прозвища де

¹ Подлинник в этом месте порван; лист в целом — хорошей сохранности.

ему Большой Бороды сын, и про то де ведают и знают ево многие люди; а Елагина де у нево и в роду не бывало; и как де хотел он кабалу имать и годы и прозвище писать, так и писал; а воевода де в те поры в Орзамасе ему, Гаврилу, и сыну ево Уару был свой и дал де ему кабалу по свойству.

И ответчик Уар бил челом словесно, чтоб допросить исца Данилка: сын ево Гришка от нево, Уара, во 147-м году бегал ли и в солдатех был ли и ис солдатах¹ в холопство ему, Уару, отдал² ли по той ево кабале? И истец Данилко сказал: в тех де годех он, Данилка, сидел у нево, Уара, на Олатаре и в поместье ево в колоде, а сын де ево Гришка от нево, Уара, бегал ли и в солдатех был ли и ему, Уару, отдан ли или нет, и он де про то не ведает. А сын ево Гришка сказал: сплутал де он, Гришка, от нево, Уара, в те поры бегал и в солдатех был, и в приводе в Солдацком приказе сказался он, Гришка, пушкарским же сыном Темникова города, и очной де ставки ему, Гришке, с ним, Уаром, не дали; а по чему де ему, Уару, отдан, и он де тово не ведает; а отдали ево ему, Уару, без сыску.

VIII. — Того же дня. Встречная челобитная Увара Лодыгина на Григория о суде в побеге и сносных животах; показания Данилы за сына; в сносе ответчик крестное целованье взял себе на душу; приговор об отдаче на поруки истца и ответчика.

И ответчик Уар Лодыгин подал встречно на сына ево Давилкова, на Гришку, челобитную, а в челобитной пишет. — (л. 22) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой Уварко Лодыгин. В нынешнем, г., во 157-м году марта в первый на десять день бежал от меня, холопа твоего, кабальной мой человек Гришка Данилов сын Елагин, поймав животы мои. А живота моево снес от меня и денег и на себе платья на 15 руб. на 20 на 9 алт. на 2 д. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне на тово моево кобальново беглово человека, на Гришку Данилова сына Елагина, в холопстве и в сносных животех дать свой царской суд и управу. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 157-го июня в 25 день. Суд был. В сносе ответчик взял на душу себе.

(л. 23) И Данилко Большая Борода, выслушев Уварову челобитную, за сына своего Гришку отвечал, а сын ево Гришка тут же стоял. А в ответе Данилко сказал: сын де ево Гришка от нево, Уара, не бегивал и сносу ничего не снашивал; а пришел да сын ево за ним, Уаром, в город и подал челобитную в приказе на нево, Уара, в насильном холопстве об очной ставке за нево, Данилка; и он де, Уар, за нево, Гришку, после ево челобитья в третьей день имался в холопстве и привел ево в приказ, — и то де в приводе написано. Да в сносе имались за веру; ответчик Данилка крестное целованье взял себе на душу. И истец Уар в сносе, опричь веры и крестного целованья, иных улик не сказал; а в холопстве де кабала на них подана в прежнем суде, и улики написаны в том де прежнем суде.

И стольник князь Василей Богданович, да Григорей Арефьевич, да дьяки Сава да Семен речи их велели записать, а исца и ответчика велели приставу Кондратью Старкову дать на поруки з записьми.

IX. — Того же дня. Поручная запись по Уваре Лодыгине.

И пристав Кондратей Старков подал по ответчике, по Уаре Лодыгине, поручную запись; а по Данилке и по сыне ево Гришке поруки нет, сидят у нево за приставом. А в поручной записи пишет. — (л. 24) Се

¹ Подлинник в этом месте порван; лист в целом — хорошей сохранности.

² Так в подлиннике.

яз, Елизарей Федоров сын Лызлов, да яз, Василей Григорьев сын Нечаев, да яз, Кондратей Гаврилов сын Лодыгин, да яз, Дмитрий Микитин сын, да яз, Стахей Матвеев сын Кутузовы, да яз Иван Федоров сын Лызлов, да яз, Дмитрий Иванов сын Горихвостов, да яз, Перфилий Ламонов сын Аверкиев, да яз, Петр Александров сын, да яз, Феоктист Александров сын Чюрковы, да яз, Иван Михайлов сын Коновницын, выручили есми Приказу холопья суда у пристава у Кондратя Старкова Уара Лодыгина в том, что ставитца ему за нашею порукою в Приказе холопья суда перед стольником, перед князь Васильем Богдановичем Волконским, да перед Григорьем Арефьевичем Нероновым, и перед дьяки, перед Савою Самсоновым да перед Семеном Ключаревым, с суда по вся дни, до вершенья судных дел по вся дни, что от него, Уара, оттягивался на суде темниковской пушкарь Данилко Дмитриев сын Большие Бороды з женою и з детьми от насильнова холопства да иску своего; а Уар ево называл Данилка Елагиным и искал на них встрешно кобальнова холопства да сносу. А не учнет он, Уар, за нашею порукою ставитца в Приказе холопья суда по вся дни до вершенья судных дел или с Москвы съедет, и он, Уар, тех людей, Данилка з женою и з детьми, иску своего лишен, а тот ево Данилков иск по челобитной на нас, порутчиках, и с тех исков государевы судные пошлины, пересуд и правой десяток по челобитным, каковы челобитные в суде за дьячьею приписью, на нас же, порутчиках. А хто нас, порутчиков, в лицах будет, на том ево Данилков иск и государевы судные пошлины, пересуд и правой десяток с обеих исков. А на то послух Михайла Микитин. А запись порушную писал Ивановской площади подьячей Васька Максимов лета 7157-го году июня в 25 день.

На об. л. 24: Елизарей Лызлов ручал Увара Лодыгина с суда в статье до вершенья судного дела, руку приложил. Василей Нечаев ручал и руку приложил. Кондратей Лодыгин ручал и руку приложил. Дмитрий ручал и руку приложил. Стахей Кутузов ручал и руку приложил. Дмитрий Горихвостов ручал и руку приложил. Иван Лызлов ручал и руку приложил. Перфирей Аверкиев руку приложил. Петр Чоглоков ручал, руку приложил и вместе брата своего Фектиста руку приложил. Иван Коновницын ручал и руку приложил. Послух Мишка руку приложил.

(л. 25) И стольник князь Василей Богданович, да Григорей Арефьевич, да дьяки Сава да Семен, выслушев поручную запись, велели взять к делу.

Х. — 1649 г. июля 2. Подписная челобитная Данилы: поставить на суде его жену и детей.

(л. 26) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, темниковской пушкарь Данилка Дмитриев сын Большой Бороды. В нынешнем, государь, во 157-м году бил я челом, холоп твой, тебе, государю, на Увара Гавриловича Лодыгина в его насильном кабальном холопстве, и по твоему государеву указу [у] меня, холопа твоего, с ним, Уваром, был суд в Приказе холопья суда. И с суда слался я, холоп твой, на твой государев милостивой указ и на правду и на писцовые книги, потому что я, холоп твой, в писцовых книгах написан. И [и]с Казанского дворца с писцовых книг имянишко мое в памяти в Холопей приказ прислано, что я, холоп твой, в Темникове был в пушкарях. А ныне, государь, он, Увар, рияся на меня, холопа твоего, что я, холоп твой, бью челом на нево тебе, государю, в насильном холопстве, а женишку мою и детишек кует и мучит розными муками и молоть заставлявает и у жернав, приковав, морит голодною смертью, а детишек моих для мучения розослал по розным своим поместьям для того, чтобы ему, Увару, детишек моих поморить на смерть голодною смертью. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, женишку мою и детишек

поставить на Москве в Приказе холопье суда, покаместа то наше судное дело вершится, и мне, холопу твоему, твой милостивой государев указ будет, чтобы, государь, женишке моей и з детишками от ево Уварова великого мученья голодною смертию не помереть, сидячи в чеи, в железах и у мельну. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На об. л. 26 пометы: Государь пожаловал, велел указ учинить по своему государеву указу в Холопье приказе.

157-го июля в 2 день. Взять к делу. А жену и детей Уару велеть поставить в Приказе холопья суда.

(л. 27) И стольник князь Василей Богданович, и Григорей Арефьевич, да диаки Сава и Семен, выслушев подписную челобитную, велели взять к делу, а жон и детей Уару Лодыгину велели поставить в Приказе холопья суда.

XI. — 1646 г. июля 16. Допрос Увара Лодыгина о женах и детях Данилы и Григория.

Июля в 16 день Уар Лодыгин спорных людей про Данилку и про Гришкину жену и про их детей допрашиван: где у нево те жонки з детьми? И Уар по допросу сказал: те де жонки з детьми у нево, Уара, в олаторской деревне живут, в Талызине слободе, и ему б де дали по государеву указу поверсной срок и тех де женок з детьми он, Уар, на поверсной срок поставит и поручную запись в том по себе даст. А к скаске своей руки он, Уар, не приложил.

XII. — 1649 г. июля 20. Поручная запись по Уваре Лодыгине: поставить на срок в Москве жен и детей Данилы и Григория.

Июля в 20 день пристав Кондратей Старков по Уаре Лодыгине подал поручную запись, а в ней пишет. — (л. 28) Се'яз, Кондратей Гаврилов сын, да яз, Яков Степанов сын Лодыгины, да яз, Юрья Микифоров сын, да яз, Степан Михайлов сын Колычев, да [яз, Иван Раманов сын Ульфов, да яз, Иван Иванов сын Румянцов, да яз, Василей Яковлев сын Калтовской, да яз, князь Иван княж Тимофеев сын Волконской, да яз, князь Иван княж Иванов сын Дашков, да яз, Дмитрий Григорьев сын Очин-Плещеев, да яз, Тимофей Дмитриев сын Клакачов, да яз, Федор Овдокимов сын Баскаков, да яз, Иван Микифоров сын Выповской, да яз, Костянтин Михайлов сын Мириков, да яз, Дмитрий Иванов сын Зеновьев, поручилися есми Приказу холопья суда приставу Кондратью Старкову по Уваре Лодыгине в том, что поставити ему за нашею порукою в Приказе холопья суда перед стольником, перед князем Васильем Богдановичем Волконским, да перед Григорьем Орефьевичем Нероновым, перед дьяки, перед Савою Самсоновым да перед Семеном Ключаревым, с Олаторя на поверсной срок Данилку жену Марьицу Левонтьеву дочь з детьми, с сыном Еуфимом да з дочерью с Оксюткою да с Маринкою, да сына ево Данилку Гришкину жену Дуньку Гаврилову дочь з дочерью с Василискою. А будет он, Увар, за нашею порукою тех людей с Олаторя на поверстной срок в Приказе холопья суда не поставит, и на нас, на порутчиках, взяти за весныя головы по государеву указу по 50 руб. за голову. А кой нас, порутчиков, будет в лицах, на том и за весныя головы. А на то послуши: Иван Суворов. А запись писал Ивановския площади [подьячий] Дорофейко Степанов лета 7157-го году июля в двадесятый день.

На об. л. 28: Кондратей Лодыгин брата своего Увара Лодыгина ручал, что ему поставить ему с Алаторя на поверсной срок человека своего Данилку жену Марьицу Левонтьеву дочь з детьми, с сыном Еуфимком да з дочерью с Аксюткою да с Маринкою, да сына ево Данилку Гришкину жену Дуньку Гаврилову дочь з дочерью с Василискою, — и руку приложил. Юрьи Колычов р[у]чал и в Степаново

место Колычова руку приложил. Иван Ульфов ручал и руку приложил. Яков Лодыгин ручал и руку приложил. Иван Румянцев (ручал и руку приложил. Василей Колтовской ручал и руку приложил. Князь Иван Волконской ручал и руку приложил. Князь Иван Дашков ручал и руку приложил. Дмитрий Очин-Плещеев ручал и руку приложил. Тимофей Клакочев ручал и руку приложил. Федор Баскаков ручал и руки приложил. Иван Выповской ручал и руку приложил. Костентин Чириков ручал и руку приложил. Дмитрий Зеновьев ручал Увара Лодыгина и руку приложил. Послух Ивашко руку приложил.

(л. 29) Отписать в Приказ холопья суда, сколько от Москвы да Олатаря верст. От Москвы до Алатаря 600 верст.¹

И стольник князь Василей Богданович, и Григорей Арефьевич, да диаки Сава и Семен велели поручную запись взять к делу.

XIII — 1649 г. августа 22—23. Подписная челобитная Увара Лодыгина: отсрочить в виду отдаленности Алатыря и пашенной поры ставку на Москве жен и детей Данилы и Григория.

(л. 30) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой Уарка Лодыгин. В нынешнем, государь, во 157-м году беглой мой кабальной человек Гришка Данилов сын Елагина, ставаясь с отцом своим, з Данилко Дмитриевым сыном Елагиным, бил челом тебе, государю, отца своего именем Данилка Дмитриева сына Большие Бороды, будто он, Данилка, и отец его Дмитриейко темниковские пушкар; и отец мой Гаврило Васильевич послан был будто в прошлом во 139-м году в Темников, и в Темникове будучи, его, Данилка, покабалил. И по той их ложной челобитной дан был я, холоп твой, на поруки, что мне кабального своего человека поставить на срок в Холопье приказе, а об нем, Данилке, послана ис Холопья приказу память в Казанской дворец: в государеве жалованье он, Данилко, в пушкарех объявился ли в дозорных или в писцовых книгах написан ли? И в памяти, государь, ис Казанского дворца отписали, что в Казанском дворце в пушкарех в государеве жалованье Данилко Дмитриев сын Большие Бороды не сыскали, а написан в дозорных книгах в пушкарех Данилко Дмитриев, а чей сын и прозвище Большие Бороды нет. И я, холоп твой, тово своего кабального человека Данилка Дмитриева сына Елагина в Холопье приказе поставил, и, спрося, его велели дать на поруки до суда. И стольник, князь Василей Волконской, по тому делу докладывал твоих государевых бояр, и бояре указали дать очную ставку. И тот мой кабальной человек Данилко, умысля воровски с сыном своим Гришкою, хотя от меня отбыть холопства, написался в челобитную против памяти, какова память прислана ис Казанского дворца, Данилко Дмитриев. И я, холоп твой, выслушав его челобитные, бил челом на суде, чтоб его допросить: хочет ли он тою своею челобитною исковою с прежнею своею челобитною, что велено дать очная ставка, в росписке² прав и виноват быть? И он сказал, что хочет. И я, холоп твой, сказал: в первой его челобитной написан Данилко Дмитриев сын Большие Бороды, а в-ысковой его челобитной — Данилко Дмитриев, а Дмитриев ли он сын и прозвище Большие Бороды не написал. Да я же, холоп твой, бил челом на суде, чтоб его допросить, хочет ли он своею прежнею челобитною с моею кабалою в росписке в годах прав и виноват быть; и он сказал, что хочет. И я, холоп твой, подал на суде арзамаскую кабалу; и он, выслушав, кабалы не лживил. А кабалу, государь, дал он на себя и на жену и на детей в прошлом во 138-м году; а в прежней его челобитной написано, будто отец мой Гаврило Васильевич послан был в Темников в прошлом во 139-м году.

(л. 31) И то, государь, явное его холопье ложное челобитье тебе,

¹ «От Москвы»... и дальше написано другим почерком.

² В подлиннике: «в роспроске».

государю, что во всем росписка, а по твоему государеву указу и по Соборному уложению в таких росписках винят. Да я же, холоп твой, на суде слался на отдачу строю ратных людей 147-го году, как мне по той кабале ис салдат ево, Гришку Данилово сына Елагина, выдали. И по тому, государь, судному делу, не учиня мне, холопу твоему, указу, дали меня, холопа твоего, на поруки в нынешнюю пашенную пору, что мне поставить в Холопье приказе жон их и детей, не ведая для чево. И я, холоп твой, по поручной записи в алаторское свое деревнишко послал человека своего, а велел жон их и детей к Москве привести на срок. И срок, государь, приходит, а место дальнее, вести нет, нивись, человек мой доехал здорово, или которая мера над ним учинилась на дороге. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне дать поверсной срок другой до Алатаря, чтоб порутчикам моим в том убытка не учинили по поручной записи, что за далиною в нынешнюю пашенную пору на срок не поставятца в Холопье приказе. А судное, государь, дело вели вершить по своему государеву Уложению безволокитно. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На об. л. 30 пометы: 157-го августа в 22 день. Государь пожаловал, велел о том указ учинить по Уложению.

157-го августа в 23 день. Взять к делу.

XIV. — 1639 г. августа 23. Ставочная челобитная Данилы с жалобой на Увара Лодыгина, который волочит 6-й месяц тем, что не ставит на суде жену, детей и сноху челобитчика.

(л. 32) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, темниковской пушкарь Данилко Дмитриев сын Большой Бороды. В нынешнем, государь, во 157-м году июля в 6 день по твоему государеву указу дан Увар Лодыгин на поруку на поверсной срок в том, что поставить ему женишко мое з детишками и снохою с Овдоттицою в Приказе холопья суда перед стольником, перед князем Васильем Богдановичем Волконским, и перед Григорьем Арефьевичем Нероновым, и перед [дь]яками. И он, Увар Лодыгин, на тот поверсной срок не поставил и тем меня, холопа твоего, волочит и морит за приставом шестой месяц меня, холопа твоего, с сынишком. Милосердый государь [т.], пожалуй, меня, холопа своего, вели, государь, тому моему делу свой государев милостивой указ учинить. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 157-го августа в 23 день. Взять к делу.

XV. — 1649 г. августа 27. 2-ая ставочная челобитная Данилы: Увар Лодыгин волочит его 7-й месяц.

(л. 33) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, темниковской пушкарь Данилко Дмитриев сын Большой Бороды. По твоему государеву указу дан на поруку Увар Лодыгин с суда на поверсной срок в том, что поставить ему женишко мое з детишками и снохою с Овдоттицою. И тот поверсной срок прошел, а он, Увар Лодыгин, не поставил женишку мою и з детишками и снохою с Авдоттицею и меня, холопа твоего, тем волочит за приставом с сынишком седьмой месяц. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, тому моему делу свой государев указ учинить. Царь государь, смилуйся.

На обороте помета: 157-го августа в 27 день. Взять к делу.

XVI. — 1649 г. августа 30. Память приставу на поручителей Увара Лодыгина.

(л. 34) *Помета:* Велеть порутчиком спорных людей поставить.

И против сей пометы на Уваровых порутчиков Лодыгина приставу Кондратью Старкову память дана августа в 30 день, потому что он,

Увар, за их порукою на срок по поручной записи людей в Приказе холопья суда не поставил.

XVII. — 1649 г. сентября 3. 3-ья ставочная челобитная Данилы с жалобой на Увара Лодыгина, который не поставил на срок жену, детей и сноху челобитчика и тем его волочит.

158-го сентября в 3 день Данилка Дмитриев сын Большой Бороды подал челобитную, а в ней пишет. — (л. 35) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, темниковской пушкарь Данилко Дмитриев сын Большой Бороды. По твоему государеву указу дан был на поруку Увар Ладыгин с суда на поверсной срок в том, что поставить женишко мое и з детишками и снохою и со внукою, что было поставить ему перед Семеним днем, и он, Увар Ладыгин, на тот срок не поставил. И я, холоп твой, бью челом тебе, государю, после того сроку и подаю в Холопье приказе третью ставочную челобитную. А он, Увар Ладыгин, меня, холопа твоего, волочит и мучит за приставам с сынишком многое время, хотя видеть в большом пожелезном, а женишку мою и з детишками и невеску з дочеришкою у себя держит в чепи и в железах, морит голодною смертию, хотя меня, холопа твоего, вконец погубить. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, в том деле свой государев милостивой указ учинить. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На об. л. 35 помета: 158-го сентября в 3 день. Взять к делу.

XVIII. 1649 г. сентября 4. 4-ая ставочная челобитная Данилы, аналогичная предыдущей.

(л. 36) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, темниковской пушкарь Данилко Дмитриев сын Большой Бороды. По твоему государеву указу дан был Увар Ладыгин с суда на поверсной срок, что поставить было ему женишку мою и з детишками и снохою и со внукою, и он, Увар Ладыгин, на тот поверсной срок не поставил, хотя видеть меня, холопа твоего, [в большом пожелезном]¹ и тем вконец погубить. И я, холоп твой, бью челом тебе, государю, после того поверсново сроку и подаю четвертую ставочную челобитную. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, свой царской милостивой указ учинить. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 158-го сентября в 4 день. Положить дело на стол.

XIX. — 1649 г. сентября 4—6. Подписная челобитная Увара Лодыгина о новом поверстном сроке ставки жен и детей Данилы и Григория.

(л. 37) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, Уварко Лодыгин. В прошлом, государь, во 157-м году бил челом я, холоп твой, тебе, государю, по судному делу об указе и о другом сроке поверсном, што мне, не учиня по судному делу указу, да в пашенную пору дали меня на поруки, што мне кабальново своего человека Данилка и сына ево Гришки поставить в Холопье приказе на срок жон их и детей, неведомо для чево. И мне, государь, холопу твоему, твоя государева подписная челобитная сошла, што велено мне, холопу твоему, указ учинить по Уложению, и я, холоп твой, тое челобитную к делу отдал. И стольник князь Василей Волконской с товарищи по той твоей государеве подписной челобитной по судному делу указу не учинят и другого сроку поверсново не дают и велели порутчиков моих ставить. А я, холоп твой, бью челом о другом сроке, што та у меня дерев-

¹ Слова, заключенные в скобки, в подлиннике опущены.

нишко дальная, в Алатарском уезде, и человекенко послан, и над ним нивисть што учинилось, на первой срок не стал. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне дать другой поверсной срок до алатарского деревнишка против своего государева Уложения, чтобы моих порутчиков не волочили и убытка им не чинили. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: Государь пожаловал, велел ему дать поверстной срок по Уложению.

158-го сентября в 4 день. Государь [т.] пожаловал, велел ему дать поверстной срок по Уложению. Стольнику князю Василью Богдановичу Волконскому, да Григорью Арефьевичу Неронову, да дьякам Саве Самонову да Семену Ключареву. Диак Степан Чюбаров.

158-го сентября в 6 день. Взять к делу и выписать о сроке из Уложения.

XX. — 1649 г. сентября 7. Челобитная пристава Кондратия Старкова о возмещении ему прокорма и пожелезного за Данилу и Григория.

(л. 38) Царю государю [т.] бьег челом холоп твой, Приказу холопья суда пристав Кандрашка Старков. Сидят у меня, холопа твоего, за приставом Данилко Дмитриев сын Большой Бороды с сыном своим Гришкою недель [с 40 и больши, пьют и едят все мое. А я, холоп твой, кормя их, займуючи в кабалы, одолжал великим долгом, а он, Увар, засады их, ни поит ни кормит. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь челобитье мое записать, что я их пою и кормлю своим, чтоб мое пожелезное и прокорм не пропал, и чтоб мне в том долгу на правеже замучену не быть. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 158-го сентября в 7 день. Записать челобитье и взять к делу.

XXI. — 1649 г. сентября 9. Приход в приказ Марины, дочери Данилы; допрос ее.

(л. 39) И сентября в 9 день в Приказ холопья суда за полтора часа до вечера пришла девочка и била челом словесно, а сказала, чтоб ее велели в Приказ холопья суда принять и роспросить. И стольник князь Василей Богданович, да Григорей Арефьевич, да дьяки Сава да Семен велели тое девку принять и роспросить. И того ж дни девка роспрашивана, а в роспросе сказала: зовут де ее Маринкою Данилкова дочь Дмитриева сына Большой Бороды; родом де отец ее Данилка Темникова города пушкарь; и как де был в Темникове воеводою Гаврила Лодыгин, и в те де поры отца ее Данилка он, Гаврила, ис пушкарей посадил в тюрьму и, муча ево многожды и моря голодом и выняв ис тюрьмы, сослал с людьми своими в Орзамас; и в Орзамасе у сродника своего у воеводы у князя Венедикта Оболенского взял кабалу на отца ее он, Гаврило, сильно на имя сына своего Уара Лодыгина; и по той де кабале Уар Лодыгин искал в Холопье приказе на отца ее кабального холопства; и с тех де мест и по се число отец ее и брат ее Гришка на Москве, а мать де их и ее, Маринку, с сестрою с Оксюткою, и з братом Еуфимком, и с невесткою Дунькою, и с ее дочерью Василискою держал до Ильина дни в подмосковной деревне в Ермолине у мельна в чеши и в железах, а после де Ильина дни сослал их вотчину свою в дер. Осанову Переяславского уезду Залеского и держал их, сковав же; и ис Переславля де привезли их к Москве, тому ныне четвертой день, и на Москве де их держал (л. 40) в чеши и в железах у мельна ж; и она де, не перетерпя нужи, у нево, Уара, з двора ушла через забор душою да телом и боса и пришла в Холопей приказ проводить отца своего и

брата; и мать де ее, и сестра, и брат, и сноха и ныне у нево же, Уара, на Москве в чеи и в железах, попрежнему у мельна, сведена на Михайлове дворе Кутузова. И та девка отдана до указу держать приставу Кондратью Старкову. На девке платья: сарафанишко белое, крест серебрён, серьги медные; денег у себя не сказала; платье на себе, сказала, свое.

XXII. — 1649 г., сентября 10—12. Увар Лодыгин поставил в приказе жен и детей Данилы и Григория; сказка У. Лодыгина; допрос приведенных женщин.

Помета: 158-го сентября в 10 день. Велеть Увару Лодыгину поставить людей в приказе безсрочно.

И того же дни Уар Ладыгин бил челом словесно, а сказал: велено де ему, Увару, по судному делу и по поручной записи поставить людей своих, Данилку жену Елагина з детьми да Гришкину жену Елагину ж; и он де тех людей, жонку Маньку, ево Данилкову жену, з детьми и с снохою, в Приказе хдлопья суда поставил, чтоб де челобитье ево велели записать и тех людей принять и роспросить; а дочь де свою он, Данилка, с сыном своим з Гришкою, девку Маринку, прозвище Чернушку, вчера сентября в 9 день з двора ево Уарова с ево Уаровыми животы выкрали; а что де живота ево с тою девкою выкрали, и о том де он, Уар, принесет челобитную; а выкрали де ее, Маринку, з животами за 2 часа до вечера.

На об. л. 40 и под текстом: К сей скаске Уар Лодыгин руку приложил.

(л. 41) И стольник князь Василей Богданович, и Григорей Арефьевич, и диаки Сава и Семен велели челобитье ево записать, а людей принять и роспросить. И жонка спрашивана, а по допросу сказала: зовут де ее Манькою Левонтьева дочь Данилкова жена Дмитреева сына Большой Бороды; муж де ее Данилка и она, Манька, родиною Темникова города; а свекор ее Манькин, а мужа ее Данилков отец, Дмитрий Большая Борода, служил в пушкарях государю многие лета, в пушкарях и умер; а муж ее после отца своего служил государю в Темникове в пушкарях же; и как де был в Темникове воевода Гаврила Васильев сын Ладыгин, и он де, Гаврило, мужа ее, Данилка, сажал в Темникове в тюрьму и мучил многожды в чеи и в железах и морил голодом, неведомо за что, и выняв ис тюрьмы, сослал с людьми своими ис Темникова в Орзамас к родимцу своему, ко князю Венедикту Оболенскому; и в Орзамасе де воевода по свойству дал на мужа ее, на Данилка, служилую кабалу сильно на имя сына ево, Гаврилова, Увару Ладыгину; а ее де Маньку з детьми, с сыном Гришкою да Федькою да с Фадейком, с-ыными своими людьми ис Темникова сослал к Москве к сыну своему к Уару; и дети де ее, Федька и Фадейка, у нево, Увара померли; а прижила де она с мужем своим у нево, Уара, детей, девку Маринку да девку Оксутку да сына Еуфимка; и мужа де ее Данилка он, Увар, в вотчине своей, в Талызине слободе, мучил и в колоду сажал и кнутьем бил многожды, неведомо за что; а ее де, Маньку, сослал из Талызиной слободы в подмосковную дер. Ермолину и з детьми и держал у мельна, сковав, в чеи и в железах; а слышала де она, Манька, от его Уаровых людей и от крестьян, что сын ее Гришка бил челом на Москве государю на нево, Увара, что он, Уар, покобалил их с отцом своим, с Гаврилом, сильно; и жила де она, Манька, в подмосковной деревне у нево, Увара, до Ильина дни прошлого году; и после де Ильина дни сослал их в другую деревню, Осанову, а которого де уезду та дер. Осанова, и она де про то не ведает, — и держал ее, сковав же, и [и]с тое [и] деревни люди ево Уваровы, Дмитрейко Иванчин, привезли ее з детьми к Мо-

скве, тому ныне пятой день, и держал на Михайлове дворе Кутузова в чеши ж и в железах; и вчера де в вечерни (л. 42) дочь ее Маринка збежала с того же Михайлова двора безвесно, неведома куды; и ныне де ее, Маньку, з дочерью Оксюткою, и с сыном Еуфимком и с снохою Дунькою он, Уар, прислал в Приказ холопья суда; а сноху де ее Дуньку прислала ево Уарова жена Полагей Ивановна ис Талызины слободы в дер. Осанову, а из Осановы деревни привезли их к Москве вместе с нею, Дунькою, и с ее детьми. А другая жонка в распросе сказала: зовут де ее Дунькою Гаврилова дочь Сидорова, Гришкина жена Данилова сына; служит де она у Уара Лодыгина по приданому холопству жены ево Полагей Ивановны; и боярин де ее Уар выдал за кабальнова своево человека, за Гришку Данилова, тому лет з 10; а слышала де она, Дунька, от ево Уваровых людей, что муж ее Гришка и ево Гришкин отец привезены ис Темникова; а был де свекор ее Данилка в Темникове в пушкарях, а слыл Большой Бороды; а привезчи де их к Москве, дали им прозвище Елагиным, а как де их из Темникова привезли к Москве, и она де тово не помнит, потому что тогда была мала; и в прошлом де году зимою после Николина дни, перед рождеством христовым, боярин ее Уар Лодыгин из Олаторского уезда из Талызины слободы поехал к Москве, а мужа ее Гришку с собою взял; и после де велика дни он, Уар, писал к жене своей к Полагее в Талызину слободу, что муж ее Дунькин Гришка от нево, Уара, оттягиваетца; и боярыня их, Пелагея, свекра ее Данилку била кнутом и в калоду сажала, а ее, Дуньку, била плетями, и свекра де ее Данилка о Петрове дни и Павла верховных апостолов сослала к Москве к мужу своему к Уару Лодыгину; а свекровь де ее Манька з дочерью Маринкою да с сыном Еуфимка[ю] жила без мужа в подмосковной деревне; а как де боярыня ее, Пелагея, перед Семеном днем летопротца ее, Дуньку, з де (л. 43) вкою Оксюткою послала с людьми своими, з Данилком Решетниковым, к Москве к мужу своему к Уару, и приехали де оне в ево ж Уварову дер. Осанову, и в той де деревне, взяв свекровь ее Маньку з детьми, з девкою с Маринкою да с сыном с Еуфимком, и привезли их к Москве к нему, Уару Лодыгину, тому ныне пятой день, на Михайлов двор Кутузова; а везли де свекровь ее ис той дер. Осановы скवानу; и вчера де в вечерни дочь ее Манькина, а ее Дунькина золовка, девка Маринка от нево, Уара, с Михайлова двора Кутузова збежали безвесно; и ныне де ее, Дуньку, с свекровью и з девкою Оксюткою и з братом ее Еуфимком Увар Лодыгин прислал в Приказ холопья суда. И те люди, жонка Манька з детьми, жонка Дунька, отданы до указа подержать пристава. А на Маньке платья: телогрея крашенинная лазорева, серьги серебряны; а на Дуньке телогрея же крашенинная лазорева же, серьги серебряны; на робятах, на девке Оксютке насовец портенной, на Еуфимке шубенка овчинная ветха; платье на себе, сказали, свое; денег у себя ничево не сказали.

Помета: 158-го сентября в 12 день. Велеть тех всех спорных людей дать на поруку до вершенья судного дела мимо Уара Лодыгина.

XXIII. — 1649 г. сентября 22—24. Поручная запись по спорным людям: челобитная пристава Кондратия Старкова о пожелезном и прокорме их.

Сентября в 24 день пристав Кондратей Старков подал по спорным людям, по ответчикех, поручную запись да тех людей о пожелезном и о прокорму челобитную, а в челобитной¹ и в поручной записи пишет. — (л. 44) Се яз, Егорьевского девичья монастыря, что на Дмитровке, поп Василий Антоньев, да яз, Арист Михайлов сын, дмитровской сотник, тяглец, да яз, Оксен Алексеев сын, земского двора

¹ В подлиннике ошибочно вместо «в челобитной» написано «в записи».

десятник, да яз, Федор Фомин сын Зверинцов, ростовец посадкой человек, да яз, Федор Кузьмин, десятник земского двора, поручилися есми с суда Приказу холопья суда Кондратью Старкову по Даниле Дмитриеве сыне Большой Бороды да по сыне ево по Григорьи, по темниковском пушкаре, в том, что им ставитца за нашу порукою по вся дни в Приказе холопья суда перед стольником, перед князем Васильем Богдановичем Волконским, да перед Григорьем Ареьевичем Нероновым, да перед дяки, перед Савою Самсоновым да перед Семеном Ключаревым, по вся дни до вершение судного дела и с Москвы не зъехать. А будет ани, тот Данила да Григорей з женами и з детьми сам-сем, не учтет ставитца по вся дни до вершение судного дела или с Москвы съедут, и они изску своего лишены, какова челобитная в суде за приписью дяка, да нас же, на поручиках, изцев изск, Увара Гаврилова сына Ладыгина втрешной иск по челобитным, коковы челобитные в суде, и за те головы, за Данилу да за Григорья з женами и з детьми, за 7 человек, по государеву указу деньги и з-с тех изков обеих государевы пошлыны, и пересуд, и правой десяток. А хто нас, порутчиков, будет в лицах, на том изцов иск Увара Гаврилова сына Ладыгина и государевы пошлыны, и пересуд, и правой десяток. А на то послуши: Яков Екимов. А запись писал Ивановские площади подъячей Данилко Моисеев лета 7150 осьмаго году сентября двадесять второй день.

На об. л. 44. Георгиевского девича монастыря поп Василей ручал темниковского пушкаря Данила Дмитриева сына Большой Бороды ж женою и з детьми самово-сема, что искал на них Увар Гаврилов сын Ладыгин холопства, — с суда ручал и руку приложил. Фетька Фомин ручал и вместо поручника Оксена по ево веленью руку приложил. К сей записи Ондрюшка Клементьев новгородской сотни вместо поручника Ариста Михайлова по ево веленью руку приложил. Федор Кузьмин ручал и руку приложил. Послух Якушко руку приложил.

Помета: 158-го сентября в 24 день. Взять к делу, справясь, будет против судного дела собрана.

(л. 45) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, Приказу холопья суда пристав Кондрашко Старков. Сидел у меня, холопа твоего, за приставом Данилко Дмитриев сын Большой Бороды с сыном своим, з Гришкою, и з женами своими сам-сем, пили и ели все мое. А нынече, государь, тот Данилко с сыном собрали по себе поруку и из-за меня, холопа твоего, из-за пристава вышли, а пожелезнова и за прокорм мне, холопу твоему, ничаво не дано. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, про то мое пожелезное и про прокорм свой царской милостивой указ учинить и челобитье мое записать, чтоб мое пожелезное и прокорм не пропал. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 158-го сентября в 24 день. Запись челобитье и взять к делу.

XXIV. — 1649 г. октября 2. Подписная челобитная Данилы об указе: память из Казанского дворца по его ссылке на писцовые книги прислана, а дело не вершено, он сидит за приставом сам-сем.

(л. 46) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, темниковской пушкарь Данилко Дмитриев сын Большой Бороды. В прошлом, государь, во 157-м году бил я челом тебе, государю, на Увара Гаврилова сына Ладыгина в ево насильном кабальном холопстве, и указ мне был твой государев в Приказе холопья суда твоему государеву стольнику князь Василью Богдановичю Волконскому с товарищи, и суд, государь, у меня, холопа твоего, с ним, Уваром, был. И с суда я, холоп

твой, слался на пушкарские книги и в повальный обыск, что я в пушкарях был, и память прислана из-с Козанского дварца, а он, Увар, не слался. И ныне, государь, то мое судное дело, и по ся место не вершено. А я, холоп твой, за приставом сам-сем живот свой мучю и помираю голодную смертью. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, то мое судное дело вершить по своему государеву Уложенью. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте пометы: Государь пожаловал, велел указ учинить.

158-го сентября в 15 день. Государь [т.] пожаловал, велел указ учинить стольнику князю Василью Богдановичю Волконскому, да Григорью Арефьевичю Неронову, да диаком Саве Самсонову да Семену Ключареву. Диак Анисим Трофимов.

Октября в 2 день. Взять к делу и положить.

XXV. — 1649 г. октября 18. Докладная выписка; помета о повальном обыске.

(л. 47) Выписано в доклад.

В прошлом во 157-м году марта в 3 день¹ бил челом государю [т.] темниковской пушкарь Данилко Дмитриев сын Большой Бороды, а в Приказе холопья суда вместо ево, Данилка, сын ево Гришка подал на Уара Лодыгина подписную челобитную, а в челобитной его Данилкове написано: отец де ево Дмитрийко Большая Борода служил прежним государем в Темникове в пушкарях лет с 60, а он де, Данилко, после отца своего служил государю в пушкарях в Темникове же 20 лет; и в прошлом де во 139-м году был в Темникове воеводою Гаврила Васильев сын Лодыгин, и будучи в Темникове, ево, Данилка, поневолил, взял к себе во двор сильно з женою и з детьми и ис Темникова отослал ево к себе к Москве, к сыну своему, к Уару Лодыгину; и в прошлом де во 151-м году били челом государю он, Данилка, на Уара Лодыгина, и ему де сошли при Степане Исленьеве две подписные челобитные; и Степан де Исленьев по первой его челобитной посылал по нево, Гаврила, пристава, и он де, Гаврила, в приказ в те поры не ехал, отымался немочью; а по другой де подписной челобитной Степан Исленьев по нево, Гаврила, не посылал и очной ставки с ним не учинил; и Гаврила де Лодыгин ево, Данилка, велел людем своим, на площади изымав, привести к себе на двор и сослал ево в поместье сына своего на Олатарь; а сын де ево, Уар Лодыгин, в те поры был во Пскове для сыского дела; и изо Пскова де он, Уар, писал в то свое поместье на Олатарь в Талызину слободу, а велел ево за то челобитье человеку своему Кирилку Семенову бить кнутом, около села своего вода, трижды (л. 48) и держать в железях и з колоде накрепко; и по се де число он живот свой мучит в ево Алатарском поместье, и з женою де ево розлучил; а свезли жену ево в подмосковную свою деревню в Дмитровской уезд; а сына его женил сильно, хотя ево тем укрепить; и государь бы ево, Данилка, пожаловал, велел ему с тем Уаром Лодыгиным дати суд и крепости ему на нево положить, по чему ево з женою и з детьми невольничал. А на челобитной ево помечена: Государь пожаловал, велел указ учинить в Холопье приказе и к допросу Уара поставить. И по той подписной челобитной велено приставу Уара Лодыгина поставить в приказе для допросу.

И марта в 14 день пристав Андрей Дютков привел человека, а сказал: велено де ему по челобитью темниковского пушкаря Данилка Дмитриева сына Большой Бороды поставить в приказе Уара Лодыгина для допросу и к очные ставки, и Уар де Лодыгин по поимочной памяти велел ему ево Данилкова сына Гришку в холопстве привести в Хо-

¹ Челобитная Данилы, датированная этим числом, в деле не сохранилась.

лопей приказ; и он де того человека по ево Уарове поимочной памяти привел в Холопей приказ. И тут же у приводу Уар Лодыгин бил челом словесно, а сказал: которого де человека по ево Уарове поимочной памяти привел в приказ пристав, и тот де человек ево Уаров кабальной, зовут де ево Гришкою Данилова сын Елагин; а сколь давно от него збежал, и что живота снес, и о том принесет к суду челобитную и кабалу на суде положит. А приводной человек в роспросе сказался: зовут де ево Гришкою Данилов сын Дмитриева Большой Бороды; дед де ево Гришкин Дмитрейко Большая Борода служил (л. 49) государю в Темникове в пушкарях 60 лет, а сын де ево Данилко Дмитриев, а ево Гришкин отец, в Темникове же был в пушкарех 20 лет; и в прошлом де во 139-м году был в Темникове воевода Гаврило Васильев сын Лодыгин, и он де, Гаврило, отца ево Гришкина, Данилка, насильством взял к себе во двор и сослал с сыном своим, с Кондратьем Лодыгиным, отца ево, Данилка, в Орзамас к племяннику своему, к воеводе ко князю Венедикту Оболенскому; и князь Венедикт де Оболенской по свойству дал на отца ево, на Данилка, служилую кабалу сильно; а на ево ль Гаврилово имя или которому сыну ево дал кабалу, и он де про то не ведает; а он де, Гришка, в то время, как Гаврило отца ево кабалил насильством, был двунатцати лет; и сослал де ево, Гришку, со отцом ево и с матерью ис Темникова к Москве к сыну своему, к Уару Лодыгину; а дед его Гришкин Дмитрейко и отец ево Данилко в Темникове в съезжей избе в служилых списках и в книгах написаны в пушкарях; и ево де, Гришку, Уар женил у себя на дворовой своей крепостной девке Дуньке Гаврилове дочери, тому ныне осьмой год; и о ево де, Гаврилове, насильном холопстве отца ево, Данилково, челобитье государю при Степане Исленеве было; и он де, Гришка, ныне на то прежнее отца своего челобитье принес в Холопей приказ на Уара Лодыгина подписную челобитную отца своего Данилковым именем Большой Бороды; и ево де, Уара, по той челобитной велено поставить в приказе на очную ставку; и он де, Уар, про то их челобитье сведал, и написав поимочную память, и велел де приставу привести ево, Гришку, в Холопей приказ; а отец де ево, Данилка, за то прежнее свое челобитье с тех мест и по ся мест у него, Уара, в олаторском поместье, в Талызине слободе сидит в колоде; а мать (л. 50) де ево Гришкина з детьми, з девкою Маринкою да с сыном Еуфимком, у него, Уара, в подмосковной вотчине в Дмитровском уезде в селе Ермолине в чеши и в железах; а ево де Гришкина жена з дочерью, з девкою с Василискою, да с меньшею ево Гришкиною сестрою Оксюткою у ево Уаровы жены в Олаторском уезде.

И апреля в 22 день против Данилково челобитья и сына ево, Гришкиных, роспросных речей в приказ Казанского дворца послана память, а велено выписать ис темниковских из старых ис писцовых книг, в которых писаны Темникова города пушкарники и затинщики со 127-го году по 130-й год: Данилка Дмитриев сын Большая Борода в Темникове городе в пушкарях написан ли, и государево жалованье, ему, Данилку, с пушкарни давано ль. И мая в 4 день в памяти ис Казанского дворца за приписью дьяка Федора Грибоедова написано: в темниковских дозорных книгах Ивана Усова с товарищи 122-го году написан во дворе пушкарь Данилко Дмитриев, а прозвище Большой Бороды не написано; а государево жалованье пушкарем Данилку в Темникове с пушкарни давано ль, того выписать не ис чево, потому что ис Темникова окладных книг пушкарем и затинщиком в Приказ Казанского дворца не присылают; а Гаврило Васильев сын Лодыгин воеводою в Темникове во 139-м году был.

И июня в 12 день Уар Лодыгин поставил Гришкина отца Данилка Дмитриева сына, а назвал ево, Данилка, Елагиним, а не Большой Бороды, кабальным своим человеком. (л. 51) И тот человек расспрашиван,

а в роспросе сказался: зовут де ево Данилком Дмитриев сын Большая Борода; отец де ево Дмитрийко Созонов сын Большая Борода при прежних государех царех в Темникове был в пушкарях лет с 60, а он де, Данилко, после отца своего в Темникове же был в пушкарях лет з 20 и больши; и государева де денежного жалованья и хлебного темниковским пушкарем истари и по ся места не бывало, а пожалованы оне вместо денежного и хлебного жалованья рускими и татарскими и мордовскими неделями; а живут де темниковские пушкарни своими дворы в особой слободе; а он де, Данилка, в Пушкарской слободе в пушкарях жил своим двором, и в дозорных книгах Ивана Усова и после того дозору в пьсцовых книгах Степана Хрущова с товарищи двор ево Данилков написан; а в которм де годе те дозорщики и писцы были, и он того не упомнит; и в прошлом де во 139-м году был в Темникове воевода Гаврила Васильев сын Лодыгин, и он де, Гаврила, посадил ево, Данилка, в Темникове в тюрьму, неведамо за что; и выняв ис тюрьмы и устроя, посылал ево с сыном своим, с Кондратьем Лодыгиным, в Орзамас и в Орзамасе в том же году взял на нево служилую кабалу; а на отцово ль имя взял кабалу или на Уарово или на свое Кондратьево, и он де про то не ведает; и в прошлом де во 151-м году бил челом государю он, Данилко, на нево, Гаврила Лодыгина, в том ево насильном холопстве; и по государеву де указу велено ему, Гаврилу, положить на нево, Данилка, крепость; и он, де, Гаврила, ево, Данилка, людем своим велел поймать на Москве на Пожаре против Никольских ворот и, поймав ево, сослал на Олатарь сына своего в Уварово поместье Лодыгина, в Талызину слободу; и в Талызине де слободе за то ево челобитье, водя ево по улицам, били кнутом и посадили в колоду, и в колоде сидел два годе; и в нынешнем де во 157-м году по ево, Данилку, веленью сын ево Гришка бил челом государю на Уара Лодыгина в том же насильном холопстве; и он де, Уар, о том челобитье писал жене своей на Олаторь; и жена де ева Уарова ево, Данилка, в три перемены шти человеком велела бити плетью и замертво велела посадить в колоду и морить голодом; и сидел в колоде по Петровы заговейна; а жену ево Маньку (л. 52) сослала к нему, Уару, в подмосковную деревню; и ныне де ево, Данилка, Уаровы люди привезли к Москве, и привел он, Уар, ево в Холопей приказ.

И июня в 18 день бояре, князь Михайло Петрович Пронской с товарищи, сево дела слушали и приговорили Уару Лодыгину з Данилком дать ючную ставку.

И июня в 26 день Данилка Дмитриев Большая Борода подал на Уара Лодыгина о суде челобитную, а в челобитной написался Данилком Дмитриевым: в прошлом де во 139-м году был в Темникове воеводою отец ево Уаров, Гаврило Васильев, сын Лодыгин; и будучи он в Темникове воеводою, покабалил ево з женою и з детьми и з животы сильно; а животов ево взял — двор пушкарской и платья и животины на 15 руб. с полтиною; а посылал он, Гаврило, сына своего Кондратья в Орзамас и кабалу на нево взял в Орзамасе сильно; и приехав из Орзамасу, послал ево к Москве з женою и з детьми к сыну своему Уару; а на чье имя та кабала писана, и тово он не ведает; и ныне де он живет у нево, Уара, и животами ево он, Уар, завладел; и сына де ево, Гришку, он, Уар, женил у себя во дворе сильно. И ответчик Уар, выслушев челобитную, сказал: кабалы де он, Уар, на того Данилка сильно не имывал, а бил де челом к нему в холопство с воли в Орзамасе, а сказался вольным и кабалу ему дал на ево, Уварово, имя в Орзамасе же з женою и з детьми своими; а двором де и животы он, Уар, не завладел; а сына де ево Гришку после той их кабалы женил у себя во дворе на своей девке на Дуньке. И истец Данилка допрашиван: кому про то ведомо, что Уар Лодыгин взял на нево кабалу сильно?

И истец Данилко сказал: отец де ево, Уаров, был в Темникове воеводою и ево де, Данилка, сковав, послал в Орзамас, а велел взять кабалу сильно и ево устрасил; и он де в Орзамасе у кабалы, бояся ево, сказался вольной; и он де, Дмитрейко, и отец ево — государевы люди; отец ево был в Темникове в пушкарях лет с 60, (л. 53) а он де, Данилка, в Темникове же был в пушкарях лет з 20; и в писцовых книгах Ивана Усова с товарищи он, Данилко Дмитриев сын, написан в пушкарех в Темникове во дворе; а сверх де книг шлетца он, Данилко, из виноватых на весь город Темников и на Темниковской уезд, да на другой город, на Инзару, на всяких чинов людей в том, что тех обеих городов всякие люди отца ево Дмитрейка Большую Бороду и ево, Данилка, в Темникове в пушкарех знали, — в том де он на них и шлетца. И ответчик Уар Лодыгин на писцовые книги Ивана Усова слался: будет де отец ево Данилков, Дмитрейко, и он де, Данилко, написан Дмитриевым сыном Большая Борода, и он де на те книги шлетца; а в повальной обыск на Темников и на Темниковской уезд и на Инзару слатца и не слатца не смеет, потому что отец де ево, Гаврила Лодыгин, был в Темникове воеводою, а Инзара де была в те поры темниковского же присуду, а города де не было; а у отца де ево с Темниковым городом и с уездными людьми была в государевых во многих делах ссора. Да ответчик же Уар бил челом словесно: хочет ли де он, Данилко, первую своею челобитною, какову подал без нево, Данилка, сын ево Гришка, что велено ему с ним Уаром, дать очная ставка, с нынешнею ево исковою челобитною в росписке прав быть и виноват? И истец Данилко сказал: против де их скаски и челобитные их написаны, — как де им своим челобитьем не хотеть правым и виноватым быть. И ответчик Уар сказал: в прежнем де их челобитье написана — Данилко Дмитриев сын Большие Бороды, а в нынешней де челобитной, что подал о суде, написан Дамиреев сын, а Большой Бороды не написано, — и он де тем росписался. (л. 54). И истец Данилко сказал: яз де грамоте не умею, то де подъячей прописал; а бьет де челом он государю, что он, Данилко, и сын ево — прозвище Большая Борода, отец де ево Дмитрейко был Большая Борода; и в том де он шлетца на два города в повальной обыск, что отец ево Дмитрейко был пушкарь Большая Борода, а он де, Данилко, слыл по отце своем Большия же Бороды сын. И ответчик Уар бил челом словесно, а сказал: хочет ли де он, Данилко, теми ж своими челобитными с своею кабалою в росписке в летех и в прозвище прав и виноват быть? И истец Данилко сказал: в котором де году отец ево был в Темникове воеводою, и в том де году и кабалу на нево взял; а как де прозвище в кабале написано, и он де про то не ведает, что грамоте не умеет; а имени де и прозвища он себе не переменявал. И ответчик Уар Лодыгин подал на того человека, Данилка, на свое Уарово имя арзамаскую кабалу 138-го году, а в кабале заимщик написан Данилко Дмитриев сын Елагин, родиною Темникова города, с своею женою, с Манькою Левонтьевою дочерью, да с своими детьми, с сыном Гришкою да Фетькою да с Фатейком; сказался вольной, ни у ково не служивал; а имана кабала в съезжей избе перед стольником и воеводою, перед князем Венедиктом Оболенским, да перед Макарьем Чюкариным. И истец Данилко, выслушав кабалу, сказал: такову де кабалу дал он из неволи; а прозвища де себе не переменявал, а прозвище де ему Большой Бороды сын, и про то де ведают и знают де ево многие люди, а Елагина де у нево и в роде не бывало; и как де хотел он кабалу имать и годы и прозвище писать, так и писал; а воевода де в те поры в Орзамасе ему, Гаврилу, и сыну ево, Уару, был свой и дал де ему кабалу по свойству. (л. 55) И ответчик Уар бил челом словесно, чтоб допросить исца Данилка: сын ево Гришка от нево, Уара, во 147-м году бегал ли и в солдате был ли [и] ис солдат в холопство ему Уару,

отдан ли по той ево кабале? И истец Данилка сказал: в тех де годех он, Данилка, у нево, Уара, на Олатаре в поместье ево сидел в колоде, а сын де ево Гришка от нево, Уара, бегал ли и в солдатех был ли и ему, Уару, отдан ли или нет, и он де про то не ведает. А сын ево Гришка сказал: сплутал де он, Гришка, ют нево, Уара, в те поры бегал и в солдатех был, и в приводе в Солдацком приказе сказан он, Гришка, пушкарским же сыном Темникова города; а очной де ставки ему, Гришке, с ним, Уаром, не дали; а по чему де ему, Уару, ево отдали, и он де того не ведает; а отдали де ево ему, Уару, без сыску. И не сходя с суда, ответчик Уар Лодыгин подал встречно на сына ево Данилкова, на Гришку, челобитную, а в челобитной ево Уарове написано: в нынешнем де во 157-м году марта в 11 день бежал от нево кабальной ево человек Гришка Данилов сын Елагин, поймав животы ево; а живота ево снес от нево, денег и на себе платья, на 15 руб. на 20 на 9 алт. на 2 д. И Данилко Большая Борода, выслушев Уарову челобитную, за сына своего Гришку отвечал, а сын ево Гришка тут же стоял, а в ответе Данилко сказал: сын де ево Гришка от нево, Уара, не бегивал и снесу ничево не снашивал; а пришел де сын (л. 56) ево за ним, Уаром, в город и подал челобитную в приказе на него, Уара, в насильном холопстве об очной ставке за него, Данилка, и он, Уар, за нево, Гришку, после ево челобитья в третей день имался в холопстве и привел ево в приказ, и то де в приказе написано.

Помета: 158-го октября в 18 день. Бояря сее выписки слушали и приговорили против Данилковы ссылки Дмитриева Большие Бороды сыскать большим повальным обыском Темниковым и Инзорою и тех городов уезды: Дмитриейко и он, Данилко, в пушкарях в Темникове были ль, и прозвища им Большая ль Борода.

XXVI. — Выписка из Соборного уложения.

(л. 57) И в государеве [т.] указе и в Соборном уложенье в 20-й главе во 108-й статье написано: которые люди учнут тягаться о холопе, и один того холопа учнет называти старинным человеком, а другой кабальным, а именем и прозвищем учнут ево называти не одним, и станет истец или ответчик слатися в повальной обыск, что у нево того человека в старинном холопстве знали, и чтоб того спорного человека поставить перед обыскными людьми, — и того спорного холопа перед обыскными людьми ставить; и будет про него обыскные люди скажут, что они ево в старинном холопстве у кого знали многие лета, и того спорного холопа то тем обыском отдать тому, у кого ево обыскные люди в старинном холопстве знали; а будет в обыску про такова спорного человека обыскные люди скажут, что того человека знают они у кого в холопстве лет 10 или 20, а старинной ли он холоп того, у кого они ево знают, про то они не ведают; а те люди, которые оп том холопе тяжутца, один называет ево старинным своим холопом, а другой на нево положит кабалу, а обыскные люди того холопа знали у того, кто ту кабалу спорит, наперед той кабалы, — и по тем обыском того спорного холопа отдать тому, у ково ево обыскные люди знали в холопстве до той кабалы; а будет та кабала будет старше обыску, и того холопа по той кабале отдать тому, кто на него ту кабалу положит.

XXVII. — 1649 г. ноября 15—16—21. Обыскные грамоты по ссылке Данилы — в Темников воеводе. С. Л. Наумову и в Инсар воеводе А. Т. Ансимову.

(л. 58) От царя государя [т.] в Темников воеводе нашему Степану Лаврентьевичю Наумову. В прошлом во 157-м году июня в 25 день искал в Приказе холопья суда темниковской пушкарь Данилко Дмитриев сын Большая Борода на Уаре Лодыгине насильного своего холоп-

ства по челобитной, а в челобитной написался Данилко Дмитриевым: в прошлом де во 139-м году был в Темникове воеводою ево Уаров отец Гаврило Васильев сын Лодыгин; и будучи он в Темникове воеводою, покабалил ево з женою и з детьми и з животы сильно; а животов ево взял — двор пушкарской и платья и животины на 15 руб. с полтиною; а посылал де он, Гаврило, сына своего Кондратья с ним, Данилком, в Орзамас и кабалу на нево взял в Орзамасе сильно; и приехав из Орзамасу, послал ево к Москве з женою и з детьми к сыну своему Уару; а на чье имя та кабала писана, и тово он не ведает; и ныне де он живет у нево, Уара, и животами его он, Уар, завладел, и сына де ево Гришку, он, Уар, женил у себя во дворе сильно. И ответчик Уар, выслушав челобитную, сказал: кабалы де он, Уар, на того Данилка сильно не имывал, а бил де челом к нему в холопство с воли в Орзамасе, а сказался вольным и кабалу ему дал на ево, Уарово, имя в Орзамасе ж з женою и з детьми своими; а двором де и животы он, Уар, не завладел; а сына де ево Гришку после той их кабалы женил у себя во дворе на своей девке, на Дуньке. И в суде истец Данилко допрашиван: кому про то ведомо, что Уар Лодыгин взял на нево кабалу сильно? И истец Данилко сказал: отец де ево Уаров был в Темникове (л. 59) воеводою и ево де, Данилка, сковав, послал в Орзамас, а велел взять кабалу сильно, и ево устратил; и он де в Орзамасе у кабалы, бояся ево, сказался вольной; а он де, Данилко,¹ и отец ево наши² люди, отец ево был в Темникове в пушкарях лет с 60, а он де, Данилко, в Темникове же был в пушкарях лет з 20, и в писцовых книгах Ивана Усова с товарищи он, Данилко Дмитриев сын, написан в пушкарех в Темникове во дворе; а сверх де книг шлетца он, Данилко, из виноватых на весь город Темников и на Темниковской уезд да на другой город, на Инзару, на всяких чинов людей в том, что тех обеих городов всякие люди отца ево Дмитрейка Большую Бороду и ево, Данилка, в Темникове в пушкарях знали. И ответчик Уар Лодыгин на писцовые книги Ивана Усова слался: будет де отец ево Данилков Дмитрейко и он, Данилко, написан Дмитриевым сыном Большая Борода, и он де на те книги шлетца; а в повальной обыск на Темников и на Темниковской уезд и на Инзору слатца и не слатца не смеет, потому что отец де ево, Гаврило Лодыгин, был в Темникове воеводою, а Инзора де была в те поры Темниковского же присуду, а города де не было, а у отца де ево с Темниковым городом и с уездными людьми была в наших во многих делах ссора. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б послал сына боярского добра, кого пригоже, а велел ему Темниковым городом и Темниковским уездом обыскать большим повальным обыском, архимариты и игумены и старцы по иноческому обещанью, а попы и дьяконы по священству, а дворяны и детьми боярскими, и всякими служилыми людьми, и вотчинниковыми и помещиковыми прикащики, и старосты, и целовальники, и крестьяны по нашему крестному целованью, а князи, и мурзы, и татары, и мордвою, и всякими ясачными людьми по их вере, по шерти: то им ведомо ль, отца ево Да (л. 60) нилкова Дмитрейка Большую Бороду в Темникове в пушкарех блаженные памяти при прежних государех знали ль, и умер он в Темникове в пушкарех ли, а после ево, Дмитрейка, сын ево Данилко Большая же Борода во 139-м году в Темникове в пушкарех был ли же, и они, обыскные люди, ево, Данилка, в Темникове в пушкарех зжали ль, и Большие ли Бороды сын он, Данилка, или он — Данилко, вольной человек, Дмитриев сын Елагина и не темниковской пушкарь и не Большие Бороды сын. А обыскивати бы теми всяких чинов людьми с лица на лицо, спрашивая всякого человека порознь; и

¹ В подлиннике написано ошибочно: Дмитрейко.

² «Наши» написано над зачеркнутым «государевы».

обыскные речи сыщику велети писати при себе, а заочно обысков и обыскных людей в обыск писати не велеть; и имати у них речи за обыскных людей руками, а которые грамоте не умеют, и в их место велеть ютцом их духовным к их обыскным речам руки прикладывать. (л. 61). Да кто что про то про все в обыску обыскных людей скажут, и ты б юбыщику тех обыскных людей имяна и речи велел написать на список обыскным людям самим имянно порознь по статьям. А у дворян и у детей боярских обыскные речи имати особные, а с людьми б и со крестьяны своими дворяне и дети боярские в одне юбыскные речи не писались. А про то сыщику велел бы сказывать обыскным людям имянно, чтобы оне сказывали в обыску прямо, вправду, никого не бояся и никому не наговя некоторыми делы. А будет они, обыскные люди, в обыску скажут не по правде, и им за то быти от нас в великой опале и в казни. Да и сыщику о том приказал бы накрепко и в наказную память написать велел с великим подкреплением, чтоб он обыскивал вправду, по нашему крестному целованью, другу не дружил, а недругу не мстил; и того бы смотрел и берег накрепко, чтобы обыскные люди, семьями ставаясь, в обыскех не лгали. А которые люди учнут семьями в обыскех лгати, а обыщику про то учинитца ведомо, или которые люди учнут послушати, обыскных речей давати не учнут, и сыщик бы о том писал к нам к Москве, кто имяны обыскные люди семьями в обыскех учнут сказывати не вправду, и кто обыскных речей давати не учнет; и прислал бы он, сыщик, тем людям к нам имянные росписи за своею рукою. А будет сыщик учнет сыскивати не по правде для своей корысти или он учнет в сыску другу дружить, а недругу мстить, или которые люди учнут в обыскех (л. 62) лгати семьями, а иные обыскных речей давати не учнут, а он, обыщик, о том к нам писати не учнет, наговя исцу или ответчику, а нам про то ведомо будет мимо ево, сыщика, и ему, сыщику, за то от нас быти в великой опале и в казни. Да как обыщик обыскные речи принесет к тебе в съезжую избу, и ты б те обыскные речи за сыщиковою и за обыскных людей и отцов их духовных руками прислал к нам к Москве, с кем будет пригоже, да о том бы еси отписал, а отписку и обыскные речи велел подать в Приказе холопья суда стольнику нашему князю Василью Богдановичю Волконскому да диаком нашим, Саве Самсонову да Семену Ключареву. Писан на Москве лета 7158-го ноября в ¹ 15 день.

Лл. 61 и 62 перечеркнуты, на полях написано: Чисто.

На об. л. 62: На Инзору отпущена к воеводе к Ондреяну Тимофеевичю Ансиму. ²

(л. 68) Ноября в 21 день в Темников и на Инзору две государевы обыскные грамоты по челобитью Данилка Большие Бороды с Уаром Ладыгиным посланы с темниковским пушкарем, с Степанком Омеляновым.

На об. л. 68 и под текстом: Темниковской пушкарь Степанка Амелянов две государевы обыскные грамоты, одну в Темников, а другую на Инсару, взял, и вместо ево, Стеньки, Григорей Игнатьев по ево челобитью руку приложил.

XXVIII. — 1650 г. января 1. Подписная челобитная Данилы о повальном обыске, в котором воеводы ему отказывают, вопреки обыскным грамотам, посланным в Темников и Инсар.

Генваря в 1 день темниковской пушкарь Данилко Большой Бороды подал подписную челобитную за пометою думного диака Михаила Во-

¹ «Ноября в» написано после зачеркнутого: «сентября в».

² Грамота к А. Т. Ансиму, на лл. 63—67, тождественна адресованной в Темников (лл. 58—62), за исключением лишь даты написания; инсарская грамота кончается так: «Писан на Москве лета 7158-го ноября в 16 день». Ее не публикуем.

лошенинова, а в челобитной пишет. — (л. 69) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, Темникова города пушкарь Данилко Дмитриев сын Большой Бороды. В прошлом, государь, во 157-м году искал я, холоп твой, в Приказе холопья суда на Уваре Гаврилове сыне Ладыгине насильнова кабальнова холопства, и с суда, государь, слался я, холоп твой, на писцовыя книги Ивана Усова с [то]дарищи. И в писцовых, государь, книгах отца моего имя и мое имянишко написано, а прозвища моево не написано; и всех 20-ти человек моей братьи пушкарей прозвищ их в писцовых книгах не написано ж. И я, холоп твой, в том своем прозвище слался в большой повальной обыск, где я, холоп твой, прежде сего служил, на Темников город и на Инзеру и на уезды на всяких чинов людей в том, что в тех городех и в уездах всяких чинов люди то мое прозвища ведают; а он, Увар Ладыгин, не слался. И по твоему государеву указу посланы в Темников и на Инзеру к воеводам твоим государевы обыскныя грамоты, велено про то мое прозвища обыскать обеими городами и уездами всяких чинов людьми; и по тем твоим государевым обыскным грамотам мне, холопу твоему, указу нет. А слух, государь, до меня доходит, что воеводы отказывают — то де дело не государево, исцово, чтобы де были, истец и [о]тветчик, и они де бы, кого хотя[т], даром посылали в уезды обыскивать, а мне де государевых людей без езду посылать не уметь. И я, холоп твой, бил челом тебе, государю, и в Приказе холопья суда стольнику князю Василью Богдановичу Волхонскому [подал челобитную];¹ и стольник князь Василей Богданович Волхонской мне, холопу твоему, сказал: так мне де без государева указу для такова дела истца и [о]тветчика послать не уметь, бей де челом о том государю; что де государь укажет, и я де так и зделаю. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне о том деле свой царской милостивой указ учинить, чтоб мне, бедному, з женишкою и з детишками, скитаяся меж двор и волочась за тем делом многое время, вконец не погинуть и голодною смертью не помереть. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На об. л. 69 пометы: 158-го генваря в 1 день. Государь пожаловал, велел указ учинить тотчас, безволочитно; а будет за чем учинить не мочно, и то дело взнести к бояром.

Взять к делу и положить.

(л. 70) И стольник князь Василей Богданович Волхонской да диаки Сава Самсонов да Семен Ключарев, выслушав подписную челобитную, велели взять к делу.

XXIX — 1650 г. августа 3. Из Темникова от воеводы С. Л. Наумова получены отписка от 20 июля и обыски от 11 апреля 1650 г.

Августа в 3 день Темникова города пушкарь Любимка Жилин подал отписку и обыски, а в отписке и в обысках пишет.

(л. 71) Государю царю [т.] холоп твой Стенька Наумов челом бьет. В нынешнем, государь, во 158-м году ноября в 28 день прислона твоя государева [т.] грамота ис Приказу холопья суда за приписью диака Савы Самсонова ко мне, холопу твоему, в Темников по челобитью темниковского пушкоря Данилка Дмитриева сына Большие Бороды, что он искал на Уваре Лодыгине насильного холопства. А по той твоей государеве грамоте велено мне послать сына боярского добра, кого пригоже, и Темниковым городам и Темниковским уездом велено обыскать большим повальным обыском всяких чинов людьми: то им ведомо ль, отца ево Данилкова Дмитрейка Большую Бороду в Темникове в пушкорех блаженные памяти при прежних государех царех знали ль, и умер в Темникове в пушкорех ли, и после ево, Дмитрейка, сын ево

¹ Слова, заключенные в скобки, в подлиннике опущены.

Данилка Большие же Бороды до 139-го году в Темникове в пушкорех был же ли, и они, обыскные люди, ево, Данилка, в Темникове в пушкорех знали ль, и Большие ль Бороды сын он, Данилка, или он, Данилко, — вольной человек, Дмитреев сын Елагина и [не] темниковской пушкарь и не Большие Бороды сын. Дак как обыщик те обыскные речи ко мне, холопу твоему, в съезжую избу принесет, и те обыскные речи за ево сыщиковою рукою и за обыскных людей и отцов их духовных руками велено прислать к тебе, государю, к Москве в Приказ холопья суда, с кем пригоже. И в Темникове, государь, дворян и детей боярских нет. А посылал я, холоп твой, по той твоей государеве грамоте о том Данилке обыскивать Темниковым городом и Темниковским (л. 72) уездом всяких чинов людьми большим повальным обыском темниковских площадного подьячего Баженка Милованова да пристава Ивашка Володимерова. И каковы, государь, они обыскные речи о том ко мне в съезжую избу принесли за своими и за обыскных всяких чинов людей руками, и те обыски, запечатов в лист, послал я, холоп твой, к тебе, государю [т.], к Москве с темниковским пушкорем с Любимком Жилиным июля в 20 день, а отписку, государь, и обыскные речи велел подать в Приказе холопья суда твоему государеву стольнику князю Василью Богдановичю Волконскому да дьяком Саве Самсонову да Семену Ключареву.

На об. л. 71: Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси.

В Приказ холопья суда.

158-го августа в 3 день подал отписку и обыски темниковской пушкарь Любимка Жилин.

Помета: 158-го августа в 3 день. Взять отписку и обыски к делу и выписать из обысков на перечень.

(л. 73) Лета 7158-го году апреля в 11 день по государеве [т.] грамоте ис Приказу холопья суда за приписью дияка Савы Сомсонова и по ноказной памяти воевод Стефана Ловрентьевича Наумова темниковской площадной дъечок Баженка Милованов да пристав Ивашка Володимеров сыскивали против челобитья темниковского пушкаря Данилки Дмитреева сына Большой Бороды, что у него был суд на Москве в Холопье приказе с Уваром Лодыгиным в насильном ево холопстве, Темниковым городом и уездом повальным обыском, игуменом и старцы по иноческому обещанию, а попы и дьяконы по священству, а служилыми людьми и вотчинниковыми и помещиковыми старосты и целовальники и крестяны по государеву [т.] крестному целованью, а мурзы, и татары, и мордвою, и всякими ясачными людьми по их вере и по шерте: того темниковского пушкаря Данилки Дмитреева отца ево, Дмитрейка Большую Бороду, в Темникове в пушкорях блаженные памяти при прежних государех царех знали ль, и умер он в Темникове в пушкорях ли; а после ево, Дмитрейка, сын ево, тот Данилка Большие же Бороды, до 139-го году в Темникове в пушкорях был же ли, и они, обыскные люди, ево, Данилка, в Темникове в пушкорях знали ль же, и Большие ль Бороды сын он, Данилко, или он, Данилка, — вольной человек, Дмитреев сын Елагина, а не темниковской пушкарь и не Большой Бороды сын.

(л. 74) И в обыску Темниковского уезду рожества пречистые богородицы Пурдышевского монастыря игумен Семион сказал по иноческому обещанию: темниковского пушкаря Данилы Дмитреева отец ево Дмитрей Большая Борода в Темникове в пушкарях блаженные памяти при прежних государех знали ль, и умер он в Темникове в пушкарях ли, а после ево, Дмитрея, сын ево, тот Данила Большие же Бороды, до 139-го году в Темникове в пушкарях был же ли, и Большие ль Бороды сын он, Данило, или он, Данило, — вольной человек, Дмитреев сын Елагина, а не темниковской ли пушкарь и не Большой Бороды

сын, — и я, игумен Семион, про то про все не ведаю, потому что я в Пурдышевском монастыре в игументы стал в прошлом во 157-м году. То мои и речи.

На обороте: К сим обыскным речем Рожества богородицы Пурдышевскаго монастыря игумен Семион руку приложил.

(л. 75) В обыску Темникова города соборные церкви преображения спасова протопоп Никита Исипов да поп Данила Никитин да диакон Феодосей Никитин, успения пресвятыя богородицы поп Мотвей Алексеев сказали по священству: темниковской пушкарь Данила Дмитриев и отец ево Дмитрий Большая Борода в Темникове в пушкарях блаженные памяти при прежних государех царех были ль, и умер он, Дмитрий, в Темникове в пушкарях ли, а после ево, Дмитрея, сын ево, тот Данила Большие же Бороды, до 139-го году в Темникове в пушкарях был жа ли, или он, Данила, — вольной человек, Дмитриев сын Елагина и не темниковской пушкарь и не Большой Бороды сын, — и мы про то не ведаем, потому что мы в то время в городе в Темникове не были, а пришли мы в Темников жить во 149-м году. То наши и речи.

На обороте: К сем обыскным речем протопоп Никита руку приложил. К сем обыскным речем поп Данил руку приложил. К сем обыскным речам поп Матвей руку приложил. К сем обыскным речам диякон Феодосей руку приложил.

(л. 76) В обыску Темниковского уезду села Аксела рождественской поп Григорей Малофеев сказал по священству: темниковского пушкаря Данилы Дмитриева и отца ево Дмитрий Большая Борода в Темникове в пушкарях блаженные памяти при прежних государех царех был ли, а после ево, Дмитрея, сын ево, тот Данила Большие же Бороды, до 139-го году в Темникове в пушкарях был жа ли, и Большие ль Бороды сын он, Данила, или он, Данила, — вольной человек, Дмитриев сын Елагина, и не темниковской ли пушкарь и не Большой Бороды сын, — и я про то про все не ведаю, потому что я, поп Григорей, в то село Аксел пришел вновь во 154-м году. То мои и речи. А речи писал Баженка Милованов.

На обороте и под текстом: К сему обыску села Оксела рождественской поп Григорища Молофеев руку приложил.

(л. 77) В обыску Темникова города успения пречистыя богородицы поп Епифан Федоров да Темниковского уезду Старова Городища Поросковей Пятницы поп Мелентей Иванов сказали по священству: то мы ведаем, Данила Дмитриев в Темникове до 139-го году в пушкарях был, а отец ево Дмитрий Большая Борода в Темникове в пушкарях блаженные памяти при прежних государех царех был ли, и умер ли он, Дмитрий, в Темникове в пушкарях, — и мы про то не ведем, потому что в то время был мал; а вольнова человека Данила Дмитриева сына Елагина и не темниковского пушкаря в Темникове мы не ведем. То наши и речи.

На обороте и под текстом: К сем своим речем Темникова города успенской поп Епифан Федоров руку приложил. К сем своим речем пятницкой поп Мелентей Иванов руку приложил.

(л. 78) В обыску темниковские пушкарки и розсыльщи[ки], Степан Емельянов, Ондрей Тимофеев сын Мосол, Лаврентей Степанов, Семен Евтифеев сын Шишкин, Савелей Никитин сын Шишкин, Зот Баженов, Барис Иванов сын Винокуров, Михайла Гаврилов сын Шестаков, Иван Юдин, Перфилий Ананьин, Микифор Юдин, Фрол Иванов сын Арземасцов, Данила Сергеев, Родивон Юдин, Иван Алексеев, Федор Романов, Мокей Федотов, Павел Степанов, Богдан Андреев сын Астаранцов, сказали по государеву [т.] крестному целованью: то мы ведаем, темниковской пушкарь Данила Дмитриев и отец ево Дмитрий Большая Борода в Темникове в пушкарях блаженные памяти при прежних государех царех были, и умер он, Дмитрий, в Темникове в пушкарях,

а после ево, Дмитрея, сын ево, тот Данила Большие же Бороды, до 139-го году в Темникове в пушкарях был жа, и мы про то ведоём жа; а вольнова человека Данила Дмитриева сына Елагина и не пушкаря в Темникове мы не ведоём. То наши и речи. А речи писал по их веленью Баженка Милованов.

На обороте: К сем обыскным речем Темникова города соборные церкви боголепного преображения господня поп Данила вместо детей своих духовных и прихожен, пушкарей и расыльщиков Павла Стефанова да Гордея Никитина да Родиона Юдина с товарищи, по их велению, что грамоте не умеют, руку приложил. К се скаске Богдашка руку приложил. К сем обыскным речам Серошка Федоров вместо сына своего Данилка руку приложил. К сем обыскным речем Олферко Иванов вместо брата своего Бориса Иванова руку приложил. К сем обыском речем¹ росыльщик Мокейка руку приложил. Поп Елифан вместо прихожин своих, Степана Емельянова да Ондreja Тимофеева, по их веленью руку приложил. К сем обыскным речам вместо отца своего Семена Естифеева сына Шишкина Евсютка Семенов по ево веленью и руку приложил. К сем обыском Мишка Иванов вместо своего Ивана Олексеева по ево веленью руку приложил.

(л. 79) В обыску темниковские городовые воротники, Василей Горасимов сын Истомин, Зиновей Михайлов, Анисим Горасимов сын Истомин, Фатей Михайлов, Томила Иванов сын Истомин, Павел Васильев, сказали по государеву [т.] крестному целованью: то мы ведаём, темниковской пушкарь Данила Дмитриев и отец ево Дмитрий Большая Борода в Темникове в пушкарях блаженные памяти при прежних государех царех были, и умер он, Дмитрий, в Темникове в пушкарях, а после ево, Дмитрея, сын ево, тот Данило Большие же Бороды во 139-м году в Темникове в пушкарях был жа; а вольнова человека Данилка Дмитриева сына Елагина и не пушкаря в Темникове мы не ведоём. То наши и речи.

На обороте и под текстом: К сем обыскным речем темниковской соборные церкви боголепного преображения господня поп Данило вместо прихожен своих, воротников Зиновей Михайлова з братьями и с товарищи, по их велению, что грамоте не умеют, руку приложил. К сем обыскным речам Темникова города успенской поп Матвей вместо воротников, сына своего духовного Анисима Герасимова с товарищи, по их веленью руку приложил. К сем обыскным речем темниковской успенской поп Елифан вместо прихожан и детей духовных, воротников Василья Горасимова с товарищи, по их веленью руку приложил.

(л. 80) В обыску темниковские посадские люди, староста Бажен Смирнов, десятник пятой Семенов сын Ситников, Иван Васильев сын Маслеников, Василей Осипов сын Гребенщик, Иван Титов сын Большой, Федор Ивацов сын Копустин, Приезжей Иванов сын Климов, Обрам Филиппов, Дружина Васильев сын Маслеников, Петр Еремеев, Клим Миронов, Посник Михайлов, Влас Мартемьянов, Ондрей Смирнов, Любим Семенов сын Стрегулин, Федор Кузьмин, Петр Иванов сын Стрегулин, Первой Посников, Остафей Иванов, Петр Иванов сын Мервин, Сергей Васильев сын Маслеников, сказали по государеву [т.] крестному целованью: то мы ведаём, темниковской пушкарь Данила Дмитриев и отец ево Дмитрий Большая Борода в Темникове в пушкарях блаженные памяти при прежних государех царех были, и умер он, Дмитрий, в Темникове в пушкарях, а после ево, Дмитрея, сын ево, тот Данило Большие же Бороды во 139-м году в Темникове в пушкарях был жа, и мы про то ведоём же; а вольнова человека Данила Дмитриева сына Елагина и не пушкаря в Темникове мы не ведоём. То наши и речи.

¹ Так в подлиннике.

На обороте: К сем обыскным речем поп Данил вместе посадцких людей, Любима Стрегулина с товарищи, по его велению руку приложил. К сем обыскным речем Темникова города успенской поп Епифан вместе прихожин и детей духовных, Божена Смирнова с товарищи, руку приложил. К сем обыскным речам Темникова города успенской поп Матвей вместо детей своих духовных и прихожен, Ивана Титова Большова с товарищи, по их велению руку приложил. К сем обыском посадцкой человек Аввакумка Раманов руку приложил. К сем обыскным речем посадцкой человек Федька Кузьмин руку приложил. К сем обыском посадцкого человека Васька вместе отца своего Первого Посника руку приложил. К сем обыскам посадцкой человек Петрушка Еремеев руку приложил.

(л. 81) В обыску темниковские же Новой слободы теглецы, Мокей Порфеньев, да староста выборной Иван Петров сын Кузнец, да десятник Микита Савельев, да Новой же слободы теглецы, Сергей Иванов, Добрыня Никитин, Семен Иванов сын Седельников, Кузьма Мотвеев, Никифор Никитин сын Кузнец, Иван Васильев сын Сыромятник, Григорей Данилов сын Стареченин, Михайло Власов, Спиридон Иевлев, Степан Григорьев сын Стареченин, Василей Нозарьев, Дружина Елистратьев, Богдан Федоров сын Кузнец, Борис Фи...¹, Мелентей Яковлев, Фрол Потапьев сын Кузнец, Лукьян Семенов, Горин Михайлов сын Лодыгин, сказали по государеву [т.] кресному целованью: то мы, Мокей Порфеньев да Сергей Иванов, ведоём, что темниковского пушкаря Данилы Дмитриева отец ево Дмитрией Большая Борода в Темникове в пушкарях блаженные памяти при прежних государех царех был и умер в Темникове в пушкарях, а после ево, Дмитрея, сын ево, тот Данила Большие же Бороды, до 139-го году в Темникове в пушкарях был жа; и я, Мокей, да Сергей ево, Данила, в Темникове в пушкарях знали же, что он, Данило, Большой Бороды сын; а мы, Иван Петров с таварыщи, про того Данилу Дмитриева сына Большую Бороду ведоём же, что в Темникове в пушкарях был жа; а про отца ево Дмитрия Большую Бороду мы не ведаём, потому что в те лета мы были молоды; а вольнова человека Данила Дмитриева сына Елагина и не темниковского пушкаря и не Большой Бороды сына в Темникове мы, обыскные люди, не ведоём. То наши и речи.

На обороте: К сем обыскным речем темниковской соборные церкви боголепного преображения господня поп Данил вместе сына своего духовного, Новые слободы теглеца Никифора Никитина сына Кузнеца, и в прихожен своих, Богдана Кузнеца с товарищи, которые грамоте не умеют, по их велению руку приложил. К сем обыскным речам Темникова города успенской поп Матвей вместо прихожен своих, Сергея Иванова сына Харчевника, Ивана Сыромятника, Спериодона Иевлева, Василья Назарьева, Дмитрея Савельева, по их велению, что ани грамоте не умеют, руку приложил². К сем обыскным речем темниковской успенской поп Епифан вместе сын своего духовнова Ивана Петрова и в прихожин своих, Макея Порфеньева, Козьмы Матвеева, по их велению руку приложил.

(л. 82) В обыску Темниковского уезду Рожества пречистые богородицы Пурдышевского монастыря старцы, козначей Арсеней, да келарь Порфеней, да Онтоней, да старец Нифонт, да старец Поломон, да старец Оврамей, да старец Иона, да того же монастыря белой поп Григорей Анисимов, да диакон Иван Григорьев, да того же монастыря крестьяне, староста Прокофей Иванов, да десятник Яков Степанов, да редовые крестьяне, Давыд Иванов, Тихон Васильев, Овдаким Теренть-

¹ Слово не дописано в подлиннике.

² Рукоприкладство переходит на лицо.

ев, Изот Степанов, Мосе[й] Яковлев, Тит Левонтьев, Иван Данилов, Иван Правотархов, Иван Яковлев, Кондратей Давыдов, Назар Минин, Алексей Семенов, и все крестьяне; да Темниковского же уезду села Вачпарцы никольской поп Дмитрий Наймов; да розных помещиков крестьяне, дер. Пошат Акмакая мурзы Баубаркова сына князь Девлеткилдеева Федор Микитин, Дмитрий Трафимов сын Петрунин, Филип Иванов, Бедея мурзы Момоделеева сына князь Девлеткилдеева староста Семен Лукьянов, Иван Филатов, Дмитрий Измайлов, дер. Ковыляй Ураза мурзы Бойбарсова сына князь Девлеткилдеева крестьяне, Иван Тимофеев, Арослана мурзы Кулбарсова крестьяне, Иван Тимофеев, Анисим Степанов, Иван Давыдов, Бедея мурзы Исламова сына князь Бибарсова крестьяне, Зот Ондреев, Софрон Ондреев же, — старцы сказали по иноческому (л. 83) обещанию, а попы и дьякон сказали по священству, а старосты и крестьяне сказали по государеву [т.] крестному целованью: то мы ведаем, Данила Дмитриев сын Большой Бороды в Темникове до 139-го году в пушкарях был, а про отца ево Дмитрея Большую Бороду мы слыхом слышали от темниковских же пушкарей и от посадских людей, что де тот Дмитрий Большая Борода в Темникове в пушкарях блаженные памяти при прежних государех царех был жа и умер де в Темникове в пушкарях; а вольнова человека Данила Дмитриева сына Елагина и не темниковского пушкаря и не Большой Бороды сына в Темникове мы не ведаем. То наши и речи. А речи писал по их веленью Баженка Милованов.

На обороте и по склейке лл. 82 и 83. К сем своим обыскным речам Темниковского у[е]зду Пурдышевского монастыря поп Григорей Анисимов и вместо крестьян по их веленью ру[ку] приложил. К сем обыскным речем Рожества пречистые богородицы Пурдышевского монастыря дьякон Иван Григорьев и вместо крестьян дер. Пошат, Федора Микитина с товарищи, по их веленью руку приложил — и вместо Пурдышевского монастыря старцов, казначея старца Орсеня з братьями, кои в сем обыску имяны писаны, дьякон Иван Григорьев того же монастыря по их веленью руку приложил. К сем обыскным речем поп Дмитрий Наумов вместо крестьян и детей своих духовных по их веленью руку приложил.

(л. 84) В обыску Темниковского уезду дер. Дехтеревы Мустая мурзы Кудашева крестьяне, Григорей Давыдов сын Урюпин, Иван Давыдов сын Урюпин; дер. Дехтеревы же Бегиша мурзы Енмометева сына князь Еникеева крестьянин Василей Порфеньев сын Ломакин; дер. Итяковы Бибая мурзы Окбулатова сына князь Ишеева крестьянин Архип Степанов, Иван Алексеев, прозвища Привал; дер. Дехтеревы ж Осип Исаев; дер. Чижиковы Исенева мурзы Сюполева крестьянин Лукьян Степанов; дер. Лапотниковы Енбая мурзы Енакова крестьянин Павел Иванов; дер. Итякова Давыда мурзы Исенева сына князь Ишеева крестьянин Изосим Васильев; дер. Тювеевы Ишмана мурзы Утешева крестьянин Тихан Игнатьев — сказоли по государеву [т.] крестному целованью: то мы ведаем, Григорей, да Иван, да Василей, да Архип, да Иван Алексеев, да Осип Исаев, что темниковского пушкаря Данила Дмитриева отец ево Дмитрий Большая Борода в Темникове в пушкарях блаженные памяти при прежних государех царех был и умер в Темникове в пушкарях, а после ево, Дмитрея, сын ево Данила Большие же Бороды до 139-го году в Темникове в пушкарях был жа и мы, обыскные люди Григорей, да Иван, да Василей, да Архип, да Иван, да Осип, ево, Данила, в Темникове в пушкарях знали же, что он, Данила Большой Бороды сын; а мы, Лукьян и Павел да Изосим с товарищи, про того Данилу Дмитриева сына Большую Бороду ведем же, что в Темникове в пушкарях был жа, а про отца ево Дмитрея Большую Бороду мы не ведаем, потому что мы в те лета были молоды; а вольново человека Данилы Дмитриева сына Елагина

и не темниковского пушкаря и не Большой Бороды сына в Темникове мы, обыскные люди все не ведоem. То наши и речи.

На обороте и под текстом: К сем обыскным речам Темникова города успенской поп Матвей вместо детей своих духовных, прихожен Григорья Давыдова сына Урюпина с товарищи, по их велению руку приложил.

(л. 85) В обыску Темниковского уезду Старова Городища Бегиша мурзы Енмометева сына князь Еникеева крестьяне, Невер Агеев, Василий Михайлов, прозвища Боланда, Девлекая мурзы Енмометева сына князь Еникеева крестьянин Наум Михайлов, Сафара мурзы Енмометева сына князь Еникеева крестьянин Наум Михайлов, Сафара мурзы Енмометева сына князь Еникеева крестьянин Родивон Кондратьев, новокрещена князь Григорья князь Еникеева крестьянин Семен Савельев сын Чекуленок; дер. Ефаевы Алмокая мурзы Акманова крестьянин Семен Иванов, прозвища Аленин, Борис Иванов, Юмшая мурзы Чекашева крестьянин Иван Прокофьев; Старова же Городища Софара мурзы Енмометева сына князь Еникеева крестьянин Иван Ондреев — сказали по государеву [т.] крестному целованью: то мы ведоem, Данила Дмитриев сын Большой Бороды в Темникове до 139-го году в пушкарях был, а про отца его Дмитрея Большую Бороду мы слыхом слышали от темниковских же пушкарей и от посадских людей, и от городских воротников, и от помещиковых крестьян, что де тот Дмитрий Большая Борода в Темникове в пушкарях блаженные памяти при прежних государех царех был жа и умер де в Темникове в пушкарях; а вольнова человека Данила Дмитриева сына Елагина и не темниковского пушкаря и не Большой Бороды сына в Темникове мы не ведоem. То наши и речи.

На обороте: К сем речем в детей своих духовных [место] поп Мелентей руку приложил. К сем своим речам Неверко руку приложил.

(л. 86) В обыску Темниковского уезда села Акселу Енбулата мурза Теникова староста Сава Федоров сын Арыков, Кирсан Онтонов, Михайла Степанова сына Кошаева староста Михей Иванов, прозвища Лесутин, Семен Алексеев, Боубека мурзы Бекбулатова староста Бажен Дмитриев, Данила Анисимов, Утемиша мурзы Идеева староста Клементей Васильев. МоMODEЛЕЯ мурзы Идеева крестьяне Михайла Офонасьев, Иван Сидоров, МоMODEЛЕЯ мурзы Алмокаева староста Милован Акинфеев, Михайла Иванов, прозвища Овта, Айдара мурзы Нураева крестьянин Ловрентей Горасимов, Смольяна мурзы Ивакаева староста Наум Дорофеев, Дементей Микифоров — сказали по государеву [т.] крестному целованью: то мы ведаем, Данила Дмитриев сын Большой Бороды в Темникове до 139-го году в пушкарях был, а про отца его Дмитрея Большую Бороду мы слыхом слышали от темниковских же посадских людей и Новой слободы от тяглецов, и от пушкарей, и розсыльщиков, и от городских воротников, что де тот Дмитрий Большая Борода в Темникове в пушкарях блаженные памяти при прежних государех царех был жа и умер де в Темникове в пушкарях; а вольнова человека Данила Дмитриева сына Елагина и не темниковского пушкаря и не Большой Бороды сына в Темникове мы не ведоem. То наши и речи. А речи писал Баженка Милованов.

На обороте и под текстом: К сему обыску села Окселу рожезтвенской поп Григорища Молофеев вместо прихожен и детей своих духовных по их велению руку приложил.

(л. 87) В обыску Темникова города Бегиш мурза Енмометев сын князь Еникеев, Сюнбай мурза Енаков сын Момлеев, Моммет мурза Истикеев сын князь Тенишев, Енбай мурза Енаков сын Момлеев, Моммет абыз Девлешев, Ишелей мурза Безсонов, Кинтуда Иванисов, Килмаш мурза Дивеев сын Алакаев, Ураз мурза Бойбарсов сын князь Девлеткилдеев, Асакай мурза Кулбарсов сын князь Девлеткилдеев,

Утемиш мурза Идеев сын Еникеев, Бибай мурза Енбарсов сын Енолеев, Ишман мурза Утешев, Ибраим мурза Окбулатов, Сюнбай Семёнов сын Иванеев, Бегей мурза Алмашев сын князь Тенишев, Момоделей мурза Козекаев сын Кутыев, Аюкай мурза Енаков сын Момлеев, Бегей мурза Исламов сын князь Бибарсов, Уразмомет мурза Теребердеев сын князь Еникеев, Мустай мурза Кудашев сын князь Еникеев, Казы мурза Овдикеев, Булуш Богданов сын Аллогулов, Биш мурза Позняков, Тохтар мурза Усекаев сын князь Тенишев, Мустай мурза Чюрмонтеев, Касим мурза Сюнчелеев князь Данилов, Асман мурза Урозгилдеев, Богдан мурза князь Бибарсов, Байбарс мурза Енбарсов, Невер мурза Енбарсов сын Чюрмонтеев, Алмокай мурза князь Данилов, Бехтемир мурза Теребердеев сын Момлеев, Ислам мурза Алмакаев сын князь Акчюрин, Аюкай мурза Алмокаев сын Бинеев, Имралей мурза Ицакаев сын князь Акчюрин, Ураз мурза Алкаев, Тохтар мурза Дивеев, Акашай Туганов, Корачюра мурза Тохтамышев, Ишмомет мурза Бойнеев сын Чекаев, Степан мурза Мокшаев, Бибулат мурза Бичюрин, Алмокай Чюраков, Байбулат мурза Байчюрин, Потей Айгилдин, Момотелей мурза (л. 88) Ижбулаев, Акаш мурза Енгилдеев, Кудаш Акбулаев, Емяк Ишеев, Моммет Сююшев; Моммет мурза Бойкочкаров, Тениш Утешев — сказали по своей вере и по шерте: то мы ведаем, Данила Дмитриев сын Большой Бороды в Темникове до 139-го году в пушкарях был, а про отца его Дмитрея Большую Бороду мы слыхом слышали от темниковских от пушкарей и от посадских людей, что де тот Дмитрий Большая Борода в Темникове в пушкарях блаженные памяти при прежних государех царех был жа и умер де в Темникове в пушкарях; а вольнова человека Данила Дмитриева сына Елагина и не темниковского пушкаря и не Большой Бороды сына в Темникове мы не ведем. То наши и речи.

В обыску темниковские ж служилые, Ураз мурза Терегулов сын Еникеев, Девлетбохтей мурза Исенев сын князь Ишеев, Уразбохтей Досаев сын Аллогулов, Тохтамыш Бахтин; дер. Бекбулат мурза Окбулаев; дер. Шукстрыы Баиш Байтеряков; дер. Девлечоравы Акбулат Ишмокаев сын Терегулов, Ураз мурза Исяков, Бибай Богданов сын Куникеев, Алыш мурза Позняков, Девлекай мурза Нуралеев сын Исеев, Кидралей мурза Нуралеев сын Исеев, Богдан мурза Булаков, Булей мурза Булабулаков сын Алдеров, Пермай Мокшаев сын Ченбулатов, Янгеза мурза Нуролеев сын Исеев — сказали по своей (л. 89) вере и по шерти: то мы ведаем, Данила Дмитриев сын Большой Бороды в Темникове во 139-м году в пушкарях был; а про отца его Дмитрея Большую Бороду, мы слыхом слышали от темниковских же пушкарей и от посадских людей, что де тот Дмитрий Большая Борода в Темникове в пушкарях блаженные памяти при прежних государех царех был жа и умер де в Темникове в пушкарях; а вольнова человека Данила Дмитриева сына Елагина и не темниковского пушкаря и не Большой Бороды сына в Темникове мы не ведем. То наши и речи.

(л. 90) В обыску Темниковского уезду мордва дер. Пичипохонья Алека Отяпин, дер. Сиялей Кошай Куштов, дер. Конаковы Бораиш Чюркин, дер. Ардашевы Сырай Овкиманов, дер. Плуковсы Кечат Дурнов, Алекш Молаев, Олека Окшаев, Аксельского стану староста мордовской Козей Москаев, дер. Кориной Невер Ларин, дер. Новой Кеженяпиной Учка Федоров, дер. Уркату Снадей Московатов, дер. Киржимал Кечат Сювишев, дер. Мелсан Байка Иванов, дер. Трёмасова починку Байка Сювишев, дер. Пичигуш Сювиш Везарапин, дер. Старой Везай Сятяпин, дер. Канкуж Налит Кецаев, Ономас Тансарин, дер. Максиной Момыш Петяев, дер. Коряевы Лемес Шараев, дер. Кушек Пыромза Пыжин, Атик Кучаев, Сайгонов Пыжин, дер. Цыбаевы

Молюк Иванов, дер. Вяркуж Мозяр Носаев, дер. Кораушек Носан Оляпин, дер. Кишал Нолемас Сайнин, Анисим Велмисев, дер. Атюревы Собай Пинемасов, Келган Пороватов, Полат Налитов, дер. Пичиморги Видя Каовкиманов, дер. Кулитаевы Чюрапа Собаев, Сергомас Лапонин, дер. Цыбаевы Бозай Собаев, Иван Анасев, дер. Сиялей Богда Папетин, Анисим Аносев — сказали по своей вере и по шерти: то мы ведаем, Олека Отяпин, да Кошай Куштов, да Бораш Чюркин, что темниковского пушкаря Данилы Дмитриева отец ево Дмитрий Большая Борода в Темникове в пушкарях блаженные памяти при прежних государех царех был и умер в Темнико (л. 91) ве в пушкарях, а после ево, Дмитрея, сын ево, тот Данила Большие же Бороды, до 139-го году в Темникове в пушкарях был жа; и мы, обыскные люди, Олека Отяпин, да Кошай Куштов, да Бораш Чюркин, ево, Данила, в Темникове, в пушкарях знали же, что он — Данила Большой Бороды сын; а мы, Сирий Овкиманов и староста Козей Москаев с товарищи, кои в сем обыску написаны, про того Данилу Дмитриева сына Большую Бороду ведоem же, что в Темникове в пушкарях был жа; а про отца ево Дмитрея Большую Бороду мы не ведоem, потому что в те лета были малы; а вольнова человека Данилы Дмитриева сына Елагина и не темниковского пушкаря и не Большой Бороды сына в Темникове мы, обыскные люди все, не ведоem. То наши и речи. А речи писал по их, мирских людей, вельню темниковской площадной дъечок Баженка Милованов.

На обороте и по склейкам 87—91 рукоприкладства арабскими письменами и следующие знамена¹: 1 — Знамя Кинтудина. Знамя — Килмаша мурзы. — Знамя Бибая мурзы. Знамя — Ишмана мурзы. Знамя Сюмбаево. — Знамя Бега мурзы Исламова. Знамя — Уразмометя мурзы. — Знамя Мустая мурзы Кудашева. Зна — мя Булушева. Знамя Би — иша мурзы. Знамя Тохтара мурзы. Знамя Ка — сима мурзы. Зна — мя Емякова. — Знамя Тохтара мурзы. Знамя — Бехтемира мурзы. — Знамя Ишилея мурзы. — Знамя Потеева. Зна — мя Момметева. Зна — мя Акаша мурзы. — Знамя Бойбарса мурзы. Знамя — Степана мурзы. Зна — мя Бибулата мурзы. Знамя — Алмокая мурзы. Знамя — Бойбулата мурзы. — Знамя Момотелева. Зна — мя Кудашева. Знамя — Ураза мурзы Бойбарсова. Знамя — Тенишева. Знамя — Момметя мурзы. Знамя Девлека мурзы — Нуралева. — Знамя Богдана мурзы. Знамя — Будолея мурзы. — Знамя Сюнолеева. — Знамя Уразбохотеева. Знамя — Тохтамышева. — Знамя Бекбулата мурзы. Знамя — Баиша мурзы. Знамя — Янгозы мурзы. — Знамя Акбулатова. Знамя — Ураза мурзы. К сем обыском мордва знамена свои приложили. Зна — мя Кошай Куштова. Зна — мя Бораша Чюркина. Знамя — Сыряева. — Знамя Кечатова. — Знамя Кечатова.² Знамя — Алексева. — Знамя Алеки Акшаева. Знамя старосты мордовского — Казеева. — Знамя Неверова. — Знамя Учки Федоровя. — Знамя Снадея Московатова. — Зна — мя Омякечата Сююшева. — Знамя Байки Иванова. Знамя Бай — ки Сивашева. — Знамя Сювиша Везарапина — Знамя Везая Сатыпина. — Знамя Налита Кецаева. — Знамя Онамаса Тансарина. — Знамя Момышева. Знамя Ле — месева. — Знамя Пыромзено. Знамя — Атикова. — Знамя Малюкова.

По склейкам на об. лл. 73—82, 83—87, 89—91 и под текстом: К сем обыскным речам темниковской площадной подъячишко Бориска Ермолов вместо пристава Ивана Володимирова по ева вельню руку приложил.

XXX. — 1650 г. августа 9. Перечневая выписка из темниковских обысков помета — ждать инсарских обысков.

(л. 92) И стольник князь Василий Богданович Волконской да диаки Семен Ключарев да Грязной Акишев, выслушав отписку и обыскные речи, велели взять к делу и из обысков выписать на перечень.

¹ Места в тексте, где в подлиннике вычерчены знамена, обозначаем тире.

² Повторение подлинника; другое знамя.

И в обысках 19 чел. пушкарей и россыльщиков, 6 чел. воротников, 1 чел. староста, 1 чел. десятник, 21 чел. посадских людей, 14 чел. крестьян, всего 62 чел., сказали по государеву [т.] крестному целованью: то они ведают, темниковской пушкарь Данилка Дмитриев и отец его Дмитрийка Большая Борода в Темникове в пушкарях блаженные памяти при прежних государех царех был, и умер он, Дмитрийко, в Темникове в пушкарях; а после его, Дмитрея, сын его, тот Данилко Большие же Бороды до 139-го году в Темникове в пушкарях был же, — и оне про то ведают; а вольново человека Данилка Дмитриева сына Елагина и не пушкаря в Темникове оне не ведают.

(л. 93) В обысках же 1 чел. келарь, 1 чел. казначей, 5 чел. старцов, 2 чел. попов, 1 чел. диакон, 8 чел. старост, 1 чел. десятник, 34 чел. крестьян, 67 чел. мурз и тотар, 3 чел. мордвы, всего 123 чел., — попы и дякон сказали по священству, а келарь и казначей и старцы по иноческому обещанью, а старосты и десятник и крестьяне по государеву [т.] крестному целованью, а мурзы и тотарове и мордва по своей вере, по шерти: то они ведают, Данилка Дмитриев сын Большой Бороды в Темникове до 139-го году в пушкарях был; а про отца его Дмитрийка Большую Бороду они слухом слышали от темниковских же пушкарей и от воротников и от посадских людей, что тот Дмитрийко Большая Борода в Темникове при прежних государех царех в пушкарях был же и умер в Темникове в пушкарях; а вольнова человека Данилка Дмитриева сына Елагина и не темниковского пушкаря и не Большой Бороды сына в Темникове оне не ведают.

(л. 94) В обысках же 2 чел. попов, 1 чел. староста, 1 чел. десятник, 17 чел. посадских людей, 3 чел. крестьян, 35 чел. мордвы, всего 59 чел., — попы сказали по священству, а посадские люди и крестьяне по государеву крестному же целованью, а мордва по своей вере, по шерти: то оне ведают, Данилка Дмитриев Большая Борода в Темникове в пушкарях был; а про отца его Дмитрийка Большую Бороду оне не ведают, потому что в те лета оне были молоды; а вольного человека Данилка Дмитриева сына Елагина и не темниковского пушкаря и не Большой Бороды сына в Темникове не знают.

В обысках же 1 чел.¹ игумен, 1 чел. протопоп, 1 чел. поп, всего 3 чел., — игумен и протопоп и поп сказали по священству: темниковской пушкарь Данилка Дмитриев и отец его Дмитрийка Большая Борода в Темникове в пушкарях блаженные памяти при прежних государех царех были ль, и умер он, Дмитрийко, в Темникове в пушкарях ли, а после его, Дмитрийка, сын его, тот Данилка Большие же Бороды, до 139-го году в Темникове в пушкарях был ли же, или он, Данилка, — вольной человек, Дмитриев сын Елагина и не темниковской пушкарь и не Большой Бороды сын, — и оне про то все не ведают, потому что оне в Темникове в то время не были, — протопоп в Темникове в прошлом во 149-м году, а поп 154-м году, а игумен во 157-м году.

(л. 95) А с-Ынзоры города обыски не присланы.

Помета: 158-го августа в 9 день. Ждать из другово города обысков.

XXXI. — 1650 г. августа 12. Подписная челобитная Данилы: учинить указ по темниковским обыскам, не дожидаясь инсарских.

Августа в 12 день Данилка Большой Бороды подал подписную челобитную, а в ней пишет. — (л. 96) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, темниковской пушкарь Данилко Дмитриев сын Большой Бороды. В прошлом, государь, во 151-м году бил я челом, холоп твой, тебе, государю, на Гаврила Васильева сына Лодыгина его насильном кабальном холопстве, и указ мне, холопу твоему, был в Приказ холопья суда. И в те поры мне, холопу твоему, по той твоей государевой

¹ В подлиннике здесь и ниже сокращение — буква «ч» в кружке.

подписной челобитной указу никокова не учинено. И после смерти его, Гаврила Лодыгина, бил я челом на сына его, на Увара Гаврилова сына Лодыгина, в прошлом, государь, во 157-м году в том же насильном кабальном холопстве; и суд у меня с ним, Уваром, был; и в суде я, холоп твой, слался на писцовы книги. И в книгах отец мой и я написаны, а прозвище отца моего и мое в книгах прописано. И я в том прозвище своем слался на Темников город и на Инзору и на уезды, и о том посыланы твои государевы обыскные грамоты, что велено про мое прозвище сыскать. И сыск, государь, из Темникова города прислан к Москве в Приказ холопья суда; а с-Инзоры, государь, обыски не присланы, потому что воевода ему, Увару, норовит по дружбе и хочет меня, холопа твоего, теми обысками вконец погубить. А челобитье мое, бедного холопа твоего, со 151-го году. А темниковские обыски меня, холопа твоего, оправили. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, по тем обыском свой царской указ учинить, чтобы мне, за тем делом многое время волочась, вконец не погинути и голодною смертию не умереть. Царь государь, смилуйся.

На об. л. 96 пометы: Государь пожаловал, велел указ учинить по Уложению.

158-го августа в 12 день. Взять к делу и послать государева грамота для других обысков.

(л. 97) И стольник князь Василей Богданович да диаки Семен и Грязной, выслушав подписную челобитную, велели взять к делу и послать для обысков государева грамота.

XXXII. — 1650 г. сентября 10. Грамота в Инсар воеводе А. Т. Ансиму о повальном обыске.

От царя [т.] на Инзару воеводе нашему Андреяну [Тимофеевичю Ансиму]. В прошлом во 158-м году ноября в 16 день послана к тебе (л. 98) наша грамота ис Приказу холопья суда, а велено тебе послать сына боярского добра, кого пригоже, Инзарою городом и Инзаровским уездом обыскать большим повальным обыском, архимориты и игумены и старцы по иноческому обещанью, а попы и дьяконы по священству, а дворяны, и детьми боярскими, и всякими служилыми, и желецкими людьми, и вотчинниковыми, и помещиковыми прикащики, и старосты, и целовальники, и крестьяны по нашему крестному целованью, а князи, и мурзы, и татары, и мордвою, и всякими ясачными людьми по их вере, по шерти: то им ведама ль, отца ево, Данилкова, Дмитрейка Большую Бороду, в Темникове в пушкарех блаженные памяти при прежних государех царех знали ль, и умер он в Темникове в пушкарех ли, а после ево, Дмитрейка, сын ево Данилко Большая же Борода до 139-го году в Темникове в Пушкарех был же ли, и они, обыскные люди, его, Данилка, в Темникове в пушкарех знали ль, и Большие ль Бороды сын он, Данилко, или он — Данилко, вольной человек, Дмитреев сын Елагина и не темниковской пушкарь и не Большие Бороды сын. И ты о том к нам не писывал и обысков в Приказ холопья суда с тех мест и по ся мест сентября по 10 число нынешнего 159-го году не присылывал, и мы указали о тех обысках послать к тебе нашу другую грамоту. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б по прежней и по сем нашим грамотам послал сына боярского добра, кого пригоже, а велел ему городом Инзарою и Инзорским уездом обыскать большим повальным обыском, архимориты и игумены и старцы (л. 99) по иноческому обещанью, а попы и дьяконы по священству, а дворяны, и детьми боярскими, и всякими служилыми, и желецкими людьми, и вотчинниковыми, и помещиковыми прикащики, и старосты, и целовальники, и крестьяны по нашему крестному целованью, а князи, и мурзы, и тотары, и мардвою, и всякими ясачными

людьми по их вере, по шерти: то им ведомо ль, отца ево Данилкова Дмитрейка Большую Бороду блаженные памяти при прежних госуда-
 рех царех в Темникове в пушкарех знали ль, и умер он в Темникове
 в пушкарех ли, а после ево, Дмитрейка, сын ево Данилко Большая
 же Борода до 139-го году в Темникове в пушкарех был же ли, и они,
 обыскные люди, ево, Данилка, в Темникове в пушкарех знали ли; и
 будет знали, Большие ль Бороды сын он, Данилко, или он. Данилко, —
 вольной человек, Дмитреев сын Елагина и не темниковской пушкарь
 и не Большие Бороды сын. А обыскивати б всяких чинов людьми с
 лица на лицо, распрашивоя всякого человека порознь; и обыскные
 речи сыщику велети писати при себе, а заочно обысков и обыскных
 людей в обыск писати не велеть; и имати у них речи за обыскных
 людей руками; а которые обыскные люди грамоте не умеют, и в их
 место велеть отцем их духовным к их обыскным речам руки приклады-
 вать. Да кто что про то про все в обыску обыскные люди скажут, и
 ты б обыщику тех обыскных людей имена и речи велел написати на
 список обыскным людям самим, имянно, порознь, по статьям. А у дво-
 рян и у детей боярских обыскные речи велел имати особные б, а с
 людьми б и со крестьяны своими дворяне и дети боярские в одне
 обыскные речи не писались. А про то сыщику велел[бы] сказывать
 обыскным людям имянно, чтобы они сказывали в обыску прямо вправ-
 ду, никого не бояся и никому не норовя некоторыми делы. А будет
 (л. 100) они, обыскные люди, в обыску скажут не по правде, и им за
 то быти от нас в великой опале и в казни. Да и сыщику о том прика-
 зал бы накрепко и в наказную память сесь наш указ, которой в сей
 нашей грамоте написан, велел написати имянно, с великим подкрепле-
 нием, чтоб обыскивал вправду, по нашему крестному целованью, другу
 не дружил, а недругу не мстил, и того смотрел и берег накрепко, чтоб
 обыскные люди, семьями ставаясь, в обысках не лгали. А которые
 люди учнут семьями в обысках лгати, а ему, обыщику, про то учинит-
 ца ведомо, или которые люди учнут ослу шатися, обыскных речей да-
 вати не учнут, и сыщик бы о том писал к нам к Москве, кто имяны
 обыскных речей давати не учнет; и прислал бы он, сыщик, тем людям
 обыскные люди семьями в обысках учнут сказывати не вправду, и кто
 к нам имянные росписи за своею рукою. А будет он, сыщик, учнет
 сыскивати не по правде для своей корысти, или он учнет в сыску другу
 дружить, а недругу мстить, или которые люди учнут в обысках лгати
 семьями, а иные обыскных речей давати не учнут, а обыщик о том к
 нам писати не учнет, норовя исцу или ответчику, а нам про то ведомо
 будет мимо ево, сыщика, — и ему, сыщику, за то от нас быти в вели-
 кой опале и в казни. А будет истец или ответчик, которой по тем обы-
 ском будет обвинен, учнет нам бити челом на обыскных людей на боль-
 шую половину и скажет, что те обыскные люди большая половины в
 обыску солгали, а меньшая половина обыскных людей в обысках ска-
 зали вправду, и по тому челобитью ис тех обыскных людей из обеих
 половин взяти ис посадских людей, ис служилых людей, и из дворцо-
 вых сел, и ис патриарших, и из митрополичих, и из архиепискупных, и
 из епископных, и из монастырских вотчин, и из боярских, и вкольных, и
 думных людей, и стольников, и стряпчих, и дворян московских, и
 жильцов, и городских (л. 101) дворян и детей боярских, и всяких по-
 мещиков и вотчинников ис поместей и из вотчин лутчих людей изо
 ста человек по два человека; а где будет меньши ста человек, и ис
 тех людей по человеку; и дати им очную ставку и сыскивати про них
 всякими сыски накрепко: которая половина в обысках солгала. Да бу-
 дет челобитчик и обыскные люди — меньшая половина обыскных людей
 большую половину — чем уличат, что они, обыскные люди большая
 половины в обысках солгали, и на тех обыскных людех большая по-
 ловины имати на нас пени за лживые обыски: с архиморитов по 50 руб.

с человека, с-ыгумнов и с киларей по 40-у руб. с человека, по сказна-
чеев и строителей и с соборных старцов 30-ти руб. с человека, с ря-
довые братья по 5-ти руб. с человека, с служек монастырских боль-
ших монастырей по 20-ти руб. с человека, а меньших монастырей
с служек и с-з детенышев всех монастырей по 5-ти руб. с человека,
с протопопов по 40-у руб. с человека, с протодьяконов по 30-ти руб.
с человека, с папов по 20-ти руб. с человека, з дьяконов и с церков-
ных дьячков по 10-ти руб. с человека, с стольников, и с стряпчих, и
з дворян московских, и з жильцов, и з городских дворян и детей
боярских, и на ослушниках, которые обысков давати не учнут, по 30-ти
руб. с человека, с посадских старост по 20-ти руб. с человека, с по-
садских людей и с ямщиков и с вотчинниковых и помещиковых прика-
щиков по 10-ти руб. с человека, с старост и с целовальников по 5-ти
руб. с человека, с крестьян и з бобылей по рублю с человека; да ис тех
же обыскных людей выбрав прикащиков и крестьян лутчих людей,
десятого человека бити кнутием. А архиморитов, и игуменов, и попов,
и дьяконов, которые в обыску солжут, отсылать для смиренья к пат-
риарху, и к митрополитом, и ко архиепископом, и епискупом, кто в
чьей области будет. А что кому, исцу или ответчику, от лживых (л. 102)
обысков учинитца убыток и проести и волокиты, и то все велим до-
править на тех же людех, кто в обыску солжет, и отдади тому, кому
те убытки учинятца. А будет которые люди по таким лживым обы-
ском будут пытаны, и тем пытаным людям велим на тех людех, кто
в обыску солжет, правити бесчестье и увечье вчетверо, чтоб впредь
не лгали. Да как обыщик обыскные речи принесет к тебе в съезжую
избу, и ты б те обыски за ево сыщиковою и обыскных людей и отцов
их духовных руками прислал к нам к Москве, с кем пригоже, да о
том бы еси отписал, а отписку и обыски велел подать в Приказе хо-
лопья суда стольнику нашему князю Василью Богдановичю Волкон-
скому, дьяком нашим Семену Ключареву да Грезному Акишеву. А бу-
дет ты по прежней и по сем нашим грамотам обыскивати не учнешь и
обысков нам к Москве в Приказ холопья суда вскоре не пришлешь,
и мы нарочно пошлем пристава ис прогонов, и велим те обыски и не-
дельщиков езд доправить на тебе вдвое. Писан на Москве лета
7159-го сентября в 10 день.

На об. л. 102: Темниковской пушкарь Данилко Большие Бороды
государеву грамоту взял и государевы пошлыны платил, а в ево место
Георгиевского монастыря поп Василей руку приложил.

XXXIII. — 1651 г. марта 4. Из Инсара от воеводы А. Т. Ансимова
получены отписка от 16 февраля и обыски от 29 января 1651 г.; пере-
невая выписка из инсарских обысков.

Марта в 4 день стольнику князю Василью Богдановичю Волконско-
му да дьяком Семену Ключареву да Грязному Акишеву Инзорского
города площадной подьячей Ивашко Ондреев подал отписку и обыски,
а в отписке и в обысках пишет.

(л. 103) Государю царю [т.] холоп твой, Андреянка Ансимов челом
бьет. В прошлом, государь, во 158-м году февраля в 30 день в твоей
государеве [т.] грамоте из Холопья приказу за приписью дьяка Савы
Самсонова писано ко мне, холопу твоему, на Инсару: велено мне
Инсарского города и в-Инсарской уезд послать, кого пригоже, и ве-
леть ему в-Инсарском городе и в-Инсарском уезде обыскати большим
повальным обыском, архимориты и игумены и старцы по иноческому
обещанью, а попы и дьяконы по священству, а дворяны, и детьми
боярскими, и всякими служилыми людьми, и вотчинниковыми, поме-
щиковыми приказщиками, и старосты, и целовальники, и крестьяны по
государеву крестному целованью, а князи, и мурзы, и тотары, и морд-
вою, и всякими ясачными людьми по их вере и по шерти про (л. 104)

темниковского пушкаря, про Данилку Дмитриева, что в прошлом во 139-м году был в Темникове воеводою Гаврила Лодыгин и ево, Данилку, сильно похолопил ли и, сковав ево, в Орзамас с сыном своим Кондратьем посылал ли, и кобалу на него сильно взял ли. И по твоей государеве [т.] грамоте я, холоп твой, велел инсарским площадному подьячему Фектисту Семенову да пушкарю Треньке Лаврентьеву в Ынсарском городе и в Ынсарском уезде обыскать всяких чинов людьми большим повальным обыском. И подьячей и пушкарь, приехав, подали мне, холопу твоему, доезду своего (л. 105) обыскной список за обыскных людей руками и за знамены и за своими обысковыми руками. И я, холоп твой, те обыскные речи, запечатов в лист, послал к тебе, к государю царю [т.] к Москве февраля в 16 день.

На об. л. 103: Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси.

В Приказ холопья суда.

159-го марта в 4 день подал отписку и обыски Инсорского города площадной подьячей Иван Андреев.

Помета: Взять к делу и к отпуску, пересмотря, и из обысков выписать на перечень.

(л. 106) Лета 7159-го году генвоя в 29 день по государеве [т.] грамоте ис Приказу холопья суда за приписью дьяка Савелья Самсонова по [наказной] памяти воеводы Андреяна Тимофеевича Ансимова инсорские площадной подьячишка Феоктистка Семионов да пристав Тренька Лаврентьев обыскивали в Ынсорском городе и в Ынсорском уезде большим повальным обыском, в Ынсорском городе попы и дьяконы по священству, а русскими людьми, стрельцы, и пушкар, и за тинщики, и козаки, по государеву [т.] крестному целованью, а в Ынсорском уезде мурзы и тотары и мордвою по их вере и по шерти: Дмитрейка Большая Борода в Темникове в пушкарях блаженные памяти при прежних государех царех знали ль, и умер он в Темникове в пушкарех ли, а после ево, Дмитрейка, сын ево Данилка Большие Бороды до 139-го году в Темникове в пушкарях был же ли, и ево, Данилка, в Темникове в пушкарях знали ль, и Большие ли Бороды сын Данилка, или он, Данилка, — вольной человек, Дмитриев сын Елагина и не темниковской ли¹ пушкарь и не Большие ли Бороды сын; и как в Темникове был воеводою Гаврила Лодыгин, и ево, Данилка, сильно з женою и з детьми похолопил ли, и, сковав, в Орзема с сыном с Кондратьем посылал ли, и кобалу на него в Орземе сильно взял ли, и двором ево и животами завладел ли, или он, Данилка, волею бил челом ему во двор и кобалу на себя дал, — и подьячишка и пристав в Ынсорском городе и в Ынсорском уезде обыскивали всякими сыски накрепка.

(л. 107) И обыску Инсорского города спасской соборные церкви поп Мотфей Кирилов, дьякон Митрофан Васильев сказали по священству: тово мы не ведоём, Дмитрейка Большие Бороды в Темникове в пушкарях блаженные памяти при прежних государех царех не знали, а после ево, Дмитрейка, сын ево Данилка Большие Бороды до 139-го году в пушкарях — не знали, Большие ли Бороды сын Данилка или вольной человек Дмитриев сын Елагина или темниковской пушкарь Данилка Дмитриев сын Большие Бороды; а тово мы не ведоём же, — как был в Темникове воеводою Гаврила Лодыгин, и ево, Данилка, сильна з женою и з детьми похолопил и, сковав, в Арзема ево сыном с Кондратьем посылал и кобалу на него в Орземе сильно взял, или он, Данилка, волею бил челом ему во двор и кобалу на себя дал, — и мы тово ничево не ведоём, а ведоют про то темниковские переведенцы, стрельцы и пушкар. То наши и речи.

¹ Так в подлиннике.

На обороте: К сем своим речем соборной спасской поп Матвей Кирилов руку приложил. К сем своим речам соборный спаской дьякон Митрофан Васильев руку приложил.

(л. 108) В обыску ж Инсорского города жилицы, темниковские переведенцы, новокрещены черкасы, Степан Федоров сын Лажевской, Горасим Игнатьев, Иван Васильев, Яков Федоров, Иван Совельев, Онтон Степанов; стрельцы, пятидесятник Иван Логинов, Иван Сидоров сын Софьин, Божен Офонасьев, Мелентей Моисеев, Петр Семенов, Осип Иванов сын Воронин, Мортын Мотфеев, Иван Морщик, Федор Федоров сын Боуков, Алексей Филиппев, Сава Тархов, Роман Федоров сын Жунин, боробанщик Иван Иванов, Торас Восильев, Микифор Иванов, Осип Юрьев, Осип Евсеев сын Кулеметев, Любим Семенов, Божен Боуков, Петр Киреев, Иван Григорьев, Юда Тихонов, Нефед Донилов, Семен Яковлев, Офонасей Тихонов, Павел Онтиппев, Федор Моксимов, Петр Иванов, Лазарь Курдюков, Кузьма Микитин, Роман Федоров, Ондрей Лопатин, Федор (л. 109) Фролов, Нефед Еремеев, Онтипа Дмитриев, Федор Киреев, Дружина Федоров сын Лихачев, Осип Иванов сын Шерапов, Филипей Федоров, Горин Ерофеев, Павел Оксентьев, Логин Семенов, боробанщик Спиридон Дмитриев, Молафей Игнатьев, Иван Федоров; пушкарИ Иван Потапьев, Мокар Иванов, Петр Михайлов сын Шульгин, Иван Иванов сын Шешсков, Томила Никитин, Семен Романов, Прокофей Добрынин, Михайло Боженев; затишники Купреян Мотфеев, Томила Токолев, Моксим Семенов, Иван Восильев сын Потрошек; розсылыщики Василей Дементьев, Мирон Васильев, Агап Козьмин, Григорей Торасов, Дружина Потапов, Василей Семенов, Астафей Иванов; городовые воротники (л. 110) Филипей Иванов Мортын Горасимов, Григорей Сидоров, Первой Федоров, Томила Корнильев, Афонасей Сергеев; засешные сторожи Восилей Яковлев, Восилей да Офонасей Кузьмины дети Душутина, Фома Кирилов, Селиван Сомылов, Божен Трегьяков; козаки Иван Пиминов, Степан Демидов, Исай Ерофеев, Моркел Семенов, Семен Павлов, Клементей Горасимов — сказали по государеву [т.] крестному целованью: то мы ведоем, Дмитрийка Большая Борода в Темникове в пушкарях блаженные памяти при прежних государех царех знали, и умер он в Темникове в пушкорях же, а после ево, Дмитрийка, сын ево Донилка Большие Бороды до 139-го году в Темникове в пушкорях был же, и ево, Донилку, в Темникове в пушкорях знали, и Большие Бороды сын — Донилка, а не вольной он человек Донилка Дмитриев сын Елагина, — темниковской пушкарь Донилка Дмитриев сын Большие Бороды; а то мы ведем же, как был в Темникове воеводам Гаврила Лодыгин, и ево, Донилка, сильно з женою и з детьми похолопил и, сковав, в Орземас ево с сыном Кондратьем посылал, и кобалу на нево в Орземасе сильно взял, а не волею он, Донилка, бил челом ему во двор и кобалу на себя дал. То наши и речи.

По склейкам, на об. лл. 108—110 и под текстом: К сем обыскным речем Инсурского города соборной спаской поп Матвей Кирилов вместо черкас, и пушкарей, и стрельцов, и засешных сторожей, и казаков по их велению руку приложил. К сем обыскным речам Моксимка Семенов и в товарища своего [место] Ивана Федорова руку приложил. К сем обыскным речам Гараська Иванов вместо отца своего Ивана Васильева д[а] Петра Михайлова сына Шульгина да Василья Семенова по их велению руку приложил. К сем обыскным речам Истомка Миронав вместо отца своего Мирона Васильева, да Михаила Боженова сына Косова, да Григорья Торасова, да Агапа Кузьмина по их велению руку приложил. К сем обыскным речам Селька вместо отца своего Дружины Потапьева, Мокара Иванова, Ивана Иванова по их велению и руку приложил. Томила Токарев руку приложил за себя

и в товарища своего место, Ивана Потапьева по ево велению руку приложил.

(л. 111) В обыску ж Инсорского города жильцы токмовские и козинские переведенцы и новоприборные козаки, петидесятник Иван Игнатъев, Осип Федоров, Дмитрий Иванов сын Борсуков, Ермак Федоров, Андрей Яковлев, Василий Иванов сын Луговой, Невер Ермольев, Иван Семенов, Андрей Иванов, Игнатей Андреев, Василий Семенов, Вавила Михайлов, Михайло Семенов, Василий Исаев сын Серик, Томила Миронов, Донила Еремеев, Аким Иванов сын Луговой, Родивон Васильев, Добрыня Моксимов, Дементей Фотеев, Довыд Савельев, Мосей Селиванов, Ермак Анисимов, Любим Семе (л. 112) нов Иван Мотфеев, Дмитрий Дементьев, Семен Карнов, Иван Ларин, Дружина Моксимов, Иван Иванов, Михайло, прозвище Шелепутин, Дмитрий Гаврилов, Илья Иванов Луговой, Лаврентий Иванов Дорожкин, Дмитрий Иванов Дорожкин же, Влас Микифоров, Алексей Петров, Григорей Иванов, Федоро Фотеев, Емельян Ловрентьев, Конон Иванов, Фирс Микифоров, Дмитрий Еремеев, Михайло Васильев, Томила Филиппев, Яков Савельев, Лукьян Семенов, Филимон Тимофеев, Богдан Моксимов, Яков Мотвеев, Левонтей Ондреев, Павел Ларин, Мосей Павлов, Сергей Моксимов, Афонасей да Дмитрий Моксимовы, Семен Исаков, Перфилий Семенов, Архип Иванов; козинские переведенцы козаки Якушка Ондреев, Ивашко Иванов, Иван Екимов, Обакум Онтонов, Кузьма Васильев, Иван Иванов Охлуца, Иван Степанов, Сергей Степанов, Трофим Григорьев Бирюк, Иван Кондратьев, Яков Ермольев, Тимофей Антиппев, Тимофей Мотфеев, Агофон Федоров, Иван Мортынов, Лукьян Кондратьев, Мотфей Иванов, Спиридон Протасьев, (л. 113) Иван Филиппев, Спиридон Ермольев, Тимофей Матвеев, Мотвей Иванов, Иван Моксимов Черной, Савостьян Анисимов, Дементей Мотвеев, Захарей Ермолов, Ондрей Микифоров, Алексей Михайлов, Костентин Мартемьянов, Роман Григорьев, Михайло Семенов; новоприборные козаки Микита Тимофеев, Родивон Онаньин, Онанья Онисимов, Ондрей Филиппев, Лукьян Сидоров, Василий Шедра, Марка Савостьянов, Михайло Григорьев, Микифор Федоров, Иван Осипов, Григорей Олексеев, Василий Сидоров, Иван Игнатъев, Фрол Федоров, Ермак Неверов, Дмитрий Афонасеев, Миля Лаврентьев, Софрон Онисимов, Тихон Клементьев, Иван Емельянов, Михайло Иванов, Моксим Захарьев, Микифор Григорьев, Тихон Григорьев, Гарасим Дмитриев, Савелей Игнатъев, Дмитрий Иванов, Яков Трофимов, Иван Сидоров, Говрила Онтонов Лисица, Горасим Фомин, Осип Сидоров, Тимофей Пиминов, Афонасей Иванов, Иван Кондратьев, Афонасей Карпов, Иван Спиридонов, Донила Ерофеев Сем[ен] Яковлев, Гораска Довыдов, Григори[й] Васильев, Иван Ерофеев, Иван Яковлев, Говрила Яковлев, Андрей Степанов, Любим Терентьев, Михайло Иванов, Марка Зотов, Марко Васильев, Федор Григорьев, Ворфоломей Моксимов, Иван Иванов Буртас, Микита Перфильев, Борис Степанов сын Пономорев, Степан Григорьев, Давыд Филиппов, Прокофей Овдокимов, Артемей Федоров, Никифор да Василий Семеновы, Данила Полуектов, Алексей Давыдов, Андрей Елифанов, Василий Олексеев, Иван Семенов, Иван Неверов, Борис Моксимов, Степан Тимофеев, (л. 114) Томила Иванов, Михайло Иванов, Иван Аликеев — сказали по государеву [т.] крестному целованью: тово мы не ведоём, Дмитрейка Большая Бороды в Темникове в пушкорях блаженные памяти при прежних государех царех не знали; а после ево, Дмитрейка, сына ево Данилка Большие Бороды — до 139-го году в пушкорях был же ли, и ево, Данилка, в Темникове в пушкарях не знали же, Большие ли Бороды сын Данилка, или вольной он человек Донилка Дмитриев сын Елагина, или темниковской пушкарь Донилка Дмитриев сын Большие Бороды; а тово мы не ведоём же, как был в Темникове воеводою Гаврила

Ладыгин, и ево, Данилка, сильно з женою и з детьми похолопил, и сковав, в Орземас ево сыном с Кондратьем посылал, и кобалу на нево в Орземасе сильно взял, или он, Донилка, волею бил челом ему во двор и кобалу на себя дал, — и мы тово ничево не ведоём, потому что мы токмовские и козинские, живали от Темникова долече, верст за [с]то и больши, а мы, новоприборные козоки, — люди новые. То наши и речи.

По склейкам и на об. лл. 112—114: К сем обыскным речем Инсерского города соборной спаской поп Матвей Кирилов вместо служилых людей токмовских и козенских и новоприборных по их велению руку приложил.

(л. 115) В обыску же дер. Исенских Полянок служилые тотаровя, Ишмомет Енгилдеев, Урмокай Тебеев, Бибокай Енокаев, Кулмай Милкоманов, Мустофолей Сонтонолеев, Алексей Урозгилдеев, Досай Копкаев, Моммет Горчеков, Момак Алмокаев; дер. Енолеевых Полянок Алмокай Емекеев, Имилдяш мурза Мимбулатов сын Комочиков, Ишмомет Терегулов, Чюрай Симокаев, Алмокай *(л. 116)* Ивонаев — сказали по свое[й] вере, по шерти: то мы ведоём, Дмитрейка Большая Борода в Темникове в пушкорях блаженные памяти при прежних государех царех знали, и умер он в Темникове в пушкорях же, и после ево, Дмитрейка, сын ево Данилка Большие Бороды до 139-го году в Темникове в пушкорях был же, и ево, Донилку, в Темникове в пушкорях знали — Большие Бороды сын Донилка, а не вольной он человек Донилка Дмитриев сын Елагина, темниковской пушкарь Данилка Дмитриев сын Большие Бороды; а тово мы не ведоём, как был в Темникове воеводою Гаврила Лодыгин, и ево, Донилка, сильно з женою и детьми похолопил, и сковав, в Орземас ево сыном с Кондратьем посылал, и кобалу на нево сильно взял в Орземасе, или он, Донилка, бил челом ему во двор и кобалу на себя дал, — и мы тово не ведоём. То наши и речи.

(л. 117) В обыску же служилые дер. Лашмы мурзы и тотаровя, Алмокай мурзы Аикеев, Елмомет мурза Аикеев же, Симокай да Ивокай Ишмометевы дети, Алтгынбай Козенбаев, Ермак Енбаев, Будолей Муролеев, Бектемир мурза Сиушев, сказали по своей вере, по шерти: тово мы не ведоём, Дмитрейка Большие Бороды в Темникове в пушкорях блаженные памети при прежних государех царех не знали, а после ево, Дмитрейка, сына ево Данилка — до 139-го году в пушкорях был, и ево, Донилка, в пушкорях знали, Данилка Дмитриев сын Большие Бороды сын; а тово мы не ведоём, как был в Темникове воеводою Гаврила Ладыгин, и ево, Данилка, з женою и з детьми похолопил, и сковав, в Орземас ево сыном с Кондратьем посылал, и кобалу на него в Орземасе сильно взял, или он, Данилка, волею бил челом ему во двор и кобалу на себя дал, — и мы про то не ведоём. То наши и речи.

(л. 118) В обыску Потышкова острогу мурзы и тотаровя, петидесятник Алмокай Бекбулатов сын Чекашев, Момоделей мурза Иртуганов, Утешмуш мурза Мимбулатов сын Комачиков, Сюнбай мурза Булушев, Исай Ишекаев, Миряй Сюкеев, Досай Акмамев, Тлевлей Болтасев, Алмокай Урозлеев, Сюняк Сюнчелеев, Токбулат Тулубаев, Сюнчелей Ивокаев, Мемей Кормышев, Алмокай Басуфин, Илья Урокчеев, Бойсеит Саикеев, Тлевлей Ишеев, Теней Бойкеев, Ертуган Велемонов, Невер Богданов, Сунчелей Тансорин, Енбай Шигаев, Кутлубулат Акбулатов, Чернокай Емокаев, Ботай Жозаев; мордва служилоя же, петидесятник Алексей Пилякшев, Кемей Сатишев, Шуват Кемеев, Копас Пилекшев, Мелсай Собаев, Ошка Богданов, Вечей Родивонов, Петас Алевин, Досай Шиндеков, Кечапа Сыреватов, Шиндеков Шаднин, Мелсай Бебишев, Алиш Кемеев, Веляй Кечемасов, Юшка Мелсатин, Рузай Богданов, Шиндяпа Мелишев, Учас Елдонин, Видяй Яшин-

деков, Петас Еманов, Нолип Семенов, Нолит Сергомасов, Алекс Кечемасов, Мирдемас Старнин, Алемас Сергидеев, Ефай Акшасев, Шас Ефаев, Атман Пораев, Носай Мирдемасов, Кечапт Чемогин, Чопай Сергомасов, Авкеман Мелишев; тяглая мордва дер. Пшеневы, Родя Кстанов, Аворес Алишев, Вочай Боишев, Бебиш Москин, Азарока Утешев, Кучай Учанин, Семен Келганов; дер. Алексовы Петас Че-
маев, Мяленза Пороватов, Петей Алтяшев, Сергей Ургидеев, Чемота (л. 119) Юдае[в], Кутый Аншанин; дер. Адашевы Шуват Еманов, Шас Куцасев, Боиш Собаев; дер. Болтаевы Казей Юшкин, Алексей Пет-
ров, Аворес Кошелев, Раудя Семенов, Сювяй Бебишев, Сюрюдей Но-
роватов, Порай Петасов; дер. Шуркейс Солтай Аворесев, Атман Па-
ромзин; дер. Челмодеевы мордва, Мелсай Аворесев, Алемас Ургидеев,
Чопка Шатырев, Учас Четаев, Атас Ютмонзин, — сказали го своей
вере, по шерти: тово мы не ведоем, Дмитрийка Большая Борода в
Темникове в пушкорях блаженные памети при прежних государех
царех не знали, а после ево, Дмитрийка, сын ево Данилка Большая
Борода до 139-го году в пушкорях был же ли, — и ево, Данилка, в
Темникове в пушкорях не знали, Большие ли Бороды сын Данилка,
или он вольной человек, Дмитриев сын Елагина, или темниковской
пушкарь, Данилка Дмитриев сын Большие Бороды; а тово мы не ве-
доем же, как был в Темникове воеводаю Гаврила Ладыгин, и ево,
Данилка, сильна з женою и з детьми похалопил, и сковав, в Орземас
ево сыном с Кондратьем посылал и кобалу на него в Орземасе силь-
но взял, или он, Данилка, волею бил челом ему во двор и кобалу на
себя дал, — и мы того ничево не ведоем. То наши и речи.¹

*По склейкам и на об. лл. 115—120 рукоприкладства арабскими
письменами и следующие знамена:*²

— Знаме Мустофоля Солтоноляева. Знамя — Алексея Урозгилдее-
ва. Знаме Мом — мете Горчекова. Знаме Мо — мая Алмокаева. Зна — ме
Досая Копкаева. Знаме — Ишекая Терегулова. Зна — ме Чюрая Си-
мокаева. Знаме — Алмокая Ивокаева. — Знаме Алмокаева. Знаме
Елмо — метева. Знаме Будо — леева. Знаме — Ермакова. — Знаме
Бактемиря Сиушева. Знаме — Симокаева. Знаме — Ивокаева. Знаме
Ал — тынбаева. Зна — ме Алмокаева. Зна — ме Момоделеева.
Зна — ме Утешева. Зна — ме Исаева. Зна — ме Сюмбаева. Зна — аме
Миряева. — Знаме Досаева. Зна — ме Тлевлеева. (Зна — ме Алмокае-
ва. Зна — ме Сюнякова. Зна — ме Токбулатова. Зна — ме Сюнчелева.
Знаме — Мемеева. Зна — ме Алмокаева. Зна — ме Ильино. Знаме Би —
сеитова. Зна — ме Тлевлеева. — Знаме Тенева. Зна — ме Ертуранова.
Знаме — Керава. Зна — ме Нюнчелева. Зна — ме Енбаева. Зна — ме
Сутлубулатова. Зна — ме Чернокаева. Зна — ме Ботаева. Зна — ме
Алексеева. Знаме — Кемеева. Знаме — Копасова. Знаме — Милсаева.
Зна — ме Богданова. Знаме — Денеева. Знаме Пе — тасова. Зна — ме
Досая Шилдекова. Знаме — Кечапова. Зна — ме Шиндекова. Зна — ме
Мелсаева. Зна — ме Алишева. Знаме — Веляева. Зна — ме Сошнчно.
Знаме — Рузаева. Знаме Ме — лишево. Знаме — Учасева. Зна — ме Ви-
дянина. Зна — ме Петасова. Знаме — Нолитова. Знаме — Нолита Сер-
гомасова. Зна — ме Алексова. Знаме — Мердемасова. Знаме — Алемас-
ова. Зна — ме Атманова. Зна — ме Ефаева. Зна — ме Шасева. Зна-
ме — Носаева. Зна — ме Кечапино. Зна — ме Чопаева. Зна — ме Ав-
кеманова.

Дер. Пшеневы. Зна — ме Родино. Зна — ме Аворесева. Зна — ме
Вочаева. Зна — ме Бебишева. Зна — ме Азирапино. Зна — ме Семено-
ва. Знаме Пе — тасова. Зна — ме Мялензино. Зна — ме Петенино.
Зна — ме Сергеева. Знаме — Чемотино. Зна — ме Кутыева. Зна — ме

¹ Следующий л. 120 — с лица чистый, на обороте — знамена.

² Места в тексте, где в подлиннике вычерчены знамена, обозначаем тире.

Шуватова. Зна — ме Шасева. Зна — ме Боишева. Зна — ме Козеева. Зна — ме Алексеева. Знаме — Аворесова. Зна — ме Раудино. Зна — ме Юсыева. Зна — ме Сурудеева. Зна — ме Пораева. Зна — ме Солтаева. Зна — ме Агманова. Зна — ме Мемелсаева. — Знаме Алемасова. Знаме Чоп — кино. — Знаме Учасева. Знаме — Атасова.

По склейкам на об. лл. 107—119 и под текстом: К сем обыкным речам подъячишка Любимка Васильев вместо пушкаря Третьяка Лаврентьева по ево велению руку приложил.

(л. 121) И стольник князь Василей Богданович Волконской да дьяки Семен Ключарев да Грязной Акишев, выслушев отписку и обыски, велели взять к делу и из обысков велели выписать на перечень.

И в обыску Инсоры города 6 чел. новокрещенов черкас, 1 чел. пятидесятник стрелецкой, 45 чел. стрельцов, 8 чел. пушкарей, 4 чел. затинщиков, 7 чел. розсыльщиков, 6 чел. воротников, 6 чел. засечных сторожей, 6 чел. казаков, 14 чел. мурз и татар, и всего 102 чел., новокрещены, и стрельцы, и пушкар, и затинщики, и розсылщики, и воротники, и засечные сторожи, и казаки сказали по государеву [т.] крестному целованью, а мурзы и тотары по своей вере, по шерти: то они ведают, Дмитрейко Большая Борода в Темникове в пушкарех блаженные памяти при прежних государех царех знали, и умер он в Темникове в пушкарех же, а после ево, Дмитрейка, сын ево Данилко Большие Бороды во 139-м году в Темникове в пушкарех был же, и ево, Данилка, в Темникове в пушкарех знали, и Большие Бороды сын Данилко, а не вольной он человек, Данилко Дмитриев сын Елагина, — темниковской пушкарь (л. 122) Данилко Дмитриев сын Большие Бороды; а то они ведают же — как был в Темникове воеводою Гаврило Лодыгин, и ево, Данилка, сильно з женою и з детьми похолопил, и сковав, в Орзамас ево с сыном с Кондратьем посылал и кабалу на него в Орзамасе сильно взял, а не волею он, Данилко, бил челом ему во двор и кабалу на себя дал. Да ис того же числа 14 чел. мурз и тотар в речах своих сказали: тово они не ведают, как был в Темникове воеводою Гаврило Лодыгин, и ево, Данилка, сильно з женою и з детьми похолопил, и сковав, в Орзамас ево с сыном Кондратьем посылал и кабалу на него сильно взял в Орзамасе, или он, Данилко, бил челом во двор и кабалу на себя дал, — и они тово не ведают. В обыску же 8 чел. мурз и тотар сказали по своей вере, по шерти же; того они не ведают, Дмитрейка Большие Бороды в Темникове в пушкарех блаженные памяти при прежних государех царех не знали, а после ево, Дмитрейка, сына ево Данилка — во 139-м году в пушкарех был, и ево, Данилка, в пушкарех знали, Данилка Дмитриев сын Большие Бороды сын; а тово они не ведают, как был в Темникове воеводою Гаврило Лодыгин, и ево, Данилка, (л. 123) з женою и з детьми похолопил, и сковав, в Орзамас с сыном с Кондратьем посылал и кабалу на него в Орзамасе сильно взял, или он, Данилко, волею бил челом во двор и кабалу на себя дал, — и он про то не ведает. Да в обыску ж 1 чел. поп, 1 чел. дьякон, 1 чел. пятидесятник казачей, 159 чел. казаков, 25 чел. мурз и татар, 62 чел. мордвы, и всего 249 чел., поп и дьякон сказали по священству, а казаки сказали по государеву же крестному целованью, а мурзы и татаровя и мордва сказали по своей вере, по шерти: тово они не ведают, Дмитрейка Большие Бороды в Темникове в пушкарех блаженные памяти при прежних государех царех не знали, а после ево, Дмитрейка, сына ево Данилка Большие Бороды — во 139-м году в пушкарех был же ли, и ево, Данилка, в Темникове в пушкарех не знали же, Большие ли Бороды сын Данилко, или вольной он человек, Данилко Дмитриев сын Елагин, или темниковской пушкарь Данилко Дмитриев сын Большие Бороды; а тово они не ведают же, как был в Темникове воеводою Гаврило Лодыгин, и ево, Данилко, сильно з женою и з детьми

похолопил, и сковав, в Орзамас ево с сыном с Кондратьем (л. 124) посылал и кабалу на него в Орзамасе сильно взял, или он, Данилко, волею бил челом ему во двор и кабалу на себя дал, — и они тово ничево не ведают. И всего обеих городов всяких чинов людей 346 чел. в ведомо и в знатье и в слух сказали, что они в Темникове в пушкарех были; а не в ведомо сказали 252 чел.

XXXIV. — 1651 г. марта 10. Приговор: истца, Данилу, и Григория оправить и освободить на волю с женами и детьми; пожелезное и прокорм взять на Уваре Лодыгине.

Помета: 159-го марта в 10 день. Написать приговор: Уару Лодыгину в тех людех, в Данилке Дмитриеве сыне Большой Бороды з детьми, отказать по обыском, а быть им по обыском в пушкарях, и отослать ево в Казанской дворец. А пожелезное взять на виноватом по Уложенью. А в сносах учинить вера по обоим судам.

(л. 125) 159-го марта в 10 день стольник князь Василей Богданович Волконской да диаки Семен Ключарев да Грязной Акишев сего судного дела темниковского пушкаря Данилка Дмитриева сына Большие Бороды и сына ево Гришки с Уаром Гавриловым сыном Лодыгиным слушали и приговорили исца, пушкаря Данилка, и сына ево Гришку оправить и свободить ево, Данилка, з женою ево с Манькою Левонтевою дочерью и з детьми, з Гришкою и с Ефимком, и з дочерьми, з девками с Маринкою и с Оксюткою, и с снохою Дунькою Гавриловою дочерью, з Гришкиною женою, и с их дочерью с Василискою от нево, Уара, ис холопства на волю; а ответчика Уара Лодыгина приговорили обвинить и в тех людех, в Данилке Большие Бороды з женою и з детьми и с снохою и со внукою, в холопстве ему отказать — потому. В прошлом во 157-м году июня в 25 день в Приказе холопья суда подал он, Данилка, на Уара Лодыгина о суде челобитную, а в челобитной ево Данилкове написано: в прошлом де во 139-м году был в Темникове отец ево Уаров Гаврило Васильев сын Лодыгин воеводою и покабалил ево, Данилка, з женою и з детьми сильно, и устрастя ево и сковав, посылал он, Гаврило, ево, Данилка, с сыном своим с Кондратьем в Арзамас и велел кабалу на него взять сильно ж; и приехав из Орзамаса, послал ево к Москве з женою и з детьми к сыну своему Уару; и ныне де он живет у него, Уара; а сына де ево, Гришку, он, Уар, женил у себя во дворе сильно ж. И ответчик Уар в ответе сказал: кабалы де он на того Данилка сильно не имывал, а бил де челом к нему в холопство с воли в Орзамасе и сказался вольным и кабалу дал з женою и з детьми в Орзамасе; а сына де ево Гришку после той кабалы женил у себя во дворе на своей девке Дуньке. И истец Данилко сказал: он де в Орзамасе у кабалы, бояся ево, Гаврила, сказался вольным; а отец де ево, Данилков, в Темникове был в пушкарях лет 60, а он, Данилко, был в пушкарях же лет з 20, и в писцовых книгах Ивана Усова с товарищи (л. 126) он, Данилка Дмитриев сын, написан в пушкарех в Темникове во дворе; и сверх книг слался словесно из виноватых на весь город Темников и на Темниковской уезд да на другой город Инзору всяких чинов людей в том, что тех обоих городов всякие люди отца его Дмитрейка Большую Бороду и ево, Данилка, в Темникове в пушкарях знали же. И ответчик Уар Лодыгин на писцовые книги Ивана Усова сказал: будет де отец ево Данилков Дмитрейко и он де, Данилко, написан Дмитриевым сыном Большая Борода, и он де на те книги шлетца; а в повальной обыск на Темников и на Темниковской уезд и на Инзору слатца и не слатца не смеет, потому что отец ево, Гаврило Лодыгин, был в Темникове воеводою, а Инзора была в те поры Темниковского же присуду, и у отца де ево с Темниковым городом и с уездными людьми была в государевых во многих делах ссора; да подал на того Данилка

на свое Уарово имя арзамаскую кабалу 138-го году, а в кабале заимщик написан Данилка Дмитриев сын Елагин, родиною Темникова города, с своею женою Манькою Левонтьевою дочерью да с своими детьми, з Гришкою да с Федькою да с Фатейком; сказался вольной, ни у кого не служивал; а имана в Орзамасе перед стольником и воеводою перед князем Венедиктом Оболенским да перед Макарьем Чюкариным. И истец Данилко, выслушав кабалу, сказал: такову де кабалу дал он из неволи, а прозвище де себе не переменявал, прозвище де ему Большой Бороды сын, и про то де ведают и знают многие люди, а Елагина де у него и в роду не бывало; как де хотел он кабалу иметь и годы и прозвище писать, так и писал, а воевода де, князь Венедикт Оболенской,¹ ему, Гаврилу, и сыну ево Уару свой и кабалу ему дал по свойству. И для подлинного сыску против Данилкова челобитья в Приказ Казанского дворца послана память, а велено выписать ис темниковских ис старых писцовых книг: Данилка Дмитриев сын Большая Борода в Темникове городе в пушкарях написан ли. И в памяти ис Казанского дворца за приписью диака Федора Грибоедова написано: в темниковских дозорных книгах Ивана Усова с товарищи 122-го году написан во дворе пушкарь Данилка Дмитриев, а прозвище Большие Бороды не написано. (л. 127) И в прошлом во 158-м году октября в 18 день по докладу стольника князя Василья Богдановича Волконского да диаков Савы Самсонова да Семена Ключарева сего судного дела бояре слушали и приговорили против ево, Данилковы, ссылки сыскать большим повальным обыском двема города, Темниковым и Инзорою, и тех городов уезды: отец ево Дмитрейко и он, Данилко, в Темникове в пушкарях были ль, и прозвище им Большая ль Борода. И по государеву указу и по боярскому приговору в том же во 158-м году в Темников и на Инзору посланы государевы грамоты к воеводам, а велено тех городов и уезды сыскать большим повальным обыском всяких чинов людьми: то им ведомо ль, отца ево Данилкова Дмитрейка Большую Бороду в Темникове в пушкарях при прежних государех царех знали ль, и умер в Темникове в пушкарях ли, и после ево, Дмитрейка, сын ево Данилка Большая же Борода до 139-го году в Темникове в пушкарях был же ли, и они, обыскные люди, ево, Данилка, в пушкарех знали ль, и Большие ль Бороды сын он, Данилко, или он, Данилка, — вольной человек, Дмитриев сын Елагина, а не темниковской пушкарь и не Большой Бороды сын. И в обысках тех городов и уездов всяких чинов люди, 354 чел., попы и дяконы сказали по священству, а келарь и старцы по иноческому обещанью, а новокрещены, и стрельцы, и пушкар, и затинщики, и россыльщики, и воротники, и засечные сторожи, и казаки, и старосты, и посадские люди, и крестьяне по государеву [т.] крестному целованью, а мурзы и тотарове и мордва по своей вере, по шерти, — в ведомо и в знатие и в слух: то они ведают, Дмитрейка Большая Борода в Темникове в пушкарях блаженные памяти при прежних государех царях знали, и умер он в Темникове в пушкарех, а после ево, Дмитрейка, сын ево Данилка Большие Бороды до 139-го году в Темникове в пушкарех был же, и ево, Данилка, знали — Большие Бороды сын, а не вольной человек, Дмитриев сын Елагина; а то они ведают же, как был в Темникове воеводою Гаврило Лодыгин, и ево, Данилка, з женою и з детьми сильно похолопил, и сковав, в Орзамас с сыном своим с Кондратьем посылал и кабалу на него в Орзамасе взял. И по дозорным темниковским книгам Ивана Усова с товарищи и по скаске обыскных людей приговорили исца Данилка з женою, (л. 128) и с детьми, и с снохою, и со внукою от Уара Лодыгина из невольного холопства свободить на волю, а Уару Лодыгину приговорили в тех людех отказать,

¹ В подлиннике: Оболенск.

потому что обыскные многие люди всяких чинов сказали ево, Данилкова, отца Дмитрейка Большую Бороду, в Темникове в пушкарях и ево, Данилка, после отца ево в Темникове до 139-го году в пушкарех же знали, и слыл он, Данилка, Большие Бороды; а иные обыскные люди и то ведают, что ево Уаров отец, Гаврило Лодыгин, того Данилка з женою и з детьми ис пушкарей похолопил сильно; и в дозорных книгах в Темникове он, Данилка, в пушкарях написан же. А что ответчик Уар Лодыгин бил челом на суде на того Данилка роспискою, а сказал, в первой де челобитной, какову подал без нево, Данилка, сын ево Гришка, на нево, Уара, об очной ставке, и в той де челобитной написан он — Данилка Дмитриев сын Большие Бороды сын, а в-ысковой де челобитной написался Данилка Дмитриев сын, а Большие Бороды не написано, и он де тем росписался, — и того ему, Данилку, в росписку не ставить потому. На суде он, Данилка, слался на два города в повальной обыск, что отец ево Дмитрейко — темниковской пушкарь Большая Борода, а он, Данилка, темниковской же пушкарь Большие Бороды сын, а Елаги де у нево и в роду не бывало, — и обыскные люди ево, Данилка Большие Бороды, знают и ведают, а Елагина де в Темникове не знают. И потому ево, Данилка, з женою, и з детьми, и с снохою, и со внукою приговорили свободить на волю. А что он, Данилка, искал на Уаре Лодыгине двора и животных на 15 руб. с полтиною, а Уар искал встрешно на ево Данилкове сыне встрешно снос 15-ти же руб. 29-ти алт. дву денег, и в тех их обеих исках приговорили им веру, крестное целованье, потому что опричь веры иным сискать про то нечим. А что истец Данилко, и сын ево Гришка, и ево Данилкова жена з детьми и с снохою сидели за приставом, — и пожелезное и прокорм на те дни приговорили приставу взять на Уаре Лодыгине, потому что он, Уар, по суду и по скаске обыскных людей в тех людех, в Данилке з женою и з детьми, обвинен, а по государеву указу и по Соборному уложению пожелезное и прокорм велено имать на виноватом. И велели приставу Офо (л. 129) насыю Солтанову исца и ответчика поставить в Приказе холопья суда к скаске и сесь им приговор сказать.

XXXV. — 1651 г. апреля 14. Приговор сторонам сказан; установлены сроки ставок к крестному целованию в исках о сносе.

Апреля в 14 день сесь приговор Уару Лодыгину и Данилку, прозвище Большие Бороды, и сыну ево Гришке сказан, и к вере, х крестному целованию им в-ыскех их срочено. А у скаски Данилка сказал, что внука ево, девка Василиска, после суда умерла.

Помета: 159-го апреля в 14 день. По первому судному делу учинить первая ставка апреля в 16 день, другая — в 17 день, третья — апреля в 19 день; по другому судному делу учинить первая ставка апреля в 21 день, другая — апреля в 22 день, третья — апреля в 24 день.

XXXVI. — 1651 г. апреля 21. С Данилы взяты пошлыны, пересуд и правый десяток.

Апреля в 21 день у крестного целованья у Данилка Дмитриева сына Большие Бороды пошлын и пе (л. 130) ресуду и правого десятка, всего рубль осьмнатцать алтын 2 д., да головных пошлын с 7-ми голов по 3 алт. 3 головы, итого 21 алт.; всего пошлын, и пересуду, и правого десятка, и головных 2 руб. 6 алт. взято.

XXXVII. — 1651 г. апреля 25. Подписная челобитная Данилы об указе в его убытках, проести и волоките.

Апреля в 25 день Данилка Большие Бороды подал подписную челобитную за пометою думного диака Лариона Лопухина, а в чело-

битной пишет. — (л. 131) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, темниковской пушкарь Данилко Дмитриев сын Большой Бороды. В прошлом, государь, во 157-м году бил челом я, холоп твой, тебе, государю, на Увара Гаврилова сына Лодыгина отца ево в насильном кобальном холопстве, и с тем Уваром в том деле был у меня, холопа твоего, суд в Приказе холопья суда; и с суда, государь, слался я на писцовые книги да в повальной обыск на два города; и по тем, государь, книгам и по обыском я холоп твой, оправлен, а он, Увар, теми обысками меня, холопа твоего, волочил многое время, со 157-го году да по 159 год апреля по 7-ое число. И по твоему государеву указу стольник, князь Василей Богданович Волконской, то судное дело вершил и мне, холопу твоему, свободу учинил, а проести моей и волоките и в убытках без твоего государева указу ничево не учинил. А я, холоп твой, для тех обысков имал твои государевы три грамоты и робятишек своих в долгу позоложил. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне с тем Уваром в тех моих убытках и в проести и в волоките по своему государеву указу и по Соборному уложению свой царской указ учинить. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На об. л. 131 пометы: Государь пожаловал: будет вершено судное дело, и в проести и в волоките учинить указ по Уложению князю Василею Богдановичу Волконскому и диаком.

159-го апреля в 25 день. Взять к делу и выписать из Уложения.

(л. 132) И стольник князь Василей Богданович Волконской да диаки Семен и Грязной, выслушав подписную челобитную, велели взять к делу и выписать из Уложения.

XXXVIII. — 1651 г. апреля 30 — мая 2. С Увара Лодыгина взяты пошщины, пересуд и правый десяток по его иску о сносе; выписка из Соборного уложения и из указа от 10 января 1649 г. о проести и волоките по поклепным искам — с истцов; расчет проести и волокиты с У. Лодыгина.

Апреля в 30 день Уара Лодыгина с-ыску ево с пятинатцати рублей 29-ти алт. дву денег пошлин, и пересуду, и правого десятка рубль 27 алт. взяты и в приходную книгу записаны мая в 2 день с пушкарскими з Данилковыми деньгами вместе.

И в Приказе холопья суда в государеве [т.] указе и в Соборном уложении в 10 главе 18 статье написано: будет кто на ком учнет чего искати, поклепав напрасно, и з суда сыщется про то допряма, что он искал покле (л. 133) пного иску, хотя кого испродать напрасно, и на таких исках за напрасную их продажу править ответчиком проести по гривне на день с того числа, как судное дело зачнетца, да по то число, как то судное дело вершитца, чтобы им и иным таким вперед не повадно было такими своими поклепными иски никого убытчить напрасно. А суд был у Данилка Большие Бороды с Уаром Лодыгиным в насильном холопстве и в животях, а Уар искал на нем, Данилке, встращно сына ево Гришкина побегу и сносных животных в прошлом во 157-м году июня в 12 день. А вершены те судные дела, и он, Данилка, з женою и з детьми от нево, Уара, освобожен на волю нынешнего 159-го году марта в 10 день. (л. 134) И с того числа, как те судные дела зачелись, по то число, как вершились, и в тех числах 636 дней. А государев указ от бояр с Соборного уложения в памяти за приписью диака Федора Грибоедова в Приказ холопья суда о крестьянех в прошлом во 157-м году генваря в 10 день: велено беглых крестьян и бобылей всяких чинов людям отдавать генваря со 2-го числа. А книга Соборного уложения совершена генваря же в 29 день, а в Приказ холопья суда с Печатного двора взята июня в 18 день того же 157-го году. И будет государь [т.] укажет на Уаре Лодыгине Данилку Большие Бороды проести

и волокиты, и на те дни по государеву указу доведетца взять по гривне на день, итого 63 руб. 20 алт.

XXXIX г. — 1651 г. мая 10—12. 2-ая подписная челобитная Данилы об указе в его убытках, проести и волокиты.

Маия в 12 день Василью Тимофеевичю Грязнову да диаком Семену Ключареву да Грязному Акишеву Данилка Большие Бороды подал подписную челобитную за пометою думного диака Лариона Лопухина, а в ней пишет. (л. 135) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой государев, темниковской пушкарь Данилко Дмитриев сын Большой Бороды. Бил я челом, холоп твой, тебе, государю, на Гаврила Васильева сына Лодыгина в ево насильном кабальном холопстве. И в прошлом, государь, во 157-м году сыном ево Гавриловым с Уваром Гавриловичем Лодыгиным суд был, и с суда я, холоп твой, слался на писовые книги и в повальной обыск на два города и на уезды, где я, холоп твой, служил твою царскую службу. И по тем, государь, книгам и по обыскам я, холоп твой, оправлен, а он, Увар, теми обысками меня, холопа твоего, волочил многая время, со 157-го году да по 159-й год апреля по 7-е число. И по твоему государеву указу стольник, князь Василий Богданович Волконской, то судное дело вершил и мне, холопу твоему, свободу учинил, а проести моей и волоките и в убытках без твоего государева указу ничево не учинил. А я, холоп твой, для тех обысков твои государевы три грамоты имал и ребятишек своих в долгу позаложил. Милосердый государь [т], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне с тем Уваром в тех моих убытках и в проести и волоките по своему государеву указу по Соборному уложению свой царской указ учинить. [А я, холоп твой, многие твои государевы подписные челобитные за думных дьяков руками приношу, и по тем твоим государевым подписным челобитным (мне, холопу твоему, и по ся места указу не учинят. Царь государь, смилуйся.

На об. л. 135 пометы: 159-го мая в 10 день. Государь пожаловал, велел указ учинить по Уложению Василью Тимофеевичю Грязному и диаком.

159-го мая в 12 день. Взять к делу.

(л. 136) И Василий Тимофеевич Грязново да диаки Семен Ключарев да Грязной Акишев, выслушав подписную челобитную, велели взять к делу.

XL. — 1651 г. мая 15—16. Подписная челобитная Увара Лодыгина: не править на нем проести и волокиты по делу с Данилой, потому что холопам не указано править на тех, от кого они оттянутся.

Маия в 16 день Уар Лодыгин подал подписную челобитную за приписью диака Степана Чюбарова, а в ней пишет. — (л. 137) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой Уварко Лодыгин. В прошлом, государь, во 157-м году крепосной мой человек Данилко Дмитриев сын Елагин, умысля воровски, ставовся сыном своим из Гришкою, хотя от меня холопства отбыть, затеял своим ложным челобитием, бил челом тебе, государю, на меня, холопа твоего, будто отец мой Гаврила Васильевич, как был у твоего государева дела в Темникове, и ево будто отец мой покабалил сильно. И отец ево, Данилка, сильно не кабалывал, бил челом он, Данилко, мне, холопу твоему, с воли в Орзамасе и кабалу на себя дал в Орзамасе ж, а не в Темникове, в прошлом во 138-м году. И с тех мест и по се время ево Данилкова челобитья на отца моего и на меня, холопа твоего, в том сильном холопстве не бывало. А как, государь, он умысля с сыном своим, не похотя у меня, холопа твоего, служить в холопстве, бил челом тебе, государю, на отца моего и на меня, ведая, государь, он то, что отец мой, будучи

у твоего государева дела, мурзам и татарам и посадским людям ни в чем не потокал по указу деда твоего государева блаженные памяти великова государя святейшева Филарета Никитича патриарха московска и всеа Руси, их татарские мечети сломал и торг их татарской, где оне лошади резали на посаде блиско церквей божих, за посад велел перенести, и по твоему государеву указу всяких чинов людей ото всяково дурна унимал и многих смирял, — и потому отец мой и недруг им был. И он, государь, надеючи на них, слался в повальной обыск; а я, холоп твой, на суде на них послатца не смел, потому что отец мой, будучи у твоего государева дела, недруг им был, в твоём государеве деле во всем государев указ исполнял и, видя дурно, им не молчал, и оне, мстя недружбу, отцу моему обыски ис Темникова прислали против ево ложново челобитья; и ему по тем ложным обыскам ис Холопья приказу дана воля. И ныне, государь, умысля, он, Данилко, хотя меня, холопа твоего, напрасно испродать, изубычить большим убытком, бил челом тебе, государю, на меня, холопа твоего, чтобы ты, государь, ему указал с сыном на мне, холопе твоём, проесть и волокиду с тово числа, как дело зачелось по ево же ложному челобитью, против твоего государева Уложения. А в твоём государеве указе и в Соборном уложении в холопих статьях тово не указана, что холопом нашим проесть и волокиду править. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, не вели, государь, своего государева указу и Уложению мною, холопом своим, нарушить, и не вели, государь, тово дела против ево холопья ложново челобитья в Холопье приказе проесть и волокиду без доклада указать на мне, холопе своем, и вели, государь, по тому ложному челобитью ево в проести и в волокиде доложить себя, государя, или своих государевых бояр, чтобы впредь иным нашим холопом от нашии братьи неповадно было от холопства оттягиватца и нас, холопей твоих, напрасно продавать и убычить, и вели, государь, сее мою челобитную взять к ево холопью ложному челобитью. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На об. л. 137 пометы: Государь пожаловал, велел указ учинить по Уложению; а будет за чем указу учинить не мочно, взнести к бояром.

159-го мая в 15 день. Государь [т.] пожаловал, велел указ учинить по Уложению Василью Тимофеевичю Грязнову да дьяком Семену Ключареву да Грязному Акишеву; а будет за чем указ учинить не мочно, взнести к бояром. Дяк Степан Чюбаров.

159-го мая в 16 день. Взять к делу.

(л. 138) И Василей Тимофеевич Грязнов да дяк Семен Ключарев да Грязной Акишев, выслушав подписную челобитную, велели взять к делу.

XLI. — 1651 г. мая 17. Память из Холопьево приказа в Казанский дворец, сопровождающая отсылку с приставом в Казанский дворец темниковского пушкаря Данилы Дмитриева, сына Большой Бороды с женой, детьми и снохой.

(л. 139) Лета 7159-го мая в 17 день. По государеву [т.] указу боярину князю Алексею Никитичю Трубецкому да дьяком думному Лариону Лопухину да Федору Грибоедову да Томилу Перфирьеву. В нынешнем во 159-м году марта в 10 день по государеву указу и по судному делу по приговору стольника князя Василья Волконского да дьяков Семена Ключарева да Грязнова Акишева освобождены ис кабального холопства от Уара Ладыгина люди на волю, темниковской пушкарь Данилко Дмитриев сын Большие Бороды з женою с Манькою Левонтьевою дочерью да з детьми, с сыном Гришком да с Ефимком, да з дочерьми, з девками с Маринкою да с Оксюткою, да

с снохою Дунькою Гавриловою дочерью з Гришкиною женою¹ на волю: быти тому Данилку попржнему в Темникове в пушкарех. И по государеву [т.] указу ис Приказу холопья суда тот темниковской пушкарь Данилко Дмитриев сын Большие Бороды з женою и з детьми и снохою² посланы в Приказ Казанского дворца к тебе, боярину ко князю Алексею Никитичю Трубецкому, да к дьяком, к думному Илариону Лопухину да к Федору Грибоедову да к Томилу Перфирьеву Приказу холопья суда с приставом с Офонасьем Салтановым.

XLII. — 1651 г. мая 30. Подписная челобитная Данилы об указе в проести и волоките: при прежнем составе Холопьего приказа князь В. Б. Волконский не учинил указа в виду своей близкой смены, а при новом составе — В. Т. Грязной отказывает, потому что дело было до Уложения.

(л. 140) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой, темниковский пушкарь Данилко Дмитриев сын Большой Бороды. В прошлом, государь, во 157-м году бил я челом тебе, государю, на Уара Гаврилова сына Ладыгина в насильном холопстве кабальном отца ево, и суд у меня, холопа твоего, с ним, Уваром, был в Приказе холопья суда, И с суда, я холоп твой слался на писцовыя книги и в повальной обыск на два города и на их уезды. По книгам и по обыском я, холоп твой, оправлен, а он, Увар Ладыгин, обвинен, а мне холопу твоему, по твоему государеву указу дана воля, и указана мне твоя государева служба в Темникове служить, а в проести и в волоките стольник князь Василей Богданович Волконской указу не учинил, потому что ему из приказа скоро перемена. И я бил челом тебе, государю, о тех про[то]рях, и по моему челобитью сходили твои государевы многие подписные челобитные за пометою думных дьяков, и дворенин Васи-лей Тимофеевич Грязной по тем челобитным указу не учинит и отказывает мне: дело де твое (было до Уложения). А суд у меня, холопа твоего, был во 157-м году июля в 2 день. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне в тех моих прото-рях и в убытках с тем Уваром свой царской указ учинить. Царь госу-дарь, смилуйся пожалуй.

На об. л. 140 пометы: Государь пожаловал, велел указ учинить по Уложению.

159-го мая в 30 день. Взять к делу и положить на стол.

XLIII. — 1651 г. июня 6. Подписная челобитная Увара Лодыгина: не править на нем проести и волокиты, потому что не указано холопам брать проест и волокиту на тех, от кого они оттянутся.

(л. 141) Царю государю [т.] бьет челом холоп твой Уварко Лодыгин. Бил челом я, холоп твой, тебе, государю, что взят у меня ис ка-бальнова холопства в пушкари человек мой Данилко Дмитриев сын Елагин, а ныне он бьет челом тебе, государю, на меня, холопа твоего, о проести и волокиде, хотя меня тем до конца испродать; и ты, госу-дарь, меня пожаловал, велел указ учинить по Уложению, а будет в чем указу в Холопье приказе учинить не можно, и ты, государь, ука-зал доложить своих государевых бояр. И в Приказе, государь, хо-лопья суда ныне Василей Грязной да дьяки Семен Ключарев да Гряз-ной Акишев хотят на мне, холопе твоем, указать тому Данилу с сыном з Гришкою, что взяты у меня ис кабальнова холопства, проест и во-локиды больше штидесять рублей без твоего государева указу, неве-домо почему. А в твоём государеве указе и в Соборном уложение указана проест и волокида по судным делам меж себя нам, холопом

¹ Дальше зачеркнуто: да з дочерью их с Василискою.

² Дальше зачеркнуто: да с ее дочерью з девкою Василискою.

твоим, а холопом нашим на нас проестей и волокид, которые от нас оттянутся или взяты будут ис кабальнова холопства в-ыные какие чины за тебя, государя, в Соборном уложенье проестей и волокида не указана, и по се число такова образца в Приказе холопья суда не бывало. Милосердый государь [т.], пожалуй меня, холопа своего, не вели, государь, такова образца мною, холопом своим, одним учинить, чтоб впредь неповадно иным нашим холопом от нас от холопства оттягиватца. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На об. л. 141 пометы: Государь пожаловал, велел указ учинить по Уложению.

159-го июня в 6 день. Взять к делу.

Скрепны на обороте по сствам: лл. 1—4:... Самсонов; лл. 4—6 (конец под текстом): Дяк Федор Грибоедов; лл. 7—57: Дяк Сава Самсонов; лл. 57—71: Дяк Семен Ключарев; лл. 71—129:¹ Дьяк Грязной Акишев; лл. 129—132: Дяк Семен Ключарев; лл. 133—141 без скреп.

Опись № 26, столбец № 42145. I — лл. 1—3; II — лл. 3—7; III — лл. 7—9; IV — лл. 9—11; V — лл. 11—15; VI — лл. 14—15; VII — лл. 15—21; VIII — лл. 21—23; IX — лл. 23—25; X — лл. 26—27; XI — л. 27; XII — лл. 27—29; XIII — лл. 30—31; XIV — л. 32; XV — л. 33; XVI — л. 34; XVII — лл. 34—35; XVIII — л. 36; XIX — л. 37; XX — л. 38; XXI — лл. 39—40; XXII — лл. 40—43; XXIII — лл. 43—45; XXIV — л. 46; XXV — лл. 47—56; XXVI — л. 57; XXVII — лл. 58—62, 68; XXVIII — лл. 68—70; XXIX — лл. 70—91; XXX — лл. 92—95; XXXI — лл. 95—97; XXXII — лл. 98—102; XXXIII — лл. 102—124; XXXIV — лл. 124—129; XXXV — л. 129; XXXVI — лл. 129—130; XXXVII — лл. 130—132; XXXVIII — лл. 132—134; XXXIX — лл. 134—136; XL — лл. 136—138; XLI — л. 139; XLII — л. 140; XLIII — л. 141.

¹ Лишний слог «ак» по склейке лл. 79—80.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
От автора	3
Предисловие	5—7
Глава I. Эволюция древнерусского холопства в X—XVI вв.	8—56
§ 1. Античный мир, Византия и славяне (стр. 8); § 2. Термины холоп, чага, кошей и др. (стр. 12); § 3. Холопство по Русской Правде (стр. 18); § 4. Холопство и холопы в период феодальной раздробленности (стр. 22); § 5. Идеология холопского права (стр. 28); § 6. Русское государство и холопство в XVI в. (стр. 31); § 7. Наместничья администрация и холопы (стр. 37); § 8. Москва XV—XVI вв. и холопство по служилой кабале (стр. 43); § 9. Служилая Москва второй половины XVI в. и нормы холопского права (стр. 47); § 10. Холопство и Уложение 1649 г. (стр. 54).	
Глава II. Статистика новгородских закабалений 1592—1609 (100—117) гг.	57—82
§ 1. Восполнение пробелов в статистических данных и общие итоги (стр. 66); § 2. Закабаляемые (стр. 68); § 3. Закабалители (стр. 71).	
Глава III. Юридические вопросы холопского права	83—128
§ 1. Старина (стр. 85); § 2. Старина и кабала (стр. 91); § 3. Холопы дети (стр. 106); § 4. Холопы — муж и жена (стр. 117).	
Глава IV. Господа и холопы	129—166
§ 1. Господа и холопы (бытовые черты) (стр. 129); § 2. Закабаление служилых людей (стр. 143); § 3. Подговор к побегу (стр. 153).	
Глава V. Господа и холопы	167—222
§ 1. Побег холопов в пределах Московского государства (стр. 167); § 2. Побег холопов за государственный рубеж (стр. 203); § 3. Снос (стр. 213).	
Глава VI. Борьба холопов за свою свободу	223—288
§ 1. Дело холопов Хомутова-Плужникова и дьяка Григория Пятова (стр. 223); § 2. Дело холопов Скорлатовых и дворянина московского В. С. Жидовинова (стр. 248); § 3. Дело пушкаря Даниила Большой Бороды и дворян московских Лодыгиных (стр. 251); § 4. Дело холопов Грачевых и Коробова — Телегиных, Грачевых и Телегиной — Зыковых (стр. 273).	
Заключение	289—292
Прибавления к главе I.	293
1. Слово «челядь» (стр. 293).	
2. Слово «раба» (стр. 294).	
3. К генезису слов <i>Σκλάβος</i> и холоп (294).	
4. Наблюдения над исторической демографией Киевской Руси в XI—XIII вв. (стр. 298—307).	
I. Предположительная плотность и общее количество населения Киевской Руси в XI—XIII вв. (стр. 298).	
II. Топонимика Киевской Руси в связи с княжеско-владельческой колонизацией и экономикой (стр. 299).	
III. Топонимические признаки миграции зависимых (холопских) элементов населения из Среднего Поднепровья на северо-запад, север, северо-восток, северо-восток-восток, юго-юго-запад и запад русской территории (стр. 303).	
5. Феодальное порабощение в соседних с Киевской Русью государствах в XI—XIII вв. Византия. Польша. Чехия. Венгрия (стр. 308).	
6. Служилое холопство (стр. 311).	
7. Боярский список 1556 г. (стр. 312).	
8. Приказная память от 30/5 1641 г. о неизвестном холопьем указе 1641 г. (стр. 315).	
Документы (тяжбы по холопским делам)	317
№ 1. 1620 г. Дело Ф. П. Стунеева и М. Ф. Еропкина	318

№ 2.	1620—1621 гг. Дело А. Воейкова и кн. Б. А. Хилкова	323
№ 3.	1620 г. Дело М. К. Бутурлина и холопа Ф. Шеляпина	327
№ 4.	1621 г. Дело И. Д. Селунского и Б. С. Боркова.	330
№ 5.	1621 г. Дело Буяна Панова и В. И. Кишкина	338
№ 6.	1622 г. Дело Ив. Дедкова и кн. Т. В. Долгорукова	344
№ 7.	1623 г. Дело Т. С. Желябужского и кн. И. Лобанова-Ростовского	354
№ 8.	1623 г. Дело М. Ю. Прошевского и А. Н. Аридова	359
№ 9.	1624 г. Дело Ю. И. Татищева и кн. В. М. Селеховского	364
№ 10.	1627 г. Дело Т. И. Епанчина и А. и Л. Леонтьевых	370
№ 11.	1627 г. Дело Б. Трескина и Т. Зыкова	373
№ 12.	1627 г. Дело Ив. Бормосова и М. Беречинского	383
№ 13.	1627 г. Дело кн. Г. М. Ушатого-Жеряпина и кн. А. Шейдяковой	387
№ 14.	1628 г. Дело О. М. Кузьмищева и Р. И. Сатина	390
№ 15.	1628 г. Дело кн. Ю. Н. Морткина и Б. И. Гурьева	401
№ 16.	1628 г. Дело П. С. Корсакова, М. С. Борыкова и М. М. Дубенского.	414
№ 17.	1629 г. Дело Ф. Нашокина и Т. И. Киреевской.	437
№ 18.	1630 г. Дело В. М. Малыгина и И. П. Воейкова	440
№ 19.	1630 г. Дело Ф. П. Москотиньева и Р. В. Вышеславцева	457
№ 20.	1631 г. Дело М. З. Беликова и Д. В. Толстого	464
№ 21.	1633 г. Дело И. Ю. Тургенева и В. Е. Мясоедова	470
№ 22.	1634 г. Дело В. С. Прокофьева и бывшего холопа Н. П. Макидонского	473
№ 23.	1634 г. Дело В. Н. Козинского и Козловых (Ф. П. и др.)	479
№ 24.	1635 г. Дело В. В. Кречетникова и М. И. Поздеева	488
№ 25.	1643 г. Дело Ф. М. Мякинина и И. С. Велкова	496
№ 26.	1649 г. Дело Даниила Дмитриева Большой Бороды и У. Г. Лодыгина о насильственном похолоплении	513

Редактор И-ва Ц. М. Подгорненская.

Подписано к печати 23/VI 1943 г. Л28392. Бумага 70×108¹/₁₆. 35¹/₄ печ. лист. 50 уч.-изд. л.
Тираж 4000 экз. Цена в переплете 28 руб. Заказ № 3558.

1-я Образцовая типография Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига», Москва, Валовая, 28.

152

266426/20

ЦГПБ

им. Н. А. Некрасова

2 000000 461472

PLATE 23